DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Koni, Anatolii Fedorovich
Na zhiznennom puti

А. Ѳ. КОНИ.

НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ЖИТЕЙСКІЯ ВСТРѢЧИ.

ВЪ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТѢ.

МОСКВА.
1916.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ
МОСКВА — 1916.

923.447
K82N
t. 2

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

ЧУПРОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРОГО ТОМА.

Изъ воспоминаній.

Стр.

I. Левъ Николаевичъ Толстой 9
II. По поводу драматическихъ произведеній Толстого . . . 62
III. Тургеневъ. — Достоевскій. — Некрасовъ. — Апухтинъ. — Писемскій.—Языковъ. 82
IV. Александръ Ивановичъ Чупровъ. 146
V. Василій Осиповичъ Ключевскій 178
VI. «Вѣстникъ Европы 201
VII. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ 242
VIII. Пятдесятъ лѣтъ назадъ: 265

Житейскія встрѣчи.

I. Синьоръ Бѣляевъ 303
II. Остенде—Парижъ (1869—1873 гг.) 320
III. Въ дорогѣ.—Гимназическія воспоминанія 340
IV. Домочадцы 363

Въ Верхней Палатѣ.

I. О Старообрядческихъ общинахъ 397
II. О переходѣ изъ одного исповѣданія вѣры въ другое . . 420
III. Объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ оставленіемъ духовнаго сана 445
IV. Попечительства о народной трезвости и питейная торговля 463

Стр.
V. Объ упраздненіи тотализатора 512
VI. Народный университетъ Шанявскаго. 522
VII. Къ законопроекту объ авторскомъ правѣ. 541
VIII. Объ условномъ досрочномъ освобожденіи. 565
IX. Объ отмѣнѣ существующаго обряда преданія суду. . . . 581
X. Объ отмѣнѣ прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ. 617
XI. Разрѣшеніе объяснять присяжнымъ засѣдателямъ угрожающее подсудимому наказаніе 622
XII. Увеличеніе содержанія судебнымъ чинамъ 633
XIII. Мѣстный судъ. 640
XIV. Уравненіе наслѣдственныхъ правъ женщинъ. 651
XV. О допущеніи женщинъ въ адвокатуру 664
XVI. Личныя права замужнихъ женщинъ 683
XVII. Общеимперское законодательство для Финляндіи 689
XVIII. Запросъ предсѣдателю Совѣта Министровъ о примѣненіи 87 ст. Законовъ Основныхъ 702
XIX. Порядокъ преслѣдованія по преступленіямъ должности . 711
XX. О допущеніи воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ университетъ 719

Цитаты на латинскомъ и иностранныхъ языкахъ 730

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Левъ Николаевичъ Толстой.

(Напечатано въ 1907 году).

I.

Большинство путешественниковъ, посѣщавшихъ Швейцарію, конечно знаютъ высокую гору на озерѣ Четырехъ Кантоновъ, съ которой, на высотѣ 6.000 футовъ, открывается удивительный видъ на лежащую внизу равнину, изрѣзанную желѣзными дорогами, — на поэтическій Люцернъ, — на зеленовато-голубыя озера, обрамленныя гордыми скалами, и на цѣпь Альпъ Бернскаго Оберланда. Величественнымъ блистаньемъ ихъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ при восходѣ солнца ѣздятъ спеціально любоваться, проводя для этого ночь на вершинѣ Риги, въ гостиницахъ, устроенныхъ на площадкѣ, именуемой Риги-Кульмъ.

Раннее утро и холодный воздухъ большой горной высоты заставляютъ обыкновенно всѣхъ ежиться и кутаться, быть хмурыми и скупиться на слова, покуда внезапно брызнувшіе лучи восходящаго солнца не заблистаютъ на алмазныхъ коронахъ окружающихъ гигантовъ и не вызовутъ выраженій общаго и шумнаго восхищенія. Не разъ наслаждался этой незабываемой

картиной и я, ожидая, среди собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта туристовъ, торжественнаго момента, когда надъ сгустившимся въ долинахъ и ущельяхъ туманомъ и предразсвѣтными тѣнями весело загорятся и заблистаютъ снѣжныя выси. У всѣхъ въ это время на устахъ, да, вѣроятно, и на умѣ бывало одно и то же, потому что надъ всѣмъ личнымъ господствовала одна общая мысль о томъ, что должно вотъ-вотъ произойти... Но когда я посѣтилъ Риги-Кульмъ въ послѣдній разъ лѣтомъ, въ началѣ прошлаго десятилѣтія, произошло нѣчто необычное. Собравшіеся въ очень раннее утро на вершинѣ обмѣнивались оживленными вопросами и замѣчаніями, въ которыхъ сквозила несомнѣнная тревога по поводу чего-то, что должно было неминуемо, къ общей печали, свершиться. Это *что-то*—было напечатанное въ вечернихъ газетахъ извѣстіе, что Левъ Николаевичъ Толстой, бывшій въ это время тяжко боленъ, находится въ безнадежномъ состояніи, и что ежечасно надо ожидать его кончины. И люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ странъ,—нѣмцы, англичане, испанцы и, въ особенности, американцы были удручены однимъ и тѣмъ же. Ихъ, предъ восходомъ вѣковѣчнаго свѣтила, тревожила мысль о томъ, что быть-можетъ, въ это время уже закатилось духовное свѣтило, лучами котораго столь многіе, чуждые ему по языку и по племени, надѣялись освѣтить запросы неудовлетворенной души и смущеннаго сердца. И послѣ великолѣпнаго зрѣлища,—заставившаго нѣкоторыхъ, безъ сомнѣнія, почувствовать то, что чувствовалъ Кантъ, созерцая звѣздное небо, — за раннимъ завтракомъ продолжались разговоры о Толстомъ, при чемъ, узнавъ, что я русскій (и на этотъ разъ единственный въ отелѣ), многіе обращались ко мнѣ съ вопросами о томъ, знаю ли я его лично, и можно ли вѣрить газетному извѣстію, — и далеко не одно простое любопытство слышалось въ ихъ словахъ.

Судьба, обыкновенно жестоко лишающая нашу родину выдающихся ея сыновъ въ самомъ расцвѣтѣ ихъ силъ, едва они успѣютъ расправить свои крылья во всю мѣру своихъ способностей, на этотъ разъ была необычайно милостива и сохранила намъ Толстого еще на нѣсколько лѣтъ. Приближается восьмидесятилѣтіе его жизни, и онъ еще творитъ, какъ бы оправдывая могущій

быть примѣненнымъ къ нему стихъ покойнаго Жемчужникова:

Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Душевныхъ силъ запасъ великъ!

Къ этому дню, отъ предполагавшагося юбилейнаго чествованія котораго онъ отказался по такимъ трогательнымъ, глубокимъ и задушевнымъ основаніямъ, появится множество статей съ оцѣнкой творчества и дѣятельности, личности и значенія «великаго писателя земли русской». Представить вѣрную и подробную его характеристику, какъ писателя и дѣятеля, однако, очень трудно. Онъ еще живетъ среди насъ, онъ слишкомъ еще вплетенъ своими твореніями въ нашу ежедневную дѣйствительность, чтобы можно было говорить о немъ вполнѣ объективно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство русскихъ развитыхъ людей — не ослѣпленныхъ безсильной по отношенію къ нему злобой и умышленнымъ непониманіемъ — можетъ сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: «сей старецъ дорогъ намъ, онъ блещетъ средь народа...» и потому трудно говорить о немъ совершенно безпристрастно.

Вотъ почему простыя воспоминанія о встрѣчахъ съ нимъ могутъ оказаться болѣе своевременными, давая посильный матеріалъ для будущаго историка и критика. Этотъ матеріалъ будетъ представлять собою нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ кусочковъ мозаики, самихъ по себѣ не имѣющихъ цѣны, но въ своей совокупности, въ рукахъ искуснаго мастера, дающихъ возможность создать цѣльную, продуманную и гармоническую картину. Желая дать нѣсколько такихъ кусочковъ, я рѣшился записать настоящія свои воспоминанія о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Львомъ Николаевичемъ. Но прежде, чѣмъ обратиться къ нимъ, мнѣ хочется сказать два-три слова о томъ взглядѣ на Толстого, который предшествовалъ нашему личному знакомству, двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, и остался у меня неизмѣннымъ до сихъ поръ.

Соединеніе глубины проницательнаго наблюденія съ высокимъ даромъ художественнаго творчества отражается во всѣхъ произведеніяхъ Толстого и даетъ рядъ незабываемыхъ типическихъ образовъ. Будучи вполнѣ *національнымъ* писателемъ по

мастерскому умѣнію освѣщать бытовыя явленія народной жизни,—давая, какъ никто до него, понимать ихъ внутренній смыслъ и значеніе, онъ въ то же время былъ всегда и прежде всего вдумчивымъ изслѣдователемъ человѣческой души *вообще*, независимо отъ условій мѣста и времени. Его сочиненія—это цѣлыя эпопеи, въ которыхъ индивидуальная жизнь его героевъ сплетается съ жизнью и движеніями массы. Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на его «Севастопольскіе разсказы» и на его удивительную по замыслу и исполненію «Войну и миръ», въ которыхъ индивидуальное и общественное начала идутъ рядомъ, взаимно дополняя и освѣщая другъ друга. Глубокая наблюдательность Толстого — которую отнюдь не надо смѣшивать съ острой проникновенностью психологическаго анализа Достоевскаго — даетъ ему возможность въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ жизни и въ дѣйствіяхъ самыхъ разнородныхъ людей подмѣтить и изобразить стороны или черты, ускользающія во вседневной жизни отъ взора читателя. И послѣдній остается пораженнымъ ихъ знаменательною правдивостью, иногда впервые увидавъ воплощеннымъ въ яркихъ художественныхъ образахъ то, что онъ много разъ на своемъ вѣку *видѣлъ*, но никогда сознательно не *замѣчалъ*.

На всѣ человѣческія отношенія отозвался Толстой, — и что бы онъ ни изображалъ, — вездѣ и во всемъ звучитъ голосъ неотразимой житейской правды. Онъ самъ, въ одной изъ первыхъ повѣстей своихъ, развертывая яркую картину одновременнаго проявленія въ группѣ людей, призванныхъ на защиту Севастополя, высокихъ порывовъ человѣческаго духа и низменныхъ сторонъ человѣческой природы, опредѣлилъ задачу и основное свойство своего творчества. «Тяжелое раздумье одолѣваетъ меня, — говоритъ онъ — можетъ, не надо было говорить этого, можетъ быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобъ не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, которое не надо взбалтывать, чтобы не испортить его. Гдѣ въ моей повѣсти выраженіе зла, котораго надо избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно

подражать? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны. Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго стараюсь воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — *правда*».

Но не одному *изображенію правды* посвятилъ Толстой свой могучій талантъ. Онъ — даже въ ущербъ интересамъ литературы и объему своего художественнаго творчества — отдался *исканію правды*. Эта вторая сторона его дѣятельности не менѣе значительна, чѣмъ первая. Безтрепетною рукою всегда стремился онъ — въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, сказкахъ, разсказахъ и повѣстяхъ, въ своихъ философскихъ и этико-политическихъ сочиненіяхъ — снять обманчивые и заманчивые покровы съ житейской и общественной лжи, въ чемъ бы эта ложь ни проявлялась—въ теоріяхъ и практикѣ, въ традиціяхъ и учрежденіяхъ, въ обычаяхъ и законахъ, въ условной морали и безусловномъ насиліи. Взывая къ *внутреннему человѣку*, призывая его «совлечь съ себя ветхаго Адама», онъ страстными и убѣжденными страницами стремится доказать, что «царство Божіе» зиждется на вѣчныхъ потребностяхъ и запросахъ человѣческой души, независимо и даже вопреки тѣмъ условіямъ, въ которыя хочетъ ихъ поставить извратившееся въ своихъ стремленіяхъ человѣческое общежитіе. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми отдѣльными его положеніями или сильно сомнѣваться въ возможности ихъ цѣлесообразнаго осуществленія на практикѣ, но нельзя не отнестись съ горячимъ уваженіемъ къ писателю, который не удовлетворяется заслуженною славой великаго художника, а стремится всею силою своего таланта служить разрѣшенію назрѣвающихъ вопросовъ жизни, во имя и съ цѣлью уменьшенія страданій и господства дѣйствительной, а не формальной только справедливости.

Ко всѣмъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью или возникающимъ въ глубинѣ души, начиная съ вопроса о семьѣ и воспитаніи и кончая отношеніемъ къ смерти, Толстой подходитъ съ глубокой вѣрой въ нравственную отвѣтственность человѣка предъ Пославшимъ его въ міръ, съ убѣжденнымъ словомъ о необходимости духовнаго самоусовершенствованія, независимо отъ поли-

тическихъ формъ, среди которыхъ приходится жить. Онъ будитъ совѣсть, ставя ее — и ее одну — верховнымъ судьей жизни, побужденій и дѣятельности человѣка. Что бы ни писалъ Толстой — онъ обращается къ голосу, живущему въ тайникахъ человѣческой души, и, дѣйствуя страстнымъ словомъ или яркими образами, блещущими правдивостью, заставляетъ этотъ голосъ звучать настойчиво и долго. Этимъ, конечно, объясняется популярность его имени и трудовъ далеко за границами Россіи и то вниманіе, которое возбуждаетъ въ себѣ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ каждое его, даже незначительное по объему, произведеніе.

II.

Въ ясное теплое утро 6-го іюня 1887 года я сѣлъ на станціи Ясенки, Московско-Курской желѣзной дороги, въ присланную за мною рессорную телѣжку и направился въ Ясную Поляну. Я ѣхалъ туда по любезному и настойчивому приглашенію Александра Михайловича Кузминскаго, который, будучи женатъ на сестрѣ графини Толстой, Татьянѣ Андреевнѣ Берсъ (авторшѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ разсказовъ изъ народнаго быта), жилъ въ тѣ годы каждое лѣто въ Ясной Полянѣ. Онъ былъ моимъ преемникомъ по званію предсѣдателя петербургскаго Окружного Суда, и у него въ домѣ я слышалъ удивительное чтеніе А. А. Стаховичемъ-отцомъ «Власти тьмы», чтеніе, всецѣло захватившее присутствовавшихъ и взволновавшее собравшееся свѣтское общество изображеніемъ глубокой драмы въ средѣ, гдѣ предполагалось, на взглядъ поверхностнаго наблюдателя, все простымъ, несложнымъ и грубо-обыденнымъ. Тамъ же пришлось уже мнѣ самому читать по рукописи «Крейцерову сонату» — и иногда останавливаться отъ внутренняго волненія, сообщавшагося и слушателямъ этого удивительнаго произведенія, съ которымъ слѣдовало бы настоятельно знакомить всѣхъ молодыхъ людей, вступающихъ въ жизнь.

Есть произведенія, оказывающія властное вліяніе на все міросозерцаніе, когда они своевременно воспринимаются моло-

дою душой. Если вѣрно замѣчаніе, что въ смыслѣ характера «дитя есть отецъ взрослаго», то въ смыслѣ политическихъ и общественныхъ идеаловъ очень часто юноша — отецъ будущаго дѣятеля. Не даромъ великій нѣмецкій поэтъ напоминаетъ юношѣ о необходимости, ставъ взрослымъ мужемъ, относиться съ уваженіемъ къ «снамъ своей молодости», а Гоголь восклицаетъ: «забирайте съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ!»

Такою книгою въ годы моей ранней молодости было превосходное произведеніе Лабулэ: «Парижъ въ Америкѣ», содержащее въ себѣ, въ увлекательномъ изложеніи и отчасти въ фантастической формѣ, цѣлый катехизисъ политической, общественной и даже, во многихъ отношеніяхъ, частной жизни. Такимъ можетъ и долженъ являться разсказъ Позднышева, способный установить чистый и облагородить уже установившійся взглядъ на отношенія къ женщинѣ и въ то же время заставить молодого человѣка очень и очень призадуматься предъ бракомъ, заключаемымъ у насъ столь часто съ легкомысленною поспѣшностью при полномъ, подъ вліяніемъ плохо прикрытой чувственности, забвеніи о налагаемыхъ имъ нравственныхъ обязанностяхъ по отношенію къ создаваемой «на скорую руку» семьѣ.

Чувство смущенія и нѣкоторой досады на себя владѣло мною, покуда я ѣхалъ среди милыхъ картинъ средне-русской природы. Я зналъ, что увижу Льва Толстого, — и не мелькомъ только, какъ было въ 1863 г. въ Москвѣ, въ гимнастическомъ заведеніи на Большой Дмитровкѣ, — проживу подъ одной съ нимъ кровлей два или три дня и узнаю его ближе, — и эта-то именно неизбѣжность короткаго знакомства и вызывала во мнѣ нѣкоторое недовольство на свою поспѣшную готовность откликнуться на приглашеніе въ Ясную Поляну. Я по опыту зналъ, что знаменитыхъ или вообще пользующихся извѣстностью людей лучше знать издали и рисовать себѣ ихъ такими, какими они кажутся по своимъ дѣяніямъ и писаніямъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ не разъ приходилось убѣждаться, что «тьмы низкихъ истинъ намъ до-

роже насъ возвышающій обманъ». Конечно, каждый разъ въ такомъ случаѣ приходилось легко находить широкія «смягчающія обстоятельства», но я предпочелъ бы не видѣть такихъ сторонъ въ жизни и личныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, которыя шли въ разрѣзъ съ составившимся о нихъ отвлеченнымъ, восторженнымъ или умиленнымъ представленіемъ. Вотъ и теперь, думалось мнѣ, я увижу человѣка, предъ глубиной таланта, предъ искренностью и глубокой наблюдательностью котораго я издавна привыкъ преклоняться, и, быть-можетъ, и даже весьма вѣроятно, увезу съ собою другой образъ со столь часто встрѣченными мною въ другихъ отталкивающими чертами самолюбованія, недоброжелательнаго отношенія къ товарищамъ по оружію и фанатической нетерпимости къ чужимъ убѣжденіямъ. Особенно въ послѣднемъ отношеніи тревожила меня встрѣча съ Толстымъ. Его мнѣ часто рисовали ярымъ спорщикомъ и человѣкомъ, не допускавшимъ несогласія со своими этическими или религіозными взглядами, а я не люблю спорить, давно уже раздѣливъ убѣжденіе, что мнѣнія людей, создавшіяся самостоятельно, похожи на гвозди: чѣмъ сильнѣе по нимъ бить, тѣмъ глубже они входятъ. Соглашаться же безусловно и быть лишь почтительнымъ слушателемъ мнѣ не хотѣлось.

Проѣхавъ сквозь обветшалую каменную ограду въѣзда въ Ясную Поляну, я остановился у флигеля, въ которомъ жилъ А. М. Кузминскій. Было еще очень рано. Лишь черезъ часъ пришелъ мой гостепріимный хозяинъ и увелъ меня на длинную прогулку, а затѣмъ, уже въ десятомъ часу, всѣ обитатели Ясной сошлись за чайнымъ столомъ на воздухѣ подъ развѣсистыми липами, и тутъ я познакомился со всѣми членами многочленныхъ семействъ Толстого и Кузминскаго. Во время общаго разговора кто-то сказалъ: «а вотъ и Левъ Николаевичъ!» Я быстро обернулся. Въ двухъ шагахъ стоялъ одѣтый въ сѣрую холщевую блузу, подпоясанную широкимъ ремнемъ, заложивъ одну руку за поясъ и держа въ другой жестяной чайникъ, Гомеръ русской «Иліады», творецъ «Войны и мира». Двѣ вещи бросились мнѣ прежде всего въ глаза: проницательный и какъ бы колющій взглядъ строгихъ сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось больше

пытливой справедливости, чѣмъ ласкающей доброты, — одновременный взглядъ судьи и мыслителя, — и необыкновенная опрятность и чистота его скромнаго и даже бѣднаго наряда, начиная съ какой-то свѣтло-коричневой «шапоньки» и кончая самодѣльными башмаками, облекавшими бѣлые носки. Толстой чрезвычайно просто привѣтствовалъ меня и, наливая себѣ въ чайникъ кипятокъ изъ самовара, тотчасъ же заговорилъ объ одномъ изъ дѣлъ, по которому я въ концѣ семидесятыхъ годовъ предсѣдательствовалъ и которое вызвало въ свое время много горячихъ споровъ и ожесточенныхъ толковъ. Его манера держать себя, лишенная всякой аффектаціи, и содержательность всего, что онъ говорилъ, въ связи съ искренностью тона, какъ-то сразу сняли между нами всѣ условныя и невольныя преграды, почти всегда сопровождающіе первое знакомство. Мнѣ почувствовалась, какъ будто мы давно уже знакомы и лишь встрѣтились послѣ продолжительной разлуки. Послѣ чаю мы пошли гулять втроемъ, но Толстого постоянно останавливали различныя лица изъ домашнихъ и изъ окрестныхъ жителей, такъ что въ первый день я могъ болѣе ознакомиться съ его обстановкой, чѣмъ съ нимъ самимъ.

Жизнь въ Ясной Полянѣ въ это время отличалась большой регулярностью, и, если можно такъ выразиться, разумнымъ однообразіемъ. Всѣ, и въ томъ числѣ Левъ Николаевичъ, вставали для деревни довольно поздно, около 9 часовъ утра. До 11 продолжалось питье чаю, иногда въ нѣсколько пріемовъ, въ виду того, что въ Ясной одновременно жили дѣти, молодежь, взрослые и старики. Въ 11 часовъ Левъ Николаевичъ шелъ къ себѣ, читалъ почту и газеты и принималъ посѣтителей, которые наѣзжали въ Ясную ежедневно. Одни приносили дѣйствительно измученное сердце, терзаемое какимъ-нибудь роковымъ вопросомъ, отвѣта на который они жадно ждали отъ Толстого; другіе, преимущественно иностранцы, — безкорыстное, но подчасъ назойливое любопытство; третьи — тщеславное намѣреніе имѣть основаніе похвастаться разговоромъ съ «великимъ писателемъ земли русской»; четвертые являлись просто просителями денежной помощи, представлявшими изъ себя цѣлую гамму отношеній

къ хозяину Ясной, начиная отъ застѣнчивой скромности и кончая напускною развязностью, иногда граничившею съ вымогательствомъ; пятые — корыстную любознательность репортеровъ и интервьюеровъ, которая сквозила въ «безпокойной ласковости» ихъ взгляда, какъ будто перелагавшаго, въ быстромъ соображеніи, каждую слышанную фразу или предметъ обстановки въ то или другое количество печатныхъ строчекъ. Толстой сносилъ ихъ всѣхъ безъ благодушной и услужливой чувствительности или безразличнаго сочувствія, но терпѣливо и, гдѣ нужно, съ серьезнымъ участіемъ, а жена его, Софья Андреевна, нерѣдко простирала на пріѣзжихъ свое хлѣбосольное гостепріимство. Къ часу всѣ собирались завтракать, и вслѣдъ затѣмъ Левъ Николаевичъ уходилъ къ себѣ, запирался и становился невидимъ для всѣхъ до пяти часовъ, когда онъ выходилъ пройтись по деревнѣ и по парку послѣ усиленнаго труда за письменнымъ столомъ. Въ 6 часовъ всѣ обѣдали сытно и вкусно, при чемъ хозяину подавались блюда растительной пищи. Полчаса послѣ обѣда проводилось на террасѣ, выходящей въ садъ, за питьемъ кофе и куреньемъ. Пріѣзжали знакомые изъ Тулы, приходили деревенскія дѣти, чтобы играть подъ руководствомъ дѣтей Льва Николаевича или бѣгать съ криками нескрываемаго восторга на гигантскихъ шагахъ. Левъ Николаевичъ слушалъ дѣтскій шумъ и хохотъ, обмѣнивался короткими фразами съ окружающими и... курилъ папиросу самодѣльной работы! Тогда онъ еще позволялъ себѣ эту «слабость». Послѣ 7 часовъ все общество поднималось и подъ его предводительствомъ совершало обширную, болѣе чѣмъ двухчасовую прогулку. Въ это время, то отставая отъ всѣхъ, то ихъ опережая, Левъ Николаевичъ велъ оживленную бесѣду съ кѣмъ-либо изъ гостей или разсказывалъ что-либо той манерой, о которой я скажу ниже. Около половины десятаго всѣ возвращались къ самовару, простоквашѣ и легкимъ закускамъ, и начиналась непринужденная общая бесѣда, иногда прерываемая желаніемъ послушать пѣніе молодежи, которая исполняла хоромъ цыганскія пѣсни или знакомила насъ съ мѣстными «частушками», вытѣсняющими, къ несчастію, старую русскую пѣсню. Левъ Николаевичъ весело улыбался, прислушиваясь къ тому, какъ молодые голоса

выводили: «Били-били въ барабанъ по всѣмъ городамъ», «Конфета моя леденистая, полюбила меня — молодца раменистаго», «Наше сердце не картошка — его не выбросишь въ окошко», «Дайте ножикъ, дайте вилку — я зарѣжу свово милку», «Стоитъ миленькій дружочекъ — съ выраженіемъ лица» и т. п. Около полуночи всѣ расходились.

Все это происходило въ обширномъ флигелѣ, уцѣлѣвшемъ отъ сгорѣвшаго когда-то большого дома. На всемъ виднѣлись слѣды былого прочнаго довольства и зажиточности. Но все — и обстановка, и стѣны, и двери, и лѣстницы — было сильно тронуто временемъ и, очевидно, давно не знало эстетическаго ремонта. Мебель была старая, хотя и довольно удобная, но въ небольшомъ количествѣ. Нигдѣ не было никакихъ признаковъ роскоши и чего-либо похожаго на разныя bibelots и petits-riens, которыми полны наши гостиныя, а развѣшанные безъ всякой симметріи по стѣнамъ портреты предковъ довольно угрюмо выглядывали изъ старыхъ и мѣстами облѣзлыхъ рамъ.

Когда въ первый вечеръ, простившись, я просилъ показать мнѣ дорогу во флигель, занимаемый Кузминскими, Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что я помѣщенъ на жительство въ его рабочей комнатѣ внизу, и пошелъ меня туда проводить. Это была обширная комната подъ сводами, раздѣленная невысокой перегородкой на двѣ неравныя части. Въ первой, большей, съ выходомъ на маленькую террасу и въ садъ, стояли шкапы съ книгами и висѣлъ, сколько мнѣ помнится, портретъ Шопенгауэра. Тутъ же, у стѣны, въ ящикѣ лежали орудія и матеріалы сапожнаго мастерства. Въ меньшей части комнаты находился большой письменный столъ, за которымъ были написаны въ свое время «Анна Каренина» и «Война и миръ». У полокъ съ книгами въ этой части комнаты для меня была поставлена кровать. Здѣсь въ теченіе дня работалъ Левъ Николаевичъ. Приведя меня въ эту комнату, онъ надъ чѣмъ-то копошился въ большей ея части, покуда я раздѣлся и легъ, а затѣмъ вошелъ ко мнѣ проститься. Но тутъ между нами началась одна изъ тѣхъ типическихъ русскихъ бесѣдъ, которыя съ особенной любовью ведутся въ передней при уходѣ или на краешкѣ постели. Такъ

поступилъ и Толстой. Сѣлъ на краешекъ, началъ задушевный разговоръ — и обдалъ меня сіяніемъ свой душевной силы.

Съ тѣхъ поръ всѣ дни моего пребыванія въ Ясной проводились и оканчивались описаннымъ образомъ. Иногда, простившись со мною, Толстой уходилъ за перегородку и тамъ что-нибудь разбиралъ, вновь начиная разговоръ, но, затронутый или заинтересованный какимъ-либо моимъ отвѣтомъ, снова входилъ въ мое отдѣленіе, и прерванная бесѣда возобновлялась. Одинъ изъ такихъ случаевъ остался у меня въ памяти. — «А какого вы мнѣнія о Некрасовѣ?» — спросилъ онъ меня изъ-за перегородки, что-то передвигая. Я отвѣчалъ, что ставлю высоко лирическія произведенія Некрасова и считаю, что онъ принесъ огромную пользу русскому молодому поколѣнію, родившемуся и воспитанному въ городахъ, тѣмъ, что, вмѣстѣ съ Тургеневымъ, научилъ его знать, цѣнить и любить русскую сельскую природу и простого русскаго человѣка, воспѣвъ ихъ въ берущихъ за душу стихахъ; что же касается до его личныхъ свойствъ, то я не вѣрю яростнымъ навѣтамъ на него и во всякомъ случаѣ считаю, что то, что онъ былъ игрокъ, еще не даетъ права ставить на его личности крестъ и называть его дурнымъ человѣкомъ. Онъ былъ, — продолжалъ я, — одержимъ страстью къ игрѣ, обратившейся, если угодно, въ порокъ, но *порочный* человѣкъ не всегда *дурной* человѣкъ. Нерѣдко, внѣ узкихъ рамокъ своей пагубной страсти, порочные люди являютъ такія стороны души, которыя многое искупаютъ. Наоборотъ, такъ называемые *хорошіе люди* подчасъ, при внѣшней безупречности, проявляютъ грубый эгоизмъ и безсердечіе. Жизненный опытъ даетъ частыя подтвержденія этому. Игроки нерѣдко бываютъ смѣлыми и великодушными людьми, чуждыми низменной скупости и черствой расчетливости; пьяницы часто отличаются, въ трезвомъ состояніи, истинною добротой. Не даромъ Достоевскій сказалъ, что въ Россіи добрые люди — почти всегда пьяные люди, и пьяные люди — всегда добрые люди. Наконецъ, исторія намъ оставила примѣры «явныхъ прелюбодѣевъ», проникнутыхъ глубокимъ человѣколюбіемъ и внѣ служенія своимъ страстямъ явившихъ образцы гражданской доблести и глубины мысли. Выслушавъ это мнѣніе, Толстой вышелъ изъ-за

перегородки со свѣтлымъ выраженіемъ лица, и, сѣвъ на «краешекъ», сказалъ мнѣ радостно: «Ну, вотъ, вотъ, и я это именно всегда думалъ и говорилъ, — это различіе необходимо дѣлать!» и между нами снова началась длинная бесѣда на эту тему съ приведеніемъ фактическихъ ссылокъ и доказательствъ въ подтвержденіе нашей общей мысли.

Меня, конечно, очень интересовало отношеніе Толстого къ крестьянамъ, про которое ходило столько разнообразныхъ и оригинальныхъ слуховъ. Какъ нарочно, предъ тѣмъ я совершилъ поѣздку по Россіи и видѣлъ нѣсколько типическихъ отношеній господъ къ мужику. Мнѣ пришлось быть въ имѣніи въ Малороссіи и наблюдать шутливо-ироническіе разговоры между тѣми и другими въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, за которыми, однако, не чувствовалось не только никакой теплоты и искренности, но, напротивъ, виднѣлось большое взаимное недовѣріе и отчужденіе, близкое къ ненависти. Я провелъ недѣлю въ помѣстьѣ средней руки въ срединѣ Россіи, гдѣ наблюдалъ фамильярно-заискивающее отношеніе помѣщика къ зажиточнымъ крестьянамъ-арендаторамъ и окружающимъ имѣніе однодворцамъ, при чемъ невольно бросалось въ глаза вынужденное установленіе и соблюденіе нѣкотораго равенства не во имя какого-либо общаго начала, а исключительно въ цѣляхъ выгодъ и удобства неотвратимаго сожительства. Я прожилъ нѣсколько дней въ великолѣпномъ громадномъ помѣстьѣ моего стараго сослуживца, въ черноземной полосѣ, и наблюдалъ то снисходительное и холодно-милостивое отношеніе къ крестьянамъ, въ которомъ виднѣлась полная обособленность двухъ міровъ — барскаго и мужичьяго, — напоминавшая тѣ отношенія, которыя, вѣроятно, существовали у медіатизированныхъ нѣмецкихъ принцевъ къ ихъ бывшимъ подданнымъ.

Ничего подобнаго я не нашелъ въ Ясной Полянѣ. Отношенія между семьею графа и сосѣдями были просты и естественны. Обитатели яснополянскаго дома были старыми и добрыми знакомыми, готовыми во всякое время притти на помощь въ болѣзни, несчастіи и недостачѣ, — лѣчить и совѣтовать, похлопотать и понять чужую скорбь. Все это, однако, совершалось безъ заигрыванья и заискиванья и безъ холоднаго, брезгливаго исполненія

долга по отношенію къ «меньшему брату». Такимъ же характеромъ отличалось и обращеніе крестьянъ со Львомъ Николаевичемъ. Преувеличенные разсказы о кладкѣ печей, паханіи и т. п., дававшіе поводъ къ душевному иронизированью со стороны высокомѣрныхъ составителей фельетонныхъ очерковъ и статеекъ, сводились въ сущности къ тому, что въ лицѣ Толстого крестьяне могли видѣть не городского верхогляда и не деревенскаго лежебока, а человѣка, которому знакомы, по опыту, тяжелый трудъ и условія ихъ жизни. Въ ихъ глазахъ Толстой былъ не только участливый, но и свѣдущій человѣкъ. Не даромъ мнѣ разсказывали, какъ крестьяне въ своихъ отзывахъ про него говорили: «Это мужикъ умственный, хотя и баринъ». Въ одну изъ нашихъ прогулокъ, Толстой, описывая свое путешествіе съ богомольцами къ русскимъ обителямъ, кажется, въ Кіевъ или въ Оптину пустынь — при чемъ спутники считали его за *своего* и поэтому не стѣснялись его присутствіемъ — съ тонкимъ юморомъ разсказывалъ мнѣ про презрительные отзывы о «господишкахъ», которые ему приходилось слышать въ пути и на постоялыхъ дворахъ. Было несомнѣнно, что яснополянскіе крестьяне ни въ какомъ случаѣ не считали его однимъ изъ этихъ «господишекъ», а въ ихъ глазахъ онъ былъ по праву наслѣдованія и по личнымъ своимъ свойствамъ старшій, самый знающій и заслуживающій наибольшаго уваженія человѣкъ, называвшійся бариномъ лишь потому, что жилъ въ своемъ домѣ среди обширнаго помѣстья, а не въ избѣ, и что къ нему съ почтеніемъ относилось начальство и всякаго рода «господишки». Такой взглядъ на него былъ очевиденъ и сказывался въ рядѣ внѣшнихъ проявленій, когда онъ, гуляя со мною, вступалъ въ бесѣду съ крестьянами или заходилъ въ ихъ дома. Всюду встрѣчали его уваженіе и довѣріе и ни малѣйшаго слѣда угодливой почтительности и льстивой суетливости. Иногда въ бесѣдѣ крестьянъ съ нимъ звучали и задушевныя нотки.

Эти бесѣды припомнились мнѣ съ особенной яркостью нѣсколько лѣтъ спустя въ Москвѣ, когда мнѣ пришлось присутствовать при небольшомъ спорѣ Толстого по поводу смысла брака, какъ начала семейной жизни. Нахмуривъ брови, слушалъ онъ,

какъ при немъ одинъ изъ присутствующихъ говорилъ о *рискованномъ* бракѣ знакомой дѣвушки, вышедшей замужъ за человѣка «безъ положенія и средствъ». — «Да развѣ *это* нужно для семейнаго счастья? — спросилъ Толстой.—Конечно,—отвѣчалъ стоявшій на своемъ собесѣдникъ: — вы-то, Левъ Николаевичъ, считаете это вздоромъ, а жизнь показываетъ другое. Съ вашей стороны оно и понятно. Вы вѣдь и семейную жизнь готовы отрицать. Стоитъ припомнить вашу «Сонату Крейцера».—Толстой пожалъ плечами и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Я понимаю семейное счастье иначе и часто вспоминаю мой разговоръ въ Ясной Полянѣ, много лѣтъ назадъ, съ крестьяниномъ Гордѣемъ Дѣевымъ. — Что ты невеселъ, Гордѣй, о чемъ закручинился? — Горе у меня большое, Левъ Николаевичъ: жена моя померла. — Что жъ, молодая она у тебя была? — Нѣтъ, какой молодая, на много лѣтъ старше: не по своей волѣ женился. — Что жъ, работница была хорошая? — Какое! Хворая была. Лѣтъ десять съ печи не слѣзала. Ничего работать не могла. — Ну, такъ чтожъ? тебѣ, пожалуй, теперь легче станетъ.—Эхъ, батюшка, Левъ Николаевичъ, какъ можно легче! Прежде, бывало, приду въ какое ни на есть время въ избу съ работы или такъ просто — она съ печи на меня, бывало, посмотритъ да и спрашиваетъ: «Гордѣй, а Гордѣй! Да ты нынче ѣлъ ли?» А теперь уже этого никто не спроситъ...—Такъ вотъ какое чувство даетъ смыслъ и счастье семьѣ, а не «положеніе» — заключилъ Толстой.

Нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Ясной Полянѣ, прошли очень быстро, но до сихъ поръ, черезъ двадцать лѣтъ, составляютъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни. Конечно, все это время было для меня наполнено Толстымъ, общеніемъ съ нимъ, разговорами и радостью сознанія, что Богъ привелъ меня не только узнать вблизи возвышеннаго мыслителя и великаго писателя, но и на одну минуту не почувствовать, по отношенію къ нему, ни малѣйшаго житейскаго диссонанса, не уловить въ своей душѣ и тѣни какого-либо разочарованія или недоумѣнія. Все въ немъ было ясно, просто и вмѣстѣ съ тѣмъ величаво тѣмъ внутреннимъ величіемъ, которое сказывается не въ отдѣльныхъ словахъ или поступкахъ, а во всей повадкѣ че-

любѣка. По мѣрѣ знакомства съ нимъ чувствовалось, что и про него можно сказать то же, что было сказано о Пушкинѣ: «это— великое явленіе русской жизни», — отразившее въ себѣ всѣ лучшія стороны исторически сложившагося русскаго быта и русской духовной природы. Даже въ отрицаніи имъ началъ національности и современнаго экономическаго строя сказалась ширина и смѣлость русской натуры и свойственная ей, по выраженію Чичерина, безграничность въ смыслѣ отсутствія предѣловъ, полагаемыхъ опытомъ прошлаго и осторожностью предъ грядущимъ. Даже и пугавшая меня нетерпимость его къ чужимъ мнѣніямъ, о которой такъ много писали, оказалась на дѣлѣ лишь твердымъ высказываніемъ своего взгляда, облеченнымъ, по большей части, даже въ случаѣ серьезнаго разногласія, въ весьма деликатную форму.

Нѣсколько разъ во время нашихъ прогулокъ намъ приходилось говорить «о непротивленіи злу», которое его въ то время сильно занимало. Со свойственной ему красивой простотой онъ развивалъ свою великодушную и нравственно-заманчивую теорію и приводилъ извѣстный евангельскій текстъ. Я шутливо напоминалъ ему отвѣтъ графа Фалькенштейна (Іосифа II-го) на вопросъ герцогини Роганъ о томъ, какъ нравится ему надвигавшаяся въ концѣ XVIII столѣтія во Франціи революція: «Madame, mon métier est d'être royaliste»—и говорилъ, что mon métier d'être juge лишаетъ меня возможности согласиться на непротивленіе тому, чему я противился и противлюсь двадцать пять лѣтъ моей жизни. Въ отвѣтъ на его ссылку на текстъ я приводилъ изгнаніе торжниковъ изъ храма и проклятіе смоковницы, а также слова Христа: «больше сія любви нѣсть, аще кто душу свою положитъ за други своя», при чемъ на церковно-славянскомъ языкѣ «положить душу» — значитъ пожертвовать жизнью, что невозможно безъ наличности борьбы, т.-е. противленія. Толстой мягко возражалъ, что въ связи съ призывомъ «не противиться» подразумѣвается слово «насиліемъ». Я приводилъ рѣзкіе примѣры изъ жизни, гдѣ насиліе неизбѣжно и необходимо, и гдѣ отсутствіе его угрожаетъ послѣдователю непротивленія возможностью сдѣлаться попустителемъ и даже пособникомъ злого дѣла.

Толстой не уступалъ и утверждалъ, что въ переводномъ (въ XVI в.) еврейскомъ текстѣ не говорится о вервіи, взятомъ Христомъ для изгнанія торжниковъ, а лишь о длинной тонкой вѣтви или хворостинѣ, которая была необходима для удаленія скота изъ храма, и что сказаніе о смоковницѣ, лишенное яснаго смысла, попало въ евангеліе по недоразумѣнію, вслѣдствіе какой-либо ошибки переписчика. На мои доводы изъ жизни онъ сказалъ мнѣ, что въ одномъ изъ вопіющихъ случаевъ, мною приводимыхъ, быть-можетъ, и онъ прибѣгъ бы къ насилію, по инстинктивному порыву на защиту своихъ ближнихъ, но что это было бы слабостью, которую съ нравственной точки зрѣнія нельзя оправдать. Каждый изъ насъ остался при своемъ, но во все время спора онъ не проявилъ никакого стремленія насиловать мои взгляды и навязывать мнѣ свое убѣжденіе. То же было и въ спорѣ о значеніи Пушкина, къ которому тогда онъ относился недружелюбно, хотя и признавалъ его великій талантъ. Онъ находилъ, что послѣдній былъ направленъ противъ народныхъ идеаловъ, и что Тютчевъ и Хомяковъ глубже и содержательнѣе Пушкина. И въ этомъ длинномъ спорѣ Левъ Николаевичъ былъ чрезвычайно объективенъ и, встрѣчая во мнѣ восторженнаго поклонника Пушкина, видимо, старался не огорчить меня какимъ-либо рѣзкимъ отзывомъ или суровымъ приговоромъ.

Вообще я не разъ имѣлъ случай убѣдиться и почувствовать, что Левъ Николаевичъ имѣетъ рѣдкій даръ «de faire connaître l'hospitalité de la pensée» (дать почувствовать гостепріимство мысли), какъ выразился Альберъ Сорель въ своей академической рѣчи о Тэнѣ. Только разъ при мнѣ онъ отступилъ отъ своего спокойнаго и примирительнаго тона. Однажды въ саду, за послѣобѣденной бесѣдой, зашелъ разговоръ о томъ, что̀ самое тяжелое въ жизни. Указывали на роль слѣпого случая, который разбиваетъ всѣ планы и такъ часто въ корнѣ подрываетъ цѣлое существованіе. Одинъ изъ пріѣзжихъ случайныхъ гостей, изъ тѣхъ «добрыхъ малыхъ», у которыхъ слово иногда бѣжитъ впереди мысли, а не сопутствуетъ ей, сталъ утверждать, что всего больше ему было бы тяжело матеріальное измѣненіе его личнаго положенія въ родѣ внезапнаго разоренія или потери службы, сопряжен-

ныхъ съ непривычными для него лишеніями. Въ это время подошелъ Толстой и спросилъ, въ чемъ дѣло. «Случайность не должна имѣть значенія въ жизни, — сказалъ онъ: — надо жить самому, воспитывать дѣтей и приготовлять окружающую среду такъ, чтобы для случайности оставалось какъ можно менѣе мѣста. Для этого надо направлять всю жизнь къ уничтоженію въ ней понятія о несчастіи. Человѣкъ *обязанъ* быть счастливъ, какъ обязанъ быть чистоплотнымъ. Несчастье же состоитъ прежде всего въ невозможности удовлетворять своимъ потребностямъ. Поэтому, чѣмъ меньше потребностей у человѣка, тѣмъ меньше поводовъ быть несчастнымъ. Только когда человѣкъ сведетъ свои потребности къ минимуму необходимаго, онъ вырветъ жало у несчастія и обезвредитъ послѣднее, и тогда въ самомъ сознаніи, что имъ устранены условія несчастья, онъ почерпнетъ сознаніе счастья». Одинъ изъ собесѣдниковъ пробовалъ возражать, что эта теорія примѣнима лишь къ матеріальнымъ, а не къ духовнымъ потребностямъ, и что нельзя, напримѣръ, свести къ минимуму потребность любви матери къ своему ребенку, отнимаемому у нея безпощадною смертью. На это, вѣроятно, Толстой отвѣтилъ бы мыслями, высказанными имъ въ его чудномъ, вызывающемъ слезы умиленія, разсказѣ «Молитва». Но пріѣзжій, которому очень хотѣлось высказаться, снова овладѣлъ своей темой, наставительно сказавъ Толстому: — вамъ хорошо это проповѣдывать, когда вы не имѣете никакихъ потребностей, а каково привыкшему къ удобствамъ жизни? — повѣрьте, что спать на рогожѣ, привыкнувъ къ тонкому бѣлью, вовсе не составляетъ счастья. — Не надо пріучать себя къ тонкому бѣлью, — строго посмотрѣвъ, сказалъ Толстой, но собесѣдникъ не слушалъ его и продолжалъ: — вамъ хорошо, вы себя до того довели, что вамъ теперь непонятно, что значитъ, когда человѣку чего-нибудь недостаетъ. Вы себѣ устроили всякія лишенія, и больше вамъ для себя нечего придумать, вотъ вы и на другихъ хотите ихъ распространить. — Мнѣ еще многаго недостаетъ, — сказалъ сурово Толстой. — Вотъ отлично! Еще чего-то недостаетъ? Ну, чего же вамъ недостаетъ? Толстой молчалъ. — Ну, чего, чего? — продолжалъ приставать «добрый малый». Толстой вдругъ по-

краснѣлъ, въ глазахъ его вдругъ вспыхнулъ огонекъ, и онъ съ рѣзкою откровенностью объяснилъ, *чего* ему недостаетъ, чтобы достигнуть буддистскаго презрѣнія къ тѣлеснымъ удобствамъ и состраданія даже къ паразитнымъ насѣкомымъ... Наступило молчаніе, — онъ овладѣлъ собою и смягченнымъ голосомъ, какъ бы извиняясь за внезапную вспышку, замѣтилъ: — мы слишкомъ заботимся о своей внѣшней чистотѣ и холимъ нашу плоть, а я давно замѣтилъ, что тотъ, кто заботится о *своей* чистотѣ, обыкновенно небрежетъ о *чужой*... И онъ сталъ приводить примѣры изъ своихъ воспоминаній о томъ, какъ распускаютъ себя у насъ люди высшаго общества и ихъ подражатели изъ разныхъ выскочекъ, доводя себя до претензій крайней роскоши, граничащей съ развратомъ.

Мнѣ трудно припомнить всѣ наши разговоры и всѣ узоры той роскошной ткани мыслей, образовъ и чувствъ, которыми было полно все, что говорилъ Толстой. Во время долгихъ послѣобѣденныхъ прогулокъ, онъ обращался часто къ своимъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ, и тутъ мнѣ приходилось сравнивать технику его рѣчи съ техникой другихъ мастеровъ литературнаго слова, которыхъ мнѣ приходилось слышать въ жизни. Я помню Писемскаго. Онъ не говорилъ, а игралъ, изображая людей въ лицахъ, — жестомъ и голосомъ. Его разсказъ не былъ тонкимъ рисункомъ искуснаго мастера, а былъ декораціею, намалеванною твердою рукою и яркими красками. Совсѣмъ другою была рѣчь Тургенева съ его мягкимъ и какимъ-то бабьимъ голосомъ, высокія ноты котораго такъ мало шли къ его крупной фигурѣ. Это былъ искусно распланированный садъ, въ которомъ широкія перспективы и сочныя поляны англійскаго парка перемежались съ французскими замысловатыми стриженными аллеями, — въ которыхъ каждый поворотъ дороги и даже каждая тропинка являлись результатомъ цѣлесообразно направленной мысли. И опять иное впечатлѣніе производила рѣчь Гончарова, напоминавшая картины Рубенса, написанныя опытною въ своей работѣ рукою, сочными и густыми красками, съ одинаковою тщательностью изображающею и широкія очертанія цѣлаго и мелкія подробности частностей. Я не стану говорить ни про отрыви-

стую бранчивость Салтыкова, ни про сдержанную страстность Достоевскаго, ни про изысканную, поддѣльную простоту Лѣскова, потому что ни одинъ изъ нихъ не оставлялъ цѣльнаго впечатлѣнія и въ качествѣ разсказчика стоялъ далеко ниже автора написанныхъ имъ страницъ. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалось слово Толстого. За нимъ какъ бы чувствовалось біеніе сердца. Оно всегда было просто и поразительно точно по отношенію къ создаваемому имъ изображенію, чуждо всякихъ эффектовъ въ конструкціи и въ распредѣленіи отдѣльныхъ частей разсказа. Оно было хронологично и въ то же время сразу ставило слушателя на прямую и неуклонную дорогу къ развязкѣ разсказа, въ которой обыкновенно заключались его цѣль и его внутренній смыслъ. Разсказы Толстого почти всегда начинались съ какого-нибудь общаго положенія или афоризма и, отправляясь отъ него, какъ отъ истока, текли спокойною рѣкою, постепенно расширяясь и отражая въ своихъ прозрачныхъ струяхъ и высокое небо и глубокое дно...

Вспоминая общее впечатлѣніе отъ того, что говорилъ въ 1887 г. Левъ Николаевичъ, я могу возстановить въ памяти нѣкоторыя его мысли по тѣмъ замѣткамъ, которыя сохранились въ моемъ дневникѣ и потверждаются во многомъ послѣдующими его письмами. Многое изъ этого, въ переработанномъ видѣ, вошло, конечно, въ его позднѣйшія произведенія, но мнѣ хочется привести кое-что изъ этого въ томъ именно видѣ, въ которомъ оно первоначально выливалось изъ устъ Льва Николаевича. «Въ каждомъ литературномъ произведеніи — говорилъ онъ — надо отличать три элемента. Самый главный — это содержаніе, затѣмъ любовь автора къ своему предмету и, наконецъ, техника. Только гармонія содержанія и любви даетъ полноту произведенію, и тогда обыкновенно третій элементъ—техника — достигаетъ извѣстнаго совершенства самъ собою. У Тургенева въ сущности немного содержанія въ произведеніяхъ, но большая любовь къ своему предмету и великолѣпная техника. Наоборотъ, у Достоевскаго огромное содержаніе, но никакой техники, а у Некрасова есть содержаніе и техника, но нѣтъ элемента дѣйствительной любви.

. . . . . .

У современной критики (конецъ восьмидесятыхъ годовъ) писателю нечему научиться, такъ какъ она почти вовсе не касается содержанія, а оцѣниваетъ технику, тогда какъ задача критики — найти и показать въ произведеніи лучъ свѣта, безъ котораго оно ничто. Надо писать pour le gros du public. Судъ такихъ читателей и любовь ихъ есть настоящая награда писателю, и вкусъ большой публики никогда не ошибается, несмотря на замалчиваніе того или другого произведенія критикой. Такая публика ищетъ нравственнаго поученія въ произведеніи, какъ бы рискованно ни было его содержаніе, т.-е. какъ бы откровенно ни говорилось въ немъ о томъ, о чемъ вообще принято лицемѣрно умалчивать. Наоборотъ, сатира и иронія не найдутъ себѣ отклика въ массѣ. Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить и понять Салтыкова-Щедрина, нужно принадлежать къ особому кругу читателей, печень которыхъ увеличена отъ постояннаго раздраженія, какъ у страсбургскаго гуся.

. . . . . .

Языкъ большей части русскихъ писателей страдаетъ массою лишнихъ словъ или дѣланностью. Встрѣчаются, напримѣръ, такія выраженія, какъ «взошелъ мѣсяцъ, блѣдный и огромный» — что противорѣчитъ дѣйствительности, или — «сжатые зубы виднѣлись сквозь открытыя губы». Это свойство особенно замѣтно у женщинъ-писательницъ. Чѣмъ онѣ бездарнѣй, тѣмъ онѣ болтливѣй. Прочитавъ иногда нѣсколько страницъ такой болтовни, хочется сказать: молчала бы ты лучше, а то вотъ теперь всѣ узнаютъ, какая ты умница! Настоящій учитель литературнаго языка — Диккенсъ. Онъ умѣлъ всегда ставить себя на мѣсто изображаемыхъ лицъ и ясно представить себѣ, какимъ языкомъ каждое изъ нихъ должно говорить.

. . . . . .

Природа лучше человѣка. Въ ней нѣтъ раздвоенія, она всегда послѣдовательна. Ее слѣдуетъ вездѣ любить, ибо она вездѣ прекрасна, и вездѣ и всегда трудится. Тургеневъ разсказывалъ, что охотясь, онъ проводилъ иногда на опушкѣ лѣса цѣлую ночь безъ сна, прислушиваясь къ тому, какъ природа работаетъ ночью. И ему казалось, что она тяжело дышитъ и по

временамъ въ своемъ творческомъ трудѣ говоритъ: уфъ! уфъ!— Самарскія степи, напримѣръ, днемъ, подъ палящимъ солнцемъ, однообразны и могутъ наскучить. Но какая прелесть ночью, когда земля дышитъ полною грудью, а надъ нею раскинутъ необъятный куполъ неба, и къ нему несутся съ земли нѣжные звуки, издаваемые жабами... Человѣкъ, однако, все умѣетъ испортить, и Руссо вполнѣ правъ, когда говоритъ, что все, что вышло изъ рукъ Творца — прекрасно, а все, что изъ рукъ человѣка — негодно. Въ человѣкѣ вообще нѣтъ цѣльности. Онъ роковымъ образомъ осужденъ на раздвоеніе: если въ немъ побѣждаетъ скотъ, то это нравственная смерть; если побѣждаетъ человѣчное въ лучшемъ смыслѣ слова, то эта побѣда часто сопровождается такимъ презрѣніемъ къ самому себѣ и отчаяніемъ за другихъ, что почти неизбѣжна смерть, и при томъ очень часто отъ собственной руки. Но бояться смерти не надо. Надо о ней думать, какъ можно чаще: это облагораживаетъ человѣка и часто удерживаетъ его отъ паденія. Но большинство смотритъ не такъ. Обыкновенно, когда человѣкъ подымается надъ плоскостью обыденной жизни, онъ ясно видитъ съ этой высоты вдали бездну смерти. Напуганный этимъ, онъ тотчасъ опускается въ житейскую пошлость, — старается занять такое положеніе, чтобы не видѣть этой бездны, и готовъ сидѣть все время на корточкахъ, только бы забыть о ней. А вѣдь въ сущности труднѣе понять, какъ *можно жить*, чѣмъ какъ *можно умереть*. То, что дается опытомъ жизни, чувствуется, но рѣдко можетъ быть доказано. Поэтому старые люди часто замыкаются въ себѣ и уединяются. Но это не потому, что имъ нечего сказать, а потому, что молодость, которая не имѣетъ чувства опыта, ихъ не понимаетъ.

. . . . . .

У насъ легко раздаютъ титулъ добрыхъ людей и любятъ замалчивать ужасныя общественныя явленія послѣ того, какъ они перестали существовать, какъ будто они не могутъ повториться, только въ другой формѣ. Такъ у насъ началось замалчиванье крѣпостного права и его ужасовъ, какъ только крестьяне были освобождены. И люди и отношенія были покрыты забвеніемъ. Я зналъ, напримѣръ, одного вице-губернатора, пользовавшагося

всеобщею любовью и считаемаго очень добрымъ. Онъ прекрасно вышивалъ шелками по канвѣ и былъ «душою общества», а между тѣмъ за нимъ считалось нѣсколько засѣченныхъ на смерть крестьянъ. Вообще человѣческая жестокость часто только лишь мѣняетъ формы или внезапно проявляется тамъ, гдѣ ея никакъ нельзя было ожидать. Въ концѣ 70-хъ годовъ одинъ очень крупный сановникъ, слывшій когда-то либераломъ и затѣмъ, очевидно, въ этомъ раскаявшійся, пріѣхавъ въ Ясную Поляну, сталъ доказывать желательность возстановленія тѣлесныхъ наказаній потому, что содержаніе подъ стражей слишкомъ дорого стоитъ государству, а такъ какъ нѣкоторые весьма искусно устраиваютъ побѣги, то для предупрежденія послѣднихъ можно было бы арестантовъ, обвиненныхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, лишать какимъ-либо искусственнымъ и безболѣзненнымъ образомъ зрѣнія, что сдѣлало бы ихъ навсегда безвредными. «Я его, — прибавилъ, окончивъ этотъ разсказъ, Толстой, — попросилъ больше меня не посѣщать».

. . . . . .

Среди нашихъ бесѣдъ о религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ мнѣ приходилось не разъ обращаться къ моимъ судебнымъ воспоминаніямъ и разсказывать Толстому, какъ нерѣдко я видѣлъ на практикѣ осуществленіе справедливости мнѣнія о томъ, что почти всякое прегрѣшеніе противъ нравственнаго закона наказывается еще въ этой жизни на землѣ. Между этими воспоминаніями находилось одно, которому суждено было оставить нѣкоторый слѣдъ въ творческой дѣятельности Льва Николаевича.

Когда я былъ прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, ко мнѣ въ камеру однажды пришелъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ и безпокойными, горящими глазами, обличавшими внутреннюю тревогу. Его одежда и манеры изобличали человѣка, привыкшаго вращаться въ высшихъ слояхъ общества. Онъ, однако, съ трудомъ владѣлъ собою и горячо высказалъ мнѣ жалобу на товарища прокурора, завѣдывавшаго тюремными помѣщеніями и отказавшаго ему въ передачѣ письма арестанткѣ, по имени Розаліи, безъ предварительнаго его прочтенія. Я объяснилъ ему,

что таково требованіе тюремнаго устава, и отступленіе отъ него не представляется возможнымъ, ибо составило бы привилегію однимъ, въ ущербъ другимъ. «Тогда прочтите вы, — сказалъ онъ мнѣ, волнуясь — и прикажите передать письмо Розаліи». Это была чухонка-проститутка, судившаяся съ присяжными за кражу у пьянаго «гостя» ста рублей, спрятанныхъ затѣмъ ея хозяйкой — вдовой маіора, содержавшей домъ терпимости самаго низшаго разбора въ переулкѣ возлѣ Сѣнной, гдѣ сеансъ животной любви оцѣнивался чуть ли не въ 50 копеекъ. На судъ предстала молодая еще дѣвушка съ сиплымъ отъ пьянства и другихъ послѣдствій своей жизни голосомъ, съ едва замѣтными слѣдами былой миловидности и съ циническою откровенностью на всѣмъ доступныхъ устахъ. Защитникъ сказалъ банальную рѣчь, называя подсудимую «мотылькомъ, опалившимъ свои крылья на огнѣ порока», но присяжные не вняли ему, и судъ приговорилъ ее на 4 мѣсяца тюремнаго заключенія. «Хорошо, сказалъ я пришедшему — я даже не буду читать вашего письма. Скажите мнѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, о чемъ вы пишете? — Я прошу ея руки и надѣюсь, что она приметъ мое предложеніе, такъ что мы можемъ скоро и перевѣнчаться. — Нѣтъ, этого не можетъ быть такъ скоро, ибо ей придется высидѣть весь свой срокъ, и браки съ содержащимися въ тюрьмѣ разрѣшаются тюремнымъ начальствомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда одинъ изъ брачущихся долженъ оставить Петербургъ и быть сосланъ или высланъ на родину. Вы вѣдь дворянинъ? — Да, — отвѣтилъ онъ, и на дальнѣйшіе мои разспросы назвалъ мнѣ старую дворянскую фамилію изъ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи, объяснивъ, что кончилъ курсъ въ высшемъ привилегированномъ заведеніи и состоитъ при одномъ изъ Министерствъ, занимаясь въ то же время частными работами. — Вотъ видите, — сказалъ я: — послѣ вашего бракосочетанія Розалію пришлось бы перевести въ отдѣленіе привилегированныхъ по правамъ состоянія женщинъ, а что онѣ такое — вы сами можете себѣ представить. Между тѣмъ, тамъ, гдѣ она находится нынѣ, среди непривилегированныхъ арестантокъ, устроены превосходно организованныя работы и, къ окончанію срока, она будетъ знать какое-либо

ремесло, что при превратностяхъ судьбы ей можетъ пригодиться. При томъ же переводъ ея въ *господское* отдѣленіе неминуемо произвелъ бы дурное нравственное впечатлѣніе на содержащихся съ нею вмѣстѣ. Поэтому лучше было бы не настаивать на отступленіи въ данномъ случаѣ отъ общаго правила. Если она приметъ ваше предложеніе, я прикажу допустить васъ до свиданій съ нею безъ свидѣтелей и когда хотите». — Онъ передалъ мнѣ письмо и собирался уходить, когда я снова пригласилъ его присѣсть и, испросивъ его разрѣшенія говорить съ нимъ, какъ частный человѣкъ и откровенно, вступилъ съ нимъ въ слѣдующій разговоръ:—«Гдѣ вы познакомились съ Розаліей?—Я видѣлъ ее въ судѣ.—Чѣмъ же она васъ поразила? Наружностью?—Нѣтъ, я близорукъ и дурно ее разсмотрѣлъ. — Что же васъ побуждаетъ на ней жениться? Знаете ли вы ея прошлое? Не хотите ли прочесть дѣло о ней? — Я дѣло знаю: я былъ присяжнымъ засѣдателемъ по нему. — Думаете ли вы, выражаясь словами Некрасова, «извлекши ея падшую душу изъ мрака заблужденья», переродить ее и заставить ее забыть свое прошлое и его тяжелыя нравственныя условія? — Нѣтъ, я буду очень занятъ и, можетъ-быть, буду приходить домой только обѣдать и ночевать. — Считаете ли вы возможнымъ познакомить ее съ вашими ближайшими родными и ввести ее въ ихъ кругъ? — Мой собесѣдникъ покачалъ отрицательно головой. — Но въ такомъ случаѣ она будетъ въ полной праздности. Не боитесь вы, что прошлое возьметъ надъ нею силу, на этотъ разъ уже безъ нѣкотораго оправданія въ бѣдности и безпріютности? Что можетъ между вами быть общаго, разъ у васъ нѣтъ даже общихъ воспоминаній? Ваша семейная жизнь можетъ представить для васъ, при различіи вашего развитія и положенія, настоящій адъ, да и для нея не станетъ раемъ! Наконецъ, подумайте, какую мать вы дадите вашимъ дѣтямъ!» — Онъ всталъ и началъ ходить въ большомъ волненіи по моему служебному кабинету, дрожащими руками налилъ себѣ стаканъ воды, и, немного успокоившись, сказалъ отрывисто: — «Вы совершенно правы, но я все-таки женюсь. — Не лучше ли вамъ, — продолжалъ я — ближе узнать ее, устроить ей по выходѣ изъ тюрьмы благопріятныя условія жизни и воз-

можность честнаго заработка, а затѣмъ уже, увидѣвъ, что она сознала всю грязь своей прежней жизни и искренно вступила на другой путь, связать свою жизнь съ нею навсегда? Какъ бы не пришлось вамъ раскаиваться въ своемъ поспѣшномъ великодушіи и начать жалѣть о сдѣланномъ шагѣ! Вѣдь такое запоздалое сожалѣніе, безъ возможности исправить сдѣланное, составляетъ очень часто корень взаимнаго несчастія и озлобленія. Спасти погибающую въ рядахъ проституціи дѣвушку — дѣло высокое, но мнѣ не думается, чтобы женитьба была въ данномъ случаѣ единственнымъ средствомъ, и я боюсь, что приносимая вами жертва окажется безплодной или далеко превзойдетъ достигнутые ею результаты. Не лучше ли сначала приглядѣться къ той, о комъ мы говоримъ... Мнѣ въ качествѣ прокурора приходилось слышать въ этомъ самомъ кабинетѣ признанія и заявленія о совершающемся или имѣющемъ совершиться преступленіи, движущія побужденія къ которому иногда были вызваны именно жертвами, напрасными съ одной стороны, и непонятыми съ другой...» Мой собесѣдникъ очень задумался, молча и крѣпко пожалъ мнѣ руку и ушелъ. На другой день я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ благодарилъ меня за мой съ нимъ разговоръ, говоря, что, несмотря на то, что я, повидимому, немногимъ старше его, ему въ моихъ словахъ слышался голосъ любящаго отца, который совершенно правъ въ своихъ опасеніяхъ. Подтверждая, однако, свою твердую рѣшимость жениться, онъ просилъ меня, въ видѣ исключенія, все-таки оказать своимъ вліяніемъ содѣйствіе къ тому, чтобы тюремное начальство не препятствовало ему немедленно вѣнчаться съ Розаліей. Я не успѣлъ еще отвѣтить на это письмо, какъ поступилъ отвѣтъ Розаліи, переданный смотрителемъ тюрьмы, въ которомъ она безграмотными каракулями заявляла о своемъ согласіи вступить въ бракъ. А чрезъ день послѣ этого я получилъ отъ моего собесѣдника крайне рѣзкое и почти ругательное письмо, въ которомъ онъ критиковалъ мое, какъ онъ выражался, «вмѣшательство въ его личные планы». Не желая содѣйствовать несчастію, къ которому стремился этотъ нервно возбужденный человѣкъ, я, несмотря на это письмо, все-таки укло-

нился отъ участія въ осуществленіи его желанія и твердо отклонилъ оказанное на меня въ этомъ отношеніи давленіе со стороны дамскаго тюремнаго комитета и одной изъ великихъ княгинь, которую, повидимому, разжалобилъ мой собесѣдникъ романическою стороною своего намѣренія. Между тѣмъ наступилъ постъ, и вопросъ о немедленномъ бракѣ упалъ самъ собою. Мой собесѣдникъ сталъ видѣться довольно часто съ Розаліей, при чемъ въ первое же свиданіе она должна была ему объяснить, что вызвана изъ карцера, гдѣ содержалась за неистовую брань площадными словами, которою она осыпала заключенныхъ вмѣстѣ съ нею. Онъ возилъ ей разные предметы для приданаго: бѣлье, браслеты и матеріи. Она разсматривала это съ восторгомъ, и затѣмъ все принималось на храненіе въ цейхгаузѣ на ея имя. Въ концѣ поста Розалія заболѣла сыпнымъ тифомъ и умерла. Ея женихъ былъ видимо пораженъ извѣстіемъ объ этой смерти, когда явился на свиданіе, — и въ память Розаліи пожертвовалъ подготовленное для нея приданое въ пользу пріюта арестантскихъ дѣтей женскаго пола. Затѣмъ онъ сошелъ съ моего горизонта, и лишь черезъ много лѣтъ его фамилія промелькнула передо мной въ приказѣ о назначеніи вице-губернатора одной изъ внутреннихъ губерній Россіи. Но, быть-можетъ, это былъ и не онъ. . . . . .

Мѣсяца черезъ три послѣ этого, почтенная старушка-смотрительница женскаго отдѣленія тюрьмы разсказала мнѣ, что Розалія, будучи очень доброй дѣвушкой, ее полюбила и объяснила ей, почему этотъ господинъ хочетъ на ней жениться. Оказалось, что она была дочерью вдовца, арендатора въ одной изъ финляндскихъ губерній мызы, принадлежавшей богатой дамѣ въ Петербургѣ. Почувствовавъ себя больнымъ, отецъ ея отправился въ Петербургъ и, узнавъ на амбулаторномъ пріемѣ, что у него ракъ желудка и что жить остается недолго, пошелъ просить собственницу мызы не оставить его будущую круглую сироту-дочь. Это было обѣщано, и дѣвочка послѣ его смерти была взята въ домъ. Ее сначала наряжали, баловали и портили ей жалудокъ конфетами, но потомъ настали другія злобы дня, или она попросту надоѣла, и ее сдали въ дѣвичью, гдѣ она среди всякой челяди

и воспитывалась до шестнадцатилѣтняго возраста, покуда на нее не обратилъ вниманія только-что окончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ заведеній молодой человѣкъ— родственникъ хозяйки, впослѣдствіи женихъ тюремной сидѣлицы. Гостя у нея на дачѣ, онъ соблазнилъ несчастную дѣвочку, а когда сказались послѣдствія соблазна, возмущенная дама выгнала съ негодованіемъ вонъ... не родственника, какъ бы слѣдовало, а Розалію. Брошенная затѣмъ своимъ соблазнителемъ, она родила, сунула ребенка въ воспитательный домъ и стала спускаться со ступеньки на ступеньку, покуда, наконецъ, не очутилась въ притонѣ около Сѣнной. А молодой человѣкъ между тѣмъ, побывавъ на родинѣ, въ провинціи, переселился въ Петербургъ и тутъ вступилъ въ общую колею дѣловой и умственной жизни. И вотъ въ одинъ прекрасный день судьба послала ему быть присяжнымъ въ Окружномъ Судѣ, и въ несчастной проституткѣ, обвиняемой въ кражѣ, онъ узналъ жертву своей молодой и эгоистической страсти. Можно себѣ представить, что пережилъ онъ, прежде чѣмъ рѣшиться пожертвовать ей во искупленіе своего грѣха всѣмъ: свободой, именемъ и, быть-можетъ, какимъ-либо другимъ глубокимъ чувствомъ. Вотъ почему такъ настойчиво требовалъ онъ осуществленія того своего права, которое великій германскій философъ называетъ *правомъ на наказаніе*.

Глубокій и сокровенный смыслъ этого происшествія оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе. На мой взглядъ, это было не простымъ случаемъ, а было откровеніемъ нравственнаго закона, было тѣмъ проявленіемъ высшей справедливости, которая выражается въ пословицѣ: «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ»... Посмотри! Это — дѣло твоихъ рукъ. Это ты сдѣлалъ! Въ этомъ *ты* виновенъ — и суди *ее*, и скажи, что *она* виновна, когда ты знаешь, что это не она, а ты!.. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на ряду съ тяжкимъ испытаніемъ *ему*, Провидѣніе послало *ей* великую радость безъ всякой примѣсти горечи. Она снова обрѣла человѣка, котораго впервые полюбила: онъ тутъ, онъ возлѣ, онъ будетъ ея мужемъ! Будутъ наряды, украшенія... Начнется жизнь *по-господски*!.. И наканунѣ начала взаимныхъ разоча-

рованіи и чувства раскаянія, такъ легко могшаго перейти съ его стороны въ ненависть, Господь опустилъ занавѣсъ надъ ея житейской драмой и прекратилъ біеніе бѣднаго сердца, только что пережившаго высокое и послѣднее въ жизни блаженство. И къ нему Онъ былъ милосердъ, не простеревъ до конца свою карающую десницу. Возродивъ его духовно, давъ испытать заснувшей, быть-можетъ, душѣ нравственный толчекъ и подъемъ, Онъ не допустилъ ее вновь опустить крылья подъ вліяніемъ житейской прозы и семейныхъ сценъ самаго грубаго характера. Онъ возродилъ, Онъ далъ урокъ, но не покаралъ и не уничтожилъ своимъ отомщеніемъ.

Разсказъ о дѣлѣ Розаліи былъ выслушанъ Толстымъ съ большимъ вниманіемъ, а на другой день утромъ онъ сказалъ мнѣ, что ночью много думалъ по поводу его и находитъ только, что его перипетіи надо бы изложить въ хронологическомъ порядкѣ. Онъ мнѣ совѣтовалъ написать этотъ разсказъ для «Посредника» и писалъ вскорѣ послѣ моего отъѣзда П. И. Бирюкову: «Сообщите А. Ѳ. К. статью Хилкова о духоборцахъ. Онъ собирается написать разсказъ въ «Посредникъ», отъ котораго я жду многаго, потому что сюжетъ прекрасный...» А мѣсяца черезъ два послѣ моего возвращенія изъ Ясной Поляны, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ спрашиваетъ меня, пишу ли я на этотъ сюжетъ разсказъ? Я отвѣчалъ обращенной къ нему горячею просьбой написать на этотъ сюжетъ произведеніе, которое, конечно, будетъ имѣть глубокое моральное вліяніе. Толстой, какъ я слышалъ, принимался писать нѣсколько разъ, оставлялъ и снова приступалъ. Въ августѣ 1895 года, на мой вопросъ, онъ писалъ мнѣ: «пишу я, правда, тотъ сюжетъ, который вы разсказывали мнѣ, но я такъ никогда не знаю, что выйдетъ изъ того, что я пишу, и куда оно меня заведетъ, что я самъ не знаю, что я пишу теперь...» Наконецъ черезъ 11 лѣтъ у него вылилось его удивительное «Воскресеніе», произведшее, какъ мнѣ извѣстно изъ многихъ источниковъ, сильнѣйшее впечатлѣніе на души многихъ молодыхъ людей и заставившее ихъ произвести по отношенію къ самимъ себѣ и къ житейскимъ отношеніямъ нравственную переоцѣнку цѣнностей.

Изъ перваго пребыванія моего въ Ясной мнѣ съ особенною яркостью воспоминается вечеръ, проведенный съ Толстымъ въ путешествіи къ родственницѣ его супруги, жившей верстахъ въ семи отъ Ясной Поляны и праздновавшей какое-то семейное торжество. Левъ Николаевичъ предложилъ мнѣ итти пѣшкомъ и всю дорогу былъ очаровательно веселъ и увлекательно разговорчивъ. Но когда мы пришли въ богатый барскій домъ съ роскошно обставленнымъ чайнымъ столомъ, онъ заскучалъ, нахмурился и внезапно, черезъ полчаса по приходѣ, подсѣвъ ко мнѣ, вполголоса сказалъ: уйдемъ! Мы такъ и сдѣлали, удалившись, по англійскому обычаю, не прощаясь. Но когда мы вышли на дорогу, уже освѣщенную луною, я взмолился о невозможности итти назадъ пѣшкомъ, ибо въ этотъ день мы уже утромъ сдѣлали большую полуторачасовую прогулку, при чемъ Толстой, съ удивительной для его лѣтъ гибкостью и легкостью, взбѣгалъ на пригорки и перепрыгивалъ черезъ канавки, быстрыми и рѣшительными движеніями упругихъ ногъ. Мы сѣли въ лѣсу на полянкѣ въ ожиданіи «катковъ» (такъ называется въ этой мѣстности экипажъ въ родѣ длинныхъ дрогъ или линейки). Опять потекла бесѣда, и такъ прошло болѣе получаса. Наконецъ, мы заслышали вдалекѣ шумъ приближающихся «катковъ». Я сдѣлалъ движеніе, чтобы выйти на дорогу имъ навстрѣчу, но Толстой настойчиво сказалъ мнѣ: пойдемте, пожалуйста, пѣшкомъ!.. Когда мы были въ полуверстѣ отъ Ясной Поляны и перешли шоссе, въ кустахъ вокругъ насъ замелькали свѣтляки. Совершенно съ дѣтскою радостью, Толстой сталъ ихъ собирать въ свою «шапоньку» и торжествующе понесъ ее домой въ рукахъ, при чемъ исходившій изъ нея сильный зеленоватый фосфорическій свѣтъ озарялъ его оживленное лицо. Онъ и теперь точно стоитъ передо мною подъ теплымъ покровомъ іюньской почи, какъ бы въ отблескѣ внутренняго сіянія своей возвышенной и чистой души...

Я пробылъ въ Ясной Полянѣ пять или шесть дней. Въ день отъѣзда, рано утромъ, мы вышли со Львомъ Николаевичемъ пѣшкомъ на станцію Козловка-Засѣка и тамъ сердечно простились. Я долго смотрѣлъ изъ окна удалявшагося поѣзда на

его милую типическую фигуру съ незабываемымъ русскимъ мужицкимъ лицомъ, стоявшую на платформѣ. Сердце мое было исполнено благодарностью судьбѣ, пославшей мнѣ не одно близкое духовное общеніе съ нимъ, но и сознаніе, что я увожу въ моей душѣ его образъ не только не потускнѣвшимъ, но даже выше и краше, чѣмъ тотъ, который рисовался мнѣ, когда между строкъ его великихъ произведеній я старался разглядѣть душу автора. Поѣздъ безъ пересадки примчалъ меня въ Петербургъ, и я вступилъ въ обычную колею своей трудовой жизни, въ которой не было недостатка ни въ серьезныхъ интересахъ, ни въ интересныхъ людяхъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ было душно въ этой жизни первые дни. Все казалось такъ мелко, такъ условно и, главное, такъ... такъ ненужно... Я чувствовалъ себя въ этой обычной нравственной атмосферѣ такъ, какъ долженъ себя чувствовать человѣкъ, быстро спустившійся съ чистыхъ альпійскихъ высотъ въ шумный и пыльный городъ и вошедшій въ душную комнату, гдѣ сильно накурено табакомъ, пахнетъ неконченной трапезой и слышатся раздраженные голоса спорящихъ. Это чувство прошло нескоро, оставивъ во мнѣ послѣ себя ясное сознаніе, что, даже не во всемъ соглашаясь съ Толстымъ, надо считать особымъ даромъ судьбы возможность видѣться съ нимъ и совершить то, что я впослѣдствіи не разъ называлъ *дезинфекціей души*.

III.

Послѣ перваго знакомства съ Л. Н. Толстымъ между нами установились добрыя и сочувственныя личныя отношенія. Съ моей стороны въ этомъ не было ничего удивительнаго. Въ моемъ представленіи къ образу великаго писателя и тонкаго наблюдателя жизни присоединился и возвышенный образъ человѣка, способный оставлять глубокое впечатлѣніе, даже если бы этому человѣку и не предшествовала столь заслуженная слава. Несмотря на узкое и нелѣпое «критиканство» разныхъ зоиловъ и проповѣдниковъ сыска въ частной и домашней жизни, я нашелъ въ Ясной Полянѣ удовлетвореніе давнишней жажды встрѣтить человѣка, который олицетворялъ бы въ словахъ, стремленіяхъ,

побужденіяхъ и поступкахъ неуклонную правду — «la vérité sans phrases» — столь рѣдкую среди житейской обычной лжи, лукавства и притворства. Но его отношеніе ко мнѣ я могу объяснить лишь тѣмъ, что онъ не усмотрѣлъ въ моихъ взглядахъ и дѣятельности проявленія того, что вызывало его несочувственный взглядъ на наше судебное дѣло и суровое осужденіе имъ нѣкоторыхъ сторонъ въ дѣятельности служителей послѣдняго. «Воскресеніе» послужило впослѣдствіи выраженіемъ такого его взгляда. Со сдержаннымъ негодованіемъ передавалъ онъ мнѣ эпизоды изъ своего призыва въ качествѣ присяжнаго засѣдателя въ Тулу и свои наблюденія надъ различными эпизодами судоговоренія и надъ отдѣльными лицами изъ судебнаго персонала и адвокатуры. Показная и, если можно такъ выразиться, въ нѣкоторыхъ случаяхъ спортивная сторона въ работѣ обвинителей и защитниковъ всегда меня отъ себя отталкивала, и, несмотря на неизбѣжныя ошибки въ моей судебной службѣ, я со спокойною совѣстью могу сказать, что въ ней не нарушилъ сознательно одного изъ основныхъ правилъ Кантовской этики, т.-е. не смотрѣлъ на человѣка, какъ на средство для достиженія какихъ-либо, хотя бы даже и возвышенныхъ цѣлей. Быть-можетъ, это почувствовалъ Толстой, и на этомъ построилось его доброе ко мнѣ отношеніе, несмотря на его отрицательный взглядъ на судъ. Напечатавъ «Общія основанія судебной этики», я послалъ ему отдѣльный оттискъ. «Судебную этику я прочелъ, — писалъ онъ мнѣ въ 1904 году, — и хотя думаю, что эти мысли, исходящія отъ такого авторитетнаго человѣка, какъ вы, должны принести пользу судейской молодежи, но все-таки лично не могу, какъ бы ни желалъ, отрѣшиться отъ мысли, что какъ скоро признанъ высшій нравственный религіозный законъ — категорическій императивъ Канта, — такъ уничтожается самый судъ передъ его требованіями. Можетъ-быть, и удастся еще повидаться, и тогда поговоримъ объ этомъ. Дружески жму вашу руку». — А. М. Кузминскій сказалъ мнѣ: «вы знаете, вѣдь Левъ Николаевичъ терпѣть не можетъ «судебныхъ» и, напримѣръ, ни за что не хочетъ знать своего дальняго свойственника N.N., а васъ онъ искренно любитъ». Эта пріязнь Толстого выразилась, между прочимъ, и при нашихъ, сравнительно рѣдкихъ, послѣ-

дующихъ свиданіяхъ, и въ многочисленныхъ письмахъ, съ которыми онъ ко мнѣ обращался впослѣдствіи, очевидно, видя во мнѣ не только «судейскаго чиновника». Ниже я разскажу и содержаніе этихъ писемъ, во многомъ рисующихъ Толстого. Теперь же скажу о нашихъ встрѣчахъ и свиданіяхъ.

Послѣ 1887 года, каждый разъ, проѣзжая черезъ Москву, я заходилъ ко Льву Николаевичу и проводилъ вечеръ въ его семействѣ. Онъ былъ — какъ всегда — интересенъ и глубоко содержателенъ, много говорилъ объ искусствѣ, но намъ почти не удавалось быть наединѣ... Только разъ, въ 1892 году, на Пасхѣ, провожая меня, онъ въ передней задержалъ мою руку въ своей и сказалъ мнѣ: «а мнѣ давно хочется васъ спросить: боитесь ли вы смерти?» — и отвѣтилъ теплымъ рукопожатіемъ на мой отрицательный отвѣтъ. Этотъ вопросъ возникалъ потомъ у насъ съ нимъ нѣсколько разъ. Такъ, въ 1895 г., онъ писалъ мнѣ: «Утѣшаю себя мыслью, что доктора всегда врутъ, и что ваше нездоровье не такъ серьезно, какъ они думаютъ. Впрочемъ, отъ всей души желаю вамъ—если у васъ этого нѣтъ—вѣры въ жизнь вѣчную и потому безстрашія передъ смертью, уничтожающаго главное жало всякой болѣзни». Гораздо позднѣе, черезъ одиннадцать лѣтъ, онъ писалъ мнѣ: «О себѣ могу сказать, что чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ мнѣ все лучше и лучше. Желаю вамъ того же. Любящій васъ Л. Т.». Въ томъ же 1892 году, осенью, въ разговорѣ о холерныхъ безпорядкахъ, которыми тогда омрачена была русская жизнь, онъ объяснялъ ихъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда они направлялись на принятыя противъ холеры мѣры—инстинктивнымъ отвращеніемъ народа къ малодушнымъ опасеніямъ въ ожиданіи смертельной болѣзни.

Во время этихъ посѣщеній я заставалъ женскую часть семьи Льва Николаевича обыкновенно въ полномъ сборѣ. Каждая изъ дочерей Льва Николаевича представляла изъ себя особую индивидуальность, оставлявшую впечатлѣніе самостоятельнаго развитія, не стѣсненнаго предвзятыми взглядами свѣтскаго воспитанія. Въ общемъ — онѣ походили наружностью на отца, но типическія черты послѣдняго и его строгій взглядъ смягчались у нихъ чистой прелестью той кроткой женственности, кото-

рая присуща настоящей русской женщинѣ. Постоянная и по временамъ тревожная забота о мужѣ не мѣшала, однако, проявленіямъ радушія графини Софіи Андреевны. Домъ въ Хамовникахъ былъ полонъ, быть-можетъ, слишкомъ полонъ — домочадцами и посѣтителями, и застать Льва Николаевича одного, кромѣ тѣхъ часовъ, когда онъ запирался для работы, было очень трудно. А въ другое время молодая жизнь нерѣдко мѣшала своимъ бурнымъ потокомъ спокойной бесѣдѣ съ нимъ. Иногда, когда мы сидѣли вдвоемъ или втроемъ съ моимъ старымъ слушателемъ по училищу Правовѣдѣнія, М. А. Стаховичемъ, въ сосѣднихъ комнатахъ раздавались взрывы неудержимаго молодого веселья или звуки балалаекъ, и по временамъ черезъ гостиную мчалась, какъ вихрь, толпа юнцовъ и юницъ.

Поэтому мои воспоминанія объ этихъ встрѣчахъ довольно отрывочны, но помнится, что въ одно изъ этихъ посѣщеній мнѣ разсказывали у Толстыхъ о проживавшей на покоѣ въ Ясной Полянѣ престарѣлой горничной бабушки Льва Николаевича. Высокая, сухая и прямая старуха, строптивая, рѣшительная и независимая — эта Агаѳья Михайловна (въ молодости «Гаша») представляла своеобразный и нынѣ исчезнувшій типъ. Вѣрная до самозабвенія своимъ господамъ, она знала только двѣ вѣры и двѣ службы: въ Бога и Богу, въ нихъ и имъ. Чрезъ это преломлялись всѣ ея житейскія отношенія. «Вотъ, батюшка, какое у меня горе, — разсказывала она, — церковь у насъ далеко, и церковныхъ свѣчъ купить негдѣ, такъ что иногда и къ образу поставить нечего. Разъ приходитъ ко мнѣ управляющій, да и говоритъ: «Агаѳья Михайловна! вѣдь какая у насъ бѣда: молодого барина Сергѣя Львовича собаки убѣжали на село. Пожалуй, чью-нибудь овцу разорвутъ, да коли и не разорвутъ, все равно Левъ Николаевичъ прикажетъ заплатить, что съ него эти разбойники ни спросятъ. Одно разореніе! Послали ловить на село, да гдѣ тутъ! Развѣ сами прибѣгутъ». Ушелъ онъ, я и думаю: поставлю свѣчку Николѣ-угоднику! Пошла въ комодъ. Глядь, а свѣчки-то у меня и нѣтъ! Послѣднюю за полчаса поставила ему же, чтобъ барынинъ братъ Берсъ экзаменъ въ Правовѣдѣньи выдержалъ. Какъ тутъ быть?! Я стала передъ образомъ, перекрестилась, да и говорю:

Батюшка! батюшка-угодничекъ Божій! Это что за молодого барина поставлена свѣчка — такъ это *потомъ* будетъ, теперь это за то, чтобъ собаки вернулись и крестьянскихъ овецъ не рвали». Она проводила время въ вязаніи носковъ, любила и умѣла бывать сидѣлкой при больныхъ и со страстною нѣжностью относилась къ животнымъ. Въ послѣдніе годы жизни она стала путать время. Тогда Левъ Николаевичъ подарилъ ей простые стѣнные тульскіе часы съ маятникомъ. Она была имъ чрезвычайно рада, но дня черезъ три принесла назадъ: «Нѣтъ, батюшка, возьми ихъ обратно, — сказала она. — Я человѣкъ старый, — какъ лягу, такъ думаю о Божественномъ, да о свѣтѣ Господнемъ, а не то, чтобы все о себѣ, да только о себѣ. А они тутъ, проклятые, какъ нарочно надъ головой знай себѣ все одно: «что ты?! кто ты?! что ты?! кто ты?! что ты?! кто ты?!» Ну, ихъ совсѣмъ!»

Мы видѣлись затѣмъ въ 1898 году, при чемъ мнѣ пришлось имѣть споръ съ Львомъ Николаевичемъ по поводу Ѳедора Петровича Гааза, котораго онъ упрекалъ въ томъ, что онъ не отрясъ прахъ ногъ своихъ отъ тюремнаго дѣла, а продолжалъ быть старшимъ тюремнымъ врачемъ. Въ концѣ-концовъ, однако, онъ согласился со мною въ оцѣнкѣ нравственной личности святого доктора. Въ это время онъ писалъ свое сочиненіе объ искусствѣ и ходилъ, между прочимъ, въ театръ присутствовать при репетиціи. Съ непередаваемомъ юморомъ разсказывалъ онъ свои впечатлѣнія и описывалъ, какъ хористы поютъ какую-то чувствительную безсмыслицу, а ближайшій руководитель уже вовсе не сентиментально на нихъ покрикиваетъ. Въ день отъѣзда я заѣхалъ къ нему проститься, но слуга сказалъ мнѣ, что Левъ Николаевичъ уѣхалъ кататься на велосипедѣ и вернется лишь часа черезъ два. Я не могъ ожидать и думалъ, что въ этотъ разъ его больше не увижу. Но, предъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ гостиницы Континенталь, на Театральной площади, къ крыльцу подскакалъ всадникъ, и это оказался Толстой, которому уже было 70 лѣтъ.

Мы видѣлись, впрочемъ, еще передъ этимъ въ 1897 году въ Петербургѣ, куда Толстой пріѣзжалъ проститься съ Чертковымъ, котораго въ то время постыдной религіозной нетерпимости высы-

лали за границу. Часовъ въ 11 вечера, вернувшись домой изъ какого-то засѣданія, я сѣлъ за работу, развлекаемый долетавшими изъ сосѣдней квартиры, — гдѣ жило семейство, занимавшееся торговлею подъ фирмою «парфюмерія Россъ», — звуками музыки, командными словами танцевъ и топотомъ ногъ. Тамъ справляли нѣчто въ родѣ нашего стариннаго дѣвичника, называемаго у нѣмцевъ «Polterabend». Моя старая прислуга сказала мнѣ, что меня спрашиваетъ какой-то мужикъ. На мой вопросъ, кто онъ такой и что ему надо такъ поздно, она вернулась со справкой, что его зовутъ Левъ Николаевичъ. Съ нѣжнымъ уваженіемъ провелъ я «мужика» въ кабинетъ, и мы пробесѣдовали цѣлый часъ, при чемъ онъ поражалъ меня своимъ возвышеннымъ и всепрощающимъ отношеніемъ къ тому, что было сдѣлано съ Чертковымъ. Ни слова упрека, ни малѣйшаго выраженія негодованія не сорвалось съ его устъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе одного изъ тѣхъ первыхъ христіанъ, которые умѣли смотрѣть безтрепетно въ глаза мучительной смерти и кротостью побѣдили міръ. Я не обратилъ вниманія, что музыка у сосѣдей затихла, но когда Толстой сталъ уходить, и я вышелъ его проводить на лѣстницу, то мы увидѣли, что на ней, въ ожиданіи, столпились гости «парфюмеріи Россъ»— декольтированныя барышни и молодые люди во фракахъ. Толстой нахмурился, надвинулъ на самые глаза шапку и почти бѣгомъ побѣжалъ внизъ. Оказалось, что моя служанка, увидѣвъ радостную почтительность, съ которою я принялъ неизвѣстнаго мужика, усомнилась въ его *подлинности*, стала изъ-за дверей вглядываться въ его фигуру и вдругъ была поражена сходствомъ пришедшаго съ большимъ фотографическимъ портретомъ Толстого, подареннымъ мнѣ Рѣпинымъ. Она догадалась, зъ чемъ дѣло, торжественно провозгласила объ этомъ въ кухнѣ, и — «пошла писать губернія»...

Въ этотъ же его пріѣздъ въ Петербургъ одна моя знакомая дѣвушка ѣхала съ даваемаго ею урока на службу по «конкѣ». Въ вагонъ вошелъ одѣтый по-простонародному старикъ, на котораго она не обратила никакого вниманія, и сѣлъ противъ нея. Она читала дорогою купленную ею книжку о докторѣ Гаазѣ. — А вы знаете автора этой книги? — вдругъ спросилъ ее старикъ,

разсмотрѣвъ обложку. И на ея утвердительный отвѣтъ онъ просилъ её передать мнѣ поклонъ. Только тутъ, вглядѣвшись въ него, она поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. — «Мнѣ захотѣлось — разсказывала она — броситься тутъ же въ вагонѣ передъ нимъ на колѣни, и я невольно воскликнула: вы, вы — Левъ Николаевичъ?! — такъ что всѣ обратили на насъ вниманіе». Толстой утвердительно наклонилъ голову, подалъ ей руку и поспѣшно вышелъ изъ вагона.

Неотложныя занятія, частое нездоровье и нерѣдкія тревоги личной жизни лишали меня, несмотря на горячее желаніе, возможности посѣщать Толстого такъ часто, какъ бы я хотѣлъ. А одинъ разъ въ послѣдніе годы, когда я совсѣмъ собрался ѣхать въ Ясную Поляну, пришло письмо отъ гр. Софьи Андреевны о томъ, что домашній пожаръ долженъ вызвать отсрочку этой поѣздки. Поэтому лишь въ 1904 году, на Пасхѣ, я снова посѣтилъ и, быть-можетъ, уже въ послѣдній разъ Ясную Поляну.

Я нашелъ на этотъ разъ Льва Николаевича физически сильно состарѣвшимся, осунувшимся и похудѣвшимъ. Было, очевидно, что предшествующіе годы болѣзни оставили на немъ глубокій слѣдъ, но слѣдъ, конечно, физическій, а не духовный. Въ послѣднемъ отношеніи я замѣтилъ въ немъ только одну особенность противъ прежняго. Онъ сталъ еще мягче и снисходительнѣй къ другимъ и строже къ самому себѣ. Рисуя иногда двумятремя глубоко-художественными фактическими штрихами чью-либо личность, онъ тщательно воздерживался отъ неблагопріятныхъ выводовъ и однажды, когда слово осужденія вырвалось у него невольно, внезапно нахмурился, покраснѣлъ и съ видимымъ неудовольствіемъ сказалъ: «нѣтъ! нѣтъ, не нужно злословить, не будемъ осуждать!» Онъ весь былъ противъ пагубной войны, на которую высокомѣрная «волокита» нашей дипломатіи и наша самонадѣянная неподготовленность и презрѣніе къ урокамъ исторіи толкнули Японію съ давно ею затаеннымъ оскорбленіемъ своего національнаго чувства. Но его русское сердце сжималось съ тоскою и тревогой по поводу результатовъ предстоящей войны. При мнѣ пришло извѣстіе о гибели Макарова, чрезвычайно его разстроившее. Онъ интересовался всѣми телеграммами, ѣздилъ

за ними самъ въ Тулу верхомъ и постоянно возвращался въ разговорахъ къ случившемуся. Дурная погода и весенній разливъ мѣшали намъ предпринимать прогулки, и онъ проводилъ большую часть дня дома, гдѣ всѣ, кромѣ него, вставали довольно поздно. Мы же сходились утромъ вдвоемъ за чаемъ въ 8 часовъ и подолгу бесѣдовали вечеромъ въ его маленькомъ кабинетѣ, куда онъ зазывалъ меня передъ сномъ и гдѣ опять повторялись старые задушевные разговоры, какъ 17 лѣтъ назадъ, только на этотъ разъ уже я сиживалъ около его постели. По вечерамъ онъ иногда читалъ вслухъ съ удивительной простотой и въ то же время выразительностью. Такъ, мнѣ помнится особенно ярко чтеніе имъ разсказа Куприна «Въ казармѣ». Онъ признавалъ большой талантъ за этимъ писателемъ.

Въ эти памятные для меня дни онъ далъ мнѣ прочесть въ рукописи три своихъ произведенія: «Божеское и человѣческое», «Послѣ бала» и «Хаджи Муратъ» и неоконченный трактатъ о Шекспирѣ. Съ послѣднимъ трудно было согласиться, хотя и тамъ были яркія и глубокія мысли. Драма, по мнѣнію Толстого, должна быть непремѣнно религіозной. Такою и была древняя драма, ибо человѣческія страсти, страданія и самая судьба составляли содержаніе античной религіи. Потомъ драма утратила этотъ характеръ, и когда ее пожелали возобновить, то взяли лишь античную форму безъ ея содержанія. Нѣмцы, подъ вліяніемъ Гёте, отвращаясь отъ этого псевдо-классицизма, обратились къ Шекспиру и положили начало особому шекспировскому культу. Но у Шекспира, по мнѣнію Толстого, прежде всего бросается въ глаза отсутствіе искренности, грубое и низменное содержаніе, облеченное въ неудачную форму. Обиліе грубости въ устахъ дѣйствующихъ лицъ, одинъ и тотъ же языкъ, которымъ говорятъ всѣ, и полное отсутствіе рѣзко очерченныхъ характеровъ ставятъ даже знаменитыхъ Лира и Отелло ниже ихъ иностранныхъ первообразовъ. Я возражалъ Толстому, какъ умѣлъ, будучи безусловнымъ поклонникомъ Шекспира и находя въ его твореніяхъ не только удивительное изображеніе именно характеровъ, но и разрѣшеніе многихъ важнѣйшихъ проблемъ человѣческаго духа. Но Толстой, приводя исключительные примѣры, стоялъ на своемъ съ внѣшней мягко-

стью, но съ внутреннимъ упорствомъ, носившимъ на себѣ даже оттѣнокъ нѣкотораго раздраженія. Я думаю, что литературный кружокъ, въ который онъ вошелъ послѣ Севастополя, чрезмѣрно старался — въ лицѣ Дружинина, Тургенева и Анненкова — начинить молодого офицера фетишизмомъ по отношенію къ великому драматургу, и свойственная натурѣ Толстого реакція приняла глубокую и неискоренимую форму. Но зато три остальныхъ вещи заставили меня провести чудныя минуты и — откровенно говоря — не разъ вызывали умиленіе передъ величіемъ таланта автора и его способностью «заражать» читателя своимъ настроеніемъ. Трудно передать всю глубину и всю прелесть простоты этихъ произведеній. Мнѣ невольно приходитъ на память Гансъ Мемлингъ въ Брюгге съ его миніатюрами изъ житія святой Урсулы, гдѣ все такъ жизненно, правдиво и просто, недосягаемо просто! Въ нарисованныхъ Толстымъ въ «Божескомъ и человѣческомъ» образахъ — южнаго генералъ-губернатора, матери приговореннаго Анатолія Свѣтлогуба, ея сына, раскольника, ищущаго истинную вѣру, и террориста Меженецкаго нѣтъ ни одной лишней черты. L'élimination du superflu, составляющее необходимое условіе всякаго художественнаго произведенія, доведено до совершенства, и впечатлѣніе получается огромное. Глубокой вѣрой звучитъ этотъ разсказъ съ лаконическимъ описаніемъ казни, гдѣ за физическимъ ужасомъ, за болью и прекращеніемъ ея слѣдуетъ восторгъ новаго рожденія и возвращенія къ Тому, отъ Кого человѣкъ ушелъ и къ Кому шелъ, умирая, — въ связи съ приводимымъ Толстымъ текстомъ отъ Іоанна (XI. 25. XII. 24). Отъ разсказа «Послѣ бала» вѣетъ такимъ молодымъ цѣломудреннымъ чувствомъ, что этой вещи нельзя читать безъ невольнаго волненія. Нужно быть не только великимъ художникомъ, но и нравственно высокимъ человѣкомъ, чтобы *такъ* умѣть сохранить въ себѣ, до глубокой старости, несмотря на «охлажденны лѣта» и затѣмъ изобразить тотъ почти неуловимый строй наивныхъ восторговъ, чистаго восхищенія и таинственно-радостнаго отношенія ко всему и всѣмъ, который называется первою любовью. Эта любовь, возникшая внезапно въ сердцѣ молодого студента, налетѣвшая на него, какъ шквалъ, и заставившая его

съ одинаково умиленнымъ чувствомъ относиться и къ красавицѣ-дѣвушкѣ и къ танцующему съ нею на балѣ мазурку отцу ея, воинскому начальнику — не выдерживаетъ столкновенія съ ужасающей дѣйствительностью, когда утромъ, послѣ бала, не могущій заснуть отъ взволнованнаго очарованія студентъ видитъ, совершенно неожиданно, этого отца управляющимъ прогнаніемъ сквозь строй татарина-дезертира и бьющимъ по лицу нанесшаго слабый ударъ молодого солдата со словами: «я тебя научу мазать, будешь мазать!» Этотъ роковой диссонансъ дѣйствуетъ сильнѣе всякой длинной и сложной драмы. Наконецъ, «Хаджи Муратъ» по разнообразію картинъ и положеній, по глубинѣ и яркости изображеній и по эпическому своему характеру можетъ, по моему мнѣнію, стать наравнѣ съ «Войной и миромъ» въ своихъ несравненныхъ переходахъ отъ рубки лѣса къ балу у намѣстника Кавказа, отъ семейной сцены въ отдаленной русской деревнѣ къ кабинету императора Николая Павловича и къ саклѣ горнаго аула, гдѣ мать Хаджи Мурата поетъ народную пѣсню о томъ, какъ она залѣчила тяжелую рану, нанесенную ей въ грудь кинжаломъ, приложивъ къ ней своего маленькаго сына. Особенно сильно было въ этомъ разсказѣ изображеніе Николая Павловича съ его наружностью, взглядомъ, отношеніемъ къ женщинамъ, къ полякамъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ онъ старается найти оправданіе себѣ въ принимаемыхъ противъ нихъ суровыхъ мѣрахъ и съ его мыслями о томъ, «что была бы Россія безъ меня»? Говорю: *было*, потому что Толстой считалъ главу о Николаѣ Павловичѣ неоконченной и даже хотѣлъ вовсе ее уничтожить, опасаясь, что внесъ въ описаніе нелюбимаго имъ монарха слишкомъ много субъективности въ ущербъ спокойному безпристрастію. Можно опасаться, что онъ осуществитъ свой скептическій взглядъ, столь пагубный со временъ Гоголя для русской литературы.

Смѣна родныхъ, пріѣздъ знакомыхъ и разныхъ иностранцевъ мѣшали мнѣ насладиться Львомъ Николаевичемъ «всласть». Но тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ я увезъ изъ Ясной Поляны нѣсколько художественныхъ образовъ, мелькнувшихъ въ разсказахъ Толстого, и теплое воспоминаніе о нашихъ бесѣдахъ. Послѣднія часто касались вопросовъ вѣры. Въ обсужденіе ихъ

Левъ Николаевичъ вносилъ особую задушевность. Видно было, что въ томъ возрастѣ, въ которомъ большинство склонныхъ къ мышленію людей обращается по отношенію къ интересовавшимъ ихъ когда-то нравственнымъ и религіознымъ вопросамъ въ то, что Бисмаркъ называлъ «eine beurlaubte Leiche» (уволенный въ *отпускъ* трупъ) — Толстой живетъ полной жизнью. Его тревожатъ и волнуютъ эти вопросы, и онъ является «взыскующимъ града», пытливо вдумываясь въ ихъ наиболѣе пріемлемое душою объясненіе. Такъ, однажды вечеромъ онъ сказалъ мнѣ, что его интересуетъ вопросъ о томъ, возможно ли и мыслимо ли за гробомъ индивидуальное существованіе души, или же она сольется со всѣмъ остальнымъ міромъ, и существованіе ея будетъ, такъ сказать, космическое. Я разсказалъ ему объ одномъ своемъ пріятелѣ, который твердо и горячо убѣжденъ, что душа сохранитъ или, вѣрнѣе, выразитъ свою земную индивидуальность, воплотившись въ какую-нибудь невѣдомую, но, конечно, болѣе совершенную форму, при чемъ для нея, какъ это бываетъ въ сновидѣніяхъ, не будетъ двухъ ограничительныхъ въ нашемъ земномъ бытіи условій: времени и пространства. Утромъ на другой день Толстой сказалъ мнѣ при первой нашей встрѣчѣ, что много думалъ ночью о нашемъ разговорѣ и согласенъ со взглядомъ моего пріятеля. «Да! — прибавилъ онъ: — за гробомъ будетъ индивидуальное существованіе, а не Нирвана и не сліяніе съ міровою душой».

«Меня интересуетъ, — сказалъ онъ въ другой разъ, — какъ представляете вы себѣ наши отношенія къ Хозяину и считаете ли, что должно существовать возмездіе въ будущей жизни?» Я высказалъ ему свой взглядъ на вѣру въ Бога, какъ на непреложное убѣжденіе въ существованіи вѣчнаго и неизбѣжнаго свидѣтеля всѣхъ нашихъ мыслей, поступковъ и побужденій, благодаря чему человѣкъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не бываетъ *одинъ*. Это сознаніе вмѣстѣ съ мыслью о смерти и слѣдующей за нею жизнью, въ которой наступитъ отвѣтственность, должно руководить земною жизнью человѣка и связывать его съ Хозяиномъ. Не быть въ этомъ отношеніи «рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ» — нравственная задача человѣка. Отвѣтственность и

возмездіе, конечно, не могутъ быть понимаемы въ матеріальномъ смыслѣ или въ образахъ, созданныхъ необходимостью подѣйствовать на воображеніе. Какъ «царство Божіе внутрь насъ есть» — такъ и адъ и рай внутрь насъ... Мнѣ думается, что наша душа, освобожденная отъ бреннаго футляра-тѣла, получитъ возможность великаго, по своему объему и глубинѣ, созерцанія и увидитъ земную жизнь свою сразу во всемъ ея теченіи, какъ рѣку на ландкартѣ, со всѣми ея извивами и развѣтвленіями. Предъ лицомъ вѣчной правды и добра познаетъ она свои умышленныя заблужденія и сознательно причиненное зло, но увидитъ также и добрыя струи, оплодотворившія прибрежную почву. И въ этомъ будетъ ея радость, и въ этомъ будетъ мзда, потому что сознаніе зла, котораго нельзя уже исправить и замѣнить добромъ — есть тяжкое возмездіе. «Какъ я радъ, — сказалъ Толстой, — что вы *такъ* смотрите, и что мы такъ сходимся во взглядѣ на будущую жизнь. Я всегда такъ радъ, когда встрѣчаю людей, не вѣрящихъ въ смерть, какъ въ уничтоженіе. Мнѣ нравится и это изображеніе рѣки. Да, рѣки! именно рѣка!» И между нами долго еще продолжалась одна изъ тѣхъ бесѣдъ, послѣ которыхъ жить становится легче и бодрѣе.

И въ это мое посѣщеніе я могъ снова убѣдиться въ той благородной терпимости и деликатности, съ которыми Левъ Николаевичъ относится къ чужимъ убѣжденіямъ и чувствамъ, даже когда они идутъ въ разрѣзъ съ его взглядомъ, но если только они искренни и не вредоносны сами по себѣ. Извѣстенъ его взглядъ на Христа и на многіе коренные догматы, вытекающіе изъ пророчествъ и изъ твореній евангелистовъ. Строго разграничивая этическое содержаніе Евангелія отъ историческаго, и ученіе Іисуса Христа отъ Его жизни и личности, — и ставя Его на первое мѣсто въ ряду великихъ нравственныхъ мыслителей, какъ завѣщавшаго міру вѣковѣчный и непревзойденный законъ кротости и человѣколюбія, Толстой не можетъ не встрѣчать горячихъ и упорныхъ возраженій со стороны тѣхъ, кто считаетъ, что невозможно выбирать изъ Евангелія лишь часть — этическое ученіе — и, восторженно воспринимая ее, одновременно отвергать все остальное и тѣмъ вырывать изъ сердца таинственные

и плѣнительные образы, дѣлающіе изъ этого ученія предметъ не только сочувствія, но и вѣры. Мнѣ пришлось испытать, какъ мягко въ обмѣнѣ мнѣній объ этомъ относится Левъ Николаевичъ къ тому, что онъ считаетъ «заблужденіемъ», и какъ тщательно избѣгаетъ онъ того, что можетъ оскорбить или уязвить религіозное чувство своего «совопросника». Мнѣ казалось, что, даже считая свою точку зрѣнія непоколебимою, онъ раздѣляетъ прекрасныя слова Герцена о томъ, что есть цѣлая пропасть между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ — и что сердце плачетъ и не можетъ разстаться, когда холодный разсудокъ уже постановилъ свой приговоръ...

Съ такимъ отношеніемъ къ собесѣднику идетъ какъ бы въ разрѣзъ страстный и безпощадный подчасъ способъ выраженій, употребляемый, особенно въ послѣдніе годы, Львомъ Николаевичемъ въ своихъ произведеніяхъ, касающихся вопросовъ политики или религіи. Но это объясняется тѣмъ, что, имѣя предъ собою безличнаго, собирательнаго читателя, настроеніе и степень воспріимчивости котораго неизвѣстны, и при томъ не споря съ нимъ, а лишь излагая свое мнѣніе, онъ не имѣетъ повода стѣсняться выборомъ выраженій, заботясь лишь о томъ, чтобъ возможно сильнѣй и глубже высказать свою мысль. При томъ онъ постоянно думаетъ о смерти (это сквозитъ, а иногда и прямо выражено во многихъ письмахъ его ко мнѣ), а частыя тяжелыя болѣзни заставляютъ его считать ее близкою. А между тѣмъ душа его не старѣетъ, живетъ, горитъ любовью, волнуется справедливымъ гнѣвомъ на то, что Христосъ имѣетъ множество слугъ и мало послѣдователей, — жаждетъ и ищетъ правды и отвергаетъ всякую условность и житейскіе компромиссы. Мѣра того, что накопляется въ ней, что надо высказать, гораздо больше мѣры «судьбой отсчитанныхъ дней», — приходится торопиться и страстнымъ словомъ закрѣпить то, что еще хочется и можно успѣть сказать предъ уходомъ... Есть очень выразительная испанская поговорка: «кричать устами своей раны (per la bocca de su herida)». Такъ иногда устами своей раны кричитъ этотъ извѣдавшій, наблюдавшій и душевно выстрадавшій жизнь старецъ...

При мнѣ пришло извѣстіе о кончинѣ графини Александры Андреевны Толстой, приходившейся, несмотря на близкое равенство возраста, теткою Льву Николаевичу. Я былъ лично знакомъ съ этой оригинальной и симпатичной по своему душевному складу женщиной. Грузная, съ тройнымъ подбородкомъ и умными темными глазами, она производила впечатлѣніе родовитой и самостоятельной, — несмотря на свое высокое придворное положеніе (она была воспитательницей великой княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской) и связанную съ этимъ зависимость, — личности, въ которой лоскъ европейскаго воспитанія не стеръ милыхъ свойствъ коренной русской природы. Одинаково хорошо и сильно владѣя и роднымъ и французскимъ языкомъ, она умѣла выражать на немъ результаты своихъ думъ и выводы своей тонкой наблюдательности. Еще не будучи съ нею знакомъ, я съ великимъ удовольствіемъ прочелъ ея горячія, трогательныя и краснорѣчивыя строки въ отвѣтъ на брошюру нѣкоего господина Лафертэ: «L'empereur Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort» въ которой услужливый писака, рисуя въ восторженныхъ выраженіяхъ особу, сообщившую ему эти интимныя подробности, позволилъ себѣ пренебрежительное отношеніе къ памяти той, которую она замѣстила, не замѣнивъ. «M. Laferté, — писалъ «un russe du grand monde» (таковъ былъ псевдонимъ гр. Толстой) — en cherchant à faire sortir la princesse du role de silence et d'obscurité qui incombe à sa position actuelle et qui lui aurait valu la faveur de l'oubli— et faisant ainsi l'apologie d'une existence en dehors des voies régulières, n'a-t-il jamais pensé qu'il pourrait évoquer une ombre sainte qui vit et rayonne encore dans les coeurs, entourée d'une auréole de pureté et de vertu lumineuse, devant laquelle la princesse devrait se prosterner, en implorant son pardon, le front courbé dans la poussière». (Quelques mots sur la brochure de M. Laferté. Paris. 1892).

Бесѣда съ гр. Александрой Андреевной Толстой, всегда перевитая ея живыми воспоминаніями изъ доступной немногимъ области, была интересна и во многомъ поучительна. Здѣсь не мѣсто приводить что-либо изъ этихъ воспоминаній, но для характери-

стики ихъ можно указать, напримѣръ, на разсказъ ея о томъ, что будущій германскій императоръ, тогда еще только прусскій король Вильгельмъ, былъ въ обыденной жизни довольно скученъ, такъ что Бисмаркъ, приходившій пить чай къ гостившимъ въ Баденъ-Баденѣ двумъ великимъ княгинямъ, сказалъ однажды ей, Толстой: «Croyez-vous, comtesse, qu'il est facile de gouverner avec un vieux comme ça?!»

Я не могу судить о томъ, какъ принялъ въ глубинѣ души Левъ Николаевичъ извѣстіе о ея кончинѣ... Онъ былъ слишкомъ удрученъ общимъ горемъ — войною, и, кромѣ того, при его взглядѣ на смерть и на будущую жизнь, раздѣляемомъ и мною, можно скорбѣть, если къ тому есть поводъ, лишь объ *оставшихся*, а не объ *ушедшихъ*. «Кончена жизнь!» — говорятъ вокругъ Ивана Ильича... «Нѣтъ, *смерть* кончена!» — хочетъ онъ воскликнуть и умираетъ.

Въ началѣ 1903 года гр. А. А. Толстая пожертвовала Академіи Наукъ свои записки объ отношеніяхъ своихъ къ Льву Николаевичу съ тѣмъ, чтобы онѣ были напечатаны съ благотворительною цѣлью. Избранная Академіей комиссія, разсмотрѣвъ эти записки, цѣнныя по біографическимъ даннымъ и письмамъ, въ нихъ проводимыхъ, возложила на меня редактированіе изданія и всѣ по этому предмету распоряженія. Объективный тонъ, теплота чувства, искусный подборъ и освѣщеніе подробностей производятъ въ этихъ воспоминаніяхъ гр. А. А. Толстой о далекихъ годахъ ея и Льва Николаевича молодости прекрасное впечатлѣніе. Но оно, для меня по крайней мѣрѣ, не остается такимъ до конца. Дѣло въ томъ, что дружескія, нѣжныя отношенія ея и Льва Николаевича, въ описаніи которыхъ чувствуются слѣды нѣкоторой съ ихъ стороны «amitié amoureuse», встрѣтили съ теченіемъ времени на своемъ пути строго-ортодоксальныя и не допускающія никакихъ колебаній убѣжденія графини. Левъ Николаевичъ, со свойственной ему страстностью въ исканіи правды, сталъ дѣлиться своими «открытіями» съ теткою и разсказывать ей словесно и письменно о томъ, какъ церковность «спадаетъ ветхой чешуей» съ души его, и какъ безпощадно къ себѣ и къ своимъ недавнимъ вѣрованіямъ онъ совле-

кается съ себя «ветхаго Адама». Между ними возгорѣлась полемика, въ которой мало-по-малу они стали говорить на различныхъ языкахъ и въ которую постепенно проникло взаимное раздраженіе, подготовлявшееся долгимъ разладомъ во взглядахъ... Это раздраженіе съ особенною яркостью сказалось въ послѣднихъ страницахъ записокъ гр. Толстой. Характеризуя въ нихъ друга своей молодости, она, конечно, совершенно искренно и съ душевной болью находитъ, что, «не успѣвъ уяснить себѣ свои собственныя мысли, онъ отвергъ святыя, неоспоримыя истины», впалъ въ мнимо-христіанское учительство и дошелъ до ужаснаго: — возненавидѣлъ церковь, плодомъ чего явился «бѣшеный пароксизмъ невообразимыхъ взглядовъ на религію и на церковь, съ издѣвательствомъ надо всѣмъ, что намъ дорого и свято». Признавая, что Левъ Николаевичъ «хуже всякаго сектанта», и что послѣ того, какъ злой духъ, древній змій, вложилъ въ его душу отрицаніе — за стуломъ его, какъ писателя, «сталъ самъ Люциферъ — воплощеніе гордости» — графиня постановляетъ суровый окончательный приговоръ о Львѣ Николаевичѣ.

Незадолго предъ этимъ въ газетахъ появилось извѣстное постановленіе о признаніи Толстого Св. Синодомъ не принадлежащимъ къ церкви, и ему еще при жизни стала грозить возможность быть лишеннымъ христіанскаго погребенія. Этимъ была вызвана цѣлая бомбардировка его ожесточенными и укорительными письмами съ проклятіями и угрозами. Около того же времени въ многолюдномъ собраніи Философскаго Общества при Петербургскомъ университетѣ былъ сдѣланъ докладъ, въ которомъ съ внѣшнимъ блескомъ талантливости и внутреннею односторонностью высказывалась мысль, что въ своей частной жизни и произведеніяхъ Толстой является нигилистомъ и рѣзкимъ отрицателемъ, идеалы котораго можно, пожалуй, найти въ міросозерцаніи старика Ерошки въ «Казакахъ» или лакея Смердякова въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Обычная непослѣдовательность русской жизни сказалась и тутъ, и, одновременно съ объявленіемъ объ отлученіи Толстого отъ церкви, на его извѣстномъ портретѣ, сдѣланномъ Рѣпинымъ и привлекавшемъ къ себѣ об-

щее вниманіе на передвижной выставкѣ въ С.-Петербургѣ, появилась надпись о пріобрѣтеніи его для музея Императора Александра III. Я призадумался надъ исполненіемъ порученія Академіи, находя крайне несвоевременнымъ печатаніе обличительныхъ записокъ такого рода. Академіи Наукъ не слѣдовало содѣйствовать той нетерпимости, предметомъ которой становился Толстой. Такое содѣйствіе, несогласное съ ея авторитетомъ вообще, являлось бы уже совершенно неумѣстнымъ по отношенію къ ея члену-корреспонденту и почетному академику. Это было бы вмѣстѣ съ тѣмъ лишено оправданія и съ точки зрѣнія исторической, такъ какъ оба корреспондента еще находились въ живыхъ, и исторія для нихъ еще не наступила... Соображенія мои были раздѣлены покойнымъ А. Н. Веселовскимъ и А. А. Шахматовымъ, и графиня Александра Андреевна выразила, послѣ объясненія съ послѣднимъ желаніе, чтобы печатаніе ея записокъ было на нѣкоторое время отложено.

И въ это наше свиданіе въ Ясной Полянѣ я видѣлъ, какъ попрежнему останавливали на себѣ вдумчивое вниманіе Льва Николаевича житейскія картины, таившія въ себѣ внутренній смыслъ или нравственное поученіе, и какъ по старому же блисталъ непроизвольнымъ юморомъ его разсказъ, когда онъ бывалъ въ духѣ. Такъ, напримѣръ, онъ высказалъ рядъ глубокихъ мыслей о той жадной и близорукой погонѣ за суетнымъ житейскимъ счастьемъ, которое такъ часто, со справедливой безжалостностью, прерывается внезапно налетѣвшею смертью. Это было вызвано разсказомъ моимъ объ одномъ петербургскомъ сановникѣ, человѣкѣ въ душѣ недурномъ и вовсе не зломъ, но который, снѣдаемый честолюбіемъ, всю жизнь хитрилъ, лицедѣйствовалъ, ломалъ свое сердце и совѣсть, напускалъ на себя желательную и угодную, по его мнѣнію, суровость, стараясь выставить себя «опорою» въ сферѣ своей дѣятельности, имѣвшей дѣло съ живымъ и чувствующимъ матеріаломъ. Человѣкъ бѣдный и семейный, онъ долгое время не могъ собраться со средствами, чтобы «построить» себѣ дорогой, вышитый золотомъ мундиръ, и откладывалъ для этого особыя сбереженія. Наконецъ, мундиръ былъ готовъ, и его оставалось надѣть на придворный

балъ или торжественный выходъ, чтобы, въ горделивомъ сознаніи своего офиціальнаго величія, прослѣдовать между второстепенными сановниками и городскими дамами. Но ни бала, ни выхода въ скоромъ времени не предстояло, а между тѣмъ наступало лѣто, и онъ собственноручно, съ величайшей осторожностью, уложилъ свой восьмисотрублевый мундиръ въ ящикъ, посыпавъ его, оберегая отъ моли, нафталиномъ. Осенью, 26 ноября, ко дню Георгіевскаго праздника, онъ вынулъ мундиръ — предметъ стольких вожделѣній — и о, ужасъ! все драгоцѣнное золотое шитье оказалось чернымъ отъ нафталина. Черезъ полгода его служебно-акробатическія упражненія прекратились навсегда. За бортомъ гроба, на высокомъ катафалкѣ, виднѣлось восковое бритое лицо покойника, съ длиннымъ заострившимся носомъ и недоумѣвающею складкой тонкихъ губъ. Казалось, что иронія судьбы способна пойти еще дальше и, пожалуй, могла бы надоумить прислугу положить его въ гробъ именно въ мундирѣ съ почернѣвшимъ шитьемъ. «Этотъ образъ, — сказалъ мнѣ Толстой, — говоритъ гораздо больше, чѣмъ длинныя разсужденія, и этой мыслью слѣдовалс бы когда-нибудь воспользоваться».

Какъ память о моемъ пребываніи въ Ясной Полянѣ въ 1904 году, у меня остался снятый графиней Софьей Андреевной портретъ Льва Николаевича и мой, на которомъ чрезвычайно удалась прекрасная въ своемъ патріархальномъ величіи фигура Льва Николаевича. Оттолоскомъ этого посѣщенія явилось письмо ко мнѣ Софьи Андреевны Толстой отъ 26 іюня 1904 года. Въ немъ она, между прочимъ, писала: «Левъ Николаевичъ подъ гнетомъ собственныхъ и семейныхъ событій (обѣ дочери его разрѣшились мертвыми младенцами, и младшій сынъ ушелъ на войну) какъ будто еще болѣе похудѣлъ, согнулся и сталъ тихъ и часто грустенъ. Но все та же идетъ умственная работа и все тотъ же правильный ходъ жизни. Очень мы оба радуемся вашему обѣщанію пріѣхать къ намъ въ сентябрѣ. Пожалуйста, будьте здоровы и не раздумайте исполнить ваше намѣреніе. Что-то будетъ въ сентябрѣ? Какъ мрачно стало жить на свѣтѣ и какъ холодно!..»

IV.

Выше я говорилъ о нашей перепискѣ съ Львомъ Николаевичемъ. Почти всѣ его письма ко мнѣ имѣютъ дѣловой характеръ и часто представляютъ собою образчики содержательнаго лаконизма. Переписка у него огромная, и ему, безъ сомнѣнія, некогда влагать свои мысли въ форму условнаго пустословія, которое обыкновенно занимаетъ не малое мѣсто въ письмахъ. Пересматривая тѣ тридцать шесть писемъ, которыя у меня сохранились (къ сожалѣнію, нѣкоторыя письма конца восьмидесятыхъ годовъ выпрошены у меня неотступными собирателями автографовъ), я вижу, что господствующая въ нихъ тема есть постоянное и горячее заступничество за разныхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», «труждающихся и обремененныхъ», во имя справедливости и человѣчности. Большая часть тѣхъ, о комъ хлопочетъ Толстой, прося помощи, совѣта, разъясненія или указанія — суть жертвы той своеобразной *вѣротерпимости*, которая господствовала у насъ до 17 апрѣля 1905 г. и не имѣла ничего общаго со *свободой совѣсти*. Въ силу такой вѣротерпимости — наше законодательство, начальственныя усмотрѣнія и затѣмъ, какъ неотвратимое несчастье, судебные приговоры — ограждали господствующую церковь рядомъ стѣснительныхъ, суровыхъ и подчасъ жестокихъ мѣръ и предписаній, направленныхъ противъ «несогласно мыслящихъ» и къ принудительному удержанію на лонѣ господствующей церкви тѣхъ, кто ей чуждъ сердцемъ и совѣстью. Высочайше утвержденный журналъ комитета министровъ прозвучалъ 17 апрѣля 1905 года надъ русской землей, какъ благовѣстъ признанія святѣйшихъ потребностей и правъ человѣческаго духа, дотолѣ безжалостно и бездушно попираемыхъ.

Но въ тѣ годы, къ которымъ относится большая часть писемъ Льва Николаевича, людей, имѣвшихъ смѣлость, повинуясь голосу совѣсти, не желать укладывать свое религіозное чувство и исповѣданіе вѣры въ установленныя и окаменѣлыя рамки, ждали всякаго рода стѣсненія, обидныя прозвища, домогательства носителей *меча духовнаго* и воздѣйствія *меча свѣтскаго*.

И люди эти не были представителями изувѣрнаго сектанства, заблужденія которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ требованіями общежитія и нравственности: это были по большей части люди глубоко вѣрующіе, преданные завѣтамъ отцовъ и дѣдовъ и выгодно отличавшіеся отъ окружающаго населенія своею трезвостью, любовью къ труду, домоводствомъ и нерѣдко строгою семейною жизнью, нынѣ столь расшатанною... Ихъ страдальческая судьба, испытываемыя ими гоненія и разрушеніе ихъ семейнаго быта, въ видѣ отнятія дѣтей и насильственной отдачи ихъ въ монастыри, возмущали и волновали Льва Николаевича. Онъ писалъ письма къ власть имущимъ, хлопоталъ о составленіи прошеній и обращался со словами трогательнаго заступничества къ тѣмъ, кому предстояло сказать свое слово по этого рода дѣламъ. Въ числѣ послѣднихъ бывалъ и я.

«Вы, можетъ-быть, слышали про возмутительное дѣло, совершенное надъ женою NN, у которой отняли дѣтей и отдали матери ея мужа, — писалъ онъ мнѣ въ 1894 году. — Она хочетъ подать прошеніе, его ей написалъ ея своякъ, но мнѣ оно не нравится. Самъ я не только не сумѣю написать лучше, но считаю и безполезнымъ, и нехорошимъ учтиво просить о томъ, чтобы люди не ѣли другихъ людей. Но вы именно тотъ человѣкъ, который, глубоко чувствуя всю возмутительность неправды, можетъ и умѣетъ въ принятыхъ формахъ обличать ее». Такъ, въ 1897 году онъ проситъ принять нѣсколькихъ молоканъ, у которыхъ отняты дѣти, и помочь имъ совѣтомъ. То же повторяется и въ 1899 г. относительно такихъ же молоканъ, при чемъ онъ извѣщаетъ меня, что написалъ одному изъ нихъ прошеніе, какъ умѣлъ. «Передадутъ вамъ это письмо, — пишетъ онъ въ 1900 году, — сектантъ А. А. (полуслѣпой) и его провожатый. Въ сущности онъ мало располагаетъ къ себѣ, но не жалко ли, что его гонятъ за вѣру? Вѣроятно, вы почувствуете то же, что и я, и если можете — избавите его гонителей отъ грѣха». Такихъ писемъ больше всего. Почти во всѣхъ содержатся трогательныя извиненія за причиняемое безпокойство и просьба не отвѣчать, если некогда или нельзя помочь. «Если вамъ почему-либо нельзя ничего сдѣлать для этого хорошаго молодого человѣка, — пи-

шетъ онъ въ 1894 году, — то, пожалуйста, не стѣсняйтесь и не трудитесь мнѣ отвѣчать. Я знаю, что вы и безъ моей просьбы помогли бы ему, и думаю, что вы и для меня пожелаете сдѣлать, что можно, поэтому впередъ знаю, что если не сдѣлаете, то только потому, что нельзя». — «Та, о заступничествѣ за которую я васъ прошу, — пишетъ онъ въ 1898 году, — молоденькое и наивное какъ ребенокъ существо, такъ же похожее на заговорщика и такъ же опасное для государства, какъ похожъ я на завоевателя и опасенъ для спокойствія Европы. Вотъ я и снова къ вамъ съ просьбой. Но что же дѣлать? Noblesse (des sentiments) oblige, а кромѣ того, мнѣ не къ кому обратиться въ Петербургѣ». Даже тяжкая болѣзнь не умаляетъ его заботъ о другихъ. Такъ, въ ноябрѣ 1901 года въ письмѣ изъ Кореиза въ Крыму онъ говоритъ: «Пишу вамъ не своей рукой, потому что все хвораю и послѣ своей обычной работы такъ устаю, что даже и диктовать трудно. Но дѣло, о которомъ пишу вамъ, такъ важно, что не могу откладывать. Моя знакомая и сотрудница во время голоднаго года, самое безобидное существо, находится въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, которыя описаны въ прилагаемый выпискѣ письма, которое переписано слово въ слово. Пожалуйста, remuez ciel et terre, чтобы облегчить участь этой хорошей и несчастной женщины. Вамъ привычно это дѣлать и исполнять мои просьбы. Сдѣлайте это еще разъ, милый Анатолій Ѳедоровичъ».

Въ письмахъ разсыпаны извѣстія о себѣ и о своихъ трудахъ, приглашенія пріѣхать въ Ясную Поляну, милыя сѣтованія на то, что мнѣ не удается этого сдѣлать, и рядъ добрыхъ пожеланій. «Я живъ и здоровъ, — пишетъ онъ въ сентябрѣ 1905 года. — Все одно и то же говорю людямъ, которые не обращаютъ на мои рѣчи никакого вниманія, но я все продолжаю, думая, что я долженъ это дѣлать». — «Очень сожалѣю о томъ, что ваша рѣчь въ Академіи о русскомъ языкѣ вызвала неосновательныя возраженія. То, что вы сказали, было очень естественно и вполнѣ цѣлесообразно. Надо выучиться не обращать на это вниманія, впрочемъ, вы это знаете лучше меня» (1900 г.). — «...Мнѣ жалко васъ за ваше нездоровье. Дай Богъ вамъ переносить его какъ можно лучше, т.-е. не переставать служить людямъ, что вы и

дѣлаете. Это самое лучшее лѣкарство противъ всѣхъ болѣзней» (1904 г.). «...Желаю вамъ духовнаго спокойствія, а тѣлесное здоровье въ сравненіи съ этимъ благомъ какъ щекотка при здоровомъ тѣлѣ» (1906 г.)... — «...Вчера утромъ, получивъ ваше письмо, я не вспомнилъ сразу по почерку на конвертѣ, чей именно это почеркъ, рѣшилъ, однако, что это отъ человѣка, котораго я люблю, и отложилъ, какъ я обыкновенно это дѣлаю, письмо это подъ конецъ: когда же распечаталъ и узналъ, что письмо отъ васъ, порадовался своей догадливости», — значится въ одномъ изъ его послѣднихъ писемъ ко мнѣ.

V.

Таковы мои воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. Въ нихъ не выражено главнаго, трудно поддающагося описанію: его вліянія на душу собесѣдника, того внутренняго огня его, къ которому можно приложить слова Пушкина: «твоимъ огнемъ душа палима — отвергла мракъ мірскихъ суетъ». Тотъ, кто узналъ его ближе, не можетъ не молить судьбу продлить его жизнь. Она дорога для всѣхъ, кому дорого исканіе правды въ жизни и кому свойственно то, что Пушкинъ называлъ «роптаньемъ вѣчнымъ души», а Некрасовъ — «святымъ безпокойствомъ»... Можно далеко не во всемъ съ нимъ соглашаться и находить многое, имъ проповѣдуемое, практически недостижимымъ. Можно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не имѣть силъ или умѣнья *подняться* до него, но важно, но успокоительно знать, что онъ *есть*, что онъ существуетъ, какъ живой выразитель волнующихъ умъ и сердце думъ, какъ нравственный судья движеній человѣческой мысли и совѣсти, относительно котораго почти навѣрное у каждаго, вошедшаго съ нимъ въ общеніе, въ минуты колебаній, когда грозятъ кругомъ облѣпить житейскія грязь и ложь, настойчиво и спасительно встаетъ въ душу вопросъ: «а что скажетъ на это Левъ Николаевичъ? а какъ *онъ* къ этому отнесется?»

Со многихъ сторонъ возставали и возстаютъ на него. Ревнители неподвижности сложившихся сторонъ человѣческихъ отношеній упрекаютъ его за смѣлость мысли и за разрушительное

вліяніе его слова, ставя ему въ *строку* каждое *лыко* нѣкоторыхъ изъ его неудачныхъ или ограниченныхъ послѣдователей. Ему вмѣняютъ въ вину провозглашеніе имъ, безъ оглядки и колебаній, того, что онъ считаетъ истиной и по отношенію къ чему лишь осуществляетъ мнѣніе, высказанное имъ въ письмѣ къ Страхову: «истину нельзя урѣзывать по дѣйствительности—ужъ пускай дѣйствительность устраивается, какъ знаетъ и умѣетъ». Но не сказалъ ли нѣкто, что «истину, хотя бы и самую печальную, надо стараться увидѣть и необходимо безпрерывно показывать и учиться отъ нея, чтобы не дожить до истины болѣе горькой, уже не учащей, но наказующей за невниманіе къ ней?» А вѣдь этотъ нѣкто — былъ знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ...

Нѣкоторые изъ людей противоположнаго лагеря относятся къ Толстому свысока, провозглашая его носителемъ «мѣщанскихъ» идеаловъ, въ виду того, что во главу угла всѣхъ дѣлъ человѣческихъ онъ ставитъ нравственныя требованія, столь стѣснительныя для многихъ, которые въ измѣненіи политическихъ формъ, безъ всякаго параллельнаго улучшенія и углубленія морали, видятъ панацею отъ всѣхъ золъ. Вращаясь въ своемъ узкомъ кругозорѣ, они забываютъ при этомъ, что даже наиболѣе радикальная политико-экономическая мѣра, рекомендуемая ими—націонализація земли—въ сущности указана и разъяснена у насъ Толстымъ, но съ одной чрезвычайно важною прибавкою, а именно: *безъ насилія*...

Путешественники описываютъ Сахару, какъ знойную пустыню, въ которой замираетъ всякая жизнь. Когда смеркается, къ молчанію смерти присоединяется еще и тьма. И тогда идетъ на водопой левъ и наполняетъ своимъ рыканьемъ пустыню. Ему отвѣчаютъ жалобный вой звѣрей, крики ночныхъ птицъ и далекое эхо — и пустыня оживаетъ. Такъ бывало и съ этимъ Львомъ. Онъ могъ иногда заблуждаться въ своемъ гнѣвномъ исканіи истины, но онъ заставлялъ работать мысль, нарушалъ самодовольство молчанія, будилъ окружающихъ отъ сна и не давалъ имъ утонуть въ застоѣ болотнаго спокойствія...

II.

По поводу драматическихъ произведеній Толстого.

(1912 г.)

Новое посмертное произведеніе Л. Н. Толстого, получившее названіе «Живой трупъ», возбуждаетъ самые оживленные толки и страстные споры какъ по поводу своего содержанія, такъ и по отношенію къ тѣмъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ жизни, изъ которыхъ возникло судебное дѣло, послужившее фактическою темой драмы Толстого. Въ хорѣ восторженныхъ отзывовъ диссонансомъ звучатъ скептическіе звуки. Въ то время, когда одни видятъ въ «Живомъ трупѣ» повтореніе нравственныхъ завѣтовъ великаго писателя, изложенное въ формѣ сценическаго произведенія, другіе находятъ, что симпатіи автора къ Өедѣ и теорія «изюминки» не могутъ имѣть добраго вліянія на общество, гдѣ безхарактерность, слабоволіе, сентиментальный эгоизмъ и отсутствіе чувства долга не встрѣчаютъ суроваго и заслуженнаго осужденія. Одни видятъ въ «Живомъ трупѣ» новое слово на новыхъ путяхъ драматическаго искусства, другіе сравниваютъ короткія, быстро смѣняющіяся драматическія сцены, чуть ли не съ лентой кинематографа. Очевидно, что время для спокойной и трезвой критики еще не наступило, но оно, конечно, можетъ считаться наставшимъ для разсказа о томъ судебномъ дѣлѣ, которому во всякомъ случаѣ принадлежитъ нѣкоторая роль въ происхожденіи «Живого трупа».

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія въ Москвѣ проживало семейство отставного пропорщика Павла С., восемнадцатилѣтняя дочь котораго, Екатерина, вышла въ 1881 г. замужъ за дворянина Николая Г. Первые годы жизнь супруговъ текла счастливо, и у нихъ родился сынъ, но въ 1883 году между супругами начались разногласія, вызвавшія собою ихъ разлуку. По показаніямъ сестры Николая Г., его сослуживцевъ и знакомыхъ, онъ былъ человѣкомъ весьма слабохарактернымъ и мало развитымъ. Поселившись послѣ разлуки съ женою у своей матери, онъ сталъ предаваться пьянству и дошелъ до того, что его пришлось уволить отъ службы въ правленіи одной изъ крупныхъ желѣзныхъ дорогъ, находящемся въ Москвѣ. Когда, въ 1893 г., умерла его мать, оказывавшая ему нравственную и матеріальную поддержку, на помощь къ нему пришли другіе его родственники, нанявшіе для него комнату съ полнымъ содержаніемъ и обѣщавшіе найти ему службу, если онъ измѣнитъ своей вредной привычкѣ. «Отдавшись чтенію произведеній отечественной литературы», онъ, по его словамъ, «старался побѣдить свою наклонность къ вину и жить надеждою на полученіе возможности содержать себя личнымъ трудомъ». Но наклонность обратилась въ привычку, привычка въ потребность, а потребность постепенно приняла характеръ порока, подчинившаго себѣ всецѣло Николая Г., постепенно спустившагося до «дна». Онъ самъ призналъ, что страсть къ вину и жилъ надеждою на полученіе возможности содержать онъ предался необузданному пьянству и, лишившись вслѣдствіе этого оказавшагося безплоднымъ участія родныхъ, выбился совершенно изъ жизненной колеи, сдѣлался бродягой, не имѣющимъ ни хлѣба, ни пристанища, кромѣ ночлежныхъ домовъ, и сталъ «погибшимъ человѣкомъ». Между тѣмъ, жена его, которую знавшіе ее характеризуютъ, какъ женщину нервную и впечатлительную, научилась акушерству и поступила для осуществленія этой профессіи на большую фабрику въ Богородскомъ уѣздѣ, гдѣ познакомилась со служившимъ на ней крестьяниномъ Ч. Между ними возникла и упрочилась сердечная симпатія и, какъ естественный результатъ, явилось желаніе вступить въ бракъ. Этому, однако, препятствовало то, что Екатерина Г. считалась законною женою

бездомнаго пропойцы, который, по его словамъ, уже давно потерялъ ее изъ виду. Разыскавъ не безъ труда человѣка, съ которымъ она была связана крѣпкими церковно-юридическими узами въ то время, когда нравственныя и физическія узы давнымъ-давно были порваны, она уговорила своего супруга дать ей разводъ, принявъ вину на себя. Трудно опредѣлить, что побудило его къ согласію на это: была ли то надежда, что жена будетъ продолжать платить за нанятый для него уголъ въ одномъ изъ ночлежныхъ домовъ и выдавать ему ежемѣсячно по пяти рублей впредь до — болѣе, чѣмъ сомнительнаго — полученія имъ службы, или же, какъ онъ самъ выразился, привычка къ мысли, что у него давно уже нѣтъ жены, и сознаніе, что въ дѣйствительности за протекшее время онъ со своей стороны бывалъ виновенъ въ супружеской невѣрности, — но, во всякомъ случаѣ, въ 1895 году ею было подано въ московскую консисторію прошеніе о разводѣ вслѣдствіе прелюбодѣянія мужа. Во время производства бракоразводнаго дѣла Николай Г. подтвердилъ жалобу жены со ссылкою на свидѣтелей своего проступка, но въ консисторіи — вѣроятно, по недостаточности тѣхъ осязательныхъ данныхъ, которыми обыкновенно сопровождались домогательства супруговъ о разлученіи — опредѣленіемъ 7 декабря 1895 года Екатеринѣ Г. въ разводѣ съ мужемъ было отказано. Съ этимъ опредѣленіемъ не согласился, однако, московскій митрополитъ, предписавшій консисторіи, резолюціею 20 декабря, допросить не спрошенныхъ ею свидѣтелей. Заинтересованная въ успѣшномъ разрѣшеніи своей просьбы о разводѣ, Екатерина Г., конечно, слѣдила за ходомъ своего дѣла и, узнавъ въ канцеляріи объ отказѣ, была этимъ крайне смущена и разстроена, считая таковой за окончательный и не предвидя будущей резолюціи митрополита. Между тѣмъ желаніе, а, быть-можетъ, по различнымъ мѣстнымъ и личнымъ обстоятельствамъ, необходимость бракосочетанія съ любимымъ человѣкомъ побуждали ее не примиряться съ безысходностью своего положенія...

24 декабря 1895 года у проруби на Москвѣ-рѣкѣ противъ Кремлевскаго дворца, въ раіонѣ Якиманской части, найдено было поношенное пальто со свидѣтельствомъ объ освобожденіи

Николая Г. отъ исполненія воинской повинности, нѣсколькими письмами на его имя, а также запиской, содержавшей въ себѣ просьбу никого не винить въ смерти владѣльца пальто. На другой день Екатерина Г. получила по городской почтѣ отъ мужа письмо, въ которомъ говорилось, что, доведенный до крайности голодомъ и холодомъ, онъ рѣшилъ лишить себя жизни, утопившись въ Москвѣ-рѣкѣ. Письмо это она представила въ полицію, а 27 декабря та же полиція пригласила ее осмотрѣть трупъ вытащеннаго наканунѣ изъ воды утопленника, въ которомъ предполагали самоубійцу, бросившаго у проруби платье и оставившаго записку. Она признала въ трупѣ своего мужа, а на вопросъ, почему покойный одѣтъ въ мундиръ инженера путей сообщенія, отвѣтила, что мужъ, постоянно пропивая или обмѣнивая свое носильное платье, бродя по Москвѣ и проводя ночи въ ночлежкахъ, могъ оказаться даже и не въ такомъ костюмѣ. Трупъ мужа былъ ей выданъ, она похоронила его 31 декабря на Дорогомиловскомъ кладбищѣ, 5 января 1896 года получила вдовій видъ, а 21 января въ церкви одного изъ селъ Богородскаго уѣзда обвѣнчалась съ крестьяниномъ Ч...

25 марта 1896 года петербургскій градоначальникъ получилъ прошеніе отъ проживающаго на Охтѣ дворянина Николая Г. о выдачѣ ему новаго паспорта, такъ какъ прежній утерянъ имъ при проѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, и онъ проживаетъ по своему метрическому свидѣтельству, которое полиція затрудняется прописывать. По этому поводу приставу Охтенской части предписано было произвести дознаніе. Вызванный въ участокъ Николай Г. на заявленіе пристава, что разсказъ объ утратѣ паспорта представляется мало вѣроятнымъ, сознался, что паспорта не терялъ, а таковой находится въ дѣлахъ московской духовной консисторіи или, быть-можетъ, въ дѣлѣ о его самоубійствѣ, и по этому поводу разсказалъ о томъ, какимъ путемъ добытъ вдовій видъ его женой. Изъ провѣреннаго дознаніемъ и слѣдствіемъ заявленія его, оказалось, что Екатерина Г., отчаявшись въ полученіи развода, уговорила его дать ей возможность имѣть удостовѣреніе о его смерти, для чего онъ долженъ былъ бросить у проруби на Москвѣ-рѣкѣ часть своей одежды и доку-

ментовъ, а затѣмъ написать по составленному ею черновику письмо съ увѣдомленіемъ о рѣшимости своей на самоубійство. Съ исполненіемъ этого ея предложенія совпало, какъ онъ выразился, «на ея счастье», извлеченіе изъ рѣки трупа неизвѣстнаго человѣка, при чемъ полиція съ близорукой поспѣшностью не сообразила, что прорубь, въ которую будто бы бросился Николай Г. 24 декабря, находится на шесть верстъ *ниже* по теченію отъ того мѣста, гдѣ былъ вытащенъ 27 декабря неизвѣстный человѣкъ, еще *живой* и умершій черезъ десять минутъ по доставленіи его въ управленіе Пресненской части. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Екатерина Г. проводила мужа на Николаевскую желѣзную дорогу, купила для него билетъ до Петербурга и дала ему на дорогу пятнадцать рублей, обѣщая каждый мѣсяцъ высылать денежную помощь, что она и дѣлала, подписывая свои письма вымышленнымъ именемъ. Такимъ образомъ создалось противъ супруговъ Г. обвиненіе — жены въ двоебрачіи и въ необходимомъ пособничествѣ для этого со стороны мужа, т.-е., въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1554 ст. Уложенія о наказаніяхъ.

Эти обстоятельства показываютъ, что упоминаемый въ различныхъ версіяхъ о происхожденіи «Живого трупа» шантажъ со стороны сотоварища Николая Г. по пьяному и бездомному житію и послѣдовавшій затѣмъ отъ него доносъ, повлекшій за собой возбужденіе преслѣдованія противъ Г., — лишены фактическаго основанія. Въ послѣдніе годы экспериментальная психологія, установляя, путемъ опыта, пріемы для оцѣнки объективной правдивости свидѣтельскихъ показаній, приходитъ къ выводу, что человѣческая память, по прошествіи нѣкотораго времени отъ событія, въ большинствѣ случаевъ утрачиваетъ ясность и точность, стремясь выполнить образующіеся въ ней пробѣлы представленіями, которыя, будучи совершенно добросовѣстными, въ то же время совершенно далеки отъ истины. Въ этихъ случаяхъ человѣческая мысль, незамѣтной для самой себя, переходитъ отъ шаткаго: «такъ могло бы быть» къ опредѣленному: «такъ должно было быть» и къ положительному: «такъ было». Этимъ, конечно, объясняется то, что одинъ изъ участниковъ за-

сѣданія по разбиравшемуся въ Москвѣ дѣлу супруговъ Г. называетъ руководителемъ засѣданія бывшаго предсѣдателя московскаго Окружного Суда Н. В. Давыдова, тогда какъ дѣло разбиралось въ московской Судебной Палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя Палаты А. Н. Попова. Этимъ же объясняется и утвержденіе одного изъ сословныхъ представителей, что судъ, постановившій обвинительный приговоръ, найдя положеніе осужденной за двоебрачіе супруги трагичнымъ, безвыходнымъ и ее самое глубоко несчастной, опредѣлилъ ходатайствовать предъ Высочайшей властью о смягченіи ея участи, каковое ходатайство и было уважено. *Въ дѣйствительности* никакого ходатайства о смягченіи участи со стороны Судебной Палаты не послѣдовало, хотя по 774 ст. Уст. Угол. Суд. въ случаяхъ, когда представляются особыя уваженія къ облегченію участи подсудимаго, суду дозволяется ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ не только о смягченіи наказанія, но даже и о помилованіи обвиненнаго, сдѣлавшагося жертвой несчастнаго для него стеченія обстоятельствъ. Уменьшивъ мѣру слѣдуемаго Екатеринѣ Г. наказанія на двѣ степени «во вниманіе къ ея легкомыслію», Судебная Палата приговорила обоихъ подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Енисейскую губернію. На этотъ приговоръ оба осужденные принесли кассаціонныя жалобы въ Сенатъ: Екатерина Г. отрицала свою виновность, а Николай Г. доказывалъ, что между вступленіемъ его жены во второй бракъ и тѣми дѣйствіями, въ которыхъ онъ обвиненъ, нѣтъ никакой причинной связи, такъ какъ рѣшающимъ обстоятельствомъ для признанія ея вдовою послужило опознаніе ею въ неизвѣстномъ человѣкѣ, вытащенномъ изъ воды и вслѣдъ затѣмъ умершемъ, своего мужа. Жалобы эти слушались въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента 10 марта 1898 г. и оставлены безъ послѣдствій, а самое дѣло о двоебрачіи, по изготовленіи рѣшенія въ окончательной формѣ, подлежало возвращенію въ Палату для обращенія приговора къ исполненію.

Участвуя въ этомъ засѣданіи и соглашаясь, со строго юридической точки зрѣнія, съ правильностью взгляда Сената на

полную наличность въ установленныхъ Судебною Палатою обстоятельствахъ существенныхъ признаковъ преступленія двоебрачія, предусмотрѣннаго 1554 ст. Улож. о наказ., я тѣмъ не менѣе находилъ, что формальное примѣненіе закона къ обоимъ подсудимымъ, и въ особенности къ Екатеринѣ Г., представляется до крайности жестокимъ и тяжко поражающимъ существованіе послѣдней и безъ того глубоко несчастной. Это былъ яркій случай противорѣчія между правдой житейской, человѣческой — и правдой формальной и отвлеченной, и въ то время, когда послѣдняя съ безстрастной правильностью совершала свое дѣло, первая громко, какъ мнѣ казалось и слышалось, взывала къ участію и милосердію. Miser res sacra! Поэтому, въ ожиданіи изготовленія рѣшенія сенаторомъ-докладчикомъ, я немедленно обратился къ исполнявшему обязанности товарища прокурора московской Судебной Палаты, покойному Н. М. Коваленскому, поддерживавшему обвиненіе противъ Г., съ просьбой отвѣтить на нѣкоторые вопросы. Уже 15 марта я получилъ отвѣтъ, въ которомъ значилось, что на судѣ ничѣмъ не было доказано, чтобы поведеніе Екатерины Г. побудило мужа сдѣлаться горькимъ пьяницей, и наоборотъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что послѣдній спился съ круга совершенно независимо отъ своихъ отношеній къ женѣ; крестьянинъ же Ч., очевидно, безъ памяти любившій свою жену и рѣшившійся послѣдовать за нею въ Сибирь, произвелъ на всѣхъ въ засѣданіи прекрасное впечатлѣніе. «Разбирайся дѣло съ присяжными засѣдателями, — писалъ Коваленскій, — супруги Г. были бы несомнѣнно оправданы. Ихъ совмѣстная жизнь въ Сибири будетъ, вѣроятно, невозможной. Николай Г. тѣсно сроднился съ жизнью на улицѣ и въ кабакѣ, а его жена — энергичная и трудолюбивая женщина, и, быть-можетъ, ей удастся найти себѣ заработокъ и въ ссылкѣ». Къ письму Коваленскій, бывшій талантливымъ художникомъ, прилагалъ и набросанный имъ въ засѣданіи портретъ Николая Г., объясняя, что, по общему признанію, портретъ очень похожъ, но только въ натурѣ носъ оригинала поражаетъ своимъ темно-багровымъ цвѣтомъ. Этотъ портретъ вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ, сдѣланнымъ А. М. Катковымъ, бывшимъ сословнымъ представите-

лемъ въ особомъ присутствіи Палаты. «Какъ сейчасъ помню этого субъекта, который явился въ качествѣ *живого трупа*, пишетъ онъ.—Маленькій человѣкъ со страшно длиннымъ, вытянутымъ носомъ, совершенно краснымъ; онъ былъ оборванъ, въ какихъ-то опоркахъ и держалъ себя *бывшимъ человѣкомъ*». Вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ моему старому знакомому еще по первымъ годамъ судебной реформы въ Харьковѣ, галантливому ученому и мыслителю, профессору Л. Е. Владимірову, вступившему въ Москвѣ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ, я просилъ его розыскать несчастную Екатерину Г. и сообщить мнѣ свое личное о ней впечатлѣніе. 23 марта онъ писалъ мнѣ: «сегодня у меня была несчастная Г., и я чуть не плакалъ, смотря на нее и слушая ея разсказъ. Во-первыхъ, это больная, замученная, растерзанная женщина; во-вторыхъ, у нея сынъ пятнадцати лѣтъ, гимназистъ, который прекрасно учится, и его приходится оставить одного и безъ средствъ въ Москвѣ. Мальчикъ въ настоящее время невыразимо страдаетъ отъ мальчишекъ-товарищей, преслѣдующихъ его намеками на процессъ. Не стану вамъ говорить, что́ нужно сдѣлать для этой бѣдной женщины, тѣмъ болѣе, что вы сами возбуждаете вопросъ, въ результатѣ котораго можетъ-быть значительное смягченіе. Но говорю вамъ: стоитъ посмотрѣть на эту тѣнь, которая называется Г., чтобы увидѣть, что назначенное ей наказаніе есть непосильное бремя. На конвоира при поѣздкѣ въ Сибирь на свой счетъ у ней нѣтъ никакихъ средствъ; отправиться же въ Сибирь по этапу, въ компаніи преступниковъ, ей невозможно: она просто умретъ. Краше въ гробъ кладутъ! Удивляться нужно, въ чемъ держится жизнь. Видали ли вы когда-нибудь христіанскую мученицу Антокольскаго? Вотъ это — Екатерина Г»... Вооруженный этими свѣдѣніями, я обратился къ моему глубоко мною уважаемому преемнику по званію оберъ-прокурора, В. К. Случевскому, и просилъ его ходатайствовать передъ министромъ юстиціи — по заведенной мною въ бытность мою оберъ-прокуроромъ практикѣ — о помилованіи или значительномъ смягченіи судьбы осужденныхъ. Заручившись его согласіемъ, я отправился къ Н. В. Муравьеву, чтобы личными съ нимъ объясненіями подго-

товить почву для благопріятнаго направленія будущаго представленія В. К. Случевскаго, что, къ сожалѣнію, бывало не во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а также, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ готовъ министръ юстиціи допустить смягченіе участи, если полное помилованіе не будетъ признано возможнымъ. Результатомъ этихъ объясненій былъ, составленный мною и одобренный въ проектѣ оберъ-прокуроромъ, рапортъ его отъ 19 мая, въ которомъ онъ, препровождая подлинное дѣло и копію съ только что подписаннаго рѣшенія Сената, ходатайствовалъ предъ министромъ юстиціи о замѣнѣ для осужденныхъ ссылки съ лишеніемъ правъ — заключеніемъ въ тюрьмѣ на годъ безъ всякихъ ограниченій въ правахъ. 29 іюня по докладу министра юстиціи на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе. «Екатерина Г. — писалъ мнѣ 11 сентября профессоръ Владиміровъ — которая была сегодня арестована, просила меня передать вамъ свою душевную благодарность за все, что для нея было сдѣлано. Она будетъ содержаться въ виду ея болѣзненнаго состоянія въ тюремной больницѣ и de facto будетъ исполнять обязанности фельдшерицы»...

Такова фактическая сторона дѣла, подавшая Л. Н. Толстому мысль, воплотившуюся въ столь нашумѣвшіе пьесѣ «Живой трупъ».

Какъ извѣстно, Н. В. Давыдовъ разсказалъ Толстому сущность дѣла супруговъ Г. Со свойственною ему чуткостью и отзывчивостью онъ, безъ сомнѣнія, въ яркихъ чертахъ развернулъ передъ «великимъ писателемъ земли русской» эту драму, — одну изъ тѣхъ житейскихъ драмъ, съ которыми нерѣдко приходится встрѣчаться судебнымъ дѣятелемъ. На палитрѣ жизни есть краски, и въ жизненной ткани есть узоры, которые подчасъ могутъ казаться крайнимъ проявленіемъ усиленнаго вымысла, если бы ихъ не оправдывали и не подтверждали неопровержимые и несомнѣнные факты. «Въ природѣ, другъ Гораціо, — говоритъ Гамлетъ, — есть много вещей, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ». Онъ могъ бы сказать съ неменьшимъ основаніемъ, что въ жизни бываютъ такія положенія, и завязываются такіе узлы, которые и не снились служителямъ искусства. По явившимся въ печати свѣдѣніямъ, Толстой такъ заинтересовался

тѣмъ, что ему сообщилъ Н. В. Давыдовъ, что тогда же, т.-е. въ половинѣ девяностыхъ годовъ, сталъ набрасывать и обдумывать драматическое произведеніе, которое первоначально носило названіе «Трупъ». Еще въ 1900 году, какъ видно изъ отрывковъ его дневника, мысль его часто обращалась къ этому произведенію. Тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь утверждать, что онъ его никогда не считалъ вполнѣ законченнымъ. Въ планѣ и наброскахъ этого произведенія вводныя лица то появлялись, то исчезали, а отдѣльныя сцены выбрасывались, оставляя тѣ пробѣлы, которые чувствуются при чтеніи «Живого трупа» и возбуждаютъ недоумѣнные вопросы или произвольныя, быть-можетъ совершенно несогласныя съ замысломъ автора, предположенія. Такъ, напримѣръ, г. Буланже указываетъ на то, что въ первомъ дѣйствіи первоначально былъ выведенъ лихачъ-извозчикъ Турецкій, дающій нить къ отысканію Ѳеди, котораго онъ возилъ по Москвѣ. Образъ Турецкаго вообще интересовалъ Льва Николаевича. Въ 1887 году, въ Ясной Полянѣ, во время одной изъ незабвенныхъ для меня прогулокъ вдвоемъ, Толстой со сдержаннымъ и тонкимъ юморомъ разсказывалъ, какъ въ старые «крѣпостные» годы помѣщики изъ медвѣжьихъ угловъ отдаленной провинціи, послѣ долгихъ сборовъ и приготовленій, отправлялись, иногда и съ членами семьи, въ Петербургъ. Но по дорогѣ лежала Москва со всѣми своими тогдашними соблазнами. Остановившись въ ней на нѣсколько дней, такой—тяжелый на подъемъ и обросшій, одѣтый старомодно и озадаченный внѣшней жизнью огромнаго города,—путешественникъ, ѣхалъ обыкновенно въ баню, а на другой день отправлялся къ парикмахеру, который его брилъ, стригъ, завивалъ и опрыскивалъ духами. И съ этого момента пріобщившійся къ «цивилизаціи» помѣщикъ, одичавшій въ своемъ углу, вдругъ начиналъ чувствовать непреодолимую потребность вкусить и остальныхъ благъ цивилизаціи и исчезалъ на нѣсколько дней. Родные и близкіе начинали тревожиться, воображали, что случилось какое-нибудь несчастіе и обращались съ вопросами и запросами къ кому-нибудь изъ высшихъ представителей полиціи. Но послѣдній, по опыту, обыкновенно зналъ, что «es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu». Онъ требо-

валъ къ себѣ Турецкаго — содержателя лихачей — и тотъ скоро доставлялъ требуемыя и успокоительныя свѣдѣнія, прослѣдивъ или самъ припомнивъ похожденія пропавшаго. Извлеченный изъ нѣдръ цыганскаго табора или изъ гостепріимныхъ стѣнъ какого-либо увеселительнаго заведенія или трактира, «хлебнувшій цивилизаціи» возвращался къ роднымъ сконфуженный, обыгранный, нездоровый отъ кутежей и очень часто съ такимъ опустошеннымъ карманомъ, что вмѣсто поѣздки въ Петербургъ приходилось возвращаться назадъ... Въ 1904 году ранней весной я былъ послѣдній разъ въ Ясной Полянѣ, найдя Льва Николаевича въ нервномъ и удрученномъ состояніи подъ вліяніемъ начавшейся злополучной русско-японской войны. При мнѣ было получено извѣстіе о гибели Макарова и Верещагина, очень его взволновавшее. Въ разговорахъ на литературныя темы и въ чтеніи вслухъ разсказовъ Куприна онъ, казалось, искалъ забвенія отъ тревожныхъ мыслей. Въ этотъ мой пріѣздъ онъ далъ мнѣ возможность прочесть въ рукописи «Хаджи Муратъ», «Послѣ бала» и «Божеское и человѣческое». Но когда я, до глубины души захваченный этими произведеніями, попросилъ его дать мнѣ прочесть и «Трупъ», то онъ сказалъ мнѣ: «нѣтъ, этого читать не стоитъ: оно не кончено, да и вообще мнѣ не нравится, и я его совсѣмъ бросилъ». Не думаю, чтобы въ послѣдующіе затѣмъ годы Левъ Николаевичъ могъ измѣнить свое отношеніе къ этому произведенію и снова имъ заняться. Бурные дни, пережитые за это время Россіей, обратили его къ трудамъ иного порядка... Вотъ почему мнѣ думается, что нельзя особенно порадоваться оглашенію и постановкѣ «Живого трупа», къ которому не приложена окончательно творческая рука автора. Глубокія мысли о ложныхъ сторонахъ нашей общественной и личной жизни, спорадически мелькающія въ этомъ произведеніи, извѣстны изъ ряда предшествующихъ законченныхъ произведеній Толстого, и ими не искупаются различные промахи относительно дѣйствительнаго положенія вещей, которые, конечно, были бы устранены при окончательной отдѣлкѣ вполнѣ созрѣвшей драмы...

Мнѣ пришлось впервые познакомиться съ «Властью тьмы» и «Плодами просвѣщенія» въ замѣчательномъ чтеніи А. А. Стаховича, во время котораго каждое дѣйствующее лицо оживало предъ слушателями со всѣми своими особенностями. Съ А. А. Стаховичемъ, какъ чтецомъ, я могъ бы сравнить лишь покойнаго А. Ѳ. Писемскаго. И у послѣдняго чтеніе почти что обращалось въ игру, но нѣсколько болѣе грубую и безъ тѣхъ тонкихъ оттѣнковъ и художественной дикціи, которыми такъ богато было чтеніе А. А. Стаховича. Затѣмъ я видѣлъ «Плоды просвѣщенія» на Александринской сценѣ въ Петербургѣ и въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ и, вопреки ожиданіямъ, свойственнымъ мнѣ, какъ старому москвичу, нашелъ, что исполненіе въ Петербургѣ было значительно тоньше, глубже и богаче бытовыми подробностями, чѣмъ на знаменитой московской сценѣ, гдѣ многое было утрировано и второстепенныя роли были розданы довольно безцвѣтнымъ исполнителямъ, тогда какъ въ Петербургѣ, напримѣръ, роль старшаго изъ мужиковъ, которому «куренка некуда выпустить», удивительно исполнялъ Давыдовъ. «Власть тьмы» мнѣ пришлось видѣть только на сценѣ Суворинскаго театра въ Петербургѣ, гдѣ былъ превосходенъ артистъ исключительныхъ дарованій Красовскій, въ разсказѣ о «дѣтосѣкѣ». Поэтому сравнивать исполненіе этой драмы съ таковымъ же на другихъ русскихъ сценахъ я не могу, но долженъ сознаться, что по силѣ и, такъ сказать, по страстности игры его оставило далеко за собой исполненіе итальянскаго артиста Цаккони съ его итальянскою же труппою. Странное впечатлѣніе, производимое тульскими мужиками, говорящими по-итальянски, и горячею южной жестикуляціей женщинъ, проходило очень быстро, и зрителя съ чрезвычайной силой захватывала гармоническая связь содержанія и исполненія, выдержаннаго во всѣхъ подробностяхъ. Самъ Цаккони былъ великолѣпенъ и своей игрой лучше всего доказывалъ, какъ общечеловѣчны въ своемъ ходѣ и развитіи тѣ страсти, которыя изобразилъ Толстой съ такой силой. Въ сценѣ галлюцинаціи, когда Никитѣ слышится трескъ костей раздавленнаго ребеночка, онъ далъ совершенно вѣрную клиническую картину слуховыхъ

обмановъ чувствъ, чуждую всякихъ преувеличеній, и тѣмъ не менѣе такую, отъ которой морозъ подиралъ по кожѣ.

Говоря о Цаккони, я не могу забыть его игры въ Отелло. Я видѣлъ въ этой роли знаменитаго чернаго трагика Айра Ольдриджа въ его пріѣздъ въ Москву, гдѣ я былъ въ это время студентомъ. Въ его игрѣ сказывался темпераментъ уроженца «знойной Африки» и чудилось, что въ минуты страсти въ его жилахъ течетъ не кровь, а раскаленная лава. Въ сценѣ умерщвленія Дездемоны онъ былъ просто страшенъ. Войдя въ спальню, онъ крался, какъ кошка, и, видимо, торопился совершить свое жестокое дѣло съ назрѣвшею рѣшимостью. Онъ велъ допросъ Дездемоны, сидя на маленькомъ табуретѣ у ея ногъ, задавая вопросы глухимъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, согнувшись, нетерпѣливо потирая переднюю часть своихъ бедеръ и похлопывая себя по колѣнкамъ. Видно было, какъ звѣриная жажда мщенія волною заливаетъ въ немъ человѣческія чувства. Задушеніе Дездемоны сопровождалось у него торжествующимъ воплемъ и рыканіемъ, затѣмъ наступало молчаніе, длившееся довольно долго, и онъ отходилъ отъ ложа жены съ видомъ ослабѣвшаго, но успокоеннаго человѣка. Его отчаянные крики: «Дездемона! Дездемона!» когда онъ узнаетъ истину, потрясали весь зрительный залъ и долго, долго звучали въ ушахъ слушателей. Звучатъ они и теперь для меня съ такою же силой, какъ будто я вижу Ольдриджа передъ собою въ великолѣпномъ, своеобразномъ костюмѣ и слышу его англійскую рѣчь. Отелло былъ его коронною ролью, и мнѣ пришлось по поводу ея исполненія присутствовать при интересомъ разговорѣ.

Въ это время въ Москвѣ жилъ, оканчивая свои «судьбой отсчитанные дни», ветеранъ и гордость русской сцены, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Старый другъ моего отца, Щепкинъ, видавшій меня не разъ въ Петербургѣ ребенкомъ, съ сердечнымъ радушіемъ встрѣтилъ меня, когда я переселился въ Москву послѣ закрытія петербургскаго университета въ 1862 году. Онъ незадолго передъ этимъ оставилъ сцену, но не могъ примириться съ этой разлукой. «Понимаете ли, — говорилъ онъ мнѣ, — вѣдь я сжился со сценой; мнѣ просто непонятна жизнь внѣ ея,

безъ любимаго дѣла: мнѣ нуженъ запахъ кулисъ, свѣтъ рампы; я не могу безъ этого жить... я умру...» И дѣйствительно, онъ вскорѣ умеръ. Несмотря на налетъ грусти, который лежалъ на его умномъ старческомъ лицѣ и на его часто затуманивавшихся слезами глазахъ, онъ былъ неистощимъ въ воспоминаніяхъ и разсказалъ о своемъ прошломъ, въ особенности о далекомъ прошломъ, мысль о которомъ переносила его въ родную Украйну. Живо помню одинъ изъ такихъ разсказовъ. «Мнѣ пришлось, — говорилъ Щепкинъ, — ждать у рѣки парома, чтобы переѣхать на другой берегъ съ кладью, принадлежавшей моему помѣщику графу Волькенштейну. На пристани сидѣлъ старикъ-сторожъ и флегматически курилъ свою люльку. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ такъ же флегматически сказалъ мнѣ, лѣниво кивнувъ головою по теченію рѣки: «человікъ тоне». — «Гдѣ? гдѣ?» вскричалъ я и увидѣлъ то исчезавшую, то снова показывавшуюся голову и безсильно взмахивавшія руки. Я быстро сбросилъ съ себя одежду и поплылъ на помощь. Будучи отличнымъ и сильнымъ пловцомъ, я скоро достигъ утопающаго, но тутъ оказалось, что онъ былъ не одинъ и что за него хватался другой, тоже тонувшій, и увлекалъ его съ собой на дно. Я оторвалъ и оттолкнулъ одного отъ другого и по очереди вытащилъ ихъ на берегъ. Отъ крайняго напряженія я такъ ослабѣлъ, что, вытащивъ второго на берегъ, самъ упалъ безъ чувствъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ я пришелъ въ себя, то изъ разсказовъ окружавшихъ меня и самихъ спасенныхъ узналъ, что одинъ изъ послѣднихъ, не умѣя плавать, оступился на крутомъ обрывѣ дна и сталъ тонуть. Тогда другой бросился его спасать, забывъ, что и самъ не умѣетъ плавать. Это послѣднее обстоятельство обиднымъ образомъ умалило во мнѣ сознаніе совершеннаго мною «подвига», а тутъ еще неосторожный спаситель снова полѣзъ въ воду. Это меня раздражило. «Куда ты лѣзешь опять»? остановилъ я его. «А обмыться», отвѣчалъ онъ лаконически, и это ужъ окончательно взорвало меня, такъ что я съ такой силой далъ ему въ ухо, что онъ упалъ. Я отрезвѣлъ, устыдился и сконфуженно опустилъ голову. Тогда среди наступившаго общаго молчанія изъ группы

окружающихъ выдѣлился старикъ-сторожъ со своей неизмѣнной люлькой, подошелъ ко мнѣ и, ласково потрепавъ по плечу, сказалъ: «Эге, Семеновичъ! вытащивъ человіка щобъ убити». Всѣ засмѣялись и пошли своей дорогой.—Я помню также, въ какое восхищеніе приводилъ Щепкина Гарибальди и его эпопея. Онъ не могъ говорить о немъ безъ слезъ умиленія и съ великимъ удовольствіемъ цитировалъ ходившій на Украйнѣ въ народѣ слухъ, что популярный герой вовсе не итальянецъ, а потомокъ запорожцевъ — Загребайло, передѣланный на чужбинѣ въ Гарибальди. При мнѣ Щепкинъ зазвалъ со двора шарманщика съ дѣвочкой-пѣвичкой и заставилъ ихъ играть и пѣть Гарибальдійскій гимнъ, плача въ три ручья въ то время, когда дѣвочка, имъ тепло обласканная и одаренная, тоненькимъ голоскомъ выводила — «evviva Garibaldi!» Точно такъ же, заливаясь слезами, говорилъ онъ по-малороссійски при мнѣ не разъ любимое стихотвореніе Шевченко «Пустка», начинавшееся словами:

Заворожи мене волхве,
Друже сывоусый,
Ты вже сердце запечатавъ,
А я—ще боюся»...

и продиктовалъ его мнѣ.

Одно изъ сужденій Щепкина, къ которымъ вообще я прислушивался съ большимъ уваженіемъ, поразило меня, однако, до крайности. Я еще находился подъ впечатлѣніемъ «Грозы» Островскаго, которую видѣлъ не разъ на Петербургской сценѣ. Она была поставлена образцово во всѣхъ отношеніяхъ. Линская была удивительная Кабанова. Холодомъ вѣяло отъ нея. Снѣткова создала поэтическій и цѣльный образъ Катерины, а сцена свиданія Кудряша — Горбунова съ Варварой — Левкѣевой была проведена ими съ такою жизненною правдою и эстетическимъ чутьемъ, что заставляла забывать, что находишься въ театрѣ, а не притаился самъ, теплою весеннею ночью, на нависшемъ надъ Волгою берегу, въ густой листвѣ, въ которой свиститъ и щелкаетъ настоящій соловей. Но выше всего въ ней былъ Мартыновъ, драматическій талантъ котораго тутъ проявился во всей своей силѣ. На мѣстѣ актера, одно появленіе котораго еще недавно, въ ка-

комъ-нибудь нелѣпомъ водевилѣ, въ родѣ «Донъ Ранудо де Калибрадосъ или что и честь, коли нечего ѣсть» (sic!), возбуждало громкій, заранѣе готовый смѣхъ зрительной залы, — выросъ человѣкъ, властно и неотразимо заглядывающій въ самую глубину потрясеннаго сердца зрителей. Роль молодого Кабанова была апогеемъ славы Мартынова, она же была и его лебединой пѣснью. Я еще вижу его, какъ живого, надъ трупомъ несчастной жены, съ непередаваемымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ, бросающимъ въ лицо старой Кабановой упрекъ: «это вы ее убили маменька, вы!»

Вмѣстѣ съ многими изъ моихъ сверстниковъ я зачитывался Добролюбовскимъ «Темнымъ Царствомъ» и «Свѣтлымъ лучомъ въ темномъ царствѣ». Каково же было мое удивленіе, когда я встрѣтилъ весьма критическое отношеніе къ «Грозѣ» со стороны ветерана лучшей русской сцены! Въ разговорѣ объ Островскомъ Щепкинъ привелъ мнѣніе Галахова, — считавшагося въ то время нѣкоторыми за авторитетъ въ оцѣнкѣ драматическихъ произведеній — о томъ, что Академіи Наукъ не слѣдовало присуждать Уваровскую премію (Островскій получилъ ее за «Грозу») за произведеніе, на представленіе котораго нельзя итти порядочному семейству и куда, конечно, самъ графъ Уваровъ никогда не повелъ бы свою дочь. Народная драма, сказалъ Щепкинъ, должна быть написана въ смыслѣ, свойственномъ народному воззрѣнію. Поэтому странно, что Островскій выставляетъ, какъ идеалъ, женщину, «рѣшившуюся всенародно объявить себя курвой». Дикой, по его мнѣнію, неправдоподобенъ и каррикатуренъ. Нельзя выставлять, въ условіяхъ современности, самодура дѣйствующимъ безпрепятственно въ такое время, когда никто его самодурству уже не покорится... Такъ сильно вліяли на взгляды замѣчательнаго и глубокаго артиста традиціи условнаго искусства! А между тѣмъ онъ былъ способенъ смотрѣть на послѣднее съ весьма реальной точки зрѣнія. Я лично былъ свидѣтелемъ этого.

Однажды, когда мы сидѣли въ обширномъ кабинетѣ Щепкина, на Мѣщанской улицѣ, недалеко отъ Сухаревой башни, въ передней раздался звонкій хохотъ, и оттуда показалось смѣю-

шееся, жизнерадостное, красное лицо Кетчера подъ шапкою лохматыхъ сѣдыхъ волосъ, а за нимъ и самъ Айра Ольдриджъ. Другъ выдающихся людей сороковыхъ годовъ, который «переперъ» всего Шекспира на русскій языкъ, Кетчеръ привезъ англійскаго чернаго трагика познакомиться со Щепкинымъ и согласился исполнять при этомъ обязанности толмача. Ольдриджъ началъ бесѣду красиво составленной фразой о томъ, что онъ не могъ уѣхать изъ Москвы, не отдавши дань почтенія знаменитому артисту и не услышавъ отъ него критическаго отзыва о своей игрѣ. «Скажи ему, — обратился Щепкинъ къ Кетчеру, — что я его видѣлъ только въ «Отелло» и нахожу, что онъ замѣчательный артистъ и что въ послѣднемъ дѣйствіи онъ меня, старика — человѣка привычнаго — взволновалъ до глубины души». Въ отвѣтъ на это Ольдриджъ, почтительно наклонивъ голову, сказалъ, что такой отзывъ для него — лучшая награда, но все-таки настойчиво попросилъ у Щепкина критическихъ замѣчаній. «Иначе, — прибавилъ къ его словамъ Кетчеръ, — онъ можетъ принять твои слова за простую условную любезность». — «Ну, когда такъ, — заволновался Щепкинъ, — то скажи ему, что мнѣ не нравится вся его сцена съ пріѣзжающей Дездемоной. Когда привозящая ее галера останавливается у берега, и она ступаетъ на землю, Ольдриджъ спокойно и величественно идетъ ей навстрѣчу, подаетъ ей руку и выводитъ на авансцену. Развѣ это возможно?! Онъ забываетъ, что Отелло — мавръ, что въ немъ льется и кипитъ южная горячая кровь, что онъ давно не видѣлъ жены, которую не только любитъ, но въ которую страстно влюбленъ... и вотъ она предъ нимъ — одновременно предметъ обожанія и вожделѣнія... да ему вся кровь должна ударить въ сердце, онъ долженъ броситься къ ней, какъ звѣрь, забывъ все окружающее, схватить ее, смять въ своихъ объятіяхъ, принести на рукахъ на авансцену и только тутъ вспомнить, что онъ военачальникъ и что за нимъ слѣдятъ любопытные взоры. Вотъ тутъ онъ долженъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ его его съ самаго начала изображаетъ Ольдриджъ. Да скажи ему, — и Щепкинъ вскочилъ со стула въ порывѣ артистическаго творчества, — что онъ долженъ осыпать ее поцѣлуями, цѣловать ей руки

и ноги; да скажи ему, что»... и онъ сдѣлалъ энергическое и весьма образное указаніе, неудобное для повторенія въ печати. Ольдриджъ, выслушавъ переводъ, улыбнулся и наклонилъ голову въ знакъ согласія.

Совсѣмъ другого Отелло игралъ Сальвини. Въ послѣднемъ дѣйствіи къ нему можно было примѣнить то, что говоритъ Пушкинъ о Петрѣ въ утро Полтавской битвы: «ликъ его прекрасенъ — онъ ужасенъ». Необыкновенно тонко проводилъ онъ оттѣнокъ довѣрчивости и дѣтской наивности въ характерѣ Отелло. Когда Яго отравляетъ его душу подозрѣніемъ, и онъ вдругъ догадывается, что дѣло идетъ о его женѣ, онъ быстро теряетъ самообладаніе, бросается на Яго, сильнымъ ударомъ валитъ его на землю и топчетъ ногами. Но порывъ этотъ тотчасъ проходитъ, онъ овладѣваетъ собою и жестомъ, исполненнымъ доброты и великодушія, протягиваетъ руки къ Яго и въ возгласѣ его: о! о! звучитъ укоръ себѣ и мольба о прощеніи. А затѣмъ онъ отходитъ къ стѣнѣ, поворачивается къ ней лицомъ и, какъ обиженное дитя, горько плачетъ, машинально скребя пальцами эту стѣну. И опять въ этой сценѣ другого Отелло игралъ Цаккони. Гордый и властный мавръ, сидя на авансценѣ почти у самой рампы, лицомъ къ публикѣ, слушалъ небрежно лукавый шопотъ Яго, и лишь, когда послѣдній началъ ставить точки надъ і, на лицѣ его изобразилось скучающее недоумѣніе. Но еще минута — и на немъ, какъ молнія, промелькнуло пониманіе смысла слышаннаго. Онъ хватаетъ за воротъ Яго, могучимъ движеніемъ ставитъ его передъ собой на колѣни, беретъ за уши, приближаетъ его лицо почти вплотную къ своему, его глаза почти выскакиваютъ изъ орбитъ и изъ яркокрасныхъ устъ, покрытыхъ пѣною ярости, слышатся шипящіе, прерывистые звуки клокочущаго гнѣва и уязвленнаго въ самое сердце самолюбія. Подобно Ольдриджу въ послѣднемъ разговорѣ съ Дездемоной, Цаккони былъ страшенъ въ описанной сценѣ, и я не думаю, чтобы актеръ, исполнявшій роль Яго, чувствовалъ себя въ эти минуты пріятно.

Передѣлки «Воскресенія» на русскій языкъ я на сценѣ не видѣлъ, хотя по поводу такой передѣлки, сдѣланной артистомъ

Ге, я и былъ вызванъ въ судъ для дачи показанія по дѣлу между нимъ и артистомъ Арбенинымъ. Они обвиняли другъ друга въ плагіатѣ, и такъ какъ я присутствовалъ при чтеніи передѣлки Ге у М. Г. Савиной, то предполагалось, что я могу дать важныя разъясненія по вопросу о томъ, кто у кого заимствовалъ сценарій и конструкцію драмы. Публика же, мелкая пресса и стороны, повидимому, интересовались тѣмъ, что показаніе будетъ давать свидѣтель, который разскажетъ кое-что и о происхожденіи «Воскресенія». Но я этого «кое-что», къ общему разочарованію, не разсказалъ. Я не хотѣлъ дѣлать моихъ отношеній къ Льву Николаевичу предметомъ импровизаціи со стороны авторовъ судебныхъ отчетовъ въ поспѣшныхъ, отзывающихся на злобу дня, трудахъ, въ которыхъ иногда трудно отличить, гдѣ кончается Wahrheit и гдѣ начинается Dichtung. Воспоминаніе о происхожденіи повѣсти Толстого, властно всколыхнувшей многія сердца и многихъ удержавшей — какъ мнѣ достовѣрно извѣстно — на самомъ краю покатой плоскости эгоистической потачки своимъ чувственнымъ вожделѣніямъ, было мнѣ слишкомъ дорого, чтобы дѣлиться имъ съ безжалостножадною на ощущенія толпою, наполняющею судебныя залы по сенсаціоннымъ процессамъ.

Я присутствовалъ на первомъ представленіи «Auferstehung» въ Deutsches Theater въ Берлинѣ, куда мы отправились съ покойнымъ профессоромъ А. И. Чупровымъ. Превосходная постановка, этнографическая и бытовая вѣрность костюмовъ и вдумчивое отношеніе артистовъ къ своимъ ролямъ произвели на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Передѣлка была не изъ особенно удачныхъ, но главнѣйшія внѣшнія событія, вліяющія на психику Нехлюдова, были представлены выпукло и согласно съ замысломъ автора. За исключеніемъ двухъ маленькихъ погрѣшностей (Катюша зажигаетъ папиросу въ тюрьмѣ у *лампадки*, съ пришедшими поздравить въ Свѣтлый праздникъ крестьянами Нехлюдовъ не христосуется, а подаетъ имъ руку), все было изображено совершенно вѣрно. Некрасивая и немного толстая актриса изображала Катюшу съ большимъ чувствомъ и реальностью, а сцена совѣщанія присяжныхъ была поставлена просто

превосходно. Хотя совѣщаніе происходило, очевидно, въ нашей городской думѣ (ибо изъ окна виднѣлся куполъ католической церкви на Невскомъ), а присяжные говорили по-нѣмецки, но жизненность исполненія заставляла забывать все это и думать, что находишься среди нашихъ русскихъ присяжныхъ. Но особенно поразительна по производимому впечатлѣнію была послѣдняя картина, поставленная нѣсколько мелодраматически и представлявшая угрюмый и холодный сибирскій пейзажъ, виднѣющійся со двора отдаленнаго сибирскаго острога. Когда Нехлюдовъ привозитъ отъ губернатора извѣщеніе, что Катюша помилована, и она заявляетъ ему, что останется, чтобы быть женою Симонсона, онъ заключаетъ ее въ объятія, и оба плачутъ подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго движенія. Въ это время раздается благовѣстъ пасхальной заутрени, и на сцену входитъ крестный ходъ. Арестанты выбѣгаютъ изъ низенькихъ домовъ, всѣ — и стража, и конвойные офицеры, и острожники, и Нехлюдовъ съ Катюшей — становятся на колѣни и склоняютъ головы предъ священникомъ въ облаченіи. Онъ высоко подымаетъ крестъ съ распятіемъ, — далекая снѣжная пустыня внезапно озаряется свѣтомъ, — и по небу разливается яркое сѣверное сіяніе.

Повышенное настроеніе публики росло съ каждымъ дѣйствіемъ, чему, конечно, способствовало то пониманіе движущаго мотива пьесы, которое чудесно отражалось на игрѣ актеровъ и заражало собою зрителей. Послѣдняя картина разрѣшила этотъ подъемъ, растрогавъ до слезъ почти всѣхъ присутствующихъ. И у меня съ Чупровымъ глаза оказались на мокромъ мѣстѣ...

III

Тургеневъ.— Достоевскій.— Некрасовъ.— Апухтинъ.— Писемскій.

(1909 г.)

Въ первый разъ я близко встрѣтился съ Тургеневымъ въ 1874 году, въ одинъ изъ его кратковременныхъ пріѣздовъ въ Петербургъ. Его вообще интересовали наши новые суды, а затѣмъ особое его вниманіе остановилъ на себѣ разбиравшійся въ этомъ году при моемъ участіи, въ качествѣ прокурора, громкій, по личности участниковъ, процессъ объ убійствѣ помѣщика одной изъ сѣверныхъ губерній, соблазнившаго довѣрчивую дѣвушку и устроившаго затѣмъ бракъ ея со своимъ хорошимъ знакомымъ, отъ котораго онъ скрылъ свои предшествовавшія отношенія къ невѣстѣ. Я говорилъ подробно объ этомъ дѣлѣ въ первомъ томѣ настоящей книги, въ запискахъ судебнаго дѣятеля (стр. 138 — 140).

Переписка участниковъ этой драмы, дневникъ жены и личность убійцы, обладавшаго въ частной и общественной жизни многими симпатичными и даже трогательными свойствами, представляли чрезвычайно интересный матеріалъ для глубокаго и тонкаго наблюдателя и изобразителя жизни, какимъ былъ Тургеневъ. Онъ хотѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми подробностями дѣла и со взглядомъ на него человѣка, которому выпало

на долю разбирать эту житейскую драму предъ судомъ. Покойный Викторъ Павловичъ Гаевскій привелъ Тургенева ко мнѣ въ Окружной Судъ и познакомилъ насъ. Какъ сейчасъ вижу крупную фигуру писателя, сыгравшаго такую вліятельную роль въ умственномъ и нравственномъ развитіи людей моего поколѣнія, познакомившаго ихъ съ несравненной красотой русскаго слова и давшаго имъ много незабвенныхъ минутъ душевнаго умиленія, — вижу его сѣдины съ прядью, спускавшеюся на лобъ, его милое, русское, мужичье, какъ у Л. Н. Толстого, лицо, съ которымъ мало гармонировало шелковое кашнэ, обмотанное по французскому обычаю вокругъ шеи, слышу его мягкій «бабій» голосъ, тоже мало соотвѣтствовавшій его большому росту и крупному сложенію. Я объяснилъ ему все, что его интересовало въ этомъ дѣлѣ, пренія по которому онъ признавалъ заслуживавшими перевода на французскій языкъ, а затѣмъ, уже не помню по какому поводу, разговоръ перешелъ на другія темы. Коснулся онъ, между прочимъ, Герцена, о которомъ Тургеневъ говорилъ съ особой теплотой. Его разсказъ о Герценѣ и Литтре приведенъ мною въ первомъ томѣ настоящей книги (стр. 634).

Когда Гаевскій напомнилъ, что Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ бы посмотрѣть самое производство суда съ присяжными, я послалъ узнать, какія дѣла слушаются въ этотъ день въ обоихъ уголовныхъ отдѣленіяхъ суда. Оказалось, что тамъ, какъ будто нарочно, разбирательство шло при закрытыхъ дверяхъ и что въ одномъ разсмотрѣніе дѣла уже кончалось, а въ другомъ еще продолжалось судебное слѣдствіе. Я повелъ Тургенева въ это послѣднее отдѣленіе и, оставивъ его на минуту съ Гаевскимъ, вошелъ въ залу засѣданія, чтобы попросить товарища предсѣдателя разрѣшить ему присутствовать при разборѣ дѣла. Но этотъ тупой формалистъ заявилъ мнѣ, что это невозможно, такъ какъ Тургеневъ не чинъ судебнаго вѣдомства, и что онъ можетъ дозволить ему присутствовать лишь въ томъ случаѣ, если подсудимый — отставной солдатъ, обвинявшійся въ растленіи восьмилѣтней дѣвочки, — заявитъ, что проситъ его допустить въ залу, какъ своего родственника. Въ надеждѣ, что Тургеневъ, вѣроятно, почетный мировой судья у себя въ Орловской губерніи, я обратился

къ нему съ вопросомъ объ этомъ, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Мнѣ, однако, трудно было этому повѣрить, и я послалъ въ свой кабинетъ за спискомъ чиновъ министерства юстиціи, въ которомъ, къ великой моей радости и къ неменьшему удивленію самого Тургенева, оказалось, что онъ давно уже почетный мировой судья и даже по двумъ уѣздамъ. Онъ добродушно разсмѣялся, замѣтивъ, что это съ нимъ случается не въ первый разъ и что точно такъ же онъ совершенно случайно узналъ о томъ, что состоитъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Я увидѣлъ въ этомъ нашу обычную халатность: даже желая почтить человѣка, мы обыкновенно не умѣемъ этого додѣлать до конца...

Введенный мною въ «мѣста за судьями» залы засѣданія, Тургеневъ чрезвычайно внимательно слѣдилъ за всѣми подробностями процесса. Когда былъ объявленъ перерывъ, и судьи ушли въ свою совѣщательную комнату, я привелъ туда Тургенева (Гаевскій уѣхалъ раньше) и познакомилъ его съ товарищемъ предсѣдателя и членами суда. Въ составѣ судей былъ старѣйшій членъ суда, почтенный старикъ-труженикъ, горячо преданный своему дѣлу, но кромѣ этого дѣла ничѣмъ не интересовавшійся. Онъ имѣлъ привычку брюзжать, говорить въ засѣданіяхъ самъ съ собою и обращаться къ свидѣтелямъ и участвующимъ въ дѣлѣ съ вопросами, поражавшими своей неожиданной наивностью, при чемъ вѣчно куда-то торопился, прерывая иногда на полусловѣ свою отрывистую рѣчь. «Позвольте васъ познакомить съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, — сказалъ я ему и прибавилъ, обращаясь къ нашему гостю: — а это одинъ изъ старѣйшихъ членовъ нашего суда NN». — Тургеневъ любезно протянулъ руку, мой «старѣйшій» небрежно подалъ свою и сказалъ, мелькомъ взглянувъ на Тургенева: «Гм! Тургеневъ? Гм! Тургеневъ? Это вы были предсѣдателемъ казенной палаты въ....» — и онъ назвалъ какой-то губернскій городъ. — «Нѣтъ, не былъ», — удивленно отвѣтилъ Тургеневъ. — «Гм! а я слышалъ объ одномъ Тургеневѣ, который былъ предсѣдателемъ казенной палаты». — «Это нашъ извѣстный писатель», — сказалъ я вполго-

лоса. — «Гм! писатель? Не знаю...» — и онъ обратился къ проходившему помощнику секретаря съ какимъ-то порученіемъ.

Въ слѣдующій пріѣздъ Тургенева я встрѣчалъ его у М. М. Стасюлевича и не могъ достаточно налюбоваться его манерой разсказывать съ изящной простотой и выпуклостью, при чемъ онъ иногда чрезвычайно оживлялся.

Я помню его разсказы о впечатлѣніи, произведенномъ на него скульптурами, найденными при Пергамскихъ раскопкахъ. Возстановивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ должны были существовать, когда рука времени и разрушенія ихъ еще не коснулась, онъ изобразилъ ихъ намъ съ такимъ увлеченіемъ, что всталъ съ своего мѣста и въ лицахъ представлялъ каждую фигуру. Было жалко сознавать, что эта блестящая импровизація пропадаетъ безслѣдно. Хотѣлось сказать ему словами одного изъ его «Стихотвореній въ прозѣ»: «Стой! какимъ я теперь тебя вижу, останься навсегда въ моей памяти!» Это желаніе, повидимому, ощутилъ сильнѣе всѣхъ самъ хозяинъ и тотчасъ же привелъ его въ исполненіе зависящими отъ него способами. Онъ немедленно увелъ разсказчика въ свой кабинетъ и заперъ его тамъ, объявивъ, что не выпуститъ его, покуда тотъ не напишетъ все, что разсказалъ. Такъ произошла статья Тургенева: «О Пергамскихъ раскопкахъ», очень интересная и содержательная, но, къ сожалѣнію, все-таки не могущая воспроизвести того огня, которымъ былъ проникнутъ устный разсказъ. Раза два, придя передъ обѣдомъ, Тургеневъ посвящалъ небольшой кружокъ въ свои сновидѣнія и предчувствія. Это были цѣлыя повѣствованія, проникнутыя по большей части мрачной поэзіей, за которою невольно слышался, какъ и во всѣхъ его послѣднихъ произведеніяхъ, а также въ старыхъ — «Призракахъ» и «Довольно»—ужасъ передъ неизбѣжностью надвигающейся смерти. Въ его разсказахъ о предчувствіяхъ большую роль, какъ и у Пушкина, играли «суевѣрныя примѣты», къ которымъ онъ очень былъ склоненъ, несмотря на свои пантеистическіе взгляды.

Зимою 1879 года Тургеневъ былъ проѣздомъ въ Петербургѣ и жилъ довольно долго въ меблированныхъ комнатахъ на углу тогдашней Малой Морской и Невскаго. Старыя, одностороннія, пред-

взятыя и подчасъ продиктованныя личнымъ нерасположеніемъ и заѣстью, нападки на автора «Отцовъ и Дѣтей», вызвавшія у него крикъ души въ его «Довольно», давно прекратились, и снова симпатіи всего, что было лучшаго въ русскомъ мыслящемъ обществѣ, обратились къ нему. Особенно восторженно относилась къ нему молодежь. Ему приходилось убѣждаться въ заслуженномъ вниманіи и тепломъ отношеніи общества почти на каждомъ шагу, и онъ самъ съ милой улыбкой внутренняго удовлетворенія говорилъ, что русское общество *его простило*. Въ этотъ свой пріѣздъ онъ очень мучился припадками подагры и однажды просидѣлъ нѣсколько дней безвыходно въ тяжелыхъ страданіяхъ, къ которымъ относился, впрочемъ, съ большимъ юморомъ, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ многихъ весьма развитыхъ людей, которые не могутъ удержаться, чтобы прежде всего не нагрузить своего собесѣдника или посѣтителя цѣлой массой свѣдѣній о своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ, достоинствахъ врачей и качествахъ прописанныхъ медикаментовъ. Придя къ нему вмѣстѣ съ покойнымъ А. И. Урусовымъ, мы встрѣтили у него Салтыкова-Щедрина и присутствовали при ихъ, поразившей насъ своей дипломатичностью, бесѣдѣ, что такъ мало вязалось съ бранчивой повадкой знаменитаго сатирика. Было очевидно, что есть много литературныхъ, а можетъ-быть и житейскихъ вопросовъ, по которымъ они рѣзко расходились во мнѣніяхъ. Но было интересно слышать, какъ они оба тщательно обходили эти вопросы не только сами, но даже и тогда, когда ихъ возбуждалъ Урусовъ.

Въ концѣ января этого года скончался мой отецъ — старый литераторъ 30-хъ и 40-хъ годовъ и редакторъ-издатель журнала «Пантеонъ», главнымъ образомъ, посвященнаго искусству и преимущественно театру, вслѣдствіе чего покойный былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со многими выдающимися артистами того времени. Въ бумагахъ его, среди писемъ Мочалова, Щепкина, Мартынова и Каратыгина, оказался большой дагерротипный портретъ Полины Віардо-Гарсія съ любезною надписью. Она изображена на немъ въ костюмѣ начала 50-хъ годовъ, въ гладкой прическѣ съ проборомъ посрединѣ, закрывающей наполо-

вину уши, и съ «височками». Крупныя черты ея некрасиваго лица, съ толстыми губами и энергическимъ подбородкомъ, тѣмъ не менѣе привлекательны, благодаря прекраснымъ, большимъ, темнымъ глазамъ съ глубокимъ выраженіемъ. Среди этихъ же бумагъ я нашелъ стихотвореніе забытаго теперь поэта Мятлева, автора «Сенсацій госпожи Курдюковой данъ летранже», пользовавшихся въ свое непритязательное время нѣкоторой славой и представляющихъ скучную, въ концѣ-концовъ, смѣсь «французскаго съ нижегородскимъ». Въ такомъ же родѣ было и это его стихотвореніе, помѣченное 1843 годомъ. Вотъ оно:

Что за веръ-до, что за веръ-до,—
Напрасно такъ пѣвицу называютъ.
Неужели не понимаютъ,
Какой небесный въ ней кадо?
Скорѣе слушая сирену,
Шампанскаго игру и пѣну,
Припомнимъ мы. Такъ высоко
И самый лучшій вёвъ Клико
Не залетитъ, не унесется,
Какъ пѣснь ея, когда зальется
Соловушкою.— Э, временъ,
Предъ ней водица и Кременъ!
Она въ Сомнамбулѣ, въ Отелло—
Заткнетъ за поясъ Монтебелло,
А про Моетъ и Силлери
То даже и не говори!

По времени оно относилось къ тѣмъ годамъ, когда впервые появилась на петербургской оперной сценѣ Віардо и когда съ нею познакомился Тургеневъ, сразу подпавшій подъ обаяніе ея чуднаго голоса и всей ея властной личности. Восторгъ, ею возбуждаемый въ слушателяхъ, нашелъ себѣ выраженіе въ приведенныхъ стихахъ Мятлева, но для массы слушателей Віардо онъ былъ, конечно, преходящимъ, тогда какъ въ душу Тургенева этотъ восторгъ вошелъ до самой сокровенной ея глубины и остался тамъ навсегда, повліявъ на всю личную жизнь этого «однолюба» и, быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исказивъ то, чѣмъ эта жизнь могла бы быть. Несомнѣнно, что опи-

саніе Тургеневымъ внезапно налетѣвшей на нѣкоторыхъ изъ его героевъ любви, вырвавшей подобно бурѣ изъ сердца ихъ слабые ростки другихъ чувствъ, — и тѣ скорбныя, меланхолическія ноты, которыя звучатъ въ описаніяхъ душевнаго состоянія этихъ героевъ въ «Вешнихъ Водахъ», «Дымѣ» и «Перепискѣ», имѣютъ автобіографическій источникъ. Не даромъ онъ писалъ, въ 1873 г., г-жѣ Комманвиль: «Votre jugement sur les Eaux du Printemps est parfaitement juste; quant à la seconde partie, qui n'est ni bien motivée, ni bien nécessaire, je me suis laissé entraîner par des souvenirs». Замѣчательно, что болѣе чѣмъ черезъ 35 лѣтъ послѣ первыхъ встрѣчъ съ Віардо, — въ сентябрѣ 1879 года — Тургеневъ началъ одно изъ своихъ чудныхъ «стихотвореній въ прозѣ» словами: «Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною; но первый стихъ остался у меня въ памяти: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы». Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча; я сижу, забившись въ уголъ, а въ головѣ все звенитъ да звенитъ: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы». — Оказывается, что забытое Тургеневымъ и слышанное имъ *гдѣ-то* и *когда-то* стихотвореніе принадлежало Мятлеву и было напечатано въ 1843 году подъ названіемъ «Розы». Вотъ начальная строфа этого произведенія, звучавшая чрезъ три съ половиной десятилѣтія своимъ первымъ стихомъ въ памяти незабвеннаго художника, вмѣстѣ съ Мятлевымъ восхищавшагося Віардо-Гарсіей:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы,
Въ моемъ саду! Какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!»

Въ этотъ свой пріѣздъ Тургеневъ снова часто бывалъ у М. М. Стасюлевича и много разсказывалъ съ большимъ оживленіемъ и жизненной бодростью въ голосѣ и взорѣ. Выше всѣхъ и краше всего для него былъ Пушкинъ. Онъ способенъ былъ говорить о немъ цѣлые часы съ восторгомъ и умиленіемъ, приводя обширныя цитаты и комментируя ихъ съ особой глубиной

и оригинальностью. Въ этомъ сходился онъ съ Гончаровымъ, который также благоговѣлъ передъ Пушкинымъ и зналъ наизусть не только множество его стиховъ, но и выдающіяся мѣста его прозы. На почвѣ преклоненія передъ Пушкинымъ произошелъ у Тургенева незабвенный для всѣхъ слушателей горячій споръ съ Кавелинымъ, который ставилъ Лермонтова выше. Романтической натурѣ Кавелина ропщущій, негодующій и страдающій Лермонтовъ былъ ближе, чѣмъ величавый въ своемъ созерцаніи Пушкинъ. Но Тургеневъ съ такимъ взглядомъ примириться не могъ, и объективность Пушкина плѣняла его гораздо больше субъективности Лермонтова. Онъ съ любовью останавливался на указаніяхъ Пушкина на источники и условія поэтическаго творчества, поражался ихъ вѣрностью и глубиной и съ восторгомъ цитировалъ изображеніе Пушкинымъ прилива вдохновенія, благодаря которому душа поэта становится полна «смятенія и звуковъ». Въ словахъ его съ очевидностью звучало, что и онъ въ своемъ творчествѣ не разъ испыталъ такое смятеніе.

Почти всегда въ бодромъ настроеніи духа, онъ бывалъ въ это время неистощимъ въ разсказахъ изъ своей жизни и своихъ наблюденій. Такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ намъ, какъ однажды, идя по улицѣ уѣзднаго города — кажется, Обояни или Мценска — вмѣстѣ съ извѣстнымъ по «Запискамъ Охотника» Ермолаемъ, онъ встрѣтилъ одного изъ мѣстныхъ мѣщанъ, которому Ермолай поклонился, какъ знакомому. «Что это,—спросилъ Тургеневъ, когда тотъ прошелъ мимо, — лицо-то у него какъ расцарапано, даже кровь сочится!» — «И впрямь! — отвѣтилъ Ермолай,—спросить надо. Эй! Семенычъ, подожди малость!»—И когда они оба подошли къ остановившемуся, то Ермолай сказалъ ему: «что это у тебя ликъ-то какой: весь въ царапинахъ?»—Мѣщанинъ провелъ рукой по лицу, посмотрѣлъ на слѣды крови на ладони, вздохнулъ, вытеръ руку объ изнанку полы своей чуйки и, мрачно посмотрѣвъ на Тургенева, вразумительнымъ тономъ сказалъ: «Жена встрѣтила!» Въ другой разъ, описывая свое студенческое житье въ Петербургѣ, Тургеневъ, съ удивительной живостью подражая голосу своей квартирной хозяйки-нѣмки, передавалъ, какъ она, слушая его ропотъ на судьбу, не бало-

вавшую его полученіемъ денегъ изъ отчаго дома, говаривала ему: «Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, нэ надо быть грустный, man soll nicht traurig sein; жисть это какъ мухъ: пренепріятный насѣкомъ! Что дэлайтъ! Тэрпэйтъ надо!»

Когда насталъ день отъѣзда Тургенева, то, желая доставить ему удовольствіе и въ то же время избавить его отъ какихъ-либо личныхъ объясненій, я послалъ ему портретъ Віардо, принадлежавшій моему отцу. Но онъ успѣлъ мнѣ отвѣтить. — «Любезнѣйшій Анатолій Ѳедоровичъ! — писалъ онъ мнѣ 18-го марта 1879 года, — я не хочу уѣхать изъ Россіи, не поблагодаривъ васъ за вашъ для меня весьма драгоцѣнный подарокъ. Дагерротипъ моей старинной пріятельницы, перенося меня за тридцать лѣтъ назадъ, оживляетъ для меня то *незабвенное* время. Примите еще разъ мое искреннее спасибо. Позвольте дружески пожать вашу руку и увѣрить васъ въ чувствахъ неизмѣннаго уваженія преданнаго вамъ Ив. Тургенева».

Лѣтомъ того же года мнѣ пришлось быть въ Парижѣ одновременно съ М. М. Стасюлевичемъ и его супругой. Тургеневъ жилъ въ это время тамъ (Rue de Douet, № 4), и Стасюлевичъ пригласилъ насъ обоихъ завтракать къ Вуазену, гдѣ готовили какихъ-то особенныхъ куропатокъ, очень расхваливаемыхъ Иваномъ Сергѣевичемъ. Было условлено, что я заѣду за Тургеневымъ, и мы вмѣстѣ въ назначенный часъ пріѣдемъ къ Вуазену. На мой звонокъ мнѣ отворилъ весьма непривѣтливый concierge и, узнавъ мою фамилію, указалъ мнѣ на верхній этажъ, куда вела лѣстница темнаго дерева съ широкимъ пролетомъ въ серединѣ, и отрывисто сказалъ мнѣ: «Vous êtes admis». Проходя мимо дверей того этажа, который у насъ называется бель-этажемъ, я услышалъ за ними чей-то довольно рѣзкій голосъ, выдѣлывавшій вокальныя упражненія, прерываемыя по временамъ чьими-то замѣчаніями. Наверху меня встрѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ и ввелъ въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ. На немъ была старая, довольно потертая бархатная куртка. Царившая въ комнатахъ «оброшенность» непріятно поразила меня. На маленькомъ закрытомъ роялѣ и положенныхъ на него нотахъ лежалъ густой слой пыли. Штора стариннаго прямого образца однимъ

изъ своихъ верхнихъ угловъ оторвалась отъ палки, къ которой была прикрѣплена, и висѣла поперекъ окна, загораживая отчасти свѣтъ, очевидно, уже давно, такъ какъ и на ея складкахъ замѣчался такой же слой пыли. Расхаживая, во время разговора съ хозяиномъ, по комнатѣ, я не могъ не замѣтить, что въ сосѣдней небольшой спальнѣ все было въ безпорядкѣ и не убрано, несмотря на то, что былъ уже второй часъ дня. Мнѣ невольно вспомнился стихъ Некрасова: «Но тотъ, кто любящей рукой не охраненъ, не обезпеченъ»... Видя, что оживленная бесѣда съ Тургеневымъ, очень интересовавшимся событіями и ходомъ дѣла на родинѣ, можетъ насъ задержать, я напомнилъ ему, что насъ ждутъ. — «Да, да, — заторопился онъ, — сейчасъ я одѣнусь!» — и черезъ минуту вошелъ въ темно-сѣромъ пальто изъ какой-то матеріи, напоминавшей толстую парусину. Продолжая говорить, онъ хотѣлъ застегнуться и машинально искалъ пуговицы, которой уже давно на этомъ мѣстѣ не было. — Вы напрасно ищете пуговицы, — замѣтилъ я, смѣясь, — ея нѣтъ! — «Ахъ! — воскликнулъ онъ: — и въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ мы застегнемся на другую», — и онъ перевелъ руку на одну петлю ниже, но соотвѣтствующая ей пуговица болталась на ниточкахъ, за которыми тянулась выступавшая наружу подкладка. Онъ добродушно улыбнулся и, махнувъ рукою, просто запахнулъ пальто, продолжая разговаривать. Когда, спускаясь съ лѣстницы, мы стали приближаться къ дверямъ бель-этажа, за ними раздались звуки сильнаго контральто, тоже, какъ казалось, передававшіе какое-то вокальное упражненіе. Тургеневъ вдругъ замолкъ, шепнулъ мнѣ: «Ш-ш!» и смѣнилъ свои тяжелые шаги тихой поступью, а затѣмъ остановился противъ дверей, быстрымъ движеніемъ взялъ меня ниже локтя своей большою, покрытой рѣдкими черными волосами рукою и сказалъ мнѣ, показывая глазами на дверь: «Какой голосъ! До сихъ поръ!» Я не могу забыть ни выраженія его лица, ни звука его голоса въ эту минуту: такой восторгъ и умиленіе, такая нѣжность и глубина чувства выражались въ нихъ... За завтракомъ онъ былъ очень веселъ, много разсказывалъ о Зола и о Додэ и ядовито подсмѣивался надъ первымъ изъ нихъ, когда я обратилъ его вниманіе на то, что одна изъ

послѣднихъ корреспонденцій Зола въ «Вѣстникѣ Европы» о наводненіяхъ въ долинѣ Луары есть въ сущности повтореніе того, что разсказано авторомъ въ одномъ изъ раннихъ его произведеній, въ «Contes à Ninon», подъ названіемъ «Histoire du grand Méderic. — «Да, да, — сказалъ онъ, — Зола не прочь быть именинникомъ и на Онуфрія и на Антона!» Подъ конецъ наша собесѣдница какъ-то затронула вопросъ о бракѣ и шутливо просила Тургенева убѣдить меня наложить на себя брачныя узы. Тургеневъ заговорилъ не тотчасъ и какъ бы задумался, а потомъ поднялъ на меня глаза и сказалъ серьезнымъ и горячимъ тономъ: «Да, да, женитесь, непремѣнно женитесь! Вы себѣ представить не можете, какъ тяжела одинокая старость, когда поневолѣ приходится пріютиться на краешкѣ чужого гнѣзда, получать ласковое отношеніе къ себѣ, какъ милостыню, и быть въ положеніи стараго пса, котораго не прогоняютъ только по привычкѣ и изъ жалости къ нему. Послушайте моего совѣта! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее!» Все это было сказано съ такимъ плохо затаеннымъ страданіемъ, что мы невольно переглянулись. Тургеневъ его замѣтилъ и вдругъ сталъ собираться уходить, повидимому, недовольный вырвавшимся у него заявленіемъ. Мы стали его удерживать, но онъ сказалъ: «Нѣтъ, я и такъ засидѣлся. Мнѣ надо домой. Дочь m-me Viardot больна и въ постели. Можетъ оказаться нужнымъ, чтобы я съѣздилъ къ доктору или сходилъ въ аптеку». И, запахнувъ свое пальто, онъ торопливо распростился съ нами и ушелъ. Впослѣдствіи, просматривая его письма къ Флоберу и прочитавъ письмо отъ 17 августа 1877 года, гдѣ говорится: «Caen? pourquoi Caen? direz-vous, mon cher vieux. Que diable veut dire Caen! Ah, voilà! Les dames de la famille Viardot doivent passer quinze jours au bord de la mer, soit à Luc, soit à St.-Aubin, et l'on m'a envoyé en avant pour trouver quelque chose»,—я вспомнилъ слова Тургенева за нашимъ завтракомъ.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ я передалъ свои впечатлѣнія отъ этой встрѣчи съ Тургеневымъ покойному Борису Николаевичу Чичерину, и онъ вспомнилъ, что однажды при немъ и при Тургеневѣ, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, зашелъ разговоръ о

необходимости выходить изъ фальшивыхъ положеній, оправдывая тѣмъ изреченіе Александра Дюма-сына: «on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans». — «Вы думаете?! — съ грустной ироніей воскликнулъ Тургеневъ: — изъ фальшивыхъ положеній не выходятъ! Нѣтъ-съ, не выходятъ! Изъ нихъ выйти нельзя!»...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Москвѣ, въ іюнѣ 1880 г., на открытіи памятника Пушкина. Это открытіе было однимъ изъ незабвенныхъ событій русской общественной жизни послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Тотъ, кто въ немъ участвовалъ, конечно, навсегда сохранилъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Послѣ ряда удушливыхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ лѣтъ, съ начала 1880 года стало легче дышать, и общественная мысль и чувство начали принимать хотя и не вполнѣ опредѣленныя, но во всякомъ случаѣ болѣе свободныя формы. Въ затхлой атмосферѣ застоя, гдѣ все начало покрываться ржавчиной отсталости, вдругъ пронеслись свѣжія струи чистаго воздуха — и все постепенно стало оживать. Блестящимъ проявленіемъ такого оживленія былъ и Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ. Мнѣ пришлось въ немъ участвовать въ качествѣ представителя петербургскаго юридическаго общества и начать испытывать прекрасныя впечатлѣнія, имъ вызванныя, съ самаго момента выѣзда въ Москву. Дѣло въ томъ, что открытіе памятника было первоначально назначено на 26-ое мая, но смерть императрицы Маріи Александровны заставила отнести это открытіе на 2-ое іюня, а какое-то недоразумѣніе при вторичномъ докладѣ о томъ предсѣдателя комиссіи по сооруженію памятника, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, вызвало новую отсрочку до 6-го іюня. Между тѣмъ, управленіе Николаевской желѣзной дороги объявило объ отправленіи экстреннаго удешевленнаго поѣзда въ Москву и обратно для желающихъ присутствовать при открытіи памятника. Къ 24-му мая на поѣздъ записалась масса народу. Когда послѣдовала отсрочка, большинство тѣхъ, кого поѣздка интересовала исключительно своею дешевизной, а въ Москву привлекали личныя дѣла, отказалось отъ взятія записанныхъ на себя билетовъ, хотя все-таки осталось довольно много

желавшихъ ѣхать. Но послѣ второй отсрочки записавшимися на поѣздъ оказались исключительно ѣхавшіе для участія въ открытіи памятника. Поэтому поѣздъ, отправившійся изъ Петербурга 4-го іюня въ четыре часа, носилъ совершенно своеобразный характеръ. Въ его вагонахъ сошлись очень многіе видные представители литературы и искусства и депутаты отъ различныхъ обществъ и учрежденій. Общность цѣли скоро сблизила всѣхъ въ одномъ радостномъ ощущеніи того, что впослѣдствіи А. Н. Островскій назвалъ въ своей рѣчи «праздникомъ на нашей улицѣ». Хорошему настроенію соотвѣтствовалъ прекрасный лѣтній день. смѣнившійся теплымъ и яснымъ луннымъ зечеромъ. Въ поѣздѣ оказался нѣкто Мюнстеръ, знавшій наизусть почти всѣ стихотворенія Пушкина и прекрасно ихъ декламировавшій. Когда смерклось, онъ согласился прочесть нѣкоторыя изъ нихъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла поѣздъ, и вскорѣ въ длинномъ вагонѣ перваго класса на откинутыхъ креслахъ и на полу размѣстились чуть не всѣ ѣхавшіе. Короткая лѣтняя ночь прошла въ благоговѣйномъ слушаніи «Фауста», «Скупого рыцаря», отрывковъ изъ «Мѣднаго всадника», писемъ и объясненій Онѣгина и Татьяны, «Египетскихъ ночей», діалога между Моцартомъ и Сальери. Мюнстеръ такъ приподнялъ общее настроеніе, что, когда онъ окончилъ, на середину вагона выступилъ Яковъ Петровичъ Полонскій и прочелъ свое прелестное стихотвореніе, предназначенное для будущихъ празднествъ и начинавшееся словами: «Пушкинъ — это старой няни сказка». За нимъ послѣдовалъ Плещеевъ, тоже со стихотвореніемъ ad hoc, — и всѣ мы встрѣтили, послѣ этого поэтическаго всенощного бдѣнія, восходящее солнце растроганные и умиленные.

Въ день пріѣзда въ Москву послѣдовалъ торжественный пріемъ депутацій въ залѣ Городской Думы и чтеніе адресовъ и привѣтствій, при чемъ вслѣдствіе того, что юридическія общества прислали представителей, не озаботясь снабдить ихъ адресами, я прочелъ петербургскій адресъ, какъ привѣтствіе отъ *всѣхъ* русскихъ юридическихъ обществъ, въ группѣ представителей которыхъ общее вниманіе привлекала докторъ правъ лейпцигскаго университета Анна Михайловна Евреинова. На другой

день, съ утра, Москва приняла праздничный видъ, и у памятника, закутаннаго пеленой, собрались многочисленныя депутаціи съ вѣнками и хоругвями трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго и синяго — для правительственныхъ учрежденій, ученыхъ и литературныхъ обществъ и редакцій. Ко времени окончанія литургіи въ Страстномъ монастырѣ яркіе лучи солнца прорѣзали облачное небо и, когда изъ монастырскихъ воротъ показалась офиціальная процессія, колокольный звонъ слился съ звуками оркестровъ, исполнявшихъ коронаціонный маршъ Мендельсона. На эстраду взошелъ принцъ Ольденбургскій со свиткомъ акта о передачѣ памятника городу. Наступила минута торжественнаго молчанія: городской голова махнулъ свиткомъ, пелена развернулась и упала, и, подъ восторженные крики «ура» и пѣніе хоровъ, запѣвшихъ «Славься» Глинки, предстала фигура Пушкина съ задумчиво склоненной надъ толпою головой. Казалось, что въ эту минуту великій поэтъ простилъ русскому обществу его старую вину передъ собою и временное забвеніе. У многихъ на глазахъ заблистали слезы... Хоругви задвигались, поочередно склоняясь передъ памятникомъ, и у подножья его стала быстро расти гора вѣнковъ.

Черезъ часъ, въ обширной актовой залѣ университета, наполненной такъ, что яблоку было негдѣ упасть, состоялось торжественное засѣданіе. На каѳедру взошелъ ректоръ университета, Н. С. Тихонравовъ, и съ обычнымъ легкимъ косноязычіемъ объявилъ, что университетъ, по случаю великаго праздника русскаго просвѣщенія, избралъ въ свои почетные члены предсѣдателя комиссіи по сооруженію памятника, академика Якова Карловича Грота и Павла Васильевича Анненкова, такъ много содѣйствовавшаго распространенію и критической разработкѣ твореній Пушкина. Единодушныя рукоплесканія привѣтствовали эти заявленія. «Затѣмъ,—сказалъ Тихонравовъ,—университетъ счелъ своимъ долгомъ просить принять это почетное званіе нашего знамє...», но ему не дали договорить. Точно электрическая искра пробѣжала по залѣ, возбудивъ во всѣхъ одно и то же представленіе и заставивъ въ сердцѣ каждаго прозвучать одно и то же имя. Неописуемый взрывъ рукоплесканій и привѣтствен-

ныхъ криковъ внезапно возникъ въ обширномъ залѣ и бурными волнами сталъ носиться по ней. Тургеневъ всталъ, растерянно улыбаясь и низко наклоняя свою сѣдую голову съ падающею на лобъ прядью волосъ. Къ нему тѣснились, жали ему руки, кричали ему ласковыя слова, и, когда до него, наконецъ, добрался министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ и обнялъ его, утихавшій было шумъ поднялся съ новой силой. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, русское мыслящее общество какъ бы вѣнчало въ немъ достойнѣйшаго изъ современныхъ ему преемниковъ Пушкина. Лишь появившійся на каѳедрѣ Ключевскій, начавшій свою замѣчательную рѣчь о герояхъ произведеній Пушкина, заставилъ утихнуть общее восторженное волненіе.

Въ тотъ же день на обѣдѣ, данномъ городомъ членамъ депутацій, произошелъ эпизодъ, вызвавшій въ то время много толковъ. На обѣдѣ, послѣ неизбѣжныхъ тостовъ, должны были говорить Аксаковъ и Катковъ. Между представителями петербургскихъ литературныхъ круговъ стала пропагандироваться мысль о демонстративномъ выходѣ изъ залы, какъ только начнетъ говорить редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», въ это время уже рѣзко порвавшій съ упованіями и традиціями передовой части русскаго общества и начавшій свою пагубную проповѣдь исключительнаго культа голой власти, какъ самодовлѣющей цѣли, какъ власти an und für sich. Но когда, послѣ красивой рѣчи Аксакова, всталъ Катковъ и началъ своимъ тихимъ, но яснымъ и подкупающимъ голосомъ тонкую и умную рѣчь, законченную словами Пушкина: «да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!»— никто не только не ушелъ, но большинство—временно примиренное—двинулось къ нему съ бокалами. Чокаясь направо и налѣво съ окружавшими, Катковъ протянулъ черезъ столъ свой бокалъ Тургеневу, котораго, передъ тѣмъ, онъ допустилъ жестоко «изобличать» и язвить на страницахъ своей газеты за денежную помощь, оказанную имъ бѣдствовавшему Бакунину. Тургеневъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, но своего бокала не протянулъ. Окончивъ чоканье, Катковъ сѣлъ и во второй разъ протянулъ бокалъ Тургеневу. Но тотъ холодно по-

смотрѣлъ на него и покрылъ свой бокалъ ладонью руки. Послѣ обѣда я подошелъ къ Тургеневу одновременно съ поэтомъ Майковымъ. «Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, — сказалъ послѣдній съ мягкимъ упрекомъ, — ну, зачѣмъ вы не отвѣтили на примирительное движеніе Каткова? Зачѣмъ не чокнулись съ нимъ? Въ такой день можно все забыть!»—«Ну, нѣтъ,—живо отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ,—я старый воробей, меня на шампанскомъ не обманешь!»

Вечеромъ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, былъ первый изъ трехъ устроенныхъ въ память Пушкина концертовъ, съ пѣніемъ и чтеніемъ поэтическихъ произведеній. На устроенной въ залѣ сценѣ стоялъ среди тропическихъ растеній большой бюстъ Пушкина, и на нее поочередно выходили представители громкихъ литературныхъ именъ, и каждый читалъ что-либо изъ Пушкина или о Пушкинѣ. Островскій, Полонскій, Плещеевъ, Чаевъ, вперемежку съ артистами и пѣвцами, прошли предъ горячо настроенной публикой. Появился и грузный, съ типическимъ лицомъ и выговоромъ костромского крестьянина, всклокоченный и съ большими глазами на выкатѣ Писемскій. Вышелъ, наконецъ, и Тургеневъ. Привѣтствуемый особенно шумно, онъ подошелъ къ рампѣ и сталъ декламировать на память, и нельзя сказать, чтобы особенно искусно, «Послѣднюю тучку разсѣянной бури», но на третьемъ стихѣ запнулся, очевидно, его позабывъ, и, безпомощно разведя руками, остановился. Тогда изъ публики, съ разныхъ концовъ, ему стали подсказывать все громче и громче. Онъ улыбнулся и сказалъ конецъ стихотворенія вмѣстѣ со всею залой. Этотъ милый эпизодъ еще болѣе подогрѣлъ общее чувство къ нему, и когда, въ концѣ вечера, подъ звуки музыки всѣ участники вышли на сцену съ нимъ во главѣ, и онъ возложилъ на голову бюста лавровый вѣнокъ, а Писемскій затѣмъ, снявъ этотъ вѣнокъ, сдѣлалъ видъ, что кладетъ его на голову Тургенева,— весь залъ огласился нескончаемыми рукоплесканіями и громкими криками «браво». На слѣдующій день, въ торжественномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности въ томъ же Дворянскомъ Собраніи, Иванъ Сергѣевичъ читалъ свое слово о Пушкинѣ съ большимъ одушевленіемъ и чувствомъ, и заключительныя слова его о томъ, что должно настать время, когда на

вопросъ, кому поставленъ только-что открытый наканунѣ памятникъ, простой русскій человѣкъ отвѣтитъ: «учителю!»—снова вызвали бурную овацію.

Три дня продолжались празднества и растроганное настроеніе такъ или иначе причастныхъ къ нимъ, при чемъ главнымъ живымъ героемъ этихъ торжествъ являлся, по общему признанію, Тургеневъ. Но на третій день его замѣнилъ въ этой роли Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Тому, кто слышалъ его извѣстную рѣчь въ этотъ день, конечно, съ полной ясностью представилось, какой громадной силой и вліяніемъ можетъ обладать человѣческое слово, когда оно сказано съ горячей искренностью среди назрѣвшаго душевнаго настроенія слушателей. Сутуловатый, небольшого роста, обыкновенно со слегка опущенной головой и усталыми глазами, съ нерѣшительнымъ жестомъ и тихимъ голосомъ, Достоевскій совершенно преобразился, произнося свою рѣчь. Еще наканунѣ, слушая его на вечерѣ превосходно читающимъ «Какъ весенней раннею порою» и декламирующимъ Пушкинскаго «Пророка», нельзя было предвидѣть того полнаго преображенія, которое съ нимъ произошло во время его рѣчи, хотя стихи были сказаны имъ прекрасно и производили сильное впечатлѣніе, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, вытянувъ передъ собою руку и какъ бы держа въ ней что-то, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «И сердце трепетное вынулъ!»—Рѣчь Достоевскаго въ чтеніи не производитъ и десятой доли того впечатлѣнія, которое она вызвала при произнесеніи. Содержаніе ея, въ свое время, дало поводъ къ ряду не лишенныхъ основанія возраженій. Но тогда, въ Пушкинскіе дни, съ эстрады Дворянскаго Собранія, предъ нервно настроенной и воспріимчивой публикой, она была совсѣмъ иною. Участники этихъ дней не только особенно горячо любили въ это время Пушкина, но многіе простаивали подолгу передъ его памятникомъ, какъ бы не въ силахъ будучи наглядѣться на бронзовое воплощеніе «властителя думъ» и виновника общаго захватывающаго одушевленія. Въ мысляхъ о судьбѣ и творчествѣ безвременно погибшаго поэта сливались скорбь и восторгъ, гнѣвъ и гордость истинною, непререкаемою славой русскаго народнаго генія. Эти чувства, безъ сомнѣнія,

глубоко вліяли и на Достоевскаго, которому лишь въ концѣ его «судьбой отсчитанныхъ дней» пришлось испытать общее признаніе послѣ долгихъ лѣтъ тяжелыхъ страданій, матеріальной нужды, упорнаго труда и вольнаго и невольнаго непониманія со стороны литературныхъ судей. На эстрадѣ онъ выросъ, гордо поднялъ голову, его глаза на блѣдномъ отъ волненія лицѣ заблистали, голосъ окрѣпъ и зазвучалъ съ особой силой, а жестъ сталъ энергическимъ и повелительнымъ. Съ самаго начала рѣчи между нимъ и всею массой слушателей установилась та внутренняя духовная связь, сознаніе и ощущеніе которой всегда заставляютъ оратора почувствовать и расправить свои крылья. Въ залѣ началось сдержанное волненіе, которое все росло, и когда Ѳедоръ Михайловичъ окончилъ, то наступила минута молчанія, а затѣмъ, какъ бурный потокъ, прорвался неслыханный и невиданный мною въ жизни восторгъ. Рукоплесканія, крики, стукъ стульями сливались воедино и, какъ говорится, потрясли стѣны зала. Многіе плакали, обращались къ незнакомымъ сосѣдямъ съ возгласами и привѣтствіями; многіе бросились къ эстрадѣ, и какой-то молодой человѣкъ лишился чувствъ отъ охватившаго его волненія. Почти всѣ были въ такомъ состояніи, что, казалось, пошли бы за ораторомъ, по первому его призыву, куда угодно! Такъ, вѣроятно, въ далекое время, умѣлъ подѣйствовать на собравшуюся толпу Савонаролла. Послѣ Достоевскаго долженъ былъ говорить Аксаковъ, но онъ вышелъ предъ продолжавшею волноваться публикой и, назвавъ только-что слышанную рѣчь «событіемъ», заявилъ, что не въ состояніи говорить послѣ Ѳедора Михайловича. Засѣданіе было возобновлено лишь черезъ полчаса. Рѣчь Достоевскаго поразила даже и иностранцевъ, которые, однако, не могли чувствовать таинственныхъ нитей, связывающихъ нѣкоторыя ея мѣста и выраженія съ сердцемъ русскихъ людей въ его сокровенной глубинѣ. Профессоръ русской литературы въ парижскомъ университетѣ, Лун Лежэ, пріѣхавшій спеціально на Пушкинскія празднества, говорилъ мнѣ вечеромъ въ тотъ же день, что совершенно подавленъ блескомъ и силой этой рѣчи, весь находится подъ ея обаяніемъ и желалъ бы передать свои впечатлѣнія во всемъ ихъ объемѣ «au Maître», т.-е. Виктору Гюго,

въ талантѣ котораго, по его мнѣнію, такъ много общаго съ Достоевскимъ.

Съ этихъ поръ я больше не видѣлъ Тургенева, но получалъ отъ него изъ Парижа поклоны черезъ М. М. Стасюлевича. Онъ разрѣшилъ послѣднему показать мнѣ осенью 1882 года въ рукописи «Стихотворенія въ прозѣ». Среди нихъ были напечатанный тогда «Порогъ» (разговоръ Судьбы съ русской дѣвушкой) и полная добродушнаго юмора вещица, кончавшаяся словами: «но не спорь съ Владиміромъ Стасовымъ», шумнымъ и яростнымъ спорщикомъ, приводившимъ Тургенева въ отчаяніе своими нападками на Пушкина. Она, сколько мнѣ извѣстно, не была никогда напечатана, а «Порогъ» Тургеневъ самъ просилъ Стасюлевича выкинуть, говоря въ своемъ письмѣ: «чрезъ этотъ «Порогъ» вы можете споткнуться... особенно если его пропустятъ, а потому лучше подождать». Рукопись дана была мнѣ поздно вечеромъ, и я провелъ всю ночь, читая и нѣсколько разъ перечитывая эти чудныя вещи, въ которыхъ не знаешь, чему болѣе удивляться—могучей ли прелести русскаго языка, или яркости картинъ и трогательной нѣжности образовъ. Я высказалъ все это въ письмѣ къ Стасюлевичу, выразивъ лишь сомнѣніе, правильно ли въ «Концѣ свѣта» употреблено слово «*кручъ*» вмѣсто «круча», а онъ, какъ оказалось, послалъ мое письмо въ подлинникѣ Тургеневу. «Спасибо за сообщенное мнѣ письмо К.,—писалъ ему 25 сентября 1882 года Иванъ Сергѣевичъ.—Очень оно меня тронуло, и я буду хранить его, какъ документъ. И «кручъ»—и «круча» существуютъ; но круча, я думаю, грамматически правильнѣе».

Менѣе, чѣмъ черезъ годъ, Иванъ Сергѣевичъ опочилъ, послѣ тяжкихъ страданій, а 27-го сентября 1883 года грандіозная похоронная процессія съ вѣнками и эмблемами съ трогательными, благодарственными надписями проводила его дорогой прахъ на Волково кладбище и опустила въ землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ два года упокоился и Кавелинъ. «Они встрѣтились—писалъ я послѣ смерти Кавелина—за одною могильною оградой въ сѣромъ, сыромъ, уныломъ Пантеонѣ русскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей. Рядомъ съ глубокимъ и тонкимъ художникомъ, всю жизнь проводившимъ просвѣтительныя идеи, успоко-

ился неустанный ученый боецъ, до конца не сложившій оружія живого слова и науки. Оба они много послужили своей родинѣ, оба горячо вѣрили въ свѣтлое, счастливое будущее русскаго народа. Хочется надѣяться, что настанетъ время, когда люди будущихъ поколѣній, придя къ ихъ могиламъ, будутъ имѣть право сказать: ваша вѣра не обманула васъ!».

II.

Въ январѣ 1866 года я зашелъ къ К. Н. Майкову, съ которымъ познакомился еще въ Москвѣ, во время моего студенчества, когда онъ посѣщалъ небольшой кружокъ студентовъ петербургскаго университета, перешедшихъ въ Москву послѣ закрытія послѣдняго и группировавшихся вокругъ филолога Н. Н. Куликова — милаго, добраго и разносторонняго человѣка. Занятые лекціями и даваніемъ уроковъ, мы собирались обыкновенно по субботамъ и засиживались до поздней ночи въ оживленной бесѣдѣ о всякихъ «злобахъ дня». Никого изъ девяти членовъ этого кружка, кромѣ меня, нѣтъ уже въ живыхъ. Бывая въ Москвѣ, Майковъ любилъ заходить пить скромный студенческій чай на наши субботнія сборища и охотно читалъ намъ свои новыя, еще не напечатанныя произведенія. Такъ, между прочимъ, намъ пришлось слышать въ его мастерскомъ и одушевленномъ чтеніи «Смерть Люція» въ первоначальной редакціи, которая оставляетъ далеко за собою позднѣйшую.—Майковъ встрѣтилъ меня подъ впечатлѣніемъ прочитанной имъ въ только-что вышедшей книжкѣ «Русскаго Вѣстника» первой части «Преступленія и наказанія». «Послушайте,—сказалъ онъ мнѣ,—что я вамъ прочту. Это нѣчто удивительное!» и, заперевъ дверь кабинета, чтобы никто не помѣшалъ, онъ прочелъ мнѣ знаменитый разсказъ Мармеладова въ питейномъ заведеніи, а затѣмъ отдалъ мнѣ на нѣсколько дней и самую книжку. До сихъ поръ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, при воспоминаніи о первомъ знакомствѣ съ этимъ произведеніемъ, оживаетъ во мнѣ испытанное тогда и ничѣмъ не затемненное и не измѣненное чувство восторженнаго умиленія, вынесеннаго изъ знакомства съ этой трогательной эпопеей. Великій художникъ

съ первыхъ словъ захватываетъ въ ней своего читателя, затѣмъ ведетъ его по ступенямъ всякаго рода паденій и, заставивъ его перестрадать ихъ въ душѣ, миритъ его, въ концѣ-концовъ, съ падшими, въ которыхъ сквозь переходящую оболочку порочнаго, преступнаго человѣка сквозятъ нарисованныя съ любовью и горячей вѣрой, вѣчныя черты несчастнаго *брата*. Созданные Достоевскимъ въ этомъ романѣ образы не умрутъ, не только по художественной силѣ изображенія, но и какъ примѣръ удивительнаго умѣнія находить «душу живу» подъ самой грубой, мрачной, обезображенной формой—и, раскрывъ ее, съ состраданіемъ и трепетомъ показывать въ ней то тихо тлѣющую, то распространяющую яркій, примиряющій свѣтъ искру Божію.

Критика того времени, однако, не благоволила къ Достоевскому. Его роману не было посвящено, сколько мнѣ помнится, ни одного серьезнаго разбора, въ то время, какъ произведеніямъ «идейныхъ беллетристовъ», имена которыхъ нынѣ «Ты, Господи, вѣси», оказывалось милостивое вниманіе. Въ нѣкоторыхъ пренебрежительныхъ отзывахъ о романѣ даже указывалось, что это «клевета на молодое поколѣніе», которое, будто бы, воплощено въ Раскольниковѣ, представляющемъ изъ себя простого убійцу для грабежа. Находились даже люди, съ развязностью утверждавшіе, что Достоевскій написалъ «доносъ на молодежь». — Но «il tempo e un galantuomo» — говорятъ итальянцы — и оно поспѣшило дѣйствительными событіями жизни подтвердить творческій вымыселъ автора «Мертваго Дома» и «Униженныхъ и Оскорбленныхъ». 12-го января 1866 года, когда первая часть романа уже была напечатана, но еще не вышла въ свѣтъ («Русскій Вѣстникъ» всегда выходилъ со значительнымъ опозданіемъ) — въ Москвѣ студентъ Даниловъ зарѣзалъ ростовщика и его служанку, — а чрезъ тринадцать лѣтъ то же самое по отношенію къ своему кредитору и его прислугѣ совершилъ молодой и блестящій гвардейскій офицеръ Ландсбергъ. Это умышленное и злостное непониманіе глубокаго смысла «Преступленія и наказанія», которому лишь въ восьмидесятыхъ годахъ пришлось, наконецъ, быть оцѣненнымъ по достоинству не только у насъ, но въ западно-европейской литературѣ, — въ то время чрезвы-

чайно волновало мою молодую и еще не приглядѣвшуюся къ житейской несправедливости душу и было даже однажды причиною рѣзкаго спора съ однимъ изъ грубыхъ и невѣжественныхъ порицателей «доносчика», спора, едва не окончившагося у барьера.

Чрезъ много лѣтъ, въ бытность мою прокуроромъ Окружного Суда въ Петербургѣ, сестра моего друга Куликова, лично знакомая съ Достоевскимъ, написала мнѣ, что Ѳедоръ Михайловичъ находится въ крайне затруднительномъ положеніи. Онъ былъ въ это время редакторомъ «Гражданина» — имѣвшаго другой характеръ, чѣмъ нынѣшняя газета того же имени, и допустилъ напечатаніе въ немъ свѣдѣнія о путешествіи Государя, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія министра двора, какъ то требуется цензурными правилами, вслѣдствіе чего суду пришлось приговорить его къ аресту на нѣсколько дней на гауптвахтѣ. Приговоръ, войдя въ законную силу, былъ обращенъ къ исполненію. Между тѣмъ, предпринятое Достоевскимъ лѣченіе и разныя другія обстоятельства личнаго характера дѣлали для него это кратковременное лишеніе свободы до крайности неудобнымъ именно въ то время, когда приговоръ подлежалъ осуществленію. Отвѣчая Куликовой, я просилъ ее передать Ѳедору Михайловичу, что приговоръ будетъ обращенъ къ исполненію лишь тогда, когда онъ самъ найдетъ это по своимъ соображеніямъ удобнымъ. За любезнымъ письмомъ Достоевскаго, съ выраженіемъ благодарности, послѣдовало его посѣщеніе, отвѣчая на которое, я убѣдился воочію, въ какой скромной и даже бѣдной обстановкѣ жилъ, мыслилъ и творилъ одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей.

15 октября 1876 года въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ слушалось дѣло крестьянки Екатерины Корниловой, которая, будучи беременной на четвертомъ мѣсяцѣ, раздраженная упреками своего мужа и замѣчаніями, что первая его жена была лучшею «хозяйкой», выбросила, на зло ему, изъ окна четвертаго этажа свою шестилѣтнюю падчерицу, какимъ-то чудомъ оставшуюся живою. Дѣло это чрезвычайно заинтересовало Достоевскаго. Въ удивительныхъ по глубинѣ психологическаго ана-

лиза, по знанію природы русскаго человѣка и по возвышенному и вмѣстѣ трезвому взгляду на задачи суда строкахъ своего «Дневника Писателя» онъ выразилъ сомнѣніе во вмѣняемости Корниловой въ виду частыхъ ненормальностей въ душевныхъ движеніяхъ и порывахъ беременныхъ. Рисуя, со свойственнымъ ему знаніемъ народнаго быта, сцену предстоящаго разставанія мужа, уцѣлѣвшей дѣвочки и приговоренной на каторгу жены съ новорожденнымъ младенцемъ на рукахъ, онъ спрашивалъ: «а неужели нельзя теперь смягчить какъ-нибудь этотъ приговоръ? Неужели никакъ нельзя? Право, тутъ могла быть ошибка»... — Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ горячо хлопотать о такомъ смягченіи и бывать для этого въ министерствѣ юстиціи. Тутъ намъ снова пришлось встрѣтиться... и ему было обѣщано всевозможное содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Но давать ходъ вопросу о смягченіи Корниловой наказанія не пришлось. Рѣшеніе присяжныхъ было кассировано Сенатомъ, и при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, съ вызовомъ компетентныхъ врачей-экспертовъ, она была оправдана.

Вскорѣ Достоевскій снова появился въ стѣнахъ министерства юстиціи. Онъ въ это время уже пріобрѣлъ обширное вліяніе на молодежь и на всякаго рода «униженныхъ и оскорбленныхъ», безъ малодушной лести первой и безъ сентиментальной потачки тому дурному, что иногда встрѣчалось во вторыхъ. Къ нему шли за совѣтомъ, утѣшеніемъ, нравственною помощью, — ему повѣряли свои сомнѣнія и терзанія, ему открывали омраченную или смущенную душу... Госпожа А. Бергеманъ — добрая и отзывчивая на людское горе женщина — обратилась къ нему въ декабрѣ 1876 года, прося его содѣйствія и совѣта въ дѣлѣ спасенія одиннадцатилѣтней дѣвочки, брошенной матерью на попеченіе развратнаго и пьянаго отставного солдата, съ которымъ ей самой жить «стало не въ моготу». Старикъ посылалъ дѣвочку собирать милостыню, самъ поджидая жатвы въ ближайшемъ кабакѣ и нещадно колотя голоднаго и иззябшаго ребенка, если принесеннаго оказывалось мало. Дальнѣйшая судьба, ожидавшая дѣвочку, была ясна и несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что мать, работавшая на бумагопря-

дильной фабрикѣ, разысканная г-жею Бергеманъ, разсказала ей, что мужъ уже обезчестилъ ея старшую, внѣбрачную дочь и хвастался, что сдѣлаетъ то же и съ бѣдной Марѳушей (такъ звали дѣвочку), когда она «поспѣетъ»... Достоевскій и за это дѣло принялся горячо и съ сосредоточенною настойчивостью, доставляя необходимыя справки и присылая полученныя имъ свѣдѣнія. Помочь ему и г-жѣ Бергеманъ въ ихъ благородномъ безпокойствѣ за дѣвочку было довольно трудно, такъ какъ въ то время ничего подобнаго «Обществу защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія» не существовало. Послѣ сношеній съ прокуроромъ и съ градоначальникомъ, дѣло кончилось, однако, тѣмъ, что дѣвочка была освобождена отъ своего мучителя и развратителя. Попеченіемъ г-жи Бергеманъ она была помѣщена сначала въ Елисаветинскую дѣтскую больницу, а послѣ того, какъ немного укрѣпилась, въ дѣтскій пріютъ.

Достоевскаго очень интересовала колонія для малолѣтнихъ преступниковъ на Охтѣ, за пороховыми заводами, и по его желанію я свезъ его туда въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1877 года.

Въ первоначальномъ устройствѣ колоніи, открытой въ концѣ 1871 года, было немало недостатковъ. Она раздѣлялась на собственно колонію (земледѣльческую) и на ремесленный пріютъ. Первое время каждое изъ этихъ учрежденій было ввѣрено особому лицу въ качествѣ совершенно самостоятельнаго руководителя. Связующаго и объединяющаго звена между ними не было, и каждый изъ двухъ весьма извѣстныхъ педагоговъ, поставленныхъ во главѣ пріюта и колоніи, расходясь другъ съ другомъ во взглядахъ, проводилъ въ жизнь *свою* теорію воспитанія. Вслѣдствіе этого образовались двѣ пограничныя области, раздѣленныя, кажется, лишь небольшимъ ручьемъ или канавкой, рѣзко различныя по своему устройству и порядку управленія. Въ *одной* малолѣтніе почти не чувствовали надъ собою твердой власти и, образуя нѣчто въ родѣ маленькаго, своеобразнаго суда присяжныхъ, сами опредѣляли, въ случаѣ проступковъ товарищей, ихъ виновность (и, надо сказать, почти всегда справедливо и всегда строго); — въ *другой* существо-

вала осязательная дисциплина, и наказанія налагались руководителемъ. Въ одной уборка комнатъ, топка печей и всѣ хозяйственныя работы исполнялись питомцами, старшимъ изъ которыхъ разрѣшалось куреніе, — въ другой эти работы исполнялись наемными слугами, и куреніе было воспрещено безусловно. Въ одной господствовали — руководительство и наставленіе, въ другой — указаніе и приказаніе. Можно себѣ представить, какую неустойчивость представляло при этомъ воспитаніи питомцевъ, постоянно входившихъ и даже вводимыхъ въ общеніе между собою. И тѣмъ не менѣе, по идеѣ своей, колонія была прекраснымъ учрежденіемъ, и открытіе ея составляло одинъ изъ первыхъ шаговъ благородной дѣятельности русскаго общества по исправленію и постановкѣ на путь честнаго труда тѣхъ несчастныхъ, къ которымъ, вслѣдствіе темныхъ условій ихъ дѣтской жизни, уже успѣло привиться преступленіе. Въ созданіе колоніи вложилъ массу труда, хлопотъ, затратъ и самой горячей любви извѣстный юристъ-практикъ и одинъ изъ составителей Судебныхъ Уставовъ, сенаторъ Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій. Онъ принималъ непосредственное, живое участіе въ устройствѣ колоніи, въ горестяхъ и радостяхъ ея пестраго населенія. Библіотека, мастерскія, отдѣльные домики и красивая въ своей простотѣ церковь — все это устроено первоначально подъ его руководствомъ и надзоромъ. Колонія, гдѣ всѣ его знали и любили, относясь къ нему довѣрчиво и просто, долго была предметомъ его постоянной заботы, мѣстомъ его отдыха и его любимымъ дѣтищемъ. Въ свободное время онъ проводилъ тамъ цѣлые дни, изучалъ характеры отдѣльныхъ «колонистовъ», вводилъ и обсуждалъ разныя хозяйственныя мѣры. Когда въ колоніи устраивался на праздникахъ домашній театръ или какое-нибудь развлеченіе для дѣтей, сдержанный и съ виду холодный судебный сановникъ, окруженный шумливою толпою питомцевъ колоніи, радовался дѣтскою радостью и бывалъ счастливъ, когда кто-нибудь пріѣзжалъ ее съ нимъ раздѣлить... Ковалевскій самъ сознавалъ недостатки въ устройствѣ колоніи и непригодность двойственности послѣдней, но съ одной стороны, онъ не хотѣлъ обидѣть твердой критикой ни одного изъ двухъ педагоговъ, руко-

водившихъ дѣломъ, къ которому они относились съ любовью и увлеченіемъ, — а съ другой, онъ находилъ, что торопливость реформы можетъ не дать проявиться поучительнымъ плодамъ вполнѣ выясненнаго опыта. Впослѣдствіи двоевластіе въ колоніи выразилось въ такихъ крайнихъ разногласіяхъ между «соправителями», что на мѣсто ихъ пришлось призвать новое лицо — на началахъ единовластія. Оно исподволь стало водворять новые порядки, но при посѣщеніи колоніи Достоевскимъ старый строй былъ, во многихъ отношеніяхъ, еще въ силѣ.

Достоевскій внимательно приглядывался и прислушивался ко всему, задавая вопросы и разспрашивая о мельчайшихъ подробностяхъ быта питомцевъ. Въ одной изъ большихъ комнатъ онъ собралъ вокругъ себя всю молодежь и сталъ бесѣдовать съ нею. Онъ давалъ ей отвѣты то на пытливые, то на наивные вопросы, но мало-по-малу эта бесѣда обратилась въ поученіе съ его стороны, глубокое и вмѣстѣ вполнѣ доступное по своему содержанію, проникнутое настоящею любовью къ дѣтямъ, которая такъ свѣтитъ со всѣхъ страницъ его сочиненій, говорящихъ о «малыхъ сихъ»... Его иногда прерывали и вступали съ нимъ въ споръ, но слушали, конечно, даже и не подозрѣвая, кто онъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, давъ раза два подзатыльникъ одному изъ шаловливыхъ и нетерпѣливыхъ слушателей. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ собравшихся вокругъ него, — лица многихъ, уже хлебнувшихъ отравы большого города, стали серьезными и утратили напускное выраженіе насмѣшки и молодечества, которому «на все наплевать», — глаза нѣкоторыхъ затуманились. Когда мы вышли, чтобы пойти осмотрѣть церковь, всѣ пошли гурьбою съ нами, тѣсно окруживъ Достоевскаго и наперерывъ сообщая ему о своихъ житейскихъ приключеніяхъ и о продѣлкахъ и взглядахъ на порядки колоніи своихъ товарищей. Чувствовалось, что между авторомъ скорбныхъ сказаній о жизни и ея юными безсознательными жертвами установилась душевная связь, и что они почуяли въ немъ не *любопытствующаго* только, но и скорбящаго *друга*.

Церковь, довольно обширная, съ простыми деревянными, ничѣмъ не обдѣланными стѣнами внутри, была обильно снаб-

жена иконами. Ковалевскій выпросилъ для нея всѣ образа, похищенные или почему-либо отобранные, хранившіеся много лѣтъ безъ востребованія, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, въ кладовыхъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ стараго устройства. Съ иконъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, смотрѣли коричневые лики и тощія условныя фигуры стараго письма, въ одеждахъ «празелень» и съ бородами «до чреслъ», окруженныя неправдоподобными горами, среди которыхъ ютились не менѣе странные города и обители. Но иконостасъ былъ новый, расписанный красивыми традиціонными изображеніями во вкусѣ итальянской школы.

Когда мы поѣхали назадъ въ городъ, Ѳедоръ Михайловичъ долго и сосредоточенно молчалъ, а затѣмъ мягко сказалъ мнѣ: «Не нравится мнѣ эта церковь. Это музей какой-то! Къ чему это обиліе образовъ? Для того, чтобы подѣйствовать на душу входящаго, нужно лишь нѣсколько изображеній, но строгихъ, даже суровыхъ, какъ строга должна быть вѣра и суровъ долгъ христіанина. Да и напоминать они должны мальчику, попавшему въ столичный омутъ и успѣвшему въ немъ загрязниться, далекую деревню, гдѣ онъ былъ въ свое время чистъ. Тамъ въ иконостасѣ обыкновенно образа неискуснаго, но вѣрнаго преданіямъ письма, а тутъ въ немъ все какая-то расфранченная итальянщина. Нѣтъ, не нравится мнѣ церковь... Да и еще не нравится,—прибавилъ онъ,—эта искусственная и непонятная дѣтямъ изъ народа манера говорить имъ *вы*, — оно, быть-можетъ, по-нашему, по-господскому, и вѣжливѣй, — но холоднѣе, гораздо холоднѣе. Вотъ я имъ говорилъ всѣмъ *ты*, а вѣдь проводили они насъ тепло и искренно. Чего имъ притворяться? да и непритворны они еще пока — ни въ добромъ, ни въ зломъ»... И дѣйствительно «колонисты» провожали его шумно и довѣрчиво, окруживъ извозчика, на котораго мы садились, и крича Достоевскому: «Пріѣзжайте опять! непремѣнно пріѣзжайте! мы васъ очень будемъ ждать»...

Я уже говорилъ объ участіи Достоевскаго въ Пушкинскихъ дняхъ въ Москвѣ. Послѣ нихъ популярность его достигла своего апогея, и каждое его появленіе на эстрадѣ въ благотво-

рительныхъ концертахъ и чтеніяхъ сопровождалось горячими и безконечными овaціями. Онъ завоевалъ, какъ, думается мнѣ, никто изъ пишущей братіи до него, симпатіи всѣхъ слоевъ общества.

30-го января 1881 года былъ назначенъ въ залѣ дома Кононова вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда и въ память Пушкина. На немъ долженъ былъ читать и Ѳедоръ Михайловичъ.

Придя въ этотъ день въ Окружной Судъ, гдѣ я былъ предсѣдателемъ, я пригласилъ одного изъ моихъ секретарей, молодого правовѣда Лоренца, сына главнаго врача психіатрической больницы «Всѣхъ Скорбящихъ» на девятой верстѣ петергофскаго шоссе, начать докладъ вновь поступившихъ бумагъ и сталъ писать на нихъ свои резолюціи. Вскорѣ Лоренцъ сталъ запинаться, голосъ его дрогнулъ, и онъ внезапно замолчалъ на полусловѣ. Я поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на него. Глаза его были полны слезъ, и ротъ кривила судорога сдерживаемаго плача. — Что съ вами? вы больны?! — воскликнулъ я... — Достоевскій, Достоевскій умеръ! — почти закричалъ онъ, поражая меня этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, и залился слезами. И таково было въ большей или меньшей степени впечатлѣніе и настроеніе всей обширной судебной семьи, работавшей въ этотъ день въ судѣ, — и преимущественно младшихъ ея членовъ. Мысль о томъ, что мы *обязаны* принять участіе въ отданіи послѣдняго долга усопшему, зародилась сразу у всѣхъ и не допускала ни колебаній, ни возраженій. Въ этотъ и въ ближайшіе затѣмъ дни Достоевскій былъ въ полномъ смыслѣ «властителемъ думъ» почти всего общества, какъ, впрочемъ, былъ имъ и въ два послѣдніе года своей жизни, особенно послѣ появленія «Братьевъ Карамазовыхъ».

Я поѣхалъ поклониться его праху. На полутемной, непривѣтливой лѣстницѣ дома на углу Ямской и Кузнечнаго переулка, гдѣ въ четвертомъ этажѣ проживалъ покойный, было уже довольно много направлявшихся къ двери, обитой обтрепанной клеенкой. За нею темная передняя и комнаты съ тою же скудной и неприхотливой обстановкой, которую я уже видѣлъ

однажды. Ѳедоръ Михайловичъ лежалъ на невысокомъ катафалкѣ, такъ что лицо его было всѣмъ видно. Какое лицо! Его нельзя забыть... На немъ не было ни того какъ бы удивленнаго, ни того окаменѣло-спокойнаго выраженія, которое бываетъ у мертвыхъ, окончившихъ жизнь не отъ своей или чужой руки. Оно говорило — это лицо, оно казалось одухотвореннымъ и прекраснымъ. Хотѣлось сказать окружающимъ: «nolite flere, non est mortuus, sed dormit». Тлѣніе еще не успѣло коснуться его, и не печать смерти виднѣлась на немъ, а заря иной лучшей жизни какъ будто бросала на него свой отблескъ... Я долго не могъ оторваться отъ созерцанія этого лица, которое всѣмъ своимъ выраженіемъ, казалось, говорило: «Ну да! это такъ — я всегда говорилъ, что это должно быть такъ, а теперь я *знаю*»...

Вблизи гроба стояла дѣвочка, дочь покойнаго, и раздавала цвѣты и листья со все прибывавшихъ вѣнковъ, и это чрезвычайно трогало приходившихъ проститься съ прахомъ человѣка, умѣвшаго такъ тонко и съ такой «проникновенной» любовью изображать дѣтскую душу.

Достоевскій скончался въ одинъ день съ Пушкинымъ и Карлейлемъ — 29 января. Вечеръ въ память Пушкина состоялся, но вмѣсто Достоевскаго вышелъ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ и сказалъ теплое слово, а затѣмъ на эстраду вынесли и поставили сдѣланный углемъ, поразительный по сходству, набросокъ Рѣпина съ умершаго. Въ антрактѣ портретъ хотѣли унести, но присутствующіе запротестовали — и онъ остался... Весь антрактъ стояла предъ нимъ, въ благоговѣйномъ молчаніи, масса народу, охваченная однимъ чувствомъ. Такъ память о Пушкинѣ, которому поклонялся Достоевскій, — слилась, въ этотъ вечеръ, съ полной благодарнаго волненія памятью о немъ самомъ.

Вѣсть о его смерти быстро облетѣла весь Петербургъ, и на его квартиру началось настоящее паломничество. У его гроба сошлись, позабывъ различіе направленій и всякія злобы дня, — всѣ, кто не могъ не чтить въ усопшемъ не только высоко талантливаго творца «Униженныхъ и оскорбленныхъ», но и горячаго ихъ заступника, друга и — нерѣдко — утѣшителя. — Его праху поклонились всѣ, кто испыталъ на себѣ хоть однажды

то чувство безконечной жалости къ несчастію, то чувство всепрощающей и всепонимающей любви къ падшему, къ преступному, къ скорбящему и болѣзненно-возбужденному, которымъ были проникнуты лучшія изъ сочиненій замолкнувшаго навѣкъ художника-мыслителя. Онъ умеръ среди разгара противоположныхъ мнѣній, имъ вызванныхъ — умеръ, готовясь наносить и получать полемическіе удары отъ лицъ, несогласныхъ съ его политическими идеалами. Но въ эти скорбныя и торжественныя минуты никто не могъ думать и говорить объ этихъ спорахъ. И они, и матеріалъ, ихъ вызвавшій, были еще слишкомъ близки, слишкомъ еще мало было по отношенію къ нимъ спокойствія и безпристрастія, создаваемаго временемъ, которое одно, развернувъ туманное будущее, могло показать, насколько вѣрно смотрѣлъ на призваніе и свойства своей родины, несомнѣнно, глубоко и горячо любившій ее покойный. Живучесть его политическихъ идеаловъ была еще въ будущемъ, въ немъ — ихъ силы или слабость, но образы, имъ созданные, — уже жили полной жизнью, вылившись изъ «жаждавшей и алкавшей правды» души своеобразнаго и несравненнаго мастера. Эти образы, невидимо, но понятно для окружающихъ, возникали вокругъ его гроба и указывали на тяжесть и значеніе понесенной утраты. Они двигались вереницею въ умѣ каждаго, подходившаго къ нему, и напоминали ту негодующую скорбь и тѣ слезы дрогнувшаго сердца, которыми для многихъ сопровождалась умственная встрѣча съ ними. Ими переполнены были страницы его произведеній. Было ясно, что и Макаръ Дѣвушкинъ, со своею оборвавшеюся пуговкою вицъ-мундира, — и «блѣдненькая, худенькая, со слабенькимъ голоскомъ» Соня Мармеладова, и самъ Мармеладовъ «образа звѣринаго и печати его», — и истерзавшійся Раскольниковъ, и его мать, и Карамазовскій штабсъ-капитанъ съ «мочалкою», — и «вѣчный мужъ», и всѣ эти пострадавшіеся, опустившіеся, нервные и мрачные люди, которыхъ такъ умѣлъ описывать Достоевскій — не умрутъ въ русской литературѣ, пока въ ней будетъ жить желаніе найти въ самой омраченной, въ самой озлобленной душѣ искру примирающаго свѣта. И для всѣхъ искателей этой искры — Достоевскій образецъ и великій учи-

тель. У него надо изучать и пріемы тончайшаго, проникающаго въ самую глубину, анализа душевныхъ движеній натуръ усталыхъ, ослабѣвшихъ, надломленныхъ въ житейской борьбѣ,— и изумительнаго изображенія психическихъ состояній, свойственныхъ людямъ, находящимся на границахъ дѣйствительности и цѣлаго міра грезъ и лихорадочной игры фантазіи. Со страницъ его сочиненій всегда будетъ звучать призывъ къ внимательному и любящему изученію дѣтской души, приходящей въ столкновеніе съ суровымъ реализмомъ жизни. Эта черта его — общая съ великимъ англійскимъ романистомъ Диккенсомъ—всегда будетъ бросать особый свѣтъ на его произведенія. Умѣть такъ просто, правдиво и задушевно описать волненія и страсти «маленькаго героя» и порывы негодованія ребенка при видѣ истязуемой лошади, — умѣть создать «Ильюшечку» и написать его сцену съ оскорбленнымъ и поруганнымъ отцомъ — могъ только художникъ, носившій въ груди нѣжно любящее и отзывчивое сердце.

Если бы нужно было охарактеризовать однимъ словомъ общее чувство всѣхъ безчисленныхъ посѣтителей, приходившихъ ко праху Достоевскаго, я сказалъ бы, что это была «осиротѣлость», ѣдкая почти до боли и тѣмъ болѣе тяжелая, чѣмъ неожиданнѣй она налетѣла. Андреевскій совершенно вѣрно выразилъ это чувство, сказавъ въ своемъ стихотвореніи «У гроба Достоевскаго» — «кто повторитъ слова любви — несчастнымъ, падшимъ, маловѣрнымъ? — кто имъ, въ пылу нелицемѣрномъ — подыметъ взоры отъ земли?!..»

Похороны Достоевскаго — настоящее общественное событіе — были чѣмъ-то дотолѣ невиданнымъ. Полное отсутствіе полицейскихъ «мѣропріятій» — и полный порядокъ непрерывнаго громаднаго шествія, поддерживаемый цѣпью изъ учащихся, — трогательное пѣніе многочисленныхъ импровизированныхъ хоровъ, — воспитанники и воспитанницы средне-учебныхъ заведеній, стоящіе шпалерами на пути, — безконечные вѣнки съ трогательными надписями, несомые особыми депутаціями, — и свободно выливавшаяся изъ души торжественность настроенія у участниковъ и зрителей — придавали процессіи величественный видъ и незабвен-

ный характеръ. Тутъ сказывались — единство идеи и общность потери, сплотившія самыхъ разнообразныхъ по своимъ взглядамъ, положенію и дѣятельности людей. Въ то время, когда гробъ выносили изъ квартиры Достоевскаго, первая группа депутатовъ съ вѣнками была уже на Знаменской площади, на пути къ Александро-Невской лаврѣ. Шествіе длинной и широкой лентой растянулось по Владимірской и Невскому — и грустная гармонія всего происходившаго ничѣмъ не была нарушена. Предъ выносомъ, между участниками депутацій раздавался листокъ съ воспроизведеннымъ на немъ автографомъ покойнаго, а первыми, взявшимися за ручки гроба, который всю дорогу затѣмъ несли, — окруженные широкою гирляндою цвѣтовъ, укрѣпленныхъ на шестахъ, — постоянно смѣнявшіеся желающіе, — были Пальмъ и Плещеевъ, за тридцать два года передъ тѣмъ, вмѣстѣ съ усопшимъ возведенные на эшафотъ на Семеновскомъ плацу для выслушанія приговора по дѣлу Петрашевскаго. Въ день похоронъ вышелъ первый № «Дневника Писателя» за 1881 г., начинавшійся словами: «Господи! неужели и я, послѣ трехъ лѣтъ молчанія, выступлю въ возобновленномъ Дневникѣ моемъ»... Этотъ № былъ послѣднимъ словомъ Достоевскаго русскому обществу.

III.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда ни о какомъ знакомствѣ моемъ съ поэзіей Некрасова не могло быть и рѣчи, да она и не успѣла еще развернуться во всю свою ширь, я уже интересовался имъ по разсказамъ моего отца, издателя-редактора «Литературной Газеты» въ 1840 и 1841 гг. и «Пантеона» и «Репертуара» съ 1843 г. почти вплоть до 1851 г., когда послѣдній журналъ былъ переименованъ въ «Пантеонъ» и очень расширилъ свою литературно-художественную программу. Время изданія «Литературной Газеты» совпало съ годами тяжелыхъ испытаній и лишеній въ жизни Некрасова. Ему приходилось очень бѣдствовать и на себѣ испытать ту нищету и неувѣренность въ завтрашнемъ кускѣ хлѣба, которыя отразились на содержаніи многихъ его стихотвореній. Онъ, очевидно, зналъ по личному опыту,

что такое проживаніе въ петербургскихъ *углахъ*, описанныхъ имъ въ одномъ изъ изданныхъ имъ сборниковъ. Существовать приходилось изо дня въ день составленіемъ книжекъ для мелкихъ издателей-торгашей и торопливымъ писаніемъ на заказанныя темы, о чемъ придется и какъ придется. Въ этотъ періодъ его жизни съ нимъ познакомился редакторъ «Литературной Газеты» и предложилъ ему въ своемъ изданіи хорошій по тогдашнимъ временамъ заработокъ, цѣня молодого писателя, давая ему иногда по цѣлымъ недѣлямъ пріютъ у себя и оберегая его отъ возвращенія къ привычкамъ бродячей и бездомной жизни.

Въ письмѣ изъ Ярославля отъ 16 августа 1841 года, по поводу какого-то недоразумѣнія, вызваннаго сплетнями одного изъ «добрыхъ пріятелей» Некрасова, онъ писалъ моему отцу: «Неужели вы почитаете меня способнымъ такъ скоро забыть недавнее прошлое?.. Я помню, *что* былъ я назадъ два года, какъ я жилъ. Я понимаю теперь, могъ ли бы я выкарабкаться изъ сору и грязи безъ помощи вашей. Я не стыжусь признаться, что всѣмъ обязанъ вамъ, иначе бы я не написалъ вамъ этихъ строкъ, которыя навсегда могли бы остаться для меня уликой». Большая часть работъ Некрасова въ «Литературной Газетѣ» была подписана псевдонимомъ «Перепельскій». Себя и редактора онъ изобразилъ въ «Водевильныхъ сценахъ изъ журнальной жизни», подъ именемъ Пельскаго и Сѣмечко и вложилъ въ уста послѣдняго такое profession de foi по поводу пріемовъ тогдашней газетной травли, руководимой знаменитымъ въ своемъ родѣ Булгаринымъ: «я литераторъ, а не торговецъ съ рынка и не хочу пятнать страницъ моей газеты той ржавчиной литературы, которую желалъ бы смыть кровью и слезами». Когда Некрасовъ вышелъ на широкую литературную дорогу, его добрыя отношенія съ моимъ отцомъ продолжались, хотя видались они довольно рѣдко.

Въ первый разъ мнѣ пришлось его увидать въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на Невскомъ, при встрѣчѣ его съ моимъ отцомъ. Я жадно всматривался въ его желтоватое лицо и усталые глаза и вслушивался въ его глухой голосъ: въ это время имя его говорило мнѣ уже очень многое. Въ короткой бесѣдѣ разговоръ — почему уже не помню — коснулся историческихъ изслѣ-

дованій объ Иванѣ Грозномъ и о его царствованіи, какъ благодарномъ драматическомъ матеріалѣ. «Эхъ, отецъ! — сказалъ Некрасовъ (онъ любилъ употреблять это слово въ обращеніи къ собесѣдникамъ), — ну, чего искать такъ далеко, да и чего это всѣмъ дался этотъ Иванъ Грозный! Еще и былъ ли Иванъ-то Грозный?..» — сказалъ онъ смѣясь.

Осенью 1861 года я былъ на литературномъ вечерѣ въ памятъ только-что схороненнаго Добролюбова. Некрасовъ читалъ трогательныя стихотворенія покойнаго, еще не появившіяся въ печати. Его глухой голосъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ скорбному тону того, что онъ выбралъ для чтенія: «пускай умру, печали мало: — не то страшитъ мой умъ больной, — но чтобъ и смерть не разыграла — обидной шутки надо мной», — читалъ онъ, и казалось, что это — замогильный голосъ самого Добролюбова. Впечатлѣніе было очень сильное. Мнѣ пришлось опять слышать чтеніе Некрасова десять лѣтъ спустя, на вечерѣ, устроенномъ М. Е. Ковалевскимъ у себя, въ пользу колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Тогда готовились къ печати «Русскія женщины», и этимъ произведеніемъ, отдѣльныя мѣста котораго глубоко трогательны, подѣлился со слушателями Некрасовъ. Аудиторія была изысканная въ смыслѣ умственнаго развитія, и мнѣ показалось, что онъ, всегда спокойный и сдержанный, волновался, читая. Другіе подтвердили мое замѣчаніе. Очевидно было, что онъ — котораго такъ часто упрекали въ неискренности — прочувствовалъ и переживалъ душевно за княгиню Волконскую и въ особенности за Трубецкую — тѣ нравственныя страданія ихъ, которыя были имъ воспѣты съ такой силой и вмѣстѣ простотой.

Съ начала 1872 года я сталъ довольно часто встрѣчать Некрасова въ домѣ его большого пріятеля, Александра Николаевича Ераковa (ему посвящено Некрасовымъ большое стихотвореніе «Недавнее время»), воспитаніемъ дочерей котораго руководила сестра Некрасова, Анна Алексѣевна Буткевичъ. Ераковъ былъ живой, образованный, чрезвычайно добрый и увлекающійся человѣкъ, обладавшій тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Въ его гостепріимномъ домѣ любимыми посѣтителями были: Салтыковъ,

Алексѣй Михайловичъ Унковскій, Плещеевъ и Некрасовъ. Послѣдній часто навѣщалъ сестру и приносилъ ей свои только-что написанныя стихотворенія. Благодаря этому и моему близкому знакомству съ семействомъ Ераковыхъ, я читалъ почти всѣ произведенія Некрасова, появившіяся послѣ 1871 года, еще въ рукописи и иногда въ первоначальномъ ихъ видѣ. Некрасовъ любилъ сестру и относился къ ней съ большимъ вниманіемъ и участіемъ. Въ ея строгомъ лицѣ, со слѣдами замѣчательной красоты, были черты сходства съ братомъ. Она не прошла, однако, подобно ему, годовъ лишеній и нравственныхъ уколовъ, испытываемыхъ человѣкомъ, стоящимъ на границѣ, за которою начинается уже несомнѣнная и неотвратимая нищета. Поэтому «борьба за существованіе» меньше отразилась на ней, на ея статной и изящной фигурѣ, на цвѣтѣ ея лица. Некрасовъ пріѣзжалъ къ Ераковымъ въ каретѣ или коляскѣ, въ дорогой шубѣ, и подчасъ широко, какъ бы не считая, тратилъ деньги, но въ его глазахъ, на его нездороваго цвѣта лицѣ, во всей его походкѣ виднѣлось не временное, преходящее утомленіе, а застарѣлая жизненная усталость и, если можно такъ выразиться, *надорванность* его молодости. Не даромъ говорилъ онъ про себя: «праздникъ жизни — молодости годы — я убилъ подъ тяжестью труда»...

Мы возвращались какъ-то, лѣтомъ 1873 года, вдвоемъ изъ Ораніенбаума, гдѣ обѣдали на дачѣ у Еракова. На мой вопросъ, отчего онъ не продолжаетъ «Кому на Руси жить хорошо», онъ сказалъ мнѣ, что, по плану своего произведенія, дошелъ до того мѣста, гдѣ хотѣлъ бы помѣстить наиболѣе яркія картины изъ временъ крѣпостного права, но что ему нуженъ фактическій матеріалъ, который собирать некогда, да и трудно, такъ какъ у насъ даже недавнимъ прошлымъ никто не интересуется. — «Постоянно будить надо, — безъ этого русскій человѣкъ способенъ позабыть и то, какъ его зовутъ», — прибавилъ онъ. «Такъ вы бы и разбудили, кликнувъ кличъ между знакомыми о доставленіи вамъ такихъ матеріаловъ, — сказалъ я. — Вотъ, напримѣръ, и я, — хотя мало знакомъ съ жизнью народа при крѣпостныхъ отношеніяхъ, а, думается мнѣ, могъ бы разсказать вамъ случай, о которомъ слышалъ отъ достовѣрныхъ людей»...

— «А какъ вы познакомились съ русской деревней и что знаете о крѣпостномъ правѣ?» — спросилъ меня Некрасовъ. Я разсказалъ ему, что въ отрочествѣ мнѣ пришлось провести два лѣта вмѣстѣ съ моими родителями въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губ. и въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской. Въ послѣднемъ видѣлъ нѣсколько безобразныхъ проявленій крѣпостного права со стороны семьи одного помѣщика, не чуждаго, въ свое время, литературѣ. Гораздо ближе познакомился я съ русскимъ сельскимъ бытомъ, когда, будучи московскимъ студентомъ, жилъ лѣтомъ 1863 года «на кондиціяхъ» въ Пронскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, въ усадьбѣ Панькино, въ семействѣ бывшаго профессора А. Н. Драшусова, младшаго сына котораго готовилъ къ поступленію въ гимназію и дочери котораго давалъ впослѣдствіи въ Москвѣ уроки. Почти все время, свободное отъ уроковъ и отъ бесѣды съ хозяйкой дома — умной и очень образованной женщиной, бывшей въ перепискѣ со многими выдающимися людьми Западной Европы — я проводилъ на селѣ живо интересуясь только-что совершившимся переломомъ въ крестьянскомъ быту подъ вліяніемъ великой реформы 19-го февраля, и внимательно прислушиваясь къ постепенно умолкавшимъ отголоскамъ недавнихъ крѣпостныхъ отношеній. Съ чувствомъ теплаго уваженія вспоминаю я прекрасную личность мирового посредника перваго призыва, отставнаго маіора Федюкина, одного изъ тѣхъ благороднѣйшихъ дѣятелей, которые внезапно появились въ Россіи подъ благовѣстъ освобожденія и нерѣдко безпощадно къ себѣ и безкорыстно положили всю душу свою въ новое дѣло. И, какъ контрастъ ему, рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ мѣстная молодая титулованная помѣщица, вѣчно воевавшая съ ненавистнымъ ей Федюкинымъ, со злобной настойчивостью преслѣдовавшая своихъ крѣпостныхъ за каждую охапку хвороста, собранную въ ея лѣсу, и за каждый, какъ выражался мировой посредникъ, «намекъ на потраву». Она привозила по временамъ въ Панькино откуда-то добываемый ею «Колоколъ» и съ ликованіемъ читала въ немъ рѣзкія и язвительныя выходки противъ императора Александра II. Когда однажды я замѣтилъ ей крайнее несоотвѣтствіе ея домашняго образа дѣйствія и не-

годованія на Федюкина, часто становившагося на сторону крестьянъ, — и восхищенія передъ выходками Герцена, она пожала плечами съ выраженіемъ презрительнаго сожалѣнія о моемъ умственномъ неразвитіи и рѣшительно отрѣзала мнѣ: — «никакого несоотвѣтствія нѣтъ и удивляться нечему! мнѣ нравится, когда *его* ругаютъ, подѣломъ *ему!* Зачѣмъ онъ освободилъ крестьянъ и позволилъ разнымъ Федюкинымъ насъ грабить!..»

Я бывалъ въ засѣданіяхъ волостного суда и на сельскихъ сходахъ, бродилъ подолгу съ крестьяниномъ-охотникомъ Данилой и просиживалъ съ нимъ до разсвѣта въ лѣсу, «подвывая» волковъ, на что онъ былъ большой мастеръ — и велъ долгія бесѣды со сторожемъ волостного правленія, прозвища котораго, къ сожалѣнію, теперь не помню. Его звали Николай Васильевичъ. Это былъ высокій старикъ съ шапкою сѣдыхъ волосъ и подслѣповатыми глазами, ѣздившій въ Москвѣ въ извозчикахъ еще до того, какъ туда «приходилъ французъ». Большой любитель моихъ папиросъ, словоохотливый старикъ подолгу разсказывалъ мнѣ о прошломъ, вплетая въ свои разсказы, безъ всякой предвзятой мысли, яркія картины изъ крѣпостной эпохи. Онъ не видѣлъ во мнѣ «барина» и относился поэтому ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, которое поколебалось лишь однажды. — «Тебѣ какое жъ, родимый, положеніе идетъ за то, что ты учишь барчука? — полюбопытствовалъ онъ узнать. — Двадцать рублей. — Въ годъ? — Нѣтъ, въ мѣсяцъ. — Ой-ли?! Да за что же это такъ много? — Какъ за что? Занимаюсь съ нимъ, готовлю въ гимназію. Вотъ скоро ему будетъ въ Москвѣ экзаменъ. — Ну, а ѣшь-то ты что? То же, что господа? — Конечно! Что же мнѣ другое ѣсть, когда я съ ними и обѣдаю и ужинаю. — Съ ними?! — сказалъ онъ недовѣрчиво и потомъ рѣшительно прибавилъ: — Врешь ты, родимый!..» Изъ его словъ я увидѣлъ, какъ иногда въ прежнее время — но, конечно, не въ семьѣ Драшусовыхъ — смотрѣли на учителя...

— «А гдѣ жъ ты тамъ, парень, живешь? — спросилъ онъ меня въ другой разъ, — въ господскомъ домѣ? — Нѣтъ, я живу отдѣльно, на дворѣ, въ комнатѣ при старой банѣ. Мнѣ тамъ очень хорошо; тихо, просторно и никто не мѣшаетъ. Я тамъ

и уроки даю. — Въ банѣ? — задумчиво сказалъ старикъ — и тебѣ не боязно? *она-то* по ночамъ не ходитъ? Не пужаетъ тебя? — Кто она? Какая она? — Да, вѣдь, тутъ у насъ въ старые годы, давно ужъ тому, помѣщица была, лихая такая: дѣвкамъ дворовымъ отъ нея житья не было. Очень ужъ она на одну серчала. Косу ей обрѣзать велѣла и другое разное такое — совсѣмъ со свѣту сживала. Та, возьми, да съ горя и удавись. Судъ пріѣхалъ. Въ банѣ ее и «коронили» — значитъ потрошили. А къ чему это — неизвѣстно. А потомъ схоронили за оградой, потому что руки на себя наложила. Послѣ ея сундучокъ съ вещами остался, а она была сирота. Такъ сундучекъ-то поставили на чердакъ въ банѣ. Вотъ у насъ на селѣ и баютъ, что она по ночамъ ходитъ сундукъ свой смотрѣть. Ну, какъ же не боязно?!..» Выслушавъ это, я понялъ, почему прислуга, когда я вечеромъ желалъ остаться у себя (я готовился къ отложенному на осень экзамену у Бабста изъ политической экономіи и статистики и внимательно изучалъ Рошера), принося мнѣ чай или молоко, ставила ихъ на крылечкѣ и, постучавъ въ окно, быстро удалялась. Вернувшись къ себѣ, я пошелъ на чердакъ и въ углу его дѣйствительно увидѣлъ покрытый пылью старый небольшой сундучекъ, перевязанный веревкой и запечатанный печатью пронскаго земскаго суда. Нужно ли говорить, что въ первую же затѣмъ ночь мое нервно настроенное воображеніе заставило меня услышать чьи-то шаги на чердакѣ? Но затѣмъ молодость взяла свое, и несчастная самоубійца уже не тревожила мой крѣпкій сонъ.

Въ другой разъ тотъ же старикъ разсказалъ мнѣ съ большими подробностями исторію другого мѣстнаго помѣщика, который звѣрски обращался со своими крѣпостными, находя усерднаго исполнителя своихъ велѣній въ своемъ любимомъ кучерѣ — человѣкѣ жестокомъ и безпощадномъ. У помѣщика, ведшаго весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силачъ-кучеръ на рукахъ вносилъ въ его коляску и вынималъ изъ нея. У сельскаго Малюты Скуратова былъ, однако, сынъ, на которомъ отецъ сосредоточилъ всю нѣжность и состраданіе, не находимыя имъ въ себѣ для другихъ. Этотъ сынъ задумалъ жениться

и пришелъ вмѣстѣ съ предполагаемой невѣстой просить разрѣшенія на бракъ. Но послѣдняя, къ несчастью, такъ приглянулась помѣщику, что тотъ согласія не далъ. Молодой парень затосковалъ и однажды, встрѣтивъ помѣщика, упалъ ему въ ноги съ мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги съ угрозами. Тогда онъ былъ сданъ не въ зачетъ въ солдаты, и никакія просьбы отца не помогли. Послѣдній запилъ, но недѣли черезъ двѣ снова оказался на своемъ посту, *прощенный* бариномъ, который слишкомъ нуждался въ его непосредственныхъ услугахъ. Вскорѣ затѣмъ баринъ поѣхалъ куда-то къ сосѣдямъ со своимъ Малютою Скуратовымъ на козлахъ. Почти отъ самаго Панькина начинался глубокій и широкій оврагъ, поросшій по краямъ и на днѣ густымъ лѣсомъ, между которымъ вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, въ оврагъ, называвшійся Чертово Городище, внезапно свернулъ кучеръ, не обратившій никакого вниманія на возраженія и окрики сидѣвшаго въ колескѣ барина. Проѣхавъ съ полверсты, онъ остановилъ лошадей въ особенно глухомъ мѣстѣ оврага, молча, съ угрюмымъ видомъ, — какъ разсказывалъ въ первыя минуты послѣ пережитаго баринъ, — отпрягъ ихъ и отогналъ ударомъ кнута, а затѣмъ взялъ въ руки возжи. Почуявъ неминуемую расправу, баринъ, въ страхѣ, смѣшивая просьбы съ обѣщаніями, сталъ умолять пощадить ему жизнь. — Нѣтъ! — отвѣчалъ ему кучеръ, — не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого грѣха на душу, а только такъ ты намъ солонъ пришелся, такъ тяжко съ тобой жить стало, что вотъ я, старый человѣкъ, а черезъ тебя душу свою погублю... — И возлѣ самой коляски, на глазахъ у безпомощнаго и безплодно кричащаго въ ужасѣ барина, онъ взлѣзъ на дерево и повѣсился на возжахъ.

Выслушавъ мой разсказъ, Некрасовъ задумался, и мы доѣхали до Петербурга молча. Онъ предложилъ мнѣ довезти меня въ своей каретѣ на Фурштадтскую, гдѣ я жилъ, и, когда мы разставались, сказалъ мнѣ: «я этимъ разсказомъ воспользуюсь», — а черезъ годъ прислалъ мнѣ корректурный листъ, на которомъ было набрано: «О Яковѣ вѣрномъ — холопѣ примѣрномъ», прося сообщить, «такъ ли». Я отвѣтилъ ему, что нѣкоторые маленькіе

варіанты нисколько не измѣняютъ существа дѣла, и черезъ мѣсяцъ получилъ отъ него отдѣльный оттискъ той части «Кому на Руси жить хорошо», въ которой изображена эта пронская исторія въ потрясающихъ стихахъ.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ посѣтить его въ домѣ Краевскаго на Литейной и раза два у него обѣдать въ обществѣ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ всѣхъ оживлялъ своими веселыми и образными разсказами покойный «другъ писателей» Михаилъ Александровичъ Языковъ. Юморъ и подвижность его были особенно цѣнны въ виду его весьма преклоннаго возраста, а память его просто поражала способностью хранить въ себѣ многое изъ давно-давно прошедшаго. Иногда на вопросъ удивленнаго собесѣдника: «а сколько вамъ, Михаилъ Александровичъ, лѣтъ?» — онъ, съ комической важностью, горделиво отвѣчалъ, пародируя Людовика XIV-го: «L'etat (Лѣта) — c'est moi». За этими обѣдами мнѣ пришлось слышать весьма интересные разсказы хозяина о литературныхъ нравахъ конца сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ и о тѣхъ невѣроятныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрныхъ, издѣвательствахъ цензуры надъ здравымъ смысломъ и трудомъ писателя, въ тѣ времена, «когда была жизнь коротка — для пѣсенъ лиры — отъ типографскаго станка до цензорской квартиры», и когда поэтъ отвѣчалъ типографскому разсыльному Минаю, приносившему корректуру, испещренную красными крестами и говорившему: «Сойдетъ-де и такъ»: — Это кровь проливается! Кровь моя, ты дуракъ!»

Иногда Некрасовъ обращался ко мнѣ съ просьбою о совѣтѣ по тому или другому литературному дѣлу, которое, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, могло грозить осуществленіемъ въ реальной дѣйствительности того, что съ такимъ юморомъ изобразилъ онъ въ своемъ остроумномъ стихотвореніи «Судъ». У меня сохранилось его письмо отъ 7-го апрѣля 1874 года. «Разрѣшите, пожалуйста, — писалъ онъ, — *должны ли мы* напечатать прилагаемое объясненіе судьи N. N.? И можетъ ли выйти что-либо непріятное для редактора въ случаѣ, если бы мировой судья, не видя объясненія напечатаннымъ, принесъ жалобу — или нѣтъ? Надо замѣтить, что судья этотъ, должно-быть, скотина старыхъ

приказныхъ временъ, ибо наполнялъ свою замѣтку кляузами и бранью, которыя я откинулъ. Отвѣтъ вашъ необходимъ *сегодня*. Очень обяжете искренно вамъ преданнаго Н. Некрасова».

У Некрасова было много враговъ, и на его счетъ распространялись самые злорѣчивые слухи, сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, на его крупныхъ выигрышахъ въ карты. Порожденныя этими слухами легенды живутъ, къ сожалѣнію, и по настоящее время въ обществѣ. «Calomniez, calomniez — il en restera toujours quelque chose!» По этому поводу мнѣ пришлось однажды имѣть большую бесѣду съ самимъ Некрасовымъ.

Въ 1874 году сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ произвело возбужденіе мною дѣла о штабсъ-ротмистрѣ Колеминѣ, содержавшемъ игорный домъ и завлекавшемъ къ себѣ роскошнымъ угощеніемъ обыгрываемую имъ молодежь, при чемъ выигрышу велась правильная бухгалтерская запись. Въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ подробности этого характернаго дѣла, теперь же лишь упомяну, что, въ виду полной изобличенности Колемина, я предложилъ судебному слѣдователю наложить, на основаніи 512 ст. XIV тома, арестъ на деньги Колемина, хранившіяся на текущемъ счету въ Волжско-Камскомъ банкѣ въ суммѣ 49.500 рублей и представлявшія, согласно составленнымъ имъ записямъ, чистый его выигрышъ. Арестъ былъ наложенъ, и судъ утвердилъ эту мѣру. Кто-то, по невѣжеству юридическому, а можетъ-быть съ дурнымъ и злораднымъ умысломъ увѣрилъ Некрасова, будто бы достовѣрно извѣстно, что я намѣренъ возбудить дѣла о всѣхъ лицахъ, выигравшихъ крупныя суммы въ общественныхъ собраніяхъ, и предложить суду отобрать у нихъ эти деньги для обращенія ихъ въ пользу колоніи и пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ въ окрестностяхъ Петербурга. Встревоженный Некрасовъ, сознававшій, что такая мѣра могла бы гибельно отразиться на средствахъ для изданія «Отечественныхъ Записокъ», какъ-то рано утромъ пришелъ ко мнѣ и просилъ откровенно сказать, грозитъ ли и ему такая опасность. Я, конечно, его разувѣрилъ и постарался разсѣять его опасенія, объяснивъ всю нелѣпость дошедшаго до него слуха. При этомъ я подробно разсказалъ ему про поводы къ возбужденію дѣла

о Колеминѣ и выяснилъ ему, *что именно* разумѣетъ законъ подъ словами «устройство игорнаго дома». Некрасовъ успокоился и, долго просидѣвъ у меня, подробно разсказалъ мнѣ, какъ образовались его значительныя средства, возбуждавшія въ столь многихъ ожесточенную зависть. Въ своемъ повѣствованіи, довольно безпощадномъ къ самому себѣ, онъ раскрылъ предо мною болѣзненную психологію человѣка, одержимаго страстью къ игрѣ, непреодолимо влекущею его на эту рискованную борьбу между счастьемъ и опытомъ, увлеченьемъ и выдержкой, запальчивостью и хладнокровіемъ, гдѣ главную роль играетъ не выигрышъ, не пріобрѣтеніе, а своеобразное сознаніе своего превосходства и упоеніе побѣды...

Разсказы о «нечистой игрѣ» Некрасова были несомнѣнной клеветою, — такою же, какъ стремленіе представить его безсердечнымъ эгоистомъ и человѣкомъ, двулично драпирующимся въ тогу друга народа и служителя «музы мести и печали», въ то время, когда до народныхъ скорбей ему въ сущности нѣтъ никакого дѣла, и онъ, широко тратя легко достающіяся деньги на себя, остается глухъ и слѣпъ къ чужому горю и несчастью. Изъ разсказовъ его сестры, женщины правдивой до суровости, мнѣ были извѣстны нерѣдкіе случаи проявленія имъ доброты и великодушной незлобности по отношенію къ чуждымъ ему людямъ; его прекрасныя, внимательныя и участливыя отношенія къ сотрудникамъ и его трогательная нѣжность къ сестрѣ служатъ лучшимъ опроверженіемъ шипѣнья злобы, которая и при жизни и по смерти прикрывалась услужливымъ словомъ «говорятъ, что...» — «Нѣсть человѣкъ, аще поживетъ и не согрѣшитъ. Ты одинъ кромѣ грѣха»... говорится въ чудномъ ритуалѣ нашей панихиды. Не «прегрѣшенія» важны въ оцѣнкѣ нравственнаго образа человѣка, а то, былъ ли онъ способенъ сознавать ихъ и глубоко въ нихъ каяться. Стоитъ вспомнить вырвавшіеся изъ глубины души Некрасова, орошенные внутренними слезами, крики, которыми онъ оплакивалъ случаи своего кратковременнаго паденія или минутнаго малодушія, когда онъ сознавалъ, что «погрузился въ тину нечистую — мелкихъ помысловъ, низкихъ страстей» и что «ликуетъ врагъ —

молчитъ въ недоумѣньи — вчерашній другъ, поникнувъ головой...» — стоитъ ихъ вспомнить, чтобы видѣть, что онъ былъ человѣкомъ искреннимъ.

Тотъ, кто наблюдалъ жизнь, кому приходилось имѣть дѣло съ живыми людьми, долженъ, мнѣ кажется, признать, что существуетъ большая разница между человѣкомъ дурнымъ и человѣкомъ, впавшимъ въ порочную слабость или увлеченнымъ страстью. Нерѣдко подъ оболочкой почти безупречной «умѣренности и аккуратности», дающей поводъ къ лицемѣрному самолюбованію, таится, несомнѣнно, дурной человѣкъ, и, наоборотъ, иной игрокъ, пьяница или «явный прелюбодѣй», котораго наши старые судопроизводственные законы не допускали даже до свидѣтельства на судѣ, — внѣ предѣловъ своей порочной склонности бываютъ людьми великодушными, благородными и добрыми, въ особенности добрыми. Недаромъ Достоевскій сказалъ, что у насъ добрые люди обыкновенно пьяные люди, и пьяные люди почти всегда добрые люди... Литературныя и нравственныя заслуги Некрасова предъ русскимъ обществомъ такъ велики, что предъ ними должны совершенно меркнуть его недостатки, даже если бы они и были доказаны. Это прекрасно выразилъ покойный Боровиковскій въ стихахъ «Его судьямъ», въ которыхъ, обращаясь къ «непреклонному моралисту, сующему съ миной величавой *его* ошибокъ скорбный листъ», онъ говоритъ: «ты сосчиталъ на солнцѣ пятна и проглядѣлъ его лучи!»...

Во время долгой и тяжкой предсмертной болѣзни Некрасова я былъ у него нѣсколько разъ, и каждый разъ съ трудомъ скрывалъ свое волненіе при видѣ того безпощаднаго разрушенія, которое совершалъ съ нимъ недугъ. Послѣднее время онъ могъ лежать только ничкомъ, въ очень неудобной позѣ, подъ одной простыней, которая ясно обрисовывала его страшно исхудалое тѣло. Голосъ былъ слабъ, дрожащая рука — холодна, но глаза были живы, и въ нихъ свѣтилось все, что оставалось отъ жизни, истерзанной страданіемъ. Въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, онъ попенялъ мнѣ, что я рѣдко къ нему захожу. Я отчасти заслужилъ этотъ упрекъ, но я зналъ отъ его се-

стры, что посѣщенія его утомляютъ, и при томъ былъ въ это время очень занятъ, иногда не имѣя возможности дня по три подъ рядъ выйти изъ дому. На мои извиненія онъ отвѣтилъ, говоря съ трудомъ и тяжело переводя дыханіе: «Да что вы, отецъ! — Я вѣдь это такъ говорю, я вѣдь и самъ знаю, что вы очень заняты, — да и всѣмъ живущимъ въ Петербургѣ — всегда бываетъ *некогда*. Да, это здѣсь роковое слово. Я прожилъ въ Петербургѣ почти сорокъ лѣтъ и убѣдился, что это слово — одно изъ самыхъ ужасныхъ. Петербургъ — это машина для самой безплодной работы, требующая самыхъ большихъ — и тоже безплодныхъ жертвъ. Онъ похожъ на чудовище, пожирающее лучшихъ изъ своихъ дѣтей. И мы живемъ въ немъ и умираемъ, не живя. Вотъ я умираю, — а, оглядываясь назадъ, нахожу, что намъ *все и всегда было некогда*. Некогда думать, некогда чувствовать, некогда любить, некогда жить душою и для души, некогда думать не только о счастьи, но даже объ отдыхѣ, и только *умирать есть время*»...

Хотя и давно ожиданная, вслѣдствіе сообщеній газетъ о трудной операціи, произведенной Бильротомъ, и о тяжкихъ страданіяхъ, смерть Некрасова произвела въ Петербургѣ, да и во многихъ мѣстахъ Россіи, сильное впечатлѣніе, заставила встрепенуться во многихъ любовь къ угасшему и вызвала неподдѣльное чувство боли, заставивъ на время смолкнуть навѣты недруговъ и злобныя шуточки лицемѣрныхъ друзей. Это настроеніе нашло себѣ яркое выраженіе въ прекрасныхъ стихахъ того же Боровиковскаго, написанныхъ наканунѣ похоронъ и начинавшихся словами:

Смолкли поэта уста благородныя.

Самыя похороны были очень многолюдны и, сколько помнится, — были вторыми неофиціальными похоронами въ Петербургѣ, въ которыхъ — послѣ торжественныхъ похоронъ знаменитаго артиста Мартынова 13 сентября 1860 года — приняли участіе съ горячимъ порывомъ самые разнообразные круги общества. Обстановка этихъ похоронъ и характеръ участія въ нихъ молодого поколѣнія указывали, что имъ выражается не только

сочувствіе къ памяти покойнаго, но и подчеркивается живое и активное воспріятіе основного мотива его поэзіи. Надо, впрочемъ, замѣтить, что по торжественности и внѣшнему, свободно установленному, порядку эти похороны значительно уступали тому, что пришлось впослѣдствіи видѣть при похоронахъ Достоевскаго и Тургенева. Мнѣ вспоминается вечеръ 30-го декабря 1877-го года — день похоронъ Некрасова — проведенный въ домѣ редактора «Вѣстника Европы». Всѣ были полны однимъ чувствомъ, и Кавелинъ — большой поклонникъ покойнаго поэта, любившій его «за каплю крови, общую съ народомъ» — умѣлъ такъ настроить и направить довольно многочисленный кружокъ, что весь вечеръ былъ всецѣло посвященъ памяти усопшаго. Въ растроганномъ настроеніи внимали всѣ Кавелину, читавшему слегка дрожащимъ голосомъ и съ влажными глазами «Тишину» и «Несчастныхъ».

Первымъ пунктомъ завѣщанія Некрасова, составленнаго въ январѣ 1877-го года и утвержденнаго петербургскимъ Окружнымъ Судомъ 20-го января 1878-го года, въ бытность мою предсѣдателемъ этого суда, всѣ авторскія права, рукописи и частныя письма къ нему разныхъ лицъ завѣщаны въ собственность Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ, а имѣнье близъ села Чудово при усадьбѣ Лука оставлено въ собственность женѣ съ тѣмъ, чтобы она выдѣлила изъ него половину незастроенной земли брату завѣщателя, Константину. Анна Алексѣевна купила у вдовы брата доставшуюся ей усадьбу съ землею. Въ этой усадьбѣ проводилъ покойный часто подолгу время въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни, охотясь и работая; здѣсь, между прочимъ, написалъ онъ значительную часть своей поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Анна Алексѣевна относилась съ благоговѣніемъ къ памяти брата и издала его стихотворенія въ 1879-мъ году въ четырехъ томахъ, въ подготовку которыхъ къ печати вложила много любви и личнаго труда. Въ 1881-мъ году она повторила изданіе въ одномъ большомъ и компактномъ томѣ. Она умерла въ 1882-мъ году, и всѣ три года ея жизни, прошедшіе послѣ смерти брата, были сплошнымъ служеніемъ его памяти. Въ эти годы я сильнѣе прежняго сблизился съ ней,

въ особенности послѣ того, какъ мнѣ удалось вывести ее изъ довольно затруднительнаго положенія, вызваннаго ея нѣсколько запутанными личными и семейными отношеніями. «Получивъ ваше письмо, — писала она мнѣ въ апрѣлѣ 1879 года, — я хотѣла сейчасъ ѣхать къ вамъ, чтобы лично поблагодарить васъ за спокойствіе, которое вы мнѣ устроили, но боязнь отвлечь васъ отъ занятій удержала меня отъ демонстраціи моей радости. Вы связали оказанную вами услугу съ воспоминаніемъ о моемъ братѣ... Да! въ этомъ вы замѣнили мнѣ его, и вы не повѣрите, какимъ вы стали дорогимъ для меня человѣкомъ». Она разбирала со мною бумаги и черновые наброски стихотвореній брата. Въ двадцатыхъ числахъ января 1882 года она заболѣла тяжелымъ плевритомъ и, пригласивъ меня къ себѣ, просила быть душеприказчикомъ и позаботиться объ устройствѣ въ Лукѣ училища въ память брата. Слабое пожатіе ея горячечной руки было послѣднимъ для меня въ ея жизни, которая угасла 20-го февраля.

Согласно ея завѣщанію, на устройство и содержаніе этого училища должны были быть переданы мнѣ деньги, вырученныя книжнымъ складомъ Стасюлевича отъ продажи изданныхъ ею сочиненій брата. Весною 1882 года, я вступилъ въ сношенія съ новгородскимъ земствомъ о передачѣ ему по дарственной записи усадьбы «Лука» со всею, находящеюся въ ней, движимостью, съ условіемъ устроить въ ней школу имени Некрасова, при обѣщаніи представителей земства сохранить въ неприкосновенномъ видѣ его кабинетъ съ письменнымъ столомъ, кресломъ и превосходнымъ портретомъ работы Ге. Земство приняло пожертвованіе съ благодарностью и вскорѣ ассигновало на поддержаніе школы 500 рублей ежегодно, но затѣмъ начались разныя затрудненія и проволочки, какъ относительно типа школы и ея назначенія, такъ и относительно большаго ея матеріальнаго обезпеченія. Для увеличенія послѣдняго я принялъ на себя ходатайство предъ министромъ государственныхъ имуществъ, М. Н. Островскимъ, объ удовлетвореніи просьбы земства и о ежегодной субсидіи этой школѣ, если она будетъ сельско-хозяйственнаго типа. Островскому, который въ это время круто сталъ

отрѣшаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и литературныхъ симпатій, не было симпатично названіе школы, но, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ согласился, и школѣ со дня ея открытія было назначено пособіе въ 1000 рублей ежегодно. Затѣмъ, вслѣдствіе новыхъ заявленій земства о недостаточности средствъ, я вошелъ въ 1884 году въ сношеніе съ А. А. Краевскимъ и М. Е. Салтыковымъ о передачѣ новгородскому земству шести тысячъ шестисотъ семидесяти трехъ рублей, собранныхъ редакціей «Отечественныхъ Записокъ» на устройство школы въ память Некрасова въ мѣстѣ его родины. Я былъ увѣренъ, что эти деньги вмѣстѣ съ арендной платой съ земли при Лукѣ, субсидіями отъ министерства государственныхъ имуществъ и отъ земства и съ 4.500 рублями, вырученными отъ продажи сочиненій Некрасова, могутъ, наконецъ, обезпечить существованіе Некрасовской школы. Къ сожалѣнію, какой-то рокъ тяготѣлъ надъ открытіемъ этой школы, которая въ проектѣ передѣлывалась изъ сельско-хозяйственной въ ремесленную и наоборотъ, и предназначалась къ открытію то въ Лукѣ, то въ имѣніи одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, а въ дѣйствительности не была открыта въ теченіе девяти лѣтъ. Это побудило меня обратиться къ предсѣдателю губернской земской управы съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «М. Г. — Вслѣдствіе состоявшагося въ 1882 году между мною, какъ душеприказчикомъ вдовы полковника Анны Алексѣевны Буткевичъ, и представителями новгородскаго губернскаго и уѣзднаго земства соглашенія — и въ виду 4-го п. постановленія губернскаго земскаго собранія отъ 17 декабря 1882 года — мною было передано земству для устройства школы въ память Н. А. Некрасова — завѣщанное г-жею Буткевичъ имѣніе, состоящее изъ дома и 82 десятинъ земли при усадьбѣ Лука, близъ Чудова, препровождены затѣмъ — сначала 4.500 р., вырученные отъ продажи сочиненій Н. А. Некрасова, а потомъ — 6.673 р. с., полученные мною на вышеупомянутую школу отъ покойныхъ М. Е. Салтыкова и А. А. Краевскаго. При возникшей, по поводу устройства этой школы, перепискѣ между мною и гг. предсѣдателями губернской и уѣздной земскихъ управъ — я неодно-

кратно высказывалъ, что, въ качествѣ душеприказчика А. А. Буткевичъ, я не имѣю никакихъ возраженій ни противъ типа или характера школы, ни противъ мѣстности, въ которой земству угодно будетъ ее открыть, озабочиваясь лишь скорѣйшимъ выполненіемъ желаній завѣщательницы, хотѣвшей связать память о своемъ братѣ съ посильною пользой народному образованію въ мѣстности, гдѣ послѣдній часто живалъ и создалъ многія изъ своихъ поэтическихъ произведеній. Къ сожалѣнію, однако, школа имени Некрасова до настоящаго времени не учреждена, а появляющіяся въ повременныхъ изданіяхъ извѣстія заставляютъ предполагать, что при настоящемъ положеніи вопроса нельзя даже и предвидѣть съ точностью времени ея открытія, несмотря на то, что, помимо земли и дома, на этотъ предметъ у земства имѣется уже капиталъ, превышающій 14 тыс. р. с. Не считая себя въ правѣ входить въ обсужденіе причинъ и условій такого неблагопріятнаго для осуществленія воли г-жи Буткевичъ положенія дѣла, я не могу, однако, оставлять обязанности, возложенной ею на меня, неисполненною и ограничиться однимъ лишь формальнымъ исполненіемъ ея воли путемъ передачи ея имѣнія и завѣщанныхъ ею средствъ земству, — тѣмъ болѣе, что 6.673 р. испрошены мною у гг. Салтыкова и Краевскаго именно для устройства задуманной г-жею Буткевичъ школы. Поэтому и въ виду предстоящаго губернскаго земскаго собранія, имѣю честь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой оказать зависящее съ вашей стороны содѣйствіе — *къ безотлагательному и дѣйствительному разрѣшенію вопроса о Некрасовской школѣ* — или же, буде новогородское земство считаетъ принятыя на себя по дарственной записи 1883 г., обязательства *невыполнимыми* — къ возбужденію вопроса о возвращеніи мнѣ всего предоставленнаго для устройства школы, дабы я могъ передать эти средства министерству народнаго просвѣщенія съ тою же цѣлью».

Наконецъ въ 1892 году некрасовская сельско-хозяйственная школа была открыта при домѣ поэта въ Лукѣ, при чемъ изъ вещей Некрасова, вслѣдствіе плохого надзора, какъ удостовѣрялъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1902 г. Жил-

кинъ, остался въ домѣ лишь его портретъ. По послѣдующимъ извѣстіямъ, если вѣрить корреспонденціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ 1904 году школа находилась въ такомъ неприглядномъ видѣ, что очередное уѣздное земское собраніе постановило: признать школу въ настоящемъ ея видѣ нежелательною и поручить управѣ разработать вопросъ или о реорганизаціи ея, или о совершенномъ закрытіи, передавъ портретъ поэта въ Музей Императора Александра III и замѣнивъ его копіей. Въ 1906 году школа закрыта вовсе, а усадьба Некрасова сдана въ аренду подрядчику рабочей артели съ близлежащей плитной ломки...

IV.

Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ Литературный Фондъ предпринялъ рядъ любительскихъ спектаклей, въ которыхъ участвовали виднѣйшіе представители русской литературы, жившіе или временно находившіеся въ Петербургѣ. Спектакли прошли блестящимъ образомъ и усердно посѣщались публикой. Этого, однако, нельзя было приписать только одному ея желанію увидѣть своихъ любимцевъ на сценѣ. Оно въ гораздо большей степени удовлетворялось литературными чтеніями, бывшими тогда новинкой и имѣвшими огромный успѣхъ. На одномъ изъ нихъ я слышалъ въ первый разъ Ѳедора Михайловича Достоевскаго, читавшаго разсказъ «объ оторвавшейся пуговкѣ» изъ письма Макара Дѣвушкина въ «Бѣдныхъ Людяхъ». Почти на каждомъ изъ такихъ чтеній выступалъ А. Н. Майковъ со своимъ стихотвореніемъ «Старое и Новое», отрывкомъ изъ поэмы «Поля», которое онъ декламировалъ превосходно, повторяя его по нѣсколько разъ по настойчивому требованію публики, наэлектризованной и мастерскимъ исполненіемъ, и соотвѣтствіемъ конца стихотворенія тѣмъ радужнымъ надеждамъ на свѣтлое будущее, которыя, жили тогда въ сердцѣ русскаго общества. Безъ «Полей» не обходилось ни одно литературное чтеніе, и стоило Майкову появиться на эстрадѣ и прочесть что-либо другое, какъ изъ публики начинали раздаваться требованія: «Поля! Поля!» — что

подало поводъ одному изъ сатирическихъ журналовъ изобразить Майкова предъ многочисленной аудиторіей, съ ужасомъ повторяющаго вмѣстѣ съ нею свой стихъ: «А тамъ поля, опять поля!»

На той же эстрадѣ иногда появлялся и молодой, блѣднолицый и еще не дошедшій до своей чудовищной тучности А. Н. Апухтинъ. Онъ любилъ читать свое стихотвореніе «Актеры», въ которомъ уже слышались звуки затаенной и не преходящей грусти, проникающей всѣ его прекрасныя стихотворенія. Много лѣтъ спустя, мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться у одного изъ моихъ сослуживцевъ, гдѣ однажды я разсказалъ о своихъ наблюденіяхъ и выводахъ относительно самоубійствъ въ Петербургѣ, дѣла о которыхъ проходили черезъ мои руки, какъ прокурора Окружного Суда. Апухтинъ очень заинтересовался приведенными мною статистическими данными и содержаніемъ предсмертныхъ писемъ самоубійцъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтясь со мною, онъ вспомнилъ про это, и я послалъ ему набросанное мною изложеніе дѣла объ одномъ самоубійствѣ, затѣмъ напечатанное мною въ «Недѣлѣ» 1871 года подъ названіемъ «Пропавшая серьга».

Дѣло шло о бѣдной прибалтійской мѣщанкѣ, брошенной съ двумя дѣтьми молодымъ инженеромъ, который прижилъ ихъ съ нею. Уѣхавъ на югъ Россіи, онъ сначала немного помогалъ ей, посылая ничтожныя суммы и рѣдкія письма со «словесами лукавствія» и выраженіемъ лживой нѣжности къ дѣтямъ. Вскорѣ, однако, не скрывая, что ведетъ разсѣянную жизнь, требующую сравнительно большихъ расходовъ, онъ предложилъ матери своихъ дѣтей «дружбу» и прервалъ съ нею всякія сношенія. Бѣдная женщина билась, какъ рыба объ ледъ, работала на швейной машинѣ и содержала три меблированныя комнаты, скудный доходъ съ которыхъ употребляла на подготовку сына въ реальное училище и на плату за обученіе дочери. Для этого она отказывала себѣ во всемъ, питаясь подолгу однимъ лишь чаемъ и чернымъ хлѣбомъ. Окружающіе считали ее вдовой, а она воспитывала въ дѣтяхъ чувство уваженія къ ихъ будто бы умершему отцу. Сравнительно спокойное теченіе ея безрадостной жизни было, однако, нарушено тремя обстоятельствами: женская бо-

лѣзнь заставила отказаться отъ заработка шитьемъ; сынъ, несмотря на наемъ учителя для подготовки, не выдержалъ вступительнаго экзамена въ реальное училище и, наконецъ, — самое для нея ужасное — на ея пятнадцатилѣтнюю дочь было взведено одною изъ жилицъ обвиненіе въ кражѣ брилліантовой серьги. Несмотря на мольбы несчастной матери не дѣлать огласки, жилица вызвала полицію; былъ составленъ протоколъ, и, всѣ, а въ томъ числѣ и дѣти, узнали, что она не вдова, а незамужняя дѣвушка съ двумя незаконнорожденными дѣтьми. Этого послѣдняго удара она перенести не могла — и отравилась мѣднымъ купоросомъ, оставивъ трогательное письмо, въ которомъ проситъ прощенія у окружающихъ, и, заявляя, что больше жить не имѣетъ силъ, клянется, что ея дочь неспособна быть воровкой. Жилица тотчасъ выѣхала, а черезъ нѣсколько дней, на допросѣ у судебнаго слѣдователя, показала, что, разбирая на новой квартирѣ свои вещи, *она нашла между ними серьгу*, которую считала украденной.

«Многоуважаемый А. Ѳ., — писалъ мнѣ Апухтинъ, — съ величайшей благодарностью возвращаю вамъ «пропавшую серьгу». Случай, дѣйствительно, драматическій, но главный драматизмъ его заключается въ томъ, что на легкомысленный поступокъ дѣвицы Сидоровой (жилицы) можно смотрѣть, какъ на благодѣяніе, оказанное несчастной героинѣ этого дѣла. Не случись исторіи съ серьгой, она бы еще долго тянула свою каторжную жизнь, которая много хуже купороса. Самоубійство, по-моему, вовсе не преступленіе и даже не малодушіе, а часто весьма разумный выходъ. По этому поводу мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами поподробнѣе». Когда состоялась наша бесѣда, онъ при разставаніи сказалъ мнѣ, что давно хочетъ заняться этимъ вопросомъ, — «при чемъ коснусь и васъ!» — прибавилъ онъ. Я придалъ послѣднимъ словамъ значеніе простой шутки, но зимой 1885 — 86 года получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Въ прошломъ году я говорилъ вамъ, что пишу поэму, которая косвенно будетъ касаться васъ. Теперь эта вещь окончена, но я не считаю себя въ правѣ пускать ее въ обращеніе, не прочитавъ предварительно вамъ, а потому прошу васъ или заѣхать

ко мнѣ (ежедневно отъ часа до четырехъ), или назначить мнѣ день и часъ, когда я могу застать васъ дома. Проектированная поэма обратилась въ стихотвореніе не очень большихъ размѣровъ, а потому не бойтесь *продолжительной* скуки». Я предложилъ Алексѣю Николаевичу пріѣхать ко мнѣ, и, въ виду приписки къ его первому письму: «высота меня не пугаетъ, если на лѣстницѣ есть стулья», распорядился поставить на каждой площадкѣ лѣстницы до 4-го этажа, въ которомъ я жилъ, стулья. Но когда въ назначенный часъ швейцаръ далъ звонокъ, и я вышелъ на лѣстницу, то меня поразила легкость, съ которою Апухтинъ несъ свое огромное, грузное тѣло, «беря штурмомъ», какъ онъ выразился, каждый рядъ ступеней. Эта живость совершенно не соотвѣтствовала его крайней тучности, которая вызвала его извѣстную шутку надъ собою: «Жизнь пережить — не поле перейти. — Да, точно: жизнь скучна и каждый день скучнѣе. — Но грустно до того сознанія дойти, — что поле перейти мнѣ все-таки труднѣе». Онъ вообще любилъ подшучивать надъ своею фигурой, разсказывая, напримѣръ, про маленькую дѣвочку, которая, войдя въ гостиную матери, гдѣ онъ сидѣлъ, спросила, указывая на него пальчикомъ: «Мама, это человѣкъ или *нарочно?*»

Онъ даже не запыхался и прямо приступилъ къ чтенію своего обширнаго произведенія «Послѣдняя ночь», названнаго имъ впослѣдствіи: «Изъ бумагъ прокурора». Въ немъ было два мѣста, относительно которыхъ онъ сомнѣвался, находя, что они слишкомъ удлиняютъ стихотвореніе. Первое начиналось словами: «Въ какую рубрику меня вы помѣстите» — и кончалось словами: «Среди тяжелыхъ думъ она (мысль о самоубійствѣ) въ ночной тиши сознательно сложилась и окрѣпла»; а второе начиналось словами: «О, посмотрите же кругомъ: не я одинъ ищу спасенія въ покоѣ» — и кончалось словами: «Но обвинять ли ихъ, винить ли жизни строй, безсмысленный и злой, — не знающій прощенья?» А за этимъ слѣдовало: «Какъ опытный и свѣдущій юристъ, всѣ степени вины обсудите вы здраво». Я настаивалъ на введеніи этихъ отрывковъ въ текстъ чудеснаго стихотворенія, и Апухтинъ со мной согласился, подаривъ мнѣ на память рукопись въ первоначальномъ видѣ и два къ ней добавле-

нія. Въ этой рукописи есть много варіантовъ, сравнительно съ напечатаннымъ. Наибольшій изъ нихъ слѣдующій: «Но съ отроческихъ лѣтъ я началъ въ жизнь вникать, — въ людскія дѣйствія, ихъ цѣли и причины — и стерлась дѣтской вѣры благодать — какъ блѣдной краски слѣдъ съ неконченной картины» — говорится въ напечатанномъ; — въ рукописи же вмѣсто «отроческихъ лѣтъ» стоитъ «съ дѣтства ранняго», а послѣдніе два стиха читаются такъ: «И клали на душу тяжелую печать коварства, лжи и зла вседневныя картины».

Послѣдній разъ въ жизни я видѣлъ Апухтина за годъ до его смерти, въ жаркій и душный лѣтній день, у него на городской квартирѣ. Онъ сидѣлъ съ поджатыми подъ себя ногами, на обширной тахтѣ, въ легкомъ шелковомъ китайскомъ халатѣ, широко вырѣзанномъ вокругъ пухлой шеи, — сидѣлъ, напоминая собою традиціонную фигуру Будды. Но на лицѣ его не было буддистскаго созерцательнаго спокойствія. Оно было блѣдно, и глаза смотрѣли печально. Отъ всей обстановки вѣяло холодомъ одиночества, и казалось, что смерть уже тронула концомъ крыла душу вдумчиваго поэта.

V.

Литературнымъ Фондомъ были поставлены «Ревизоръ» и «Женитьба», при чемъ Хлестакова и Кочкарева игралъ П. И. Вейнбергъ; группу «аршинниковъ, самоварниковъ», являющихся съ жалобой къ ревизору, составляли Тургеневъ, Островскій, Дружининъ и другіе, а городничаго и Подколесина игралъ *Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій*. Онъ былъ превосходенъ въ обѣихъ роляхъ. Чувствовалось, что онъ воспринялъ и воплотилъ безсмертные Гоголевскіе типы не съ книжнымъ лишь пониманіемъ, а на основаніи личныхъ наблюденій и житейскихъ встрѣчъ. Особенно удался ему въ этомъ отношеніи Сквозникъ-Дмухановскій. До сихъ поръ мнѣ съ особенной яркостью вспоминается городничій-Писемскій въ его разговорѣ съ Осипомъ, котораго съ удивительнымъ талантомъ игралъ студентъ Ло-

вягинъ, чья ранняя смерть лишила русскую сцену будущаго несомнѣннаго украшенія.

Личное наше знакомство началось въ Москвѣ, куда Писемскій переселился, уставъ итти «противъ теченія», редактируя «Библіотеку для Чтенія» и возбудивъ противъ себя ожесточенное, но въ значительной степени справедливое, литературное гоненіе своими фельетонами подъ псевдонимомъ «Никиты Безрылова», съ грубой безпощадностью осмѣивавшими почти всѣ безъ разбора проявленія пробудившейся общественной мысли. Въ Москвѣ, давъ по своимъ противникамъ послѣдній залпъ въ талантливомъ, но весьма тенденціозномъ романѣ «Взбаламученное море», въ которомъ, по его мнѣнію, «была тщательно собрана вся ложь нашей русской жизни», онъ успокоился и вошелъ въ свою настоящую колею художника-бытописателя. Его главными произведеніями были драма «Горькая судьбина», справедливо оцѣненная критикой и не утратившая своего художественнаго достоинства и до настоящаго времени,—и романъ «Тысяча Душъ». Послѣдній былъ мастерскимъ изображеніемъ того, какъ жила и какими способами и пріемами управлялась русская провинція до эпохи великихъ реформъ. Въ немъ Писемскій являлся суровымъ обличителемъ той, по выраженію Хомякова, «мерзости и лжи тлетворной», которыми былъ полонъ общественный укладъ того времени,—обличителемъ не словами гнѣва и негодованія, а правдивыми, животрепещущими образами. Онъ былъ также и моралистомъ. Вся разбитая жизнь Калиновича, сломаннаго сплоченною силою мелкихъ людишекъ, съ которыми онъ возымѣлъ самоувѣренную смѣлость бороться, служить—подъ перомъ Писемскаго—яркимъ предостереженіемъ тѣмъ, кто думаетъ,—а такихъ бываетъ не мало среди людей далеко не дурныхъ,—что общеполезная дѣятельность можетъ искупить своимъ успѣхомъ грѣхи, учиненные для достиженія ея возможности. На меня «Тысяча Душъ» произвела въ свое время очень сильное впечатлѣніе, да и до сихъ поръ, ознакомясь въ моей служебной жизни въ провинціи съ оттолосками многаго, изображеннаго въ романѣ, я думаю, что послѣдній по праву долженъ стоять на первомъ мѣстѣ послѣ «Мертвыхъ Душъ». Поэтому я съ

удовольствіемъ воспользовался случаемъ познакомиться съ Писемскимъ.

Въ послѣднемъ все было своеобразно: и манера говорить «по-костромски», съ удареніемъ на «о», и произнесеніемъ «ае», какъ «а» (онъ говорилъ вмѣсто думаетъ, дѣлаетъ, гуляетъ— *думатъ, дѣлатъ, гулятъ*), и огромная голова въ черныхъ вихрахъ, съ широкимъ лбомъ, съ большими на выкатѣ темными глазами и крупными чертами лица, со всклокоченной короткой бородой. Вся его наружность «неладно скроенная, но плотно сшитая», его манера скашивать въ сторону желчный и безпокойный взоръ имѣла въ себѣ что-то отдаленно напоминавшее молодого быка. Во всемъ, что онъ говорилъ, слышался сильный, непосредственный умъ, чудесно воспринимавшій и понимавшій прозаическую сторону жизни, — рѣшительно, хотя и безъ злобы, отодвигавшій и разрушавшій всѣ лживыя декораціи и условныя украшенія, которыми прикрывалась эта проза. Къ этому присоединялось глубокое знаніе народной жизни и безобидный юморъ, огоньки котораго постоянно вспыхивали въ его разсказѣ. Онъ былъ большой хлѣбосолъ и любилъ собирать у себя молодежь, къ которой умѣлъ относиться безъ всякой рисовки, просто и сердечно. Въ домѣ у него было тепло и уютно, чему въ особенности способствовала его жена, уравновѣшенному и возвышенному душевному строю которой соотвѣтствовала прекрасная наружность красивой и здоровой русской женщины. Несомнѣнно, что въ жизни увлекающагося, невоздержаннаго и слабаго характеромъ Писемскаго жена его Екатерина Павловна (дочь писателя Свиньина) имѣла благотворное вліяніе. Изобразивъ ее въ Евпраксіи «Взбаламученнаго моря», онъ самъ призналъ это и отдалъ дань искренняго уваженія ея нравственнымъ качествамъ, хотя и назвалъ ее «ледешкомъ». Съ такимъ же чувствомъ относились къ ней и всѣ, кто ее зналъ и кто понималъ, что ея жизненная задача была не изъ легкихъ и что на душѣ привѣтливой, умной и съ виду спокойной хозяйки не разъ бывало очень и очень тяжело. Немалую заботу должны были доставлять ей и странности мужа: его крайняя мнительность по отношенію къ людямъ и къ своему здоровью, а также, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, коми-

ческая боязливость. Такъ, напримѣръ, онъ страшно боялся собакъ. Ему стоило увидѣть на своемъ пути хотя бы самаго смиреннаго и скромнаго по размѣрамъ пса, чтобы съ испугомъ повернуть назадъ, несмотря ни на какую необходимость итти въ избранномъ направленіи.

Покойный Горбуновъ, очень любившій Писемскаго и цѣнившій въ немъ большое знаніе народа, разсказывалъ мнѣ о своей поѣздкѣ съ нимъ, лѣтомъ 1855 года, во время Крымской войны, на корабль генералъ-адмирала, стоявшій на кронштадтскомъ рейдѣ въ виду непріятельской эскадры. Писемскій былъ въ отличномъ расположеніи духа и отъ любезнаго пріема великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и отъ общества моряковъ, и отъ трапезы, которую онъ оцѣнилъ, какъ знатокъ. Поэтому онъ съ особымъ удовольствіемъ сталъ читать собравшимся подъ тентомъ на палубѣ отрывки изъ ненапечатаннаго еще своего романа «Тысяча Душъ». Вдругъ съ моря послышались звуки отдаленныхъ выстрѣловъ. Писемскій поблѣднѣлъ, остановился, съ испугомъ поднялъ брови и дрожащимъ голосомъ, въ которомъ звучало отчаяніе, — спросилъ великаго князя: «Началось?!.» Хотя его старались успокоить, объясняя, что это лишь салютъ англо-французской эскадры идущему съ запада кораблю, но онъ отвѣчалъ на это недовѣрчивымъ и угрюмымъ взглядомъ, коекакъ дочиталъ до перваго мѣста, на которомъ можно было оборвать чтеніе, и сталъ торопить Горбунова отъѣздомъ, говоря, что у него въ Петербургѣ неотложное дѣло. Онъ успокоился только поздно вечеромъ, по прибытіи въ Петербургъ, сойдя на берегъ съ парохода, въ буфетѣ котораго старался придать себѣ мужества искусственными средствами. Около этого времени появились въ «Современникѣ» «Севастопольскіе разсказы» Л. Н. Т., по поводу которыхъ Тургеневъ, спрашивая Некрасова о томъ, кто такой авторъ, писалъ: «Это — талантъ надежный!» Отрывки изъ этихъ разсказовъ пришлось прослушать гдѣ-то и Писемскому, окончившему въ это время такую замѣчательную вещь, какъ «Тысяча Душъ». По словамъ Горбунова, онъ мрачно поглядѣлъ на него и сказалъ: «Этотъ офицеришка всѣхъ насъ заклюетъ! Хоть бросай перо!»

Въ Москвѣ у Писемскаго, во время моего студенчества, мнѣ приходилось бывать обыкновенно разъ въ двѣ недѣли, на Басманной и на Преснѣ, вмѣстѣ съ моими покойными товарищами Куликовымъ и Кирпичниковымъ (впослѣдствіи извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета). Вечеръ тянулся часто довольно скучно, такъ какъ большинство играло въ карты, но рано подававшійся ужинъ вознаграждалъ за эту скуку, и мы жадно внимали интереснѣйшимъ разсказамъ и воспоминаніямъ хозяина и его обычныхъ посѣтителей — А. Н. Островскаго и скульптора Рамазанова — и поучительнымъ спорамъ между ними. Послѣдніе часто касались Шекспира, значеніе и смыслъ произведеній котораго выяснялись при этомъ всесторонне. Эти пиршества мысли оканчивались поздно, и мы расходились съ сожалѣніемъ. Иногда Писемскій совѣтовалъ намъ и въ особенности Кирпичникову, жившему на краю города, остаться ночевать, въ виду того, что въ это время въ Москвѣ по ночамъ «пошаливали». Мы, однако, отъ этого уклонялись... — «Неужели вы не боитесь?! — однажды спросилъ Писемскій Кирпичникова — высокаго и сутулаго силача.—А чего бояться?—отвѣтилъ Кирпичниковъ. — Да, вѣдь, васъ ограбятъ! — Нѣтъ, я этого не боюсь! Я боюсь другого: я боюсь, какъ бы я кого не ограбилъ!» — смѣясь сказалъ Кирпичниковъ.

Особенно яркое воспоминаніе оставила во мнѣ поѣздка къ Писемскому вмѣстѣ съ Куликовымъ въ августѣ 1865 года. Онъ жилъ тогда въ одной изъ дачныхъ окрестностей Москвы, кажется, въ Давыдовкѣ, на небольшой дачѣ съ мезониномъ стариннаго образца, полукруглое окно котораго выходило на церковь и бывшій предъ нею большой лугъ. Въ мезонинѣ, куда намъ пришлось подняться по крутой деревянной лѣстницѣ, насъ встрѣтилъ очень привѣтливо хозяинъ, прямо спросившій насъ: — вы чего хотите: пойти погулять или послушать мою новую драму «Бывые Соколы»? — Конечно, мы избрали второе, тѣмъ болѣе, что достаточно утомились отъ путешествія по пыльной дорогѣ на старинныхъ московскихъ дрожкахъ, называвшихся «калибромъ» или «гитарой» и представлявшихъ изъ себя, при длинномъ пути, орудіе добровольной пытки.

Писемскій былъ въ халатѣ, широко распахнутомъ на груди надъ разстегнутой на верхнія пуговицы рубашкой. Его могучая выя, всклокоченная голова и все его неприхотливое одѣяніе придавали ему нѣсколько дикій характеръ. Онъ началъ немедленно читать, щурясь по временамъ отъ косыхъ лучей заходящаго солнца, заглядывавшихъ въ окно. Читалъ онъ, какъ всегда, превосходно, все болѣе и болѣе увлекаясь стремленіемъ дать въ голосѣ и интонаціяхъ живое изображеніе дѣйствующихъ лицъ. Къ концу перваго дѣйствія онъ сталъ декламировать на память, лишь изрѣдка заглядывая въ рукопись и, такъ сказать, *играя* свое произведеніе. Въ промежутки между дѣйствіями онъ сидѣлъ молча, съ задумчивымъ и подчасъ мрачнымъ видомъ, понуривъ голову и видимо торопясь отдохнуть. Мы тоже сидѣли молча, какъ зачарованные, чувствуя, что всякіе вопросы и разговоры обыденнаго содержанія были бы неумѣстны и шли бы въ разрѣзъ съ настроеніемъ автора, которое постепенно заражало и охватывало насъ. А солнце все спускалось, лучи его заиграли на потолкѣ, — наконецъ, оно ушло за лѣсъ, и стали быстро наступать августовскія сумерки. Тьма сгущалась, а Писемскій продолжалъ читать или, вѣрнѣе, играть свою драму. Одинъ изъ насъ сдѣлалъ движеніе, чтобы зажечь свѣчи, но Писемскій сердито взглянулъ и сдѣлалъ повелительный жестъ рукой, какъ бы говорившій: «сиди и слушай!» Онъ кончилъ, когда уже было почти совсѣмъ темно. Лишь постепенно привыкшіе къ этой темнотѣ глаза наши могли различать его крупную фигуру... Онъ уже не сидѣлъ, а стоялъ у стола и говорилъ послѣдній монологъ пьяницы актера въ одной изъ трущобъ московской «Грачевки», начинавшійся и кончавшійся словами: «Люди вы бѣдные, — люди вы скверные!» Мы не рѣшались прервать молчаніе и тогда, когда онъ кончилъ, только выразительно пожали его похолодѣвшую руку, не находя словъ, чтобы выразить то глубокое впечатлѣніе, которое произвела на насъ его драма въ связи съ его мастерской передачей.

Я никогда впослѣдствіи не читалъ и не слышалъ ничего, что бы производило такое потрясающее впечатлѣніе трагизмомъ своего сюжета и яркими, до грубости реальными, красками. Въ

этой драмѣ былъ соединенъ и, такъ сказать, скованъ воедино тяжкій и неизбѣжный рокъ античной трагедіи съ мрачными проявленіями русской жизни, выросшей на почвѣ крѣпостного права. Жестокость и чувственность, — сильные характеры и едва мерцающія, условныя понятія о добрѣ и злѣ, — насиліе и восторженное самозабвеніе — были переплетены между собой въ грубую ткань, въ одно и то же время привлекая и отталкивая зрителя, волнуя его и умиляя. Откровенность нѣкоторыхъ сценъ, совершенно необычная въ то время, напоминала по своей манерѣ иныя мѣста въ Шекспировскихъ хроникахъ. Я помню сцену, гдѣ жена, заподозрѣвъ связь своего мужа съ дочерью, беретъ послѣднюю за руку и въ присутствіи мужа, окинувъ ее внимательнымъ взоромъ, говоритъ ей тономъ, не допускающимъ возраженій: «Ты беременна!» Дочь выноситъ пристальный взглядъ матери и отвѣчаетъ рѣшительно: «Да!» — «Отъ него?» спрашиваетъ мать, показывая дочери на ея отца. «Отъ него», отвѣчаетъ спокойно дочь. По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ такая пьеса, конечно, не могла появиться не только на сценѣ, но и въ печати. И дѣйствительно, когда черезъ много лѣтъ я прочелъ въ печати «Бывыхъ Соколовъ», я не нашелъ въ нихъ даже отдаленнаго сходства съ тѣмъ, что мы слышали отъ Писемскаго въ памятный августовскій вечеръ. То, что онъ намъ читалъ тогда, было словно положено въ щелокъ, который выѣлъ всѣ краски и на все наложилъ одинъ сѣренькій колоритъ. Самый сюжетъ былъ измѣненъ, смягченъ, и всѣ его острые углы обточены неохотною и потерявшею къ своему произведенію любовь рукою. Контуры типическихъ, властныхъ и суровыхъ лицъ оказались очерченными слабѣе и далеко не производили прежняго впечатлѣнія. Исчезъ и монологъ актера. Едва ли сохранилась первоначальная рукопись «Бывыхъ Соколовъ» при томъ разгромѣ семьи Писемскаго, который произвела судьба. И объ этомъ нельзя не пожалѣть: теперь эта вещь могла бы быть напечатана цѣликомъ и показать, что моднымъ въ наше время рѣзкимъ откровенностямъ сюжета можетъ соотвѣтствовать рѣдкая въ наше время глубина житейской правды...

— Ну, теперь идите пить чай къ женѣ, — сказалъ намъ Писемскій, — а я приду немного спустя. — Внизу, у чайнаго стола съ кипящимъ самоваромъ и закусками, насъ встрѣтила Екатерина Павловна и стала разспрашивать о впечатлѣніи, произведенномъ чтеніемъ, но затѣмъ, заслышавъ шаги спускавшагося внизъ мужа, прервала насъ, сказавъ: — Пожалуйста, не будемъ объ этомъ говорить: онъ слишкомъ много надъ этимъ задумывается...

Писемскій вошелъ въ просторномъ лѣтнемъ платьѣ, но безъ галстука. Разспрашивая Куликова о его семейныхъ дѣлахъ, онъ отстранилъ рукой налитый ему стаканъ чаю и, наливъ большую рюмку водки, выпилъ ее залпомъ, ничѣмъ не закусивъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ повторилъ то же самое и угрюмо замолчалъ, неохотно отвѣчая на вопросы. Черезъ десять минутъ онъ выпилъ третью рюмку. Я взглянулъ вопросительно на бѣдную Екатерину Павловну. Она съ печальной улыбкой въ отвѣтъ мнѣ пожала плечами и съ затаеннымъ страданіемъ посмотрѣла на мужа.

— Алексѣй Феофилактовичъ, — сказалъ я, — зачѣмъ вы это дѣлаете? Вѣдь это вамъ вредно.

Онъ тяжело посмотрѣлъ на меня и снова протянулъ руку къ графину.

— Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ? — присоединился ко мнѣ Куликовъ. — Вспомните, какъ вы бывали больны въ Петербургѣ.

Писемскій молчаливо налилъ четвертую рюмку, «опрокинулъ» ее, взялъ маленькій кусочекъ хлѣба и, помолчавъ, вдругъ оживленнымъ и вмѣстѣ жалобнымъ голосомъ, съ очевиднымъ волненіемъ, сказалъ, обращаясь къ моему пріятелю:—Понимашь ты, я безъ этого не засну! не могу я спать безъ этого. Они — вотъ тѣ, о комъ я вамъ читалъ, не даютъ мнѣ спать. Стоятъ вокругъ меня и предо мной всю ночь и смотрятъ на меня, — и живутъ и не даютъ мнѣ заснуть! И не могу я безъ этого, — понимашь? — Онъ тряхнулъ косматой головой, какъ бы стараясь освободиться отъ созданныхъ его творчествомъ образовъ... и потянулся къ пятой рюмкѣ.

Послѣдніе годы жизни Писемскаго въ Москвѣ были омрачены серьезной болѣзнью жены и тяжкой неотступностью мысли о загадочномъ самоубійствѣ младшаго сына, лишившаго себя жизни въ Петербургѣ, гдѣ онъ начиналъ службу, и оставившаго, вмѣсто всякаго объясненія, тщательно составленный списокъ своихъ вещей и маленькихъ, почти грошовыхъ, долговъ. Проѣздомъ черезъ Москву въ 1880 году я посѣтилъ Алексѣя Феофилактовича. Онъ очень «подался», былъ одѣтъ болѣе чѣмъ небрежно, и нервныя слезы постоянно навертывались на его глаза, хотя онъ и старался казаться спокойнымъ. Предъ нимъ стояло, несмотря на ранній часъ, красное вино, а сквозь растегнутый воротъ рубашки виднѣлся шнурокъ, на которомъ обыкновенно носятъ натѣльный крестъ или образокъ. Послѣднее до того шло въ разрѣзъ съ его «вольнодумнымъ» отношеніемъ къ религіознымъ сбрядамъ и обычаямъ, что я на его сѣтованія о томъ, какъ все измѣнилось и въ насъ и вокругъ насъ, невольно сказалъ ему, показывая глазами на этотъ шнурокъ: — «вотъ, зѣдь, и это у васъ новое!» — Онъ грустно улыбнулся и, обращаясь къ старшему сыну, сидѣвшему тутъ же, молчаливому и болѣзненно-апатичному, сказалъ ему: — «Понимашь! Онъ думатъ, что это ладонка. А это... — и онъ полѣзъ рукой за пазуху — это... мундштукъ для папиросъ. Я сталъ старъ и забывчивъ, все ихъ теряю или не помню, гдѣ положилъ, — приходится искать. Вотъ я привязалъ на шнурокъ, да и ношу на шеѣ. Такъ оно удобнѣй!»

Онъ скончался за недѣлю до Достоевскаго, въ 1881 году.

Заканчивая настоящія воспоминанія, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, который былъ связанъ узами дружбы съ большинствомъ выдающихся русскихъ писателей. Это былъ *Михаилъ Александровичъ Языковъ*. Отсутствіе хотя бы нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ его памяти, когда онъ скончался, служитъ лучшимъ доказательствомъ забывчивости нашей пишущей братіи и того, что если мы и обуреваемы «злобою дня», зато «вчерашняго дня» для насъ почти не существуетъ. А между тѣмъ стоитъ развернуть «Литературныя воспоминанія» Панаева — и личность Языкова, всему хорошему и живому сочувствующая, увлекающаяся и безкорыстно-добрая, личность

близкаго пріятеля Бѣлинскаго и «друга дома» въ кружкѣ наиболѣе выдающихся писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ — обрисуется довольно ярко.

Вся исторія русской литературы, съ начала сороковыхъ годовъ, прошла въ живыхъ образахъ ея лучшихъ представителей предъ глазами М. А. Языкова; въ личной жизни многихъ изъ нихъ онъ игралъ разнообразную, но всегда симпатичную роль— и воспоминанія о знаменитомъ русскомъ критикѣ, о молодой редакціи «Современника», о первыхъ литературныхъ опытахъ людей съ громкими впослѣдствіи именами—сливаются съ памятью о немъ. Восторженный поклонникъ таланта, услужливый другъ, практическій совѣтникъ, занимательный и остроумный разсказчикъ, безъ всякаго оттѣнка самохвальства или лицемѣрной преданности, изъ прорѣхъ которой сквозитъ иногда худо-скрытая зависть, — Языковъ тѣсно слился съ интересами литературы и оставался имъ вѣренъ до конца. Описывая кружокъ людей, близкихъ къ Бѣлинскому, Панаевъ говоритъ: «Бѣлинскій высоко цѣнилъ въ Языковѣ кротость его характера, нѣжность сердца, безконечную преданность друзьямъ и отсутствіе эгоизма, доходившее до пренебреженія собственныхъ выгодъ».

Но современники Языкова почти всѣ сошли въ землю, новое поколѣніе не заглядываетъ въ анналы интимной жизни русской литературы,—и лишь небольшая группа людей пришла проводить симпатичнаго и отзывчиваго старца на мѣсто вѣчнаго упокоенія, да въ разныхъ уголкахъ Россіи, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ покойный, быть-можетъ не одинъ человѣкъ, имъ поставленный на ноги и на дорогу, пролилъ о немъ искреннія слезы. Онъ былъ человѣкъ добрый въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Доброта его была не тѣмъ апатическимъ недѣланіемъ зла и сентиментальничаньемъ, которымъ даютъ у насъ неправильно кличку доброты,—это была любовь дѣятельная, тревожная, приходившая на помощь, въ формахъ деликатной настойчивости, вездѣ, гдѣ только было возможно,—искавшая поводъ притти на помощь и умѣвшая ее оказывать широко, послѣдовательно и разумно. Сколькимъ падавшимъ духомъ, опускавшимъ руки въ борьбѣ съ нуждою, съ горькими обстоятельствами, съ собственнымъ неумѣніемъ, приходилось

услышать отъ него *слово* ободренія и испытать на себѣ и *дѣло* ободренія, дѣло рукъ его! Иной уже совсѣмъ ослабѣвалъ, рискуя махнуть на все рукой и пожалуй найти утѣшеніе въ источникѣ, который регулируется вѣдомствомъ, гдѣ по волѣ судьбы, служилъ покойный послѣдніе годы своей жизни,—но приходилъ колеблющеюся походкою своихъ коротенькихъ ножекъ Языковъ, говорилъ растроганнымъ голосомъ, смотрѣлъ влажными, умными и добрыми глазами—и вмѣстѣ съ нимъ приходили помощь, обученіе, заработокъ, служба, огласка затертаго или невѣдомаго еще таланта...

И къ общественному интересу не охладѣвалъ онъ до конца. Вездѣ, гдѣ ни служилъ онъ, группировался около него кружокъ образованныхъ людей, сознательно интересующихся литературою и искусствомъ,—вездѣ хлопоталъ онъ о поддержкѣ, объ устройствѣ учрежденій, разливающихъ просвѣщеніе. Общественныя библіотеки въ Калугѣ и въ Новгородѣ ему обязаны своимъ существованіемъ. Уже въ очень преклонномъ возрастѣ занялся онъ основаніемъ и устройствомъ послѣдней изъ нихъ, и много потребовалось безкорыстныхъ и тягостныхъ хлопотъ, просьбъ, переписки и личныхъ объясненій, много затратъ и личнаго труда, прежде чѣмъ внутри старыхъ кремлевскихъ стѣнъ «господина великаго Новгорода» пріютился домикъ съ прекрасной библіотекой, собранной по крохамъ Языковымъ и отданной имъ на общую пользу.

Дѣлу развитія русскаго искусства онъ тоже былъ не чуждъ и къ нему тоже приложилъ свою руку, организовавъ мозаическія работы въ бытность свою директоромъ Императорскаго стекляннаго завода. Дѣятельная жизнь, заботы о другихъ, служба не дали ему, кажется, возможности написать свои воспоминанія—и это огромная потеря для исторіи литературы. Какую блестящую галлерею интереснѣйшихъ лицъ могъ бы изобразить онъ, со свойственною ему образностью языка, добродушнымъ юморомъ и остроуміемъ! Но ужъ такова судьба большинства русскихъ людей, которымъ *есть чѣмъ* подѣлиться съ публикою. Ежедневная житейская суета забираетъ ихъ въ свои лапы, — время уходитъ,—все откладывается до тѣхъ дней, когда настанетъ

свобода отъ неотступнаго труда и можно будетъ отдаться прошлому... Дни эти настаютъ,—но обыкновенно, къ несчастію, слишкомъ поздно. Настали они и для М. А. Языкова. Онъ оставилъ службу, переселился съ семьею въ укромный уголокъ Петербурга—и жизнь пошла спокойно и тихо. Но такъ же тихо подошла и смерть. Покойный перешелъ въ ея холодныя объятія почти безъ страданій, угаснувъ безъ шума и тревоги, какъ лампада, ровный, примирительный свѣтъ которой потухъ какъ-то незамѣтно. Незадолго до смерти добрый старикъ сказалъ: «Жизнь моя прошла какъ облако и растаяла какъ облако». Онъ былъ, быть-можетъ безсознательно, правъ. Его жизнь дѣйствительно прошла, какъ легкое облако, безъ грома и молній грозовой тучи, безъ ея давящей свинцовой пелены, не застилая собою неба, въ которомъ ищетъ утѣшенія взоръ придавленнаго судьбою человѣка, и падая на землю добрымъ, плодотворнымъ дождемъ.

IV.

Александръ Ивановичъ Чупровъ.

(1912 г.).

Подъ какимъ бы угломъ зрѣнія ни смотрѣть на нашу современную русскую жизнь, нельзя отрицать въ ней одного грустнаго явленія. Постоянно увеличивающимся и усложняющимся задачамъ этой жизни вовсе не соотвѣтствуетъ количество безкорыстныхъ сѣятелей и дѣятелей. Число людей, горячо преданныхъ своему долгу не на словахъ, а на дѣлѣ, — не въ рѣдкія минуты общаго подъема, а въ обстановкѣ прозаической ежедневности, работающихъ ohne Hast, ohne Rast, — гораздо менѣе, чѣмъ хочется и можно было бы ожидать. Поэтому, когда изъ «завистливой дали» недавняго прошлаго выдѣляется образъ такого дѣятеля, его хочется оживить въ своей памяти съ радостнымъ чувствомъ, почерпая въ благодарномъ сознаніи значенія слова «б ы л и» надежду на то, что и «б у д у т ъ». Такой образъ возникаетъ въ моей памяти, когда я думаю, что скоро минетъ четыре года со дня неожиданной и отозвавшейся неподдѣльною скорбью въ разныхъ уголкахъ Россіи кончины Александра Ивановича Чупрова.

Въ лицѣ Чупрова ушелъ изъ жизни одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ «шестидесятниковъ», — изъ тѣхъ людей, которые воспитались на началахъ, вложенныхъ въ великія реформы Александра II, и явились въ своей дѣятельности ихъ истолкователями, поборниками и защитниками въ то печальное

время, когда невѣжественная самоувѣренность однихъ и услужливое предательство другихъ стремились вывѣтрить изъ этихъ началъ «духъ живъ». Талантливый работникъ, безстрашная мысль котораго умѣла облекаться въ изящную и всѣмъ доступную форму, результатъ его глубокихъ и многосторонніхъ знаній, — Чупровъ явилъ собою олицетвореніе профессора лучшихъ временъ московскаго университета.

Неизмѣнное благородство взглядовъ и убѣжденій и нравственное вліяніе на слушателей давали основаніе сравнивать его съ Грановскимъ и торжественно поднести ему въ подтвержденіе этого сравненія портретъ Тимофея Николаевича съ соотвѣтствующей надписью. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже превосходилъ послѣдняго: число находившихся подъ его обаяніемъ слушателей по условіямъ времени было несравненно многочисленнѣе, его печатные труды, составившіе ему почетное имя среди европейскихъ ученыхъ, были значительно богаче качественно и количественно, а область дѣятельности разнообразнѣе. Онъ былъ не только профессоромъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики и предсѣдателемъ Статистическаго Отдѣленія московскаго юридическаго Общества, дѣятельнымъ членомъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства и комиссіи для организаціи домашнихъ чтеній при техническомъ Обществѣ, но и учителемъ, организаторомъ и насадителемъ такого сложнаго и обширнаго дѣла, какъ русская земская статистика, отцомъ которой его по справедливости можно считать. Наконецъ, возникала ли государственная потребность, гдѣ были нужны его знанія и опытъ, — какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, объ упорядоченіи тарифовъ и въ изслѣдованіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи или при переписи московскаго населенія, — его приходилось призывать на плодотворную работу; постигало ли родину какое-либо общественное бѣдствіе, или являлась неотложная нужда въ средствахъ для просвѣщенія, — онъ приходилъ на помощь со своимъ спокойнымъ по внѣшности, горячимъ по существу, краснорѣчивымъ словомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ, гдѣ можно было дѣлать дѣло и быть cheville ouvrière, оставаясь въ тѣни, неся трудъ и от-

давая «оказательство» его другимъ, онъ это дѣлалъ со скромностью, ему свойственною.

Судя по воспоминаніямъ учениковъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминалъ и другого выдающагося московскаго профессора, незабвеннаго Никиту Ивановича Крылова. Такъ же, какъ послѣдній, онъ умѣлъ вносить жизнь въ преподаваемые имъ предметы и съ тонкостью психолога и искусствомъ художника устанавливать между слушателями и собой духовную связь, изъ которой быстро вырастало благодарное съ ихъ стороны уваженіе. Подобно тому, какъ Крыловъ, разбирая и разъясняя институты римскаго права, дѣлалъ изъ нихъ выводы для критическаго освѣщенія окружавшей дѣйствительности, такъ и Чупровъ, несмотря на строго ученое изложеніе своего предмета, умѣлъ отзываться въ немъ на жизненные, жгучіе и наболѣвшіе вопросы современности. Въ его преподаваніи такая по внѣшности сухая наука, какъ статистика, оживала и являлась своего рода объединеніемъ не только соціальныхъ, но и естественно-историческихъ знаній и пріобрѣтала тотъ строгій характеръ, который дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшій услужливый подборъ цифровыхъ выводовъ, благодаря которому къ статистикѣ въ рукахъ новѣйшихъ законодательныхъ дѣльцовъ примѣнимо названіе шекспировской комедіи: «Какъ кому угодно». И это все дѣлалось имъ со спокойнымъ достоинствомъ, безъ всякаго исканія популярности, которая, тѣмъ не менѣе, все росла въ кругу чуткой молодежи. Въ эпоху поверхностнаго хватанія верховъ онъ ее училъ учиться; въ періоды явнаго эгоизма и плохо прикрытаго карьеризма, ждавшихъ ее за порогомъ университета, онъ внушалъ ей сознаніе ея отвѣтственности передъ родиной за тѣ свѣдѣнія, которыя она обязана вынести изъ высшей школы, и за умѣніе полезно приложить ихъ къ дѣлу. То же въ свое время своеобразно и въ болѣе тѣсной обстановкѣ дѣлалъ и Крыловъ. Поэтому лучи ума и сердца ихъ обоихъ долгіе-долгіе годы по оставленіи ихъ слушателями своей alma mater свѣтили имъ и побуждали ихъ, говоря словами Шиллера, «für die Träume seiner Jugend Achtung zu haben». При введеніи судебной реформы въ провинціи мнѣ приходилось ревизовать судебныхъ слѣ-

дователей при судахъ стараго устройства и встрѣчать среди нихъ людей достаточно опустившихся, увязнувшихъ въ бытовой тинѣ уѣзднаго городка или большого села и тянувшихъ свою служебную лямку лишь для того, чтобы имѣть средства для безцвѣтнаго и безпросвѣтнаго существованія съ многочисленной семьей. Но стоило такому человѣку, если только онъ былъ воспитанникомъ Московскаго университета, напомнить про Крылова, и онъ преображался и въ благодарныхъ воспоминаніяхъ о Никитѣ (такъ звали студенты Крылова) поднимался хоть на время надъ прозой и пошлостью окружающей среды. Такое же впечатлѣніе, повидимому, производило на бывшихъ слушателей Чупрова воспоминаніе о немъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разсказъ учительницы народнаго училища Болдыревой о томъ, что, уѣзжая въ захолустье, она взяла рекомендательное письмо отъ Чупрова и съ нимъ пришла къ инспектору народныхъ училищъ, старому и обрюзгшему человѣку. Холодно взявъ письменную рекомендацію, старикъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ: «Господи! Александръ Ивановичъ Чупровъ! Да вѣдь я былъ его слушателемъ!» И онъ заходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, погрузившись весь въ прошлое и забывъ о присутствующихъ. Имя Чупрова и нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, очевидно, всколыхнули все, что было лучшаго въ человѣкѣ, и озарили его тѣмъ свѣтомъ, который былъ такъ присущъ его старому профессору. Послѣ долгаго молчанія онъ вспомнилъ о пришедшей и, быстро подойдя къ ней, сказалъ взволнованно: «Я сдѣлаю для васъ все, что могу».

Вотъ почему, вспоминая преподавательскую дѣятельность Чупрова, приходится признать, что онъ имѣлъ бы основаніе обратиться къ своимъ слушателямъ съ тѣми же словами, которыя высказалъ своимъ ученикамъ въ Болоньѣ знаменитый Кардуччи: «Не мнѣ судить, многому ли я научилъ васъ, но я всегда старался воспитать въ васъ два принципа: сбросивъ испорченныя лохмотья, въ которыя часто облекается общество, умѣть видѣть въ жизни не то, что кажется, а что есть въ дѣйствительности, — ставить на первое мѣсто долгъ, а не удовольствіе, — а въ наукѣ и искусствѣ любить простоту, а

не придуманность, предпочитая силу помпѣ и ставя на первое мѣсто правду и справедливость, а не славу. Принимая отъ науки все то хорошее, что она даетъ, я всегда старался поднять васъ къ идеалу и возбуждать любовь къ свѣтлымъ традиціямъ».

Чупрова часто упрекали въ безполезной тратѣ силъ и времени, указывая на утомительные для него и часто разорительные матеріально пріемы посѣтителей. Въ опредѣленные дни и часы недѣли къ нему могъ притти всякій имѣвшій до него нужду: магистрантъ — за указаніями, студентъ — за совѣтомъ, труждающійся и обремененный — за матеріальной и нравственной помощью, соскочившій съ житейскихъ рельсовъ человѣкъ и даже нищій — за милостыней и вообще всякій, кому казалось, что Александръ Ивановичъ непремѣнно сумѣетъ ему пособить въ бѣдѣ, горѣ, недоумѣніи или недостаткѣ. Со всѣми равно привѣтливый, несмотря на усталость, внимательный и участливый, несмотря на массу собственной работы, терпѣливый въ отвѣтѣ на назойливость и благодушный передъ наивными вымогательствами, онъ отдавалъ себя въ распоряженіе пришедшихъ самымъ широкимъ и великодушнымъ образомъ съ неизмѣнной доброй улыбкой на прекрасномъ свѣтломъ чисто-русскомъ лицѣ. Сохранились разсказы, какъ во дни его пріемовъ на дворѣ у крыльца его скромной квартиры его поджидали «бывшіе люди» и никогда не уходили отъ него съ пустыми руками. Особенно сказывалась его доброта въ нѣжномъ отношеніи его къ дѣтямъ вообще. «Гдѣ же искать душевнаго покоя, — писалъ онъ мнѣ въ 1903 г., — какъ не въ Италіи, гдѣ все ласкаетъ глазъ впечатлительнаго человѣка — отъ свѣтлыхъ милыхъ ангельскихъ дѣтскихъ лицъ на улицахъ до ангельчиковъ у ногъ Рафаэлевскихъ мадоннъ!»

Я не помню Александра Ивановича студентомъ университета, такъ какъ окончилъ курсъ въ 1865 году, гораздо ранѣе, чѣмъ онъ. Въ первый разъ мы встрѣтились въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ у его товарища по профессурѣ И. И. Янжула, и я посѣщалъ его съ тѣхъ поръ каждый мой пріѣздъ въ Москву,—довольно частый, такъ какъ въ ней жила и впослѣдствіи скончалась моя мать. Ея преданнымъ другомъ былъ извѣстный въ Москвѣ протоіерей Валентинъ Николаевичъ Амфи-

театровъ, одинъ изъ лучшихъ людей, встрѣченныхъ мною въ жизни. Близкимъ родственникомъ ему приходился А. П. Чупровъ, и долгое время живымъ связывающимъ между мною и Чупровымъ звеномъ былъ именно о. Валентинъ. Его сердечное участіе къ намъ обоимъ скрѣпляло нашу взаимную симпатію, покоившуюся на единствѣ взглядовъ на многое въ общественной жизни Россіи и на одинаковой оцѣнкѣ ея внутренняго положенія въ періодъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. «Я остался бы за границею и еще долѣе,—писалъ мнѣ Чупровъ въ 1900 году,—но сильно начиналъ тосковать, не видя долго Валентина Николаевича. Мнѣ отрадно, что вы не упускаете случая его повидать и доставить старику эту радость». Упомянувъ объ Амфитеатровѣ, я не могу воздержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ благодарнаго воспоминанія, тѣмъ болѣе, что въ очень трудныя минуты моей жизни я нашелъ у него то глубокое пониманіе душевной скорби и умѣніе отнестись къ ней съ бережнымъ врачеваніемъ, которыя, къ несчастью, рѣдко встрѣчаются у людей, облеченныхъ одинаковымъ съ нимъ саномъ, замѣняясь у нѣкоторыхъ банальными утѣшеніями богословскаго характера, за которыми слышится пресыщенное равнодушіе или умышленная узкость взгляда и видится то, что Мопассанъ охарактеризовалъ словами: «la tristesse fausse d'un prêtre pour qui le cadavre est bienfaisant». Все, что такъ украшало наше общественное самосознаніе въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, нашло себѣ отраженіе въ пылкомъ сердцѣ и восторженной душѣ Амфитеатрова. Онъ раздѣлялъ вполнѣ мнѣніе объ этихъ годахъ Чупрова, сказавшаго въ 1888 году въ рѣчи въ московскомъ юридическомъ Обществѣ: «Все, чѣмъ красна наша жизнь, идетъ оттуда, изъ шестидесятыхъ годовъ». Онъ съ умиленіемъ вспоминалъ ту благородную борьбу, которую велъ въ качествѣ калужскаго губернатора съ нехотѣвшимъ сдаваться крѣпостнымъ правомъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, за всѣми перипетіями которой онъ — въ то время молодой священникъ въ Калугѣ—слѣдилъ съ неослабѣвающимъ сочувствіемъ и вѣрою въ будущность Россіи. Изъ этого времени вынесъ онъ отзывчивость на нужды народа, скорбь о невѣжествѣ,

въ которомъ послѣдній неповиненъ, и чуткую радость по поводу каждаго явленія, такъ или иначе связаннаго съ общественнымъ благомъ. Въ своей дѣятельности въ качествѣ духовнаго писателя, на котораго подозрительнымъ окомъ глядѣла духовная цензура, въ качествѣ пастыря и проповѣдника онъ стремился осуществить прекрасныя слова пастора Тальмеджа, привезшаго въ 1893 году хлѣбъ, пожертвованный американцами нашимъ голодающимъ,—и сказавшаго въ рѣчи, обращенной въ Либавѣ къ морякамъ русской эскадры: «Религія, которая не печется о благосостояніи народа въ семъ мірѣ наравнѣ съ его благомъ въ будущей жизни, недостойна называться религіей». Высокій ростомъ, съ добрыми горящими темными глазами, съ прерывистой при волненіи рѣчью, онъ былъ настоящимъ служителемъ дѣятельной любви по отношенію къ ближнимъ и дальнимъ, къ алчущимъ духовно и нищимъ матеріально. Глядя на него, зная его, можно было усомниться хоть на время въ печальной справедливости мнѣнія, утверждающаго, что у Христа много слугъ, но мало послѣдователей. Общее уваженіе окружало его въ Москвѣ, и слушать его поученія, приходить къ нему для покаянія было потребностью весьма многихъ. Такого человѣка слѣдовало церкви цѣнить и беречь, но, къ несчастью, наше свободное собраніе вѣрующихъ давно обратилось въ офиціальное вѣдомство, въ которомъ культъ формы и подчиненности искажаетъ, а иногда и совсѣмъ убиваетъ живой духъ христіанской любви и единенія.

Когда въ Москву былъ назначенъ митрополитомъ, стяжавшій себѣ незавидную извѣстность гоненіемъ уніатовъ, варшавскій архіепископъ Леонтій, начались преслѣдованія противъ отца Валентина, и размѣры прежней благотворной дѣятельности его должны были сократиться. «Со мной поступили,—писалъ онъ мнѣ 30 сентября 1892 года,—какъ если бы поступили съ работникомъ, который нашелъ болото, осушилъ его, очистилъ, культивировалъ и началъ видѣть результаты своихъ восемнадцатилѣтнихъ заботъ,—и вдругъ у этого работника взяли бы его ниву и прогнали съ нея. И это съ грубостью жестокой въ присутствіи постороннихъ, съ рѣзкими жестами. Въ отвѣтъ на

мою просьбу оставить меня при старомъ дѣлѣ мнѣ было сказано: «Безповоротно! Если отказываешься, отчислю! Мнѣ недосугъ много говорить». Окружающіе насмѣшливо смотрѣли на меня и были довольны, что неожиданно пріобрѣли анекдотъ, а на оскорблявшаго меня устремили свои глаза подобострастно, льстиво, и, можетъ-быть, даже благоговѣйно. До сихъ поръ мнѣ слышатся эти слова, произнесенныя звучнымъ голосомъ и въ повелительномъ тонѣ, обычномъ въ обращеніи съ уличными нарушителями порядка. Но Ваше письмо закалило меня противъ огня. Теперь буду искать дверей для своего выхода тверже и спокойнѣе, но, несомнѣнно, что ближайшей дверью будетъ вѣчность». Дверь послѣ многихъ испытаній нашлась въ средѣ придворнаго духовенства, — и въ Архангельскомъ соборѣ Московскаго Кремля отецъ Валентинъ могъ продолжать дѣло своей жизни. Однако пережитое оставило на немъ слѣдъ, его силы надломились, и для нихъ пришлось искать отдыха, который могъ бы быть пополненъ кабинетнымъ трудомъ... Но судьба заставила его претерпѣть до конца и мало-по-малу отняла у него зрѣніе. «Я очень тронутъ былъ привѣтомъ, который передалъ мнѣ отъ Вашего имени Валентинъ Николаевичъ, — писалъ мнѣ Чупровъ изъ Италіи въ 1902 г. — Какъ хорошо, что Вы помните и посѣщаете больного старца, доставляя тѣмъ ему великое утѣшеніе. У меня слезы навертываются при мысли о тяжкихъ недугахъ, которые приходится переносить ему. Всего болѣе достойна жалости потеря зрѣнія. Чтеніе, и во всю жизнь, и особенно въ послѣдніе скорбные годы, составляло единственную его радость. И вдругъ лишиться этого рессурса! Послѣднее письмо, полученное мною отъ него, уже написано не имъ самимъ, а его дочерью, подъ его диктовку, и какимъ горемъ проникнуто оно! Невыразимо тяжко, что я лишенъ пока возможности попасть въ Москву, чтобы повидаться съ этимъ лучшимъ другомъ моимъ и наставникомъ отъ юныхъ дней». Чѣмъ былъ для Александра Ивановича отецъ Валентинъ, видно изъ письма перваго къ нему въ томъ же 1902 году. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, характеризующій обоихъ: «Хоть и не часто приходится мнѣ пи-

сать тебѣ, но, повѣрь, мысль моя постоянно съ тобою. Вотъ и теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ Дрезденѣ, ты не выходишь у меня изъ головы. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ первые мѣсяцы моей командировки, я жилъ въ Лейпцигѣ, въ двухъ часахъ отъ Дрездена, и какъ сейчасъ помню — первое письмо, написанное по моемъ пріѣздѣ въ нѣмецкій городъ, было адресовано къ тебѣ. Вспоминаю я, съ какимъ живымъ интересомъ и даже восторгомъ описывалъ я тебѣ первыя впечатлѣнія русскаго человѣка, попавшаго за границу, и первыя волненія, испытанныя на университетскихъ лекціяхъ. То было время, полное свѣтлыхъ надеждъ, и кому же мнѣ было повѣрить ихъ, какъ не тебѣ, взлелѣявшему во мнѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ эти надежды. Я дѣлился съ тобой лучшими душевными движеніями, хорошо зная, что никто иной не способенъ въ такой степени оцѣнить и раздѣлить ихъ, какъ ты. И какими же милыми, живыми письмами отвѣчалъ ты на мои духовные запросы. Сколько дружескаго участія, возбуждающаго поощренія заключалось въ твоихъ бисерныхъ строкахъ. А оно было такъ нужно мнѣ при тогдашнемъ положеніи! Едва прошелъ пылъ перваго увлеченія новой жизнью, какъ оказалось, что жизнь эта не легка, далеко не легка. Средства были ничтожныя: нужно было экономить на всемъ, даже на книгѣ. Въ особенности же тѣсно было въ отношеніи времени. Министерство обязало насъ каждые три мѣсяца представлять отчеты, предупредивъ, что, если не получится отчета, не будетъ прислано и содержанія. Отчеты требовали многихъ усилій, въ частности, первый, Лейпцигскій, отнялъ у меня массу труда. А въ то же время нужно было изучать предметъ и думать о диссертаціи. Я никогда въ жизни не былъ мастеромъ насчетъ распредѣленія своего времени, а въ молодости этого умѣнья было еще меньше, чѣмъ впослѣдствіи. Оттого порой находило отчаяніе, которое я, помню, и изливалъ въ письмахъ къ тебѣ. Ты же своимъ задушевнымъ, ободряющимъ словомъ всегда умѣлъ поднять энергію и успокоить сомнѣнія. Вспомнилась мнѣ эта наша переписка, и мнѣ снова со всею яркостью представилось, какъ много значилъ ты въ исторіи

духовнаго развитія, какими неизгладимыми чертами сказалось на мнѣ твое вліяніе».

«Давно уже, — писалъ Чупровъ мнѣ изъ Дрездена въ 1903 году, — къ моимъ чувствамъ примѣшанъ элементъ глубочайшей скорби о судьбѣ несчастнаго Валентина Николаевича. Онъ окончательно лишился зрѣнія. Мнѣ страшно будетъ увидѣть его! Письма его — сплошной вопль скорби...» Но и слѣпой, чутко и жадно прислушивался Амфитеатровъ къ шуму житейскаго прилива и отлива, и въ тревожные годы, пережитые нами, его благородное сердце, — о чемъ мнѣ не разъ писалъ и говорилъ Чупровъ, и какъ я самъ видѣлъ изъ его писемъ лишь подписанныхъ дрожащимъ почеркомъ слѣпца, — билось въ согласіи съ сердцами людей, желавшихъ многострадальной родинѣ мирнаго и коренного обновленія. Лѣтомъ 1908 года оно перестало биться... навсегда...

Личныя свиданія мои съ Александромъ Ивановичемъ были, къ сожалѣнію моему, не часты, но съ половины девяностыхъ годовъ между нами возникла довольно оживленная переписка. Въ любовно хранимой мною пачкѣ писемъ его за послѣднія десять лѣтъ его жизни сказываются всѣ милыя черты его личности: сердечное отношеніе къ людямъ, свойственное ему «въ человѣцѣхъ благоволеніе», стремленіе ободрить и украсить теплымъ словомъ чужой трудъ и дѣятельность; сказываются его любовь къ искусству и его неустанная работа, — звучитъ то чувство гражданина, которымъ была проникнута и эта работа, и отношеніе его къ родинѣ. Конечно, на первомъ планѣ у него стоитъ молодое учащееся поколѣніе и родной университетъ.

Первое его письмо ко мнѣ отъ 10-го ноября 1896 года начинается съ просьбы прочесть въ Москвѣ публичную лекцію въ пользу Общества вспомоществованія московскимъ студентамъ, «чтобы доставить нашей молодежи нравственный подъемъ и матеріальную поддержку». — «Искренно благодарю за новости, — пишетъ онъ въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, — мало въ нихъ утѣшительнаго. О нашей жизни нечего сказать: идетъ

тихимъ ходомъ. Одно нѣсколько радуетъ: наша молодежь въ нынѣшнемъ году по какой-то причинѣ больше одушевлена рвеніемъ къ наукамъ. Я не запомню года, когда аудиторіи были бы такъ полны и когда находилось бы такъ много охотниковъ работать на семинаріяхъ. У меня не хватаетъ времени выслушать рефераты и разсмотрѣть работы, заявленныя слушателями. Какъ-то отрадно на старости лѣтъ видѣть такое одушевленіе». Уже больной и слабый, до крайности утомляемый каждою двухчасовою лекціей, онъ сообщаетъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Парижъ изъ Дрездена, чтобы исполнить свое обѣщаніе прочесть нѣсколько лекцій въ Парижской Русской Школѣ общественныхъ наукъ. «Цѣлый мѣсяцъ, — пишетъ онъ, — передъ отъѣздомъ я былъ занятъ выборкой изъ моихъ матеріаловъ того, что подходитъ къ курсу, и приведеніемъ выбраннаго въ удобный для лекціи видъ. Къ сожалѣнію, не успѣлъ кончить на мѣстѣ всей подготовки и потому вынужденъ здѣсь въ Парижѣ напряженно работать въ промежуткахъ лекцій. Я уже прочелъ четыре лекціи на тему «Мелкое земледѣліе и его основныя нужды» и разсчитываю еще на восемь лекцій. Аудиторія, повидимому, интеллигентная и интересующаяся курсомъ, но, можетъ-быть, мой спокойный и объективно-научный тонъ и не вполнѣ придется, въ концѣ-концовъ, ей по вкусу. Вижу, къ сожалѣнію, что для меня прошло время говорить передъ публикой».

Когда съ началомъ лекцій осенью 1905 года Московскій университетъ сдѣлался театромъ печальнѣйшихъ безпорядковъ, онъ писалъ мнѣ 26-го сентября: «Съ глубокой скорбью и болью слѣжу я за роковой драмой, разыгрывающейся въ моей родной Москвѣ и близкомъ сердцу насъ обоихъ Московскомъ университетѣ. Невыразимо жаль мнѣ новаго ректора и его помощника, рѣшившихся принять на себя тяжкое бремя отвѣтственности въ такую смутную пору. Что-то будетъ изъ нашихъ разсадниковъ просвѣщенія послѣ тѣхъ тяжкихъ испытаній, какія выпали на ихъ долю?»

Убѣдившись въ безплодности и непосильности противодѣйствія тѣмъ разнороднымъ вліяніямъ, которыя отражались на

нашей судебной по существу и на кассаціонной дѣятельности, искажая роль Сената, какъ хранителя «нелицемѣрнаго правосудія», я оставилъ въ 1900 году уголовный кассаціонный департаментъ, въ составѣ котораго пробылъ пятнадцать лѣтъ въ качествѣ юбера-прокурора и сенатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ намѣреніе, пользуясь званіемъ доктора уголовнаго права, начать читать курсъ судебной этики.

Буква закона, опредѣляя положительныя обязанности судьи и устанавливая рядъ правилъ для техники уголовнаго изслѣдованія, касается только въ исключительныхъ случаяхъ нравственнаго долга судьи и тѣхъ общихъ началъ, безъ соблюденія которыхъ техническая дѣятельность органовъ уголовнаго правосудія можетъ притти въ противорѣчіе съ коренными началами нравственности. Поэтому изученіе этихъ началъ и случаевъ примѣненія ихъ при различныхъ процессуальныхъ дѣйствіяхъ и пріемахъ имѣетъ особое значеніе, тѣмъ болѣе важное, что личные интересы и разныя «злобы дня» обладаютъ свойствомъ заслонять въ глазахъ практическихъ дѣятелей тѣ путеводныя указанія, которыя коренятся въ глубинѣ человѣческой совѣсти и должны имѣть въ виду примиреніе общественнаго блага съ правами и достоинствомъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Этическія начала судопроизводства даютъ возможность опредѣлить духъ закона и указываютъ необходимыя условія дѣятельности органовъ правосудія. Особенно важна въ нравственномъ отношеніи область изученія поведенія судьи, ибо исполненіе судьею своего служебнаго долга — охраненіе независимости своихъ рѣшеній и стремленіе вложить въ нихъ всю доступную ему справедливость — не исчерпываетъ еще всей полноты его задачи. Современный процессъ ставитъ судью лицомъ къ лицу съ живымъ человѣкомъ. Гласность и устность внесли въ судебное производство начало непосредственнаго воспріятія матеріала для сужденія. Онѣ расшевелили и разметали по сторонамъ тотъ ворохъ бумагъ, докладовъ, протоколовъ, проектовъ резолюцій и т. п., подъ которымъ былъ прежде погребенъ живой человѣкъ, становившійся лишь «номеромъ дѣла». Онъ всталъ изъ-подъ этого нагроможденія письменной работы,

стиравшей его личныя краски, и предсталъ предъ судьею вмѣстѣ со своими фактическими обличителями и заступниками — свидѣтелями. Отсюда возникъ новый элементъ судебной дѣятельности — поведеніе судьи по отношенію къ людямъ, съ которыми онъ призванъ имѣть дѣло. Это поведеніе не есть простая совокупность поступковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ времени, — это есть систематическій и послѣдовательный рядъ дѣяній, связанныхъ между собою однимъ и тѣмъ же побужденіемъ и одною и тою же цѣлью. Иными словами, это есть сознательный образъ дѣйствій, одинаково примѣнимый ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ судебной и судебно-бытовой жизни, предусмотрѣть и предустановить которые заранѣе невозможно. Поэтому положительный законъ, говорящій объ отправленіи уголовнаго правосудія, не въ силахъ начертать образъ дѣйствій судьи во всѣхъ его проявленіяхъ. Да это и не входитъ въ его задачу. Онъ можетъ и долженъ говорить лишь о порядкѣ, внѣшнемъ характерѣ и содержаніи отдѣльныхъ судебныхъ обрядовъ и процедуръ, распоряженій и постановленій. Онъ намѣчаетъ *служебныя* обязанности органовъ правосудія по отношенію къ изслѣдованію преступленія и къ соблюденію законныхъ условій, при которыхъ совершается постепенный переходъ нарушителя общественнаго правопорядка изъ заподозрѣннаго въ обвиняемаго, изъ обвиняемаго въ подсудимаго, а изъ подсудимаго въ осужденнаго. Въ дѣятельности судьи, однако, должны сливаться правовыя и нравственныя требованія. Правила для внѣшнихъ дѣяній, въ своемъ практическомъ осуществленіи, неминуемо отражаютъ на себѣ и внутренній строй души того, кто ихъ осуществляетъ, ибо въ каждомъ судебномъ дѣйствіи на ряду съ вопросомъ, *что* слѣдуетъ произвести, возникаетъ не менѣе важный вопросъ о томъ, *какъ* это произвести. Чтобы не быть простымъ орудіемъ внѣшнихъ правилъ, дѣйствующимъ съ безучастною регулярностью часового механизма, судья долженъ вносить въ творимое имъ дѣло свою душу и на ряду съ предписаніями положительнаго закона руководиться безусловными и вѣчными требованіями человѣческаго духа.

Изъ нихъ вытекаетъ справедливое отношеніе къ человѣку, выражающееся въ сознательномъ и безпристрастномъ поставленіи себя на его мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ и воздержаніи отъ того, чтобы дѣлать разумное существо не цѣлью, а средствомъ для достиженія постороннихъ или своихъ личныхъ цѣлей. Въ осуществленіи справедливости, въ связи съ дѣятельною любовью, нравственный долгъ сливается съ руководящимъ началомъ христіанства, предписывающаго возлюбить ближняго какъ самого себя. Вотъ почему на ряду со служебнымъ долгомъ судебнаго дѣятеля вырастаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего человѣкъ. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свой умъ, трудъ и власть, долженъ стремиться къ осуществленію нравственнаго закона.

Забвеніе про живого человѣка, про брата во Христѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на чувства страданія, — вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля, и внѣшнюю, предполагаемую полезность его работы! Какъ бы ни было различно его общественное положеніе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ на свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое напоминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ «tat twam asi!» — «это тоже ты», — ты въ паденіи, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти! Такимъ образомъ складывается рядъ этическихъ правилъ, образующихъ необходимую нравственную сторону въ дѣятельности судьи и его ближайшихъ помощниковъ. Поэтому слѣдуетъ изучать не только судебную технику и судебную практику, но и судебную

этику, какъ ученіе о приложеніи общихъ понятій о нравственности къ той или другой отрасли спеціальной судебной дѣятельности.

Я написалъ обо всемъ этомъ Чупрову, и онъ отвѣчалъ мнѣ изъ Женевы въ ноябрѣ 1900 года: «Не могу вмѣстѣ со всѣми русскими людьми не пожалѣть, что Вы оставляете судебное поприще, гдѣ такъ ярко горѣлъ Вашъ свѣтильникъ. Но мотивы Вашего рѣшенія настолько законны и серьезны, что ни у кого не можетъ явиться мысль возражать имъ. Нужно только благодарить судьбу и Васъ, что Вы такъ долго оставались въ этой сферѣ. Нѣтъ худа безъ добра: если бы Ваше время и силы были попрежнему поглощены текущимъ дѣломъ, нашей молодежи совсѣмъ не дождаться бы Вашего курса. Дай Богъ Вамъ совсѣмъ укрѣпиться на новое благое дѣло, которое Вы затѣяли. Я отъ всей души привѣтствую Ваше намѣреніе осуществить давно жданный и давно желанный курсъ судебной этики. Кому же и говорить объ этомъ деликатномъ предметѣ, какъ не Вамъ, посвященному въ сокровенныя тайны судебнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣвшему при всѣхъ жизненныхъ перипетіяхъ всегда неуклонно держаться на высотѣ нравственнаго идеала. Я увѣренъ, что Ваши лекціи не только будутъ представлять величайшій интересъ, но, что еще важнѣе, окажутъ благотворное вліяніе на молодежь. Мнѣ горько, что пребываніе въ далекой странѣ лишитъ меня возможности попасть хотя бы на нѣсколько Вашихъ лекцій. Уповаю только на то, что Вы, быть-можетъ, соберетесь издать ихъ. Горячо желаю, чтобы никакая случайность не помѣшала Вамъ исполнить благородную миссію, которую Вы рѣшились принять на себя».

Это доброе желаніе осуществилось, однако, лишь отчасти, чему помѣшала одна изъ тѣхъ почти невѣроятныхъ случайностей, которыми богата была еще такъ недавно наша общественная жизнь. Въ 1901 году я занялъ каѳедру уголовнаго судопроизводства въ Александровскомъ Лицеѣ въ Петербургѣ, заступивъ мѣсто профессора Фойницкаго. Весь свой курсъ я построилъ на разработкѣ началъ судебной этики, подробный обзоръ которыхъ изложилъ въ моей вступительной лекціи. Эта лекція была напе-

устранялъ всякую непосредственную опасность. 23-го февраля вечеромъ онъ былъ въ концертѣ и наслаждался возможностью слышать хорошую музыку,—не въ мысляхъ только, но и въ дѣйствительности, — а на другой день по чудной погодѣ пошелъ къ своему другу, профессору Лотцу. Здѣсь во время бесѣды его сразила смерть. Благородное сердце сразу перестало биться... За пятнадцать лѣтъ предъ этимъ онъ написалъ въ альбомъ своей дочери стихотвореніе, въ которомъ указываетъ ей, что въ жизни «къ счастью прочному открыты три дороги: любить природы красоту,—трудъ имѣть любимый—и умѣть любить людей и въ радости, и въ горѣ,—съ участіемъ дружескимъ невзгоды ихъ дѣлить, —въ привѣтѣ, въ дѣйствіяхъ иль въ братскомъ разговорѣ умѣть всегда себя съ другой душою слить»... Тотъ, кто лично былъ знакомъ съ нимъ, кто слышалъ и читалъ его, тотъ знаетъ, что всю жизнь онъ шелъ этими тремя путями, не зарывая въ землю даровъ своего ума и сердца... И судьба лично къ нему была милостива: когда онъ много и благотворно прошелъ этими путями, не сходя въ сторону, она дала ему—любителю природы и поклоннику искусства— въ предсмертные дни полюбоваться первою, въ предсмертные часы насладиться вторымъ—и сразу пресѣкла его чистую, любвеобильную жизнь.

V.

Василій Осиповичъ Ключевскій.

(1912 г.).

Я не былъ близко знакомъ съ жизнью Василія Осиповича Ключевскаго и съ его профессорской дѣятельностью въ университетѣ и духовной академіи. Поэтому я могу говорить лишь о встрѣчахъ съ нимъ въ его студенческіе годы и затѣмъ въ то время, когда его «судьбой отсчитанные дни» уже приближались къ концу. Утѣшаю себя, вспоминая слова Гейне, который говоритъ, что для того, чтобы понять и оцѣнить человѣка и его дѣятельность, нужно видѣть ихъ не въ зенитѣ, а на восходѣ и закатѣ.

Въ 1862 году, вслѣдствіе студенческихъ волненій, петербургскій университетъ былъ закрытъ на два года. Группа петербургскихъ студентовъ, къ которой принадлежалъ и я, переселилась въ Москву и образовала тѣсный дружескій кружокъ, быстро освоившійся съ Москвой и полюбившій ея бытовыя особенности. Кружокъ состоялъ преимущественно изъ слушателей словеснаго факультета,—бывшихъ воспитанниковъ единственной тогда въ Петербургѣ классической третьей гимназіи. Юристовъ въ немъ было всего двое: я и покойный Антонъ Германовичъ Гизетти. Между этими словесниками особенно выдѣлялись — Н. Н. Куликовъ, живой, остроумный и сердечный человѣкъ, представлявшій центральную фигуру нашего кружка, и М. А. Кавосъ, оставившій во всѣхъ, кто его зналъ, память о себѣ, какъ о человѣкѣ рѣдкаго, даже въ то время, и при томъ самаго разносторонняго образованія. Намъ

всѣмъ приходилось много работать на недѣлѣ, давая уроки и *записывая* лекціи въ университетѣ, но по субботамъ вечеромъ мы собирались у Куликова и двухъ его товарищей, жившихъ вмѣстѣ, въ переулкѣ у Николы Явленнаго, близъ Арбата. Мы приносили каждый свою долю участія въ общей трапезѣ, слушали игру Куликова на купленномъ въ складчину старенькомъ фортепіано и бесѣдовали до глубокой ночи о всевозможныхъ вопросахъ, волновавшихъ наши молодые умы. Вскорѣ къ этому кружку примкнулъ уже коренной москвичъ, Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, будущій извѣстный ученый и профессоръ харьковскаго и московскаго университетовъ. Тогда это былъ высокій, сутуловатый, очень худой и блѣдный, нѣсколько угрюмый человѣкъ, вносившій въ наши бесѣды много интереса къ исторіи и теоріи искусства и вызывавшій одного изъ насъ (Травинскаго), фанатическаго поклонника Шопенгауэра, своими ироническими замѣчаніями на горячіе споры, длившіеся чуть не до утра. Теперь никого изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ... Остался я одинъ и, обращаясь къ этому незабвенному времени, невольно повторяю стихи Некрасова: «а станешь стариться—нарви—цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,—и ими сердце оживи».

Уже по прошествіи трехъ мѣсяцевъ наши словесники стали все чаще и чаще упоминать имя своего товарища Ключевскаго, относясь къ нему съ все возрастающимъ интересомъ и уваженіемъ. Наконецъ, однажды, сколько мнѣ помнится, осенью 1863 года, онъ посѣтилъ наше субботнее собраніе и не разъ затѣмъ въ немъ появлялся. Его невзрачная, скромная фигура, тихій голосъ и сдержанная молчаливость вначалѣ невольно возбуждали у тѣхъ, кто не былъ на томъ же курсѣ одного съ нимъ факультета, вопросъ: «да что же такого особеннаго въ этомъ Ключевскомъ? Почему сотоварищи,—склонные вообще къ критическому отношенію и зоркіе на недостатки, добродушно осмѣиваемые,—относятся къ нему съ такимъ почтеніемъ, какъ бы по молчаливому соглашенію признавая его авторитетомъ въ своей средѣ»? Но стоило ему живо заинтересоваться предметомъ разговора, особливо если онъ касался исторіи или искусства, какъ на эти вопросы получался самый вразумительный отвѣтъ. Ключевскій оживлялся, вставалъ,

дѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и—обыкновенно стоя—начиналъ говорить, немедленно овладѣвая общимъ вниманіемъ. Его рѣчь на чудесномъ русскомъ языкѣ, тайной котораго онъ владѣлъ въ совершенствѣ, лилась неторопливо; по временамъ онъ останавливался и на минуту задумывался, а затѣмъ снова плѣнялъ и удивлялъ выпуклостью образовъ, остротою и глубокимъ содержаніемъ эпитетовъ и богатствомъ свѣдѣній, приводимыхъ въ новомъ и подчасъ неожиданномъ освѣщеніи, за которымъ чувствовалась упорная работа самостоятельной мысли. Уже тогда въ томъ, что онъ говорилъ, намѣчались—его взглядъ на исторію, какъ на соціальный процессъ по преимуществу, и его любовь къ изученію историческихъ явленій и періодовъ со стороны проявленія въ нихъ природы страны, человѣческой личности и людского общества. Для большинства изъ насъ, ходившихъ въ Петербургѣ слушать блестящія лекціи Костомарова, то, что высказывалъ Ключевскій, было въ значительной степени новостью. Талантливый художникъ преобладалъ въ Костомаровѣ надъ спокойнымъ созерцателемъ, и чувствовалось, что создаваемые имъ образы вліяютъ на самый характеръ его изслѣдованій и на свойство его выводовъ. Онъ (я говорю преимущественно о его лекціяхъ объ Иванахъ III и IV, читанныхъ въ 1861—62 годахъ) ярко и увлекательно рисовалъ картины тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, заботливо отдѣлывая бытовыя условія и обстановку, среди которыхъ они проявились. Наоборотъ, Ключевскій обращалъ главное вниманіе на причины этихъ явленій, глубоко вдумываясь въ нихъ и какъ бы слѣдуя извѣстной формулѣ: «vires unite agunt»; Костомаровъ набрасывалъ искусною рукою изображеніе сложнаго зданія,— Ключевскій расчищалъ и изслѣдовалъ почву для закладки фундамента. Многихъ изъ насъ интересовалъ расколъ не только какъ религіозное и бытовое, но и какъ историческое явленіе, при чемъ не всѣхъ удовлетворяла Щаповская теорія происхожденія старообрядчества. Въ этомъ отношеніи указанія Ключевскаго и бесѣды съ нимъ были для насъ и желанны, и поучительны. Я не разъ вспоминалъ ихъ въ позднѣйшіе годы, когда встрѣчался съ этимъ глубокой важности явленіемъ нашей жизни въ моей судебной, преподавательской и

законодательной дѣятельности. Однажды, уже на послѣднемъ курсѣ, великимъ постомъ, онъ направилъ насъ утромъ въ воскресенье въ Кремль—потолкаться между народомъ передъ соборами и послушать въ отдѣльныхъ группахъ обычныя тогда пренія раскольниковъ съ православными, происходившія свободно и чуждыя казенно-полицейскаго участія нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ миссіонеровъ. Мы повторили эти утренніе походы нѣсколько разъ уже безъ него, вынеся изъ нихъ живыя представленія о многомъ, чего не могла бы намъ дать тогдашняя скудная въ этомъ отношеніи литература.

Послѣ смерти Ключевскаго мнѣ пришлось получить письмо бывшаго ученика покойнаго, молодого талантливаго историка, который говоритъ: «Ключевскій былъ историкомъ Московской, а не какой иной Руси: онъ самъ представляется ея памятникомъ, настоящимъ московскимъ человѣкомъ. Онъ не былъ ни гражданиномъ правового государства — будущей Россіи, ни дѣятелемъ подернутой западной культурой Руси Петровской, ни кіевскимъ богатыремъ, ни вольнымъ сыномъ Новгорода. Онъ былъ всецѣло слугой и богомольцемъ московскихъ государей, современникомъ Тишайшаго царя, а можетъ-быть и царя Ивана. Эту эпоху онъ всего лучше зналъ, ее онъ всего красочнѣе рисовалъ, съ нею всего тѣснѣе сжился. Онъ былъ то же для Руси Московской, что былъ Забѣлинъ для самой Москвы. Старая Московія говорила его устами, и онъ думалъ ея мозгомъ и чувствовалъ ея сердцемъ. Въ этомъ была и сильная и слабая его сторона. Этимъ онъ подкупалъ историка, но этимъ же и отпугивалъ отъ себя политика»... Я не могу однако раздѣлить этого взгляда на Ключевскаго за тѣ періоды его дѣятельности, о которыхъ я говорилъ выше и когда я лично могъ присмотрѣться къ нему. Въ наши студенческіе годы онъ не былъ поклонникомъ старой Москвы, а къ славянофильству относился, несомнѣнно, скептически. Но онъ уже тогда изучилъ и зналъ Москву съ большой подробностью. Въ его бесѣдахъ ея исторія рисовалась слушателю, какъ цѣльная, опредѣленная и законченная картина, а не какъ отдѣльные фрагменты послѣдней. Любя русскаго человѣка, Ключевскій «проникновенно» вглядывался въ создавшіяся исторически свойства его, выработанныя

условіями, среди которыхъ этотъ человѣкъ жилъ и съ которыми ему постоянно приходилось бороться. Стоитъ припомнить тонкую характеристику русскаго человѣка, сдѣланную въ его лекціяхъ: наклонность дразнить счастье и играть въ удачу, откуда явилось знаменитое «авось», — его удивительную способность къ напряженному кратковременному труду и его непривычку къ труду размѣренному и постоянному, — легкость одолѣнія имъ препятствій и опасностей и частое неумѣніе выдержать съ тактомъ и достоинствомъ успѣхъ, — способность подводить *итоги*, на счетъ искусства составлять *смѣты*. Но цѣня лучшія свойства русской души и сливаясь съ ними, Ключевскій не идеализировалъ прошлаго и съ безпристрастіемъ историка и скорбью родного и близкаго человѣка указывалъ на слабое развитіе и рабскую приниженность личности, на подавленность и случайность проявленія общественныхъ силъ, на грубость нравовъ и восточную хитрость пріемовъ въ этой самой Москвѣ Грознаго и Тишайшаго, отводя среди причинъ всего этого справедливое мѣсто печальной и скудной природѣ, такъ мало дававшей опоры для свободнаго развитія общежитія.

Доказательствомъ является его кандидатское разсужденіе «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», напечатанное впервые въ приложеніяхъ къ московскимъ университетскимъ извѣстіямъ, только-что начавшимъ выходить въ 1865—66 годахъ, рядомъ съ разсужденіями товарищей Ключевскаго по выпуску изъ университета — Шайкевича «О преступленіяхъ противъ чести», Никольскаго «О внѣшнихъ таможенныхъ пошлинахъ» и моимъ «О правѣ необходимой обороны». Уже въ этомъ первомъ печатномъ обширномъ трудѣ Ключевскаго, представляющемъ результатъ огромной подготовительной работы, совершенно необычной для кандидатскихъ сочиненій, слышатся основные звуки его будущихъ блистательныхъ лекцій. Двѣнадцать главъ рисуютъ намъ Московское государство со всѣхъ сторонъ и съ точекъ зрѣнія различныхъ наблюдателей. Опредѣляя историческую стоимость источниковъ своего «разсужденія», Ключевскій совершенно справедливо находилъ, что правильно оцѣнивать и объяснять многія явленія русской жизни иностранецъ, чуждый

русскимъ понятіямъ и привычкамъ, не могъ, по *описывать* ихъ, выставлять ихъ выдающіяся черты, высказывать непосредственное впечатлѣніе, производимое ими, онъ могъ лучше и полнѣе, нежели люди, къ нимъ приглядѣвшіеся и притерпѣвшіеся... Поэтому домашняя жизнь и нравственный бытъ общества ускользали отъ наблюденій иностранцевъ, но зато внѣшнія явленія и наружный порядокъ общественной жизни, а также ея матеріальная сторона съ особой вѣрностью и полнотою укладывались въ эти наблюденія. И картина, изображаемая нашимъ историкомъ на основаніи такихъ наблюденій, почерпнутыхъ изъ 35 иностранныхъ источниковъ, — отличается яркостью и полнотою именно въ отношеніи внѣшнихъ проявленій русской жизни съ XV по XVII в. Какъ живо, напримѣръ, описаніе пріемовъ иностранныхъ пословъ въ Москвѣ, — передача впечатлѣній послѣднихъ отъ царскаго двора и самого царя, считающаго себя несравненно выше западныхъ христіанскихъ монарховъ, презрительно говорящаго Поссевину: «что это за государи?!» и моющаго послѣ пріема пословъ руки въ нарочито поставленной при аудіенціи золоченой лоханп съ кувшиномъ и полотенцемъ; — какъ характерны отзывы иностранцевъ о твердости, съ которою русскій ратникъ исполняетъ тяжелыя предпріятія и, равнодушный къ своему помѣщенію и пищѣ, переноситъ нужду и трудъ; — въ какихъ живыхъ краскахъ представляется русская городская жизнь въ XVI и XVII столѣтіяхъ! При томъ въ этой картинѣ постоянно чувствуется строгая разборчивость автора въ матеріалѣ, которымъ онъ пользуется, стараясь провести ясную грань между внѣшнею и внутреннею жизнью народа, между той областью, гдѣ слѣдуетъ искать Wahrheit, и тою, гдѣ неминуемо приходится встрѣчаться съ Dichtung со стороны «чужихъ»...

Въ этомъ отношеніи трудъ Ключевскаго очень выгодно отличался отъ составленнаго Костомаровымъ «Очерка домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», вышедшаго на шесть лѣтъ раньше и преисполненнаго безусловнымъ довѣріемъ къ сказаніямъ иностранцевъ (въ особенности къ запискамъ Горсея), именно о той сторонѣ русской жизни, которая имъ была наименѣе доступна и понятна. Въ памяти у насъ,

товарищей Ключевскаго, слушавшихъ вмѣстѣ съ нимъ исторію словесности у Буслаева (для юристовъ это былъ предметъ необязательный, но многіе посѣщали эти лекціи, привлекаемые глубокимъ интересомъ ихъ и оригинальностью), еще были свѣжи указанія Ѳедора Ивановича на поспѣшность выводовъ и погрѣшность утвержденій Костомарова. Такъ, напримѣръ, оказывалось, что, говоря объ образѣ Одигитріи-Пятницы, Костомаровъ смѣшалъ съ Богоматерью св. Параскеву-Пятницу, при чемъ въ источникѣ, которымъ онъ пользовался, говорится вовсе не о Пятницѣ, а о Пядницѣ, т.-е. о небольшомъ образкѣ, величиною *въ пядь*, откуда и самое слово пядница. Точно такъ же невѣрнымъ оказалось и предположеніе его о томъ, что на народныхъ игрищахъ существовалъ обычай увѣнчивать удалыхъ и ловкихъ побѣдителей, какъ это будто бы явствуетъ изъ поговорки: «безъ борца—нѣтъ вѣнца», тогда какъ это вовсе не народная поговорка XVI или XVII столѣтія, а *духоборческій* «стихъ» конца XVIII столѣтія, обѣщающій *вѣнецъ* въ будущей жизни для *борцовъ* духомъ съ грѣхами, соблазнами и прелестью здѣшняго міра.

Въ началѣ іюня 1865 года мы окончили курсъ и разошлись по разнымъ дорогамъ. Снова увидѣть Ключевскаго мнѣ пришлось лишь черезъ пятнадцать лѣтъ, въ іюнѣ 1880 года, на торжествѣ открытія въ Москвѣ памятника Пушкину. Я уже говорилъ выше, что это открытіе было однимъ изъ самыхъ выдающихся событій въ русской общественной жизни послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Послѣ ряда удушливыхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ лѣтъ, съ начала 1880 года стало легче дышать, и общественная мысль и чувство начали принимать хотя и не вполнѣ опредѣленныя, но, во всякомъ случаѣ, болѣе свободныя формы, и все постепенно стало оживать. Блестящимъ проявленіемъ такого оживленія былъ и Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ. Наканунѣ открытія памятника былъ торжественный пріемъ депутаціи въ залѣ городской Думы (на Воздвиженкѣ) и чтеніе адресовъ и привѣтствій; на другой день съ утра Москва приняла праздничный видъ,—у памятника, закутаннаго пеленой, собрались многочисленныя депутаціи правительственныхъ

ученыхъ и литературныхъ обществъ и редакцій съ вѣнками и хоругвями. Послѣ обряда передачи памятника городу—пелена развернулась и упала—и подъ крики «ура» и пѣніе хорами «Славься» Глинки предстала бронзовая фигура Пушкина съ задумчиво склоненной надъ толпою головою. Черезъ часъ въ обширной актовой залѣ университета, переполненной такъ, что яблоку негдѣ было упасть, состоялось торжественное засѣданіе. Послѣ провозглашенія именъ избранныхъ въ почетные члены университета Я. К. Грота, П. В. Анненкова и Тургенева—при чемъ послѣднее было встрѣчено взрывомъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ, бурными волнами носившимися въ обширной залѣ—на каѳедру взошелъ Ключевскій. Несмотря на слабый голосъ, онъ быстро овладѣлъ присутствующими. Въ его манерѣ говорить я почувствовалъ особое умѣнье насторожить и обострить вниманіе слушателей. Простое, безъ всякихъ вычуръ, слово его было такъ полновѣсно и съ такимъ искусствомъ соединяло въ себѣ отвлеченныя опредѣленія, широкія обобщенія и жизненные образы, что слушающій очень скоро чувствовалъ себя вполнѣ во власти лектора. Въ сжатое и точное его изложеніе по временамъ и совершенно неожиданно вправлялись афоризмы, въ которыхъ одновременно блистали яркая мысль и тонкое остроуміе. Всѣ тѣ умственныя свойства и особенности, которыми онъ выдѣлялся среди насъ, еще будучи студентомъ, широко развились въ немъ и окрѣпли. Въ немъ слышался уже не только настойчивый искатель истины въ любимомъ дѣлѣ, но и хозяинъ въ немъ, ею уже въ значительной мѣрѣ овладѣвшій. Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ-историкъ предстали въ рѣчи Ключевскаго передъ слушателями въ своемъ взаимоотношеніи, освѣщенномъ ново и оригинально. Пушкинъ оказался всего менѣе историкомъ въ своихъ историческихъ сюжетахъ—въ «Полтавѣ», «Борисѣ Годуновѣ» и др. и далъ цѣнный матеріалъ для историка въ повѣсти, написанной между дѣломъ и безъ претензій на историческую достовѣрность. «Капитанская дочка», по мнѣнію Ключевскаго, представляла такое правдивое воспроизведеніе эпохи, такую выхваченную изъ подлинной жизни того времени картину, что спеціальное изслѣдованіе Пушкина «Исторія Пугачевскаго

бунта» можетъ быть разсматриваемо только, какъ подробное примѣчаніе къ «Капитанской дочкѣ». А затѣмъ Ключевскій представилъ послѣдовательное развитіе главнѣйшихъ типовъ XVIII и начала XIX столѣтій, закрѣпленныхъ Пушкинымъ въ различныхъ его произведеніяхъ. Указывая на генетическую связь между ними, онъ въ особенности остановился на одномъ, зародившемся слишкомъ двѣсти лѣтъ назадъ, въ лицѣ выдающагося историческаго дѣльца—Ордина-Нащокина, и выраженномъ во время Пушкина скучающимъ отъ бездѣлья Евгеніемъ Онѣгинымъ. «Это русскій человѣкъ,—говорилъ Ключевскій,—который выросъ въ убѣжденіи, что, хотя онъ и не родился европейцемъ, но *обязанъ* стать имъ. Безъ его біографіи пустѣетъ исторія нашего общества послѣднихъ двухъ столѣтій. Около него сосредоточиваются, иногда отъ него исходятъ самыя важныя умственныя, а подчасъ и политическія движенія». Въ рядѣ почерпнутыхъ у Пушкина, опредѣленно и рельефно описанныхъ образовъ прошли передъ нами разнообразные виды этого типа, зависѣвшіе отъ различныхъ способовъ рѣшенія рокового вопроса о томъ, какъ сдѣлаться европейцемъ, родившись русскимъ, и рѣшивъ, что русскій—не европеецъ. Тутъ были и тѣ, которые находили, что русское надо дѣлать по западно-европейски, и тѣ, которые стремились передѣлать русское въ западно-европейское, и тѣ, которые думали стать европейцами, оставаясь русскими, и, наконецъ, тѣ, которые находили, что необходимо перестать быть русскими. Между ними оказывались желающіе заимствовать съ Запада свѣтъ знанія, но безъ огня, и желающіе взять его цѣликомъ съ тѣмъ, чтобы не подносить, однако, близко къ глазамъ. Каждый изъ этихъ видовъ—арапъ Ибрагимъ, капитанъ Мироновъ, поручикъ Гриневъ, Дубровскій и Троекуровъ—все это типы, драгоцѣнные для историка. Сами по себѣ будучи продуктомъ поэтическаго вымысла, они, однако, составляютъ существенное дополненіе къ историческимъ актамъ и мемуарамъ. Галлерея заключалась историческимъ недорослемъ — не каррикатурой, а простымъ и вседневнымъ явленіемъ, не лишеннымъ довольно почтенныхъ качествъ. Это былъ самый обыкновенный русскій дворянинъ средней руки, учившійся по-

немногу, сквозь слезы, при Петрѣ, со скукой при Екатеринѣ II, но сдѣлавшій нашу военную исторію и протоптавшій славный путь подъ руководствомъ Румянцевыхъ и Суворовыхъ. Къ этой послѣдней разновидности Пушкинъ относился съ сочувствіемъ, заставивъ капитанскую дочку предпочесть добродушнаго армейца Гринева блестящему гвардейцу Швабрину. «Историку восемнадцатаго столѣтія,—заявилъ Ключевскій,—остается одобрить и сочувствіе Пушкина, и вкусъ капитанской дочки». Свое чтеніе Ключевскій закончилъ характеристикой Евгенія Онѣгина и его ближайшихъ потомковъ—Чацкаго и Печорина и указаніемъ, что заслуга Пушкина для исторіи въ томъ, что онъ далъ связную лѣтопись нашего общества въ лицахъ слишкомъ за цѣлое столѣтіе и какъ художникъ сталъ между составителемъ мемуаровъ и историкомъ, къ великой радости послѣдняго.

Рѣчь Ключевскаго, освѣтивъ творчество Пушкина съ новой стороны, произвела глубокое впечатлѣніе и вызвала во многихъ мѣстахъ шопотъ сочувствія, которое еще до конца ея выразилось въ громкихъ рукоплесканіяхъ.

Снова прошло много лѣтъ, что мы не видались, хотя довольно часто справлялись другъ о другѣ. Я зналъ отъ бывшихъ слушателей его, какъ окончательно сложился въ немъ глубокій ученый и мыслитель, перешедшій отъ «Исторіи *Государства* Россійскаго» и «Исторіи *Россіи*» къ исторіи образованія личности *русскаго народа*,—и какъ развился замѣчательный художникъ, властитель гибкаго и покорнаго слова, умѣвшій не только возсоздавать историческіе образы, но и любить ихъ, воплощая ихъ въ условіяхъ ихъ времени и дѣятельности, а не трактуя ихъ горделиво съ высоты современныхъ взглядовъ. Старая, былая дѣйствительность, оживала у него поэтому съ особой ясностью, не окрашенная предвзятостью. Въ его изслѣдованіяхъ и изложеніи исторія, употребляя выраженіе Цицерона, была не только vita memoriae et temporum, но и lux veritatis, исключавшій роль судьи тамъ, гдѣ гораздо болѣе мѣста мыслителю. Эти разсказы и отзывы подтвердились мѣрою полною, когда позднѣе я сталъ получать отъ него его превосходный курсъ исторіи съ дорогими для меня надписями на заглавной страницѣ. Я читалъ ихъ, не отрываясь,

поучаясь и наслаждаясь одновременно и по нѣсколько разъ возвращаясь къ однѣмъ и тѣмъ же страницамъ. Въ моей памяти еще жилъ благородный обликъ Сергѣя Михайловича Соловьева, задушевность его тона и широкій захватъ въ его лекціяхъ «исторіи Россіи въ эпоху преобразованія». Какъ сейчасъ вижу его, какъ бы углубленнаго въ свои размышленія и наблюденія, съ полузакрытыми глазами, начинающимъ эти свои лекціи въ слегка приподнятомъ тонѣ разсказомъ о томъ, какъ «въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, подвергся страшной опасности, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды ихъ новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни благословляли его, другіе проклинали»... Программа, начертанная въ этихъ словахъ, была выполнена Соловьевымъ съ чрезвычайной подробностью и удивительнымъ богатствомъ данныхъ, добытыхъ упорнымъ и неустаннымъ трудомъ. Но синтезъ всей этой сложной работы былъ сдѣланъ его ученикомъ съ неподражаемой ясностью и краткостью. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести это мѣсто изъ лекцій Ключевскаго, столь характеризующее его самого, какъ историка-мыслителя. «Петръ I, —говорилъ онъ,—своими понятіями и стремленіями близко подошелъ къ идеѣ правового государства: онъ видѣлъ цѣль государства въ добрѣ общемъ, въ народномъ благѣ, не въ династическомъ интересѣ, а средство для ея достиженія въ законности, въ крѣпкомъ храненіи «правъ гражданскихъ и политическихъ»; свою власть онъ считалъ не своей наслѣдственной собственностью, а должностью царя, свою дѣятельность—служеніемъ государству. Но обстоятельства и привычки помѣшали ему привести свое дѣло въ полное согласіе съ собственными понятіями и намѣреніями. Обстоятельства вынуждали его работать больше въ области политики, чѣмъ права, а отъ предшественниковъ онъ унаслѣдовалъ два вредные политическіе предразсудка—вѣру въ творческую мощь власти и увѣренность въ неистощимости народныхъ силъ и народнаго терпѣнія. Онъ не останавливался ни

предъ чьимъ правомъ, ни передъ какой народной жертвой. Ставъ преобразователемъ въ европейскомъ духѣ, онъ сберегъ въ себѣ слишкомъ много московскаго допетровскаго царя, не считался ни съ правосознаніемъ народа, ни съ народной психологіей и надѣялся искоренить вѣковой обычай, водворить новое понятіе такъ же легко, какъ измѣнялъ покрой платья или ширину фабричнаго сукна. Вводя все насильственно, даже общественную самодѣятельность вызывая принужденіемъ, онъ строилъ правомѣрный порядокъ на общемъ безправіи, и потому въ его правомѣрномъ государствѣ рядомъ съ властью и закономъ не оказалось всеоживляющаго элемента, свободнаго лица, гражданина».

«Я взялъ съ собою за границу, — писалъ мнѣ въ 1908 году изъ Швейцаріи старый московскій студентъ, извѣстный адвокатъ Пассоверъ, человѣкъ большого ума, съ преобладаніемъ въ немъ скептическаго и строго критическаго склада,—я взялъ съ собою курсъ русской исторіи Ключевскаго... Послушайте! вѣдь это просто геніально! этотъ трудъ такъ меня захватилъ и своей формой и своимъ содержаніемъ, что мнѣ хочется упрекнуть васъ: зачѣмъ вы не указали мнѣ на эти книги раньше, если ихъ уже читали, а если не читали, то что можете вы представить въ свое оправданіе?! Благодаря имъ я соединяю поправленіе отъ физической болѣзни съ отдыхомъ для мысли, уставшей отъ той фальсификаціи науки, которою насъ въ послѣдніе годы потчуютъ подъ разноцвѣтными ярлыками». Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ, будучи два раза въ Москвѣ, я посѣтилъ Василія Осиповича въ его домѣ на Житной улицѣ и провелъ съ нимъ вечеръ у Н. В. Давыдова. Близорукое и бездушное преслѣдованіе «инако вѣрующихъ» въ области религіозной, пагубно для правосудія отражавшееся на дѣятельности судебныхъ органовъ, и слѣпое, по отношенію къ будущему, подавленіе всякихъ проявленій правосознанія и самодѣятельности въ обществѣ, связанное съ суровымъ отношеніемъ къ «инако мыслящимъ», были предметами нашихъ бесѣдъ, во время которыхъ въ голосѣ и выраженіяхъ Ключевскаго звучала негодующая скорбь. Помнится, что его, какъ и встрѣченнаго мною за границей А. И. Чупрова, возмущало, но «не удивляло» противодѣйствіе, оказанное В. К. Плеве

по почину статсъ-секретаря Муравьева чтенію мною публичныхъ лекцій «О нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ». Въ это же время его смущала наша дальневосточная политика, восхваляемая нѣкоторыми органами печати, самонадѣянно и болѣе, чѣмъ преждевременно, присвоившими Сѣверной Манчжуріи названіе «Желтороссіи».

Затѣмъ наступила тяжелая година 1904 года, и состоялись извѣстныя засѣданія Комитета министровъ, въ которыхъ откровенно было признано болѣзненное состояніе нашего внутренняго государственнаго организма и намѣчены нѣкоторые способы и средства лѣченія. Къ послѣднимъ относился восьмой пунктъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, въ которомъ было повелѣно «устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи». Вслѣдствіе этого 21 января 1905 года образовано было особое совѣщаніе для пересмотра дѣйствующаго цензурнаго законодательства и для составленія новаго проекта устава о печати. Въ составъ этого совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Д. Ф. Кобеко вошли и мы съ Ключевскимъ. Исторія занятій этого совѣщанія очень поучительна, какъ примѣръ благихъ намѣреній и горячей законодательной работы, заѣденныхъ медлительностью канцелярской рутины и отсутствіемъ твердости въ столкновеніи съ мимолетной «злобой дня». Здѣсь не мѣсто касаться ея въ подробности. Достаточно лишь сказать, что въ тридцати слишкомъ ея засѣданіяхъ, начатыхъ съ единодушнымъ желаніемъ огромнаго большинства членовъ поставить печать въ нормальныя условія и освободить ее отъ обширнаго наслоенія мѣръ и распоряженій, основанныхъ на усмотрѣніи и произволѣ, былъ выработанъ проектъ устава о совершенной отмѣнѣ предварительной цензуры и о замѣнѣ ея по отношенію къ преступленіямъ печати такъ называемыхъ «Objectivverfahren», при которомъ судебная кара падаетъ на сочиненіе, а не на личность

автора. Грозныя событія опередили, однако, внесеніе этого Устава на законодательное разсмотрѣніе, и, задержанный на своемъ пути въ теченіе пяти мѣсяцевъ бюрократическимъ квіетизмомъ, онъ былъ неожиданно для членовъ комиссіи замѣненъ прямо противоположными «временными правилами», дѣйствующими и донынѣ тамъ, гдѣ и они въ свою очередь не замѣняются усмотрѣніемъ и случайными взглядами высшаго мѣстнаго административнаго начальства. Ключевскій принялъ близко къ сердцу задачу этого совѣщанія, пріѣзжалъ на важнѣйшія засѣданія изъ Москвы или періодически проживалъ для нихъ въ Петербургѣ, прося меня во время его отсутствія держать его въ курсѣ нашихъ работъ и вызывать его въ случаяхъ неотложной надобности въ его участіи или голосѣ. Онъ останавливался въ гостиницѣ Palais Royal, на Пушкинской улицѣ, передъ засѣданіемъ заходилъ обыкновенно ко мнѣ, и мы вмѣстѣ ѣхали въ Маріинскій дворецъ. Раза два мы совершали то же послѣ обѣда у М. М. Стасюлевича, въ кругу главнѣйшихъ участниковъ «Вѣстника Европы», гдѣ Ключевскій былъ всегда желаннымъ гостемъ, несмотря на свою сдержанность стараго москвича, несвободнаго отъ нѣкотораго скептицизма по отношенію къ принятію «въ серьезъ» петербургскихъ взглядовъ и рѣчей.

Въ засѣданіяхъ онъ, привыкшій къ совмѣстной работѣ съ людьми болѣе или менѣе однородныхъ пріемовъ мышленія и способовъ выражаться, не безъ любопытства вглядывался въ духовную и нравственную «смѣсь одеждъ и лицъ», которая свойственна нашимъ междувѣдомственнымъ совѣщаніямъ и комиссіямъ. Тутъ были журналисты и публицисты (Стасюлевичъ, Суворинъ, Арсеньевъ, Пихно и князь Мещерскій), поэты (Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Цертелевъ), представители разныхъ вѣдомствъ, бывшіе и настоящіе начальники главнаго управленія по дѣламъ печати, сенаторы, духовныя лица (епископъ Антонинъ и др.) и, наконецъ, добровольцы, въ родѣ кіевскаго «обывателя», покойнаго Б. М. Юзефовича, постоянно остававшагося при особомъ мнѣніи и послѣ нѣсколькихъ горячихъ, но неуспѣшныхъ выступленій отряснаго прахъ ногъ своихъ и покинувшаго совѣщаніе. Но лично Ключевскій выступалъ рѣдко, и тѣмъ съ большимъ

вниманіемъ прислушивались всѣ къ его словамъ, въ которыхъ онъ являлся не только историкомъ, но и политикомъ. Такъ, онъ подробно высказался по вопросу о переходѣ отъ концессіонной системы разрѣшенія повременныхъ изданій къ системѣ явочной. Доказывая, что надо держаться практической почвы и критиковать дѣйствующій порядокъ съ точки зрѣнія права, пользы и цѣлесообразности, онъ возражалъ на заявленія противниковъ явочной системы о томъ, что она вызоветъ появленіе изданій, измѣняющихъ къ худшему самый тонъ печати, переполненіе рынка недоброкачественными газетами и ущербъ для кармана подписчиковъ. «Все это, — говорилъ онъ, — вполнѣ возможно и при концессіонной системѣ, все это у насъ уже бывало и, что всего важнѣе, миновало безъ вреда для государственнаго порядка и общественной нравственности. Десять лѣтъ тому назадъ 78 литераторовъ въ запискѣ, поданной на Высочайшее имя, засвидѣтельствовали единогласно, что концессіонный порядокъ былъ именно одною изъ причинъ вторженія промышленниковъ и спекулянтовъ въ нашу печать. Защитники дѣйствующаго у насъ порядка ищутъ опоры въ аналогіяхъ: сравниваютъ литератора съ инженеромъ, докторомъ, аптекаремъ и т. д., но аналогія сама по себѣ не разрѣшаетъ вопроса; она должна опираться на принципъ, а съ принципіальной точки зрѣнія большая разница между профессіональными правами и тѣмъ правомъ слова, одна изъ формъ котораго — право печати. Профессіональныя права пріобрѣтаются— право слова есть право личное, принадлежавшее каждому полноправному гражданину, оно можетъ быть ограничено или потеряно лишь по суду или по соображеніямъ государственнымъ. Признано, что право слова, какъ и право союзовъ и собраній, имѣетъ политическое значеніе, что это одна изъ формъ общественной дѣятельности; но изъ этого вытекаетъ лишь обязанность подчиняться въ своей дѣятельности извѣстнымъ условіямъ, ограниченіе же самаго приступа къ пользованію печатнымъ словомъ не можетъ быть оправдано никакими политическими соображеніями; можно ли лишать человѣка права издавать газету въ виду возможныхъ, но еще не случившихся съ его стороны злоупотребленій? Это значитъ — наказывать за счетъ несодѣянныхъ

преступленій. Всякій полноправный и безупречный гражданинъ въ правѣ обращаться къ той или къ другой формѣ печатнаго слова, не испрашивая этого права, а только подчиняясь условіямъ, какими законъ обставилъ его осуществленіе. Концессіонный порядокъ свелъ эти условія къ уничтоженію самаго права, между тѣмъ Уложеніе о наказаніяхъ предоставляетъ суду не только пріостанавливать повременное изданіе или даже прекращать его совершенно, но и лишать виновныхъ издателей и редакторовъ права на эти званія въ теченіе продолжительнаго срока, и потому судъ можетъ давать достаточную гарантію противъ злоупотребленій. Говорятъ, что переходъ отъ дѣйствующей концессіонной системы къ системѣ явочной слишкомъ крутъ. Съ этимъ трудно согласиться, — крутъ былъ бы, наоборотъ, переходъ отъ явочной системы къ концессіонной. Затѣмъ, для избѣжанія перелома предлагаютъ улучшить дѣйствующую концессіонную систему изъятіемъ выдачи разрѣшеній на повременныя изданія изъ рукъ министра внутреннихъ дѣлъ и ея сосредоточеніемъ въ особомъ внѣвѣдомственномъ учрежденіи изъ высшихъ судебныхъ и административныхъ чиновъ, самое положеніе которыхъ гарантировало бы правильную, послѣдовательную и безпристрастную оцѣнку всѣхъ происходящихъ въ области печатнаго слова явленій. Предполагалось даже ввести въ составъ такого учрежденія членовъ Академіи Наукъ. На первый взглядъ, такое соединеніе въ единой коллегіи представителей права, политики и науки очень привлекательно, только трудно догадаться, какъ будетъ дѣйствовать совмѣстно такая смѣшная коллегія. Особенное недоумѣніе вызываетъ вопросъ, что дѣлать въ ней членамъ Академіи Наукъ. У науки одинъ критерій — критика научная и художественная, а тутъ академикамъ придется разрѣшать вопросы чисто полицейскіе. На какихъ, наконецъ, данныхъ будетъ подобная коллегія основывать свои рѣшенія? Безъ собственныхъ развѣдочныхъ органовъ она вынуждена будетъ обращаться за справками во всѣ вѣдомства. Такимъ образомъ, изъ *внѣвѣдомственной* она должна будетъ превратиться во *всевѣдомственную* и отъ всѣхъ вѣдомствъ зависимую; единоличное усмотрѣніе замѣнится усмотрѣніемъ коллегіальнымъ, что едва ли будетъ улучшеніемъ.»...

При обсужденіи ст. 140 цензурнаго устава, предоставлявшей министру внутреннихъ дѣлъ право, по соображеніямъ высшаго правительства, налагать печать молчанія на уста періодическихъ изданій по тому или другому вопросу государственной важности, статьи, выродившейся на практикѣ въ ничѣмъ не оправдываемыя запрещенія говорить о тотализаторѣ и о доппингѣ, о болѣзняхъ и перемѣщеніяхъ должностныхъ лицъ, о «поповкахъ» черноморскаго флота и т. п., — Ключевскій высказалъ, что статья эта представляется ему занесенною изъ какого-то другого документа и носитъ на себѣ слѣды болѣе литературной, чѣмъ законодательной обработки, судя по выраженіямъ, съ трудомъ поддающимся юридическому анализу («высшее правительство», «вопросы государственной важности»). Одна изъ главныхъ цѣлей этой статьи — предупредить разглашеніе тайнъ того или другого вѣдомства. Но эта цѣль касается больше скромности подвѣдомственныхъ канцелярій, чѣмъ самой печати. Это въ значительной мѣрѣ вопросъ служебной дисциплины, а не свободы печатнаго слова. Въ примѣненіи своемъ, эта статья иногда какъ будто стыдилась самой себя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — говорилъ намъ Ключевскій, — министръ народнаго просвѣщенія, во время студенческихъ волненій посѣщалъ въ Москвѣ высшія учебныя заведенія, говорилъ съ профессорами, успокоительно бесѣдовалъ со студентами. Но періодическая печать, удрученная циркулярами о безусловномъ запрещеніи печатать какія-либо извѣстія о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, молчала объ этихъ бесѣдахъ. Тогда по редакціямъ разосланъ былъ циркуляръ отъ 17 февраля 1902 года, разрѣшавшій или даже предписывавшій «болѣе свободно» печатать о министрѣ народнаго просвѣщенія. Лучше совсѣмъ отмѣнить спорную статью, чѣмъ улучшать ее какими-либо ограниченіями, которыя на практикѣ превратятся въ излишнія стѣсненія для печати. Предметы, печатное обсужденіе которыхъ *въ извѣстный моментъ* будетъ неудобнымъ, должны быть указаны въ общемъ законодательствѣ, а не въ спеціальномъ уставѣ о печати, и самое примѣненіе этихъ указаній нужно урегулировать какимъ-либо законодательнымъ способомъ, съ наименьшимъ участіемъ административнаго усмотрѣнія...

Особенно горячо выступалъ онъ нѣсколько разъ противъ сохраненія обособленной духовной цензуры. Онъ указывалъ, что надо *въ дѣйствительности* освободить печать отъ излишнихъ стѣсненій. Однимъ изъ нихъ несомнѣнно является духовная цензура. Отдѣлъ Устава объ этой цензурѣ, составленный въ 1828 г., на практикѣ привелъ къ чрезвычайному произволу, заставляющему не понимать, какъ могла еще существовать при немъ духовная литература. Нельзя разсматривать духовную цензуру, какъ спеціальную, въ родѣ медицинской или драматической. Цензурный уставъ дѣло полицейское, а церковь должна умѣть сама защищать себя. — Въ подтвержденіе своего взгляда на шаткость основаній, которыми руководится духовная цензура, онъ разсказалъ намъ, что разъ покойный Борисъ Николаевичъ Чичеринъ принесъ ему большую кипу листовъ, прося провести это черезъ духовную цензуру. Онъ далъ рукопись на просмотръ цензору, профессору московской духовной академіи, и чрезъ недѣлю тотъ сказалъ ему: «если вы формально представите намъ это сочиненіе, мы запретимъ, а если напечатаете, какъ свѣтское, мы придираться не будемъ». Такъ появилась замѣчательная книга Чичерина «Наука и религія». Въ своихъ возраженіяхъ защитникамъ этой цензуры Ключевскій очертилъ ея своеобразную исторію. «Практика сначала пыталась создать цензуру *мнѣній*, — говорилъ онъ, — но это не удалось, и явилась цензура *корректуръ*. Цензоръ поправлялъ корректуру, выбрасывалъ одно, вставлялъ отъ себя другое, измѣнялъ третье, и такъ появилась цѣлая литература поддѣльныхъ книгъ, въ которыхъ подъ именемъ автора печатался цензоръ. Къ шестидесятымъ годамъ развитіе литературы пошло такъ широко, что духовная цензура не могла его удержать, и потому гражданскою литературою перестала интересоваться, а остановилась на произведеніяхъ людей своего вѣдомства, сдѣлалась цензурою писателей изъ духовнаго зѣдомства. Я удивляюсь, какъ еще сохранилась у молодежи энергія работать. Изъ корректурной обратясь въ сословную, цензура стала преслѣдовать авторовъ изъ своего вѣдомства и стала сливаться съ критикою. Тутъ и не разберешь, гдѣ кончается разборъ чужого мнѣнія и гдѣ начинается полемика съ чужимъ мнѣніемъ.

Полный произволъ: цензоръ, не уполномоченный церковью и не обладающій авторитетомъ церкви, говоритъ автору, что сочиненіе не годится, и писатель долженъ подчиниться»... Особенно горячо возсталъ онъ противъ предложенія епископа Антонина о необходимости включить въ Уставъ о печати постановленіе о правѣ церковной власти провѣрять содержаніе духовныхъ книгъ и высказывать по нему свой судъ и осужденіе. «Никогда съ этимъ не соглашусь! — воскликнулъ Ключевскій. — Уставъ — полицейское дѣло! У Церкви есть право обличенія, вразумленія, поученія, все это права чисто нравственнаго свойства, этого и довольно. Но избави Богъ, если будетъ включено въ Уставъ о печати право Церкви высказываться о содержаніи печатныхъ произведеній и произносить по нимъ свой судъ! Какъ примирить институтъ духовной цензуры съ тѣмъ общимъ положеніемъ, что единственный критерій вѣры — Евангеліе и что единственный судья его толкованія — Вселенскій Соборъ? Ни право Церкви высказывать свое сужденіе, ни право писателя получать одобреніе Св. Синода — не дѣло Устава о цензурѣ. У Церкви есть одинъ только авторитетъ — Священное Писаніе. Ужели имѣется въ виду создать и въ Россіи index librorum prohibitorum, какъ на Западѣ? Тамъ этотъ индексъ представляетъ изъ себя книгу въ 900 страницъ, съ очень любопытными отзывами. Были попытки въ древней Руси составить списки «отреченныхъ» книгъ, но, слава Богу, эти попытки не удались нашимъ предкамъ; не привилось у насъ это шпіонство религіозныхъ убѣжденій, и къ концу XVI вѣка списки запретныхъ книгъ исчезли изъ употребленія. У Церкви нѣтъ власти, а только нравственный авторитетъ. Всякая власть есть, *по необходимости*, насиліе, а Церковь должна быть чужда насилія».

Въ концѣ мая 1905 года Ключевскій вернулся въ Москву. Но событія смѣнялись такъ быстро и неожиданно, вліяя на взгляды и настроенія, что въ концѣ іюля онъ вновь прибылъ въ Петербургъ для принятія участія въ другомъ совѣщаніи, имѣвшемъ гораздо болѣе важную задачу, окончательно выразившуюся въ указѣ Сенату 6 августа 1905 года объ учрежденіи законосовѣщательной Государственной Думы. Намъ не удалось увидѣться, такъ какъ я проводилъ лѣто въ Сестрорѣцкомъ курортѣ,

откуда выѣзжалъ рѣдко, но я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, что Ключевскому пришлось отстаивать сохраненіе за Думой права законодательнаго почина и безсословность выборовъ въ нее, ссылаясь на то, что его — историка и знатока народной души и міросозерцанія — пугаютъ послѣдствія возникновенія въ народномъ воображеніи представленія о сословномъ Царѣ, блюдущемъ интересы лишь одного какого-либо класса своего государства. Осенью 1905 года онъ писалъ мнѣ: «Вмѣстѣ со всѣми, кому дороги успѣхи русскаго общественнаго правосознанія и русскаго свободнаго слова, привѣтствую васъ глубокимъ товарищескимъ поклономъ въ день исполнившагося сорокалѣтія вашей службы. Тревожныя дѣла въ университетѣ, къ прискорбію моему, не позволяютъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ и лично поздравить васъ. Лѣтомъ я много жалѣлъ, что уже не засталъ васъ въ Петербургѣ, а суета и тревоги, среди которыхъ проходили мои петербургскіе дни, помѣшали мнѣ навѣстить васъ въ Сестрорѣцкѣ: мнѣ очень недоставало вашего общества и совѣта о текущихъ событіяхъ». Мы видѣлись въ послѣдній разъ — на очень короткое время. — когда онъ пріѣзжалъ на выборы въ Государственный Совѣтъ отъ Академіи и университетовъ. Хотя и уклонившись отъ принятія званія члена Государственнаго Совѣта и всецѣло отдавшись своей ученой жизни, а затѣмъ тяжко потрясенный семейной утратой, онъ, тѣмъ не менѣе, судя по одному изъ писемъ ко мнѣ, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми «муками рожденія» нашего обновляемаго государственнаго строя. Онъ высоко цѣнилъ самый фактъ существованія Государственной Думы и не раздѣлялъ тѣхъ порицаній и опасеній, которыя вызвали роспускъ Думы перваго призыва, очень его взволновавшій. «Присматриваясь къ дѣятельности этой Думы,—писалъ онъ мнѣ 21 іюля 1906 года,—я былъ вынужденъ признать два факта, которыхъ не ожидалъ: это—быстрота, съ какою сложился въ народѣ взглядъ на нее, какъ на самый надежный органъ законодательной власти, и потомъ безспорная умѣренность господствующаго настроенія, ею проявленнаго. Это настроеніе авторитетнаго въ народѣ учрежденія неизмѣримо умѣреннѣе той революціонной волны, которая начинаетъ насъ заливать, и суще-

ствованіе Думы — это самое меньшее, цѣною чего можетъ-быть достигнуто безкровное успокоеніе страны». Гораздо суровѣе относился онъ къ Верхней Палатѣ того времени, упрекая ее въ дилетантизмѣ и склонности къ застою...

Членъ-корреспондентъ въ 1889 году и вслѣдъ затѣмъ съ 1900 года ординарный академикъ историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, Ключевскій по непререкаемому праву вошелъ въ среду высшаго ученаго учрежденія Россіи. Но въ составѣ Академіи съ 1899 года былъ образованъ Разрядъ изящной словесности, а Ключевскій, независимо отъ своихъ ученыхъ заслугъ, былъ выдающійся художникъ, мастеръ русскаго слова и стилистъ. Члены Разряда могли сказать про него, повторяя извѣстное изреченіе: «rien ne manque à sa gloire — il manque à la nôtre», и въ ноябрѣ 1908 года онъ, по моему предложенію, былъ единогласно избранъ въ почетные академики даже безъ баллотировки. На извѣщеніе мое объ этомъ онъ отвѣтилъ письмомъ отъ 13 ноября, которое позволяю себѣ привести цѣликомъ, въ виду высказанныхъ въ немъ взглядовъ на значеніе писателей, какъ общественныхъ типовъ. «Пребольшое вамъ спасибо,— пишетъ онъ,—за ваше участіе въ моемъ избраніи. Оно смутило меня; читая извѣстительную телеграмму, я спросилъ себя: за что? Но въ подписяхъ я прочиталъ имена, которыя привыкъ произносить съ глубокимъ уваженіемъ и любовью, и они меня успокоили. Вы спрашиваете, какъ мнѣ живется? И такъ и сякъ. Лѣто закончилъ воспаленіемъ горла, поправился въ Крыму, а теперь опять расклеиваюсь, простужаюсь то и дѣло. Эти передряги и мѣшали мнѣ быть исправнымъ вашимъ корреспондентомъ. Но не вините меня за то строго: я умѣю цѣнить ваши письма и только не умѣю своевременно отвѣчать на нихъ. Не знаю, какъ благодарить васъ за присланную вами статью о гр. Л. Н. Толстомъ и за «Отрывки изъ воспоминаній». Не буду разборчивъ въ выраженіяхъ, напишу первыми попавшимися словами. Во-первыхъ, «Отрывки» заставили меня пережить чуть ли не половину моей жизни, 60-ые, 70-ые и 80-ые гг. минувшаго столѣтія, и это вторичное переживанье пополнило мои личныя воспоминанія и во многомъ ихъ исправило. А потомъ вы прямо-таки открыли мнѣ Тургенева, Достоевскаго,

Некрасова, Писемскаго, превратили литературные силуэты, какими они мнѣ представлялись, въ живые, яркіе образы. И знаете, за что я вамъ особенно благодаренъ? Изъ вашихъ разсказовъ, столь для меня новыхъ, я не вынесъ разочарованій, напротивъ, обогатилъ только запасъ своихъ сочувствій: въ ежедневной дѣйствительности, какъ вы изобразили этихъ мастеровъ, въ конкретнѣйшихъ, иногда мелкихъ случаяхъ ихъ жизни, вами разсказанныхъ, они не менѣе привлекательны, даже нерѣдко привлекательнѣе, чѣмъ въ своихъ произведеніяхъ. Сколько въ нихъ, думалось мнѣ при чтеніи вашихъ воспоминаній, — сколько въ нихъ историческаго и вмѣстѣ сколько трагическаго! Не каждый изъ нихъ носилъ на шейномъ шнуркѣ мундштукъ вмѣсто креста подобно Писемскому; но на плечахъ каждаго, не исключая и Писемскаго, тяготѣетъ крестъ русской жизни. Желалъ бы я видѣть смѣльчака, историка *той*, т.-е. нашей эпохи, который рѣшился бы обойтись безъ Тургенева, Достоевскаго и т. д. не въ главѣ о литературѣ, а въ отдѣлѣ объ общественныхъ типахъ, и вамъ въ этомъ отдѣлѣ волей-неволей придется занять въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мѣсто пушкинскаго Пимена. — Только что прочиталъ продолженіе вашихъ судебныхъ воспоминаній въ послѣдней книжкѣ «Русской Старины». Это — изнанка той же эпохи, и можно только позавидовать безгрѣшной завистью, съ какихъ разнообразныхъ сторонъ пришлось вамъ взглянуть на жизнь своего времени. Новые разсказы поразили меня не менѣе прежнихъ. Семья чиновника NN останется въ моей памяти такимъ же *глубокимъ рубцомъ*, какъ и игуменья Митрофанія. Не сердитесь на меня, дорогой Анатолій Ѳедоровичъ, за мои признанія: я знаю, они вамъ не нужны; но вы вѣдь въ нихъ виноваты. Вы спрашиваете, прислать ли ваши рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ объ университетѣ Шанявскаго и по другимъ вопросамъ? — Я прошу васъ объ этомъ. Мало того: я надѣюсь, пріѣхавъ въ Петербургъ (чего на свѣтѣ не бываетъ!), услышать вашъ разсказъ объ одномъ дѣлѣ, вами мнѣ обѣщанный. Видите, какъ я иногда памятливъ. Я былъ очень огорченъ извѣстіемъ о прекращеніи «Вѣстника Европы»: безъ «Вѣстника Европы» я не понимаю русской журналистики, какъ не понимаю очковъ безъ стеколъ. Но слава Богу: очки оста-

нутся со стеклами. Хотѣлось бы узнать что-нибудь о М. М. Стасюлевичѣ. Хорошо помню его «день субботній». До свиданія. Не обходите меня ни письмами, ни литературными произведеніями: тѣ и другія для меня лѣкарства отъ моихъ недуговъ. Душевно Вамъ преданный В. Ключевскій».

Согласно его желанію, я посылалъ ему стенографическіе отчеты засѣданій Верхней Палаты по вопросамъ особой важности и обѣщалъ прислать таковой и по обсужденію законопроекта о свободѣ совѣсти, вопросъ о которой онъ въ нашихъ бесѣдахъ считалъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ и неотложныхъ. Но этого сдѣлать не пришлось. Засѣданія по законопроекту произошли уже чрезъ полгода послѣ того, какъ навсегда смежились глаза моего стараго университетскаго товарища. Можетъ-быть, это для него и къ лучшему... Едва ли въ памяти покойнаго не «остались бы рубцомъ», — самая возможность — послѣ великодушныхъ возвѣщеній указа 23 апрѣля 1905 года — беззастѣнчиваго предложенія лишать переходящихъ изъ православія въ другія христіанскія исповѣданія права поступать на государственную службу, а уже находящихся на ней исключать изъ нея, или принятіе большинствомъ поправки объ обращеніи въ православную вѣру малолѣтнихъ иновѣрцевъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, безъ согласія ихъ родителей.

Съ горечью пришлось узнать о кончинѣ Василія Осиповича... Онъ такъ много еще могъ бы дать русской наукѣ и русскому обществу, владѣя тайной художественнаго внушенія и имѣя даръ внушенія нравственнаго, — вліяя на читателя и слушателя одновременно и красотою и совѣстью своего таланта... Но тотъ же цитированный мною вначалѣ поэтъ сказалъ: «всякое пламя приноситъ себя въ жертву: чѣмъ ярче оно пылаетъ, тѣмъ ближе оно къ гибели...».

VI.

„Вѣстникъ Европы".

(Февраль 1911 г.).

Въ старомъ редакціонномъ кабинетѣ «Вѣстника Европы», съ окнами, выходящими на узкій дворъ многоэтажнаго дома, надъ которымъ тяжело нависло унылое петербургское небо, — пусто... Все въ немъ потемнѣло и многое потерпѣло отъ времени, но каждая вещь, каждый портретъ связаны съ дорогими воспоминаніями о тѣхъ, кто былъ близокъ къ хозяину. А большинство близкихъ были люди, выдающіеся своими талантами и общественными заслугами. Въ кабинетѣ этомъ въ теченіе сорока лѣтъ чувствовалось біеніе пульса передовой части русскаго общества, съ ея разумными требованіями и жизненными потребностями, — съ ея надеждами, разочарованіями и скорбями. По обмѣну мыслей, здѣсь происходившему въ дружеской и довѣрчивой бесѣдѣ, можно было судить о состояніи этого пульса, — рѣдко полнаго, часто «нитевиднаго», въ послѣдніе годы лихорадочнаго — и ставить приблизительный діагнозъ для всего организма. Здѣсь, за рабочимъ столомъ, забаррикадированный громоздкими изданіями Ровинскаго, многіе годы засѣдалъ Пыпинъ, «мудрый, какъ змій, и чистый, какъ голубь». Здѣсь бывалъ Костомаровъ, умѣвшій переплетать глубокое знаніе прошедшаго со своеобразнымъ юморомъ по отношенію къ настоящему. Сюда вторгался кишучій, полный жизни и новыхъ оригинальныхъ взглядовъ Владиміръ Стасовъ. Здѣсь раздавалась неуклюжая и порывистая, но полная глубокаго содержанія и ума рѣчь Спасовича. Здѣсь появлялись бла-

городные, нелицемѣрные слуги и проводители въ жизнь великихъ реформъ Александра II — К. К. Гротъ и «человѣколюбивый стражъ закона» В. А. Арцимовичъ; блисталъ знаніемъ Россіи и вѣрой въ нее и загорался въ спорахъ Кавелинъ, и сиживалъ въ глубокой задумчивости, поглощенный внутренней работой духа, илп острилъ и заливался дѣтскимъ незлобивымъ смѣхомъ Владиміръ Соловьевъ. Здѣсь наконецъ, часто появлялись Тургеневъ и Гончаровъ, Алексѣй Жемчужниковъ, Сѣченовъ и Ключевскій. Ихъ всѣхъ, несмотря на разнообразіе ихъ темпераментовъ и частичныхъ взглядовъ, соединялъ и объединялъ хозяинъ своимъ спокойнымъ радушіемъ и участливымъ пониманіемъ, чуждымъ фамильярности, но проникнутымъ тою внимательностью, за которою чувствуется стыдливое во внѣшнихъ проявленіяхъ, но чуткое сердце. Кажется, что сейчасъ въ свой опустѣвшій кабинетъ войдетъ и онъ самъ и усядется за свой рабочій столъ, за которымъ проводилъ долгіе часы невидной, упорной и трудной редакторской работы, смѣнявшейся собираніемъ и изученіемъ матеріаловъ по городскому общественному управленію и составленіемъ отчетовъ и докладовъ по народному образованію. Онъ войдетъ, какъ всегда, бодрый и привѣтливый, тщательно одѣтый, со старческимъ румянцемъ на оживленномъ лицѣ, обрамленномъ сѣдою бородою, и вдумчиво отзовется — часто облекая свою мысль въ форму остроумной шутки — на то, что волнуетъ или занимаетъ пришедшаго.

Но онъ не войдетъ... На стѣнкѣ кабинета, на которой онъ укрѣплялъ, подавляя невольный вздохъ, портреты умершихъ «сотрудниковъ жизни», можетъ отнынѣ по праву прибавиться и его изображеніе. Да! и онъ былъ «сотрудникомъ жизни» не только окружавшихъ, не только занявшихъ мѣсто на этой стѣнкѣ, но и сотрудникомъ общественной жизни своей родины, никогда не терявшимъ бодрости, не опускавшимъ рукъ «въ нѣмомъ бездѣйствіи печали» и не терявшимъ вѣры въ право и способность своего народа на лучшее будущее. На своей профессорской каѳедрѣ въ петербургскомъ университетѣ и въ своихъ ученыхъ работахъ онъ умѣлъ одновременно быть, слѣдуя выраженію Бэкона, и муравьемъ, собирающимъ матеріалъ, и пчелою, распре-

дѣлящею его: умѣлъ вносить въ преподаваніе исторіи философію исторіи, присматриваясь къ событіямъ прошлаго, какъ къ одновременному пророчеству, приговору и откровенію общечеловѣческихъ идей. Но когда онъ почувствовалъ себя нравственно обязаннымъ оставить эту каѳедру, онъ сдѣлалъ это безъ малодушныхъ колебаній и отдался кабинетному труду редактора ученаго сборника. Этотъ сборникъ — «Вѣстникъ Европы» — силою назрѣвшей общественной потребности обратился въ литературно-политическій журналъ, и Стасюлевичу пришлось сразу стать на боевой постъ. Это было время крутого перелома въ офиціальныхъ взглядахъ на задачи и характеръ средней школы. Вмѣсто гуманизма, лучшимъ представителемъ котораго былъ Пироговъ съ его «Вопросами жизни», сталъ насаждаться Толстовскій псевдо-классицизмъ, заимствовавшій изъ античнаго міра одни убивающія «душу живу» грамматическія упражненія и — быть можетъ сознательно — проглядѣвшій античный духъ и его безсмертные образы. Рекомендованная великимъ врачемъ-педагогомъ цѣль средней школы — «воспитать *человѣка*», который сумѣетъ «быть, *а не казаться*», — была извращена ради политической задачи: втиснуть живую впечатлительность отрочества въ узкія рамки мертвящей схоластики. Въ своемъ журналѣ Стасюлевичъ бросилъ вызовъ этой системѣ и во всеоружіи знанія, опыта и дѣятельной любви къ подрастающему поколѣнію, настойчиво, «ohne Hast, ohne Rast», пошелъ по преисполненному терній и огорченій пути печатной борьбы съ тѣми, кого онъ — заимствуя это выраженіе у Гюго изъ «L'homme qui rit» — называлъ «компрачикосами».

Долгіе годы упорствовалъ онъ въ этой борьбѣ, постоянно расширяя ея поле, по мѣрѣ того, какъ подвергались суженію и разнообразному членовредительству реформы Александра II. Руководимый имъ «Вѣстникъ Европы» въ сдержанныхъ по формѣ, но сильныхъ и глубокихъ по содержанію статьяхъ, постоянно и неуклонно проводилъ мысль, прекрасно выраженную Ламартиномъ, сказавшимъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Національномъ Собраніи: «Il y a quelque chose de plus cruel que la cruauté personnelle — c'est la cruauté froide d'un système faux».

Все, что въ политикѣ нашего внутренняго управленія обличало временно торжествующее, но тщетное и утопическое желаніе остановить ходъ исторіи, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ представителей этого направленія въ жизни и печати, должна была начинаться *съ нихъ*, — встрѣчало отпоръ разносторонней и правдивой критики на страницахъ «Вѣстника Европы». Редакторъ изъ года въ годъ усидчиво, неустанно и твердо правилъ рулемъ того «большого корабля» въ нашей журналистикѣ, который былъ имъ построенъ, зорко наблюдая, чтобы корабль этотъ совершалъ свой путь, по Петровскому выраженію, «не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняяся страстями». Это было нелегко... Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, предшествовавшія 1904 — 1905 гг., фарватеръ для плаванія очень сузился и сталъ изобиловать мелями и подводными камнями. Въ отечествѣ нашемъ, *богатомъ* возможностями и *бѣдномъ* дѣйствительностью, съ начала этого времени стали раздаваться, въ тонѣ торжествующей неотразимости, забытыя послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ слова и проводиться давно отвергнутые взгляды, всплывавшіе на поверхность подобно тѣламъ утопленниковъ. Характеризуя это время, Стасюлевичъ писалъ одному изъ своихъ сотрудниковъ: «не помню, кто именно сказалъ, что есть архитекторы, которые думаютъ, что надо заложить камнями трубы, чтобы печи перестали дымить, а когда дымъ идетъ назадъ, они сердятся и неспособны догадаться, что всему виною ихъ невѣжество. Это невѣжество ползетъ теперь со всѣхъ сторонъ». «Вѣстнику Европы» приходилось изъ мѣсяца въ мѣсяцъ оправдывать тѣ начала, которыя считались почти непререкаемыми во время его основанія, — упорствовать въ защитѣ учрежденій, которымъ подъ видомъ *перестроенія* грозило *разрушеніе*, и итти своей дорогой подъ ядовитые упреки въ «прямолинейномъ либерализмѣ». И это надо было дѣлать среди разныхъ препятствій, съ тревожнымъ ожиданіемъ выпуска книжки изъ цензурнаго «чистилища», съ призывами редактора «для объясненій», съ перенесеніемъ недомоганья «переверстки» и тяжелыхъ операцій вырѣзыванія статей, подъ Дамокловымъ мечомъ двухъ предостереженій, для которыхъ не существовало давности, — дѣлать, сохра-

няя наружное спокойствіе, серьезное приличіе тона и отнюдь не вступая въ бранчивую полемику, однимъ словомъ, слѣдовало осуществлять старый латинскій завѣтъ: Certa viriliter sustine patienter! Въ одномъ изъ писемъ своихъ, относящихся къ 1890-му году, описывая свои цензурныя «злоключенія», онъ цитировалъ стихи — кажется Щербины:

«У насъ чужая голова,
«А убѣжденья сердца хрупки,
«Мы—*европейскія* слова
«И—*азіатскіе* поступки».

Одна критика и отмѣтка печальныхъ явленій дѣйствительности лишь со слабой надеждой на пробужденіе когда-нибудь творческихъ силъ въ другомъ направленіи, на возвращеніе законодательной жизни въ покинутое русло прерванныхъ преобразованій — не могли удовлетворять запросовъ созидательнаго ума Стасюлевича. Ему нуженъ былъ выходъ — и онъ нашелся въ видѣ дѣятельнаго, свыше тридцатилѣтняго, участія въ общественномъ самоуправленіи Петербурга. Усердно работая по всѣмъ общимъ вопросамъ этого самоуправленія, участвуя «прилежно» въ засѣданіяхъ городской думы и тѣхъ ея комиссій, въ которыхъ онъ бывалъ членомъ и предсѣдателемъ, Стасюлевичъ въ особенности облюбовалъ себѣ одну отрасль работы на пользу городского населенія: народное образованіе. Этому дѣлу онъ отдался всей душой. Помыслы и заботы о немъ неразрывно сплелись съ его существованіемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Предсѣдатель комиссій по водоснабженію и по народному образованію, почетный мировой судья, историкъ дѣятельности Думы по осуществленію Городового Положенія, не искаженнаго послѣдующею реформою 1892-го года, — почти постоянный делегатъ города въ земствѣ, онъ заработалъ себѣ завидное право сказать, что послужилъ и городу Петербургу и народному образованію всѣми силами души. Но надо было видѣть его на освященіяхъ новыхъ обширныхъ училищныхъ зданій, на актахъ и школьныхъ праздествахъ, среди толпы собранныхъ имъ дѣтей, надо было посѣтить вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько городскихъ училищъ, чтобы понять, сколько любящаго сердца и дѣятельной воли вкладывалъ онъ

именно въ школьное дѣло... Не даромъ, принявъ въ свое завѣдываніе 262 городскихъ училища и восемь воскресныхъ школъ, онъ черезъ десять лѣтъ оставилъ 344 училища, съ 22-мя тысячами учащихся, и 22 воскресныхъ школы. Переживший на два года золотую свадьбу своей безмятежной семейной жизни, онъ не имѣлъ потомства — и сердце его широко открылось для чужихъ дѣтей, раскрывъ въ своей глубинѣ сокровища чувства и пониманія, скрытыя для невнимательнаго взгляда его внѣшнимъ «сухимъ», по мнѣнію поверхностныхъ наблюдателей, обличіемъ. «Ахъ! — писалъ онъ мнѣ за границу въ 1888-мъ году — какъ жаль, что вы не могли вмѣстѣ со мною быть на годовомъ актѣ городскихъ училищъ въ большомъ залѣ Думы, взглянуть на эти ангельскія личики, слышать ихъ сладкое пѣніе и видѣть ихъ радость! Я не могъ съ ними разстаться и все удерживался, чтобы не прослезиться. А если мы пройдемъ чрезъ Кавдинское ущелье въ образѣ разныхъ препятствій и возраженій, у насъ чрезъ годъ будетъ еще нѣсколько училищъ»... Но не въ одномъ дѣлѣ народнаго образованія послужилъ онъ Петербургу. Его настойчивости и энергіи обязана столица устройствомъ водопроводныхъ фильтровъ въ 1889-мъ году. Теперь они — безъ разныхъ техническихъ усовершенствованій и переустройства — не удовлетворяютъ нуждѣ въ совершенно чистой водѣ, но въ свое время составили огромный шагъ впередъ въ санитарномъ отношеніи.

Эти двѣ дѣятельности — городская и редакторская — поглощали все время Стасюлевича, давно уже заставивъ его отказаться отъ какихъ-либо развлеченій или свѣтскихъ общественныхъ собраній. Но въ предѣлахъ ихъ трудовая жизнь его текла, несмотря на переживаемыя имъ внутреннія тревоги, размѣренно и со спокойствіемъ строгой точности. Лишь однажды эта уравновѣшенность въ дѣятельности Стасюлевича подверглась опасности поколебаться. Я живо помню ночь на 1-е января 1881-го года, когда всѣ обычные собесѣдники за «круглымъ столомъ», собравшись встрѣчать Новый годъ у Стасюлевичей, терпѣливо ждали до 2-хъ часовъ появленія совсѣмъ еще сырого перваго номера «Порядка» и пили за процвѣтаніе и долголѣтіе послѣдняго. Это было осуществленіемъ давнишней мысли Стасюлевича о необходимости изданія

большой политической газеты одного направленія съ «Вѣстникомъ Европы». Казалось, что многое слагалось благопріятно для успѣха такого предпріятія. Со вступленіемъ графа Лорисъ-Меликова въ управленіе внутренными дѣлами повѣяло свѣжимъ воздухомъ, съ печати фактически были сняты наиболѣе тяжелыя путы, а рядъ сенаторскихъ ревизій и предположенный созывъ свѣдущихъ людей для обсужденія того, что будетъ этими ревизіями открыто, знаменовали собою, хотя и довольно робкіе, но все-таки несомнѣнные шаги по пути къ дальнѣйшему политическому развитію общества... Стасюлевичъ со свойственною ему систематичностью взялся за мысль о новомъ изданіи, дававшемъ возможность ежедневно бесѣдовать съ читателями о «злобѣ дня» не въ прошломъ, а въ животрепещущемъ настоящемъ. Такъ возникъ «Правовой Порядокъ», при чемъ первая часть этого названія подверглась цензурному усѣкновенію. Какъ выраженіе настроенія присутствующихъ, былъ произнесенъ шутливый тостъ, во вкусѣ хозяина, тогда же записанный имъ «на память» и подписанный всѣми. «Я желаю — было сказано предложившимъ тостъ, — чтобъ новорожденный, вопреки законамъ природы и природѣ вещей, *пошелъ* съ перваго же дня; чтобы всѣ почувствовали, что у него сразу прорѣзались *всѣ зубы;* чтобы никакая административная няня не налагала на него *пеленокъ* и свивальниковъ; чтобы, вопреки своему имени, всѣхъ своихъ супротивниковъ онъ приводилъ въ *безпорядокъ;* чтобы онъ учился говорить медленно и долго, такъ что многіе, многіе годы отъ него слышали бы постоянно *новое слово;* чтобы заботливые родители охраняли его отъ *водяной,* и, если ему суждено болѣть, то чтобы его постигла лишь *англійская болѣзнь,* и чтобы — болѣе чѣмъ странное желаніе! — онъ съ перваго же дня началъ плодиться и размножаться». И дѣйствительно, съ первыхъ же своихъ номеровъ «Порядокъ» занялъ видное и достойное мѣсто во вседневной печати, неуклонно разбирая общественные вопросы съ точки зрѣнія права и нравственнаго долга и давая читателямъ, между прочимъ, такія чудныя вещи, какъ Тургеневскіе «Отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ». Но роковое и ужасное событіе 1-го марта 1881-го года, печальнымъ образомъ отозвавшееся на разныхъ сторонахъ общественной жизни, не прошло безъ послѣдствій и для

новой газеты. Подкошенный воспрещеніемъ розничной продажи и затѣмъ пріостановкой на шесть недѣль, «Порядокъ» просуществовалъ лишь одинъ годъ, принеся издателю-редактору немало матеріальнаго ущерба и моральныхъ тревогъ и огорченій. Между послѣдними на первомъ планѣ, конечно, стояли административныя кары и объясненія съ цензурнымъ вѣдомствомъ. «Читаете ли вы «Порядокъ»? — писалъ Стасюлевичъ мнѣ за границу въ августѣ 1881-го года. — «По нему вы можете судить, что мы строго выдерживаемъ щедринскую программу: «тихо, благородно — и при томъ свободно»... и переливаемъ изъ пустого въ порожнее, но все-таки находятъ, — была опять *бесѣда*, — что мы и это невинное занятіе выполняемъ съ какою-то продерзостью: исторія съ «Голосомъ» — лучшая иллюстрація нашего времени». Но независимо отъ этого и между вліятельными сотрудниками произошли большія разногласія по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія, а поставщики фельетоновъ и литературныхъ обозрѣній оказались болѣе аккуратными въ истребованіи «авансовъ», чѣмъ въ доставленіи своей работы. Тяжелые часы и дни переживалъ въ это время Стасюлевичъ. Независимо отъ весьма чувствительныхъ матеріальныхъ жертвъ, «Порядокъ» требовалъ отъ редактора изнурительнаго и лихорадочнаго труда. Послѣднему приходилось иногда, при содѣйствіи кого-либо одного изъ не только «вѣрныхъ», но и «достовѣрныхъ» сотрудниковъ, работать, не разгибая спины, до поздней ночи, исправляя, составляя и сопоставляя передовыя статьи, замѣтки по «злобамъ дня», фельетоны и некрологи. Каторжный трудъ одновременнаго редактированія двухъ изданій, при щепетильно добросовѣстномъ отношеніи Стасюлевича къ своимъ обязанностямъ, огорчительныя мелочи и тревожныя для печати крупныя явленія жизни не могли не вліять на его здоровье и душевное спокойствіе. Онъ проводилъ остатокъ своей ночи безъ подкрѣпляющаго сна, въ полудремотѣ, прерываемой нервными пробужденіями. Въ письмахъ его проскальзывали невольные вздохи измученной души, которые онъ тщетно старался заглушить игрою словъ, какою-нибудь шуткой, латинскимъ изреченіемъ или цитатой изъ «Козьмы Пруткова». Но по внѣшности онъ постоянно умѣлъ казаться ровнымъ и спокойнымъ.

Его наружная сдержанность, въ связи съ рѣдкою, столь необычною въ наше время вѣжливостью, создала ему среди незнавшихъ его близко репутацію душевной сухости. А между тѣмъ, этотъ «холодно корректный» и «застегнутый на всѣ пуговицы» человѣкъ, строго аккуратный и вѣчно занятой, никогда не имѣвшій времени на «пустопорожніе» разговоры — преображался весь и становился отзывчивымъ, когда передъ нимъ возникала дѣйствительная потребность въ помощи, сочувствіи, добромъ словѣ, а нерѣдко и добромъ дѣлѣ, которое онъ умѣлъ дѣлать такъ, что оно было слышно и видно лишь для того, кого оно касалось. Но желавшій поговорить просто для того, чтобы «убить (ужасное по своему — именно у насъ — значенію выраженіе) время» — встрѣчалъ въ немъ холодный отпоръ скучающаго молчанія. Онъ, подобно многимъ, поставленнымъ въ такое положеніе, по-своему глубоко сочувствовалъ словамъ Чехова въ «Домѣ съ мезониномъ»: «сотни верстъ пустынной, однообразной, выгорѣвшей степи не могутъ нагнать такого уныніи, какъ одинъ человѣкъ, когда онъ сидитъ, безцѣльно говоритъ и неизвѣстно, когда онъ уйдетъ»...

Онъ весь былъ поглощенъ своимъ дѣломъ и, входя во всѣ мелочи, любилъ все дѣлать самъ. Ни одна строчка, ни одинъ знакъ препинанія не проходили въ «Вѣстникѣ Европы» безъ его тщательной провѣрки. То же самое примѣнялъ онъ и къ разнымъ изданіямъ, проходившимъ чрезъ его строгія и требовательныя въ смыслѣ точности руки. Я не могу безъ внутренней улыбки вспомнить, какъ лѣтомъ 1878 года въ бретонскомъ городкѣ Динарѣ онъ жаловался мнѣ, показывая на лежавшую предъ нимъ корректуру стереотипнаго изданія «Записокъ охотника», на свое нездоровье, мѣшающее ему исправить ее къ предназначенному имъ сроку. «Да дайте ее мнѣ, — сказалъ я, — я исправлю ее за васъ». Стасюлевичъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ тревожнымъ выраженіемъ, съ какимъ смотрятъ на тихаго сумасшедшаго, могущаго, однако, впасть въ опасное буйство, и, не отвѣчая мнѣ, свернулъ корректуру и поспѣшно заперъ въ ящикъ стола, очевидно, предоставляя мнѣ самому понять всю чудовищную неосновательность сдѣланнаго *ему* предложенія...

Держась правила царя Алексѣя Михайловича: «дѣлу время — потѣхѣ часъ» и понимая подъ этой потѣхой обмѣнъ мыслей съ друзьями за своей гостепріимной еженедѣльной трапезой, онъ умѣлъ не расточать своего времени попусту и не придавалъ никакой цѣны такъ называемымъ «добрымъ малымъ». На мой отзывъ о комъ-то съ прибавкой такого эпитета, онъ сказалъ мнѣ однажды: «знаете ли — я убѣдился въ жизни, что эти *добрые малые* на практикѣ обыкновенно оказываются *мало добрыми*»... Поэтому онъ вступалъ въ интимность далеко не съ каждымъ, зная по опыту, что у насъ привыкли считать однимъ изъ достоинствъ человѣка готовность имѣть «душу на-распашку» и предоставлять каждому безъ разбора залѣзать въ нее, заглядывая съ безцеремоннымъ и бездушнымъ любопытствомъ въ ея сокровенные уголки и, нерѣдко наплевавъ кругомъ, уходитъ, оставивъ открытыми двери, покуда прозрѣвшій, наконецъ, хозяинъ души не запретъ ихъ на замокъ, впуская только избранныхъ... Мнѣніе о черствости Стасюлевича было такъ же неосновательно, какъ представленіе о немъ, какъ о крайнемъ радикалѣ и «красномъ». Послѣдній эпитетъ, одно время щедро раздававшійся по отношенію ко всѣмъ, кто рѣшался «смѣть свое сужденіе имѣть» въ средѣ, гдѣ даже сложилось удивительное, хотя и общеупотребительное выраженіе: «*позволяю* себѣ *думать*» — былъ, впрочемъ, въ одномъ отношеніи справедливъ: Стасюлевичъ до конца своихъ дней сохранилъ способность краснѣть... за другихъ. Любившій родину настоящей любовью, желавшій ей спокойнаго, органическаго развитія, чуждаго судорожныхъ скачковъ и малодушныхъ отступленій, онъ никогда не держался крайнихъ взглядовъ и не сочувствовалъ вытекающимъ изъ нихъ практическимъ мѣрамъ, съ какой бы изъ противоположныхъ сторонъ онѣ ни рекомендовались. Его самоотверженная, любвеобильная дѣятельность по народному образованію была совершенно свободна отъ всякихъ предвзятыхъ, односторонніхъ пріемовъ; все, имъ дѣлаемое въ этой области, вытекало лишь изъ *объективнаго* существа дѣла, не прошедшаго ни чрезъ какую *субъективную* призму. А его «Вѣстникъ Европы» былъ старымъ, привычнымъ, надежнымъ и вѣрнымъ своему слову другомъ читателя, приходившимъ въ своей красной обложкѣ въ на-

чалѣ каждаго мѣсяца, чтобы бесѣдовать въ разныхъ формахъ, начиная съ художественной и научной и кончая критической, о пестрыхъ явленіяхъ общественной жизни, — чтобы удерживать отъ погруженія въ тину эгоизма и апатіи и, среди ослѣпленныхъ озлобленій, изрекать спокойное слово, призывающее уважать человѣческую личность, быть широко терпимымъ къ священнымъ вопросамъ человѣческаго духа и служить законной свободѣ, во всѣхъ ея видахъ. Стасюлевичъ, со своимъ яснымъ, предусмотрительнымъ умомъ, любовью къ порядку и труду, со своими организаторскими способностями, былъ созданъ изъ матеріи «dont on fait les ministres», какъ говорятъ французы, и лишь близорукая предвзятость могла считать этого явнаго слугу и поборника законной гражданской свободы тайнымъ врагомъ общественнаго порядка. А между тѣмъ именно эта предвзятость повліяла въ свое время на неутвержденіе его товарищемъ городского головы по выбору Петербургской Думы, — и я помню недоумѣвающее и почти обиженное выраженіе лица будущаго министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, которому во время ежегоднаго обѣда московскихъ студентовъ, въ 1900-мъ году, на его предостерегающій «товарищескій» упрекъ по поводу моего сотрудничества «у Стасюлевича», я отвѣтилъ искреннимъ сожалѣніемъ, что наше многострадательное Министерство Народнаго Просвѣщенія не ввѣрено именно этому самому Стасюлевичу.

Болѣе пятидесяти лѣтъ моей жизни переплетаются съ воспоминаніями о Михаилѣ Матвѣевичѣ. Я, какъ сейчасъ, вижу его на каѳедрѣ, въ большой аудиторіи Петербургскаго университета, переполненной студентами и публикой, тогда довольно свободно имѣвшей доступъ на лекціи популярныхъ профессоровъ. Молодой, полный силъ и энергіи, недавно женившійся и вернувшійся изъ заграничной ученой командировки, онъ читалъ о провинціальномъ бытѣ во Франціи при Людовикѣ XIV. Въ стѣнахъ, гдѣ обычно раздавалось повѣствованіе о жизни *государства*, онъ съ простотою и изяществомъ истиннаго знанія развертывалъ передъ слушателями поучительныя страницы изъ жизни *народа*. Черезъ десять лѣтъ, въ Франценсбадѣ, сидѣвшій рядомъ со мною на скамейкѣ парка баварецъ указалъ мнѣ на мимоидущаго, сказавъ:

«вотъ это тотъ русскій, который недавно у насъ, въ Киссингенѣ, увидя утопавшаго человѣка, бросился въ воду и спасъ его». Это былъ Михаилъ Матвѣевичъ, живой и подвижный, съ не начавшею еще сѣдѣть бородою. Лично познакомились мы позже — въ началѣ семидесятыхъ годовъ — и постепенно сошлись до тѣсныхъ дружескихъ отношеній, скрѣпленныхъ многолѣтнимъ сотрудничествомъ моимъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Порядкѣ» и переплетавшихся нитями взаимнаго довѣрія, участія и нравственной поддержки въ переживаемыя каждымъ изъ насъ трудныя, тревожныя и радостныя минуты жизни. Многіе годы мы проводили по нѣскольку недѣль или встрѣчались за границей въ какомъ-нибудь лѣчебномъ мѣстечкѣ или въ Берлинѣ, при чемъ онъ всегда живо интересовался постановкою на мѣстѣ вопросовъ городского хозяйства и школы, — а два послѣднихъ лѣта провели въ Сестрорѣцкомъ курортѣ, гдѣ подолгу, въ задушевной бесѣдѣ, просиживали по утрамъ на берегу моря, которое онъ очень любилъ. Во время взаимныхъ отъѣздовъ изъ Петербурга мы вели оживленную переписку (на послѣднемъ письмѣ его ко мнѣ стоитъ № 184), а въ городѣ зимою онъ посылалъ мнѣ шутливыя посланія, очень часто въ стихахъ. Въ минуты хорошаго настроенія, когда *Каединское ущелье* цензуры бывало уже пройдено очереднымъ номеромъ «Вѣстника Европы», Стасюлевичъ радовался, какъ дитя, садился — если не было постороннихъ посѣтителей — за маленькій гармонифлютъ и наигрывалъ на немъ, напѣвая старинные романсы. При этомъ я узналъ отъ него мало кому извѣстное начало популярнаго романса: «Вотъ мчится тройка удалая». Онъ объяснилъ мнѣ, что начало этого романса есть въ сущности его продолженіе, а дѣйствительное начало, напѣваемое Стасюлевичемъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Свѣча, чуть теплясь, догорала, — огонь въ каминѣ потухалъ, — мечта мнѣ что-то вспоминала, — и сонъ меня очаровалъ. — Я видѣлъ дивныя равнины — моей родимой стороны — и тѣ прелестныя картины — забытой русской старины: — вотъ мчится тройка удалая...» Узнавъ ближе этого человѣка, со всѣми милыми и оригинальными свойствами его характера, съ его добрымъ юморомъ и непреклонностью его чистыхъ и свѣтлыхъ побужденій, я полюбилъ его всею душою.

Въ самые послѣдніе годы силы замѣтно оставляли его: слабѣло зрѣніе, притуплялся слухъ, измѣняла память, но до конца его плодотворной жизни душевный строй его оставался неизмѣннымъ. Онъ былъ попрежнему отзывчивъ на всѣ вопросы общественнаго значенія и не допускалъ въ своихъ взглядахъ на жизнь и на людей тѣхъ слабовольныхъ уступокъ, за которыми чувствуется нравственная небрезгливость. Дожившій до весьма преклоннаго возраста, «насытясь — по библейскому выраженію — днями», онъ не впалъ, однако, въ преждевременную старость, первыми печальными предшественниками которой являются довольство всѣмъ тѣмъ, что есть, безъ потребности въ томъ, безъ чего не для чего жить, и легкое примиреніе съ окружающею дѣйствительностью, какова бы она ни была. Вотъ почему его личность до конца его дней вызывала неподдѣльное къ себѣ уваженіе даже и со стороны людей, далеко не во всемъ съ нимъ согласныхъ. До послѣдняго своего дыханія это былъ человѣкъ живой, а не eine beurlaubte Leiche, — уволенный въ отпускъ трупъ, — какъ называлъ Бисмаркъ пережившихъ себя стариковъ.

Теперь, послѣ кратковременнаго, но тяжкаго недуга, его отслужившій свои долгіе годы прахъ нашелъ вѣчный покой на любимомъ имъ Васильевскомъ Островѣ, въ красивомъ и стильномъ придѣлѣ церкви «Утоли моя печали», при входѣ на Смоленское кладбище. Другія могилы не окружаютъ его, «какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ». Свѣтъ вливается черезъ широкое окно въ тихую и уютную церковь, — и надъ историкомъ *среднихъ вѣковъ* стройно поднимается *готическій* сводъ. Такъ было и при жизни Михаила Матвѣевича... И ему приходилось нерѣдко стоять почти одиноко на своемъ трудномъ посту, — и онъ всѣми силами пользовался возможностью дать проникнуть въ народъ свѣту образованія, — и его можно назвать «ключомъ свода», смыкавшимъ и объединявшимъ окружающихъ.

По понедѣльникамъ (а съ девяностыхъ годовъ по субботамъ) къ трапезѣ собирался, подъ предсѣдательствомъ гостепріимной хозяйки, небольшой и довольно замкнутый кружокъ людей, связанныхъ съ редакторомъ «Вѣстника Европы» не только сотрудничествомъ большинства изъ нихъ, но и личными дру-

жескими отношеніями. Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ Кавелинъ назвалъ хозяина и застольныхъ собесѣдниковъ въ шутку «*Артуромъ и рыцарями круглаго стола*». Это шутливое прозвище повторялось, затѣмъ, не разъ, и его стану я употреблять для обозначенія группы друзей М. М. Стасюлевича, собиравшихся долгіе, долгіе годы обмѣняться мыслями, а иногда и горячо поспорить... Сколькихъ изъ нихъ уже нѣтъ! И какъ живо воспоминаніе о нихъ, — какъ хочется, думая о нихъ, повторить могильную надпись, видѣнную мною въ Швейцаріи: «nicht verloren nur vorangegangen»...

Долгіе годы центральными фигурами между «рыцарями круглаго стола» были *Кавелинъ*, *Гончаровъ* и значительно пережившій ихъ *Спасовичъ*. По темпераменту своему, манерамъ и рѣчи первые двое были совершенной противоположностью одинъ другому.—Гончаровъ, спокойный и уравновѣшенный, съ нѣсколько флегматическимъ видомъ, напоминалъ собою мудреца, давно познавшаго жизнь и усталымъ взоромъ слѣдящаго со стороны за ея шумнымъ и подчасъ бурнымъ потокомъ. Не возвышая голоса и не волнуясь, велъ онъ бесѣду, отчетливо рисуя въ художественныхъ образахъ то и тѣхъ, о чемъ и о комъ онъ говорилъ. Облокотившись на столъ и поднявъ сложенныя вмѣстѣ красивыя кисти рукъ, онъ увлекательно передавалъ не нашедшія себѣ мѣста въ печати воспоминанія о своихъ странствіяхъ или излагалъ свои взгляды на искусство и на разнородныхъ его представителей. Благосклонное отношеніе къ большинству встрѣченныхъ на жизненномъ пути людей и, быть можетъ, нѣсколько презрительное снисхожденіе къ недостаткамъ и слабостямъ ихъ ярко выступали въ его бесѣдѣ, полной утонченной вѣжливости и любезности.

Авторъ «Задачъ этики» и «Задачъ психологіи», напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», сослуживецъ по Петербургскому университету и другъ М. М. Стасюлевича, *Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ*, несмотря на свой уже почтенный возрастъ, весь горѣлъ и пламенѣлъ огнемъ живого, воспріимчиваго и отзывчиваго ума и уже никакъ не могъ казаться постороннимъ наблюдателемъ жизни. Онъ осуществлялъ завѣтъ Гете, погружая

свою пытливую мысль въ самую суть русской общественной и духовной жизни и, подобно Тютчеву, страстно вѣровалъ въ русскій народъ, въ его скрытыя, но неисчерпаемыя силы, въ его съ трудомъ достижимое, но великое будущее. Ему нравилось, когда его называли въ этомъ отношеніи оптимистомъ. «Да, я оптимистъ, — говаривалъ онъ съ тихою и увѣренною радостью во взорѣ, — я вѣрю, что какія бы уродливыя и болѣзненныя явленія ни представляло русское общество — простой русскій человѣкъ пойметъ свои задачи, разовьетъ свои богатыя духовныя силы и вынесетъ на своихъ плечахъ Россію». Онъ не отрицалъ темныхъ и грубыхъ сторонъ нашего сельскаго быта, на которомъ, какъ на устояхъ, должна, по его мнѣнію, стоять Россія, — но онъ возставалъ противъ поспѣшныхъ и мрачныхъ обобщеній. «Эти недостатки — недостатки молодости, непереболѣвшаго переходнаго положенія, наносная и поверхностная плѣсень», — говаривалъ онъ... «Сердцевина здорова, и ея живительные соки залѣчатъ больныя мѣста въ корѣ; пусть только дадутъ имъ выходъ, не мудрствуя лукаво, не навязывая народу чуждыхъ ему учрежденій и не заключая его въ бюрократическіе тиски... Надо вѣрить въ русскій народъ, надо его любить — безъ этого жить нельзя!» *Западникъ* по вкусамъ, пріемамъ и уваженію къ разумнымъ условіямъ свободнаго развитія личности, онъ въ душѣ сходился съ славянофилами старой школы въ ихъ горделивой и въ то же время нѣжной любви къ русскому человѣку. За желаніе помочь этому человѣку въ его тяжеломъ нравственномъ или экономическомъ положеніи онъ готовъ былъ простить и невѣрные политическіе шаги и даже нарушеніе нѣкоторыхъ изъ основныхъ догматовъ европейской культуры. Это особенно рѣзко сказывалось въ его радужныхъ мечтаніяхъ о ближайшемъ будущемъ въ судьбахъ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ и въ спорахъ, которые возникали по этому поводу. Быть свидѣтелемъ его споровъ вообще было очень пріятно. Предъ зрителемъ и слушателемъ былъ высоко образованный человѣкъ съ глубокимъ знаніемъ русской жизни и ея исторіи, живой представитель самаго блестящаго времени московскаго университета, съ яркимъ и образнымъ словомъ и съ уваженіемъ къ мнѣнію своего противника, котораго онъ никогда

не старался, да по изяществу своей натуры, вѣроятно, и не умѣлъ ни оскорбить, ни уязвить. И въ то же время это не былъ обычный русскій интеллигентный любитель спора для спора, одинъ изъ тѣхъ безплодныхъ гимнастовъ ума, которыми такъ богата наша безплодная жизнь. Все, что онъ говорилъ, дышало глубокой искренностью и восторженною любовью къ правдѣ, какъ онъ ее понималъ. Лицо его одушевлялось, прекрасные глаза горѣли, и въ голосѣ слышались задушевныя ноты. Лишь изрѣдка приходилъ онъ въ раздраженіе, когда кто-либо пытался найти извиняющія или смягчающія соображенія по отношенію къ явленію, которое претило его чуткой совѣсти. Тогда онъ внезапно краснѣлъ, вспыхивалъ какъ порохъ, начиналъ волноваться и, рѣзко сказавъ: «извините, извините меня!» давалъ жгучую характеристику человѣка или поступка, которую потомъ было трудно забыть. Онъ былъ страстный поклонникъ Петра Великаго и говорилъ о немъ съ радостнымъ умиленіемъ. Поэтому, когда споръ начиналъ волновать его чрезмѣрно, и графинъ наливаемой имъ себѣ воды слишкомъ сильно начиналъ дрожать въ его рукѣ, достаточно было напомнить ему какое-либо изреченіе «вѣчнаго работника на тронѣ», или, подражая Петровскому языку, сказать: «а, вѣдь, Петръ по этому поводу вотъ что написалъ бы», чтобы лицо Кавелина прояснилось. Примирительно улыбнувшись, онъ, если цитата была подлинная, обыкновенно радостно восклицалъ: «А?! Каковъ мой Петруханъ?!» «Какъ я вамъ благодаренъ — писалъ онъ мнѣ 21 апрѣля 1884 года — за рѣдкій портретъ Piter'a. На-дняхъ вставлю его въ рамку и буду передъ нимъ идолопоклонствовать, какъ передъ великорусскимъ полубогомъ. Не можетъ загибнуть страна, выставившая такого генія, не похожаго ни на какого другого!» — «Когда на меня тяжело дѣйствуетъ какое-нибудь безотрадное явленіе въ русской жизни, когда на сердцѣ становится горько и грозитъ уныніе, — писалъ онъ въ другой разъ, — я вспоминаю Петра и ободряюсь, или читаю о Христѣ — и мнѣ становится легче, и спокойствіе сходитъ въ мою душу»...

Были, впрочемъ, люди, относительно которыхъ онъ былъ безусловно нетерпимъ, и ничто не смягчало его ожесточеннаго—

не за себя, а за родину—сердца. Такимъ былъ—между немногими, впрочемъ,—бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ. Кавелинъ никакъ не могъ простить ему той его дѣятельности по крестьянскому вопросу, въ силу ложной системы тормозившей широкое и цѣлесообразное осуществленіе реформы 19 февраля 1861 года, въ основу которой было положено освобожденіе крестьянъ съ землей, проповѣдь о чемъ Кавелина, какъ извѣстно, стоила ему положенія преподавателя при Наслѣдникѣ престола. Его раздраженіе на Валуева проявлялось иногда даже въ довольно комическихъ выходкахъ. Печальная исторія съ башкирскими землями, раскрытая сенаторской ревизіей 1880 года, вынудила Валуева оставить постъ предсѣдателя Комитета Министровъ и создала вокругъ него атмосферу офиціальной отчужденности, хотя лично онъ въ этой вакханаліи расхищенія никакого участія не принималъ. Стѣсненный въ средствахъ, извѣдавшій превратности судьбы, одинокій и забытый тѣми, кто еще недавно предъ нимъ пресмыкался, — разочарованный въ томъ, чему онъ служилъ, будущій посмертный сотрудникъ «Вѣстника Европы» жилъ въ скромной квартирѣ на одной лѣстницѣ со Стасюлевичемъ и иногда днемъ заходилъ побесѣдовать съ редакторомъ журнала, къ которому въ свое властное время относился недоброжелательно. Обыкновенно, послѣ обычнаго обѣда, Кавелинъ, въ благодушномъ настроеніи, усаживался въ дамскомъ уголкѣ обширнаго *не* — редакціоннаго кабинета раскладывать свой любимый пасьянсъ. Однажды, когда онъ углубился въ это занятіе, разсѣянно отвѣчая на вопросы супруги М. М. Стасюлевича, она сказала ему: «а знаете ли, Константинъ Дмитріевичъ, кто сидѣлъ на этомъ креслѣ сегодня предъ вами? Вы никакъ не отгадаете!» — «А кто?» добродушно спросилъ Кавелинъ, не отрывая глазъ отъ картъ. — «Валуевъ!» — «Не можетъ быть?!» — «Увѣряю васъ. Онъ былъ у насъ съ визитомъ». Кавелинъ густо покраснѣлъ, нервнымъ жестомъ смѣшалъ карты и, быстро пересѣвъ на другое кресло, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «вы должны были меня объ этомъ предупредить: я даже и кресла не желаю раздѣлять съ этимъ господиномъ». Но тѣхъ, кого Кавелинъ любилъ и тоже не за личное къ себѣ отношеніе, а за ту общественную пользу, которую они, по его мнѣнію, приносили, —

тѣхъ онъ любилъ горячо. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Некрасовъ, къ которому Константинъ Дмитріевичъ относился съ большой симпатіей «за каплю крови, общую съ народомъ». Мучительная болѣзнь и смерть поэта глубоко его огорчили, и я помню, какъ въ день похоронъ Некрасова онъ цѣлый вечеръ растроганно и со слезами въ голосѣ читалъ у Стасюлевича «Тишину» и «Несчастныхъ». Смерть Кавелина причинила большую скорбь и невознаградимый пробѣлъ кружку «круглаго стола». Мы всѣ какъ бы осиротѣли и лишились близкаго, родного человѣка.

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ — товарищъ М. М. Стасюлевича по Петербургскому университету, вышедшій вмѣстѣ съ нимъ въ отставку послѣ столкновенія профессоровъ съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Путятинымъ — былъ свидѣтелемъ зарожденія «Вѣстника Европы» и немногимъ не дожилъ до кончины журнала подъ старой редакціей. Онъ состарѣлся за «круглымъ столомъ». Живой, подвижный, энергичный, съ полными жизни глазами, порывистыми движеніями и мѣткимъ, образнымъ, выпуклымъ въ своей неправильности и интонаціи русскимъ словомъ—сѣлъ онъ за этотъ столъ. Посѣдѣвшимъ, усталымъ, больнымъ, дремотнымъ, съ потускнѣвшимъ взоромъ и меланхолическими нотами рѣчи, появился онъ за нимъ въ послѣдній свой пріѣздъ изъ Варшавы, года четыре назадъ... Между романтикомъ-идеалистомъ Кавелинымъ и художникомъ-реалистомъ Гончаровымъ онъ представлялъ собою типъ практическаго бойца, умѣвшаго съ одинаковымъ искусствомъ и блескомъ строить синтезъ самыхъ разнородныхъ явленій жизни и вторгаться въ нее съ тонкимъ и острымъ оружіемъ анализа. Вдумчивый литературный критикъ съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній не только изъ области humaniora, но и изъ области естествознанія, и со строгимъ научнымъ методомъ, — глубоко образованный юристъ и несравненный по своеобразной силѣ и оригинальности дарованія адвокатъ, — онъ шелъ всегда и въ всемъ самостоятельнымъ путемъ, имѣя смѣлость и гордость не подчиняться никакимъ взглядамъ. Онъ не только могъ сказать: «mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre», но имѣлъ основаніе съ полнымъ правомъ измѣнить эту фразу въ «mon verre est grand et je bois dans mon verre». Оттого и бесѣда его, всегда чрезвы-

чайно одушевленная, была очень поучительна и привлекательна. Задѣтый за живое какимъ-либо мнѣніемъ, онъ въ жару спора — въ безсознательномъ воспоминаніи о своей адвокатской трибунѣ или ученой каѳедрѣ, которую былъ вынужденъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оставить безвременно и съ большимъ ущербомъ для науки — быстро вставалъ и, поставивъ передъ собою стулъ, сильно жестикулируя, горячо защищалъ свой взглядъ. Въ этомъ взглядѣ, какъ и въ его извѣстномъ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу незадолго до смерти, сказывался строгій государственникъ, крѣпко державшійся за систему органическаго развитія общественно-политическихъ формъ. Въ своихъ спорахъ такъ же, какъ и въ судебныхъ рѣчахъ, онъ поражалъ богатымъ историко-бытовымъ анализомъ выдающихся явленій жизни и, не отрицая неизбѣжности постепенной демократизаціи общества, иронически относился къ взглядамъ, построеннымъ не на любви къ задачамъ, указаннымъ историческимъ прошлымъ, а на радикальномъ разрывѣ съ прошлымъ и съ настоящимъ въ утопической надеждѣ на золотой вѣкъ будущаго. Недаромъ въ 1871 году въ своей знаменитой рѣчи по Нечаевскому процессу, — за которую Катковъ наклеилъ на него несправедливый, но эффектный ярлыкъ *чужого* — противопоставлялъ онъ польскаго юношу, «предъ глазами котораго возникаетъ въ пурпурѣ и златѣ и въ дивномъ величіи богатое прошлое, отъ котораго до сихъ поръ бьется сердце у современниковъ и въ которое этотъ юноша бросается, чтобы осуществить свои демократическія мечтанія», юношѣ русскому, — «размашистый радикализмъ котораго происходитъ отъ отсутствія культуры, оттого, что прошлое его весьма небогато, а настоящее сухо, бѣдно, голо какъ степь раскатистая, въ которой можно разгуляться, но не на чемъ остановиться, не на что опереться». Спасовичъ, считая себя полякомъ, не скрывалъ своихъ симпатій и прямодушно заявлялъ объ этомъ при всякомъ подходящемъ случаѣ, не прячась за псевдонимы и не говоря уклончивымъ «эзоповскимъ» языкомъ. Не раздѣляя, конечно, систему и пріемы нашего управленія въ Польшѣ и рѣзко, зачастую съ убѣдительными данными въ рукахъ, критикуя ихъ, онъ не только никогда не обнаруживалъ враждебнаго отношенія къ русскимъ людямъ, но искренно и съ сердечной тепло-

той привѣтствовалъ все выдающееся въ культурномъ смыслѣ среди русскихъ людей и русской жизни. На моей памяти лишь однажды онъ, въ тѣсномъ собраніи Шекспировскаго кружка, отнесся съ суровымъ осужденіемъ къ Петру Великому, противопоставляя ему Марка-Аврелія, и превознесъ Мицкевича надъ Пушкинымъ, но и тутъ, уступая моимъ возраженіямъ, значительно смягчилъ свои отзывы въ статьѣ, появившейся на страницахъ «Вѣстника Европы». Онъ стремился къ реальному примиренію поляковъ съ русскими на почвѣ взаимной справедливости и широкой терпимости и спокойно, съ сознаніемъ исполненнаго нравственнаго долга, несъ нелегкій крестъ недовѣрія *съ обѣихъ сторонъ*. Его настойчивымъ хлопотамъ мы были обязаны тѣмъ, что польская колонія въ Петербургѣ чествовала 23 мая 1899 года столѣтній юбилей Пушкина торжественнымъ обѣдомъ съ участіемъ приглашенныхъ русскихъ людей изъ міра литературы, науки и общественной дѣятельности. Конечно, Спасовичъ привлекъ къ участію въ этомъ чествованіи и весь наличный кружокъ собесѣдниковъ по круглому столу и съ теплой благодарностью посѣтилъ на другой день меня, который выразилъ, по его мнѣнію, его задушевныя мечты, сказавъ на обѣдѣ: «въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи Мицкевичъ изображаетъ себя и Пушкина въ видѣ двухъ юношей, укрытыхъ подъ однимъ плащомъ и соединенныхъ сердцами, уподобляя ихъ двумъ скаламъ, склоненнымъ вершинами другъ къ другу, между тѣмъ какъ внизу—ихъ навѣки раздѣлилъ широкій и глубокій потокъ. — Было время, когда казалось, что оно такъ и есть, но послѣдовательныя торжества въ честь двухъ великихъ славянскихъ поэтовъ доказываютъ, что снѣгъ вершинъ, подобно альпійскимъ ледникамъ, спускается внизъ, и не только отдѣльные люди, но и цѣлые слои населенія охватываются имъ на почвѣ просвѣщенія и безпристрастной взаимной оцѣнки. Пускай же идетъ впередъ это мирное сближеніе, и пусть къ двухсотлѣтней годовщинѣ рожденія Пушкина станетъ яснымъ, что въ великолѣпной картинѣ польскаго поэта одно было ошибочно: потокъ высохъ, и обѣ скалы соединились, сохранивъ всѣ свойства своей природы, но связанныя прочнымъ кварцемъ взаимнаго уваженія и золотой рудой любви къ ближнему!»

Будучи добрымъ человѣкомъ, онъ умѣлъ осуществлять дѣятельную любовь къ людямъ, приходя на помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ, не разбирая національности. Такъ, щедро помогъ онъ, напримѣръ, оригинальному русскому мыслителю Стронину. Всѣ дары своихъ знаній, энергическаго труда и способностей расточалъ онъ широкою рукою среди русскаго общества на русскомъ языкѣ. Основатель юридическаго общества и Шекспировскаго кружка, онъ вливалъ въ нихъ жизнь своими докладами, заботою и настойчивостью. Онъ былъ, наконецъ, въ застольныхъ бесѣдахъ яркимъ лѣтописцемъ и безбоязненнымъ, чуждымъ страха передъ тѣмъ,«что скажутъ», остроумнымъ критикомъ каждаго явленія современности — въ области нравовъ, политики, права, религіи и самыхъ разнообразныхъ видовъ искусства. Въ этомъ отношеніи его споры съ Кавелинымъ, который въ шутку называлъ его «ярымъ консерваторомъ», бывали очень интересны. Спасовичъ очень дорожилъ обмѣномъ мыслей за «круглымъ столомъ». Говоря о своихъ отношеніяхъ къ Кавелину въ одномъ изъ предисловій къ сочиненіямъ послѣдняго, онъ пишетъ: «въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ мы сходились съ нимъ во всѣ времена года, кромѣ лѣтняго, на еженедѣльныхъ редакторскихъ обѣдахъ «Вѣстника Европы», въ которыхъ участвовали Пыпинъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Арцимовичъ, Кони и Арсеньевъ; — въ нашей общей съ Кавелинымъ умственной жизни мы многимъ обязаны общенію, которое происходило въ этомъ маленькомъ дружескомъ кружкѣ»...

Былъ, однако, въ 1884 году, короткій промежутокъ, когда Спасовичъ не появлялся на своемъ обычномъ мѣстѣ за «круглымъ столомъ» — и это очень чувствовалось всѣми. Причиною этого необычнаго явленія было *судебное состязаніе* съ... М. М. Стасюлевичемъ! — Въ 1858 году учредилось въ Петербургѣ акціонерное общество водопроводовъ «для доставленія — какъ значилось въ § 1 его устава — жителямъ Петербурга средства пользоваться во всякое время года свѣжею и чистою водою посредствомъ особаго *гидротехническаго* устройства». Такимъ устройствомъ являлся фильтръ для просачиванія невской воды, давно уже загрязняемой всякими отбросами. Его надлежало устроить и соорудить въ

такъ называемомъ «Ковшѣ» около водопроводной башни на берегу Невы, противъ нынѣшняго помѣщенія Государственной Думы въ Таврическомъ Дворцѣ. Это являлось обязательнымъ для общества водопроводовъ на основаніи 1, 10 и 14 ст. его устава. Но общество, во главѣ котораго стоялъ будущій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, считая, что устройствомъ небольшаго фильтра въ 1863 году, оказавшагося при томъ неудачнымъ для пропуска воды, вслѣдствіе своего замерзанія, — и устройствомъ затѣмъ цистернъ для процѣживанія воды, — оно выполнило свои обязанности, отказывалось устроить фильтры. А они были крайне нужны, по заключенію свѣдущихъ людей, въ цѣляхъ гигіеническихъ и не для *пропуска* и *процѣживанія* невской воды съ вредными примѣсями, а для ея *просачиванія* и *очищенія*. Послѣ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ городского управленія съ обществомъ, Дума, рѣшилась, вслѣдствіе неустанныхъ и упорныхъ настояній своего гласнаго Стасюлевича, предъявить въ защиту своихъ правъ искъ противъ общества и возложила на него спеціальное веденіе этого дѣла. Въ виду многихъ привходящихъ вопросовъ, наросшихъ на дѣлѣ по бездѣятельности Думы въ первое десятилѣтіе существованія общества, существо спора представлялось очень сложнымъ и запутаннымъ, отчего могло возникать искреннее мнѣніе о правотѣ общества со строго-цивилистической точки зрѣнія. Такой взглядъ имѣлъ одинъ изъ выдающихся гласныхъ Думы, талантливый юристъ П. А. Потѣхинъ, сложившій съ себя званіе гласнаго, чтобы выступить повѣреннымъ со стороны общества. Къ нему присоединился, какъ юрисконсультъ общества, Спасовичъ, вообще строго и рѣзко отдѣлявшій въ дѣятельности своей въ области гражданской практики публичное право отъ частнаго и не любившій переходить отъ узкихъ рамокъ договорнаго спора къ общимъ соображеніямъ на почвѣ общественной пользы, столь сильно, однако, затронутымъ именно въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, у Стасюлевича рядомъ съ Потѣхинымъ неожиданно выросъ чрезвычайно опытный и очень сильный противникъ. Онъ вынужденъ былъ призвать себѣ на помощь К. К. Арсеньева — «и грянулъ бой!» — Проигравъ дѣло въ Окружномъ Судѣ, — общество перенесло споръ въ Судебную Палату,

гдѣ оно поступило осенью 1884 года въ тотъ ея департаментъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ я. Благодаря этому обстоятельству кругъ собесѣдниковъ «круглаго стола» нѣсколько сократился: я былъ крайне занятъ изученіемъ этого сложнаго дѣла, Спасовичъ затруднялся бывать у человѣка, противъ котораго собирался энергически выступать. Засѣданіе Палаты при переполненной залѣ заняло цѣлый день до поздняго вечера и представляло огромный юридическій интересъ. Рѣчи Потѣхина и Арсеньева явили собою тщательнѣйшій разборъ вопроса во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ; — Стасюлевичъ, отъ котораго многіе ожидали лишь общихъ соображеній общественнаго характера, удивилъ всѣхъ обширными экскурсіями въ чисто правовую область, а Спасовичъ, быть можетъ, взволнованный тѣмъ, что долженъ былъ сражаться противъ сильныхъ и убѣжденныхъ противниковъ, которые въ то же время были его старыми друзьями, говорилъ страстно, жестикулируя болѣе обыкновеннаго и окончилъ послѣднюю свою рѣчь даже не совсѣмъ умѣстнымъ обращеніемъ къ Палатѣ съ указаніемъ на его увѣренность въ томъ «qu'il y a des juges à Berlin». — Судебная Палата, послѣ продолжительнаго совѣщанія, вынесла единогласное рѣшеніе, которымъ признала общество водопроводовъ обязаннымъ устроить требуемый городомъ фильтръ въ теченіе четырехъ лѣтъ... Черезъ полтора года Кассаціоннымъ Сенатомъ, послѣ двухдневнаго засѣданія, жалоба общества водопроводовъ на это рѣшеніе была оставлена безъ послѣдствій. Узнавъ объ этомъ и зная, что докладчикъ по этому дѣлу въ Палатѣ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ за свои строго-судейскія свойства, покойный А. В. Гуляевъ очень интересовался судьбою своей кропотливой, трудной и обширной работы,—я, уже не предсѣдатель, написалъ ему сочувственное письмо. «Очень благодаренъ Вамъ—отвѣчалъ онъ мнѣ 22 марта 1886 года—за память обо мнѣ по поводу рѣшенія Сенатомъ дѣла о С.-Петербургскихъ водопроводахъ. Мнѣ, впрочемъ, думается, что если бы въ этомъ дѣлѣ не заключался громаднѣйшій общественный интересъ столицы, и оно не находилось бы въ рукахъ столь блестящихъ защитниковъ, какъ г.г. Арсеньевъ и Стасюлевичъ, то въ какую опредѣленную юридическую форму ни было бы облечено рѣшеніе Палаты, оно могло бы рухнуть и

по множеству сложныхъ вопросовъ, предстоявшихъ къ разрѣшенію Сената вслѣдствіе кассаціонной жалобы общества водопроводовъ, и по разнообразію взглядовъ, которые нерѣдко появляются у судей при обсужденіи такихъ вопросовъ. Но я въ особенности радъ за г. Стасюлевича, которому не могу не отдать высокой чести за поднятіе этого дѣла и за тѣ стойкость и энергію, съ которыми онъ велъ его до послѣдней минуты въ теченіе столь продолжительной битвы съ обществомъ водопроводовъ. Побѣда, увѣнчавшая труды и усилія успѣхомъ въ столь жизненномъ дѣлѣ для столичнаго городского общества, должна составлять для него истинное душевное удовольствіе, лучшую награду за исполненный долгъ». Окончательно рѣшеніе многолѣтняго спора въ пользу города вызвало единодушное одобреніе серьезной печати и восторженную овацію Стасюлевичу въ Думѣ. Черезъ три года онъ пожалъ и плоды своей побѣды въ пользу города. Вотъ что писалъ онъ мнѣ въ необычномъ для него лирическомъ тонѣ, 18-го іюля 1889 года, въ Гисбахъ: «Вчера въ первый разъ городскія трубы увидѣли фильтрованную воду. Какое было великолѣпное зрѣлище, когда открыли два колоссальныхъ крана, и первая фильтрованная вода ринулась двумя каскадами въ главный бассейнъ, ударилась въ постаменты гранитныхъ колоннъ и серебромъ разсыпалась по цементному полу, а потомъ побѣжала змѣйками между колоннъ! Этой картины я не промѣняю на вашъ настоящій водопадъ Гисбахъ. Самое же дѣло совершилось совсѣмъ въ моемъ вкусѣ: не только не было никакого торжества или фестиваля, но насъ, свидѣтелей появленія въ массѣ первой фильтрованной воды, было всего трое: два техника, Алтуховъ и Ермолинъ, изображали собою общество, а я былъ одинъ со стороны города. Мы молча пожали другъ другу руки, и я поздравилъ ихъ, какъ строителей. Тѣмъ и окончилось все торжество, а вечеромъ я снова заѣхалъ полюбоваться новорожденнымъ, который, оказалось, велъ себя такъ, какъ будто онъ работалъ много лѣтъ. Вода, несмотря на кратковременность обмывки фильтра, была совершенно прозрачна, и я, наполнивъ стеклянную бутылку новою водою, свезъ ее въ Управу и тамъ поставилъ на столъ присутствія съ надписью на ярлыкѣ: «Вмѣсто

доклада объ открытіи дѣйствія центральнаго фильтра». Сегодня Управа, вѣроятно, не мало посмѣялась надъ такимъ оригинальнымъ докладомъ». — Водопроводная размолвка не могла, однако, продолжаться долго. Чрезъ мѣсяцъ послѣ рѣшенія Палаты, въ дверяхъ кабинета Стасюлевича неожиданно появился Спасовичъ— и, протянувъ ему обѣ руки, произнесъ растроганнымъ голосомъ: «Михаилъ Матвѣевичъ!!» Этимъ все было сказано... Въ ближайшій понедѣльникъ, остановившись на порогѣ столовой, онъ обратился къ хозяйкѣ съ вопросомъ: «Можетъ ли побѣжденный сѣсть съ побѣдителями?» — «Здѣсь нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, а только старые друзья», — отвѣчала та, — и давнія отношенія возобновились съ еще большею прочностью. Такъ — говорятъ — разбитая и склеенная скрипка звучитъ еще лучше...

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ постояннымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы» сдѣлался *Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ*. Здѣсь, повидимому, закончилось то «скитаніе мыслей», которое заставляло его, не отказываясь отъ чистыхъ и благородныхъ убѣжденій, измѣнять, однако, свои взгляды и вкусы, оставаясь, впрочемъ, вѣрнымъ личнымъ симпатіямъ, не взирая на лагерь, въ которомъ онѣ были пріобрѣтены и отъ котораго онъ самъ отрясъ прахъ ногъ своихъ. Въ одномъ только случаѣ онъ отказался, твердо и рѣшительно отъ одного публициста, котораго печатно прозвалъ «Іудушкой Головлевымъ». Какъ всѣ богато одаренные люди, Соловьевъ не укладывался сразу и навсегда въ опредѣленныя рамки: способность быстро становиться законченнымъ цѣлымъ есть въ сущности удѣлъ заурядныхъ натуръ. Многочисленными статьями въ «Вѣстникѣ Европы», перечислять которыя нѣтъ надобности, знаменовалась нравственно-политическая эволюція Владиміра Сергѣевича, и онъ сразу сталъ въ этомъ журналѣ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ сотрудниковъ, а въ средѣ послѣднихъ любимымъ товарищемъ и тѣмъ, что М. М. Стасюлевичъ въ письмѣ ко мнѣ по поводу его смерти назвалъ «сотрудникомъ жизни». И дѣйствительно, онъ былъ настоящимъ сотрудникомъ жизни, т.-е. человѣкомъ, общеніе съ которымъ украшало и облегчало существованіе, стирая съ него краски житейской прозы и вознося мысль и чувства въ область вѣковѣчныхъ во-

просовъ. Непреклонная и ничѣмъ не смущаемая вѣра въ окончательное торжество добра и правды постоянно одушевляла Соловьева. У насъ любятъ употреблять выраженіе: «будить мысль», но разбудить ее, не указавъ ей путей и цѣлей, идеаловъ и принциповъ — значитъ обречь ее на безплодное и часто мучительное исканіе. Это глубоко понималъ Соловьевъ, говорившій, что все лучшее въ непосредственной практической жизни имѣетъ цѣну лишь тогда, когда въ немъ таится безусловное содержаніе, а надъ нимъ стоитъ безусловная цѣль. Поэтому во всѣхъ своихъ философскихъ и религіозныхъ сочиненіяхъ и въ особенности въ своемъ великолѣпномъ «Оправданіи добра» онъ не только задушевнымъ словомъ, горячею убѣжденностью и поэтическими образами будилъ мысль читателя, но и настойчиво направлялъ ее. Онъ находилъ, что убѣжденія и воззрѣнія высшаго порядка должны разрѣшать въ жизни существенные вопросы ума объ истинномъ смыслѣ всего существующаго, о значеніи и разумѣ явленій, — и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять и высшимъ требованіямъ воли, ставя для нея безусловную цѣль и опредѣляя высшую норму ея дѣятельности. Таковъ онъ былъ и въ серьезныхъ бесѣдахъ, невольно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неотразимо заставляя собесѣдниковъ имѣть «sursum corda!» и хоть на время освобождаться отъ тины и грязи житейскаго болота и забывать о нихъ. Я говорю о *серьезныхъ* бесѣдахъ, такъ какъ на ряду съ ними Соловьевъ былъ очень склоненъ къ шуткамъ. Я не подмѣчалъ въ немъ злой иронiи, — онъ оставлялъ ее, слѣдуя совѣту Некрасова, «отжившимъ и нежившимъ», — но рѣчь его блистала и пестрѣла тонкимъ юморомъ, оригинальными сравненіями, неожиданной игрой словъ. Въ ту область, куда легко и удобно можетъ вторгнуться педантическая отвлеченность и самодовольная неудобопонимаемость,—однимъ словомъ, въ область, про которую Вольтеръ сказалъ: «quand celui qui écoute ne comprend pas et celui qui parle ne se comprend plus—c'est de la metaphysique»— Соловьевъ вносилъ не только ясность и простоту, результатъ глубокаго убѣжденія, но и освѣжающія свойства шутки и бодрящаго смѣха. Онъ самъ любилъ смѣхъ и предавался ему какъ ребенокъ, захлебываясь и радостно взвизгивая.

Впечатлительный и болѣзненно-воспріимчивый, онъ иногда вносилъ чувство личнаго раздраженія въ свои разногласія съ людьми, основныя воззрѣнія которыхъ на существенные вопросы и задачи жизни онъ раздѣлялъ. Такова была его полемика съ Б. Н. Чичеринымъ по поводу «Оправданія добра», въ которой онъ въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ Чичерину допустилъ крайне рѣзкія выраженія противъ почтеннаго мыслителя и общественнаго дѣятеля. Но, остывъ, онъ умѣлъ раскаиваться и сознавать свою вину. Поэтому въ заключительной своей статьѣ въ полемикѣ съ Чичеринымъ онъ просилъ у него извиненія въ своихъ рѣзкостяхъ. И мнѣ пришлось испытать эту сторону его характера. Въ статьѣ «Нравственный обликъ Пушкина», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» въ октябрѣ 1899 года, я коснулся тѣхъ, которые осуждаютъ Пушкина за выходъ на поединокъ «и желали бы видѣть его не мячикомъ предразсужденій, повидимому, не представляя себѣ ясно послѣдующей картины жизни человѣка, малодушно затыкающаго себѣ уши среди возрастающаго наглаго презрѣнія общества, вырваться изъ котораго зависитъ не отъ него». Къ числу осуждавшихъ прежде всего принадлежалъ и Соловьевъ въ своей статьѣ «Судьба Пушкина», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1897 году... Онъ явнымъ образомъ обидѣлся на меня за это мѣсто моей статьи и заявилъ Стасюлевичу, что этого онъ не оставитъ и пришлетъ для печати отвѣтъ мнѣ. Затѣмъ, однако, онъ одумался и въ письмѣ къ Стасюлевичу, указывая на наши добрыя отношенія, хотя и огрызаясь по моему адресу, онъ заявилъ, что отказывается отъ перенесенія личныхъ чувствъ и страстей въ литературу. А мѣсяцъ спустя поднесъ мнѣ свои «Три разговора» и «Оправданіе добра» съ надписью: «дорогому и сердечно уважаемому — искуснѣйшему вызывателю добрыхъ тѣней».

И личная жизнь, и наружность Соловьева его были въ высшей степени своеобразны. Надъ худымъ и, казалось, хрупкимъ тѣломъ его, одѣтымъ бѣдно, скудно и часто не по сезону, выступала производившая неотразимое впечатлѣніе голова, съ густыми прядями сѣдѣющихъ волосъ надъ высокимъ благороднымъ лбомъ и удивительно красивыми темно-голубыми глазами, въ которыхъ отражались и глубина его души, и постоянная работа пытливой

мысли. Нижняя часть лица его не имѣла одухотвореннаго вида, свойственнаго верхней, но она была скрыта подъ густыми усами и бородой. Онъ велъ жизнь, лишенную всякихъ, даже самыхъ скромныхъ, удобствъ и какой-либо матеріальной обезпеченности. Физически слабый, не имѣя «ни кола, ни двора», онъ вынужденъ бывалъ грѣться, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, у чужого очага, часто нуждаясь въ самомъ необходимомъ вслѣдствіе своей безграничной доброты, довѣрчивости и отношенію къ окружающей жизни съ той голубиной кротостью, при которой его не могла бы оградить даже и змѣиная мудрость. Въ послѣдніе годы онъ усиленно работалъ, не имѣя необходимаго спокойствія и отдыха, при полномъ отсутствіи разумной заботы о своемъ здоровьѣ, растрачивал свои слабыя силы, не думая о завтрашнемъ днѣ и не щадя себя. Яркій и согрѣвающій свѣтъ своего ума онъ искупалъ безпощаднымъ принесеніемъ себя въ жертву. Но все-таки никто не ожидалъ, что онъ погаснетъ такъ скоро, такъ преждевременно, какъ разъ передъ наступленіемъ той годины, когда его вліятельный и вѣщій голосъ могъ бы зазвучать съ особой силой и пользой, «какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой — во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ». До самой своей смерти, въ дружескихъ бесѣдахъ за «круглымъ столомъ», онъ умѣлъ съ особой живостью отзываться на всѣ возникавшіе общественные вопросы, иногда въ необычной формѣ. Въ концѣ девяностыхъ годовъ при Министерствѣ Юстиціи была Высочайше учреждена комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева. Въ ней, между прочимъ, безъ всякой видимой необходимости, былъ возбужденъ принципіальный вопросъ о самомъ существованіи суда присяжныхъ, и на гостепріимно открытыхъ страницахъ Журнала Министерства Юстиціи появились статьи противъ этой формы суда и о желательности замѣны присяжныхъ коронными судьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ разныхъ другихъ органахъ печати начался походъ противъ присяжныхъ, при чемъ объявились добровольцы, замѣнившіе старую кличку, данную присяжнымъ еще Катковымъ, «судъ улицы» — болѣе выразительной и рѣзкой «стадо бараповъ». Все это не могло не служить предметомъ грустнаго обмѣна мыслей

за «круглымъ столомъ». Однажды, во время разговора объ этомъ напрасномъ и легкомысленномъ колебаніи вошедшаго въ народное сознаніе судебнаго института, Соловьевъ что-то писалъ на клочкѣ бумаги и затѣмъ со смѣхомъ передалъ этотъ клочокъ мнѣ. На немъ стояло:

«Вы—«стадо барановъ»—печально!
«Но вотъ что гораздо больнѣй:
«На «стадо барановъ» нахально
«Набросилось стадо свиней».

Какъ живой стоитъ онъ предо мною въ день открытія въ Мраморномъ дворцѣ такъ-называемой Пушкинской Академіи, т.-е. Разряда изящной словесности, образованнаго при Академіи Наукъ въ память великаго поэта. Будучи избранъ однимъ изъ девяти первыхъ почетныхъ академиковъ, онъ произвелъ весьма своеобразное впечатлѣніе въ своемъ старомъ, повидимому, взятомъ на подержаніе фракѣ и манишкѣ, напоминавшей моды начала пятидесятыхъ годовъ, но тотчасъ же приковалъ къ себѣ общее вниманіе, заявивъ, что намѣренъ внести въ Разрядъ предложеніе о дѣятельныхъ шагахъ Академіи въ огражденіе свободы и правъ русской мысли въ области вѣры и науки. И въ слѣдующемъ засѣданіи онъ сдѣлалъ обстоятельный по этому предмету докладъ, на основаніи котораго, уже послѣ его кончины, вслѣдствіе подробнаго письменнаго предложенія К. К. Арсеньева, была образована подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссія, въ составъ которой вошли Арсеньевъ, Шахматовъ и Кондаковъ и труды которой,—къ сожалѣнію безплодные непосредственно,—влились, какъ маленькая рѣчка, въ цѣлое море матеріаловъ, ставшихъ въ 1905 году предметомъ обсужденія извѣстной комиссіи Кобеко для выработки устава о печати.

Таинственное и мистическое часто находило себѣ мѣсто въ трудахъ Соловьева и еще больше въ его разсказахъ. Достаточно вспомнить переводъ имъ книги Подмора о телепатіи и его предисловіе къ ней. Иногда, среди оживленнаго разговора о злобахъ дня, онъ вдругъ замолкалъ, вперялъ передъ собою во что-то невидимое неподвижный взоръ и становился глухъ ко всему окружающему. Его блѣдное лицо блѣднѣло еще болѣе, затѣмъ взоръ

затуманивался, и онъ какъ бы выходилъ изъ-подъ власти какого-то видѣнія, доступнаго ему одному и приковавшаго къ себѣ его напряженное вниманіе. Вѣроятно, въ одну изъ такихъ минутъ онъ написалъ, за десять лѣтъ до русско-японской войны, свое горестно-зловѣщее стихотвореніе «Панмонголизмъ», предсказывая, въ пророческомъ предвидѣніи, своей родинѣ то время, когда будутъ «желтымъ дѣтямъ на забаву даны клочки ея знаменъ».

Однажды, зимою 1899 года, я нашелъ его за обѣдомъ у Стасюлевича въ особенно оживленномъ и веселомъ настроеніи. Послѣ обѣда онъ предложилъ подвезти меня ко мнѣ, на Невскій, такъ какъ ѣхалъ самъ на Пески. Передъ отъѣздомъ я разсказалъ ему въ «конспиративной комнатѣ» (такъ называлась въ квартирѣ Стасюлевича комната, куда удалялись поговорить наединѣ) слышанный мною наканунѣ довольно правдоподобный анекдотъ о комическомъ недоразумѣніи между свѣтской дамой, пріѣхавшей на богомолье въ бѣдный, но съ весьма строгимъ «житіемъ» братіи монастырь — и отцомъ экономомъ изъ крестьянъ, котораго она разспрашиваетъ о составѣ монастырской трапезы и о томъ, какой же у нихъ «дессертъ», и который понимаетъ это слово совершенно своеобразно и для слуха свѣтской дамы весьма неожиданно. Соловьевъ заливался смѣхомъ до слезъ, до боли, продолжая покатываться со смѣху, и сѣвъ на извозчика, такъ что тотъ нѣсколько разъ оглядывался на него. Когда мы подъѣхали къ моей квартирѣ, онъ сказалъ мнѣ, что охотно зашелъ бы ко мнѣ и выпилъ бы стаканъ краснаго вина. Оставивъ его на минуту, чтобы распорядиться о винѣ, я едва узналъ, вернувшись въ свой кабинетъ, въ поблѣднѣвшемъ человѣкѣ съ тревожнымъ и блуждающимъ взоромъ — недавняго радостнаго и шутливаго Соловьева. «Что съ вами, Владиміръ Сергѣевичъ? вы больны?» Онъ отрицательно покачалъ головой и закрылъ глаза рукой. Принесли вино, но онъ рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ налитый стаканъ и, помолчавъ, вдругъ спросилъ меня, вѣрю ли я въ реальное существованіе дьявола, и на мой отрицательный отвѣтъ сказалъ: «а для меня это существованіе несомнѣнно: я его видѣлъ, какъ вижу васъ... — Когда и гдѣ? — Да здѣсь, сейчасъ, и прежде нѣсколько разъ... Онъ говорилъ со мною... — У васъ, Владиміръ

Сергѣевичъ, разстроены нервы: — это просто галлюцинаціи. — Повѣрьте, что я умѣю отличать обманъ чувствъ отъ дѣйствительности. Сейчасъ это было мимолетно, но нѣсколько времени назадъ я видѣлъ его совсѣмъ близко и говорилъ съ нимъ. Возвращаясь изъ Гангэ на пароходѣ и вставъ рано утромъ, я сидѣлъ въ своей каютѣ на постели, медлительно, задумываясь по временамъ, одѣвался и вдругъ, почувствовавъ, что кто-то находится возлѣ меня, оглянулся. На смятыхъ подушкахъ, поджавъ ноги, сидѣло сѣрое лохматое существо и смотрѣло на меня желтыми *колючими* глазами. Я тотчасъ понялъ, *кто это*, и тоже сталъ смотрѣть на него въ упоръ. «А ты знаешь, сказалъ я ему, что Христосъ воскресъ?!» — «Христосъ-то воскресъ, — отвѣчалъ онъ, — но тебя-то я осѣдлаю!» и, вскочивъ мнѣ на спину, сжалъ мою шею и придавилъ меня къ полу. Задыхаясь въ его объятіяхъ и подъ нимъ, я сталъ творить заклинаніе Петра Могилы, и онъ сталъ слабѣть, становиться легче, наконецъ, руки его разжались, и онъ свалился съ меня... Въ ужасномъ состояніи я выбѣжалъ на палубу и упалъ въ обморокъ... А теперь прощайте: поѣду на Пески». Но обычное суевѣріе было ему чуждо. Мнѣ вспоминается обѣдъ 13 мая 1900 года. Я нѣсколько опоздалъ и засталъ всѣхъ собравшихся, на этотъ разъ въ необычномъ числѣ, а также хозяевъ — въ нѣкоторомъ смущеніи. Оказалось, что престарѣлый поэтъ *Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ*, довольно рѣдкій гость въ Петербургѣ и стародавній сотрудникъ «Вѣстника Европы», пріѣхавшій обѣдать, ни за что не хотѣлъ остаться, такъ какъ за столъ должно было сѣсть тринадцать. Наконецъ, его удалось уговорить и побѣдить тѣмъ, что былъ поставленъ четырнадцатый приборъ, и на него шутя положена послѣдняя книжка «Вѣстника Европы» въ качествѣ четырнадцатаго гостя. «Вамъ хорошо, господа, сказалъ, усаживаясь наконецъ, Жемчужниковъ: вы всѣ моложе меня, а мнѣ вѣдь скоро восемьдесятъ лѣтъ, и я все-таки люблю жизнь — и въ особенности природу — и не хочу умирать. Тутъ поневолѣ станешь суевѣренъ».— «Да вѣдь, — перебилъ его, весело смѣясь, Соловьевъ, — обыкновенно умираетъ самый младшій, а младшій-то здѣсь я, такъ что вы не безпокойтесь: если тринадцать такое роковое число, то я

отбуду повинность за васъ». И дѣйствительно, черезъ два съ половиной мѣсяца онъ, неожиданно для всѣхъ, отбылъ эту повинность въ подмосковномъ имѣніи князя Трубецкого... Весною предшествующаго года одна талантливая петербургская художница писала въ своей мастерской его портретъ. Все время сеансовъ онъ былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ, заливался своимъ дѣтскимъ смѣхомъ и говорилъ, что, вѣруя въ ученіе о сорокадневномъ пребываніи души умершаго на землѣ, думаетъ, что на это время она облекается формой не человѣка, а какого-либо другого живого существа, напримѣръ, птицы. «Я буду, конечно, филиномъ,— говорилъ онъ, — и стану своимъ видомъ и крикомъ пугать людей, а вамъ обѣщаюсь, если моя душа вселится въ птицу, прилетѣть объ этомъ сказать». Онъ отказался немедленно взять подаренный ему художницей оконченный портретъ, прося оставить его покуда въ мастерской. Въ день, слѣдовавшій за его кончиной, художница пріѣхала на нѣсколько времени съ дачи въ Петербургъ и, ночуя въ комнатѣ, сосѣдней съ мастерской, услышала въ послѣдней ночью какой-то странный шумъ, а когда поутру вошла туда, то увидѣла, что порывомъ вѣтра раскрыто итальянское окно, и передъ портретомъ Соловьева лежитъ, распростерши крылья, какая-то довольно крупная птица, влетѣвшая ночью и убившаяся, ударившись съ разлета о раму портрета Соловьева.

Разойдясь съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и не имѣя возможности, по личнымъ отношеніямъ къ Некрасову, сойтись съ «Отечественными записками», *Тургеневъ* сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы», на страницахъ котораго появились всѣ произведенія послѣдняго періода его литературной дѣятельности. Излишне перечислять ихъ: достаточно сказать, что все, написанное послѣ «Дыма», было напечатано въ журналѣ Стасюлевича. Въ противоположность Гончарову, Тургеневъ не исправлялъ въ корректурѣ то, что содержалось въ тщательно имъ самимъ переписанной красивымъ четкимъ почеркомъ рукописи, лишь иногда предостерегая редактора отъ напечатанія того или другого мѣста послѣдней. Такъ, я уже говорилъ, что онъ, просилъ повременить печатаніемъ одного изъ своихъ «Стихотвореній въ прозѣ» подъ названіемъ «Порогъ», въ которомъ въ видѣ діа-

лога между судьбой и молодой дѣвушкой была изображена готовность послѣдней смѣло переступить, во имя увлекающей ее идеи, роковой порогъ, за которымъ для нея прекращались не только личное счастье, но и самая жизнь. «Черезъ этотъ порогъ, — писалъ онъ редактору, вы можете споткнуться... особенно, если его пропустятъ, а потому лучше подождать». Мнѣ удалось прочитать еще въ корректурѣ «Пѣснь торжествующей любви», «Стихотворенія въ прозѣ» и «Клару Миличъ» и, такъ сказать, предвосхитить для себя то наслажденіе, которое ожидало читателей «Вѣстника Европы» отъ чтенія этихъ перловъ Тургеневскаго творчества, между которыми я лично ставлю выше всего по удивительному, точно высѣченному въ мраморѣ, языку «Пѣснь торжествующей любви».

Тургеневъ въ свои пріѣзды въ Петербургъ всегда былъ желаннымъ и дорогимъ гостемъ за «круглымъ столомъ», за которымъ дольше, чѣмъ въ обыкновенные дни, приходилось засиживаться, слушая неисчерпаемые въ своемъ разнообразіи и прекрасные по своей конструкціи разсказы великаго писателя. Я уже разсказалъ о нашей общей встрѣчѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Парижѣ и о бесѣдѣ съ Тургеневымъ, внезапно раскрывшей затаенную въ душѣ его рану. Въ 1883 году Иванъ Сергѣевичъ тяжко заболѣлъ. «Все утро провелъ я сегодня въ Буживалѣ у постели Тургенева, — писалъ мнѣ 1 іюля этого года Стасюлевичъ, — къ которой онъ несомнѣнно прикованъ надолго; конечно, я нравственно удовлетворенъ, что успѣлъ все-таки увидѣть его послѣ всѣхъ тревожныхъ извѣстій, но только тяжко видѣть его распростертымъ, совсѣмъ безъ движенія; — онъ болѣе шепчетъ, чѣмъ говоритъ, — лицо желтое, исхудалое и такія же руки, а самъ — попрежнему — колоссъ! Сравненіе съ Прометеемъ напрашивается само собою, а роль коршуна выполняетъ подагра, которая, очевидно, пала на желудокъ; онъ не можетъ ничего съѣсть, чтобы не испытать жестокой боли, и каждый вечеръ надо дѣлать ему впрыскиванія морфія, чтобы дать возможность заснуть. Онъ былъ очень тронутъ моимъ появленіемъ, но я не давалъ ему говорить, а самъ болталъ безъ умолку; завтра опять поѣду къ нему съ утра»... — «При моемъ нервномъ настроеніи, —

писалъ онъ мнѣ 19 августа того же года, — я съ ужасомъ помышляю о моментѣ моей встрѣчи съ гробомъ Ивана Сергѣевича въ Эйдкуненѣ, куда ѣду за нимъ послѣзавтра, — это будетъ невыносимо тяжело!» —

В. В. Стасовъ, снабдившій «Вѣстникъ Европы» рядомъ цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи искусства въ Россіи и обширными, чрезвычайно оригинальными статьями о русско-индѣйскомъ эпосѣ, — появлялся за «круглымъ столомъ» изрѣдка и вовсе не производилъ, по крайней мѣрѣ, на меня, впечатлѣнія сварливаго и неугомоннаго спорщика, какимъ его рисовали литературные противники, давая ему шутливыя прозвища. Я видѣлъ въ немъ всегда высоко и разносторонне образованнаго человѣка, съ деликатностью чувства и добрыми порывами горячаго сердца. Его неугомонный, до самой глубокой старости, умъ работалъ непрерывно и приходилъ къ самостоятельнымъ выводамъ, которыми Стасовъ не хотѣлъ и не умѣлъ поступаться изъ желанія не огорчать или быть пріятнымъ. Inde iгае! Подъ его наружностью патріарха билось юношески-отзывчивое сердце, чуткое ко всему даровитому и самобытному. Увлекающійся и подчасъ односторонній, онъ не умѣлъ скрывать своихъ мнѣній, а мнѣнія эти постоянно были чужды уклончивой неопредѣленности. Это всегда былъ или восторгъ или порицаніе, выраженное весьма неприкрашеннымъ языкомъ. Я сохранилъ о немъ доброе воспоминаніе и скорблю, что при жизни онъ не былъ, повидимому, достаточно оцѣненъ. Во всякомъ случаѣ, если въ дѣлѣ развитія русскаго искусства нѣкоторые и пробовали умалить значеніе его заслугъ въ смыслѣ побѣдъ надъ застоемъ и рутиной, то едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что онъ не былъ несомнѣнно — употребляя выраженіе Бэкона — «трубой, зовущей на бой», а это такъ необходимо при нашемъ національномъ и общественномъ квіетизмѣ.

У Стасова съ Тургеневымъ бывали частые литературные споры, очень характерные для нихъ обоихъ. Я не присутствовалъ при томъ изъ этихъ споровъ, на которой любилъ ссылаться Тургеневъ, разсказывая, что однажды, когда въ спорѣ о великомъ поэтѣ съ шумливымъ и горячимъ Стасовымъ, относившимся одно время къ Пушкину отрицательно, онъ, истощивъ всѣ аргументы, нако-

нецъ, замолчалъ, видя безплодность преній, — то Стасовъ торжествующе воскликнулъ: «А — а! замолчалъ! сдаешься! согласился со мной?» — «Я вскочилъ, — разсказывалъ Тургеневъ, — сталъ быстро и судорожно стараться открыть форточку въ окнѣ, а на вопросъ, что я дѣлаю, воскликнулъ: я хочу высунуться и крикнуть на улицу: «идите сюда, берите меня, вяжите: я сошелъ съ ума, я согласился съ Владиміромъ Стасовымъ!» Очевидно, что въ связи съ разсказомъ Тургенева объ этомъ спорѣ находилось и напечатанное впослѣдствіи самимъ Стасовымъ «стихотвореніе въ прозѣ» Тургенева, на которое Владиміръ Васильевичъ нерѣдко благодушно ссылался и сущность котораго сводилась, сколько мнѣ помнится, къ слѣдующему совѣту: спорь съ человѣкомъ, который глупѣе тебя: можешь его чему-нибудь научить; спорь съ человѣкомъ умнѣе тебя: можешь отъ него научиться; но не спорь съ Владиміромъ Стасовымъ.

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, постояннымъ членомъ «круглаго стола» и дѣятельнымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы» сдѣлался *К. К. Арсеньевъ*. Ему я посвящаю особыя воспоминанія отдѣльно отъ настоящихъ.

За «круглымъ столомъ» бывали и люди, не принадлежавшіе къ сотрудникамъ журнала, но близкіе ему по симпатіямъ и по дѣятельности своей, въ которой находили себѣ выраженіе и примѣненіе тѣ же нравственно-политическія начала, которыя проводились на страницахъ «Вѣстника Европы». Между ними первое и незамѣнимое мѣсто занималъ покойный *Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ*, — одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей по осуществленію въ русской жизни отмѣны крѣпостного права, — человѣкъ, умѣвшій соединять глубокое уваженіе къ закону съ широкими взглядами на права и потребности народной жизни. Величавый въ своей наружности, непреклонный въ защитѣ своихъ убѣжденій, умѣвшій нѣжно проявлять доброту своего сердца и въ то же время чуждый показной и иногда, въ существѣ своемъ, жестокой сентиментальности, — со свободною и твердою рѣчью, въ которой по временамъ вспыхивали то безобидный юморъ, то горькая иронія, онъ былъ всегда желаннымъ и всѣми чтимымъ собесѣдникомъ, и слово его, проникнутое глубокимъ житейскимъ

опытомъ и знаніемъ людей, ярко освѣщало многіе острые вопросы нашей исторической и бытовой жизни. Сюда, въ этотъ кружокъ, приходилъ онъ отдыхать отъ лицезрѣнія всякихъ условностей и компромиссовъ служебной жизни, на одной изъ верхнихъ ступеней которой ему, въ качествѣ старшаго сенатора перваго департамента Сената, приходилось стоять. Съ горькой шутливостью дѣлилъ онъ встрѣчныхъ на жизненномъ пути на «людей» и «людишекъ». Часто сталкиваясь съ послѣдними, ропща, негодуя и до конца своихъ многотрудныхъ дней воюя съ ними, — близоруко запертый въ узкую область конкретныхъ фактовъ, когда душа жаждала рѣшенія общихъ вопросовъ, — уязвляемый и обходимый по службѣ, — здѣсь находилъ онъ только тѣхъ, кого считалъ «людьми» и съ кѣмъ, какъ съ Кавелинымъ и мною, его связывала личная дружба.

Къ послѣднимъ принадлежалъ и *Константинъ Карловичъ Гротъ*, тоже иногда бывавшій за обѣдами у Стасюлевича. Близкій въ своемъ внутреннемъ мірѣ къ Арцимовичу, во внѣшней своей повадкѣ и наружности онъ ни въ чемъ не былъ похожъ на пылкаго, крупнаго, громогласнаго Арцимовича. Очень худощавый, сдержанный, съ размѣренной рѣчью и тщательно взвѣшенными словами, Гротъ тѣмъ не менѣе вносилъ въ бесѣду тотъ же житейскій опытъ, тѣ же богатыя воспоминанія свѣтлаго прошлаго и затаенную скорбь по поводу крушенія идеаловъ, во имя которыхъ онъ страдалъ и сражался въ шестидесятыхъ годахъ. Оба они относились другъ къ другу, какъ, въ яркомъ изображеніи Пушкина, пѣхота къ конницѣ: «волнуясь, конница летитъ, — пѣхота движется за нею — и тяжкой твердостью своею — ея стремленіе крѣпитъ». Взволнованное описаніе Арцимовичемъ какого-нибудь злоупотребленія властью или мрачной по своему источнику мѣры, Гротъ умѣлъ подкрѣплять спокойными юридико-политическими соображеніями, которыя съ особой силой показывали, сколько правды и справедливаго гнѣва заключается въ увлеченіи стараго тѣломъ, но молодого душою «человѣколюбиваго стража закона», какъ былъ названъ въ надписи на сенаторскомъ надгробномъ вѣнкѣ Арцимовичъ.

Нѣсколько разъ среди обѣдающихъ появлялась привлекательная фигура моложавой старушки съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, обрамленнымъ по модѣ сороковыхъ годовъ длинными кудрями съ сильной просѣдью. Воплощенное физическое и нравственное изящество — вдова учителя и сослуживца хозяина дома *Александра Васильевна Плетнева* была живымъ напоминаніемъ о старомъ ректорѣ Петербургскаго университета и другѣ Пушкина, послѣдніе страдальческіе годы котораго она озарила нѣжною любовью и самоотверженнымъ уходомъ. Подобно Кавелину, она была русскимъ человѣкомъ съ головы до ногъ, и сквозь оболочку тонкаго европейскаго воспитанія это ясно выступало въ ея словѣ и дѣлѣ, въ ея глубоко прочувствованныхъ письмахъ и въ ея отношеніяхъ къ людямъ.

При воспоминаніи объ обѣденныхъ собраніяхъ въ «Вѣстникѣ Европы» проходятъ передъ умственнымъ взоромъ еще нѣкоторые изъ покойныхъ постоянныхъ участниковъ застольныхъ бесѣдъ: сосредоточенный, съ вѣскимъ словомъ, *А. Н. Пыпинъ*, многолѣтній «столпъ» журнала; — увлекающійся, живой, начитанный и страстный спорщикъ — *Е. И. Утинъ*; — блестящій, свѣтски любезный, тонкій цѣнитель произведеній литературы и искусства, разносторонній князь *А. И. Урусовъ* — и, наконецъ, глубокій и самобытный историкъ-художникъ, мой современникъ и товарищъ по университету *В. О. Ключевскій*.

Между иностранными гостями у «круглаго стола» особенно памятными мнѣ остались *Шпильгагенъ* и *Мекензи Уоллесъ*. Я не былъ никогда поклонникомъ произведеній перваго изъ нихъ съ ихъ дѣланностью, отсутствіемъ житейской правды и переплетеніемъ книжнаго радикализма съ весьма прозаическими идеалами. Но авторъ былъ человѣкъ очень интересный. Его разсказы блистали остроуміемъ и тонкой наблюдательностью, совсѣмъ не напоминающими напыщенную и вязкую прозу его романовъ. Мнѣ помнится, что онъ еще въ 1879 г. съ точностью предсказывалъ теперешнее усиленіе соціалъ-демократіи въ Германіи и опредѣлительно указывалъ главные ея избирательные и боевые центры. Очень интересны были также его наблюденія надъ составомъ унтеръ-офицеровъ германской арміи, въ которомъ строжай-

шая дисциплина, доходящая до черствaго бездушія, была, по его словамъ, неразрывно связана съ соціалъ-демократическими тенденціями крайняго характера. Иное впечатлѣніе, чѣмъ словоохотливый и пылкій Шпильгагенъ, производилъ сдержанный Меккензи Уоллесъ, больше слушавшій, чѣмъ говорившій, всегда спокойный, осторожный и вдумчивый въ выводахъ. Несмотря на то, что онъ уже проявилъ въ своей замѣчательной книгѣ глубокое знаніе Россіи и развернулъ передъ многими изъ своихъ русскихъ читателей такія стороны жизни ихъ родины, о которыхъ они имѣли самое смутное, а иногда и превратное понятіе, — онъ продолжалъ учиться, вслушиваться и набираться въ себя различныя данныя, какъ губка воду. Этому способствовало прекрасное знаніе и пониманіе имъ русскаго языка, которымъ онъ самъ владѣлъ совершенно свободно. Однажды, когда передъ началомъ восточной войны, за обѣдомъ зашла рѣчь о тянувшемся уже нѣсколько лѣтъ такъ называемомъ — по имени прокурора саратовской Судебной Палаты — Жихаревскомъ дѣлѣ о политической пропагандѣ въ тридцати пяти губерніяхъ, Уоллесъ не удовлетворился общими замѣчаніями присутствовавшихъ, а пожелалъ проводить меня до дому, чтобы подробно познакомиться со всѣми сторонами этого, какъ онъ выразился, микрокосма внутренней политической жизни Россіи. Бесѣда наша, веденная дорогой, кончилась тѣмъ, что я пригласилъ его къ себѣ, и мы просидѣли до двухъ часовъ ночи въ обмѣнѣ мнѣній и взглядовъ по поводу той пагубной близорукости, съ которой въ теченіе четырехъ лѣтъ велось и раздувалось это дѣло, по которому впослѣдствіи изъ девятисотъ девяноста шести привлеченныхъ къ слѣдствію передъ Сенатомъ предстало только сто девяносто три. Появленіе Меккензи Уоллеса за «круглымъ столомъ» было связано съ однимъ довольно комическимъ эпизодомъ. Однажды, въ числѣ случайныхъ гостей былъ одинъ провинціальный писатель, повидимому, нѣсколько поспѣшный въ своихъ сужденіяхъ. При разговорѣ о долголѣтіи англійскихъ авторовъ сравнительно съ безвременной кончиной русскихъ, онъ высказалъ удивленіе тому, что Тэккерей не только началъ писать въ очень поздніе годы жизни, но и обратился къ писательству безъ всякой подготовки непосредственно

вслѣдъ за занятіемъ фотографіей. «Тэккерей фотографомъ никогда не былъ», скромно замѣтилъ Меккензи Уоллесъ... «Нѣтъ, извините, былъ!» рѣшительно возразилъ пріѣзжій, повторивъ настойчиво то же утвержденіе въ отвѣтъ и на мое замѣчаніе, что первый романъ Тэккерея «Ярмарка тщеславія» появился за нѣсколько лѣтъ до изобрѣтенія фотографіи, когда свѣтопись ограничивалась лишь такъ называемымъ дагерротипомъ. «Тэккерей— заявилъ еще кто-то изъ присутствующихъ — былъ секретаремъ вице-короля Индіи, но фотографомъ никогда не былъ и быть имъ не могъ». — «Ну вотъ, — рѣшительно воскликнулъ спорщикъ,— какъ можно это говорить, когда я самъ читалъ объ этомъ статью въ «Deutsche Rundschau», гдѣ именно это сказано, т.-е. не то, чтобы читалъ, а видѣлъ ея заглавіе. Вѣдь тамъ прямо такъ и напечатано: «Tackeray als Photograph»! Вѣжливый англичанинъ стыдливо потупился, а между всѣми остальными «тихій ангелъ пролетѣлъ»...

Пора, однако, окончить эту вереницу воспоминаній, хотя и длинныхъ, но далеко не полныхъ. Ставъ съ 1876 года однимъ изъ засѣдателей «круглаго стола», я сдѣлался съ 1880 года сотрудникомъ «Вѣстника Европы», помѣстивъ въ немъ «Спорный вопросъ судоустройства», и увидѣлъ, затѣмъ, на его страницахъ мои изслѣдованія о докторѣ Гаазѣ, о Д. А. Ровинскомъ и И. Ѳ. Горбуновѣ, рѣчь о нравственномъ обликѣ Пушкина, произнесенную въ юбилейномъ засѣданіи Академіи Наукъ, статьи о Владимірѣ Соловьевѣ и о князѣ Черкасскомъ, — рядъ критическихъ и библіографическихъ замѣтокъ (объ «Этикѣ» Спинозы, о книгѣ кіевскаго профессора Гилярова «Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи» и др.) и опытъ программы борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Пришлось оживленно поработать въ свое время и въ «Порядкѣ», помѣстивъ въ немъ много мелкихъ замѣтокъ, некрологовъ (между прочимъ «У гроба Ѳ. М. Достоевскаго»), юридическихъ обозрѣній («Судебные Уставы на страницахъ Свода законовъ», «Судебная реформа и практика» и др.) и двѣ передовыя статьи по поводу кончины и погребенія Царя-Освободителя. Съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю я, какъ тепло отнеслись семь лѣтъ назадъ мои «совопросники» и собесѣдники по «круг-

лому столу» къ исполнившемуся сорокалѣтію моей служебной дѣятельности, когда мнѣ неожиданно пришлось почувствовать себя по отношенію къ нимъ въ положеніи подсудимаго, признающаго свою вину и лишь мечтающаго о снисхожденіи со стороны присяжныхъ и которому послѣдніе, къ немалому для него конфузу, выносятъ оправдательный приговоръ. Воспоминанія о моей судебной службѣ — какъ это ни странно — тѣсно связаны съ дружескимъ кругомъ, который въ былые годы сходился за «круглымъ столомъ». Эта служба шла, выражаясь словами Пушкина, «горестно и трудно», и тотъ ея періодъ, когда я, вопреки нѣкоторымъ неосновательнымъ надеждамъ, дѣйствовалъ въ твердомъ сознаніи, что русскій судья, призванный примѣнять Судебные Уставы по ихъ точному смыслу, обязанъ быть нелицемѣрнымъ слугою, но не прислужникомъ правосудія, бросалъ свою тѣнь на всѣ послѣдующіе долгіе годы, ставя меня въ положеніе лишь терпимаго, но отчужденнаго судебнаго дѣятеля, которому рѣшались предлагать сложить съ себя судейское званіе и котораго подвергали разнымъ видамъ служебныхъ аварій — нравственныхъ и даже матеріальныхъ — до лишенія преподавательской каѳедры и назначенія членомъ комиссіи для разбора старыхъ архивныхъ дѣлъ включительно. Нынѣ я этому могу только радоваться, имѣя возможность оглянуться назадъ, не краснѣя и не стыдясь моего прошлаго. Но бывали тяжелые дни и часы, когда въ отмежеванной мнѣ области дѣятельности я чувствовалъ себя одинокимъ, окруженнымъ торжествующимъ противодѣйствіемъ, явнымъ недоброжелательствомъ и тайнымъ злорѣчіемъ. Но и тогда, въ теченіе почти тридцати лѣтъ, садясь за гостепріимный «круглый столъ», я чувствовалъ себя въ области идей и началъ другого, высшаго порядка: мнѣ дышалось легче и свободнѣй, и бодрость снова развертывала свои крылья въ моей душѣ. И теперь, когда передъ моимъ мысленнымъ взоромъ проходятъ образы людей, встрѣчавшихся за этимъ столомъ, я не могу не быть признательнымъ имъ за то «ambiente», за ту нравственную атмосферу, въ которой провелъ я съ ними и благодаря имъ многіе часы. — Сколько изъ нихъ уже ушло въ «Элизіумъ тѣней»! Я вижу благородныя сѣдины Арцимовича и изъ устъ его слышу завѣты истин-

ной государственной мудрости; я слышу заразительный смѣхъ и страстное слово Кавелина; предо мной встаетъ Спасовичъ съ непокорнымъ, яркимъ словомъ, въ которое облечено глубокое содержаніе; я не могу забыть разсказовъ Тургенева; мнѣ кажется, что еще и теперь сидитъ противъ меня мой старый добрый другъ Иванъ Александровичъ Гончаровъ, и что, вперивъ проникновенный взоръ куда-то вдаль, задумался Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Моя признательность идетъ дальше. Въ теченіе довольно долгихъ и трудныхъ лѣтъ приходилось работать на своемъ поприщѣ среди враждебнаго настроенія, не чувствуя и не видя около себя почти никакой поддержки. Какъ часто тутъ наступаютъ минуты усталости и смертнаго грѣха унынія, и подкрадывается къ человѣку услужливый *компромиссъ* со своими обманчиво успокоительными нашептываніями объ уступкахъ! Какъ легко ему поддаться и незамѣтно для себя пойти по наклонной плоскости до той поры, когда придется услышать роковое: «да воспляшетъ Исакій съ нами!» Въ такія минуты я искалъ опоры не только въ императивѣ собственнаго сознанія, но нерѣдко и въ представленіи о кружкѣ сидящихъ за «круглымъ столомъ». Вокругъ него до послѣднихъ лѣтъ все больше и больше сгущалась тьма; когда-то кусокъ небольшого, но цѣльнаго материка, онъ становился островкомъ, затеряннымъ среди безбрежнаго моря пошлости, лицемѣрія и самохвальства. Однако, вступить на этотъ островокъ, причалить къ нему было хотя и отрадно, но не легко. Это надо было заслужить. И для меня, столь часто чувствовавшаго себя *чужимъ* въ области своей прямой дѣятельности и *своимъ* въ этомъ кружкѣ, онъ былъ своего рода нравственнымъ ареопагомъ. Мысль о немъ не могла не убивать соблазновъ компромисса. «А что скажетъ на это Кавелинъ! Какъ пожму я его честную и неуступчивую руку? Какая грусть промелькнетъ въ глубокихъ глазахъ Арцимовича, и какая улыбка сдержаннаго сожалѣнія встрѣтитъ меня на лицѣ Михаила Матвѣевича!» Вотъ за эту нравственную поддержку, столь важную для того, «чтобъ человѣкъ не баловался», какъ сказалъ Некрасовъ, — я на восьмомъ десяткѣ своей жизни не могу не сказать спасибо...

II.

Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

(1912).

Будучи студентомъ юридическаго факультета Московскаго университета въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, я много занимался уголовнымъ правомъ и написалъ кандидатскую диссертацію «О правѣ необходимой обороны», напечатанную по постановленію Совѣта университета въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ». Эта диссертація послужила поводомъ къ предложенію мнѣ остаться при университетѣ по каѳедрѣ уголовнаго права. Несмотря на всю заманчивость возможности сдѣлаться профессоромъ старѣйшаго русскаго университета, гдѣ еще недавно читалъ Грановскій и гдѣ еще не смолкло вѣщее и глубокое слово С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина и блестящая талантливая импровизація Н. И. Крылова, я не могъ принять условіе, съ которымъ было связано это предложеніе. Оно состояло въ обязательствѣ почти немедленно послѣ окончанія курса начать читать лекціи по уголовному праву. Московскій университетъ воспитывалъ въ насъ не только живой интересъ къ наукѣ, но и уваженіе къ ней, и мнѣ казалось непозволительнымъ скомпилировать свои лекціи изъ разныхъ книжекъ, не разрѣшивъ для себя путемъ самостоятельнаго труда нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ моего предмета. Не могъ я и jurare in verba magistri,

потому что этотъ magister былъ человѣкъ научно отсталый, своеобразныхъ взглядовъ котораго я не раздѣлялъ. Поэтому я былъ лишь рекомендованъ Министерству Народнаго Просвѣщенія вмѣстѣ съ моими товарищами Морошкинымъ и Хлѣбниковымъ для внесенія въ списокъ отправляемыхъ за границу для занятій подъ руководствомъ Н. И. Пирогова. Въ ожиданіи этой отправки, которая могла состояться не ранѣе какъ черезъ годъ (а затѣмъ и не состоялась вовсе вслѣдствіе внезапнаго отозванія Пирогова въ 1866 г. изъ Лейпцига и прекращенія на нѣкоторое время этихъ учебныхъ командировокъ), пришлось поступить на службу. Кратковременное пребываніе мое въ Государственномъ Контролѣ, обновляемомъ и преобразовываемомъ Татариновымъ, было прервано предложеніемъ поступить въ Военное Министерство для юридическихъ занятій, послѣдовавшимъ на основаніи рекомендаціи университета на запросъ военнаго министра Милютина. Здѣсь пришлось мнѣ его видѣть въ первый разъ и испытать дѣловую привѣтливость, съ которою онъ умѣлъ отнестись къ недавнему студенту, еще чуждому служебныхъ обычаевъ. Причисленный къ Военному Министерству, я былъ откомандированъ въ распоряженіе дежурнаго генерала (такъ называлась тогда позднѣйшая должность начальника Главнаго Штаба), графа Ѳедора Логгиновича Гейдена, человѣка въ высшей степени симпатичнаго и трудолюбиваго. Онъ разрѣшилъ мнѣ не носить форменнаго платья и представлять мои работы ему непосредственно, минуя разныя канцелярскія инстанціи.

Подъ его высшимъ управленіемъ находились два совершенно разныхъ по составу, характеру дѣятельности и даже по внѣшнему виду служащихъ учрежденія: Инспекторскій Департаментъ и Генеральный штабъ. Въ первомъ сидѣли гражданскіе чиновники Военнаго Министерства, «дьяки, въ приказахъ посѣдѣлые», угрюмо замкнувшіеся въ свои служебные интересы и, за небольшими исключеніями, люди рутины, съ явнымъ недоброжелательствомъ относившіеся къ «ученому», постановленному внѣ условій іерархическаго чиноначалія и субординаціи. Большія стеклянныя двери отдѣляли это чернильное царство отъ комнатъ, занимаемыхъ Генеральнымъ Штабомъ. Тамъ дышалось легче, вѣяло образо-

ваніемъ и широкими взглядами, и тамъ меня всегда привѣтливо и съ полной готовностью помогать въ работѣ встрѣчали, безъ различія ранговъ, просвѣщенные и живые люди, о многихъ изъ которыхъ я сохранилъ доброе воспоминаніе. Мнѣ поручались графомъ Гейденомъ спеціальныя историко-юридическія работы, необходимыя для разныхъ преобразованій, назрѣвшихъ въ Военномъ Министерствѣ. Приходилось посѣщать архивъ и читать иностранные источники по вопросамъ военной администраціи и юстиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было поручено состоять въ распоряженіи генералъ-аудитора В. Д. Философова и по его указаніямъ участвовать въ различныхъ работахъ по выработкѣ военно-судебныхъ уставовъ. Послѣднія работы были мнѣ особенно по душѣ, по представляемому ими интересу и по возможности ближе ознакомиться съ благородною личностью Философова, подъ суровой наружностью котораго билось доброе и правдивое сердце. Раза два мнѣ пришлось представлять, по порученію Гейдена, различныя справки и выписки изъ моихъ работъ и военному министру и удивляться его способности быстро и точно оріентироваться въ вопросахъ юридическаго характера. При мнѣ же совершилось и сліяніе Инспекторскаго Департамента съ Генеральнымъ Штабомъ въ одно общее учрежденіе, подъ названіемъ Главнаго Штаба, при чемъ начальникомъ его былъ назначенъ графъ Гейденъ. Передъ этимъ, однако, мои «дьяки» попытались подвести «пришлеца» подъ общее ихъ канцелярскихъ порядковъ. Собравшись, съ разрѣшенія графа Гейдена, ѣхать на Пасху въ Москву для свиданія съ моей матерью, я получилъ отъ экзекутора Инспекторскаго Департамента повѣстку о назначеніи меня дежурнымъ въ пасхальную ночь—по пріему пакетовъ. Нужно было негодующее распоряженіе графа Гейдена, чтобы объяснить кому слѣдуетъ, что въ занятія, для которыхъ я состою при Министерствѣ, не входитъ ночное бдѣніе на протертомъ клеенчатомъ диванѣ передъ грязнымъ столомъ, закапаннымъ сургучомъ и стеариномъ, въ обществѣ кого-либо изъ опальныхъ курьеровъ. Вскорѣ послѣ этого, 17 апрѣля 1866 года, должны были открыться въ Петербургѣ новыя судебныя учрежденія. Меня тянуло въ нихъ неудержимо, и на запросъ старшаго предсѣдателя Петербургской Судебной Па-

латы — нѣтъ ли препятствій къ перемѣщенію меня на должность помощника секретаря, которая была гораздо ниже (даже и по окладу), занимаемаго мною въ Военномъ Министерствѣ положенія, дававшаго возможность разсчитывать на дальнѣйшую службу по военно-судебному вѣдомству,—послѣдовалъ отвѣтъ: «Желалъ бы удержать, но не считаю себя въ правѣ».

Прошло двадцать лѣтъ моей дѣятельной службы на судебномъ поприщѣ. Въ 1878 году мнѣ пришлось предсѣдательствовать въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ по громкому дѣлу, взволновавшему самые разнообразные круги Петербурга. Оправдательный приговоръ присяжныхъ, встрѣченный одними съ шумнымъ восторгомъ, а другими съ гнѣвнымъ изумленіемъ, далъ поводъ къ серьезной вдумчивости въ общественное настроеніе и къ признанію, что тамъ, гдѣ оказывается безсильной судебная терапія, необходимо видѣть недостатокъ общественной гигіены. Приговоръ присяжныхъ былъ извѣстнаго рода показателемъ, а не единичнымъ, не имѣющимъ органической связи со всѣмъ окружающимъ, случаемъ. Но съ этой точки зрѣнія на него не хотѣли взглянуть и, вмѣсто выясненія причинъ, вызвавшихъ самый процессъ и его исходъ, стали искать виновника послѣдняго. Присяжные, почерпнутые ковшомъ изъ моря обыденной жизни, опять ушли въ него и были въ качествѣ виновныхъ неуловимы. Прокурорскій надзоръ, представленный малодушнымъ и бездарнымъ обвинителемъ, находилъ себѣ въ іерархическомъ порядкѣ защитниковъ, не желавшихъ признавать собственныхъ ошибокъ, и виновнымъ оказался предсѣдатель, строго исполнявшій предписанія Судебныхъ Уставовъ и желавшій въ области правосудія служить, но не оказывать услуги. На него и посыпались различныя обвиненія, въ которыхъ полное незнакомство съ правилами уголовнаго процесса смѣшивалось съ сознательнымъ закрываніемъ глазъ на дѣйствительныя причины состоявшагося оправданія. Всѣ члены одного высокаго совѣщанія, собраннаго по поводу этого дѣла, сошлись на томъ, что единственная причина зла — это предсѣдатель. И раздался лишь одинъ голосъ, который вступился за судью, исполнявшаго свой долгъ. Этотъ голосъ принадлежалъ Дмитрію Алексѣевичу Милютину.

Съ душевной отрадой узнавъ объ этомъ заступничествѣ, я былъ вскорѣ обрадованъ представившеюся мнѣ возможностью личнаго, уже не служебнаго знакомства съ Милютинымъ. Часы, проведенные въ его миломъ семействѣ, никогда не изгладятся изъ моей памяти: такъ все было тамъ просто, естественно и проникнуто доброжелательнымъ взглядомъ на людей. Я имѣлъ случай лично убѣдиться въ справедливости слѣдующаго отзыва Бориса Николаевича Чичерина, сдѣланнаго имъ въ своихъ запискахъ, которыя, къ сожалѣнію, еще не скоро увидятъ свѣтъ: «Милютинъ очаровалъ меня съ перваго раза. Необыкновенная сдержанность и скромность, соединенная съ мягкостью формъ, тихая рѣчь, всегдашняя дружелюбная обходительность, при отсутствіи малѣйшихъ претензій, все въ немъ возбуждало сочувствіе. Когда же я узналъ его ближе, я не могъ не испытать глубокаго уваженія къ благородству его души и къ высокому нравственному строю его характера, который, среди величайшихъ почестей и соблазновъ власти, сохранился всегда чистъ и независимъ». По вечерамъ, когда всѣ собирались за чаемъ, приходилъ усталый отъ дневной работы Дмитрій Алексѣевичъ и отдыхалъ за разговоромъ объ искусствѣ и литературѣ, при чемъ въ его мнѣніяхъ и замѣчаніяхъ сквозили самостоятельность взгляда и тонкая наблюдательность въ областяхъ, чуждыхъ его обычнымъ громаднымъ занятіямъ. Мнѣ помнится, между прочимъ, довольно длинный разговоръ о Салтыковѣ-Щедринѣ. Дмитрій Алексѣевичъ былъ большимъ почитателемъ Салтыкова и, отдавая справедливость тому искусству, съ которымъ знаменитый сатирикъ, путемъ яркихъ иносказаній, умѣлъ давать освѣщеніе и придавать рельефъ больнымъ мѣстамъ современности, съ удивленіемъ отмѣчалъ полное непониманіе въ высшихъ правительственныхъ кругахъ смысла сатиры Щедрина, въ которой видѣли одинъ лишь увеселительный и забавный юморъ. Видѣть Милютина въ его житейской обстановкѣ, чуждой холодной свѣтской условности, сознавая, что онъ въ то же время одинъ изъ самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, — было и отрадно, и поучительно. Я всегда въ жизни мысленно ставилъ себя на мѣсто слушателей французскаго ученаго Виктора Кузена, который, обращаясь къ нимъ въ своей про-

щальной лекціи въ Collège de France, сказалъ: — entretenez en vous le noble sentiment du respect, — sachez admirer!

«Непріятель найдетъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины», — гласила депеша князя Горчакова о взятіи союзниками многострадальнаго города въ августѣ 1855 г.; — но Россія нашла въ этихъ развалинахъ зерно обновленія. Севастопольскій погромъ, блистательно подтвердивъ прекрасныя свойства русскаго человѣка, выражавшіяся между прочимъ въ его умѣніи *умирать*, доказалъ совершенную непригодность общественнаго быта и военно-бюрократическаго строя для *жизни* этого человѣка. Еще Иванъ Аксаковъ въ одномъ изъ писемъ къ своему отцу указывалъ, что этотъ бытъ и строй представляютъ лишь *фасадъ* зданія общественнаго благополучія и государственной мощи, за которымъ нѣтъ ничего или очень часто есть лишь мерзость запустѣнія. Въ виду того, что фасадъ этотъ сталъ разрушаться и трескаться, не имѣя сзади себя никакой опоры, необходимо было расчистить мѣсто и начать постройку вновь со свѣжими силами и съ новымъ матеріаломъ. Въ правящихъ кругахъ военнаго вѣдомства, столь нуждавшагося въ обновленіи, такихъ дѣятелей на лицо не было. Завѣты великаго Петра и направленіе, данное имъ военному дѣлу въ Россіи, ко времени Крымской войны были забыты такъ же, какъ и самобытные, исполненныя пониманія души русскаго солдата, пріемы Суворова. На армію смотрѣли, какъ на бездушный механизмъ, и центръ тяжести военной службы былъ перемѣщенъ въ парады и смотры. Чѣмъ больше походилъ солдатъ на автомата, тѣмъ выше цѣнились служебныя достоинства его начальства. Недаромъ одному изъ очень высокопоставленныхъ мирныхъ героевъ военнаго дѣла приписывались слова, что война крайне нежелательна лишь потому, что *портитъ солдатъ, пачкаетъ мундиры и разрушаетъ строй*, а другой объявлялъ въ приказѣ замѣчаніе командиру за то, что нижніе чины ввѣреннаго ему полка шли не въ ногу... изображая римскихъ воиновъ въ оперѣ «Норма». Условія службы были крайне тяжелы: она продолжалась 25 лѣтъ, вырывая молодого человѣка изъ семьи и трудовой среды и возвращая въ нее чуждымъ и измученнымъ

старикомъ, ненужнымъ и запоздалымъ гостемъ. Побои и всякаго рода «муштра» сопровождали обученіе строю и вытягиванію носка; тяжкія тѣлесныя наказанія являлись результатомъ дисциплинарныхъ нарушеній, а прогнаніе сквозь строй, или такъ называемые шпицрутены мрачно оттѣняло собою военно-бытовую картину. Достаточно прочесть описаніе «зеленой улицы» у Ровинскаго или въ разсказѣ «Послѣ бала» Толстого, чтобы содрогнуться и за жертву, и за исполнителей, и за свидѣтелей. Ни пребываніе въ этой тяжкой школѣ, ни оставленіе ея не были обставлены маломальски сносными условіями. Солдатъ плохо одѣвали и скудно питали, потому что въ хозяйственномъ отношеніи непосредственное командованіе войсковыми частями, напоминая наше допетровское «кормленіе», являлось зачастую средствомъ беззастѣнчивой наживы. Слова Петра: «понеже корень всему злу есть сребролюбіе, того для всякъ командующій долженъ блюсти себя отъ неправаго прибытка и не точію блюсти, но и другихъ отъ онаго жестоко унимать и довольнымъ быти опредѣленнымъ, а такой командиръ, который лакомство велико имѣетъ, не много лучше измѣнника почтенъ быть можетъ», звучали — если случайно и вспоминались — какъ анахронизмъ. Изъ записокъ и воспоминаній Пирогова видно, въ какомъ возмущавшемъ его благородное сердце положеніи находилось лѣченіе больныхъ солдатъ, при которомъ правильному врачеванію и уходу отводилось самое послѣднее мѣсто среди проявленій грубости пріемовъ, своекорыстія и всякаго рода хищеній со стороны «дубовыхъ — по выраженію Петра — сердецъ». А обезпеченіе на старость послѣ поглотившей лучшіе, трудоспособные годы службы было анекдотически ничтожно, да и доставалось только прошедшимъ черезъ цѣлый рядъ формальныхъ мытарствъ. Недаромъ у Некрасова отставной солдатъ говоритъ, что ему «пенсіи выдать не велѣно: сердце насквозь не прострѣлено». Нужно ли говорить, на какой низкой ступени стояли мѣры къ нравственному и умственному развитію «автоматовъ». Въ этомъ отношеніи приводимое Герценомъ въ извѣстномъ разсказѣ о витіеватомъ отвѣтѣ солдата съ двумя Георгіями восклицаніе генерала: «Въ гробъ заколочу Демосѳена!» представляется очень характернымъ.

Очевидно, что коренная реформа была неизбѣжна. Наравнѣ со всѣми реформами шестидесятыхъ годовъ, она вытекала не только изъ сознанія необходимости, но и изъ довѣрія къ духовнымъ силамъ народа. Какъ нѣкогда Петръ Великій совершенно обновилъ весь строй и организацію арміи, такъ и тутъ было неизбѣжно, послѣдовательно и настойчиво пересоздать оказавшееся гнилымъ устройство, такъ тяжко отразившееся не только на всей народной жизни, но и на достоинствѣ и силѣ Россіи. Но для этой задачи въ правящихъ кругахъ Петербурга не было, однако, *одного* необходимаго элемента—реформатора. Ближайшіе военные министры предшествовавшаго времени были представителями рутины. Заботами князя Чернышева была подготовлена та армія, которой приходилось умирать въ Крыму и на Дунаѣ, съ плохимъ и устарѣлымъ оружіемъ, съ недостаткомъ пороха и снарядовъ. Она, конечно, не могла, несмотря на весь свой героизмъ, умѣньемъ маршировать и строиться подъ предводительствомъ бездарныхъ и самонадѣянныхъ фронтовиковъ проявить, предъ лицомъ непріятеля, необходимую боевую подготовку. Замѣнившій Чернышева князь Долгорукій сосредоточилъ свое вниманіе на переобмундированіи войска, а престарѣлый генералъ Сухозанетъ, при всѣхъ своихъ добрыхъ свойствахъ (при немъ уничтожены, между прочимъ, школы военныхъ кантонистовъ), былъ до того не отвѣтственъ въ смыслѣ современной науки, что нѣкоторыя его резолюціи не забыты до сихъ поръ, какъ, напримѣръ, приписываемая ему: «Сумлеваюсь штопъ Прискорбъ (Брискорнъ) могъ обалванить ефто дело кюлю (къ іюлю)».

Такимъ реформаторомъ явился Милютинъ. «Кабинетный ученый, теоретикъ», говорили про него его противники.—Да! *ученый* — это вѣрно и при томъ, подобно Пирогову, съ самой юности. Питомецъ «благороднаго пансіона» при Московскомъ университетѣ, онъ написалъ и издалъ, шестнадцати лѣтъ отъ роду, «Руководство къ съемкѣ плановъ». Затѣмъ сотрудникъ энциклопедическихъ изданій, авторъ многихъ изслѣдованій по военной статистикѣ и географіи, статьи «Суворовъ, какъ полководецъ», послужившей своего рода увертюрой къ громадному, классическому по основательности, изложенію и настоящему патріотизму

труду «Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей», увѣнчанному Академіей Наукъ, и, наконецъ, профессоръ военной академіи... *Кабинетный* — тоже да! если кабинетъ противополагать передней, почтительнымъ пребываніемъ въ которой нерѣдко дѣлается карьера. Но можно ли назвать теоретикомъ человѣка, прослужившаго до профессорской каѳедры пять лѣтъ на Кавказѣ, на тогдашнемъ боевомъ Кавказѣ, раненаго тамъ и занявшаго затѣмъ дѣятельный и сопряженный съ личнымъ участіемъ въ окончательной побѣдѣ надъ Шамилемъ постъ начальника штаба кавказской арміи? Едва ли можно было найти для преобразованія военной части лицо, къ которому съ большимъ правомъ можно было примѣнить англійскую поговорку о «настоящемъ человѣкѣ на настоящемъ мѣстѣ». Призванный осенью 1861 года стать во главѣ военнаго вѣдомства, онъ совершилъ громадную работу перестройки на новыхъ началахъ русской военной силы, ея хозяйства, ея суда. «Онъ одинъ въ Россіи, — говоритъ о немъ Чичеринъ, — могъ совершить великое дѣло, которое тогда предстояло: преобразовать русскую армію изъ крѣпостной въ свободную, приноровить ее къ отношеніямъ и потребностямъ обновленнаго общества, при радикально-измѣнившихся условіяхъ жизни, не лишая ея, однако, тѣхъ высокихъ качествъ, которыя отмѣчали ее при прежнемъ устройствѣ. Онъ сдѣлалъ это, работая неутомимо, вникая во всѣ подробности, постоянно преслѣдуя одну высокую цѣль, которой онъ отдалъ всю свою душу». Сокращеніе имъ тягостнаго и несправедливаго бремени рекрутчины почти наполовину было лишь первымъ шагомъ ко введенію общей краткосрочной воинской повинности. Уставъ о ней, послѣ долгой подготовительной работы, стоилъ ему въ Государственномъ Совѣтѣ упорной борьбы съ самыми разнообразными по источнику противодѣйствіями. Чтобы преодолѣть ихъ, нужно было, подобно Шарнгорсту послѣ Тильзита, имѣть горячую и неугасимую вѣру въ свой народъ, нужно было также умѣть оградить самую идею общей повинности отъ искаженія, которому она, напримѣръ, уже однажды подвергалась у насъ, переродившись, подъ вліяніемъ Аракчеева, въ военныя поселенія. Неустаннымъ трудомъ своимъ и умѣлымъ выборомъ предсѣдателя и членовъ комиссіи

по введенію общей воинской повинности, Милютинъ обратилъ дѣло защиты родины изъ суровой тяготы для многихъ въ высокій долгъ для всѣхъ и изъ единичнаго несчастія въ общую обязанность. Восточная война 1877 года вызвала зловѣщія предсказанія, что дисциплина, не поддерживаемая, благодаря «либерализму» Милютина, тѣлесными наказаніями, а подчасъ и кулачною расправою, не выдержитъ требованій и соблазновъ боевой жизни, и что вся новая организація военнаго дѣла окажется несостоятельною. Но предсказанія эти не оправдались, и русское войско, которому въ свое время Милютинъ далъ облагороженныя правила «дисциплинарнаго устава», съ честью, стойко и доблестно выдержало всѣ выпавшія на его долю тяжкія и кровавыя испытанія. Когда малодушіе и растерянность стали овладѣвать большинствомъ вождей послѣ троекратнаго пораженія подъ Плевной, и они считали неизбѣжнымъ подать голоса за отступленіе, которое превратило бы неудачу въ настоящее бѣдствіе, Милютинъ энергично и вліятельно поддержалъ тѣхъ, кто былъ противъ «ретирады», вмѣняющей въ ничто и принесенныя жертвы и пролитую подъ стѣнами Плевны кровь. «Кабинетный ученый» оказался дальновиднѣй многихъ «практиковъ», которые «сумлевались штопъ»... «Когда такъ, — раздраженно сказалъ ему главнокомандующій, по словамъ одного изъ біографовъ Милютина, — то примите на себя и командованіе арміей!» — «Если государю будетъ угодно, я и приму», — спокойно отвѣчалъ Милютинъ.

Уставъ объ общей воинской повинности содержалъ въ себѣ могучій и жизненный стимулъ для развитія народнаго образованія. Въ отношеніи послѣдняго военный министръ Милютинъ сдѣлалъ и упрочилъ гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы то сдѣлать, при всемъ желаніи, министръ народнаго просвѣщенія, понимающій свои задачи. Поднимая нравственный уровень арміи, учреждая и развивая на широкихъ основаніяхъ учебныя заведенія, онъ стойко боролся, въ свое время, противъ надвигавшагося тумана такъ называемаго классицизма, стремившагося обратить обученіе въ ущербъ его настоящему назначенію, въ политическое орудіе. «Онъ питалъ — пишетъ о немъ въ своихъ запискахъ Чичеринъ — глубокое уваженіе къ образованію; всякое проявленіе

мысли возбуждало въ немъ сочувствіе и уваженіе и, наоборотъ, онъ презиралъ людей, высокое положеніе которыхъ прикрывало внутреннюю пустоту и невѣжество». Участвуя во всѣхъ важнѣйшихъ законодательныхъ работахъ своего времени, онъ вносилъ въ нихъ со своей стороны неколебимое сознаніе, что «духъ животворитъ, — буква мертвитъ». Первый, допустивъ въ учрежденіяхъ своего вѣдомства устройство женскихъ медицинскихъ курсовъ, онъ открылъ русской дѣвушкѣ возможность вооружиться не одной жалостью къ страждущимъ, но и серьезнымъ знаніемъ. Участникъ благороднаго кружка, собиравшагося вокругъ свѣтлой личности великой княгини Елены Павловны, — другъ К. Д. Кавелина и братъ не только по плоти, но и по духу своего брата Николая Алексѣевича — онъ оставался вѣренъ себѣ во всѣхъ своихъ мѣрахъ и начинаніяхъ, не поступаясь ничѣмъ изъ своей нравственной природы въ угоду злобѣ дня или во имя ея.

Кончина Александра II остановила выполненіе преобразовательной программы графа Лорисъ-Меликова, направленной на систематическое ознакомленіе съ упованіями и потребностями страны, путемъ обращенія къ ея общественнымъ силамъ. Этому введенію въ мертвый бюрократическій механизмъ біенія пульса живого народнаго организма вполнѣ сочувствовалъ Дмитрій Алексѣевичъ. Онъ находилъ, что всѣ преобразованія «эпохи великихъ реформъ», за исключеніемъ упраздненія крѣпостного права, осуществлялись съ недовѣріемъ къ ихъ пользѣ, съ принятіемъ мѣръ, нерѣдко противорѣчащихъ ихъ существу. Не достигая своей цѣли или встрѣчая на пути къ ней ненужныя препятствія, онѣ не могли удовлетворять общество, и въ немъ стало развиваться глухое недовольство. Необходимо было итти впередъ и сдѣлать въ этомъ смыслѣ первые шаги, намѣченные графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Противъ мнѣнія Милютина о необходимости продолженія и развитія реформъ на почвѣ непосредственной освѣдомленности о нуждахъ страны — людьми иныхъ взглядовъ, близорукость которыхъ сказалась чрезъ четверть вѣка, было выдвинуто указаніе на необходимость «реформы реформъ», и послѣднее мнѣніе восторжествовало. Это «исправленіе» реформъ грозило всему, что за двадцать лѣтъ своего служенія родинѣ выработалъ

Дмитрій Алексѣевичъ. Подача въ отставку отъ должности военнаго министра была вполнѣ естественнымъ и даже неизбѣжнымъ шагомъ для такого человѣка, какъ онъ. Какъ бы ни было лично хорошо къ нему отношеніе монарха, онъ не могъ не сознавать, что вокругъ него со всѣхъ сторонъ наступаетъ приливъ желаній и понятій, которыя кореннымъ образомъ противорѣчатъ всему, что онъ выработалъ долгимъ служебнымъ и житейскимъ опытомъ. Первыя волны этого прилива уже давали себя чувствовать, а за ними виднѣлся рядъ новыхъ, и въ шумѣ этого прибоя слышалось не обѣщавшее ничего добраго осужденіе почти всего, что было создано эпохой великихъ реформъ. Осуществленіе послѣднихъ было признано глубокой политической ошибкой, результатомъ поспѣшной довѣрчивости монарха и коварныхъ внушеній злонамѣренныхъ людей, стремившихся, изъ затаенныхъ побужденій, расшатать и подпилить давно и прочно сложившійся укладъ общественной и государственной жизни. Конечно, при нѣкоторой *приспособляемости* дѣятель лучшихъ временъ царствованія Александра II могъ найти modus vivendi съ надвигавшимся порядкомъ идей и вещей и, при внѣшней ему подчиненности, оказывать ему внутреннее противодѣйствіе, обращая, гдѣ возможно, его видимый успѣхъ въ призрачный? Но это не соотвѣтствовало бы прямотѣ характера Милютина, къ которому можно было приложить прекрасныя слова изъ «Соборянъ» Лѣскова, сказавъ, что онъ «во всѣхъ борьбахъ ковался, какъ нѣкій крѣпкій и ковкій металлъ, а не плющился, какъ низменная глина, сохраняющая отпечатокъ послѣдней ноги, которая на нее наступила»... Конечно, можно было и не приспособляться, а, пользуясь относительною высотою своего общественнаго положенія, удовлетворять свое самолюбіе фрондированіемъ въ границахъ служебной безопасности. Примѣры этому бывали... Но и это шло бы въ разрѣзъ съ привычками и свойствами Милютина. Онъ предпочелъ оставить Петербургъ навсегда и, поселившись въ Симеизѣ, на южномъ берегу Крыма, замкнуться въ молчаніи, чуждомъ гордыни и исполненномъ достоинства. Своимъ яснымъ умомъ онъ понялъ, что назначенная ему судьбою роль окончена, и что дальнѣйшее его пребываніе въ Петербургѣ могло создать для него въ разныхъ случаяхъ фальшивое

положеніе, безъ всякой пользы для родины. Недаромъ французы говорятъ: on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans. Его иногда упрекали за этотъ уходъ и за это молчаніе, не понимая, насколько послѣднее было краснорѣчивѣе празднаго и безплоднаго слова. Упрекавшіе забывали, что человѣкъ, остававшійся всю дѣятельную жизнь вѣрнымъ себѣ, *обязанъ* сохранить цѣльнымъ свои нравственный образъ и для этого иногда умѣть уйти во-время, въ сознанія того, что все, что можно было ему сдѣлать, было имъ сдѣлано. И это сознаніе не могло не жить въ душѣ Милютина. Wer für die Besten seiner Zeit gelebt, der hat gelebt für alle Zeiten, а Милютинъ вложилъ свою душу во все лучшее, чѣмъ ознаменовалось царствованіе Александра II.

Несмотря на то, что оставленіе имъ должности военнаго министра вызвало нескрываемую радость въ его многочисленныхъ врагахъ, радость эта, однако, была неполная: многимъ изъ нихъ хотѣлось бы видѣть его безъ власти и вліянія, лицомъ къ лицу съ постепеннымъ разрушеніемъ его дѣла, пригвожденнымъ къ петербургскому болоту, гдѣ «иглы тайныя сурово — язвили бъ славное чело». Мнѣ случайно пришлось быть свидѣтелемъ, какого рода могли быть эти иглы. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Дмитрій Алексѣевичъ почтилъ меня своимъ посѣщеніемъ, чтобы проститься, но не засталъ меня дома. Поспѣшивъ на другой день быть у него и тоже не заставъ его дома, я прошелъ къ его супругѣ и нашелъ ее, всегда тихую и привѣтливую, въ несвойственномъ ей состояніи плохо скрываемаго гнѣва. Передъ нею сидѣлъ, съ безцвѣтнымъ и ничего не выражающимъ лицомъ, какой-то генералъ и нервно перебиралъ на своей каскѣ султанъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ. Увидя меня, графиня встала и, обращаясь къ нему, сказала: «Мнѣ вамъ больше нечего сказать, и вы можете передать тѣмъ, кого интересуетъ результатъ вашего посѣщенія, что графъ Милютинъ ни одного казеннаго стула изъ этого казеннаго дома не увезетъ», и, кивнувъ ему головой, обратилась ко мнѣ. Генералъ сконфуженно поклонился ей и удалился, обронивъ по дорогѣ одно изъ перьевъ своей каски. «Я, кажется, помѣшалъ вашей бесѣдѣ?» — Нисколько! Но, представьте, какая дерзость: этотъ господинъ явился ко мнѣ требовать подробной

описи всей находящейся у насъ казенной мебели для фактической этого провѣрки! — Успокойтесь, графиня, вы видите, какъ подѣйствовалъ вашъ отвѣтъ: этотъ господинъ, едва переступивъ вашъ порогъ, уже сталъ линять»,—сказалъ я, указывая на валявшееся на полу перо.

Уединеніе и молчаніе Милютина были, однако, далеки отъ безразличія и себялюбивой замкнутости въ самомъ себѣ. При моихъ посѣщеніяхъ его въ Симеизѣ я имѣлъ неоднократно возможность убѣдиться, какъ зорко и чутко слѣдилъ онъ за всѣмъ, что дѣлалось на Руси, какъ горячо одобрялъ то, что казалось ему полезнымъ, и съ какою скорбью отмѣчалъ то, что считалъ вреднымъ. Его мысль постоянно съ любовью и тревогой обращалась къ родинѣ. Казалось, особливо въ первые годы, что подъ внѣшнимъ спокойствіемъ въ душѣ его болѣзненно живетъ горькое сознаніе невозможности быть активно полезнымъ, не поступаясь завѣтами прошлаго. Нелегко ему было, конечно, слышать о той офиціальной опалѣ, которая распространялась даже на память о лучшихъ дѣяніяхъ того, чьимъ ближайшимъ сподвижникомъ былъ онъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Можно себѣ представить, съ какою болью вонзилось въ сердце брата «кузнеца-гражданина» извѣстіе о воспрещеніи, на основаніи 140 ст. Устава Цензурнаго, статей и замѣтокъ о празднованіи двадцатипятилѣтія освобожденія крестьянъ, на которое «не дано правительствомъ разрѣшенія» — и о несостоявшемся въ 1889 году празднованіи двадцатипятилѣтія изданія Судебныхъ Уставовъ. Черезъ два года послѣ оставленія имъ Петербурга я провелъ съ нимъ цѣлый день въ Симеизѣ въ средѣ его милой, радушной семьи. Изъ оконъ кабинета виднѣлось широко разстилавшееся море, воздухъ былъ напоенъ ароматомъ растеній, вокругъ неторопливо совершалась ежедневная работа разумнаго хозяйничанья, со стѣнъ смотрѣла богатая библіотека, а на столѣ лежала неоконченная рукопись съ четкимъ и красивымъ почеркомъ хозяина. «Дмитрій Алексѣевичъ,— сказалъ я подъ вліяніемъ этого, — чудная природа, спокойный творческій трудъ, любимая и любящая семья и свѣтлыя воспоминанія... вѣдь на этомъ можно помириться!» По проникнутому мыслью и умомъ лицу Милютина, подобно змѣйкѣ, скользнуло

болѣзненное выраженіе и, помолчавъ немного, онъ сказалъ: «Да,—если быть эгоистомъ!» По мѣрѣ того, какъ онъ обживался въ Крыму, онъ все болѣе и болѣе обращался мыслью къ прошлому и, отдаваясь своимъ богатымъ воспоминаніямъ, заносилъ ихъ на страницы своимъ мемуаровъ, разспросовъ о которыхъ, однако, тщательно избѣгалъ. Надо думать, что, когда они сдѣлаются общимъ достояніемъ, въ нихъ окажется богатѣйшій источникъ не только для исторіи, но и для оцѣнки чистой личности составителя, несмотря на его скромность и объективность. Во все время своего пребыванія въ Симеизѣ до самой смерти онъ, сколько мнѣ извѣстно, всего два раза покидалъ свое уединеніе: для поѣздки за границу въ 1889 году и въ Москву на открытіе памятника Александра II въ 1898 году. За границей, въ Люцернѣ, въ читальной комнатѣ отеля, старикъ-англичанинъ въ сѣромъ дорожномъ костюмѣ, углубившійся въ газеты, до такой степени напомнилъ мнѣ Дмитрія Алексѣевича, что я пошелъ справиться съ доской пріѣзжихъ и, къ великой своей радости и удивленію, узналъ, что это онъ самый и есть, такъ что могъ смѣло оторвать предполагаемаго англичанина отъ чтенія. Къ сожалѣнію, онъ уѣзжалъ на другой день рано утромъ, но все послѣобѣденное время и вечеръ мы провели вмѣстѣ, бродя по милому городку. Милютинъ несмотря на то, что показался мнѣ очень измѣнившимся и постарѣвшимъ, былъ бодръ физически и неутомимъ, хотя уже побывалъ въ Египтѣ, Палестинѣ и проѣхалъ всю Италію. Но печать тихой грусти лежала почти на всемъ, что онъ говорилъ. Воспоминанія молодости связывали его съ Швейцаріей, которую въ 1840 г. онъ исходилъ пѣшкомъ, и онъ, конечно, сознавалъ, что видитъ эту страну въ послѣдній разъ. Все въ томъ же настроеніи посѣтилъ онъ меня чрезъ недѣлю въ Гисбахѣ. Мнѣ помнится, что въ этотъ разъ — уже забылъ, по какому поводу— Дмитрій Алексѣевичъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Парижъ и о свиданіи тамъ съ Наполеономъ III, котораго онъ считалъ человѣкомъ умнымъ, но неудачникомъ вслѣдствіе политической близорукости, вызванной постояннымъ подпаденіемъ подъ вліяніе окружающей камарильи. Не безъ юмора разсказывалъ онъ, какъ добрый и благородный

принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій просилъ его при свиданіи съ императоромъ французовъ вызвать въ томъ интересъ къ горячо лелѣемому принцемъ проекту всеобщаго мира и разоруженія, побудивъ тѣмъ Наполеона устроить спеціальное свиданіе для обсужденія этого плана. Человѣколюбивый принцъ, такъ много сѣявшій вокругъ себя добра, увлекался мыслью повліять на человѣка, значеніе котораго въ Европѣ покоилось на успѣхѣ веденныхъ имъ войнъ и въ самомъ имени котораго слышалось бряцанье оружія и оттолосокъ неувядаемой военной славы его дяди! Это свиданіе и состоялось, но, конечно, какъ и надо было ожидать, безъ всякаго результата, не поколебавъ, однако, возвышенныхъ взглядовъ принца Петра Георгіевича. Что сказалъ бы онъ, если бы дожилъ до настоящаго времени и узналъ, что своею проповѣдью мира онъ рискуетъ зачислить себя въ зловредное, по мнѣнію нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ, тайное общество масоновъ?..

Въ Симеизѣ Милютинъ велъ самую скромную жизнь, чуждаясь всякихъ офиціальныхъ оказательствъ. Это была жизнь Цинцината, procul negotiis, при чемъ всѣ нити домашняго хозяйства находились въ рукахъ внимательной и заботливой супруги. По этому поводу Дмитрій Алексѣевичъ въ одно изъ моихъ крымскихъ посѣщеній разсказалъ мнѣ, что покойный государь Александръ III, который, къ слову сказать, сохранилъ къ бывшему военному министру искреннее уваженіе, неожиданно посѣтилъ его въ Симеизѣ и въ бесѣдѣ съ нимъ выразилъ желаніе выпить чаю. Хозяинъ сдѣлалъ немедленное распоряженіе, но чай не являлся. На повторное распоряженіе слуга отвѣтилъ, что ключи отъ чая у графини, а сама она ушла куда-то далеко, на виноградники. Государь просилъ не безпокоиться, и бесѣда продолжалась даже безъ этого обычнаго русскаго угощенія. Б. Н. Чичеринъ пишетъ о жизни Милютина въ своихъ запискахъ: «онъ живетъ здѣсь вдали отъ всякихъ дрязгъ, ни одной минуты не жалѣя о прежней дѣятельности или почестяхъ, наслаждаясь свободою, дѣлая съемки, какъ въ молодости, бодрый и спокойный, какъ мудрецъ, постигшій всю жизненную суету и находящій высшую прелесть въ томъ, чтобы жить отъ нихъ въ отдаленіи... Иногда мы вмѣстѣ совершаемъ прогулки по Крым-

скимъ горамъ и долинамъ, любуясь моремъ и великолѣпными видами. Онъ водитъ меня по своему небольшому помѣстью, гдѣ жена его съ успѣхомъ занимается винодѣліемъ. Однажды, когда послѣ прогулки, въ очаровательный майскій вечеръ, мы сидѣли на скамейкѣ и глядѣли на ароматную, разстилавшуюся у нашихъ ногъ долину Лимены, онъ воскликнулъ: «И подумать, что есть люди, которые всему этому предпочитаютъ Петербургъ!»...

Въ 1890 году я былъ свидѣтелемъ оригинальнаго недоразумѣнія, вызваннаго скромнымъ видомъ и манерами Дмитрія Алексѣевича. Прогостивъ у него два дня, я собрался пройти пѣшкомъ до Алупки, чтобы сѣсть въ омнибусъ, отправлявшійся въ Ялту. Дмитрій Алексѣевичъ захотѣлъ меня проводить. Но въ Алупкѣ оказалось, что омнибусы въ этотъ день не ходятъ: какой-то купецъ, празднуя свои именины, откупилъ всѣ омнибусы для своихъ гостей. Пришлось итти въ Мисхоръ, чтобы взять перекладную. И этотъ путь Милютинъ свершилъ бодро и легко. Въ Мисхорѣ свободною оказалась одна лишь перекладная телѣжка, и смотритель станціи предложилъ мнѣ раздѣлить ее съ другимъ лицомъ, ожидавшимъ очереди. Таковымъ оказался еще раньше встрѣченный мною на пути въ Гурзуфъ саратовскій помѣщикъ, чрезвычайно говорливо рѣшавшій всѣ вопросы съ провинціальнымъ самодовольствомъ и всезнайствомъ. Когда мы усѣлись, Дмитрій Алексѣевичъ, одѣтый въ старенькій китель, съ тростью въ рукахъ и въ высокихъ сапогахъ, дружески простившись со мною и привѣтливо поклонясь моему спутнику, пошелъ назадъ, не страшась вторично продѣлать долгій путь. — «Кто сей старче?» небрежнымъ тономъ спросилъ меня саратовскій помѣщикъ, кивнувъ головою въ сторону удалявшагося Милютина. — «А какъ вы думаете? — Да такъ, неважная фигура! —Не *важная* — это точно, но значительная и весьма!» И я объяснилъ ему, кто этотъ скромный «старче»... «Какъ? гдѣ? да не можетъ быть», и онъ такъ засуетился на перекладной, что чуть не свалился на землю, вертясь во всѣ стороны и силясь разглядѣть мелькавшую вдали на извивахъ дороги «неважную фигуру».

Б. Н. Чичеринъ приводитъ въ своихъ запискахъ характерные факты, рисующіе отношеніе Милютина къ житейскимъ отли-

чіямъ, столь соблазнительнымъ для многихъ. Когда на Пасхѣ 1855 года Кавелинъ выразилъ ему свою радость, что Д. А. назначенъ въ свиту, и Чичеринъ упомянулъ о томъ въ разговорѣ Николаю Алексѣевичу Милютину, послѣдній сказалъ: — «не можетъ быть! — я только-что получилъ записку отъ брата, и онъ ни слова объ этомъ не говоритъ. Впрочемъ, это отъ него станется...» — Много лѣтъ спустя, Милютинъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Встрѣтивъ его, Чичеринъ спросилъ: — «Что же? — поздравить васъ? — Какъ вамъ не стыдно?! — пускай другіе поздравляютъ, а вы, старый пріятель, знаете меня столько лѣтъ и считайте нужнымъ поздравлять...» — отвѣчалъ Милютинъ.

Открытіе памятника Царю-Освободителю въ Москвѣ было отпраздновано съ большой торжественностью, хотя въ ряду расшитыхъ золотомъ мундировъ взоръ съ трудомъ отыскивалъ искреннихъ сподвижниковъ того, кому былъ воздвигнутъ памятникъ. Было, конечно, немало сановниковъ, начавшихъ и продолжавшихъ свою службу въ его царствованіе. Но вѣрныхъ его реформамъ было между ними мало. Большинство — безразличное по существу и услужливое по пріемамъ — поплыло по измѣнившемуся теченію, а нѣкоторые и активно приложили руку къ разрушенію и разложенію этихъ реформъ, подъ видомъ якобы вызванной жизнью ихъ необходимой переработки. Между ними были и такіе, которые, однако, всѣмъ, въ смыслѣ подъема духа и энергіи при вступленіи въ дѣловую жизнь по судебной, земской, административной или просвѣтительной части, были обязаны благимъ начинаніямъ незабвеннаго Государя. Глядя на нихъ, я — старый московскій студентъ — невольно вспоминалъ разсказъ о нашемъ профессорѣ уголовнаго права, читавшемъ когда-то о судѣ присяжныхъ, гласности суда и адвокатурѣ, какъ о «мерзостяхъ французскаго судопроизводства», и круто измѣнившемъ свое мнѣніе послѣ появленія манифеста 1856 года, возвѣстившаго между прочимъ и будущее судебное преобразованіе. Онъ поставилъ единицу экзаменовавшемуся студенту, который вздумалъ отвѣчать по старымъ запискамъ, сказавъ ему при этомъ наставительно: — «нынче такъ не думаютъ!» Сколькіе, преклонившіе при возглашеніи вѣчной памяти усопшему Го-

сударю колѣна, поспѣшили послѣ его кончины сказать свое «нынче такъ не думаютъ» и осуществить его въ своей дѣятельности! Тѣмъ отраднѣе было видѣть тѣхъ немногихъ, кто имѣлъ право, безъ внутренней краски стыда, горячо и нелицемѣрно признать эту память и вѣчною, и дорогою. Между ними, конечно, на первомъ мѣстѣ стоялъ престарѣлый Д. А. Милютинъ, — живой обломокъ славнаго царствованія, — про котораго можно было сказать словами поэта: — «сей старецъ дорогъ намъ». Онъ былъ назначенъ дежурнымъ при Государѣ генералъ-адъютантомъ на этотъ день и бодро провелъ торжественно-утомительные часы, предшествовавшіе открытію памятника и сопровождавшіе таковое до поздняго вечера. Въ этотъ же день ему было пожаловано званіе генералъ-фельдмаршала. Онъ принялъ эту исключительную награду со свойственною ему скромностью, и мнѣ было трогательно видѣть эту скромность въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ, когда при мнѣ къ нему пріѣхалъ другой фельдмаршалъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, съ «товарищескимъ» поздравленіемъ. Свиданіе въ Москвѣ (онъ посѣтилъ меня передъ отъѣздомъ) было нашей послѣдней встрѣчей въ этой жизни, и я разстался съ нимъ со скорбнымъ чувствомъ, памятуя мнѣніе Вирхова, что каждый день жизни, послѣ достиженія возраста шестидесяти лѣтъ, есть ein Trinkgeld von Gottesgnaden. А этого «на чай» у Дмитрія Алексѣевича и тогда накопилось уже много... Съ благодарнымъ чувствомъ къ судьбѣ, пославшей мнѣ на жизненномъ пути встрѣчу съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, мысленно прощался я съ нимъ, стараясь запечатлѣть въ своей памяти «сѣдину и престарѣлость его, кротость же и тихость и свѣтлость честнаго лица его», какъ говорится въ одномъ изъ «Житій». Мнѣ этого хотѣлось еще и потому, что принадлежащій мнѣ превосходный портретъ Милютина, написанный масляными красками по бѣлому фону Дмитріевымъ-Оренбургскимъ, представляетъ его въ болѣе раннюю эпоху его жизни. Судьба,, однако, была милостива ко всѣмъ тѣмъ, кто цѣнилъ и зналъ Дмитрія Алексѣевича, и послала имъ еще почти четырнадцать лѣтъ сознанія, что онъ *есть*, что въ далекомъ уголкѣ южнаго берега Крыма кроткимъ и чистымъ свѣтомъ теплится лампада его жизни. За эти годы между нами про-

должалась переписка до тѣхъ поръ, покуда зрѣніе ему не измѣнило. Почти въ каждомъ письмѣ онъ звалъ меня въ Симензъ. «Рѣдко удается намъ встрѣчаться, — писалъ онъ мнѣ еще въ 1896 году,—но тѣ рѣдкія и случайныя встрѣчи, которыя бывали, остались глубоко запечатлѣнными въ моихъ старческихъ воспоминаніяхъ. Надежда увидѣться съ Вами эту осень не осуществилась, но очень желательно, по крайней мѣрѣ, знать, какъ Вамъ живется, и гдѣ проводите Вы лѣто. Неужели остаетесь безвыѣздно въ Сѣверной Пальмирѣ? Въ такомъ случаѣ глубоко сострадаю Вамъ. Будьте увѣрены въ томъ, что всюду Васъ сопровождаютъ мои самыя лучшія, сердечныя пожеланія, и что и заочно Вы постоянно присутствуете въ памяти истинно Вамъ преданнаго Д. М.».

Различныя обстоятельства приковывали меня лѣтомъ къ Сѣверной Пальмирѣ и ея окрестностямъ или вынуждали уѣзжать, съ лѣчебною цѣлью, за границу, и лишь въ 1901 году мнѣ удалось пріѣхать на южный берегъ Крыма, да и то неудачно: Дмитрій Алексѣевичъ былъ тяжко боленъ и видѣться съ нимъ было невозможно, а новая поѣздка моя въ Крымъ въ 1903 году не могла состояться изъ-за сильнаго нездоровья. Неоднократно совѣтуя мнѣ «вырваться изъ душной петербургской атмосферы», онъ не разъ, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, благодарилъ за присылку моихъ книгъ и отдѣльныхъ статей въ «Главныхъ дѣятеляхъ освобожденія крестьянъ» (о великой кн. Еленѣ Павловнѣ и о князѣ Черкасскомъ) и въ «Главныхъ дѣятеляхъ судебной реформы» (о Буцковскомъ, Зарудномъ, Замятнинѣ и Стояновскомъ). «Не въ первый разъ приходитъ мнѣ мысль, — писалъ онъ въ 1903 г., — какъ было бы желательно, чтобы Ваши занятія и здоровье позволили Вамъ найти время, чтобы приняться за составленіе *настоящей* біографіи незабвенной великой княгини Елены Павловны. По моему мнѣнію, никто не могъ бы лучше Васъ справиться съ такимъ трудомъ и вложить въ него столько искренняго чувства къ личности и дѣятельности этой замѣчательной и симпатичной женщины». Къ этой же мысли онъ вернулся черезъ годъ и выразилъ радость, что я приступилъ къ собиранію матеріаловъ для этого труда, продолжать который мнѣ помѣшали затѣмъ неотложныя служебныя занятія. Въ томъ же

году онъ писалъ мнѣ, въ отвѣтъ на письмо изъ Караула, имѣнія моего покойнаго профессора Б. Н. Чичерина: «Какъ мнѣ было бы отрадно узнать, что Вы, быть можетъ, примете на себя составленіе біографіи Чичерина... Съ давнихъ лѣтъ я глубоко уважалъ Бориса Николаевича и любилъ его, несмотря на то, что мы расходились съ нимъ въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ. Для такого новаго труда Вы нашли бы драгоцѣнный матеріалъ въ личныхъ бесѣдахъ въ Караулѣ. Изъ устныхъ показаній, безъ сомнѣнія, можно почерпнуть многое, чего не могутъ дать біографу никакіе письменные матеріалы, ни даже собственныя личныя воспоминанія. Въ мемуарахъ же самого Чичерина должны находиться цѣнныя черты и для біографіи великой княгини». Увы! и по отношенію къ этому желанію Дмитрія Алексѣевича я долженъ былъ съ грустью повторить слова: in magnis voluisse sat est.

Русско-японская война и одновременныя внутреннія событія тревожили и смущали Дмитрія Алексѣевича, въ лицѣ котораго гармонично сливался историкъ и государственный человѣкъ. «Странное время переживаемъ мы, — писалъ онъ мнѣ въ декабрѣ 1904 г. — Въ провинціальномъ захолустьѣ мы совсѣмъ сбиты съ толку противорѣчивыми слухами, ежедневно ждемъ съ нетерпѣніемъ газетъ, читаемъ... и не вѣрится собственнымъ глазамъ. Полное недоумѣніе!» — На письмо мое, въ которомъ я рисовалъ ему петербургскія общественныя настроенія и сообщалъ о работахъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко для начертанія новаго устава о печати, онъ отвѣчалъ мнѣ 25 февраля 1905 года: «Приношу Вамъ сердечную благодарность за присланный мнѣ нумеръ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ я Вашу статью о П. О. Бобровскомъ. Это былъ человѣкъ, вполнѣ достойный высказанныхъ Вами теплыхъ словъ. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы отвѣтить Вамъ и поблагодарить Васъ за Ваше послѣднее, интересное въ высшей степени, письмо, въ которомъ высказанъ Вашъ взглядъ на современное положеніе Россіи. Скажу откровенно, что вычитываемые въ газетахъ толки по поводу внутреннихъ нашихъ дѣлъ рядомъ съ печальными извѣстіями съ театра войны наводятъ на меня такое удрученное настроеніе духа, что до

крайности тяжело даже обдумывать то, что мы переживаемъ. Къ тому же, мнѣ пришлось бы только повторить отъ слова до слова высказанные Вами взгляды. Признаюсь Вамъ, со своей стороны, что весьма мало надеждъ внушаютъ мнѣ колоссальныя работы, предпринятыя разомъ для передѣлки всего строя нашей государственной жизни. И на Вашу долю выпала одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которая мнѣ представляется чѣмъ-то въ родѣ квадратуры круга. До сихъ поръ не могли рѣшить эту задачу вполнѣ удовлетворительно даже въ самыхъ передовыхъ государствахъ Европы. При нашемъ же культурномъ уровнѣ есть ли возможность удовлетворить какъ требованіе полной свободы печати, такъ и необходимое охраненіе государственныхъ интересовъ отъ почти неминуемаго злоупотребленія этой свободой. Тѣмъ не менѣе, желаю отъ всей души, чтобы ваша комиссія нашла способъ хотя бы только примирить, насколько можно, оба противоположныя требованія. Хотѣлось бы еще о многомъ подѣлиться съ Вами мыслями, но боюсь отнять у Васъ дорогое время своимъ неразборчивымъ писаніемъ. Глаза мои съ каждымъ днемъ становятся слабѣе...» Мой отвѣтъ на это письмо пришелъ къ Дмитрію Алексѣевичу одновременно съ вѣстью о Цусимѣ, глубоко ранившею сердце стараго слуги родины. Это выразилось въ его письмѣ ко мнѣ въ началѣ іюня. Оно было полно скорби за настоящее и тревоги передъ грознымъ будущимъ. Однако бодрость духа и вѣра въ духовныя силы русскаго народа взяли въ душѣ Милютина свое, и въ августѣ 1905 года онъ писалъ мнѣ: — «Роковое извѣстіе о страшномъ разгромѣ нашего флота въ Корейскомъ проливѣ произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе, и это, конечно, отразилось на моемъ письмѣ Вамъ въ смыслѣ сильнаго пессимизма. Но 14 августа вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ почта принесла намъ радостную вѣсть объ удачномъ завершеніи переговоровъ въ Портсмутѣ. Называю это извѣстіе радостнымъ потому, что я давно уже былъ на сторонѣ тѣхъ, которые признавали миръ необходимымъ, хотя бы даже на тяжелыхъ условіяхъ. Намъ посчастливилось достигнуть нашей цѣли даже безъ такихъ уступокъ, которыя были бы дѣйствительно тягостны и унизительны для чести и достоинства первоклассной державы...

Слава Богу! на душѣ стало легче. Теперь нашему правительству открывается просторъ для сосредоточенія своей дѣятельности и вниманія на внутреннихъ дѣлахъ. Выдержанная же нами несчастная война, отходящая теперь въ сферу исторіи, должна послужить намъ назидательнымъ урокомъ, какъ по вѣдомству военному и морскому, такъ и для нашей дипломатіи». Приготовляя къ печати сборникъ моихъ статей и рѣчей подъ названіемъ «Очерки и воспоминанія» (Спб., 1906 г.), я просилъ у Дмитрія Алексѣевича разрѣшенія посвятить ему эту книгу, которую затѣмъ, по выходѣ въ свѣтъ, послалъ ему. Онъ отвѣтилъ мнѣ глубоко тронувшимъ меня письмомъ, которое закончилъ слѣдующими словами: «Хотя нѣкоторыя изъ заключающихся въ сборникѣ статей мною читаны въ свое время, но, несмотря на это, я съ одинаковымъ удовольствіемъ прочту весь сборникъ или, вѣрнѣе, прослушаю чтеніе моими дочерьми, такъ какъ самъ не могу уже читать даже самую крупную печать. Пишу съ трудомъ, почти не видя написаннаго мною. Это до крайности грустно и невыносимо при желаніи обмѣна мыслей касательно переживаемаго нами тяжкаго времени». Еще ранѣе, въ 1903 году, онъ уже жаловался на ослабленіе своего зрѣнія и писалъ, что глаза его стали такъ плохи, что чтеніе, оставшееся единственнымъ для него занятіемъ, сдѣлалось крайне затруднительнымъ. «Я даже пишу, — прибавлялъ онъ,—не иначе, какъ держа въ лѣвой рукѣ передъ глазами большое увеличительное стекло».

Съ этихъ поръ на мои письма и на привѣтствія общества вспомоществованія бывшимъ московскимъ студентамъ, почетнымъ членомъ котораго Милютинъ былъ избранъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ отвѣчалъ лишь телеграммами въ живыхъ и теплыхъ выраженіяхъ. Въ самые послѣдніе годы стали приходить слухи о томъ, что физическія силы старца падаютъ, и, наконецъ, въ концѣ настоящаго января пришло извѣстіе о кончинѣ графини Наталіи Михайловны, а вслѣдъ за нею и Дмитрія Алексѣевича. Долгая совмѣстная жизнь, исполненная взаимнаго участія и нѣжной любви, связывала ихъ, и, по милосердію судьбы, они догорѣли и потухли, какъ двѣ вѣнчальныя свѣчи, одновременно и трогательно...

VIII.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Habent sua fata libelli — книги имѣютъ свою судьбу, какъ имѣютъ и свою исторію. Судьба эта двоякая. Прежде всего она отражается на отношеніи къ нимъ читателей и вообще тѣхъ, кому приходится по той или другой причинѣ ими пользоваться. Однѣ изъ нихъ похожи на случайныхъ встрѣчныхъ въ вагонѣ, въ трамваѣ, на какомъ-нибудь публичномъ представленіи, на званомъ обѣдѣ. Можно на время заинтересоваться содержаніемъ и формой ихъ сужденій или разсказовъ, иногда полюбоваться переплетомъ и затѣмъ разстаться, нерѣдко навсегда. Другія книги напоминаютъ людей, бесѣда съ которыми заставляетъ надъ многимъ задуматься, многое перечувствовать: ихъ бережно ставятъ на завѣтную полку шкапа и по временамъ раскрываютъ, зная, что съ ихъ страницъ свѣтитъ лучъ былыхъ настроеній, а иногда и рѣшеній, — и содержаніе ихъ, подъ вліяніемъ опыта жизни, каждый разъ представляется полнымъ новымъ, болѣе глубокимъ смысломъ. Есть книги, какъ и люди, къ которымъ приходится прибѣгать въ минуту скорби и унынія, ожидая отъ нихъ утѣшенія и поддержки. Есть, наконецъ, между книгами руководители на избранномъ въ жизни пути. Изъ нихъ воспринимается содержаніе дѣятельности, ея пріемы и задачи—и предъ ними мысленно хочется отдать отчетъ въ томъ, вѣрно ли онѣ были поняты и безупречно ли было слѣдованіе ихъ завѣтамъ. Но и въ другомъ отношеніи книги имѣютъ свою судьбу. Однѣ въ объемѣ и содержаніи своемъ, такъ сказать, застываютъ, мѣняя при даль-

нѣйшихъ изданіяхъ лишь форму и шрифтъ; другія, напротивъ, вступаютъ въ своего рода въ битву съ жизнью и съ различно понимаемыми ея потребностями. Ихъ объемъ увеличивается, содержаніе во многомъ измѣняется, и по отношенію къ нимъ флагъ не всегда прикрываетъ одинаковый грузъ.

Одна изъ такихъ книгъ, со строго офиціальнымъ внѣшнимъ обликомъ, появилась въ рукахъ русскихъ юристовъ въ началѣ декабря 1864 года. Книга эта начиналась возвышенными словами Монарха, двинувшаго свою страну на путь коренныхъ преобразованій и возвѣщавшаго своему народу судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ. Она называлась — *Судебные Уставы 20 ноября 1864 года*. Въ нее жадно вчитывались тогдашніе молодые юристы, по ней учились они великому дѣлу правосудія. Ее бережно сохраняли многіе всю свою жизнь. Для нихъ она была символомъ и напоминаніемъ «первой любви» въ ихъ служеніи обществу, а первая любовь, какъ извѣстно, послѣднею уходитъ изъ памяти сердца. Книгѣ пришлось многое пережить отъ недруговъ и ложныхъ друзей, отъ вліянія «злобы дня»; ея страницы сокращались, передѣлывались и иногда наполнялись чуждымъ ей, по смыслу и намѣреніямъ авторовъ, содержаніемъ,— одно время она была раздѣлена на части и даже утратила свой внѣшній видъ, затѣмъ она появилась вновь, украшенная незабвеннымъ именемъ ея вѣнценоснаго виновника; — одно время, къ счастью миновавшее, ей грозило при «пересмотрѣ» почти вовсе утратить свою прежнюю дѣвственную чистоту... Но она дорога тѣмъ, кто провелъ съ нею всю жизнь, кто всегда смотрѣлъ на ея пожелтѣлые листы съ чувствомъ нѣжнаго уваженія, смѣшаннаго подчасъ съ невольной тревогой, и кому она напоминаетъ о «битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они»... И вотъ наступило пятьдесятъ лѣтъ со времени ея изданія. Да будетъ же позволено одному изъ старыхъ обладателей этой старой книги вспомнить ея исторію...

Судьба была милостива и благосклонна къ поколѣнію — къ которому принадлежу и я—вступившему въ Россіи въ сознательную жизнь и приступившему затѣмъ къ общественной дѣятельности и служебному труду въ послѣдней половинѣ пятидесятыхъ и въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Ему пришлось быть

свидѣтелемъ великихъ и возвышенныхъ по идеѣ историческихъ событій и присутствовать при гражданскомъ обновленіи родины, въ которой развернулись скованныя дотолѣ духовныя силы. Я живо помню глубокое впечатлѣніе, произведенное донесеніемъ князя Горчакова о паденіи Севастополя, въ которомъ «непріятель найдетъ лишь однѣ окровавленныя развалины». Надъ ними, однако, занялась заря свѣтлыхъ реформъ и къ нимъ присоединились вскорѣ и развалины обветшалаго общественнаго и бытового строя, очевидцами котораго еще были люди нашего поколѣнія. Этотъ строй въ практическомъ своемъ осуществленіи покоился на четырехъ устояхъ: крѣпостномъ правѣ, рекрутчинѣ, откупной системѣ и узкомъ окаменѣломъ чиновничествѣ, чуждомъ всякаго здороваго почина. Среди нихъ ютились: судъ, полный «неправды черной», по негодующему выраженію Хомякова, и жалкое, приниженное сословно-общественное завѣдываніе ближайшими мѣстными нуждами. Волею Царя-Освободителя и лучшихъ его сотрудниковъ все это отошло въ область прошедшаго путемъ законодательной работы, которая кипѣла и спорилась въ умѣлыхъ и любящихъ рукахъ, а не «отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть» въ нѣдрахъ безконечныхъ бюрократическихъ комиссій и совѣщаній и въ рукахъ «духомъ хладныхъ скопцовъ». Этой оживленной работѣ, проникнутой искреннимъ желаніемъ создать дѣйствительныя, а не мнимыя преобразованія, сопутствовали отдаленные раскаты боевого грома въ двухъ благороднѣйшихъ войнахъ прошлаго столѣтія: за объединеніе изстрадавшейся Италіи и за отмѣну рабства въ Сѣверной Америкѣ.

Все это отражалось на настроеніи моего поколѣнія, и немногіе изъ насъ, еще остающіеся въ живыхъ, могутъ съ благодарнымъ чувствомъ вспомнить это время благородной мысли, восторженнаго чувства, горячей надежды на свѣтлое будущее и горделивой вѣры въ способности русскаго народа, — время, когда каждый устыдился бы даже тайно отъ всѣхъ подумать про себя многое изъ того, что потомъ приходилось нерѣдко слышать не только въ беззастѣнчиво прорекаемыхъ громкихъ словахъ, но и во вліятельной печати,—время увлеченія незыблемостью принциповъ и отвращенія къ услужливости житейскихъ приспособленій.

20 ноября прошедшаго года минуло пятьдесятъ лѣтъ со времени одного изъ такихъ преобразованій, встрѣченнаго общей радостью, но пережившаго затѣмъ вмѣстѣ со своими созидателями и служителями много недоброжелательства. Въ этотъ день въ 1864 г. былъ обнародованъ указъ Правительствующему Сенату, возвѣщавшій, что Россіи даруется новый судъ, основанный на Судебныхъ Уставахъ, предназначенныхъ возвысить судебную власть, придать ей надлежащую самостоятельность и утвердить въ народѣ уваженіе къ закону, какъ къ постоянному руководителю дѣйствій всѣхъ и каждаго. Эти Уставы составили логическое и нравственное послѣдствіе освобожденія крестьянъ, неотвратимо связанное съ послѣднимъ, и явились осуществленіемъ государственной потребности имѣть въ Россіи судъ, достойный этого названія, на мѣстѣ царившаго безсудія, произвола и обветшавшихъ формъ, лишенныхъ внутренняго содержанія. Съ отмѣной крѣпостного рабства на Руси упразднилась и расправа вотчинныхъ владѣльцевъ со своими крестьянами. Лишь при совершеніи крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, владѣлецъ «душъ» былъ безусловно обязанъ обращаться къ общему суду въ лицѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства и управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ или даже посторонникъ, обратившихся къ заступничеству помѣщика, существовало право безконтрольнаго домашняго суда и взысканія. Если, однако, при этомъ вина представлялась особо важной, или мѣры взысканія «домашняго изобрѣтенія» оказывались мало успѣшными, то провинившіеся отсылались въ смирительные или рабочіе дома, а также и въ арестантскія роты на срокъ (до 1846 года), самимъ владѣльцемъ опредѣленный. Если же помѣщику или (до 1854 года) его управляющему это наказаніе казалось слишкомъ малымъ, то къ ихъ услугамъ было право отдачи несовершеннолѣтнихъ крестьянъ въ кантонисты, а болѣе взрослыхъ въ рекруты, или препровожденія ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, «не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ негодованія помѣщика», ссылало представленнаго въ Сибирь въ

сопровожденіи жены и дѣтей, не достигшихъ — мальчики пяти лѣтъ, а дѣвочки десяти лѣтъ. Отрицаніемъ суда въ настоящемъ смыслѣ слова являлось въ огромномъ большинствѣ случаевъ и полицейское разбирательство по «маловажнымъ дѣламъ» въ «частныхъ домахъ», или такъ называемыхъ «съѣзжихъ». Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда; тамъ, наконецъ, до 1863 года производилась знаменитая «сѣкуція». Извѣстный московскій губернскій прокуроръ Д. А. Ровинскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Русскія народныя картинки»), что въ дореформенное время тѣлесное наказаніе производилось въ полиціи по утрамъ, при чемъ нѣкоторыя части славились своими исполнителями. «Пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во-время барынину собачку, всыплютъ сотню; и расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки, и той всыплютъ сотню: барыня-де особенно попросила частнаго пристава; никому не было спуску да и не спрашивали даже, кто въ чемъ виноватъ: присланъ получить, значитъ и виноватъ; стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро». Освобожденіе крестьянъ и отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ 1863 году уничтожили это безобразное явленіе, но пріемы изслѣдованія и оцѣнки виновности оставались прежними. Не даромъ одинъ изъ знакомыхъ съ дѣятельностью квартальнаго надзирателя, котораго въ Москвѣ было принято называть комиссаромъ, приводилъ слова будто бы подлинной, но во всякомъ случаѣ характерной рукописи: «Не Богъ сотвори комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, воеже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую».

Собственно судъ, съ множествомъ инстанцій и опредѣленными въ законѣ правилами дѣйствія, былъ лишенъ тѣхъ элементарныхъ условій, безъ которыхъ на современный взглядъ немыслимо правильное отправленіе правосудія. Обиліе инстанцій и чрезвычайное развитіе частныхъ производствъ, обращавшихъ нерѣдко дѣло, многократно разбиравшееся, къ первоначальному

источнику, обусловливали собою медленность и волокиту, достигавшія поразительныхъ размѣровъ, вызывавшихъ грозныя и вмѣстѣ съ тѣмъ безплодныя Высочайшія резолюціи, одна изъ которыхъ, по дѣлу Баташевыхъ, впрочемъ дала отдаленный толчокъ къ возбужденію вопроса о несостоятельности старыхъ судебныхъ порядковъ. Достаточно указать по этому поводу на то, что дѣло, начатое въ Уѣздномъ или Надворномъ судѣ, могло, въ апелляціонномъ и ревизіонномъ порядкѣ, восходить въ уголовную или гражданскую Палату, оттуда въ соотвѣтствующій департаментъ Сената, изъ департамента, въ случаѣ разногласія сенаторовъ, въ общее собраніе, изъ общаго собранія, при отсутствіи двухъ третей единомышленныхъ голосовъ, въ консультацію при Министерствѣ Юстиціи, изъ нея съ согласительнымъ, по ордеру министра, предложеніемъ оберъ-прокурора снова въ общее собраніе и, если это предложеніе не собирало двухъ третей голосовъ, то въ департаментъ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и, наконецъ, въ общее его собраніе, мнѣніе котораго представлялось на Высочайшее утвержденіе. Примѣромъ такого «неторопливаго» движенія можетъ служить дѣло о кражѣ изъ московскаго уѣзднаго казначейства *мѣдной монеты* на 115 тысячъ рублей, возникшее въ 1844 г. и оконченное въ 1865 г., т.-е. черезъ двадцать одинъ годъ. Мнѣ самому, въ качествѣ сенатора перваго общаго собранія, пришлось въ 1906 году участвовать въ разрѣшеніи спорнаго земельнаго дѣла, возникшаго въ 1869 году въ мѣстности, гдѣ еще не была введена судебная реформа.

Не меньше недостатковъ представляло и внутреннее устройство суда. Общіе суды, существовавшіе, въ виду вышесказаннаго, въ сущности *для немногихъ* и *за немногое*, хотя и считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотными, и возлагалъ изложеніе рѣшенія такихъ судей на секретаря. Въ дѣйствительности дѣла никогда почти не докладывались даже въ уѣздныхъ судахъ, гдѣ тоже большая часть членовъ были малограмотными и вовсе неграмотными. Въ судахъ второй степени дѣло рѣшалось обыкновенно безъ доклада — однимъ товарищемъ предсѣдателя — единственнымъ членомъ, назна-

чаемымъ отъ правительства, — всѣ же прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное заранѣе рѣшеніе участи подсудимаго, совершенно имъ невѣдомаго. А между тѣмъ законъ предоставлялъ такому суду право опредѣлять наказаніе по своему усмотрѣнію, не установивъ до Уложенія 1845 года ни высшаго предѣла лѣтъ каторжной работы, ни числа ударовъ плетьми или кнутомъ. И высшій судъ — Сенатъ—тоже не былъ богатъ людьми просвѣщенными и въ особенности получившими юридическое образованіе. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ семи петроградскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената было всего *шесть* человѣкъ, получившихъ высшее образованіе и носившихъ въ глазахъ приказнаго люда насмѣшливое названіе «ученыхъ». Главная пружина дѣятельности общихъ судовъ — секретарь, отъ котораго въ огромномъ большинствѣ случаевъ зависѣлъ исходъ дѣла, отличался нерѣдко отъ «начертаннаго бѣсомъ» комиссара лишь большимъ внѣшнимъ достоинствомъ манеръ да навыкомъ въ законахъ и умѣлою готовностью «подбирать ихъ масть къ масти», о чемъ ему укорительно, но безсильно напоминалъ указъ Петра Великаго, вставленный въ зерцало. Такимъ образомъ, если печальная дѣйствительность вызвала, въ свое время, у Императора Николая Павловича горестное признаніе, что «Россія управляется *столоначальниками*», то можно безъ преувеличенія сказать, что въ это же самое время «Россія судилась *секретарями*». Нужно ли при этомъ говорить, что въ судахъ засѣдатели отъ сословій утверждались въ должности губернаторомъ, и что товарищи предсѣдателей палатъ отъ правительства были лишены надлежащей независимости, такъ какъ прочность ихъ служебнаго положенія тоже зависѣла отъ аттестаціи со стороны административной власти. Извѣстный судебный дѣятель П. Н. Обнинскій, вспоминая старый судъ, даетъ слѣдующую картину, выхваченную прямо изъ жизни: «Въ канцеляріи толпятся просители и шепчутся съ чиновниками. Изрѣдка сѣдой вахтеръ съ медалями во всю грудь важно отворяетъ половину двери въ «присутственную комнату», куда, сгорбившись и какъ-то робко избочась, прошмыгиваетъ вицмундиръ съ охапкою бумагъ подъ мышкой, а въ отворенную дверь вы видите красное

сукно, блестящую золотую раму, такое же зерцало и вокругъ него нѣсколько неподвижно-возсѣдающихъ фигуръ съ плѣшивыми головами, вплоть до ушей ушедшими въ высокіе, хомутовидные золотые же воротники... Внушительно, — но вы тотчасъ же почему-то чувствуете, что это не болѣе, какъ какая-то никому не нужная, торжественная и мертвая декорація, а вся сила въ томъ заваленномъ бумагами, залитомъ чернилами и засыпанномъ пескомъ столикѣ, у котораго вы только-что совѣщались со столоначальникомъ — тѣмъ, что понесъ подписывать «члену» бумагу по вашему дѣлу; вы чувствуете, что вся сила, вся суть, вся судьба вашего дѣла не тамъ, откуда мелькнули вамъ золотые рамы, орлы и воротники, а въ этомъ столоначальникѣ въ засаленномъ вицмундирѣ, съ сизымъ, запачканнымъ табакомъ носомъ, хищными глазками и перомъ за ухомъ; вы чувствуете, что подпись въ этой парадной «присутственной комнатѣ» ничего не прибавитъ и не убавитъ въ томъ, что этотъ вершитель судебъ вашихъ написалъ на своемъ грязномъ столѣ!» — Для русскаго человѣка двадцатаго и конца девятнадцатаго столѣтія картина эта можетъ показаться неправдоподобной и, во всякомъ случаѣ, ушедшею въ невозвратное прошлое, но для Обнинскаго — и для очень немногихъ, еще находящихся въ живыхъ стариковъ — она была правдивымъ изображеніемъ современной имъ дѣйствительности. Конечно, въ составѣ судовъ встрѣчались изрѣдка исключенія. Таковъ былъ, напримѣръ, другъ Пушкина, Пущинъ, занимавшій должность судьи Надворнаго суда въ Москвѣ, которому поэтъ писалъ: «Ты освятилъ тобой избранный санъ, ему въ очахъ общественнаго мнѣнья завоевавъ сочувствіе гражданъ». Но это были все-таки исключенія, которыя, по извѣстной французской поговоркѣ, только подтверждали собою общее правило. Это правило характерно подтверждается недавно опубликованнымъ письмомъ Дмитрія Сеславина къ брату о томъ, что «оберъ-секретарь говорилъ, что дѣло ваше и тотъ и другой конецъ имѣть можетъ и наконецъ сказалъ прямо, что нынѣ Фемида не смотритъ на стрѣлки на вѣсахъ, но глядитъ болѣе на доски, гдѣ болѣе куча и ярчѣе; — однимъ словомъ, по его требованію нужно 2000 р. на сенатскую челядь и *двухъ дѣвокъ* ему по окончаніи дѣла, — изъ сихъ 2000 надобно

хотя половину теперь, чтобы отдать оберъ-секретарю и завалить входъ въ двери противникамъ, иначе онъ говоритъ, что если допустимъ его взять съ противниковъ, то послѣ онъ, по неволѣ, откажетъ намъ». — Не даромъ поэтому ревизующимъ сенаторамъ вмѣнялось закономъ въ обязанность «точно изслѣдовать о теченіи дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ правосудія и справляться о поборахъ, лихоимству столь свойственныхъ». Не напрасно министръ юстиціи графъ Панинъ нашелъ необходимымъ по своему дѣлу послать «благодарность» чиновнику у крѣпостныхъ дѣлъ, и не безъ основанія считалъ себя въ правѣ на общее уваженіе извѣстный московскій оберъ-секретарь, бравшій съ истца и отвѣтчика одинаковую сумму за направленіе дѣла въ пользу каждаго изъ нихъ и возвращавшій «честно-благородно» взятое проигравшему дѣло. Поэтому слова ектеніи по Требнику въ день священнаго коронованія: «яко суды его не мздоимны и нелицепріятны сохранить», были пожеланіемъ, вызваннымъ горькой дѣйствительностью.

Чтобы оцѣнить прошлыя условія производства дѣлъ и постановленія рѣшеній, лучше всего сопоставить безусловныя и основныя требованія уголовнаго правосудія съ тѣмъ, что существовало и господствовало въ судѣ стараго устройства. Въ основаніе приговора должно быть положено *внутреннее убѣжденіе* судьи, не стѣсняемое ни формальными рамками, ни предустановленными правилами. Оно лишь не должно итти въ разрѣзъ съ положительно выясненными данными дѣла и, при необходимой его искренности, не противорѣчить принятымъ въ законѣ опредѣленіямъ и нравственнымъ основамъ общежитія. Въ старомъ судѣ господствовала система формальныхъ доказательствъ, строгія и узкія рамки которыхъ требовали отъ судьи признанія виновности лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. По отношенію къ главному изъ доказательствъ вообще, т.-е. къ показаніямъ свидѣтелей, было принято закономъ, что показанія эти, по отношенію къ установляемому ими обстоятельству, не имѣютъ силы совершенныхъ доказательствъ, если не даны подъ присягой и притомъ двумя свидѣтелями, буде только одинъ изъ послѣднихъ не мать или отецъ, показывающіе *противъ* своихъ дѣтей. Когда судья

встрѣчался съ искреннимъ и правдивымъ показаніемъ, законъ говорилъ ему, что оно не идетъ въ счетъ, если свидѣтель признанъ по суду «явнымъ прелюбодѣемъ», или «портившимъ тайно межевые знаки», или оказывается иностранцемъ, «поведеніе котораго неизвѣстно», и вслѣдствіе этихъ своихъ «качествъ» не можетъ быть допущенъ до присяги. Но и по отношенію къ показаніямъ, даннымъ подъ присягой, законъ предписывалъ давать предпочтеніе показанію знатнаго передъ незнатнымъ, духовнаго передъ свѣтскимъ, мужчины передъ женщиною, ученаго передъ неученымъ. Если, наконецъ, судья находилъ, что, несмотря на отсутствіе совершенныхъ доказательствъ, есть рядъ уликъ, которыя приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію въ виновности подсудимаго, совершившаго мрачное дѣло и ловко спрятавшаго особенно выдающіеся концы въ воду, то секретарь имѣлъ право представить ему «съ должной благопристойностью» о томъ, что его разсужденія не согласны съ законами и что подсудимаго необходимо оставить только въ *подозрѣніи* или дать ему для очищенія подозрѣнія возможность принести присягу. Эта система, связывая убѣжденіе судьи и внося въ его работу элементъ бездушнаго механизма, создавала уголовный судъ, безсильный въ рядѣ случаевъ покарать дѣйствительно виновнаго, но достаточно могущественный, чтобы разбить личную жизнь человѣка сліяніемъ безконтрольнаго возбужденія преслѣдованія воедино съ преданіемъ суду и съ оставленіемъ невиновнаго въ подозрѣніи, что заставляло его болѣзненно переживать стыдъ, который ни разъяснить, ни сбросить съ себя нельзя. Подъ покровомъ этой системы вершились иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ ними и глубоко оскорбляетъ чувство справедливости.

Таково, напримѣръ, было, рисующее высоту нашихъ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ, разбиравшееся въ Москвѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному распутному баричу, который напоилъ ее растворомъ шпанскихъ мухъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ, съ его раз-

рѣшенія, воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, его окружавшіе. Несчастная дѣвушка, за пресыщеніемъ всѣхъ, пользовавшихся ею, была возвращена домой лишь на третій день съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ и въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскій судъ того времени нашелъ справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачей главнаго виновника въ военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ и присужденіемъ отца жертвы *за потворство разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы.

Матеріаломъ для такихъ рѣшеній служило слѣдствіе, производимое полиціей. Безконтрольный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы въ помѣщеніяхъ, носившихъ иногда (напримѣръ, въ Москвѣ) характерное названіе *клоповниковъ* и *могилъ*, вслѣдствіе царившей въ нихъ тьмы, ничѣмъ не оправдываемое производство обысковъ, отсутствіе яснаго пониманія дѣйствительнаго состава преступленія, неумѣлость и желаніе «покормиться», «выслужиться» или «отличиться» были нерѣдкими признаками и картиною такихъ слѣдствій. При этомъ въ виду того, что собственное признаніе обвиняемаго считалось закономъ за «лучшее доказательство всего свѣта», бывали случаи добыванія его истязаніями и пріемами замаскированной пытки. Еще въ 1867 году мнѣ пришлось познакомиться съ производившимся въ то время въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената дѣломъ частнаго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемаго со связанными назадъ и затѣмъ навсегда отнявшимися руками на перекосякъ, исправлявшій должность *дыбы*.

Необходимымъ условіемъ устраненія злоупотребленій и достойнаго отправленія правосудія является его *публичность* и, какъ ея естественное слѣдствіе, *гласность*. Старый судъ не имѣлъ объ этомъ понятія и творилъ свою работу въ застѣнкѣ. Единственное его выступленіе передъ обществомъ и народомъ состояло въ обрядѣ публичной казни на торговой площади черезъ палачей. Такая же канцелярская тайна господствовала и въ судѣ гражданскомъ, и Иванъ Антоновичъ «кувшинное рыло», жалующійся Чичикову на то, что послѣдній совершилъ сдѣлку

въ сто тысячъ, а за труды далъ только красненькую, былъ типичнымъ представителемъ тѣхъ посредниковъ, черезъ которыхъ приходилось узнавать о положеніи дѣла и состоявшемся рѣшеніи. Судъ долженъ производиться *устно* и въ *состязательномъ порядкѣ*. Только этимъ обусловливается всестороннее разсмотрѣніе дѣла и необходимая *непосредственность* воспріятія судьями впечатлѣній, изъ которыхъ слагается сужденіе о дѣйствительныхъ обстоятельствахъ дѣла. Надъ привлеченнымъ по уголовному дѣлу въ старомъ судѣ громоздился ворохъ невѣдомыхъ ему протоколовъ слѣдствія, и до конца дѣла, производимаго въ канцелярской тайнѣ, безъ непосредственнаго ознакомленія судей не только съ показаніями свидѣтелей по дѣлу, но и съ самимъ подсудимымъ, послѣдній не вѣдалъ, какъ слагается то, что будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на его участь и противъ чего онъ лишенъ возможности защищаться. Его участь рѣшалъ приговоръ связанныхъ въ своемъ сужденіи судей, не имѣвшихъ ни права, ни способовъ доискиваться въ дѣлѣ не *приказной*, а доступной вообще человѣческому пониманію правды. Живые люди съ ихъ способомъ выраженій и описаній, съ ихъ повадкой и житейскими взглядами были обезличены и погребены подъ тяжелымъ слоемъ написанныхъ канцелярскимъ стилемъ бумагъ, лишенныхъ всякаго колорита и наполненныхъ безконечными повтореніями между сакраментальными словами: *слушали* и *приказали*.

Не лучше былъ и судъ гражданскій, гдѣ облеченная въ окаменѣлыя формы письменность загромождала основную и правильную почву для спора о правѣ, и гдѣ особенно бывалъ заинтересованъ чуткій и изворотливый секретарь-докладчикъ. Еще въ 1857 году Побѣдоносцевъ писалъ объ этомъ судѣ: «Формы его несовершенны, дѣйствіе его не вѣрно и медленно, на всякомъ шагу встрѣчается въ немъ неправда матеріальная подъ ложнымъ видомъ правды формальной, и господство мертваго обряда вытѣсняетъ изъ него живой духъ правды законной».

Состязательное начало процесса требуетъ *правозаступника* въ гражданскомъ дѣлѣ и *защитника* въ уголовномъ. Поэтому законъ всемѣрно заботится о предоставленіи подсудимому защитника, когда онъ его самъ не имѣетъ возможности пригла-

сить, и устанавливаетъ правозаступничество для лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, предоставляя подсудимому и отвѣтчику послѣднее слово предъ рѣшеніемъ ихъ дѣла или участи. Вмѣстѣ съ тѣмъ новѣйшія теченія въ уголовномъ процессѣ направляются къ тому, чтобы и на предварительномъ слѣдствіи или во всякомъ случаѣ въ стадіи преданія суду допустить защиту обвиняемаго черезъ избраннаго имъ повѣреннаго. Ничего подобнаго не зналъ нашъ старый судъ. За исключеніемъ присяжныхъ стряпчихъ при коммерческомъ судѣ, онъ не зналъ ходатаевъ и защитниковъ, носящихъ это особо-установленное званіе по праву. Защита вовсе не допускалась въ уголовномъ судѣ, а «хожденіе» по гражданскимъ дѣламъ въ значительной степени находилось въ рукахъ разныхъ дѣльцовъ, ходатаевъ изъ отставныхъ чиновниковъ, оставившихъ службу «пострадавъ, подобно Чичикову, за правду», и такъ называемыхъ въ Москвѣ «стряпчихъ отъ Иверскихъ воротъ». Въ ихъ интересахъ было, по большей части, разъ присосавшись къ дѣлу и внушивъ довѣріе къ своему опыту въ канцелярскихъ хитросплетеніяхъ, тянуть дѣло по возможности долго. Типы этого рода подъячихъ съ чрезвычайной рельефностью изображены въ комедіяхъ Островскаго.

Не одной защитѣ, однако, отводитъ мѣсто современный уголовный процессъ. Правосудіе, съ какимъ бы сознаніемъ его важности и святости оно ни отправлялось, есть дѣло рукъ человѣческихъ и людского разумѣнія, которому свойственно впадать въ ошибки. Отсюда — возможность приговоровъ, фактическая сторона которыхъ и соображенія, на ней основанныя, опровергаются вновь открытыми обстоятельствами, указывающими на полную вѣроятность осужденія невиннаго. Этимъ вызывается установленіе особаго порядка возобновленія уголовныхъ дѣлъ въ случаяхъ основательнаго сомнѣнія въ виновности осужденнаго. Западно-европейская и наша судебная практика представляютъ много случаевъ, гдѣ вновь открытыя обстоятельства доказывали, что самаго событія преступленія, вмѣненнаго въ вину осужденному, не было въ дѣйствительности, напримѣръ, когда оказывалось, что вмѣсто убійства было самоубійство; случаевъ, когда являлся съ повинной дѣйствительный убійца, поджигатель или иной преступникъ вмѣсто уже

осужденнаго за то же, или когда потерпѣвшій, считаемый погибшимъ отъ руки осужденнаго, являлся изъ случайнаго отсутствія здравъ и невредимъ, случаевъ, когда письменный документъ, послужившій важнымъ доказательствомъ, оказывался подложнымъ и т. п. Нашъ старый судъ не отрицалъ, вопреки очевидности, возможности такихъ случаевъ, но — mirabile dictu! — допускалъ ходатайство о пересмотрѣ дѣла исключительно со стороны осужденнаго и притомъ не иначе, какъ по прибытіи его на мѣсто ссылки или каторги. Статьи 116 II ч. XV тома, подробно истолкованная Государственнымъ Совѣтомъ, разрѣшила пріемъ и подачу просьбъ о пересмотрѣ состоявшагося приговора не только послѣ вступленія приговора въ законную силу, что требуется и теперь, но лишь послѣ фактическаго исполненія обряда публичной казни, т.-е. отсчитаннаго палачомъ числа ударовъ плетьми и наложенія на лицо осужденнаго клеймъ. Недоставало только вырыванья ноздрей, практиковавшагося въ восемнадцатомъ столѣтіи...

Таковы были отличительныя свойства того суда, который встрѣчалъ впослѣдствіи, въ разгарѣ происходившей противъ Судебныхъ Уставовъ въ ихъ практическомъ осуществленіи борьбы, неожиданно снисходительную оцѣнку въ предположеніи, что онъ былъ въ сущности гораздо лучше, чѣмъ его изображали современники. Но предположеніе это, вызванное недостаточнымъ знакомствомъ съ условіями, въ которыя былъ поставленъ судъ, разбивается о факты несомнѣнной дѣйствительности. Совѣстливый судья, въ душѣ котораго хранилось живое чувство справедливости, долженъ былъ возбуждать своими возраженіями и сомнѣніями пасмѣшливое недоумѣніе среди «воротилъ» стараго суда. Его голосъ былъ обреченъ оставаться «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», на который люди, успокоившіеся въ самодовольствѣ рутины, отвѣчали ссылками на недопустимость «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій», отъ которыхъ предостерегалъ самъ законъ. Ему оставалось утѣшать себя, заглушая внутренній ропотъ сердца, тѣмъ, что dura lex — sed lex!

Въ манифестѣ по случаю заключенія мира, завершившаго Крымскую войну, было высказано возвышенное пожеланіе: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ». Осуществить его было,

однако, немыслимо при наличности стараго суда. Даже поверхностное знакомство съ нимъ убѣждало, что живая, осязательная правда составляла въ его дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ явленіе необычное и что для милости, кромѣ случаевъ исключенія изъ общаго порядка, не было мѣста. Никакія частичныя преобразованія не могли бы помочь. Безполезно было лѣчить отдѣльныя части испорченнаго цѣликомъ организма, который ab initio vitiosum est. Нужна была коренная и рѣшительная реформа. Первые годы царствованія Александра II были особо для этого благопріятны. Оживленіе умственныхъ силъ страны, общій нравственный подъемъ, сознаніе необходимости «совлечь ветхаго Адама» съ общественнаго устройства и надежда на близкое свѣтлое будущее родины, переходившая въ увѣренность, давали возможность приступить къ новому дѣлу рѣшительно и безповоротно. Люди, призванные къ выработкѣ основныхъ началъ судебной реформы, къ счастію, удержались отъ соблазна вступить въ услужливый компромиссъ съ прошлымъ и создать излюбленный у насъ, по удачному выраженію печальнаго героя Крымской войны князя Меньшикова, «улучшенный бытъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ». Большинство людей, сознавшихъ недостатки стараго суда и его темныя стороны, въ своихъ статьяхъ, запискахъ и заявленіяхъ высказались безусловно за коренное преобразованіе. Если про того или другого изъ нихъ можно было сказать словами Пушкина, что «*даль*» новаго суда онъ «сквозь магическій кристаллъ еще неясно различалъ», то никто изъ нихъ не былъ согласенъ оставаться при старомъ. Это неясное различеніе иногда вызывало довольно своеобразныя предложенія, въ которыхъ желаніе *новаго* заключало въ себѣ безсознательный отголосокъ *стараго*. Такъ, напримѣръ, при полномъ сочувствіи публичности будущаго суда, предлагалось установить входную плату за впускъ въ засѣданіе суда съ тѣмъ, чтобы таковая поступала въ пользу богоугодныхъ заведеній, при чемъ, конечно, забывалось, что судъ не театръ, а тяжелыя житейскія драмы, развертывающіяся на судѣ, предназначены не для развлеченія публики — и что установленіе платныхъ входныхъ билетовъ можетъ вызвать, по возбуждающимъ особое любопытство дѣламъ, ихъ перепродажу и другія злоупотребленія. Такъ, на ряду съ

привѣтствіемъ идеѣ о введеніи суда присяжныхъ, предлагалось обязать засѣдателей, въ явное противорѣчіе съ существомъ лежащей на нихъ задачи, выносить мотивированное рѣшеніе, при чемъ постановленіе его по большинству голосовъ допускалось лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, назначенныхъ для объединенія засѣдателей въ единогласіи. Рядомъ съ этимъ и въ области искусства проявлялся взглядъ на судъ прежде всего, какъ на публичное зрѣлище, и на одной изъ очередныхъ выставокъ въ Академіи художествъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ появился рядъ проектовъ помѣщеній для новыхъ судебныхъ установленій, которымъ былъ приданъ видъ настоящихъ театральныхъ зданій съ галлереями, амфитеатрами, а въ одномъ изъ проектовъ — даже съ ложами для почетныхъ посѣтителей. Общее настроеніе отразилось и на умудренномъ опытомъ прошлаго царствованія представителѣ крайней законодательной осмотрительности, недовѣрчивости и любви къ ненарушимой преемственности — графѣ Блудовѣ. И онъ постепенно, хотя и съ оговорками, сталъ признавать необходимость преобразованія въ той области, гдѣ въ прежніе годы видѣлъ лишь мѣсто для улучшеній.

Исторія возникновенія Основныхъ Положеній судебнаго преобразованія, обнародованныхъ въ 1862 году, послѣдовательныхъ работъ комиссіи по составленію Судебныхъ Уставовъ и переработки ея трудовъ въ Государственномъ Совѣтѣ изложена мною подробно въ другомъ мѣстѣ (Введеніе въ систематическій комментарій къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства, изд. Гернетомъ въ 1913, и «Отцы и Дѣти судебной реформы». Послѣсловіе, изд. 1914 года), и я ихъ касаться не буду, упомянувъ лишь о трехъ именахъ изъ состава этой комиссіи, которыя должны быть особенно дороги каждому русскому юристу и общественному дѣятелю. Это: *Ровинскій*, *Зарудный* и *Буцковскій*.

Энергичный и подвижный московскій губернскій прокуроръ Дмитрій Александровичъ Ровинскій былъ глубокимъ знатокомъ народной жизни, свойствъ и вкусовъ русскаго человѣка и изслѣдователемъ русскаго народнаго искусства, отражавшаго въ себѣ послѣдніе. На опытѣ и въ близкомъ соприкосновеніи онъ душевно перестрадалъ всѣ темныя стороны и проявленія стараго суда, тю-

ремнаго дѣла, размашистой полицейской распорядительности и властнаго генералъ-губернаторскаго усмотрѣнія. Въ работы свои по судебному преобразованію онъ внесъ не только богатый практическій матеріалъ, не только вдумчивость своего ума и чуткость своего сердца, но и настойчивое стремленіе кореннымъ образомъ обновить и облагородить нашъ судебный строй, связавъ его со всѣмъ лучшимъ, что дало народному быту упраздненіе крѣпостного права. Впослѣдствіи, когда онъ занималъ должность прокурора московской Судебной Палаты, я имѣлъ отрадную возможность быть въ должности его секретаря и видѣть, какъ онъ отдавался новому дѣлу съ юношескимъ пыломъ и старческой мудростью, тщательно вытравляя въ сферѣ своей дѣятельности всякіе зачатки чиновничьяго отношенія къ дѣлу правосудія и подавая самъ примѣръ вдумчиваго служенія, а не рядового исполненія обязанностей своего званія. И такимъ продолжалъ онъ быть и на курульномъ креслѣ въ Сенатѣ, гдѣ мы съ нимъ сошлись за общимъ дѣломъ черезъ четверть вѣка, и гдѣ изъ-подъ свободнаго обличія правдиваго судьи и страстнаго любителя и знатока искусства въ немъ сквозилъ человѣкъ, мыслью, словомъ и дѣломъ преданный горячо любимой имъ родинѣ. Волею судьбы двое другихъ главныхъ дѣятелей по составленію Судебныхъ Уставовъ Николай Андреевичъ Буцковскій и Сергѣй Ивановичъ Зарудный были по своему спеціальному образованію математиками и должны были начать службу—первый учителемъ математики и бухгалтеріи, а второй астрономомъ Пулковской обсерваторіи. Дальнѣйшая служба по Министерству Юстиціи побудила ихъ къ изученію иностранной юридической литературы и судебныхъ учрежденій и заставила испытать на практикѣ всю косность и отсталость нашего процесса и трудность влитія въ его мертвящіе формальные берега струй дѣйствительнаго правосудія. Съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и жаждою дать достойную организацію уголовному процессу работали они, не покладая рукъ, въ комиссіи, дополняя и одушевляя другъ друга. Къ нимъ можно было примѣнить, взявъ примѣръ изъ военной области, слова Пушкина: «Пѣхота движется за нею (конницей) и тяжкой твердостью своею ея стремленіе крѣпитъ». Роль конницы игралъ Зарудный — горячій,

впечатлительный и страстный. Роль пѣхоты — Буцковскій, вооруженный въ своей спокойной увѣренности глубоко продуманными выводами и выдающеюся точностью своего дѣлового языка. Отъ Государственнаго Совѣта въ его прежнемъ устройствѣ трудно было ожидать того приподнятаго настроенія, съ которымъ работали члены комиссіи. Послѣдніе, заключая свою работу, имѣли въ виду лишь картину *будущаго* суда въ Россіи, но Государственный Совѣтъ не могъ отрѣшиться отъ зрѣлища современнаго ему политическаго и административнаго строя, далеко еще не обновленнаго во всѣхъ своихъ частяхъ и еще не заключавшаго въ себѣ Земскаго и Городового Положенія. Но и въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ Судебныхъ Уставовъ, составленный комиссіей, встрѣтилъ серьезную поддержку и защиту со стороны министра юстиціи Дмитрія Николаевича Замятнина и его товарища Николая Ивановича Стояновскаго, что было чрезвычайно важно, такъ какъ возраженія министра юстиціи не могли не заслуживать особаго вниманія, ибо со старымъ и новымъ судомъ ему ближе всего приходилось и пришлось имѣть дѣло. Когда повѣяло новымъ духомъ, и вокругъ Замятнина заговорили о необходимости реформы, онъ чуткой совѣстью почувствовалъ и здравымъ умомъ ясно представилъ себѣ, въ чемъ должна состоять его задача, и, несмотря на вліятельныя предостереженія изъ среды «умѣренности и аккуратности», рѣшительно склонился въ сторону смѣлаго проведенія въ нашъ судъ широкихъ и новыхъ началъ. Онъ нашелъ въ своей душѣ такое же довѣріе къ составителямъ Судебныхъ Уставовъ, какое они питали къ русскому народу, вѣруя въ его нравственныя силы, и остался этому вѣренъ до конца, несмотря ни на что. По труднымъ и новымъ вопросамъ реформы онъ прямодушно пользовался совѣтами и указаніями счастливо сгруппированныхъ имъ около себя честныхъ и знающихъ подчиненныхъ и сотрудниковъ. Далекій отъ ложнаго самолюбія и не боясь уронить свое офиціальное достоинство, онъ, дѣйствуя такимъ образомъ, давалъ своимъ противникамъ поводъ злобно заявлять, что онъ «даетъ себя начинять департаментскимъ либераламъ». Въ этомъ умаленіи своего министерскаго «я», въ готовности *учиться*, какъ надо *служить* дѣлу, благому значенію котораго *вѣришь*, состоитъ высокая за-

слуга Замятнина предъ выработкою основоположеній русскаго правосудія. Благодаря Замятнину и Стояновскому, при энергическомъ содѣйствіи государственнаго секретаря Буткова, Судебные Уставы благополучно прошли въ Государственномъ Совѣтѣ. Они явились, въ окончательной своей редакціи, какъ плодъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаніемъ тѣми, кто ихъ выработалъ, своей отвѣтственности передъ Россіей, жаждавшей осуществленія правосудія въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный, трудъ, построенный на увѣренности въ томъ, что народъ приметъ новыя учрежденія съ живымъ сочувствіемъ и сумѣетъ серьезно отозваться на призывъ къ непосредственному въ нихъ участію.

Недостаточно освѣдомленные противники новаго суда иногда упрекали составителей Уставовъ въ рабскихъ заимствованіяхъ изъ западныхъ судопроизводственныхъ кодексовъ, но это невѣрно. Составители Уставовъ шли своимъ самостоятельнымъ путемъ, вырабатывали свои положенія долгимъ обмѣномъ взглядовъ и борьбою между ними и, если въ ихъ трудѣ встрѣчается иногда то же, что и въ другихъ законодательствахъ, то это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда знаніе человѣческой природы, оцѣнка условій общежитія и здравое пониманіе цѣли и смысла закона неизбѣжно приводили и у насъ, и на Западѣ къ одному и тому же выводу. Достаточно припомнить сложную и разнообразную выработку постановленій о нашемъ судѣ присяжныхъ и возраженія Ровинскаго, Буцковскаго и Заруднаго противникамъ этой формы суда, ссылавшимся, между прочимъ, даже устами знаменитаго Спасовича, на неумѣніе русскаго человѣка отличать законъ отъ начальственнаго предписанія и правосудія отъ сожалѣнія о «несчастномъ». Читателямъ «Русской Старины» (1914 г., №№ 1 и 2) извѣстна исторія возникновенія этого суда въ Россіи, а также и то, что послѣ всего, имъ пережитаго, особое совѣщаніе высшихъ представителей судебной власти, созванное изъ всѣхъ судебныхъ округовъ, признало, что это — судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія и долженствующій не

отойти въ угоду своимъ хулителямъ въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Лучшимъ доказательствомъ самостоятельности взглядовъ составителей Уставовъ служитъ постановка у насъ обвинительной власти и опредѣленіе ея задачъ въ Судебныхъ Уставахъ. Передъ глазами составителей былъ особенно яркій примѣръ типическихъ представителей французской прокуратуры. Рѣчи извѣстныхъ французскихъ обвинителей Оскара де-Валлэ, Бондюрана и др. читались русскими юристами съ интересомъ и восхищеніемъ передъ ихъ талантливостью. Но составители Судебныхъ Уставовъ не поддались блеску этого обольщенія. Напротивъ, они постарались освободить въ своихъ предначертаніяхъ русскихъ обвинителей отъ свойствъ и пріемовъ, которымъ было легко и соблазнительно послѣдовать. Они вдумались въ душевный складъ русскаго человѣка и на немъ построили правила публичной дѣятельности прокурора. Французскій прокуроръ, въ особенности въ то время, привыкъ видѣть въ подсудимомъ своего врага и преслѣдовать его со страстностью, мало гармонирующею не только съ христіанскимъ милосердіемъ, но часто и съ простою справедливостью по своей односторонней безпощадности. Глубокій знатокъ французскихъ судебныхъ нравовъ Лабулэ безъ преувеличенія заставляетъ типичнаго прокурора вспоминать одну изъ своихъ обвинительныхъ рѣчей: «я прослѣдилъ подсудимаго отъ колыбели до суда; я изобразилъ его, какъ одного изъ тѣхъ проклятыхъ отъ рожденія дѣтей, которыя никогда не вызывали радостной улыбки у своей матери; я пошелъ съ нимъ въ школу и показалъ всю его лѣнь, лживость, сварливость и преступную наклонность похищать орѣхи и сливы съ деревьевъ, обрамляющихъ дорогу. Изъ школы я перешелъ въ мастерскую и нарисовалъ внушающій отвращеніе портретъ его, какъ работника и какъ пьяницы. Я былъ въ моей рѣчи еще на разстояніи десяти лѣтъ отъ преступленія, когда подсудимый былъ уже потерянъ въ общественномъ мнѣніи. Я не постѣснился намекнуть присяжнымъ, что подсудимый въ душѣ способенъ на отцеубійство, и что если онъ не совершилъ этого тягчайшаго изъ преступленій, то только потому, что попечительная судьба дала ему счастье быть сиро-

тою»... Составители Судебныхъ Уставовъ создали русскаго прокурора, который въ обвинительной рѣчи не долженъ ни представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значеніе имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ и уликъ или важности разсматриваемаго дѣянія. Въ отличіе отъ западныхъ кодексовъ они предъявили прокурору особое требованіе объ отказѣ отъ обвиненія и о заявленіи о томъ суду по совѣсти въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находитъ, что оправданія подсудимаго заслуживаютъ уваженія. Очертивъ такимъ образомъ *говорящаго судью* въ лицѣ обвинителя, они придали и уголовной защитѣ свойство и характеръ не ремесленнаго краснорѣчія, а общественнаго служенія, выражающагося въ помощи суду на пути отысканія истины въ дѣлѣ. Наконецъ, они отказались перенести на русскую судебную почву широкія полномочія французскаго президента трибунала, злоупотребляющаго своимъ дискреціоннымъ правомъ и всегда являющагося союзникомъ обвинителя, что дало основаніе одному французскому писателю сказать по поводу оправдательнаго приговора: «l'accusation croulait malgré l'habituel appoint du président». Русскій предсѣдатель, руководящій присяжныхъ засѣдателей, обязанъ согласно Уставамъ соблюдать полнѣйшее безпристрастіе, допрашивать свидѣтелей лишь послѣ ихъ допроса сторонами и не имѣетъ права ни прямо, ни косвенно, путемъ ссылокъ и характеристикъ, высказывать свое мнѣніе о винѣ или невинности подсудимыхъ.

Судебные Уставы освѣжили и, если можно такъ выразиться, оплодотворили русскую науку права. Между судебной практикой и наукой при старомъ судѣ не было никакой связи. Сами по себѣ лишенныя научной подкладки рѣшенія общихъ судовъ были неизвѣстны и недоступны для публикованія или ссылки на нихъ. Рѣдкіе сборники Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта по судебнымъ дѣламъ тоже не давали серьезнаго матеріала для ученыхъ работъ. Поэтому въ наукѣ права, когда она не ограничивалась пересказомъ или перефразировкой уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, господствовало стремленіе къ историческимъ трудамъ изъ давно прошедшаго

времени, изъ эпохи Русской Правды, Судебниковъ и, въ крайнемъ случаѣ, Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. При этомъ надо сказать, что наша анекдотическая дореформенная цензура смотрѣла на работы по современному ей судопроизводству крайне недоброжелательно. Въ 1850 году Н. И. Стояновскій, читавшій въ училищѣ правовѣдѣнія курсъ уголовнаго процесса, составилъ и приготовилъ для печати «Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству» и встрѣтилъ совершенно неожиданное препятствіе въ лицѣ мудраго цензора. Этотъ микроскопическій Омаръ нашелъ, подражая знаменитому калифу, сжегшему Александрійскую библіотеку, что книга Стояновскаго *излишня*, объяснивъ автору, что если въ его руководствѣ приведено то, что изложено въ Сводѣ законовъ — то къ чему оно? — а если въ немъ содержится то, чего нѣтъ въ Сводѣ, то оно безполезно и, слѣдовательно, ненужно. Такому своеобразному запрещенію надлежало бы остаться единичнымъ, хотя и знаменательнымъ фактомъ въ исторіи русскихъ юридическихъ работъ, предназначенныхъ къ ознакомленію читателей съ уголовнымъ процессомъ, — но, вѣроятно къ немалому удивленію будущаго историка, черезъ *пятьдесятъ* слишкомъ лѣтъ повторилось нѣчто подобное, когда министръ юстиціи Муравьевъ не стѣснялся войти въ надлежащія сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ о неразрѣшеніи сенатору, читавшему въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ курсъ уголовнаго судопроизводства, публичныхъ, съ благотворительною цѣлью, лекцій о *нравственныхъ началахъ уголовнаго процесса*, находя такія лекціи несвоевременными... Съ изданіемъ и осуществленіемъ Судебныхъ Уставовъ въ жизни явился не только богатый матеріалъ для подробной ихъ научной разработки, не только открылись горизонты для дальнѣйшаго развитія основныхъ ихъ началъ, но судебная практика слилась на вершинѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, въ кассаціонномъ Сенатѣ, съ научными толкованіями и изслѣдованіями. Уже совпавшія съ появленіемъ Судебныхъ Уставовъ сочиненія Буцковскаго, объединенныя впослѣдствіи въ его книгѣ «Очерки судебныхъ порядковъ», представляли собою большой научный матеріалъ, а изданіе Государственной Канцеляріи «Судебные Уставы»

съ разсужденіями, на которыхъ они основаны, въ значительной степени обязанное своимъ появленіемъ трудамъ и заботамъ Заруднаго, содержало цѣлыя вступительныя въ разные отдѣлы главы, полныя научныхъ данныхъ историко-юридическаго характера. Оживилась и переводная литература по вопросамъ права и процесса. Подъ редакціей одного изъ благороднѣйшихъ практическихъ дѣятелей крестьянской и судебной реформы А. М. Унковскаго появились переводы сочиненій Миттермайера о судебной защитѣ и о судѣ присяжныхъ на Западѣ и въ Америкѣ и замѣчательное изслѣдованіе Уильза о косвенныхъ уликахъ. Кассаціонныя рѣшенія и, въ особенности, заключенія нѣкоторыхъ изъ оберъ-прокуроровъ при кассаціонныхъ департаментахъ содержали въ себѣ разработку положеній права и процесса на научной подкладкѣ, такъ что безъ ссылокъ на эти рѣшенія и заключенія и ихъ критической оцѣнки едва ли можетъ, въ настоящее время, обойтись серьезный юридическій трудъ, посвященный русскому процессу и правовой догмѣ.

Первое время всѣ такъ или иначе причастные къ судебному дѣлу относились къ Судебнымъ Уставамъ съ особой любознательностью и живымъ интересомъ. Въ судахъ и среди прокуратуры устраивались особыя собранія для совмѣстнаго чтенія Уставовъ и уясненія себѣ правильнаго пониманія смысла и соотношенія ихъ отдѣльныхъ статей. Въ исключительныхъ случаяхъ эти чтенія сопровождались комическими эпизодами. Судебные Уставы 1864 г. были изданы первоначально особою книгой въ форматѣ in octavo, отдѣльно отъ Свода законовъ, но съ 1867 года начались, въ маломъ форматѣ, частныя изданія Уставовъ — Бѣликова, Зубарева и др. и, наконецъ, появилось, повторенное двѣнадцать разъ, очень распространенное изданіе Анисимова (такъ называемая «Анисимовка»), снабженное многочисленными выписками изъ кассаціонныхъ рѣшеній. Для удобства при частомъ употребленіи, книжка этого изданія была раскрашена по борту разными цвѣтами, соотвѣтственно каждой отдѣльной части Уставовъ, что дало поводъ В. Д. Спасовичу, въ одной изъ его блестящихъ рѣчей, восхищаясь Судебными Уставами и показывая эту книжку, назвать ее «дорогимъ для всякаго юриста *слоеным пи-*

рогомъ». Однимъ изъ предпріимчивыхъ, но достаточно невѣжественныхъ московскихъ издателей былъ выпущенъ въ свѣтъ и очень рекламированъ «Сводъ судебныхъ уставовъ» по весьма дешевой цѣнѣ. Когда судебная реформа вводилась въ харьковскомъ судебномъ округѣ, у предсѣдателя харьковскаго окружного суда Э. Я. Фукса происходили собранія для чтенія Уставовъ. Одинъ изъ членовъ суда, почтенный старецъ — вооружился московскимъ изданіемъ и, когда предсѣдатель читалъ текстъ статьи по офиціальному изданію, заявлялъ: «Позвольте! да у меня эта статья изложена совсѣмъ не такъ и говоритъ совсѣмъ о другомъ, — какъ же это?!» Оказалось, что издатель Свода призналъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ сдѣлать одну общую нумерацію всѣхъ статей, невзирая на то, что Уставы раздѣлялись на учрежденіе судебныхъ установленій, уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, такъ что Сводъ заключалъ въ себѣ, въ послѣдовательномъ и непрерывномъ порядкѣ 3255 статей, почему, напримѣръ, статьи 366 Уст. Гражд. Судопр. о томъ, что истецъ долженъ доказать свой искъ, значилась для довѣрчиваго покупателя Свода подъ цифрою 2040... Иногда и упомянутое выше изданіе Судебныхъ Уставовъ, сдѣланное Государственной Канцеляріей, вызывало оригинальныя недоразумѣнія. Находились люди, предполагавшіе, что это изданіе представляетъ собою особое узаконеніе, значительно дополняющее содержаніе Судебныхъ Уставовъ. Я помню, что въ бытность мою секретаремъ Ровинскаго одинъ изъ становыхъ приставовъ Московской губерніи, которому товарищъ прокурора отказалъ въ разрѣшеніи обжаловать рѣшеніе мирового судьи по возбужденному сердобольнымъ представителемъ полиціи дѣлу «о жестокомъ обращеніи съ гусями», принесъ на этого товарища жалобу прокурору Судебной Палаты. Въ ней, ссылаясь на то, что блаженъ человѣкъ иже и скоты милуетъ, онъ говорилъ, что «не только иностранныя законодательства, но и Судебные Уставы, *особливо же тѣ, которые съ комментаріями*, считаютъ жестокое обращеніе съ животными заслуживающимъ строгаго наказанія». Жалобу пришлось оставить безъ послѣдствій, ибо проникнутый луч-

шими намѣреніями становой, къ сожалѣнію, не зналъ, что такая карательная статья, проектированная первоначально, была не допущена въ уставъ о наказаніяхъ вслѣдствіе упорныхъ возраженій со стороны Второго Отдѣленія и графа Панина, находившихъ ее «преждевременною» (статья такого содержанія введена въ уставъ въ качествѣ 41^3 лишь въ 1871 году).

Судебнымъ Уставамъ въ ихъ практическомъ приложеніи жилось не легко. Подъ вліяніемъ различной «злобы дня», временныхъ настроеній и обычнаго у органовъ нашего законодательства нежеланія или неумѣнія вникнуть въ отдаленныя причины и происхожденіе того или другого — иногда совершенно напрасно встревожившаго ихъ — явленія, Судебные Уставы претерпѣвали своего рода «усышку и утечку» и обрастали разными новшествами, искажавшими ихъ первоначальный смыслъ и духъ.

Появленіе въ свѣтъ Судебныхъ Уставовъ встрѣчено было обществомъ, за исключеніемъ разныхъ темныхъ ходатаевъ, радостно. Очень наболѣлъ на его сердцѣ старый судъ съ его «неправдой черной». Если изданіе Положенія 19 февраля, неотразимо вызывавшее судебную реформу, было встрѣчено многими съ «печалью и воздыханіями», то, наоборотъ, Судебные Уставы были привѣтствованы даже будущими своими заклятыми врагами. Эти привѣтствія совершенно заглушали звучавшіе, въ отзывахъ и частныхъ письмахъ, голоса рѣдкихъ «сомнѣвающихся», рисовавшихъ себѣ въ преувеличенномъ и одностороннемъ видѣ характеръ и значеніе состязанія сторонъ въ уголовномъ дѣлѣ. Таковъ былъ, напримѣръ, извѣстный Шевыревъ, писавшій Погодину: «Не думаю, чтобы у насъ могла приняться эта судебная комедія, разыгрываемая адвокатомъ власти всегонительной и адвокатомъ краснорѣчія всеоправдывающаго. Думаю, что русскій человѣкъ адвокату своей неправды способенъ будетъ публично сказать: «Да вѣдь ты все лгалъ. Я въ самомъ дѣлѣ убійца!» И что это за власть императорская, которая будетъ только гнать и обвинять? Нѣтъ, у насъ должно быть что-нибудь другое». Таковъ былъ и суровый сенаторъ Карніолинъ-Пинскій, писавшій въ отзывахъ на основныя положенія преобразованія судебной части: «Присяжныхъ! присяжныхъ и присяжныхъ! — вотъ крики, летящіе со всѣхъ сторонъ на-

шего дорогого отечества. Во всѣхъ нихъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія: закричалъ одинъ, отчего не заревѣть другому. Доброе и полезное насъ не минуетъ, а сомнительнаго — хотя бы и не бывало». Но этотъ же Карніолинъ-Пинскій, назначенный первоприсутствующимъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, несмотря на свою глубокую старость и болѣзнь, умѣлъ не только примириться съ присяжными, но образцово провелъ первое съ ними засѣданіе Сената по сложному дѣлу, доказавъ тѣмъ глубокое пониманіе значенія участія представителей общественной совѣсти въ дѣлѣ суда.

Но дальнѣйшее отношеніе къ отмѣнѣ «ига рабства», которымъ, по выраженію Хомякова, была «клеймена Россія», и къ Судебнымъ Уставамъ было прямо противоположно. «Плачъ и скрежетъ зубовный» по поводу утраты права смотрѣть на «душу», какъ на свое имущество, скоро затихъ, и вожделѣніе вернуться къ старому обходнымъ и замаскированнымъ путемъ стало находить себѣ лишь затаенное выраженіе въ разныхъ мертворожденныхъ проектахъ, исполненныхъ «словесъ лукавствія». Не то было съ Судебными Уставами. Судъ правый и равный для всѣхъ оказался для многихъ неудобнымъ, и къ нему, во вліятельной печати, было примѣнено правило стараго судопроизводства: онъ былъ оставленъ въ подозрѣніи. Ошибки и промахи примѣнителей Уставовъ въ жизни, столь свойственные и извинительные въ новомъ дѣлѣ, стали ставиться въ вину основнымъ началамъ этихъ Уставовъ. Явилась своеобразная бухгалтерія, въ которой «всякое лыко» начало поспѣшно и безъ дальнихъ околичностей ставиться «въ строку» и писаться въ пассивъ новаго, созданнаго Уставами, суда, въ то время когда страницы актива умышленно оставлялись дѣвственно-чистыми, несмотря на то, что, благодаря Уставамъ, многое нечистое, темное, вредное и гордое своей старой безнаказанностью всплывало на свѣтъ Божій и предстало предъ карающей десницей правосудія.

Противъ Уставовъ пошли: съ горячими, но несправедливыми обобщеніями знаменитый московскій публицистъ и съ невѣжественными инсинуаціями «Гражданинъ», а также открыли партизанскую войну беззаботные по части литературной опрятности ихъ подго-

лоски и подражатели, начавшіе jurare in verba magistri. Оказывалось, что составители Судебныхъ Уставовъ образовали между собой зловредное учредительное собраніе, наградившее Россію «судебной республикой», въ помощь которой, въ видѣ присяжныхъ засѣдателей, былъ призванъ «судъ улицы», относительно котораго безсиленъ даже и «антиправительствующій» Сенатъ, и что адвокатура, столь неразрывно связанная съ состязательнымъ процессомъ, не что иное, какъ своекорыстное собраніе однихъ софистовъ и «Балалайкиныхъ». Отсюда былъ недалекъ и выводъ, что нашему правосудію грозитъ смертельная опасность, и что старый судъ, вызвавшій крикъ ужаса у глубокаго и истиннаго патріота, какъ Аксаковъ, былъ лучшею гарантіей противъ такой опасности. Этотъ выводъ разными путями проникъ въ наше легковѣрное общество, и наступило время, когда и въ немъ начали появляться голоса, твердившіе, съ самоувѣренностью незнанія, о грозящемъ не только правосудію, но и государственному строю крушеніи. «Вездѣ есть боязливыя натуры, и у страха есть свои герои», сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей Вирховъ. Такіе герои страха объявились и у насъ. Къ ихъ голосамъ, къ сожалѣнію, стало прислушиваться по временамъ наше законодательство. Медлительное въ исправленіи серьезно отмѣченныхъ жизнью теоретическихъ и не могшихъ быть провѣренными предварительнымъ опытомъ недочетовъ въ подробностяхъ Уставовъ, оно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ лихорадочной поспѣшностью, приступало къ ломкѣ или извращенію того, что было послѣдовательнымъ выраженіемъ основныхъ началъ, вложенныхъ въ эти Уставы. Было бы излишне перечислять всѣ увѣчья, испытанныя Уставами на ихъ тернистомъ пути. Достаточно указать на то, что самостоятельное положеніе несмѣняемаго и независимаго слѣдователя, созданнаго Уставами, обратилось въ нѣчто фиктивное, не оправдываемое, черезъ 48 лѣтъ послѣ введенія судебной реформы, ни недостаткомъ людей, ни отсутствіемъ у значительнаго ихъ числа необходимаго опыта; — указать на чрезмѣрное расширеніе случаевъ закрытія дверей засѣданія, при чемъ, на ряду съ точными указаніями устава уголовнаго судопроизводства, введено трудно поддающееся провѣркѣ усмотрѣніе суда и высшей судебной адми-

нистраціи; на сокращеніе области дѣйствія суда присяжныхъ и замѣну послѣднихъ сословными представителями; на раздѣленіе кассаціоннаго суда на отдѣленія, поколебавшее на практикѣ единство и послѣдовательность его взглядовъ, и, наконецъ, на тяжкій ударъ, нанесенный важнѣйшему изъ началъ, провозглашенныхъ 20 ноября 1864 года, — отдѣленію судебной власти отъ административной — учрежденіемъ земскихъ участковыхъ начальниковъ и возложеніемъ на этихъ подчиненныхъ мѣстной власти чиновниковъ судебныхъ функцій упраздненныхъ мировыхъ судей. Послѣдняя мѣра вырвала изъ тѣла Судебныхъ Уставовъ кусокъ живого мяса, сократила и лишила во многомъ силы кассаціонную дѣятельность Сената и умалила значеніе Судебныхъ Уставовъ для обыденной жизни народа, давъ ему другой судъ, во многомъ основанный на личномъ усмотрѣніи и пригодный не для поддержанія уваженія къ закону, а для поддержанія страха предъ этимъ усмотрѣніемъ. Самый опасный походъ противъ Уставовъ былъ предпринятъ двадцать лѣтъ назадъ подъ лицемѣрнымъ предлогомъ ихъ улучшенія и укрѣпленія. Статсъ-секретаремъ Муравьевымъ была исходатайствована особая комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части. Открытая и закрытая молебнами и широковѣщательными рѣчами своего предсѣдателя Муравьева и организованная въ весьма широкомъ масштабѣ, комиссія, внеся въ Судебные Уставы нѣкоторыя мелочныя измѣненія, по отношенію къ учрежденію судебныхъ установленій и въ особенности къ уставу уголовнаго судопроизводства вступила на путь коренного искаженія Судебныхъ Уставовъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ учрежденіи комиссіи было высказано, что *отдѣленіе суда отъ администраціи* и неудачно формулированное начало судейской *несмѣняемости* имѣли своимъ послѣдствіемъ ошибочный взглядъ на незыблемость правительственнаго направленія суда и судебнаго вѣдомства и на намѣреніе законодателя поставить представителей судебной власти въ особое исключительное положеніе въ ряду прочихъ правительственныхъ органовъ. Въ развитіе этихъ мнѣній Муравьева, судебная власть земскаго начальника была всецѣло сохранена въ обширномъ проектѣ «упорядоченія» суда, составленномъ комиссіей, несмотря на согласіе

министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина на освобожденіе земскихъ начальниковъ отъ судебныхъ функцій; — кассаціонный судъ предполагалось окончательно лишить единства, передавъ пересмотръ рѣшеній не обладающихъ несмѣняемостью участковыхъ судей, которыми должны были быть замѣнены городскіе и немногіе изъ уцѣлѣвшихъ мировыхъ судей, въ судебныя палаты; — предварительное слѣдствіе было рѣшено вручить въ руки полиціи, шагнувъ такимъ образомъ далеко назадъ не только за Судебные Уставы, но и за Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 года; — предположена отмѣна апелляціоннаго производства и, наконецъ, были всемѣрно намѣчены такія ограниченія въ правахъ и преимуществахъ лицъ судебнаго вѣдомства, которыя сводили ихъ во многихъ отношеніяхъ къ служебному уровню заурядныхъ чиновниковъ, призваніе которыхъ опредѣлялось полученіемъ жалованья 20 числа.

Такъ предположено было докончить осуществленіе указа 1864 года о возвышеніи судебной власти, о придачѣ ей самостоятельности и укрѣпленіи уваженія къ закону. Тѣмъ немногимъ, которые не соглашались видѣть въ пересмотрѣ законоположеній по судебной части ремонтъ Судебныхъ Уставовъ, а разрушеніе ихъ основныхъ положеній, и подавали «особыя мнѣнія», приходилось присутствовать при поспѣшномъ и податливомъ отреченіи многихъ видныхъ дѣятелей отъ того, чему они до тѣхъ поръ служили, и лицезрѣть, какъ нещадно и безцѣльно ломаются учрежденія и пріемы, завѣщанные Создателемъ Уставовъ и лучшими людьми его царствованія. Къ счастью, работа комиссіи, встрѣтившая основательныя возраженія со стороны министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, не получила законодательной санкціи, и по отношенію къ Судебнымъ Уставамъ въ ихъ важнѣйшихъ частяхъ не пришлось сказать рокового «vixerunt!»

Если позволить себѣ шутливое сравненіе Судебныхъ Уставовъ съ *юбиляромъ*, празднующимъ пятидесятилѣтіе своей службы, и справиться съ послѣдней, — какъ это дѣлается обыкновенно при юбилейныхъ торжествахъ и сообщеніяхъ, — по формулярному списку съ обычными подраздѣленіями по-

слѣдняго, то получится довольно оригинальный результатъ. Окажется, что юбиляръ, — родившійся, вопреки законамъ природы, черезъ два года послѣ своего зачатія въ 1862 году и почти немедленно вставшій на ноги и пошедшій по всей Россіи, захватывая все большее и большее пространство, — происходитъ отъ высшей степени благородныхъ родителей, горячо любившихъ родину и свой народъ, жаждавшихъ водворенія истиннаго правосудія и всѣми силами ума и сердца старавшихся осуществить великодушныя намѣренія своего Монарха. Юбиляру было передано, въ качествѣ родового и наслѣдственнаго, *имущество*, которое казалось въ главныхъ своихъ частяхъ недвижимымъ; однако, нѣкоторая и притомъ немалая его часть подверглась неожиданному отчужденію, и вмѣстѣ съ тѣмъ юбиляру было неоднократно присвоено имущество благопріобрѣтенное (хотя бы, напримѣръ, въ видѣ учрежденія частныхъ повѣренныхъ), въ которомъ слово *благо* подлежитъ большому сомнѣнію. И *прохожденіе имъ службы* было довольно тяжелое: внося съ собой повсюду начало равенства передъ судомъ, творимымъ по совѣсти и убѣжденію, при чемъ строгое слово закона не заглушало голоса милосердія, юбиляръ не разъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе. Его многолѣтнія обширныя заслуги по водворенію правосудія ставились въ ничто предъ отдѣльными и случайными, свойственными всякому дѣлу рукъ человѣческихъ, ошибками и неудачами. Поэтому *наградъ* и *поощреній* до самаго послѣдняго времени онъ не получилъ. Въ *походахъ* и довольно дальнихъ онъ былъ, и выбить его изъ занятыхъ имъ позицій не удавалось, хотя въ сраженіяхъ съ непріятелемъ ему нанесено не мало ранъ и даже увѣчій, тѣмъ болѣе тяжелыхъ, что бывали случаи, когда наноситъ послѣднія покушались и тѣ, кому надлежало бы его охранять и защищать. Въ *отставкѣ* онъ не былъ; это представлялось труднымъ въ виду полной невозможности замѣнить его предшественникомъ, постепенно доживавшимъ свой безславный вѣкъ. Но въ *отпуску* онъ былъ и притомъ безсрочномъ—съ 1876 года, т.-е. въ то время, когда Судебные Уставы безъ всякаго основанія были втиснуты въ Сводъ Законовъ, разбиты на отдѣльные куски и очутились среди статей, чуждыхъ имъ по языку и духу, въ непосред-

ственномъ сосѣдствѣ со словами, которыя, согласно французскому выраженію, «hurlent de se trouver ensemble», — покуда изъ этого отпуска юбиляръ не явился въ 1884 году, украшенный именемъ своего вѣнценоснаго виновника. И *брачная* графа его формуляра представляется довольно странной: по замыслу родителей ему предстояло безбрачіе и одинокая, хотя и достойная жизнь, но безъ всякаго съ его стороны почина у него оказались внѣбрачныя дѣти отъ администраціи. Нынѣ онъ отказывается ихъ усыновить послѣдующимъ бракомъ и снова при помощи *положенія о мѣстномъ судѣ* возвращается къ своему прежнему одинокому состоянію.

Въ послѣднее время по отношенію къ Уставамъ началось весьма желательное обратное законодательное движеніе, выразившееся въ упраздненіи судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ и въ возстановленіи выборныхъ мировыхъ судей даже съ бо́льшею противъ прежняго подсудностью. Такое же restitutio in integrum предпринято Государственной Думой и въ проектѣ объ участіи присяжныхъ засѣдателей въ рѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ должности, къ сожалѣнію не уваженномъ Государственнымъ Совѣтомъ, несмотря на бытовые и цифровые доводы выступившаго въ защиту проекта министра юстиціи. Все это, въ связи съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія призываемыхъ на сессіи присяжныхъ засѣдателей, не обладающихъ достаточными средствами,— съ разрѣшеніемъ говорить имъ о наказаніи, которому можетъ подлежать подсудимый, — съ рядомъ улучшеній въ гражданскомъ процессѣ и съ находящимся еще въ разсмотрѣніи проектомъ упраздненія соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей мирового судьи и слѣдователя — даетъ основаніе надѣяться, что наиболѣе трудные годы Уставами пережиты, и что юбиляръ можетъ спокойно смотрѣть, по крайней мѣрѣ, на ближайшее будущее. Смотрѣть — да! но не бездѣйствовать въ лицѣ своихъ служителей и законодательныхъ органовъ. Недостаточно постепенно возвращать Уставы въ ихъ «первобытное состояніе», сохранивъ изъ всѣхъ нововведеній и измѣненій въ нихъ лишь то, что вызвано дѣйствительными потребностями жизни и строго провѣренными указаніями практики, и устранивъ временное и наносное, поспѣшно и услужливо отражавшее въ законодательной и даже

кодификаціонной области «злобу дня». Необходима внутренняя въ предѣлахъ и духѣ Уставовъ и въ направленіи, данномъ ихъ составителями, работа служителей этихъ Уставовъ, работа опредѣленная и настойчивая. Независимо отъ главныхъ основоположеній и ряда правилъ и постановленій, относящихся къ порядку и техникѣ судопроизводства, Судебные Уставы содержатъ многія указанія на нравственныя обязанности судебныхъ дѣятелей при служеніи ихъ правосудію. Положительный законъ не можетъ опредѣлять, какъ должны осуществляться въ отдѣльныхъ случаяхъ эти нравственныя требованія, — онъ можетъ по большей части лишь намѣтить ихъ, предоставляя судебному дѣятелю самому вдуматься въ мысль и завѣты составителей Уставовъ и усвоить себѣ сообразный съ этимъ образъ дѣйствій. Достаточно лишь указать на 405 и 406 ст. устава уголовнаго судопроизводства о способѣ и пріемахъ допроса обвиняемаго, — на ст. 685 о значеніи молчанія подсудимаго, — на ст. 704 и 705 о лицахъ, недопускаемыхъ къ свидѣтельству подъ присягой и къ свидѣтельству вообще, — на ст. 739 и 740, 744 и 745 о содержаніи рѣчей прокурора и защитника, — на ст. 801 — 804 о руководящемъ напутствіи предсѣдателя присяжнымъ и т. д., — чтобы видѣть, какъ многое въ осуществленіи этихъ статей зависитъ отъ поведенія судебнаго дѣятеля и отъ тѣхъ нравственныхъ требованій, которыя онъ предъявляетъ самому себѣ, служа святому дѣлу правосудія въ духѣ Судебныхъ Уставовъ. Выработка собственнымъ примѣромъ и разработка на практикѣ пріемовъ для приложенія нравственныхъ началъ, намѣченныхъ Судебными Уставами, къ многообразнымъ случаямъ судебной жизни должна составлять одну изъ важнѣйшихъ задачъ для судебныхъ дѣятелей. Они должны не ограничиваться однимъ точнымъ, въ буквальномъ смыслѣ, исполненіемъ предписанныхъ Уставами опредѣленныхъ правилъ о томъ, что и въ какой послѣдовательности надлежитъ дѣлать, но и помнить, что одного этого мало, и что «духъ животворитъ — буква умерщвляетъ». Такимъ образомъ долженъ выработаться господствующій и желательный въ цѣляхъ истиннаго правосудія типическій образъ судьи, прокурора и адвоката. Въ первое десятилѣтіе послѣ обнародованія Судебныхъ

Уставовъ эти образы начали вырисовываться и у насъ, чуждые притомъ отрицательныхъ сторонъ западныхъ образцовъ. Затѣмъ они стали тускнѣть и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріобрѣтать черты, идущія въ разрѣзъ съ тѣмъ, что думали создать составители Судебныхъ Уставовъ. Понемногу, — конечно, не безъ отрадныхъ исключеній, — сознательный починъ сталъ замѣняться рутиной, — проникнутые призваніемъ дѣятели начали обращаться, подъ давленіемъ неблагопріятной обстановки, въ рядовыхъ тружениковъ, отъ которыхъ такъ легокъ переходъ въ пассивныхъ ремесленниковъ своего, когда-то казавшагося свѣтлымъ и значительнымъ, дѣла.

Заканчивая эти строки горячимъ пожеланіемъ нашему юбиляру ясной и безмятежной жизни, свободной отъ посягательствъ на его неприкосновенность, я позволю себѣ повторить сказанное мною, много лѣтъ назадъ, въ рѣчи, посвященной памяти одного изъ участниковъ въ созданіи величаваго зданія Судебныхъ Уставовъ. Когда оно воздвигалось, невѣжественные порицатели стали находить, что въ новый храмъ правосудія внесены чуждыя прежнему культу изображенія иновѣрныхъ божествъ. Да! это было именно такъ! Эти божества назывались — равноправностью, уваженіемъ къ человѣческому достоинству, гласностью, открытою защитою, независимостью судей и т. д. То же было и въ римскомъ пантеонѣ. И его гармоническія мраморныя стѣны принимали въ свои нѣдра изображенія, свойственныя чуждымъ суровому Риму культамъ — и къ этимъ стѣнамъ, искажая ихъ классическую красоту, были впослѣдствіи пристроены идущія въ разрѣзъ со всѣмъ стилемъ храма башенки. Но ихъ потомъ сняли — и чудный куполъ, съ яркимъ круглымъ отверстіемъ въ синее небо, попрежнему наполняетъ душу вошедшаго благодарнымъ восхищеніемъ предъ строителемъ храма. То же будетъ и со зданіемъ Судебныхъ Уставовъ, пока основныя ихъ начала останутся неприкосновенны. Внутри зданія, къ сожалѣнію, за время его существованія кое-что передвинуто и сломано, а снаружи его многое пристроено, но оно все еще хранитъ въ себѣ глубокую мысль строителя — и чрезъ его куполъ, сведенный надъ его основами, все еще свѣтитъ голубое небо высокихъ и чистыхъ идеаловъ!..

Переносясь мыслью въ далекое уже прошлое, я припоминаю не только любопытство, но и своего рода волненіе, съ которыми были встрѣчены въ своей строго офиціальной внѣшности Судебные Уставы. То, что носилось въ воздухѣ, какъ общія положенія, подлежавшія еще переработкѣ и, быть можетъ, существенному измѣненію, облекалось въ этой книгѣ въ плоть и кровь;— зародышъ обращался въ цѣльный организмъ;— контуры переходили въ законченную и цѣльную картину, подробности которой были твердо начертаны смѣлой и знающей рукой. И мнѣ лично пришлось испытать и пережить эти чувства. Въ 1864 году въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Лешкова, было открыто при университетѣ Юридическое Общество, засѣданія котораго — довольно безцвѣтныя первое время — усердно посѣщались нами, студентами IV курса. Во время засѣданія, происходившаго въ началѣ декабря, въ одной изъ пустынныхъ комнатъ стараго зданія университета, мой товарищъ по курсу Крымской, человѣкъ мрачнаго вида и добрѣйшей души, перебивавшійся уроками и умершій тотчасъ же по выходѣ изъ университета, вручилъ мнѣ какую-то книгу, тщательно завернутую, и таинственно сказалъ: «Это для васъ. Посмотрите дома! Примите въ добрый часъ»... Эта книга была только-что обнародованные Судебные Уставы 20 ноября 1864 года... и *часъ*, дѣйствительно, оказался *добрымъ*. Я свято берегу ее до сихъ поръ. По ней я учился, ее имѣлъ привычку держать, для опоры въ рукахъ, вставая говорить судебныя рѣчи и оберъ-прокурорскія заключенія въ Сенатѣ; передо мной лежала она во время предсѣдательствованія на судѣ. Съ нею связаны у меня живыя воспоминанія о всемъ пережитомъ въ силу и вслѣдствіе ея содержанія. И вотъ ея существованію наступило пятьдесятъ лѣтъ. Съ любовью и уваженіемъ смотрю я на нее, и въ памяти моей вереницей проходятъ годы, когда ея возвышенныя начала являлись для меня и для моихъ сверстниковъ по юридическому образованію своего рода *руководящимъ напутствіемъ*,— годы, въ которые мы имѣли незабываемое счастье участвовать во введеніи судебной реформы въ постепенно открываемыхъ округахъ (я лично — въ Петроградскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ), и старались примѣнить къ окружающей средѣ завѣты состави-

телей этой книги. Она была предметомъ нашихъ тревогъ, опасеній и огорченій, когда ей начали грозить искаженія и «исправленія», и на ней появлялись наросты, чуждые ея духу. И нынѣ ея пожелтѣлыя страницы краснорѣчиво говорятъ мнѣ о томъ довѣріи къ духовнымъ силамъ русскаго народа, которымъ была проникнута работа творцовъ Судебныхъ Уставовъ и первыхъ дѣятелей судебной реформы. Мое практическое служеніе этой книгѣ окончилось восемь лѣтъ назадъ, смѣнившись законодательнымъ трудомъ, при которомъ не разъ приходилось и, вѣроятно, придется говорить объ основахъ уголовнаго правосудія, заложенныхъ въ ней и закрѣпленныхъ на моихъ глазахъ почти полувѣковымъ личнымъ опытомъ. На новыхъ и молодыхъ дѣятеляхъ лежитъ задача дальнѣйшаго практическаго примѣненія этихъ Уставовъ къ жизни. Хотѣлось бы сказать имъ съ поэтомъ: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое!» и, вспоминая стараго товарища, мысленно вручить имъ дорогую мнѣ книгу со словами: «въ добрый часъ».

ЖИТЕЙСКІЯ ВСТРѢЧИ.

I.

Синьоръ Бѣляевъ.

Въ сентябрѣ 1873 года мнѣ пришлось впервые быть въ Неаполѣ, гдѣ я встрѣтился съ двумя сослуживцами по судебному вѣдомству, и мы вмѣстѣ совершали различныя экскурсіи по окрестностямъ. Однажды мы отправились на пароходѣ на островъ Капри. Несмотря на безоблачное, ярко-синее небо, такое же синее море довольно сильно волновалось, такъ что было много больныхъ и въ томъ числѣ мои спутники. Я не былъ подверженъ морской болѣзни, но, чтобы не видѣть непріятнаго зрѣлища трагикомическихъ страданій другихъ, я, облокотившись на бортъ парохода, смотрѣлъ на воду.

— Мутитъ-съ? — услышалъ я возлѣ себя чей-то ласковый вопросъ и оглянулся. Передо мной стоялъ средняго роста сутуловатый человѣкъ въ сѣромъ, довольно поношенномъ костюмѣ и яркомъ галстухѣ. Гладко выбритый подбородокъ, сѣдыя бакенбарды котлеточками, курносый толстый носъ того типа, который напоминаетъ, — по выраженію одной моей казанской знакомой, — «скворешницу», сѣро-зеленоватые, добрые, хотя немного безпокойные, глазки, мягкая линія рта и вся его фигура съ несомнѣнностью обличали въ немъ русскаго. — Нѣтъ, не мутитъ! — На меня тоже это не дѣйствуетъ, т.-е. морская *болѣсть*. Я привычный тутъ ѣздить. Ужъ который разъ! И на парусахъ, бы-

вало, туда же плавалъ. Я, вѣдь, въ Неаполѣ живу. Можетъ быть, изволили видѣть на Санта Лючіи—возлѣ гостиницы Викторія — вывѣска: — Джузеппе Бѣляевъ. Это — я самый и есть! Кораллами торгую. И по винной части посредникомъ бываю. А вы, вѣдь, на Капри изволите ѣхать? — Да! — Одни или съ компаніей? — Съ товарищами. — Что же вы тамъ думаете дѣлать? — Какъ что? Посмотримъ лазоревый гротъ, а потомъ походимъ по острову, позавтракаемъ. — Такъ-съ! Это, значитъ, какъ англичане дѣлаютъ... Но, только, я вамъ доложу, что это самое нестоющее дѣло и нечего тамъ смотрѣть. Ну, гротъ, конечно, это другое дѣло... Съ непривычки оно интересно. Положатъ васъ на дно лодки съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, да и пропихнутъ въ гротъ... такъ первое время своимъ глазамъ не повѣрите! Но только потомъ пароходъ опять всѣхъ заберетъ и повезетъ васъ на другую сторону острова и пойдутъ всѣ ногами пыль разводить по набережной безъ всякаго интересу до самаго пароходнаго свистка. Вотъ тебѣ и все Капри!.. Надо со знающимъ человѣкомъ ѣхать, которому извѣстно, какъ и что... Вотъ, коли вамъ угодно съ товарищами, такъ я васъ свезу прямо съ парохода на самую верхушку острова, на развалины дворца Тиверія!.. Ужъ останетесь довольны! А покуда вы наверху будете, я, немножко пониже, въ остеріи, вамъ макароны приготовлю, да лакрима-кристи, и всего съ каждаго вамъ обойдется по десяти лиръ со всѣмъ, и съ ослами. Такъ угодно? Я, вѣдь, не изъ выгоды, а почему же хорошимъ русскимъ не услужить. Поговорите-ка съ вашими товарищами!

Конечно, мои спутники съ радостью согласились, и, когда послѣ посѣщенія удивительнаго голубого грота пароходъ причалилъ къ пристани, Бѣляевъ съ таинственнымъ видомъ сдѣлалъ намъ знакъ, чтобы мы не сходили съ парохода, а самъ втесался въ толпу на берегу и поднялъ шумный торгъ съ хозяевами ословъ, крича и жестикулируя, какъ совершенный итальянецъ, и ударяя «по рукамъ», какъ русскій. Затѣмъ, когда берегъ передъ пароходомъ почти опустѣлъ, онъ намъ торжественно крикнулъ: пожалуйте! готово! — и повелъ насъ къ осламъ, при каждомъ изъ которыхъ находилось по очень некрасивой неаполи-

танкѣ, въ какихъ-то грязныхъ сѣрыхъ кофтахъ и юбкахъ. Самъ же онъ взмостился на исхудалаго Россинанта, и мы двинулись съ чрезвычайнымъ шумомъ. Погонщицы били ословъ и что-то кричали; ослы ревѣли; при Россинантѣ тоже былъ погонщикъ, въ свою очередь покрикивавшій на погонщицъ, къ которымъ по дорогѣ присоединились еще двѣ, и все это покрывалось командою Бѣляева на русско-итальянскомъ діалектѣ, приправляемой русскими крѣпкими словцами. Per questa cosa tente ragazze?! — съ гнѣвомъ спрашивалъ онъ. Но «рагацци» ничего не отвѣчали, а только усиленно начинали кричать на несчастныхъ ословъ. Такъ, двигаясь очень скоро, мы миновали группы удивленныхъ англичанъ и быстро помчались въ гору. Саженяхъ въ пятидесяти ниже развалинъ находилась остерія или трактиръ очень невзрачнаго вида съ одной большой комнатой, часть которой, вѣроятно, для хозяйственныхъ надобностей, была отдѣлена грязной полосатой занавѣской, за которой слышалось шипѣнье плиты. Здѣсь Бѣляевъ насъ покинулъ, предложивъ однимъ отправляться на развалины и объявивъ, что будетъ самъ слѣдить за приготовленіемъ макаронъ. — И... — прибавилъ онъ многозначительно — приготовлю вамъ супризъ. По двѣ лишнихъ лиры вамъ ничего не составитъ, а довольны останетесь...

Когда, насладившись видомъ, мы вернулись въ трактиръ, то на столъ было подано огромное блюдо макаронъ и очень вкусное вино. — А гдѣ же сюрпризъ? — спросилъ одинъ изъ насъ Бѣляева. — Супризъ?.. — отвѣчалъ онъ, лукаво подмигивая: — вы вотъ покушайте и выпейте, тогда и супризъ лучше покажется. — Убѣдившись, что мы исполнили его совѣтъ, онъ торопливо отодвинулъ обѣденный столъ къ стѣнѣ, торжествующимъ взглядомъ окинулъ образовавшееся свободное пространство и хлопнулъ три раза въ ладоши. Изъ-за занавѣски вышли три изъ погонщицъ, которыя были помоложе, и лошадиный погонщикъ съ мандолиной въ рукѣ. Бѣляевъ взялъ въ руки бубенъ, и раздались звуки тарантеллы. Танецъ, сначала медлительный, сталъ потомъ, какъ змѣя, свиваться и развиваться все быстрѣе и быстрѣе. Некрасивыя лица танцующихъ преобразились. Въ глазахъ ихъ запылалъ огонь безумія и восторга. Платья стали

раздуваться, и тяжелое, страстное дыханіе начало почти покрывать собою звуки инструментовъ. Я никогда ничего подобнаго себѣ не представлялъ. Это была не та балетная тарантелла, которую мнѣ приходилось видѣть на сценѣ и, вѣроятно, пришлось бы увидѣть, по особому заказу, въ самомъ Неаполѣ, исполненную профессіональными танцовщицами. Это была настоящая простонародная тарантелла безъ прикрасъ, но и безъ педантической размѣренности. Лицо Бѣляева пылало.. Онъ весь подергивался, кричалъ по-русски: лихо! лихо! поддай жару!—и; наконецъ, бросился въ присядку среди бѣшено вертящихся женщинъ. Подобно крику пѣтуха въ «Danse macabre», раздался далеко внизу первый призывный свистокъ парохода, и «сюрпризъ» прекратился.

На другой день мы зашли въ магазинъ Бѣляева, гдѣ за прилавкомъ сидѣлъ его взрослый сынъ отъ жены-итальянки, не говорящій по-русски, и накупили разной дряни изъ коралловъ и лавы. Предъ нашимъ уходомъ пришелъ и самъ Бѣляевъ, на котораго, какъ я замѣтилъ тутъ же и затѣмъ впослѣдствіи, сынъ и жена — высокая красивая итальянка съ иссиня-черными волосами — смотрѣли то угрюмо, то со снисходительнымъ пренебреженіемъ. Довольный нашими закупками, онъ предложилъ намъ притти къ нему на другой день обѣдать, обѣщая угостить насъ русской ухой и пирогомъ. — А винцо ужъ будетъ на вашъ счетъ! — прибавилъ онъ.

Этотъ обѣдъ, приготовленный въ его оригинальной квартирѣ, — устроенной на плоской кровлѣ того шестиэтажнаго дома, гдѣ помѣщался магазинъ, съ чуднымъ видомъ на море и Везувій, — былъ весьма плохъ. Уха изъ морской рыбы и изъ frutti di mare представляла какую-то сѣрую, дурно пахнущую бурду, а тѣсто пирога вязло въ зубахъ и было совершенно безвкусно. Но вино, особливо Lacrima Cristi spumante, было превосходно, и нашъ амфитріонъ оказывалъ ему особенное, чтобы не сказать чрезмѣрное, вниманіе, несмотря на мрачные взгляды, бросаемые на него супругою, раза два проходившею черезъ комнату пиршества. Послѣ обѣда мы вышли на террасу покурить и полюбоваться чуднымъ вечеромъ. Хозяинъ впалъ въ благодушное на-

строеніе и въ отвѣтъ на наши разспросы словоохотливо развязалъ языкъ и разсказалъ часть исторіи своей жизни, столь ярко рисующую и натуру русскаго человѣка, и наше крѣпостное право, что я запомнилъ его разсказъ почти дословно.

«Я, господа, — началъ онъ свое повѣствованіе, — былъ крѣпостнымъ князя К., — помѣщика Тульской губерніи, жившаго зимою въ обширномъ собственномъ домѣ, похожемъ на усадьбу, на Садовой улицѣ въ Москвѣ. Отецъ мой былъ старостой въ деревнѣ. Разъ, когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать, отъ барина пришелъ приказъ прислать меня на службу въ дворню, при обозѣ со всякой живностью, всегда высылаемой къ Рождеству. Батька съ маткой покручинились, снарядили мнѣ тулупъ, дали серебряный полтинникъ на дорогу, — матка повыла при прощаньи... и отправила меня съ обозомъ. Больше я ихъ не видѣлъ. Царство имъ небесное! Когда добрались до Москвы, меня свели въ баню, выстригли и показали барину. Баринъ меня осмотрѣли, назвали «Бѣляшкой» по прозвищу моего отца и приказали крѣпостному портному сшить мнѣ изъ желтаго верблюжьяго сукна казакинъ *съ пистонами* (т.-е. съ карманами для патроновъ) и съ запасомъ, чтобъ надолго хватило. Это значило, что я буду казачкомъ. Бывало, сидишь и дремлешь за дверями той комнаты, гдѣ сидятъ баринъ. Они хлопнутъ въ ладоши. Сейчасъ надо бѣжать подавать имъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, а длинной, сложенной въ трубочку зажженной бумажкой давать имъ ее раскуривать. Случалось, коли не успѣешь этого скоро и какъ слѣдуетъ сдѣлать, такъ и подзатыльникъ получишь. Такъ прожилъ я года два, а затѣмъ отравилъ барскую любимую кошку... — Какъ отравили? По неосторожности, случайно или нарочно? — Э-э, да что вспоминать! Отравилъ, да и все тутъ! Мальчишка вѣдь еще былъ. Баринъ приказали меня высѣчь, а затѣмъ отдали въ ученье къ Яру, за Тверской заставой, въ знаменитый тогда трактиръ. Ужъ не знаю, есть ли онъ теперь? У Яра выучился я кушанья готовить, особенно пожарскія котлеты, которыя тогда очень въ моду пошли, а начала ихъ дѣлать жена станціоннаго смотрителя подъ Москвой. Барина же я за все это время не видалъ. Только разъ, какъ на грѣхъ, пріѣзжаютъ они вечеромъ съ пріятелями

ужинать и потребовали этихъ самыхъ котлетъ. Остались очень, очень довольны, позвали Яра и стали ему свое удовольствіе выражать. А Яръ и говоритъ имъ: у насъ эти котлеты хорошо умѣетъ дѣлать вашъ крѣпостной Осипъ Бѣляевъ. Баринъ ничего не сказали, а только на другой день мнѣ приказъ: назадъ въ дворню! Хозяинъ поѣхалъ меня отпрашивать, но только баринъ и слышать ничего не хотѣли. Я, — говорятъ, — можетъ быть, какъ-нибудь пожарскихъ котлетъ захочу, такъ онъ у меня тутъ подъ руками будетъ. Дѣлать нечего, воля барская!.. Вернулся я въ дворню, нашли мой старый казакинъ, перешили на весь запасъ, да такого, совсѣмъ кургузаго, опредѣлили быть при кухнѣ. Ну, ужъ и принялъ я тутъ горя! Поваръ смотритъ на меня звѣремъ, ругается, никакого дѣла не даетъ, а только норовитъ всякую непріятность сдѣлать. «Ты, молъ, меня подсиживать пришелъ!» А за нимъ и дворня вся! Смѣются на меня, да дразнятъ. Не иначе зовутъ, какъ князь Пожарскій. Просто, хоть руки на себя налагай... Такъ прошло больше года, а баринъ объ котлетахъ ни разу и не вспомнили.

Только однажды иду я по двору, а баринъ зачѣмъ-то тоже вышли на дворъ, увидѣли меня, да и говорятъ: ты чего тутъ безъ дѣла шляешься?! На другой день и отдали меня обучаться мѣдно-котельному мастерству у нѣмца Карла Ивановича, на Кузнецкомъ Мосту. Тамъ я пробылъ четыре года и всему ихнему дѣлу научился, такъ что послѣ хозяина старшимъ мастеромъ сталъ, даже кое-что и въ кубышку себѣ отложилъ. А Карлъ Ивановичъ человѣкъ былъ хорошій, добрый. Я у него и по-нѣмецки говорить выучился. Дочка у него была — Каролиной звали — видная такая, какъ хлѣбъ разсыпчатая! Русая была... И коса — *ограмадная*! Полюбились мы другъ другу, а Карлъ Ивановичъ все посматриваетъ, да помалкиваетъ. Только разъ въ воскресенье пришелъ изъ ихней церкви, да и говоритъ мнѣ: — вотъ что, Осипъ, я ужъ старъ становлюсь, но вижу все, хоть и не говорю. А тебѣ откроюсь. Хочу я, любезный другъ, lieber Freund, новое дѣло начать: калетовскія свѣчи дѣлать (тогда эти свѣчи только что появились) и возьму я тебя своимъ компаньономъ. А когда помру, ты дѣло дальше поведешь. Каролинхенъ тебѣ нравится...

женись на ней и будь мнѣ вмѣсто сына! Мнѣ тогда и умереть будетъ спокойно... — Взяли эти слова меня за сердце, ударился я въ слезы и у Карла Ивановича руку поцѣловалъ. Только прошло недѣли двѣ, — стали мы это свѣчное дѣло обдумывать, какъ вдругъ отъ барина приказъ — явиться къ нему. Пошелъ я, а сердце, признаться, такъ и захолонуло. Баринъ меня къ ручкѣ допустили и говоритъ: — я, Бѣляшка, за границу ѣду на три года и нѣмецкой землей проѣзжать буду, такъ мнѣ толмачъ нуженъ. Вотъ ты и будешь при мнѣ толмачемъ и въ родѣ, какъ бы, камардиномъ, такъ собирайся вь путь. — Я упалъ ему въ ноги, сталъ молить меня оставить, говоря, что и по-нѣмецки плохо знаю. И на волю сталъ проситься. — Врешь, — говорятъ, — врешь! по-нѣмецки ты знаешь такое, что для меня нужно, а на волю — да ты съ ума что ли сошелъ?! Мнѣ въ тебѣ, каналья, надобность, а ты на волю проситься задумалъ. Я тебѣ такую волю покажу, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Собирайся! Да чтобъ я объ этомъ больше не слыхалъ... Пришелъ я домой, весь зеленый, руки и ноги трясутся, и разсказалъ все Карлу Ивановичу. Онъ на другой день пошелъ къ барину, просилъ, умолялъ. Три тысячи за меня ассигнаціями предлагалъ, за отпускную. Такъ куда тебѣ! Баринъ на него ногами затопали и прогнали. Простился я съ Каролиночкой, поплакали мы съ ней, и уѣхалъ я за границу. Что съ нею и съ Карлой Ивановичемъ стало, мнѣ неизвѣстно, а только новое дѣло онъ врядъ ли завелъ, потому что я у него былъ примѣрно замѣсто правой руки.

Отправились мы за границу съ бариномъ въ *ограмадной* каретѣ, дормезомъ называется. Всякіе въ ней ящики понадѣланы и меньше, какъ четверкой, ѣхать невозможно, а сзади пристройка такая сдѣлана съ кожаной крышкой, для прислуги. Въ карету сѣли баринъ, да барышня, да гувернантка ихняя, Энжени-мамзель, француэина, а я сзади помѣстился. Отслужили молебенъ, да и поѣхали съ прохладцей, да съ ночевками на станціяхъ. Какъ пріѣхали въ нѣмецкія земли, такъ и сталъ баринъ надо мной мучительствовать. Бывало, нѣмецъ-кучеръ ѣдетъ себѣ мелкой рысцой — трюхи, да трюхи — а баринъ высунутся въ окно, да кричатъ мнѣ: — Оська! Скажи ему, чтобъ ѣхалъ скорѣй! — А

нѣмцу вѣдь, что говори, что нѣтъ. Онъ шагу не прибавитъ, даже не оглянется, да еще у *шламбама* (шлагбаумъ) остановился, да со сторожами разговаривать начнетъ. Только тѣмъ, бывало, и возьмешь, что ему пива поднесешь, да и самъ съ нимъ выпьешь. Онъ поскорѣй заберетъ возжи и кричитъ, чтобъ шламбамъ подняли, а шагу все-таки не прибавитъ. Пріѣдемъ, бывало, на станцію, а баринъ меня ругать:—Ты, молъ, съ ними разговаривать не умѣешь! — да и норовятъ, бывало, въ зубы дать. Долго ли, коротко ли — пріѣхали мы во Францію. Тутъ уже другой народъ пошелъ. Какъ-то разъ, баринъ, садясь въ карету, въ сердцахъ за то, что я ему чѣмъ-то не потрафилъ, дали мнѣ въ ухо, а французы, что кругомъ стояли, стали роптать и смѣяться, пальцами на меня показывать. Просто со стыда сгорѣлъ! И пока мы ѣхали по Франціи, на меня совсѣмъ другимъ духомъ повѣяло, сталъ я смѣлѣе и этакую отвагу въ себѣ почувствовалъ. Только за послѣдней станціей передъ Парижемъ приказали баринъ остановиться у какого-то трактира и велѣли себѣ лимонной воды подать, а затѣмъ, когда уже надо было дальше ѣхать, и я влѣзъ на свою вышку, зачѣмъ-то потребовали меня внизъ, да и покажись имъ, что я не скоро слѣзъ на ихъ зовъ. Они меня ругнули, сбили съ головы картузъ и за волосы рукой ухватили. Тутъ ужъ не знаю, что со мной сдѣлалось! Взялъ я его руку, отвелъ отъ своего лица, да и говорю: нѣтъ, ваше сіятельство! бранить — браните, а драться больше не извольте! — Баринъ посмотрѣли на меня, да и говорятъ: Оська, да ты съ ума, что ли, сошелъ?! Забылъ, кто я и кто ты! — Нѣтъ, говорю, не забылъ. А только драться вы прекратите, потому — *Парижъ виденъ*!.. Такъ съ тѣхъ поръ баринъ меня и не трогали.

Въ Парижѣ мы прожили больше года. Я и по-французски тамъ выучился. Баринъ денегъ не жалѣли, и я кое-что прикопить успѣлъ. А потомъ поѣхали въ Италію. Въ Марсели баринъ корабль зафрахтовалъ, чтобы въ Чивитта-Веккію ѣхать. Пришелъ день отъѣзда, подъѣхали мы въ дормезѣ къ пристани. Баринъ и говоритъ капитану. — Вы, — говорятъ, — мой дормезъ на палубу поставьте. — А капитанъ говоритъ: — у меня для этакой махины мѣста нѣтъ, да и въ условіи объ этомъ не было ска-

зано. Это, говоритъ, не экипажъ, а цѣлый *эдифисъ*. Вы, говоритъ, мнѣ съ нимъ и корабль потопить можете, въ случаѣ чего, Боже сохрани. И отказался везти. Тогда баринъ къ начальству обратились, суда просили. Ну, судъ дѣло разобралъ и велѣлъ капитану принять дормезъ на пароходъ. А какъ пріѣхали мы въ Чивитта-Веккію, тамъ *догана* и эти папежскіе чиновники такъ въ руку и смотрятъ. Прогнѣвали они чѣмъ-то нашего князя, онъ и сталъ на нихъ кричать. — А! — говорятъ они, — коли такъ, то по нашему *риголаменту* послѣ заката солнца никакого досмотра производить нельзя. У васъ тутъ въ каретѣ, да и на васъ самихъ можетъ какія воспрещенныя вещи спрятаны, такъ мы васъ завтра обыщемъ. А теперь извольте въ каретѣ остаться до утра. И слуга вашъ — тоже, а синьора и синьорина могутъ, коли угодно, въ городѣ переночевать. — Баринъ еще пуще стали на нихъ кричать, грозить, что будутъ жаловаться, а они говорятъ: это какъ вамъ будетъ угодно, а мы свое *риголаменто* соблюдаемъ. Слугу, пожалуй, отпустимъ для ухода за дамами, а васъ попросимъ остаться. Затворили дверцы кареты, да тонкой веревкой три раза вокругъ кузова обмотали и печать приложили. Такъ баринъ до утра просидѣли. А я отвелъ Энженимамзель и барышню въ альберго, а когда къ ночи барышня заснули, такъ мы съ Энжени гулять пошли, только такъ, чтобъ баринъ не видѣлъ.

Въ Римѣ баринъ наняли квартиру на небольшой площади. На этой же площади помѣщалось и русское посольство, а посломъ былъ тогда, кажись, генералъ Киселевъ. Только тутъ ужъ баринъ совсѣмъ меня возненавидѣли. Ничѣмъ, бывало, не могу угодить. Драться не дерутся, а только ругаются скверными словами даже до невозможности. Голосъ у нихъ былъ громкій, какъ труба. Окна, бывало, открыты, на площадь, — по всей площади и слышно, какъ они ругаются. Только разъ наругались они и ушли со двора, а изъ посольства приходитъ курьеръ, который меня уже зналъ, да и говоритъ: посланникъ васъ требуетъ къ себѣ. Прихожу я, а посланникъ — такой представительный былъ мужчина — и спрашиваетъ меня: кто это у васъ такъ скверно ругается на всю площадь? — Говорю: кому же у насъ ругаться,

кромѣ барина. — Кого же, спрашиваетъ, онъ ругаетъ? — Кого же, говорю ему, ругать кромѣ меня. — За что жъ онъ васъ ругаетъ? — Я говорю: не знаю за что, а только онъ у насъ ндравный. Всего недавно драться пересталъ... Я-то, признаться, зналъ, за что баринъ такъ ужъ на меня взъерепенился, да не сказалъ посланнику. Страмить его не хотѣлъ! А онъ, по правдѣ говорить, послѣ Чивитта-Веккія возревновалъ меня къ Энжени-мамзель. — Что же, и были основанія? — спросилъ одинъ изъ насъ. Бѣляевъ снисходительно улыбнулся, замолчалъ и нѣсколько мгновеній глядѣлъ задумчиво вдаль, потомъ вздохнулъ и отвѣтилъ: — Э-эхъ, господа! Что было, то прошло, а только, какъ же, помилуйте! Я былъ человѣкъ молодой, что называется «въ соку», а она — извѣстно *француэина*. Его же два раза въ недѣлю іодомъ приходилось мазать... — и продолжалъ свой разсказъ. Вотъ посланникъ и говоритъ мнѣ: да чего вы съ нимъ связались? — Я ихній крѣпостной. — Здѣсь нѣтъ крѣпостныхъ, и если вы отъ него уйдете, то васъ здѣсь никто не тронетъ. — Куда же мнѣ дѣваться? — спрашиваю я. — Да можете здѣсь въ посольствѣ пробыть нѣсколько дней, а тамъ пріищете себѣ занятія. — Я повторять этого себѣ не заставилъ; пошелъ домой, собралъ свой чемоданчикъ, да и перешелъ въ посольство. На другой день баринъ, узнавъ про это наканунѣ вечеромъ, пришли къ посланнику объясняться. Что ужъ они промежду себя говорили — мнѣ неизвѣстно, а только баринъ вышелъ отъ него весь красный и никакихъ правъ больше на меня не предъявлялъ.

Такъ я и остался навсегда за границей. Тянуло меня во Францію. Переѣхалъ я въ Парижъ, гдѣ въ то время было много бѣглецовъ изъ Польши, сошелся съ однимъ полякомъ и открыли мы *эстаминетъ* около барьеръ де л'анферъ. Дѣла у насъ пошли хорошо, а особенно много бывало у насъ этихъ самыхъ эмигрантовъ, которымъ не только что польская, но даже и моя русская рѣчь была пріятнѣе, чѣмъ многимъ совершенно незнакомая французская. Такъ прошло еще года три. Я совсѣмъ оперился и имѣлъ капиталъ въ 7.000 франковъ; ходилъ съ тросточкой, при часахъ, — ну, словомъ, ни дать, ни взять — парижанинъ. Только, иду я разъ по улицѣ и прямо попадаю на барина, который

ѣдетъ въ фіакрѣ. Онъ меня узналъ, да и кричитъ: Бѣляша! Бѣляша! Ты ли это, другъ любезный? — Меня даже въ жаръ бросило отъ радости за такое его слово. Подошелъ я къ нему, шляпу снялъ, а онъ улыбается, да и говоритъ: кувре ву, мосье. Сталъ меня разспрашивать, что и какъ, да и говоритъ: приди-ка, Бѣляша, завтра ко мнѣ. Мы съ тобой по душѣ потолкуемъ. Я спросилъ о барышнѣ, а онъ и говоритъ: барышни ужъ нѣтъ: она въ Римѣ померла, и я ея тѣло отвезъ въ Россію, а потомъ уже сюда вернулся съ Энжени... Чай, помнишь? говоритъ — и на меня этакъ глазомъ коситъ. Перекрестился я, пожелалъ барышнѣ Царства небеснаго, и разстались мы. На другой день прихожу къ барину, постучалъ молоткомъ въ дверь — тогда не вездѣ звонки были, а молотки при дверяхъ висѣли — мнѣ и отворяетъ Галактіонычъ, старый буфетчикъ, котораго баринъ вмѣсто меня въ камардины взялъ. Впустилъ меня въ переднюю, а самъ пошелъ докладывать и — слышу — говоритъ барину: французъ какой-то пришелъ, васъ спрашиваетъ; прикажете принять, ваше сіятельство? А баринъ, слышу, отвѣчаютъ: знаю я, какой это французъ! Проси, проси. — Вотъ Галактіонычъ кивнулъ мнѣ головой на дверь барской комнаты, да и пошелъ за мной, неся большой серебряный подносъ съ кофіемъ. Вошли мы, и покуда онъ, держа подносъ, дверь за собой ногою затворялъ, баринъ встали, пошли мнѣ навстрѣчу, протягиваютъ руку и говорятъ: а-а, Бѣляша, другъ любезный! — Какъ увидалъ и услыхалъ это старикъ Галактіонычъ, такъ даже въ лицѣ весь измѣнился. Поставилъ подносъ съ размаху на столъ, махнулъ рукою, да и говоритъ: пропала барская честь! А потомъ заплакалъ и вышелъ вонъ.

Вотъ и приспособилъ меня баринъ къ себѣ. Требуетъ чуть не каждый день, даетъ разныя порученія. Туда сходи, то исправь, тамъ навѣдайся, купи, перемѣни! Я-то все это за его ласку съ дорогой душой дѣлалъ, а только дѣла свои по эстаминету (питейное заведеніе) очень запустилъ. Разъ какъ-то баринъ мнѣ и говорятъ: послушай, Бѣляша, ты вѣдь, вѣроятно, при деньгахъ, а я, повѣришь ли мнѣ, хлѣбъ на корню за два года впередъ продалъ. Имѣніе давно заложено въ опекунскомъ со-

вѣтѣ и процентовъ вотъ уже сколько времени не платилъ: не изъ чего! Разорила меня въ конецъ Энжени, а теперь вотъ бросила на старости лѣтъ. День и ночь только и думаю, какъ бы домой вернуться, да около родителей, покойницы жены и дочки косточки свои въ родной землѣ сложить. Помоги ты мнѣ! Вѣришь ли: выѣхать изъ Парижа не съ чѣмъ, за дорогу заплатить не могу. У тебя есть деньги, говори?! — Грѣшный человѣкъ! Обманулъ я ихъ тогда... Прости мнѣ, Господи, мои прегрѣшенія! У меня было 7.000 франковъ, а я сказалъ, что у меня всего пять. — Принеси ихъ мнѣ, говоритъ князь. — Принесъ я, и они въ скорости собрались уѣзжать. Пошелъ я ихъ проводить въ контору почтовыхъ экипажей, сѣли они, поцѣловалъ я ихъ ручку, а они меня въ лобъ, да и говорятъ: не хорошо, Бѣляша, что ты отъ меня не по закону ушелъ и на родину вернуться не можешь. Довольно тебѣ бродяжничать... Не хорошо! Ну, да я тобой доволенъ и не къ тому это говорю, а хочу, чтобъ ты по закону жилъ. Вотъ тебѣ бумага, и будешь ты съ ней жить по закону. — Взялъ я бумагу, понялъ, что это — вольная (самъ-то я былъ неграмотный), слезы у меня такъ и полились. Какъ тронулась почтовая карета, такъ, повѣрите ли, я на колѣнки всталъ и то мѣсто, гдѣ колеса на землѣ стояли, поцѣловалъ. Кругомъ на меня смотрятъ: думаютъ — сумасшедшій, а у меня на душѣ херувимы поютъ. Побѣжалъ я въ посольство, — тамъ у меня знакомый секретарёкъ былъ. Прямо къ нему. Что вы, говоритъ, Осипъ Васильевичъ, такой необыкновенный? Будешь, говорю, необыкновеннымъ, коли человѣкомъ своего отечества сталъ! Вотъ, говорю, извольте прочитать! А самъ даже отъ радости сидѣть не могу, все по комнатѣ бѣгаю. Прочиталъ онъ бумагу, да и говоритъ: что же это такое? — Какъ, говорю, что? Вольная! Отпускная!.. Онъ покачалъ головой, да и говоритъ: такая это вольная, Осипъ Васильевичъ, что когда вы съ нею на русскую границу пріѣдете, васъ въ желѣзо закуютъ, да барину, какъ бѣглаго, и предоставятъ по этапу. Вотъ онъ вамъ какую отпускную написалъ... И объяснилъ онъ мнѣ все, что тамъ было написано. Тошно мнѣ стало на душѣ, заплакалъ я снова, да ужъ по другому. Махнулъ ру-

кой, да и разорвалъ бумагу въ мелкіе клочья... А денежки мои такъ и пропали... — Зачѣмъ же вы ему ихъ давали послѣ всего, что было? — опять спросили мы нашего собесѣдника. — Онъ посмотрѣлъ на насъ удивленно и поучительнымъ тономъ отвѣтилъ: да какъ же не дать? Вѣдь они же были наши барины. Съ тѣхъ поръ я окончательно остался на чужбинѣ. Товарищъ мой уже давно сталъ ссориться со мной за мои частыя отлучки по порученіямъ князя. А когда я ему сказалъ, что у меня осталось только 2.000 франковъ, то онъ все дѣло перевелъ на свое имя, а меня изъ него очень искусно вывинтилъ, ссылаясь на то, что хочетъ его расширить, и я ему по деньгамъ больше не компаньонъ. Разстались мы добромъ, но только послѣ всего этого стало мнѣ въ Парижѣ скучно, я и перебрался снова въ Италію. Здѣсь мнѣ спервоначалу очень не повезло, особливо въ Римѣ, и я все прожилъ, бросаясь отъ однихъ дѣловъ къ другимъ. Чѣмъ только я не былъ! И комиссіонеромъ, и въ маленькомъ театрѣ помощникомъ у завѣдывавшаго гардеробомъ, и чуть въ натурщики у художниковъ не попалъ. У министра графа Фальконе дѣтей обучалъ. — Чему же именно вы ихъ обучали? — коварно спросилъ одинъ изъ насъ. — Чему? чему? — окрысился Бѣляевъ: — извѣстно чему: *гулять ихъ водилъ*...

Перебрался я сюда въ Неаполь. Сталъ меня консулъ рекомендовать пріѣзжимъ русскимъ, и вотъ здѣсь-то я удостоился видѣть Государя Императора Николая Павловича. Онъ пріѣхалъ въ серединѣ 40-хъ годовъ въ своихъ экипажахъ съ большой свитой. Король его встрѣтилъ у крыльца Палаццо Реале и колѣно предъ нимъ, говорятъ, хотѣлъ преклонить. Что за красавецъ былъ! Экипажи его, однако, дорогой побились и пообтрепались. Надо было ихъ исправить и подновить. Своихъ мастеровъ съ нимъ для этого было мало. Вотъ и наняли итальянцевъ — маляровъ и кузнецовъ — и пошли у нихъ съ русскими ссоры. Извѣстно, другъ друга не понимаютъ! Наши-то привыкли командовать... Ну, а у здѣшнихъ подлецовъ чуть что — сейчасъ за ножи, сейчасъ кольтеллата (coltellata). Вотъ консулъ меня и рекомендовалъ среди нихъ въ переводчики. Дѣло пошло ладнѣе. Разъ какъ-то работаютъ мои ребята, и вдругъ русскіе говорятъ про-

межъ себя: государь сюда идетъ. Смотрю — и точно! У меня даже въ глазахъ потемнѣло. Спрятался я за кузовъ одной кареты и стою ни живъ, ни мертвъ, а онъ подошелъ къ русскимъ и говоритъ: ну что, ребята? Не ссоритесь съ итальянцами? — Никакъ нѣтъ, Ваше Величество. — А какъ вы съ ними объясняетесь? — У насъ, Ваше Величество, есть русскій переводчикъ здѣшній. — Гдѣ же онъ? — спрашиваетъ государь. Тѣ меня и зовутъ: — Бѣляевъ, Бѣляевъ! Государь Императоръ тебя спрашиваетъ. — Вышелъ я изъ-за кареты, сталъ, а земля изъ-подъ ногъ такъ и уходитъ, такъ и уходитъ... Николай Павловичъ пошелъ прямо на меня. Подошелъ совсѣмъ близко, взглянулъ мнѣ въ глаза грозно, да и спрашиваетъ: ты эмигрантъ? политическій? — Никакъ нѣтъ, отвѣчаю, Ваше Императорское Величество, я — русскій, бѣглый, дворовый князя К... Онъ на меня посмотрѣлъ еще разъ пристально, да и говоритъ: такъ вотъ ты кто! Ну, продолжай себѣ переводить! — Повернулся и ушелъ. Всѣ меня стали поздравлять, а ужъ съ чѣмъ, право не знаю. Голова у меня была какъ въ туманѣ, и я даже, повѣрите ли, заболѣлъ отъ потрясенія. Съ тѣхъ поръ дѣла мои пошли хорошо, особливо, когда стали наѣзжать въ Неаполь покойная супруга Николая Павловича, императрица Александра Ѳедоровна. Тутъ ужъ я завсегда при ея дворѣ ютился, и дѣла было много, да и выгода была;— ужъ не говоря о царицѣ, а и баре русскіе тогдашніе за цѣной не стояли, не то что теперешніе, у которыхъ на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ-то щелкъ; только слава одна, что русскіе! — Какихъ тутъ порученій мнѣ не приходилось исполнять! Какихъ людей не насмотрѣлся... Хоть бы вотъ старушка раскольница, что въ своей телѣжкѣ, на своей лошади изъ Россіи къ батюшкѣ Николаю Чудотворцу въ Бари приплелась! Изволите это вы себѣ представить?! И вѣдь не говорила ни по-каковски, окромя какъ по-русски! — А то еще былъ присланъ въ Бари архимандритъ отъ Синода, — мощи осмотрѣть и все прочее, потому что наше правительство одно время хотѣло эти мощи купить и въ Россію перевезти. Меня и назначили съ нимъ ѣхать. Королевское правительство распорядилось всѣмъ префектамъ и другимъ начальствамъ предписать, чтобы русскому архимандриту всякій почетъ

оказывали. Святой это человѣкъ былъ! Ѣдемъ мы съ нимъ въ каретѣ, а въ ногахъ у него мѣшокъ съ деньгами на расходы и деньги-то все крупныя... *Скуди* они тогда назывались. А въ окна такъ и лѣзутъ съ протянутами руками нищіе: синьоръ, синьоръ, уна пикола монета, соно векіо, соно амалато! Онъ и говоритъ: дай ему монету. — Да у насъ мелкихъ нѣтъ, — говорю. —Ну, дай крупную! — Ваше высокое преосвященство, — говорю я, — да вѣдь это народъ такой, что каждаго изъ нихъ купить, продать и снова купить, такъ онъ такой монеты не стоитъ. Вѣдь, этакъ вы всѣ деньги раздадите. — А онъ мнѣ въ отвѣтъ: да ты христіанинъ или нѣтъ? Православный ли ты человѣкъ? Крестъ на тебѣ есть? Ты птицъ небесныхъ видалъ? Вѣдь не жнутъ, не сѣютъ, а кто ихъ кормитъ! Дай ему крупную монету!.. Просто, бывало, злость беретъ. — Пріѣхали мы въ первый городъ по дорогѣ. Тамъ, въ префектурѣ, обѣдъ готовъ чудесный съ винами и ночлегъ. Кровати широчайшія и одѣяла атласныя. Онъ какъ взглянулъ на все это, да и говоритъ мнѣ: это что еще?! Я по такому святому дѣлу ѣду, а тутъ такой соблазнъ, сущее дьявольское навожденіе! Нѣтъ, ты, Осипъ Васильевичъ, оставайся, коли тебѣ все это лакомо, а я пойду назадъ въ карету и, коли нельзя сейчасъ дальше ѣхать, такъ и ночь тамъ просижу. А ты, голубчикъ, раздобудь мнѣ вареной картошки, да сольцы щепотки двѣ. Я пожую, да и буду славить моего Господа... — Префектъ въ мундирѣ стоитъ, кланяется, проситъ. Ничего и слышать не хочетъ мой архимандритъ. Ну, что жъ, свелъ я его въ карету, досталъ ему картофелю, да и говорю: благословите потрапезовать! Иди, иди, говоритъ, чревоугодничай! — Ну, я пошелъ, все пріѣлъ, да подъ атласнымъ одѣяломъ и заснулъ, а на утро, какъ поѣхали дальше, онъ мнѣ и говоритъ: это все ты, окаянный, сластолюбія своего ради, мнѣ такія встрѣчи устраиваешь!—Помилуйте — говорю — ваше высокое преосвященство! Да вѣдь это отъ короля такое распоряженіе. — Что ты грѣшишь, что ты лжешь! станетъ такое лицо обо мнѣ, худомъ, думать! Это все ты! Покайся, говоритъ. — Да и началъ меня чуть не исповѣдывать. Ну, ужъ натерпѣлся я съ нимъ...»

— А не тянетъ васъ въ Россію? — спросили мы.—Какъ вамъ сказать? Прежде очень тянуло, а потомъ женился, дѣти пошли, вотъ и обвыкъ здѣсь. Опять же и холодно въ Россіи. Тутъ, лѣтъ семь тому назадъ купецъ русскій пріѣзжалъ, хорошій человѣкъ. Мы съ нимъ мѣсяца два душа въ душу жили. Какъ уѣзжать, онъ и говоритъ: поѣдемъ со мной, Осипъ Васильевичъ. Я тебя на свой счетъ свезу и *риторно* тебѣ заплачу. По крайней мѣрѣ родную землю посмотришь. Я и соблазнился. Поѣхали мы зимой, доѣхали до Гардскаго озера, а оно, повѣрите ли, у одного берега замерзло. Такъ мнѣ это холодно показалось, да и раздумье меня взяло. Тамъ, думаю, что дальше, то больше холоднѣе станетъ. Вотъ я и отпросился домой. Нѣтъ, ужъ мнѣ здѣсь и дни свои скончать. Опять же и порядки русскіе мнѣ не нравятся. Помилуйте! На что же это похоже?! *Крѣпостныхъ* тамъ теперь нѣтъ. Это вовсе напрасно сдѣлано. Вотъ вамъ удивительно, что я это говорю, бывшій бѣглый дворовый, а я вамъ по совѣсти скажу: нельзя, чтобы господъ не было! Въ тѣ времена всякій бывалъ къ своему дѣлу опредѣленъ, а теперь что? — только слава, что свободный. А кто о немъ позаботится? Конечно, итальянцамъ этого не понять, да вѣдь они народъ непутевый. Вотъ хоть бы у насъ въ Неаполѣ. Пока былъ Бурбонъ, и порядокъ былъ и все, какъ слѣдуетъ, а теперь этому Виктору-Эммануилу одна слава, что король, да усы огромадные, а я бы за него десяти чентезимовъ не далъ. Тоже, король называется! Вотъ нашъ Николай Павловичъ такъ ужъ точно былъ король! Королямъ король!!.

Онъ вышелъ насъ провожать на улицу все въ томъ же настроеніи критическаго ко всему отношенія. Передъ домомъ стоялъ полицейскій въ своей треуголкѣ. — Тоже полиція называется! — презрительно воскликнулъ Бѣляевъ... Полицейскій привѣтливо кивнулъ ему головой. Бѣляевъ подошелъ къ нему, хлопнулъ его по плечу и ласково взялъ за длинную эспаньолку. — Volete andare in Russia? — И тотчасъ перевелъ это по-русски такими словами: хочешь въ Петербургъ, къ нашему Трепову поступить? — Полицейскій засмѣялся и въ свою очередь потрепалъ его по плечу, сказавъ добродушно: he! Signore Bella—buffone!—

Эхъ, — ты, макаронщикъ! — воскликнулъ Бѣляевъ и обратился къ намъ, предлагая свои услуги при отправленіи нашемъ на желѣзную дорогу. — Вы ужъ не извольте безпокоиться, — сказалъ онъ намъ. — Я пораньше приду и ваши bagagli сдамъ. — Мы заказали ему прислать въ Россію вина, — что онъ исполнилъ впослѣдствіи весьма добросовѣстно, — и на другой день предо мною въ послѣдній разъ промелькнула его добродушная русская физіономія съ маленькимъ оттѣнкомъ итальянскаго лукавства.

Тридцать четыре года прошло съ тѣхъ поръ.... Вѣроятно, его уже нѣтъ въ живыхъ, но я считалъ нужнымъ записать свои о немъ воспоминанія, какъ о представителѣ отжившаго міра и безсознательномъ героѣ цѣлой крѣпостнической эпопеи.

II

Остенде—Парижъ (1869—1873 гг.).

Нѣсколько живыхъ воспоминаній оставило во мнѣ пребываніе на морскихъ купаніяхъ въ Остенде въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда это мѣсто еще не поражало тою роскошью, которою, судя по описаніямъ и изображеніямъ, оно блистало до разрушительнаго нашествія тевтоновъ. На великолѣпномъ пляжѣ возвышались всего двѣ постройки: обширный Cercle des bains съ концертнымъ заломъ и библіотекой и ресторанъ подъ названіемъ Cercle de Phare. Въ первое мое пребываніе, во второй половинѣ іюля 1869 года, русскихъ въ Остенде почти не было, — по крайней мѣрѣ, мой слухъ и взоръ не уловили, до самаго отъѣзда, въ пестрой и оживленной толпѣ ни родного звука, ни родного лица. Находясь, поэтому, въ полномъ одиночествѣ, я удѣлялъ довольно много времени чтенію въ читальномъ залѣ Cercle des bains, слѣдя по французскимъ газетамъ за послѣдними попытками Наполеона III-го укрѣпить свою власть среди все болѣе и болѣе развивавшейся оппозиціи, питаемой между прочимъ и остроумно-ядовитыми выходками Рошфора въ его маленькихъ, красненькихъ Lanternes.

Виновникъ этихъ ѣдкихъ литературно-политическихъ укусовъ бѣжалъ изъ Франціи, но и изъ-за границы продолжалъ, дразня и язвя своего врага, подтачивать и колебать его престолъ. Однажды, когда я читалъ «Figaro», ко мнѣ подошелъ высокій

французъ съ блѣднымъ лицомъ, черными усами и бородкой и мелко курчавыми, густыми волосами, сбитыми, какъ шапка, въ одну сторону.—Après vous s'il vous plaît—сказалъ онъ мнѣ вѣжливо, приподнимая шляпу, и съ тѣхъ поръ это повторялось не разъ, такъ что иногда, если я оканчивалъ «Figaro» раньше его прихода, я клалъ газету въ какое-либо укромное мѣсто и, выйдя на морскую набережную, говорилъ моему французу при встрѣчѣ, гдѣ можно найти интересующій его номеръ. Однажды мы вышли вмѣстѣ изъ читальной комнаты на берегъ моря.—Vous êtes bien complaisant, M-r,—сказалъ онъ—vous n'êtes pas français—n'est-ce pas? Etes-vous américain, hollandais?—Je suis russe, M-r.—Ah! vous êtes russe! Votre patrie a un bel avenir! и онъ сталъ говорить обычныя банальныя и фальшивыя любезности, бывшія одно время сильно въ ходу у французовъ относительно русскихъ.—Voilà Rochefort qui fait la Lanterne!—кричали между тѣмъ уличные мальчишки, неистово стуча своими деревянными sabots по каменной набережной.—Voilà Rochefort qui fait la Lanterne.—Où est-il donc ce fameux Rochefort? — спросилъ я своего спутника.—C'est moi, Monsieur,—отвѣтилъ мнѣ онъ, весело улыбаясь.

Только наканунѣ отъѣзда въ Парижъ я, сидя за столикомъ въ антрактѣ музыкальнаго отдѣленія, неожиданно увидѣлъ за другимъ столикомъ, прямо предъ собою, господина, котораго мѣшковатый костюмъ, круглое лицо съ добродушной складкой губъ, голубые глаза, небрежная прическа бѣлокурыхъ волосъ и бороды и — главное — бѣлый картузъ форменнаго образца съ лакированнымъ козырькомъ — съ несомнѣнностью доказали мнѣ, что это соотечественникъ. По его скучающему взору, которымъ онъ лѣниво обводилъ присутствующихъ, и по зѣвкамъ, прикрываемымъ стыдливо ладонью руки, было видно, что онъ такъ же, какъ и я, одинокъ въ шумномъ фламандскомъ уголкѣ и, по горестному — въ своемъ внутреннемъ смыслѣ и значеніи — русскому выраженію, «не знаетъ, какъ убить время». Мнѣ, однако, хотѣлось провѣрить мои догадки. Я прошелъ въ сосѣднюю salle de lecture и, принеся оттуда надѣтый на палку нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей», сталъ читать его, повернувъ названіе къ незнакомцу. Не прошло и пяти минутъ, какъ пухлая, покрытая

рыжеватыми волосами рука безцеремонно отогнула заслонявшій меня листъ газеты, и мой незнакомецъ, широко улыбаясь, сказалъ мнѣ: «батюшка, да вы русскій! вотъ радость-то! Извините меня, что я такъ... Я просто ошалѣлъ отъ скуки: не съ кѣмъ слова перемолвить. Я по-французски швахъ, да и люди здѣсь все какіе-то накрахмаленные: на рыжей свиньѣ къ нимъ не подъѣдешь. Позвольте къ вамъ подсѣсть. Я вотъ, видите ли,—продолжалъ онъ, усаживаясь за мой столикъ, — служилъ въ военной службѣ, и есть у меня пріятель, сосѣдъ по имѣнію въ N уѣздѣ. Вышли мы оба въ отставку послѣ Крымской войны, да и попали въ мировые посредники. Участки у насъ сосѣдніе. И жить бы намъ да поживать, да пріятель мой, представьте себѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ жениться. А мы жили душа въ душу: то онъ у меня, то я у него. Жена у него, знаете, добрая, но только щеголиха большая, такъ его забрала въ руки, что и на-поди! Онъ вышелъ въ отставку, да и говоритъ мнѣ: «ну, гдѣ тебѣ одному своимъ хозяйствомъ жить! Переѣзжай къ намъ, мы тебя устроимъ, ты будешь у насъ, какъ родной, а жена тебѣ опуститься не дастъ: видишь, какъ меня подтянула». Вотъ я къ нимъ и переѣхалъ, и живемъ себѣ ничего, ладно. Только вздумали они за границу поѣхать, да и говорятъ мнѣ: «Что жъ тебѣ одному оставаться: вѣдь это никакъ невозможно. Поѣдемъ вмѣстѣ». Ну, я и радъ, потому что самъ-то никогда бы не собрался, а все-таки интересно, да еще знай я языки, такъ многому и поучиться можно. Пожили мы въ Берлинѣ, да въ Брюсселѣ и направились сюда, но только у спутницы нашей глаза на разныя покупки разбѣжались: она и застряла съ мужемъ въ Брюсселѣ; шьетъ себѣ платья да кружева покупаетъ. Чай, совсѣмъ мошну растрясла. А меня они просили поѣхать впередъ — квартиру присмотрѣть: не хочется жить въ гостиницѣ, а такъ, чтобы быть у себя. Однако, квартиры я не нашелъ: которыя есть — отъ моря далеко, да и рыбой въ нихъ во всѣхъ почему-то пахнетъ. Я вотъ и написалъ имъ обо всемъ, да и жду отвѣта, а самъ живу въ Shipholel, тутъ неподалеку. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?— Я назвалъ себя.—А зачѣмъ вы за границей: лѣчиться или провѣтриться? — Лѣчиться и учиться. — Такъ. А не выпить ли намъ

шипучаго? Я, право, такъ радъ, что встрѣтилъ русскаго: хоть душу отведешь.—Я отказался и спросилъ моего словоохотливаго собесѣдника о томъ, нравится ли ему Остенде.—Ну, еще бы,—отвѣтилъ онъ,—одно купанье чего стоитъ. Я, знаете, не тутъ, со всѣми купаюсь: скучно эти портки-то ихніе на себя натягивать,—а тамъ, подальше, мѣсто есть, парадизомъ называется. Такъ просто выходить изъ воды не хочется. Сначала и холодновато, а потомъ какая благодать! Выйдешь, точно двадцать лѣтъ съ костей долой, а ѣсть такъ хочется, что хоть три табль-д'ота впору съѣсть. Особенно хорошо купаться по вечерамъ. Вчера пароходъ шелъ въ Англію, а на морѣ было тихо, такъ волны отъ него, мнѣ показалось, будто даже свѣтятся. Я все ихъ поджидалъ. Впрочемъ, и утромъ хорошо.—Но вѣдь вы разъ купаетесь, конечно? — Нѣтъ, два. — Да вѣдь это вредно. Морскія купанья нужно принимать умѣренно и въ водѣ оставаться не болѣе трехъ-четырехъ минутъ. А вы, пожалуй, остаетесь дольше?—Еще бы! Я, знаете, не выхожу, покуда весь даже не посинѣю. А что относительно одного раза, такъ это, повѣрьте, нѣмцы выдумали, потому что они цирлихъ-манирлихъ, и все у нихъ по часамъ, да по минутамъ разсчитано. Русскому человѣку это вовсе не подходитъ. Да я у себя въ деревнѣ въ жаркій день войду, бывало, въ рѣчку, возьму зонтикъ, да газету «Московскія Вѣдомости», на плоту разложу, зонтикомъ отъ солнца прикроюсь, да и стою въ водѣ, пока весь нумеръ не прочту. Вотъ это настоящее купанье, а не пустая возня, ради которой раздѣваться и одѣваться тоска возьметъ. — Я попробовалъ его убѣдить въ крайней опасности его отношенія къ морскимъ купаньямъ, но онъ упорно стоялъ на томъ, что все это нѣмцы выдумали, и что такъ какъ ему, вѣроятно, не придется второй разъ пріѣхать въ Остенде, то было бы странно, если бы онъ не покупался всласть. Мы прошлись по эстакадѣ, поговорили о родинѣ, связь съ которой такъ сильно чувствуется именно за границей, и разстались въ надвигавшемся ночномъ мракѣ.

Прошло недѣль шесть. Въ ясный и бодрящій сентябрьскій праздничный день я сидѣлъ на скамеечкѣ въ Елисейскихъ поляхъ въ Парижѣ, а мимо рѣкою текла нарядная и оживленная

толпа. Увлекаемые ею, прошли мимо меня, сопровождая даму, двое мужчинъ, при чемъ одинъ волочилъ ногу и шелъ, повидимому, съ нѣкоторымъ трудомъ. Миновавъ меня, онъ обернулся, пристально на меня посмотрѣлъ и что-то сказалъ своимъ спутникамъ, которые тоже посмотрѣли на меня и остановились. Онъ, постоявъ нѣсколько мгновеній въ нерѣшимости, направился ко мнѣ, хромая и ковыляя, и, не безъ труда двигая перекосившимися губами, плохо повинующимся языкомъ сказалъ мнѣ: «А... а... в...в...ы... м... меня не...е узнаете?» и, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ, прибавилъ: «а въ Ост... тенде, помните?» Только тутъ изъ поблѣднѣвшаго и страдальческаго лица съ потухшими глазами на меня глянули добродушныя черты моего мимолетнаго знакомца. «Боже мой! — невольно воскликнулъ я: — что же это съ вами?» Легкая судорога пробѣжали по его лицу, глаза покраснѣли... «До...ку...п...п... ал...ся!» многозначительно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Онъ познакомилъ меня съ своими спутниками, а послѣдніе уговорили поѣхать съ ними въ St.-Cloud, гдѣ происходили, по случаю празднованія въ честь довольно сомнительнаго святого, изобрѣтеннаго ad hoc въ честь Наполеона III, народныя гулянья и различныя празднества. Въ St.-Cloud, куда мы пріѣхали по желѣзной дорогѣ, насъ встрѣтили невообразимые для русскаго человѣка шумъ, гамъ и веселье. Блузники и степенные буржуа, солдаты, кормилицы, дѣти всѣхъ возрастовъ, иностранцы и самый разнообразный людъ толпились среди шатровъ, легкихъ построекъ и эстрадъ, устроенныхъ для всевозможныхъ развлеченій, среди вертящихся каруселей и всякаго рода кухонь, расположенныхъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ подъ громкими названіями готовились неприхотливыя кушанья изъ провизіи, въ происхожденіе которой не слѣдовало слишкомъ пристально вникать. Вся эта толпа, съ точки зрѣнія жителя страны, которая, по выраженію Шевченко, «благоденствуетъ—бо мовчитъ», просто безчинствовала: пѣла и свистала, перекидывалась громкими возгласами, хохотала и отъ стара до млада неустанно и почти непрерывно дудѣла въ особыя картонныя трубки, свернутыя наподобіе рупора, оклеенныя пестрой бумагой и нерѣдко украшен-

ныя бумажными цвѣтами. Эти «mirlitons» были, повидимому, необходимой принадлежностью всякаго парижанина, посѣщавшаго la foire de St.-Cloud. Насмотрѣвшись на эти бьющія ключомъ жизнь и веселье, мы пообѣдали тутъ же въ маленькомъ ресторанчикѣ и отправились въ большой шатеръ, на которомъ было написано «Bal Markovsky». Здѣсь новая толпа зрителей насъ вскорѣ раздѣлила, и мы потеряли другъ друга. Общество иностранцевъ, съ плотоядной жадностью пожиравшихъ глазами рискованныя позы канканирующихъ дамъ и безстыдныя тѣлодвиженія мужчинъ (очевидно, приглашенныхъ спеціально, чтобы содѣйствовать great attraction), не надолго удерживало меня въ спертомъ воздухѣ якобы популярнаго бала, и я рѣшилъ уѣхать домой. Но осуществить это намѣреніе оказалось очень трудно.

Входъ на станцію желѣзной дороги былъ совершенно запруженъ толпою, а мѣста въ вагонахъ единственной тогда въ Парижѣ конно-желѣзной дороги брались съ бою. Приходилось или ждать до поздняго вечера, или участвовать въ этой свалкѣ, или, наконецъ, отправляться въ Парижъ пѣшкомъ. Я избралъ послѣднее и направился по безконечной каштановой аллеѣ. Въ ней, однако, оказался цѣлый рядъ своеобразныхъ экипажей съ двумя длинными параллельными скамьями подъ полотнянымъ навѣсомъ на желѣзныхъ стержняхъ, съ входною дверцею и тусклымъ фонарикомъ въ глубинѣ. Проѣздъ до Парижа стоилъ 80 сантимовъ. Эти «вегикулы» тоже быстро наполнялись ѣдущими домой, но въ одномъ изъ нихъ нашлось мѣсто и для меня. Составъ публики былъ самый разнообразный: два солдата, почтеннаго вида старикъ въ очкахъ, оказавшійся докторомъ, — нѣсколько буржуазныхъ паръ, толстая дама въ чепцѣ съ развѣвающимися лентами — «blanchisseuse en linge fin», какъ значилось на ея визитной карточкѣ, данной мнѣ при прощаніи,—нѣсколько молодыхъ людей (повидимому, студентовъ) съ молодыми дѣвицами, изъ которыхъ одна положила голову на плечо своего сосѣда и тотчасъ же заснула. Только-что мы двинулись въ путь, какъ большинство сидѣвшихъ вооружилось «мирлитонами» и начало въ нихъ усердно дудѣть, не исключая почтеннаго доктора и моей сосѣдки въ чепцѣ. Это дудѣніе сливалось въ оглушительный хоръ,

когда насъ обгонялъ чей-нибудь собственный экипажъ, въ особенности если въ немъ, горделиво развалясь, полулежала, выставивъ напоказъ красивыя ботинки, какая-либо дама полусвѣта. Когда всѣ устали отъ этой какофоніи, докторъ, сидѣвшій противъ меня, обратился къ моей сосѣдкѣ съ вопросомъ: а что, если бы намъ спѣть? — Та многозначительно подняла брови и лаконически спросила: что? — Докторъ промурлыкалъ какой-то мотивъ, она кивнула головой, и оба они разбитыми голосами затянули какую-то пѣсенку. Всѣ пассажиры встрепенулись; спавшая гризетка раскрыла глаза. Припѣвъ къ пѣсенкѣ подхватили уже всѣ пассажиры нашего экипажа. Затѣмъ пѣсни слѣдовали одна за другой безъ перерыва, съ необыкновеннымъ оживленіемъ и веселостью. Докторъ дирижировалъ рукою и въ особенно сильныхъ мѣстахъ топалъ ногою. Звуки подобнаго же пѣнія неслись и изъ другихъ, похожихъ на нашъ, экипажей. Наконецъ, наступила краткая пауза, и докторъ, сурово наморщивъ брови, quoi ne chantez-vous pas? — Je ne connais pas vos chansons, обратился ко мнѣ: «Et vous, mon vieux (мнѣ было 23 года), pour-monsieur.—Vous êtes allemand? —Non, je suis russe.—Ah, messieurs! — вскричалъ онъ, — nous avons parmi nous un russe! Salut à la Russie! Ah, monsieur, votre pays a un grand avenir. Je ne vous dis que ça... seulement la Pologne, monsieur, la pauvre Pologne! (тогда были живы отголоски агитаціи, поднятой въ Западной Европѣ польскимъ возстаніемъ 1863 года). Enfin, basta cosi—chantons!» — и онъ запѣлъ снова. Но вотъ мы внезапно остановились. Кондукторъ открылъ дверцу, и въ ней показалась типичная фигура французскаго жандарма въ традиціонной треуголкѣ и съ эспаньолкой, которую тогда, по примѣру императора, многіе носили во Франціи. Оказалось, что мы были у въѣзда въ Парижъ и приходилось платить «октруа» за предметы, подлежавшіе таможенной оплатѣ. Почему это былъ жандармъ, а не агентъ таможни, — я не знаю. Вѣроятно, это объяснилось наплывомъ проѣзжихъ черезъ эту заставу.

«Avez-vous quelque chose à déclarer? — строго спросилъ блюститель порядка и, на отрицательный отвѣтъ, воскликнулъ:—partez!» Но едва мы двинулись, какъ та гризетка, которая вновь

успѣла сладко заснуть на плечѣ у своего спутника, встрепенулась и закричала: arrêtez, arrêtez! Nous avons à déclarer! Произошло замѣшательство. Нашъ экипажъ былъ остановленъ, и въ раскрытыхъ дверцахъ снова появилась голова жандарма уже съ суровымъ на этотъ разъ выраженіемъ. — Eh bien, qu'est-ce que vous avez à déclarer? — грозно спросилъ онъ. Гризетка вскочила съ своего мѣста и, дѣлая почтительный реверансъ, сказала: nous avons nos mirlitons et notre gaîté.—Ah, sacre nom!..—закричалъ жандармъ, захлопывая дверцу, но губы его невольно распустились въ улыбку подъ густыми усами, а всѣ ѣхавшіе громко засмѣялись и зааплодировали. Подъ эти аплодисменты мы и въѣхали въ Парижъ. Но здѣсь всѣ притихли, начали обмѣниваться сообщеніями о предстоящей на завтра работѣ и, когда мы всѣ разошлись около Palais Royal, серьезная атмосфера трудового Парижа уже охватила большинство обладателей веселыхъ мирлитоновъ. И теперь, черезъ сорокъ два года, эта заразительная веселость и умѣнье разумно пользоваться благами жизни съ особенною живостью вспоминаются мнѣ, на ряду съ нашимъ родпымъ, печально-добродушнымъ «до-о-ку пал-ся»!..

Тогдашнее пребываніе мое въ Парижѣ связано у меня съ воспоминаніемъ еще объ одной оригинальной встрѣчѣ съ соотечественникомъ. Въ вагонѣ поѣзда, шедшаго въ Saint-Germain, мое вниманіе привлекъ пассажиръ съ добродушнымъ круглымъ лицомъ и сѣдою бородою, одѣтый не въ пальто, какъ большинство ѣхавшихъ, а во фракъ. Замѣтивъ, что я въ него вглядываюсь, онъ всталъ со своего мѣста и, сѣвъ противъ меня, спросилъ:—«Вы, вѣрно, русскій?»—уставясь въ меня добрыми сѣрыми на-выкатѣ глазами. На мой утвердительный отвѣтъ послѣдовалъ вопросъ: — «А кто?» — Я сказалъ. «Батюшки!—воскликнулъ незнакомецъ:— да вы ужъ не сынъ ли Ѳедора Алексѣевича, моего пріятеля?— Да! — Вотъ какая радость познакомиться! А я Неваховичъ, Александръ Львовичъ. Вѣроятно, слыхали про меня». — Изъ-за сѣдой бороды и стараго лица его въ моей памяти выглянуло пышущее здоровьемъ и довольствомъ жизнью лицо очень из-

вѣстнаго въ Петербургѣ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ человѣка, не разъ видѣннаго мною издали и на карикатурахъ его брата, издателя «Ералаша»,—человѣка, про котораго ходили легендарные, но недалекіе отъ дѣйствительности разсказы о томъ, что онъ не признаетъ иного костюма, кромѣ фрака,—что съ нимъ совершаются самыя невѣроятныя происшествія, вызванныя его добротой, довѣрчивостью и услужливостью, и что онъ *проѣлъ*,— не прокутилъ, а именно *проѣлъ*, — два крупныхъ состоянія. Послѣднее отчасти подтверждалось и сатирическимъ рисункомъ въ «Ералашѣ», гдѣ Александръ Львовичъ былъ изображенъ во фракѣ, разговаривающимъ со своимъ маленькимъ сыномъ и на его вопросъ: «папа мой билетъ въ лотерею-аллегри выигралъ ужинъ на десять персонъ; гдѣ же онъ?» — отвѣчающимъ: «Я его съѣлъ!» Разспрашивая меня о Петербургѣ, онъ высказалъ свою грусть о томъ, что долженъ жить въ Парижѣ, не имѣя возможности вернуться въ любимый имъ Петербургъ, оставленный имъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ послѣ смерти министра двора графа В. Ф. Адлерберга, съ которымъ была связана его служебная и личная жизнь. «Отчего же вы не вернетесь, если вамъ здѣсь такъ тяжело оставаться? — Не могу У меня тамъ у васъ никого изъ близкихъ знакомыхъ не осталось, а новыхъ заводить я уже старъ, да и трудно это. Я тамъ вѣдь буду человѣкомъ новымъ, давно позабытымъ. Нѣтъ ужъ, придется здѣсь оставаться. Трудно возвращаться туда, гдѣ былъ когда-то такъ любимъ и популяренъ, какъ я».—Я пробовалъ его утѣшить, но онъ посмотрѣлъ на меня грустнымъ взглядомъ, вздохнулъ, помолчалъ и, вдругъ оживившись и дружески дотронувшись до моей руки, сказалъ:—«Да вы знаете ли, какъ я былъ популяренъ и какъ меня всѣ знали? Да вотъ вамъ случай. Разъ иду я около Александринскаго театра, а мимо ѣдетъ театральный докторъ Гейденрейхъ. Я ему и кричу: «Стой, нѣмецъ! въ Милютины лавки прибыли свѣжія устрицы, поѣдемъ, угощу. — Не могу, говоритъ: — ѣду къ серьезному больному. — Да брось больного, успѣешь. — Нѣтъ не могу. Поѣзжай въ Милютины лавки, а я отъ больного пріѣду. — Врешь, говорю, нѣмецъ, надуешь, не пріѣдешь, а очень хочется съ тобой позавтракать. — Да нѣтъ, гово-

ритъ, не обману, разъ тебѣ этого такъ хочется. Впрочемъ, вотъ что: поѣдемъ вмѣстѣ къ больному, а оттуда ѣсть устрицы; я скажу, что ты тоже докторъ».—Поѣхали мы. Въ передней лакей говоритъ: «Плохо, кажется, кончаются». Входимъ. Въ залѣ жена больного, разстроенная, въ слезахъ.—«Докторъ! докторъ: мужъ умираетъ.— Что же дѣлать,—успокаиваетъ ее Гейденрейхъ,—этого надо было ожидать. Я васъ предупреждалъ о безнадежности положенія.— Входимъ мы въ спальню больного, жена стала въ головахъ, я въ дверяхъ, а Гейденрейхъ взялся за пульсъ больного, который лежитъ, какъ пластъ, и говоритъ слабѣющимъ голосомъ:—«докторъ, что же это?! я вѣдь, кажется, умираю. Чувствую, что мой конецъ». Гейденрейхъ взглянулъ многозначительно на жену, грустно покачалъ головою, а больному говоритъ:—«Полноте, что вы: это просто припадокъ слабости, это пройдетъ, вамъ станетъ лучше.— Нѣтъ,—съ трудомъ и раздраженіемъ восклицаетъ больной,—вы меня все обманываете!—Да нѣтъ,—успокаиваетъ его Гейденрейхъ:—вотъ и другой докторъ вамъ скажетъ»,—и показываетъ на меня... Больной обратилъ ко мнѣ голову, молча посмотрѣлъ на меня нѣсколько времени, а потомъ какъ вскрикнетъ:—«Какой это докторъ? это Александръ Львовичъ Неваховичъ!»—повернулся да Богу душу и отдалъ... Такъ вотъ-съ какъ я былъ популяренъ! а вы хотите, чтобы я вернулся. Ну, развѣ это мыслимо? послѣ всего-то прежняго...»

Черезъ два года мнѣ опять пришлось быть въ томъ же Остенде. На этотъ разъ я встрѣтилъ многихъ соотечественниковъ. Двѣ изъ этихъ встрѣчъ мнѣ вспоминаются съ особою живостью... Одновременно со мною окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ добродушный обрусѣвшій толстякъ, слывшій между товарищами за человѣка весьма образованнаго и трудолюбиваго. Лично мы не были знакомы. Но въ Остенде, черезъ восемь лѣтъ по окончаніи курса, я снова увидѣлъ его оригинальное лицо, которое привлекало къ себѣ вниманіе тѣмъ, что одинъ его усъ былъ темно-рыжаго цвѣта, а другой густо серебрился преждевременной сѣдиной. Мы познакомились и сошлись на почвѣ незабвенныхъ воспоминаній нашего студенчества. Узнавъ, что я не женатъ, онъ серьезно попенялъ мнѣ, что я лишаю себя

высшаго счастья на землѣ, ссылаясь на свой собственный опытъ, а затѣмъ, тутъ же на пляжѣ, представилъ меня своей супругѣ— толстенькой блондинкѣ съ небесно-голубыми глазами и губами «сердечкомъ». Въ любви къ нему и заботѣ о немъ супруги не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Она постоянно слѣдила за нимъ съ любящимъ и тревожнымъ выраженіемъ глазъ и часто прерывала нашъ бесѣду просьбами, чтобъ онъ застегнулся или поднялъ воротникъ, или не говорилъ противъ вѣтра, при чемъ ея заботливыя руки немедленно спѣшили избавить его отъ труда, исполнивъ сами ея просьбу относительно пуговицъ и воротника, или съ нѣжной лаской заслоняли ему ротъ отъ холоднаго дыханія Ламанша. Когда мы остались вдвоемъ, онъ умиленно спросилъ меня: «видѣли?» И прибавилъ: «это ангелъ!»

Однажды, я собрался проѣхать въ старинный фламандскій городъ Брюгге, чтобы посмотрѣть на его удивительныя средневѣковыя зданія и знаменитое «житіе святой Урсулы», написанное Гансомъ Мемлингомъ на столѣ госпиталя, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ, полученныхъ на войнѣ,—представляющее собою одно изъ геніальнѣйшихъ произведеній фламандской живописи. Мужъ «ангела», узнавъ о моемъ планѣ, выразилъ горячее желаніе быть моимъ спутникомъ и взять при этомъ съ собою жену. Зная, что придется много ходить и лазить по лѣстницамъ, и желая использовать свою поѣздку безъ всякой помѣхи, я предложилъ ему ограничиться путешествіемъ вдвоемъ, что ему, повидимому, очень улыбнулось. — «Но какъ же я оставлю жену?» — «Мы выѣдемъ въ семь часовъ утра, — замѣтилъ я, — и къ часу можемъ быть дома, а если посѣтимъ и Гентъ, чтобы посмотрѣть Рубенса и побывать въ извѣстномъ по своему богатству зоологическомъ саду, то можемъ вернуться къ семи часамъ. Такимъ образомъ, ваша разлука будетъ очень непродолжительна, а практика путешествій учитъ, что странствованіе втроемъ всегда представляетъ неудобства». — «Да, да, поѣдемте и въ Гентъ! — воскликнулъ онъ, — и, конечно, лучше вдвоемъ. Но только какъ сказать объ этомъ женѣ?» — «Позвольте это мнѣ принять на себя!»

И въ тотъ же вечеръ я сказалъ «ангелу», пребывавшему на пляжѣ, что я уговариваю ея супруга поѣхать со мною завтра

въ Брюгге и Гентъ и хочу ее просить отпустить его со мною, ручаясь возвратить его къ семи часамъ въ полной цѣлости и неприкосновенности.—Ты хочешь ѣхать?—протянула она удивленнымъ тономъ.—Да, видишь, какъ старые товарищи... это такъ интересно... а тебѣ утомительно... вѣдь къ вечеру я буду назадъ... вѣдь мы, какъ товарищи... и много надо ходить... а здѣсь будетъ хорошая погода... Она строго посмотрѣла на него, перевела затѣмъ на меня удивленный и обиженный взоръ, сказала: «если онъ хочетъ ѣхать и меня оставить одну, то вы можете его взять съ собой!» и, пожавъ плечами, оставила насъ.

На другой день рано утромъ я увидѣлъ уже издали радостную улыбку подъ разноцвѣтными усами, и—провожаемые укоризненнымъ взглядомъ небесно-голубыхъ глазъ—мы двинулись въ путь. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, въ приподнятомъ и праздничномъ настроеніи, сыпалъ анекдотами и остротами и былъ просто неузнаваемъ. Къ искусству онъ, впрочемъ, относился довольно равнодушно, но города его весьма интересовали, а въ особенности всецѣло овладѣлъ его вниманіемъ чудесный зоологическій садъ въ Гентѣ. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ напоминать ему, что пора отправляться на станцію желѣзной дороги.—«Es ist die höchste Zeit zu einsteigen!»—говорилъ я ему, подражая нѣмецкимъ «шафнерамъ». Но онъ успокаивалъ меня тѣмъ, что мы возьмемъ извозчика. Однако, при выходѣ, такового не оказалось, и намъ пришлось устремиться почти бѣгомъ на станцію, на путяхъ которой стояло нѣсколько поѣздовъ въ разныхъ направленіяхъ. Около нихъ, какъ муравьи, копошились пассажиры и провожатые.—Сюда, сюда!—сказалъ мнѣ, задыхаясь отъ усталости, мой спутникъ, увлекая меня въ одинъ изъ этихъ поѣздовъ.—Да нашъ ли это поѣздъ?—Нашъ, нашъ! Намъ въ эту сторону ѣхать, я ужъ знаю!—И едва мы, запыхавшись, вошли въ вагонъ, какъ поѣздъ тронулся.—Ну, славу Богу!—сказалъ мой спутникъ, отирая потъ,—а я, признаться, очень струсилъ, увидѣвши, что мы можемъ опоздать. Слава Богу, все въ порядкѣ!—Въ порядкѣ ли?—спросилъ я недовѣрчиво, глядя въ окно:—мы мимо такихъ зданій и вотъ этой огромной мельницы не проѣзжали, ѣхавши сюда. Я это хорошо помню! А вѣдь сидѣли мы

съ этой самой стороны!—Нѣтъ, мы ѣдемъ въ Остенде,—сказалъ онъ немного дрогнувшимъ голосомъ. — Pardon, madame,—обратился я къ сидѣвшей противъ меня дамѣ:—ayez la complaisance de dire où allons-nous? — Она удивленно на меня посмотрѣла и сказала: nous allons à Bruxelles, monsieur!—Поздравляю васъ!—иронически обратился я къ моему товарищу, но дальнѣйшее замерло у меня на устахъ при видѣ его внезапно поблѣднѣвшаго лица, растерянаго вида и выраженія испуга въ глазахъ.—То-есть, позвольте,—залепеталъ онъ.—Какъ же это?! Нельзя ли остановить поѣздъ? Вѣдь это ужасная ошибка! Я хочу выйти на первой же станціи! Нѣтъ, да вѣдь это совершенно невозможно!—Посмотрѣвъ въ расписаніе, я удостовѣрилъ его, что мы ѣдемъ въ экспрессѣ, который до Брюсселя останавливается только на одной станціи, всего на три минуты, при чемъ черезъ эту станцію встрѣчный поѣздъ проходитъ раньше насъ и что, поэтому, неминуемо надо ѣхать до Брюсселя.—Боже мой!—восклицалъ онъ:—что подумаетъ жена?! Вѣдь она придетъ насъ встрѣтить! Вѣдь какое ей безпокойство! Она и безъ того такъ неохотно меня отпустила!.. Она такой ангелъ! Это только для васъ она меня отпустила...—При предстоящей остановкѣ—сказалъ я—вы можете ей послать успокоительную телеграмму «j'ai manqué le train, revenons demain matin, bien portants».—Да? Вы думаете?—нерѣшительно сказалъ онъ.—Да что же другое можно сдѣлать?! Набросайте-ка скорѣе телеграмму, чтобъ затѣмъ не терять времени.—Она не повѣритъ!—печально сказалъ онъ:—ужъ лучше пошлите телеграмму вы отъ себя!—Такъ и было сдѣлано съ прибавленіемъ просьбы о прощеніи нашей оплошности. До Брюсселя онъ хранилъ угрюмое молчаніе и лишь нервно поигрывалъ пальцами у себя на колѣнкѣ. Поэтому, когда поздно вечеромъ мы очутились въ уже засыпавшей бельгійской столицѣ, гдѣ намъ рѣшительно нечего было дѣлать, онъ безъ всякихъ возраженій, съ видомъ человѣка, покорившагося судьбѣ, принялъ мое предложеніе поѣхать еще дальше, въ Антверпенъ и, осмотрѣвъ его утромъ, къ семи часамъ вечера вернуться въ Остенде. Въ Антверпенъ мы прибыли позднею ночью и съ трудомъ отыскали себѣ въ старомодной гостиницѣ мрачную и холодную комнату съ двумя кроватями у противо-

положныхъ стѣнъ, очевидно, предназначенную для случайныхъ путешественниковъ, довольствующихся,—какъ это тогда еще было въ обычаѣ и въ Германіи, — половиной комнаты исключительно для ночлега. Утомленный путешествіемъ, я сталъ быстро засыпать подъ вздохи и кряхтѣнье моего спутника. Но заснуть мнѣ удалось нескоро.—Вы спите?—спросилъ онъ меня.—Нѣтъ, а что?—Нѣтъ, я такъ!... — Черезъ двѣ минуты тотъ же вопросъ повторился. — Нѣтъ, еще не сплю. Да что съ вами? вы здоровы? — Здоровъ, а такъ, что-то грустно. — Будемте грустить завтра, а теперь пора спать. — Вслѣдъ за этимъ я услышалъ звукъ босыхъ шаговъ, приближающихся къ моей постели; край моего тюфяка погнулся подъ тяжестью сѣвшаго человѣка, и въ слабомъ лунномъ полусвѣтѣ (мы забыли опустить штору) обрисовалась фигура самоувѣреннаго знатока поѣздовъ. — Ужъ не лунатикъ ли онъ! — подумалъ я. — Да что съ вами? Зачѣмъ вы не даете мнѣ заснуть? — Простите меня, *другъ мой,* — отвѣтилъ онъ мнѣ упавшимъ голосомъ.—Но мнѣ что-то такъ грустно, такъ грустно!.. Извините меня! Спите спокойно! — и босые шаги удалились. Я уже началъ сладко погружаться въ какую-то бездонную, но пріятную пропасть, какъ былъ снова вызванъ къ реальной жизни громкимъ вопросомъ съ другого конца комнаты: — испытали ли вы когда-нибудь истерику? — Въ то время истерика еще считалась болѣзненнымъ припадкомъ, свойственнымъ только женщинамъ. Поэтому, отвѣтивъ въ этомъ смыслѣ вопрошавшему, я, въ свою очередь, спросилъ, развѣ у него была когда-нибудь истерика. — Нѣтъ, никогда, — отвѣтилъ онъ рѣшительно: — развѣ это возможно? — Такъ какъ же вы ее могли испытать? — Наступило долгое молчаніе, затѣмъ тяжелый вздохъ... — У жены, — сказалъ онъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ. — У ангела? — У него!.. знаете, это ужасно!.. Вновь настало молчаніе, и я заснулъ. Утромъ онъ всталъ, какъ встрепанный, шутилъ и смѣялся, хотя избѣгалъ встрѣчаться со мной глазами. Я снова послалъ его женѣ телеграмму, объясняющую наше опозданіе. Мы осмотрѣли музей, гавань, церкви и пообѣдали на открытой верандѣ маленькаго ресторана на городской площади. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, смѣшилъ

меня своими разсказами изъ области студенческихъ романическихъ похожденій и, несмотря на мои протесты, потребовалъ полбутылки шампанскаго, чтобы выпить за нашу встрѣчу и интересное путешествіе. Вчерашній упавшій духомъ супругъ былъ бы неузнаваемъ, если бы мнѣ не вспомнилась, глядя на него, русская поговорка: «семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ», и если бы его блуждающій по сторонамъ взоръ и слишкомъ громкій, безпричинный смѣхъ не имѣли въ себѣ оттѣнка того, что простой русскій человѣкъ характеризуетъ словомъ «отчаянность». Онъ даже предложилъ мнѣ остаться до слѣдующаго дня, чтобы пойти вмѣстѣ въ театръ, гдѣ давали «Фауста наизнанку», и только напоминаніе о необходимости послать *третью* телеграмму нѣсколько охладило его эстетическія стремленія. Въ теченіе обратнаго пути онъ былъ молчаливъ и бо́льшую часть времени дремалъ. Когда мы прибыли, наконецъ, въ Остенде, и надо было выходить изъ вагона, онъ сталъ усиленно искать что-то на сѣткѣ, хотя никакихъ вещей съ нами не было, и предоставилъ мнѣ, такимъ образомъ, выйти первому, слѣдуя за мной и какъ бы прячась за меня. Первое, что я увидѣлъ на перронѣ, были небесно-голубые глаза, горѣвшіе гнѣвнымъ огнемъ. Я почтительно снялъ шляпу, но «ангелъ» растянулъ свои сложенныя въ сердечко алыя губы въ презрительную улыбку и, не отвѣчая на поклонъ, медленно смѣрилъ меня взоромъ съ головы до ногъ, затѣмъ сдѣлалъ два быстрыхъ шага по направленію къ мужу, энергически взялъ его за руку выше кисти и молча увелъ за собой.

Прошло шесть лѣтъ. Будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я встрѣтилъ на Арбатской площади моего остендскаго пріятеля ѣдущимъ на извозчикѣ. Увидѣвъ меня, онъ приказалъ остановиться и съ неподдѣльной радостью привѣтствовалъ меня, чему, повидимому, не помѣшало и то, что въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника одного изъ московскихъ изданій, онъ не упускалъ случая, по заказу редакціи, порицать вредное направленіе тогдашняго предсѣдателя петербургскаго Окружного Суда, каковымъ былъ я.—Какъ я радъ! Какъ я радъ!—восклицалъ онъ, пожимая мнѣ руки. — Пожалуйста, посѣтите меня! Пообѣдаемъ вмѣстѣ, вспомнимъ старину! Я васъ познакомлю съ моей женой. Она—пре-

милая женщина.—Едва ли я успѣю побывать у васъ, хотя вспомнить старину, въ виду кое-чего современнаго, конечно, было бы пріятнѣй. Супругѣ же вашей—вы, очевидно, забыли—я уже былъ представленъ въ Остенде. Она, конечно, такой же, въ вашихъ глазахъ, ангелъ, какъ и была?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ почти радостно.—*Та* уже давно умерла! Я теперь женатъ на другой!

На этомъ мы и разстались навсегда съ неисправимымъ рецидивистомъ семейнаго счастья.

Въ томъ же году, въ Остенде, мнѣ пришлось нѣсколько разъ обѣдать съ большимъ знатокомъ и любителемъ драматической литературы, обладавшимъ драгоцѣнными воспоминаніями о лучшихъ страницахъ въ исторіи русской сцены. Слушать его тонкіе критическіе отзывы составляло истинное наслажденіе. Однажды къ нашему обѣденному столику подошелъ сухощавый господинъ съ острыми чертами лица, длинными усами, которые онъ нервно покручивалъ, и непривѣтливымъ взоромъ безпокойныхъ глазъ. Манера держать себя и носить штатское платье обличала въ немъ человѣка, привыкшаго къ военному мундиру. Это былъ отставной губернаторъ одной изъ великороссійскихъ губерній, прославившійся тѣмъ, что при объѣздѣ губерніи благосклонно принималъ единодушно выражаемыя волостными обществами, чрезъ свое начальство, чувства преданности и трогательнаго уваженія. Вещественнымъ знакомъ этихъ чувствъ служила хлѣбъ-соль на дорогихъ блюдахъ, при чемъ, какъ говорили злые языки, «благодарные поселяне» въ избраніи этихъ знаковъ были въ значительной степени облегчены распоряженіемъ уѣзднаго начальства, въ свою очередь не оставленнаго указаніями изъ губернаторской канцеляріи.

Генералъ будировалъ правительство, не умѣвшее оцѣнить этой теплоты чувствъ, выраженныхъ въ іерархическомъ порядкѣ сверху внизъ и снова возвращающихся къ своему первоначальному источнику. Лишенный — къ сожалѣнію, лишь на нѣкоторое время—широкой дѣятельности, отставной администраторъ искалъ

исцѣленія отъ служебныхъ утомленій въ морскихъ волнахъ и заявлялъ, что всецѣло отдался высшему управленію своихъ обширныхъ помѣстій, показывая, съ напускною небрежностью, длинныя и регулярныя донесенія своего главноуправляющаго, написанныя по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства на большихъ бланкахъ, въ углу которыхъ стояло: «Управленіе вотчинами Его Превосходительства NN».

Въ разговорѣ со мною — простымъ смертнымъ — онъ выказалъ изысканную любезность, а на другой день я нашелъ у себя его карточку. Пришлось отдавать визитъ. Подходя по корридору къ указанному мнѣ номеру въ гостиницѣ, я услышалъ за неплотно притворенными (вѣроятно, по забывчивости) дверями звуки площадной русской брани, произносимой захлебывающимся отъ озлобленія голосомъ. Очевидно, что за дверями съ кѣмъ-то происходила словесная расправа. Я остановился въ недоумѣніи. Возвращаться назадъ и оставить карточку у швейцара было неудобно, такъ какъ онъ мнѣ категорически объявилъ, что monsieur le général дома. Пришлось, поэтому, постучать въ дверь, и предо мною предсталъ мой новый случайный знакомый, въ довольно безпорядочномъ домашнемъ туалетѣ, съ искаженнымъ раздраженіемъ лицомъ. — «Не помѣшалъ ли я вамъ? Вы, кажется, съ кѣмъ-то бесѣдовали. — Нѣтъ-съ, я одинъ! У меня никого нѣтъ, а только вы слышали, вѣроятно, какъ я ругался. Покорнѣйше прошу садиться. Извините, что вы застаете у меня такой безпорядокъ, да и меня въ такомъ видѣ. Я, видите ли, укладываюсь. Это такая тоска и такъ утомительно, да и не привыкъ я къ этому совсѣмъ. Просто всю поясницу разломило! Того и смотри, что-нибудь забудешь или засунешь такъ, что потомъ, когда нужно, не найдешь. А мнѣ сердиться вредно: у меня печень больная. И вѣдь что меня раздражаетъ, такъ это то, что я самъ себѣ создалъ такое положеніе по довѣрчивости къ людямъ! Надо вамъ сказать,—продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ и гнѣвно раздавливая въ пепельницѣ недокуренную папиросу,—надо вамъ сказать, что у меня въ корпусѣ былъ товарищъ; на одной скамьѣ съ нимъ сидѣли, пріятелями были. Учился онъ плохо и выпущенъ былъ соотвѣт-

ственно. Но комикъ былъ большой, умѣлъ все такъ разсказывать, что мы, бывало, со смѣху катаемся. Ну, конечно, дороги наши разошлись. Я, какъ вы знаете, генералъ-лейтенантъ и оставилъ губернаторскій постъ, потому что не желаю подчиняться разнымъ фантазіямъ нашего нелѣпаго правительства. А онъ служилъ себѣ въ глухой провинціи въ армейскомъ полку,—женился на какой-то захолустной барышнѣ и былъ подъ конецъ службы полковымъ казначеемъ. Заболѣла у него жена чахоткой, повезъ онъ ее за границу, лѣчилъ, гдѣ возможно, дѣлалъ займы для этого. Она тянула довольно долго, но все-таки умерла. Онъ, какъ говоритъ, очень ее любилъ, былъ въ отчаяніи послѣ ея смерти, службу запустилъ, да и недочетъ кой-какой оказался во ввѣренныхъ суммахъ. Это все онъ на жену потратилъ, все надѣялся ее спасти. Товарищи помогли, недоимку пополнили, но службу все-таки пришлось оставить. Прослонялся онъ безъ дѣла, проѣлъ все, что могъ, и просто—извините за выраженіе—безъ штановъ остался. Пишетъ мнѣ, проситъ помощи или занятій. Ну, я, доложу вамъ, знаете, на личную помощь не податливъ и дѣлать эти безплодныя подачки не въ моихъ правилахъ. Но новый человѣкъ по письменной части въ моемъ хозяйственномъ дѣлѣ былъ мнѣ не лишній, тѣмъ больше, что, какъ-никакъ, а свой человѣкъ — товарищъ по воспитанію. Я его вызвалъ и говорю ему: коли хочешь, живи у меня на всемъ готовомъ, будешь исполнять мои порученія, да и компанію мнѣ составишь, развлечешь своей бесѣдой. А онъ — надо вамъ сказать — несмотря на все, остался такимъ же комикомъ. Иногда начнетъ что-нибудь разсказывать, да въ лицахъ изображать—мертваго разсмѣшить способенъ! Такая живучая натура! Ну, и ничего,—я былъ имъ доволенъ. Только, въ нынѣшнемъ году собрался я за границу, да и говорю ему: поѣдемъ-ка со мною; безъ меня тебѣ дѣлать нечего, а въ дорогѣ ты мнѣ будешь нуженъ—на желѣзной дорогѣ распорядиться, багажъ сдать, уложить и разложить вещи, за покупками сходить. Да и развлечешь меня, когда очень печень себя дастъ знать... У меня, знаете, такія бываютъ мрачныя настроенія... Все отъ печени!.. Поѣхали мы. Очень мнѣ съ нимъ было удобно и даже полезно для здоровья. Только пріѣхали

мы изъ Карлсбада во Франкфуртъ. Рано ли я кончилъ воды пить или это естественное ихъ дѣйствіе, только стало у меня расположеніе духа очень тяжелое, а онъ, словно нарочно, ходитъ, какъ въ воду опущенный, молчитъ, часто отлучается неизвѣстно куда, на вопросы отвѣчаетъ неохотно, буркнетъ что-нибудь, да и замолчитъ. Только потерпѣлъ я, потерпѣлъ, да и надоѣло мнѣ переносить эту его меланхолію. Какъ-то разъ — нездоровилось мнѣ — я и говорю ему: столько ты новаго видишь и встрѣчаешь, разскажи-ка позабавнѣе объ этомъ. Видишь, у меня снова желчь разыгрывается! — Я, говоритъ, теперь ничего разсказывать не могу и забавлять тебя не стану.—Ну, братецъ, — отвѣчаю: — дружба — дружбой, а служба — службой! Путешествуешь ты на мой счетъ, ѣшь, пьешь и никакихъ расходовъ не имѣешь, такъ ты долженъ понимать, что я тебя взялъ не для того, чтобы смотрѣть, какъ ты кислую рожу строишь! — И сказалъ ему я это мягко такъ, по-товарищески, только чтобы дать понять ему его обязанности. А онъ, вдругъ, точно белены объѣлся! Покраснѣлъ весь, задрожалъ даже, голосъ возвысилъ, да и кричитъ запальчиво: — здѣсь, говоритъ, въ двухъ шагахъ, въ Соденѣ, моя страдалица скончалась, тутъ я ей глаза закрылъ, а ты отъ меня веселыхъ анекдотовъ требуешь! Не стану ихъ разсказывать! Довольно съ меня! — Я ему замѣтилъ, чтобы онъ не забывался и не возвышалъ голоса, когда съ нимъ говорятъ спокойно, а помнилъ, для чего взятъ вообще, а за границу въ особенности. Но онъ такъ расхорохорился, что самъ плачетъ, а рукой по столу стучитъ и говоритъ: не хочу больше на побѣгушкахъ у тебя быть!.. — Я этихъ штукъ не люблю, но постарался овладѣть собою — вѣдь это хоть кого взбѣситъ — да и говорю ему: ты, любезный, не забывай, что вѣдь въ такомъ случаѣ ты и ненужнымъ можешь оказаться! — А онъ еще пуще кричитъ: и окажусь! и окажусь! я самъ не хочу съ тобою ѣхать дальше и возвращаюсь въ Россію. — Я улыбнулся на эту похвальбу, да и говорю, шутя, чтобы его образумить: а на какія это средства вы изволите отправиться въ Россію? — Пѣшкомъ уйду! — кричитъ:—Христовымъ именемъ питаться стану, а отъ тебя гроша не возьму. Не желаю быть больше въ тягость! Прощай! — и ушелъ

въ свой номерокъ, хлопнувъ дверью. Ну, думаю, выспится, — обойдется, пойметъ свое положеніе. Да и изъ Франкфурта пора намъ уѣзжать: всѣ эти сентиментальности и прекратятся. Что же вы думаете?! На другой день оказывается, что онъ уѣхалъ, не простившись и даже ничего не написавши! Вотъ мнѣ и приходится самому сундукъ укладывать! Сколько себя помню на службѣ — этого не дѣлалъ. Всегда денщикъ или лакей этимъ занимались... Всю поясницу разломило! Иной разъ и крѣпкое слово вырвется поневолѣ... Нѣтъ-съ! въ какое положеніе онъ меня поставилъ?! Мнѣ вѣдь еще въ Парижъ надо ѣхать! Вотъ вамъ и дѣлайте добро людямъ! Этакая скотина! Не правда ли?..»

III.

Въ дорогѣ.—Гимназическія воспоминанія.

Оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей петербургскаго Окружного Суда, вынесенный ими 31 марта 1878 г. по дѣлу Вѣры Засуличъ, произвелъ на нервно настроенное — вслѣдствіе множества разнообразныхъ причинъ — общество чрезвычайное сильное впечатлѣніе. Онъ вызвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ и офиціальныхъ кругахъ цѣлую бурю негодованія на судъ и, конечно, на предсѣдателя по этому дѣлу. Когда эта буря зашумѣла вокругъ меня съ особенной силой, мною почувствовалось потребность уйти на время отъ тягостныхъ впечатлѣній петербургскаго служебнаго міра, чтобы хоть немного отдохнуть среди далекихъ друзей въ иной обстановкѣ, — и я рѣшился поѣхать въ Харьковъ, гдѣ протекли первые годы моей публичной судебной дѣятельности, и съ которымъ у меня былъ связанъ рядъ теплыхъ воспоминаній. Хотя со времени оставленія мною Харькова прошло восемь лѣтъ той кипучей личной жизни, которая окружаетъ человѣка въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ его существованія, но я зналъ, что Харьковъ меня еще помнитъ и любитъ, считая *своимъ*. Можно было быть увѣреннымъ, что тамъ я найду атмосферу симпатій, которая хоть на время заставитъ смягчиться душевную боль, вызванную во мнѣ предложеніемъ о выходѣ

въ отставку, предъявленнымъ несмѣняемому судьѣ за то, что онъ былъ слугою правосудія, въ условіяхъ, начертанныхъ Судебными Уставами, а не услужливымъ пособникомъ осуществленія предвзятыхъ рѣшеній, — вызванную также и беззастѣнчивымъ предательствомъ, которое меня окружило со всѣхъ сторонъ подъ вліяніемъ травли вліятельныхъ газетъ и предположеній, что я, въ служебномъ отношеніи, несомнѣнно «сломалъ себѣ шею». Я выѣхалъ въ пятницу на Страстной съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской дороги, получивъ въ вагонѣ II класса крайне неудобное мѣсто противъ стѣнки, что мѣшало вытянуть ноги и среди ночи оказалось очень мучительнымъ, такъ какъ мѣсто рядомъ было занято какимъ-то грузнымъ господиномъ, усѣвшимся на двухъ третяхъ скамейки и прижавшимъ меня въ уголъ. Его нафабренные усы на морщинистомъ лицѣ, подкрашенные рѣдкіе волосы «съ височками» и тугой высокій галстукъ давали поводъ думать, что это, должно-быть, отставной военный. Ко мнѣ онъ относился строго, задавъ мнѣ два или три лаконическихъ вопроса въ теченіе пути, тѣсня меня во время мучительной желѣзнодорожной ночи и говоря мнѣ, при попыткахъ моихъ перемѣнить положеніе, строго и внушительно: «м-м-молодой человѣкъ! в-в-вы меня толкаете». Но я былъ оглушенъ «шумомъ внутренней тревоги» и не обращалъ вниманія на его отношеніе ко мнѣ.

Утромъ, когда мы подъѣзжали къ Москвѣ, мой спутникъ досталъ изъ картонки цилиндръ, пригладилъ его, надѣлъ взамѣнъ старой фуражки и положилъ въ ротъ гвоздичку. Ея ароматъ, очевидно, смягчилъ его сердце. Онъ въ первый разъ благосклонно взглянулъ на меня и, двинувъ бровями по направленію къ окну, сказалъ многозначительно: Кунцево! — Нѣтъ — отвѣчалъ я — Останкино. — Вы это навѣрно знаете? — Да, навѣрно. — Вы хорошо знаете Москву? — Да, хорошо. — Учитесь тамъ? — Нѣтъ, кончилъ. — Служите? — Да, служу. — Въ самой Москвѣ? — Нѣтъ, въ Петербургѣ. — А — а! — протянулъ собесѣдникъ, взглянувъ на меня еще болѣе благосклонно: — въ Петербургѣ служба чистая, благородная. — Всякая есть! Какъ кто смотритъ! — А хорошій городъ! Я въ деревнѣ прожилъ 20 лѣтъ, выйдя въ отставку,

а теперь вотъ пробылъ два мѣсяца въ Петербургѣ. Много нашелъ новаго. Невскій-то какимъ сталъ! Прежде, бывало, за «вшивой биржей», противъ Троицкаго переулка, и смотрѣть было не на что; Николаевская, помнится, тогда еще Грязною называлась и была немощеная, — да вотъ и конки тоже... совсѣмъ новое дѣло! Интересный городъ! Богъ знаетъ, когда попаду опять. Хотѣлось всего насмотрѣться. Только вотъ въ судъ не могъ попасть, на дѣло Засуличъ. Слышали, вѣроятно? Билеты надо было у предсѣдателя получать, ну, а я съ нимъ незнакомъ. Да и гдѣ ужъ тамъ? Вѣроятно, желающихъ было безъ конца. А вы видѣли кого-нибудь, кто тамъ былъ? — Я былъ самъ на этомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ я, стараясь скрыть невольную улыбку. — И попали? — Попалъ. — Ну, и что же, я думаю наканунѣ съ ночи пришлось притти сторожить себѣ мѣсто? — Нѣтъ, я пришелъ въ 11 часовъ. — Ну, такъ, я думаю, публики, какъ сельдей въ боченкѣ было? Ни дохни, ни повернись? — Я сидѣлъ не въ публикѣ, а по ту сторону судейскаго стола. — Эге, батюшка! Да у васъ, видно, дядя сенаторъ, что вамъ такое мѣсто устроилъ. Тутъ ужъ, я думаю, сиди какъ прикованный и вставать не моги: сейчасъ займутъ мѣсто! — Нѣтъ, моего мѣста — сказалъ я — никто бы въ этотъ день не занялъ, да и едва ли и пожелалъ бы занять...

Мой собесѣдникъ взглянулъ на меня удивленно и высокомѣрно спросилъ меня: «любопытно знать, какое же это такое мѣсто у васъ было, молодой человѣкъ?»—Молодой человѣкъ, которому было уже 34 года, потупился и скромно сказалъ, что онъ — предсѣдатель петербургскаго Окружного Суда и, ведя процессъ, сидѣлъ на принадлежащемъ ему главномъ мѣстѣ за судейскимъ столомъ. — «Неправда! Не можетъ быть!» — воскликнулъ его собесѣдникъ. Но затѣмъ, должно-быть, убѣдясь, что присвоивать себѣ званіе предсѣдателя петербургскаго суда едва ли кто станетъ, сразу перемѣнилъ тонъ, сдѣлался любезенъ до приторности, помогъ завязать ручной багажъ и сталъ усердно рекомендовать остановиться въ Москвѣ на какомъ-то подворьѣ. «Очень дешево, тихо — и клоповъ — прибавилъ онъ многозначительно — ни-ни-ни!»

На другой день, т.-е. въ Пасхальное воскресенье, въ настоящее свѣтлое воскресенье по погодѣ, я выѣхалъ изъ Москвы, когда ликованью пробуждавшейся природы вторилъ несмолкаемый и радостный гулъ московскихъ колоколовъ. Меня провожалъ на станцію Курской желѣзной дороги мой покойный другъ — благородный, суетливый и несчастный Александръ Ивановичъ Барановскій, бывшій петербургскій столичный мировой судья. Поѣздъ былъ почти пустой. Кондукторы были подъ хмелькомъ и въ купэ для некурящихъ I класса былъ лишь одинъ пассажиръ, съ которымъ Барановскій поздоровался, позабывъ мнѣ сказать, съ кѣмъ мнѣ приходится ѣхать. Это былъ человѣкъ довольно высокаго роста, съ мягкими чертами задумчиваго и мыслящаго лица, въ золотыхъ очкахъ, сквозь которыя глядѣли добрымъ и вмѣстѣ серьезнымъ взглядомъ сѣрые глаза. Въ очертаніяхъ лица сквозилъ отдаленный татарскій типъ, но русая съ просѣдью густая борода придавала ему, вмѣстѣ съ мягкой складкой губъ, славянскій характеръ. Мы долго ѣхали молча, — онъ читалъ какую-то рукопись, а я погрузился въ чтеніе только-что вышедшаго II-го тома «Les origines de la France contemporaine» Тэна, не предчувствуя еще, что мнѣ, въ перелицовкѣ на русскіе нравы, придется переживать кое-что изъ этого, да, пожалуй, и изъ слѣдующихъ томовъ, замѣчательнаго труда Тэна. На одной изъ большихъ станцій, — кажется въ Серпуховѣ — я вышелъ изъ вагона и, когда вернулся, то засталъ своего спутника съ моей книжкой Тэна въ рукахъ, на первой страницѣ которой были написаны мое имя и фамилія. Онъ извинился и, сказавъ, что не читалъ еще этой книги, спросилъ мое объ ней мнѣніе. Мы разговорились. Онъ оказался человѣкомъ разносторонне-образованнымъ, живымъ и вдумчивымъ, съ чрезвычайно привлекательнымъ складомъ умной и содержательной рѣчи, и мы провели въ пріятной и оживленной бесѣдѣ почти все время до ночи. Разговоръ касался, главнымъ образомъ, литературы, поводомъ къ чему послужило мое указаніе на удивительную книгу того же Тэна «Essais sur Tite Live», которая представляетъ собою непревзойденный, на мой взглядъ, образецъ литературно-исторической критики. Собесѣдникъ, очевидно, принадлежалъ къ высоко-образованному кружку

московскаго общества, имѣя обширныя знакомства и связи въ Москвѣ, тогда еще не пріобрѣвшей нѣкотораго оттѣнка богатаго коммерческаго самодовольства, покрытаго подчасъ лишь тонкимъ слоемъ легко стираемаго европейскаго лака. Онъ разсказалъ мнѣ много интересныхъ подробностей о даровитой писательницѣ Кохановской, о М. П. Погодинѣ и, между прочимъ, о моемъ дядѣ Вельтманѣ и объ оригинальномъ кружкѣ, собиравшемся у послѣдняго въ казенномъ домѣ, гдѣ была квартира директора Оружейной Палаты, у Покрова въ Левшинѣ.

Назидательная бесѣда моего спутника перешла затѣмъ на вопросы искусства, педагогіи и философіи, но онъ тщательно избѣгалъ говорить о современныхъ намъ дѣлахъ, несмотря на мои попытки вызвать его на подобный разговоръ. Только о славянскомъ вопросѣ по поводу книги Спасовича и Пыпина по исторіи славянскихъ литературъ онъ нѣсколько распространился, но вскорѣ перешелъ къ воспоминаніямъ объ оригинальномъ московскомъ профессорѣ Бодянскомъ. Наконецъ, объяснилось, почему онъ избѣгалъ касаться злобы дня. На его вопросъ, куда я ѣду, я отвѣчалъ, что ѣду въ Харьковъ, нуждаясь въ нравственномъ отдыхѣ послѣ всего пережитого мною въ послѣднее время. — «По дѣлу Засуличъ?» — спросилъ онъ, давая мнѣ понять, что знаетъ, кто я. Назвалъ ли ему меня Барановскій или онъ прочелъ мое имя на книгѣ, но, повидимому, онъ умѣлъ основаніе предполагать, что и я знаю, кто онъ такой. Мнѣ же было какъ-то неловко его спросить объ этомъ.—«Извините меня—сказалъ онъ мнѣ: — я не принадлежу къ вашимъ сторонникамъ въ этомъ процессѣ, хотя и не раздѣляю тона и характера нападокъ на васъ Каткова. Какъ могли вы допустить присяжныхъ произнести оправдательный приговоръ?»

Объяснивъ ему *законную* роль, права и обязанности предсѣдателя на судѣ присяжныхъ, не могущаго быть отвѣтственнымъ за ихъ приговоръ, произносимый по внутреннему убѣжденію, и въ то же время не имѣющаго права ни играть съ ними въ *прятки*, ни ихъ заставлять играть въ *жмурки*, скрывая или способствуя сокрытію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣла, — при чемъ онъ грубо нарушилъ бы святой долгъ судьи, если бы

сталъ оказывать давленіе на ихъ совѣсть, голосъ которой долженъ звучать въ *свободно* выработанномъ рѣшеніи, — я разсказалъ ему вкратцѣ всю исторію возникновенія и разбора этого дѣла. Она изложена мною въ особыхъ воспоминаніяхъ и повторять ее здѣсь не мѣсто. Онъ слушалъ чрезвычайно внимательно, изрѣдка прося разъясненій техническаго свойства, и, когда я кончилъ, сказалъ мнѣ, предварительно на нѣсколько минутъ задумавшись: — да, я вижу, вы правы и вели себя, какъ подобаетъ судьѣ. Я беру назадъ мой упрекъ, но судьба поставила васъ въ положеніе поистинѣ трагическое, возложивъ на вашу нравственную отвѣтственность тяжелую задачу. — Я это сознаю — отвѣчалъ я ему — и сознавалъ всегда. Но если бы мнѣ снова пришлось вести это дѣло, то и тогда, несмотря на все тяжелое, уже мною пережитое, и на то, что, вѣроятно, еще придется переживать, я не считалъ бы согласнымъ съ закономъ вести его иначе, добиваясь обвинительнаго приговора путемъ скрыванія отъ присяжныхъ того, что было или казалось невыгоднымъ для обвиненія. — Наступала ночь. Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами, мы собирались лечь спать, когда мой спутникъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Кіевъ къ больной матери и завтра утромъ въ 6 часовъ долженъ въ Курскѣ пересѣсть въ кіевскій поѣздъ, такъ что мы, пожалуй, не увидимся. — Мнѣ крайне пріятно было съ вами встрѣтиться и узнать васъ ближе, — прибавилъ онъ. — Позвольте обратиться къ вамъ съ одною просьбою: вы, кажется, уже дочитываете Тэна, а мнѣ очень хотѣлось бы съ нимъ познакомиться до возвращенія въ Москву, гдѣ я буду черезъ недѣлю. Не можете ли вы мнѣ дать эту книгу, а по пріѣздѣ вашемъ въ Москву, я вамъ ее завезу или, быть-можетъ, вы найдете минутку, чтобы заѣхать ко мнѣ, чѣмъ доставили бы мнѣ большое удовольствіе. — Я отвѣчалъ полною готовностью исполнить его просьбу и вновь почувствовалъ крайнюю неловкость отъ того, что не знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

На другой день рано утромъ въ Курскѣ, выйдя на платформу, я увидѣлъ его уже сидящимъ у окна кіевскаго поѣзда. Онъ дружески привѣтствовалъ меня. Необходимость разрѣшить вопросъ о томъ, кто онъ такой, предстала передо мною съ осо-

бою ясностью, и я схватился за его заявленіе: «такъ въ Москвѣ мы увидимся!» — какъ за якорь спасенія. — Да, конечно, — сказалъ я. — Но я не знаю вашего адреса. — Вотъ моя карточка съ адресомъ. — Я положилъ ее въ карманъ, не читая и тѣмъ поддерживая въ немъ иллюзію, что я знаю, съ кѣмъ такъ чудесно провелъ въ долгой бесѣдѣ первый день Пасхи. Зазвучалъ третій звонокъ, съ томительными переливами засвисталъ оберъ-кондукторъ, и поѣздъ, медленно погромыхивая, какъ будто нехотя выговаривая какое-то многозначительное слово своими колесами, двинулся въ Кіевъ. Я вынулъ карточку и прочелъ на ней: *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ*... — Боже мой! — воскликнулъ я невольно, — и я этого не зналъ!.. И въ воспоминаніи моемъ внезапно возникъ разсказъ, слышанный мною отъ другого Ивана Сергѣевича... Тургенева.

«Однажды въ Парижѣ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ— разсказывалъ онъ — мы отправились вмѣстѣ съ Герценомъ къ старику Литтре. Онъ былъ искренно обрадованъ нашимъ посѣщеніемъ и, сказавъ намъ: je vais vous régaler de bon vieux vin, — позвалъ свою «bonne pour tout faire» и далъ ей подробныя указанія о томъ, какъ найти въ погребѣ завѣтную бутылку. Но покуда она приносила покрытую пылью и какою-то плѣсенью бутылку съ краснымъ виномъ, у Герцена съ оника загорѣлся съ хозяиномъ горячій споръ по поводу какого-то изъ словъ въ академическомъ словарѣ, составляемомъ Литтре. Герценъ очень горячился, нервно ходилъ по комнатѣ и залпомъ выпилъ два стакана бережно разлитого хозяиномъ вина. Наконецъ, споръ утихъ, и мы стали собираться уходить. — А какъ вамъ понравилось мое вино? — спросилъ Литтре. — Да, недурное petit vin, — отвѣтилъ, очевидно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ пилъ, Герценъ. — Какъ petit vin?! — воскликнулъ съ горестнымъ изумленіемъ хозяинъ. — Да вѣдь это Chambertin, которому двадцать лѣтъ!! Вѣдь это драгоцѣнность, которую я много, много лѣтъ не рѣшался раскупоривать!.. Лицо его омрачилось, губы сложились въ саркастическую усмѣшку, и онъ холодно простился съ нами. Когда мы вышли отъ него и проходили по улицѣ, я сказалъ Герцену: а вѣдь старикъ-то очень обидѣлся. — А чортъ

его возьми! — отвѣтилъ Герценъ: — зачѣмъ же онъ не сказалъ, какое это вино и какого года: я бы его совсѣмъ иначе пилъ»...

Боже мой, — сказалъ я себѣ — зачѣмъ не зналъ я, что это Аксаковъ: я бы его *совсѣмъ иначе пилъ*. Я говорилъ бы съ нимъ о политикѣ, о славянофилахъ, о его отцѣ и братѣ и на его слова о важной отвѣтственности, принятой мною на себя веденіемъ дѣла Засуличъ, отвѣтилъ бы вопросомъ: ну, а вы, Иванъ Сергѣевичъ съ вашими статьями, сыгравшими такую вліятельную роль предъ сербской и русско-турецкой войнами, развѣ не неизмѣримо большую отвѣтственность принимали на себя передъ Россіей? Наша встрѣча вызвала со стороны Аксакова, какъ оказалось впослѣдствіи, лестный для меня, хотя и совершенно незаслуженный отзывъ. «До Курска ѣхалъ я съ К. — писалъ онъ своей супругѣ 18 апрѣля 1878 г. изъ Кіева — предсѣдателемъ петерб. Окр. Суда, замѣчательно умнымъ, даровитымъ и очень хорошимъ человѣкомъ. Его разсказы были въ высшей степени интересны. Онъ оставилъ мнѣ книгу Taine «la Révolution», которой по дорогѣ отъ Курска до Кіева я и прочелъ слишкомъ 200 страницъ. На Ѳоминой недѣлѣ, на обратномъ пути, заѣдетъ къ намъ». Но въ Москвѣ намъ видѣться не удалось, и мы лишь размѣнялись визитами. Я его встрѣтилъ во второй и послѣдній разъ лишь въ апрѣлѣ 1881 г., тоже на Пасхѣ, у Александра Ивановича Кошелева, на одномъ изъ оригинальныхъ вечеровъ послѣдняго, куда сходилась почти вся интеллигенція Москвы, и гдѣ подавали ужинъ на ломберныхъ, ничѣмъ не покрытыхъ, столахъ. Аксаковъ былъ подавленъ трагической кончиной Царя-Освободителя, былъ неразговорчивъ и съ мрачнымъ видомъ слушалъ шумныя выходки старика Сергѣя Андреевича Юрьева, позабывшаго, идя въ гости, надѣть галстукъ и говорившаго съ чрезвычайной горячностью, не глядя на собесѣдника и брызжа при этомъ слюною. Аксаковъ пробылъ недолго и ушелъ все въ томъ же грустномъ и тревожномъ настроеніи. А одинъ изъ москвичей, видя, что я очень заинтересованъ оригинальною личностью Юрьева, разсказалъ мнѣ про феноменальную разсѣянность послѣдняго нѣсколько случаевъ. Два остались у меня въ памяти. Въ *одномъ*, — положивъ въ передней на столикъ свою зимнюю

мѣховую шапку, Юрьевъ, уходя и простившись съ хозяевами, второпяхъ и не глядя схватилъ рукою то, что считалъ своею мохнатой шапкою. Но шапка, поднятая въ воздухѣ, вдругъ фыркнула, испустила вопль и мяуканье и впилась ему въ руку когтями и зубами. Въ *другомъ*, — идя гдѣ-то въ переулкѣ около Сухаревой башни, онъ горячо спорилъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей и такъ брызгался слюною, что тотъ потихоньку отсталъ и, отойдя въ сторону, слѣдовалъ за нимъ. Юрьевъ ничего не замѣчалъ и, размахивая руками, продолжалъ споръ. «Нѣтъ, я тебѣ докажу, я тебѣ докажу», — кричалъ онъ — и вдругъ долженъ былъ остановиться: предъ нимъ стоялъ пьяный мужикъ, широко разставивъ ноги, и, смотря на него мутнымъ взоромъ, говорилъ ему, съ трудомъ поворачивая языкъ: «ну, и что ты мнѣ, лохматый чортъ, доказать можешь?!»

Въ четвертомъ классѣ второй (нынѣ Александровской) петербургской гимназіи, куда я поступилъ изъ нѣмецкой школы при церкви св. Анны, у меня былъ товарищъ Н. Г. П..., воспоминаніе о знакомствѣ съ которымъ связано у меня съ одною изъ житейскихъ перемѣнъ въ человѣкѣ, къ которой примѣнимы стихи Некрасова:

«Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи
Вчерашній другъ, поникнувъ головой»...

Юный П... былъ добрый, отзывчивый и способный мальчикъ, но съ чрезвычайно развитымъ самолюбіемъ, переходившимъ въ смѣшное тщеславіе. Онъ носилъ длиннѣйшіе ногти, длинные волосы и чуждался нашихъ юныхъ игръ и забавъ, относясь къ нимъ презрительно и стараясь дать намъ понять, что онъ гораздо выше насъ по умственному развитію. А мы, какъ нарочно, были почти всѣ большими шалунами, хотя большинство изъ насъ училось прекрасно. Иногда эти шалости соединялись у насъ съ увлеченіемъ какимъ-либо изъ преподаваемыхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, на насъ имѣлъ большое вліяніе учитель исторіи, незабвенный Владиміръ Ѳедоровичъ Эвальдъ. Его доброе и отчасти насмѣшливое отношеніе къ ученикамъ было соединено съ

увлекательнымъ изложеніемъ предмета. Мы ждали его урока и слушали его съ радостнымъ чувствомъ. Однажды мы, мальчики, очень желавшіе быть взрослыми, написали на доскѣ: «gaudeamus igitur, juvenes dum sumus. Эвальдъ вошелъ въ классъ и сталъ разсказывать свой урокъ, ходя, по привычкѣ, по классу. Увидѣвъ написанное на доскѣ, онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на насъ добрымъ и смѣющимся взглядомъ, взялъ губку, стеръ слово «Iuvenes» и написалъ «puerі»... Особенно увлекательно разсказывалъ онъ про крестовые походы, и нарисованная имъ картина душевнаго состоянія крестоносцевъ, узрѣвшихъ послѣ многихъ битвъ и долгихъ страданій Святой градъ и преклонившихъ предъ нимъ колѣна, до сихъ поръ — по прошествіи пятидесяти трехъ лѣтъ — стоитъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ. Мы тотчасъ же объявили себя крестоносцами, при чемъ маленькій горбунъ Майеръ, ходившій съ крючковатой палкой, былъ произведенъ въ Петры Пустынники, а я пожалованъ въ Готфриды Бульонскіе, сосѣдній же классъ былъ признанъ сарацинами, и ему объявлена жестокая война. Надо сознаться, что наши крестовые походы, продолжавшіеся цѣлый мѣсяцъ въ большую перемѣну между уроками, окончились для крестоносцевъ весьма плачевно: сосѣдній классъ оказался численно сильнѣе, да и у насъ произошелъ внутренній расколъ: нынѣшній тайный совѣтникъ и юрисконсультъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ поднялъ знамя бунта и объявилъ себя султаномъ Килиджъ-Арсланомъ... Петръ Аміенскій былъ захваченъ въ плѣнъ, а Готфридъ Бульонскій, бывшій «старшимъ» въ классѣ и обязанный наблюдать за порядкомъ, былъ посаженъ въ карцеръ послѣ одной неудачной атаки, окончившейся разбитіемъ стеколъ въ дверяхъ сосѣдняго класса. Ко всѣмъ этимъ происшествіямъ П... относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, чѣмъ возбудилъ общее противъ себя недовольство, такъ что нѣкоторыми рѣшено было его проучить. Cet âge est sans pitié. Однажды онъ былъ крѣпко схваченъ, и его длинные, чуть не въ вершокъ, ногти, которыми онъ отчаянно царапался, сопротивляясь, были насильственно обстрижены. Операція прекратилась лишь съ приходомъ учителя, но все время урока П..., блѣдный и закусивъ нижнюю губу, бро-

салъ на меня свирѣпые взгляды, почему-то (и при томъ совершенно несправедливо) считая меня зачинщикомъ всей этой затѣи. Съ этихъ поръ онъ преисполнился ненавистью ко мнѣ и еще болѣе замкнулся въ своемъ отчужденіи. Но, очевидно, его доброе сердце сильно страдало отъ этого, тѣмъ болѣе, что я пользовался почему-то нѣкоторой любовью товарищей и даже своего рода авторитетомъ, можетъ-быть, потому, что охотно принималъ участіе во всѣхъ производимыхъ сообща шалостяхъ.

Лѣтомъ 1859 года мы жили на дачѣ въ Петергофѣ. Въ одинъ прекрасный день, во время завтрака, горничная подала мнѣ письмо, сообщивъ, что податель ожидаетъ отвѣта на улицѣ. Въ письмѣ заключалось и восторженное объясненіе въ любви со стороны П..., и предложеніе дружбы до гроба. Я выбѣжалъ къ нему, мы обнялись, оба расплакались, и въ залогъ нашей дружбы онъ мнѣ тутъ же поднесъ ракету собственнаго издѣлія, которую мы въ тотъ же вечеръ спустили на дворѣ, чуть не спаливъ свою дачу. Съ этихъ поръ мы стали часто видѣться, и онъ сдѣлался участникомъ общихъ предпріятій въ пятомъ классѣ, принявшихъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ году. Мы стали издавать журналъ «Заря», съ эпиграфомъ изъ Пушкина: «Повѣрь, мой другъ, взойдетъ она, заря плѣнительнаго счастья— Россія вспрянетъ ото сна»... Журналъ, однако, былъ самаго невиннаго свойства и преимущественно наполнялся статьями по физикѣ и математикѣ. Въ этомъ же классѣ былъ великовозрастный воспитанникъ Ивановъ, круглый сирота, жившій изъ милости и по какимъ-то отношеніямъ у чиновника П—кова. Онъ потѣшалъ насъ стихами и комическими разсказами своего сочиненія и часто плакался на свою судьбу, разсказывая, какъ нерѣдко П—ковы заставляли его исполнять самыя черныя работы по квартирѣ. Однажды Ивановъ прибѣжалъ въ классъ, послѣ двухдневнаго отсутствія, до крайности разстроенный и со слезами разсказалъ намъ, что его благодѣтели заперли его за какую-то неисправность по хозяйству на ночь въ темную комнату, гдѣ былъ положенъ, въ ожиданіи погребенія, трупъ старухи-бабушки. Ивановъ плакалъ, говорилъ, что скорѣе бросится въ воду, чѣмъ вернется домой на новыя моральныя истязанія, и

былъ въ полномъ отчаяніи. Мы, мальчики 13 и 14 лѣтъ, рѣшили его поддержать во что бы то ни стало и помочь ему приготовиться къ поступленію въ Театральное училище, куда онъ уже давно и безнадежно, по сильному призванію, стремился. Мы дали другъ другу нѣчто въ родѣ клятвы отдавать Иванову всѣ деньги, которыя у насъ будутъ, и отправили депутацію къ директору Никитѣ Семеновичу Власову съ просьбой о заступничествѣ за Иванова. Я былъ избранъ ораторомъ этой депутаціи. Власовъ отнесся къ намъ очень сочувственно, вызвалъ къ себѣ Иванова, подробно разспросилъ его, поѣхалъ затѣмъ къ оберъ-полицей-мейстеру — и чрезъ нѣсколько дней Ивановъ, котораго Власовъ покуда пріютилъ у себя, былъ освобожденъ навсегда отъ своихъ благодѣтелей, получивъ право свободнаго проживанія, гдѣ онъ хочетъ. Онъ поселился въ Тарасовымъ переулкѣ, въ Измайловскомъ полку, въ довольно большой комнатѣ пятаго этажа. Раза два въ мѣсяцъ мы всѣмъ классомъ ходили его навѣщать и приносили ему нашу посильную лепту и разные гостинцы, которые тутъ же сообща и съѣдались. Однажды, во время такого посѣщенія, съ нами случилось трагическое происшествіе. Въ это время всѣхъ интересовали опыты гипнотическаго сна, вызываемаго пристальнымъ и упорнымъ взглядомъ на отраженіе свѣта на двухъ перекрещивающихся металлическихъ пластинкахъ. Мы вздумали продѣлать этотъ опытъ надъ однимъ изъ нашихъ товарищей — Николаемъ Беромъ (одинъ изъ имѣвшихъ впослѣдствіи отношеніе къ ужасному несчастію на Ходынкѣ, во время коронаціи 1896 г.), и онъ дѣйствительно скоро заснулъ. Но, когда мы стали пробовать его разбудить, то онъ не просыпался, несмотря на тормошеніе, уколы, щипки и крики въ ухо. Мы пришли въ совершенное отчаяніе и рѣшили, что лишили товарища жизни. Юному уму нашему представилось, что для насъ нѣтъ ни оправданія, ни извиненія, и что мы погибли. Съ ужасомъ въ сердцѣ рѣшено было, что трое изъ насъ отправятся въ полицію и отдадутъ себя въ «руки правосудія», а остальные останутся ожидать рѣшенія своей судьбы у «трупа». Несчастные убійцы уже уходили, когда кому-то вздумалось плеснуть въ лицо убитому водой. Онъ вздохнулъ и раскрылъ глаза... Ивановъ поступилъ въ Театральное училище,

и лѣтъ черезъ десять я его слышалъ въ Александринскомъ театрѣ поющимъ въ «Орфеѣ въ аду» куплеты про Аркадскаго принца.

Николай П... собиралъ къ себѣ довольно часто товарищей въ свою маленькую комнатку на антресоляхъ, гдѣ-то въ 5-ой или 6-ой ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ своего брата Г. Г. П., моложаваго отца семейства, имѣвшаго уже взрослую дочь. Онъ былъ преподавателемъ русской словесности въ институтахъ и читалъ иногда безцвѣтно-сентиментальныя публичныя лекціи по литературѣ въ залѣ нашей второй гимназіи. Къ концу нашей полуребяческой бесѣды обыкновенно онъ поднимался къ своему брату и приносилъ съ собою «Колоколъ» и «Полярную звѣзду», проповѣдуя намъ необходимость ниспровергнуть государственный строй и утопить въ крови существующій порядокъ, льстиво доказывая развѣсившимъ уши мальчикамъ, что въ этомъ состоитъ задача подрастающаго поколѣнія, и что эту задачу оно одно въ состояніи и должно выполнить. Онъ дѣлалъ это въ то время, когда правительство искренно шло впереди общества, и когда ежедневно ковались великія реформы Александра II. Льстя незрѣлымъ умомъ, онъ подзадоривалъ насъ тѣмъ, что декламировалъ намъ революціонные стихи и пѣсенки, нѣкоторые изъ которыхъ мы съ его словъ и заучили... Предъ выходомъ моимъ въ университетъ, изъ шестого класса гимназіи, бѣдный Коля П. заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, но впослѣдствіи поправился, былъ замѣтнымъ и преданнымъ своему дѣлу педагогомъ, хотя, однако, предъ смертью, послѣдовавшею въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, какъ я слышалъ, потерялъ зрѣніе.

Прошло много лѣтъ, и я былъ уже прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда. Въ декабрѣ 1872 года возникло слѣдствіе по дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги и о приготовленіи къ отправленію нѣкоего Александра Ярошевича, въ которомъ были заподозрѣны акушеръ Колосовъ и докторъ Никитинъ, библіотекарь Медико-Хирургической академіи. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ увѣдомила, — въ качествѣ свѣдущаго лица, — судебнаго слѣдователя о томъ, что способъ поддѣлки акцій, найденныхъ при обыскѣ въ Академіи, есть тотъ же самый, который былъ употребленъ при

поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ съ политической цѣлью, дѣло о чемъ разбиралось въ 1869 году. При этомъ по справкамъ оказалось, что вещественныя доказательства сданы въ архивъ знаменитаго III Отдѣленія. Желая сличить кредитныя бумажки съ акціями и ближе ознакомиться со способомъ поддѣлки, а также съ нѣкоторыми обстоятельствами, сопровождавшими ея открытіе, слѣдователь обратился за полученіемъ необходимыхъ свѣдѣній и данныхъ къ начальнику III Отдѣленія, но никакого отвѣта на двукратную просьбу не получилъ. Тогда онъ обратился за содѣйствіемъ ко мнѣ, какъ къ прокурору — и я рѣшился «взять быка за рога», т.-е. не вступая въ переписку, поѣхать къ шефу жандармовъ графу Шувалову и лично съ нимъ объясниться. Шуваловъ встрѣтилъ меня очень любезно, но заявилъ, что, согласно секретному Высочайшему повелѣнію, никакія дѣла и справки изъ архива никому рѣшительно не выдаются. «Самое большее, — сказалъ онъ мнѣ, — что я могу сдѣлать — это, въ видѣ особаго исключенія, допустить лично васъ, изъ довѣрія къ вашему званію, къ обозрѣнію дѣла въ архивѣ». На мое возраженіе, что свѣдѣнія нужны не мнѣ, а слѣдователю, Шуваловъ сказалъ, что пришлетъ ко мнѣ своего чиновника, которому я, переговоривъ со слѣдователемъ, могу указать, что именно намъ нужно, и тогда тотъ доставитъ намъ, частнымъ образомъ, требуемыя свѣдѣнія. «Этотъ чиновникъ, — добавилъ человѣкъ, которому завистливая молва присвоила опасное для него наименованіе Петра IV, — очень способный и образованный: онъ у меня состоитъ заграничнымъ агентомъ по надзору за русской эмиграціей и пишетъ интересныя и очень полезныя для насъ донесенія. Но теперь я его выписалъ на нѣкоторое время сюда и пришлю его къ вамъ. Вы останетесь довольны его понятливостью и умѣніемъ освоиться со всякимъ дѣломъ»... Черезъ два дня курьеръ доложилъ мнѣ, что въ камеру мою явился чиновникъ отъ шефа жандармовъ, и на мое приглашеніе вошелъ человѣкъ, какъ казалось, среднихъ лѣтъ, съ моложавой наружностью и геморроидальнымъ цвѣтомъ бритаго лица, рекомендуясь посланнымъ «графомъ Петромъ Андреевичемъ». Я пригласилъ судебнаго слѣдователя, и мы общими силами выяснили пришедшему, оказавшемуся, дѣйствительно,

очень понятливымъ, сущность и связь тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ нужны. Когда слѣдователь ушелъ, я извинился передъ чиновникомъ, что мы его побезпокоили и отрываемъ отъ занятій, о которыхъ мнѣ говорилъ шефъ жандармовъ. «Мои главныя занятія за границей, — словоохотливо отвѣчалъ онъ, — а здѣсь я занятъ мало и потому радъ быть вамъ полезнымъ по очень интересному, какъ я слышалъ, дѣлу. Для меня же здѣсь, въ Петербургѣ, нѣтъ теперь серьезный задачи. Иное дѣло руководить надзоромъ за этими заграничными негодяями, которые устроились удобно и безопасно и подстрекаютъ несчастную молодежь итти на революціонныя затѣи и погибать затѣмъ въ ссылкѣ и на каторгѣ. Вотъ съ кѣмъ надо бороться и кого не слѣдовало бы щадить!» Въ манерахъ, голосѣ и чертахъ его бритаго лица мнѣ почудилось что-то знакомое, и я сталъ пристально въ него всматриваться, силясь припомнить, гдѣ и когда я могъ его видѣть. Онъ это замѣтилъ и, любезно улыбнувшись, сказалъ мнѣ: а вѣдь вы меня не узнали! Я — Григорій Григорьевичъ П... — Какъ?! — воскликнулъ я невольно: — вы Григорій Григорьевичъ! да не можетъ быть! — Отчего же? — отвѣтилъ онъ, немного смутившись: — что же тутъ удивительнаго? вѣдь взгляды съ лѣтами мѣняются. Когда мы съ вами встрѣчались у брата, я былъ молодъ, увлекался. — Но вамъ, кажется, было весьма за тридцать лѣтъ? — Ничего не отвѣчая на это замѣчаніе, онъ съ дѣланнымъ умиленіемъ сказалъ: а какое славное время было тогда, помните? Вы были такой юный, всѣмъ интересовались. Думалъ ли я, что встрѣчу васъ на такомъ важномъ посту? — Да и я не думалъ, что мы *такъ* встрѣтимся. Я вѣдь до сихъ поръ помню, какъ вы тогда разъ встали передъ нами, малыми юнцами, на столъ и декламировали: — «Я пашелъ, друзья, нашелъ — кто виновникъ безтолковый нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ и т. д.» — и потомъ учили насъ кровожадному четверостишію: «Себя, друзья, мы позабавимъ и т. д.» — Да, да, — сказалъ онъ, кисло улыбаясь, — молодость, молодость! — Ну, извините еще разъ, что я отнялъ васъ отъ вашихъ важныхъ занятій относительно тѣхъ подстрекателей юной молодежи, которыхъ вы съ такимъ презрѣніемъ называете негодями...

Мы встрѣтились затѣмъ чрезъ два мѣсяца въ гимнастическомъ павильонѣ, гдѣ господинъ П..., упершись въ бока, очень искусно присѣдалъ подъ команду учителя. Онъ сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ меня, и я не считалъ нужнымъ напоминать ему о себѣ: мнѣ вообще не нравились его гимнастическія упражненія.

Въ 1861 году я и четверо моихъ товарищей (Кобылкинъ, Лукинъ, Сигель и Штюрмеръ) рѣшились выйти изъ 6-го класса гимназіи прямо въ университетъ, который насъ давно манилъ своими лекціями, доступными тогда почти для всѣхъ. Уже со школьной скамьи мы ходили слушать блестящія чтенія Н. И. Костомарова и лучшими мечтами души жили въ университетскихъ стѣнахъ. Для того, однако, чтобы въ нихъ скорѣй попасть, нужно было оставить гимназію и держать экзаменъ, въ качествѣ лицъ, получившихъ домашнее воспитаніе, въ особой испытательной комиссіи при университетѣ. Она засѣдала съ 19-го по 26 мая, и въ теченіе этихъ семи дней нужно было выдержать экзамены по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, выбирая для этого любые дни и любые предметы. Экзаменъ производился учителями гимназіи подъ пресѣдательствомъ профессоровъ и былъ довольно строгъ.

Всѣхъ державшихъ было человѣкъ двѣсти, и каждый день съ девяти часовъ утра пестрая разношерстная толпа ихъ разсыпалась по аудиторіямъ, при чемъ имѣвшійся у каждаго экзаменный листокъ съ перечисленіемъ предметовъ, графою для отмѣтокъ и для подписей учителей постепенно заполнялся словами: «удовлетворительно», «неудовлетворительно» и «весьма удовлетворительно». Вторая гимназія, въ которой я учился, считалась по преимуществу математической, и эта ея слава въ значительной степени поддерживалась талантливыми преподавателями, среди которыхъ первое мѣсто занималъ по праву Егоръ Христіановичъ Рихтеръ, лишь недавно умершій. Я много занимался математикой и *увѣрилъ себя*, что люблю ее, смѣшивая трудолюбіе со способностью. Уже съ 6-го класса я началъ давать уроки алгебры и геометріи готовившимся поступать въ высшіе классы гимназій, такъ что пріобрѣлъ нѣкоторый педагогическій навыкъ.

Вступительные экзамены въ университетѣ шли у меня очень успѣшно, а мои отвѣты изъ тригонометріи доставили мнѣ даже маленькій тріумфъ нѣсколько комическаго характера. Я былъ очень моложавъ, имѣя на видъ не болѣе 14 лѣтъ, былъ сухощавъ и маленькаго роста, такъ что обращалъ на себя общее вниманіе собравшихся на экзаменъ своимъ почти дѣтскимъ видомъ. Знаменитый профессоръ и академикъ Сомовъ, вслушавшись въ мои отвѣты на экзаменѣ, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ внѣ программы, на которые мнѣ удалось отвѣтить довольно удовлетворительно. Сомовъ почему-то пришелъ въ великій восторгъ и, сказавъ мнѣ: «нѣтъ, васъ надо показать ректору», — подошелъ ко мнѣ сзади, крѣпко охватилъ меня руками за локти и, поднявъ на воздухъ, воскликнулъ: «я васъ снесу къ нему!» Это мнѣ — будущему студенту — показалось чрезвычайно неумѣстнымъ, и, увидѣвъ мое обиженное лицо, онъ оставилъ меня въ покоѣ. Съ этихъ поръ между экзаменующимися прошла обо мнѣ слава, какъ о человѣкѣ, который на математикѣ «собаку съѣлъ».

26-го мая мнѣ оставалось выдержать экзамены у нѣмца и француза. На нихъ я шелъ, въ виду домашняго воспитанія и трехлѣтняго пребыванія въ Annenschule, спокойно. Толпа экзаменующихся въ этотъ послѣдній день была особенно оживлена. Изъ нея вышелъ ко мнѣ навстрѣчу молодой стройный человѣкъ, высокаго роста, съ едва пробивавшейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвѣта и коротко остриженной головой. На немъ, по модѣ того времени, были широчайшія сѣрыя брюки, длинный бѣлый жилетъ и коричневый однобортный сюртукъ, а на шеѣ, тоже по модѣ того времени, былъ повязанъ узенькій черный галстукъ съ вышитыми на концахъ цвѣточками. Манеры его были изысканно вѣжливы и обличали хорошее воспитаніе, которое, впрочемъ, въ то время еще не было рѣдкостью. «Извините — сказалъ онъ мнѣ,—я знаю, что вы отличный знатокъ математики, а у меня — и онъ слегка покраснѣлъ—вотъ какая бѣда: я не приготовилъ двухъ послѣднихъ билетовъ изъ тригонометріи, да и вообще слабъ по этой части и самъ себѣ помочь не могу. Не можете ли вы мнѣ объяснить ихъ?» Я съ

удовольствіемъ согласился; мы сѣли въ сторонкѣ у края большого стола, и я «преподалъ» моему неожиданному ученику два тревожившіе его билета, повторилъ свое объясненіе и предложилъ ему попробовать мнѣ отвѣтить. Отвѣтъ обличилъ его чрезвычайную понятливость, и я сказалъ ему: теперь идите и берите тотчасъ же билетъ, на полчаса вы заряжены, а тамъ, пожалуй, позабудете. — Мы разстались, и я пошелъ къ своимъ иноземцамъ. Когда я вышелъ отъ послѣдняго изъ нихъ въ пріемную передъ аудиторіей, гдѣ происходилъ экзаменъ, изъ двери другой аудиторіи вышелъ мой незнакомецъ. Его красивое лицо было радостно взволновано. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, протягивая обѣ руки для крѣпкаго рукопожатія, воскликнулъ: «представьте! Послѣдній билетъ! Послѣдній!! И — весьма удовлетворительно! Какъ я вамъ благодаренъ! Мы, конечно, будемъ встрѣчаться. Вы вѣдь, безъ сомнѣнія, юристъ? — Нѣтъ, я иду на математическій факультетъ по чисто математическому разряду. —Но все-таки мы будемъ встрѣчаться. Не правда ли? — Конечно, — отвѣчалъ я. Но какая-то странная застѣнчивость помѣшала мнѣ спросить его фамилію. Встрѣчаться намъ, однако, въ университетскимъ коридорѣ не пришлось. Осенью университетъ былъ закрытъ на три года, и я, послѣ безплодныхъ занятій математикой на дому въ теченіе года, перешелъ на второй курсъ юридическаго факультета Московскаго университета.

Лѣтомъ 1881 года послѣ тяжелаго огорченія, пережитаго мною вслѣдствіе ужасной смерти моего стараго и испытаннаго друга доктора Левковича, утонувшаго, при самой трагической обстановкѣ, въ водопадѣ на Иматрѣ, я поѣхалъ за границу, чтобы хоть немного привести въ порядокъ свои нервы. Въ одномъ купе со мною сидѣла дама среднихъ лѣтъ, съ которой мы разговорились. Въ ея манерахъ, способѣ выражаться, достоинствѣ и изящной простотѣ, съ которыми она себя держала, чувствовалась ея принадлежность не только къ высшему обществу, но и къ кругу высокоразвитыхъ людей. Въ ея словахъ сквозили разностороннее образованіе и вдумчивость въ такіе вопросы, про которые нашъ народъ говоритъ съ презрительной ироніей, что «это не женскаго ума дѣло». Изъ мимолетныхъ ссылокъ ея

на свои житейскія встрѣчи явствовало, что она подолгу живетъ въ чужихъ краяхъ и при томъ не какъ простая туристка или любительница «заграницы», подобно многимъ изъ безпечальныхъ россіянъ, но играетъ тамъ въ политическихъ и литературныхъ кругахъ нѣкоторую роль, въ качествѣ защитницы достоинства и достоинствъ — иногда понимаемыхъ нѣсколько своеобразно — своей родины Россіи. Живя довольно долго въ Англіи, она изъ своего «далека» видѣла многое въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ и не обо всѣхъ выдающихся людяхъ и важныхъ обстоятельствахъ русской жизни высказывала вѣрные взгляды. Но искренность и горячность убѣжденій, сквозившія въ ея рѣчи, заставляли мириться съ этимъ стремленіемъ повѣрить въ «насъ возвышающій обманъ». Это была супруга одного изъ петербургскихъ сановниковъ, много писавшая о Россіи на англійскомъ языкѣ. Раздѣляя взгляды Каткова на наши внутреннія дѣла и его предвзятый взглядъ на людей, съ нимъ не единомышленныхъ, она была немало удивлена, узнавъ, что ея спутникъ, котораго она со словъ «Московскихъ Вѣдомостей» представляла себѣ «потрясателемъ основъ», при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ таковымъ не оказывался и былъ чуждъ всякой партійной окраски. Мы должны были разстаться въ Вержболовѣ, такъ какъ она упустила визировать свой паспортъ, что тогда требовалось со стороны Пруссіи въ видѣ нѣкоторой репрессаліи, — и должна была остаться на границѣ впередь до полученія вида изъ ближайшаго губернскаго города Ковно. Мы обмѣнялись письмами, а осенью, пріѣхавъ въ Петербургъ и остановившись въ Hôtel de France, она просила меня посѣтить ее. Придя на это приглашеніе, я засталъ ее въ оживленномъ разговорѣ съ молодымъ еще, красивымъ и стройнымъ генералъ-адъютантомъ съ Георгіемъ на шеѣ. Въ отвѣтъ на мой общій поклонъ, онъ протянулъ мнѣ руку, что, вѣроятно, дало хозяйкѣ поводъ думать, что мы знакомы, и она не назвала насъ одного другому.

Я вспоминаю по этому поводу, что въ Москвѣ временъ моей молодости, въ нѣкоторыхъ кругахъ существовалъ странный обычай не представлять другъ другу гостей, и это вызывало иногда недоразумѣнія, не лишенныя комизма. Такъ, я помню, что

за ужиномъ у извѣстнаго писателя Писемскаго, въ его пріемный вечеръ, одинъ изъ гостей сталъ весьма рѣшительно и ѣдко критиковать барельефы на памятникѣ Императора Николая работы Ромазонова, не зная, что противъ него сидитъ и съ болѣзненнымъ вниманіемъ его слушаетъ самъ Рамазоновъ. Я былъ свидѣтелемъ и другого случая, относящагося къ категоріи тѣхъ, въ которыхъ страшно жалѣешь, что не отсутствуешь, дабы не быть очевидцемъ неловкаго, чтобъ не сказать болѣе, положенія, въ которое иногда попадаютъ люди. Во времена моего студенчества въ Москвѣ жилъ довольно извѣстный романистъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, написавшій серію романовъ подъ названіемъ «Приключенія изъ моря житейскаго» и занимавшій должность директора Оружейной Палаты. Онъ приходился мнѣ двоюроднымъ дядей со стороны матери. Это былъ чрезвычайно интересный и разносторонній человѣкъ, который занимался, между прочимъ, санскритскимъ языкомъ и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, — переложилъ «Слово о полку Игоревѣ» и доказывалъ болѣе своеобразно, чѣмъ убѣдительно, что не только вся Германія — славянская земля, но что даже и Аттила былъ великій князь Кіевскій («Аттила и Русь V вѣка»). Въ его обширномъ кабинетѣ въ казенномъ домѣ, въ Левшинскомъ переулкѣ, собирались его старые боевые сослуживцы (онъ учился въ школѣ колонновожатыхъ, основанной Н. Н. Муравьевымъ), военные сенаторы — баронъ Ховенъ и Колюбакинъ и писатели. Изъ послѣднихъ чаще всего бывали Михаилъ Петровичъ Погодинъ, Чаевъ и Даль. Однажды зимой 1863 года жена дяди, Елена Ивановна Вельтманъ, урожденная Сабанѣева — очень умная и развитая женщина, авторъ двухъ историческихъ романовъ, — написала мнѣ, что вечеромъ у нихъ будетъ ея старый знакомый докторъ, пріѣхавшій изъ Сибири, гдѣ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, и разсказывающій очень интересныя вещи объ этомъ, тогда еще очень мало извѣстномъ, краѣ. Она звала меня послушать пріѣзжаго къ восьми часамъ вечера, но я, занятый даваніемъ уроковъ, опоздалъ и пришелъ въ то время, когда докторъ окончилъ свой разсказъ. Я засталъ тотъ психологическій моментъ, когда разсказчикъ, очу-

тившись впервые среди незнакомыхъ дотолѣ людей, чувствуетъ и сознаетъ, что заинтересовалъ всѣхъ и произвелъ извѣстное впечатлѣніе. Докторъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, въ непринужденной позѣ, съ оживленнымъ лицомъ и блестящими глазами. Противъ него, въ разстояніи аршина съ небольшимъ, сидѣлъ глубоко ушедшій въ кресло, съ костылемъ въ рукахъ, московскій старожилъ, извѣстный русскій историкъ и публицистъ М. П. Погодинъ, съ клинообразной, безпорядочной бородой на умномъ лицѣ съ крупными чертами. Это было въ томъ году, въ которомъ съ 1-го января «Московскія Вѣдомости» начали издаваться подъ редакціей Каткова и пріобрѣли необыкновенное вліяніе въ обществѣ, національное сознаніе котораго было приподнято и встревожено яркими и сильными статьями новаго редактора по поводу польскаго возстанія. Въ этихъ же «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Погодинъ сталъ помѣщать своеобразные фельетоны, подписывая ихъ «русской». Въ нихъ, отрывистымъ и quasi-народнымъ языкомъ, онъ высказывался по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ общественное мнѣніе, съ паѳосомъ болтливаго прямодушія. Помнится, — хотя и не дословно, — что, напримѣръ, одинъ изъ такихъ фельетоновъ онъ оканчивалъ обращенной къ Монарху просьбой бросить гнилое болото Петербурга и переселиться въ Москву, восклицая отъ лица москвичей: «Ужъ какъ бы мы Тебя, батюшка-Царь, встрѣтили! поднесли бы хлѣбъ-соль и кашу-матъ нашу! Э! да что тутъ много толковать: мы Твои, а Ты нашъ! Ура!..» — то Очень интересно все, что вы намъ разсказали, — прервалъ молчаніе Погодинъ, обращаясь къ доктору: — весьма интересно, — я очень благодаренъ Еленѣ Ивановнѣ, что она меня пригласила». — Онъ помолчалъ. — «А скажите, какъ у васъ тамъ, въ Сибири, приняты «Московскія Вѣдомости» подъ редакціей Каткова? нравятся?» — «Да! конечно, — отвѣчалъ сибирскій гость, — ихъ читаютъ съ большимъ сочувствіемъ, и имъ можно предсказать прочный успѣхъ, если только Катковъ поведетъ дѣло разумно и не будетъ, напримѣръ, помѣщать у себя шутовскихъ фельетоновъ этого стараго безумца Погодина (онъ выразился еще сильнѣе)!» — Хозяйка поблѣднѣла, какъ полотно, наступила мер-

твая тишина, такая тишина, при которой, какъ говорятъ нѣмцы, «man hört wie die Wolken ziehen». Погодинъ уставился глазами на доктора, потомъ мотнулъ головой, машинально скомкалъ рукою бороду и опустилъ голову на свой костыль. Среди внезапно наступившаго зловѣщаго молчанія почувствовалось, что многіе изъ присутствующихъ предпочли бы лучше на нѣсколько минутъ провалиться сквозь землю, чѣмъ созерцать создавшееся положеніе, особенно тяжкое для пріѣзжаго доктора, позабывшаго, въ увлеченіи успѣха, что «блаженъ, кто словомъ твердо правитъ»... Взглянувъ въ лицо хозяйки, онъ понялъ, что сказалъ что-то совершенно недопустимое, и, конечно, догадался, въ чемъ дѣло. Растерянно посмотрѣвъ кругомъ, онъ пробормоталъ что-то невнятное, поднялся, взялъ свою фуражку съ сосѣдняго стола, поспѣшно вышелъ изъ комнаты и совсѣмъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. «Пойдемте, господа, пить чай!» сказала хозяйка дрожащимъ и упавшимъ голосомъ, и всѣ поднялись...

Возвращаюсь, однако, къ незнакомому мнѣ генералу, встрѣченному мною въ Hôtel de France.

«Вотъ — сказала хозяйка генералу, очевидно, продолжая начатый разговоръ — однако, какія вещи пишетъ въ Англіи лэди (она назвала фамилію, которую я въ точности не могу припомнить) о генералѣ Гурко. Очень непріятно, если это хоть отчасти правда. Она пишетъ, будто Гурко, занявъ Адріанополь въ прошлую войну, велѣлъ очистить бывшій въ ея завѣдываніи англо-турецкій госпиталь, а ей, когда она пришла объясняться, плюнулъ ей въ лицо. Неужели это правда? Англичане, къ сожалѣнію, этому вѣрятъ! — О, нѣтъ, — сказалъ холоднымъ тономъ генералъ-адъютантъ:—почтенная лэди—и онъ пріостановился—вошла въ противорѣчіе съ истиной. Дѣло было такъ: войдя въ Андріанополь и имѣя массу раненыхъ людей, Гурко просилъ очистить для нихъ часть госпиталя, постѣснивъ нѣсколько другихъ больныхъ, но Lady... явилась къ нему, наговорила ему массу дерзостей и потребовала конвоя до румынскихъ аванпостовъ, бросивъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ больныхъ на произволъ судьбы. Гурко былъ съ нею отмѣнно вѣжливъ и долготерпѣливъ и въ лицо ей плевать и не думалъ. Я, конечно, его въ

этой исторіи не одобряю. — Какъ! — воскликнулъ я невольно, — не одобряете? Но что же онъ дурного сдѣлалъ? Его, кажется, ни въ чемъ упрекнуть нельзя, судя по вашему разсказу. — Генералъ повернулъ ко мнѣ свое красивое, выхоленное лицо и сказалъ съ утонченною мягкостью и любезностью: — вы меня не совсѣмъ поняли: я не одобряю потому, что самъ поступилъ бы совершенно иначе — и глаза его блеснули недобрымъ свѣтомъ, а длинные, красивые пальцы судорожно сжались. — Я выбросилъ бы всѣхъ турокъ изъ лазарета и взялъ бы его подъ своихъ людей, а эту лэди за всѣ ея недопустимыя и дерзкія выходки приказалъ бы арестовать и возилъ бы въ своемъ арріергардѣ до конца войны»... Послѣднія слова были сказаны такимъ тономъ, что мнѣ показалось, что красивый генералъ внезапно выпустилъ когти, какъ проснувшійся левъ — и снова ихъ спряталъ... Затѣмъ онъ всталъ и собрался уходить. «А вы давно знакомы съ Михаиломъ Дмитріевичемъ?» — спросила меня хозяйка. Тутъ только, услышавъ это имя и отчество, я понялъ, что вижу предъ собою Скобелева, котораго, судя по весьма популярнымъ карточкамъ и портретамъ, я рисовалъ себѣ плечистымъ, полнымъ и меньшаго роста. «Я въ первый разъ имѣю честь встрѣчаться съ Михаиломъ Дмитріевичемъ. — Будто въ первый? — сказалъ Скобелевъ, улыбнувшись и — на мой недоумѣвающій взглядъ — прибавилъ: — а помните экзаменъ изъ тригонометріи въ университетѣ?.. вѣдь это былъ я!..»

IV.

Домочадцы.

Дерзновенно слѣдуя примѣру И. А. Гончарова, рѣшаюсь припомнить о встрѣченныхъ мною на жизненномъ пути ближайшихъ спутникахъ и свидѣтеляхъ нашей домашней и частной жизни, между которыми такъ часто встрѣчаются интересныя личности, заслуживающія серьезнаго вниманія и даже изученія. Ихъ міросозерцаніе, взгляды на общественныя отношенія, оцѣнка ими людей и событій и, наконецъ, языкъ — нерѣдко отличаются своеобразіемъ, гораздо рѣже встрѣчаемымъ въ безцвѣтныхъ представителяхъ такъ называемаго «общества», которые кажутся оклеенными своего рода бандеролью «особо установленнаго образца», до того ихъ душевный складъ и внѣшній видъ однообразны и чужды всякой оригинальности.

Несмотря на то, что у насъ отношенія къ прислугѣ вообще не могутъ быть признаны правильными и представляютъ нерѣдко темные пережитки крѣпостного права, связанные весьма часто съ отсутствіемъ заботливости о сколько-нибудь порядочномъ устройствѣ быта служащихъ, мнѣ думается, что наши отношенія im Grossen und Ganzen теплѣе и сердечнѣе заграничныхъ. Тамъ господствуетъ холодная вѣжливость съ одной стороны и холодное, полное отчужденности, исполненіе принятаго обязательства — съ другой, и эта холодность и отчужденность вѣчно чувствуются въ способахъ и предѣлахъ осуществленія обоюдныхъ обязательствъ. Допускаемая тамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ фамильярность со стороны прислуги не имѣетъ ничего общаго съ той сердечностью

отношеній, которую мнѣ не разъ приходилось подмѣчать въ прислугѣ у насъ. Конечно, за границей, быть-можетъ, больше можно быть увѣреннымъ въ элементарной честности нанятаго слуги и въ томъ, что то, что съ нимъ договорено, будетъ исполнено въ точности, тогда какъ у насъ нужно всегда быть готовымъ къ внезапнымъ проявленіямъ нетрезвости, грубости, лжи, а подчасъ и хищенія, особливо со стороны испорченныхъ «балуй-городами» людей. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что за границей почти невозможны такіе типы, какъ вымирающій нынѣ у насъ типъ старой няни, органически сливавшейся съ семьею, гдѣ были ея питомцы, и переживавшей съ ними, ворча и сострадая, нѣсколько поколѣній. Кто не помнитъ Пушкинской Арины Родіоновны, о которой поэтъ говорилъ:

«*Подруга* дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя...»

Но и помимо этого трогательнаго типа до сихъ поръ приходится встрѣчать тутъ и тамъ удивительно преданныхъ и вѣрныхъ слугъ, безсознательно ставящихъ на первый планъ не матеріальные, а нравственные интересы своего consortium съ «господами».

Моя первая няня была донская казачка Василиса или Васса — высокая и статная красавица, постояно дѣлавшаяся предметомъ покушеній на ухаживанія. Особенно сильно, со всѣмъ пыломъ восточной натуры, въ нее влюбился офицеръ конвоя, лезгинъ Гассанъ, приковывавшій къ себѣ мое дѣтское вниманіе эффектнымъ лицомъ съ горбатымъ носомъ, большими черными, какъ смоль, усами и глазами величиною и цвѣтомъ съ добрый черносливъ. Онъ повадился ходить къ намъ и, исчерпавъ репертуаръ своихъ разсказовъ о Кавказѣ, обыкновенно съ молчаливымъ восторгомъ слѣдилъ глазами за Василисой, величаво и гордо двигавшейся по комнатамъ плывущею походкой. Однажды, когда она, за отлучкой куда-то лакея, вышла отворить дверь передней уходящимъ гостямъ, и одинъ изъ нихъ, старый литераторъ тридцатыхъ годовъ, бывшій высокаго мнѣнія о своей неотразимости, вздумалъ фамильярно взять ее за подбородокъ и обнять, другой — Гассанъ — съ рычаньемъ бросился на него и

чуть не зарѣзалъ его громаднымъ кинжаломъ. У меня остались въ памяти ея сказки и страшные разсказы объ оборотняхъ, въ существованіе которыхъ она искренно вѣрила. Она уходила «со двора» къ землякамъ, и тамъ ее встрѣтилъ лейбъ-казакъ императрицы Александры Ѳеодоровны (супруги Николая I) Ногайцевъ и плѣнился ею. Ногайцевъ имѣлъ хорошее состояніе — результатъ частыхъ поѣздокъ съ императрицей по Россіи и въ Италію — и по смерти оставилъ женѣ богатый хуторъ въ Черниговской губерніи, Мглинскаго уѣзда, и много дорогихъ художественныхъ вещей, пріобрѣтенныхъ преимущественно во время пребыванія покойной императрицы въ Палермо. Съ семилѣтняго возраста я не имѣлъ о ней никакихъ извѣстій, но въ 1878 году, — когда мнѣ было уже 34 года, и я занималъ мѣсто предсѣдателя Окружного Суда въ Петербургѣ, — однажды, выйдя въ пріемную къ просителямъ, я обратился съ вопросомъ къ богато одѣтой дамѣ, обрамленное сѣдыми волосами лицо которой хранило слѣды замѣчательной красоты. Не отвѣчая на мой вопросъ, дама пристально на меня посмотрѣла и затѣмъ, всплеснувъ руками, воскликнула: «Батюшка, да какъ ты выросъ и постарѣлъ!» и въ слезахъ бросилась мнѣ на шею. Оказалось, что это была Васса Ивановна Ногайцева, пользовавшаяся у себя въ Мглинѣ большимъ уваженіемъ за свою благотворительность и постоянное воспитаніе какихъ-нибудь бездомныхъ сиротъ. Умная и добрая старуха разумно устроила свою жизнь и дѣлала добро, гдѣ и какъ могла. Почти каждый годъ пріѣзжала она въ Петербургъ хлопотать о комъ-либо изъ своихъ питомцевъ и всегда посѣщала меня, очень интересовалась моей дѣятельностью, была въ восторгѣ отъ подаренныхъ ей «Судебныхъ рѣчей» и каждый разъ привозила мнѣ «гостинецъ» въ видѣ куска мозаики или мозаичной табакерки или чего-нибудь въ этомъ родѣ изъ богатаго запаса, оставленнаго ей мужемъ. Однажды она даже привезла мнѣ два великолѣпныхъ мраморныхъ подоконника, съ которыми я рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Но когда я пробовалъ ее отдаривать, то она обижалась и говорила мнѣ: «Я вѣдь была твоей, ваше превосходительство, няней! Кому же мнѣ и подарить? Я и хуторъ свой оставлю тебѣ». Мнѣ сто-

ило большого труда ее отговорить отъ этого, убѣдивъ завѣщать хуторъ въ пользу какого-нибудь благотворительнаго учрежденія, что она, кажется, и сдѣлала. Каждый годъ она звала меня къ себѣ погостить, обѣщаясь устроить мнѣ жизнь, «какъ въ царствіи небесномъ», пока, не дождавшись, весною 1903 года не ушла сама въ подлинное и заслуженное ею царствіе небесное...

Одновременно съ нею жилъ у насъ лакей Фока, оригинальную наружность котораго изобразилъ знаменитый каррикатуристъ Степановъ. Фока былъ человѣкъ огромнаго роста — косая сажень въ плечахъ, но говорилъ очень тонкимъ и какимъ-то птичьимъ голосомъ. Онъ обладалъ, повидимому, изумительнымъ здоровьемъ, такъ какъ въ 1848 году, заболѣвъ во время эпидеміи ночью холерой, пошелъ въ гостиную, гдѣ подъ бюстомъ молящагося ангела, въ черномъ шкапчикѣ, моя мать хранила на всякій случай недоконченныя наружныя и внутреннія лѣкарства: мази, примочки и т. п., и все содержимое шкапчика влилъ и положилъ въ большой жестяной ковшъ, размѣшалъ, съѣлъ — что было, по его словамъ, «трудновато» — и выздоровѣлъ. Однажды за обѣдомъ, въ его отсутствіе, мать сказала отцу, что Фока хвастаетъ въ дѣвичьей своимъ разговоромъ съ императоромъ Александромъ I. «Правда ли, — спросилъ отецъ вошедшаго Фоку, — что у тебя былъ разговоръ съ покойнымъ государемъ?» — «Какъ же-съ: имѣлъ счастье разговаривать съ покойнымъ блаженныя памяти государемъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ», — радостно сказалъ тотъ. «Какъ же это было?» — «А вотъ-съ какъ-съ: это иду я разъ по набережной и остановился посмотрѣть, какъ ледъ колютъ, а они въ это время сзади меня и проходятъ. Я-то этого не замѣтилъ, да круто повернись и толкни ихъ, а государь императоръ обернулись ко мнѣ да и говорятъ: «Посторонись, дуракъ». — «Ну, а затѣмъ?» — «Все-съ!» — такъ же радостно прощебеталъ Фока. Онъ меня любилъ чрезвычайно и въ свободныя минуты объяснялъ мнѣ по-своему законы физики и механики, стараясь подтвердить свои слова опытами, всегда, впрочемъ, неудачными. Не могу припомнить, по какому случаю мнѣ показалось, что онъ меня обидѣлъ, и я, въ

пылу гнѣва, назвалъ его дуракомъ. Это услышалъ отецъ изъ своего кабинета и, выйдя, больно наказалъ меня и, позвавъ затѣмъ Фоку, приказалъ мнѣ стать передъ нимъ на колѣни и просить прощенія. Когда я это исполнилъ, Фока не выдержалъ, тоже упалъ передо мною на колѣни; мы обнялись и оба зарыдали на весь домъ... Замѣчательно, что Фока терпѣть не могъ няню Василису и, когда та прерывала нашу случайную бесѣду съ нимъ и молча, взявъ меня за руку, уводила переодѣваться или умываться, Фока презрительно кривилъ ротъ и говорилъ съ дрожью въ голосѣ: «Ишь вѣдь фордыбачитъ! Ишь ты фордыбачитъ! Вѣдь какъ фордыбачитъ!?»

Изъ людей, служившихъ уже лично у меня, я вспоминаю прежде всего моего харьковскаго слугу Герасима Свѣчкаря, высокаго отставного солдата, разъ въ мѣсяцъ напивавшагося до безчувствія и очень грубаго. Онъ мнѣ говорилъ «ты» и поступалъ со мною деспотически. Я былъ очень слабъ въ это время (1868—69 годы) здоровьемъ и страдалъ горловыми кровотеченіями. Однажды Герасимъ мнѣ сказалъ: «Что твои дохтуры понимаютъ! Душегубы они! Я тебя буду лѣчить. Есть трава «деревѣй». Надо купить шведской водки и ее настоять и пить два раза въ день по рюмкѣ». Сказано — сдѣлано. И черезъ нѣсколько дней утромъ, придя меня будить, Герасимъ принесъ большую бутыль, одна треть которой была наполнена какой-то травой, и, наливая рюмку, сказалъ мнѣ: «Пей съ Богомъ! Это пользительно». Въ рюмкѣ была невообразимая на вкусъ гадость, такъ что я отъ предобѣденнаго пріема уклонился. Но на другой день утромъ Герасимъ неотступно и съ угрозами не принести мнѣ умываться потребовалъ новаго пріема своего «деревѣя». Однако, на третій день я категорически заявилъ ему, что больше не желаю у него лѣчиться и что свое снадобье онъ можетъ пить самъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ презрительнымъ сожалѣніемъ и унесъ бутыль къ себѣ, а затѣмъ самъ сталъ лѣчиться столь усердно, что черезъ нѣсколько дней, вернувшись изъ Суда домой, я нашелъ его совершенно пьянымъ, при чемъ на мое укоризненное замѣчаніе онъ мнѣ вразумительно отвѣтилъ: «не на твои деньги пилъ!» — и тотчасъ же пошелъ въ свою комнату, гдѣ и улегся. Я отправился

обѣдать въ клубъ, заперевъ за собою наружную дверь, но, когда я черезъ два часа вернулся, то оказалось, что, повидимому, мой слуга безъ меня снова лѣчился «деревѣемъ», такъ какъ отвѣчалъ мнѣ однимъ мычаніемъ и даже не открывалъ глазъ. Мнѣ не хотѣлось оставаться на ночь въ маленькой квартирѣ съ мертвецки-пьянымъ человѣкомъ, и я пошелъ ночевать къ моему покойному сослуживцу Е. Е. Ковалевскому, гдѣ и остался до полудня слѣдующаго дня. Герасимъ, проспавшись и увидѣвъ, что меня нѣтъ дома, побѣжалъ къ моему другу Морошкину, заявляя со слезами что я, уйдя наканунѣ утромъ въ Судъ, не возвращался (остального онъ не помнилъ), и что, вѣроятно, со мною произошло что-нибудь неладное. Такъ какъ въ это время я дѣятельно велъ знаменитое дѣло серій, по которому въ обществѣ распространялось подозрѣніе объ устраненіи «опасныхъ» для обвиняемыхъ свидѣтелей и судебныхъ дѣятелей, то Морошкинъ очень встревожился, и лишь случайная встрѣча моя съ нимъ на улицѣ удержала его отъ поѣздки къ губернатору, послѣ чего «пошла бы писать губернія». Этотъ Герасимъ ставилъ меня вообще не разъ въ неловкое положеніе. Такъ, напримѣръ, онъ былъ виновникомъ того, что я взялъ взятку и при томъ даже не деньгами, а подражая Ляпкину-Тяпкину. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько молодыхъ крестьянъ Бѣлгородскаго уѣзда Курской губерніи взялись доставить въ Харьковъ, по порученію мѣстнаго коммерсанта Р., нѣсколько возовъ сахарнаго песку, но случившійся разливъ рѣкъ подмочилъ одинъ возъ, и они, боясь такой же участи для остальныхъ, продали кому-то подвернувшемуся сахарный песокъ по чрезвычайно низкой цѣнѣ и вырученныя деньги привезли Р., но послѣдній не принялъ денегъ и возбудилъ противъ извозчиковъ обвиненіе въ растратѣ. Дѣло было назначено къ слушанію, и мнѣ предстояло поддерживать обвиненіе. Наканунѣ засѣданія ко мнѣ пришло человѣкъ пять стариковъ-крестьянъ изъ Бѣлгорода, какъ оказалось, отцовъ молодыхъ извозчиковъ. Они разсказали мнѣ, что, явившись въ Харьковъ «вызволять» своихъ сыновъ, попавшихъ подъ судъ, они обратились къ частному ходатаю В., весьма небрезгливому въ выборѣ дѣлъ и средствъ для ихъ выигрыша, который, вынувъ

какую-то книжку, прочелъ имъ законъ, въ силу коего дѣти ихъ будутъ сосланы въ Сибирь, и за избавленіе отъ Сибири потребовалъ за каждаго изъ обвиняемыхъ по триста рублей. Крестьянамъ это показалось дорого, и они пошли въ судъ посовѣтоваться со сторожемъ Ковзаномъ. Тотъ ихъ послалъ ко мнѣ, говоря, что я могу имъ объяснить, такъ ли это. Я тоже прочиталъ имъ «по книжкѣ» (т.-е. по Уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями) о наказаніи за растрату по легкомыслію и объяснилъ, что въ худшемъ случаѣ каждому изъ «сыновъ» придется отсидѣть не болѣе мѣсяца. «Да вѣрно ли ты говоришь?»— спросили они меня. — «Вѣрно. Я ихъ буду обвинять и большаго наказанія не потребую». — «Ахъ, ты, родимый! — сказали мнѣ, радостно вздохнувъ, мужички: — да если они и больше отсидятъ не бѣда! Мы ихъ еще и въ волости посѣчемъ». На другой день они всѣ присутствовали на судѣ, который оказался еще милостивѣе меня и присудилъ каждаго изъ парней на три недѣли. Вернувшись домой въ мой флигелекъ, помѣщавшійся внутри двора въ Инструментальномъ переулкѣ, я нашелъ у дверей моихъ стариковъ, которые вслѣдъ за мной, предводимые Герасимомъ, вторглись и въ квартиру. «Что вамъ, братцы, надо?» Они стали кланяться и благодарить за «сыновъ», а затѣмъ, переминаясь и переглядываясь другъ съ другомъ, стали слегка выпихивать изъ своей среды одного изъ нихъ, изъ-за оттопырившагося на груди тулупа котораго выглядывала голова живого откормленнаго гуся. «Батюшка! не побрезгуй! прими гуся: оченно мы тобою благодарны». Теперь я бы добродушно на это разсмѣялся, но тогда, 22 лѣтъ отроду, являясь представителемъ новаго суда на смѣну стараго и продажнаго, я совершенно искренно разсердился и, сказавъ просителямъ краткую, но энергическую рѣчь о новыхъ судебныхъ порядкахъ — едва ли ими понятую,— велѣлъ имъ немедленно уходить, приказавъ Герасиму ихъ выпроводить. «Идите, идите! — сталъ онъ имъ говорить, размахивая руками: — гдѣ это видано! Что еще выдумали! Пошли, пошли! Только барина на сердце наводите!» Мужики удалились, и я видѣлъ изъ своихъ оконъ, какъ они медлительно потянулись черезъ дворъ къ калиткѣ въ воротахъ (по-харьковски «форткѣ»). Сзади

шелъ, жестикулируя, Герасимъ. Вотъ въ открывшейся калиткѣ одинъ за другимъ мелькнули мои посѣтители, замыкаемые тѣмъ, который несъ гуся, тревожно смотрѣвшаго по сторонамъ. Герасимъ остановился на порогѣ калитки, что-то говоря вслѣдъ уходящимъ, затѣмъ перешагнулъ черезъ порогъ, заперъ калитку за собою и, къ моему удивленію, исчезъ. Онъ вернулся лишь поздно вечеромъ, сильно выпившій. «Куда ты ходилъ?» — «Ходилъ съ хорошими людьми». — «И пилъ съ ними?» — «Ну, что жъ, что выпилъ? Не на твои деньги пилъ!» — повторилъ онъ свой обычный дерзкій отвѣтъ. Вдругъ ужасная мысль озарила меня. «Послушай! ты пьянствовалъ съ этими мужиками?» — «Отчего же съ ними не выпить, когда ты ихъ такъ обидѣлъ?» — «Ты взялъ у нихъ гуся?» — прикрикнулъ я на него. «Взялъ, — совершенно спокойно отвѣтилъ онъ и, вдругъ оживившись, прибавилъ: — я имъ говорю: вы народъ сѣрый, дурачье! такъ прямо съ гусемъ и лѣзете! Развѣ такъ возможно?» — «Гдѣ же гусь?» — спросилъ я, холодѣя отъ сознанія, что онъ взялъ взятку моимъ именемъ. «Что жъ его назадъ нести, когда ты его не взялъ... Я его имъ обратно продалъ». — «А деньги?» — спросилъ я упавшимъ голосомъ. Но онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ, а, посмотрѣвъ на меня угрюмымъ и вмѣстѣ пьянымъ взоромъ, подошелъ къ самовару и сталъ его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разводить.

Теплыя воспоминанія оставилъ во мнѣ мой первый слуга по переѣздѣ моемъ въ 1871 году въ Петербургъ. Это былъ отставной матросъ 8-го флотскаго экипажа, обрусѣвшій полякъ Варѳоломей Тадеушевъ Гелгутъ, человѣкъ богатырской силы, со строгимъ лицомъ, но ласковой улыбкой подъ густыми усами. Онъ былъ — сама преданность и деликатность, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ въ полномъ смыслѣ безпробуднаго пьянства. Эти несчастные случаи налетали на него раза два въ годъ, но тогда онъ становился страшенъ и имѣлъ неодолимую привычку ложиться, какъ былъ — одѣтый и въ сапогахъ — на чистую постель своихъ хозяевъ и со скрежетомъ зубовъ грозить всякому, кто пытался бы потревожить его на этомъ ложѣ. Обыкновенно его покорной и молчаливой жертвой въ этомъ отношеніи былъ мой товарищъ

Шульцъ, съ которымъ я долго жилъ вмѣстѣ. Но затѣмъ и мнѣ не удалось избѣжать той же участи, какъ будетъ разсказано дальше. Варѳоломей принималъ очень близко къ сердцу мои матеріальные интересы: торговался при покупкахъ, какъ цыганъ, и мнѣ не разъ приходилось выпутывать его изъ исторій, которыя онъ заводилъ, находя, что какой-нибудь заказъ исполненъ плохо или дорого. Но не одна матеріальная сторона моей жизни заботила его. Онъ чутко и ревниво относился ко всему, что̀ могло нарушить мое душевное спокойствіе. Поэтому и отношеніе его къ моимъ знакомымъ было весьма разнообразно. Тѣ, кто, по его мнѣнію, меня любили, пользовались его особымъ расположеніемъ. Таковъ былъ въ особенности мой товарищъ по петербургскому университету Евгеній Исаковичъ Утинъ, къ которому онъ чувствовалъ глубокую и совершенно безкорыстную симпатію. Но на тѣхъ, послѣ разговора съ которыми я бывалъ встревоженъ или утомленъ, онъ смотрѣлъ волкомъ. Онъ велъ записную книгу, куда вписывалъ разные адреса и свѣдѣнія. Однажды въ его отсутствіе мнѣ крайне и неотложно понадобился чей-то адресъ. Я попробовалъ его искать въ этой записной книгѣ и невольно напалъ на одно изъ замѣчаній, которыя онъ вписывалъ на ряду съ адресами. Оно гласило: «сегодня *Конекъ* мой что-то грустенъ». Въ 1872 году послѣ оправдательнаго приговора по дѣлу Мясниковыхъ, по которому я выступалъ обвинителемъ, на меня, на Судъ и на защитниковъ посыпались, подъ вліяніемъ и руководствомъ обманувшихся въ своихъ расчетахъ гражданскихъ истцовъ, разныя злостныя инсинуаціи въ печати и только-что введенныя у насъ открытыя письма съ ругательствами. Я былъ молодъ, еще не обстрѣлянъ, душевно одинокъ, и на меня это дѣйствовало самымъ тяжелымъ образомъ. Я, конечно, боролся съ собою, но совершенно скрыть своего состоянія отъ домашнихъ не могъ. Вдругъ полученіе ругательныхъ открытыхъ писемъ прекратилось, а затѣмъ время, молодость и живая дѣятельность взяли свое, и когда однажды, черезъ годъ, отъ меня ушло нѣсколько пріятелей, съ которыми я весело шутилъ и смѣялся, — Варѳоломей съ радостнымъ и вмѣстѣ сконфуженнымъ видомъ подалъ мнѣ перевязанную ленточкой пачку открытыхъ ругательныхъ писемъ,

полученныхъ давно, и которыя онъ хранилъ у себя, не подавая мнѣ и оберегая мое душевное спокойствіе.

Единственными моими соперниками въ сердцѣ Варѳоломея являлись, какъ я уже говорилъ, Утинъ, затѣмъ кухарка Александра Матвѣевна и мой пудель «Мирза». Къ Утину онъ питалъ родъ обожанія и, когда тотъ сидѣлъ въ крѣпости послѣ своей дуэли, то каждое воскресенье Варѳоломей, даже не спрашивая моего разрѣшенія, утромъ категорически объявлялъ мнѣ, что идетъ на свиданіе «съ Евгеніемъ Исаичемъ». Эти свиданія состояли въ томъ, что онъ, обмѣнявшись съ Утинымъ привѣтствіями, останавливался у двери и, поглядѣвъ на него молча минутъ десять, часто при этомъ вздыхая, говорилъ: «счастливо оставаться!» и уходилъ. «Да ты ему даешь что-нибудь?» — спросилъ я разъ у Утина. — «Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — разъ хотѣлъ ему дать три рубля, но онъ покраснѣлъ и молча отодвинулъ мою руку». Иногда, желая немножко подразнить Варѳоломея, утромъ, когда онъ, по настойчиво соблюдаемому имъ обычаю, подавалъ мнѣ умываться, я спрашивалъ его: «а сколько дней еще осталось сидѣть Евгенію Исаковичу (Утинъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость на четыре мѣсяца)?» Лицо Варѳоломея озарялось блаженной улыбкой, и онъ съ точностью опредѣлялъ число оставшихся дней заточенія. «Какъ мало!» — говаривалъ я. — «Отчего же мало?» каждый разъ съ горестнымъ удивленіемъ спрашивалъ Варѳоломей. — «Да вѣдь онъ человѣка убилъ! Его бы надо лѣтъ на пять посадить». Варѳоломей мрачно наклонялъ голову, начиналъ пыхтѣть и умышленно лить мнѣ воду на руки такъ, чтобы замочить рукава рубашки.

Александра Матвѣевна была полногрудая, круглолицая женщина лѣтъ тридцати пяти, подававшая намъ съ Шульцемъ аптекарскіе счета за самые скромные обѣды. Варѳоломей относился къ ней съ явнымъ восхищеніемъ и не иначе говорилъ о ней, какъ въ третьемъ лицѣ множественнаго числа. Наконецъ, ея счета дошли до невозможныхъ предѣловъ, и обѣдъ, состоявшій изъ бульона съ гренками, битковъ съ картофелемъ и клюквеннаго киселя, оказывался стоящимъ пять рублей, и это при цѣнахъ, существовавшихъ сорокъ лѣтъ назадъ. Пришлось раз-

статься, при чемъ Александра Матвѣевна приняла наше рѣшеніе совершенно спокойно, сказавъ: «Я и сама вижу, что я для васъ дорога, потому какъ я кухарка за повара». Очевидно, что, по ея мнѣнію, это почетное званіе должно было отражаться не на свойствахъ и качествахъ ея стряпни, а, главнымъ образомъ, на взимаемой за эту стряпню платѣ. «Вы — господа добрые и хорошіе. Я вамъ рекомендую мою сестру Елизавету Матвѣевну. Мы съ ней близнецы, совсѣмъ похожи другъ на друга, у меня только родимое пятно на рукѣ, котораго у нея нѣтъ. Она кухарка хорошая, но обнакновенная и будетъ вамъ готовить дешево». Мы съ радостью ухватились за это предложеніе, отчасти, конечно, имѣя въ виду смягчить наносимую Варѳоломею сердечную рану. Сестра ушедшей оказалась дѣйствительно, какъ двѣ капли воды похожею на нее, даже голосомъ и манерой говорить нараспѣвъ. Но расчеты наши на сердце Варѳоломея оказались обманчивыми. Черезъ недѣлю новая кухарка пришла ко мнѣ и попросила расчетъ. «Почему? Развѣ вы нами недовольны?» — «Помилуйте! очень даже довольна. Но только мнѣ жить у васъ невозможно изъ-за злодѣя-поляка». — «Какъ изъ-за него?» — «Да помилуйте! стóитъ мнѣ лечь спать въ моей комнатѣ, какъ онъ приходитъ къ дверямъ и такія мнѣ угрозы дѣлаетъ и ненавистныя слова шипитъ, что у меня отъ этого всю ночь волосы дыбомъ стоятъ, и я спать не могу. Того и жди, что онъ меня жизни рѣшитъ». Я уговорилъ ее остаться и позвалъ Варѳоломея. «Что ты (обращеніе на *вы* онъ считалъ для себя обиднымъ — «точно я чужой», — говорилъ онъ) такое говоришь Елизаветѣ и зачѣмъ ее пугаешь?» — «Вольно жъ ей пугаться! А я ей словъ никакихъ не говорю: только мнѣніе свое выражаю». — «Да какое жъ у тебя можетъ быть дурное о ней мнѣніе? Она женщина смирная, и при томъ ее и отличить-то трудно отъ твоей возлюбленной Александры Матвѣевны». — «Ее-то? — съ изумленіемъ воскликнулъ Варѳоломей: — помилуйте! какъ же это можно!.. Александра Матвѣевна была...— и онъ вдругъ густо покраснѣлъ и замолчалъ. — А эта, — прибавилъ онъ потомъ, презрительно скосивъ въ сторону и прищуривъ глаза, — самый нестоющій человѣкъ. Даже «линьковъ» она не стóитъ, а Александра Матвѣевна...» — и онъ отвернулся, чтобы

скрыть набѣжавшія слезы. Такъ для насъ и осталось загадкой, почему именно онъ оказался «злодѣемъ» для Елизаветы Матвѣевны. Вскорѣ она все-таки отъ насъ ушла, проявивъ, въ свою очередь, ненависть къ Варѳоломею. На него нашелъ роковой стихъ пьянства. Однажды, поздно вечеромъ, она, отворяя мнѣ дверь, на мой вопросъ: гдѣ Варѳоломей? съ радостной дрожью въ голосѣ сказала мнѣ: «не знаю-съ!» и тотчасъ же ушла къ себѣ. Пройдя въ свой кабинетъ, отдѣленный отъ спальни драпировкой, я съ удивленіемъ увидѣлъ за нею свѣтъ... На моей кровати, на чистыхъ подушкахъ и одѣялѣ, лежалъ разстегнутый и въ грязныхъ сапогахъ Варѳоломей и, тяжело дыша, похрапывалъ. На столикѣ пылала догоравшая свѣчка,—на полу, въ лужѣ воды, валялся разбитый графинъ. Я попробовалъ его разбудить, но онъ сжималъ кулаки, махалъ руками, брыкалъ ногами во всѣ стороны, скрежеталъ зубами и, не открывая глазъ, говорилъ какія-то польскія ругательства. Въ первую минуту гнѣва, желая отучить его отъ такой скверной привычки, я позвалъ Елизавету и поручилъ ей сказать дворнику, чтобы онъ сходилъ въ участокъ и попросилъ взять Варѳоломея для вытрезвленія. Лицо ея просіяло неподдѣльнымъ восторгомъ. Чуть не захлебываясь отъ радости, сказавъ: «слушаюсь! сею минутою!» она бросилась за дворникомъ. Между тѣмъ гнѣвъ мой остылъ. Я вспомнилъ всѣ добрыя и даже нѣжныя душевныя свойства Варѳоломея, представилъ себѣ его — самолюбиваго и по-своему развитого — проснувшимся утромъ въ грязной комнатѣ для вытрезвленія, среди другихъ пьяницъ — и устыдился своей вспышки. «Дворникъ сказалъ, что сейчасъ пойдетъ», — доложила мнѣ моя посланница. — «Скажите, что не надо!» — «То-есть какъ не надо?» — изумленно спросила она. — «Да такъ, не надо. Оставьте его спать на моей постели, а мнѣ постелите въ гостиной на диванѣ». — «Слушаю-съ», — сказала она явно насмѣшливымъ тономъ. На другой день утромъ, открывъ глаза, я увидѣлъ Варѳоломея уже трезвымъ и съ остервенѣніемъ чистившимъ, по корабельному обычаю, мѣдные замки и ручки дверей. Онъ со слезами просилъ прощенія, а когда я ему сказалъ о вчерашнемъ моемъ предположеніи, онъ поблѣднѣлъ и мрачно проговорилъ: «Я бы умеръ со стыда. А вы лучше въ дру-

гой разъ просто меня прибейте. Отъ васъ я это приму съ благодарностью». — «Этого я дѣлать не умѣю, — сказалъ я, — но если ты еще разъ такую штуку выкинешь, то уходи совсѣмъ безъ всякаго разговора. А теперь прекрати свою чистку: ты и такъ перепортилъ мнѣ всѣ бронзовыя вещи. Вѣдь мы не на кораблѣ». — «Да, — отвѣтилъ онъ со вздохомъ, — не на кораблѣ. Тамъ бы мнѣ за это отъ линьковъ такъ «напрѣло», что я бы навсегда и пить закаялся». Передъ обѣдомъ въ тотъ же день кухарка пришла ко мнѣ и со строгимъ лицомъ сказала: «Пожалуйте мнѣ расчетъ: я не могу у васъ оставаться. Помилуйте, какой же вы господинъ, когда хаму позволяете на своей постели ночевать. Я отъ стыда сгорѣла вчера, когда дворника пришлось останавливать, чтобы не шелъ въ участокъ. Нѣтъ, ужъ я вамъ не слуга!» И она ушла.

Пудель «Мирза», подаренный мнѣ братомъ, служившимъ въ провинціи, былъ ученый, умѣлъ прыгать черезъ палку и по слову «умри» притворяться мертвымъ. Если при этомъ приговаривали: «бѣдный, бѣдный Мирза!» то онъ вздыхалъ, лежа неподвижно и вытянувъ лапы. Но стоило вскрикнуть: «живъ!» какъ онъ мгновенно вскакивалъ и въ бѣшеномъ восторгѣ начиналъ прыгать. Этого пуделя Варѳоломей любилъ самымъ горячимъ образомъ, водилъ его мыть въ баню, расчесывалъ, ревниво заботился о его питаніи и лѣченіи и снимался съ нимъ на фотографическихъ карточкахъ, передѣлавъ его изъ «Мирзы» въ «Мирона» или, какъ онъ произносилъ, «Мырона». Въ разсказахъ о достоинствахъ и похожденіяхъ «Мырона» онъ доходилъ до паѳоса и съ заботливой настойчивостью ходилъ къ разнымъ своимъ знакомымъ выбирать для своего любимца супругу. Въ августѣ 1873 года я уѣзжалъ за границу. За нѣсколько дней до отъѣзда «Мыронъ» заскучалъ, пересталъ ѣсть, началъ съ отвращеніемъ отворачиваться отъ воды и, опустивъ хвостъ, съ мутнымъ взглядомъ, забираться подъ мебель и бросаться на меня и на Варѳоломея, злобно щелкая зубами. Обычное лѣкарство — сѣра — не помогало, и я имѣлъ основаніе бояться, что въ мое отсутствіе онъ можетъ окончательно взбѣситься и искусать не только Варѳоломея, но и разныхъ дѣтей, бѣгавшихъ на дворѣ. Поэтому, уѣзжая, я

приказалъ Варѳоломею отвести собаку въ Коломенскую часть, гдѣ былъ полицейскій ветеринарный пунктъ, для осмотра и лѣченія, давъ ему записку къ управляющему пунктомъ съ выраженіемъ моихъ опасеній. Недѣли черезъ двѣ въ Остенде я получилъ отъ Варѳоломея слѣдующее письмо: «Милостивому Государю и Господину Моему отъ покорнѣйшаго вашего Слуги Варѳоломея для вашего спокойнаго продолженія проводить свободныя минуты при точномъ спокойствіи увѣдомляю васъ втомъ, что до высыланіе Сего письма вквартире всіо совершенно благополучно и надо сказать слава Богу. А впредъ уповаю на Бога и надѣюсь заслужить и доказать На дѣле ту достойность котору вы могли понять во мне и моей чисто Сердечной услуги вамъ. И еще увѣдомляю васъ Втомъ, что ваша Собака А мой Канпаньонъ и другъ приказалъ долго жить тотъ самый день, какъ вы имѣли Сщастіе выѣхать изъ Квартиры вашей въ заграницу. А проводя васъ пошолъ туда думаючи привести домой прихожу туда Где оставилъ и вижу подходитъ ко мне Солдатъ называетъ мене Госпадиномъ и говоритъ ваша Собака въ сарайчикѣ. Я подошелъ къ сарайчику Смотрю нашъ Мырошка Лежитъ польномъ Спокойствіи такъ какъ вы всегда ему приказывали умереть. Я раза два позвалъ Мирошка, Мирошка и потомъ скричалъ живъ, живъ. А Мирошка уже Лежитъ бездушнымъ. — Я долго не могъ отойти отъ сарайчика. Прихожу домой одинъ нѣтъ моего Госпадина нѣту и моего канпаніона»...

Вспоминается мнѣ еще одинъ характерный случай. Въ Петербургъ пріѣхала моя старая харьковская пріятельница А. Г. Х—на и одновременно съ нею харьковскій уѣздный предводитель, отставной флота лейтенантъ Николай Евграфовичъ Ковалевскій. Я пригласилъ ихъ вечеромъ къ себѣ, созвалъ общихъ знакомыхъ и приготовилъ для нихъ ужинъ, нарочито объяснивъ Варѳоломею, что чай, фрукты и блюда за ужиномъ надо подавать сперва и раньше всѣхъ пожилой дамѣ. «Помилуйте, — отвѣчалъ Варѳоломей: — да развѣ я не знаю», и дѣйствительно въ точности выполнялъ этотъ порядокъ. Но вотъ передъ ужиномъ въ передней раздался звонокъ. Однако оттуда никто долго не появлялся, а только слышались какіе-то отрывистые звуки. Встревоженный,

вышелъ я въ переднюю и засталъ Варѳоломея, стоящимъ на колѣняхъ и осыпающимъ поцѣлуями руки милаго добряка Ковалевскаго, который, въ свою очередь, обнималъ его, и оба плакали. Оказалось, что Варѳоломей былъ боцманомъ на фрегатѣ «Діана», задержанномъ японцами въ русско-англійскую войну 1854 года. На этомъ же кораблѣ былъ лейтенантомъ и Ковалевскій и вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ провелъ семь мѣсяцевъ плѣна. Теперь товарищи по несчастью встрѣтились въ первый разъ и радостно узнали другъ друга. За ужиномъ Варѳоломей, несмотря на мои знаки, всѣ кушанья начиналъ съ Ковалевскаго, и когда, выйдя за нимъ въ другую комнату, я повторилъ ему свое приказаніе, онъ взглянулъ на меня восторженными глазами и тономъ, не допускающимъ возраженій, сказалъ мнѣ: «Ну, ужъ этому не бывать! Какъ вамъ будетъ угодно, а чтобъ я моему лейтенанту да не подалъ перваго куска — этому никогда не бывать!..»

Мы разстались съ нимъ въ 1876 году, когда онъ поступилъ къ Шульцу, уѣзжавшему служить въ Варшаву членомъ Судебной Палаты. Но на родинѣ ему очень не понравилось, и онъ черезъ годъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что ему жить въ Варшавѣ тяжело, и что среди «этихъ фанатизированныхъ народовъ» онъ проводитъ свои дни въ одиночествѣ «субитой душой и сугрюмымъ сердцемъ, какъ *мызантропъ* или *торговецъ яблоками*» (sic!). «Я его выписалъ въ Петербургъ и нашелъ ему мѣсто у бывшаго моего сослуживца, назначеннаго сенаторомъ, но и здѣсь ему не понравилось. «Я уже слишкомъ старъ, въ семейство не гожусь, — писалъ онъ мнѣ, — что уже видно изъ всѣхъ мелкихъ интимныхъ домашнихъ эпизодовъ». Тогда я взялъ его снова къ себѣ, но онъ прожилъ у меня недолго. У него сдѣлался ракъ желудка, и его пришлось помѣстить въ больницу, откуда мнѣ прислали послѣ его кончины, вслѣдствіе его настойчивой предсмертной просьбы, выданный мною ему за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ аттестатъ, въ которомъ онъ дрожащей рукой подчеркнулъ слова: «всегда отличался глубокой честностью и преданностью». Мой бѣдный, старый и вѣрный другъ! Съ какимъ правомъ могу я тебя назвать этимъ хорошимъ именемъ, столько разъ извѣдавъ въ жизни цѣну дружбы тѣхъ, кто

съ высоты своего развитія и общественнаго положенія посмотрѣлъ бы на тебя со снисходительнымъ пренебреженіемъ, не имѣя и десятой доли твоего безкорыстнаго золотого сердца...

Преемникомъ Варѳоломея былъ человѣкъ совсѣмъ другого рода, гораздо болѣе мелкій, нецѣльный и уже подвергшійся дурному вліянію городской жизни. Павелъ Панкратьевъ — съ начесаннымъ на лбу кокомъ, выхоленными усами и не только опрятнымъ, но и хорошо сшитымъ костюмомъ — поступилъ ко мнѣ отъ правителя канцеляріи Министерства Юстиціи барона Корфа, а до того служилъ въ составѣ прислуги одного изъ второстепенныхъ дворовъ. Вѣроятно, поэтому его маленькіе глазки глядѣли съ выраженіемъ крайняго самодовольства, а странная изысканность его манеръ и языка иногда невольно заставляла улыбнуться. Онъ считалъ себя знатокомъ свѣтскихъ приличій и хорошаго тона, и зорко слѣдилъ за модой. Однажды, собравшись внезапно, вслѣдствіе нездоровья моей матери, ѣхать въ Москву, я приказалъ ему уложить къ вечеру въ чемоданъ необходимыя вещи. «Галстуки изволите взять? — спросилъ онъ меня, входя въ кабинетъ съ озабоченнымъ видомъ: — а какіе? — Да какіе есть». — «Да у васъ никакихъ нѣтъ». — «Какъ нѣтъ? Да вѣдь есть, кажется, цѣлая коробка съ галстуками». — «Помилуй, да развѣ это галстуки? Кто же нынче такіе носитъ?» — «А какіе же носятъ?» — «Вотъ!» — сказалъ онъ горделивымъ видомъ, показывая на свой галстукъ самоновѣйшаго фасона. По утрамъ, принося мнѣ одѣваться, онъ любилъ передавать мнѣ свои политическія и общественныя соображенія, въ которыхъ недовольство великими міра сего смѣшивалось съ ярой ненавистью къ «евангелисткамъ» (такъ онъ называлъ нигилистокъ). Когда я былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента Судебной Палаты и сталъ получать жалованья на пятьсотъ рублей больше, избавившись вмѣстѣ съ тѣмъ отъ начальствованія, прямого и косвеннаго, надъ двумястами подчиненныхъ и сослуживцевъ, получивъ взамѣнъ этого секретаря, двухъ его помощниковъ и половину судебнаго пристава, такъ какъ таковой былъ одинъ на два департамента, то Павелъ сказалъ мнѣ какъ-то совершенно неожиданно: «Жалованья намъ больше, а чести гораздо меньше». — «Почему же это?» — «Да какъ

же? Сколько у васъ въ Окружномъ Судѣ было подчиненныхъ! Скольких вы могли несчастными сдѣлать!» Онъ былъ горделиваго мнѣнія о своихъ знаніяхъ, называлъ барометръ Реомюромъ и однажды, спросивъ меня, спокойно ли я провелъ ночь, на мой утвердительный отвѣтъ сказалъ: «А мы такъ всю ночь глазъ не смыкали: такая буря была и громъ. Жена и дочь всю ночь, головы уткнувъ въ подушки, пролежали со страху. А я имъ и говорю: «чего вы, дуры, боитесь? Это вѣдь *электричество*! Чего же бояться?» Его отношеніе ко мнѣ было въ общемъ довольно покровительственное. Лѣтомъ 1882 года я жилъ на дачѣ въ Петергофѣ. Потрясающія событія предшествовавшаго года среди разныхъ своихъ послѣдствій имѣли и то, что въ паркѣ и городѣ было много агентовъ тайной полиціи, которые всѣ имѣли одинаковые пальто, котелки, дождевые зонтики и резиновыя галоши, неснимаемыя даже въ знойные, сухіе дни. Бывая довольно часто на музыкѣ въ Монплезирѣ, я приглядѣлся къ ихъ лицамъ. Однажды, отправляясь въ городъ и имѣя много дѣловыхъ бумагъ, я взялъ одинъ портфель, а Павлу поручилъ нести другой. По дорогѣ намъ встрѣтился одинъ изъ обладателей неснимаемыхъ резиновыхъ галошъ и дружелюбно отвѣтилъ на почтительный поклонъ Павла. «Вы знаете этого человѣка?»—«Какъ же-съ, — отвѣчалъ Павелъ: — знаю: это *нашъ наблюдатель*».— «Какой наблюдатель? Почему нашъ?»—«Да какъ же! Вѣдь Петергофъ раздѣленъ на участки, и мы въ его участкѣ подъ наблюденіемъ». — «Да почему же вы это знаете?» — «Помилуйте! Какъ не знать! Онъ самъ это не разъ сказывалъ, приходя къ намъ во дворъ. Онъ прежде служилъ въ конвоѣ, а теперь вотъ въ наблюдателяхъ. Семьдесятъ пять рублей жалованья въ мѣсяцъ и на всемъ готовомъ... Вотъ ужъ точно, кому Богъ счастье пошлетъ!»—прибавилъ онъ съ завистью и съ видимымъ уваженіемъ къ наивному представителю негласнаго надзора. — «Что же, онъ вообще разсказывалъ что-нибудь? — спросилъ я затѣмъ Павла».—«Да такъ, пустое!»—«Разспрашиваетъ о живущихъ?»—«Да, какъ-же-съ!»— «Что же, обо мнѣ разспрашивалъ?» Павелъ взглянулъ на меня строго и затѣмъ сказалъ, многозначительно сдвинувъ брови: — «Было!» — Но затѣмъ лицо его приняло выраженіе, дававшее мнѣ

понять, что онъ своему собесѣднику ничего гибельнаго для меня не сообщилъ.

Въ этомъ человѣкѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ людяхъ, страннымъ образомъ соединялась нѣкоторая жестокость съ душевной теплотой. Несчастный баронъ Корфъ ослѣпъ и однажды пріѣхалъ ко мнѣ съ какой-то просьбой въ сопровожденіи слуги, который водилъ его подъ руку. Когда онъ уходилъ, Павелъ съ напускною почтительностью попросилъ у него «поцѣловать ручку». — «Вамъ жаль бѣднаго барона?» — спросилъ я его, когда за слѣпцомъ закрылась дверь. — «Мнѣ-то-съ! — воскликнулъ Павелъ: — да ни капельки! Такъ ему и надо!» — и онъ злобно сжалъ губы. — «Какъ вамъ не стыдно, Павелъ! Онъ такъ несчастенъ!» — «Ничего не стыдно-съ! А зачѣмъ онъ меня разсчиталъ! И мѣста у себя лишилъ! Я тогда-съ пошелъ въ Казанскій соборъ и свѣчку за него поставилъ кверхъ ногами, чтобы ему всякое недоброе было! Это, можетъ, она и подѣйствовала. Такъ ему и надо!» — Почти въ то же время въ Судѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ слушалось дѣло француженки Маргариты Жюжанъ по обвиненію ея въ отравленіи пятнадцатилѣтняго мальчика Познанскаго, съ которымъ она, будучи его гувернанткой, вступила въ любовную связь, его предварительно развративъ. «Скоро изволите слушать дѣло француzины?» — спросилъ меня утромъ Павелъ, подавая одѣваться. — «Черезъ четыре дня». — «Бѣдная, горемычная! Помилуйте! На чужой сторонѣ! Служащій человѣкъ! Какъ легко оклеветать. Она, конечно, не виновата!..» На слѣдующій день повторилось то же самое, на третій — опять. Разговоръ начиналъ принимать характеръ попытки повліять на мое отношеніе къ дѣлу. «Довольно! — сказалъ я Павлу: — будетъ объ этомъ говорить! И почему вы утверждаете, что Жюжанъ не виновата? Я вотъ изучилъ ея дѣло и думаю совсѣмъ наоборотъ». — «Помилуйте! Какъ можно! Да мнѣ знающіе люди говорили, что она не виновата». — «Кто же это такое могъ вамъ говорить? — Извѣстно кто: вашъ курьеръ Прокофьевъ». — Такимъ образомъ въ его глазахъ мнѣніе курьера предсѣдателя Окружного Суда было гораздо авторитетнѣе, чѣмъ мнѣніе самого предсѣдателя... Судебныя засѣданія по этому дѣлу длились три дня и въ пер-

вые два дня кончались очень поздно. Я приходилъ домой совершенно измученный и немедленно ложился спать. Павелъ приходилъ за одеждой и обувью и тушилъ огонь. Въ это время меня уже одолѣвалъ сонъ, но во снѣ я безсознательно чувствовалъ, какъ что-то непріятно рѣжетъ мои сомкнутыя вѣжды. На третій день, въ 8 часовъ вечера, Жюжанъ оправдали, несмотря на усилія обвинителя. Несчастная приписывала свое оправданіе безпристрастію моего руководящаго напутствія. Съ нею сдѣлался отъ радости истерическій припадокъ, и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ на Новый годъ и на Пасху она мнѣ присылала поздравительныя письма, подписываясь: «toujours reconnaissante Marguerite Jugean». Когда я вернулся домой и снимавшему съ меня пальто Павлу поручилъ не будить меня завтра утромъ, а дать мнѣ выспаться, и на его робкій вопросъ: «кончено ли дѣло и чѣмъ?» — отвѣтилъ: — «оправдали», онъ, бросивъ снимать пальто и всплескивая радостно руками, закричалъ своей женѣ: «Мавруша! Оправдали! Оправдали» — «Чему вы такъ радуетесь, Павелъ?» — спросилъ я его, зная, что онъ всегда неодобрительно относился къ оправдательнымъ приговорамъ присяжныхъ. — «Да какъ же? Помилуйте! — воскликнулъ онъ: — служащій человѣкъ, на чужой сторонѣ! Какъ такого легко оклеветать! Ужъ мы за нее всѣ эти дни лампадку у васъ въ спальнѣ предъ образами теплили»... Тогда я понялъ, что смущало мой сонъ: это былъ необычный свѣтъ отъ лампадки, котораго я не замѣчалъ, пока въ спальню за одеждой и обувью не приходилъ Павелъ и, найдя меня уже спящимъ, не тушилъ свѣчу. А черезъ мѣсяцъ въ счетѣ расходовъ, подаваемомъ мнѣ Павломъ, рядомъ съ отмѣткой: *вамъ дано!* (такъ опредѣлялась имъ сумма мелкихъ денегъ, которыя я бралъ у него въ теченіе мѣсяца для высылки извозчику и т. п.) стояло: масла деревяннаго для лампадки 40 коп.

Хотя отношеніе его ко мнѣ не имѣло ничего похожаго на сердечность Варѳоломея, но я не могу не отмѣтить, что, когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ у меня было много неожиданныхъ расходовъ вслѣдствіе различныхъ семейныхъ потерь и осложненій, Павелъ, однажды войдя ко мнѣ, сказалъ: — «Я вижу, что

у васъ очень большіе расходы и что вамъ тяжеловато, такъ у насъ съ Маврушей есть три билета внутренняго займа, возьмите ихъ. Когда вамъ будетъ полегче — отдадите». И здѣсь, хотя и по пустому случаю, сказалась отмѣченная мною выше двойственность въ чувствахъ и дѣйствіяхъ моего Павла Панкратьева. Вскорѣ послѣ его предложенія мнѣ выигрышныхъ билетовъ друзья мои, жившіе въ своемъ имѣніи, прислали мнѣ къ Рождеству двухъ индѣекъ. Я распорядился отнести ихъ на ледникъ и, конечно, совершенно забылъ о нихъ. Но затѣмъ кто-то обѣщалъ притти ко мнѣ обѣдать, и я, озабочиваясь трапезой, вспомнилъ объ индѣйкахъ и поручилъ женѣ Павла изготовить одну изъ нихъ. Она взглянула на меня растерянным взоромъ и сказала, что индѣйку надо купить. «А тѣ, что мнѣ прислали? — Да мы думали, что онѣ могутъ испортиться, и, извините, съѣли ихъ съ гостями (у нихъ постоянно бывали гости). — Что бы вамъ и мнѣ дать кусочекъ?..» Черезъ десять минутъ вошелъ Павелъ и, вытирая пыль съ книгъ, сказалъ мнѣ наставительно: «Насчетъ птицъ — не стоитъ вашего вниманія, потому что вѣдь это *индѣйки*, — вотъ другое дѣло, если бы это былъ *индѣй*, — тогда конечно»...

Съ нѣкоторыми словами онъ связывалъ своеобразныя представленія. Однажды, разсказывая мнѣ о своей родственницѣ, имѣвшей сварливый характеръ, онъ замѣтилъ: «все-то она норовитъ что-нибудь непріятное сдѣлать или сказать, — сущая *спиноза*». Попутно не могу не вспомнить, во-первыхъ кормилицу однихъ моихъ знакомыхъ, привезшую изъ своей далекой деревни убѣжденіе, что люди раздѣляются въ смыслѣ ума и поведенія на *простыхъ*, *мозгоголовыхъ* и *химическихъ*, т.-е. хитрыхъ; и, во-вторыхъ, жившую у меня одно время бойкую и смышленную горничную Иришу. Хотя ей было двадцать съ небольшимъ лѣтъ, но жизнь ея успѣла сложиться пестро и оригинально. Оставшись круглой сиротой, она сбирала подаяніе и питалась «Христовымъ именемъ»,—потомъ, подросши, жила въ «няняхъ», затѣмъ пѣла на клиросѣ, работала въ бѣлошвейномъ магазинѣ въ столицѣ и, наконецъ, пошла въ прислуги. Все это, вмѣстѣ съ жаднымъ чтеніемъ безъ разбору, положило на нее особый отпечатокъ, въ которомъ

соединялись въ ней непосредственность и своеобразіе деревни съ городскою франтоватостью, сумбуромъ понятій и заученными словечками изъ разговоровъ съ «сознательными» собесѣдниками. Такъ однажды на мою просьбу исполнить безотлагательно порученіе она мнѣ отвѣтила: сейчасъ пойду, не извольте безпокоиться: я вѣдь обуви» не жалѣю, потому что очень *дерзка на ногу;* въ другой разъ, заведя издалека и довольно туманно рѣчь, сводившуюся къ какой-то просьбѣ, она на мое предложеніе говоритъ коротко, что ей нужно, сказала: «а я думала, что такъ лучше, не прямо, а *зигзагомъ*». Разсказывая о своихъ сомнѣніяхъ въ существованіи Бога, вызванныхъ неприглядными примѣрами, подмѣченными ею во время нахожденія ея въ церковномъ хорѣ, она заявляла, что, въ концѣ-концовъ, все-таки вѣритъ, объяснивъ, что такой поворотъ ея взглядовъ произошелъ послѣ того, какъ она увидѣла одного изъ почтенныхъ и старыхъ «господъ», въ семьѣ котораго она прежде служила, стоящимъ утромъ и вечеромъ на молитвѣ. «Ужъ если такой *интеллигентный типъ*», убѣжденно прибавляла она, «да молится Богу, значитъ Богъ есть». Заболѣвъ апендицитомъ и лежа въ больницѣ, на вопросъ пришедшихъ ее навѣстить о томъ, чѣмъ она страдаетъ, она увѣренно отвѣтила: *гермафродитомъ*. Деревня, въ концѣ-концовъ, имѣла рѣшительное вліяніе на ея судьбу и послѣ долгаго колебанія:—выходить ли замужъ за мало извѣстнаго ей человѣка, за котораго ее сватаютъ, она, побывавъ въ отпуску въ родномъ селѣ, рѣшила этотъ вопросъ безповоротно потому, что «въ деревнѣ всѣ дѣвушки мои ровесницы повыходили замужъ; этакъ, если я упущу случай, пожалуй, придется остаться въ старыхъ дѣвкахъ, а вѣдь это срамъ». И она, плача и волнуясь за свою будущую домашнюю обстановку, вышла замужъ, написавъ мнѣ на Волгу письмо, въ которомъ говорилось: «подъ вѣнцомъ въ бѣломъ платьѣ я была *прелестна*». Повидимому, бѣлое подвѣнечное платье и возможность хоть разъ въ жизни сосредоточить на себѣ общее вниманіе присутствующихъ въ качествѣ «виновницы торжества», были главнымъ стимуломъ къ выходу замужъ бѣдной Иришп, не желавшей жить

съ какимъ-нибудь обольстительнымъ *воздахтеромъ* не «въ законѣ».

Изъ женской прислуги мнѣ вспоминается также моя домоправительвица, Надежда Кузьминична Бѣлоусова, старая дѣвица лѣтъ пятидесяти, съ маленькими слезящимися глазками и грушевиднымъ краснымъ носомъ. Ея чрезвычайная набожность и пуританская строгость нравовъ проявлялась иногда очень оригинально. Занимаемая ею комнатка сообщалась двумя дверями съ коридоромъ и моей спальней. Разъ какъ-то пріѣхалъ въ субботу изъ французскаго театра и, легши спать, я увидѣлъ, что моя Надежда какъ будто нечаянно позабыла плотно затворить дверь въ свою комнату, озаренную свѣтомъ нѣсколькихъ лампадокъ. Я не успѣлъ еще заснуть, какъ услышалъ ея громкіе вздохи и молитвенные везгласы: «Господи прости, Господи помилуй, Господи отпусти!» Думая, что съ нею произошла какая-нибудь бѣда, я встревожился и спросилъ ее: «Что съ вами, Надежда Кузьминична? Что случилось? О комъ вы такъ усердно молитесь?» Дверь раскрылась шире, и въ ней показалась Надежда Кузьминишна, стыдливо прикрывавшая свои плечи платкомъ. — «О комъ молюсь? Да о васъ батюшка, о васъ и молюсь! Вѣдь этакій грѣхъ: завтра праздникъ, а вы по театрамъ ходите. Не могли въ другой день пойти скомороховъ смотрѣть! У меня за васъ вся душа выболѣла сегодня. Ужъ вы меня извините, а я въ дѣлѣ кобель и въ правдѣ кобель!» — и она энергически захлопнула за собою дверь. По добротѣ своей она иногда обращалась ко мнѣ съ разными неудобоисполнимыми и внушенными ей со стороны просьбами о различныхъ привлеченныхъ къ слѣдствію, такъ что я долженъ былъ ей это запретить. «Понимаю, батюшка, — сказала она, — понимаю: это значитъ, чтобъ никакого *эхо* не было».

Два раза въ жизни она была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ комическихъ эпизодовъ, изъ которыхъ второй могъ окончиться и трагически. Въ 1872 году я былъ приглашенъ читать лекціи правовѣдѣнія къ одному изъ молодыхъ великихъ князей — и продолжалъ это до конца 1874 года. Спустя нѣсколько дней по окончаніи нашихъ занятій, вернувшись домой, въ мою маленькую квартиру, гдѣ оставалась Надежда Кузьминична, я нашелъ послѣд-

нюю въ состояніи крайне радостнаго и вмѣстѣ тревожнаго возбужденія. «Батюшка, батюшка! — заторопилась она, открывъ мнѣ двери: — что у насъ произошло! Я до сихъ поръ опомниться не могу! Только-что вы ушли въ Судъ (я былъ прокуроромъ Окружного Суда, и подъ моимъ надзоромъ въ это время производилось громкое дѣло по обвиненію купца Овсянникова въ поджогѣ паровой мельницы, при чемъ часть письменныхъ вещественныхъ доказательствъ, подлежащихъ разбору, находилась у меня на дому), какъ звонятъ два офицера, одинъ постарше, а другой совсѣмъ молоденькій, да такіе оба статные, и спрашиваютъ васъ. Я говорю: — ушли. — Такъ позвольте, говорятъ, записку написать. Думаю — люди незнакомые — и говорю: «Вотъ принесу бумажку, тутъ на лѣстницѣ, на подоконникѣ, и напишите, что̀ вамъ отъ нихъ требуется». А они, мой батюшка, говорятъ: «Да тутъ неудобно: ужъ пустите въ квартиру». Думаю — люди, кажись, хорошіе, опять же офицеры, — пустила ихъ да и говорю: «Вотъ тутъ на столѣ и бумага и все, извольте писать, только дѣловъ на столѣ не трогайте: не приказано, да и не нашего они ума». Улыбнулись, и который помоложе — сѣли писать, а другой картинки на стѣнѣ разсматриваетъ. А я у дверей кабинета стала, да за ними и присматриваю. Только остановился старшенькой предъ той картинкой, на которой этотъ слѣпой старикъ злодѣйствуетъ (картина Каульбаха: «Петръ Арбуесъ, отправляющій еретиковъ на костеръ»), да и говоритъ тому, что помоложе: «Вотъ, Ваше Высочество, интересное изображеніе». Тутъ меня въ голову какъ ударитъ, какъ всколыхнетъ всю, я и поняла, кто это пріѣхалъ. Сама не знаю, что и дѣлать, даже ноги такъ и дрожатъ, такъ и подкашиваются. Пошла къ письменному столу и говорю: «Батюшка, пресвѣтлое Ваше Высочество, простите меня, старую дуру, мнѣ вѣдь и невдомекъ, какая вы особа; ужъ не взыщите съ меня, съ окаянной... Да не прикажете ли чего — чайку или, можетъ, яичекъ всмятку, у насъ свѣжія, охтенка три раза въ недѣлю носитъ и честная-пречестная, всегда самыя свѣжія... Но они не изволили пожелать и много смѣялись и меня обласкали»... Второй эпизодъ состоялъ въ слѣдующемъ. Я былъ вице-директоромъ департамента Министерства Юстиціи и занималъ

довольно большую казенную квартиру, полагавшуюся по этой должности, въ самомъ зданіи Министерства. Въ Петербургъ пріѣхалъ мой товарищъ по университету, присяжный повѣренный Б., съ молодой, изящной женой, съ которой при размѣнѣ визитовъ меня и познакомилъ. Затѣмъ они оба посѣтили меня, и мы условились поѣхать вмѣстѣ въ Михайловскій театръ въ кресла, при чемъ я пригласилъ супруговъ Б. къ себѣ пить чай послѣ театра. Когда спектакль подходилъ къ концу, Б. заявилъ мнѣ, что просилъ меня отвезти жену къ себѣ, онъ же пріѣдетъ нѣсколько позже, такъ какъ у него дѣловая консультація въ десять часовъ вечера. На этомъ мы разстались, и я привезъ къ себѣ милую и нарядную г-жу Б., купивъ дорогою фруктовъ и конфетъ и приказавъ Надеждѣ Кузьминичнѣ накрыть столъ и приготовить чай. Мы бесѣдовали въ кабинетѣ, ожидая Б. съ минуты на минуту, но онъ не являлся. Тогда я предложилъ пить чай безъ него, въ надеждѣ на его скорое появленіе. Но появленія этого не послѣдовало. Былъ уже часъ ночи, супруга Б. начинала безпокоиться, да и мнѣ было непріятно, что Б. пріѣдетъ такъ поздно въ то время, какъ мнѣ нужно было еще подготовиться къ девятичасовому утреннему докладу у министра графа Палена. Пробило половину второго. Госпожа Б. стала высказывать опасеніе, что съ мужемъ что-нибудь случилось. Я ее сталъ успокаивать, но сомнѣніе начинало закрадываться и въ мою душу. Когда пробило два часа, я, считая совершенно неудобнымъ, чтобы швейцаръ на общей служебной лѣстницѣ зданія Министерства Юстиціи ждалъ до поздней ночи ухода отъ меня красивой молодой дамы, съ которой я откуда-то пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ вечера, — самъ предложилъ моей гостьѣ проводить ее до дому. Въ слезахъ и тревогѣ она немедленно согласилась и стала надѣвать передъ зеркаломъ въ гостиной шляпу. Въ это время я замѣтилъ, что Надежда Кузьминична, выглядывая по временамъ изъ дверей столовой, ведшихъ въ гостиную, дѣлаетъ мнѣ таинственные знаки. «Что такое? — спросилъ я, выйдя къ ней: — что вамъ нужно?» — «Батюшка, — сказала она мнѣ торопливымъ и таинственнымъ полушопотомъ, придавъ своему лицу хитрое и многозначительное выраженіе: — батюшка, *мужъ* былъ, да я

ему сказала, что васъ нѣтъ и не бывали. Онъ потоптался на мѣстѣ, да и ушелъ. Ужъ вы будьте спокойны»... Хорошо, что Б. зналъ меня и, довѣряя мнѣ, раздѣлилъ мой взглядъ на неумѣстную находчивость Надежды Кузьминичны, которая, очевидно, имѣла l'esprit mal tourné.

Хочется мнѣ, кстати, припомнить еще трехъ лицъ, прикосновенныхъ ко мнѣ личною службою. Это — мой письмоводитель Василій Лукьяновичъ Т—ко и мои курьеры Прокофьевъ и Г—ль.

Первый поступилъ ко мнѣ въ 1870 году для переписки обвинительныхъ актовъ и заключеній, составляемыхъ мною по должности товарища прокурора петербургскаго Окружного Суда. Я взялъ его съ собою потомъ въ Казань, гдѣ онъ служилъ въ канцеляріи прокурора Окружного Суда, но проживалъ у меня. Это былъ человѣкъ уже весьма немолодой, съ строгимъ и когда-то красивымъ лицомъ, спокойными и истовыми манерами. Вся его повадка носила на себѣ отпечатокъ привычки къ власти и былого довольства. Онъ былъ женатъ на хорошенькой женщинѣ, большой франтихѣ, но она не жила съ нимъ и онъ избѣгалъ говорить о ней, — а когда ей хотѣлось получить какое-либо свѣдѣніе о немъ, она писала дипломатически-обдуманныя письма мнѣ, а не ему. Когда-то онъ служилъ, по его словамъ, помощникомъ окружного начальника надъ государственнымъ крестьянами въ Симбирской или Самарской губерніи и, повидимому, подобно Чичикову, «пострадалъ за правду». Такъ, по крайней мѣрѣ, явствовало изъ нѣкоторыхъ его намековъ на удобства прежняго «житья-бытья». Человѣкъ молчаливый и удивительно лишенный всякаго содержанія, онъ усердно, крупнымъ и красивымъ почеркомъ переписывалъ бумаги, но былъ неспособенъ ни на какую бесѣду. По вечерамъ онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, переписывая взятую на домъ работу, тщательно и долго чистилъ свое платье, въ особенности тяжелую шубу съ огромнымъ воротникомъ изъ барашковаго мѣха, вьющагося длинными прядями, и рано ложился спать. Эта шуба составляла предметъ его гордости. Однажды, когда лунной морозной ночью мы возвращались съ нимъ изъ Суда по пустынной площади передъ театромъ (на мѣстѣ которой теперь разведенъ садъ), и предъ нами по яркому снѣгу плыла огромная тѣнь Т—ко,

облаченнаго въ чудовищную шубу, я сказалъ ему шутя: «Василій Лукьяновичъ, а вѣдь я васъ боюсь! — Хе-хе-хе! — засмѣялся онъ: — чего же вы меня боитесь? — Да знаете, послѣ всѣхъ вашихъ разсказовъ о вашихъ похожденіяхъ я вижу, что вы человѣкъ предпріимчивый и рѣшительный, — мѣсто пустынное, мы одни, я человѣкъ слабый, а вы — посмотрите на свою тѣнь — какой вы! Вдругъ вы вздумаете меня ограбить!.. Что мнѣ тогда дѣлать? — Хе-хе-хе! — снова засмѣялся онъ: — да кто же васъ станетъ грабить, въ петербургскомъ-то пальто, которое, съ позволенія сказать, чуть не уксусомъ подбито? Овчинка выдѣлки не стоитъ... Вотъ меня, — прибавилъ онъ совершенно серьезно, вытянувъ шею, съ горделивой нѣжностью бросивъ взглядъ на свою шубу, — вотъ меня такъ есть, по крайней мѣрѣ, для чего ограбить: въ накладѣ не останешься... — Такъ что вамъ, по вашему мнѣнію, скорѣе грозитъ опасность быть ограбленнымъ мною? — Хе-хе-хе! помилуйте, какъ это возможно! вы вѣдь прокуроръ! Намъ нечего другъ друга бояться, а вотъ съ другимъ я точно побоялся бы итти пустыннымъ мѣстомъ. Очень ужъ соблазнъ великъ»... — и онъ снова любовно посмотрѣлъ на свою шубу... Мой отзывъ о его рѣшительности и предпріимчивости основывался на его же разсказахъ. Обыкновенно онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ неслышно, но иногда, вдругъ, какъ бы подъ вліяніемъ какой-нибудь внезапно осѣнившей его мысли, входилъ въ мой кабинетъ и дѣлалъ шага два по направленію къ письменному столу. «Что вамъ, Василій Лукьяновичъ?» — спрашивалъ я, отрываясь отъ работы. — «Ничего-съ! я такъ...» — сконфуженно отвѣчалъ онъ и отходилъ къ дверямъ, но вдругъ снова подходилъ къ столу и сообщалъ мнѣ, понизивъ голову и улыбаясь, какое-нибудь изъ своихъ воспоминаній, не имѣвшихъ никакого отношенія къ мѣсту и времени нашей бесѣды. «Когда я былъ молодымъ человѣкомъ, я жилъ и здѣсь въ Казани, — повѣдалъ онъ мнѣ такимъ образомъ однажды, — и повадился ходить въ женскій монастырь и забавляться съ послушницами. До того дошло, что игуменья разъ послала за полиціей, и меня вывели изъ монастырской ограды, а потомъ и подписку взяли, чтобы я носу не смѣлъ въ монастырь показывать... — Почему это вамъ, Василій

Лукьяновичъ при вашихъ сѣдыхъ волосахъ вспомнилось? — Да такъ-съ, просто, — и тутъ онъ съ самымъ невиннымъ видомъ разсказалъ мнѣ о своихъ возмутительныхъ подвигахъ по «дѣвичьей части» за то время, когда онъ былъ помощникомъ окружного начальника. «Да-съ, — заключилъ онъ свое повѣствованіе, — тогда это было легко. Пріѣдешь, бывало, и распорядишься. А потомъ строже стало. Такъ я теперь пойду-съ къ себѣ. — Идите себѣ съ Богомъ, Василій Лукьяновичъ: я вѣдь васъ не звалъ. А только зачѣмъ вы все *такое* вспоминаете? Вотъ, можетъ-быть, оттого вы и съ супругой врозь живете. — Нѣтъ-съ! не отъ этого, а только супруга моя *важная дама* — вотъ что-съ... Ну, такъ я пойду», и онъ удалился неслышными шагами.—«Я въ Симбирскѣ одну купчиху зналъ, — изрекъ онъ, неожиданно представъ предо мною въ другой разъ, — такъ она, повѣрите ли, трубку курила съ длиннымъ чубукомъ, вотъ какъ иногда турокъ на табачныхъ вывѣскахъ пишутъ. Бывало, сидитъ въ креслѣ въ одной рубашкѣ — все ей жарко было — и трубку куритъ...— Да, странная была купчиха, — сказалъ я, углубляясь въ свои бумаги, и Василій Лукьяновичъ неслышно направился къ выходу, но у самой двери обернулся и, быстро подойдя къ моему столу, многозначительно добавилъ: — со мной въ амурахъ была! — Кто? Купчиха? — Именно она! — сказалъ онъ, истово улыбаясь, и удалился... Перейдя въ Петербургъ, я, по усиленной его просьбѣ, взялъ его съ собой, но онъ прожилъ недолго и умеръ въ больницѣ отъ рака въ желудкѣ, подобно моему Варѳоломею, при чемъ его послѣдніе дни ознаменовались примиреніемъ съ женою, которая уходомъ за нимъ доказала, что она не только «важная дама», но и добрая женщина.

Курьеръ предсѣдателя Окружного Суда Прокофьевъ, пережившій человѣкъ десять предсѣдателей, былъ юркій человѣкъ, весьма себѣ на умѣ. Онъ былъ не только своего рода хранителемъ преданій Суда, но и критическимъ цѣнителемъ различныхъ судебныхъ дѣятелей. Его идеаломъ былъ И. И. Шамшинъ. Но и ко мнѣ онъ относился одобрительно. Уже будучи сенаторомъ, я спросилъ его однажды при встрѣчѣ — что дѣлается въ судѣ. «Ничего хорошаго, ваше превосходительство, — сказалъ онъ, и

глаза его затуманились: — какой теперь Судъ? Предсѣдатели чутъ не каждый годъ мѣняются, ничего наладить не успѣваютъ. Конечно, нечего Бога гнѣвить, всѣ они господа добрые, а только настоящихъ предсѣдателей у насъ всего было два — Иванъ Ивановичъ (Шамшинъ) да — вѣрьте совѣсти! — вы, ваше превосходительство. — Ну, куда мнѣ до Ивана Ивановича! — Да, оно точно, такого другого не было и не будетъ, потому что вы, ваше превосходительство, хотя и были предсѣдателемъ во всѣхъ статьяхъ, но только строгости настоящей въ себѣ не имѣли»... Однажды онъ привезъ мнѣ на домъ извѣстіе, что внезапно заболѣлъ за полчаса до засѣданія членъ суда Зубовъ, предсѣдательствующій въ сводномъ временномъ уголовномъ отдѣленіи, составленномъ изъ него, члена гражданскаго отдѣленія и утвержденнаго слѣдователя. Я не могъ его замѣнить, ибо долженъ былъ немедленно ѣхать на весьма серьезное освидѣтельствованіе сумасшедшихъ въ особомъ присутствіи Губернскаго Правленія. «Отвезите эту записку сейчасъ же старшему члену суда С — чу и, если его нѣтъ дома, то разыщите его. Я прошу его предсѣдательствовать во временномъ отдѣленіи. — Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство, это невозможно-съ! — То-есть, что невозможно? — спросилъ я его, недоумѣвая. — Да невозможно имъ предсѣдательствовать: они для этого, осмѣлюсь доложить, вовсе не годятся»... Я былъ вполнѣ во главѣ Суда и строго повторилъ свое приказаніе курьеру, разсуждавшему о пригодности и способностяхъ членовъ Суда. Увы! окончивъ освидѣтельствованіе и пріѣхавъ въ Судъ, я воочію убѣдился, насколько правъ и предусмотрителенъ былъ Прокофьевъ.

Курьеръ оберъ-прокурора Василій Ѳедотовичъ Г—ль, любившій выпить до безчувствія и имѣвшій всегда какое-то испуганное лицо, былъ человѣкъ очень добрый и мнѣ лично совершенно безкорыстно преданный до крайности. Когда я сдѣлался сенаторомъ и лишился его услугъ, онъ, придя ко мнѣ въ послѣдній разъ, плакалъ такъ, какъ плачутъ по самомъ любимомъ родномъ существѣ. Онъ былъ очень друженъ и съ семьею служащихъ у меня, оказывалъ имъ разныя услуги и слылъ у ихъ дѣтей «дядей Васей», котораго они встрѣчали съ восторгомъ. Любовь къ

рюмочкѣ и дерзкое поведеніе взрослаго сына довели его до могилы. Онъ быстро сталъ чахнуть и слегъ. Я заходилъ его навѣстить и приносилъ ему токайскаго вина, стараясь соединить для него въ этомъ «utile dulci». Въ предсмертные дни вѣчно испуганное выраженіе исчезло съ его лица, — оно сдѣлалось чистое и какое-то прозрачное, а прекрасные голубые глаза стали смотрѣть какъ-то радостно и значительно. Но руки «набирали» непрерывно — и вскорѣ пришлось поклониться ему, лежащему въ новенькомъ курьерскомъ мундирѣ съ тѣмъ вопросительно-загадочнымъ выраженіемъ рта, которое такъ часто и у многихъ какъ будто говоритъ «а! такъ вотъ *это* что! теперь *это* ясно!»

Сына любилъ онъ чрезвычайно и гордился этимъ молодымъ, всегда прекрасно одѣтымъ человѣкомъ, обладавшимъ превосходнымъ почеркомъ, благодаря которому онъ игралъ выдающуюся роль среди писцовъ канцеляріи уголовнаго кассаціоннаго департамента. Однажды этотъ молодой человѣкъ подалъ мнѣ прошеніе о разрѣшеніи ему вступить въ бракъ, — а на указанія мои, что онъ еще очень молодъ (ему было двадцать два года), а также мало получаетъ, чтобъ содержать жену и будущихъ дѣтей, отвѣтилъ, что женится на вдовѣ и «гарантированъ» въ томъ, что дѣтей у него не будетъ. На замѣчаніе о томъ, что такія гарантіи сомнительны, или вредны, или наконецъ, преступны, онъ сказалъ, что ничего такого и въ виду не имѣетъ, а только въ первомъ бракѣ у его невѣсты не было дѣтей, и докторъ сказалъ, что это «отъ нея», что ее ужъ природа такъ устроила. «Смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ», — сказалъ я и подписалъ разрѣшеніе. Прошло около года. Отецъ его сталъ ходить мрачнѣе тучи. «Что съ вами, Василій Ѳедотовичъ? — спросилъ я его наконецъ». — «Ничего-съ,— дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ онъ и заплакалъ». — «Какъ это ничего? Скажите, въ чемъ дѣло: можетъ-быть, можно будетъ помочь...»—«Нѣтъ-съ, ничего невозможно...»—«Однако все же, въ чемъ дѣло?»—«Сынъ-съ!»—«Что же, пьетъ? буянитъ? съ женою ссорится?» — «Помилуйте! какъ можно? Маковой росинки въ ротъ не беретъ, съ женой живетъ душа въ душу...»—«Такъ что же съ нимъ?»—«Родила-съ!»—понизивъ голосъ и вновь заплакавъ, сказалъ онъ. — «Я вѣдь говорилъ, что онъ напрасно считалъ себя

«гарантированнымъ». Но это не бѣда: я ему прибавлю жалованья, и онъ, Богъ дастъ, справится». — «Нѣтъ-съ! гдѣ справиться...»—«Ну, вотъ, одинъ ребенокъ ужъ не такая тяжесть...»— «Не одинъ-съ!» — какимъ-то загробнымъ голосомъ сказалъ старикъ.—«Развѣ двойня?!» — «Хуже-съ» — «Какъ хуже?» — «Тройня-съ!» — почти закричалъ онъ и зарыдалъ. Вообще у него глаза были «на мокромъ мѣстѣ», но тутъ оказалось, что они на цѣломъ озерѣ. — «Всѣ дѣвочки-съ, — объяснилъ онъ, когда немного успокоился: — сынъ бросился было къ Невѣ топиться, едва удержали, а она была подъ хлороформомъ, когда же пришла въ себя, и ей сказали объ этомъ несчастіи со всякою осторожностью, то она, повѣрите ли, спросила: «дѣвочки или мальчики?» и, узнавъ, что дѣвочки, говоритъ: «ну, и прекрасно: значитъ, можно будетъ, когда вырастутъ, всѣмъ одинаковые костюмчики пошить». — «Ну, да чего другого и ждать отъ бабовъ, какъ не глупостевъ»,—наставительно сказала моя старая служанка, проникнутая искреннимъ сожалѣніемъ къ удрученному горестной неожиданностью тройному дѣдушкѣ и вышедшая послушать его нечаянное повѣствованіе. Она властолюбиво держала подъ башмакомъ своего добраго и слабохарактернаго мужа и въ то же время была непоколебимо убѣждена, что виновница всего дурного и самое злое существо на свѣтѣ — женщина съ ея лукавствомъ, ложью и, какъ она выражалась, «обезьянствомъ». Бывало иногда, когда, рано утромъ, она убирала кабинетъ, а я разбиралъ поступившія наканунѣ изъ Сената дѣла и въ краткихъ словахъ сообщалъ ей о какомъ-нибудь выдающемся преступленіи, — она, хотя бы жертвой преступленія была женщина, или дѣло шло о поддѣлкѣ монеты, крушеніи поѣзда или богохуленіи, рѣшительнымъ тономъ говорила: «а я такъ думаю, что все *это отъ бабовъ* или *черезъ бабовъ*».

Во время моего оберъ-прокурорства меня очень обременяли визиты пріѣзжихъ чиновъ судебнаго вѣдомства, отдавать которые, да и многіе другіе, я, несмотря на все желаніе, рѣшительно не имѣлъ времени. Поэтому Василій Ѳедотовичъ дѣлалъ ихъ за меня въ подаренныхъ ему пальто и цилиндрѣ. Онъ, согласно нашему уговору, подходилъ къ крыльцу и спрашивалъ, дома ли

такой-то. Если «такой-то» былъ дома, онъ говорилъ: «я зайду на обратномъ пути», если же, къ счастью, не былъ дома, то онъ загибалъ уголъ моей карточки, отдавалъ ее и иногда выражалъ сожалѣніе, что не засталъ. Одно время у меня, уже не помню по какому поводу, шевельнулось подозрѣніе, что наша хитрость не всегда удается. «Василій Ѳедотовичъ, — спросилъ я его: — а не узнаетъ прислуга и швейцары, что это вы, а не я?» — «Помилуйте, какъ можно? Они ни за что не подумаютъ: я вѣдь спрашиваю и разговариваю съ ними *довольно очень дерзко!*...»

ВЪ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТѢ.

I.

О старообрядческихъ общинахъ.

(Засѣданія 12 и 13 мая 1910 года).

Для подробнаго разсмотрѣнія и обсужденія принятаго Государственной Думой законопроекта о старообрядческихъ общинахъ и сдѣланныхъ ею измѣненій въ представленіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, осенью 1909 года была образована въ Государственномъ Совѣтѣ особая Комиссія изъ 20 членовъ Совѣта, которая имѣла свыше 30 засѣданій и существенно измѣнила предположенія Государственной Думы. Измѣненія эти касались слѣдующихъ основныхъ вопросовъ, опредѣляющихъ права старообрядцевъ: а) свободно исповѣдывать и проповѣдывать свою вѣру, б) учреждать всякаго рода просвѣтительныя заведенія, в) пріобрѣтать недвижимыя имущества, г) устраивать періодическіе съѣзды послѣдователей отдѣльныхъ вѣроученій или согласій, д) пользоваться для своихъ духовныхъ лицъ соотвѣтствующими ихъ сану или званію по старообрядчеству наименованіями, е) носить принятыя у нихъ церковныя облаченія какъ при богослуженіи, такъ и при религіозныхъ процессіяхъ и ж) получать виды на жительство на основаніи особыхъ правилъ. Раздѣляя со своей стороны взглядъ Государственной Думы, четыре члена особой Комиссіи не согласились съ большинствомъ и остались при особомъ мнѣніи по всѣмъ приведеннымъ пунктамъ.

Являясь говорить предъ вами отъ лица меньшинства Комиссіи и, при томъ, главнымъ образомъ, отъ лица четырехъ ея членовъ, т.-е. своего собственнаго и членовъ Государственнаго Совѣта Н. С. Таганцева, А. В. Васильева и М. А. Стаховича, какъ подписавшихъ мое особое мнѣніе, внесенное въ журналъ Комиссіи по настоящему дѣлу, я не буду, въ настоящій моментъ, касаться отдѣльныхъ вопросовъ, которые подлежатъ нашему обсужденію при постатейномъ разсмотрѣніи проекта. Эти подробности завлекли бы насъ слишкомъ далеко, для чего

у насъ теперь нѣтъ ни времени, ни возможности. Но я считаю себя обязаннымъ изложить предъ вами тѣ общія соображенія и начала, которыми руководствовались мы, приходя къ выводамъ, содержащимся въ нашемъ особомъ мнѣніи .Эти выводы касаются, во-первыхъ, значенія того закона, который мы начертываемъ, во-вторыхъ, содержанія этого закона, и, наконецъ, въ-третьихъ, его объема. Обращаясь къ значенію этого закона, надлежитъ, прежде всего, замѣтить, что онъ является развитіемъ указа 17 апрѣля 1905 г. объ *укрѣпленіи началъ вѣротерпимости*. Это укрѣпленіе началъ вѣротерпимости должно, по словамъ Монарха, упрочить дѣло мира и любви въ нашемъ отечествѣ. Этотъ миръ необходимъ нашей родинѣ, необходимъ съ двухъ сторонъ.

Онъ необходимъ, съ одной стороны, потому, что не только государственная, но и духовная власть, забывая, что торжество вѣры достигается, по словамъ нашего закона, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами, взялись за мечъ свѣтскій и въ теченіе болѣе 200 лѣтъ дѣйствовали этимъ мечомъ съ энергіей, достойной лучшаго дѣла. Онъ необходимъ затѣмъ потому, что соборъ 1666 — 1667 г.г., осудивъ непреклоннаго властолюбца патріарха Никона, въ то же время не осудилъ его нововведеній и возложилъ на тѣхъ, кто не хотѣлъ ихъ принять, жестокое проклятіе, сравнивая ихъ съ Христопродавцемъ Іудой и рекомендуя свѣтской власти подвергать ихъ «тѣлесному озлобленію», которое совершалось огнемъ, утопленіемъ и тѣмъ, что наши лѣтописи знаютъ подъ названіемъ «гладной нужи». — Въ засѣданіяхъ особой Комиссіи я указывалъ на то, что люди, державшіеся старыхъ обрядовъ, хотѣвшіе креститься двумя, а не тремя перстами, служить обѣдню на семи, а не на пяти просфорахъ, читать и пѣть сугубую, а не трегубую аллилуію и т. п., были за это не только при жизни, но и по смерти своей отлучены отъ церкви. «Желѣзо, камни и древеса да разрушатся» — провозгласили отцы Собора, — «а сіи да не будутъ разрѣшены». Авторитетные судьи по дѣламъ церковнымъ, приглашенные восточные патріархи поддержали мнѣніе о необходимости «тѣлеснаго озлобленія», ссылаясь на то, что въ Византіи «святые и богоносные отцы вкупѣ съ благочестивыми царями повелѣвали злоче-

стивыхъ еретиковъ наказывать многимъ біеніемъ говяжьихъ жилъ и древіемъ суковатымъ и темницами, и овымъ языки отрѣзаша, овымъ руци отсѣкаша, овымъ уши и носы». Вотъ почему въ старообрядческихъ Синодикахъ — въ академическомъ изданіи памятниковъ древней письменности — содержатся такія, напримѣръ, поминанія: «Помяни, Господи, души рабъ своихъ, пострадавшихъ на Москвѣ, и въ Новѣградѣ, и въ Псковѣ, и въ Казани, и въ Соловецкомъ монастырѣ, и въ Пустозерѣ, и на Колмогорахъ, и на Олонцѣ, и въ Каргополѣ, и на Дону, и въ Сибири и во всѣхъ градѣхъ, селѣхъ и мѣстѣхъ и пустыняхъ нашея русскія земли, за православную вѣру различными смертьми отъ жизни сея истребленныхъ, и другихъ рабъ твоихъ за благочестіе пострадавшихъ, за благочестіе же отъ насилія мучителей во многихъ странахъ, въ различныхъ мѣстахъ, огнемъ сгорѣвшихъ и въ водахъ утопшихъ, и въ бѣгствахъ гладомъ и жаждою истаявшихся, и многоразличнѣ и многоскорбнѣ отъ житія сего отшедшихъ». Вотъ почему протопопъ Аввакумъ имѣлъ полное основаніе восклицать: «Чудо! какъ хотятъ вѣру утвердить! Которые-то апостолы научили такъ? Не знаю! Мой Христосъ не приказалъ такъ нашимъ апостоламъ учить, чтобы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить». — Лишь XVIII столѣтіе, начиная съ тридцатыхъ годовъ его, нѣсколько смягчая положеніе раскольниковъ, обратило ихъ постепенно изъ *гонимыхъ и истребляемыхъ* въ *угнетаемыхъ*, но никогда нашъ законъ до послѣдняго времени не рѣшался, однако, высказать ясно и опредѣленно то, что на практикѣ власть считала возможнымъ давать расколу. По отношенію къ нему *милость* никогда не обращалась въ *право*. Наоборотъ, все, что дѣлалось для раскола, дѣлалось обыкновенно не въ видѣ предоставленія послѣдователямъ его какихъ-либо правъ, а въ видѣ такой милости, которая могла быть отобрана въ каждую данную минуту, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ, между прочимъ, запечатаніе въ Москвѣ раскольничьихъ молелень уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. И здѣсь, въ Государственномъ Совѣтѣ тѣ лица, которыя принадлежали къ составу Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената, какъ, напримѣръ, я и Н. С. Таганцевъ, не могутъ не вспомнить, какъ еще

недавно, въ девяностыхъ годахъ, имъ приходилось становиться втупикъ передъ карательнымъ закономъ противъ раскольниковъ, односторонняя близорукость котораго усиливалась еще и бездушнымъ его примѣненіемъ — и спрашивать себя съ удивленіемъ по отношенію къ обвиняемымъ: «за что?» И только въ послѣднее время, въ прошлое царствованіе, началось въ законодательствѣ дѣйствительное движеніе въ пользу расширенія правъ старообрядцевъ. Но и оно вначалѣ значительно затруднялось въ своемъ практическомъ примѣненіи на мѣстахъ, вслѣдствіе неправильнаго толкованія указа 1883 г. главарями православнаго вѣдомства и мѣстными администраторами, — и лишь 17 апрѣля 1905 г. раздался съ высоты Престола благовѣстъ, великодушно призывавшій къ упроченію дѣйствительной вѣротерпимости.

Съ другой стороны, и старообрядцы платили власти соотвѣтствующею монетою, и они — столь близкіе русскимъ людямъ по духу, по крови, по народнымъ свойствамъ, столь часто и такъ знаменательно доказывавшіе въ минуту опасности свою любовь къ родинѣ, къ ея историческому укладу, — становились въ области вѣры и общественной жизни далекими большинству русскаго народа. Они замыкались въ своей духовной отчужденности, отвѣчая на оскорбительные эпитеты, которые употреблялись по отношенію къ дорогимъ имъ старымъ обрядамъ и вѣрованіямъ, — ученіемъ о пришествіи царства Антихриста.

Необходимо и неизбѣжно прекратить эту рознь и возстановить миръ. Результатомъ сознанія этой необходимости явился внесенный по статьѣ 87 Основныхъ Законовъ Министерствомъ проектъ, о которомъ вы здѣсь слышали, и — какъ дальнѣйшее его закономѣрное развитіе — проектъ Государственной Думы, который одинъ и подлежитъ нашему обсужденію въ настоящее время. Можно ли, однако, обращаясь къ его содержанію, смотрѣть на него, какъ на палліативную мѣру, какъ на одно изъ звеньевъ дальнѣйшаго законодательнаго движенія?! Слишкомъ давно существуетъ горестный надрывъ во внутренней русской жизни, слишкомъ долго продолжается эта распря—и законъ долженъ быть рѣшительнымъ шагомъ, твердымъ и прочнымъ, на мно-

гіс годы, а не такой временной мѣрой, которую, можетъ-быть, черезъ нѣсколько лѣтъ придется видоизмѣнять, вновь возбуждая напрасныя надежды и обостреніе страстей. Недугъ, который въ видѣ старообрядчества, въ видѣ раскола въ русской Церкви, поразилъ внутренній организмъ русскаго общества, длился долго и для излѣченія его нуженъ не пластырь, прикрывающій начавшую понемногу заживать рану, а нуженъ хирургическій ножъ, который безвозвратно отрѣзалъ бы все прошлое съ его тяжелыми воспоминаніями, съ его недоразумѣніями, недомолвками и двусмысліемъ законовъ и распоряженій. Поэтому меньшинство Комиссіи, отъ имени котораго я говорю, привѣтствуетъ проектъ Государственной Думы, какъ расширяющій — согласно съ нуждами времени и съ потребностями дальнѣйшаго прочнаго законодательства — тотъ проектъ, который былъ въ нее внесенъ, — путемъ установленія свободнаго изъясненія и поясненія старообрядческаго вѣроученія и признанія лицъ духовнаго сана въ средѣ старообрядцевъ и, наконецъ, разрѣшеніемъ старообрядцамъ открывать не только начальныя и ремесленныя училища, но и всякаго рода просвѣтительныя учрежденія. Намъ на это могутъ сказать и, судя по одному изъ отдѣльныхъ мнѣній, сопровождающихъ журналъ особой Комиссіи, намъ непремѣнно скажутъ, что надо вернуться къ статьѣ 87, необходимо обратиться къ проекту въ томъ видѣ, въ какомъ онъ внесенъ въ Государственную Думу, и что дальше намъ нечего дѣлать, такъ какъ Дума вышла за предѣлы допустимаго разсмотрѣнія дѣлъ. Но, господа, это не такъ, потому что проекта по статьѣ 87 уже нѣтъ: онъ исчезъ съ момента рѣшенія этого вопроса въ Государственной Думѣ. Статья 87 имѣетъ въ виду исключительныя мѣры во время чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Законодатель весьма мудро установилъ, что такія чрезвычайныя мѣры, принятыя въ моментъ волненія и страстнаго отношенія къ вопросу, должны быть подвергнуты холодному, спокойному и длительному разсмотрѣнію законодательныхъ учрежденій. Таково и должно быть *содержаніе того законопроекта, о которомъ мы говоримъ.*

Намъ еще возражали и возразятъ, какъ это мы слышали и въ Комиссіи, что установленіе широкихъ правилъ вѣротерпимо-

сти относительно старообрядцевъ является невыгоднымъ для Православной Церкви. Мы слишкомъ высокаго мнѣнія объ историческомъ значеніи, высотѣ и достоинствѣ Православной Церкви, чтобы считать возможнымъ возбужденіе вопроса о томъ, что для нея выгодно или невыгодно. Она стоитъ выше, и должна стоять выше такихъ земныхъ расчетовъ. Если же подъ выгодностью для Церкви разумѣется невыгодность закона для старообрядцевъ, то я думаю, что съ точки зрѣнія государственнаго законодательства такого рода тактическія соображенія не выдерживаютъ критики. Намъ было въ Комиссіи сказано, между прочимъ, весьма краснорѣчиво о томъ, что мы высказываемъ, поддерживая проектъ Думы, «обывательскій взглядъ» на такой предметъ закона, который можетъ быть, однако, рѣшенъ только съ точки зрѣнія каноническихъ постановленій. Но, господа, каноническими постановленіями должно и можетъ руководствоваться спеціальное вѣдомство православнаго исповѣданія. Наши же новыя учрежденія основаны на другомъ принципѣ. Государю Императору 17 октября 1905 г. угодно было призвать къ законодательству именно «обывателей». Мы всѣ убѣдились горькимъ историческимъ опытомъ въ томъ, какъ безсильно канцелярское законодательство, какъ далеко оно стоитъ отъ жизни и какъ бюрократическій, презрительный взглядъ на обывателя кончается вредомъ не только для обывателя, но и для того, кто такъ презрительно на него смотритъ. И вотъ, въ разгаръ пережитыхъ нами несчастій и всеобщаго внутренняго недовольства, — обыватели были призваны къ законодательству, при чемъ они должны были сказать, въ качествѣ законодателей, о томъ, что у нихъ родины болитъ и какія средства нужны для излѣченія болѣзни. Поэтому мы спокойно принимаемъ упрекъ, что мы смотримъ, какъ обыватели, тѣмъ болѣе, что если бы мы смотрѣли не какъ обыватели, а смотрѣли бы съ точки зрѣнія, свойственной старому бюрократическому законодательству, то должны были бы признать, что мы не можемъ и даже не имѣемъ права двинуться съ мѣста. Когда у насъ въ Комиссіи обсуждался вопросъ о предоставленіи старообрядческимъ общинамъ извѣстныхъ правъ, то намъ, въ видѣ возраженія, говорилось, что этими правами не пользуются православ-

ные приходы. Мы отвѣчали: пускай же вѣдомство православнаго исповѣданія приметъ на себя починъ новаго законодательства, которое измѣнило бы положеніе прихода и поставило бы его на ряду и даже выше того, что предполагается для старообрядческихъ общинъ. На это намъ говорили, что Святѣйшій Синодъ такъ поступить не можетъ, потому что по каноническимъ правиламъ это выходить изъ предѣловъ его вѣдѣнія, а можетъ сдѣлать лишь Соборъ, а что касается созыва Собора, то это поставлено въ такія исключительныя условія, которыя не подлежатъ учету времени. Такимъ образомъ, слѣдовательно, вопросъ останавливается на неопредѣленный срокъ, быть можетъ, надолго. Неужели же потому, что мы не можемъ въ предѣлахъ Православной Церкви достигнуть извѣстныхъ улучшеній, мы должны относительно всѣхъ остальныхъ областей, жаждущихъ законодательнаго обновленія, умывать руки и складывать законодательное оружіе? Такимъ путемъ мы пришли бы къ тому, чѣмъ именно страдало наше старое, обветшалое законодательство. Есть болѣзнь, которою физически страдаетъ, вѣроятно, и большинство изъ насъ. Она называется склерозомъ, благодаря которому сосуды и артеріи, по которымъ течетъ животворящая кровь, суживаются, и въ одинъ прекрасный день въ нихъ образуются сгустки крови, что отражается на всемъ организмѣ, и наступаетъ параличъ части тѣла или мозга. Но такая болѣзнь существуетъ и въ нравственномъ отношеніи, и ее можно назвать *законодательнымъ артеріосклерозомъ*. И здѣсь бываютъ зловредныя пробки, которыя все затыкаютъ и благодаря которымъ въ отдѣльныхъ частяхъ государственнаго организма начинаются паралитическія явленія. Эту ли перспективу рекомендуютъ намъ?!

Затѣмъ, намъ говорили, что нельзя допускать новшествъ, невѣдомыхъ существующему закону. Да, но тогда надо обречь все законодательство на окаменѣлость, потому что всякій новый законъ будетъ касаться того, что невѣдомо закону прежнему. Но извѣстно ли вамъ, господа, что существовалъ и даже существуетъ до сихъ поръ, не отмѣненный окончательно, законъ, по которому, согласно статьѣ 4 тома XI Свода Законовъ, инославнымъ воспрещается обращать въ христіанство иновѣрцевъ, т.-е.

имъ запрещается проповѣдывать иновѣрцамъ истины христіанской религіи и, такимъ образомъ, лицамъ христіанскаго исповѣданія воспрещается, напримѣръ, приводить къ Христу людей, принадлежащихъ къ идолопоклоникамъ. Или извѣстно ли вамъ, что въ 1854 г. издано было постановленіе, воспрещающее идолопоклонникамъ переходить въ магометанство, т.-е. постановленіе, запрещающее людямъ, которые допускаютъ многобожіе, увѣровать въ единаго Бога, исповѣдуемаго магометанствомъ? Что же, слѣдуетъ ли, вслѣдствіе этого, остановить наше законодательное движеніе въ этомъ направленіи и остаться при такомъ поразительномъ убожествѣ мысли на томъ основаніи, что измѣненіе такого рода порядка *невѣдомо существующему закону*? Вотъ почему мы находимъ, что необходимо широко принять тотъ проектъ, который прошелъ черезъ Государственную Думу и взглянуть на него свободнымъ окомъ, а не черезъ канцелярскія очки.

Обратимся къ *объему* этого закона. Намъ говорятъ: «Вы хотите его распространенія на старообрядцевъ, но что такое старообрядцы? Никто этого опредѣлить не можетъ». Это ошибочно. Надо сказать, что дѣйствительно въ нашей литературѣ, — за исключеніемъ нѣкоторыхъ сочиненій послѣдняго времени, между прочимъ, одного, принадлежащаго члену Государственнаго Совѣта Т. И. Буткевичу, гдѣ этотъ вопросъ разработанъ съ подробностью, — въ прежнее время, въ одну кучу сваливали подъ именемъ раскольниковъ — и старообрядцевъ, и сектантовъ, и изувѣровъ, — одичалыхъ въ своихъ нелѣпыхъ обрядахъ и взглядахъ людей. Достаточно указать на сочиненіе Андреева о русскомъ расколѣ, которое такъ долго было почти единственной книгой, по которой можно было знакомиться съ расколомъ, если не считать трудно доступныхъ сочиненій Кельсіева. Андреевъ въ добросовѣстномъ или ослѣпленномъ заблужденіи приводитъ списокъ свыше ста сектъ и толковъ, которые существуютъ въ Россіи, и въ этотъ списокъ входятъ и старообрядцы, и самыя разнообразныя секты, упоминаемыя при томъ по два раза подъ разными именами. Такъ, странники считаются отдѣльно отъ бѣгу-

новъ, тогда какъ это одна и та же секта; бѣлые голуби противополагаются скопцамъ, дырники называются въ другомъ мѣстѣ щельниками, тогда какъ это одинъ толкъ, который лишь иначе именуется въ разныхъ мѣстностяхъ. Итакъ, надо отбросить это представленіе о старообрядчествѣ, какъ о чемъ-то такомъ, что смѣшано съ самыми дикими изувѣрными понятіями; старообрядчество опредѣляется тѣми законами, которые уже у насъ существуютъ, а именно, прежде всего Указомъ 17 апрѣля 1905 г., который считаетъ необходимымъ установить въ законѣ внутреннія различія въ вѣроученіи, объединяемомъ нынѣ общимъ именемъ раскола, раздѣливъ его на три группы: старообрядческое согласіе, сектантство и изувѣрныя ученія, самая принадлежность къ которымъ наказывается закономъ, въ лицѣ послѣдователей тѣхъ ученій, о которыхъ говоритъ статья 203 Уложенія о Наказаніяхъ, гласящая о сектѣ, сопровождаемой изувѣрскимъ посягательствомъ на свою или чужую жизнь или противонравственными гнусными дѣйствіями. Старообрядцы опредѣлены далѣе въ пунктѣ 7 того же указа слѣдующимъ образомъ: наименованіе старообрядцевъ, присвоенное имъ взамѣнъ нынѣ употребляемаго имени раскольниковъ, дается всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые пріемлютъ основные догматы вѣры Православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и молятся по старопечатнымъ книгамъ. Такимъ образомъ, совершенно точно опредѣлено, что такое старообрядчество, и мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что будто бы не знаемъ, что оно такое. Нѣтъ, мы отлично это знаемъ, и именно въ этомъ смыслѣ мы присоединились къ статьѣ 2 проекта большинства, говорящей: «дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется на именующихъ себя старообрядцами послѣдователей вѣроученій или согласій, противныхъ законамъ, ограждающихъ государственный порядокъ и общественную нравственность». Итакъ, теперь ясно, что старообрядецъ это человѣкъ, который молится по старымъ книгамъ, который отправляетъ богослуженіе по старому обряду, который не признаетъ или не хочетъ признавать ту іерархію, которая, по его мнѣнію, повреждена или неправильно установлена послѣ Никона, но который въ то же время не безнравственный изувѣръ, не опас-

ный фанатикъ, посягающій на свою и чужую жизнь, не узкій, заблудившійся въ непровѣренныхъ вымыслахъ сектантъ и, кромѣ того, человѣкъ, не нарушающій законовъ, которые ограждаютъ общественную нравственность и государственный порядокъ. Поэтому мы считаемъ, что для насъ понятіе о старообрядцѣ совершенно ясно.

Что же такое старообрядцы въ отношеніи своемъ къ государству? Я позволю себѣ сослаться на авторитетъ, который, кажется, будетъ для всѣхъ непререкаемъ и всѣмъ извѣстенъ, на авторитетъ московскаго святителя митрополита Филарета, глубокаго знатока нуждъ и правъ Православія, блюстителя церковныхъ дѣлъ и великаго оратора, въ словахъ котораго всегда свѣтился яркій свѣтъ осенняго солнца, свѣтящаго, но не грѣющаго. И вотъ этотъ умудренный своимъ служеніемъ человѣкъ, довольно черствый въ своихъ взглядахъ на раскольниковъ, говоритъ, однако, въ томѣ III своихъ отзывовъ и мнѣній, что нельзя допускать представителямъ терпимыхъ церквей принимать къ себѣ людей, принадлежащихъ къ церкви господствующей, а такъ какъ старообрядчество есть *отрасль господствующей вѣры*, хотя и поврежденная, то допускать переходъ старообрядцевъ въ инославіе невозможно. Этотъ взглядъ раздѣлялся также и К. П. Побѣдоносцевымъ. Въ послѣднемъ его отчетѣ по православному вѣдомству онъ говоритъ категорически, что старообрядцы намъ ближе, нежели люди инославныхъ исповѣданій. Поэтому, можемъ ли мы сказать, что старообрядцы представляютъ собой нѣчто такое, что не можетъ имѣть тѣхъ же правъ, какъ и другія инославныя исповѣданія, существующія въ русскомъ разноплеменномъ, разноязычномъ и разновѣрномъ государствѣ? Если инославные имѣютъ свою церковную приходскую организацію, своихъ священнослужителей, имѣютъ право публично отправлять свои обряды, то на какомъ основаніи мы тѣмъ, которыхъ самъ митрополитъ Филаретъ не допускаетъ считать *чужими* и которыхъ К. П. Побѣдоносцевъ признавалъ ближе всѣхъ къ намъ стоящими, — въ этомъ откажемъ? — Вы можете это сдѣлать — своя рука владыка! — но не придется ли черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ тяжелыхъ житейскихъ треній, снова пересматривать за-

конъ и не лучше ли теперь же категорически признать это право за старообрядцами. Я знаю, мнѣ на это укажутъ, что старообрядцы противники государственности, противники Царской власти и, въ сущности люди, которые идутъ въ разладъ съ общественнымъ устройствомъ Россіи. Но вамъ, господа, конечно, извѣстно имя талантливаго писателя и не менѣе талантливаго изслѣдователя раскола П. И. Мельникова. Авторъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій сначала при нижегородскомъ губернаторѣ, а потомъ при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и его миссія состояла во всестороннемъ изслѣдованіи и, къ сожалѣнію, преслѣдованіи старообрядчества, при чемъ онъ отличался болѣе, чѣмъ энергическими мѣрами и суровыми предложеніями. Въ 1864 г. былъ образованъ Комитетъ по дѣламъ раскола подъ предсѣдательствомъ графа В. Н. Панина, котораго также нельзя заподозрѣть въ особенно мягкомъ отношеніи къ какого-либо рода *несогласно мыслящимъ людямъ*. Въ этомъ Комитетѣ было рѣшено, что по отношенію къ старообрядцамъ необходимо признать, что они имѣютъ право на свою организацію, на самостоятельное существованіе, а Мельниковъ, который былъ вызванъ въ качествѣ члена-эксперта въ этотъ Комитетъ, сказалъ слѣдующее: «безъ малаго сто лѣтъ назадъ, въ одномъ указѣ всѣ раскольники безъ исключенія были названы непрестанно Государю и государству зломыслящими. Не по однѣмъ книгамъ, не по однѣмъ офиціальнымъ бумагамъ, а лицомъ къ лицу, въ продолженіе 30 лѣтъ, имѣлъ я случай ознакомиться съ главными отраслями раскола и со многими его подраздѣленіями, но я не зналъ и не знаю ни одного раскола, сколько-нибудь Государству и Государю зломыслящаго, сколько-нибудь непризнающаго Царской власти. Такъ сказать было бы совершенно несообразно съ духомъ русскаго народа, для котораго Россія безъ Царя немыслима. То же воззрѣніе и у русскаго раскола на Царскую власть. Только недоброхотъ къ Россіи, къ ея внутренней тишинѣ и спокойствію можетъ присудить расколу антимонархическія и анархическія стремленія». Таковъ отзывъ компетентнаго лица. Затѣмъ, намъ укажутъ. что между старообрядцами есть безпоповцы, а безпо-

повцы не признаютъ брака, — этого основанія государственнаго союза. Нужно отличать, однако, бракъ и семью. И вотъ, что мы имѣемъ въ словахъ того же самаго Мельникова: «безпоповцевъ, — говоритъ онъ, — которые считаются не признающими брака, нельзя признать таковыми, ибо они не имѣютъ только освященнаго церковнымъ обрядомъ брака, сожительство же ихъ вполнѣ имѣетъ характеръ твердаго, прочнаго и нерасторжимаго гражданскаго союза, не прекращающагося по отношенію къ хозяйству, къ воспитанію дѣтей и взаимной помощи даже и тогда, когда сожители, по общему между собой соглашенію, перестаютъ раздѣлять ложе. Семья тверда и крѣпка, а это только и важно въ гражданской жизни». То же самое говоритъ авторъ весьма интересныхъ статей и изслѣдованій Бердниковъ въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ», въ журналѣ, который едва ли можно заподозрѣть въ какихъ-нибудь антицерковныхъ тенденціяхъ. «Закономъ 3 Мая — говоритъ онъ — признано, что браки, не признаваемые закономъ въ гражданскомъ отношеніи, должны быть терпимы Правительствомъ, такъ какъ имѣютъ характеръ нерасторжимаго сожитія, заключеннаго съ цѣлью основать семью, слѣдовательно, обладающаго внутренними признаками брачнаго сожитія въ гражданскомъ смыслѣ, и должны быть приравнены къ бракамъ иновѣрческимъ, заключаемымъ въ терпимыхъ и признаваемыхъ въ Россіи исповѣданіяхъ». И все заключается постановленіемъ Комитета 1864 г. подъ предсѣдательствомъ того же графа В. Н. Панина, которое признаетъ не подлежащими оспариванію тѣ супружескіе союзы, которые, хотя и не были освящены Церковнымъ вѣнчаніемъ, но составляютъ не временное, а постоянное сопряженіе. Итакъ, вотъ главныя обвиненія старообрядцевъ: не вѣрятъ въ Церковную власть, отрицаютъ государственный авторитетъ и не признаютъ супружескихъ союзовъ. Вы видите, господа, что фактически это не такъ и что у нихъ существуетъ именно то, что римскіе юристы называютъ: consortium omnis vitae и при томъ прочное и строгое въ смыслѣ принятыхъ на себя нравственныхъ обязанностей. Могутъ ли, однако, тѣ, кто бросаетъ старообрядцамъ обвиненіе въ блудномъ сожитіи, похвалиться строгостью нравовъ въ пасомомъ или охраняемомъ ими

стадѣ? Вотъ что говорится въ отчетѣ К. П. Побѣдоносцева за 1903 — 1904 г.г. по православному вѣдомству: «Являясь великимъ народомъ вообще и особенно въ важныя и тяжелыя минуты государственной жизни, русскій народъ, по свойству своего характера въ обычной своей жизни предается нерѣдко и немало то лѣни, праздности и сонливости, то шумному разгулу, пьянству и нераздѣльнымъ съ ними — буйству, сквернословію и т. п. Въ ряду другихъ пороковъ необходимо отмѣтить порчу семейныхъ нравовъ. Святость брака часто попирается, и нарушеніе супружеской вѣрности явленіе не рѣдкое. Изъ 1240 браковъ, расторгнутыхъ въ 1903 году, на долю по прелюбодѣянію приходится 844, а въ 1904 году изъ 1365 расторгнутыхъ браковъ на долю по прелюбодѣянію приходится 1020».

Я долженъ прибавить еще одно. Мы нѣсколько разъ повторяемъ въ нашемъ мнѣніи ссылку на *законъ*. Намъ въ этомъ отношеніи сдѣланы и будутъ сдѣланы возраженія, зачѣмъ мы все говоримъ о законѣ, отчего мы не хотимъ предоставить дѣло усмотрѣнію? Вѣдь сейчасъ намъ однимъ изъ ораторовъ былъ указанъ примѣръ того, какъ благосклонно и доброжелательно бывало отношеніе нѣкоторыхъ сановниковъ къ раскольникамъ: имъ даже давали возможность жить и существовать въ трудную минуту. Но вѣдь, господа, отдѣльныя личности для законодателя не имѣютъ значенія, и то, что находилось лицо, стоящее высоко у власти, въ которомъ жили доброжелательная предусмотрительность по отношенію къ старообрядцамъ и пониманіе ихъ положенія, еще не значитъ, что эти свойства будутъ жить и во всѣхъ остальныхъ примѣнителяхъ закона. Самые основные Законы говорятъ, о томъ, что законы должны толковаться, не допуская «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій». Ну, а тамъ, гдѣ мы предоставимъ вопросы нравственности, вопросы догматическіе, вопросы содержанія извѣстныхъ вѣроученій опредѣлять сообразно взглядамъ, существующимъ у носителя мѣстной власти сегодня въ Тверской губерніи, а завтра въ Калужской, а послѣзавтра въ Ковенской губерніи, тамъ мы именно станемъ на почву «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій». Вотъ почему мы вездѣ говоримъ о законѣ, о наруше-

ніи закона, ограждающаго государственный порядокъ и общественную нравственность, а не *о взглядѣ* на общественную нравственность, потому что тамъ, гдѣ законъ не становится на ея защиту, нельзя поручать эту защиту отдѣльнымъ лицамъ. Тотъ же митрополитъ Филаретъ, на котораго я ссылался сегодня два раза, говоритъ въ одномъ изъ своихъ мнѣній: «Не однѣ ли и тѣ же имѣемъ мы заповѣди и правила евангельскія, апостольскія, соборныя и святоотеческія? Узелъ единства, связанный изъ столь многихъ золотыхъ нитей, перестанетъ ли быть крѣпкимъ, если кто-нибудь усмотритъ расходящимися концы нѣкоторыхъ нитей его». Господа, вся исторія старообрядчества показываетъ, что эти расходящіяся нити общей вѣры въ нашего Господа въ теченіе долгаго времени были смочены сначала кровью, потомъ слезами, затѣмъ желчью и, наконецъ, погружены въ потокъ раздраженій и недоразумѣній. Я думаю, что на нашей задачѣ лежитъ осушить эти нити и тѣмъ укрѣпить тотъ узелъ, о которомъ говоритъ Филаретъ!

Проектъ большинства особой Комиссіи говоритъ о свободномъ исповѣданіи вѣроученія старообрядцами, — Государственная Дума и меньшинство Комиссіи говорятъ то же самое. Такимъ образомъ, мы сходимся всѣ на одномъ и томъ же выраженіи, признавая свободу исповѣдыванія вѣры неотъемлемою принадлежностью старообрядчества. Но далѣе, однако, мы всѣ существенно расходимся между собою въ дальнѣйшемъ развитіи этого выраженія по отношенію къ «праву свободнаго проповѣдыванія старообрядцами своего вѣроученія». Мы находимъ, что общее выраженіе о свободѣ проповѣдыванія безъ всякаго объясненія, при какихъ условіяхъ и при какихъ обстоятельствахъ оно совершается, представляется могущимъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ и къ разнаго рода нареканіямъ на законъ. И хотя на нареканія, исходящія отъ людей узкихъ взглядовъ, не несущихъ на себѣ тяжести законодательныхъ работъ, обращать вниманія не слѣдуетъ и о томъ, что «станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна», можно и не думать, но тѣмъ не менѣе, при искреннемъ желаніи избѣжать всякихъ недоразумѣній, мы по-

лагаемъ, что надо болѣе точно опредѣлить мѣсто и условія свободнаго проповѣдыванія. Но нельзя согласиться и съ большинствомъ, которое совершенно отвергаетъ самое понятіе о проповѣдываніи. Нельзя потому, что когда законодатель говоритъ о *свободномъ исповѣдываніи вѣры*, отдѣляя это свободное исповѣдываніе отъ *исполненія обрядовъ вѣры*, то конечно это относится не къ одному внутреннему строю души человѣка, который недоступенъ законодательному опредѣленію, а касается внѣшняго проявленія религіознаго чувства. Поэтому, исповѣдываніе вѣры, разсматриваемое *отдѣльно* отъ исполненія обрядовъ вѣры, должно же въ чемъ-нибудь выражаться. Это есть отчетъ самому себѣ о томъ, во что человѣкъ вѣритъ. Это есть то исповѣдываніе вѣры, которое, въ сущности, каждый изъ насъ совершаетъ, когда въ церкви повторяетъ за іереемъ Символъ Вѣры. Но вѣра, несомнѣнно, вызываетъ желаніе и даже не желаніе, а потребность дѣлиться съ другими своими убѣжденіями, такъ какъ эти убѣжденія указываютъ человѣку — иногда выработанный большими нравственными страданіями — путь спасенія. Это было признано и Комитетомъ Министерствъ, который, разсматривая по указу 12 декабря 1904 г. вѣроисповѣдные вопросы, подъ предсѣдательствомъ гр. С. Ю. Витте, нашелъ, что индиферентизмъ въ дѣлахъ вѣры и религіозныхъ убѣжденій является обыкновенно спутникомъ невѣрія и, наоборотъ, искреннее, глубокое, живое чувство вѣры побуждаетъ человѣка къ стремленію и другихъ, особливо близкихъ и дорогихъ ему, сдѣлать сопричастниками своей религіозной жизни, своихъ упованій и вѣрованій. Исходя изъ этого взгляда, который, по нашему мнѣнію, правиленъ, мы думаемъ, что когда человѣкъ стоитъ передъ Святѣмъ Причастіемъ и повторяетъ возвышенныя слова: «Вѣрую Господи и исповѣдую», то онъ совершаетъ два различныхъ дѣйствія — одно есть признаніе внутренняго религіознаго убѣжденія, другое есть исповѣдываніе этого убѣжденія предъ всѣми присутствующими. И, дѣйствительно, странно было бы допустить, чтобы человѣкъ не повѣдалъ другимъ о томъ, какъ онъ вѣруетъ въ каждомъ случаѣ. Намъ вчера приводилось филологическое изслѣдованіе о словѣ «господствующій», но такое же фило-

логическое изслѣдованіе приводитъ къ тому, что слово «исповѣдываніе» построено на словѣ «повѣдать». Эта духовная потребность въ человѣкѣ, искренно вѣрующемъ, столь сильна, что, какъ показываетъ исторія, преобороть ее не могли самыя суровыя кары и гоненія. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ іерарховъ Православной Церкви, харьковскій архіепископъ Амвросій, называя христіанскую проповѣдь святою обязанностью, говоритъ, что эту обязанность христіане понимали во всѣ вѣка, когда не были отуманены духомъ міра сего: проповѣдниками Христа были епископы и пресвиторы, иноки и міряне, купцы и воины, ссыльные и плѣнные, рабы и рабыни, — всѣ, кто пламенѣлъ любовью къ Нему и чрезъ Него къ человѣчеству.

Поэтому связь исповѣданія вѣры съ изложеніемъ и изъясненіемъ своего вѣроученія представляется въ значительной степени неразрывною. Отрицаніе ея является отрицаніемъ самаго понятія о свободномъ исповѣданіи. Правда, что изложеніе и объясненіе своего вѣроученія, дѣлаемое не въ частной бесѣдѣ, а совершаемое въ обществѣ другихъ людей, можетъ иногда явиться сопряженнымъ съ нѣкоторыми тревожными сторонами, пріобрѣтая характеръ страстной проповѣди, хотя бы и въ замкнутомъ помѣщеніи. Оно можетъ представлять опасность въ тѣхъ случаяхъ, когда является поводомъ къ нарушенію общественнаго порядка или сопряжено съ нравственнымъ или физическимъ принужденіемъ. Но этой опасности въ той редакціи статьи 1 положенія, которую мы предлагаемъ, не можетъ-быть усмотрѣно. Во-первыхъ, здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ, не представляетъ ли самое старообрядческое вѣроученіе въ своемъ существѣ нѣкоторой опасности, если оно будетъ излагаемо и объясняемо не въ частной бесѣдѣ? Я уже говорилъ о томъ, какъ опредѣляется старообрядчество. А если вы припомните, что по статьѣ 14 того положенія, которое представляется вашему вниманію, существуетъ опредѣленный порядокъ закрытія старообрядческой общины, если она уклоняется отъ своихъ обязанностей, или если она допускаетъ дѣйствія, противныя общественной нравственности или государственному порядку, при чемъ, въ концѣ-концовъ, это закрытіе общины подлежитъ контролю Правительствующаго Се-

ната, то вы, можетъ-быть, найдете, что существуетъ достаточно гарантій того, что старообрядчество само по себѣ не можетъ представлять опасности для проповѣди въ извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ. Теперь, обращаясь къ этимъ условіямъ, надо сказать, что еще задолго до 1905 — 1906 г.г. устраивались старообрядческія собесѣдованія въ церквахъ. Мы знаемъ такія церкви въ С.-Петербургѣ, а каждый москвичъ вамъ скажетъ, что интересовавшіеся религіозною жизнью народа въ теченіе долгаго времени хаживали по воскресеньямъ въ Кремль слушать собесѣдованія старообрядцевъ съ православными, совершенно свободно происходившія на площадкѣ между соборами и около Ивана Великаго. Хотя и въ Кремль и въ церкви приходили и приходятъ православные въ большомъ количествѣ, тѣмъ не менѣе эти собесѣдованія разрѣшались правительствомъ безъ опасенія того, что изложеніе старообрядцами своего вѣроученія совратитъ православное стадо. Да и Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи статьи 90 Уголовнаго Уложенія, высказалъ, что дѣлаемое на собесѣдованіи раскольниковъ съ православными публичное изложеніе раскольниками своего ученія, подкрѣпленіе его тѣми или другими доводами и опроверженіями возраженій противъ раскола, какъ не соотвѣтствующихъ Священному Писанію или преданіямъ, *не составляетъ преступленія*. Вотъ почему я думаю, что на первый вопросъ приходится отвѣтить отрицательно: никакой опасности въ предоставленіи свободнаго изложенія и поясненія своего вѣроученія старообрядцамъ не представляется. Но можетъ явиться второй вопросъ: это изложеніе, эти доводы не могутъ ли они оскорбить вѣру православную, не могутъ ли они совратить православныхъ, внушивши имъ соблазнъ, если они окажутся почему-либо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ такое изложеніе? Господа, въ этомъ отношеніи уголовный законъ, еще недавно Государственнымъ Совѣтомъ утвержденный, даетъ достаточныя гарантіи. Статья 73 Уголовнаго Уложенія говоритъ о наказаніи — и весьма строгомъ — тому, кто возложитъ хулу на Угодниковъ Божіихъ, Святой Крестъ, на Святыя Мощи, на Святыя Иконы и другіе предметы, почитаемые священными. Очевидно, что только такого рода хулы можно

было бы, въ крайнемъ случаѣ, ожидать въ такихъ собесѣдованіяхъ, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы старообрядцы стали возлагать хулу на Господа нашего Іисуса Христа, на Царицу Небесную или на Господа Бога. Приведенные виды хулы, возникающей въ жару спора, наказываются каторжными работами. Затѣмъ, всякія такого рода выходки, если онѣ учинены просто передъ присутствующими съ цѣлью произвести между ними соблазнъ, не публично и не въ храмѣ или молитвенномъ собраніи, наказываются исправительнымъ домомъ или крѣпостью. Такимъ образомъ, уголовный законъ достаточно ограждаетъ слушателей собесѣдованія отъ возможности допущенія старообрядцами оскорбленія ихъ чувствъ или внушенія имъ соблазна, а статья 83 того же Уложенія охраняетъ слушателей отъ насилія, отъ угрозъ, отъ обольщенія, отъ обмана при изложеніи предъ ними чужого вѣроученія. Правительствующій Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній призналъ, что совращеніе возможно только въ видѣ прямого уговора перейти въ свое вѣроисповѣданіе. Поэтому, если припомнить всѣ эти обезвреживающія предполагаемую опасность карательныя постановленія, то остается ненаказуемымъ лишь то, что нашъ законъ называетъ въ статьѣ 4 тома XI Свода Законовъ «прикосновеніемъ» къ чужой вѣрѣ. Но, господа, рано или поздно придется признать, что всѣ подобныя дѣйствія, называемыя «прикосновеніемъ», не могутъ быть воспрещаемы. Что значитъ прикосновеніе къ чужой вѣрѣ? Значитъ ли это полное молчаніе о томъ, какъ и во что вѣритъ виновный? Да развѣ возможно это хотя бы, напримѣръ, при смѣшанныхъ бракахъ, тамъ, гдѣ живутъ разноплеменныя и разновѣрныя національности? Развѣ можно обойтись безъ этого прикосновенія къ вѣрѣ при бесѣдахъ, имѣющихъ возвышенный характеръ, и развѣ изъ этого прикосновенія не выяснится въ нѣкоторыхъ случаяхъ истина, которая убѣдитъ бесѣдующихъ, что правъ былъ митрополитъ Платонъ, сказавшій, что религіозныя перегородки, раздѣляющія людей, не доходятъ до самаго Неба. При томъ, это прикосновеніе и теперь не имѣетъ уголовной санкціи и поэтому должно войти въ область безвозвратно уходящаго прошлаго. Напримѣръ, по этой же статьѣ воспрещается инославнымъ — лютеранамъ или католикамъ — при-

влекать въ христіанство нехристіанъ. Неужели, напримѣръ, если лютеранинъ или католикъ будетъ читать публичную лекцію и въ ней станетъ говорить евреямъ, которые соберутся его слушать, положимъ гдѣ-нибудь въ городкѣ Западнаго края, объ удивительной самоотверженной дѣятельности отца Даміана, отдавшаго на борьбу съ проказою свою жизнь и погибшаго въ этой борьбѣ, и станетъ указывать, какъ высока христіанская мораль, которая толкаетъ человѣка на подобное самоотверженіе, неужели это будетъ нарушеніемъ статьи, воспрещающей инославному прикасаться къ вѣрѣ иновѣрцевъ? Неужели лекторъ, быть-можетъ, даже вашъ покорнѣйшій слуга, если ему придется говорить о жизни святого доктора Гааза среди мусульманъ и указывать на этомъ живомъ примѣрѣ, до какой высоты самоотверженія можетъ довести истинное христіанство,—будетъ прикасаться къ ихъ вѣрѣ и окажется виновнымъ въ нарушеніи закона только потому, что, вопреки статьѣ 71 Устава о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій, не испросилъ на свою проповѣдь разрѣшенія и благословенія мѣстнаго архіерея? Вотъ почему мы четверо считаемъ, что наша поправка будетъ содѣйствовать дѣлу мира, конечно, если этотъ миръ понимать какъ слѣдуетъ, если urbi et orbi не провозглашать, что старообрядцы—враги, и не говорить о нихъ только, какъ о врагахъ. Намъ приводилъ здѣсь вчера уважаемый противникъ нашъ, архіепископъ Арсеній слова Спасителя: «Я принесъ вамъ не миръ, а мечъ», и указывалъ на то, что вотъ этого мира ожидать нельзя: надо, чтобы огонь возгорѣлся въ сердцахъ. Но, господа, хотя и рискуя подвергнуться обвиненію въ томъ, что вступаю въ область богословія, я все-таки думаю, что эти слова Спасителя надо понимать иначе. Они относились до духовнаго меча. Вѣдь все дѣльнѣйшее, что говоритъ Спаситель, касается семьи: ибо, сынъ возстанетъ на отца, братъ не согласится съ братомъ, мужъ оставитъ жену и дѣтей, т.-е. то ученіе, которое Спаситель внесъ въ міръ, раздѣлитъ даже самыхъ близкихъ людей, изъ которыхъ одни безоглядно, съ любовью, съ восторгомъ, съ самоотверженіемъ пойдутъ за Нимъ, а другіе останутся коснѣть въ прежнемъ заблужденіи. Вотъ что говорилъ Спаситель, и это такъ и случилось съ его

апостолами. Этотъ мечъ, понимаемый матеріально, былъ обращенъ именно противъ послѣдователей и учениковъ Христа, которые возлюбили весь міръ, признавъ впервые въ античномъ обществѣ достоинство человѣческой личности и возбудивъ противъ себя негодованіе и мщеніе этого общества. Есть превосходное произведеніе поэта Майкова, гдѣ эта идея христіанства высказана лучше, чѣмъ это можно сказать въ самой длинной рѣчи. Одинъ изъ героевъ его поэмы «Смерть Люція» говоритъ, обращаясь къ гордому своимъ господствомъ римлянину: «узнай подобнаго себѣ — въ убогомъ варварѣ, въ рабѣ — люби весь міръ, какъ Римъ ты любишь, и ты тогда христіанинъ», а тотъ ему отвѣчаетъ: «Марцеллъ, Марцеллъ, вѣдь Римъ одинъ». «Одинъ — слышитъ онъ въ отвѣтъ — одинъ! его ты этимъ губишь»! — Поэтому говоритъ объ этомъ мечѣ, какъ объ основаніи, чтобы не мириться, — нельзя.

Затѣмъ мнѣ остается сказать нѣсколько словъ. Господа, когда противъ обезсиленной недавней Севастопольской войной Россіи стала въ 1863 г. собираться и бряцать оружіемъ цѣлая коалиція западныхъ державъ, то старообрядцы забыли недавнюю обиду, нанесенную запечатаніемъ ихъ алтарей и, умѣя отдѣлять роль русскаго Монарха отъ узкихъ взглядовъ исполнителей и совѣтниковъ его, заявили Государю въ своемъ адресѣ, что они отдаютъ ему свою жизнь и свое состояніе на дѣло обороны родины, и сказали: «въ новизнахъ Твоихъ, Государь, намъ старина наша слышится». А вотъ здѣсь говорятъ противъ самаго закона 17 октября 1905 г. и будятъ воспоминанія о соборныхъ клятвахъ на старообрядцевъ. Но да не будетъ такъ! Пусть основанія новаго закона останутся незыблемы, пусть миръ именно по руслу этого закона войдетъ въ нашу жизнь и пусть не будетъ дано повода старообрядцамъ, вспоминая 1666 и 1677 гг. и читая законъ, который выйдетъ отъ васъ въ 1910 г., сказать: «въ новизнѣ вашей, господа, намъ старина *ваша* слышится».

«Духовнымъ лицамъ по старообрядчеству, настоятелямъ и наставникамъ, предоставляется право носить принятую у старообрядцевъ церковную одежду при отправленіи духовныхъ требъ,

а равно въ случаяхъ, установленныхъ закономъ, при религіозныхъ процессіяхъ, иноческое же одѣяніе во всякое время». Мы исходили, предлагая такого рода редакцію статьи, изъ того соображенія, что употребленіе церковнаго облаченія, несомнѣнно, есть одна изъ принадлежностей свободнаго отправленія своего вѣроученія. И такъ какъ первая статья положенія, принятаго Государственнымъ Совѣтомъ, говоритъ о свободномъ отправленіи вѣроученія и исполненія обрядовъ своего вѣроученія, то несомнѣнно, что, при исполненіи этихъ обрядовъ, т.-е. при богослуженіяхъ и отправленіяхъ требъ, ношеніе церковныхъ облаченій представляется для старообрядцевъ неизбѣжнымъ. Иначе это былъ бы не церковный обрядъ и не богослуженіе. Поэтому ношеніе облаченій неразрывно связано съ самой свободой отправленія своего вѣроученія. Но затѣмъ возникалъ вопросъ о томъ, возможно ли, однако, употребленіе облаченій при всякихъ другихъ религіозныхъ обрядахъ, т.-е. при религіозныхъ процессіяхъ и молебнахъ, между прочимъ, какъ здѣсь было указано, при молебнахъ по случаю неурожая и т. д. Мы исходили изъ того соображенія, что и религіозныя процессіи составляютъ точно такъ же проявленіе свободы исповѣданія своей вѣры и что поэтому, идя послѣдовательно, необходимо разрѣшить употребленіе церковнаго облаченія и при этихъ процессіяхъ. Теперь, второй вопросъ о томъ — какихъ *облаченій?* Намъ скажутъ, что это будутъ тѣ же самыя облаченія, которыя носитъ православное духовенство и что, такимъ образомъ, для православнаго населенія будетъ соблазнъ, состоящій въ томъ, что духовныя лица, принадлежащія къ старообрядцамъ, носятъ тѣ же самыя облаченія, какъ и духовныя лица православныя. Едва ли это такъ! Во-первыхъ, извѣстно, что подобнаго рода процессіи и отправленіе богослуженія фактически самымъ широкимъ образомъ не только терпимы, но разрѣшены указомъ 17 апрѣля 1905 г. Всѣ наши иллюстрированные журналы и газеты содержатъ въ себѣ рисунки и фотографіи этого рода процессій за послѣдніе годы, и тамъ мы видимъ, что въ облаченіяхъ есть существенно отличные признаки отъ православныхъ, начиная отъ убора головы и кончая особыми пелеринками, которыя носятъ старообрядческіе

епископы. Затѣмъ, *третій вопросъ*: въ какихъ условіяхъ можетъ быть это разрѣшено? Намъ скажутъ, что это можетъ вызвать нарушеніе общественнаго порядка, состоящее въ томъ, что религіозныя процессіи старообрядцевъ могутъ встрѣтиться съ процессіями православными, что между ними могутъ произойти столкновенія, упреки, брань и, можетъ-быть, даже драка и что, затѣмъ, одновременное движеніе нѣсколькихъ процессій въ одни и тѣ же праздничные дни можетъ нарушить общественный порядокъ и тишину. Нельзя отрицать возможности всѣхъ подобныхъ явленій, но дѣло въ томъ, что гарантія противъ нихъ содержится въ тѣхъ правахъ, которыми обладаетъ мѣстная полицейская власть. Вѣдь столкновеніе двухъ, напримѣръ, крестныхъ ходовъ или двухъ процессій, направляющихся къ мѣсту водоосвященія въ день Крещенія, можетъ быть устранено назначеніемъ ихъ въ разное время и указаніемъ имъ пути по разнымъ улицамъ города. Вѣдь постоянно мы присутствуемъ при томъ, какъ полицейская власть, опираясь на принадлежащія ей полномочія, употребляетъ различныя мѣры для установленія порядка именно въ движеніи по улицамъ и площадямъ. Мы знаемъ, что въ извѣстные дни, когда предполагается большое скопленіе публики и покупателей въ Гостиномъ дворѣ, на Садовой улицѣ было прекращаемо движеніе конно-желѣзной дороги, а теперь движеніе трамвая. Мы знаемъ, что при извѣстныхъ торжественныхъ или историческихъ событіяхъ полиція предписываетъ запереть для движенія извѣстныя улицы до извѣстнаго часа. Мы знаемъ, что полиція совершенно прекращаетъ движеніе конно-желѣзныхъ дорогъ и трамваевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по улицѣ должна итти какая-нибудь процессія, проѣхать какой-нибудь иностранный монархъ, посѣщающій С.-Петербургъ, или двигаться большія войсковыя массы. То же самое право будетъ имѣть полицейская власть относительно крестныхъ ходовъ и молебствій, которыя будутъ служить старообрядцы, и отъ нея будетъ зависѣть, въ данномъ случаѣ, указать путь, по которому должна слѣдовать процессія, и время, въ какое она должна итти, чтобы не конкурировать, такъ сказать, или не смѣшиваться съ процессіей православной и тѣмъ не возбуждать смущенія. Но принять то, что

предлагается намъ здѣсь уже не Комиссіей, а особымъ мнѣніемъ А. С. Стишинскаго, т.-е. каждый разъ испрашивать разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, представляется въ высшей степени затруднительнымъ, не говоря о томъ, что будетъ крайне неудобно и для министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшать подобныя мелочи. Министръ можетъ разрѣшать или не разрѣшать извѣстныя процессіи, только имѣя сообщенія съ мѣста, т.-е. сносясь съ мѣстными властями, слѣдовательно, всѣ эти вопросы будутъ разрѣшаться въ сущности мѣстною полицейскою властью, а не министромъ, который будетъ давать лишь санкцію тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ получитъ съ мѣста. Но есть случаи, когда такого рода требованія суть въ сущности уничтоженіе возможности молиться. Я беру тотъ самый примѣръ, который былъ намъ здѣсь приведенъ. Есть чудесная молитва, обращенная къ Господу Богу о томъ, чтобы Онъ далъ землѣ, жаждущей дождя, небесную влагу. Но когда существуетъ засуха, и въ глубокомъ вѣрующемъ порывѣ жители хотятъ отслужить молебенъ, то если они старообрядцы, они должны обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой разрѣшить имъ молиться о ниспосланіи дождя. Это представляется не только страннымъ и даже смѣшнымъ, но это одно изъ тѣхъ мелочныхъ затрудненій, про которыя нѣмцы прекрасно говорятъ: «Es machť böses Blut, а «böses Blut machen» едва ли представляется полезнымъ... Вотъ соображенія, по которымъ мы ходатайствуемъ передъ Общимъ Собраніемъ, чтобы принята была наша редакція, такъ какъ она освобождаетъ и отъ напрасной проволочки времени и отъ нерѣшительности, робости и придирчивости мѣстной администраціи, которая постоянно можетъ не разрѣшать совершенно законныхъ желаній мѣстныхъ старообрядцевъ вслѣдствіе того, что будетъ ждать разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

II.

О переходѣ изъ одного исповѣданія вѣры въ другое.

(Засѣданія 4, 9, 11 и 16 ноября 1911 года).

Я не буду долго утомлять ваше вниманіе, господа члены Государственнаго Совѣта, говоря по вопросу объ отклоненіи настоящаго законопроекта, каковое предлагается съ двухъ сторонъ. Съ одной — его считаютъ нужнымъ похоронить, какъ декларацію и вывѣску (въ нашей комиссіи еще упоминалось о декораціи и декламаціи) «такъ называемой и какой-то свободы совѣсти», дѣлаемую безъ всякой надобности. Но выраженіе «свобода совѣсти» употреблено въ Высочайшемъ манифестѣ 17 октября 1905 г., въ силу котораго мы всѣ собраны здѣсь, а то, что называется теперь декларацiей, помѣщено въ этомъ манифестѣ не какъ громкое слово, лишенное внутренняго содержанія, а какъ общее, основное, руководящее положеніе, подробности и выводы изъ котораго еще подлежатъ дальнѣйшей разработкѣ. Въ этомъ именно смыслѣ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, напечатанномъ вмѣстѣ съ манифестомъ, говорилось, что первую задачу правительства должно составить осуществленіе основныхъ элементовъ правового строя и, въ томъ числѣ, свободы совѣсти, при чемъ укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ жизни общества имѣетъ послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки. Передъ этой разработкой мы и стоимъ теперь не безъ

всякой надобности, а въ силу необходимости осуществить одно изъ важнѣйшихъ положеній манифеста 17 октября въ точномъ и подробно разработанномъ словѣ закона. Эта необходимость вытекаетъ уже изъ того, что жизнь представляетъ рядъ недоразумѣній и затрудненій именно въ дѣлѣ вѣротерпимости, объ укрѣпленіи которой было возвѣщено въ возвышенныхъ и торжественныхъ словахъ еще 17 апрѣля 1905 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ намъ здѣсь, что Сенатъ отказывается разрѣшать эти недоразумѣнія за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ законовъ. Такъ дѣйствуетъ первый департаментъ, а кассаціонному уголовному приходится оставлять безъ послѣдствій жалобы на приговоры, состоявшіеся на основаніи соображеній стараго порядка, вслѣдствіе отсутствія новыхъ узаконеній, которыхъ еще приходится ждать отъ нашихъ представительныхъ учрежденій. Этому, конечно, не могутъ помочь ни циркуляры Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, представляющіе собою тотъ инструкціонный порядокъ, противъ котораго такъ основательно ополчился здѣсь одинъ изъ нашихъ іерарховъ, ни отдѣльныя разъясненія Министерства Юстиціи предсѣдателямъ окружныхъ судовъ и съѣздовъ о примѣненіи положенія Комитета Министровъ, состоявшагося въ 1905 году. Всѣ эти толкованія изъ области личныхъ взглядовъ и усмотрѣній не могутъ замѣнить собою твердаго и точнаго слова закона, котораго ждетъ населеніе, какъ ждетъ оно исполненія послѣдовавшаго шесть съ половиной лѣтъ назадъ порученія Комитета Министровъ о внесеніи въ законодательныя учрежденія проекта объ актахъ гражданскаго состоянія лицъ, переходящихъ въ другое исповѣданіе, и о регистраціи такихъ переходовъ.

Какъ основаніе къ отклоненію проекта указывается на то, что, воспроизводя, безъ надобности, основное положеніе указа 17 апрѣля 1905 г. о ненаказуемости отпаденія отъ православной вѣры, этотъ проектъ какъ бы призываетъ къ этому отпаденію. Но что значитъ эта рекомендація умолчанія объ основномъ положеніи указа объ упроченіи вѣротерпимости? Къ чему это желаніе, чтобы законъ — и какой важный законъ! — стыдливо прятался въ тѣни неизвѣстности? Законодатель долженъ дѣйствовать съ открытымъ забраломъ, прямодушно, безъ уклоненій и

безъ задней мысли высказывая то, что онъ признаетъ нужнымъ. Ему совѣтуютъ не быть откровеннымъ, ему внушаютъ здѣсь смущенное умалчиваніе о томъ, что ему поручено разработать указаніемъ съ высоты Престола! Такіе вопросы, какъ о свободѣ вѣроисповѣданія, нельзя затушевывать или запихивать куда-нибудь въ далекій уголокъ свода законовъ и помѣщать, напримѣръ, въ XIV томъ, — въ уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, между уставомъ о ссыльныхъ и законами объ азартныхъ играхъ, пьянствѣ и непотребствѣ. Этихъ вопросовъ, путемъ недоговариванія, нельзя ставить такъ, чтобы недоумѣвающіе обыватели не знали, на что они имѣютъ право, и, для разрѣшенія сомнѣній о предѣлахъ свободы своей совѣсти, вынуждены были обращаться къ подпольнымъ совѣтчикамъ и мелкимъ ходатаямъ по дѣламъ, подвергаясь всякаго рода злоупотребленіямъ и подчиняясь всевозможнымъ лжетолкованіямъ. Возможно ли допустить такое положеніе вещей, при которомъ этого рода руководители явятся истолкователями великодушныхъ намѣреній и обѣщаній манифеста 17 октября и указа 17 апрѣля 1905 года, а мы, Государственный Совѣтъ, умоемъ себѣ руки въ дѣлѣ этого истолкованія? Не могу не сказать нѣсколько словъ по поводу опасностей, будто бы грозящихъ православной Церкви отъ принятія этого проекта къ разсмотрѣнію. Казалось бы, что, считая Церковь тѣсно и неразрывно, въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ, слитою съ государствомъ, нельзя возражать противъ коренныхъ началъ вѣротерпимости, выраженныхъ въ указанныхъ здѣсь неоднократно манифестѣ и указѣ, которыми признаны новыя начала раскрѣпощенія совѣсти совмѣстимыми съ положеніемъ православной Церкви въ русскомъ государствѣ. Да и что доказываютъ всѣ эти экскурсіи въ область отдаленной исторіи, эти сочувственныя оглядки назадъ, на XV и XVI вѣка съ ихъ нетерпимостью къ инославію, на еще болѣе отдаленныя времена, когда отступники отъ вѣры отцовъ побивались камнями? На этихъ камняхъ ничего построить нельзя, и если говорить о дѣлѣ мира и любви, которое предстоитъ нашей Церкви, то, прежде всего, надо устранить то чувство страха, которое диктовало картины прошлаго и диктуетъ нынѣ воспоминанія о нихъ. Когда какое-либо вели-

кое дѣло основано на любви и дѣйствуетъ орудіями мира—ему нечего бояться за свое существованіе! «Въ дѣлѣ любви, — говоритъ апостолъ и евангелистъ Іоаннъ, — нѣсть страха!» Позвольте привести слова, указывающія на то, что не стѣсненіями свободы совѣсти, а внутреннею самодѣятельностью можетъ быть крѣпка и сильна православная Церковь: «Нужно для вразумленія заблудшихъ, кромѣ церковнаго слова, и церковное дѣло: «сія подобаетъ творити и онѣхъ не оставляти». А, между тѣмъ, именно общаго церковнаго дѣла, общецерковныхъ интересовъ у насъ вовсе и нѣтъ. Нѣтъ ихъ не только среди инородцевъ, но и среди русскихъ: поэтому, у насъ и происходитъ распаденіе церковнаго общества во всѣ стороны». Это говоритъ не поверхностный наблюдатель жизни, а епископъ Андрей, на страницахъ органа братства Св. Гурія.

Насильственное удержаніе въ своей оградѣ людей, желающихъ по велѣніямъ своей совѣсти, перейти въ другое христіанское же исповѣданіе, не напоминаетъ ли организмъ, недугъ котораго внѣшними мѣрами загнанъ внутрь? Разъѣдаемый имъ, упорно и тайно, организмъ едва ли станетъ крѣпче...

Отклоненіе проекта предлагается, съ другой стороны, путемъ предложенія А. С. Стишинскаго, принятіе котораго свело бы весь вопросъ о свободѣ совѣсти на ничто, обративъ его въ вопросъ о принужденіи совѣсти!

Я затруднялся повѣрить своимъ глазамъ и ушамъ, когда услышалъ объ этомъ предложеніи и прочиталъ его. А. С. Стишинскій желаетъ, чтобы отпавшій отъ православія и *принявшій другое христіанское вѣроисповѣданіе* утрачивалъ право поступленія на государственную службу и, если отпаденіе совершилось, пока онъ состоитъ на службѣ, то подлежалъ бы увольненію.

Иными словами, онъ желаетъ возвращенія назадъ не только *за* манифестъ 17 октября и указъ 17 апрѣля 1905 года, но и за постановленія свода законовъ 1857 и 1832 годовъ, ко временамъ той нетерпимости, отъ которой отказывались въ Россіи уже въ XVIII столѣтіи. Конечно, точки зрѣнія бываютъ разныя, но на *эту* стать рѣшительно невозможно, ибо немыслимо пятиться назадъ въ дѣлѣ законодательства, понимающаго свои обязанно-

сти предъ назрѣвшими потребностями жизни. Этому препятствуетъ, въ данномъ случаѣ, во-первыхъ, указъ 17 апрѣля, въ пунктѣ первомъ коего категорически сказано, что отступленіе отъ православія не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою никакихъ невыгодныхъ послѣдствій. А намъ предлагается ввести именно такія невыгодныя послѣдствія и установить увольненіе отъ службы, т.-е. именно такое преслѣдованіе.... Во-вторыхъ, въ старомъ уложеніи о наказаніяхъ, въ нынѣ отмѣненномъ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ вѣры и ограждающихъ ее постановленій, была статья 188, въ силу которой отступившіе отъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе увѣщались и вразумлялись по правиламъ Церкви; надъ имѣньями ихъ, населенными православными, учреждалась опека, и имъ воспрещалось имѣть въ нихъ пребываніе, а относительно огражденія малолѣтнихъ дѣтей отъ совращенія принимались мѣры, указанныя въ ст. 39 уст. о пресѣч. преступленій. Съ упраздненіемъ крѣпостного права, когда прекратилась возможность вліять на подвластныхъ въ видахъ совращенія, вторая часть этой статьи, очевидно, осталась безъ примѣненія, а мѣры, упоминаемыя въ ст. 39, опредѣлялись усмотрѣніемъ Монарха по представленію министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1903 году статья 188 уложенія о наказ. отмѣнена, и, какъ слѣдъ ея, осталась лишь статья 89 новаго уложенія, карающая родителей и опекуновъ, обязанныхъ, по закону, воспитывать малолѣтняго въ правилахъ православной вѣры и виновныхъ въ крещеніи его или приведеніи къ инымъ таинствамъ другого христіанскаго вѣроисповѣданія. Между тѣмъ, намъ предлагается за простое отпаденіе, безъ всякаго совращенія, установить кару, далеко превышающую даже и то, о чемъ говорила статья 188, т.-е. предлагается послѣдовать словамъ того мрачнаго библейскаго царя, который говорилъ: «отецъ мой наказывалъ васъ ранами, я же накажу васъ скорпіонами!» И затѣмъ — что значитъ утратить право поступленія на государственную службу? Вѣдь это значитъ — утратить всю свою рабочую молодость, всѣ права, пріобрѣтенныя годами ученія, всѣ знанія, доставшіяся трудомъ, о примѣненіи которыхъ въ пользу государства и на благо общества мечтается всякому, любящему свою родину. Наконецъ,

по отношенію къ поступленію въ привилегированныя учебныя заведенія — это значитъ утратить права, пріобрѣтенныя служебными заслугами родителей. И за что? За то, что, по убѣжденію своей совѣсти и раздѣляя возвышенное воззрѣніе, выраженное въ Высочайшемъ указѣ 17 апрѣля, молодой человѣкъ, неравнодушный къ вѣрѣ, перемѣстился изъ одной области христіанства въ другую! Потомъ — что значитъ увольненіе отпавшаго отъ службы? По статьѣ 65 уложеніе о наказ. увольненіе отъ службы есть служебное наказаніе и очень сильное. Прежде всего, это — потеря права на пенсію, т.-е. нарушеніе договора государства съ поступающимъ на службу лицомъ, которому, въ случаѣ безпорочной службы, обязанности коей изложены въ присягѣ, обезпечивается кусокъ хлѣба на старость, за отданные и потраченные безвозвратно годы и силы... Но гдѣ же въ текстѣ присяги или въ уставѣ о службѣ гражданской сказано, что должностное лицо обязано безвыходно пребывать въ православіи, подъ угрозой потери службы? Развѣ, наконецъ, переходъ въ другое христіанское же исповѣданіе есть переходъ въ такое предосудительное состояніе, пребываніе въ которомъ не можетъ быть терпимо на службѣ, въ родѣ запойнаго пьянства или несостоятельности, грозящей обратиться въ злостную? Мыслимо ли это?

Люди, вѣрующіе по уставамъ православной Церкви, вполнѣ естественно должны считать свой путь къ спасенію души самымъ правильнымъ: они могутъ жалѣть, что не всѣ раздѣляютъ ихъ убѣжденія, могутъ скорбѣть о тѣхъ, кто отпадаетъ отъ того, что они признаютъ истиной и съ чѣмъ у нихъ связаны радостныя ощущенія и свѣтлыя минуты, но желать, чтобы они считали отпадающихъ отверженцами отъ службы родинѣ и вмѣняли въ ничто ихъ опытъ, знаніе и трудъ — значило бы желать невозможнаго ни съ нравственной, ни съ житейской, ни съ исторической точки зрѣнія. Въ какой странѣ и въ какое время выражается это желаніе? Въ Россіи, наканунѣ празднованія столѣтія 1812 года, столѣтія нашей Отечественной войны, на священныхъ страницахъ лѣтописи о которой, на ряду со славными русскими именами, записано, напримѣръ, имя инославнаго Барклая-де-Толли, такъ трогательно воспѣтаго Пушкинымъ; — въ странѣ, гдѣ министрами

финансовъ были лютеране Канкринъ, Рейтернъ и Бунге, гдѣ русскую науку озарилъ своими трудами знаменитый Бэръ, гдѣ въ тюремномъ дѣлѣ свѣтитъ человѣколюбецъ католикъ-докторъ Гаазъ, которому Москва только что поставила памятникъ!..

Такъ ли мы богаты людьми, чтобы считать отпаденіе равносильнымъ отставкѣ безъ прошенія? Предложеніе, о которомъ я говорю, дышитъ такой нетерпимостью, установляетъ такой узкій взглядъ, что принятіе его и занесеніе на страницы закона уничтожаетъ въ корнѣ самый проектъ о свободѣ совѣсти и, по своей непріемлемости, въ сущности соотвѣтствуетъ отклоненію этого проекта. Скажу больше: принятіе этого предложенія — чего, твердо надѣюсь, не случится — заставило бы вспомнить одинъ изъ безсмертныхъ образовъ Шекспира. На рукѣ лэди Макбетъ есть несмываемое пятно; — но такія же пятна бываютъ и на законодательствѣ, забывшемъ о своихъ цѣляхъ или превратно ихъ понимающемъ. Такимъ пятномъ, въ глазахъ потомства, явилось бы принятіе предложенія А. С. Стишинскаго...

Вотъ основанія, по которымъ я считаю необходимымъ перейти къ постатейному обсужденію проекта и буду защищать свои поправки.

Господа, вамъ предлагается возвратить это дѣло вновь на разсмотрѣніе Комиссіи. Почему? Потому что есть поправки. Но поправки эти въ большей части касаются вопросовъ, которые уже были на обсужденіи Комиссіи и разсмотрѣны весьма подробно. По нимъ члены Комиссіи не сошлись во взглядахъ, и теперь окончательное слово принадлежитъ вамъ. Если по поправкамъ, которыя сами по себѣ не представляютъ какого-либо отступленія отъ основного принципа, положеннаго въ законопроектъ, его придется передать въ Комиссію, то, такимъ образомъ, у насъ въ сущности ни одинъ большой проектъ не можетъ быть разсмотрѣнъ сразу, а достаточно будетъ нѣсколькимъ членамъ отнестись къ вопросу враждебно и представить нѣкоторыя видоизмѣненія не только взглядовъ, но даже и редакціи, чтобы, основываясь на этомъ, потребовалъ передачи дѣла въ Комиссію. Затѣмъ, для чего эта передача? Если для того, чтобы эти поправки были обсуждены вновь, то это совершенно безполезно. Мы, го-

спода, занимались полтора года этимъ вопросомъ, у насъ были частныя засѣданія, мы спорили и состязались весьма много. Я позволю себѣ сказать, что мы относились къ этому вопросу, въ виду его важности, съ вѣрой въ то, что онъ долженъ быть рѣшенъ по совѣсти и со страхомъ Божіимъ, понимая, какъ важенъ этотъ вопросъ для всего нашего законодательства и для всего нашего народа. Къ чему же эта передача въ Комиссію приведетъ? Мы всѣ останемся при нашемъ мнѣніи. Едва ли кто-нибудь здѣсь присутствующій, послѣ полутора года работы, послѣ того, какъ онъ совершенно категорически высказался, скажетъ: «ну, пожалуй, теперь я отстану отъ своего мнѣнія». Господа, это значитъ быть слишкомъ низменнаго мнѣнія о членахъ нашей Комиссіи. А если вопросъ пойдетъ о томъ, чтобы передать это дѣло въ *новую* Комиссію, то это означало бы погребеніе даже и не по первому разряду. У насъ цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ вопросовъ, мы въ сущности до сихъ поръ ни одного важнаго, касающагося всей народной жизни, вопроса не разрѣшили, кромѣ вопроса объ ограниченіи общиннаго землевладѣнія. Всѣ остальные вопросы касались опредѣленнаго круга лицъ: то мы говорили о попечительствахъ о народной трезвости, то говорили о техническихъ вопросахъ судопроизводства, которые касаются спеціальной сферы дѣятельности, то, наконецъ, мы говорили объ авторскомъ правѣ, которое, конечно, къ жизни населенія имѣетъ очень мало отношенія. Но этотъ проектъ одинъ изъ коренныхъ, имѣющихъ отношеніе къ *настоящей* народной жизни. Для чего же мы будемъ опять его откладывать, передавая въ Комиссію, которая намъ черезъ недѣлю или черезъ двѣ его вернетъ съ прежнимъ своимъ мнѣніемъ? И тогда мы скажемъ: это сказка о бѣломъ бычкѣ и выберемъ новую Комиссію, а новая Комиссія, повторю, будетъ погребеніемъ настоящаго законопроекта. Не надо забывать, что въ будущемъ году Пасха будетъ 25 марта, что послѣ Пасхи наступятъ выборы въ новую Государственную Думу и въ обновляемый Государственный Совѣтъ, и тогда будетъ не до проектовъ. Слѣдовательно, если мы не разсмотримъ этого вопроса теперь, если онъ придетъ къ намъ въ декабрѣ или январѣ, то покуда мы съ нимъ покончимъ, да покуда образуется согласительная Комиссія, и пока она рѣшитъ

вопросъ о разногласіяхъ, наступитъ такой моментъ, когда наша дѣятельность и дѣятельность Государственной Думы будутъ парализованы. Между тѣмъ, можемъ ли мы такъ относиться къ народнымъ потребностямъ? Намъ здѣсь предлагалось только что раздѣлить совѣсть народную на два вида: одна совѣсть будетъ гражданская, а другая будетъ совѣсть духовная и сначала рекомендуется развить совѣсть гражданскую, т.-е. ждать того времени, когда народонаселеніе будетъ богато, обезпечено, когда никакихъ стихійныхъ несчастій не будетъ, когда потекутъ медовыя рѣки между кисельными берегами, и лишь тогда обратиться къ другому виду совѣсти, совѣсти — духовной. Но такъ нельзя смотрѣть на вопросы совѣсти! Въ старое время, на которое многіе оглядываются съ любовью, сначала разсматривались вопросы духовной совѣсти, и уже изъ нихъ вытекала гражданская совѣсть людей. Говорилось: — это грѣшно, а въ томъ, что грѣшно, лежало и понятіе о томъ, что стыдно, и о томъ, что вредно. Такимъ образомъ, изъ духовной совѣсти все выходило и никакого раздѣленія совѣстей не было. Теперь говорятъ, что народу будетъ предоставлено опасное право различать между добромъ и зломъ. Да позвольте, развѣ народъ малолѣтній, развѣ талантливая и блестящая его природа, вынесшая на своихъ плечахъ его исторію, до того измельчала, что народъ самъ, по собственному усмотрѣнію, не можетъ различать, гдѣ добро и гдѣ зло? Ужели хотятъ отъ него скрывать то, что статья 188 Уложенія отмѣнена, что уголовнаго преслѣдованія за переходъ изъ Православія болѣе не существуетъ?!..

Передать это дѣло въ Комиссію невозможно. Надо рѣшить вопросъ теперь и рѣшить его на основаніи статей этого проекта. Если мы этого не сдѣлаемъ, то законъ этотъ канетъ въ вѣчность, а если онъ канетъ въ вѣчность, я думаю, что къ намъ можно будетъ обратить слова Писанія: «горе вамъ, законники, взяли вы ключи разумѣнія, сами вы не вошли и другимъ воспрепятствовали».

Необходимо опредѣлить границы обсуждаемаго вопроса и отвергнуть тѣ ложные пути, на которые насъ увлекаютъ, говоря, что проектъ устанавливаетъ отступленіе отъ Православія, не только въ инославныя исповѣданія, перечисленныя въ законѣ,

но даже и въ разнаго рода безнравственныя секты, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющія. При этомъ забываютъ, что и Государственная Дума и наша особая Комиссія не имѣли въ виду секты, принадлежность къ которымъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ, — что, затѣмъ, Уложеніе караетъ Сибирью принадлежность къ фанатическимъ ученіямъ, сопровождаемымъ противонравственными и гнусными дѣйствіями, — что о законномъ признаніи сектъ внесено въ 1906 г. въ Государственную Думу особое представленіе, и разработанный на основаніи его проектъ до сихъ поръ въ Государственный Совѣтъ не поступилъ. Поэтому всѣ эти экскурсіи въ область скопчества, хлыстовства и борцовъ съ дьяволомъ, — всѣ эти цитаты изъ описаній удушливой области сѣроводорода, — излишни. Указомъ 17 апрѣля 1905 г. силою и оружіемъ Православной Церкви были вновь и торжественно признаны: «благодать Господня, поученіе, кротость, добрые примѣры». Этимъ былъ какъ бы осуществленъ поэтическій совѣтъ глубокаго мыслителя и богослова Хомякова: «не налагать на правду Божью гнилую тяжесть латъ земныхъ». Именной Указъ 17 апрѣля 1905 г. исходилъ изъ сердечнаго стремленія Монарха обезпечить каждому изъ его подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ ихъ совѣсти, а Указъ 12 декабря 1904 г. провозглашалъ необходимость внесенія въ законодательство существенныхъ нововведеній въ виду назрѣвшей потребности страны въ терпимости по дѣламъ вѣры. Этими Указами намѣченъ и дальнѣйшій путь нашего вѣроисповѣднаго законодательства. Оно должно исходить изъ сердечнаго стремленія, т.-е. руководиться не однимъ холоднымъ сознаніемъ необходимости, полезности или цѣлесообразности, а и голосомъ сердца, несущаго оливу мира и забвенія тягостнаго прошлаго. По отношенію къ вѣрованію, т.-е. къ свободѣ совѣсти, и къ молитвамъ, т.-е. къ вѣротерпимости, оно должно обезпечить свободу, т.-е. создать нѣчто прочное и неизмѣнное, ограждающее отъ временныхъ и случайныхъ отступленій и колебаній, подъ вліяніемъ преходящей злобы дня. Это должно быть достигнуто путемъ существенныхъ нововведеній, т.-е. путемъ дальнѣйшаго развитія и расширенія законодательныхъ нормъ, не при-

способляясь къ отжившимъ законамъ и не устремляя неподвижнаго взора въ прошлое.

Обращаясь, съ этой точки зрѣнія, къ проектируемымъ постановленіямъ по законопроекту о переходѣ изъ одного исповѣданія вѣры въ другое, я нахожу, что отмѣна преслѣдованій за такой переходъ и связанныхъ съ нимъ различнаго рода правовыхъ ограниченій представляетъ не одно только допущеніе безнаказанности такого перехода и устраненіе необходимости испрашивать на него разрѣшеніе административной власти. Касаясь одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ духовной жизни человѣка — свободы его совѣсти—эта отмѣна знаменуетъ собой не одно лишь законное допущеніе перемѣны одного христіанскаго вѣроисповѣданія на другое, но и установленіе *права* на это. Одного указанія на *возможность* такого перехода, на его фактическое совершеніе недостаточно. То, что допускается, какъ «совершившійся фактъ», всегда носитъ на себѣ временный характеръ и не исключаетъ сомнѣнія въ своей прочности. Въ государственной и общественной жизни есть области, въ коихъ гражданинъ долженъ, становясь дѣеспособнымъ и правоспособнымъ, знать не то, что онъ можетъ сдѣлать, не то, въ чемъ онъ не встрѣтитъ препятствій, и не то, что, вѣроятно, дозволено, потому что прямо не воспрещено, — а то, что принадлежитъ ему, какъ право. Поэтому, законныя проявленія свободы совѣсти и трактуются въ западныхъ законодательствахъ какъ *право*, а не какъ *дозволенная возможность*. Сущность этого права состоитъ въ томъ, что, при наличіи точно опредѣленныхъ условій, оно подлежитъ безпрепятственному осуществленію со стороны власти—иными словами, что оно даетъ и обезпечиваетъ свободу перехода въ христіанскія вѣроисповѣданія, а изъ нехристіанскихъ въ таковыя же,—свободу, подвергавшуюся до Указа 17 апрѣля 1905 г. различнымъ стѣсненіямъ, граничавшимъ съ полнымъ ея отрицаніемъ, доходившимъ даже до запрещенія идолопоклонникамъ переходить въ исламъ, т.-е. переходить отъ многобожія къ единобожію. Поэтому, на ряду съ упоминаніемъ о *правѣ* перехода, представляется необходимымъ указать и на *свободу* его и тѣмъ устранить возможность предположенія, что осуществимость этого права можетъ быть обусловлена какими-

либо дальнѣйшими ограниченіями, не заключающимися въ самомъ опредѣленіи его содержанія. Въ этомъ смыслѣ слова *свобода* употребляется и въ статьяхъ 66 и 67 Законовъ Основныхъ.

Условіями осуществленія перехода признаются, въ качествѣ общаго правила: а) достиженіе переходящимъ двадцати одного года отроду и б) истеченіе сорокадневнаго срока со времени подачи заявленія о переходѣ, если при томъ будетъ представлено удостовѣреніе о состоявшемся присоединеніи заявителя къ избранному имъ вѣроученію, каковой срокъ не соблюдается въ случаѣ тяжкой, угрожающей жизни, болѣзни переходящаго. Обращаясь къ *возрасту*, я нахожу, что къ установленію его въ видѣ двадцати лѣтъ съ годомъ не представляется достаточныхъ основаній, особливо, если принять во вниманіе, что этимъ возрастомъ регулируются и необходимость согласія родителей на переходъ дѣтей изъ нехристіанства въ христіанство и пребываніе дѣтей въ вѣрѣ одного изъ родителей, не перешедшаго подобно другому въ иное исповѣданіе. Законъ различно относится къ принятію на себя въ молодомъ возрастѣ обязанностей *нравственнаго* свойства и обязательствъ *матеріальнаго* характера, установляя различные сроки для наступленія пользованія правами, соотвѣтствующими этимъ обязанностямъ и обязательствамъ. Согласно статьѣ 221 ч. I т. X Свода Законовъ, право на полное распоряженіе имуществомъ и свобода вступать въ обязательства пріобрѣтаются лишь по достиженіи двадцати лѣтъ съ годомъ. Между тѣмъ въ Европейской Россіи и Сибири вступленіе въ бракъ разрѣшается — мужчинамъ по достиженіи *восемнадцати*, а женщинамъ — *шестнадцати* лѣтъ отроду. Вызывая собою для жены въ нѣкоторыхъ случаяхъ перемѣну подданства, стѣсняя свободу избранія ею мѣстожительства, ограничивая степень повиновенія ея власти родителей, вступленіе въ бракъ налагаетъ на мужа обязанность доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности, защищая ее, извиняя ея недостатки и облегчая ея немощи. Вступившіе въ бракъ принимаютъ на себя обязательство не только содержать своихъ дѣтей, но и давать имъ доброе и честное воспитаніе, обращая все свое вниманіе на ихъ нравственное развитіе и содѣйствуя ви-

дамъ правительства, согласно требованію статьи 173 ч. I. т. X. Поэтому наступленіе брачнаго совершеннолѣтія является такимъ моментомъ въ жизни русскаго гражданина, съ котораго онъ получаетъ право и возможность, «оставить отца и матерь свою», основать свою собственную семью, дать существованіе законнымъ дѣтямъ своимъ и стать, по отношенію къ обществу и государству, нравственно отвѣтственнымъ учредителемъ и главою первоначальнаго союза, изъ котораго слагаются, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, эти послѣдніе. Несомнѣнно, что законъ предполагаетъ въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательный образъ дѣйствій, и что Церковь, благословляющая бракъ, какъ тайну, которая «велика есть», ожидаетъ отъ вступающихъ въ него не плотскаго увлеченія внѣбрачнаго сожитія, а продуманнаго духовнаго союза на всю жизнь. Есть ли, вслѣдствіе этого, основаніе считать людей, получающихъ право вступить въ такой союзъ, неспособными отдать себѣ сознательный отчетъ въ томъ, что они дѣлаютъ, желая перейти изъ одной Церкви въ другую въ предѣлахъ единой христіанской вѣры, или оставить нехристіанство ради возвышенной вѣры въ Искупителя, призывавшаго къ себѣ даже и дѣтей, или, наконецъ, перейти отъ языческаго идолослуженія къ поклоненію Единому Богу магометанъ и евреевъ. Мнѣ могутъ указать и на статью тома X, уменьшающую брачный возрастъ на три года для жителей Закавказья, но надо имѣть въ виду, что статья эта говоритъ о природныхъ жителяхъ, у которыхъ зрѣлость мысли и духа, очевидно, наступаетъ ранѣе. Кромѣ того, надо замѣтить, что практика примѣненія статьи 284 Устава Иностранныхъ Исповѣданій еще не такъ давно допускала переходъ между инославными въ возрастѣ 15 лѣтъ.

Относительно сорокадневнаго срока я долженъ замѣтить, что перемѣна религіи, совершаемая изъ чистыхъ побужденій, должна составлять столь важное дѣло въ жизни человѣка, что на обдумываніе его, конечно, должно уйти достаточно времени до подачи заявленія, чтобы нуженъ былъ еще шестинедѣльный срокъ для новаго взвѣшиванія предпринятаго уже шага, связаннаго, при томъ, уже съ фактическимъ присоединеніемъ къ другому исповѣданію. Въ случаяхъ же задуманной перемѣны религіи изъ не-

чистыхъ и своекорыстныхъ побужденій, сорокадневный срокъ, не связанный при томъ ни съ какимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ служителей покидаемой Церкви или вѣроученія, практически совершенно утрачиваетъ свое значеніе, являясь лишь однимъ изъ средствъ шантажа по отношенію къ тѣмъ близкимъ заявителю лицамъ, для которыхъ дорого сохранить его для прежняго, завѣщаннаго отцами и дѣдами, исповѣданія. Достаточно признать, что желающій перемѣнить свое вѣроисповѣданіе считается присоединившимся къ другому, имъ избранному, если одновременно съ подачею, или вслѣдъ за нею, въ установленномъ порядкѣ заявленія онъ представитъ удостовѣреніе о своемъ состоявшемся присоединеніи. Если считать возможнымъ сократить сорокадневный срокъ въ случаѣ тяжкой, угрожающей жизни болѣзни, то этимъ значительно ослабляется та обдуманность, во имя которой вводится сорокадневный срокъ, такъ какъ именно эту обдуманность парализуетъ физическое и нравственное разслабленіе, связанное съ тяжкою болѣзнью. Можно предвидѣть рядъ случаевъ, когда такое сокращеніе срока явилось бы не менѣе справедливымъ и желательнымъ, напримѣръ, при господствѣ грозной повальной болѣзни, при угрожающихъ прекращеніемъ нормальной общественной жизни—нашествіи непріятеля или народномъ возстаніи, при необходимости безъ замедленія отправиться въ далекую поѣздку или на войну, при готовящемся боевомъ столкновеніи и т. п. Поэтому отъ шестинедѣльнаго срока надо отказаться.

Наконецъ, въ виду важности проектированныхъ правилъ о перемѣнѣ исповѣданія, представляется необходимымъ, чтобы всѣ они были утверждены и изданы въ законодательномъ, а не въ инструкціонномъ порядкѣ, такъ какъ послѣдній, съ одной стороны, завися отъ преходящихъ взглядовъ и усмотрѣній, недостаточно обезпечиваетъ прочность столь существенныхъ нормъ, ибо министры проходятъ, а законы остаются, а съ другой — этотъ порядокъ можетъ установить, при извѣстныхъ условіяхъ, такія практическія требованія, которыя затруднятъ или и вовсе сведутъ «на нѣтъ» самое пользованіе правомъ, торжественно провозглашеннымъ въ Указѣ 17 апрѣля. Поэтому проектируемое постановленіе о томъ, что порядокъ подачи заявленій о переходѣ изъ

одного вѣроисповѣданія или вѣроученія въ другое и представленія доказательствъ присоединенія къ указанному въ заявленіи вѣроисповѣданію или вѣроученію, опредѣляется правилами, издаваемыми министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, а въ подлежащихъ случаяхъ — также съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода — представляется, по моему мнѣнію, непріемлемымъ и крайне нежелательнымъ, такъ какъ оно вводитъ именно инструкціонный порядокъ. Между тѣмъ, Высочайше утвержденнымъ, 17 апрѣля 1905 г., Положеніемъ Комитета Министровъ поручено было министру юстиціи внести въ Государственный Совѣтъ *законопроектъ* относительно порядка измѣненія актовъ гражданскаго состоянія лицъ, переходящихъ въ другое исповѣданіе, и регистраціи такихъ переходовъ.

Переходя къ обсужденію мѣста, которое надлежитъ всѣмъ этимъ постановленіямъ занять въ Сводѣ Законовъ, я нахожу, что вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ простымъ разнесеніемъ вновь постановляемыхъ статей на мѣсто узаконеній, которыя касались, до изданія Именного Указа 17 апрѣля 1905 г., отпаденія отъ Православія и переходовъ изъ одного исповѣданія въ другое. Единство началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, вложенное въ эти новыя постановленія и глубокое значеніе въ исторіи русскаго законодательства послѣднихъ, идутъ въ разрѣзъ съ помѣщеніемъ ихъ въ Уставъ о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій (Св. Зак. т. XIV) и въ Уставъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій (т. XI). Когда переходъ въ другое исповѣданіе назывался *отступленіемъ отъ вѣры* и былъ наказуемъ разными тягостными ограниченіями и лишеніями правъ по статьямъ 185, 188 190 и 192 Уложенія о Наказаніяхъ, соотвѣтствующія статьи Устава о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій занимали принадлежащее имъ по праву мѣсто. Въ настоящее время, при раскрѣпощеніи совѣсти въ дѣлѣ вѣры, помѣщеніе статей, возвѣщающихъ этотъ отрадный шагъ законодательства, между Уставами о Ссыльныхъ, о Паспортахъ и Бѣглыхъ, среди правилъ полицейскаго характера объ увеселеніяхъ, непотребствѣ, пьянствѣ, дракахъ, мотовствѣ, порочномъ поведеніи и т. п.

представлялось бы болѣе чѣмъ страннымъ. По существу своему новыя постановленія слѣдовало бы помѣстить въ главу VII Законовъ Основныхъ «*О вѣрѣ*». Статьи 66 и 67 Законовъ Основныхъ гласятъ объ условіяхъ, въ которыхъ осуществляются въ Россійской Имперіи свобода совѣсти и вѣротерпимость. Новыя постановленія, вызванныя къ жизни Указомъ 17 апрѣля 1905 г., составляютъ дальнѣйшее развитіе этихъ статей и самое подходящее имъ мѣсто именно въ главѣ о Вѣрѣ. Указъ 17 апрѣля, облеченный въ особо торжественную форму, провозгласилъ на всю Имперію новыя начала, исполненныя терпимости и уваженія къ велѣніямъ совѣсти; разрабатываемый нынѣ законопроектъ призванъ придать этимъ началамъ окончательный правовой характеръ.

По поводу откровеннаго языка этого Указа, лица, подписавшія мнѣніе объ отклоненіи проекта, находятъ, что прямодушное объявленіе свободы совѣсти смутитъ православныя сердца. Соотвѣтствуетъ ли такой взглядъ Именному Указу 12 декабря 1904 г., провозгласившему, что «задача правленія состоитъ въ неусыпной заботливости о назрѣвшихъ потребностяхъ страны», при чемъ, какъ удовлетвореніе одной изъ такихъ потребностей, явился незабвенный Указъ 17 апрѣля объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости? Великодушныя велѣнія этого Указа, по вопросу о свободѣ совѣсти, намъ предлагаютъ обойти смущеннымъ умалчиваніемъ, разсовавъ ихъ по разнымъ частямъ Свода и придавъ имъ рядовое значеніе. И для чего все это? Для того, чтобы населеніе было вынуждено доискиваться признанія своей свободы въ области религіозныхъ убѣжденій, бродя въ недоумѣніи или напрасныхъ и ошибочныхъ поискахъ, въ дебряхъ нашихъ законовъ, или прибѣгая къ корыстному руководству и разъясненіямъ вольнопрактикующихъ юрисконсультовъ... Тогда надо уже итти до конца, — и, обезцвѣтивъ и обезвредивъ на будущее время Указъ 17 апрѣля, помѣстить его въ томъ V Свода Законовъ о Пошлинахъ, выразивъ примѣрно такъ: «Заявленія о переходѣ въ другое исповѣданіе оплатѣ гербовымъ сборомъ не подлежатъ». Тутъ будетъ указана та *возможность*, которою у насъ стараются замѣнить понятіе о правѣ, а ужъ мѣстечко будетъ такое укромное, что

не только желающіе перемѣнить вѣру, но и огорчаемые такою возможностью не скоро его найдутъ. Господа! — въ дѣлѣ законодательства необходима полная откровенность и прямодушное развитіе основной мысли законодателя, памятуя, что только мысль законодателя, воплотившаяся въ слово закона — есть законъ. Основная мысль, которая должна проникать весь настоящій проектъ, съ яркостью выражена 17 апрѣля 1905 г. Отступать отъ нея ни въ словѣ закона, ни въ толкованіяхъ къ нему не слѣдуетъ. Вотъ почему не только съ выводами большинства Комиссіи, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и съ ихъ мотивами трудно согласиться. Такъ, напримѣръ, основанный на Указѣ 17 апрѣля законъ, изображенный въ статьѣ 393 Устава о Пресѣченіи и Предупрежденіи Преступленій, говоритъ, что: «лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ Православію принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ». Мысль законодателя ясна, и въ словахъ этого закона содержится и объясненіе основаній, вызвавшихъ его къ жизни. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, находя выраженіе «предки» слишкомъ неопредѣленнымъ и растяжимымъ, ограничило его упоминаніемъ о дѣдѣ или бабкѣ, но въ проектѣ, представленномъ Государственной Думѣ, не коснулось существа самаго закона. Оно предложило сказать: «Христіане, достигшіе 21 года, желающіе быть причисленными къ тому не христіанскому исповѣданію, къ которому, до принятія христіанства, принадлежали сами они, или ихъ родители, или дѣдъ или бабка, подлежатъ исключенію изъ числа христіанъ». Такимъ образомъ, и по дѣйствующему закону, и по проекту, внесенному въ Нижнюю Палату, постановленію статьи 39-. Устава о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій придается несомнѣнный характеръ прочнаго, длительнаго и постояннаго дѣйствія. Съ противоположнымъ толкованіемъ согласиться нельзя, по основаніямъ, во-первыхъ, кодификаціоннымъ, а во-вторыхъ, и по существу. Кодификаціонное основаніе состоитъ въ томъ, что настоящій законъ, если онъ будетъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ, представляетъ собой дальнѣйшее органическое

развитіе Указа 1905 г. и долженъ составлять, такимъ образомъ, единое цѣлое, которое не должно быть разбросано и разсортировано по отдѣльнымъ статьямъ Свода Законовъ. Съ другой стороны, представляется и невозможнымъ согласиться съ тѣмъ, что статья 39^3 должна остаться въ томѣ XIV, а не входить въ составъ самого закона, нами разсматриваемаго, потому что это есть, будто бы, лишь *временное* правило, имѣющее такой характеръ, что не нынче—завтра дѣйствіе его прекратится. Это не согласно съ происхожденіемъ статьи, а также и съ ея содержаніемъ. Статья 39^3, явившаяся повтореніемъ пункта 2 Указа 17 апрѣля 1905 г., была начертана вслѣдствіе постановленія Комитета Министровъ, въ 1904 г., въ коемъ признано, что есть цѣлый рядъ иновѣрцевъ, обращенныхъ въ христіанство и Православіе такими мѣрами и путями, которые представляются несогласными со спокойнымъ и достойнымъ распространеніемъ ученія Спасителя міра. Напримѣръ, Комитетъ Министровъ указалъ на то, что цѣлый рядъ мусульманъ на востокѣ Россіи, еще при Іоаннѣ Грозномъ, былъ обращенъ въ Православіе огнемъ и мечомъ, что эти люди оставались все время преданными вѣрѣ предковъ и что поэтому считать ихъ христіанами значитъ или умышленно закрывать глаза на дѣйствительность, или заставлять ихъ лицемѣрить и притворяться, въ виду опасенія какихъ-нибудь административныхъ противъ нихъ мѣропріятій. Тутъ имѣлись въ виду, конечно, и всякаго рода другіе инородцы, а татары были приведены какъ примѣръ, наиболѣе рѣзкій и дѣйствительный. На востокѣ Россіи, по берегамъ Волги и Камы давно уже существуетъ, или, во всякомъ случаѣ, существовало обращеніе въ Православіе мусульманъ, при чемъ они снова отпадали, снова обращались и снова отпадали. И это вызвало цѣлый рядъ, такъ называемыхъ магометанскихъ бунтовъ въ предѣлахъ Казанской губерніи. Нѣкоторые изъ нихъ вызвали даже суровыя мѣропріятія противъ высшей административной власти въ губерніи, какъ это сдѣлалъ Правительствующій Сенатъ по Первому Департаменту относительно казанскаго губернатора Скарятина. Точно такъ же мы знаемъ, что еще недавно были предприняты весьма нехристіанскія мѣры противъ черемисовъ и вотяковъ-язычниковъ, при чемъ заповѣдныя ихъ рощи рубились, и разные предметы,

которые они считали предметами священными, уничтожались самымъ грубымъ образомъ. Поэтому необходимо статью 2 Указа 1905 г. обратить въ твердо и постоянно дѣйствующія правила. То, что намъ предлагается, есть своего рода «quos ego!» по отношенію къ иновѣрцамъ — и съ очевидностью идетъ въ разрѣзъ съ мыслью законодателя, несомнѣнно, имѣвшаго въ виду не одинъ исламъ. 17 апрѣля 1905 г. во внутренней исторіи нашего отечества произошло событіе, заставившее съ радостнымъ облегченіемъ вздохнуть всѣхъ тѣхъ, кому были понятны и дороги священныя права человѣческаго духа въ области вѣры. Пускай же ваше рѣшеніе обратитъ этотъ вздохъ въ свободное дыханіе!..

Я долженъ поддерживать ту поправку, которая мною внесена за подписью еще 5 лицъ и которая разослана, какъ развитіе особаго мнѣнія, поданнаго мною, по отношенію къ постановленію нашей особой Комиссіи. Вопросъ, собственно говоря, сводится прежде всего къ тому, *какъ* говоритъ о переходѣ въ другія христіанскія исповѣданія: какъ о возможности, какъ объ извѣстномъ попущеніи со стороны государства, или какъ о правѣ, которое должно найти себѣ соотвѣтствующее мѣсто въ законѣ? Я настаиваю на томъ, что это должно быть признано, какъ *право*, а не какъ *фактическая возможность*, уже потому, что всякая фактическая возможность можетъ обратиться всегда, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, злобы дня или какихъ-нибудь новыхъ воззрѣній, въ *фактическую невозможность*. Кромѣ того, самое происхожденіе постановленія о свободѣ совѣсти указываетъ на то, что здѣсь имѣлось въ виду упроченіе правового, а не фактическаго положенія. Дѣло въ томъ, что Указъ 17 апрѣля 1905 г. сопровождался всеподданнѣйшей запиской, въ которой были развиты тѣ основанія, по которымъ онъ послѣдовалъ. Эта всеподданнѣйшая записка напечатана вмѣстѣ и одновременно съ Указомъ 17 апрѣля и, слѣдовательно, въ ней мы должны искать объясненія тѣхъ соображеній, которыя привели къ тѣмъ великодушнымъ постановленіямъ, которыя содержатся въ Указѣ 17 апрѣля. Въ ней говорится, что Указъ этотъ предназначается

для упроченія правового порядка, разрѣшеніемъ коренныхъ вопросовъ — свободы слова, совѣсти и т. д., путемъ установленной законодательной разработки. Итакъ, слѣдовательно, законодательная разработка, которой мы въ настоящее время занимается, направлена къ упроченію правового порядка, а не фактическаго порядка, и съ этой точки зрѣнія мы должны постановить о правѣ, а не о возможности. При этомъ позвольте напомнить то, что приводилъ здѣсь М. М. Ковалевскій третьяго дня въ своей рѣчи. Онъ указывалъ на то, что въ большинствѣ Западно-Европейскихъ государствъ и въ томъ числѣ въ такихъ православныхъ государствахъ какъ Румынія и Греція, ставятъ свободу совѣсти какъ право. Наконецъ, нельзя не сказать, что разъ въ Указѣ 17 апрѣля 1905 г. говорилось объ обезпеченіи свободы вѣрованія, то эта свобода должна быть обезпечена прежде всего тѣмъ, что она охранена отъ усмотрѣнія. Разъ не будетъ права — будетъ усмотрѣніе. Сегодня признается возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ, завтра она можетъ не признаваться не только въ этихъ предѣлахъ, но и вовсе. Комиссіей предполагается, что правила регистраціи будутъ установлены соглашеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ юстиціи и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Вотъ, въ подобное соглашеніе могутъ войти такія постановленія, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ осуществленіе свободы совѣсти, несмотря на то, что эта возможность въ общихъ положеніяхъ указана закономъ. По всѣмъ этимъ основаніямъ я убѣжденъ, что надо говорить о правѣ, а не о простой возможности. Кромѣ того, я не могу не возразить, соглашаясь во многомъ съ тѣми возвышенными идеями, которыя проводилъ мой предшественникъ по каѳедрѣ гр. Д. А. Олсуфьевъ, противъ того взгляда на свободу совѣсти, который сравниваетъ совѣсть съ правомъ собственности. Меня даже удивляетъ, что предводитель дворянства, — а, кажется, нашъ почтенный сочленъ занималъ эту должность, — что предводитель дворянства забываетъ, что распоряженіе правомъ собственности прежде всего ограничивается опекой за расточительность. Можно ли говорить о расточительности въ дѣлѣ совѣсти? Затѣмъ, существуетъ цѣлый рядъ ограниченій права собствен-

ности, которыя невозможны по отношенію къ совѣсти: припомните ограниченія права собственности въ Западномъ краѣ, припомните ограниченія права собственности относительно маіоратовъ и заповѣдныхъ имуществъ. Слѣдовательно, сравнивать свободу совѣсти съ правомъ собственности и на этомъ основаніи говорить, что государству достаточно допускать извѣстную свободу дѣйствій, не упоминая, что это право, невозможно. Примѣръ архаическаго закона, который говорилъ, что всѣмъ и каждому запрещается пьянство — сюда не относится, потому что за этимъ запрещеніемъ не было никакой уголовной санкціи и, слѣдовательно, тутъ не было и разговора о томъ, что можно отвѣчать за то, что пьешь. Это было нравственное осужденіе; это было дидактическое постановленіе. Можно ли къ такимъ мимолетнымъ, случайнымъ, анекдотическимъ постановленіямъ приравнивать постановленіе о свободѣ совѣсти! Намъ было сказано, что церковь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, допуская свободу совѣсти, тѣмъ не менѣе имѣетъ въ виду и политическія соображенія, которыя могутъ эту совѣсть ограничивать. Господа, я думаю, что это опасная точка зрѣнія: соединеніе политики и вѣры всегда приводило къ дурнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что это — какъ въ дружбѣ: въ дружбѣ никогда не бываетъ одинаково равноправныхъ людей, — всегда одинъ подчиняется, а другой господствуетъ. То же и въ такой дружбѣ между вѣрой и политикой: тамъ, гдѣ церковь подчиняетъ себѣ политику, тамъ мы знаемъ, во что это вырождается: это вырождается въ инквизицію; тамъ, гдѣ политика подчиняетъ себѣ церковь, — тамъ церковь обращается въ полицейское учрежденіе и несетъ службу городового въ защиту вѣры, или дѣйствуетъ огнемъ и мечомъ, какъ дѣйствовали калифы, проповѣдовавшіе исламъ. Поэтому намъ необходимо совершенно откинуть соображенія о политикѣ и стоять исключительно на почвѣ правовой. Съ этой точки зрѣнія я не могу раздѣлить возраженій, которыя здѣсь были сдѣланы. Затѣмъ, еще два слова. Намъ здѣсь говорилось и о сорокадневномъ срокѣ. Я уже говорилъ, что сорокадневный срокъ для тѣхъ, кто искренно хочетъ перемѣнить вѣру, не имѣетъ никакого значенія. Разъ человѣкъ послѣ большихъ колебаній и

сомнѣній, безсонныхъ, можетъ-быть, ночей, рѣшилъ въ душѣ своей отстать, отступить отъ той вѣры, въ которой онъ родился, то, конечно, сорокадневный срокъ не заставитъ, не убѣдитъ его въ томъ, что онъ ошибся. А для того, кто собирается сдѣлать это изъ какихъ-нибудь житейскихъ видовъ, можетъ-быть, изъ корысти, изъ низменныхъ соображеній, это лишній способъ пугать своихъ близкихъ и вымогать различнаго рода жертвы, говоря: «смотрите! я уйду!» Господа, — есть историческія изслѣдованія о томъ, что въ Москвѣ, въ старые годы, т.-е. въ XVI и XVII столѣтіяхъ, существовали священники безъ приходовъ, которые обыкновенно исполняли требы для желающихъ, или служили для нихъ молебны. По словамъ Ровинскаго они иногда держали въ рукѣ калачъ, а нанимающему предлагали совершить требу за извѣстную сумму, а когда онъ не давалъ просимаго, они говорили: смотри! закушу, т.-е. уже не буду годиться для твоей надобности. И люди, по житейскому расчету мѣняющіе вѣру, будутъ говорить своимъ близкимъ, вымогая у нихъ согласіе на свои требованія: «смотри, закушу, смотри, съѣмъ калачъ». По этимъ соображеніямъ я прошу Государственный Совѣтъ согласиться съ моей поправкой о томъ, что сорокадневный срокъ совершенно не нуженъ.

Хотя мнѣ слышится, что мое новое выступленіе здѣсь непріятно господамъ, сидящимъ на правой сторонѣ, но прошу ихъ меня ужъ извинить и все-таки буду говорить: это мое право — это моя обязанность! Противъ поправки А. С. Стишинскаго можно бы и не возражать: — до такой степени она идетъ въ разрѣзъ съ Указомъ 17 апрѣля 1905 г., возвѣстившимъ, что переходъ въ инославіе не долженъ влечь за собою никакихъ невыгодныхъ для отпадающаго отъ Православія послѣдствій. Принять эту, преисполненную угрозъ отпадающимъ, поправку — значило бы отказаться совершенно отъ того направленія, въ которомъ мы обсуждали до сихъ поръ весь законопроектъ. Но мнѣніе, высказанное по поводу этой поправки, заслуживаетъ вниманія. Въ немъ говорилось, что Комиссія устанавливаетъ свободный переходъ въ иновѣріе. Но Комиссія лишь оставила неприкосновенной статью 39^3 Устава Предупрежденія и Пресѣченія Преступленій, основанную на Указѣ 17 апрѣля и

говорящую, что лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристіанскую вѣру, къ которой принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ. Но что такое Указъ 17 апрѣля, говорятъ намъ? Развѣ это такая святыня, которая не подлежитъ исправленію и измѣненію? Сколько разъ мы дополняли здѣсь законъ, измѣняя его? Стоитъ припомнить законъ 9 ноября о выходѣ изъ общины, въ который мы внесли новыя начала! — Но, господа, одно дѣло вноситъ новыя начала въ развитіе того, что лежитъ въ основѣ закона, — и другое дѣло искажать и извращать его основные принципы. Это значитъ отвергать законъ, отказывая ему въ уваженіи. Можетъ-быть, это такъ и слѣдуетъ съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ лицъ, но я, какъ, вѣроятно, и многіе въ этомъ залѣ, мы искренно считаемъ Указъ 17 апрѣля святыней. Для насъ онъ святыня потому, что многіе изъ насъ жили въ такое время, когда приходилось постоянно слышать: здѣсь преслѣдуютъ уніатовъ и заставляютъ ихъ насиліемъ и обманомъ принимать православіе, тамъ грубо и механически совершается обращеніе магометанъ, что было отмѣчено и Комитетомъ Министровъ въ 1904 г., а въ не очень далекомъ прошломъ было огульное крещеніе дѣтей евреевъ, зачисленныхъ въ кантонисты, и т. д. Наша душа не могла не болѣть, и, когда съ высоты Престола Государь-Императоръ въ своей заботѣ объ истинной вѣротерпимости возвѣстилъ, что такихъ явленій больше не должно быть, мы нашли что Указъ объ этомъ — святыня, и до сихъ поръ продолжаемъ считать его таковымъ. Затѣмъ, обратимся къ тѣхъ мѣрамъ, которыя предлагаются. Говорятъ: мы никакихъ запретовъ дѣлать не хотимъ, развѣ мы запрещаемъ? — Переходите въ другое христіанское исповѣданіе, сколько хотите, но только знайте, что васъ за это выгонятъ со службы! Это какая-то недостойная игра словъ. Вѣдь это значитъ сказать, что смыслъ Указа 17 апрѣля обращается въ слѣдующую формулу: «переходъ свободенъ и ничѣмъ не стѣсненъ, а пусть этому кто-нибудь повѣритъ и попробуетъ, такъ онъ за это тяжко и навсегда отвѣтитъ». Напрасно указываютъ на Уложеніе о Наказаніяхъ, восклицаетъ мой противникъ: тамъ

есть лишь исключеніе изъ службы, а не увольненіе отъ службы... Да! это такъ, — но всѣ дальнѣйшія постановленія статьи 65 Уложенія о Наказаніяхъ говорятъ не о *службѣ*, а о *должности*, и поэтому увольненіе отъ службы ближе всего подходитъ къ исключенію изъ службы. Во всякомъ случаѣ, увольненіе отъ службы болѣе сильная мѣра, чѣмъ отрѣшеніе отъ должности, а уже послѣднее, по силѣ статьи 24 Устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, влечетъ за собою утрату права на пенсію и не подлежитъ въ этомъ отношеніи даже и Монаршему милосердію. Или, быть-можетъ, увольненіе будетъ происходить по знаменитому *третьему пункту*, столь дорогому сердцу нѣкоторыхъ старыхъ администраторовъ? — Наконецъ, намъ говорятъ, что и прежде были взысканія за отступленіе отъ православія. Да! были — но еще въ 1903 г. отмѣнены, — да и тогда назначеніе опеки надъ населеннымъ имѣніемъ не могло итти въ сравненіе съ извергнутіемъ изъ службы, предлагаемымъ теперь. Даже въ то время, когда наказанія имѣли жестокій характеръ, — не было у насъ наказанія за простое отпаденіе. Такъ, нѣтъ его и въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. Наконецъ, намъ рекомендуютъ законъ о вѣротерпимости обратить въ законъ объ *отвѣтственности ренегатовъ*. Но это равносильно отмѣнѣ всего того, что высказано въ 1905 г. въ «непрестанной заботѣ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости», и составляло бы замѣну великодушія, вызваннаго назрѣвшими потребностями, — угрозами и преслѣдованіями.

III.

Объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ оставленіемъ духовнаго сана.

(Засѣданія 15, 17 и 18 декабря 1910 г.).

Есть вопросы, которые такъ глубоко касаются совѣсти человѣка, призваннаго къ законодательной работѣ, что онъ *долженъ* говорить, хотя бы и приходилось примѣнять къ себѣ латинское правило: «etiam si omnes, ego non!» Предъ нами одинъ изъ такихъ вопросовъ. Я нахожу, что въ настоящемъ своемъ видѣ проектъ, предлагаемый намъ особой Комиссіей, представляется непослѣдовательнымъ, лишеннымъ твердыхъ основаній и недостаточно доказательнымъ. Онъ представляется непослѣдовательнымъ потому, что относительно коренныхъ вопросовъ, касающихся самыхъ святыхъ сторонъ и проявленій человѣческаго духа, какъ, напримѣръ, свободы совѣсти, — не можетъ быть среднихъ рѣшеній, а должно быть рѣшеніе категорическое въ ту или другую сторону. Дума приняла категорическое рѣшеніе въ сторону отмѣны всѣхъ ограниченій. Я понимаю, что можно смотрѣть иначе и — хотя я этого мнѣнія совершенно не раздѣляю — можно сказать, что надо оставить въ силѣ всѣ ограниченія. Это будутъ твердыя точки зрѣнія съ обѣихъ сторонъ и послѣдовательныя. Но итти на уступки, не трогая въ то же время принципа, признавать принципъ и въ то же время сводить его къ мелочамъ, — это значитъ ничего твердаго, на что можно опереться, не высказать. Такъ можно поступать въ вопросахъ техническихъ, въ вопросахъ спеціальныхъ, когда Государственный Совѣтъ измѣняетъ подробности, подвергая ихъ болѣе тщательной отдѣлкѣ или вводя такія, которыя представляются, съ точки зрѣнія законодательнаго опыта Государственнаго Совѣта, необходимыми въ конструкціи закона,—

но не въ такомъ коренномъ вопросѣ, какъ настоящій. Психіатры знаютъ состояніе, которое называется *равновѣсіемъ уменьшенныхъ силъ*, т.-е. когда у человѣка сохранился еще разсудокъ, но всего стало меньше: и памяти меньше, и соображенія меньше, и физическихъ силъ меньше, — когда кругъ его способностей сузился равномѣрно. Бываютъ не только такія состоянія, но и такіе законы. Но правильное законодательство должно ихъ отвергать.

Предлагаемый проектъ есть именно такого рода законъ, въ которомъ чувствуется «равновѣсіе уменьшенныхъ силъ». Всего понемногу, и ничего нѣтъ коренного, — и сроки, и кары, и изъятія сокращены, но основной вопросъ не рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Непослѣдовательность сказывается не только въ томъ, что — вмѣсто отмѣны или закрѣпленія ограниченія правъ, о чемъ только и можно говорить, имѣя въ виду рѣшеніе Государственной Думы — проектъ вводитъ уменьшеніе ограниченія правъ, но она выражается и въ отдѣльныхъ статьяхъ. Достаточно указать на слѣдующее. Въ теченіе трѣхъ лѣтъ воспрещается священнику, который сложилъ съ себя санъ, поступать на гражданскую службу въ той мѣстности, гдѣ онъ священствовалъ, и въ теченіе одного года въ остальныхъ мѣстахъ. Въ объясненіяхъ къ этому постановленію въ проектѣ Комиссіи, очень вообще скупой на объясненія, значится, что это дѣлается, между прочимъ, для того, чтобы не было соблазна для окружающихъ, которые открыли священнику свою тайну на исповѣди. Они будутъ думать, что среди нихъ находится въ должности административной, судебной, фискальной, контрольной и т. п. человѣкъ, которому они покаялись въ грѣхахъ на исповѣди, и это будетъ ихъ смущать и ставитъ въ ложное положеніе. Но если это такъ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ, надо сказать: «никогда не можетъ поступить на службу въ той мѣстности, гдѣ священствовалъ», и даже въ губерніи, области и т. д. Какое значеніе имѣютъ три года? Да почему же, если я открылъ свою тайну на исповѣди священнику и боюсь, что онъ, въ качествѣ должностного лица, будетъ пользоваться знаніемъ этой тайны или даже будетъ ее разглашать, — почему я долженъ этого бояться три года, а когда къ этимъ трижды 365 днямъ прибавится одинъ день,

я уже этого не буду бояться? Почему черезъ три года и одинъ день оказывается, что опасности разглашенія уже не предстоитъ? Развѣ по отношенію къ разглашенію тайны существуетъ такого рода давность? Затѣмъ, напримѣръ, воспрещается и діакону тамъ же проживать и на такихъ же основаніяхъ. Да развѣ діаконъ кого-нибудь исповѣдуетъ, — почему же и ему воспрещается? Далѣе, во избѣжаніе соблазна воспрещается проживать въ теченіе извѣстнаго срока въ уѣздныхъ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ священникамъ, сложившимъ съ себя санъ, при чемъ объяснено, что это не касается «столичныхъ и губернскихъ городовъ». Но развѣ столицы и губернскіе города такъ уже устроены, что этого соблазна не можетъ быть, такъ что вчерашній священникъ сегодня уже утонетъ въ безличной массѣ населенія? Въ столицѣ и въ губернскихъ городахъ часто существуютъ достойные, уважаемые всѣми пастыри, къ которымъ со всѣхъ угловъ города тянутся въ скорбныя минуты, для облегченія своей души, люди, которые, живя въ суетѣ и нравственномъ смрадѣ большихъ городовъ, особенно и нуждаются въ духовномъ утѣшеніи и подкрѣпленіи. Если эти пастыри сложатъ съ себя почему-либо санъ, развѣ для ихъ прихожанъ не будетъ того же самаго соблазна, отъ котораго не застрахованы сельскіе и уѣздные жители? По мнѣнію Комиссіи, этотъ соблазнъ въ Лугѣ будетъ, а въ Петербургѣ не будетъ; онъ будетъ въ Шлиссельбургѣ, и его не будетъ въ Харьковѣ или Кіевѣ, или въ другихъ большихъ городахъ. Таковы примѣры непослѣдовательности, съ которыми помириться трудно.

Во-вторыхъ, я нахожу, что этотъ законъ не представляется построеннымъ на достаточныхъ основаніяхъ. Прежде всего, возникаетъ вопросъ: не есть ли настоящая карательная мѣра извѣстнаго рода ограниченіе правъ, которое всегда отражается практическими послѣдствіями на жизни человѣка? Если это такъ, то спрашивается — за что же ей подвергается священникъ, сложившій съ себя добровольно свой санъ? Онъ не можетъ сложить съ себя санъ иначе, какъ *съ розрѣшенія начальства*, ибо въ самомъ проектѣ сказано: «сложившій съ себя санъ съ разрѣшенія духовной власти». Слѣдовательно, несмотря на то, что

духовное начальство разрѣшаетъ, его все-таки подвергаютъ карѣ. Какой карѣ? Духовной? — Нѣтъ, его подвергаютъ карѣ гражданской, ограничивая въ правахъ, принадлежащихъ всѣмъ неопороченнымъ по суду. Гражданская власть говоритъ: «духовная власть тебя отпустила и сказала, что такъ какъ ты не признаешь себя пригоднымъ и призваннымъ, то она не хочетъ насиловать твою совѣсть, а я все-таки тебя покараю, все-таки тебя поприжму, чтобы помнилъ!». Намъ указывалось на число лицъ, сложившихъ съ себя санъ добровольно. Ихъ 418 человѣкъ въ теченіе 10 лѣтъ. 136 человѣкъ, или 35 проц., сложившихъ съ себя званіе, съ разрѣшенія духовнаго начальства, — по вдовству. Здѣсь много говорилось о томъ, что священникъ, сложившій съ себя званіе по вдовству, обуревается плотскими страстями и не можетъ или не хочетъ съ ними бороться. Я стану на другую точку зрѣнія. Священники, въ сущности, принадлежатъ къ весьма недостаточному классу нашего населенія, къ людямъ, обремененнымъ и труждающимся для полученія, иногда въ буквальномъ смыслѣ, куска хлѣба. Всѣ мы знаемъ положеніе сельскаго священника и то, какъ и чѣмъ вознаграждается исполненіе имъ его обязанностей. Вѣдь это не то шелковое, богатое духовное одѣяніе и ордена, которыми ласкаютъ взоръ паствы въ большихъ городахъ и столицахъ. Это скромное, очень скромное подчасъ, при большой семьѣ, почти близкое къ нищетѣ положеніе, ибо наше законодательство, въ заботахъ объ огражденіи формальныхъ и нынѣшнихъ правъ Церкви, очень мало удѣляло времени и средствъ для того, чтобы принять мѣры для созданія достойнаго положенія сельскому пастырю и для облегченія нашего сельскаго духовенства, освободивъ его отъ печальной зависимости отъ плательщиковъ за требы. Оно хлопотало о *ризахъ*, забывая о *рясахъ*. Бѣдному человѣку, иногда со многими дѣтьми, который овдовѣлъ, — нужна хозяйка, домоправительница, ему нужно, чтобы кто-нибудь заботился о его дѣтяхъ, обмывалъ ихъ, обшивалъ, воспитывалъ въ нѣжномъ возрастѣ и т. д. Если онъ будетъ усердно исполнять требы, если онъ будетъ отлучаться хоронить, напутствовать, крестить, ему нужно кого-нибудь оставлять дома и домъ оставлять на кого-нибудь. Ему необходима жена;

а это воспрещено. Что же остается дѣлать? И если онъ не склоненъ къ темному разврату, если у него ни охоты нѣтъ, ни средствъ къ недавнимъ ченстоховскимъ похожденіямъ, — то ему представится неизбѣжнымъ сложеніе съ себя сана. Нельзя же предположить, чтобы законъ имѣлъ заднюю мысль обрекать его на то явленіе, которое встрѣчается иногда, къ сожалѣнію, въ домашней жизни нѣкоторыхъ патеровъ безбрачнаго латинскаго духовенства. У шести процентовъ всего числа причиною сложенія сана служила *болѣзнь*. Но гдѣ же за физическія немощи наказываютъ и ограничиваютъ въ правахъ? Возможно ли на больного, утратившаго необходимыя силы, возлагать бремена неудобоносимыя, грозя, въ случаѣ невозможности ихъ нести, карами и ограниченіями. Господа, въ нашемъ почтенномъ возрастѣ мы всѣ здѣсь страдаемъ какою-нибудь немощью. У кого подагра, у кого болѣзнь сердца и т. п. Однако, никто не грозитъ намъ ограниченіемъ нашихъ правъ, если, въ виду усилившагося недуга, тотъ или другой изъ насъ сочтетъ себя пережившимъ свою способность къ законодательной дѣятельносси и уйдетъ въ область болѣе приспособленную къ состоянію его здоровья. Пойдемте дальше: восемь процентовъ суть лица, которыя желали бы получить *высшее свѣтское образованіе*. Ограниченіе въ правахъ могутъ ихъ стѣснить въ выборѣ мѣста жительства, необходимаго для полученія высшаго образованія. Но можно ли ставить такія препятствія въ странѣ, которая имѣла *Ломоносова*? Затѣмъ у девяти процентовъ — *семейныя обстоятельства*, т.-е. цѣлый рядъ такихъ явленій, которыя создаютъ въ обыденной жизни человѣка тревогу, непріятности и безпокойства, которыя не даютъ ему возможности, если онъ іерей, въ смиреніи и спокойствіи духа исполнять свои высокія обязанности. Прелюбодѣяніе жены — единственный поводъ къ разводу для священника—можетъ такимъ острымъ жаломъ вонзиться въ сердце мужа, что ему нельзя оставаться на чредѣ своего служенія, что ему надо выйти изъ двусмысленнаго и тяжкаго положенія, въ которое его могутъ ставить похожденія и приключенія легкомысленной супруги. Кромѣ того, мало ли всякихъ семейныхъ раздоровъ, порочнаго поведенія дѣтей и всякихъ житейскихъ драмъ, несовмѣстимыхъ съ саномъ и служеніемъ іерея?

Затѣмъ, сиротство близкихъ: у священника есть сестры, маленькіе братья; надо о нихъ заботиться, воспитывать, учить, а средствъ мало, и эти семейныя обстоятельства вынуждаютъ искать какого-нибудь другого заработка, большаго, чѣмъ тотъ, который даетъ служба приходскаго священника. Наконецъ, 36 человѣкъ изъ 418 ушли по сознанію своего *недостоинства*, а 16 вслѣдствіе перемѣны своихъ *убѣжденій*. Человѣкъ, который уходитъ, сознавая свое недостоинство для носимаго званія, заслуживаетъ, въ сущности, уваженія, потому что онъ не хочетъ лицемѣрить и путемъ притворства обезпечивать свое существованіе. Намъ говорили: какъ же это? — онъ вчера еще былъ священникомъ, — исповѣдывалъ, напутствовалъ, законоучительствовалъ, а сегодня онъ уже находится на гражданской службѣ? Вѣдь, это величайшій соблазнъ! Почему же это, однако, такой чрезвычайный соблазнъ? Думается, что гораздо большій соблазнъ, если этотъ человѣкъ будетъ сознавать, что онъ напутствуетъ, не вѣря въ загробную жизнь, что онъ пріобщаетъ Святыхъ Таинъ, ведя жизнь не соотвѣтствующую цѣломудрію, и мысля развратно, «корчемствуя благодатью», какъ говорится въ одномъ изъ «житій». Для нѣкоторыхъ — и, при томъ, далеко не худшихъ людей — внутреннее противорѣчіе взглядовъ и обязаностей невыносимо и равносильно духовному самоубійству, которое нерѣдко приводитъ и къ самоубійству тѣлесному. Затѣмъ — перемѣна убѣжденій. Да, очень печально, если священникъ перемѣнитъ свои взгляды на нѣкоторые религіозные вопросы, не провѣривъ себя заранѣе, не рѣшивъ ихъ безповоротно, и сознаетъ слишкомъ поздно, что онъ не можетъ честно и добросовѣстно исполнять свои обязанности. Очень жаль и его, и дѣло, которому онъ служитъ, но все же это — возможная вещь, и несомнѣнно, что въ этихъ случаяхъ его оставлять насильственно при исполненіи его обязанностей немыслимо. Поэтому подобные случаи не создаютъ предубѣжденія въ отношеніи нравственной стороны человѣка. Позволю себѣ привести примѣръ, всѣмъ, знакомымъ съ исторіей Западной Церкви, извѣстный, — это примѣръ знаменитаго оратора и духовнаго писателя, патера Гіацинта Луазона, который, не согласившись съ новымъ догматомъ о папской непогрѣшимости,

сложилъ свое званіе и перешелъ въ старо католичество. Никто, однако, не рѣшался его за это обвинять, кромѣ самыхъ узкихъ лицемѣровъ, которымъ казалось болѣе приличнымъ признавать непогрѣшимость папы, отрицая ее внутри души. Итакъ, кого же хотятъ удержать путемъ этихъ ограничительныхъ мѣръ въ составѣ духовенства? Лицемѣровъ-священниковъ, которые, не вѣруя, будутъ исполнять обряды и таинства,—поучать, не сочувствуя, — убѣждать, сомнѣваясь... И этимъ путемъ мы станемъ поддерживать Церковь и достоинство ея служителей? Позвольте напомнить вамъ первое посланіе къ Коринѳянамъ, гдѣ апостолъ совѣтуетъ избѣгать сообщаться не вообще съ порочными людьми, ибо иначе пришлось бы выйти изъ міра сего, но именно съ тѣми, кто, называясь братомъ, остается порочнымъ, такъ какъ судить слѣдуетъ внутренняго человѣка, а не внѣшняго... Поэтому, съ человѣкомъ, который, сознавая свое недостоинство и неискренность въ исполненіи своихъ обязанностей, не захочетъ ложно именовать себя служителемъ алтаря Христова, да еще и учителемъ, слѣдуетъ разстаться, облегчивъ ему разлуку, а съ тѣмъ, который, несмотря на такое сознаніе, все-таки остается,— не надо закрѣплять связующія узы. Наконецъ, возможны и другіе случаи, — они перечислены въ спискѣ сложившихъ санъ: это *несогласіе* или *недовольство распоряженіями епархіальнаго начальства*. Нельзя отрицать того, что могутъ быть такія положенія, когда личное достоинство пастыря до такой степени затронуто и пренебрежено, что онъ можетъ не считать возможнымъ оставаться въ своемъ сословіи. Всякой жертвѣ есть предѣлъ, особенно если жертва требуется такая, что влечетъ за собою униженіе носимаго сана и вмѣстѣ человѣческаго достоинства унижаемаго.

Здѣсь приводились многіе личные примѣры и воспоминанія. Да будетъ позволено привести и нѣкоторые извѣстные мнѣ примѣры. Въ Москвѣ былъ, недавно умершій, въ высшей степени достойный духовный писатель и пастырь, поученія котораго ходили жадно слушать многіе, — отецъ Валентинъ Амфитеатровъ. Въ «Русской Старинѣ», въ нынѣшнемъ году, напечатано его письмо. въ которомъ онъ, въ сентябрѣ 1892 г., говоритъ: «Со

мной поступили, какъ если бы поступили съ работникомъ, который нашелъ болото, осушилъ его, очистилъ, культивировалъ и началъ видѣть результаты своихъ восемнадцатилѣтнихъ заботъ,— и вдругъ у этого работника взяли бы его ниву и прогнали съ нея. И это съ грубостью жестокою, въ присутствіи постороннихъ, съ рѣзкими жестами. Въ отвѣтъ на мою просьбу оставить меня при старомъ дѣлѣ, мнѣ было сказано: «Безповоротно! Если отказываешься, отчислю! Мнѣ недосугъ много говорить». До сихъ поръ мнѣ слышатся эти слова, произнесенныя звучнымъ голосомъ и въ повелительномъ тонѣ, обычномъ въ обращеніи съ уличными нарушителями порядка. Теперь буду искать дверей для своего выхода тверже и спокойнѣе, но несомнѣнно, что ближайшею дверью будетъ вѣчность». Многіе изъ петербургскихъ жителей помнятъ, что былъ пастырь Церкви и законоучитель, одаренный необыкновенной силой слова и проникновенія въ душу слушателей, поднимавшій сердца людей, его слушавшихъ. Къ нему, въ наше время безвѣрія и мрачнаго унынія, толпами шла молодежь и жадно ловила каждое его слово, ища въ немъ упованія и ободренія. Отъ него потребовали, чтобы онъ это слово представлялъ на предварительный просмотръ. Но Г. С. Петровъ былъ настоящій проповѣдникъ, на котораго сходило вдохновеніе въ то время, когда онъ говорилъ. Этого вдохновенія уложить въ рамки программъ для представленія по начальству было нельзя; отъ этого начался цѣлый рядъ недоразумѣній, неудовольствій и угрозъ, которыя кончились тѣмъ, что онъ вынужденъ былъ сложить съ себя свой санъ. То, чего отъ него требовали, уничтожало его силу, какъ проповѣдника, и низводило къ роли почтительнаго ученика. Въ нашей старообрядческой комиссіи одинъ изъ членовъ ея, носящій высокое духовное званіе, объяснилъ, что проповѣдь говорится совершенно свободно, и никакихъ указаній и разрѣшеній для этого не слѣдуетъ требовать, а другое лицо — тоже носитель духовнаго званія — оспаривало это и утверждало, что само должно было представлять свои проповѣди, несмотря на свое высокое ученое званіе, на просмотръ и разрѣшеніе мѣстному епископу. Слѣдовательно, нельзя даже сказать, чтобы такое требованіе было безусловно закономѣрно, и,

тѣмъ не менѣе, по этому поводу мы лишились человѣка, въ словахъ котораго многіе почерпали себѣ утѣшеніе, опору и укрѣпленіе въ вѣрѣ въ моментъ колебаній или сомнѣній.

Посмотримъ теперь на возраженія, которыя дѣлаются противъ проекта Думы. Намъ говорится, что если его принять, то это внесетъ нездоровую струю въ исторически сложившійся укладъ общественной и церковной жизни. Я думаю, что къ такимъ словамъ надо относиться нѣсколько осторожнѣе: они болѣе громко звучатъ, чѣмъ имѣютъ внутренняго содержанія, потому что знаніе уклада исторической жизни по настоящему вопросу весьма спорно. Я понимаю, что можно говорить объ укладѣ бытовой жизни — это имѣетъ значеніе. Но тамъ, гдѣ жизнь регулируется начальственными распоряженіями, минующими законодательныя учрежденія, можно ли говорить объ историческомъ укладѣ? Здѣсь уже указывалось, что правила о снятіи сана 1832 г. прошли мимо Государственнаго Совѣта и прямо были утверждены по запискѣ митрополита Филарета. Тамъ, гдѣ *такъ называемая* исторія создается такимъ способомъ, мѣропріятіями нѣсколькихъ лицъ, можно говорить о достоинствахъ и слабой сторонѣ этихъ мѣропріятій, но нельзя говорить объ историческомъ укладѣ. Этотъ укладъ требуетъ существованія извѣстнаго преемства однородныхъ явленій въ жизни государства. Но этихъ явленій въ нашей церковно-общественной жизни почти нѣтъ. Достаточно указать, что такое крупное историческое явленіе, какъ патріаршество, было уничтожено безъ особыхъ церемоній: надоѣлъ Петру Адріанъ своимъ печалованіемъ, и Великій Монархъ приказалъ ему не вмѣшиваться не въ свое дѣло, а затѣмъ по его смерти назначилъ Стефана Яворскаго блюстителемъ патріаршаго престола — и патріаршество сошло на нѣтъ. А что такое законодательство по настоящему вопросу? Не стану, подобно говорившимъ здѣсь, ссылаться на указъ Царя Алексѣя Михайловича, а тѣмъ болѣе на Византію. Мнѣ кажется, что такая ссылка представляетъ опасность: это своего рода историческое болото, въ которомъ можно увязнуть, потому что если сегодня мы будемъ ссылаться по вопросу о снятіи сана на авторитетный голосъ указа Царя Алексѣя Михайловича о *распопахъ* и *раздьяконахъ*, то

почему завтра не ссылаться на гораздо болѣе важный документъ— на уложеніе того же Царя при обсужденіи уголовнаго вопроса, напримѣръ о наказаніи фальшивомонетчиковъ, и почему же не сказать, что слѣдовало бы заливать имъ горло растопленнымъ оловомъ, потому что это есть въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича? Взгляните на законодательство о снятіи сана въ прошломъ вѣкѣ. Департаментъ законовъ предлагалъ въ 1831 г. отмѣнить законъ 1806 г. о томъ, что лишенные сана препровождаются въ распоряженіе Губернскаго Правленія для отдачи въ военную службу или въ тяжелыя работы и замѣнить это, по предложенію Синода, ссылкой въ Сибирь, при чемъ лишеннаго сана изъ дворянъ слѣдовало «написать» въ купцы, изъ купцовъ въ мѣщане, изъ мѣщанъ въ низшія сословія. Однако, императоръ Николай I мудро и великодушно съ этимъ не согласился и принялъ правила, составленныя Филаретомъ. У насъ все ссылалаются на эти правила, но ничего не говорятъ объ ихъ содержаніи. Позвольте указать на нѣкоторыя изъ нихъ. Между прочимъ, Филаретъ предлагалъ оставлять медали за человѣколюбивые поступки у лицъ, лишенныхъ сана, и отмѣнить безусловное воспрещеніе поступленія на государственную службу, запретивъ это вступленіе лишь лицамъ, лишеннымъ сана за пороки, и которыя, при томъ будучи смѣщены на низшую должность, окажутся тамъ нетерпимыми. Намъ теперь предлагаютъ вернуться назадъ за 75 слишкомъ лѣтъ, т.-е. вернуться къ закрѣпощенію духовнаго сословія наканунѣ святого дня 50-тилѣтія освобожденія крестьянъ? Надо еще прибавить, что существовавшая при Синодѣ комиссія о православномъ духовенствѣ въ 1860 и 1869 гг. постановила о необходимости освобожденія слагающихъ съ себя санъ отъ всѣхъ ограниченій. Поэтому, напрасно пугать насъ въ данномъ случаѣ «нездоровой струей, которая разрушитъ историческій укладъ нашей церковной и общественной жизни». Наоборотъ, если мы, поддавшись мысли объ этой струѣ, не раскрѣпостимъ вдовца — больного, — несчастнаго въ семьѣ или сознающаго себя недостойнымъ своего сана — то, вмѣсто *проблематической* нездоровой струи, мы дадимъ частый поводъ для цѣлаго потока *дѣйствительныхъ* слезъ.

Затѣмъ слѣдуетъ второе доказательство невозможности обойтись безъ ограниченій; это недовѣріе по службѣ, ибо можно ли довѣрять на службѣ государственной и общественной человѣку, который оставилъ свой санъ? Но позвольте, господа, не игра ли это словъ? Вѣдь, между *правомъ* поступить на службу и *обязанностью* быть принятымъ есть большая разница! Лишенному сана предоставляется право поступить на службу, но гражданское и общественное начальство вовсе не обязано принимать того, кому не довѣряетъ. Говоря о такомъ недовѣріи гражданскаго начальства, забываютъ, что такое недовѣріе можетъ существовать и черезъ годъ, и черезъ три, когда право на поступленіе на службу уже наступитъ; забываютъ и о правѣ начальства не принимать на службу предосудительныхъ лицъ. Да и къ чему такая забота объ общественныхъ должностяхъ? Вѣдь избиратели знаютъ, на комъ остановиться. Такимъ образомъ, сложившій санъ лишается права быть гласнымъ городской думы, членомъ Государственной Думы или занимать должность по сословному управленію на томъ лишь основаніи, что избиратели *могутъ ему* не довѣрять. Но позвольте имъ самимъ это рѣшать! Здѣсь говорилось, что, если предоставитъ свободу оставленія сана безъ всякихъ ограниченій, то въ средѣ духовенства явятся неблагонадежные элементы въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ нынѣ, явятся Гапоны. Позволю себѣ спросить: Гапонъ явился при существованіи новаго закона, проектированнаго Государственную Думою, или раньше, при существованіи нынѣшнихъ крупныхъ ограниченій?

Третій доводъ состоитъ въ указаніи на соблазнъ, заключающійся въ томъ, что тайна исповѣди не будетъ достаточно оберегаема. Господа, вопросомъ о тайнѣ исповѣди я весьма внимательно занимался и въ Правительствующемъ Сенатѣ, какъ оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента, и въ комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ при Министерствѣ Юстиціи—и стоялъ противъ весьма сильныхъ противниковъ за строжайшее и всестороннее охраненіе этой тайны при слѣдствіи и судѣ. Стою я за это охраненіе до сихъ поръ,—но не предлагаемымъ трехлѣтнимъ срокомъ оно достигается! Тайна исповѣди должна ограждаться устраненіемъ прямыхъ и косвенныхъ соблазновъ къ ея

нарушенію, опредѣленными, а не эфемерными предписаніями закона, который долженъ точно, а не путемъ случайныхъ судебныхъ рѣшеній, установить, что священникъ, судья, врачъ или иной агентъ власти, явившись обладателемъ извѣстной тайны, ввѣренной ему по званію, обязанъ соблюдать ее, «яко вещь запечатлѣнную» и по оставленіи этого званія. Здѣсь долженъ выступить и карательный законъ, что онъ, впрочемъ, уже и дѣлаетъ. Конечно, не всѣ мы, какъ здѣсь вѣрно замѣчено, юристы, но полезно, все-таки, хоть немного знать законы по вопросу, о которомъ приходится говорить. У насъ есть статья 137 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, которая гласитъ о наказаніи за оглашеніе чужихъ тайнъ, и есть статья 541 Уголовнаго Уложенія, которая говоритъ о наказаніи тому, кто будетъ разглашать чужія тайны, ввѣренныя ему по обязанности, при-чемъ въ комментаріяхъ составителей Уложенія къ этой статьѣ содержится прямое указаніе, что подъ понятіе *разгласителей* подходятъ и лица духовныя, имѣющія священническій санъ. Поэтому—и нездоровая струя, и неизбѣжность оглашенія тайны исповѣди только представляются страшными, не будучи ими на самомъ дѣлѣ. Это та *трагическая личина*, которую запретилъ надѣвать еще вселенскій соборъ...

Наконецъ, послѣднее, что приводится въ защиту оставленія ограниченій, — это указаніе на высокое положеніе духовенства, которое будто бы поколеблется, если будутъ допущены изъ него такіе, ничѣмъ не ограниченные, уходы. Но, однако, съ житейской точки зрѣнія, ограниченіе, существующее въ очень крупномъ размѣрѣ теперь, и которое въ уменьшенномъ размѣрѣ предлагаютъ намъ удержать, нынѣ въ сущности, состоитъ во временномъ лишеніи человѣка куска хлѣба и возможности немедленнаго и непосредственнаго заработка. Намъ говорятъ здѣсь; пусть сложившій съ себя санъ идетъ работать въ торгово-промышленное заведеніе и, при томъ, не тамъ, гдѣ онъ жилъ, гдѣ его знаютъ, ему довѣряютъ и, можетъ-быть, его любятъ, а куда-нибудь въ другую мѣстность, на сторону. Но кто его возьметъ тамъ, гдѣ его никто не знаетъ? Или ужъ итти безъ разбора лишь бы это была не гражданская служба, а промыселъ, хотя бы, напримѣръ,

работа въ гласной кассѣ ссудъ?.. А затѣмъ, по прошествіи срока, можно поступить и на службу. Но всегда ли промышленный искусъ будетъ служить рекомендаціей для гражданской и общественной службы? Сомнѣваюсь! Не надо также забывать, что всякое исканіе заработка, когда закрыта государственная и общественная служба, отдаетъ человѣка на корыстное вымогательство вынужденнаго труда, ибо каждый, кто дастъ такому ищущему трудъ, зная, что онъ стѣсненъ въ выборѣ, можетъ всегда сказать: «ты, вѣдь, не сможешь обойтись безъ работы, вѣдь ты съ голоду околѣешь, если я не дамъ ее тебѣ, но зато ужъ я тебѣ и поставлю условія и выжму тебя какъ лимонъ». Будетъ ли такое угнетенное положеніе достойно лица, которое еще недавно было священникомъ? Намъ говорятъ, что эти мѣры ограниченій въ исканіи заработка подымутъ или поддержатъ авторитетъ духовенства. Но, господа, карательная мѣра ничьего авторитета никогда не подымаетъ. Возьмите раздѣлъ Уложенія о наказаніяхъ, говорящій о преступленіяхъ по должности. Развѣ его существованіе поддерживаетъ достоинство служащихъ и уваженіе къ представителямъ власти? Это все поддерживается и укрѣпляется образомъ ихъ дѣйствій во время пребыванія въ должности, а не тѣми карами, которыя постигли ихъ по оставленіи, вольномъ или невольномъ, службы. Намъ было цитировано преосвященнымъ Никономъ то, что говоритъ пріемлющему духовный санъ посвящающій его епископъ. Тутъ упоминается и о томъ истязаніи на Страшномъ Судѣ Господнемъ, которое ждетъ небрегущаго своими обѣтами. Преклоняясь передъ грозною торжественностью этихъ словъ, я все-таки полагаю, что они указываютъ на грядущую загробную кару *душѣ* духовнаго лица, а не на ограниченія въ области закона гражданскаго, на страницахъ Свода Законовъ. Страшную для христіанина подсудность *за грѣхи* едва ли можно обращать въ подсудность гражданской власти за *нарушеніе закона* и къ торжественнымъ словамъ епископскаго напутствія прибавлять: «а кромѣ всего этого, ты не можешь жить тамъ-то, не можешь поступать на службу, — поголодай немножко здѣсь на землѣ, въ ожиданіи того, что ждетъ тебя въ иной, неземной жизни!».

Почтенный предсѣдатель нашей особой Комиссіи объяснялъ здѣсь, что если не дѣлать ограниченій и допустить безнаказанное оставленіе сана, то тогда санъ будутъ легко оставлять. Можетъ-быть, но что же изъ этого? Развѣ въ тѣхъ инославныхъ церквахъ, гдѣ свободный входъ и выходъ существуютъ, духовенство отъ этого упало, обезсилѣло отъ потери изъ своей среды недостойныхъ или больныхъ пастырей? Развѣ не существуетъ нѣкоторыхъ званій, высокихъ по своему назначенію, какъ званіе судьи, или, напримѣръ, званіе защитника отечества (недаромъ многіе святые несли на себѣ эти обязанности)—однакожъ, офицеры, которые оставляютъ свою должность, и судьи, выходящіе въ отставку, никакимъ ограниченіямъ не подвергаются? Да и можно ли поддержать авторитетъ какого-либо званія удержаніемъ въ немъ людей опасеніемъ впаденія лично, и съ семьею, въ нищету? Возможность и даже неизбѣжность такого опасенія, какъ способа удержать въ санѣ, прежде всего, подрываетъ довѣріе къ самому сану, ибо заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ носится по призванію, а не по мелкимъ житейскимъ расчетамъ. Ужели авторитетъ служителей Церкви можно возвысить и поддержать, наполняя ихъ ряды людьми, принудительно въ нихъ остающимися! Я позволю себѣ сказать, что пастыри Церкви, желающіе сложить свой санъ и принуждаемые въ немъ оставаться подъ страхомъ ограниченій, суть, въ смыслѣ искренняго призванія къ живому пастырскому служенію,—трупы, гальванизированные страхомъ; животворящій духъ жизни отлетѣлъ отъ нихъ. Кромѣ истинъ вѣры, есть еще и глубокія философскія истины. По словамъ великаго мыслителя Канта, одно изъ коренныхъ требованій нравственности состоитъ въ томъ, чтобы человѣка никогда не обращать въ средство достиженія какой-либо, внѣ его стоящей, цѣли. Дозволительно усомниться, чтобы оставленіе въ силѣ ограниченій соотвѣтствовало этому этическому началу, — возможно спросить себя, гдѣ же то братолюбіе, которымъ долженъ отличаться гражданскій законъ христіанскаго государства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда устанавливаемое имъ ограниченіе не настоятельно необходимо для огражденія другихъ лицъ или законныхъ правъ и крайнихъ нуждъ государства? Для того, чтобы оградить фиктив-

ные, въ данномъ случаѣ, интересы Церкви, можно ли забывать святой завѣтъ Спасителя: «милости хощу, а не жертвы?» Вотъ почему я думаю, что слѣдуетъ согласиться съ Государственною Думою въ существѣ проектированныхъ ею постановленій. Можетъ быть, ихъ слѣдуетъ тщательно пересмотрѣть относительно принятыхъ ограниченій для монашествующихъ, извергаемыхъ по суду за порочное поведеніе, но, по существу, думскій проектъ представляется вполнѣ правильнымъ. Возвращаюсь къ тому, съ чего началъ: принципы въ вопросахъ первостепенной важности надо проводить въ цѣльномъ видѣ, безъ внутреннихъ противорѣчій, не разбавляя ихъ и не разжижая компромиссами. Это никогда къ полезнымъ результатамъ не приводитъ. Позвольте напомнить вамъ слова, содержащіяся въ Откровеніи святого апостола Іоанна по адресу ангела лаодикійской Церкви: «Знаю дѣла твои—ты ни холоденъ, ни горячъ. О, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но такъ какъ ты только теплъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ!» Предлагаемый намъ проектъ нашей особой Комиссіи ни холоденъ, ни горячъ,—а только теплъ...

Въ настоящемъ засѣданіи было указано на совершенно новый курсъ, который должно принять рѣшеніе этого дѣла. Можно было отвергнуть Думскій законопроектъ, какъ неосновательный, или согласиться съ Думой и его принять, раздѣляя его существо, но теперь намъ предлагается третій исходъ, а именно—отвергнуть его по преждевременности, т.-е., не входя въ обсужденіе его существа. Я не буду говорить о сдѣланныхъ здѣсь заявленіяхъ о томъ, что понятіе *о свободѣ совѣсти* есть *продуктъ моды*, не буду касаться побужденій и заднихъ мыслей, приписываемыхъ лицамъ, которыя говорили въ ту или другую сторону по этому проекту, не буду касаться и намековъ на то, подъ какой маркой или штемпелемъ они говорили, потому что фискальныя соображенія о торговыхъ знакахъ въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, имѣть мѣста не должны. Не буду говорить также и о томъ, какова была предшествующая исторія правительственнаго проекта, ибо для насъ имѣетъ значеніе только проектъ Государственной Думы, а не тем-

ныя и недостовѣрныя сказанія, почему и по какимъ соображеніямъ проектъ брался назадъ и вносился по частямъ, и почему одно и то же правительство сначала защищало его, а потомъ уклонилось отъ защиты. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ присоединяюсь къ указанію на то, что Палаты на Западѣ разсматриваютъ дѣло, даже не ссылаясь одна на рѣшеніе другой, а разрѣшаютъ его вполнѣ самостоятельно. Намъ говорили, что съ правительствомъ всегда считаются. Да, конечно, какъ съ имѣющимъ инициативу внесенія законовъ. Но, чтобы отсутствіе представителей правительства въ какомъ-нибудь засѣданіи имѣло значеніе для оцѣнки законопроекта,—этого я допустить въ смыслѣ парламентской практики не могу, потому что тогда мы зависѣли бы въ нашей работѣ отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ. Послѣ этихъ замѣчаній я обращаюсь къ тому, что мы выслушали отъ гр. С. Ю. Витте. Онъ заявилъ, что, будучи однимъ изъ ординарныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, онъ предлагаетъ свое рѣшеніе этого вопроса. Признаюсь, я съ этимъ согласиться не могу. Я привыкъ статсъ-секретаря гр. С. Ю. Витте считать не ординарнымъ членомъ Государственнаго Совѣта, а государственнымъ человѣкомъ, который связалъ свое имя съ русской исторіей. Но если даже стать въ положеніе ординарнаго члена Государственнаго Совѣта, то я думаю, что мѣры, предлагаемыя таковымъ, и его соображенія совершенно экстра-ординарны. Таково, во-первыхъ, дѣленіе законовъ на законы и закончики. Такого дѣленія мы не должны знать, такъ же, какъ судья не долженъ знать дѣлъ важныхъ и неважныхъ. Для лицъ, которыхъ дѣла и законы касаются, они всегда важны, и пренебрежительно къ нимъ относиться нельзя. Во-вторыхъ, нельзя считать законы — закончиками только потому, что ими совершается несправедливость, — какъ выразился гр. С. Ю. Витте, — по отношенію къ небольшому количеству людей. Я согласенъ съ девизомъ древнерусской государственной жизни, о которомъ здѣсь упоминалъ П. Н. Дурново, гласящихъ, что монархъ долженъ держать свой стягъ *честно* и *грозно*. Честно, — значитъ, прежде всего, *справедливо*, а справедливость должна быть для всѣхъ одинакова. Три человѣка, страдающихъ отъ органической несправедливости закона, точно

такъ же даютъ право на отмѣну этого закона, какъ 77,000 такихъ людей. Намъ говорилось, въ смыслѣ *устойчивости* разбираемаго закона, что на него жалобъ не было. Но кому же жаловаться? На начальство жаловаться нельзя, ибо освобождаются отъ сана съ разрѣшенія начальства, слѣдовательно, оно повода къ жалобамъ не подаетъ. Жаловаться на законъ? Да гдѣ же тѣ пути, по которымъ бы у насъ можно жаловаться на *законъ*? Можно итти не иначе, какъ въ порядкѣ отмѣны законовъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, а тамъ никакія экстра-ординарныя соображенія принимаемы во вниманіе быть не должны. Этотъ путь и избранъ: 70 человѣкъ, по вычисленію графа Витте, въ годъ страдали отъ этого закона, т.-е. 700 человѣкъ за десять лѣтъ. Какая же это кара, говоритъ онъ, которая распространяется на 70 человѣкъ въ годъ, когда есть такіе законы, отъ которыхъ страдали и страдаютъ многіе? Но вѣдь, эти 700 человѣкъ несли и несутъ кару, и кару весьма серьезную? Они не имѣли и не имѣютъ возможности поступать на гражданскую службу, и имъ рекомендуется графомъ С. Ю. Витте поступать въ торгово-промышленныя предпріятія, подобно и другой части населенія, устраняемой, вообще отъ государственной службы. Указаніе на группу населенія, тоже не имѣющую, вообще, права на государственную службу, какъ на образецъ того, на что надо обречь и священниковъ, сложившихъ санъ, — представляется весьма страннымъ. Это нѣчто въ родѣ предложенія создать спеціальную и своеобразную черту осѣдлости, — для духовенства. Говорилось, что это кара пустая. Нѣтъ, это — кара не пустая потому, что разъ она связана съ невозможностью поступать на службу въ теченіе извѣстнаго времени, она соотвѣтствуетъ тому наказанію, которое въ Уложеніи о наказаніяхъ называется отрѣшеніемъ отъ должности, ибо отрѣшеніе отъ должности наказывается именно тѣмъ, что въ теченіи извѣстнаго времени отрѣшенный за преступленіе не имѣетъ права поступать на службу вновь. Но, — скажутъ намъ, — вѣдь, здѣсь наказаніе уменьшено, и потому стоитъ ли объ этомъ пустякѣ говорить? Да какъ же не стоитъ говорить, когда наказаніе, все-таки, остается и продолжаетъ дѣйствовать, напоминая намъ того библейскаго царя, который говорилъ: «отецъ мой наказалъ

васъ ранами, азъ же накажу васъ скорпіонами»; при чемъ редакція предлагается обратная: «отецъ мой наказалъ васъ скорпіонами, азъ же накажу васъ ранами». Теорія о томъ, что можно оставить въ силѣ несправедливый законъ, если онъ распространяется на небольшое количество лицъ, является совершенно непріемлемой. Она — опасна, она — вредна!.. Она стремится смѣшать *несчастье* съ *несправедливостью*, тогда какъ это—совершенно разныя понятія. Въ жизни встрѣчаются великія бѣдствія — несчастія, катастрофы, бурныя послѣдствія слѣпыхъ физическихъ силъ, отъ которыхъ сразу погибаетъ много людей, и, однако, никогда такое общественное бѣдствіе не вызываетъ такого волненія, не безпокоитъ совѣсть, не взываетъ къ помощи, какъ осужденіе невиннаго. Десятки тысячъ людей осуждаются каждый годъ. Скажутъ—что за бѣда, если между ними могутъ оказаться нѣсколько невинныхъ?.. Но, однако, процессы Каласа и Лезюрка въ теченіе столѣтія волновали общество, жаждавшее, чтобы они были разрѣшены окончательно признаніемъ невинности осужденныхъ, возстановленіемъ ихъ чести и вознагражденіемъ ихъ потомства! И царица Екатерина, которую часто упрекали сегодня въ либерализмѣ, — Екатерина, которая могла сказать про себя словами поэта: «я больше русская была, чѣмъ многіе — по крови взмъ родные», — эта Екатерина торжественно признала, что лучше десятерыхъ оправдать виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго казнить. Вотъ все, что я имѣю сказать, не повторяя вновь тѣхъ доводовъ, которые приписывались *софистамъ* Государственнаго Совѣта. Софисты встрѣчаются въ разной окраскѣ. Намъ говорилось, что если въ Государственной Думѣ нашумитъ какой-нибудь скандалистъ, — его удаляютъ для общей пользы, и онъ самъ виноватъ, что на него накладываютъ эту кару. То же и слагающій санъ священникъ, по мнѣнію протоіерея Буткевича. Забываютъ, однако, что скандалистъ въ Думѣ не съ разрѣшенія Думы дѣлаетъ скандалъ, а священникъ, который слагаетъ съ себя санъ, дѣлаетъ это, по словамъ закона, съ разрѣшенія начальства. Есть, кажется, маленькая разница между тѣмъ скандалистомъ — кличкой котораго позволяютъ себѣ клеймить священника, который, отягощенный жизнью, оставляетъ

свой санъ, — и скандалистомъ, который нарушаетъ приличіе и дѣловой порядокъ въ Государственной Думѣ. Признаюсь, что софистъ мнѣ, все-таки, гораздо болѣе симпатиченъ, чѣмъ елейный, проникнутый смиреніемъ, фарисей, который уже давнымъ-давно описанъ въ Святѣйшей изъ Книгъ, какъ говорящій: «благодарю Тебя, Господи, что я не таковъ, какъ они!».

Въ заключеніе скажу слѣдующее. Намъ предлагается признать *несвоевременнымъ* этотъ законъ, и поэтому отклонить его. Что значитъ несвоевременный!? Гдѣ и въ чемъ условія, какіе элементы для обсужденія своевременности? Несвоевременъ для кого? Въ виду какихъ обстоятельствъ? Этого мы сказать не можемъ, а, слѣдовательно, такое рѣшеніе было бы совершенно произвольнымъ. Несвоевременность извѣстнаго новаго закона, такъ же какъ и отмѣна, по несвоевременности, существующаго закона, должны опредѣляться дѣйствительными потребностями жизни и требованіями справедливости, а не тѣмъ, — пройдетъ онъ или не пройдетъ въ согласительной комиссіи. Это совершенно гадательное заглядываніе въ то будущее, которое одинъ изъ ораторовъ назвалъ здѣсь пустой и темной комнатой. Каждый, кто служилъ въ провинціи, знаетъ, что тамъ болѣе или менѣе опредѣленно и ясно, вдали отъ спеціально бюрократическаго, чиновничьяго міра, по отношенію къ проектируемымъ законамъ говорится: этотъ законъ подходитъ для жизни, а этотъ не подходитъ; этотъ хорошъ, а этотъ дуренъ; этотъ полезенъ, а этотъ вреденъ. Но когда изъ болѣе скромной, но болѣе здоровой въ своихъ взглядахъ, провинціи попадешь въ сферу бюрократическую, съ ея канцелярскими міровоззрѣніями, тогда приходится слышать слѣдующія неясныя, но чреватыя законодательными послѣдствіями слова: своевременно ли? удобно ли? ловко ли? Т.-е. слышать слова, которыя не поддаются никакой объективной оцѣнкѣ. Что значитъ *ловко*? Почему несвоевременно? Для кого *удобно*? Вотъ основанія, по которымъ я вновь полагаю, что отклонить этотъ законопроектъ потому, что онъ несвоевременъ, невозможно.

IV.

Попечительства о народной трезвости и продажа питій.

(Засѣданіе 5 декабря 1907 г.).

Если я рѣшаюсь отнять нѣсколько времени у Государственнаго Совѣта по вопросу объ упраздненіи попечительствъ о народной трезвости въ ихъ настоящемъ видѣ, то это въ виду особой важности законопроекта, возникшаго по почину Государственнаго Совѣта, въ чемъ выражается не только то, что этотъ Совѣтъ есть ревизіонная инстанція, обсуждающая законопроекты Государственной Думы, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельный законодательный органъ, чутко прислушивающійся къ нуждамъ, упованіямъ и недугамъ страны. Поэтому, необходимо тщательно изслѣдовать, отвѣчаетъ ли законопроектъ насущной надобности и слѣдуетъ ли всецѣло присоединиться къ предлагаемымъ мѣрамъ? Учрежденіемъ попечительствъ о народной трезвости Министерство Финансовъ преслѣдовало высоко-полезныя цѣли и проявило лучшія намѣренія. Никто ему за это не станетъ предъявлять никакого обвиненія, о которомъ здѣсь говорилось министромъ финансовъ, но надо признать, что осуществленіе этихъ намѣреній потерпѣло неудачу, коренившуюся въ ихъ источникѣ и выразившуюся въ ихъ выполненіи. Какъ справедливо заявилъ министръ, этотъ источникъ, т.-е. вѣдомство казенной продажи вина, возбуждалъ и возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе не только въ широкихъ общественныхъ кругахъ, но и въ средѣ высшихъ учрежденій государства, — недовѣріе, которое виситъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ

мечъ, парализуя необходимую увѣренность и бодрость. Было бы тяжело уже и въ томъ случаѣ, если бы это недовѣріе выражалось только различными слоями общества. Но тутъ еще можно бы сказать, что оно есть плодъ поспѣшныхъ заключеній и недостаточной освѣдомленности, и что глубокій законодательный и житейскій опытъ этого недовѣрія раздѣлить не дозволяетъ. Можно бы помириться и съ тѣмъ, что Государственный Совѣтъ стараго устройства обнаруживалъ такое недовѣріе и тормозилъ благія начинанія, въ то время когда общественныя симпатіи всѣ были на сторонѣ попечительствъ и найти при этомъ, что Государственный Совѣтъ отрѣшился отъ жизни и, замкнувшись въ своей спеціальной дѣятельности, пересталъ сознавать живыя потребности страны, что онъ слышитъ и не слушаетъ, слушаетъ и не слышитъ. Но дѣло обстоитъ гораздо хуже, когда недовѣріе одновременно развивалось и въ Государственномъ Совѣтѣ, и въ общественной средѣ, — когда съ двухъ сторонъ двойственность дѣятельности министерства по казенной продажѣ питей возбуждала, несмотря на его добрыя намѣренія, сомнѣніе и смущеніе. Это показываетъ, что въ самомъ учрежденіи попечительствъ было нѣчто неудачное, колебавшее довѣріе, котораго нельзя получить въ кредитъ, — что было больное мѣсто, которое постоянно давало себя чувствовать и осуществляло старое латинское изреченіе: quod ad initium vitiosum est, tractu temporc convalescere non potest. И дѣйствительно, если обратиться къ попечительствамъ, то надо признать, что ихъ устройство, дѣятельность и нравственное воздѣйствіе далеки отъ цѣлесообразности.

По *устройству* своему, согласно руководящимъ наставленіямъ Министерства Финансовъ отъ 1897 года, попечительства представляютъ *правительственный органъ*, достоинства котораго въ борьбѣ съ болѣзненнымъ проявленіемъ народной жизни сомнительныя, а недостатки очевидны, ибо живымъ и многообразнымъ проявленіемъ дѣйствительности въ нихъ противопоставляется канцелярская рутина. Попечительства состоятъ изъ двухъ слоевъ дѣятелей. Верхній, въ губерніяхъ, изъ высшихъ представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ съ *рѣшающимъ* голосомъ. У нихъ своего собственнаго дѣла по горло и они могутъ посвятить попе-

ченію о трезвости лишь обрывки своего досуга, хотя на нихъ и лежитъ важная задача руководства *мѣстными* попечительствами и разсмотрѣніе ихъ ходатайствъ. Этотъ же верхній слой состоитъ въ уѣздахъ изъ главныхъ мѣстныхъ представителей власти, привлеченныхъ по назначенію начальства, а не по влеченію собственнаго, болящаго о народномъ недугѣ, сердца. Второй, низшій слой участниковъ—состоитъ изъ *попечителей* и *соревнователей*. Очевидно, что по призванію и по непосредственной дѣятельности послѣдніе суть главные работники въ борьбѣ за трезвость. Но они обладаютъ лишь *совѣщательнымъ* голосомъ, который въ засѣданіяхъ попечительства легко обращается въ холостой выстрѣлъ. Министръ финансовъ справедливо указалъ, что главными дѣятелями попечительствъ являются не *люди двадцатаго числа*. Таковы именно соревнователи. Но они-то и не имѣютъ рѣшающаго голоса, но лишь совѣщательный. А рѣшающій голосъ принадлежитъ именно людямъ двадцатаго числа или немногимъ исключеніямъ между ними, въ лицѣ людей, которые, на ряду со своими прямыми обязанностями, отдались душой и этому дѣлу. Какую роль играетъ вѣсъ этого голоса, видно изъ нѣкоторыхъ ходатайствъ самихъ попечительствъ, которыя просили предоставить право рѣшающаго голоса соревнователямъ и допустить въ ихъ число женщинъ, столько разъ доказавшихъ въ русской общественной жизни свою готовность и способность къ безкорыстной помощи и къ труду упорному и непоказному. Конечно, такое представленіе нельзя не признать гораздо полезнѣй правила о томъ, что въ уѣздныхъ попечительствахъ при отсутствіи уѣзднаго предводителя или назначеннаго губернаторомъ лица предсѣдательствуетъ старшій въ чинѣ, но не старшій по опыту и любви къ дѣлу. Правда, для соревнователей установлены награды и на нихъ распространилась эпидемія нагрудныхъ знаковъ, но импульсъ труда, вызываемый наградами, нравственно сомнителенъ, а какое малое значеніе придется этому нагрудному знаку—видно уже изъ того, что лицамъ военнаго званія дозволено таковой принимать, *но не носить*. Если таково значеніе и устройство попечительствъ, то немудрено, что центральное управленіе и къ ихъ ходатайствамъ относится соотвѣтственно. Здѣсь упрекали составителей

объяснительной записки къ законопроекту въ томъ, что они бездоказательно предполагаютъ существованіе многихъ случаевъ отказа крестьянскимъ обществамъ въ закрытіи винныхъ лавокъ. Этотъ упрекъ совершенно несправедливъ, такъ какъ изъ объясненій, изложенныхъ въ запискѣ Министерства Финансовъ, видно, что даже ходатайствъ самихъ попечительствъ объ упраздненіи казенныхъ лавокъ удовлетворено не болѣе 30%. Поэтому можно судить и объ отношеніи къ просьбамъ сельскихъ обществъ. И вотъ результатомъ такой организаціи является ничтожный приливъ живыхъ дѣятельныхъ силъ и ничтожное денежное сочувствіе общества дѣлу попечительствъ. Такъ, въ 1903 году—нарочно беру этотъ годъ, чуждый тревогамъ войны и смутнаго времени и нормальный въ смыслѣ внѣшняго спокойствія — попечительства получили 5 милліоновъ 188 тыс. дохода, считая въ томъ числѣ четыре слишкомъ милліона казенной субсидіи — и въ эту сумму со всей Россіи поступило 53 тысячи пожертвованій и членскихъ взносовъ: при чемъ по Москвѣ 18 тысячъ, а по Петербургу *ни одного рубля*. И такая то неудачная организація предназначена на борьбу съ пьянствомъ! Какъ бы ни были разнообразны причины послѣдняго, сдѣланныя здѣсь указанія Владиміра Павловича Череванскаго остаются въ силѣ: на 1½% увеличенія народонаселенія пьянство увеличивается на 13%. Это какой-то своеобразный и роковой законъ Мальтуса, но только въ обратномъ видѣ; тамъ тяжкія послѣдствія грозятъ потому, что средства пропитанія увеличиваются въ ариѳметической прогрессіи, а народонаселеніе — въ геометрической. Здѣсь же, наоборотъ, по только водка замѣняетъ пропитаніе, при чемъ предсказанія мрачнаго экономиста могутъ въ этомъ случаѣ оказаться болѣе правдоподобными.

Обратимся къ *дѣятельности* попечительствъ. Когда была введена казенная продажа вина, многіе радовались, что кабакъ, какъ средоточіе спаиванія, заклада и ростовщичества, отжилъ свое время и, если можно такъ выразиться, распылился на спокойное домашнее употребленіе вина. Но эта иллюзія продолжалась недолго. Кабакъ не умеръ, а проползъ въ семью и во многихъ случаяхъ, по свидѣтельству массы лицъ, внесъ въ нее

развращеніе и пріученіе женъ и дѣтей пить водку. Кабакъ сошелъ съ лица земли, но онъ ушелъ подъ землю, въ подполье, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ядовитый цвѣтокъ, распустился на улицѣ. Съ уличнымъ безобразіемъ началась борьба. Была призвана на помощь судебная власть, и въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, появились новыя кары. Но кары эти оказались тщетными и непримѣнимыми, такъ какъ наказуемыя ими сборища для публичнаго распитія — явленіе чрезвычайно рѣдкое въ городахъ и неуловимое въ деревняхъ, а единичное публичное распитіе наказуемо только въ томъ случаѣ, если оно воспрещено обязательными постановленіями городскихъ Думъ и земскихъ Собраній. Мнѣ неизвѣстно, много ли издано такихъ обязательныхъ постановленій, но жизнь показываетъ, что вокругъ и невдалекѣ отъ казенныхъ лавокъ происходитъ невозбранное одиночное распитіе прямо изъ горлышка, при чемъ посуда немедленно возвращается, а малолѣтніе очень часто служатъ посредниками для взрослыхъ, получая за то право глотнуть изъ бутылочки.

На борьбу съ подпольемъ, т.-е. съ тайной продажей водки, призываются попечительства. Въ руководящихъ правилахъ 1897 г. прямо сказано, что эта борьба у членовъ попечительства должна стоять на первомъ планѣ и осуществляться путемъ составленія протоколовъ и сообщеній подлежащей власти и что непосредственно за нею должно слѣдовать наблюденіе за недопущеніемъ къ продажѣ питей людей нравственно опороченныхъ. Но и эти права и обязанности попечительствъ въ лицѣ ихъ главнаго контингента-соревнователей — обращаются въ нѣчто безплодное и мертвое. Достаточно припомнить, что протоколъ, составленный по 1129 ст. уст. угол. судопр., для своей дѣйствительной силы нуждается въ подписи двухъ понятыхъ. Но гдѣ возьметъ ихъ *совѣщательный соревнователь*? Кто его послушаетъ и придетъ на его призывъ при обычной у насъ боязни суда, и когда даже судебная власть часто бываетъ вынуждена штрафовать уклоняющихся понятыхъ? Какую силу могутъ имѣть сообщенія начальству о злоупотребленіяхъ, когда всегда возможно будетъ воспользоваться временемъ для ихъ сокрытія? И что значатъ сообщенія о *нравственной* опороченности, когда за это можетъ грозить привлеченіе къ суду по

обвиненію въ клеветѣ, тѣмъ болѣе, что самое понятіе о нравственной опороченности слишкомъ растяжимо и субъективно. И вотъ, такимъ образомъ, лежащій на попечительствахъ надзоръ за недопущеніемъ тайной торговли обратился почти въ ничто, а вечеръ, проводимый въ кабакѣ, смѣнился утреннимъ заходомъ въ казенную лавку для выпивки натощакъ. Трудно сказать, какое впечатлѣніе тяжелѣе: отъ стараго кабака, — давно осужденнаго нравственнымъ сознаніемъ народа и терпимаго какъ зло, — изъ раскрытыхъ дверей котораго неслись нестройные голоса, или отъ дверей новѣйшей благообразной и горделивой своею чистотою винной лавки, у которыхъ, *въ началѣ рабочаго дня*, нетерпѣливо толпятся изможденныя лица поставщиковъ питейнаго дохода. Казенная лавка, съ точки зрѣнія отрезвленія населенія, не исполнила своей главной обязанности: — не упразднила питейнаго дома съ его вредными аттрибутами, съ продажей вина въ долгъ и съ допущеніемъ къ распитію малолѣтнихъ и пьяныхъ, покуда послѣдніе еще могутъ доржаться на ногахъ. Такой питейный домъ изъ явнаго сталъ тайнымъ, т.-е. болѣе опаснымъ. Борьба съ нимъ осталась, очевидно, лишь на бумагѣ, благодаря отсутствію практическаго примѣненія 1 п. ст. 4 Устава о попечительствахъ о надзорѣ за правильностью торговли — вслѣдствіе безразличнаго отношенія къ этой борьбѣ чиновъ питейнаго вѣдомства, частой заинтересованности низшихъ органовъ мѣстной полицейской власти и бытовыхъ неудобствъ, связанныхъ съ обличеніемъ злоупотребленій со стороны частныхъ лицъ и, наконецъ, по отсутствію матеріально-потерпѣвшей стороны, такъ какъ казна при существованіи тайной продажи никакого ущерба въ питейномъ доходѣ не испытываетъ. На почвѣ той же борьбы попечительствамъ рекомендовано устройство лечебницъ для алкоголиковъ и посредническихъ конторъ для пріисканія работы. И то, и другое было бы въ высшей степени полезно, если бы было учреждено въ достаточномъ количествѣ. Охраняя безработнаго отъ праздности и унынія, толкающихъ его къ вину, и оказывая привычному пьяницѣ врачебную помощь, когда онъ впалъ въ несчастную слабость, эти учрежденія могли бы сослужить большую службу, но они — капля въ морѣ. Ихъ на всю Россію — по десяти каждаго

рода. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ слабый человѣкъ можетъ получить повсюду вредно-дѣйствующее вещество въ неограниченномъ количествѣ, руководясь лишь своей страстью и состояніемъ своего кошелька, тамъ противоядіе отпускается ему лишь въ десяти мѣстахъ! Насколько ничтожна дѣятельность лечебницъ и конторъ, видно уже изъ того, что въ объяснительной запискѣ Министерство Финансовъ даже не указана цифра расхода на нихъ. Такова дѣятельность попечительствъ въ активной борьбѣ съ пьянствомъ.

Остается обширная область *нравственнаго воздѣйствія*. Въ ней на первомъ мѣстѣ стоятъ развлеченія для народа. Учрежденіе попечительствъ имѣло въ виду наполнить досугъ народа здоровымъ и трезвымъ содержаніемъ, въ которомъ, конечно, должны были найти себѣ мѣсто и безобидная веселость, и поучительное зрѣлище, и научение путемъ бесѣдъ, картинъ, разсказовъ и т. п. Но практика извратила эту цѣль. На мѣсто разумнаго времяпрепровожденія она поставила исключительно развлеченія. На мѣсто народа — въ значительной степени, какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь цифръ посѣтителей, — сравнительно состоятельные классы общества. Дозволительно однако спросить, не слишкомъ ли у насъ много заботы о развлеченіяхъ? Наше общество, очевидно, увлечено стремленіемъ развлекаться до крайней степени. Можно подумать, что въ развлеченіяхъ оно ищетъ отдыха отъ тяжелой творческой работы и хочетъ въ нихъ хоть на мгновеніе забыться или освѣжиться. Но, къ удивленію, мы видимъ лишь развлеченія и не видимъ такой работы. Если будущій историкъ черезъ много-много лѣтъ посмотритъ на первую страницу какой-нибудь изъ распространенныхъ современныхъ намъ русскихъ газетъ, онъ увидитъ ее заполненною множествомъ объявленій о всевозможныхъ развлеченіяхъ, очень часто съ заманчивыми обѣщаніями порнографическаго оттѣнка: онъ прочтетъ о балахъ и маскарадахъ съ благотворительною цѣлью и съ развращающими преміями за красоту, не только женскую, но и мужскую, за роскошный костюмъ и за право именоваться королевою брилліантовъ. Если онъ при этомъ припомнитъ, что эта бѣшеная погоня за развлеченіемъ совершалась въ то время, когда наше наці-

ональное достоинство страдало отъ тяжкихъ ранъ, когда наше внѣшнее вліяніе было потрясено, когда въ судьбахъ страны игралъ громадную роль внутренній переломъ, и вокругъ насъ въ туманѣ кроваваго безумія носились разрушительные вихри, когда вся Россія страдала острыми муками рожденія обновленнаго строя жизни, — если онъ вспомнитъ все это, — ему подумается, что онъ видитъ передъ собою средневѣковый «пиръ во время чумы!» Не пріученію ли дѣтей развлекаться, убивающему здоровую мечту и естественную работу мысли, быть можетъ, обязаны мы тѣмъ, что эти дѣти, подрастая, такъ чуждаются самостоятельнаго труда и видятъ въ немъ стѣсненіе для своей личности? Сомнительно, чтобы развлеченіемъ, однимъ пустымъ развлеченіемъ было можно отучить людей отъ какой либо слабости, переходящей въ порочныя привычки! Само Министерство Финансовъ въ своихъ руководящихъ наставленіяхъ находило, что театръ долженъ быть народнымъ, а не общедоступнымъ, почему представленія должны даваться преимущественно въ праздничные дни. Не станемъ вдаваться въ опредѣленіе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «народъ». По отношенію къ попечительствамъ о народной трезвости это понятіе совершенно ясное. Это тѣ, о трезвости которыхъ надо имѣть попеченіе, борясь съ возможностью злоупотребленія ими спиртными напитками. Это тѣ, кто, по взгляду Министерства Финансовъ, не хозяинъ своего времени и располагаетъ собою лишь въ праздничные дни, хотя надо замѣтить, что въ отчетѣ по питейной продажѣ еще за 1904 г. уже отмѣчается о введеніи среди рабочихъ девяти и даже восьмичасового рабочаго дня, а лѣтомъ, когда особенно усиленно дѣйствуютъ народныя развлеченія, служащіе въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ получаютъ, обыкновенно, еще одинъ день свободы въ недѣлю, да и самыя эти заведенія закрываются около семи, восьми часовъ вечера. Поэтому здоровыя театральныя развлеченія могли бы предоставляться и быть доступными народу гораздо чаще, чѣмъ только по праздникамъ. Не то мы видимъ въ дѣйствительности, взявъ для примѣра хотя бы Народные Дома Петербургскаго попечительства въ Александровскомъ паркѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ къ первоначальному устройству развлеченій была приложена

рѣдкая и несомнѣнно благожелательная энергія высшихъ руководителей попечительства. Тамъ въ будніе дни идутъ спектакли по повышеннымъ почти вчетверо противъ праздниковъ цѣнамъ и съ репертуаромъ, предназначеннымъ для классовъ общества, обладающихъ извѣстнымъ достаткомъ и не нуждающихся въ попеченіи объ ихъ трезвости. Правда, и тамъ существуютъ особыя мѣста, гдѣ можно, не снимая верхняго платья, стоять за гривенникъ, но все остальное для рабочаго человѣка дорого, да и самый репертуаръ далеко не всегда предназначенъ для него. Что общаго, напримѣръ, между народнымъ театромъ и хотя бы афишей отъ 18 іюля нынѣшняго года, извѣщающей о послѣднемъ выступленіи въ Народномъ Домѣ примабалерины Преображенской и кордебалета въ отдѣльныхъ актахъ «Коппеліи», «Конька-Горбунка», «Дочери Фараона» и т. д.? Итакъ, эти театральныя представленія и по содержанію, и по цѣнѣ — не для народа. Но для него, — говорятъ намъ, — есть праздничные спектакли, дешевые и приноровленные къ его потребностямъ, — для него ставятся обстановочныя пьесы изъ русскаго быта и исторіи, рисующія ему блестящія страницы его прошлаго. Охотно вѣрю этому, но, припоминая указанія «объяснительной записки» и заявленіе московскаго гласнаго Урусова, не могу не обратить вниманія на то, что большая часть воскресеній послѣдняго ноября была заполнена въ театрахъ попечительства — «Шерлокомъ Хольмсомъ», «Карменъ», «Фаустомъ», «Иваномъ Разбойникомъ» и т. п. Правда, народу предоставляются и въ эти дни, и въ будни другія развлеченія — кинематографы, представленія клоуновъ, пѣніе куплетовъ на открытой сценѣ. Но кому же неизвѣстно, что въ этихъ забавахъ очень мало облагораживающаго элемента, что куплеты по большей части пошлы по содержанію, что смѣхъ, вызываемый клоунами, построенъ на унижающихъ человѣческое достоинство плевкахъ, пинкахъ и пощечинахъ, и что почти во всѣхъ кинематографахъ главную роль играетъ изображеніе борьбы съ ловкими преступниками, хотя и кончающейся торжествомъ порядка, но попутно наглядно преподающей методологію и систематику грабежей и убійствъ.

Такимъ образомъ оказывается, что театральными представленіями Петербургскаго попечительства пользуются въ значительной мѣрѣ не тѣ, кого въ данномъ случаѣ подразумѣваетъ слово «народъ», а тѣ, кто можетъ найти себѣ развлеченіе и въ частныхъ театральныхъ предпріятіяхъ, не задающихся дальновидно никакими возвышенными цѣлями. Не приходится ли тутъ невольно припомнить возгласъ, раздававшійся въ давно прошедшіе годы при сборищахъ и торжествахъ: «публика, впередъ! народъ, назадъ!» — А между тѣмъ, это попечительство получило за шесть лѣтъ съ 1899 года 3.600.000 р. казеннаго пособія, а затѣмъ на слѣдующія пять лѣтъ назначено ему по 450.000 р. въ годъ, а на слѣдующія потомъ пять лѣтъ по 350.000 р. ежегоднаго воспособленія. Не малую часть этихъ суммъ долженъ поглотить Петербургскій Народный Домъ, давшій въ одномъ 1903 г. 250.000 р. дефицита. Невольно поэтому возникаетъ вопросъ, не являются ли такія развлеченія дорого стоющимъ предпріятіемъ для доставленія сравнительно достаточнымъ людямъ пріятнаго препровожденія времени въ значительной степени на средства, получаемыя изъ пропиваемыхъ народомъ денегъ и сопряженнаго съ этимъ народнаго пьянства? Есть же, однако, учрежденія, связанныя съ попечительствомъ о народной трезвости лишь небольшой субсидіей, въ которыхъ дѣло поставлено на болѣе разумную и цѣлесообразную почву. Таковъ, напр., Народный Домъ, учрежденный Харьковскимъ обществомъ грамотности, вмѣстившимъ въ себя кружокъ людей, самоотверженно преданныхъ идеѣ поднятія народнаго духовнаго уровня. Получая отъ попечительства лишь 8 тыс. руб. въ годъ, онъ развилъ въ своихъ стѣнахъ широкую и благотворную дѣятельность. Таковъ, по отзывамъ многихъ, Народный Домъ графини Паниной въ С.-Петербургѣ, гдѣ входъ стоитъ не болѣе 75 коп. въ лучшія мѣста. Къ чему скрывать отъ себя, наконецъ и то, что учебное начальство должно было воспретить воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній посѣщеніе Петербургскаго Народнаго Дома въ праздничные дни и что вокругъ этого дома пріютились, какъ хищныя и жадныя птицы, пособники проституціи, захватившей даже и малолѣтнихъ.

Къ области нравственнаго воздѣйствія попечительствъ относится устройство народныхъ чтеній и библіотекъ-читаленъ. Но первые долго были затруднены разными формальностями, а библіотеки-читальни существуютъ преимущественно при чайныхъ и столовыхъ попечительства. Для успѣха своего, — библіотеки-читальни должны пользоваться одинаковымъ съ послѣдними вниманіемъ. Но въ дѣйствительности это во многихъ случаяхъ не такъ. Интересное изслѣдованіе В. А. Гагена о попечительствахъ въ «Журналѣ Трудовой Помощи» указываетъ рядомъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ на то, что иногда комитеты попечительствъ отдаютъ въ аренду чайныя и столовыя, даютъ имъ инвентарь и умываютъ затѣмъ руки, — и что нерѣдко буфетчиками или, если угодно, завѣдывающими чайными являются мѣстные домохозяева, которымъ очень выгодно не платить за торговые документы и которые, конечно, болѣе заботятся о продажѣ припасовъ, чѣмъ о содѣйствіи насыщенію своихъ посѣтителей духовною пищею. Даже въ Петербургскомъ Народномъ Домѣ, по удостовѣренію В. А. Гагена, читальня открыта только днемъ, а вечеромъ и въ праздники вовсе закрывается, потому что столы нужны для буфета, да и посѣщается на 70% подростками, собирающимися подъ предлогомъ чтенія, послушать и посмотрѣть репетицію оркестра и представленія клоуновъ. Я далекъ отъ мысли отрицать прекрасную организацію спеціальныхъ столовыхъ, учрежденныхъ по почину главы Петербургскаго попечительства, но думаю, однако, что здѣсь цѣль борьбы съ пьянствомъ уже не на первомъ мѣстѣ и что та же энергія, приложенная, напримѣръ, къ труду общества охраненія народнаго здравія или земскихъ организацій, столь успѣшно себя заявившихъ въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожаевъ, принесла бы тѣ же плоды.

Въ общемъ выводѣ — попечительства о народной трезвости страдаютъ соединеніемъ въ одно множества разнородныхъ и взаимно другъ друга ослабляющихъ функцій. Съ ними повторяется французская поговорка: qui trop embrasse — mal etreint! Не упразднять борьбу съ пьянствомъ нужно, какъ, будто бы, по словамъ моихъ противниковъ, желаетъ авторъ законопроекта, — а надо дать ей новое, болѣе практическое и цѣлесообразное выра-

женіе. Есть даже помимо земствъ и городовъ, у которыхъ и своего настоящаго дѣла довольно, рядъ организацій общественныхъ, въ родѣ комитетовъ грамотности, лиги образованія, общества охраненія народнаго здравія, общества Краснаго Креста и др., которые могли бы разобрать между собою и выполнить отдѣльныя отрасли дѣятельности попечительствъ съ большимъ успѣхомъ. Возникнутъ и новыя идейныя организаціи, если предпринять эту необходимую децентрализацію предметовъ нынѣшней дѣятельности попечительствъ. Но, конечно, это должно составить предметъ особаго, подробнаго и тщательнаго обсужденія. Несомнѣнно также и то, что, отказавшись отъ своего попечительства надъ трезвостью, Министерство Финансовъ, которое уже возбуждало вопросъ о передачѣ попечительствъ въ руки Трудовой помощи или Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не откажетъ въ своемъ великодушномъ и широкомъ пособіи дѣлу народнаго отрезвленія, хотя бы и находящемуся въ другихъ рукахъ.

(Засѣданіе 11 марта 1909 г.).

Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи, въ декабрѣ 1907 г. постановилъ поручить Особой Комиссіи обсудить предложеніе 39 членовъ, во главѣ съ членомъ Государственнаго Совѣта Череванскимъ, объ упраздненіи попечительствъ о народной трезвости, въ связи съ бывшими въ Государственномъ Совѣтѣ по этому предмету сужденіями по вопросу о необходимости борьбы съ пьянствомъ. Поэтому Комиссіи, когда она приступила къ своимъ занятіямъ, представился, прежде всего, конечно, вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ, т.-е. представилась необходимымъ выяснить себѣ, въ чемъ можетъ состоять задача борьбы съ пьянствомъ, и что понимать подъ самымъ понятіемъ «пьянство». Подъ пьянствомъ слѣдуетъ понимать, по мнѣнію большинства Комиссіи, ту привычную нетрезвость, которая постепенно отъ привычки переходитъ въ слабость, изъ слабости обращается въ порокъ, изъ порока вырождается часто въ преступленіе, а еще чаще въ болѣзнь. Поэтому борьба съ пьянствомъ должна

состоять въ борьбѣ съ этого рода порочною привычкой, а не съ потребленіемъ вина вообще. Это должно быть задачею особыхъ обществъ трезвости, проповѣдующихъ полное воздержаніе отъ потребленія напитковъ. Если, съ одной стороны, трудно признать, какъ было Министромъ Финансовъ заявлено въ Государственной Думѣ, что алкоголь составляетъ предметъ одной изъ *первыхъ необходимостей* для населенія, то въ настоящее время вопросъ о потребленіи алкоголя вообще не можетъ входить въ задачу борьбы съ пьянствомъ. Борьба съ пьянствомъ должна быть направлена на ту порочную привычку постоянной нетрезвости, благодаря которой образуется особый контингентъ пьяницъ, особое не только безполезное, но и вредное наслоеніе среди населенія. Въ этомъ отношеніи ни цифры о валовомъ потребленіи вина, ни цифры о душевомъ его потребленіи не могутъ дать руководящихъ началъ. Съ одной стороны, душевое потребленіе опредѣлялось составителями проекта въ 0,75 ведра; съ другой стороны, по мнѣнію Министерства Финансовъ, это потребленіе не превышаетъ 0,50 ведра на человѣка, а Комиссія пришла къ заключенію, выведенному изъ ряда статистическихъ данныхъ, что оно составляетъ 0,61 ведра. Это душевое потребленіе, сравнительно довольно низкое, нисколько, однако, не разрѣшаетъ вопроса, тѣмъ болѣе, что при этомъ вычисленіи обыкновенно забывалось, что населеніе Россіи имѣетъ въ своемъ составѣ не менѣе 25 милліоновъ инородцевъ — мусульманъ и евреевъ — которые водки не пьютъ или пьютъ въ ограниченномъ количествѣ. Сюда же надо причислить дѣтей, въ значительной степени женщинъ и, наконецъ лицъ, принадлежащихъ къ огромному числу старообрядцевъ и сектантовъ. По душевому расходу алкоголя на первомъ мѣстѣ стоитъ Данія, а Россія только на 9 мѣстѣ, но въ то же время валовое потребленіе спирта у насъ увеличилось на 133% противъ того, чѣмъ оно было при введеніи монополіи. Если принять во вниманіе, что населеніе увеличилось за это время на 20%, то такое увеличеніе валового потребленія представляетъ собою цифру огромную. Чтобы окончить съ цифрами, нужно замѣтить, что душевое потребленіе въ С.-Петербургѣ уменьшилось за послѣдніе 8 лѣтъ съ $2_{,85}$ ведра на

человѣка до $2,_{35}$ ведра на человѣка, но и это ничего не говоритъ, такъ какъ во Франціи, гдѣ алкоголь производитъ совершенное опустошеніе, гдѣ потребленіе абсента составляетъ такое общественное бѣдствіе, что за послѣднія 7 лѣтъ число сумасшедшихъ, страдающихъ алкогольнымъ помѣшательствомъ, увеличилось на 57% — душевое потребленіе составляетъ всего $0,_{82}$ ведра на человѣка.

Поэтому не въ цифрахъ потребленія вина можно видѣть опасность, которою грозитъ развитіе пьянства въ Россіи. Эта опасность состоитъ въ способѣ, которымъ опьяняются люди, т.-е. въ томъ, что по различнымъ условіямъ народной жизни, по ея обстановкѣ, по совершенно безпрепятственному характеру покупки и продажи водки, русскому человѣку, слабому характеромъ, не ставится достаточныхъ и необходимыхъ препонъ или задержекъ противъ развивающейся у него привычки къ нетрезвости, которая мало-по-малу обращается въ порокъ и болѣзнь. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ чрезвычайно серьезныя, чтобы не сказать, страшныя цифры. Достаточно сказать, что за послѣднее десятилѣтіе съ 1890 г. у насъ ежегодно, въ среднемъ числѣ, сгорало 1.000 человѣкъ, лишало себя жизни и отравлялось по неосторожности 3.300 человѣкъ, тонуло 7.300 и *смертельно опивалось 5.000 человѣкъ*, причемъ, конечно, въ число погибшихъ отъ ожоговъ и утонувшихъ по неосторожности надо отнести большое количество людей, съ которыми это случалось вслѣдствіе крайняго опьянѣнія. Надо замѣтить, что въ этомъ десятилѣтіи число преступленій и проступковъ, совершенныхъ въ нетрезвомъ видѣ, составляло 42% всѣхъ преступленій, содѣянныхъ въ Россіи, а 93% воинскихъ преступленій были результатомъ чрезмѣрной выпивки, что, вѣроятно, послужило военному вѣдомству основаніемъ къ изданію благодѣтельнаго приказа, въ силу котораго продажа водки изъ потребительныхъ лавокъ для солдатъ и раздача по разнымъ поводамъ винныхъ порцій безусловно прекращены. Наконецъ, нельзя не вспомнить, что въ апрѣлѣ и ноябрѣ прошлаго года въ С.-Петербургѣ — нарочно беру мѣсяцы, раздѣленные полугодіемъ — зарегистровано самоубійство 117 мужчинъ, причемъ изъ

послѣднихъ 48 прибѣгло къ этому подъ вліяніемъ алкоголя. Поэтому способъ потребленія вина представляетъ у насъ большую и совершенно серьезную опасность. Насколько онъ у насъ встрѣчаетъ меньше противодѣйствія со стороны пьющихъ, чѣмъ на Западѣ, мы видимъ изъ слѣдующихъ печальныхъ цифръ. Существуютъ полицейскія камеры, куда забираютъ для вытрезвленія пьяныхъ. Такія учрежденія есть и въ Германіи. У насъ въ Петербургѣ въ 1902 г. на 1.200.000 жителей — для вытрезвленія было помѣщено въ полицейскіе участки 53.000 человѣкъ, т. е. 1 на 23 жителя. За то же время въ Берлинѣ, при 2.000.000 населенія было помѣщено 6.000 человѣкъ, т. е. 1 на 320 жителей. Такимъ образомъ растетъ число горькихъ пьяницъ, растетъ количество потерянныхъ трудовыхъ дней и средствъ, необходимыхъ для человѣческой жизни, а не для животнаго прозябанія отъ одного опьянѣнія до другого!

Но главная бѣда еще не въ этомъ. Бѣда состоитъ въ томъ, что рядомъ съ такимъ развитіемъ пьянства идетъ вырожденіе, причемъ этому помогаетъ въ значительной степени сифилисъ, относительно котораго попутно я долженъ заявить, что по отчетамъ медицинскаго департамента въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Россіи числилось, при населеніи около 120.000.000, около 1.000.000 *зарегистрированныхъ* зараженныхъ этою болѣзнью и слѣдовательно могущихъ передавать ее другимъ половымъ или внѣполовымъ путемъ. А сколько еще было не зарегистрировано. Насколько алкогольное вырожденіе опасно и въ то же время дѣйствительно, показываютъ новѣйшія изслѣдованія ряда выдающихся медицинскихъ писателей, въ томъ числѣ изслѣдованіе о «бластофторіи» — Бунге и итальянскаго біолога Буццони, который изслѣдовалъ генеалогію 9.000 идіотовъ въ Швейцаріи, причемъ оказалось, что у 8.200 изъ этихъ 9.000— родители были несомнѣнные алкоголики. Въ Москвѣ изслѣдованіе, предпринятое въ 1905 г. по городскимъ больницамъ, дало на 1812 алкоголиковъ 1.680 родителей — привычныхъ пьяницъ. Вотъ съ какимъ крайне опаснымъ явленіемъ приходится считаться. Оно грозитъ неминуемымъ ослабленіемъ духовной и физической природы русскаго человѣка. Это ослабленіе въ критиче-

скихъ обстоятельствахъ исторической жизни страны, при остромъ соприкосновеніи съ болѣе здоровыми сосѣдними племенами, — будетъ ли это на полѣ брани или на экономическомъ поприщѣ,— можетъ лишить нашъ народъ и надлежащей силы воли, и надлежащей силы матеріальной. Поэтому съ этимъ надо бороться самымъ настойчивымъ образомъ, не останавливаясь ни передъ какими рѣшительными мѣрами. Итакъ, прежде всего Комиссія пришла къ тому, что борьба съ пьянствомъ въ томъ его видѣ, который я имѣлъ печальную задачу Вамъ изобразить, необходима и должна вызывать живую дѣятельность законодательныхъ учрежденій. Было бы крайне горестно, еслибъ дѣйствительно намъ пришлось повторить слова Митрополита Филарета о томъ, что «глубоко несчастливо то время, когда о злоупотребленіяхъ говорятъ *всѣ*, а побѣдить ихъ *никто* не хочетъ».

При учрежденіи винной монополіи было обращено вниманіе на борьбу съ пьянствомъ; монополія была введена, между прочимъ, для упорядоченія торговли виномъ, для устраненія внѣшнихъ безпорядковъ и безобразій въ этой торговлѣ и для уменьшенія злоупотребленій, связанныхъ съ интересами отдѣльныхъ продавцовъ и кабатчиковъ или вызываемыхъ этими интересами. Наряду съ чисто фискальными мѣрами были учреждены попечительства о народной трезвости. Нельзя отрицать нѣкоторыхъ достоинствъ и заслугъ этихъ попечительствъ. Попечительства нерѣдко дѣлали то, что могли, при условіяхъ мѣста, времени и силъ, — были часто исполнены доброй воли и хорошихъ желаній, а въ С.-Петербургѣ были направляемы съ чрезвычайной энергіею и настойчивостью въ осуществленіи своихъ цѣлей. Къ сожалѣнію, эти достоинства оказались слабыми для предпринятаго отрезвленія и не приводятъ къ желанному разультату подъ вліяніемъ недостатковъ, которые свойственны этимъ учрежденіямъ. Къ этимъ недостаткамъ, во-первыхъ, прежде всего, относится то, что было указано при обсужденіи этого вопроса впервые въ Государственномъ Совѣтѣ, въ 1907 г., Министромъ Финансовъ, а именно, постоянное общественное недовѣріе, которое сопровождаетъ дѣятельность попечительствъ съ самаго момента ихъ возникновенія. Дѣйствительно, цифры намъ указываютъ, насколько это утвер-

жденіе подтверждается жизнью попечительствъ. При 4.500.000 субсидіи въ 1905 — 1906 г.г. мы имѣемъ на всю Россію частныхъ пожертвованій и членскихъ взносовъ, т.-е. такихъ взносовъ, которые характеризуютъ отношеніе общества къ этимъ учрежденіямъ, въ 1903 г. 54.000 р., въ 1904 г. 34.000 р., въ 1905 г. 24.000 р., и при этомъ Москва изъ 54.000 р. даетъ въ 1903 году 18.000 р., С.-Петербургъ же — ничего, а въ 1904 и 1905 гг. и Москва и С.-Петербургъ не даютъ ни одной копѣйки. Не служитъ ли это лучшимъ доказательствомъ малаго довѣрія общества къ этимъ учрежденіямъ? И дѣйствительно, у общества, правильно или нѣтъ, складывается взглядъ на попечительства о народной трезвости, какъ на учрежденія, имѣющія какой-то странный, взаимно и внутренне-противорѣчивый характеръ. Они походятъ въ глазахъ общества на торговцевъ, которые стали бы принимать мѣры, чтобы меньше продавать своего товара, или на Военнаго Министра, который сталъ бы принимать дѣятельное участіе въ организаціи и практическомъ осуществленіи задачъ лиги мира. Такая двойственная роль заставляетъ общество сомнѣваться, чтобы обѣ роли исполнялись съ одинаковою ревностью. Можно не безусловно раздѣлять такой взглядъ, но не могу не сказать, что существуетъ цѣлый рядъ случаевъ, который могъ его развить и, благодаря ему, развить и недовѣріе общества. Такъ, напримѣръ, сельскимъ обществамъ предоставлено право ходатайствовать объ уменьшеніи числа и о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ. Такое право принадлежитъ и самимъ попечительствамъ о народной трезвости, т. е. учрежденіямъ, которыя менѣе всего заинтересованы, чтобы слѣпо и предвзято дѣйствовать вопреки интересамъ того вѣдомства, въ которомъ они числятся. Но что же мы видимъ? По 1 января 1906 г. съ открытія попечительствъ состоялось 1.675 приговоровъ сельскихъ обществъ объ упраздненіи на ихъ землѣ казенныхъ винныхъ лавокъ, а изъ нихъ удовлетворено 545, т. е. менѣе одной трети. Сами попечительства о народной трезвости ходатайствовали въ 163 случаяхъ, и изъ этихъ ходатайствъ, какъ значится въ офиціальной справкѣ, получило движеніе (движеніе, а не прямое удовлетвореніе) — только 49, т. е. опять менѣе

одной трети. Наконецъ, изъ журналовъ и протоколовъ засѣданій Государственной Думы видно, что еще недавно былъ внесенъ въ нее запросъ о томъ, что въ селѣ Максимовкѣ мѣстное населеніе ходатайствовало объ упраздненіи винной лавки, и ему отказано потому, что контрактныя условія съ хозяиномъ арендуемаго помѣщенія представляютъ разныя затрудненія, но въ то же время, какъ говорится въ этомъ запросѣ, — я не знаю разрѣшенъ ли онъ, и чѣмъ онъ законченъ, — послѣ такого ходатайства, въ которомъ было отказано, въ этой же Максимовкѣ были открыты еще пивная и винный трактиръ.

Затѣмъ, основаніемъ къ тому, что попечительства недостаточно успѣшно содѣйствуютъ борьбѣ съ пьянствомъ, является ихъ, какъ принято называть, бюрократическій или, вѣрнѣе, казенный личный составъ. Этотъ казенный личный составъ представляетъ собой совокупность людей, не заинтересованныхъ горячо и всецѣло дѣломъ борьбы съ пьянствомъ, не сосредоточенныхъ всѣми силами и чувствами въ этой борьбѣ, и притомъ участвующихъ въ ней исключительно въ силу своего офиціальнаго служебнаго положенія. Правда, послѣдніе годы послѣдовалъ рядъ измѣненій; — эти измѣненія въ нѣкоторой степени разрѣдили офиціальные элементы попечительствъ, но зерно осталось прежнимъ и все-таки, по старому, главные дѣятели попечительствъ суть должностныя лица, участвующія въ нихъ по обязанностямъ службы. Притомъ рядомъ съ этимъ были предприняты мѣры, которыя только могли ослабить нравственной элементъ въ средѣ этихъ учрежденій. По первоначальному уставу попечительствъ о народной трезвости, въ губернскихъ попечительствахъ засѣдалъ мѣстный епископъ, причемъ ему была придана первенствующая роль. Но затѣмъ, въ 1897 г. было признано, что положеніе епископа, какъ члена попечительства, представляется неудобнымъ и несоотвѣтствующимъ его достоинству, такъ какъ комитетъ попечительства находится подъ предсѣдательствомъ губернатора, который принадлежитъ къ духовной паствѣ архіерея. Такимъ образомъ, вслѣдствіе непонятныхъ мнѣ соображеній тогдашняго Оберъ Прокурора Святѣйшаго Синода, былъ выведенъ изъ попечительства о народной трезвости человѣкъ, который болѣе всѣхъ изъ офи-

ціальныхъ лицъ по самому смыслу своего званія заинтересованъ въ нравственномъ подъемѣ населенія путемъ борьбы съ злоупотребленіемъ алкоголемъ, причемъ это устраненіе совершенно не соотвѣтствуетъ исторіи участія духовенства въ подобныхъ учрежденіяхъ. Извѣстно, какое хорошее вліяніе внесло въ свое время духовенство въ тюремные комитеты, и какую выдающуюся роль въ московскомъ тюремномъ комитетѣ игралъ умѣвшій цѣнить достоинство своего сана Митрополитъ Филаретъ, — роль въ высшей степени достойную подражанія и до сихъ поръ. Затѣмъ, въ составъ комитета попечительства входятъ почетные члены. Однако, что такое почетный членъ? Это—лицо, оказавшее *особыя* услуги попечительству, а слѣдовательно такихъ членовъ немного. И дѣйствительно, на 780 попечительствъ, которыя существуютъ въ Россіи, приходится всего 423 почетныхъ члена, т.-е. нѣчто въ родѣ половины члена на каждое попечительство; такъ что это величина, не имѣющая значенія. Наконецъ, существуютъ *члены соревнователи*. Это такія лица, которыя получаютъ право быть членомъ соревнователемъ, уплачивая 5 р. годового взноса. При свойственномъ людямъ вообще стремленіи къ суетнымъ отличіямъ отъ другихъ, право написать на своей визитной карточкѣ «членъ соревнователь такого то попечительства», а затѣмъ, можетъ быть, получить и значекъ, который выдается члену попечительства, причемъ военнымъ запрещается его носить, а предоставляется только принимать, — можетъ быть соблазнительнымъ. Однако, такія лица едва ли представляютъ живую силу для содѣйствія задачамъ обществъ. Тотъ живой элементъ, который, не будучи заинтересованъ служебно, могъ бы съ горячимъ участіемъ оказать пользу этимъ учрежденіямъ, какъ онъ оказывалъ своей родинѣ въ минуты бѣдствій, войнъ, эпидемій и такъ далѣе, т.-е. русская женщина, со всѣми возвышенными сторонами своей духовной природы, совершенно исключена изъ состава членовъ попечительствъ. Она можетъ быть только соревнователемъ, но членомъ попечительства быть не можетъ и, слѣдовательно, активно участія принимать въ его дѣятельности не можетъ. Такова коллегія, которой поручено важное дѣло борьбы съ народнымъ пьянствомъ.

Теперь посмотримъ на осуществленіе ею своихъ задачъ. Прежде всего — надзоръ за правильностью торговли виномъ и за тайною его продажею. Надзоръ этотъ дѣйствительно возлагается главнымъ образомъ на членовъ соревнователей и участковыхъ попечителей, если таковые есть, согласно уставу о попечительствахъ. Мы и прежде говорили объ этомъ и теперь вновь приходится признать, что эти обязанности имѣютъ въ себѣ такъ много сыскного характера, требуютъ такого усердія и хлопотливости относительно созыва понятыхъ, составленія протоколовъ, обращенія къ полиціи, выслѣживанія злоупотребленій, — что по этой части попечительства, какъ признаютъ и сами ихъ защитники и какъ видно изъ офиціальныхъ справокъ, совершенно не исполняютъ своей обязанности и никакого надзора за тайною торговлею, которая процвѣтаетъ въ огромныхъ размѣрахъ, не осуществляютъ. — Затѣмъ, по своему уставу, попечительства должны распространять *здравыя понятія о вредѣ* злоупотребленія спиртными напитками. Эта антиалкогольная литература, изготовляемая умѣлыми руками, можетъ дѣйствительно быть полезна. Но, по свѣдѣніямъ, которыя были въ виду Коммисіи, изъ 651 комитета, которые существовали въ 1904 г., только два занимались изданіемъ такихъ брошюръ. Притомъ имѣется рядъ частныхъ предпринимателей, которые успѣшно конкурируютъ въ этомъ отношеніи съ попечительствами, чѣмъ доказывается, что такой борьбѣ не нужны спеціальныя учрежденія съ большой субсидіей отъ казны. Достаточно указать на весьма плодовитаго писателя Булгаковскаго, который издалъ 33 брошюры противъ пьянства, въ высокой степени интересныхъ, живыхъ и поучительныхъ, вмѣстѣ съ цѣлою хрестоматіею для всякаго желающаго бороться съ пьянствомъ. — Дальнѣйшая задача попечительства — *отвлеченіе народа отъ питейныхъ домовъ*. Но это задача довольно неясная, потому что въ казенныхъ винныхъ лавкахъ время проводить нельзя. Слѣдовательно, это есть отвлеченіе народа исключительно отъ трактирныхъ заведеній путемъ устройства чайныхъ, въ которыхъ водка не продается. Чайныхъ дѣйствительно учреждено довольно много, но въ общемъ ихъ приходится по 57 на губернію, и, притомъ, онѣ существуютъ только въ горо-

дахъ, а въ сельскихъ мѣстностяхъ ихъ нѣтъ. Еще болѣе отрицательный выводъ получается при оцѣнкѣ результатовъ, достигаемыхъ попечительствами по отвлеченію населенія — путемъ устройства чайныхъ — отъ пребыванія въ питейныхъ трактирныхъ заведеніяхъ. Устройство чайныхъ, какъ оказывается, полезное само по себѣ (въ особенности когда съ нимъ связано и устройство читаленъ) въ смыслѣ доставленія дешеваго напитка, дѣлу отрезвленія не приноситъ пользы, ибо движущія побужденія къ чаю и водкѣ вытекаютъ изъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга источниковъ. Поэтому усиленное направленіе дѣятельности попечительствъ на устройство чайныхъ приводитъ къ умаленію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ полной невозможности выполненія нѣкоторыхъ другихъ полезныхъ задачъ. Такъ, напримѣръ, открытіе Тульскимъ городскимъ комитетомъ, по настоятельному требованію губернскаго комитета, чайныхъ легло тяжелымъ бременемъ на бюджетъ перваго изъ нихъ и подорвало благосостояніе съ любовью созданныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, — и въ результатѣ чайныя пришлось закрыть, а библіотеки и читальни перестали пополняться книгами. Допускаемая въ нерѣдкихъ случаяхъ отдача чайныхъ въ арендное содержаніе оставляетъ за попечительствами лишь внѣшній надзоръ, убѣжденіе въ недѣйствительности котораго невольно подкрѣпляется соображеніемъ о бездѣятельности попечительствъ въ надзорѣ за правильностью торговли водкою по пункту 1 статьи 4 устава попечительствъ. Остаются лекціи, но надо замѣтить, что лекціи, которыя читаются въ этихъ учрежденіяхъ, хотя ихъ и довольно много, тоже представляютъ собою весьма неясную величину въ смыслѣ борьбы съ алкоголизмомъ. Такъ, въ 1905 г. въ Москвѣ было прочтено 119 лекцій и на нихъ было 8.000 посѣтителей, но одна только лекція была о вредѣ алкоголизма; большая часть остальныхъ чтеній сопровождалась пѣніемъ и музыкой, изъ чего можно заключить, что они представляли собою довольно отдаленное и косвенное орудіе въ борьбѣ съ пьянствомъ. — Наконецъ, сами библіотеки, гдѣ онѣ существуютъ, имѣютъ случайный характеръ. Въ Комиссіи было заявлено со стороны представителя Министерства Финансовъ, что прежде Министерство Народнаго Просвѣщенія разсы-

лало особые списки книгъ для библіотекъ, но въ настоящее время оно это прекратило, и книги могутъ пріобрѣтаться, такъ сказать, случайно. Но пріобрѣтеніе случайныхъ книгъ требуетъ, конечно, все-таки извѣстной системы, разумной обдуманности и педагогическаго опыта, разъ чтеніе этихъ книгъ должно имѣть цѣлительный, а не просто развлекающій характеръ, иначе можетъ случиться, что довѣрчивый къ «печатному» человѣкъ, пришедшій за книгой туда, гдѣ въ большинствѣ случаевъ библіотекой завѣдуетъ буфетчикъ «чайной», получитъ какое-нибудь произведеніе весьма нездоровой и опьяняющей литературы, которая никакого вліянія въ смыслѣ охраненія физическаго здоровья читателя имѣть не будетъ, а для нравственнаго здоровья окажется вредною. Иногда выборъ книгъ можетъ дѣлаться совершенно добросовѣстно, но крайне необдуманно. Позвольте мнѣ припомнить случай, который былъ со мною лично, когда въ 1871 г. я былъ переведенъ прокуроромъ Окружнаго Суда изъ Казани въ С.-Петербургъ. Пожелавъ, по званію директора тюремнаго комитета, познакомиться съ библіотекою С.-Петербургскаго тюремнаго замка, я въ каталогѣ ея, между прочими книгами, нашелъ «Les évasions célebres», par Viardot, т.-е. разсказы о знаменитыхъ побѣгахъ преступниковъ изъ тюремъ и о тѣхъ ухищреніяхъ и искусствѣ, которыя ими были употреблены. Мнѣ стоило большого труда убѣдить директрису, завѣдывавшую библіотекою, что во всякомъ случаѣ невеликодушно давать читать эти книги заключеннымъ, которые и безъ того тоскуютъ по свободѣ, и мысль которыхъ только понапрасну дразнятъ подобныя книги.

Потомъ идутъ *развлеченія*. Развлеченія сводятся, главнымъ образомъ, къ театру. Надо замѣтить, что по уставу попечительствъ устройство театровъ вовсе не относится къ обязанностямъ попечительствъ. О нихъ въ пунктѣ 2 статьи 4 устава ничего не говорится, да и вообще тамъ ничего не говорится о развлеченіяхъ, а говорится о нихъ лишь, какъ о средствѣ полученія дохода, въ статьѣ 5 устава. Тамъ дѣйствительно упоминается, что средства попечительства составляются: изъ суммъ, ассигнуемыхъ изъ казны, изъ пожертвованій, изъ сборовъ, поступающихъ въ пользу попечительствъ отъ устройства чтеній, общественныхъ развле-

ченій и т. п. Такимъ образомъ, здѣсь указывается лишь источникъ дохода и притомъ такой, какой имѣетъ всякое благотворительное общество, которое устраиваетъ, при благосклонномъ участіи частныхъ лицъ, лекціи, маскарады и такъ далѣе, для того, чтобы усилить средства, причемъ иногда эти развлеченія идутъ прямо въ разрѣзъ съ этическими цѣлями такихъ обществъ, поощряя пустое тщеславіе и плохо прикрытый развратъ. Между тѣмъ, главная дѣятельность попечительства свелась именно къ театральнымъ предпріятіямъ. Театромъ, однако, пользуется лишь четвертая часть населенія — городское, потому что сельское населеніе театровъ не имѣетъ, а если тамъ и бываютъ представленія, то такъ называемыя «любительскія». Но о томъ, что такое эти театры, и какого рода представленія ими даются, мы уже говорили полтора года назадъ и я повторять этого не стану. Скажу только одно: могутъ быть двѣ главныя задачи у театральнаго представленія для народа — или смѣна впечатлѣній, или забвеніе. Смѣна впечатлѣній должна быть для того, чтобы отъ тяжкихъ, обыденныхъ, и часто низменныхъ, прозаическихъ впечатлѣній перейти къ успокоительному и ободрительному, нравственно возвышающему зрѣлищу. Но тогда надо сказать, что эти представленія должны быть и чаще, и дешевле, и чище. Чаще, потому что нельзя давать такія представленія по уменьшеннымъ цѣнамъ слишкомъ рѣдко, какъ, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ, — разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ и по праздникамъ вечеромъ, причемъ бѣдное рабочее населеніе остается безъ этихъ представленій почти всю недѣлю, такъ какъ они ему недоступны по своимъ цѣнамъ. Слѣдуетъ точно такъ же репертуаръ составлять съ точки зрѣнія поднятія нравственнаго чувства, а не указанія ему на ту печальную обыденность, которая ему и такъ достаточно знакома, причемъ не всякую апологію—въ родѣ апологіи пьяницы Любима Торцова,— зрители всегда поймутъ правильно. Но можно смотрѣть на развлеченіе и какъ на забвеніе тяжкаго положенія, въ которомъ находится бѣдный человѣкъ. Этого забвенія ему не могутъ дать представленія въ театрахъ попечительства, напротивъ, они зачастую рисуютъ предъ бѣднякомъ картину блеска и роскоши и наглядно соблазняютъ его ею и пріучаютъ его къ ней, развивая рядомъ съ

стремленіемъ къ подражательности чувство естественной зависти. Народъ вовсе не нуждается въ клоунахъ и кинематографахъ, съ ихъ сомнительнымъ репертуаромъ, а нуждается въ наученіи и въ поученіи, и для него простой разсказъ, надлежаще иллюстрированный, о людяхъ, которые трогаютъ своею дѣятельностью душу, о людяхъ, которые представляютъ собою образцы геронзма и самопожертвованія, гораздо важнѣе, чѣмъ фееріи, блестящія обстановки, акробаты, кинематографы и т. п.

Наконецъ, къ послѣдней задачѣ попечительства относится *лѣчебное дѣло*. По смыслу устава, попечительства обязаны имѣть попеченіе объ открытіи и содержаніи лѣчебныхъ пріютовъ для людей, страдающихъ запоемъ. Это, конечно, неправильно, потому что запой есть душевная болѣзнь, и попечительства не въ силахъ содѣйствовать учрежденію или поддержанію больницъ для душевно-больныхъ. Это выходитъ, очевидно, за предѣлы ихъ силъ и ихъ средствъ. Но, съ другой стороны, устройство больницъ вообще для пьяницъ представляется въ высшей степени важною мѣрою для борьбы съ пьянствомъ. Говоря о запоѣ, Уставъ попечительствъ упускаетъ изъ виду, что существуетъ цѣлая градація въ жертвахъ алкоголизма,—начиная съ человѣка, слабая воля котораго не можетъ безъ посторонней помощи связать себя умѣренностью въ употребленіи спирта,—переходя къ привычному пьяницѣ, неудержимо стремящемуся къ водкѣ вплоть до бѣлой горячки,—и кончая такъ называемымъ алкогольнымъ меланхоликомъ. Первому надо дать средства и указанія, а также поддержать его нравственно, — второго уединить отъ соблазна въ пріютѣ, — а третьяго лѣчить, какъ душевно-больного. Это лѣченіе должно происходить въ спеціальныхъ лѣчебницахъ, и при томъ впредь до дѣйствительнаго, а не кажущагося выздоровленія, что можетъ быть достигнуто лишь принудительнымъ лѣченіемъ, принципы котораго разработаны еще въ 1899 г. особою комиссіею Общества охраненія народнаго здравія. Циркулярнымъ распоряженіемъ Министерства Финансовъ эта первоначальная и удачная роль попечительствъ въ борьбѣ съ пьянствомъ была измѣнена и имъ было вмѣнено въ обязанность устраивать амбулаторіи для приходящихъ больныхъ, т.-е. такія учрежде-

нія, которыя въ большинствѣ случаевъ серьезно больного алкоголика ни исправить, не удержать, ни излечить не могутъ. Между тѣмъ, больницы это могутъ сдѣлать. Заграничная практика показываетъ, что 40% поступившихъ въ такія больницы — выходятъ вызодоровѣвшими. А сколько такихъ больныхъ — мы видимъ изъ того, что по отчетамъ Московскихъ городскихъ больницъ чрезъ нихъ за одинъ годъ проходитъ станціонарныхъ больныхъ алкоголиковъ около тысячи человѣкъ, изъ которыхъ болѣе 800 человѣкъ приходится на долю бѣлой горячки, и что въ С.-Петербургѣ въ 1907 г. отъ одной бѣлой горячки умерло 917 человѣкъ. Для такихъ-то больныхъ необходимо учредить особыя больницы. Цифры, приведенныя Комиссіею, указываютъ, что такихъ больницъ на всю Россію только 2 и амбулаторій 15. Но вѣдь это капля въ морѣ, хотя бы уже потому, что изъ ассигнованныхъ въ 1904 г. 4.500.000 р. и при общемъ расходѣ попечительствъ въ 9.500.000 р. на лѣченіе алкоголиковъ было удѣлено лишь 28.000 р. Двойственный характеръ одновременнаго учрежденія казенной продажи питей и попечительствъ, а также внутренняя противоположность ихъ дѣятельности съ особенною силою сказываются именно въ этомъ вопросѣ: при 700.000.000 р. питейнаго дохода, на амбулаторіи удѣляется 28.000. р., т.-е. *одна двадцать пятая часть одного процента*. Не вспоминается ли здѣсь невольно народная поговорка: «подъ рублевый грѣхъ грошевой свѣчей подкатываться».

Развившемуся алкоголизму отдѣльнаго лица предшествуютъ случаи частнаго и безпробуднаго опьяненія. Мѣры, принимаемыя по поводу этого состоянія, въ интересахъ общественнаго порядка и личной безопасности самихъ пьяницъ должны быть согласованы съ заботою объ удержаніи пьяницы на гибельномъ пути и объ охраненіи въ несчастномъ, склоняющемся къ паденію, чувства человѣческаго достоинства. Кіевское и Ярославское попечительства признали эту заботу входящей въ кругъ своей дѣятельности и открыли у себя убѣжища для вытрезвляемыхъ, но въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи способъ и пріемы вытрезвленія стоятъ на самой низкой ступени и не могутъ не вызывать справедливаго негодованія. Они сводятся къ знаменитому правилу «тащить и не

пущать», и при томъ въ самыхъ грубыхъ и даже безчеловѣчныхъ формахъ. Примѣромъ можетъ служить С.-Петербургъ, камеры для вытрезвленія въ полицейскихъ участкахъ котораго, описанныя докторомъ Мендельсономъ въ 1906 г., достойны занять выдающееся мѣсто въ кругахъ Дантова ада. Русская жизнь знаетъ и другіе случаи, гдѣ оскорбленное чувство собственнаго достоинства заставляетъ человѣка махнуть на себя рукой и становиться тѣмъ, что простой народъ называетъ «отчаяннымъ». Но здѣсь не только полное презрѣніе къ человѣческому достоинству, не только неуваженіе къ здоровью, къ опрятности, къ порядку, но гутъ нѣтъ ни воздуха, ни свѣта, ни малѣйшей свободы движенія; здѣсь какъ трупы сваливаются мертвецки пьяные люди и надъ ними производятся своими же товарищами всевозможныя и иногда смертельныя истязанія, которыхъ я даже описать не рѣшаюсь по ихъ гнусной жестокости и жестокой гнусности. Вотъ на что должны бы направить свою дѣятельность попечительства! Это дѣло неотложное, святое, и, конечно, гораздо болѣе важное, чѣмъ обстановочныя представленія съ пѣніемъ и балетными танцами.

Все изложенное мною, вмѣстѣ взятое, привело большинство Комиссіи къ убѣжденію, что попечительства не только не осуществляютъ своей задачи, но и не въ силахъ при всемъ желаніи ее осуществить. Они въ своей организаціи связаны по рукамъ и по ногамъ, и ихъ не несетъ на своемъ хребтѣ волна общественнаго довѣрія, безъ котораго въ такомъ дѣлѣ, какъ борьба съ пьянствомъ, ничего сдѣлать нельзя. Вслѣдствіе всего этого, большинство Комиссіи пришло къ заключенію, что было бы полезнѣе передать попечительства въ руки тѣхъ учрежденій, которые стоятъ ближе къ народу и у которыхъ есть отдѣлы, занимающіеся этимъ дѣломъ, а именно земствамъ и городамъ, съ тѣмъ, чтобы они руководились общими указаніями, примѣромъ и поддержкою большого спеціальнаго общества, устроеннаго въ родѣ Общества Краснаго Креста. Но это должно составлять предметъ особаго законопроекта, который мною и представленъ въ настоящее время на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ предѣлахъ же задачи, которая была дана Комиссіи, она остановилась на выводѣ, что пьянство есть истинное народное бѣдствіе,

которое увеличивается съ каждымъ днемъ, а дѣятельность попечительствъ представляетъ собою палліативныя мѣры, недостаточныя для борьбы съ этимъ зломъ. Съ другой стороны, такъ какъ ничего другого въ настоящее время еще нѣтъ, то нельзя упразднить сразу, какъ предполагаетъ это записка 39 членовъ, существующія учрежденія, оставляя пустое мѣсто. Поэтому, отдавая полную справедливость побужденіямъ, трудамъ и взглядамъ представителя и зачинателя мнѣнія 39—В. П. Череванскаго и относясь къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ, большинство все-таки думаетъ, что не настало еще время для полнаго упраздненія попечительствъ о народной трезвости, а слѣдуетъ обсудить вопросъ объ ихъ постепенной передачѣ, въ извѣстномъ порядкѣ, безъ рѣзкаго нарушенія существующаго положенія, другимъ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ.

(Засѣданіе 19 ноября 1909 г.).

Въ концѣ довольно продолжительной рѣчи, которую мы выслушали отъ одного изъ предшествующихъ ораторовъ, было указано, что въ существѣ своемъ вопросъ состоитъ лишь въ томъ, передать ли Министерству Финансовъ или Министерству Внутреннихъ Дѣлъ дѣло попеченія о народной трезвости. Я думаю, что если вопросъ такъ простъ, то не стоило и тратить на него столько времени, но нахожу, что въ двухъ словахъ онъ не разрѣшается. Однако прежде, чѣмъ представить свои объясненія по этому вопросу, къ чему считаю себя обязаннымъ, такъ какъ я имѣлъ честь подписать первымъ проектомъ, который послужилъ къ образованію Комиссіи, обсуждавшей предложеніе 31 члена о передачѣ земству и городамъ попеченія о борьбѣ съ пьянствомъ, — я считаю нужнымъ, для расчистки почвы, устранить всѣ ложные страхи, которые у насъ обычно являются при обсужденіи каждаго новаго вопроса. Эти ложные страхи, которые психіатръ назвалъ бы иллюзіями или галлюцинаціями, существуютъ и въ настоящемъ дѣлѣ. Такъ, намъ, прежде всего.

было сказано, что мы предлагаемъ Государственному Совѣту отнять всякія надежды и всякую энергію у тѣхъ дѣятелей, которые въ количествѣ 47.000 человѣкъ занимаются въ настоящее время дѣломъ попеченія о народной трезвости, вслѣдствіе чего эти лица почувствуютъ, что ихъ работа ни къ чему не ведетъ, опустятъ руки, и учрежденія, въ которыхъ они работали, погибнутъ преждевременною смертью. Господа, это страхъ напрасный и неосновательный. Если здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ частныхъ дѣятеляхъ, которые въ количествѣ 47.000 дѣйствительно, а не на бумагѣ, участвуютъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ о народной трезвости, то они, конечно, пришли въ эти учрежденія съ тѣмъ, чтобы приносить осязательную пользу, и для нихъ будетъ совершенно все равно, приносить ли эту пользу въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ и въ тѣхъ отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя будутъ основаны городами и земствами, или приносить эту пользу въ нынѣ существующихъ попечительствахъ о народной трезвости, т.-е. въ комитетахъ о народной трезвости. Для нихъ, очевидно, это будетъ все равно, если они, дѣйствительно, любятъ дѣло, такъ какъ живая сила въ данномъ случаѣ только перемѣстится изъ вѣдомства комитетовъ и попечительствъ народной трезвости въ вѣдѣніе городскихъ, земскихъ и частныхъ учрежденій. Если же это тѣ лица, которыя стремятся считаться членами комитетовъ для того, чтобы носить установленный для этого знакъ и этимъ удовлетворять своему мелочному тщеславію, или тѣ лица, которыя получаютъ этотъ знакъ для того, чтобы поднять себя въ глазахъ окружающей ихъ низменной, по ихъ мнѣнію, среды, то чѣмъ меньше будетъ такихъ людей, такихъ, въ сущности, позволю себѣ сказать, *маргариновыхъ* дѣятелей, тѣмъ лучше для дѣла народной трезвости.

Въ насъ вызываютъ и другой страхъ, пугая крупнымъ паденіемъ ассигнованій. Намъ говорятъ: вотъ какъ падаютъ послѣ возбужденія вопроса о борьбѣ съ пьянствомъ ассигнованія на попечительства о народной трезвости—съ 4.500.000 р. они дошли почти до 2.000.000 р.! Но, однако, что же значитъ это паденіе? Это паденіе, вызванное тѣмъ, что наша Государственная Дума при обсужденіи бюджета не находитъ достаточныхъ основаній под-

держивать настоящія попечительства о народной трезвости. т.-е. признаетъ весьма компетентно (потому что въ ней участвуютъ настоящіе представители всѣхъ слоевъ и всѣхъ уголковъ русской страны) эти учрежденія недостаточно успѣшными и недостаточно хорошо организованными. Если же говорить объ упадкѣ прилива средствъ со стороны общества то, конечно, это лишь служитъ явнымъ показателемъ того, какъ относится общество къ дѣятельности попечительствъ о народной трезвости. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ прекрасныя цифры: еще въ 1902 г. попечительства о народной трезвости въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, а также и во всей Россіи, получили 54.000 членскихъ взносовъ, а уже въ 1907 г. не получали ни одного рубля. Вотъ какъ относится къ поддержанію попечительствъ общество, какъ здѣсь выражаются «неорганизованное» и вотъ какъ относится общество «организованное», въ лицѣ Государственной Думы! Поэтому страхъ, что нашъ проектъ долженъ влечь за собою эту утечку и усышку средствъ, едва ли справедливъ, ибо утечка и усышка вызываются тѣмъ, что теперешнія, въ значительной степени бюрократическія, учрежденія не внушаютъ къ себѣ довѣрія ни въ законодательной области Нижней Палаты, ни въ общественныхъ кругахъ.

Затѣмъ Государственному Совѣту, въ случаѣ согласія съ нашимъ проектомъ, грозятъ быть посаженнымъ на мель. Товарищемъ Министра Финансовъ намъ сказано весьма рѣшительнымъ тономъ, что если Государственный Совѣтъ согласится съ предложеніемъ, которое внесено Комиссіей, обсуждавшей проектъ 31 члена, то правительство отказывается отъ всякаго участія въ этомъ предпріятіи. Я думаю, что это сдѣлано нѣсколько поспѣшно, потому что, на основаніи статьи 56 Учрежденія Государственнаго Совѣта, такое заявленіе можетъ быть сдѣлано только послѣ того, какъ соотвѣтствующему Министру или Главноуправляющему сообщено постановленіе Государственнаго Совѣта о томъ, что онъ принялъ общія положенія, выработанныя Комиссіей. Въ настоящее время этотъ моментъ еще не наступилъ, и это заявленіе, по меньшей мѣрѣ, преждевременно, да и не такъ уже страшно, ибо мы имѣетъ непререкаемое право и сами составить проектъ закона

собственными силами. При томъ, держась строго смысла статьи 56, можно сказать, что самое заявленіе исходитъ, можетъ-быть, отъ не вполнѣ уполномоченнаго лица, ибо въ этой статьѣ говорится о *соотвѣтствующемъ министрѣ* или Главноуправляющемъ. Нашъ проектъ предлагаетъ все дѣло передать въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Слѣдовательно, тотъ министръ, которому принадлежитъ послѣднее рѣшительное слово отъ имени всего Правительства, въ настоящемъ случаѣ есть Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, мнѣнія котораго мы не слышали и можемъ услышать только тогда, когда будетъ принято вами то, что предлагаетъ Комиссія.

Наконецъ, насъ хотятъ устрашить, рисуя передъ нами, какъ, въ забвеніи дѣятельности духовно-просвѣтительныхъ и нравственныхъ слугъ страны, мы исключили изъ нашего проекта Церковь, позабыли о вліяніи духовенства и той пользѣ, которую оно можетъ приносить въ дѣлѣ попеченія о народной трезвости. Я думаю, что этотъ упрекъ совершенно неоснователенъ. Во-первыхъ, то, что мы обсуждаемъ, есть общее положеніе, а не опредѣленіе всѣхъ отдѣльныхъ частностей; во-вторыхъ, самая передача земствамъ и городамъ уже знаменуетъ участіе въ этомъ дѣлѣ духовенства, такъ какъ въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ общественныхъ собраніяхъ участвуютъ представители духовнаго сословія по закону, и слѣдовательно отъ нихъ будетъ зависѣть своимъ предпоставленнымъ лицамъ заявить о томъ, какъ назрѣваетъ потребность борьбы съ пьянствомъ тѣмъ или инымъ путемъ со стороны представителей церкви. А въ-третьихъ, наконецъ, я думаю, что въ данномъ случаѣ этотъ упрекъ исходитъ не оттуда, откуда онъ могъ бы исходить, даже если бы былъ справедливъ потому, что едва ли вѣдомство, которое завѣдуетъ питейнымъ дѣломъ, можетъ сказать, что оно всегда, въ историческомъ порядкѣ, относилось сочувственно къ участію духовенства въ борьбѣ съ пьянствомъ. Мы знаемъ, какимъ образомъ относилось оно къ дѣятельности духовенства при возникновеніи, при участіи послѣдняго, обществъ трезвости въ 1859—60 годахъ въ Западномъ, напримѣръ, краѣ. Мы знаемъ также, что изъ губернскихъ комитетовъ попечительства о народной трезвости въ послѣднее время были

удалены мѣстные архіереи, которые тамъ, согласно положенію, должны были засѣдать, ибо почему-то оказалось, что мѣстному епископу, представителю Того, Кто родился въ нищетѣ и ясляхъ, неумѣстно сидѣть въ комитетѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ губернаторъ. Мы думаемъ, что если вамъ угодно будетъ признать правильнымъ нашъ проектъ, то духовенство въ лицѣ своихъ лучшихъ сыновъ само откликнется на дѣло отрезвленія. Ему незачѣмъ указывать его задачу, оно само придетъ на дѣло отрезвленія, какъ и теперь пришло въ области частной дѣятельности въ лицѣ Александро-Невскаго и Сергіевскаго братствъ трезвости, при чемъ оба братства привлекли такое обширное количество лицъ, что это служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ полезно будетъ такое объединенное общество, которое мы проектируемъ подъ названіемъ Всероссійскаго Общества трезвости.

Вотъ, освободивъ себя отъ всѣхъ этихъ страховъ, я позволяю себѣ приступить къ сущности вопроса. Постараюсь быть краткимъ. Что такое попечительства о народной трезвости? Есть ли это такія учрежденія, которыя борятся съ *употребленіемъ* спиртныхъ напитковъ? — Нѣтъ! онѣ борятся съ *злоупотребленіемъ* спиртными напитками. Въ чемъ состоитъ это злоупотребленіе? Въ томъ, что человѣкъ сначала привыкаетъ и втягивается въ употребленіе спиртныхъ напитковъ, потомъ это становится его потребностью, затѣмъ обращается въ порочную привычку и, наконецъ, обращается въ болѣзнь или приводитъ къ своему и чужому несчастью и даже преступленію. Слѣдовательно, попечительства о народной трезвости имѣютъ своей задачей борьбу съ этого рода ступенями. Что же дѣлается въ этой борьбѣ? Прежде всего, конечно, надо обратиться къ тому, чтобы привыкающаго къ водкѣ отъ нея по возможности удержать. Для этого, говорятъ намъ, существуетъ теперешняя система питейной продажи. Она закрыла, уничтожила кабакъ и, благодаря этому, сдѣлала первый шагъ въ этой борьбѣ. Нѣтъ! она этого шага не сдѣлала! Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, уничтоживъ кабакъ, она уничтожила мѣсто, гдѣ можно было распивать водку въ извѣстной компаніи, принимая пищу и т. д. Но пьянство этимъ не умалено, такъ какъ раздробительная продажа увеличилась до крайности. Достаточно

припомнить слѣдующія цифры: изъ 83.000.000 ведеръ водки, потребленной въ 1907 г., 41.000.000 выпито посредствомъ небольшихъ порцій, такъ называемыхъ «мерзавчиковъ», посредствомъ сороковокъ и сотокъ, слѣдовательно, въ маленькомъ видѣ, и 26.000.000 выпито одной двадцатой частью ведра, слѣдовательно, почти вся масса водки вливается въ народъ маленькими порціями, т.-е. такими, которыя толкаютъ на повтореніе, такими, которыя можно выпить на ходу, такими, которыя не требуютъ пребыванія гдѣ-нибудь въ опредѣленномъ мѣстѣ и выпиваются безъ всякаго корректива пищи. Каждый изъ насъ, кто рано выходитъ на улицу, видалъ, конечно, эти печальныя, оборванныя, съ голодными лицами вереницы людей, которые ждутъ не дождутся—когда откроютъ винную лавку для того, чтобы вышибить изъ головки бутылочки пробку, выпить это на голодный желудокъ и отдать назадъ посуду. Такимъ образомъ, замѣнивъ кабакъ питейной лавкой, кабака въ сущности не упразднили, а вмѣсто того ввели крайнее раздробленіе напитковъ. При этомъ чрезвычайно развилась тайная продажа вина. Мнѣ нечего касаться тѣхъ фактовъ, которыми пестрятъ всѣ извѣстія, относящіяся до народнаго быта. До чего дошла тайная продажа вина достаточно напомнить, что на-дняхъ было опубликовано, какъ въ такъ называемой Вяземской лаврѣ въ Петербургѣ былъ произведенъ обыскъ или осмотръ, и тамъ найдено было огромное количество водки, которою торговали всякими способами, которая хранилась въ нарахъ и стѣнахъ, въ скрытыхъ помѣщеніяхъ и въ тюфякахъ, которою торговали даже дворники. Эта тайная продажа вина, конечно, еще болѣе увеличиваетъ ту опасность, которая существуетъ для привыкающихъ къ пьянству, возможностью купить эту водку тотчасъ же отъ соблазнителя лишь съ маленькой приплатой. И вотъ что же мы видимъ? Не будемъ возвращаться къ старому вопросу: мы здѣсь вѣдь уже два раза говорили о положеніи пьянаго человѣка въ русской землѣ. Спросимъ цифры. Какъ растетъ, напримѣръ, преступность? Преступленія, которыя совершаются, именно, въ пьяномъ видѣ: нарушенія порядка и оскорбленія полиціи возросли за шесть лѣтъ въ одномъ лишь (для примѣра) Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, съ 207 на 609. Стати-

стика намъ указываетъ, что 42% общихъ преступленій совершается въ состояніи опьянѣнія, что 93% военныхъ преступленій и нарушеній дисциплины совершаются подъ вліяніемъ нетрезвости. Затѣмъ—и эту цифру печально привести—существуютъ полицейскіе участки для вытрезвленія лицъ безчувственно-пьяныхъ, т.-е. именно такихъ, которыя уже не довольствуются одной или двумя рюмками, а которыя катятся по наклонной плоскости; въ С.-Петербургѣ въ такихъ камерахъ для безчувственно-пьяныхъ содержатся 1 на 23 человѣка населенія, въ Берлинѣ — 1 на 320. Наконецъ, мы знаемъ, какъ у насъ развилось самоубійство въ послѣднее время. Оно свои черныя крылья распростерло надъ молодостью и надъ старостью и никого не щадитъ. Статистика показываетъ (взятая въ разные мѣсяцы), что между взрослыми мужчинами-самоубійцами *одна треть* дѣйствовала подъ вліяніемъ послѣдствій чрезмѣрнаго пьянства. Что же дѣлается для того, чтобы привыкающаго къ водкѣ отъ нея отвлечь? Его, говорятъ намъ, просвѣщаютъ попечительства о народной трезвости, у коихъ было 8.323.000 посѣщеній читаленъ и библіотекъ. Но, господа, мнѣ эта цифра ничего опредѣленнаго не говоритъ. Вѣдь дѣло въ томъ, что тотъ, кто начинаетъ ходить въ читальни почитать газеты или книжки, можетъ ходить каждый день. Если бы эта цифра касалась числа лицъ, бывавшихъ въ читальняхъ, она была бы внушительна, но такъ какъ это — цифра *посѣщеній*, то ее можно весьма сократить. Этихъ посѣщеній можетъ быть на одного человѣка очень много. Если даже онъ ходитъ читать только по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, то вотъ уже около 70 посѣщеній въ году. Я и не думаю отрицать пользы и значенія библіотекъ и читаленъ, но я полагаю, что гораздо лучше это дѣло сосредоточить въ тѣхъ рукахъ, которымъ по закону принадлежитъ забота о народномъ просвѣщеніи, а она на мѣстахъ принадлежитъ земствамъ и городамъ, подъ надзоромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Во-вторыхъ, этого «привыкающаго» стараются отвлечь посредствомъ развлеченій. Но, въ данномъ случаѣ, надо остановиться не только на вопросѣ — кого отвлекаютъ, но и на томъ — какъ отвлекаютъ. Я не спорю, что въ починъ устройства теа-

тровъ и увеселительныхъ представленій попечительствъ о народной трезвости вложены самыя возвышенныя намѣренія, но на практикѣ эти затѣи выработались въ другую сторону, и этого скрывать отъ себя нельзя потому, что объ этомъ говорятъ всѣ, кто такъ или иначе посѣщалъ эти учрежденія. Прежде всего, возникаетъ вопросъ, *кого отвлекаютъ*? Уже говорилось здѣсь еще два года назадъ и приходится повторить, что отвлеченіе направлено, въ сущности, на такую публику, которую нечего и отвлекать, т.-е. на чиновника, писца, средняго обывателя, иными словами, обывателя, который обыкновенно и такъ не пьянствуетъ и который идетъ развлечься, не особенно стѣсняясь входною платою. Но народъ отвлекается только по праздничнымъ днямъ и при томъ въ весьма неудобныхъ условіяхъ и обстановкѣ. Такова область отвлеченія. Посмотримъ на ея *содержаніе*, на то, что предлагается, напримѣръ, народу хотя бы въ ближайшихъ къ намъ московскихъ и нѣкоторыхъ петербургскихъ учрежденіяхъ? Ему даются развлеченія нездоровыя, или непонятныя или понимаемыя превратно, въ родѣ балетовъ, или предлагаются развлеченія, недоступныя по своей цѣнѣ, и, наконецъ, такія, которыя нельзя не признать вредными. Предлагаются представленія кинематографа, изображающія нерѣдко методологію и систематику разнаго рода кровавыхъ преступленій, мучительствъ, экспропріацій, — происходятъ упражненія и выходы акробатовъ и клоуновъ, зачастую являющіеся увеселительнымъ оскорбленіемъ человѣческаго достоинства, — наконецъ, поются куплеты, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны соотвѣтствующими цѣлямъ отрезвленія. Извѣстный писатель Щегловъ, много занимавшійся народнымъ театромъ, помѣстилъ въ «Словѣ» написанную въ маѣ сего года статью, которая называется «Народный театръ въ Москвѣ». Онъ живописуетъ въ ней, что̀ довелось ему слышать и лицезрѣть въ Москвѣ въ двухъ театрахъ попечительствъ о народной трезвости. Въ одномъ — показавшемся ему плохимъ кафе-шантаномъ — онъ подоспѣлъ къ дивертиссменту. Какой-то «физіономистъ» строилъ скверныя рожи, изображая московскіе типы — хулигана, бабу, велосипедиста, еврея, армянина, — затѣмъ развязно плясала набѣлен-

ная сомнительная дѣвица въ гусарскомъ костюмѣ со шпорами, потомъ явился куплетистъ, одѣтый хулиганомъ, весь въ заплаткахъ и прохрипѣлъ свои хулиганскіе куплеты. Г. Щегловъ былъ и въ кинематографѣ, гдѣ видѣлъ изображенія звѣрскаго убійства какой-то кокотки и празднованіе юбилея великаго человѣка, которому открывается памятникъ, но скульпторъ, прокутившій деньги, ставитъ на пьедесталъ, вмѣсто статуи, своего пріятеля, который, чувствуя жажду, добываетъ бутылку пива, сходитъ внизъ, шатается пьяный по улицѣ, врывается въ залу для юбилейнаго банкета и производитъ въ пьяномъ видѣ скандалъ. — Въ другомъ Народномъ Домѣ г. Щегловъ нашелъ дуэтистовъ: хулигана съ сороковкой въ рукахъ и его подругу съ синякомъ подъ глазомъ, и слышалъ хоръ лапотниковъ, носящій названіе «Русская деревня». Они пѣли, между прочимъ, такіе куплеты: «Лишь пріѣхалъ изъ деревни — два рубля спустилъ въ харчевнѣ, — праздникъ, ежли онъ безъ водки — что корова безъ хвоста!» при чемъ хоръ подхватывалъ: «что корова безъ хвоста». Желательно было бы знать, въ чемъ здѣсь отвлеченіе отъ пьянства? Вѣдь это, въ сущности, какой-то апофеозъ пьянства и при томъ въ самыхъ отвратительныхъ его проявленіяхъ. Недостаточно громкаго титула «попечительство о трезвости», — нужно подымать духовный строй народа, а не принижать его еще болѣе, поднося ему загрязняющія или отравляющія воображеніе картины. Громкій титулъ, указывающій на область и задачу дѣятельности, самъ по себѣ, еще ничего не говоритъ. Важно, въ чемъ выражается эта дѣятельность. Мы всѣ признаемъ, что литература, печать, журналистика призваны служить цѣлямъ просвѣщенія, развитію, обогащенію знаніемъ — и бороться съ тьмою и зломъ, гнѣздящимся въ человѣческой природѣ. А между тѣмъ — и да простится мнѣ этотъ крикъ наболѣвшей души! — посмотрите, какъ наводняетъ нашу печать самая безстыдная порнографія, расчитанная на возбужденіе чувственныхъ инстинктовъ словомъ и изображеніемъ и заливающая грязною волною молодое воображеніе. На что могутъ быть разсчитаны объявленія о такихъ изданіяхъ, какъ напримѣръ «единственный по оригинальности журналъ для взрослыхъ — «Декольтэ» съ 300 рисунками и преміей за 1 р. 50 к. въ годъ»—или иллюстрированный

журналъ для любителей красоты подъ названіемъ «Натурщица» — высылаемый подписчикамъ въ закрытыхъ конвертахъ? Намъ все указываютъ на читальни и библіотеки попечительствъ, но намъ было заявлено, еще при первомъ обсужденіи вопроса, что каталоги Министерства Народнаго Просвѣщенія къ попечительствамъ отношенія не имѣютъ. Значитъ, выборъ свободенъ и зависитъ отъ усмотренія выбирающаго. Но если возможно давать народу то, что видѣлъ Щегловъ и что осталось неопрвергнутымъ, то гдѣ же ручательство, что въ нѣкоторыхъ читальняхъ не появятся на столѣ «оригинальныя» произведенія, обѣщаемыя «Натурщицами» и «Декольтэ»?

Затѣмъ, въ качествѣ средства борьбы, выдвигается дешевое питаніе, въ видѣ чайныхъ. Но чай мало дѣйствуетъ на человѣка, который начинаетъ привыкать къ водкѣ, да и дѣло въ томъ, что питаніе не есть спеціальная область заботъ попечительства о народной трезвости! Это дѣло народнаго продовольствія — дѣло частныхъ обществъ и разныхъ организацій, спеціально завѣдывающихъ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что чайныя попечительства, какъ это разъяснено первой Комиссіей, сдаются отдѣльнымъ арендаторамъ, которые, конечно, имѣютъ въ виду собственную выгоду, а не задаются вопросомъ о томъ, что имъ приходится бороться съ пьянствомъ народа. Затѣмъ, «привыкающіе», которыхъ эти средства не могутъ удержать, превращаются въ привычныхъ, которыхъ уже нужно не отвлекать, а лечить. Что же сдѣлано въ этомъ отношеніи со стороны попечительствъ? На всю Россію существуютъ 15 амбулаторій и 2 лечебницы, содержаніе которыхъ стоило 28.000 р., въ то время, когда было ассигнуемо на попечительства до 4.500.000 р., такъ что на это леченіе шла $^1/_{25}$ часть % всей суммы. Но, можетъ быть, не смотря на это, народъ чувствуетъ, что о немъ заботятся? Можно очень въ этомъ усомниться. Изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ въ значительной мѣрѣ изъ представленій Министерства Финансовъ, видно, что ходатайства сельскихъ обществъ о закрытіи винныхъ лавокъ и такія же ходатайства попечительствъ о народной трезвости были удовлетворены всего въ одной третьей части, и это, повидимому, продолжается до сихъ поръ. Такъ, недавно въ журналѣ «Прямой Путь» въ статьѣ, озаглавленной «къ свѣдѣнію Министра Финансовъ» сообщалось, что

крестьяне села Конскихъ-Раздоръ, Александровскаго уѣзда, единогласнымъ приговоромъ просили о закрытіи у нихъ винныхъ лавокъ и дали круговое ручательство, что не допустятъ у себя тайной продажи водки. Приговоръ утвержденъ земскимъ начальникомъ и посланъ съ ходатайствомъ о поддержкѣ губернатору, но акцизное вѣдомство объявило, что приговоръ этотъ можетъ получить дальнѣйшій ходъ, лишь если крестьяне возьмутъ на себя уплату заштатнаго пособія продавцамъ винныхъ лавокъ и заплатятъ домовладѣльцамъ помѣщеній для лавокъ за весь наемный срокъ до конца трехлѣтія, всего около 1.000 р. Но вѣдь это равносильно отказу! Пусть не говорятъ намъ, что ссылки на печать не провѣрены, что нужно личное удостовѣреніе, что надо руководиться свѣдѣніями Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей и отчетами попечительствъ, т.-е. перейти къ старой системѣ офиціальныхъ освѣдомленій, по которымъ всегда и все обстояло благополучно. Авторы корреспонденцій и статей, — опытные и заслуженные писатели, какъ Щегловъ — знаютъ, конечно, о своей отвѣтственности за ложныя свѣдѣнія въ печати и для меня статья автора съ поднятымъ забраломъ во всякомъ случаѣ болѣе убѣдительна, чѣмъ безличныя страницы отчета. Вчера въ Государственной Думѣ было высказано, что фонарь Государственной Думы будетъ освѣщать всѣ темные закоулки. Однимъ изъ лучей свѣта, исходящихъ изъ этого фонаря,—является гласность. Будемъ же и мы, сосредоточенные здѣсь за нашими занятіями, присматриваться къ тому, что освѣщаютъ эти лучи безъ излишняго и вреднаго недовѣрія, когда для него нѣтъ основаній.

Говорятъ о дѣятельности членовъ комитетовъ попечительствъ. Но стоитъ посмотрѣть на статью 10 Положенія о попечительствахъ, чтобы видѣть, какъ обреченъ составъ комитета на бездѣйствіе. Исправникъ, инспекторъ училищъ, благочинный, начальникъ мѣстнаго жандармскаго управленія, товарищъ прокурора, участковый судья, городской судья, уѣздный членъ суда и т. д. — всѣ эти люди буквально завалены по горло работой. Если они будутъ заниматься въ этихъ комитетахъ такъ, какъ слѣдуетъ, т.-е. класть въ нихъ душу свою, то, извините меня за игру словъ, имъ при-

дется, положивъ душу въ это дѣло, положить зубы на полку, въ смыслѣ увольненія отъ должности за неисполненіе обязанностей по своей прямой должности, и, слѣдовательно, имъ остается одно изъ двухъ — или исполнять то, за что платитъ казна, или заниматься борьбой съ народнымъ пьянствомъ. Несомнѣнно, что они вынуждены самою жизнью предпочесть первое. Вотъ почему я нахожу, что надо отдать это дѣло въ руки людей, которые посвятятъ себя ему спеціально, что возможно тогда, когда въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ будетъ особо организовано попеченіе о трезвости и явятся, быть-можетъ, для этого особыя исполнительныя комиссіи, какъ явились въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ городскія училищныя комиссіи. Намъ говорятъ, что нельзя возлагать обязанности на земства и города безъ ихъ согласія, такъ сказать, одностороннимъ образомъ. Но, господа, законодательная дѣятельность не есть даръ, не есть и двухсторонній договоръ. Законодательная дѣятельность состоитъ въ томъ, что извѣстному учрежденію вмѣняется въ обязанность то, что необходимо для пользъ и нуждъ государства. Не даромъ даже въ статьѣ 1 Городового Положенія сказано, что вѣдѣнію городского общественнаго управленія подлежатъ пользы и нужды мѣстнаго населенія. Говорятъ, что это не будетъ соотвѣтствовать организаціи земствъ и городовъ. Но, развѣ эта организація что-нибудь окаменѣлое, чего законодатель не имѣетъ возможности тронуть? Развѣ онъ обязанъ вѣчно стоять въ туманѣ и въ заколдованномъ кругѣ существующихъ законовъ? Забываютъ, что законодатель — не толкователь *существующаго*, подобно судьѣ, но творецъ *будущаго*. Да и какъ спросить согласіе земствъ и городовъ? Устроить плебисцитъ, созвать общій съѣздъ земскихъ и городскихъ учрежденій, чего, однако, у насъ не разрѣшается до сихъ поръ? Для этого существуютъ законодательныя учрежденія страны. Ихъ обязанность — принимать къ сердцу пользы и нужды народа, ихъ право — начертывать законы, утверждаемые Верховною Властью. Мы не можемъ вернуться къ тому времени, когда починъ закона исходилъ отъ директоровъ департаментовъ. Намъ говорятъ, что въ предметахъ вѣдомства городовъ и земствъ не существуетъ обязанности заботиться о народной трезвости. Да, покуда ея нѣтъ

въ точномъ опредѣленіи, но она входитъ по смыслу своему въ цѣлый рядъ другихъ обязанностей, которыя уже лежатъ на нихъ. Напримѣръ, по Городовому Положенію 1892 г. городское общественное управленіе завѣдуетъ мѣстными пользами и нуждами; оно на основаніи разныхъ пунктовъ статьи 2, охраняетъ народное здравіе, развиваетъ средства врачебной помощи, изыскиваетъ способы улучшенія мѣстныхъ санитарныхъ условій, участвуетъ въ народномъ образованіи, устраиваетъ лѣчебныя заведенія, заводитъ библіотеки, музеи и театры и, наконецъ, на него возложено попеченіе объ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью укрѣпленіе религіознаго чувства и нравственности народа. Въ этотъ отдѣлъ входитъ, безъ сомнѣнія, и забота о народной трезвости въ тѣхъ ея развѣтвленіяхъ, которыя указаны въ Положеніи о попечительствахъ. Насъ пугаютъ словомъ «городскому общественному управленію предоставляется», но «предоставить» не значитъ бросить на произволъ, а въ особенности если это предоставленіе будетъ сдѣлано съ ассигнованіемъ на предметъ его извѣстныхъ средствъ изъ государственнаго казначейства. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Министерство Финансовъ остановилось на мысли передать попечительства земствамъ и городамъ въ случаѣ ихъ согласія, оно не говорило о томъ, что дастъ имъ средства для этого, но нашъ проектъ предлагаетъ тѣ средства, которыя теперь ассигнуются на попечительства о народной трезвости, раздать извѣстнымъ путемъ, при участи мѣстныхъ представителей, черезъ посредство губернскихъ комитетовъ. Наконецъ, въ нашемъ законодательствѣ, въ нашей практикѣ, есть цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ на Думы и на Земства были возложены правительствомъ прямыя обязанности по удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ. Позволю себѣ указать на нѣкоторые: о народномъ продовольствіи (т. XII ст. 111—129), о призрѣніи нищихъ (въ 1893 г.), о мѣрахъ противъ эпидемій (согласно опредѣленію Перваго Департамента Сената), о собраніи справочныхъ .цѣнъ (Высочайшее повелѣніе 1871 г.), объ устройствѣ городскихъ богадѣленъ (Высочайшее повелѣніе 1884 г.), о принятіи въ вѣдѣніе города городскихъ кладбищъ Преображенскаго и Успенскаго (по Высочайшему повелѣнію 1871 г.), о принятіи больницъ изъ Приказа Об-

щественнаго Призрѣнія, объ учрежденіи Училищнаго Совѣта при городскихъ Думахъ и Земствахъ (Высочайшее утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 1876 г.). Наконецъ, позвольте упомянуть о весьма отрадномъ явленіи въ Москвѣ. Тамъ мы встрѣчаемъ учрежденіе, возникшее по горячему почину и вслѣдствіе неустанныхъ трудовъ нашего почтеннаго сочлена В. И. Герье. Это суть участковыя попечительства о бѣдныхъ, которыя успѣшно и благотворно дѣйствуютъ, при чемъ они возникли, несмотря на то, что не входятъ въ списокъ всѣхъ предметовъ вѣдѣнія Думы, кои содержатся въ статьѣ второй Городового Положенія. Засимъ, намъ говорятъ: зачѣмъ передавать все это дѣло въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а не оставить въ прежнемъ объединеніи съ казенной винной монополіей? Отвѣчаю: затѣмъ, что оно должно по нашему проекту перейти къ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, а послѣднія состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Статьи 101 и 83 — 85 Городового Положенія устанавляютъ порядокъ надзора и взаимнаго обжалованія постановленій и распоряженій городского управленія и администраціи, сосредоточивая въ Первомъ Департаментѣ Сената окончательное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ, поступающихъ притомъ не на усмотрѣніе начальства, а на воззрѣніе «нелицемѣрнаго Сената правосудія», какъ выражается нашъ законъ.—Въ нашемъ проектѣ мы очертили кругъ дѣятельности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ области попеченія о трезвости. Онъ тѣсно связанъ съ городскими и земскими дѣлами и съ драгоцѣннымъ ихъ правомъ издавать обязательныя постановленія, чего Министерству Финансовъ не предоставлено. Наконецъ, говорятъ, что Всероссійское Общество Трезвости, которое мы предлагаемъ учредить, представляется совершенно частнымъ учрежденіемъ, которое незачѣмъ и вводить въ законъ. Это учрежденіе не можетъ быть совершенно частнымъ и починъ его долженъ принадлежать правительству, какъ онъ принадлежалъ правительству относительно общества Краснаго Креста. Позвольте напомнить тѣ убѣдительныя и почерпнутыя изъ знанія жизни объясненія, которыя представилъ при второмъ обсужденіи настоящаго вопроса нашъ сочленъ, бывшій петербургскій губернаторъ, гр. С. А. Толь, который видѣлъ

воочію, какъ мало вліяютъ и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, плохо вліяютъ попечительства на мѣстное народонаселеніе. Образецъ общества Краснаго Креста нуженъ еще и потому, что неумѣренное пьянство, развивающееся въ народѣ неудержимо, не менѣе опасно, чѣмъ бѣдствія, причиняемыя войною, и если для уменьшенія и уврачеванія послѣднихъ, по великодушной мысли Дюнана, образовалось Общество Краснаго Креста, то противъ бѣдствій, причиняемыхъ пьянствомъ слѣдуетъ образовать такое же общество, основанное по почину и при участіи правительства, — общество, объединяющее всѣ частныя организаціи для того, чтобы члены ихъ не дѣйствовали въ разбродъ, — чтобы они знали, на кого опереться, у кого получить совѣтъ, указанія, помощь, поддержку и — въ нужныхъ случаяхъ — защиту. Такое общество необходимо уже потому, что если война приноситъ народу громадный ущербъ, заставляя погибать его сыновъ, то ими, по крайней мѣрѣ, управляетъ чувство патріотизма, дающее извѣстный духовный подъемъ самоотверженія, а пьянство убиваетъ душу народа, оставляя за собою лишь низость и паденіе. Вотъ почему я думаю, что мы, внося нашъ проектъ, исполнили нашу обязанность передъ русскимъ народомъ и можемъ смѣло сказать, что какова бы ни была его судьба, наша совѣсть можетъ быть спокойна...

(Засѣданіе 15 января 1914 г.).

Государственная Дума, наиболѣе свѣдущая въ уясненіи и оцѣнкѣ бытовыхъ явленій и народныхъ нуждъ вслѣдствіе своей непосредственной близости къ избирающему ее населенію, признала необходимымъ предоставить право составленія запретительныхъ приговоровъ не только *сельскимъ обществамъ*, но и *городскимъ Думамъ и замѣняющимъ ее учрежденіямъ*. Особая комиссія Государственнаго Совѣта признаетъ участіе городскихъ общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ *недопустимымъ*. Такимъ образомъ, нашу родину предполагается раздѣлить по от-

ношенію къ борьбѣ съ мрачнымъ и грознымъ народнымъ бѣдствіемъ на двѣ области: *могущую защищаться* отъ него и *немогущую защищаться* запретительными приговорами, которые, однако, та же комиссія признаетъ дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ зеленымъ зміемъ. Съ такимъ взглядомъ я согласиться никакъ не могу, потому что именно въ городахъ-то и развито съ особой силой пьянство. Цифровыя данныя, приведенныя во время преній въ Государственной Думѣ по занимающему насъ вопросу, и сдѣланныя здѣсь заявленія нѣкоторыхъ нашихъ сочленовъ указываютъ, что городскіе жители пьютъ водочныя издѣлія въ значительно большомъ количествѣ, чѣмъ сельскіе обыватели, при чемъ процентное отношеніе этихъ издѣлій на каждаго изъ горожанъ значительно превышаетъ таковое на сельскаго обывателя. Окраины городовъ полны фабриками и заводами; въ городахъ же сосредоточиваются разныя мастерскія и ремесленныя заведенія; въ нихъ расчетъ производится еженедѣльно, и возможность пропивать свой заработокъ для предавшихся пьянству или втягивающихся въ него представляетъ много соблазнительныхъ удобствъ. Стоитъ пойти къ концу рабочаго дня каждую субботу, чтобы увидѣть у воротъ заводовъ и фабрикъ несчастныхъ женъ, ждущихъ мужей, выходящихъ съ полученнымъ заработкомъ, въ надеждѣ отвоевать у нихъ хоть что-нибудь для своего нищенскаго очага и для нуждающихся иногда въ самомъ необходимомъ дѣтей. Въ иныхъ условіяхъ и при другой обстановкѣ получаетъ оплату своего труда хлѣборобъ, и, хотя, къ несчастью, и въ деревнѣ свирѣпствуетъ въ послѣднее время пьянство, но тамъ, все-таки, еще не образовалось цѣлаго класса упорныхъ пропойцъ, называемыхъ босяками, золоторотцами, хитровцами и т. д., — класса, который растетъ быстро и непрерывно, теперь угрожая общественному порядку и спокойствію, а въ будущемъ грозя нашей и безъ того слабой культурѣ. Старые и коренные жители Петербурга не могутъ не помнить, какъ вмѣсто прежняго трудового — коренного и приходившаго на заработки — народа появилась *чернь*, гнѣздящаяся на ночлегъ въ зимующихъ сѣнныхъ баркахъ, необитаемыхъ подпольяхъ и даже свалочныхъ мѣстахъ. У этихъ, по мѣткому выраженію Бисмарка, Katilinarische Existenzen вѣнцомъ

заработка и цѣлью дня является выпивка, парализующая возможность привлеченія ихъ къ систематическому и постоянному труду. Практика домовъ трудолюбія, освобожденная отъ миража офиціальности, представляетъ тому немало краснорѣчивыхъ примѣровъ. Поэтому, казалось бы, и городу должны быть предоставлены, во всякомъ случаѣ, неменьшія средства для борьбы съ пьянствомъ, чѣмъ сельскому обществу. «Это невозможно! — говоритъ особая комиссія:—для борьбы съ пьянствомъ нужна непосредственная, искренняя *заинтересованность* въ устраненіи или уменьшеніи этого зла». Но развѣ горожане въ этомъ менѣе заинтересованы? Развѣ уличныя безчинства и возлюбленное чадо и союзникъ пьянства — хулиганство — составляютъ для городскихъ жителей только предметъ благожелательнаго любопытства? Развѣ, читая и слыша ежедневно объ убійствахъ и тяжелыхъ раненіяхъ, совершаемыхъ ради озорства и изъ «любви къ искусству», горожанинъ не чувствуетъ себя непосредственно заинтересованнымъ въ устраненіи явленія, источникомъ котораго въ большинствѣ случаевъ является пьянство? Развѣ не искренно желаніе, чтобы для борьбы съ ежедневно возрастающимъ хулиганствомъ и его главнымъ источникомъ—пьянствомъ были приняты, наконецъ, мѣры, болѣе дѣйствительныя, чѣмъ канцелярскій обмѣнъ мнѣній, и были введены, наконецъ, работные дома съ принудительнымъ трудомъ, какъ лучшее средство для борьбы съ антиобщественнымъ зломъ, грозящимъ обратить залитыя электричествомъ улицы дѣлового, трудящагося и праздно болтающаго Петербурга въ нѣчто подобное легендарнымъ Муромскимъ лѣсамъ. И вотъ теперь предлагается лишить городъ, якобы *не заинтересованный*, способа борьбы съ однимъ изъ источниковъ хулиганства путемъ запретительныхъ приговоровъ! Особая комиссія отнеслась съ сочувствіемъ къ проекту Государственной Думы о возвышеніи и дополненіи карательныхъ по отношенію къ пьянству постановленій. Но значительная часть послѣднихъ относится именно къ условіямъ жизни въ городахъ. Таково, напримѣръ, появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ состояніи явнаго опьянѣнія. Несомнѣнно, что шатающійся, дико поющій, падающій и сквернословящій человѣкъ среди массы прохожихъ, экипажей и трамваевъ представляетъ гораздо больше поводовъ

для столкновеній и нарушенія благочинія, а также и опасности для самого себя, чѣмъ тотъ же самый на почти пустой улицѣ деревни. Сельское общество, — говоритъ далѣе особая комиссія, — есть настоящій представитель всѣхъ мѣстныхъ обывателей, какъ домохозяевъ, тогда какъ гласные Думы суть лишь представители лицъ, имѣющихъ опредѣленный цензъ, а въ Петербургѣ и значительнаго числа квартиронанимателей. Но, Дума, на основаніи 7 ст. городового положенія, дѣйствуетъ *именемъ* и *отъ имени* всего городского поселенія, и извѣстный имущественный цензъ обезпечиваетъ въ данномъ случаѣ ту степень развитія, которая даетъ возможность яснѣе видѣть, въ чемъ нуждается городское населеніе для борьбы съ пагубными явленіями его жизни. Нельзя не замѣтить, что такимъ образомъ города обрекаются на безконечно долгое безсиліе ихъ представительства въ виду того, что всеобщей подачи голосовъ по дѣламъ городского самоуправленія едва ли придется скоро и даже когда-либо дождаться. Если стать на точку зрѣнія особой комиссіи, то пришлось бы сказать, что и законодательныя палаты только тогда являются пригодными для изданія общеобязательныхъ законовъ, когда онѣ избраны всеобщей подачей голосовъ. Однако, мы знаемъ страны, какъ, напримѣръ, Швейцарію, гдѣ на ряду съ участіемъ всего населенія въ выработкѣ законодательныхъ мѣръ, какъ это дѣлается въ коренныхъ кантонахъ, — въ большихъ кантонахъ существуетъ двустепенная система выборовъ. Если обратиться къ тому V свода законовъ — къ уставу питейному, то окажется, что городскимъ гласнымъ въ составѣ городской Думы предоставляются права, идущія въ разрѣзъ со взглядомъ особой комиссіи. Такъ, по 675 ст. устава питейнаго, открытіе винныхъ лавокъ въ городахъ и посадахъ разрѣшается городскими Думами; по 676 ст. городскія Думы и замѣняющія ихъ учрежденія могутъ въ видахъ общественнаго благоустройства ежегодно составлять расписаніе о *числѣ мѣстъ* раздробительной продажи съ указаніемъ мѣстностей (независимо отъ опредѣленныхъ законовъ), въ коихъ таковыя не должны быть открываемы; наконецъ, по 683 ст. Думамъ принадлежитъ право запрещать торговлю спиртными напитками въ теченіе опредѣленныхъ дней или частей оныхъ. Такимъ образомъ, городская Дума, безъ разрѣшенія

которой не можетъ состояться открытіе винныхъ лавокъ не только въ тѣхъ или другихъ частяхъ города съ полнымъ или частичнымъ воспрещеніемъ въ нихъ торговли, но и вообще открытіе такихъ лавокъ въ городѣ, — безъ всякой логической послѣдовательности лишается права ихъ закрывать. Это — какой-то гражданскій бракъ съ весьма стѣснительнымъ для одной изъ брачущихся сторонъ договоромъ, но съ безусловнымъ воспрещеніемъ развода. Затѣмъ намъ указываютъ, что запретительные приговоры городскихъ Думъ могутъ встрѣтить *несочувственное* отношеніе обывателей къ самой идеѣ борьбы съ пьянствомъ. Но, однако, есть въ жизни много случаевъ, когда со стороны ослѣпленной, неразвитой, не понимающей своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, живущей злобой дня и иногда являющейся игралищемъ въ рукахъ своекорыстныхъ подстрекателей, части населенія, возникаетъ несочувственное отношеніе къ закону, выражающееся иногда даже насильственными дѣйствіями. Стоитъ вспомнить картофельные бунты, противодѣйствія народной переписи, враждебное отношеніе къ обязательному оспопрививанію и, наконецъ, холерные безпорядки въ тридцатыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. И въ никѣмъ не отрицаемыхъ правахъ городскихъ Думъ по городовому положенію есть и нынѣ рядъ такихъ, которыя способны вызывать къ себѣ и къ проникающей ихъ идеѣ несочувственное отношеніе обывателей. Достаточно указать на 6 пунктъ статьи 2 городового положенія, возлагающій на думу мѣропріятія по охраненію народнаго здравія и принятіе санитарныхъ улучшеній. Эти мѣропріятія стоятъ въ неразрывной связи съ предписаніями устава медицинской полиціи въ т. XIII свода законовъ относительно оспопрививанія и борьбы съ другими заразными болѣзнями, ветеринаріи и борьбы съ эпизоотіей и, наконецъ, съ цѣлымъ рядомъ карантинныхъ правилъ, строгость и стѣснительность которыхъ достаточно извѣстна. По 642 статьѣ устава медицинской полиціи, городскія управленія привлекаются къ участію въ осуществленіи самыхъ разнообразныхъ мѣръ запрещенія въ интересахъ здравія обывателей, начиная съ весьма стѣснительныхъ постановленій при появленіи эпидемическихъ болѣзней и кончая запрещеніемъ продажи Иванъ-чая и спитого чая (ст. 667), игрушекъ съ мышьякомъ (ст. 673), бу-

маги рарiет пасте́ (ст. 675) и пріобрѣтенія ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ веществъ (ст. 689). Затѣмъ, согласно пункту 12 статьи 63 городового положенія, городская Дума издаетъ таксы на хлѣбъ и на мясо, т.-е. затрогиваетъ по отношенію къ предметамъ первой необходимости, — каковыми, конечно, нельзя считать водочныя издѣлія, — самые существенные, насущные и повседневные интересы обывателей въ лицѣ потребителей и торговцевъ. Наконецъ, въ силу пункта 2 статьи 108 городового положенія городская Дума издаетъ обязательныя постановленія относительно мостовыхъ, набережныхъ, тротуаровъ и всякихъ мѣстъ общественнаго пользованія даже и на земляхъ, принадлежащихъ *частнымъ владѣльцамъ*, учрежденіямъ и вѣдомствамъ. Недавняя исторія закрытія проѣзда между домами частнаго владѣльца на Преображенской улицѣ и многія дѣла, доходившія до Сената по жалобамъ частныхъ владѣльцевъ на обязательныя постановленія объ устройствѣ тротуаровъ, показываютъ, какимъ несочувствіемъ пользуется иногда идея правильнаго устройства пѣшеходнаго движенія, осуществляемаго обязательными постановленіями городской Думы. Однако же, эти постановленія, тѣмъ не менѣе, осуществляются неукоснительно ибо, если бы тутъ искать сочувствія разнообразныхъ группъ обывателей, то при нашей апатіи къ общественному интересу и стремленіи ко всякаго рода оттяжкамъ и проволочкамъ иныя городскія поселенія обратились бы въ очаги заразы и явили бы собою мерзость запустѣнія. Намъ указываютъ, наконецъ, на то, что предоставленіе городскимъ учрежденіямъ права постановлять запретительные приговоры принесетъ огромный вредъ для *экономическаго развитія* городовъ и будетъ сопряжено съ *непреодолимыми препятствіями* въ своемъ осуществленіи. Но прежде всего дозволительно спросить: о какомъ экономическомъ развитіи здѣсь говорится и почему усиленіе пьянства служитъ показателемъ этого развитія? Развѣ интересы торговцевъ водки, могущіе пострадать отъ запретительныхъ приговоровъ, служатъ показателемъ экономическаго развитія? Но тогда надо признать, что экономическое развитіе происходитъ въ ущербъ развитію нравственному и что количество протоколовъ о пьяныхъ безобразіяхъ и о дракахъ и убійствахъ, совершаемыхъ озвѣрѣвшими трактирными кутилами,

служитъ показателемъ благостстоянія обывателя? А, между тѣмъ, статья 4 городового положенія возлагаетъ на городскую Думу заботу о поднятіи нравственности въ городѣ. Притомъ, ужъ если заботиться о торговомъ прибыткѣ продавцовъ, то не слѣдуетъ забывать, что въ поправки къ статьѣ 1, предлагаемыя разными членами Государственнаго Совѣта, введено раздѣленіе между водочными издѣліями и другими напитками, какъ, напримѣръ, пивомъ, и что сельскимъ обществамъ и городскимъ Думамъ предлагается предоставить запрещать торговлю всѣми или только нѣкоторыми изъ крѣпкихъ напитковъ. Не могу согласиться и съ указаніемъ на непреодолимыя препятствія. Въ селахъ и деревняхъ ихъ, конечно, гораздо болѣе чѣмъ въ городскихъ поселеніяхъ, гдѣ есть и многочисленная полиція, и сконцентрированный акцизный надзоръ и гдѣ дѣйствуютъ общества трезвости и союзы трезвенниковъ, которые могутъ быть вооружены и снабжены различными правами или способами для борьбы съ обходомъ запретительныхъ приговоровъ. Примѣръ успѣшности борьбы подобныхъ обществъ мы видимъ въ дѣятельности общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Въ то время, когда крестьянскія дѣти подвергаются нерѣдко, особливо со стороны мачехъ и вотчимовъ, жестокому обращенію и остаются совершенно беззащитными, петербургское общество защиты дѣтей выступаетъ рѣшительно и съ большимъ успѣхомъ на защиту маленькихъ страдальцевъ. Вотъ почему нѣтъ никакого основанія говорить объ опасности предоставленія городу права постановлять запретительныя приговоры. Наоборотъ, отсутствіе этого права обратитъ во многихъ мѣстностяхъ сельскіе запретительные приговоры въ ничто, создавъ на окраинахъ городовъ, соприкасающихся съ сельскими мѣстностями, гдѣ состоялись подобные приговоры, рядъ питейныхъ заведеній, смущающихъ и соблазняющихъ ближайшее къ городу сельское населеніе. Я предвижу одно возраженіе. Мнѣ скажутъ побѣдоносно: «Вы хотите оставить такіе города, какъ Петербургъ, Москву, Кіевъ и Харьковъ безъ водки? Да развѣ это возможно? Развѣ это мыслимо?» Быть-можетъ, даже сошлются на сомнительное сказаніе о томъ, что «Руси есть веселіе пити», забывая, что если эти слова и были сказаны, то въ такое

время, когда водки въ обиходѣ вовсе не существовало, и не существовало также и законодательныхъ учрежденій, обязанныхъ защищать будущность своего народа отъ нравственнаго и физическаго развала и гибели, руководясь при этомъ повелительными указаніями жизни, а не заботами о подтвержденіи черезъ десять столѣтій сказанія лѣтописи Нестора. А что до немыслимости и невозможности, то я скажу: «Не дѣлайте экскурсій въ даль вѣковъ, а поѣзжайте къ сосѣдямъ въ Стокгольмъ и Христіанію, и тамъ вы узнаете на опытѣ, что городскимъ общественнымъ управленіямъ предоставлено безусловное право постановлять запретительные приговоры о продажѣ крѣпкихъ напитковъ».

Господа,—при обсужденіи вопроса, о борьбѣ съ истиннымъ народнымъ бѣдствіемъ непозволительно закрывать глаза на его размѣры, ограничиваться полумѣрами, растравляющими, но не врачующими рану народной души и воли, и утѣшать себя маниловскими мечтами. Когда я слышу о томъ, что борьба съ заразною болѣзнью пьянства невозможна, покуда не будетъ поднята общая культура въ странѣ, не будетъ поднята нравственность народа, и пока онъ самъ не сознаетъ вреда пьянства, мнѣ невольно приходитъ въ голову горестное восклицаніе Гамлета: «Слова, слова, слова!» Когда непріятель подступаетъ къ стѣнамъ со всѣхъ сторонъ обложеннаго города, болѣе чѣмъ странно говорить о томъ времени, «когда народы, распри позабывъ, въ единую семью соединятся».

Культурное и нравственное развитіе очень желательны; они должны быть цѣлью всѣхъ честныхъ людей, непогрязшихъ въ своекорыстіи или самодовольствѣ эгоизма, но нельзя безсильно опускать руки предъ тѣмъ, что въ корнѣ подрываетъ это развитіе... Пройдите въ ранній утренній часъ по улицамъ столицы, когда трудовое населеніе выходитъ на работу, а предъ нѣкоторыми домами посыпаютъ ельникъ для предстоящихъ похоронъ, — посмотрите на длинныя вереницы людей съ испитыми лицами, ожидающихъ у дверей «казенки», чтобы начать свой день съ пагубной выпивки на голодный желудокъ, — припомните, что 93 проц. воинскихъ преступленій и нарушеній дисциплины и 42 проц. общихъ преступленій совершаются подъ вліяніемъ нетрезвости, — что безчувственно пьяныхъ забираютъ въ ужасающія по своей обста-

новкѣ и устройству камеры для вытрезвленія въ количествѣ 1 на 23 человѣка населенія, тогда какъ въ Берлинѣ забирается одинъ на 320 — и вы увидите, что тутъ происходятъ тоже похороны душевныхъ и физическихъ силъ слабовольнаго городского населенія. Этому населенію заманчиво и соблазнительно открываетъ свои двери винная лавка; его заманиваетъ и развращаетъ тотализаторъ; ему наглядно преподаетъ методы и способы совершенія преступленій кинематографъ, пріучая его къ картинамъ ужаса и разврата, — а вамъ говорятъ: «подождите культурнаго развитія». Но «пока солнце взойдетъ — роса глаза выѣстъ», — гласитъ народная пословица.

Будемъ дружно и усердно работать на культуру, но противъ пьянства выдвинемъ дальнобойныя орудія, а не бумажныхъ змѣевъ, отмѣненныхъ уже и въ Китаѣ!

Вотъ почему, я поддерживаю свою поправку, прося васъ не дѣлить нашу родину на двѣ области по борьбѣ съ пьянствомъ, и готовъ повторить слова достойнаго и убѣжденнаго борца съ пьянствомъ — М. Д. Челышева: «пощадите Россію!»

V.

Объ упраздненіи тотализатора.

(Засѣданіе Государственнаго Совѣта 2 марта 1909 года).

Финансовая Комиссія Государственнаго Совѣта, разсматривая смѣту Государственнаго Коннозаводства на 1909 годъ, выразила *пожеланіе*, чтобы правительство вновь обсудило вопросъ о возможности упраздненія практикуемой нынѣ на конскихъ состязаніяхъ игры на тотализаторѣ. Послѣ оживленныхъ преній, въ засѣданіяхъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 2 и 4 марта, пожеланіе это *отклонено*.

Маленькій, повидимому, вопросъ о тотализаторѣ есть, въ сущности, чрезвычайно важный вопросъ о томъ, насколько соображенія практической желательности и технической полезности могутъ имѣть преобладаніе надъ соображеніями общественной нравственности и долга государства по отношенію къ народу.

Въ 1889 г. на докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о тотализаторѣ Императоръ Александръ III написалъ: «это огромное зло, безобразіе и развращеніе не только публики, но и администраціи скакового общества». Казалось бы, что этими ясными, твердыми и опредѣленными словами разъ навсегда рѣшена судьба тотализатора въ Россіи. Однако, онъ существуетъ до сихъ поръ въ благосклонныхъ условіяхъ жизнеспособности, обѣщающей долгіе годы безпечальнаго житія. Поэтому невольно приходится попробовать провѣрить вѣрность взглядовъ покойнаго Государя, разобравъ эту резолюцію по частямъ, и признать, что или тота-

лизаторъ былъ оцѣненъ ошибочно, что, конечно, возможно даже и на той высотѣ, на которой стоялъ могущественный авторъ резолюціи — errare humanum est — или же, что тотализаторъ съ тѣхъ поръ радикально измѣнилъ свои свойства. Итакъ, *во-первыхъ*, тотализаторъ есть *зло*. Прямодушное сердце Монарха, — который самъ былъ ревностнымъ труженикомъ, — провидѣло сквозь туманъ успокоительныхъ удостовѣреній, что тотализаторъ не имѣетъ ничего общаго съ производительнымъ трудомъ; что источникомъ обширныхъ денежныхъ оборотовъ его является не трудъ, а страсть, а плодомъ, — нажива отъ эксплоатаціи этой страсти, при чемъ, часть этой наживы, въ качествѣ подачки за право существованія, дается казнѣ. Достаточно вспомнить, что въ 1901 г. въ одной Москвѣ оборотъ тотализатора составилъ 19.600.000 р., что чистый доходъ съ него въ пользу спортивныхъ обществъ дошелъ почти до 2.000.000 р. и что теперь этотъ доходъ достигаетъ уже 2.500.000 р. въ годъ, чѣмъ знаменуется оборотъ въ 24.000.000 р., т.-е. почти столько же, сколько представляетъ оборотъ всѣхъ скаковыхъ обществъ цѣлой Франціи за 1895 г. «Это зло существуетъ, однако, за границей», скажутъ намъ. Но, прежде всего, — не вездѣ: въ Англіи тотализатора нѣтъ, затѣмъ во Франціи онъ установился послѣ многихъ колебаній, отмѣнъ и запрещеній и, наконецъ, зачѣмъ же намъ слѣдовать примѣру западной Европы въ томъ, что въ ней есть дурного? Почему намъ не пойти своимъ путемъ, а не прививать къ молодому русскому народу, который еще весь въ будущемъ, тѣхъ печальныхъ обычаевъ роскоши и страстной погони за наживой, которыми характеризуется то, что называется «la décadence latine». Мы такъ долго и упорно стремились не *подражать* другимъ заграничнымъ образцамъ, признаннымъ, однако, впослѣдствіи полезными, что весьма желательно приложить это упорство и къ культурѣ на русской почвѣ тотализатора. Не пересаживать же къ намъ тѣ спортивныя общества, которымъ, по существеннымъ къ нимъ словамъ одного изъ ораторовъ, присвоена не только законодательная, но и уголовная власть? — Это было бы несчастіемъ для Россіи. Стоитъ только представить себѣ законодательство господъ конькобѣжцевъ или уголовныя кары, налагаемыя, согласно сво-

ему уставу, членами общества псовой охоты, съ преміями за рѣзвость и злобность.

Во-вторыхъ, тотализаторъ названъ *безобразіемъ* и совершенно справедливо. Это есть привлеченіе разныхъ слоевъ населенія къ публичной азартной игрѣ, при чемъ азартъ не запираетъ крѣпко дверей своихъ притоновъ, какъ игорный домъ, страшась быть накрытымъ полиціею, — и не труситъ, какъ орлянка, притаившаяся за заборомъ изъ страха передъ городовымъ, который разгонитъ играющихъ. Тутъ нѣтъ сознанія недозволенности или нравственной предосудительности, а все происходитъ открыто, при любезномъ и предупредительномъ посредствѣ для всякаго, кто «знобимъ стяжанья лихорадкой» и, уплативъ входный рубль, въ состояніи поставить на ставку въ одиночку, или въ составѣ компаніи 10 р. При тайной игрѣ всегда существуетъ рискъ сдѣлаться предметомъ обмана или незамѣтной ловкой продѣлки. Трудно говорить о гарантіяхъ безопасности въ этомъ отношеніи тамъ, гдѣ дѣло происходитъ втихомолку и съ боязливой оглядкой и гдѣ нельзя жаловаться, потому что самъ потерпѣвшій — участникъ незаконнаго дѣла. Но здѣсь, при тотализаторѣ, все «честно-благородно», на всемъ лежитъ печать дозволеннаго и даже поощряемаго, а противъ грубыхъ обмановъ гарантія полная. Но именно эта-то гарантія и вредна, ибо она уничтожаетъ страхъ сдѣлаться жертвой обмана, а иногда и насилія, и не ставитъ, такимъ образомъ, препоны азартному предпріятію, облеченному въ сомнительныя формы расчета. Здѣсь именно — внѣшняя безупречность обстановки, — легкая и безопасная возможность попытать счастья, — узаконенность толпы, называемой публикой, — и та взаимная внушаемость, которая составляетъ психику всякой толпы. — Все это должно обладать особою заразительною привлекательностью. Да и кромѣ внѣшней опасности, существуетъ и опасность внутренняя, грозящая не отъ чужого грабителя, а отъ самого себя, отъ собственной слабости. Съ этой точки зрѣнія я нахожу, что именно открытость тотализатора есть зло, а не добро. Тамъ, гдѣ человѣкъ, можетъ быть, нѣсколько разъ задумается прежде, чѣмъ рѣшится пойти въ какой-то невѣдомый домъ, къ какимъ-то неизвѣстнымъ людямъ, куда

могутъ нагрянуть прокуроръ, полиція и переписать, или арестовать даже,—прежде чѣмъ направиться въ трактиръ, въ заднюю комнату, гдѣ, Богъ знаетъ какая ютится компанія и гдѣ, быть-можетъ, будутъ играть крапленными картами, а жаловаться на это будетъ пельзя, потому что это запрещенная игра въ игорномъ домѣ и т. д.—тамъ есть извѣстная задержка! Но этой задержки нѣтъ въ тотализаторѣ. въ его ограду можно войти подъ открытымъ небомъ съ гордымъ челомъ и купить билетъ въ кассѣ на глазахъ всей полиціи. Какой это вредъ приноситъ, мы имѣемъ прекрасное, хотя и загробное свидѣтельство покойнаго городского головы Алексѣева, интересовавшагося скаковымъ дѣломъ и заявившаго въ московской городской Думѣ, что когда тотализаторъ вступилъ во всѣ свои права и пустилъ свои ростки и корни повсюду, подобно тому, какъ развивается злокачественная опухоль на тѣлѣ, тогда онъ, Алексѣевъ, самъ пошелъ въ среду тѣхъ, которые играютъ на тотализаторѣ, и въ теченіе 10 дней сидѣлъ у кассы тотализатора на землѣ съ рабочими, мастеровыми, мелкими торговцами, прислугой и т. п. Онъ убѣдился, что по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ, по разнымъ торговымъ учрежденіямъ рыщутъ особые факторы. Они вербуются отовсюду, изъ разныхъ отбросовъ общества, изъ хулигановъ и т. д., и эти-то посредники бѣдному человѣку, у котораго праздничный день — единственный день отдыха, говорятъ: «поди сыграй на «Fine mouche» или на «Гладіатора», это очень выгодно» — и дѣйствительно, вскорѣ оказывается выигрышъ, но затѣмъ, когда расходившаяся страсть побуждаетъ продолжать играть, то наступаетъ почти неизбѣжный проигрышъ, и вдали уже виднѣется скамья подсудимыхъ и тюрьма. Предъ московской городской Думой былъ оглашенъ обширный списокъ уголовныхъ дѣлъ, въ возникновеніи которыхъ игралъ роль тотализаторъ. Предъ ея мысленными очами прошли: приказчики, совершающіе растраты, прислуга, обкрадывающая хозяевъ, рабочіе, закладывающіе одежду, пускающіе по міру семью, ворующіе инструменты и т. д. Они погибли — эти сбившіеся съ пути люди, и даже, вѣроятно, не услышали посмертнаго добраго слова въ Верхней Палатѣ, какъ тотъ застрѣлившійся начальникъ конюшни—съ которымъ, по словамъ представителя вѣдомства произошло

несчастіе, — прекрасный человѣкъ, у котораго, согласно отзыву его начальства, слышанному нами, *все* оказалось въ порядкѣ, кромѣ 15.000 р. растраченныхъ суммъ и массы неоплаченныхъ счетовъ... — Поэтому пусть не говорятъ о томъ, что это такая же допустимая игра, какъ игра на биржѣ или лотерея! Игра на биржѣ, не касаясь ея нравственной стороны, есть сдѣлка по куплѣ и продажѣ, есть спекулятивная торговля бумажными цѣнностями. Доходомъ съ выгодъ, получаемыхъ посредниками отъ игры на разность, казна не пользуется. Къ лотереямъ же государство относится крайне строго и недовѣрчиво, и власть даетъ на нихъ разрѣшеніе въ столь рѣдкихъ случаяхъ, что разные титулованные акробаты благотворительности бываютъ вынуждены осуществлять свою сомнительную любовь къ ближнему устройствамъ публичныхъ, усиленно рекламируемыхъ, развлеченій, расчитанныхъ на низменные вкусы и животныя вожделѣнія толпы. Да и можно ли серьезно говорить о приличномъ формулярѣ тотализатора, если ему, по правиламъ 1889 г., воспрещается дѣйствовать въ двунадесятые праздники, когда дозволены многія другія зрѣлища; если къ игрѣ въ него не допускаются воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній безъ различія возраста; если рекомендуются особыя мѣры въ предвидѣніи возможности возникновенія при такой игрѣ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія, и если наконецъ, прикрываясь фиговымъ листкомъ лицемѣрной стыдливости, тотализаторъ не смѣетъ публиковать о результатахъ и оборотахъ своей дѣятельности! Вотъ почему безполезно противупоставлять тотализатору тайную игру или злоупотребленіе букмекерствомъ. Для борьбы съ послѣдними должны существовать карательные законы, а для примѣненія послѣднихъ должна быть бдительная власть. Нельзя же оставлять то, что было признано безобразіемъ, процвѣтать лишь потому, что законъ постыдно безмолствуетъ, а власть невозмутимо бездѣйствуетъ!

«Ну, да — скажутъ намъ—это игра, но не запрещенная». Какъ мнѣ, такъ, вѣроятно, и многимъ изъ здѣсь присутствующихъ съ любезною предупредительностью доставлена книжка: «*Бѣговыя испытанія, какъ основа коннозаводства Россіи*». Въ ней *старшій спеціалистъ по животноводству* указываетъ, что въ

нашемъ уголовномъ «судопроизводствѣ» статьею 214 тома XIV Свода Законовъ азартными играми признаются единственно основанныя на слѣпомъ случаѣ, а не игры, построенныя на извѣстномъ напряженіи памяти и мысли играющаго, каковыя закономъ вовсе не запрещены. Я такого закона не знаю, а знаю лишь статью 260 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій тома XIV Свода Законовъ, которая запрещаетъ *всякія* азартныя игры, а равно и *способствованіе* имъ, и позволяю себѣ предпочесть цитатѣ спеціалиста по животноводству изъ «изданія Царскосельскаго скакового общества» цитату изъ закона 1782 г.—Императрица Екатерина воспретила «открывать свой домъ или нанятый для игроковъ, а также быть при этомъ маклерамъ или инымъ лицамъ при игрѣ и въ той записывать или счетъ держать, или замѣчать чѣмъ или способствовать игрѣ». Не находите ли, вы, господа, что великая монархиня почти за 130 лѣтъ назадъ не только предусмотрѣла, но и запретила тотализаторъ? А между тѣмъ, тотализаторъ въ настоящее время снабженъ и прочными окопами, и энергическимъ гарнизономъ. Всѣ походы на него до нынѣшняго были безплодными; — боюсь, что и этотъ окажется такимъ же! Исторія этихъ походовъ очень поучительна. Первое ходатайство московской Думы объ ограниченіи тотализатора и приведеніи его въ норму было предъявлено въ 1886 году. Тогда рублевыя ставки были замѣнены десятирублевыми, и положено основаніе вредной складчинѣ въ дѣлѣ скаковой игры. Въ 1889 году послѣ энергической рѣчи городского головы Алексѣева, — котораго уже никакъ нельзя счесть идеологомъ и непрактическимъ дѣятелемъ — московская Дума настойчиво и убѣдительно ходатайствовала о запрещеніи тотализатора. Этотъ вопль Думы остался безъ отвѣта. Прошло восемь лѣтъ. Дума завела по всей Москвѣ попечительства о бѣдныхъ и, очевидно, уже потерявъ надежду освободиться отъ тотализатора, хотѣла привлечь его хоть къ помощи бѣдствующему населенію, — быть-можетъ, бѣдствующему не всегда безъ его участія, — и, вѣроятно, руководясь народной пословицей: «съ паршивой овцы — хоть шерсти клокъ», просила обязать тотализаторъ выдавать 5% своего дохода на попечительства. Но черезъ годъ вредное вліяніе тотализатора сказалось съ такою си-

лою, что Дума снова возбудила ходатайство передъ московскимъ генералъ-губернаторомъ о повергнутіи ея усиленной просьбы къ стопамъ Государя Императора. Однако и эта просьба была пріостановлена, въ виду разработки какихъ-то новыхъ правилъ. Но правилъ этихъ нѣтъ до сихъ поръ, а вмѣсто нихъ чрезъ три года послѣдовалъ двоякій отвѣтъ на испрошеніе 5% сбора въ пользу попечительствъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ соглашался, а Главноуправляющій Коннозаводствомъ обусловливалъ свое согласіе отказомъ городской Думы отъ иска къ скаковому обществу о захватѣ имъ двѣнадцати десятинъ городской земли на Ходынскомъ полѣ. Такимъ образомъ, ходатайство московской Думы объ огражденіи общественной нравственности упраздненіемъ тотализатора или хоть о какомъ-нибудь воспособленіи бѣднотѣ — свелось къ требованію объ отказѣ Думы отъ своей обязанности защищать матеріальные интересы города. И вотъ въ 1901 г., въ отвѣтъ на это предложеніе, Дума, сознавъ свое временное малодушіе, съ благородною гордостью отказалась отъ 5% подачки и снова повторила свое заявленіе о необходимости упразднить тотализаторъ. На такую же необходимость указали въ 1903 г. московское дворянство и московское губернское земское собраніе. Опять прошло пять лѣтъ, и въ 1908 г. вновь повторяетъ свое ходатайство Дума, и ее поддерживаетъ нынѣшній московскій генералъ-губернаторъ. Можно ли не слышать въ этомъ голоса «сердца Россіи», къ которому такъ долго оставались глухи? А между тѣмъ, въ немъ слились голоса представителей всѣхъ сословій, голоса обывателей губерніи и города и, наконецъ, высшаго мѣстнаго представителя власти. Отнесемся ли мы къ нему снова безразлично и равнодушно? И Дума, и земство, и дворянское собраніе суть выборныя учрежденія. Ужели теперь, послѣ 17 октября 1905 г., можно вмѣнять ни во что настойчивый голосъ этихъ мѣстныхъ представителей въ странѣ, гдѣ представительство положено въ основу законодательства?

Въ *третьихъ* резолюція Императора Александра III упоминаетъ и о *развращеніи*. Едва ли нужно доказывать справедливость этого. Игра на тотализаторѣ привлекаетъ къ себѣ, помимо разнаго рода промышленниковъ азартомъ, людей верхняго

слоя низшихъ классовъ населенія: прислугу, мелкихъ приказчиковъ и торговцевъ и т. п., однимъ словомъ, тѣхъ, кто уже стремится пользоваться плодами цивилизаціи, но еще не умѣетъ отличать между ними ядовитые, и гнилые отъ здоровыхъ. На то, сколько изъ нихъ погибаетъ, вкусивъ отъ этихъ плодовъ, краснорѣчиво указываютъ и Дума, и генералъ-губернаторъ Гершельманъ, и представители мировыхъ учрежденій, мнѣніе которыхъ было спрошено. А въ 1903 г., на дворянскомъ собраніи предсѣдатель московскаго Окружного Суда Н. В. Давыдовъ сказалъ слѣдующее: «Предъ моими глазами прошелъ цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ, и я не ошибусь, если скажу, что изъ каждыхъ десяти такихъ дѣлъ четыре состояли въ преступленіяхъ, совершенныхъ въ увлеченіи азартною игрою на тотализаторѣ; преступленія эти — растрата, мошенничество, кражи и даже два случая убійствъ». Нельзя не призадуматься съ горечью надъ этими словами... Лишенные нравственнаго руководительства, одурманиваемые порнографическими брошюрами, картинками и дѣйствующими на похоть зрѣлищами, жертвы азарта пошли по пути заимствованія «господскихъ» пороковъ и встрѣтили на немъ игру на тотализаторѣ, которая представляетъ заманчивый видъ равенства предъ игрою случая. «Все это, — говорятъ намъ здѣсь — ничто передъ успѣхами коннозаводства и улучшеніемъ *конской* породы!». Но, господа, возможно ли допускать улучшеніе *конской* породы ухудшеніемъ и развращеніемъ *людской* породы? Представитель коннозаводства говорилъ здѣсь постоянно о *культурныхъ жеребцахъ*. Пусть такъ! Но желательны и культурные люди, а культура создается обузданіемъ своихъ страстей, которыхъ не слѣдуетъ искушать попустительствуемыми правительствомъ учрежденіями. «Въ тотализаторѣ, — горделиво вѣщаетъ намъ книжка о «Бѣговыхъ испытаніяхъ», — не допускается кредита и, слѣдовательно, каждый уже у себя дома знаетъ высшій размѣръ своего расхода въ тотализаторъ». Прекрасно! Но только есть ли ограниченіе въ способахъ добыванія этого высшаго размѣра? Намъ говорятъ, что тотализаторъ даетъ возможность обратить тайное зло въ явное и потому долженъ пользоваться не только терпимостью, но и покровительствомъ со стороны государства. Но задача государства состоитъ вовсе не въ этомъ: не выводить тай-

ное зло на торжища должно оно, а вести съ нимъ борьбу. Его задача обезпечивать безопасность частной жизни въ отдѣльности и во всей совокупности. И если частная жизнь нуждается въ нравственныхъ началахъ, чтобы не обратиться въ звѣриное сожительство, то эти же начала должны господствовать и въ заботливой дѣятельности государства. Поэтому, оно никогда не должно прибѣгать къ развращающимъ средствамъ, какія бы спеціальныя задачи оно себѣ ни ставило. Оно существуетъ для общества, а не само для себя и не можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ, посягая на нравственность народа и осуществляя знаменитое изреченіе: «propter vitam vivendi perdere causas». Иначе по этому пути можно дойти до самыхъ мрачныхъ выводовъ. Извлекая изъ тайны въ *официальное признаніе* то зло, которое необходимо *отрицать* и съ которымъ нужно бороться, можно добраться до законодательнаго покровительства такимъ учрежденіямъ, которыя обслуживаютъ самыя низкія стороны человѣческой природы. Бываютъ случаи, когда государство должно приносить свои интересы въ жертву своимъ нравственнымъ обязанностямъ. Успѣхъ уголовнаго правосудія зависитъ отъ широкаго использованія доказательствъ, а тѣмъ не менѣе, государство воспрещаетъ допрашивать священника о признаніи, сдѣланномъ на исповѣди, и жертвуетъ драгоцѣннѣйшимъ свидѣтелемъ во имя нравственныхъ началъ. Внутренніе займы съ выигрышами представляютъ большую приманку для населенія, и, тѣмъ не менѣе, наше правительство, несмотря на тяжкія финансовыя затрудненія, переживаемыя Россіею въ послѣдніе годы, не прибѣгало къ нимъ, несомнѣнно избѣгая ихъ лотерейнаго характера.

Высочайшая резолюція отнесла развращеніе и *къ администраціи обществъ*. И здѣсь повѣствованія газетъ о всевозможныхъ публичныхъ и домашнихъ скандалахъ, совершаемыхъ внутри и въ периметрѣ дѣятельности этихъ обществъ, лучше всего доказываютъ, что ничего не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ съ высоты Престола тотализатору и его вдохновителямъ сдѣлана была суровая оцѣнка, по отношенію къ которой, до сихъ поръ примѣняется русская пословица: «жалуетъ Царь, да не жалуетъ псарь» — но примѣняется, къ стыду и несчастію, *наоборотъ*. Я

предчувствую, что мнѣ, быть-можетъ, укажутъ на непримѣнимость моихъ соображеній къ вопросамъ государственнаго хозяйства и упрекнутъ меня въ томъ, что въ стѣнахъ Государственнаго Совѣта я говорю не какъ государственный человѣкъ. Не стану оправдываться... Но, начавъ со словъ почившаго Государя, позволю себѣ кончить словами, несомнѣнно государственнаго человѣка трехъ царствованій. Вотъ что написалъ за нѣсколько дней передъ своей кончиной въ своихъ замѣткахъ графъ П. А. Валуевъ, дважды министръ и предсѣдатель Комитета Министровъ: «Призваніе человѣка и призваніе такъ называемыхъ государственныхъ людей часто расходятся въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ. Но должны ли эти призванія расходиться? Можетъ ли взглядъ на государственнаго человѣка отрѣшиться отъ взгляда на него же, какъ просто на человѣка и при томъ христіанина? И онъ въ предсмертные часы своей земной жизни можетъ ли при обратномъ взглядѣ на пройденный имъ путь отдѣлить дѣла своего государственнаго званія отъ долга и дѣлъ человѣка? Какъ мѣняется въ его собственныхъ глазахъ значеніе тѣхъ и другихъ! Какъ иначе взвѣшивается то, что называлось и признавалось государственною потребностью! Какъ смогутъ тогда въ памяти его всплыть слезы, пролитыя, и несчастья, причиненныя во имя этой потребности!» —

VI.

Народный университетъ Шанявскаго.

(Засѣданіе 16 іюня 1908 г.)

Я хочу начать мое слово въ защиту проекта, утвержденнаго Думою, съ просьбы, съ которой слѣдовало бы кончить, а именно, съ просьбы не передавать этого проекта въ Комиссію для того, чтобы не задержать его окончательнаго утвержденія и не лишить это доброе дѣло приведенія къ тому концу, который желателенъ всѣмъ, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что вопросъ объ учрежденіи университета Шанявскаго прошелъ цѣлый рядъ инстанцій, слѣдуя, начиная съ городской Думы, чрезъ Генералъ-Губернатора, къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, затѣмъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія и, наконецъ, въ Государственную Думу, гдѣ онъ уже былъ готовъ къ слушанію, когда былъ взятъ назадъ, и снова поступилъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія и, наконецъ, въ окончательной формѣ является на наше разсмотрѣніе только теперь. Но надъ этимъ проектомъ виситъ Дамокловъ мечъ: согласно волѣ покойнаго, университетъ его имени въ Москвѣ долженъ быть открытъ 3 октября нынѣшняго года. Если до этого срока или къ этому сроку университетъ не начнетъ дѣйствовать, то всѣ распоряженія, касающіяся этого учрежденія, уничтожаются, а особенно падаетъ то распоряженіе, которое касается имущества, завѣщаннаго университету сверхъ того, которое уже было принесено

въ даръ городской Думѣ. Правда, если университетъ не будетъ открытъ, то имущество, ему завѣщанное, послѣ смерти г-жи Шанявской поступитъ въ пользу Женскаго Медицинскаго Института въ Петербургѣ. Но, во-первыхъ, этотъ институтъ при самомъ своемъ основаніи, только при первоначальномъ посѣвѣ своего зерна, которое потомъ дало широкіе ростки, былъ учрежденъ въ значительной степени на средства г-жи Родственной, нынѣ по мужу Шанявской. Такимъ образомъ, этотъ институтъ уже воспользовался въ значительной степени ея сочувствіемъ и добрымъ желаніемъ, между тѣмъ, согласно завѣщанію ея мужа, передача этому институту значительнаго имущества должна послѣдовать только послѣ ея смерти. Отсюда возникаютъ или могутъ возникнуть слѣдующія затрудненія: прежде всего, этотъ институтъ, который, какъ извѣстно, нѣсколько разъ мѣнялъ свои и форму, и содержаніе, свой объемъ и предоставляемыя ему права, этотъ институтъ можетъ снова видоизмѣниться и войти въ составъ какого-нибудь другого учрежденія, или получить иное названіе или же получить иныя права и обязанности, и тогда у наслѣдниковъ Шанявскаго, по закону, можетъ возникнуть вопросъ о томъ, что завѣщанное имущество уже не можетъ принадлежать этому новому учрежденію, ставшему уже не тѣмъ, которое существовало въ моментъ составленія завѣщанія. Во-вторыхъ, эта возможность измѣненія осуществленія воли жертвователя вмѣстѣ съ тѣмъ связана и съ воспоминаніемъ о самомъ жертвователѣ, такъ какъ предполагается открыть народный университетъ именно имени Шанявскаго. Въ этомъ отношеніи нельзя не припомнить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда приносятся большія матеріальныя жертвы для какого-либо учрежденія, весьма естественно и законно желаніе жертвователя, чтобы его имя было съ этимъ учрежденіемъ связано. Я могу привести примѣръ изъ далекаго прошлаго, въ высшей степени характерный: когда одна изъ благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ представительницъ нашей Царской фамиліи, Великая Княгиня Елена Павловна оставила по завѣщанію большую сумму на учрежденіе курсовъ, на которыхъ могли бы продолжать свое дальнѣйшее развитіе и образованіе врачи, ей предлагали предназначить эту сумму на созданіе но-

выхъ, высшихъ курсовъ при медицинской академіи, но она пожелала создать свой собственный институтъ, который, естественно, сталъ носить ея незабвенное имя и, такъ сказать, увѣковѣчилъ его. Такимъ образомъ, образовался клиническій Еленинскій Институтъ въ С.-Петербургѣ. Съ другой стороны, при неосуществленіи воли завѣщателя объ учрежденіи народнаго университета является одно обстоятельство, которое вноситъ, такъ сказать, нѣкоторый диссонансъ въ гармоническое дѣло пожертвованія. Разъ завѣщанная сумма имѣетъ поступить въ пользу женскаго медицинскаго института только по смерти госпожи Шанявской, то является такое положеніе, что всѣ заинтересованные процвѣтаніемъ этого института и увеличеніемъ его средствъ будутъ невольно ждать смерти той, которая такъ много сдѣлала для возникновенія этого института, и очутятся въ настроеніи, похожемъ на положеніе Онѣгина, думая подобно ему: «когда жъ Господь возьметъ тебя?!» Хорошо ли создавать такое положеніе?

Поэтому надо рѣшить дѣло здѣсь, теперь и, по моему мнѣнію, безотлагательно. Для этого есть рядъ основаній. Прежде всего — воля умершаго. Она выражена, главнымъ образомъ, въ завѣщаніи; завѣщаніе, а не даръ, который оставленъ Московскому университету, играетъ главную роль въ настоящемъ вопросѣ и по времени, потому что даръ былъ внесенъ 15 сентября 1905 года, а завѣщаніе составлено 7 ноября. Завѣщаніе было составлено послѣ нотаріальнаго договора съ городомъ, а въ нотаріальномъ договорѣ съ городомъ есть одно мѣсто, которое указываетъ, въ какомъ состояніи находился жертвователь. Онъ пишетъ: «уполномочиваю свою жену составить этотъ договоръ по моему нездоровью и слабости», и черезъ нѣкоторое время послѣ этого онъ скончался. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло и въ этомъ дарѣ, и въ этомъ завѣщаніи съ настоящей посмертной волей покойнаго. Домъ, принесенный имъ въ даръ Московскому городскому управленію, стоитъ 490.000 р., въ виду долга, который на немъ лежитъ, а доходу чистаго съ него получается 23.000 р. Несомнѣнно, что въ такомъ домѣ можно открыть чтенія и устроить аудиторіи, но чтобы на 23.000 р. можно было содержать университетъ съ цѣлымъ рядомъ систематическихъ курсовъ, съ воз-

награжденіемъ преподавателей — въ этомъ дозволительно сомнѣваться. Слѣдовательно, нужны еще другія средства, и вотъ завѣщаніе Шанявскаго приноситъ народному университету эти средства въ видѣ всего его имущества, оставленнаго въ пожизненное пользованіе его супруги. Священная обязанность государства, между прочимъ, состоитъ въ охраненіи воли умершаго и не только потому, что завѣщательныя распоряженія продолжаютъ имущественную личность завѣщателя за предѣлами земнаго существованія, но и потому, что главная нравственная задача государства — есть защита слабаго, защита беззащитнаго, а умершій и есть таковой. Его воля выражается съ полнымъ довѣріемъ государству въ томъ, что оно ее оградитъ, и государство ограждаетъ — свидѣтелями, душеприказчиками и — прокуроромъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оставляется что-либо въ пользу общественныхъ или благотворительныхъ учрежденій. Въ настоящемъ случаѣ мы все это имѣемъ. Какъ возможно сдѣлать что-либо, что помѣшало бы осуществленію этой воли, или установить нѣчто такое, о чемъ завѣщатель думалъ лишь косвенно и что не составляло предмета его предсмертныхъ мечтаній?

Но, быть-можетъ, скажутъ, что то, что онъ затѣялъ — народный университетъ — есть ненужное и нежелательное учрежденіе. Отсюда вытекаетъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли учрежденіе, проектированное въ память генерала Шанявскаго, существующей потребности? Я думаю, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія лучше всего намъ отвѣчаетъ на это въ своемъ представленіи въ Государственную Думу, гдѣ онъ говоритъ объ «удовлетвореніи назрѣвшей потребности въ высшемъ образованіи въ народныхъ массахъ»... Это имѣлъ въ виду и покойный Шанявскій, принося свой даръ. Итакъ, потребность существуетъ, даже по удостовѣренію компетентнаго лица, *назрѣвшая*. Надо ли говорить вамъ, господа, которые призваны вскрывать и врачевать наши долголѣтнія общественныя раны, что одно изъ главныхъ несчастій нашей родины есть темнота народа, есть невѣжество общества. Эта темнота и невѣжество опасны не только потому, что ими оставляются безъ развитія, безъ широкаго полета удивительныя дарованія русскаго народа, его способность понимать

все, отрѣшаться отъ мелочной жизни, жаждать правды и стремиться къ ней, но и потому, что, благодаря имъ, увядаютъ качества, которыми отличается незлобивая, чуткая и нѣжная душа русскаго человѣка, оставаясь втунѣ и не имѣя надлежащаго примѣненія. А рядомъ съ этимъ темнота и невѣжество отличаются двумя свойствами: отсутствіемъ способности сомнѣваться и вслѣдствіе этого самонадѣянностью. Мы всѣ знаемъ, какъ въ горькіе годы нашей исторической жизни вредили намъ это отсутствіе способности сомнѣваться и наша самонадѣянность! Развѣ мы не видимъ и теперь вокругъ себя, въ минуты переживаемыхъ испытаній, что даже среди русскаго, такъ называемаго, образованнаго общества, распространено удивительное незнаніе по части элементарныхъ свѣдѣній объ устройствѣ государства и о его функціяхъ, объ отдѣльныхъ проявленіяхъ государственной жизни, о задачахъ ея, о завѣтахъ и урокахъ своей собственной исторіи? Все это спутано, сумбурно, воспитывается какими-то случайными брошюрами, разговорами въ гостиныхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на одной изъ всемірныхъ выставокъ была представлена пирамида, и на этой пирамидѣ мы занимали самое возвышенное мѣсто. Но это была та высота, за которую можно было краснѣть: пирамида представляла народное образованіе въ разныхъ странахъ и самый маленькій кусочекъ, остроконечную вершину пирамиды пришлось отдать народному образованію въ Россіи! Система воспитательно-образовательныхъ учрежденій представляетъ собой извѣстнаго рода лѣстницу. Что же представляетъ собой наша лѣстница? Посмотримъ на ея ступени сверху внизъ, памятуя поговорку, что лѣстницу метутъ сверху. Мы имѣемъ — я беру цифры 1901 г., когда жизнь слагалась еще однообразно и спокойно, — одинъ университетъ на 12.500.000 жителей, одно среднее училище на 340.000 жителей, а въ низшихъ школахъ 2% всего населенія, тогда какъ въ Англіи ихъ 20%, въ Швеціи 16% и въ Норвегіи — 17%. Достаточно припомнить, что при призывѣ новобранцевъ въ 1901 г. оказалось 60% совершенно неграмотныхъ молодыхъ людей. Очевидно, что тамъ, гдѣ существуютъ подобныя цифры, тамъ надо предположить, что долженъ существовать извѣстный, быть-можетъ, безсознательный,

духовный голодъ, который надо удовлетворить, хотя бы даже вопреки желаніямъ голодающихъ. Поэтому возможно ли говорить: «то, что намъ въ этомъ отношеніи предлагается, не дурно, но зачѣмъ не соблюденъ опредѣленный типъ, зачѣмъ это предлагается не подъ бандеролью, не подъ извѣстною установленною печатью». А если бандероли нѣтъ, то ничего и не нужно? Вѣдь это могло бы походить на то, что если человѣкъ голоденъ, то нужно его накормить калачемъ непремѣнно изъ булочной Филиппова, а если такого нѣтъ, то и ничего не давать, ибо въ другихъ булочныхъ хлѣбъ можетъ быть хуже. Не стану спорить, — можетъ-быть, будетъ и хуже, но все-таки это хлѣбъ, все-таки это духовная пища и лишать безъ самыхъ вѣскихъ основаній русскій народъ этой пищи нельзя!.. Намъ скажутъ: «у насъ есть казенные университеты». Но казенный университетъ, прежде всего, очень дорогое учрежденіе. Онъ дорогъ для большинства слушателей, жадно ищущихъ уроковъ, чтобы не умереть съ голоду, а затѣмъ очень много стоитъ казнѣ. Позволю себѣ привести свѣдѣнія 1902 г., почерпнутыя мною въ журналѣ «Русскій врачъ», гдѣ были приведены слѣдующія данныя: Томскій университетъ въ 1901 г. истратилъ на себя 500.000 р., а было въ немъ 540 студентовъ, т.-е. каждый стоилъ 930 р. Выпускъ этого года далъ 55 врачей и 43 юриста, такъ что каждый изъ нихъ стоилъ вообще въ годъ 5.000 р., а въ 4 года каждый юристъ 20.000 р. и каждый медикъ 25.000 р. Государство, однако, не должно останавливаться даже и передъ такими расходами на высшее образованіе и, сохраняя свѣтлыя традиціи Императрицы Елисаветы и Шувалова, должно распространять университетское обученіе. Но это университетское образованіе дорого, оно настолько дорого и такъ много требуетъ жертвъ отъ народа, что, когда является человѣкъ, который говоритъ: «я вамъ помогу безвозмездно, я вамъ дамъ то же самое или приблизительно то же самое, лишь разрѣшите мнѣ», мы не имѣемъ никакого нравственнаго основанія говорить ему: «у насъ есть свои университеты». Кромѣ того, университетовъ мало, они переполнены до такой степени, что насколько въ нихъ выигрывается въ количествѣ слушателей, настолько теряется въ воспріятіи

научныхъ свѣдѣній. Научныя знанія трудно получать въ аудиторіяхъ, которыя переполнены доверху, въ которыхъ трудно дышать и нельзя слѣдить за тѣмъ, что предполагаетъ наглядность, какъ, напримѣръ, математика и медицина. Кромѣ того, входъ въ университетъ узокъ, онъ пропускаетъ только лицъ, имѣющихъ аттестатъ зрѣлости. Затѣмъ обязателенъ курсъ въ 4 года, а на медицинскомъ факультетѣ въ 5 лѣтъ. Выходъ изъ университета обставленъ полученіемъ диплома и права на чинъ. Но человѣкъ можетъ жаждать знанія, какъ знанія, можетъ желать поучиться и научиться безъ всякой посторонней цѣли, безъ мысли о поступленіи на казенные раціоны, безъ мысли о какой-нибудь дальнѣйшей карьерѣ. Этого желанія отрицать нельзя. Страна, которая имѣла Ломоносова, не имѣетъ права сомнѣваться, что въ ней можетъ, и не разъ, проявиться такое безкорыстіе знанія! Въ виду преній въ Государственной Думѣ, гдѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія разбирался взглядъ Сократа на альтруистическую природу знанія,— позвольте напомнить слова Платона о томъ, что «любящій знаніе стоитъ на серединѣ между ученымъ и невѣждой». Господа, невѣждъ у насъ много, ученыхъ мало, устройте же середину, дайте случай и способъ человѣку, просто и безъ какихъ-либо карьерныхъ плановъ любящему знаніе, черпать его, гдѣ возможно.

Затѣмъ, какой же контингентъ слушателей можетъ быть въ народномъ университетѣ? Прежде всего, люди служащіе, занятые, приговожденные къ дѣлу, взрослые. Есть масса людей, которые давно уже вошли въ жизнь, инженеровъ, купцовъ, чиновниковъ, техниковъ или просто живущихъ своими средствами, которые желаютъ или освѣжить свои свѣдѣнія, или интересуются тою или иною отраслью знанія. Эти люди не могутъ поступать въ студенты. Имъ мѣшаетъ служба, мѣшаетъ возрастъ. Для нихъ такой свободный университетъ, безъ диплома въ концѣ и свидѣтельства о зрѣлости въ началѣ, дастъ возможность учиться свободно и по выбору. Трудно сказать, какихъ именно свѣдѣній будутъ преимущественно искать такіе любители знанія или жаждущіе знанія: одни пожелаютъ ознакомиться съ исторіей, въ широкомъ объемѣ, превышающемъ учебники, — съ исторіей не по книгамъ, а въ извѣстномъ систематическомъ

изложеніи, такъ какъ ученье по книгамъ не всегда возможно, за отсутствіемъ указаній, и не всегда доступно, ибо книги дороги. Могутъ быть и предметы иного рода, а именно тѣ вопросы житейскіе, которые требуютъ нравственнаго, научнаго или философскаго освѣщенія, которые иногда необходимо разъяснить себѣ человѣку, затерявшемуся въ житейскомъ морѣ и нуждающемуся въ нравственномъ компасѣ. Въ послѣднее время мнѣ думается, что одинъ изъ главнымъ предметовъ, который долженъ читаться въ университетѣ, я бы даже сказалъ въ старшемъ классѣ гимназіи и въ особенности въ народномъ университетѣ, это *прикладная этика*, т.-е. ученіе о нравственности въ приложеніи къ извѣстнымъ опредѣленнымъ областямъ дѣятельности или знанія, каковы, напр., медицинская, юридическая, экономическая и т. д. С.-Петербургскій Клиническій Институтъ Великой Княгини Елены Павловны открылъ у себя много лѣтъ тому назадъ воскресныя лекціи для земскихъ врачей. Это люди уже по большей части пожилые и жизнью испытанные, пріѣзжающіе въ Петербургъ поучиться новымъ открытіямъ и новымъ методамъ въ медицинѣ. На эти воскресныя лекціи, которыя были посвящены, главнымъ образомъ, вопросамъ врачебной этики, преимущественно вопросамъ врачебной тайны, явки къ больному, отношеній между врачами, затѣмъ исторіи судебной медицины, разработкѣ вопросовъ объ экспертизѣ, уставу судебной медицины, и т. д., — на эти лекціи, въ чтеніи которыхъ и я имѣлъ честь неоднократно участвовать, собирались всѣ врачи, несмотря на то, что у нихъ былъ одинъ свободный день въ недѣлю — воскресенье... Безъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія не могу вспомнить этой аудиторіи, такъ жадно, съ такою любовью къ новымъ вопросамъ, съ настойчивымъ вниманіемъ слушавшей лектора, который старался имъ повѣствовать о тѣхъ нравственныхъ вопросахъ, которые часто возникали въ душѣ ихъ, среди провинціальной глуши, и не находили себѣ отвѣта въ повседневной бесѣдѣ о мелкихъ злобахъ дня. Затѣмъ второй элементъ слушателей будетъ молодежь. Вѣдь, господа, между молодежью есть множество такихъ, которые не имѣютъ достаточныхъ средствъ, чтобы пойти въ университетъ. Невозможность матеріальная, семейное обре-

мененіе, разныя случайныя тягостныя обстоятельства — все это вмѣстѣ вліяетъ на цѣлую массу молодыхъ людей, которые или ограничиваются гимназіей, или даже не кончаютъ курса гимназіи. Это все люди лѣтъ шестнадцати-семнадцати, которымъ жизнь сурово говоритъ: «довольно вамъ учиться; высшее обученіе требуетъ 4 лѣтъ и на это нѣтъ у васъ средствъ; вы должны позаботиться о больной матери, содержать сестру. Поступайте въ приказчики, наборщики, телеграфисты, корректоры и т. д. Храмъ науки закрытъ для васъ». Такихъ *немало*. Господа, у насъ часто говорятъ о *неучащейся молодежи*. Да, къ сожалѣнію, такой у насъ довольно много, но надо быть справедливымъ и сказать слово и въ пользу *неучимой молодежи*, въ пользу тѣхъ, которые не получаютъ знаній, хотя бы и хотѣли этого. И потомъ, какой же возрастъ этой неучимой молодежи? Это именно тѣ годы, когда душа такъ воспріимчива для новыхъ впечатлѣній, для новыхъ познаній, — когда каждый день открываются новые горизонты для пытливаго ума. Ужели для этого возраста мы не дадимъ создаться учрежденію, гдѣ могутъ быть получаемы жадно искомыя знанія? Что можно сказать тогда на душевные запросы такихъ юношей? «Вы можете заниматься въ одиночку, сами, и въ литературѣ найти отвѣты на свои вопросы!» Но вѣдь вопросы эти касаются коренныхъ и иногда роковыхъ явленій жизни, касаются анатоміи, физіологіи, отношеній половъ, касаются смысла жизни, цѣлей ея... Отвергнутые нами, они станутъ искать отвѣтовъ въ нездоровыхъ произведеніяхъ беллетристики, въ которыхъ многое изображается въ извращенномъ видѣ или пойдутъ въ спеціальныя книжныя лавки, гдѣ подъ опозореннымъ флагомъ науки продаются якобы антропологическія и медицинскія изслѣдованія, которыя въ сущности представляютъ изъ себя не что иное, какъ цѣлую систематику и методологію разврата, отравляющую воображеніе и оскверняющую умъ.

Мы читаемъ, какъ съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ было въ Думѣ упомянуто имя мистера Стокса, «какого-то американца Стокса». Господа! этотъ *какой-то* американецъ — человѣкъ замѣчательный по широтѣ своихъ замысловъ, по благородному полету своей заботы о просвѣщеніи. Во всѣхъ большихъ горо-

дахъ Европы создалъ онъ учрежденія для молодыхъ людей, не могущихъ получить высшаго образованія, которые безъ нравственной поддержки, въ осиротѣлости, являются жертвами житейской борьбы. Надо ихъ соединить, надо создать для нихъ нѣчто въ родѣ доступнаго по средствамъ клуба съ лекціями. Эта мысль легла въ основаніе «Маяка», который свѣтитъ въ разныхъ столицахъ Европы и въ томъ числѣ и у насъ. Среди насъ находится и недавній предсѣдатель правленія нашего «Маяка», и онъ можетъ засвидѣтельствовать, что въ трудное время, которое мы пережили, любовь къ знанію и желаніе его получить привлекала молодыхъ людей въ «Маякъ» и объединяла ихъ въ присущей ему области порядка и удовлетворенія здоровой любознательности. И этимъ молодымъ людямъ я читалъ по приглашенію «Маяка» разнообразныя лекціи — о докторѣ Гаазѣ, о борьбѣ съ проституціей, о Пироговѣ, о первыхъ сестрахъ милосердія, о психологіи, о религіозныхъ идеяхъ Соловьева и т. п., и не разъ имѣлъ счастіе видѣть, съ какою жадностью слушали они, пришедшіе изъ разныхъ концовъ города и отъ разныхъ профессій, и съ какимъ трогательнымъ вниманіемъ вникали они въ то новое, что имъ приходилось слышать. Идея, заложенная въ «Маякѣ», есть идея народнаго университета, который долженъ быть открытъ въ Москвѣ въ память и во имя Шанявскаго.

Наконецъ, есть вопросъ, который встаетъ передъ каждымъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ вступаетъ въ самостоятельную жизнь: чѣмъ ему быть? Въ Германіи существуютъ книги подъ общимъ названіемъ «Vas soll ich werden»? гдѣ подробно и образно разсказывается, что такое юристъ, что такое механикъ, морякъ, агрономъ и т. д. У насъ ничего подобнаго покуда нѣтъ. Прекрасная попытка проф. Карѣева, издавшаго книгу «О выборѣ факультета», касается лишь университета. Читать такія лекціи придутъ не профессіональные ученые, не доктора права или философіи, а придетъ много пережившій инженеръ, судья, морякъ, путешественникъ и разскажутъ слушателямъ, что такое ихъ профессія, какія въ ней испытанія, скорби, тревоги, въ чемъ ея опасности и темныя стороны, что есть въ ней свѣтлаго, удачнаго и дающаго нравственное удовлетвореніе. Такія лекціи

лучше, чѣмъ десятки книгъ своимъ живымъ и, быть-можетъ, выстраданнымъ словомъ подѣйствуютъ на слушателей, и иной изъ нихъ сознательно пойдетъ на ту дѣятельность, на которую теперь идетъ почти безсознательно, толкаемый случайными обстоятельствами.

Второй вопросъ, желателенъ ли народный университетъ? По проекту устава, при устройствѣ университета Шанявскаго, обращено надлежащее вниманіе на необходимость единства дѣйствій отдѣльныхъ органовъ управленія, на правильность педагогическихъ функцій и установленъ нѣкоторый спеціальный надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія путемъ разсмотрѣнія программъ систематическихъ курсовъ и утвержденія главныхъ должностныхъ лицъ. Предсѣдателя попечительнаго совѣта утверждаетъ Министръ Народнаго Просвѣщенія по представленію, конечно, попечителя учебнаго округа. Предсѣдателя правленія утверждаетъ попечитель округа. Эти два учрежденія, вмѣстѣ съ академическимъ совѣтомъ, постоянно переплетаются между собою, и то одинъ, то другой предсѣдатель, замѣняя другъ друга — стоятъ въ ихъ главѣ. Рядомъ съ правленіемъ, попечительнымъ и академическимъ совѣтами стоитъ комитетъ совершенствованія; этотъ комитетъ состоитъ изъ людей свободно выбранныхъ, изъ людей, отличающихся извѣстностью въ области науки, литературы, искусства или общественной дѣятельности и носящихъ громкія имена. Это своего рода коллективный экспертъ, потому что онъ не имѣетъ власти вмѣшиваться въ жизнь учрежденія, но имѣетъ, однако, право не менѣе одного раза въ годъ являться представителемъ, по отношенію къ народному университету, живыхъ потребностей и запросовъ жизни. Это своего рода существующій нынѣ при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ родительскій совѣтъ, но отборнаго состава и съ болѣе широкими, менѣе личными, задачами. Намъ скажутъ, что пестрая толпа полуобразованныхъ и совершенно необразованныхъ людей, лишенныхъ всякой подготовки, наполнитъ этотъ университетъ и пожалуй, при удобномъ случаѣ, цитируя стихъ Пушкина, намекнутъ, что они собрались... — «изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ» и что такое скопище можетъ внушить тревогу и быть чре-

вато послѣдствіями, вредными для общественнаго порядка. Но, во-первыхъ, по смыслу договора съ городомъ отъ преподавателей будетъ зависѣть самимъ опредѣлять, имѣютъ ли желающіе слушать достаточную для этого подготовку. Кому же охота говорить предъ неспособной понять аудиторіей и быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, — гдѣ нѣтъ необходимыхъ знаній для воспріятія читаемаго? И если говорить объ опасности для порядка отъ сборища людей, жертвующихъ временемъ и деньгами, не пріобрѣтая никакихъ правъ, и знающихъ, что въ случаѣ серьезныхъ безпорядковъ лекціи могутъ прекратиться, то вѣдь не меньшую опасность представляетъ собою патентованное студенчество, связанное солидарностью, внутреннимъ самоуправленіемъ и сознаніемъ, что государство, желающее занимать мѣсто среди культурныхъ странъ — *обязано* имѣть университеты. Народный университетъ открывается для дѣйствія въ области спокойной общественной жизни; жажду знаній, а не жажду шумныхъ тревогъ хотѣлъ, по мѣрѣ силъ, утолить покойный Шанявскій, когда говорилъ въ своемъ обращеніи къ городу о тяжелыхъ дняхъ нашей общественной жизни, о ея обновленіи и оздоровленіи и о привлеченіи симпатій народа къ источникамъ добра и силы — къ наукѣ и къ знанію.

Господа! умственная жизнь пробуждающейся народной души похожа на пары въ паровомъ котлѣ. Дайте имъ выходъ, регулируя ихъ, но не стѣсняя. Иначе эти пары найдутъ себѣ какую-нибудь щель и изъ нея будутъ со свистомъ и злобнымъ шипѣніемъ вырываться, напрасно утрачивая свою полезную двигательную силу и нарушая окружающее спокойствіе, — безплодно для себя, тревожно для другихъ! Развѣ мы не испытали это много разъ, видя какъ искажалась дѣятельность разныхъ учрежденій потому, что для свободнаго и полезнаго дѣйствія развиваемыхъ этой дѣятельностью паровъ тщательно замазывался выходъ? Потребность въ знаніи, въ самопознаніи, которому помогаетъ наука — такая же потребность, какъ въ свободѣ совѣсти, какъ въ свѣтѣ. Ихъ не слѣдуетъ стѣснять узкими рамками — иначе вы можете получить мрачное сектанство или безпомощность и слѣпоту невѣжества. Припомните слова Пушкина: «На

поприщѣ ума — нельзя намъ отступать»! И когда я читаю негодующіе окрики на стремленіе русскаго общества къ расширенію и пріобрѣтенію знаній и слышу вздохи о благополучномъ невѣдѣніи прошлыхъ временъ, мнѣ думается, что ими не остановить общаго просвѣтительнаго движенія. Есть люди, которые, сидя на задней площадкѣ послѣдняго вагона въ длинномъ поѣздѣ, съ жаднымъ вниманіемъ и любовью всматриваются въ уходящую даль, не замѣчая, что и они сами все-таки двигаются впередъ, но только не лицомъ, а задомъ. Когда уходитъ изъ жизни человѣкъ — мы поемъ ему, вмѣстѣ съ Церковью, вѣчную память. Но эта вѣчная память, — это духовное продолженіе жизни на землѣ состоитъ не въ воспоминаніи о физическомъ обликѣ человѣка, о томъ, какъ онъ одѣвался и какія привычки имѣлъ, а въ сердечномъ уваженіи къ тому, чѣмъ онъ былъ, какъ личность, чѣмъ свѣтилъ онъ окружающимъ и грѣлъ ихъ. Иначе эта вѣчная память очень непродолжительна. Генералъ Шанявскій выразилъ свой душевный складъ въ своемъ дарѣ городу Москвѣ и на порогѣ могилы сказалъ, въ чемъ его предсмертныя — благородныя и великодушныя — желанія. Въ ихъ исполненіи — вѣчная ему память. Пускай же Государственный Совѣтъ своимъ властнымъ словомъ закрѣпитъ эту память на долгіе годы!..

Перехожу къ отдѣльнымъ статьямъ устава и обхожу незначительныя разногласія Государственной Думы съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Серьезно лишь разногласіе по статьѣ шестой о томъ, что программы не только систематическихъ курсовъ, но и отдѣльныхъ чтеній должны представляться на утвержденіе попечителя учебнаго округа. Я раздѣляю взглядъ Государственной Думы, высказавшейся противъ такого представленія. Осуществленіе такого правила никакихъ результатовъ не дастъ и дать не можетъ, а поэтому «всуе законы писать, если ихъ не исполнять». Прежде всего, это крайне обременительно для лектора. Обыкновенно — это человѣкъ, очень занятый своими прямыми обязанностями, иногда живущій въ другомъ городѣ, — и читаетъ онъ очень часто безвозмездно, желая лишь послужить просвѣщенію. При этомъ онъ жертвуетъ многимъ. Скажу вамъ по

личному опыту, что не столько публичное чтеніе тяжело, сколько то, что слѣдуетъ за связаннымъ съ нимъ напряженіемъ нервовъ, пребываніемъ въ душной атмосферѣ, послѣдующей безсонницей и чувствомъ крайней усталости, сказывающейся не сразу. Тяжело, наконецъ, то напряженіе вниманія и памяти, ума и чувства, которыми достигается духовная связь со слушателями и которая одна только и вознаграждаетъ за понесенный трудъ. Какъ требовать въ добавленіе къ этой жертвѣ еще составленія программы, ожиданія ея утвержденія помимо академическаго совѣта и потери времени, котораго иногда очень мало? И съ какой точки зрѣнія нуженъ такой просмотръ и утвержденіе? Съ научной? Но, прежде всего, это недовѣріе къ попечительному и академическому совѣтамъ, а затѣмъ, гдѣ же гарантія того, что самая программа будетъ разсмотрѣна научно? При всемъ уваженіи къ званію попечителя округа нельзя не замѣтить, что эту должность у насъ иногда занимаютъ люди, не особенно близкіе къ наукѣ, что объяснимо, вѣроятно, тѣмъ, что по смыслу закона на особо-избранныхъ лицъ первоначально было возложено лишь попеченіе надъ университетомъ; они были кураторами, а не начальниками надъ наукой. Мы, московскіе студенты, здѣсь присутствующіе, помнимъ легенду о военномъ попечителѣ, который былъ впослѣдствіи очень виднымъ администраторомъ, но который на отвѣтъ студента профессору Рулье, что китъ не можетъ проглотить человѣка и что это гипербола, многозначительно замѣтилъ: «да! гипербола-то проглотитъ, гипербола можетъ проглотить»... Да и есть ли время у попечителя просматривать программы, когда у него цѣлый округъ на рукахъ? Не придется ли поручить это канцеляріи или кому-либо, стоящему за попечителемъ, въ качествѣ негласнаго совѣтника? О научности можетъ судить лишь ученая коллегія. Ей скорѣй доступны новые горизонты науки, она меньше можетъ держаться рутины или предвзятыхъ взглядовъ. Вспомните, какой взрывъ возраженій встрѣтило ученіе Дарвина, которое называли близорукимъ и ненаучнымъ, — вспомните недовѣріе къ великимъ открытіямъ Пастера, считавшимся ненаучною ересью — вспомните судьбу благодѣтеля человѣчества — Зиммельвейса, еще въ 40-хъ годахъ,

задолго до Листера, проповѣдывавшаго безгнилостное акушерство — лишеннаго каѳедры и практики и умершаго сорока шести лѣтъ въ нищетѣ и сумасшествіи. — Исторія Галилея повторяется и до нашихъ дней, а канцелярская оцѣнка научности можетъ иногда напомнить другую легенду про того московскаго своеобразнаго представителя науки, который много лѣтъ яростно нападалъ на *мерзости* французскаго судопроизводства въ видѣ присяжныхъ и адвокатуры, а когда, въ половинѣ 50-хъ годовъ, повѣяло новымъ духомъ, вдругъ въ печати перемѣнилъ фронтъ и студенту, отвѣчавшему безъ запинки по старымъ запискамъ о мерзостяхъ, отвѣтилъ, вздохнувъ: «нынче такъ не думаютъ» — и поставилъ единицу. Гдѣ и въ чемъ ручательство, что канцелярія, разсмотрѣвъ программу какой-нибудь лекціи, задуманной широко и самостоятельно, не отвѣтитъ: «нынче такъ не думаютъ»?

Но, можетъ-быть, тутъ есть другая точка зрѣнія — надзора за содержаніемъ помимо его научности? Онъ, однако, совершенно неосуществимъ. Всякій, читавшій и внимательно слушавшій лекціи, знаетъ, что при самой невинной программѣ можно проводить весьма острыя вещи. Если Лапласу или Ньютону пришлось бы въ своей лекціи по утвержденной программѣ коснуться идеи о Богѣ, то первый, вѣроятно, повторялъ бы свой извѣстный афоризмъ, а второй, быть-можетъ, сослался бы на Апокалипсисъ. Вѣдь, при желаніи, въ сухую лекцію о наслѣдственныхъ пошлинахъ можно помѣстить самыя радикальныя соціалъ-демократическія разсужденія, а статистическія данныя о движеніи населенія связать съ закономъ Мальтуса и отрицательнымъ отношеніемъ къ брачному союзу. Поэтому утвержденіе программы никакого въ сущности значенія, съ точки зрѣнія надзора, не имѣетъ, а составляетъ лишь напрасную «волокиту», только безплодно раздражающую лектора и у нѣкоторыхъ вызывающую лишь желаніе прикрыть утвержденнымъ флагомъ не надлежащій грузъ. Зачѣмъ устанавливать правило, лишенное реальной силы и дѣйствительнаго примѣненія? Позвольте разсказать вамъ случай, касающійся одного изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей стараго Государственнаго Совѣта, Н. И. Стояновскаго. Были грустные

годы, когда великія реформы Александра II считались ошибкой и вреднымъ для русскаго народа дѣломъ. О нихъ считалось неумѣстнымъ говорить и писать съ сочувствіемъ. Но бранить ихъ и бросать въ ихъ созидателей и выполнителей грязью можно было съ торжествомъ и злорадствомъ. Поэтому молчаливо прошло тридцатилѣтіе освобожденія крестьянъ, — поэтому втихомолку немногими было отпраздновано двадцатилѣтіе Судебныхъ Уставовъ. Но это было тяжело, и Стояновскій, какъ предсѣдатель Юридическаго общества, былъ въ трудномъ положеніи. Ему, участвовавшему въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, казалось необходимымъ помянуть свѣтлую эпоху ихъ возникновенія. Но, съ другой стороны, онъ имѣлъ основаніе опасаться, что для такихъ помишокъ встрѣтятся серьезныя препятствія. Тогда ему однимъ изъ членовъ было предложено устроить докладъ объ исторіи зданій судебныхъ установленій на Западѣ и у насъ, объ исторіи «Palais de Justice», петербургскаго литейнаго арсенала и московской сенатской ротонды. Но, говоря объ исторіи этихъ зданій, неизбѣжно пришлось говорить о людяхъ, которые въ нихъ дѣйствовали прежде и дѣйствуютъ теперь, а затѣмъ разсказать, какое дѣло имъ было поручено и какъ, и кѣмъ влито новое вино въ эти старые мѣха... Въ концѣ чтенія передъ растроганнымъ взоромъ слушателей, помнившихъ и пережившихъ судебную реформу, всталъ незабвенный образъ ея творца — Царя-Освободителя.

Мы мыслимъ и дѣйствуемъ не одними логическими и, такъ сказать, математическими разсужденіями, посылками и заключеніями. Большинство изъ насъ мыслитъ образами, а нѣкоторые имѣютъ счастливый даръ дѣйствовать ими на слушателей. Но эти образы не умѣщаются ни въ какія программы. Они возникаютъ въ душѣ лектора иногда внезапно, такъ сказать, по вдохновенію, и властно направляютъ его мысль, давая ей живыя и яркія очертанія. Въ нихъ сказывается порывъ души, который бываетъ и для самого лектора неожиданнымъ, возникнувъ, какъ вихрь, изъ воспоминаній о прошломъ, изъ обстановки настоящаго, изъ упованій на будущее. Какъ изложить это въ программѣ? Невольно вспомнишь слова Лермонтовскаго Мцыри: «а душу

можно ль разсказать?» Такъ какъ же втиснуть ее въ программу и обнажить предъ чуждымъ и равнодушнымъ взоромъ? Я говорилъ объ избраніи профессіи. Но у искренняго лектора, на котораго при чтеніи нахлынутъ воспоминанія о пережитомъ—въ качествѣ ли судьи, какъ борца со зломъ, или инженера и моряка, какъ борца съ силами природы, могутъ вырваться такія задушевныя признанія, о возможности которыхъ онъ самъ прежде не думалъ. А вѣдь это будетъ нарушеніемъ программы. Прошу прощенія, что я снова вспомню московскій университетъ: это—слабость старыхъ студентовъ, которымъ онъ святъ и дорогъ. У насъ, юристовъ, былъ профессоръ, несомнѣнно отставшій отъ науки, дѣлавшій явныя ошибки и промахи въ цитатахъ и связывавшій иногда слишкомъ смѣло факты русской жизни съ явленіями античной культуры. Противъ него былъ предпринятъ цѣлый ученый походъ. Его прогнали, научнымъ образомъ, сквозь строй, сурово и безжалостно, думая, что его авторитетъ и вліяніе подорваны навсегда. И что же? Всѣ мы, старые юристы московскаго университета, съ нѣжной и благодарной любовью, сами ставъ стариками, вспоминаемъ нашего Никиту Ивановича Крылова. Онъ говорилъ намъ образами, онъ умѣлъ запечатлѣть ихъ въ нашемъ умѣ, онъ—не строго научный профессоръ римскаго права—умѣлъ установить между собой и нами неразрывную душевную связь. Она сказывалась потомъ и въ просвѣтленныхъ слезахъ какого-нибудь бывшаго студента, опустившагося и погрязшаго въ мелочахъ пошлой жизни глухого и заброшеннаго уголка, когда при немъ вспомнилось имя Крылова,—и въ томъ чувствѣ радости, которое испытывалъ криминалистъ, вынужденный заняться гражданскимъ правомъ и вдругъ, сквозь туманъ этой новой для него области, узрѣвшій альпійскія вершины римскаго права, образно начертанныя незабвеннымъ учителемъ. Такъ развѣ такія воспоминанія и такія чувства зависятъ отъ программы, утвержденной попечителемъ? Не такая программа, а личная честность лектора, солидарность съ товарищами, возможность ихъ нравственнаго осужденія и память о словахъ Спасителя: «аще кто изъ васъ соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ»—вотъ что вмѣстѣ съ дѣятельностью попечительнаго и академи-

ческаго совѣтовъ должно служить единственно возможной гарантіей содержанія чтеній, соотвѣтствующихъ задачамъ народнаго университета.

Для устраненія нарушеній порядка утвержденія программъ не нужно и съ точки зрѣнія высшаго представителя административной власти. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ, препровождая по должности министра внутреннихъ дѣлъ министру народнаго просвѣщенія фонъ-Кауфману проектъ народнаго университета Шанявскаго съ замѣчаніями генералъ-губернатора, отнесся отрицательно къ требованію такого утвержденія, находя, что при существованіи явочнаго порядка заявленій о публичныхъ чтеніяхъ такое требованіе представляется излишнимъ. Слѣдуетъ ли послѣ этого подчиняться какому-то неопредѣленному общему страху, какой-то панофобіи, и давать просторъ пугливому воображенію, которое не хочетъ видѣть, что будетъ дѣлаться въ народномъ университетѣ, согласно съ его назначеніемъ, а упорно рисуетъ себѣ лишь то, что могло бы случиться несогласнаго съ его назначеніемъ. Такая панофобія едва ли сослужитъ полезную службу русскому обществу. Мы знаемъ, что одной изъ главныхъ причинъ нашего тяжкаго и горестнаго пораженія въ войнѣ съ Японіей была наша неподготовленность, основанная на отсутствіи правильныхъ и всесторонннихъ свѣдѣній о будущемъ противникѣ, къ которому мы относились съ безпечною презрительностью. И что же? Когда войны еще не было, но въ атмосферѣ уже чувствовалась напряженность, профессоръ Харьковскаго университета Красновъ, извѣстный своими поучительными трудами по этнографіи и географіи, встрѣтилъ крайнее затрудненіе въ прочтеніи лекціи объ Японіи, и даже отдаленный громъ надвигавшейся, какъ Божья кара, грозы не помѣшалъ старанію заглушить предостерегающій и примирительный голосъ правды. Мнѣ лично пришлось испытать это, когда я, носившій высокое судебное званіе и имѣющій честь принадлежать въ составу Академіи Наукъ, желая прочесть съ благотворительной цѣлью нѣсколько публичныхъ лекцій о нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ и представившій въ качествѣ программы вступительную лекцію, прочитанную въ одномъ

изъ высшихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній и напечатанную въ офиціальномъ журналѣ судебнаго вѣдомства, встрѣтилъ категорическое препятствіе со стороны министра юстиціи Муравьева, откуда всего меньше можно было этого ожидать, на томъ основаніи, что чтеніе лекцій на упомянутую тему, — какъ сказано было въ офиціальномъ сообщеніи его министру внутреннихъ дѣлъ, — не представляется, по обстоятельствамъ настоящаго времени, удобнымъ. Это было въ 1902 г. и, конечно, представляетъ цѣнный фактъ для будущаго историка нашей общественной жизни, который, вѣроятно, будетъ немало изумленъ, узнавъ, что на святой Руси было время, когда говорить публично *о нравственныхъ началахъ* считалось неудобнымъ, вѣроятно, въ предположеніи, что онѣ такъ уже крѣпки, что не нуждаются въ напоминаніи.

Поэтому я ходатайствую передъ Государственнымъ Совѣтомъ, въ виду возвышенности цѣлей покойнаго Шанявскаго и цѣнности вклада, сдѣланнаго имъ на пользу русскаго просвѣщенія, объ утвержденіи проекта Думы цѣликомъ, безъ сомнѣній и колебаній, не ставя препонъ хорошему дѣлу и относясь къ русскому человѣку съ тѣмъ же довѣріемъ, съ которымъ отнесся къ нему Альфонсъ Леоновичъ Шанявскій. Позвольте въ заключеніе привести слова кн. Петра Андреевича Вяземскаго, котораго никто не заподозритъ въ отсутствіи дружбы къ порядку. Къ тому же онъ былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Вяземскій сказалъ: «Власть должна быть сильна, но не досадлива». Пускай же наше рѣшеніе устранитъ въ данномъ случаѣ эту досадливость!

VII.

По законопроекту объ авторскомъ правѣ.

(Засѣданія 27 октября, 3 и 5 ноября 1910 г.).

Я выступаю, чтобы поддерживать особое мнѣніе свое и четырехъ членовъ особой Комиссіи о сокращеніи посмертнаго срока съ 50 лѣтъ на 30 лѣтъ. Мнѣніе это встрѣтило возраженія и въ докладѣ Комиссіи, и въ печати, послужившія отголоскомъ взглядовъ, которыхъ, однако, нельзя признать основательными. Указывалось, что желаніе сократить срокъ посмертнаго авторскаго права есть стремленіе къ осуществленію соціалистическаго или даже коммунистическаго идеала и вмѣстѣ умаленіе правъ, уже пріобрѣтенныхъ умершими писателями, нѣчто въ родѣ того, что въ уголовномъ законѣ именуется «ограбленіемъ мертвыхъ тѣлъ». Не входя въ оцѣнку нравственной стоимости перваго изъ этихъ обвиненій, достаточно сказать, что, вѣдь, и установленіе 50-лѣтняго срока, за который теперь такъ крѣпко держатся, было посягательствомъ на посмертное безсрочное право собственности и что по отношенію къ тѣмъ, кто нынѣ пользуется посмертнымъ 50-лѣтнимъ срокомъ, онъ таковымъ и останется, ибо законъ обратной силы не имѣетъ, разъ онъ относится къ матеріальному, а не къ процессуальному праву. Обращаясь къ возраженіямъ, помѣщеннымъ въ докладѣ Комиссіи, считаю необходимымъ замѣтить, что указанія на Берлинскую конференцію по пересмотру Бернской конвенціи и на Майнцскій конгрессъ журналистовъ, выразившихъ пожеланіе, чтобы въ законодательства былъ повсюду введенъ 50-лѣтній посмертный

срокъ — для меня не представляются убѣдительными. Это пожеланіе офиціальныхъ или прямо заинтересованныхъ лицъ. Важно знать не то, какъ смотритъ Association artistique et litteraire internationale, а какъ смотритъ законодательство на посмертный срокъ.

Этотъ срокъ весьма различенъ въ разныхъ странахъ. Въ Германіи, Австріи и Швейцаріи исключительное авторское право признается за правопреемниками автора въ продолженіе *тридцати* лѣтъ со дня смерти. Во Франціи, Бельгіи, Венгріи и Португаліи — въ теченіе *пятидесяти* лѣтъ. Наконецъ, посмертное исключительное право ограничено въ Румыніи и Швеціи *десятью* годами, а въ Испаніи и Колумбіи — продолжено до *восьмидесяти* лѣтъ. Такимъ образомъ, наиболѣе длинный срокъ и даже безсрочность даны произведеніямъ довольно скудной современной литературы на испанскомъ языкѣ, что «klingt etwas spanisch», какъ шутя говорятъ нѣмцы. Другого начала держатся Италія и Америка и держалась до 1899 г. Англія. Тамъ отправной точкой теченія срока является *первое изданіе* сочиненія, при чемъ итальянскій срокъ опредѣленъ въ 40 лѣтъ, а американскій былъ до 1 іюля н. с. нынѣшняго года въ 42 года, а нынѣ представляетъ лишь 28 лѣтъ. У насъ до 1859 г. существовалъ 25-лѣтній посмертный срокъ. При его дѣйствіи создавали свои неувядающія творенія Лермонтовъ и Гоголь и писалъ свои ученыя изслѣдованія Грановскій. Но въ 1859 г., по ходатайству генеральши Ланской, по первому мужу Пушкиной, — этотъ срокъ, въ нравственный ущербъ и Пушкину, и русскому обществу, былъ увеличенъ вдвое.

Какой же срокъ слѣдовало бы принять теперь, при начертаніи самостоятельнаго и систематическаго закона объ авторскомъ правѣ? «Оставить старый», говорятъ намъ, потому что этотъ срокъ установленъ у насъ сравнительно не такъ давно и представляется не только вполнѣ справедливымъ, въ виду усиливающейся конкуренціи между литературными работниками, матеріальное положеніе даже лучшихъ изъ которыхъ значительно хуже положенія ихъ заграничныхъ собратій, — но и практически полезнымъ, ибо сознаніе возможности обезпечить плодами

своего умственнаго труда и себя, и семью является могущественною движущею силою для творчества авторовъ и ихъ продуктивности. Трудно раздѣлить эти соображенія, такъ какъ законъ, опровергаемый требованіями жизни, не есть нѣчто окаменѣлое, какая-то res sacrosancta, не подлежащая измѣненію, хотя бы, какъ и въ данномъ случаѣ, появленію такого закона предшествовало частное заинтересованное ходатайство, съ одной стороны, и личная милость усмотрѣнія, съ другой. Литературное творчество, качественно и количественно возбуждаемое денежными соображеніями, есть творчество низшаго порядка, приближающееся къ болѣе или менѣе искусному ремеслу. Кромѣ того, достаточно указать на журнальную работу, на передовыя статьи и фельетоны, которые обречены на скорое забвеніе, несмотря иногда на свою талантливую форму и содержаніе. Едва ли черезъ 30 лѣтъ отъ нашихъ дней будутъ имѣть распространеніе политическія разсужденія даже такого страстнаго, властнаго и вліятельнаго публициста, какъ Катковъ. Кто вспомнитъ теперь о живыхъ и остроумныхъ фельетонахъ сотрудника «Голоса» Панютина (Нилъ Адмирари), умершаго лѣтъ тридцать назадъ? «Довлѣетъ дневи злоба его»! Притомъ и матеріальное положеніе русскихъ авторовъ, труды которыхъ содержатъ въ себѣ залогъ успѣха или общественнаго вниманія, едва ли хуже положенія авторовъ западно-европейскихъ. Стоитъ вспомнить о распространенности сочиненій Горькаго, Андреева, Куприна и о томъ, какъ большинство современныхъ талантливыхъ писателей откололось, несмотря на высокую полистную плату, отъ большихъ журналовъ и стало участвовать въ самостоятельныхъ сборникахъ.

Защитники длиннаго посмертнаго срока смотрятъ почти исключительно съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ автора, его семьи и его наслѣдниковъ. Но есть другая, болѣе широкая точка зрѣнія, отводящая справедливое мѣсто правамъ народа и общества на произведенія ихъ духовныхъ представителей. По опредѣленію Министра Юстиціи, авторъ есть прежде всего, общественный дѣятель, произведенія котораго являются въ сущности лишь отраженіемъ общественныхъ идеаловъ и среды и имѣютъ

главною цѣлью возможно широкое распространеніе въ обществѣ идей автора. Все это, конечно, указываетъ на связь авторской дѣятельности съ общественнымъ интересомъ, хотя отдѣльныя положенія этого опредѣленія представляются спорными, и эту связь надлежитъ искать въ другомъ. Называть автора всегда и во всякомъ случаѣ *общественнымъ дѣятелемъ* — значитъ слишкомъ широко толковать понятіе этой дѣятельности. Авторъ можетъ употреблять силу своего таланта на возбужденіе низменныхъ страстей, на загрязненіе воображенія своихъ читателей и на растлѣніе вкусовъ и фантазіи подростающихъ поколѣній. Онъ можетъ быть порнографомъ, во вкусѣ маркиза де-Сада и Казановы или въ родѣ нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ и — къ стыду нашему и несчастію — русскихъ писателей, лицемѣрно наклеивающихъ на тонкій нравственный ядъ своихъ произведеній ярлыкъ сомнительной художественной правды. Авторъ также можетъ возбуждать въ близорукомъ ослѣпленіи племенную и религіозную ненависть и сѣять вѣтеръ, который, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ обратиться въ бурю и отодвинуть назадъ общественное развитіе. Какой же въ этомъ случаѣ онъ *общественный дѣятель?* Тамъ, гдѣ трудно установить точную границу между работой на служеніе общественнымъ задачамъ и безнравственностью и даже преступностью, которыя лишь по особымъ условіямъ общественной жизни не подходятъ подъ суровое ярмо уголовнаго закона, можно весьма усомниться въ томъ, чтобы право называться общественнымъ дѣятелемъ принадлежало *каждому* автору. Едва ли также твореніе писателя является *лишь* отраженіемъ общественныхъ идеаловъ и среды. Общественная среда, по большей части, упорна въ своихъ взглядахъ и привычкахъ. Про постепенное прогрессивное ея развитіе можно сказать словами Пушкина, что она въ своемъ движеніи впередъ — «ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Поэтому, зачастую идеалы писателя далеко опережаютъ собою идеалы этой среды. Не говоря уже о теоретикахъ общественнаго переустройства, достаточно назвать Жоржъ Зандъ, Чернышевскаго («Что дѣлать»), гр. Л. Н. Толстого и Беллами. Наконецъ, не всегда и главная цѣль писателя есть

широкое распространеніе въ обществѣ его идей. Это — опасный путь, легко приводящій къ исканію дешевой популярности, недостойный истиннаго творчества. Есть писатели, которые не только не торопятся широко распространять свои произведенія, но упорно сторонятся отъ выпуска ихъ на книжный рынокъ, находя себѣ удовлетвореніе не въ общемъ признаніи, а въ своемъ собственномъ сознаніи. «Ты — царь; живи одинъ!» восклицалъ Пушкинъ. «Ты самъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?», спрашивалъ онъ и говорилъ: «доволенъ — такъ пускай толпа тебя бранитъ и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ». Недавній примѣръ такой скупости къ оглашенію своихъ произведеній представилъ покойный Апухтинъ, медленно и неохотно уступавшій просьбамъ друзей, настаивавшихъ на печатаніи его превосходныхъ, глубокопрочувствованныхъ произведеній. Американецъ Эмерсонъ вѣрнѣе опредѣлилъ писателя, сказавъ: le littérateur est un délégué intellectuel du peuple.

Темы литературныхъ произведеній, имѣющихъ не мимолетное значеніе отзывовъ на злобу дня и на изображеніе послѣдней, въ сущности всегда однѣ и тѣ же и притомъ вѣчныя: любовь и ненависть, личность и характеръ, общественное устройство и бытовой укладъ. Вся разница въ формѣ, въ силѣ выраженія и изображенія, въ умѣніи освѣщать ту или другую сторону, въ анализѣ душевныхъ движеній, въ языкѣ, въ стилѣ, въ краскахъ. Клостерманъ («geistliches Eigentum») справедливо указываетъ, что авторское право дается за искусство, съ которымъ извѣстные идеи или факты приводятся къ свѣту. Поэтому работа автора является продуктомъ народнаго генія, выразившаго себя въ рядѣ поколѣній. Тургеневъ и Гончаровъ были бы немыслимы, не будь до нихъ проникновеннаго созерцанія Гоголя и чуднаго языка Пушкина, а переходъ къ послѣднему прямо отъ Державина едва ли былъ бы возможенъ безъ точной и изящной прозы Карамзина. Являясь наслѣдникомъ творческаго духа, воплотившагося въ «умственныхъ делегатахъ» предшествующихъ поколѣній, писатель оставляетъ послѣдующимъ поколѣніямъ свой трудъ, какъ продуктъ этого духа, въ иной формѣ, вкладывая въ созданіе ея свои знанія, наблюдательность,

воображеніе и фантазію, скованныя воедино матеріальною работою. За это онъ получаетъ вознагражденіе, связанное съ авторскимъ правомъ.

Но полученію этого вознагражденія долженъ быть положенъ извѣстный предѣлъ. Народу должно быть возвращено то, что получено отъ народнаго генія и возвращено при томъ такъ, чтобы пользованіе произведеніемъ было доступно массамъ и въ такое время, когда произведеніе еще не утратило своего просвѣтительнаго значенія и не устарѣло по своей формѣ. Съ этой точки зрѣнія, быть-можетъ, всего справедливѣе было бы принять американскую систему исчисленія срока авторскаго права со времени перваго изданія произведенія, быть-можетъ, увеличивъ новый 28-лѣтній срокъ до 30 лѣтъ. Въ условіяхъ современной культурной жизни и 30 лѣтъ представляютъ достаточное время для признанія и оцѣнки выдающихся сочиненій и для полученія ихъ авторомъ крупнаго заработка. Стоитъ указать на сочиненія Zola и Daudet, значительная часть которыхъ и до сихъ поръ несла бы крупную дань авторскому праву, несмотря даже на то, что признанію Zola Франціею предшествовало, по его собственному заявленію, признаніе его Россіею, — на тѣхъ же Горькаго и Андреева и на цѣлый рядъ выдающихся русскихъ писателей. Благодаря такому сроку, произведенія русскихъ классиковъ не были бы монополизированы въ рукахъ нѣсколькихъ издателей или наслѣдниковъ, а вкладывались бы въ общедоступную народную сокровищницу, не подвергнувшись своего рода художественной «усышкѣ и утечкѣ». А, между тѣмъ, это весьма возможно при существующемъ у насъ срокѣ. Такъ, напримѣръ, сочиненія Гончарова, которыми теперь такъ восхищается итальянская критика, ставя въ нихъ выше всего «Обыкновенную исторію», стоютъ нынѣ, въ своей совокупости, около 20 р. и, слѣдовательно, доступны лишь людямъ очень достаточнымъ, а сдѣлаются они общимъ народнымъ достояніемъ лишь въ 1941 г., такъ какъ авторъ скончался въ 1891 г., т.-е. «Обыкновенная исторія» и «Сонъ Обломова», вышедшіе въ 1847 и 1848 годахъ, появятся по общедоступной цѣнѣ лишь черезъ 93 года послѣ того, какъ въ этихъ сочиненіяхъ впервые

проявились поучительные художественные пріемы знаменитаго автора. Такъ, сочиненія одного изъ глубочайшихъ русскихъ беллетристовъ-мыслителей, гуманиста и научнаго популяризатора кн. В. Ѳ. Одоевскаго, вышедшія въ свѣтъ въ 1844 г. вслѣдствіе отсутствія нѣкоторыхъ документовъ, опредѣляющихъ переходъ къ его наслѣдникамъ авторскаго права, до сихъ поръ не изданы и сдѣлаются общедоступными лишь въ 1919 г., когда истечетъ 50 лѣтъ со дня смерти автора и 75 лѣтъ со дня появленія ихъ въ свѣтъ. А, между тѣмъ, было бы весьма полезнымъ ознакомить русское общество съ этимъ замѣчательнымъ писателемъ, умѣвшимъ за 50 лѣтъ до Л. Н. Толстого затрагивать одинаковые съ нимъ сюжеты, являться восторженнымъ поклонникомъ и защитникомъ свободы совѣсти и слова; съ писателемъ, впервые ознакомившимъ въ беллетристической формѣ русскую публику съ ученіемъ Шопенгауэра о волѣ, въ то время, когда книга «Die Welt als Wille und Vorstellung», проданная въ количествѣ 12 экземпляровъ, гнила на складѣ у книгопродавца, покуда въ 1857 г., наконецъ, не были открыты глаза нѣмецкому обществу на его геніальнаго мыслителя. Но если бы у кого-либо и явилось желаніе ознакомиться съ Одоевскимъ въ подлинникѣ, то это желаніе оказалось бы безплоднымъ, такъ какъ достать полное собраніе его сочиненій въ настоящее время почти нѣтъ возможности. Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и того обстоятельства, что благодаря 50-лѣтнему посмертному сроку П. И. Чайковскій, по собственному признанію, въ 1877 г., едва и съ большимъ трудомъ, нашелъ необходимый ему экземпляръ сочиненій Пушкина для писанія оперы «Евгеній Онѣгинъ», ибо наслѣдники великаго поэта, испросивъ себѣ удлиненіе посмертнаго срока, продали авторское право Исакову за 10.000 р., а Исаковъ не торопился съ новыми изданіями, лишая русское общество возможности пользоваться однимъ изъ лучшихъ своихъ достояній. Точно такія же затрудненія приходится испытывать теперь каждому, кто хотѣлъ бы воспользоваться сочиненіями знаменитаго Пирогова.

Есть, затѣмъ, случаи, когда позднее знакомство широкихъ общественныхъ и народныхъ круговъ съ тѣмъ или другимъ со-

чиненіемъ можетъ вызвать одни лишь безплодныя и горькія сожалѣнія. Въ 1857 г. вышелъ «Фрегатъ Паллада» Гончарова, гдѣ съ тонкою наблюдательностью были изображены коренныя свойства японцевъ, хотя иногда и въ комическомъ ихъ проявленіи, изображены ихъ стойкость и настойчивость, ихъ вѣра въ себя и страстная любовь къ родинѣ, ихъ упорная работоспособность въ преслѣдованіи твердо поставленной цѣли, ихъ презрѣніе къ жизни и тонкое искусство въ защитѣ своего права. Какъ было бы полезно своевременное знакомство русскаго народа съ этими свойствами «вождей восточныхъ острововъ», вмѣсто близорукой похвальбы и пошлаго издѣвательства надъ «япошками» и «макаками»! А, между тѣмъ, эту столь нужную и столь запоздалую характиристику широкіе общественные круги почерпнутъ изъ «Фрегата Паллады» лишь въ 1941 г., т.-е. черезъ 37 лѣтъ *послѣ* объявленія японской войны. Наконецъ, произведенія писателя могутъ не появляться въ свѣтъ въ теченіе очень долгаго времени не только по небрежности или апатіи наслѣдниковъ, не только по ихъ неразвитости или невѣжеству, но вслѣдствіе тенденціознаго отношенія ихъ къ дѣятельности того, чьи авторскія права они унаслѣдовали. Исторія литературы знаетъ случаи, когда, подъ вліяніемъ измѣнившихся религіозныхъ и политическихъ взглядовъ или суетныхъ удобствъ своего наслѣдственнаго положенія, наслѣдники, носители того же имени, упорно не желали появленія въ свѣтъ произведеній человѣка, отличнаго отъ нихъ по духу и убѣжденіямъ. Здѣсь, сокращеніе посмертнаго срока помогло бы устранить такое, очень часто противорѣчащее общественнымъ интересамъ, явленіе.

Есть, однако, одно существенное возраженіе противъ введенія по примѣру Америки сокращеннаго *прижизненнаго* срока авторскаго права, т.-е. такого, который можетъ истекать еще при жизни автора. Далеко не всѣ писатели начинаютъ свою дѣятельность на склонѣ лѣтъ, подобно Теккерею или нашему С. Т. Аксакову; сравнительно немногіе труды требуютъ продолжительной, предварительной подготовки, на которую уходятъ многіе годы, прежде чѣмъ сочиненіе появится въ свѣтъ. Большинство писателей выступаетъ на литературную арену въ мо-

лодости и достигаетъ апогея таланта и сопряженной съ этимъ извѣстности въ средній возрастъ жизни. Потеря авторскаго права при жизни была бы для нихъ тягостна, лишая семью ихъ всякаго обезпеченія на будущее время. Если считать продолжительный *посмертный* срокъ несправедливостью по отношенію къ обществу, изъ нѣдръ котораго вышелъ писатель, то лишеніе послѣдняго, въ большинствѣ случаевъ, утѣшительнаго сознанія, что въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока семья, имъ оставляемая, будетъ пользоваться плодами его трудовъ, было бы тоже несправедливостью, такъ сказать, въ обратную сторону.

Поэтому, правильнѣе всего остановиться на сокращенномъ, противъ существующаго у насъ, посмертномъ срокѣ авторскаго права, опредѣливъ его въ *двадцать пять*, какъ то было до 1859 г., или, въ крайнемъ случаѣ, въ *тридцать* лѣтъ.

Но даже и такое, сравнительно небольшое, сокращеніе посмертнаго срока вызываетъ рядъ возраженій. Прежде всего указывается на *научные труды*, требующіе долгихъ и усердныхъ работъ по собиранію матеріаловъ, такъ что сочиненіе, поздно появившееся въ свѣтъ, именно вслѣдствіе своихъ серьезныхъ достоинствъ, будетъ давать позднюю извѣстность и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности сокращать срокъ пользованія авторскимъ правомъ самимъ ученымъ труженикомъ и его близкими. Однако, приходится признать, что именно научные-то труды и не выдерживаютъ длиннаго срока авторскаго права. Новыя теченія и переработка тѣхъ же самыхъ фактовъ и явленій съ новыхъ точекъ зрѣнія въ большинствѣ случаевъ уничтожаютъ такой спросъ на старое произведеніе, который не только окупалъ бы издержки изданія, но и приносилъ бы чистый доходъ. Напримѣръ, многотомная и въ высшей степени цѣнная «Исторія Россіи» нашего знаменитаго историка Соловьева едва ли можетъ разсчитывать на частыя изданія въ теченіе тѣхъ 30 лѣтъ, которыя еще остаются для пользованія наслѣдниками его авторскимъ правомъ. Важное и необходимое пособіе для ученыхъ, разрабатывающихъ отечественную исторію, этотъ трудъ, въ смыслѣ новизны взглядовъ и богатства новыхъ матеріаловъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ уже заслоненъ работами Ключевскаго, Платонова, Милюкова и др.,

подобно тому, какъ онъ въ свою очередь и въ свое время заслонилъ историографическіе труды Карамзина и Полевого. То же самое надо сказать объ учебникахъ, если только для распространенія ихъ не призвано на помощь нѣкоторое официальное давленіе. Не меньшее вліяніе, чѣмъ время, оказываетъ въ этомъ отношеніи и измѣняющаяся внутренняя политика. Еще недавно біографіи Екатерины Великой — Брикнера и исторія Александра I — Шильдера были почти единственно-доступными на русскомъ языкѣ, почтенными и исчерпывавшими «все, что можно», сочиненіями объ этихъ представителяхъ верховной власти, но послѣ 1905 г. на русскомъ языкѣ появились мемуары Екатерины и мемуары Дашковой, монографіи Валишевскаго и сталъ доступенъ второй томъ Бильбасова — и несомнѣнно, что многое недоговоренное Шильдеромъ (хотя бы, напримѣръ, относительно Павла I) и Брикнеромъ явилось въ новомъ фактическомъ и критическомъ освѣщеніи. То же самое можно сказать и о книгахъ изъ области политической экономіи, государственнаго, уголовнаго и гражданскаго права.

Такія открытія, какъ иксъ-лучи и радій не дѣлаютъ ли устарѣлыми прежніе учебники физики и химіи безъ ихъ основательной переработки? Во что, напримѣръ, обращается обширное и весьма въ свое время распространенное сочиненіе по терапіи и патологіи Нимейера въ виду современныхъ изслѣдованій о заразномъ происхожденіи большинства болѣзней, — о фагоцитахъ и лейкоцитахъ и вообще о роли микроорганизмовъ и новыхъ средствахъ борьбы съ болѣзнями, какъ, напримѣръ, «606» Гата-Эрлиха?

Писатель, говорятъ затѣмъ, есть такой же производитель цѣнности, какъ и *всякій другой работникъ*, — напримѣръ, ремесленникъ. Почему же послѣдній пользуется плодомъ своего труда постоянно, а первый срочно, да и то подъ угрозою дальнѣйшихъ ограниченій срока такого пользованія? Не говоря уже о томъ, что здѣсь является смѣшеніе понятій о правѣ собственности съ понятіемъ о привилегіи или монополіи, нельзя не замѣтить, что ремесленное созданіе продуктовъ изъ сырыхъ матеріаловъ не имѣетъ ничего общаго съ художественнымъ творчествомъ;

если же оно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, является подспорьемъ или орудіемъ такого творчества, то вытекающее изъ послѣдняго право на произведеніе регулируется постановленіями объ авторскомъ правѣ на художественныя произведенія, конструкція котораго иная, чѣмъ права на движимую вещь, являющуюся результатомъ ремесленнаго труда.

Ремесленникъ, продавъ свое издѣліе или передавъ заказчику, теряетъ на него право собственности, тогда какъ между продажею сочиненія и потерею авторскаго на него права существуетъ, на что уже было указано выше, большая разница. При томъ всякое ремесло и каждая профессіональная дѣятельность, приносящія заработокъ, кромѣ самыхъ исключительныхъ случаевъ, требуютъ постояннаго трудового напряженія. Наоборотъ, никакого напряженія труда дальнѣйшее пользованіе авторскимъ правомъ по отношенію къ однажды уже напечатанному сочиненію не требуетъ, такъ что длинный посмертный срокъ, въ сущности, есть установленіе чрезмѣрно продолжительной ренты, получаемой отъ недопущенія въ массу доступныхъ ей по матеріальнымъ средствамъ произведеній ума и таланта.

Если, — говорятъ далѣе защитники *долгаго* срока для авторскаго права, — не предоставить автору увѣренности, что его трудъ обезпечиваетъ на много лѣтъ его и семью, то онъ будетъ искать себѣ побочныхъ заработковъ, уйдетъ на службу, займется адвокатурою и т. п. Но думать, что авторы, за исключеніемъ небольшой группы, считаютъ себя обезпеченными длинными сроками авторскаго права, — значитъ тѣшить себя иллюзіями. Автору нужно имѣть очень высокое и горделивое мнѣніе о своихъ талантахъ и о важности своихъ произведеній, чтобы думать, что онъ воздвигаетъ себѣ «памятникъ нерукотворный», и прозрѣваетъ успѣхъ своихъ писаній, проходящихъ сквозь «вѣковъ завистливую далъ». Поэтому, за исключеніемъ людей, имѣющихъ «наслѣдственное» или пользующихся несомнѣннымъ успѣхомъ въ настоящемъ, дающемъ безотлагательную возможность обезпечить себѣ безбѣдную жизнь въ будущемъ, многіе и многіе изъ писателей весьма крупнаго калибра искали служебнаго заработка. Гончаровъ, Тютчевъ, Полонскій, Майковъ, С. Т. Аксаковъ, Лажечни-

ковъ служили въ цензурѣ, Загоскинъ — въ дворцовомъ вѣдомствѣ; объ ученыхъ писателяхъ и говорить нечего: почти всѣ они были на службѣ. И это не мѣшало имъ оставаться писателями. Человѣкъ съ талантомъ найдетъ выходъ своимъ литературнымъ дарованіямъ и при другихъ дѣловыхъ обязанностяхъ: талантъ требуетъ себѣ внѣшняго выраженія властно и несмотря на разныя житейскія и матеріальныя неблагопріятныя условія. Но тотъ, кто, вступая на сознательный житейскій путь, ставитъ себѣ вопросъ: «пойти ли мнѣ на службу или въ адвокатуру? или же начать заниматься литературою?» — тотъ смотритъ на послѣднюю какъ на своего рода *вѣдомство* и въ этомъ вѣдомствѣ едва ли будетъ когда-либо играть видную роль. Человѣкъ съ истиннымъ призваніемъ къ перу, — не ремесленникъ печатнаго слова, а писатель въ настоящемъ смыслѣ, — никогда себѣ такого вопроса не поставитъ, а скажетъ себѣ: на какое бы занятіе меня насущная необходимость ни поставила, я найду возможность и время работать и на томъ поприщѣ, куда меня влечетъ «голосъ сокровенный». Наиболѣе близки къ литературной дѣятельности— преподаваніе и судебная служба въ качествѣ прокурора или адвоката. Но и здѣсь надо отличать практическаго дѣятеля, исполняющаго свои профессіональныя обязанности, отъ автора учебника, собранія лекцій или сборника судебныхъ рѣчей, которому все-таки предстоитъ подчиниться дѣйствію постановленій, ограничивающихъ срокъ пользованія авторскимъ правомъ. Поэтому указаніе на то, что сокращеніе этого срока заставитъ уйти талантливыхъ писателей изъ литературы въ область практической, не только болѣе обезпечивающей, но и гораздо щедрѣе оплачиваемой дѣятельности, — лишено серьезнаго основанія. Гейне говоритъ про науку, что для однихъ она — богиня, для другихъ — дойная корова. То же можно сказать и про литературу. Тому, кто смотритъ на нее не какъ на поприще служенія искусству и обществу, а какъ на дойную корову, и завистливо поглядываетъ по сторонамъ, ища взорами другихъ болѣе тучныхъ и доходныхъ коровъ, — тому можно со спокойнымъ сердцемъ сказать: «скатертью дорога!» Богиня отъ ухода такихъ слугъ ничего не потеряетъ и на нихъ не обидится...

Писатель, создавшій не мимолетныя, поверхностныя по содержанію произведенія, а такія, прочность и глубина которыхъ выдерживаетъ въ общемъ признаніи долгіе годы, является не только «un délégué intellectuel» своего народа. Онъ другъ и утѣшитель образованнаго человѣка, — онъ учитель и руководитель идущаго по пути самообразованія. Поэтому не только желательно, но и необходимо, чтобы возможно большее число русскихъ людей, обладающихъ скромными средствами и желающихъ расширить свой умственный и нравственный кругозоръ въ свободный часъ своей трудовой жизни, могли протянуть руку къ полочкѣ, на которой тѣсными рядами, на ряду съ дешевыми изданіями Пушкина и Гоголя, стояли бы старые испытанные друзья: Гончаровъ, Тургеневъ, Левъ Толстой, Григоровичъ, Островскій, Некрасовъ, Чеховъ и другіе. Но мы знаемъ, что благодаря длиннымъ срокамъ авторскаго права — Тургеневъ стоилъ 15 р., Толстой — въ двухъ изданіяхъ стоилъ 25 и 14 р. и т. д., т.-е. знаемъ, что они недоступны ни сельскому учителю, ни развитому рабочему, ни санитару, ни сестрѣ милосердія, ни мелкому торговцу, ни большинству студентовъ и гимназистовъ, ни множеству лицъ, стоящихъ въ одинаковыхъ съ ними матеріальныхъ условіяхъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что сочиненія многихъ изъ нашихъ классическихъ писателей даны въ приложеніяхъ къ «Нивѣ», но большая часть изъ нихъ давалась въ теченіе двухъ лѣтъ, а подписка на «Ниву» съ пересылкою за два года составляетъ 16 р., да и нынѣ изданныя «Нивой» сочиненія писателей все-таки недоступны людямъ недостаточнымъ: Лѣсковъ стоитъ 15 р., Глѣбъ Успенскій—10 р., Щедринъ—18 р., Мельниковъ-Печерскій—14 р., Чеховъ—16 р., Луговой—24 р., Потапенко—18 р.

Поэтому уменьшеніе срока авторскаго посмертнаго права — конечно безъ обратнаго дѣйствія такого постановленія—является вполнѣ справедливымъ. Это сокращеніе будетъ, вѣроятно, названо палліативомъ, но не надо забывать, что все-таки такой палліативъ приблизитъ на будущее время на 20 лѣтъ возможность пользованія всѣми слоями общества тѣмъ духовнымъ свѣтомъ и теплом, которые, по нынѣ дѣйствующему закону, доступны лишь сравнительно немногимъ.

Понятіе объ авторскомъ правѣ не можетъ быть примѣнимо, всецѣло, *къ письмамъ*. Находящееся въ рукахъ адресата письмо, если смотрѣть на него исключительно съ точки зрѣнія права собственности, о которомъ такъ много говорилось въ прошлое засѣданіе, есть движимое имущество, которымъ, конечно, тотъ, въ чьемъ владѣніи и распоряженіи оно находится, можетъ поступить по своему усмотрѣнію. Если оно исходитъ отъ выдающагося лица, оно имѣетъ иногда очень большую цѣну, прямо пропорціональную протекшему времени и исторической роли писавшаго. Но, однако, стать на эту точку зрѣнія было бы весьма неправильно, хотя ее и защищалъ такой ученый какъ Блюнчли. Можно себѣ представить, какое поприще для шантажа открылось бы съ предоставленіемъ адресату исключительнаго права печатать полученныя имъ письма. Въ нашей жизни, вообще, мало искренности, а сознаніе пишушаго письмо, что его откровенныя мнѣнія и выраженіе чувствъ и взглядовъ, вызываемыхъ людьми и событіями, могутъ быть вынесены на «базаръ житейской суеты», не только помимо его желанія, но даже вопреки ему, по усмотрѣнію адресата или его наслѣдниковъ, способно убить всякую искренность въ перепискѣ между людьми, не связанными узами самой близкой дружбы или тѣснаго родства, гарантирующими полное довѣріе.

При томъ же, не одно опасеніе нескромности можетъ здѣсь играть роль, но и опасеніе мщенія. Жизнь представляетъ случаи, когда, напримѣръ, съ цѣлью отомстить за прерванную связь оставленная возлюбленная съ низкой мстительностью пользовалась письмами, написанными ей тѣмъ или другимъ государственнымъ дѣятелемъ въ ослѣпленіи чувственной страсти, разрушая его семейное счастіе или выдавая его головою его политическимъ врагамъ. Наконецъ, въ виду разныхъ обстоятельствъ жизни, возможна торговля такими письмами. Жертвою такого шантажа рисковалъ, напримѣръ, сдѣлаться Гамбетта. Съ другой стороны, признать, что авторское право на письма, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые французскіе юристы, принадлежитъ исключительно *писавшему* — тоже невозможно. Письма вовсе не литературныя произведенія, какъ такъ, подходя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ таковымъ по формѣ, они не подходятъ къ нимъ ни

по цѣли, ни по источнику. Въ основѣ литературнаго произведенія лежитъ *сочиненіе;* не даромъ и нынѣ дѣйствующій законъ автора называетъ *сочинителемъ*. Въ это сочиненіе вкладывается авторомъ совокупная работа воображенія и творческаго вдохновенія, умѣніе пользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями, знаніе родного языка и т. д. — все это облекается въ наиболѣе подходящую, по мнѣнію автора, и наиболѣе дѣйствующую на читателя или слушателя форму—и въ такомъ видѣ отдается на судъ публики. Нельзя, конечно, отрицать, что и въ письмахъ могутъ быть лирическія мѣста, что и въ нихъ находитъ себѣ мѣсто смѣлый полетъ фантазіи, — но все это встрѣчается, какъ исключеніе, и имѣетъ, такъ сказать, совершенно интимный характеръ. Главное содержаніе писемъ — событія личной жизни и данныя, почерпнутыя изъ текущей дѣйствительности и при томъ, по большей части, интересныя лишь для самого пишущаго или его *корреспондента*. Если въ нихъ и встрѣчается вымыселъ, то это не поэтическое творчество, а просто фактическая ложь или болѣзненный самообманъ, который психологи называютъ «мечтательною ложью». Если авторъ *сочиненія* невольно и неизбѣжно представляетъ себѣ многихъ будущихъ читателей своего произведенія, то авторъ *письма* думаетъ объ одномъ читателѣ и много-много — о кружкѣ лицъ, если только письмо его не представляетъ политическаго, полемическаго или публицистическаго трактата, лишь облеченнаго въ форму письма.

Отсюда интимный характеръ писемъ или чисто дѣловое ихъ содержаніе, отсюда описаніе семейныхъ радостей и горестей и всякихъ мелочей домашней жизни, отсюда, наконецъ, соображенія и вычисленія матеріальнаго или хозяйственнаго свойства.

Поэтому слѣдуетъ согласиться съ положеніемъ статьи 26 одобреннаго Государственной Думой проекта, въ силу котораго частныя письма могутъ быть изданы въ свѣтъ лишь съ обоюднаго согласія писавшаго и получателя. Правило объ обоюдномъ согласіи, въ данномъ случаѣ, подкрѣпляется практически приговорами по тремъ громкимъ процессамъ, приводимымъ извѣстнымъ ученымъ Клостерманомъ, состоявшимися въ 50-хъ годахъ во Фран-

ціи, Англіи и Германіи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ судъ призналъ лицъ, къ которымъ дошли отъ адресатовъ письма Гете къ Шарлоттѣ Кестнеръ, Бенжаменъ Констана къ госпожѣ Рекамье и лорда Честерфильда къ своему сыну — не имѣвшими права печатать эти письма безъ согласія писавшихъ или ихъ правопреемниковъ.

Черезъ 30 и даже 50 лѣтъ не только могутъ существовать внучата, но и дѣти и вдовые супруги переписывавшихся. Послѣдніе могутъ быть заинтересованы въ неоглашеніи переписки, касающейся сокровенныхъ подробностей жизни ихъ отца или покойнаго супруга. Письма жениха къ невѣстѣ, ставшей затѣмъ его женою, матери къ дочери, сына къ отцу очень часто содержатъ въ себѣ своего рода исповѣдь, раскрытіе тайны которой можно допустить лишь тогда, когда это уже не можетъ задѣть, уязвить или возмутить ничьихъ личныхъ чувствъ.

Вотъ почему наша особая Комиссія предлагаетъ дополнить статью 26 въ редакціи Государственной Думы указаніемъ на необходимость согласія на опубликованіе чьихъ-либо писемъ, во всякомъ случаѣ, пережившаго супруга и дѣтей обоихъ лицъ, находившихся въ перепискѣ. Оставшійся супругъ или дѣти могутъ не быть наслѣдниками, — все движимое имущество, а въ томъ числѣ письма, — можетъ-быть, передано по завѣщанію другимъ лицамъ. Но это «особое распоряженіе», которое можетъ быть сдѣлано и при жизни, не должно ставить ближайшихъ по законамъ природы къ умершему лицъ въ беззащитное положеніе относительно обнародованія интимныхъ подробностей, заключающихся въ письмахъ, писанныхъ или полученныхъ тѣмъ, кто состоялъ съ нимъ въ тѣсныхъ семейныхъ узахъ, и чье имя они носятъ.

Если умѣстно говорить о наслѣдованіи по закону относительно писемъ и мемуаровъ, то, по моему мнѣнію, это непримѣнимо къ дневникамъ. Мемуары, представляющіе очень часто дѣйствительно цѣнный историческій матеріалъ, по самому свойству своего происхожденія являются ни чѣмъ инымъ, какъ *литературнымъ произведеніемъ*, къ которому должны быть примѣнены всѣ общія правила объ авторскомъ правѣ и о его законныхъ

ограниченіяхъ. Но иначе обстоитъ дѣло съ дневниками. Дневникъ, не предназначенный для напечатанія, является документомъ, страдающимъ внутреннею, такъ сказать, психологическою недостовѣрностью. Онъ рѣдко ведется въ зрѣломъ или преклонномъ возрастѣ, какъ, напримѣръ, дневникъ Аміеля, очевидно притомъ, предназначенный для напечатанія. На веденіе дневниковъ чрезвычайно падки молодые люди. Новизна внѣшнихъ впечатлѣній, возникновеніе неиспытанныхъ дотолѣ чувствъ, смятеніе души передъ волнующими ее вопросами, для спокойнаго разрѣшенія которыхъ нѣтъ ни времени, ни надлежащаго житейскаго опыта, — все это въ быстрыхъ строкахъ и горячихъ словахъ повѣряется молодежью дневнику. При этомъ обыкновенно является безсознательное извращеніе житейской перспективы: мимолетное и преходящее кажется вѣчнымъ и незабвеннымъ, коренное — случайнымъ, поверхностное — глубокимъ, а глубокое — лишеннымъ основанія. Все принимаетъ несоотвѣтствующіе дѣйствительности размѣры, и вмѣсто трезвой правды фактовъ рисуется марево преувеличенныхъ надеждъ и преждевременныхъ разочарованій. Дневникъ ведется въ томъ, по преимуществу, возрастѣ, когда человѣку, вступившему или вступающему въ сознательную или самостоятельную жизнь, особенно свойственно скитаніе мысли и то, что Достоевскій называлъ «бунтомъ души». Любовь и ненависть, радость жизни и сладкое мечтаніе о смерти, за которымъ, по вѣрному замѣчанію Гете, чувствуется любовь къ существованію, — унылость по пустымъ поводамъ и восторженная увѣренность въ своихъ силахъ — смѣняютъ другъ друга, какъ въ калейдоскопѣ. Всякій, кому — какъ, напримѣръ, судьѣ — приходилось близко знакомиться съ дневниками, знаетъ, какъ быстро и несоотвѣтственно силѣ толчка реагируютъ ихъ авторы на горести, прозу и шероховатости практической жизни, — какъ легко незначущая встрѣча, улыбка, показавшаяся презрительной, безсодержательная, но кудрявая фраза, косой взглядъ, мягкій упрекъ, настойчивый совѣтъ и т. п. вызываютъ въ дневникахъ цѣлыя страницы изліяній, ропота на судьбу, негодованія на людей и презрѣнія къ нимъ, отчаянія за свое будущее, гнѣва на деспотизмъ окружающихъ, мечтаній о необходимости по-

кончить съ собой и попытокъ радикальнаго разрѣшенія всѣхъ міровыхъ вопросовъ, начиная съ Бога и кончая семьей. Проходятъ годы, устанавливается опредѣленное міровоззрѣніе, въ душѣ на ряду съ негодованіемъ начинаетъ возникать пониманіе и говорить связанное съ послѣднимъ чувство прощенія, а авторъ подобнаго дневника по большей части съ грустной улыбкой снисхожденія «für die Träume seiner Jugend» перелистываетъ пожелтѣлыя страницы давно оставленной тетрадки. Эти дневники рѣдко уничтожаются писавшими. На нихъ не поднимается ихъ рука, и оттого-то они и попадаютъ такъ часто въ чужія — безцеремонныя руки... Вотъ почему дневникъ не можетъ, напримѣръ, считаться серьезнымъ судебнымъ доказательствомъ, и честный судебный дѣятель не станетъ имъ пользоваться всецѣло, а будетъ выбирать изъ него лишь фактическія данныя мѣста и времени, оставляя втунѣ всѣ разсужденія, какъ не обладающія психологическою достовѣрностью.

Поэтому, если не было категорическаго распоряженія писавшаго о томъ, чтобы дневникъ его былъ оглашенъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ это, напримѣръ, сдѣлано недавно одною умершею талантливою писательницею, то таковой вовсе не долженъ подлежать печатанію со стороны наслѣдниковъ, иногда совершенно чуждыхъ и даже враждебныхъ по духу лицу, писавшему дневникъ. Злоупотребленія печатаніемъ дневниковъ слишкомъ явны, чтобы не оградить память писавшаго и чувства тѣхъ, кто его любилъ и уважалъ, отъ выставленія ихъ на публичную арену. Трудно отрѣшиться отъ тяжелаго чувства при чтеніи, напримѣръ, недавно изданнаго неизвѣстно для чьего назиданія дневника Добролюбова, повѣствующаго о своихъ посѣщеніяхъ дома терпимости. Въ душѣ и въ жизни каждаго человѣка бывали темные закоулки, въ которыхъ находили себѣ пріютъ низменныя чувства или животныя побужденія, но человѣка, по справедливости, слѣдуетъ судить по высшимъ и стойкимъ проявленіямъ его поведенія и взглядовъ на жизнь, а не по мимолетнымъ и иногда безсознательнымъ минутамъ паденія и слабости воли. Извѣстно, съ какою жадностью читаются мемуары и дневники выдающихся людей съ цѣлью найти въ нихъ

щекотливыя признанія и разоблаченія. Это стремленіе найти у высокаго и сильнаго слабости, свойственныя ничтожнымъ и безцвѣтнымъ людямъ, поражало еще Маколея и отмѣчено имъ въ статьѣ о Байронѣ; то же сдѣлалъ и Пушкинъ, восклицая: «врете вы — онъ малъ и мерзокъ, — но не такъ какъ вы — иначе!»

Вотъ почему я имѣю честь предложить поправку къ статьѣ 29 предлагаемаго особой Комиссіей исправленнаго проекта въ томъ смыслѣ, что до истеченія 50-лѣтняго срока по смерти автора дневника издавать такой могутъ только его наслѣдники по *духовному завѣщанію*, т.-е. лица, которымъ, оставляя свое движимое имущество и въ томъ числѣ дневникъ, завѣщатель довѣрялъ, и которые были близки ему не въ силу мертваго закона, а въ силу живой, сердечной связи. Если же нѣтъ завѣщанія или особаго категорическаго распоряженія о разрѣшеніи печатать дневникъ, то до истеченія 50 лѣтъ онъ вовсе печатанію не подлежитъ. Скажутъ: — что же мѣшаетъ составить духовное завѣщаніе или особое распоряженіе? А не составилъ — такъ значитъ предоставилъ печатаніе дневника всякому наслѣднику по закону, будь то совершенно неизвѣстный ему человѣкъ, какая-нибудь «десятая вода на киселѣ». Но, господа, завѣщаніе можетъ не быть составлено по множеству причинъ, случайныхъ, непредвидѣнныхъ, тяжкихъ — вслѣдствіе внезапной болѣзни, несчастнаго случая и т. д. — нельзя же отягощать памяти автора дневника только потому, что онъ не успѣлъ, по несчастію, составить завѣщанія! Можно привести рядъ примѣровъ злоупотребленія дневникомъ, иногда не только со стороны *дальнихъ*, но даже и со стороны *близкихъ*. Достаточно указать на напечатанный въ «Русской Старинѣ» дневникъ академика и сенатора Безобразова. Но я ограничиваюсь сказаннымъ, боясь утомить ваше вниманіе. Мнѣніе мое, конечно, встрѣтитъ возраженія и даже, быть-можетъ, въ формѣ развязно-увеселительной критики, образецъ которой мы слышали по вопросу о сокращеніи срока авторскаго права, но я напомню вамъ, что если письма замѣняютъ собою личную бесѣду двухъ лицъ, то дневникъ есть бесѣда человѣка съ самимъ собою и, при томъ, очень

часто о самыхъ сокровенныхъ вещахъ. Надо же хоть въ этомъ отношеніи пощадить душу человѣка и преградить доступъ въ нее нерѣдко праздному, всегда холодному, а, подчасъ, и злорадному любопытству.

Я считаю необходимымъ возражать противъ поправки къ статьѣ 6, которая одновременно, при существованіи родителей и пережившаго супруга, предоставляетъ родителямъ право пожизненнаго пользованія, а супругу право собственности. *Во-первыхъ*, изъ природы самого авторскаго права вытекаетъ и его особенное положеніе въ общей системѣ правъ. Это право не можетъ быть названо ни просто имущественнымъ, ни вообще правомъ вещнымъ, которое основывается на господствѣ надъ извѣстной вещью: вещь можетъ исчезнуть, авторское право не исчезаетъ. Съ вещью не связано никакихъ нравственныхъ или иныхъ духовныхъ началъ, а, между тѣмъ, съ авторскимъ правомъ связаны большія нравственныя обязанности, такъ какъ авторъ, пользующійся своимъ правомъ, принимаетъ предъ обществомъ извѣстнаго рода нравственную отвѣтственность по отношенію къ тому, что онъ этому обществу предлагаетъ; наконецъ, авторское право срочно, оно существуетъ только въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Вещь безсрочна, т.-е. право на нее существуетъ безсрочно, пока она сама существуетъ. Поэтому, авторское право не можетъ считаться чисто имущественнымъ правомъ. Это есть своего рода привилегія или, вѣрнѣе сказать, монополія, которою пользуется производитель умственнаго труда въ теченіе извѣстнаго времени въ видѣ награды за этотъ умственный трудъ. Поэтому, это право должно сопровождаться цѣлымъ рядомъ изъятій изъ общихъ правилъ гражданскихъ законовъ. Что эти изъятія необходимы, это явствуетъ даже изъ самой поправки, гдѣ говорится: «въ порядкѣ наслѣдованія по закону на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ установляются слѣдующія *изъятія* для авторскаго права:...» и затѣмъ идутъ три пункта этихъ изъятій. Это лучше всего доказываетъ, что къ этому праву не могутъ быть примѣняемы общія

нормы наслѣдственнаго права. *Во-вторыхъ*, нужно опредѣлить, какое же имущество представляетъ авторское право. Есть ли это имущество недвижимое? Объ этомъ не можетъ-быть и рѣчи. Есть ли это имущество движимое? Да, авторское право въ нѣкоторомъ отношеніи къ этому имуществу подходитъ, потому что въ гражданскихъ законахъ говорится, между прочимъ, что къ послѣднему относятся рукописи, слѣдовательно, не напечатанныя произведенія, авторское право на которыя принадлежитъ наслѣдникамъ. Но, однако, по отношенію къ движимому имуществу, въ статьяхъ 513 и 514 т. X. ч. 1 существуетъ правило, по которому отдѣльныя уступки права пользованія допускаются только по договору, акту или дарственной записи. Иначе это право не можетъ-быть отдѣльно. Между тѣмъ, намъ предлагаютъ отдѣлить это право *по закону*: не супругъ будетъ отдѣлять въ пользу родителей извѣстную часть своихъ правъ, не родители будутъ отдѣлять въ пользу супруга извѣстную ихъ часть, а самъ законъ обяжетъ ихъ раздѣлить свои права. *Въ-третьихъ*, спрашивается, какъ же это раздѣленіе будетъ происходить практически? Оно почти неосуществимо. Представьте себѣ случай, что является издатель (о которомъ сегодня такъ много говорили и слишкомъ много заботились, забывая объ авторѣ) къ лицамъ, которыя унаслѣдовали послѣ умершаго автора; онъ идетъ къ супругу, оставшемуся въ живыхъ, и супругъ ему говоритъ: я съ вами ни въ какой договоръ вступить не имѣю возможности, у меня голое право собственности, но это право я осуществлять не могу и вамъ не могу предоставить его осуществить. Онъ идетъ къ родителямъ, родители говорятъ: мы можемъ вамъ позволить осуществить авторское право, оно принадлежитъ намъ, но на очень короткій срокъ, потому что оно пожизненно. Не оставитъ ли тогда издатель свое намѣреніе безъ исполненія, потому что ни съ однимъ, ни съ другимъ наслѣдникомъ онъ не можетъ добиться гарантіи, безъ которой нельзя предпринимать изданія? Здѣсь намъ говорятъ, что всегда возможно соглашеніе между родителями и супругомъ. Но если указывается на необходимость соглашенія, то этимъ самымъ указывается на ненормальный порядокъ вещей,

въ силу котораго каждый, находящійся въ своемъ правѣ, долженъ для его осуществленія еще вступать въ соглашеніе съ другимъ лицомъ. Да кромѣ того, надо же знать житейскія условія семейной жизни. Если, къ несчастью, въ семейной жизни не всегда бываютъ лады между супругами, то еще чаще бываютъ болѣе или менѣе острые нелады и отчужденія между невѣсткой и родителями, между свекровью и снохой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ соглашеніе затруднительно и очень часто ни къ чему не приведетъ. Здѣсь представляется даже возможность иногда, извините мнѣ это выраженіе, напакостить тому, кого не любишь. «Вотъ ты хочешь продать свое право собственности, тебѣ ѣсть нечего, ты объ этомъ хлопочешь, а я тебѣ не позволю, потому что я тебя не люблю, потому что ты вышла замужъ безъ моего согласія, вопреки моему вкусу, потому что не была достаточно почтительна!» Какую обширную почву для всякаго рода несогласій, затрудненій, споровъ и т. д. мы внесемъ такимъ закономъ въ тѣ отношенія, которыя и безъ этого часто бываютъ натянуты! Поэтому необходимо отдать предпочтеніе одному изъ этихъ лицъ — или родителямъ, т.-е. тому, кто остался въ живыхъ изъ родителей, или оставшемуся въ живыхъ супругу, при чемъ въ области авторства въ 90% это будетъ жена, а не мужъ. Ей надо отдать преимущество и предоставить все право, о которомъ говорится въ статьѣ шестой. Говоря о такомъ предпочтеніи жены родителямъ, я позволю себѣ сослаться на практику жизни и на исторію нашей литературы. Жены, можетъ-быть, не всегда бывали хорошими помощницами своимъ мужьямъ-писателямъ, иногда суетно увлекаясь свѣтскими удовольствіями, — не во всѣхъ бракахъ составляли духовную опору своимъ мужьямъ, но въ большинствѣ случаевъ, жена дѣлитъ съ мужемъ и радости, и горести, и надежды, и разочарованія. Гораздо чаще разность интересовъ и взглядовъ бываетъ съ родителями, отъ которыхъ сынъ-писатель большею частью давнымъ-давно отдѣлился по правилу: «да оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою и прилѣпится къ женѣ своей». Посмотрите на выдающихся русскихъ писателей: Тургенева и Салтыкова. Мы знаемъ, что ихъ семейная обстановка дала матеріалъ одному

для «Муму» и для «Записокъ охотника», а другому для «Пошехонской старины». Ихъ семейная печальная обстановка, гнетъ, мелочныя придирки возмущали обоихъ и оба въ концѣ-концовъ высказались по этому поводу въ своихъ сочиненіяхъ. Вспомните Кольцова и Никитина, — Кольцова, котораго отецъ принуждалъ быть прасоломъ, посылалъ его за скотомъ въ степь, когда онъ былъ полонъ дарованій и поэтическаго жара, — или Никитина, который страдалъ отъ побоевъ и попрековъ своего пьянаго отца за то, что онъ пишетъ стихи. Позвольте, наконецъ, указать изъ области критики на Добролюбова и Бѣлинскаго. Ни одинъ изъ нихъ ничего добраго не сказалъ о своемъ домашнемъ прошломъ, и въ біографіяхъ ихъ говорится, что кромѣ тягостнаго воспоминанія о родительскомъ домѣ у нихъ ничего не осталось. Затѣмъ, изъ области поэзіи — вспомнимъ слова Некрасова: «Ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плѣненъ и никому не благодаренъ» или «Я росъ средь буйныхъ дикарей»... Наконецъ, мы знаемъ, что Пушкину приходилось чрезвычайно тягостно именно отъ своего отца. Онъ писалъ Жуковскому: «Спаси меня хотя бы Соловецкимъ и крѣпостью отъ постоянныхъ притѣсненій, отъ постоянныхъ обвиненій со стороны моего отца. Отецъ обвиняетъ меня въ томъ, что я его хотѣлъ убить». А потомъ, когда дѣло стало разъясняться, Сергѣй Львовичъ шутилъ, отпускалъ каламбуры и говорилъ, что «сынъ меня хотѣлъ убить своими стихами». А, между тѣмъ, онъ жаловался на него губернатору, принималъ на себя обязанности домашняго надзора за своимъ высланнымъ въ деревню сыномъ и доносилъ о томъ, что говоритъ, дѣлаетъ и даже думаетъ его сынъ — уже авторъ «Евгенія Онѣгина»; онъ распечатывалъ его письма. Гдѣ же здѣсь покровительство таланту и участіе? А если все это такъ, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что родители во многихъ случаяхъ будутъ довольно чужды творчеству своего сына, если не прямо враждебны ему. Слѣдовательно, они не будутъ въ этихъ случаяхъ пользоваться своимъ правомъ и другимъ не позволятъ имъ пользоваться, пока они живы. Вотъ почему я думаю, что нужно оставить это право супругѣ. *Въ-четвертыхъ* — позвольте сдѣлать еще одно замѣчаніе. Намъ говорятъ, что это будетъ

частичное улучшеніе наслѣдственнаго права, можетъ-быть, и желательное, но невозможное въ настоящее время. Подождемъ того времени, когда придетъ на наше разсмотрѣніе Гражданское Уложеніе (которое готовится уже въ теченіе 30 лѣтъ, но не дошло досихъ поръ до законодательныхъ учрежденій), подождемъ того времени, когда оно, наконецъ, медленнымъ, черепашьимъ шагомъ придетъ, тогда можно будетъ и этотъ вопросъ возбудить. Но, господа, невозможно въ живомъ дѣлѣ такимъ образомъ все перекладывать на то, что вотъ придетъ тотъ или другой обширный и громадный законопроектъ. Гражданское Уложеніе работа такая серьезная, что она потребуетъ, конечно, нѣсколькихъ лѣтъ разсмотрѣнія. Если мы на авторское право должны были полтора года употребить, и вопросъ еще не разрѣшенъ, что же будетъ съ цѣлымъ Гражданскимъ Уложеніемъ? Вотъ почему нельзя отказываться отъ частичныхъ улучшеній, когда они вызываются требованіями жизни, въ ожиданіи того, что впослѣдствіи все это можетъ-быть, въ законѣ будетъ предусмотрѣно. Припомните наше несуществующее положеніе объ ипотекѣ, проектъ котораго былъ составленъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Припомните также Паспортный Уставъ. Въ 1873 г. было рѣшено паспорта отмѣнить, замѣнить ихъ свидѣтельствами о личности, однако «возъ и нынѣ тамъ», и паспорта, все-таки, существуютъ и затрудняютъ и гражданскую жизнь, и торговые обороты. Поэтому я полагаю, что надо поправку изложить такъ: «когда остались супругъ и кто-либо изъ родителей, но нѣтъ другихъ наслѣдниковъ въ отношеніи авторскаго права, то къ наслѣдованію супруга примѣняется постановленіе пункта 1». А въ пунктѣ 1 сказано: «къ супругу, оказывающемуся единственнымъ наслѣдникомъ въ отношеніи авторскаго права, оно переходитъ не въ указной долѣ, а въ полномъ объемѣ».

VIII.

Объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

(Засѣданія 4 и 9 февраля 1909 г.).

Поставивъ себѣ задачею защищать утвержденный Думой законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи, считаю нужнымъ, прежде всего, коснуться двухъ общихъ вопросовъ, затронутыхъ предшествующими ораторами, предлагающими рѣшительно и безусловно отклонить этотъ законопроектъ. «Всуе законы писать, если ихъ не исполнять!» сказалъ одинъ изъ нихъ, приведя слова великаго законодателя. Да! это золотыя слова, неопровержимыя и глубоко справедливыя. Но, надо, однако, вдуматься въ то, что разумѣлъ Великій Петръ подъ словомъ законъ. Имѣлъ ли онъ въ виду, что законъ долженъ удовлетворять взглядамъ и вкусамъ средняго человѣка, идя въ уровень съ его воззрѣніями и выражая ихъ повелительнымъ образомъ? Или же Петръ принималъ въ соображеніе глубокія потребности родины во всемъ ихъ объемѣ, хотѣлъ двигать ее впередъ и побуждать отъ скуднаго настоящаго переходить на путь къ лучшему будущему, ставя для этого идеалы и облекая ихъ въ мудрое и возвышенное слово закона? Если бы онъ хотѣлъ въ своемъ законодательствѣ удовлетворять одни лишь вкусы и желанія средняго русскаго человѣка, вкусы и желанія котораго рекомендовались здѣсь какъ регуляторъ законодательной дѣятельности, то можно себѣ представить, въ какія формы вылилась бы русская жизнь при немъ, да, вѣроятно, и послѣ него. Вѣдь

этотъ средній человѣкъ во времена Петра слѣпо и жадно стоялъ за старое, отворачивался отъ всякаго новшества, считая его выдумкою и порожденіемъ антихриста, которымъ признавалъ и самаго смѣлаго кормчаго русской земли. Но Петръ, по вѣрному выраженію поэта, «не презиралъ страны родной, а зналъ ея предназначенье». Поэтому онъ велъ ее бодро впередъ по пути государственнаго творчества, не обращая вниманія на ропотъ *средняго* русскаго человѣка и имѣя въ виду *лучшаго* русскаго человѣка со всѣми богатыми задатками его духовной природы. Вотъ почему средній человѣкъ не можетъ служить мѣриломъ и и оцѣнкой для новаго закона. Такой человѣкъ вообще, а въ Россіи въ особенности, желаетъ, прежде всего, чтобы законъ оставилъ его въ покоѣ, не трогая и ни къ чему не обязывая. И удовлетворять его побужденіямъ, когда онъ выведенъ изъ этого состоянія спокойствія, возбужденъ или раздраженъ — значитъ становиться на опасную дорогу. Съ этой точки зрѣнія, ощущенія и впечатлѣнія *потерпѣвшаго отъ преступленія*, недовольнаго слабостью уголовной репрессіи, никогда, несмотря на приведенные здѣсь личные примѣры, не могутъ и не должны служить директивой для законодателя. Позвольте и мнѣ привести примѣръ. Въ январѣ нынѣшняго года въ Авиньонѣ казнили убійцу, и когда гильотина отрубила ему голову, стоявшіе близъ эшафота два брата его жертвъ воскликнули: «браво!» и «бисъ!» Въ этомъ восклицаніи потерпѣвшій въ своихъ чувствахъ средній человѣкъ выразилъ свою жажду отмщенія. Что же? Должно ли французское законодательство, слѣдуя этому голосу, установить квалифицированную смертную казнь, введя четвертованіе, колесованіе?

Другой общій вопросъ — о первоначальномъ источникѣ условнаго досрочнаго освобожденія. Намъ говорятъ, что таковымъ должна быть административная, а не судебная власть и что такая мѣра, какъ введеніе освобожденія арестантовъ до срока, если даже признать ее цѣлесообразною, должна быть принимаема въ порядкѣ управленія, т.-е. слѣдовательно, по почину Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Этого, очевидно, и слѣдуетъ ожидать нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ. Не стану спорить, ибо

для меня безразлично, по чьему почину былъ бы внесенъ такой законъ, но замѣчу, что, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ десять назадъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ охотно сложилъ съ себя, а Министръ Юстиціи Муравьевъ еще съ большею охотою возложилъ на плечи себѣ и своимъ преемникамъ тяжкій грузъ тюремнаго дѣла со всею громадною нравственною, матеріальною и общественною отвѣтственностью за него предъ государствомъ и предъ личностью человѣка, тюремные законопроекты должны исходить отъ Министра Юстиціи. У насъ нѣтъ никакихъ указаній или основаній ожидать, чтобы тюремное дѣло, осложняющее самымъ печальнымъ и ненормальнымъ образомъ дѣятельность Министерства Юстиціи, было возвращено въ свое прежнее состояніе. Поэтому, мы обязаны разсматривать представленіе именно Министра Юстиціи, легшее въ основу законопроекта Государственной Думы.

Приступая же къ разсмотрѣнію законопроекта, я, прежде всего, встрѣчаю возраженія противъ условнаго освобожденія, разсыпанныя въ остроумной, какъ всегда, и крайне интересной рѣчи И. О. Корвинъ-Милевскаго. Въ западной Европѣ, говорилъ онъ, досрочное освобожденіе было введено въ тюрьмахъ не тотчасъ послѣ того, какъ прекратились въ нихъ варварскія наказанія и истязанія. И тамъ былъ долгій періодъ до тѣхъ поръ, пока пенитенціарная политика не придумала условнаго освобожденія. Къ чему же спѣшить и намъ, тѣмъ болѣе, что наши карательные законы, по сравненію съ западно-европейскими, страдаютъ опасною для общественнаго спокойствія мягкостью, которая увеличивается еще и крайнею снисходительностью присяжныхъ засѣдателей и вообще суда? Къ чему усугублять эту слабость репрессіи условнымъ освобожденіемъ, которое перенесетъ разлагающее начало равнодушія къ преступленію и въ область исполненія приговора? Не могу со всѣмъ этимъ согласиться. Переходъ отъ варварскаго содержанія, которое засталъ еще въ половинѣ XVIII вѣка знаменитый Говардъ, при которомъ въ наказаніе арестанта запирали съ гніющими трупами и подвергали жестокимъ истязаніемъ, прямо къ досрочному освобожденію было бы немыслимымъ прыжкомъ: нужна была постепенность въ мѣрахъ

улучшенія. Эволюція тюремнаго дѣла совершалась годами, и то же самое было и у насъ. Между современной тюрьмой, допускающей условное освобожденіе, и той, которую нашли въ Россіи въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія квакеры и докторъ Гаазъ, — цѣлый рядъ ступеней улучшенія. И по вопросу о слабой репрессіи мнѣ приходится скрестить шпаги съ уважаемымъ И. О. Корвинъ-Милевскимъ. Нынѣ оставлена мысль, что уголовную кару можно примѣнять на одну общую мѣрку, считая, что преступное дѣяніе есть результатъ преступной воли отдѣльнаго человѣка, развившаго ее въ себѣ, совершенно независимо отъ всего, съ чѣмъ онъ соприкасается въ жизни и чѣмъ эта жизнь вліяетъ на него. Такъ уединенно отъ жизни и отвлеченно его братъ нельзя, не рискуя совершитъ великую несправедливость. Преступленіе есть проявленіе того, что представители уголовной политики называютъ преступнымъ состояніемъ. Оно создается множествомъ обстоятельствъ и обстановкой, окружающими человѣка, и къ нему, стоящему въ центрѣ этого круга, радіусами тянутся тѣ условія, находясь въ которыхъ, онъ совершилъ нарушеніе закона. Сюда входятъ и обстановка обыденной жизни, и степень развитія и образованности, и религіозное чувство, и экономическое положеніе, и физическіе недостатки, наслѣдственность и болѣзни, и состояніе общественной нравственности, и примѣры, и многое другое. Только взятый въ совокупности со всѣмъ этимъ, человѣкъ можетъ правосудно подвергнуться наказанію, не какъ теоретическое лицо, не какъ homunculus, придуманный и принесенный судебному Фаусту законодательнымъ Вагнеромъ, а какъ живая личность, у которой масса корней и развѣтвленій во всей окружающей его средѣ и жизни. Съ такимъ человѣкомъ долженъ имѣть дѣло уголовный законодатель. Не будемъ во всемъ подражать слѣпо западу и, гдѣ можно, пойдемъ своимъ лучшимъ путемъ. На немъ стоитъ въ извѣстной степени нашъ карательный законъ. Онъ принимаетъ во вниманіе преступное состояніе и, повидимому, разсуждаетъ такъ: я долженъ опредѣлить родъ и мѣру наказанія для русскаго человѣка, — но что такое этотъ русскій человѣкъ, независимо отъ большихъ способностей и великихъ возможностей, заложенныхъ въ его душѣ? Это тотъ простой чело-

вѣкъ, — дающій наибольшій количественный составъ наказуемыхъ, — для образованія и нравственнаго развитія котораго почти ничего не сдѣлано, религіозное чувство котораго не воспитывается, а оставляется во тьмѣ и пренебреженіи, вслѣдствіе формальнаго отношенія къ нему тѣхъ, кому ввѣрена забота о его душѣ, безсознательно таящей въ себѣ любовь, завѣщанную Христомъ. Это тотъ, который живетъ въ нищетѣ и матеріальномъ одичаніи, безъ потребности въ лучшемъ и безъ надежды на него, въ томъ жалкомъ состояніи, которое въ такихъ яркихъ краскахъ изобразилъ только что П. Н. Дурново, противопоставляя послѣднее *роскоши* нашего острога, гдѣ полагается—по закону, но вовсе не въ дѣйствительности — ложе не на полу и необходимое количество свѣжаго воздуха. Поэтому, законодатель, установляя размѣры уголовной кары, не можетъ не говорить самому себѣ: человѣкъ, къ которому она будетъ прилагаться, не доѣдаетъ, живетъ въ душевномъ отношеніи, въ лучшемъ случаѣ въ какихъ-то сумеркахъ, пьетъ подъ вліяніемъ соблазна и неискоренимой привычки, не слышитъ живого слова о страхѣ Божьемъ, обнищалъ, и вслѣдствіе дурныхъ гигіеническихъ условій сталъ слабъ и болѣзненъ; его нельзя наказывать такъ строго, какъ западнаго европейца, который живетъ въ большинствѣ случаевъ въ гораздо лучшей обстановкѣ и крѣпко посаженъ въ сѣдло для борьбы съ соблазномъ и съ природою, которая и щедрѣе и милостивѣе нашей; этотъ бѣдный, слабый русскій человѣкъ, это нашъ родной братъ, его не слѣдуетъ карать безусловно и прямолинейно, а наполовину нужно и пожалѣть. И русскій законодатель правильно назначаетъ для него менѣе высокій предѣлъ наказанія, чѣмъ западный законодатель для своего. При томъ наказанія эти не такъ уже слабы, какъ здѣсь, нѣсколько поспѣшно, указывалось. Уже мировой судья и земскій начальникъ имѣютъ право назначить за кражу безъ особо увеличивающихъ обстоятельствъ 18, а не 6 мѣсяцевъ тюрьмы, а за подлогъ векселя слѣдуетъ не два, а четыре года арестантскихъ отдѣленій и, даже при переводѣ въ разрядъ исправляющихся, все-таки, три года и восемь мѣсяцевъ.

Затѣмъ идутъ нападки на судъ. Присяжныхъ засѣдателей обвиняютъ въ слабости. И дѣйствительно, иногда нѣкоторые мяг-

кіе приговоры вызываютъ недоумѣніе въ тѣхъ, кто не былъ самъ при разборѣ дѣла и предъ кѣмъ не прошли тѣ, подчасъ почти неуловимые, обстоятельства и оттѣнки, которыми вызвано снисходительное отношеніе къ подсудимому, разсматриваемому въ связи со всѣмъ окружавшимъ его и съ тѣми обстоятельствами дѣла, между которыми главнымъ является онъ самъ со всѣми своими индивидуальными свойствами. А потомъ не надо забывать, что въ преступленіи, подлежащемъ разсмотрѣнію суда, заключается и статика, и динамика. Статика—это совершенное дѣяніе и назначенное за него наказаніе, а динамика — это примѣненіе и воздѣйствіе наказанія. Но о какомъ воздѣйствіи наказанія можно говорить при настоящемъ культурномъ уровнѣ общества? Воздѣйствіе *возмездія?* Однако, возмездіе повсюду отвергается по отсутствію нравственныхъ основъ для него. Воздѣйствіе *устрашенія?* Но оно существуетъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и вынуждено прятаться отъ взоровъ устрашаемыхъ. Остается воздѣйствіе *исправленія*, для котораго въ области динамики нуженъ рядъ активныхъ мѣръ. Къ нимъ совершенно справедливо Министръ Юстиціи относитъ условное досрочное освобожденіе, которое является сильнымъ рычагомъ для исправленія. Внутреннія побужденія и сокровенныя чувства отбывающаго наказаніе намъ недоступны. Но если трудомъ и бодрымъ соблюденіемъ порядка онъ знаменуетъ свое пребываніе въ тюрьмѣ, то мы можемъ сказать, что онъ сталъ на путь исправленія, на которомъ привычка всегда играетъ большую роль. Преступленіе есть прежде всего, нападеніе на общественный порядокъ, поэтому — исправленіе выражается въ рѣшимости подчиниться этому порядку и приспособиться къ нему въ области практической дѣятельности. Но для этого одного желанія мало. Необходимы возможность его осуществленія и самое осуществленіе въ жизни. Но какъ достичь этого срочному арестанту, сознающему, что какъ бы онъ себя ни велъ, онъ не сократитъ срока своего содержанія, а, выйдя на свободу, встрѣтится лицомъ къ лицу съ отчужденіемъ и недовѣріемъ къ тюремному сидѣльцу? Такъ развивается въ немъ пассивность и замираетъ самодѣятельность. Надобно возбудить въ немъ активность, сдѣлать его въ нѣкоторомъ отноше-

ніи хозяиномъ своего положенія, внушить ему, что *отъ него* зависитъ сокращеніе срока его содержанія и возможность попеченія о немъ на ту четвертую часть его срока, въ теченіе которой онъ будетъ пользоваться свободой и можетъ постепенно завоевать себѣ довѣріе окружающихъ. Въ этой возможности стать нѣкоторымъ хозяиномъ своего положенія заключается и существенная гарантія соблюденія дисциплины, основанная не на карательныхъ мѣрахъ, а на сознаніи собственной пользы. Въ смыслѣ мотивовъ и цѣлей, условное освобожденіе даже не составляетъ чего-либо новаго въ нашемъ законодательствѣ. Достаточно припомнить, что по статьямъ 299, 310, 317 и 321 Устава о содержащихся подъ стражею и нынѣ существуетъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ отрядъ исправляющихся, которымъ десять мѣсяцевъ пребыванія считаются за годъ, при чемъ начальству вмѣняется въ обязанность вести особый списокъ съ ежемѣсячной отмѣткой о послушаніи и прилежаніи къ труду каждаго изъ арестантовъ, возбуждая въ нихъ надежду, что наказаніе будетъ постепенно облегчаемо по мѣрѣ нравственнаго ихъ исправленія. Ошибочно также думать, что проектъ условнаго освобожденія обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно желанію нынѣшняго Министра Юстиціи. Опредѣленная мысль о желательности его введенія высказана еще шесть лѣтъ назадъ, въ 1903 г., Государственнымъ Совѣтомъ при разсмотрѣніи заключеній Особаго Присутствія по проекту Уголовнаго Уложенія. Съ тѣхъ поръ у насъ уже четвертый Министръ Юстиціи, который, принявъ на себя, какъ я уже говорилъ, тяжелый грузъ тюремнаго дѣла, находитъ, во исполненіе порученія Государственнаго Совѣта и, несмотря на нарисованное имъ печальное положеніе тюремъ, возможнымъ ввести освобожденіе. Надо признать, что въ этомъ онъ болѣе компетентенъ, чѣмъ кто либо изъ насъ, такъ какъ внутренняя жизнь тюрьмы и ея погрѣшности, личный составъ служащихъ и тѣ рессурсы, которыми можно располагать, ему всего видиѣе. И если онъ говоритъ, что наступило время сдѣлать то, что всюду признано необходимымъ въ дѣлѣ уголовной политики, и этотъ его взглядъ раздѣленъ Государственною Думою послѣ всесторонняго обсужденія, то, по-моему, мы не найдемъ достаточнаго

и убѣдительнаго объясненія своему рѣшенію, если скажемъ: «нѣтъ, не надо!

«Зачѣмъ Вамъ условное освобожденіе? — говорятъ намъ — вмѣсто него можетъ быть помилованіе». — Но, господа, условное освобожденіе и помилованіе суть понятія, стоящія на разныхъ плоскостяхъ и ихъ смѣшивать невозможно. Условное освобожденіе есть своего рода *право арестанта*, добываемое такимъ поведеніемъ, которое даетъ увѣренность въ будущемъ добропорядочномъ образѣ его жизни. Оно требуетъ взаимодѣйствія и арестанта, и тѣхъ лицъ или учрежденій, которыя прикосновенны къ тюремному дѣлу и которымъ принадлежитъ починъ въ вопросѣ о досрочномъ освобожденіи. Оно есть осуществленіе разъ установленнаго нормальнаго, а не чрезвычайнаго порядка вещей. Совсѣмъ не то — помилованіе. Это — актъ великаго милосердія, обыкновенно гораздо болѣе широкій, источникомъ котораго является не поведеніе арестанта, а милость, о которой предстательствуетъ голосъ сердца. Это — прощеніе, давая которое въ исключительныхъ случаяхъ, Монархъ проявляетъ радостную побѣду великодушія надъ горькою судьбою нарушителя закона. Не даромъ Пушкинъ, рисуя ликованіе Петра, говоритъ про него: «и прощеніе торжествуетъ, какъ побѣду надъ врагомъ». Но для прощенія нуженъ починъ молящаго о прощеніи или его близкихъ, или, наконецъ, суда, а все это изъ закона объ условномъ освобожденіи устраняется.

Есть, однако, и другой важный вопросъ — о примѣненіи условнаго освобожденія на практикѣ. Наша тюрьма, говорятъ намъ, исключаетъ всякую возможность наблюденія за арестантами и оцѣнки ихъ поведенія; это адскій котелъ, въ которомъ кипятъ всѣ безъ разбора въ общей порчѣ, насиліи и развратѣ. У насъ, говорятъ намъ далѣе, арестанты сидятъ въ тюрьмѣ, какъ сельди въ боченкѣ, причемъ о достоинствахъ *каждой* селедки можно судить, лишь вытащивъ ее изъ боченка, а не довѣряя тому, въ рукахъ котораго находится весь боченокъ. При такихъ условіяхъ все сведется къ аттестаціи со стороны надзирателя, а это откроетъ широкое поприще къ аттестаціи за деньги и внесетъ новую язву въ тюремную жизнь. Нѣтъ ли, однако, во всемъ этомъ боль-

шого преувеличенія? Проектъ закона разсчитанъ не на одну настоящую минуту, а на долгіе годы дальнѣйшаго развитія. Не спорю, что въ послѣдніе годы были большіе безпорядки въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ. Смута и обоюдныя насилія вторглись и въ тюремную ограду, причинили немало поврежденій и вызвали много человѣческихъ жертвъ въ вихрѣ мрачнаго ожесточенія. Но это было далеко не вездѣ и буря, повидимому, уже промчалась. При томъ же такія явленія бываютъ и на западѣ въ совершенно спокойное время. Не далѣе, какъ полтора года назадъ въ обширной одиночной тюрьмѣ, недалеко отъ Милана, произошло возстаніе съ убійствами и овладѣніемъ тюрьмою, для осады которой пришлось посылать цѣлую бригаду. Подобный же случай былъ нѣсколько лѣтъ назадъ на югѣ Франціи въ окрестностяхъ Марселя. Отдѣльные случаи въ смутное время не могутъ служить характеристикой русской тюрьмы и относиться къ ней съ безнадежнымъ скептицизмомъ нѣтъ основаній. Не надо забывать, что въ Россіи 36 арестантскихъ исправительныхъ отдѣленій и 715 тюремныхъ замковъ. Уже по этому одному, говоря о русской тюрьмѣ, необходимо имѣть въ виду именно цѣльную бочку съ сельдями, а не вытаскивать случайно испорченныхъ сельдей для того, чтобы забраковать всю бочку. Не смущаетъ меня и аттестація надзирателя. По проекту не съ нея начинается возбужденіе вопроса о досрочномъ освобожденіи. Оно исходитъ отъ лицъ высшаго тюремнаго персонала и членовъ патроната и отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества, и если аттестація надзирателя и найдетъ себѣ мѣсто, что будетъ весьма естественно, то она всегда и во всякомъ случаѣ будетъ подлежать тщательной провѣркѣ цѣлаго совѣщанія и затѣмъ судебнаго учрежденія. Не слишкомъ ли многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ будутъ находиться судьи, священникъ, врачъ и учитель, придется, по выраженію одного изъ ораторовъ, *подмазать* арестанту? Не слишкомъ ли дорого это обойдется ему за одну четверть неотбытаго срока въ заключеніи? Нѣтъ! предположенія о роли подкупа въ этомъ дѣлѣ надо отвергнуть, какъ плодъ пугливаго воображенія. Напротивъ, слѣдуетъ съ упованіемъ взглянуть впередъ и при томъ на основаніи минувшаго опыта.

Дѣйствительно, патронатовъ у насъ мало, а отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ общества значатся лишь на бумагѣ, и это весьма понятно, такъ какъ вся дѣятельность ихъ свелась къ роли передаточной инстанціи матеріальныхъ средствъ для содержанія арестантовъ. Когда я, будучи товарищемъ прокурора въ Харьковѣ, настоялъ у одного исправника на собраніи комитета, и онъ это съ видимою неохотою исполнилъ, то все-таки засѣданіе не состоялось, такъ какъ въ него явились только онъ да я. Правительство уже сознало узкость задачъ отдѣленій и, преобразовавъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ тюремные комитеты въ тюремно-благотворительныя общества, указало имъ, какъ одну изъ главныхъ цѣлей — на попеченіе объ освобождаемыхъ изъ подъ стражи, т.-е. на задачу патроната. На этомъ пути не надо останавливаться, и расширеніе задачъ отдѣленій, а также настойчивое требованіе активной дѣятельности со стороны ихъ офиціальныхъ членовъ должно составить обязанность Правительства, которое, внося чрезъ Министра Юстиціи проектъ условнаго досрочнаго освобожденія, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя выработку и мѣръ къ его дѣйствительному осуществленію въ жизни. Надо съ довѣріемъ относиться къ общественнымъ силамъ и ставить имъ живыя цѣли, — тогда оживится и ихъ дѣятельность. Наше общество склонно впадать въ апатію и разочарованіе, но это, по большей части, бываетъ связано съ тѣми моментами, когда ясныя цѣли затемняются и по дорогѣ къ нимъ воздвигается недовѣріе и стелется туманъ равнодушія. Но когда эти цѣли указаны ясно и призывъ стремиться къ нимъ сдѣланъ искренно, то общество сумѣетъ на нихъ отвѣтить съ пользою для дѣла. Когда Александръ II совершилъ незабвенное дѣло освобожденія крестьянъ, по его призыву, точно предъ сказочнымъ русскимъ героемъ «какъ листъ передъ травой» изъ безплодной, повидимому, почвы выросли мировые посредники перваго призыва. То же случилось съ появленіемъ мировыхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ. Явились ясныя цѣли, и вдругъ сразу проявились и дарованія, и горячая любовь къ своему дѣлу, задачи котораго ярко блистали на горизонтѣ. То же въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ можетъ произойти и здѣсь. Утвердивъ проектъ Думы, создайте цѣль и возможность реаль-

наго осуществленія для душевной потребности поддержать на распутьи предъ тюремными воротами тѣхъ, кого нашъ народъ привыкъ называть «несчастными». Люди для этого найдутся, какъ они нашлись въ свое время для судебной, городской и земской реформы. Позвольте мнѣ закончить примѣромъ, заимствованнымъ изъ того же источника, откуда его взялъ И. О. Корвинъ-Милевскій, полагающій, что новый законъ откроетъ новое поприще для Сквозника-Дмухановскаго и Держиморды. Припомнимъ обращеніе этого Сквозника-Дмухановскаго съ «аршинниками» и «самоварниками», которые могли быть и членами дореформенной Градской Думы. Я спрошу васъ, возможно ли представить себѣ подобное отношеніе къ гласнымъ Думы по дѣйствующему Городовому Положенію? Иныя цѣли, болѣе широкія задачи, — и явились другіе люди. Пускай же этотъ проектъ, ставящій такія задачи въ области уголовной политики, встрѣтитъ ваше сочувствіе, господа!

По отношенію къ условному освобожденію въ томъ видѣ, какъ оно намъ предлагается, *крѣпость* составляетъ какой то перерывъ, какую то выпавшую ступень въ лѣстницѣ наказаній. На содержащихся въ ней не распространяется условное освобожденіе, такъ какъ, будто бы, custodia honesta назначается за преступленія, въ которыхъ нѣтъ ничего позорнаго, но наказанія за которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускаютъ мысли объ исправленіи виновнаго, а имѣютъ цѣлью лишь его устрашеніе. Прежде всего надо замѣтить, что мнѣніе о безусловномъ отсутствіи позорнаго элемента въ дѣяніяхъ, облагаемыхъ крѣпостью, не вѣрно: по дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ это «почетное заключеніе» назначается за такія непочетныя дѣянія, какъ истязаніе и жестокости при отправленіи должности (ст. 345), корыстный подлогъ (ст. 362), неправильное рѣшеніе дѣла и усиленіе наказанія или уменьшеніе его, допущенные судьями или чинами полиціи, изъ корыстныхъ или личныхъ видовъ, или съ цѣлью мщенія (ст. 366, 367, 368, 458), корыстная выдача подложнаго паспорта (ст. 978, 979), умышленная утайка чиновниками чужихъ писемъ и т. д.

Такъ же не вѣрна и мысль о невозможности исправленія заключеннаго въ крѣпость, т.-е. о возникновеніи у него желанія подчиниться общественному порядку и охраняющему его закону и съ этою рѣшимостью начать новую жизнь. Какъ боевой доводъ, здѣсь обыкновенно выдвигаютъ дуэль. Дуэлянту не въ чемъ исправляться; если вопросъ о его оскорбленной чести снова возникнетъ, онъ опять, для возстановленія ея, выйдетъ на поединокъ. Но нерѣдко на дуэль выходятъ люди, съ тоскою и отвращеніемъ склоняющіе выю подъ тяжкое ярмо общественнаго предразсудка; выходятъ также и бреттеры, надменно и самоувѣренно желающіе путемъ кровопролитія доказать, что nemo me impune lacessit. Но, развѣ для тѣхъ и другихъ невозможны раскаяніе или нравственное перерожденіе, когда пройдетъ робость передъ общественнымъ мнѣніемъ или замолчитъ голосъ мстительнаго чувства или оскорбленнаго самолюбія? Наше новое уголовное Уложеніе назначаетъ, между прочимъ, крѣпость и за убійство подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія, вызваннаго противозаконнымъ насиліемъ надъ личностью или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны потерпѣвшаго, а также за убійство при превышеніи необходимой обороны (ст. 458, 459). На возможность раскаянія въ гораздо болѣе рѣзкомъ случаѣ указываетъ даже и наша Комиссія законодательныхъ предположеній, несмотря на то, что она считаетъ недопустимымъ распространеніе условнаго освобожденія на содержащихся въ крѣпости. «Поджогъ — говоритъ она — весьма часто совершаемый изъ побужденій мести и злобы или подъ вліяніемъ душевныхъ волненій, какъ указываетъ судебная практика, не рѣдко приводитъ осужденныхъ къ чистосердечному раскаянію въ своей винѣ». Какимъ же образомъ возможно отрицать то, что предъ лицомъ, внесшимъ въ противодѣйствіе насилію мстительное и гнѣвное чувство, не предстанетъ въ уединеніи заточенія въ крѣпости высокое начало христіанскаго терпѣнія и душевная боль при мысли о содѣянномъ лишеніи жизни своего ближняго? И еще сильнѣе можетъ это чувство иногда развиться при обыкновенной замѣнѣ крѣпости тюрьмою, когда придется такъ или иначе сталкиваться съ простымъ русскимъ человѣкомъ. Вспомните ту глубину христіанскаго смиренія, ко-

торую вынесъ изъ каторги Достоевскій! Протоіерей Горчаковъ въ теплыхъ словахъ изобразилъ намъ въ послѣднемъ засѣданіи, какъ подъ корой невѣжества и неразумѣнія, приведшаго къ преступленію, теплится въ душѣ простого русскаго человѣка искра Божія, способная, при благопріятныхъ условіяхъ, разгорѣться въ очистительный душевный пожаръ. Къ значительному количеству тюремныхъ сидѣльцевъ примѣнимы слова Montesquieu: le peuple est honnête dans ses gouts, sans l'être dans ses moeurs. Сознаніе грѣха и чувство стыда предъ своимъ преступнымъ дѣяніемъ, почти совсѣмъ утраченныя во многихъ изъ нашего полуобразованнаго общества, еще живутъ въ большинствѣ простыхъ русскихъ людей. Съ этой точки зрѣнія возможно ли отрицать, напримѣръ, строгое самоосужденіе приговореннаго въ крѣпость по новому Уложенію (ст. 73) за богохуленіе *съ цѣлью соблазна*, когда въ уединеніи предъ нимъ, изъ того или другого источника, прозвучатъ великія Евангельскія слова: «аще кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ...», и «нельзя соблазну не притти въ міръ, но горе тому, черезъ кого онъ приходитъ».

Посмотримъ затѣмъ на участіе въ смутѣ и на преступленія противъ порядка управленія, за которое предоставляется суду назначать альтернативно крѣпость или тюрьму и крѣпость или исправительный домъ. Такихъ случаевъ по новому Уложенію восемь и разсматривая ихъ по сравненію съ тѣми, гдѣ назначается исключительно исправительный домъ и гдѣ, слѣдовательно, примѣняется условное освобожденіе, мы никакъ не придемъ къ пониманію, почему въ одномъ случаѣ оно допустимо, а въ другомъ недопустимо. Напримѣръ, статья 125 Уложенія даетъ право заточить въ крѣпость и слѣдовательно, *лишить возможности* условнаго освобожденія виновнаго въ участіи въ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью возбудить къ неповиновенію власти или закону, посѣять вражду между отдѣльными частями или классами населенія или между хозяевами и рабочими и т. д. А между тѣмъ, перешедшій отъ такихъ цѣлей къ ихъ *практическому осуществленію* въ видѣ участія въ скопищѣ, учинившемъ общими силами насиліе надъ личностью, — похищеніе или поврежденіе имущества съ употребленіемъ оружія изъ религіозной, племенной или со-

словной вражды или изъ экономическихъ отношеній, согласно статьѣ 122 того же Уложенія *можетъ быть* условно освобожденъ. Почему, напримѣръ, виновный въ дерзкихъ словахъ о Монархѣ, однако безъ цѣли возбудить неуваженіе къ его Особѣ, т.-е. какъ надо думать, читая эту, не совсѣмъ понятную статью новаго производства, виновный въ необдуманной и непозволительной болтовнѣ, въ которой, вѣроятно, онъ не разъ раскается, сидя въ крѣпости (ст. 103), научившись управлять своими словами, — *не можетъ* быть условно освобожденъ при увѣренности тюремнаго начальства въ его дальнѣйшемъ добропорядочномъ поведеніи, а виновный (ст. 499) въ лишеніи свободы и заключеніи, опасномъ для жизни и сопровождаемомъ мученіями, кого-либо изъ чиновъ караула, охраняющаго Священную Особу Монарха, *можетъ* воспользоваться условнымъ освобожденіемъ. Наконецъ, позвольте обратить ваше вниманіе на то, что по статьѣ 124 Уголовнаго Уложенія не можетъ воспользоваться условнымъ освобожденіемъ виновный въ сообществѣ, завѣдомо запрещенномъ въ установленномъ порядкѣ. По этой статьѣ состоялось въ послѣднее время много приговоровъ. Но вспомнимъ недавно пережитые нами тяжелые дни, когда и жизнь и законодательство находились въ лихорадочномъ состояніи, когда провозглашеніе «свободъ» не было связано, къ сожалѣнію, съ обнародованіемъ законовъ, опредѣляющихъ условія и способы осуществленія этихъ свободъ; когда въ заразительномъ угарѣ, въ вихрѣ и туманѣ смуты взаимному гипнозу относительно дозволеннаго и недозволеннаго поддавались люди не только молодые, неопытные и воспріимчивые ко всякимъ вліяніямъ, но и люди болѣе зрѣлаго возраста, иногда и тѣ, которыхъ въ одной изъ своихъ рѣчей министръ финансовъ назвалъ «людьми 20-го числа» и которые составляли, такъ сказать, подпору тому самому порядку, противъ котораго они, въ своемъ увлеченіи, дѣйствовали. Но тревожное время красныхъ флаговъ проходитъ или прошло. Въ молодомъ поколѣніи проснулась жажда знанія. Оно, по наблюденіямъ представителей ученаго сословія, горячо относится къ университетскимъ занятіямъ. Среди посаженныхъ въ тюрьму вмѣсто крѣпости, по статьѣ 124 Уложенія, несомнѣнно могутъ быть юноши, у которыхъ вдали отъ посто-

роннихъ внушеній и въ принудительномъ лишеніи свободы, не можетъ не явиться сознаніе, что для строительства лучшаго будущаго необходимъ трудъ надъ матеріаломъ знанія, а не шумъ или красныя знамена, не развязное и огульное отрицаніе вчерашняго дня и отсутствіе яснаго представленія о завтрашнемъ днѣ. А если къ этому сознанію присоединяется, быть можетъ, мысль, что есть страдающіе мать и отецъ, что есть близкіе, которыхъ надо поддерживать и помогать имъ трудомъ, то должно явиться жадное желаніе наверстать потерянное для ученія время и для этого подчиниться государственному порядку. Но въ досрочномъ освобожденіи имъ отказывается, а между тѣмъ, напримѣръ, лжесвидѣтелямъ всѣхъ видовъ, — похитителямъ дѣтей для нищенства или безнравственныхъ цѣлей, — ворующимъ во время общественныхъ бѣдствій, — членамъ шайки, орудующей ночью съ оружіемъ въ рукахъ для кражи, — растителямъ маленькихъ дѣтей или сводникамъ жены и родной дочери дается по новому закону возможность условнаго освобожденія! Я не вижу въ этомъ ни справедливости, ни послѣдовательности, такъ же, какъ не вижу этого и въ отнятія условнаго освобожденія отъ людей, осужденныхъ по дѣйствующему Уложенію о Наказаніяхъ за разные виды превышенія власти, какъ будто человѣкъ, иногда весьма молодой, въ родѣ, напримѣръ, нѣкоторыхъ изъ подлежавшихъ суду земскихъ начальниковъ, облеченный неожиданною и непривычною властью, не можетъ отрезвѣть отъ вина власти, бросившагося ему въ голову, и искренно пожелать дальнѣйшимъ поведеніемъ доказать, что служебное положеніе его связано со строгими обязанностями и выдержкой по отношенію къ себѣ и къ окружающимъ. Такое лишеніе права на досрочное освобожденіе противорѣчило бъ пункту 10 Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о введеніи въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія, по которому лицъ, приговоренныхъ къ крѣпости, разрѣшается принимать на государственную службу, а приговоренныхъ къ исправительному дому не разрѣшается, что знаменуетъ собою признаніе государственною властью возможности такого исправленія человѣка, сидѣвшаго въ крѣпости за преступленіе противъ государственнаго порядка, что его можно призвать на службу этому же самому

порядку. Въ заключеніе, я долженъ замѣтить, что мнѣ укажутъ на преступленія, караемыя ссылкой на поселеніе, по которымъ, согласно статьѣ 53 Уголовнаго Уложенія, существуетъ переходъ къ заточенію въ крѣпость. Что же изъ этого? Заточеніе можетъ быть назначено до 6 лѣтъ и, конечно, въ важныхъ случаяхъ, караемыхъ поселеніемъ, и назначается. Ужели, однако, и въ этихъ случаяхъ $4^1/_2$ года заключенія при удостовѣреніи начальствомъ тюрьмы и признанной судомъ готовности заключеннаго вести «добропорядочный образъ жизни» не должны давать возможности примѣнить условное осовобожденіе? И вотъ, я думаю, что, отвергая распространеніе условнаго освобожденія на заключеніе въ крѣпости, на практикѣ замѣняемое тюрьмою, мы будемъ держаться внѣшняго признака и ставить разрѣшеніе вопроса, въ зависимости не отъ *дѣянія*, а отъ *зданія*, считая, что исправленіе возможно только въ предѣлахъ острога съ традиціонными башнями, а не за крѣпостной оградой, которая въ дѣйствительности въ огромномъ большинствѣ случаевъ, осужденнаго и не окружаетъ. Не будетъ ли это обращеніемъ custodia honesta въ privilegium odiosum? Господа! Знаменитый историкъ и государственный мужъ Франціи Тьеръ говорилъ, что наибольшей ошибкой въ управленіи является непослѣдовательность. Мы бывали свидѣтелями такой непослѣдовательности въ весьма важныхъ мѣропріятіяхъ и видѣли ея горькіе плоды. Но непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ исполнительной власти менѣе вредна, чѣмъ въ дѣйствіяхъ власти законодательной. Первая, очутившись между двумя взаимно противоположными рѣшеніями, можетъ безотлагательно найти равнодѣйствующую. Но вторая «ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ» и не должна быть склонна къ поспѣшнымъ перемѣнамъ своего строительства. Вотъ почему было бы желательно, чтобы Государственный Совѣтъ, установляя понятіе объ условномъ досрочномъ освобожденіи, былъ послѣдователенъ, и, признавъ извѣстный принципъ, проводилъ его до конца, не смущаемый временными, преходящими соображеніями.

IX.

Объ отмѣнѣ существующаго обряда преданія суду.

(Засѣданія 16 и 19 декабря 1909 года и 25 февраля 1910 г.).

Вопросъ о преданіи суду по важнѣйшимъ преступленіямъ представляется однимъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ въ судебномъ строѣ государства. Онъ серьезенъ не только по отношенію къ дѣянію, къ которому примѣняется обрядъ преданія суду, но и по отношенію къ тому учрежденію, мѣсту или лицу, которому предоставляется по закону примѣнять свою власть или свое право на преданіе обвиняемаго суду. При составленіи Судебныхъ Уставовъ, составителямъ ихъ представлялось нѣсколько путей, которыми можно было итти для разрѣшенія этого важнаго вопроса. Первый путь, который представлялся бы и въ настоящее время, состоитъ въ порученіи прокурорскому надзору права самостоятельно, по собственному усмотрѣнію, предавать суду каждое лицо, привлеченное къ отвѣтственности по обвиненію въ томъ или другомъ преступномъ дѣяніи.

Составители Судебныхъ Уставовъ создали прокурорскій надзоръ въ двоякомъ видѣ. Въ смыслѣ дѣятеля въ судебномъ засѣданіи нашъ прокуроръ поставленъ въ такое положеніе, которому можетъ завидовать всякое иностранное законодательство. Нигдѣ съ такою точностью, и я скажу—даже красотою, не проведена спокойная безпристрастная роль прокурора какъ обвинителя на судѣ. Въ судебномъ засѣданіи нашъ прокуроръ, по Уставамъ, не обязанъ ни извлекать изъ дѣла одни обстоятельства, служащія къ обвиненію, ни предоставлять дѣло въ одностороннемъ видѣ.

Онъ имѣетъ право отказаться отъ обвиненія, когда признаетъ оправданія подсудимаго, заслуживающими уваженія. Такимъ образомъ, нашъ прокуроръ на судѣ является, въ сущности, *говорящимъ судьею*, однако, такимъ, который обязанъ разсказать суду, почему, по внутреннему глубокому убѣжденію, онъ находитъ, быть можетъ, даже со скорбью, что подсудимый дѣйствительно виновенъ, совершивъ сознательно то дѣяніе, дерзкое и преступное, которое ему приписывается. Правда, на практикѣ, эта трудная роль иногда искажается нѣкоторыми преувеличеніями, личною страстностью темперамента и нѣкоторымъ самолюбованіемъ, въ особенности со стороны лицъ, одаренныхъ даромъ слова, но все это тонетъ въ массѣ спокойнаго исполненія прокуратурою своего долга.

Иное положеніе занимаютъ прокуроръ и его товарищи относительно вопросовъ, касающихся предварительнаго слѣдствія. Здѣсь у прокурора совсѣмъ иная роль: достаточно вспомнить, что онъ имѣетъ право самъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, что онъ имѣетъ право и даже обязанность наблюдать за производствомъ слѣдствія, требуя отъ слѣдователя дополнительныхъ дѣйствій по своему указанію, что онъ можетъ предлагать примѣненіе той или другой мѣры пресѣченія обвиняемому способа уклоненія отъ суда и слѣдствія до содержанія подъ стражею включительно и, наконецъ, что прокурору принадлежитъ право назначать дознанія и руководить полиціей при производствѣ ихъ, причемъ полиція состоитъ въ этомъ отношеніи въ непосредственной отъ него зависимости и получаетъ отъ него предостереженія въ случаѣ неправильныхъ съ ея стороны дѣйствій. Не надо забывать, что такое дѣятельное вмѣшательство въ слѣдствіе со стороны прокурорскаго надзора практикуется не надъ работою несмѣняемаго судьи, какимъ долженъ быть судебный слѣдователь по Судебнымъ Уставамъ и по французскому судоустройству, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по отношенію къ чиновнику Министерства Юстиціи, командированному къ исполненію должности слѣдователя.—При томъ и товарищи прокурора и командированные для производства слѣдствій зачастую,—люди молодые, мало еще знакомые съ жизнью, а иногда и съ

мѣстными условіями. Они нерѣдко соединяютъ молодую энергію, очень желательную и симпатичную, съ молодою поспѣшностью и съ молодымъ дѣловымъ задоромъ и, слѣдовательно, способны иногда вносить въ сильной степени свои личные взгляды, вкусы и увлеченія въ производство предварительнаго слѣдствія. Если вы, господа, при этомъ припомните, что самое слѣдствіе есть, въ сущности, творческая работа, — что тамъ, гдѣ имѣется трупъ убитаго неизвѣстно кѣмъ, разрушенное помѣщеніе или сгорѣвшее зданіе, на слѣдователѣ и товарищѣ прокурора лежитъ возсоздать все, что неизвѣстно по дѣлу, что надо еще найти, связать, освѣтить и оформить, — то вы должны признать, что работа слѣдователя и товарища прокурора въ значительной степени созидательная. Но творческая работа всегда соединена болѣе или менѣе съ авторскимъ самолюбіемъ, и если къ этому самолюбію присоединятся власть, — а она у слѣдователя и товарища прокурора весьма большая, — то тогда это творчество, въ соединеніи съ властью, представляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно опаснымъ, несмотря на добросовѣстность творящаго, потому что здѣсь возможны большія увлеченія предвзятымъ взглядомъ и сложившимся представленіемъ. Есть такіе случаи, которые знаетъ наша практика, — къ счастью, ихъ не особенно много, но все-таки такіе случаи есть, — когда при производствѣ слѣдствія, подъ вліяніемъ односторонняго взгляда, подъ вліяніемъ обманчивой интуиціи, при которой казалось, что вотъ въ чемъ состоитъ преступленіе, вотъ кто виновный, — слѣдствіе шло по неправильному пути, причемъ вино власти бросалось въ голову людямъ, производившимъ слѣдствіе, а иногда и представителямъ *наивысшаго* надъ ними надзора. Такимъ образомъ, едва ли возможно сказать, что можно оставить въ рукахъ прокуратуры, при всѣхъ ея достоинствахъ, которыя я далекъ отъ мысли отрицать, самое преданіе суду. Не слѣдуетъ между возбужденіемъ дѣла и скамьей подсудимыхъ для обвиняемаго ставить *одно* должностное лицо, отъ котораго будетъ зависѣть отъ начала до конца провести все дѣло собственнымъ усмотрѣніемъ и собственною властью. Мы знаемъ, что отъ увлеченій на этомъ пути не охраняетъ иногда и высшее образованіе. Достаточно вспомнить, что первое время

послѣ введенія земскихъ участковыхъ начальниковъ, получившихъ большую и довольно безконтрольную власть, было немало случаевъ нарушенія ими своихъ обязанностей, въ смыслѣ превышенія власти, подъ вліяніемъ увлеченія ею, а между ними бывали люди съ высшимъ образованіемъ и которые ссылались на то, что они кандидаты правъ, такъ что имъ приходилось отвѣтить, что они *кандидаты безправія*, а не кандидаты правъ. Итакъ, вотъ что можно сказать о прокуратурѣ, какъ органѣ для преданія суду.

Можно ли это дѣло возложить на судъ? Я думаю, что нельзя, ибо судъ слишкомъ обремененъ своими прямыми обязанностями, да и стоитъ непосредственно близко къ тому, что предстоитъ сдѣлать, уже по преданіи суду, чего съ послѣднимъ отнюдь не должно смѣшивать, т.-е. къ судебному разсмотрѣнію. Кромѣ того судъ иногда, въ глубинѣ провинціи, можетъ не быть свободенъ отъ мѣстныхъ настроеній. Необходимо отдалить вопросъ о преданіи суду на нѣкоторое разстояніе отъ мѣстнаго суда, состоящаго изъ людей, могущихъ иногда быть слишкомъ возмущенными преступленіемъ, взволнованными его обстановкой. Поэтому необходимъ фильтръ между судомъ и прокурорскимъ надзоромъ, т.-е. учрежденіе, которое безпристрастно и спокойно стояло бы въ извѣстномъ отдаленіи, на извѣстной высотѣ по своему составу и могло вдали отъ мѣстныхъ впечатлѣній разрѣшать вопросъ о томъ, достаточно ли уликъ и доказательствъ, чтобы предать суду заподозрѣннаго. Вѣдь дѣло въ томъ, что преданіе суду представляетъ не только возможность осужденія, но налагаетъ во многихъ случаяхъ и несмываемый позоръ: пусть человѣка потомъ оправдываютъ, пусть ему скажутъ, что онъ невиновенъ, но съ нимъ будутъ всегда неразлучны страхъ, и стыдъ, и боль неопредѣленныхъ подозрѣній, намековъ и условій, похожихъ на старинное оставленіе *въ подозрѣніи по суду*. Такой именно фильтръ и былъ признанъ необходимымъ составителями Судебныхъ Уставовъ. Позвольте привести ихъ собственныя слова. Они сказали: «съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на установленіе, облеченное властью преданія суду или освобожденія отъ онаго, нельзя не признать, что главное его назначеніе со-

стоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать увлеченіямъ обвинителей и необдуманнымъ дѣйствіямъ слѣдователей, и что устройство его должно быть таково, чтобы установленіе это могло дѣйствовать съ надлежащей энергіей и самостоятельно, не подчиняясь ни мѣстному, ни начальственному вліянію». Этотъ взглядъ раздѣлила и комиссія Статсъ-Секретаря Н. В. Муравьева по пересмотру законоположеній по судебной части. Десять лѣтъ назадъ были закончены ея работы, при чемъ, при обсужденіи вопроса о преданіи суду состоялось мнѣніе большинства 19 членовъ противъ 7, признавшее необходимымъ оставить старый порядокъ преданія суду черезъ Судебныя Палаты, несмотря на то, что собраніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, въ которомъ я имѣлъ честь предсѣдательствовать, и находило въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, что дѣятельность Судебныхъ Палатъ представляется неудовлетворительной. Эта неудовлетворительность была однако восемнадцатью лицами, съ большимъ судебнымъ практикомъ Н. В. Муравьевымъ во главѣ, признана ничтожной сравнительно съ принципіальнымъ значеніемъ дѣятельности того учрежденія, которое будетъ предавать суду. Затѣмъ въ 1901 г., когда была внесена въ Государственный Совѣтъ объяснительная записка къ окончательному разработанному пересмотру Судебныхъ Уставовъ, это мнѣніе 19 членовъ было оставлено втунѣ, и Статсъ-Секретарь Муравьевъ неожиданно для членовъ Комиссіи высказался за установленіе того порядка преданія суду, который намъ предлагается теперь. Я долженъ сознаться, что, отдавая полную справедливость трудовой энергіи тогдашняго Министра Юстиціи и тому, что, вѣроятно, при передѣлкѣ Судебныхъ Уставовъ, обратившейся въ значительной своей части въ ихъ упраздненіе, онъ имѣлъ личныя основанія для того, чтобы круто отказаться отъ принятаго мнѣнія, но все же im grossen und Ganzen никакъ не могу согласиться съ такимъ канцелярскимъ измѣненіемъ постановленія самой Комиссіи. Мы не знаемъ, на чемъ это измѣненіе было основано. Въ представленіи Совѣту Муравьевымъ было сказано, что это измѣненіе послѣдовало на основаніи заключенія *вѣдомствъ*, но какія вѣдомства могли столь кореннымъ образомъ измѣнить

вопросъ о преданіи суду мнѣ представляется неяснымъ? Не Министерство же Государственныхъ Имуществъ такъ глубоко оказалось заинтересовано порядкомъ преданія суду, не Управленія же Государственнаго Коннозаводства или Государственный Контроль нашли нужнымъ, чтобы преданіе суду, не касающееся притомъ должностныхъ лицъ, было организовано именно такъ?!

Теперь намъ предлагается передать преданіе суду прокурорскому надзору съ правомъ обвиняемаго обжаловать Судебной Палатѣ обвинительный актъ прокурора, если съ нимъ обвиняемый несогласенъ. Государственная Дума, соглашаясь съ докладомъ своей Комиссіи, находитъ, что современное построеніе суда этого требуетъ — таково подлинное выраженіе — и что пора покончить съ ревизіоннымъ порядкомъ. Я однако думаю что первое утвержденіе есть въ сущности общее мѣсто, потому что сказать, что современная конструкція суда непремѣнно требуетъ такого порядка, невозможно уже потому, что порядокъ преданія суду, независимый отъ прокуратуры суда, существуетъ въ Англіи, гдѣ предаетъ суду большое жюри, существуетъ во Франціи, гдѣ этотъ институтъ весьма разработанъ и проченъ, и, наконецъ, во всѣхъ романскихъ странахъ, гдѣ принятъ французскій кодексъ судопроизводства. Поэтому, сказать, что современный порядокъ этого требуетъ, я бы не рѣшился. Что же касается того, что пора покончить съ *ревизіоннымъ* порядкомъ, то я думаю, что это выраженіе указываетъ на неясное представленіе о ревизіонномъ порядкѣ. О какомъ ревизіонномъ порядкѣ можетъ итти рѣчь при теперешнемъ положеніи преданія суду? Ревизіонный порядокъ въ Россіи введенъ былъ еще Екатериной Великой и принесъ огромную пользу. Въ нашемъ старомъ судопроизводствѣ важнѣйшія дѣла низшей судебной коллегіи восходили на разсмотрѣніе высшей коллегіи въ силу своего удѣльнаго вѣса, независимо отъ жалобъ сторонъ на состоявшійся приговоръ. Но Судебная Палата по обвинительной камерѣ никакого приговора не постановляетъ и о ревизіи здѣсь нѣтъ и рѣчи. Приговоръ еще впереди. Судебная Палата лишь разсматриваетъ правильность производства слѣдствія. Это не ревизія, а контроль, не-

обходимый хотя бы въ видѣ тѣхъ соображеній, которыя я имѣлъ честь приводить въ началѣ своей рѣчи. Поэтому, обсуждая этотъ проектъ, намъ приходится прежде всего остановиться на вопросѣ о томъ, *желательна ли возможность его осуществленія?*

Господа, я думаю, что меня едва ли можно заподозрить въ отсутствіи уваженія къ судебному вѣдомству и любви, даже нѣжной любви, къ порученному ему дѣлу. Пребываніе въ этомъ вѣдомствѣ я обязанъ свѣтлыми минутами въ своей общественной дѣятельности... Я имѣлъ счастіе пережить *медовый мѣсяцъ* новой судебной дѣятельности, т.-е. введеніе Судебныхъ Уставовъ, такой мѣсяцъ, который никогда въ жизни не забывается. Поэтому я далекъ отъ того, чтобы раздѣлять обычныя близорукія и часто невѣжественныя огульныя нападенія на судебное вѣдомство и на судебныхъ дѣятелей, и знаю, что большинство этихъ благородныхъ тружениковъ исполняетъ съ достоинствомъ и самоотверженіемъ тѣ тяжелыя обязанности, которыя на нихъ лежатъ. Но я не могу отрицать, что съ теченіемъ времени въ судебное дѣло вкрались нѣкоторыя упущенія, а иногда и большія шероховатости и рѣзкія неправильности, закрывать на которыя глаза значило бы дѣйствовать противъ очевидности. И если я на нихъ укажу, то не для обвиненія судебнаго вѣдомства, а лишь для указанія на то, почему нужна Судебная Палата, какъ обвинительная инстанція. Я въ этомъ отношеніи позволю себѣ привести слова знаменитаго духовнаго оратора, митрополита московскаго Филарета: «язвы друга, наносимыя по братолюбію, достовѣрнѣе вольныхъ лобзаній врага». Итакъ, вотъ эти язвы друга. Я спрашиваю себя и васъ: развѣ судебное сословіе со времени введенія судебной реформы, когда считали необходимымъ учрежденіе обвинительныхъ камеръ въ Судебныхъ Палатахъ, улучшилось? Стали ли суды лучше, стала ли молодежь, которая ведетъ судебное дѣло въ первыхъ стадіяхъ, болѣе сдержанной, болѣе владѣющей собой? Возможность увлеченія односторонностью исчезла ли? Я думаю, нѣтъ! Судебные Уставы нынѣ представляютъ собой нарядъ, на которомъ очень много заплатъ, пришитыхъ часто неумѣлой и не всегда доброжелательной рукой. Такія же заплаты оказываются и въ дѣятельности судебныхъ чиновъ.

Поэтому сказать, что нынѣ можно не опасаться того, чего опасались составители Судебныхъ Уставовъ, не представляется никакихъ основаній. Опасеніе можетъ существовать и нынѣ и несомнѣнно даже большее, чѣмъ въ свѣтлые, радостные годы осуществленія судебной реформы. Намъ говорятъ, что является *необходимость* такой реформы. Посмотримъ, существуетъ ли эта необходимость, подкрѣпляемая при томъ основательностью того, что предлагается. Намъ указывается на то, что въ Судебныхъ Палатахъ дѣла разсматриваются чрезвычайно медленно, что арестанскія дѣла лежатъ въ Палатѣ отъ 21 дня до 1 мѣсяца и 24 дней, и что отмѣняется въ среднемъ Палатами только 4% прокурорскихъ актовъ, т. е. около 1.080 изъ 27.000 въ среднемъ, которые восходятъ на ихъ разсмотрѣніе. Но что же изъ этого? Развѣ отмѣна Палатами и замѣна своими опредѣленіями обвинительныхъ актовъ прокурорскаго надзора составляютъ исключительную функцію Судебныхъ Палатъ? А сколько обвинительныхъ актовъ, которые, разсмотрѣвъ и провѣривъ, Судебная Палата признаетъ правильными! Несомнѣнно, что разъ Палаты отмѣняютъ акты по 1.080 дѣламъ въ годъ, и замѣняютъ своими опредѣленіями, то уже по самому скромному счету надо признать, что въ три раза больше такихъ дѣлъ, по которымъ онѣ утверждаютъ обвинительные акты сознательно и обдуманно. Нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній говорить, что Судебная Палата разсматриваетъ внимательно исключительно тѣ дѣла, по которымъ состоялась отмѣна или измѣненіе ею обвинительнаго акта прокурора, а остальныя дѣла она не разсматриваетъ. Вѣдь это была бы какая-то лотерея! Очевидно, она разсматриваетъ и остальныя дѣла, можетъ-быть, не всегда и не всѣ достаточно подробно, но не надо забывать, что до доклада дѣла въ Палатѣ обвинительный актъ уже проходитъ чрезъ контроль прокуратуры Палаты.

Затѣмъ можно ли сказать, что забота объ ускореніи производства должна быть пріурочена именно къ Судебнымъ Палатамъ? Припомните, господа, какъ тянутся у насъ предварительныя слѣдствія годами и мѣсяцами. Вотъ гдѣ лежитъ первоначальная и весьма важная причина отсутствія обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей даже при сознаніи обвиняемыхъ. При-

помните затѣмъ то, что даже и когда преданіе суду будетъ весьма поспѣшнымъ — Судъ по существу въ большинствѣ случаевъ, въ 80% изъ 100, долженъ слушать дѣла на выѣздныхъ сессіяхъ въ уѣздахъ, а выѣздныя сессія въ каждый уѣздъ бываютъ 4 раза въ годъ, самое большее 6 разъ въ годъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, между каждой сессіей проходитъ 2 мѣсяца, въ которые дѣло, поступившее въ судъ, лежитъ, ибо его можно назначить къ слушанію лишь въ ближайшую сессію. Слѣдовательно, если стремиться устранить медленность, то надо ее устранить въ этомъ отношеніи, т. е. испрошеніемъ новаго кредита на увеличеніе судебнаго состава, на увеличеніе числа судебныхъ слѣдователей. Указаніе на эти мѣры къ сокращенію медленности не расшатываетъ никакого принципа, тогда какъ намъ предлагаютъ затронуть начало отдѣленія возбужденія слѣдствія отъ преданія суду, начало, которое всегда считалось однимъ изъ весьма серьезныхъ. Намъ скажутъ на это: «да, но для этого нужны матеріальныя средства». Что же дѣлать, подождемъ, когда ихъ дадутъ, но только будемъ ждать громогласно и нетерпѣливо, памятуя слова Бентама, что *дешевый* судъ *дорого* обходится народу.

Взглянемъ затѣмъ, на *цѣлесообразность* проектированнаго порядка. Очевидно, что послѣ введенія его будетъ два рода лицъ, для которыхъ будетъ возникатъ вопросъ о преданіи ихъ суду. Это, *во-первыхъ*, будутъ тѣ, кто пожелаетъ обжаловать обвинительный актъ и, *во-вторыхъ*, такіе, которые не пожелаютъ его обжаловать. Посмотримъ на тѣхъ, которые не пожелаютъ обжаловать обвинительный актъ. Такими могутъ быть, по большей части, тѣ темные люди, до сихъ поръ встрѣчаемые въ нашемъ простомъ народѣ, которые считаютъ, что судъ есть кара Божія, которой надо безропотно подчиняться, по пословицѣ: «отъ сумы и тюрьмы не отказывайся», которые говорятъ судьямъ съ поклономъ: «судите по правдѣ, по Божью, — ваша воля!» — вообще тѣ, кому судъ представляется учрежденіемъ, съ которымъ бороться нельзя, одновременно и стыдясь, и страшась пребыванія «въ такомъ мѣстѣ». Какія же гарантіи предоставляетъ имъ существующій нынѣ законъ? На основаніи статей 531 и 532 Устава

Уголовнаго Судопроизводства дѣло въ Палатѣ слушается такъ, что членъ-докладчикъ излагаетъ словесно поводъ, по которому возникло дѣло, и всѣ слѣдственныя дѣйствія, при чемъ обращаетъ вниманіе на соблюденіе существенныхъ обрядовъ и формъ и прочитываетъ въ подлинникѣ протоколы, имѣющіе важное въ дѣлѣ значеніе; затѣмъ прокуроръ Судебной Палаты читаетъ заключеніе мѣстнаго прокурора и объясняетъ свой собственный взглядъ на дѣло, предлагая при этомъ и окончательный свой выводъ. Вѣроятно, по дѣламъ несложнымъ, яснымъ и простымъ, можетъ быть, кое-что изъ этой процедуры не исполняется, но, во всякомъ случаѣ, по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ не только предсѣдатель обвинительной камеры, но и каждый членъ Палаты могутъ потребовать, чтобы этотъ порядокъ былъ исполненъ, для того, чтобы сознательно подать свой голосъ и постановить свое рѣшеніе. При этомъ мы имѣемъ два прокурорскихъ заключенія: мѣстный товарищъ прокурора написалъ обвинительный актъ, его читаетъ прокуроръ Палаты и затѣмъ излагаетъ свое мнѣніе. И такъ — два лица прокурорскаго надзора, высказывающихъ свои мнѣнія иногда взаимно противоположныя и освѣщающія дѣло съ разныхъ сторонъ. Этотъ порядокъ замѣняется по проекту тѣмъ, что Окружной Судъ по обвинительнымъ актамъ, внесеннымъ въ смыслѣ преданія суду, разсматриваетъ, заключаются ли въ дѣяніи, приписываемомъ обвиняемому, признаки преступленія, подсудно ли дѣло суду и направлено ли оно въ надлежащемъ порядкѣ. Спрашивается, гдѣ же *провѣрка формъ и обрядовъ судопроизводства*, гдѣ контроль надъ тѣмъ, правильно ли произведено самое слѣдствіе, не были ли нарушены существенныя права обвиняемого, не было ли невольнаго пристрастія, односторонности? Вѣдь можно приписать обвиняемому преступленіе на основаніи не только шаткихъ и непровѣренныхъ данныхъ, но и на основаніи невѣрныхъ выводовъ, несогласныхъ съ истиннымъ смысломъ фактовъ. Судебная хроника всѣхъ странъ богата такими примѣрами. Судъ же теперь будетъ разсматривать лишь обвинительный пунктъ и рѣшать, правильно ли подведена въ немъ статья Уголовнаго Уложенія, а до того, *изъ чего выведенъ* этотъ обвинительный пунктъ — онъ и касаться не долженъ! А

между тѣмъ, это болѣе чѣмъ важно, потому что слѣдствіе можетъ представить большія нарушенія не только правъ обвиняемаго, но и правъ правосудія. Я, изъ моей 12-ти лѣтней практики Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, могъ бы привести не одно такое дѣло, гдѣ Судебная Палата должна была уничтожить извѣстныя слѣдственныя дѣйствія для того, чтобы они никакого слѣда для судебнаго разбирательства не оставили и не могли пустить какихъ-нибудь ростковъ въ судебномъ засѣданіи, откуда ихъ слѣдуетъ вырвать съ корнемъ. Достаточно вспомнить дѣло несчастной дѣвушки, на честь которой было сдѣлано покушеніе однимъ нотаріусомъ въ Москвѣ, при чемъ, по свидѣтельству небрежнаго или преступнаго полицейскаго врача, она была признана давно уже знакомой съ половыми сношеніями и слѣдовательно шантажисткой и чуть не проституткой. Въ отчаяніи она застрѣлилась на паперти храма Спасителя, и, когда ея трупъ вскрыли, то оказалось, что она цѣломудренна и невинна. Когда началось слѣдствіе по этому поводу, оказалось, что эта дѣвушка попала въ обстановку, гдѣ можно было съ удобствомъ покуситься на ея честь, подъ вліяніемъ ея увлеченія и восторга, вызванныхъ въ ней успѣшнымъ дебютомъ въ спектаклѣ любителей. Слѣдователь вызвалъ трехъ извѣстныхъ московскихъ артистокъ и въ томъ числѣ знаменитую Ермолову для того, чтобы допросить, что онѣ чувствовали при первомъ своемъ дебютѣ и были ли бы послѣ него въ состояніи сопротивляться, оставшись лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, обладающимъ предпріимчивостью обвиняемаго. На второй вопросъ онѣ съ справедливымъ возмущеніемъ отказались отвѣчать. Судебная Палата уничтожила всѣ эти протоколы нелѣпаго допроса. Вспоминается дѣло дѣвушки, которая застрѣлила студента, съ которымъ находилась въ связи. Здѣсь, увлекаясь желаніемъ разъяснить личность подсудимой всевозможными фактами изъ ея жизни, хотя она не отрицала ни того, что застрѣлила своего возлюбленнаго, ни того, что дѣйствовала сознательно, слѣдователь произвелъ изслѣдованіе о всѣхъ ея связяхъ въ теченіе 10 лѣтъ до совершенія преступленія, при чемъ для того, чтобы уяснить, была ли она въ корыстной связи съ однимъ негоціантомъ въ Одессѣ, были раз-

смотрѣны его торговыя книги, которыя составляютъ по закону торговую тайну. Судебная Палата уничтожила всю эту часть производства, какъ совершенно не относящуюся къ составу преступленія и нарушающую положительное предписаніе закона. Такихъ дѣлъ можно указать немало. Бывали случаи, когда, въ увлеченіи тѣмъ творчествомъ, о которомъ я говорилъ, у слѣдователя и у прокурора являлось, сверхъ желанія собирать данныя о преступленіи, желаніе возсоздавать, прежде всего образъ преступника какъ человѣка, вырисовать его во всѣхъ его отношеніяхъ и, такъ сказать, приготовить его, извините за выраженіе, «въ собственномъ соку» — и тогда предпринималось изслѣдованіе всего его прошлаго. У насъ въ Правительствующемъ Сенатѣ было дѣло, гдѣ по обвиненію женщины въ присвоеніи якобы рожденному ею ребенку непринадлежащихъ ему правъ состоянія, судебный слѣдователь, зная, что протоколы полиціи не могутъ быть прочитаны на судѣ, а читаются только протоколы осмотровъ, обысковъ и выемокъ, разсмотрѣлъ въ управленіи сыскной полиціи дѣла и переписки объ этой женщинѣ за 20 лѣтъ и составилъ протоколъ о разсмотрѣніи этихъ дѣлъ съ изложеніемъ ихъ содержанія, а затѣмъ на судѣ прокуроръ потребовалъ прочтенія этого протокола, и женщина, которая сама по себѣ, вѣроятно, была виновата въ ясно доказанномъ преступленіи, въ теченіе судебнаго слѣдствія была обливаема грязью изъ такой области своего прошлаго, которая не имѣла ничего общаго съ тѣмъ дѣломъ, по которому она судилась. Такія увлеченія возможны, и не надо думать, что они дѣлаются съ дурнымъ намѣреніемъ. Здѣсь является творчество, а такъ какъ на помощь творчеству приходитъ власть, возможность потребовать, возможность привлечь, заставить, принудить, то это становится для правосудія опаснымъ. Что же предлагаетъ новая статья 527? Она контроль обвинительной камеры надъ правильностью дѣйствій судебнаго слѣдователя устраняетъ, и его не будетъ существовать для лицъ, которыя не жалуются, а поэтому эти не жалующіеся явятся обездоленными и въ правовомъ, и въ житейскомъ смыслѣ. Напомню еще разъ и о томъ, что двойное заключеніе прокуратуры здѣсь тоже исчезаетъ, а между тѣмъ вѣдь это

въ высшей степени важно. Надо замѣтить, что обвинительные акты товарища прокурора Окружного Суда разсматриваются товарищами прокурора Палаты и всякій судебный дѣятель знаетъ, какая масса обвинительныхъ актовъ поступаетъ въ Палату съ обвинительнымъ пунктомъ, измѣненнымъ рукою товарища прокурора Палаты.

Наконецъ, нельзя упускать и *мѣстныхъ условій*. Въ этомъ отношеніи важны мотивы самой Государственной Думы, которая говоритъ слѣдующее: «наконецъ, возложеніе преданія суду на прокурорскій надзоръ встрѣчаетъ серьезныя препятствія въ нашихъ бытовыхъ условіяхъ. Близость прокурорскаго надзора къ мѣстной жизни, въ особенности въ провинціи, съ присущей ей борьбой партій и страстей можетъ сама по себѣ поставить должностное лицо въ крайне затруднительное, а нерѣдко въ весьма щекотливое положеніе при осуществленіи важной обязанности преданія суду». Что же можно къ этимъ словамъ добавить еще? Наконецъ, необходимость сознанія товарищами прокурора, что есть начальство, которое провѣритъ ихъ работу, чего не минуетъ ни одинъ обвинительный актъ, должна дѣйствовать весьма спасительно на правильность ихъ дѣятельности. По этому поводу въ нашей Комиссіи законодательныхъ предположеній было сказано, что отъ суда всегда зависитъ исправить неправильную квалификацію товарища прокурора. Я не могу съ этимъ согласиться. Вѣдь, по статьѣ 754 Устава Уголовнаго Судопроизводства, Судъ обязанъ поставить главный вопросъ по обвинительному акту и можетъ лишь второй вопросъ поставить измѣненнымъ, но первый вопросъ всегда ставится согласно обвинительному акту. Если мы прибавимъ, что дѣло можетъ слушаться въ средѣ, гдѣ юридическія понятія недостаточно развиты, а руководящее напутствіе предсѣдателя недостаточно вразумительно, то станетъ очевиднымъ, что первый вопросъ можетъ играть огромное значеніе. Что же касается ошибокъ прокуратуры въ квалификаціи, то я опять сошлюсь на свою практику въ Правительствующемъ Сенатѣ. Тѣ изъ присутствующихъ здѣсь лицъ, съ которыми я имѣлъ честь дѣлить трудность кассаціонной дѣятельности, конечно, припомнятъ дѣло, гдѣ товарищъ прокурора, *поддержи-*

вавшій обвиненіе и требовавшій наказанія для Воронежскаго помѣщика Лутовинова, обвинявшагося въ томъ, что онъ печаталъ свои собственные кредитные билеты и раздавалъ ихъ мѣстнымъ рабочимъ для уплаты въ содержимую имъ потребительскую лавку, гдѣ эти билеты принимались съ учетомъ 20%, — когда состоялось обвиненіе, принесъ кассаціонный протестъ, въ которомъ беззастѣнчиво доказывалъ, что въ дѣяніи Лутовинова *нѣтъ признаковъ преступленія*. Поэтому я думаю, что тѣ, которые согласятся не жаловаться на обвинительный актъ, не требовать переноса его въ Судебную Палату, будутъ рисковать многимъ, да и правосудіе будетъ рисковать не малымъ. Говорятъ, что это будутъ сознающіеся въ преступленіи, ибо на судѣ сознается, какъ извѣстно, одна треть. Но, господа, прежде всего намъ неизвѣстна цифра тѣхъ, которые сознаются на *предварительномъ слѣдствіи*. Слѣдовательно, цифра сознавшихся на *судѣ* намъ ничего не говоритъ. Кромѣ того сознаніе подсудимаго на Судѣ вовсе не есть признакъ, по которому можно сказать, что нечего предварительно разбирать вопросъ о виновности въ цѣляхъ рѣшенія — предавать ли суду? Я, какъ старый судебный дѣятель, по опыту, скажу, что именно при собственномъ сознаніи и слѣдуетъ искать уликъ и доказательствъ преступленія. Когда я былъ прокуроромъ Окружного Суда,—а былъ я имъ долго, — если мнѣ приходилось обвинять человѣка сознавшагося, я всегда говорилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что я не буду касаться этого сознанія и буду доказывать виновность подсудимаго другими доказательствами, независимо отъ его сознанія. Дѣлалъ я это потому, что, зная жизнь, я понималъ, что сознаніе подсудимаго имѣетъ цѣлый рядъ видовъ: человѣкъ можетъ сознаться въ меньшемъ для того, чтобы избѣгнуть отвѣтственности за большее, — напримѣръ, обвиняясь въ умышленномъ убійствѣ, говорить, что онъ признаетъ себя виновнымъ въ убійствѣ, совершенномъ въ запальчивости и раздраженіи; — онъ можетъ сознаться въ преступленіи и для того, чтобы спасти близкихъ и дорогихъ лицъ, которыя въ дѣйствительности являются виновными; — онъ можетъ сознаться въ преступленіи подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма. Мы знаемъ цѣлый рядъ случаевъ, когда

раскольники мрачныхъ сектъ сознавались въ несовершенныхъ ими преступленіяхъ, для того, чтобы «пріять страданіе» и этимъ самымъ получить вѣнецъ мученическій. Припомните громкій процессъ Мироновича, обвиняемаго въ убійствѣ Сарры Беккеръ, въ которомъ Семенова мѣняла четыре раза свое сознаніе, или недавній парижскій процессъ Стенель, тоже три раза существенно мѣнявшей свои показанія. Наконецъ, нерѣдко сознаніе направлено на то, чтобы толкнуть судебную власть на ложный путь, заставить ее уйти съ вѣрной дороги и потерять нить правильно начатаго изслѣдованія. Указывается на Венгерскій кодексъ и на два случая, когда дѣло безусловно идетъ безъ обряда преданія суду, а именно когда сознаніе согласно съ обстоятельствами дѣла, и когда человѣкъ застигнутъ на мѣстѣ совершенія преступленія. Но, господа, это теоретическія положенія! Во-первыхъ, что значитъ — согласно съ обстоятельствами дѣла? Простите, если я припомню нашего знаменитаго сатирика Щедрина, у котораго человѣкъ, обвиняемый въ кражѣ, услышавъ, что присяжнымъ ставится вопросъ — согласно ли съ обстоятельствами дѣла онъ совершилъ кражу? — восклицаетъ: Боже мой! да когда же можно украсть *несогласно* съ обстоятельствами дѣла? А что касается до застигнутаго на мѣстѣ преступленія, то недаромъ надпись въ старомъ венеціанскомъ судѣ гласила Ricordatevi del povero fornaro (вспомните о несчастномъ мельникѣ), вызванная тѣмъ, что на мѣстѣ преступленія былъ схваченъ мельникъ, съ окровавленнымъ ножемъ, осужденъ и казненъ, а затѣмъ оказалось, что преступленіе совершилъ не онъ, но что, увидѣвъ умирающаго, онъ выхватилъ изъ раны ножъ, думая помочь, и затѣмъ былъ взятъ, не взирая на всѣ свои оправданія, и осужденъ. Но намъ не предлагаютъ и того, что есть въ Венгерскомъ кодексѣ.

Намъ говорятъ, что пройти чрезъ обрядъ преданія суду будетъ зависѣть совершенно отъ обвиняемаго, т.-е. отъ усмотрѣнія обвиняемаго: захочетъ онъ — пойдетъ въ Судебную Палату, не захочетъ — не пойдетъ, на то его добрая воля. Господа, я думаю, что нельзя объемъ дѣятельности цѣлаго учрежденія регулировать желаніемъ отдѣльной личности, личнымъ усмотрѣніемъ

частнаго лица. Къ чему же приведетъ этотъ проектъ при его практическомъ осуществленіи, когда мы не будемъ никогда впередъ знать даже приблизительно, даже по статистическимъ даннымъ, сколько дѣлъ пойдетъ въ Судебную Палату, т.-е. сколько обвиняемыхъ захотятъ, чтобы дѣла ихъ разбирались въ обвинительной камерѣ и сколько не захотятъ? Очевидно, что дѣятельность цѣлаго учрежденія, и притомъ такого важнаго, по взгляду Судебныхъ Уставовъ, учрежденія, ставитъ въ зависимость отъ такого колеблющагося начала, едва ли возможно. Предположимъ, однако, что обвиняемые, сознавшіеся или желающіе сознаться на судѣ, не будутъ возражать, но вѣдь такихъ одна треть. Итого изъ 27.000 дѣлъ разсмотрѣнію Палаты будутъ все-таки подлежать 18.000. Взявъ всю сумму въ 18.000, раздѣливъ все между 9 палатами, гдѣ есть обвинительныя камеры, считая въ каждой пять докладчиковъ, мы возложимъ по 33 дѣла въ мѣсяцъ на каждаго. Но это не такой трудъ, чтобы они не могли внимательно и серьезно разсмотрѣть эти дѣла. Сошлюсь на Уголовный Кассаціонный Департаментъ Сената. Въ Кассаціонномъ Департаментѣ каждый изъ насъ докладывалъ и теперь, вѣроятно, докладываетъ по 12 дѣлъ въ недѣлю, слѣдовательно 48 дѣлъ въ мѣсяцъ, не считая Департаментскихъ и апелляціонныхъ дѣлъ, и мы, слава Богу, остались живы и не особенно плакались на свою судьбу.

Теперь возьмемъ вторую категорію предаваемыхъ суду — которые обжалуютъ обвинительные акты. Во-первыхъ, для нихъ срокъ ихъ постановки предъ судомъ увеличивается на одну недѣлю или болѣе. — Почему — это, вѣроятно, при постатейномъ обсужденіи скажетъ Н. Н. Шрейберъ, такъ какъ у него этотъ вопросъ подробно разработанъ, и я не буду утруждать имъ вашего вниманія. Тѣ же прокуроры Палатъ и старшіе предсѣдатели, которые собирались въ 1895 г. въ Петербургѣ, чтобы разсуждать о дѣятельности Судебныхъ Палатъ, говорили, что такой порядокъ разовьетъ ябедничество, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народъ привыкъ къ сутяжничеству, какъ, напримѣръ, въ Западномъ краѣ, гдѣ всякій непремѣнно будетъ жаловаться, такъ что новый законъ будетъ въ сущности тщетнымъ и

цѣли не достигнетъ. Нельзя не принять во вниманіе этихъ соображеній, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ примѣръ этого: въ Судебныхъ Уставахъ было установлено заявленіе неудовольствія на приговоры мировыхъ судей, заявляемое на словахъ, безъ всякихъ мотивовъ. Въ 1886 г., согласно съ моимъ представленіемъ Министру Юстиціи, Государственный Совѣтъ отмѣнилъ это право заявлять неудовольствіе и число дѣлъ, поступающихъ въ мировые съѣзды по апелляціи, въ значительной степени уменьшилось. Теперь это сводится въ сущности къ тому же: мы опять даемъ право заявлять неудовольствіе только не на приговоръ мирового судьи, а на обвинительный актъ прокурора Окружнаго Суда. Затѣмъ, если стоять на житейской точкѣ зрѣнія, припомнимъ и слѣдующее. Вѣдь дѣло идетъ, конечно, о подсудимыхъ, содержащихся подъ стражей, потому что для тѣхъ, которые не содержатся подъ стражей, эти 22-24 дня, въ сущности, составляютъ неважную вещь. А вотъ содержащійся подъ стражей, въ виду свойства нашихъ мѣстъ заключенія, пребываетъ въ особаго рода академіи, которую можно назвать и академіей наукъ, и академіей искусства, потому что его здѣсь научатъ, и какъ слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы избѣгать кары, и научатъ способу, какимъ нужно дѣйствовать. Опытные преподаватели, сотоварищи по заключенію, конечно, будутъ говорить: «жалуйся на обвинительный актъ, пусть онъ пойдетъ въ Судебную Палату; ты изъ-за этого просидишь самое большое мѣсяцъ и 24 дня, но не забудь, что вѣдь это засчитается въ приговорѣ; слѣдовательно, ты ничего не потеряешь, если тебя осудятъ, а если тебя не осудятъ, то тогда, конечно, это въ значительной степени будетъ зависѣть и отъ указаній твоего защитника; зачѣмъ же изъподъ него вынимать такого борзаго коня, какъ возможность ѣздить передъ присяжными засѣдателями на томъ, что вотъ молъ этотъ несчастный обвиняемый просидѣлъ много напраснаго времени въ предварительномъ заключеніи, значитъ онъ, во всякомъ случаѣ, уже отбылъ наказаніе, отстрадалъ. Такъ что, и такъ и этакъ — тебѣ будетъ выгодно жаловаться и пусть дѣло идетъ въ Судебную Палату». Вотъ что будетъ практиковаться. Нельзя отрицать того, что едва ли кто-нибудь охотно согласится ска-

зать: «ну судите меня, я не буду возражать». Вѣдь дѣло въ томъ, что еще нашъ извѣстный криминалистъ Спасовичъ говорилъ, что надежда никогда не покидаетъ обвиняемаго: когда онъ совершилъ преступленіе, онъ надѣется скрыть слѣды; когда слѣды открыты, онъ надѣется, что его не заподозрятъ; когда его заподозрѣли, онъ надѣется, что его не отдадутъ подъ судъ; когда его предадутъ суду, онъ надѣется, что его оправдаютъ; когда его не оправдали, онъ надѣется, что онъ будетъ помилованъ. И одно изъ звеньевъ этой цѣпи надеждъ есть надежда на то, что его не предадутъ суду. Притомъ что значитъ, собственно говоря, сознаніе на судѣ? Изъ англійской практики, которая, конечно, для насъ служитъ все же руководящимъ примѣромъ, мы знаемъ, какъ это надо понимать. Знаменитый англійскій судья, баронъ Поллокъ, обращаясь къ подсудимому, спросилъ его: признаете вы себя виновнымъ? Тотъ сказалъ: да, признаю. Тогда этотъ настоящій, типичный англійскій юристъ сказалъ ему: постойте, я васъ спрашиваю не о томъ, считаете ли вы себя, въ глубинѣ своей души, виновнымъ, а о томъ, признаете ли вы всѣ собранныя противъ васъ доказательства настолько неопровержимыми, чтобы не имѣть возможности возражать на нихъ? подумайте! Подсудимый подумалъ и сказалъ: нѣтъ, я себя въ такомъ случаѣ виновнымъ не нахожу. Онъ былъ судомъ оправданъ, и тогда судья сказалъ ему: вы оправданы, но совѣтую вамъ въ другой разъ не садиться на эту скамью... Значитъ, улики, доказательства важны, а не собственное признаніе. Палаты будутъ, въ сущности, обременены попрежнему; во всякомъ случаѣ, въ нихъ будетъ не менѣе двухъ третей дѣлъ, поступающихъ нынѣ. Поэтому, едва ли можно говорить о необходимости измѣненія порядка преданія суду, установленнаго Судебными Уставами, только для того, чтобы облегчить Судебныя Палаты. Что значитъ *обремененіе* Судебныхъ Палатъ? Я позволю себѣ вамъ указать, что Судебныя Палаты находятся наканунѣ реформы и при томъ не принципіальной реформы, а реформы внутренняго судопроизводства, которая весьма желательна и которую надо будетъ привѣтствовать. Въ проектѣ, который представленъ былъ статсъ-секретаремъ Муравьевымъ Государ-

ственному Совѣту — вводятся присяжные особаго состава, которые будутъ при Окружныхъ Судахъ обсуждать всѣ тѣ дѣла, которыя разсматриваются теперь въ Судебныхъ Палатахъ съ сословными представителями. Такимъ образомъ, отъ Судебныхъ Палатъ отпадетъ сразу огромная масса дѣлъ, и дѣятельность ихъ облегчится. А затѣмъ, будемъ надѣяться, что, наконецъ, мы будемъ имѣть законъ о печати, и этотъ законъ будетъ основанъ на разумныхъ началахъ, на томъ, что нѣмцы называютъ objectiv-verfahren, т.-е. будетъ судиться не человѣкъ за идею, которая имъ высказана, а книга, за то, что въ ней высказано, и, слѣдовательно, опять-таки производство упростится до крайности. Поэтому, обремененіе Судебныхъ Палатъ въ будущемъ можетъ измѣниться и помимо той радикальной реформы, о которой мы говоримъ.

Мнѣ остается сказать послѣднее, а именно, о допущеніи защиты. Я долженъ сознаться, что принципіально я этому вполнѣ сочувствую и думаю, что защита, допускаемая въ разныхъ стадіяхъ процесса, желательна для самого правосудія. Зачатки ея уже есть у насъ: статья 504 Устава Уголовнаго Судопроизводства говоритъ, что обвиняемый, который недоволенъ дѣйствіями слѣдователя, имѣетъ право на его дѣйствія и постановленія принести жалобу въ Окружной Судъ, и тогда судъ, при разсмотрѣніи его жалобы, обязанъ его вызвать и выслушать его объясненія. Вообще говоря, при разрѣшеніи вопроса о преданіи суду, защита умѣстна. Достаточно указать на то, что лѣтъ 10 тому назадъ въ судебномъ вѣдомствѣ господствовала практика весьма нежелательная. Судебные слѣдователи по серьезнымъ дѣламъ производили дѣло такъ: они привлекали человѣка, какъ *обвиняемаго* только въ самомъ концѣ производства, состоящаго иногда изъ четырехъ-пяти томовъ. Допрашивалась масса свидѣтелей, производились допросы, осмотры, экспертизы, а обвиняемый все не привлекался и, наконецъ, ему сразу предъявлялись цѣлые томы, которые поражали его своимъ содержаніемъ, онъ терялся, не могъ сразу сообразить, что надо представить въ свое оправданіе, затѣмъ колесо поворачивалось, и дѣло шло къ прокурору Окружного Суда, который даже и копій съ протоколовъ слѣдствія выдавать

не обязанъ. Въ виду этого, весьма желательно, чтобы къ судебному производству были привлечены лица, которыя, спокойно разсмотрѣвъ дѣло, могли бы сказать: вотъ чѣмъ надобно это дѣло дополнить, вотъ какія дѣйствія были произведены безъ обвиняемаго, и онъ ничего не зналъ о нихъ и не могъ представить своевременно своихъ объясненій, своего оправданія. Но если вводить защиту въ Судебную Палату, то надо, во всякомъ случаѣ, разработать проектъ о ней иначе и болѣе обстоятельно, чѣмъ это сдѣлала Государственная Дума, а именно: во-первыхъ, надо его разработать болѣе подробно и — во вторыхъ — болѣе справедливо, потому что, напримѣръ, согласно со второй частью статьи 529 проекта, участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ или ихъ повѣреннымъ посылается объявленіе о днѣ слушанія дѣла въ Судебной Палатѣ по адресу, указанному въ мѣстѣ постояннаго пребыванія Палаты. Господа, вѣдь это привилегія для богатыхъ, очевидная привилегія для тѣхъ, которые могутъ пригласить защитника и послать его въ мѣстопребываніе Палаты. Но масса, но 99% обвиняемыхъ — людей не богатыхъ, а часто нищихъ, голодныхъ и холодныхъ, этой возможности не имѣетъ. Очень красиво звучитъ правило о защитѣ въ Судебной Палатѣ, но оно ничего не говоритъ тому обвиняемому, котораго нашъ народъ привыкъ называть «несчастнымъ»: онъ остается несчастнымъ, обездоленнымъ и при красивомъ правилѣ. Затѣмъ мнѣ кажется, что тутъ возникнутъ многіе практически очень трудные вопросы. Что предпринять для всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ защитника, а сами пожелаютъ представить свои объясненія въ Палатѣ, и содержатся при томъ подъ стражею? — Представлять ихъ въ Судебную Палату всѣхъ, со всего округа, наполнять и переполнять мѣстные тюремные замки, для того, чтобы эти обвиняемые могли представить свои объясненія въ обвинительной камерѣ? Это большое затрудненіе, этотъ вопросъ очень важный, и надо обдумать его серьезно. Я не говорю, что этого совершенно невозможно сдѣлать, но это надо сдѣлать въ особомъ проектѣ, весьма внимательно разработанномъ. И, наконецъ, допущеніе защиты въ Судебной Палатѣ должно быть связано органически съ допущеніемъ защиты и на предварительномъ слѣдствіи, потому что иначе это будетъ, такъ сказать,

кусокъ, вырванный изъ процесса, не связанный ни съ чѣмъ другимъ. Это нужно сдѣлать послѣдовательно, т.-е. чтобы была защита на предварительномъ слѣдствіи при заключеніи слѣдствія, а затѣмъ тогда естественно можетъ явиться защита и въ Судебной Палатѣ. Въ томъ видѣ, какъ это нынѣ предлагается, мнѣ кажется, оно недостаточно обосновано и не представляетъ собой такихъ твердыхъ началъ, чтобы можно было себѣ ясно представить этотъ новый порядокъ, вводящій извѣстнаго рода неравномѣрность по отношенію къ большинству населенія. Вотъ, господа, все, что я имѣлъ сказать по этому поводу, извиняясь, что васъ такъ долго задержалъ, но насъ, старыхъ судебныхъ чиновъ, вопросъ о Судебныхъ Уставахъ касается самымъ живымъ образомъ. Судебные Уставы — кусокъ нашей жизни, это — надежды нашей юности, это — утѣшительное воспоминаніе въ наши преклонные годы. Думаю, что проектъ этотъ, несмотря на побужденія, которыя его вызвали, едва ли можетъ быть принятъ; къ нему опять примѣнимы слова митрополита Филарета, сказавшаго, что «не надо обращать перестроеніе въ разрушеніе». Мнѣ кажется, что это именно такое перестроеніе, которое грозитъ разрушеніемъ одному изъ основныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ. Поэтому, я предлагаю этотъ проектъ отклонить.

Считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу выслушанной нами защиты законопроекта со стороны Н. С. Таганцева. Наша культура во многомъ, дѣйствительно, отличается отъ западной. Поэтому нашъ порядокъ преданія суду, какъ думается оратору, долженъ быть не тѣмъ, какимъ онъ является на Западѣ. Климатическія, географическія, историческія и политическія условія наши и западнойй Европы весьма различны. Да! я съ этимъ совершенно согласенъ, но не надо забывать, что географическія различія съ каждымъ днемъ движенія впередъ человѣчества въ культурномъ смыслѣ уменьшаются; желѣзныя дороги распространяютъ свою сѣть и средства сообщенія и сношеній становится болѣе удобными. Что касается до условій бытовыхъ и историческихъ, то на Западѣ личность отдѣльнаго че-

ловѣка давно привыкла бороться за свои права, и ни одинъ англичанинъ, французъ и даже нѣмецъ не остановится въ нѣмомъ безсиліи предъ своимъ преданіемъ суду, если онъ имѣетъ возможность обжаловать предположенія обвиненія и защищать свои права. Совсѣмъ не то у насъ. Въ нашей исторической жизни сложились извѣстнаго рода безправіе и юридическая безпомощность русскаго человѣка и поэтому теперь само государство должно заботиться о томъ, чтобы приходить къ нему своевременно на помощь, обставляя его такими гарантіями, чтобы и помимо его собственнаго желанія, можно было ограждать его права и указывать способы для ихъ защиты. Исторія основныхъ положеній Судебныхъ Уставовъ по вопросу о преданіи суду дѣйствительно представляетъ большинство всего 15 голосовъ противъ 14. Но дѣло не въ количествѣ, а въ томъ, что именно говорили тѣ пятнадцать, которые однимъ голосомъ составили большинство. Они говорили, что въ случаяхъ, *не подлежащихъ сомнѣнію*, дѣло не должно итти въ обвинительную камеру. Но кто же рѣшаетъ, возбуждаетъ ли извѣстный случай сомнѣнія или нѣтъ? Очевидно, прокурорскій надзоръ, т.-е., слѣдовательно, то лицо, которое начинаетъ преслѣдованіе и ведетъ его подъ своимъ надзоромъ; — оно же должно рѣшать и вопросъ — возбуждаетъ ли въ немъ то, въ чемъ оно само участвовало, что оно создавало и разрабатывало, серьезныя сомнѣнія. Уже съ этой точки зрѣнія — установлять такой порядокъ было бы непрактично. Затѣмъ, въ Палату согласно тому же мнѣнію, не должны были итти дѣла, по которымъ существуютъ доказательства, документы и собственное сознаніе. Я уже говорилъ о значеніи собственнаго сознанія. Что значатъ документы и доказательства? Вѣдь это, такъ сказать, отзвукъ стараго судопроизводства, которое дѣлило доказательства на совершенныя и несовершенныя, требовало формальныхъ доказательствъ и устраняло безусловно свидѣтельство явныхъ прелюбодѣевъ, — людей, портившихъ тайно межевые знаки, — и иностранцевъ, поведеніе которыхъ неизвѣстно. Вотъ съ какими доказательствами приходилось имѣть дѣло суду. Во всякомъ случаѣ существованіе объективныхъ основаній для преданія суду должно быть признаваемо не однимъ человѣкомъ, а цѣлой коллегіей.

Пятнадцать человѣкъ находили, что преданіе суду черезъ обвинительную камеру повлекло бы за собой отягощеніе земствъ, обязанныхъ содержать тюрьму. Но въ настоящее время это уже отягощеніе казны, а не земствъ. Мнѣ кажется, что это отягощеніе въ сущности совершенно фиктивное, ибо если бы намъ говорили, что уничтоженіе обвинительной камеры уменьшитъ число обвиняемыхъ, которые содержатся подъ стражей, то можно было бы утверждать, что дѣйствительно отягощеніе казны уменьшается, но такъ какъ число возбуждаемыхъ дѣлъ останется то же самое, независимо отъ упраздненія обвинительныхъ камеръ, то и небольшое количество освободившихся въ довольно отдаленномъ будущемъ камеръ для арестантовъ будетъ столь незначительно, что о немъ не стоитъ и говорить. Были названы, затѣмъ, имена тѣхъ, кто стоялъ за предлагаемый намъ порядокъ. Я чту глубоко нѣкоторыя изъ этихъ именъ, но долженъ сказать, что Буцковскій въ своей практической кассаціонной дѣятельности строго соблюдалъ начало коллегіальнаго преданія суду и посвятилъ этому вопросу даже одно изъ своихъ печатаныхъ изслѣдованій; Книримъ же былъ выдающимся цивилистомъ, но вопросъ о преданіи суду былъ для него вопросомъ весьма чуждымъ и отдаленнымъ; наконецъ, указанія на Спасовича тоже, по моему мнѣнію, не имѣютъ въ данномъ случаѣ надлежащей силы. Я не менѣе моего уважаемаго предшественника на этой трибунѣ, Н. С. Таганцева, преклоняюсь предъ талантомъ, необыкновеннымъ образованіемъ и своеобразною силою слова Спасовича и отношусь къ нему, какъ къ своему профессору и неоднократному противнику въ судебныхъ битвахъ съ благодарнымъ воспоминаніемъ, но въ вопросахъ судоустройства онъ не былъ для меня авторитетомъ, ибо мнѣнія его отличались значительнымъ оппортунизмомъ. Достаточно припомнить, что онъ возражалъ въ свое время въ публичныхъ лекціяхъ противъ введенія суда присяжныхъ въ Россію, признавая нашъ народъ недостаточно для этого зрѣлымъ въ своемъ гражданскомъ развитіи, а въ комиссіи статсъ-секретаря Муравьева, когда послѣднимъ былъ возбужденъ въ высшей степени опасный вопросъ (надѣюсь, что онъ никогда не получитъ осуществленія) о передачѣ производства слѣдствій въ руки полиціи, почти безъ вся-

каго участія судебнаго вѣдомства, онъ не возражалъ противъ такого замысла, увлекаемый соблазнительною перспективою скорости. Наконецъ, въ рѣчахъ защитниковъ проекта есть еще указанія на переполненіе тюремныхъ замковъ... Итакъ, задняя мысль этого проекта состоитъ въ установленіи гораздо большей, чѣмъ въ другихъ подобныхъ же проектахъ, возможности освободить тюрьмы отъ сидѣльцевъ. Но такая мѣра, какъ разрѣженіе тюремнаго населенія, есть мѣра, вызываемая временными условіями, и она не можетъ и не должна осуществляться посредствомъ коренныхъ измѣненій судебнаго строя. А намъ предлагается коренное измѣненіе этого строя.... Повторю то же, что уже говорилъ по этому поводу: необходимо настойчиво, такъ сказать, громогласно, энергически, неустанно, неотступно вопіять о томъ, чтобы тюремному вѣдомству были даны средства для того, чтобы расширить тюрьмы, привести ихъ въ хорошее состояніе и содержать ихъ въ настоящемъ порядкѣ. Это такъ же необходимо, какъ необходомо радикальными мѣрами вывести судебныхъ чиновъ изъ ихъ печальнаго матеріальнаго положенія и увеличить ихъ составъ сообразно дѣйствительной потребности въ рабочихъ силахъ. Вотъ какъ надо исправлять изъяны и печальное настоящее, а не путемъ измѣненія порядка преданія суду! Говорятъ, что Палата только 4% отмѣняетъ изъ обвинительныхъ актовъ, и въ этомъ вся ея дѣятельность. Да, 4% дѣйствительно она отмѣняетъ, т.-е. замѣняетъ своими опредѣленіями, но значитъ ли это, что во всѣхъ остальныхъ случаяхъ она не разсматриваетъ обвинительныхъ актовъ. Позвольте по этому случаю привести доводъ, относящійся къ нашей дѣятельности: мы не соглашаемся иногда, не безъ сожалѣнія, съ законопроектами Государственной Думы, но неужели кто-нибудь можетъ сказать, что Государственный Совѣтъ въ теченіе своей сессіи разсмотрѣлъ, какъ слѣдуетъ, только тотъ процентъ дѣлъ, по которому онъ не согласился съ проектами Государственной Думы, а по всѣмъ остальнымъ онъ никакой работы не дѣлалъ, а прямо ихъ принялъ, такъ сказать въ кредитъ? Конечно, нѣтъ! Цѣлую массу дѣлъ, по которымъ мы согласны съ Государственною Думою, мы разсматриваемъ и разработываемъ серьезно и самостоятельно. Я напомню хотя бы только вопросъ

объ Амурской дорогѣ. Сколько труда, нравственнаго и физическаго напряженія положено было, чтобы, *къ великому моему сожалѣнію,* притти къ согласію съ рѣшеніемъ Государственной Думы, чреватомъ, по моему мнѣнію, самыми печальными послѣдствіями! И къ Судебнымъ Палатамъ примѣнимо то же соображеніе. Вѣдь не въ лотерею же идутъ обвинительные акты, не вынимаются же по жребію? Очевидно, они идутъ въ общемъ порядкѣ и, слѣдовательно, разсматривается гораздо большее число дѣлъ, чѣмъ то, на которое указывается. Мнѣ остается сдѣлать послѣднее замѣчаніе по поводу упрека въ томъ, что я ссылался не на опытъ, а на психологію. Да, я ссылался на психологію русскаго человѣка, русскаго арестанта и русскаго обвиняемаго, въ особенности въ глухихъ углахъ Россіи, гдѣ сознаніе своихъ правъ далеко не ясно, а подчасъ и не признано. Я не могу сослаться на опытъ: вѣдь этотъ новый порядокъ еще не введенъ, слѣдовательно, на какой же опытъ можно ссылаться? Я думаю, однако, что на психологію слѣдуетъ ссылаться потому, что тамъ, гдѣ мы разсуждаемъ о какихъ-нибудь вопросахъ финансовыхъ, вопросахъ таможенныхъ и, вообще, о вопросахъ, касающихся матеріальной стороны жизни, мы можемъ разсуждать на основаніи логики и опыта, но тамъ, гдѣ мы разсуждаемъ о предоставленіи человѣку сказать «хочу» или «не хочу», тамъ мы входимъ въ область психологіи и должны основываться на психологическихъ соображеніяхъ, насколько они намъ доступны изъ знакомства съ народомъ и нашего личнаго или коллективнаго житейскаго опыта. Чтобы закончить, я скажу еще слѣдующее: въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства предусмотрѣнъ рядъ случаевъ, гдѣ подсудимому или обвиняемому слѣдуетъ объяснить его права,— напримѣръ, когда подсудимаго удаляютъ изъ зала засѣданія, вслѣдствіе его буйства или болѣзни, предсѣдатель обязанъ ему по возвращеніи объяснить все, что происходило въ его отсутствіе. Какъ же это дѣлается? Въ большинствѣ случаевъ ему говорятъ: безъ васъ были допрошены свидѣтели такой-то, такой-то и такой-то, прочтены такіе-то протоколы, затѣмъ произведена экспертиза; садитесь!—А слѣдуетъ это дѣлать не такъ: надо разсказать ему существо всего, что было безъ него;— иначе это

напрасная трата времени, совершенно безполезная для подсудимаго, которому важно знать не то, *кто* говорилъ въ его отсутствіе, а *что* онъ говорилъ. Теперь, если вы разъясненія относительно обжалованія обвинительнаго акта передадите представителямъ мѣстнаго суда, а гораздо чаще полиціи, то гдѣ у васъ ручательство, что темному обвиняемому въ глухой мѣстности подробно все объяснятъ? Въ практикѣ и условіяхъ русской дѣйствительности я такого ручательства не вижу и остаюсь при предложеніи законопроектъ отклонитъ въ цѣломъ.

Я уже затруднялъ ваше вниманіе два раза объясненіями по настоящему законопроекту. Позволю себѣ и въ третій разъ это сдѣлать, во-первыхъ, въ виду того, что онъ въ новомъ видѣ поступаетъ къ намъ, а во-вторыхъ, потому, что я, по совѣсти, считаю этотъ законопроектъ въ высшей степени опаснымъ для русскаго правосудія и такимъ, что въ случаѣ принятія его, мнѣ представляется (можетъ-быть, я слишкомъ большой пессимистъ) неизбѣжнымъ позднее съ нашей стороны раскаяніе, когда его послѣдствія скажутся на дѣйствительномъ отправленіи правосудія. Г. Министръ Юстиціи говорилъ намъ о необходимости различать между метафизикой и реальностью, между метафизическими соображеніями и реальными послѣдствіями. Я совершенно съ этимъ согласенъ, но только думаю, что подъ метафизикой надо разумѣть теоретическія соображенія, а подъ реальностью — соображенія практическія, и нахожу, что этотъ проектъ долженъ быть разсматриваемъ именно съ точки зрѣнія реальной. Теперь у насъ существуетъ обвинительная камера Судебной Палаты, которая разсматриваетъ вопросъ о преданіи суду каждаго изъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе или ограниченіе правъ. Каждый обвиняемый въ преступленіи, подсудномъ присяжнымъ засѣдателямъ, имѣетъ неотъемлемое право на то, чтобы вопросъ о преданіи его суду разсматривался Судебной Палатой. Нынѣ намъ предлагаютъ допустить это разсмотрѣніе только въ отношеніи къ тѣмъ, которые обжалуютъ обвинительный актъ прокурорскаго надзора. Можно ли сказать, что

здѣсь есть что-нибудь метафизическое? Это вопросъ чисто реальный и ясный. Но метафизическимъ мнѣ представляется другое, а именно утвержденіе, высказанное въ Комиссіи, — утвержденіе о томъ, что у насъ проведено строгое различіе судебной и обвинительной власти, вслѣдствіе котораго допущеніе Окружного Суда къ разсмотрѣнію вопроса о преданіи суду и о полнотѣ слѣдствія является смѣшеніемъ функцій обвинительной и судебной власти. Реальныя условія нашей судебной практики говорятъ, однако, другое. Есть статья 528 Устава Уголовнаго Судопроизводства, въ которой говорится, что въ томъ случаѣ, когда въ Окружной Судъ поступаетъ со стороны прокурора заключеніе о прекращеніи слѣдствія, а судъ съ этимъ заключеніемъ не согласенъ, то вопросъ восходитъ въ Судебную Палату. Что же это значитъ? Это значитъ, что Окружный Судъ входитъ въ оцѣнку слѣдствія, его полноты и всего его содержанія, сопоставляетъ съ нимъ прокурорское заключеніе и, становясь на почву обвиненія, отвергаетъ заключеніе прокурора, т.-е. будучи судомъ, отправляетъ нѣкоторыя обвинительныя дѣйствія. То, что предлагаетъ здѣсь Е. Ф. Турау, есть установленіе того порядка по отношенію къ Окружному Суду, который существуетъ относительно Судебныхъ Палатъ, т.-е. предоставленіе ему разсматривать предварительное слѣдствіе по существу и опредѣлять не нарушены ли формы и обряды судопроизводства, соблюденія которыхъ необходимо для того, что бы слѣдствіе было именно слѣдствіемъ, а не собраніемъ разныхъ случайныхъ свѣдѣній, данныхъ Богъ знаетъ кѣмъ и Богъ знаетъ въ какихъ условіяхъ. Намъ на это говорятъ, что такой порядокъ невозможенъ еще и потому, что судъ будетъ страшно и непосильно обремененъ. Совершенно съ этимъ согласенъ, но тогда оставимъ старый порядокъ преданія суду Судебной Палатой. При немъ, какъ я уже докладывалъ вамъ, господа, еще въ декабрѣ прошлаго года, при первомъ обсужденіи этого законопроекта, на каждаго члена девяти Палатъ (при пятичленномъ составѣ обвинительныхъ камеръ) придется 33 дѣла въ мѣсяцъ, что вовсе уже не такъ обременительно, хотя бы въ виду того, что Сенаторы Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента докладываютъ до 48 дѣлъ въ мѣсяцъ.

Намъ скажутъ: при новомъ порядкѣ каждому обвиняемому будетъ открыта дверь въ Судебную Палату: пусть лишь обжалуетъ обвинительный актъ. Нѣтъ! скажу я, не каждому обвиняемому, далеко не каждому!.. Стоитъ припомнить порядокъ врученія обвинительныхъ актовъ. Развѣ всѣ обвинительные акты вручаются предсѣдателемъ суда, или членомъ суда, или даже городскимъ судьей? Очень часто обвинительные акты вручаются полиціей на мѣстахъ, и не только городской, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ сельской полиціей. Правительствующій Сенатъ призналъ, что врученіе полиціей обвинительныхъ актовъ представляется исключительно только тогда нарушеніемъ, когда это совершено въ мѣстѣ пребыванія Суда. Тотъ же Сенатъ призналъ, что врученіе обвинительныхъ актовъ тюремнымъ начальствомъ, а не Судомъ тогда только является нарушеніемъ, когда при этомъ обвиняемый лишенъ своего права требовать вызова новыхъ свидѣтелей. Слѣдовательно, Сенатъ и судебная практика открыли широкую возможность врученія обвинительныхъ актовъ несудебнымъ персоналомъ. Думаю, что уровень послѣдняго не таковъ, чтобы можно было думать, что полицейскій чинъ, вручая обвинительный актъ, будетъ одержимъ безпокойствомъ о томъ, знаетъ ли человѣкъ, которому вручается обвинительный актъ, о своихъ правахъ и понимаетъ ли онъ, что́ ему надо сдѣлать въ огражденіе себя? Я сошлюсь на нашего уважаемаго сочлена А. Н. Куломзина, который составилъ, будучи управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, особый списокъ народовъ и языковъ, населяющихъ Россію. Ихъ тамъ до 140 номеровъ. Дѣйствительно, когда мы говоримъ о врученіи обвинительныхъ актовъ, мы обыкновенно представляемъ себѣ какого-нибудь горожанина, мѣщанина, или купца, или бойкаго ярославскаго мужика и т. д. Но мы составляемъ шестую часть свѣта, какъ вчера здѣсь было сказано, а въ этой части свѣта есть разнообразнѣйшее населеніе — вотяки, черемисы луговые и горные, которые до сихъ поръ язычники, мордва, чуваши и разныя восточныя племена, наконецъ, значительная часть сибирскихъ инородцевъ — и со всѣми ими надо объясниться на ихъ языкѣ, чтобы быть ими понятымъ вполнѣ. А будетъ ли это такъ? Возможно ли быть

въ томъ увѣреннымъ? Я въ этомъ существеннымъ образомъ сомнѣваюсь и думаю, что пользоваться обжалованіемъ обвинительнаго акта будутъ далеко не всѣ, кому слѣдовало бы этимъ пользоваться для того, чтобы пройти чрезъ обрядъ преданія суду. А затѣмъ, для необжаловавшихъ будетъ ли возможность защиты противъ нарушенія формъ и обрядовъ при производствѣ слѣдствія? Нѣтъ! Они этого лишаются. Какъ ни блестящи страницы исторіи нашего суда по дѣятельности его представителей, по ихъ долготерпѣнію, трудоспособности, наконецъ, по любви къ своему дѣлу, но есть и печальные эпизоды, и состоятъ они въ проявленіи и въ возможности увлеченій, въ возможности, такъ сказать, взаимнаго служебнаго гипноза. Прежде всего, начинающій судебный слѣдователь — молодой человѣкъ, какъ я уже объ этомъ ранѣе говорилъ, товарищъ прокурора — то же самое, а между тѣмъ онъ — тотъ товарищъ прокурора, которому отдается въ руки преданіе суду. Вѣдь этотъ товарищъ или живетъ на мѣстѣ въ уѣздномъ городѣ и тогда незамѣтно для себя и невольно можетъ втягиваться въ мѣстныя отношенія, партіи и дрязги, на опасность чего указывали еще составители Судебныхъ Уставовъ, или же онъ наѣзжаетъ только въ уѣздный городъ своего участка изъ губернскаго города и тогда весьма легко можетъ дѣлаться жертвой разныхъ трудно поддающихся провѣркѣ слуховъ, а, между тѣмъ, онъ имѣетъ право, по *собственному усмотрѣнію*, возбуждать уголовное преслѣдованіе, согласно пункту 4 статьи 297 Устава Уголовнаго Судопроизводства. Затѣмъ, подъ надзоромъ, нерѣдко подъ руководствомъ, подъ вліяніемъ этого товарища прокурора дѣйствуетъ судебный слѣдователь, человѣкъ, который часто мечтаетъ о мѣстѣ товарища прокурора, какъ о повышеніи, и знаетъ, какую роль для него вообще играетъ аттестація прокурора. Поэтому они взаимно могутъ раздѣлять одностороннее увлеченіе. Министръ Юстиціи ссылается на дѣло Мироновича. Напомню его въ двухъ словахъ. Оно состояло въ томъ, что обнаружено было убійство, совершенное въ квартирѣ ростовщика. Покуда производили первый осмотръ на мѣстѣ, пока думали и терялись въ догадкахъ, теряя при этомъ волосы, зажатые въ рукѣ убитой

и составлявшіе главную улику, явился будущій министръ юстиціи Муравьевъ, занимавшій постъ прокурора Судебной Палаты. Онъ взглянулъ орлинымъ окомъ военачальника. Слѣдователь и товарищъ прокурора подчинились его указаніямъ и привлекли, вопреки многому говорившему противъ, содержателя кассы Мироновича... А затѣмъ, нужно было дважды разбирать это дѣло, чтобы попасть на настоящую обвиняемую, прославленную психопатку Семенову, которая сама сознавалась въ томъ, что совершила это преступленіе. Такимъ образомъ, былъ данъ толчокъ, могущественный, начальственный и авторитетный толчокъ, и дѣло покатилось по неправильнымъ рельсамъ. Вы извините меня, если я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ другихъ увлеченій изъ этой же области. Когда я былъ прокуроромъ Петербургскаго Окружного Суда, изъ Москвы пріѣхалъ судебный слѣдователь, спеціалистъ по производству слѣдствій о скопческой ереси въ Россіи, до того увлеченный своей задачей, что требовалъ отъ меня предложенія о томъ, чтобы въ Ямской улицѣ, въ 3-хъ-этажномъ, подозрительномъ для него, домѣ, освидѣтельствовать всѣхъ женщинъ на предметъ опредѣленія, скопчихи онѣ или нѣтъ. Я долженъ былъ съ нимъ воевать, чтобы его удержать отъ этой дикой мѣры. Затѣмъ такой же случай повторился въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ дѣвушки, населявшія цѣлый поселокъ, были всѣ освидѣтельствованы для того, чтобы опредѣлить, не родила ли какая-нибудь изъ нихъ найденнаго умерщвленнымъ ребенка. Разъ такіе случаи возможны, слѣдуетъ говорить и объ увлеченіяхъ слѣдственной власти. А затѣмъ припомните Тихорѣцкое дѣло. Вѣдь у всѣхъ въ памяти увлеченіе судебнаго слѣдователя въ дѣлѣ несчастной Золотовой. Наконецъ, можно привести даже воспоминаніе о слѣдователѣ, — и чтобы быть точнымъ, я даже назову его фамилію, — о судебномъ слѣдователѣ Родзянко, который, когда ему не дали во-время лошадей на почтовой станціи, призвалъ военную силу и станцію хотѣлъ взять штурмомъ. Разъ возможны такія увлеченія, возможны случаи, когда вино власти бросается въ голову, то законодатель долженъ быть очень остороженъ и ставить преграду увлеченіямъ, говоря: «до сихъ поръ и не дальше, а дальше уже начинаетъ дѣйствовать су-

дебная коллегія». Вновь позвольте разсказать случай изъ моей практики: въ Кронштадтѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, были постоянныя недоразумѣнія между городскимъ головой изъ штурмановъ и военнымъ губернаторомъ изъ моряковъ. Сторону городского головы принималъ городской секретарь, а сторону губернатора принималъ товарищъ прокурора Окружного Суда. И вотъ, когда этотъ городской секретарь вздумалъ баллотироваться въ мировые судьи, то товарищъ прокурора предложилъ исправляющему должность слѣдователя, кандидату на судебныя должности, начать о немъ слѣдствіе по обвиненію въ оскорбленіи полиціи. Въ день выборовъ городскому секретарю было предъявлено это обвиненіе. Здѣсь сидитъ бывшій предсѣдатель Суда, И. И. Шамшинъ, который, конечно, это дѣло помнитъ, такъ какъ мы его разсматривали въ дисциплинарномъ порядкѣ. Слѣдствіе было начато, была взята копія съ постановленія о привлеченіи къ обвиненію и предъявлена въ избирательномъ собраніи. Городской секретарь утратилъ право баллотироваться въ мировые судьи, а вечеромъ въ тотъ же день состоялось постановленіе о томъ, что, по разъясненію самой полиціи, въ дѣйствіяхъ обвиняемаго нѣтъ состава преступленія, и дѣло было прекращено. Итакъ, необходимо, чтобы мнѣніе прокуратуры кѣмъ-нибудь провѣрялось, чтобы обвинительный актъ подлежалъ критикѣ.

Намъ говорятъ, что члены Палаты ставятъ штемпеля. Это заявленіе о штемпеляхъ мнѣ кажется чрезвычайно щекотливымъ и поражаетъ меня въ устахъ г. Министра Юстиціи. Вѣдь могутъ и о насъ сказать, что, кромѣ тѣхъ дѣлъ, по которымъ мы не соглашаемся съ Государственной Думой, мы на все лишь штемпеля ставимъ безъ всякаго обсужденія, а, между тѣмъ, мы разсматриваемъ ихъ очень добросовѣстно и подолгу. То же самое съ Палатой. Да и развѣ оцѣнка акта Палатой зависитъ исключительно отъ членовъ Палаты? Обвинительный актъ проходитъ черезъ прокурора Палаты и его товарищей. Товарищъ прокурора Палаты можетъ снестись съ товарищемъ прокурора Окружного Суда и сообщить ему, что онъ ошибся, что обвинительный актъ не точенъ, съ пропусками, съ неправильной квалификаціей и предложить его измѣнить. Во всякомъ случаѣ,

въ Палатѣ каждое дѣло разсматривается двумя лицами и разсматривается тщательно — товарищемъ прокурора Палаты и членомъ-докладчикомъ. Но, господа, развѣ не то же самое мы имѣемъ въ высшемъ кассаціонномъ судѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ раздѣляется на отдѣленія? Находящійся между нами здѣсь недавній первоприсутствующій Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, конечно, можетъ подтвердить мои слова, что большинство дѣлъ разсматривается первоприсутствующимъ и оберъ-прокуроромъ, если они находятъ это желательнымъ и полезнымъ, а затѣмъ дѣло слушается по докладу сенаторомъ резолюціи, состоявшейся по большей части по соглашенію съ товарищемъ оберъ-прокурора, и только въ рѣдкихъ случаяхъ несогласія между ними или между сенаторами дѣло переносится въ Департаментъ. Въ сущности, рѣшаютъ дѣло два человѣка, пользующіеся довѣріемъ коллегіи и другъ другу въ смыслѣ тщательнаго разсмотрѣнія дѣла довѣряющіе. То же самое существуетъ и въ Судебныхъ Палатахъ. Но предоставить право преданія суду во всѣхъ случаяхъ необжалованія, — а ихъ будетъ *четыре пятыхъ* всего количества дѣлъ, — одному лицу, не значитъ ли сдѣлать это лицо безотвѣтственнымъ? Теперь существуетъ надзоръ. Прокуроръ Палаты знаетъ, кто у него хорошій товарищъ, кто дурной, кто внимательный, кто невнимательный, и товарищъ прокурора собственною властью не можетъ сажать на скамью подсудимыхъ людей, которымъ грозитъ серьезное наказаніе и потеря правъ. Скажутъ, что прокуроръ Палаты будетъ судить о томъ, правильна ли обвинительная дѣятельность мѣстной прокуратуры по приговорамъ присяжныхъ. Но этимъ путемъ нельзя добиться возможности правильной провѣрки. Мы знаемъ, какъ часты у насъ нареканія на «судъ улицы», на неумѣлость присяжныхъ и т. п. — Такія ссылки будутъ дѣлаться младшими членами прокурорскаго надзора въ свое оправданіе. При оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ будутъ говорить: не обвинительный актъ не хорошъ, — присяжные не хороши и не умѣли оцѣнить взглядовъ обвинительной власти. Но каково же положеніе того, кто будетъ такимъ образомъ преданъ суду, т.-е. позору публичности, пыткѣ бездушнаго любопытства праздной толпы и му-

ченію смѣны надеждъ, сомнѣній и страховъ? Господа, у насъ у всѣхъ примѣръ Западной Европы, которая болѣе чувствительна въ этомъ отношеніи, чѣмъ мы, а, между тѣмъ, и тамъ подчасъ совершается судебное мучительство по поводу весьма сомнительныхъ обвиненій. Стоитъ припомнить сенсаціонные процессы художника Грефа или недавній-графа Эйленбурга... А если человѣкъ не виноватъ, то какъ онъ отмоетъ, какъ онъ отскоблитъ отъ себя то обвиненіе, которое къ нему предъявлено и по которому онъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Мы знаемъ психологію человѣчества. Сначала скажутъ: «да, но его оправдали», — а потомъ будутъ говорить: «онъ за что-то судился», — а затѣмъ— «у него было какое-то грязное дѣло, за которое онъ былъ подъ судомъ», — и честное, быть-можетъ, имя человѣка будетъ навсегда замарано. Поэтому, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, я думаю, что государство заинтересовано въ томъ, чтобы существовала гарантія противъ поспѣшнаго и легкомысленнаго преданія суду, а она существуетъ только при преданіи суду Судебной Палатой, при разсмотрѣніи ею безъ различія всѣхъ и обжалованныхъ и необжалованныхъ обвинительныхъ актовъ, и, съ этой точки зрѣнія, я при окончательной баллотировкѣ буду голосовать противъ принятія проекта въ цѣломъ, помня латинское изреченіе «etiam si omnes — ego non!»

Обращаюсь къ вводимому законопроектомъ состязательному порядку въ разсмотрѣніи дѣлъ Судебной Палатой. Защита, допускаемая по проекту Государственной Думы, названа здѣсь Министромъ Юстиціи декоративной, хотя въ нарисовкѣ этой декораціи участвовалъ самъ г. Министръ Юстиціи: именно *онъ* внесъ въ Государственную Думу проектъ объ установленіи такого состязательнаго процесса. Разница между думскимъ проектомъ и министерскимъ представленіемъ состоитъ только въ порядкѣ и способѣ увѣдомленія жалобщика на обвинительный актъ о времени слушанія его дѣла въ Палатѣ. Я согласенъ съ г. Министромъ въ томъ, что это декорація, но только въ родѣ тѣхъ, которыя рисовали, когда Екатерина Великая совершала путешествіе по Днѣпру, для того, чтобы скрыть отъ ея взора пустынность, незаселенность и бѣдность окрестной страны. Та-

кая же пустыня, въ смыслѣ удовлетворенія правосудія, будетъ, если мы примемъ первую часть законопроекта. Намъ говорятъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о такомъ вопросѣ, который никогда не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно въ смыслѣ равенства. Предоставить всѣмъ одинаковый достатокъ и одинаковую защиту невозможно. Звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ, говорится въ Писаніи. Да, это правда, но тамъ, гдѣ, несмотря на это, *уже существуетъ* такое равенство, незачѣмъ его истреблять. Это равенство существуетъ по отношенію всѣхъ обвиняемыхъ передъ судомъ присяжныхъ, а намъ предлагаютъ его уничтожить и установить гарантіи въ преданіи суду только относительно тѣхъ, которые обжаловали обвинительный актъ. Что значитъ въ сущности оставленіе своего адреса въ мѣстѣ пребыванія Палаты? Это означаетъ допущеніе защиты для людей богатыхъ или живущихъ въ мѣстѣ пребыванія Палаты. Представьте себѣ человѣка, который живетъ въ Мезени или Холмогорахъ и бѣденъ. Можетъ ли онъ оставить свой московскій адресъ московской Судебной Палатѣ? Нѣтъ. А если онъ содержится подъ стражей — можетъ ли казна принять на себя доставку его въ Москву для объясненій? Нѣтъ, потому что такой порядокъ будетъ для нея разорительнымъ. Слѣдовательно, огромная масса обвиняемыхъ, которые содержатся подъ стражей или живутъ внѣ мѣста пребыванія Судебной Палаты, будутъ лишены вновь вводимой защиты, которая станетъ для большинства — фиктивной. Съ этой точки зрѣнія, такая защита, доступная лишь имѣющимъ средства нанять повѣреннаго, не настоящая защита, предоставляемая населенію, а миражъ, обманъ зрѣнія. Я долженъ оговориться, что я не противникъ защиты на предварительномъ слѣдствіи, и думаю, что она рано или поздно должна быть введена, но для этого долженъ быть выбранъ совсѣмъ другой моментъ процесса. Должна быть введена защита, когда человѣку, о которомъ производится слѣдствіе, предъявляется оконченное слѣдствіе, и его спрашиваютъ, что онъ можетъ еще предоставить въ свое оправданіе и чѣмъ можетъ онъ дополнить слѣдствіе? Вотъ здѣсь надо предоставить ему право приглашать повѣреннаго или защитника, могущаго авторитетно

просить дослѣдованія или производства слѣдствія въ другомъ направленіи. Изданію Судебныхъ Уставовъ предшествовалъ манифестъ 1856 г. Тамъ было сказано: «Правда и милость да царствуетъ въ судахъ». А въ Указѣ Сенату 1864 г., печатаемомъ при Судебныхъ Уставахъ, этотъ афоризмъ былъ расширенъ чудными словами о рѣшимости дать русскому народу судъ скорый, правый и равный для всѣхъ. Можно ли, послѣ этого, вводить неравномѣрныя гарантіи и, отнимая ихъ у большинства далекихъ отъ Палаты и бѣдныхъ, предоставлять ихъ лишь незначительному меньшинству наличныхъ, близкихъ и достаточныхъ, забывая, что забота о правосудіи есть не частное дѣло, а дѣло, лежащее на обязанности государственной власти? Отвѣчаю — нѣтъ, нельзя! и подамъ голосъ противъ «декорацій».

Господа, мы находимся наканунѣ юбилея великихъ реформъ Царя — Освободителя. Ближайшая изъ нихъ — снятіе съ русскаго народа крѣпостного ига. Второй изъ такихъ реформъ была реформа судебная. Колебать устои этой реформы, расшатывать колонны и разрушать своды нельзя безъ серьезныхъ основаній и крайней осторожности. При принятіи настоящаго проекта, великодушное желаніе Императора Александра II «дать Россіи судъ скорый, правый и равный для всѣхъ» будетъ искажено: судъ станетъ немного болѣе *скорымъ*, но едва ли будетъ болѣе *правымъ* и, во всякомъ случаѣ, станетъ *не равнымъ* для всѣхъ...

X.

Объ отмѣнѣ прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ.

(Засѣданіе 8 декабря 1910 г.).

По вопросу объ отмѣнѣ прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ мы прежде всего встрѣчаемся съ заключеніями прокурорскаго надзора по дѣламъ беззащитныхъ, т.-е. не имѣющихъ возможности самимъ защищаться. Это, во-первыхъ, „умалишенные и малолѣтніе, надъ которыми учреждена опека, а во-вторыхъ, лица, страдающія тяжкими физическими недостатками. Судебная практика показываетъ, что интересы этихъ лицъ не обезпечиваются тѣми учрежденіями, которыя, однако, призваны къ этому. Всѣ мы знаемъ, что такое дворянская опека и сиротскіе суды. Это—учрежденія обветшалыя, устроенныя на старыхъ и фактически почти безконтрольныхъ началахъ, — располагающія въ лицѣ опекуновъ людьми, которые обыкновенно нравственныя обязанности опеки ставятъ на задній планъ и зачастую болѣе, чѣмъ невнимательно относятся къ осуществленію своей заботы объ опекаемыхъ. Дѣла о нарушеніи опекунами своихъ обязанностей столь нерѣдки, что вызвали необходимость включенія въ Уложеніе о Наказаніяхъ постановленій о злоупотребленіяхъ опекуновъ и о бездѣйствіи ихъ въ осуществленіи заботы о малолѣтнихъ и состоящихъ подъ опекой. Въ гражданскихъ дѣлахъ

признаніе отвѣтчика влечетъ за собою рѣшеніе дѣла въ пользу истца. Возможны и, къ сожалѣнію, бывали случаи, когда между истцомъ и недобросовѣстнымъ опекуномъ возникали сдѣлки по предварительному соглашенію, во исполненіе которыхъ опекунъ *признавалъ* предъявленный противъ малолѣтнихъ искъ и вслѣдствіе такого признанія искъ присуждался за отсутствіемъ всякихъ возраженій полностью, а взысканное дѣлилось пополамъ между истцомъ и безчестнымъ опекуномъ. Возможны и случаи, въ которыхъ малолѣтніе ставятся въ безвыходное положеніе, благодаря тому, что при несуществованіи у насъ при принятіи наслѣдства правилъ принятія sous bénéfice d'inventaire, какъ во Франціи, приходится вступать въ наслѣдство, не зная и даже не имѣя возможности узнать, какіе долги съ нимъ сопряжены. Я знаю на практикѣ судебные случаи, гдѣ опекуны малолѣтнихъ принимали наслѣдства, которыя были обременены долгами до такой степени, что несчастный малолѣтній, достигшій совершеннолѣтняго возраста, долженъ былъ всю жизнь нести матеріальную отвѣтственность за недобросовѣстныя и, во всякомъ случаѣ, легкомысленныя дѣйствія своего опекуна. Вотъ по какимъ соображеніямъ необходимо оставить въ засѣданіи гражданскаго суда прокурора, дающаго заключеніе по гражданскимъ дѣламъ этихъ беззащитныхъ лицъ. Скажутъ, что прокуроръ представляется лишнимъ въ судѣ, который, конечно, знаетъ гражданскую часть гораздо лучше него и несомнѣнно гораздо опытнѣе его. Это не всегда такъ, и я не могу согласиться съ болѣе категорическимъ, чѣмъ основательнымъ заявленіемъ представителя Министерства Юстиціи, что *всегда* товарищи прокурора представляются людьми, не знающими гражданскаго права. Я съ извѣстнаго рода гордостью могу вспомнить, что, когда я былъ прокуроромъ С.-Петербургскаго окружного суда, — а я имъ былъ пять лѣтъ,—моими товарищами для заключеній по гражданскимъ дѣламъ были: Александръ Львовичъ Боровиковскій, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ и сенаторъ гражданскаго кассаціоннаго департамента, имя котораго, конечно, всякому цивилисту говоритъ очень много, и нашъ сочленъ по Государственному Совѣту Степанъ Ѳедоровичъ Платоновъ, тоже впослѣдствіи оберъ-прокуроръ межеваго

департамента Сената. Не могу не напомнить тѣмъ, кто былъ свидѣтелемъ введенія Судебныхъ Уставовъ въ Петербургѣ, что *первымъ* товарищемъ прокурора Петербургскаго Окружнаго Суда по гражданскимъ дѣламъ былъ И. Я. Голубевъ, на извѣстность котораго, какъ выдающагося цивилиста едва ли нужно указывать. Съ другой стороны важно не то, какой дастъ прокуроръ совѣтъ судьямъ, рѣшающимъ дѣло, а важно то, что опекуны или вообще представители малолѣтнихъ и беззащитныхъ знаютъ, что въ каждомъ касающемся послѣднихъ дѣлѣ, доходящемъ до суда, они встрѣтятъ не только судей, которые будутъ обсуждать это дѣло по формальнымъ соображеніямъ гражданскаго права и гражданскаго процесса, но встрѣтятъ человѣка, называвшагося въ старину не безъ основанія «окомъ царевымъ», въ рукахъ котораго находится право возбудить уголовное преслѣдованіе и который можетъ, какъ бы судъ ни рѣшилъ гражданское дѣло, усмотрѣть уголовную сторону въ дѣйствіяхъ и бездѣйствіи опекуновъ и притянуть ихъ къ отвѣтственности. Съ этой точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія психологической угрозы, заключенія товарища прокурора по гражданскимъ дѣламъ, касающимся беззащитныхъ, представляются желательными.

Переходя къ заключеніямъ прокурорскаго надзора по дѣламъ, въ которыхъ возникаетъ сомнѣніе, не содержатся ли въ гражданскихъ отношеніяхъ, подлежащихъ гражданскому суду, признаки уголовнаго дѣянія, я нахожу, что здѣсь возникаютъ два вопроса. Первый — полезно ли въ такихъ дѣлахъ участіе прокурора, и второй — не будетъ ли оно стѣснительно или неудобно для успѣшнаго производства дѣла? Обращаясь къ *первому* вопросу, я долженъ сказать, что при огромномъ трудѣ, который несутъ русскіе судьи, при тяжеломъ нравственномъ и физическомъ ихъ напряженіи, часто влекущемъ за собою разстройство здоровья, они обыкновенно всецѣло отдаются какой-нибудь одной спеціальности. Это тѣмъ болѣе возможно, что въ нашемъ законѣ нѣтъ французскаго правила о такъ называемомъ roulement, гдѣ судьи не могутъ оставаться въ одномъ какомъ-нибудь отдѣленіи, завѣдывающемъ гражданскими или уголовными дѣлами, а постоянно, по прошествіи извѣстнаго времени, переводятся министромъ

юстиціи изъ одного отдѣленія въ другое по извѣстной, заранѣе принятой системѣ для того, чтобы быть и цивилистами, и криминалистами. У насъ, наоборотъ, судья, засѣвшій въ гражданское отдѣленіе, по большей части въ немъ остается, пока не перейдетъ въ гражданскій департаментъ Судебной Палаты и оттуда въ гражданскій кассаціонный департаментъ Сената. При всемъ уваженіи къ русскимъ гражданскимъ судьямъ, къ труду ихъ и знанію дѣла, нельзя требовать отъ нихъ точнаго и, такъ сказать, злободневнаго знанія уголовнаго права и уголовныхъ законовъ. Нельзя требовать, во-первыхъ, потому, что для этого нуженъ большой навыкъ и практическое знакомство съ уголовной практикой, — а, во-вторыхъ, потому, что наше уголовное законодательство находится въ постоянномъ движеніи и, наконецъ, въ-третьихъ потому, что уголовный кассаціонный департаментъ Сената, этотъ, такъ сказать, рулевой судебнаго уголовнаго корабля, мѣняетъ по временамъ свои взгляды, и эти взгляды становятся почти обязательными и во всякомъ случаѣ руководительными для всѣхъ лицъ, занимающихся практически уголовными дѣлами. Поэтому гражданскій судья, при своихъ обширныхъ обязанностяхъ, не въ силахъ слѣдить за всѣми измѣненіями уголовнаго курса, а что необходимо за ними слѣдить и быть съ ними знакомымъ, доказывается тѣмъ, что значительная часть уголовныхъ дѣлъ послѣдняго времени, доходящихъ до уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, въ сущности носитъ гражданскій оттѣнокъ. Я былъ 12 лѣтъ оберъ-прокуроромъ этого уголовнаго кассаціонаго департамента и могу по своей практикѣ сказать, что если бы иногда и довольно часто привести въ его засѣданіе человѣка не знающаго, куда его приводятъ, и сказать ему, что его привели въ кассаціонный департаментъ, то ему пришлось бы, выслушавъ заключеніе оберъ-прокурора, на вопросъ: — въ какомъ онъ департаментѣ? — стать въ тупикъ при отвѣтѣ: въ гражданскомъ или уголовномъ. Вопросы уголовнаго права и процесса давно уже разрѣшены болѣе или менѣе точно уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, а подлежатъ разрѣшенію его, главнымъ образомъ, гражданскіе, т.-е. преюдиціальные или предсудимые вопросы и о признакахъ уголовнаго дѣянія въ гражданской сдѣлкѣ,

которые теперь имѣютъ такое выдающееся значеніе въ судебной практикѣ. Поэтому гражданскій судья нуждается въ указаніяхъ уголовнаго спеціалиста. Достаточно указать на такія дѣла, какъ, напримѣръ, вовлеченіе въ убыточную сдѣлку обманными увѣреніями. Долгое время считалось, что всякій обманъ, при вступленіи въ такую сдѣлку употребленный, уже создаетъ составъ преступленія — вовлеченіе въ убыточную сдѣлку. Однако, потомъ, Сенатъ измѣнилъ свой взглядъ и сталъ признавать, что этимъ преступленіемъ является такой только обманъ, отъ котораго нельзя остеречься принятыми въ общежитіи способами, т.-е., если человѣку говорятъ какую-нибудь явную несообразность, а онъ ей слѣпо и безъ разсужденій вѣритъ и, вслѣдствіе этого, вступаетъ въ сдѣлку, то тутъ нѣтъ такого обмана, который можетъ быть уголовно наказуемъ. Для того, чтобы выяснить эту сторону дѣла, долженъ быть призванъ криминалистъ. Можно бы указать цѣлый рядъ гражданскихъ дѣлъ, гдѣ является необходимость въ толкованіи уголовномъ. Для примѣра, укажу на вопросъ о шантажѣ, который можетъ возникать и въ гражданскомъ дѣлѣ и который требуетъ непремѣнно уголовной оцѣнки, или хотя бы вопросъ о самоуправствѣ. По нему судебная практика, подъ вліяніемъ кассаціонныхъ рѣшеній, измѣняла самое понятіе о составѣ и необходимыхъ элементахъ самоуправства. Одно время считали, что всякое исполненіе или осуществленіе своего права безъ согласія того лица, которое является пострадавшимъ, есть самоуправство. Затѣмъ стали считать, что самоуправство можно видѣть только въ случаѣ употребленія при осуществленіи своего права насилія, потомъ опять взглядъ измѣнился и т. д. Такихъ случаевъ много. Очевидно, что здѣсь слово криминалиста не можетъ быть безполезнымъ.

Но если такое слово полезно, то можно ли сказать, что выслушать его неудобно? Я думаю, что нѣтъ. Спрашивается — въ чемъ это неудобство можетъ выразиться? Да въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, что товарищъ прокурора можетъ отсутствовать при слушаніи этихъ дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ и въ губернскихъ присутствіяхъ, и, слѣдовательно, дѣло придется откладывать; во-вторыхъ, въ томъ, что, вслѣдствіе необ-

ходимости приглашать товарища прокурора въ засѣданія Окружныхъ Судовъ, придется и тутъ откладывать дѣла до его явки. Но оба эти соображенія, по моему мнѣнію, недостаточно сильны. Что касается до перваго, то мы знаемъ, что и губернскія присутствія, и уѣздныя присутствія, и мировые съѣзды засѣдаютъ всегда въ опредѣленный день, когда назначается опредѣленное количество гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и для нихъ вызывается товарищъ прокурора. Разъ будетъ признано, что прокурорскому надзору необходимо по дѣламъ малолѣтнихъ, умалишенныхъ и т. д. давать заключенія, то несомнѣнно, что товарищъ прокурора будетъ присутствовать въ засѣданіи, тѣмъ болѣе, что онъ пріѣзжаетъ обыкновенно на цѣлую сессію и отсутствіе его представляется крайне рѣдкимъ и исключительнымъ. Что касается до Окружнаго Суда, то если судъ усмотритъ, что въ дѣлѣ есть извѣстное уголовное обстоятельство и что полезно выслушать мнѣніе криминалиста, т.-е. товарища прокурора, то таковой долженъ быть приглашенъ въ засѣданіе и такъ какъ засѣданія гражданскихъ отдѣленій происходятъ въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда, а слѣдовательно и прокурора и большинства его товарищей, то въ явкѣ одного изъ послѣднихъ никакого затрудненія быть не можетъ. Но предположимъ, что по какому-либо случайному стеченію обстоятельствъ товарища прокурора можетъ не быть на мѣстѣ и тогда придется отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія. Невыгода этого будетъ вотъ какая. Если судъ рѣшитъ безъ товарища прокурора, то онъ это сдѣлаетъ, выслушавъ стороны, которыя, можетъ быть, и не подозрѣваютъ, что судъ усматриваетъ уголовныя обстоятельства въ этомъ дѣлѣ, и дѣло будетъ передано прокурору безъ выслушанія сторонъ объ уголовныхъ обстоятельствахъ. Но если дѣло не будетъ рѣшено, а отложено до приглашенія прокурора въ судебное засѣданіе, стороны будутъ знать, что тутъ возникаетъ уголовный вопросъ и при своихъ объясненіяхъ въ слѣдующемъ засѣданіи могутъ представить по этому поводу свои опроверженія. Такимъ образомъ, заключеніе прокурора, а также и передача дѣлъ по статьѣ 8 Устава Гражданскаго Судопроизводства будутъ гораздо болѣе обоснованными. Вотъ почему я

думаю, что, кромѣ дѣлъ о подлогахъ, нужно предоставить суду возможность приглашать прокурора во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ предположеніе, что дѣло заключаетъ въ себѣ уголовныя обстоятельства. Въ подтвержденіе того, что заключенія прокурора могутъ быть весьма полезны и дать дѣлу настоящій, согласный съ правосудіемъ, оборотъ сошлюсь на дѣло, которое близко извѣстно нашему докладчику законопроекта, Е. Ѳ. Турау, производившему по этому дѣлу слѣдствіе. Въ Екатеринославской губерніи въ срединѣ семидесятыхъ годовъ возникло важное, по своей сложной бытовой и нравственной обстановкѣ, дѣло по спору о завѣщаніи, оставленномъ помѣщикомъ Корбе. Истцы доказывали, что завѣщатель вдался въ спиритизмъ и подъ вліяніемъ недобросовѣстныхъ личностей, которыя пользовались этимъ его увлеченіемъ, составилъ завѣщаніе въ ихъ пользу по указаніямъ, совѣтамъ и приказаніямъ «духа Василія», говорившаго чрезъ медіума. Дѣло разбиралось очень долго; знаменитый Спасовичъ говорилъ два раза длинныя рѣчи, но, въ концѣ-концовъ, по выслушаніи прекраснаго и всесторонняго заключенія прокурора, пришлось обратить все дѣло къ уголовному преслѣдованію, которое и поставило все и всѣхъ въ немъ на заслуженное мѣсто.

XI.

Разрѣшеніе объяснять присяжнымъ засѣдателямъ угрожающее подсудимому наказаніе.

(Засѣданіе 25 февраля 1910 г.).

Сущность проекта, который подлежитъ нашему разсмотрѣнію, сводится къ отмѣнѣ установившагося въ нашихъ судахъ порядка, основаннаго на законѣ, воспрещающаго защитнику касаться наказанія, которому подлежитъ подсудимый. Изъ этой статьи закона выводится не писанное, но принятое обычаемъ правило, по которому ни предсѣдатель, ни защитникъ, ни прокуроръ, не имѣютъ права говорить присяжнымъ засѣдателямъ о наказаніи. Государственная Дума предлагаетъ этотъ порядокъ измѣнить и внести въ законъ правило, по которому сторонамъ, а также и предсѣдателю, разрѣшается, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предсѣдателю, когда онъ говоритъ заключительное слово, а стороны искажали предъ тѣмъ въ своихъ рѣчахъ обстоятельства дѣла, даже вмѣняется въ обязанность говорить о томъ наказаніи, которому подлежитъ обвиняемый. Этому проекту нельзя не сочувствовать; онъ соотвѣтствуетъ пожеланію и опыту огромнаго большинства всѣхъ судебныхъ дѣятелей, имѣвшихъ дѣла на практикѣ съ судомъ присяжныхъ. Но противъ этого проекта могутъ быть сдѣланы возраженія съ разныхъ сторонъ. *Во-первыхъ*, можетъ быть указано (и я уже слышалъ такія указанія), что говорить присяжнымъ засѣдателямъ о наказаніи значитъ искажать самую ихъ роль, ибо присяжные засѣдатели разрѣшаютъ вопросъ *факта*, вопросъ же *права* разрѣшаетъ судъ. Между тѣмъ, при разрѣшеніи говорить о наказаніи, когда они будутъ слышать о грозящей подсудимому карѣ и принимать ее въ соображеніе

передъ постановкой своего рѣшенія, они явятся судьями по вопросу права. Но однако такое указаніе не вѣрно, потому, что присяжныхъ вовсе не спрашиваютъ о фактѣ совершенія преступленія тамъ, гдѣ этотъ фактъ не подлежитъ спору. Ихъ не спрашиваютъ о томъ, совершилось ли событіе убійства, когда оно несомнѣнно, а спрашиваютъ о томъ, было ли убійство, лишь когда является сомнѣніе въ томъ, есть ли это убійство или самоубійство. Поэтому предлагаемый имъ вопросъ касается виновности, а вовсе не одного факта. Такъ дѣйствуетъ все европейское законодательство. Англія, родина суда присяжныхъ, за послѣднія два столѣтія не отдѣляла вопроса факта отъ вопроса права. Въ Англіи не спрашиваютъ присяжныхъ заѣдателей о фактѣ, а спрашиваютъ ихъ о томъ, годенъ ли обвинительный актъ или нѣтъ; имъ даже не ставится вопросовъ, какъ у насъ, а они прямо отвѣчаютъ «годенъ» или «не годенъ» и такимъ образомъ отвергаютъ или принимаютъ цѣликомъ обвинительный актъ. Правда, въ Англіи существовали, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя злоупотребленія во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, когда по преступленіямъ печати судьи ставили вопросъ о томъ, совершилъ ли такой-то свое дѣяніе, т.-е., издалъ ли онъ и напечаталъ ли такую-то книгу, а сами уже рѣшали, есть ли эта книга преступленіе или нѣтъ, есть ли это «libel» или что-нибудь подобное. Но послѣ билля знаменитаго Фокса этотъ порядокъ былъ уничтоженъ и съ тѣхъ поръ въ Англіи отвѣчаютъ прямо и просто: годится или не годится обвинительный актъ, т.-е. виновенъ подсудимый или невиновенъ въ томъ преступленіи, которое описано въ этомъ актѣ. Въ Шотландіи еще отвѣчаютъ: «не доказано». Во Франціи, какъ извѣстно, согласно статьѣ 377 Code d'instruction criminelle присяжныхъ засѣдателей спрашиваютъ о виновности— о culpabilité. Въ Германіи по § 293 германскаго уголовнаго судопроизводства спрашиваютъ «ist der Angeklagte schuldig?», т.-е. виновенъ ли, слѣдовательно, не только о событіи, не о фактѣ. Наша статья 754 Устава Уголовнаго судопроизводства прямо требуетъ постановки вопроса о виновности, если только нѣтъ сомнѣнія въ событіи преступленія или въ умственныхъ способностяхъ подсудимаго. Итакъ, нашъ судъ присяжныхъ разрѣшаетъ

не только вопросъ о фактѣ, но и вопросъ о правѣ, иными словами онъ разрѣшаетъ вопросъ о виновности, а судъ разрѣшаетъ вопросъ о наказаніи. Если это такъ, то есть ли какое-либо основаніе скрывать отъ присяжныхъ засѣдателей то, чего они въ сущности не могутъ не знать или что имъ слѣдуетъ знать?

Что такое судъ присяжныхъ? Собраніе людей изъ разныхъ сословій, призванныхъ судить. Черпаютъ ихъ, такъ сказать, ковшомъ изъ моря общественной жизни, составляютъ изъ нихъ особое присутствіе по жребію и говорятъ имъ: вы представители общества, власть сдѣлала все, что можетъ для того, чтобы раскрыть дѣйствія человѣка, который представляется вреднымъ или опаснымъ; теперь отъ васъ зависитъ опредѣлить, насколько она ошиблась или была права и дать ей основаніе, если этотъ человѣкъ дѣйствительно вреденъ и опасенъ, приложить къ нему наказаніе. При этомъ нельзя не вспомнить статью 95 нашихъ Основныхъ Законовъ. Она говоритъ: «никто не можетъ оттовариваться невѣдѣніемъ закона». Какимъ же образомъ вводить правило, что присяжнымъ засѣдателямъ вмѣняется въ обязанность не знать законовъ о наказаніи и что запрещается имъ говорить о немъ, т.-е. говорить о томъ, что они, какъ граждане, обязаны знать и не имѣютъ права не знать? Затѣмъ, присяжнымъ засѣдателямъ предоставляется признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія. Законъ говоритъ, что подсудимый признается заслуживающимъ снисхожденія по обстоятельствамъ дѣла. Но, господа, самое важное обстоятельство въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ есть самъ подсудимый, его личность. Современное уголовное право давно уже отказалось отъ взгляда, что судится только дѣяніе; нѣтъ, судится цѣлая личность преступника. Такъ говорили объ этомъ составители Судебныхъ Уставовъ, такъ гласитъ и современный взглядъ на такъ называемое «преступное состояніе», которое выражается въ томъ, что въ центрѣ обсужденія дѣла находится самъ подсудимый, а отъ него радіусами къ окружности идутъ его общественное и матеріальное положеніе, тѣ соблазны, которымъ онъ въ силу этого положенія подвергается, степень его развитія, состояніе его душевнаго и физическаго здоровья, степень пониманія имъ важности совершеннаго дѣянія и т. д.

Только обсужденіе всей этой совокупности даетъ дѣйствительно правосудный приговоръ. Если это такъ, если нельзя отрицать за присяжными права познакомиться со всею личностью обвиняемаго, для того, чтобы правильно произнести рѣшеніе о томъ, заслуживаетъ ли онъ снисхожденія, то какъ же отрицать за ними право вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться и съ послѣдствіями, которыя будетъ имѣть для него самое наказаніе. Конечно присяжные должны смотрѣть *назадъ*, на то, что совершилъ подсудимый, но нельзя никакъ заставить ихъ не смотрѣть *впередъ*, т.-е. на то, что послѣдуетъ съ тѣмъ подсудимымъ, котораго они судятъ. Мы имѣемъ цѣлую массу приговоровъ, которые ясно на это указываютъ. Достаточно указать на уголовную судебную практику по дѣламъ о *дѣтоубійствѣ*. Дѣла эти обыкновенно сводятся къ приговорамъ о сокрытіи трупа ребенка, рожденнаго отъ незаконной связи. Присяжные засѣдатели, видя передъ собой несчастную женщину, брошенную любовникомъ въ беременномъ состояніи, которая не знала, куда ей дѣваться, обуреваемая страхомъ и стыдомъ, не имѣютъ мужества признать ее виновной въ дѣтоубійствѣ, такъ какъ знаютъ, что за это ей грозитъ каторга. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно признаютъ ее виновной въ сокрытіи трупа. Можно соглашаться съ такимъ рѣшеніемъ или нѣтъ, но это во всякомъ случаѣ доказываетъ, что присяжные засѣдатели заглядываютъ впередъ. Затѣмъ мы знаемъ цѣлый рядъ преступленій, по которымъ законодатель былъ вынужденъ прислушаться къ голосу присяжныхъ засѣдателей и измѣнить или отмѣнить свои карательныя опредѣленія. Такимъ образомъ было поступлено съ лицами, совершавшими преступленія противъ паспортной системы. Когда присяжные засѣдатели видѣли какую-нибудь женщину, которая ушла отъ мужа, вслѣдствіе его жестокаго обращенія съ нею — какъ было однажды въ моей практикѣ, — и получила паспортъ отъ какой-нибудь благодѣтельной старухи и по этому паспорту въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проживала въ качествѣ прислуги, няни, горничной и т. п. и затѣмъ была опознана и ее поставили на судъ, — они *не могли* сказать, что она виновна, понимая, что они этимъ разобьютъ ея жизнь и что, въ сущности, она не виновата, ибо передъ ними не было

непосредственно потерпѣвшаго отъ ея преступленія, который бы плакался передъ ними и говорилъ о своей обидѣ. А когда прокуроръ говорилъ, что это преступленіе противъ паспортной *системы* и что при этомъ нарушены постановленія этой системы, присяжные засѣдатели отвѣчали оправдательнымъ приговоромъ. Въ концѣ-концовъ, законодатель долженъ былъ взъять эти дѣла изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, значительно смягчивъ для этого наказаніе. Вотъ первое соображеніе, которое можно привести противъ того, что принятіе этого законопроекта было бы нарушеніемъ принципа раздѣленія задачъ присяжныхъ и суда.

Обратимся ко второму — о нецѣлесообразности такой отмѣны. Я думаю, что она цѣлесообразна вполнѣ. Во-первыхъ, она нужна уже потому, что избавляетъ присяжныхъ засѣдателей отъ боязни, что отъ нихъ что-то скрываютъ, что съ ними играютъ въ прятки, а эта боязнь усиливаетъ ихъ стремленіе къ оправданію въ противовѣсъ не вполнѣ откровенному обвиненію. Поэтому это нужно даже для того, чтобы были правильные приговоры. Говоря о правильныхъ приговорахъ, я имѣю въ виду тѣ частныя нападки на судъ присяжныхъ, которыя существуютъ въ обществѣ и печати, иногда возникая съ особой остротой. Всякій, кто велъ дѣло съ присяжными засѣдателями, знаетъ, что бываютъ иногда приговоры присяжныхъ засѣдателей, съ которыми не всегда можно согласиться, но нѣтъ ни одного, котораго нельзя было бы объяснить разумнымъ образомъ. Для того же, чтобы его объяснить, надо судить не по газетнымъ отчетамъ, хлесткимъ фельетонамъ и по салоннымъ разговорамъ, а быть самому на судѣ и видѣть тѣ неуловимыя стороны дѣла, которыя вліяютъ на совѣсть присяжныхъ и заставляютъ ихъ, по убѣжденію, притти къ тому или другому рѣшенію. Говорятъ, что присяжные засѣдатели оправдываютъ чрезмѣрно много, что поэтому этотъ видъ суда проявляетъ мало репрессіи. Я сошлюсь на одно весьма авторитетное лицо въ судебномъ мірѣ, на бывшаго министра юстиціи Муравьева, который въ блестящемъ докладѣ, сдѣланномъ въ юридическомъ обществѣ, еще когда онъ былъ прокуроромъ Судебной Палаты, доказывалъ, что репрессія присяжныхъ, т.-е. обвинительные приговоры болѣе сильны и часты чѣмъ обвинительные при-

говоры суда безъ присяжныхъ или суда съ сословными представителями. Это же подтвердили старшіе предсѣдатели и прокуроры Судебныхъ Палатъ, созванные въ особое совѣщаніе въ 1895 г. Поэтому скрывать отъ присяжныхъ засѣдателей что-либо — это значитъ толкать ихъ на неправильный путь, и съ этой точки зрѣнія мы недавно сдѣлали еще шагъ впередъ, чтобы дать имъ возможность не стѣсняться соображеніями о томъ, что ихъ заставляютъ играть въ жмурки, но знать все. Мы приняли проектъ о зачетѣ предварительнаго заключенія. Однако правила этого проекта не будутъ имѣть практическаго значенія, если не разрѣшить предъ присяжными засѣдателями говорить о томъ, что то обстоятельство, что подсудимый просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи, ему можетъ быть зачтено или будетъ зачтено. Иначе присяжные засѣдатели, какъ это дѣлается и теперь, будутъ думать: этотъ человѣкъ уже отбылъ свое наказаніе, онъ столько просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи, что теперь его напрасно, несправедливо и не стоитъ наказывать. Слѣдовательно, о возможности зачета, придется говорить присяжнымъ засѣдателямъ уже для того, чтобы этотъ законъ получилъ практическую силу.

Пойдемте далѣе. Намъ говорятъ, что совершенно правильно запрещается говорить присяжнымъ засѣдателямъ о наказаніи. Но если правильно и разумно запрещается, то нарушеніе этого запрета должно влечь за собою кассацію приговора, постановленнаго при такихъ противозаконныхъ условіяхъ. Однако, этого вовсе нѣтъ. Правительствующій Сенатъ еще въ 1866 г. рѣшилъ, что если предсѣдатель остановилъ сторону, которая говоритъ о наказаніи и объ этомъ занесено въ протоколъ подробно, то ссылка сторонъ на наказаніе не есть кассаціонный поводъ; въ 1869 г. Сенатъ вновь призналъ, что если въ протоколѣ сказано, что сторона, позволявшая себѣ говорить о наказаніи, своевременно была остановлена, то это тоже не поводъ для кассаціи. Итакъ, значитъ, въ сущности, это не есть серьезное нарушеніе, а, слѣдовательно, возможность уклоненія отъ запрещенія говорить о наказаніи, не влечетъ за собою никакой опасности для тѣхъ, кто уклоняется. На практикѣ, по обыкновеннымъ дѣламъ, присяжные засѣдатели отлично знаютъ,

какому наказанію подлежитъ обвиняемый. Они не могутъ не знать, что приглашены судить по дѣлу, которое сопряжено съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія; это всѣмъ извѣстно. Затѣмъ, большею частью дѣла эти касаются кражъ со взломомъ и съ увеличивающими вину обстоятельствами. Когда присяжные засѣдатели произнесутъ по первымъ двумъ дѣламъ свое рѣшеніе и выслушаютъ приговоръ Суда, они уже отлично знаютъ, какое наказаніе будетъ назначено за всѣ подобныя преступленія. Что же касается до дѣлъ необычныхъ, то здѣсь происходитъ двоякое. Бываетъ, что присяжные засѣдатели не знаютъ о наказаніи, и тогда они начинаютъ бояться, что, напримѣръ, всѣ преступленія, связанныя съ лишеніемъ жизни, влекутъ за собою слишкомъ строгое наказаніе. Есть преступленія, которыя, кончаются лишеніемъ жизни, но которыя сами по себѣ, все-таки, не представляютъ такого преступленія, которое заслуживаетъ самаго строгого по закону наказанія. Таковы, напримѣръ, убійство въ дракѣ, нанесенія побоевъ безъ умысла на убійство, но вызвавшее смерть, убійство новорожденнаго урода, неимѣющаго человѣческаго образа и т. п. Между тѣмъ, всѣ эти дѣла подсудны присяжнымъ засѣдателямъ и у присяжныхъ засѣдателей является мысль: тутъ убійство, смерть, а разъ смерть, конечно, будетъ и самое строгое наказаніе, т.-е. каторга, и имъ никто не имѣетъ права объяснить, что тутъ о каторгѣ нѣтъ и помина, что тутъ наказаніе гораздо болѣе слабое. Посмотрите, какъ совершается на практикѣ это нарушеніе. Защитникъ не имѣетъ права упоминать о наказаніи, но онъ говоритъ горячую рѣчь, въ концѣ которой его паѳосъ увеличивается и, рѣчь кончается обыкновенно словами: «г. г. присяжные засѣдатели! я надѣюсь, что вашъ приговоръ не заставитъ подсудимаго въ дебряхъ Сибири, подъ холоднымъ полярнымъ кругомъ, въ снѣгахъ и стужѣ вспоминать о нынѣшнемъ днѣ». Предсѣдатель восклицаетъ: «Вы не имѣете права говорить о наказаніи». Защитникъ отвѣчаетъ: «я кончилъ». Слѣдовательно, останавливать—это значитъ только подчеркивать указаніе на наказаніе и притомъ невѣрное. Затѣмъ подсудимый говоритъ послѣднее слово. Какъ вы удержите простого человѣка—а ихъ большинство—отъ того, чтобы онъ не сказалъ: «помилуйте, кормильцы, куда же вы меня теперь, въ

Сибирь? у меня жена, дѣти». Этого предотвратить нельзя. Наконецъ, есть случай, когда нравственно невозможно остановить говорящаго. Придетъ мать или жена подсудимаго; она не откажется давать свои показанія, она будетъ, какъ свидѣтельница, говорить о дѣлѣ своего мужа или сына и въ концѣ расплачется и скажетъ: «и вотъ теперь его, родимаго, пошлютъ въ каторжныя работы». На практикѣ это приводитъ къ тому, что предсѣдатель, не имѣя права самъ говорить о наказаніи, можетъ лишь только запоздало останавливать, не имѣя права сказать: «г. г. присяжные засѣдатели, дѣйствительно наказаніе, грозящее подсудимому, — такое-то».

Но есть и другія дѣла, гдѣ этого нарушенія правила объ игрѣ въ прятки нѣтъ, гдѣ стороны не говорятъ о наказаніи, и гдѣ дѣло идетъ въ этомъ отношеніи гладко. Тутъ могутъ быть два случая, одинаково печальные для правосудія. *Первый* — въ сторону строгости. Представьте себѣ, что суду присяжныхъ засѣдателей предается человѣкъ, который, согласно указанію статьи 832 Уложенія о Наказаніяхъ, обвиняется въ томъ, что вышелъ за карантинную черту или вышелъ изъ оцѣпленнаго мѣста не въ опредѣленное время для этого. Присяжнымъ и ставится вопросъ объ этомъ. Они находятъ, что это нехорошо, что, вѣроятно, за это будетъ назначена тюрьма и что правильно произнести обвинительный приговоръ, и, чтобы не давать повадки, не дать даже и снисхожденія. А судъ выноситъ резолюцію: лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни. Какъ отнесутся къ этому присяжные? Въ большинствѣ случаевъ, этотъ страшный результатъ по неважному, какъ имъ казалось, преступленію приведетъ къ тому, что они во всѣхъ остальныхъ случаяхъ будутъ бояться подобнаго рода западни и будутъ стараться, если возможно, оправдывать только для того, чтобы этого сюрприза съ ними вновь не случилось. Но возможенъ *второй* случай и въ другую сторону, а именно, когда въ ихъ средѣ находится какой-нибудь любитель справокъ, который приноситъ въ карманѣ маленькое Уложеніе о Наказаніяхъ и по нему толкуетъ, вкривь и вкось, какому наказанію подвергается подсудимый, или же когда какой-нибудь самозван-

ный юристъ, служившій гдѣ-нибудь въ уѣздной Управѣ, или въ уѣздномъ Полицейскомъ Управленіи, или въ упраздненномъ Уѣздномъ Судѣ, считая себя знатокомъ уголовныхъ законовъ, станетъ разъяснять присяжнымъ, какое подсудимому предстоитъ наказаніе, въ то время, когда они, уйдя въ комнату совѣщанія, конечно, начнутъ интересоваться послѣдствіями своего рѣшенія. Что такіе вопросы возникаютъ у нихъ — не подлежитъ сомнѣнію, и нерѣдко послѣ разъясненія о наказаніи, сдѣланнаго несвѣдущимъ, невѣжественнымъ человѣкомъ, иногда, можетъ-быть, дѣйствующимъ даже недобросовѣстно, они именно на основаніи такого разъясненія вынесутъ свое рѣшеніе. Можно ли это допускать? Господа, позвольте вамъ разсказать случай изъ моей судейской практики. Сынъ купца-милліонера, извѣстнаго своимъ уголовнымъ процессомъ, былъ въ связи съ одной женщиной и ожидалъ, вслѣдствіе заявленія ея и приглашенной акушерки, вскорѣ сдѣлаться отцомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ былъ приглашенъ къ умирающей родильницѣ, которая подарила ему сына. Уступая ея желанію, тронутый ея судьбой и рожденіемъ сына, который, по словамъ акушерки, былъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды, онъ далъ ей шесть тысячъ рублей для того, чтобы успокоить ее въ послѣднія минуты за судьбу сына. Черезъ три дня акушерка пришла къ нему и сказала, что съ такой мошенницей дѣла имѣть не желаетъ и ее щадить не хочетъ, потому что она обѣщала ей 3000 р., а дала за труды только 300 р. При этомъ она объяснила, что беременность была притворная, гуттаперчевая, а ребенокъ былъ взятъ напрокатъ. Такимъ образомъ возникло дѣло о шантажѣ, но такъ какъ нашъ законъ шантажа не знаетъ до сихъ поръ, то, по аналогіи, приходилось примѣнить постановленія о мошенничествѣ. Подсудимыя сознались, а извѣстный адвокатъ Александровъ просилъ *только о снисхожденіи*, но присяжные послѣ четверти часа совѣщанія вынесли оправдательный приговоръ. И когда я въ разговорѣ со старшиной присяжныхъ указалъ трудно объяснимый и странный результатъ ихъ совѣщаній, онъ мнѣ сказалъ: «помилуйте, г. предсѣдатель, кабы за это тюрьма была, то мы бы съ дорогой душой обвинили, а вѣдь за это каторжныя работы». Когда же я

ему сказалъ, что подсудимымъ слѣдовало наказаніе отъ 1 до 3 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, то старшина пришелъ въ крайнее изумленіе, сожалѣя, что они впали въ такую ошибку, вслѣдствіе того, что въ составѣ присяжныхъ былъ отставной чиновникъ, который ихъ увѣрилъ, что за это преступленіе непремѣнно должны быть назначены каторжныя работы. Вотъ результатъ умолчанія передъ присяжными о наказаніи! Позвольте еще указать, что въ 1895 г. былъ съѣздъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, и большинствомъ 19 противъ 1 было признано необходимымъ въ цѣляхъ правосудія допустить оглашеніе передъ присяжными наказанія, которое грозитъ обвиняемому.

Предвижу еще одно возможное возраженіе. Могутъ сказать: зачѣмъ это право предоставлять и предсѣдателю и сторонамъ, зачѣмъ давать послѣднимъ это право? Достаточно постановить, что предсѣдатель, если присяжные засѣдатели пожелаютъ ознакомиться съ наказаніемъ, на ихъ просьбу отвѣчаетъ надлежащимъ разъясненіемъ. Господа, такое требованіе на первый взглядъ какъ будто соблазнительно, но оно нецѣлесообразно и непріемлемо. Если мы будемъ имѣть въ виду С.-Петербургъ и Москву, то къ составу дѣйствующихъ въ нихъ активныхъ присяжныхъ это еще можетъ быть примѣнено. Но судъ присяжныхъ дѣйствуетъ по всей Россіи среди сельскаго населенія, и есть уѣздные присяжные засѣдатели, которые, въ большинствѣ случаевъ, относятся съ извѣстною робостью къ суду и будутъ стѣсняться возбуждать вопросъ о наказаніи. Имъ покажется, что это неумѣстное любопытство, неумѣстное безпокойство, причиняемое суду. Кромѣ того, при уѣздныхъ сессіяхъ присяжныхъ, зачастую не бываетъ защитниковъ, прокуроръ о наказаніи говорить не станетъ, да и самъ предсѣдатель, по собственному побужденію, говорить будетъ далеко не всегда, если въ законѣ такого предписанія не содержится. Такимъ, образомъ, этотъ порядокъ былъ бы въ сущности полумѣрой; а въ законодательномъ дѣлѣ полумѣры никогда ни къ чему хорошему не приводятъ. Тутъ надо рѣшить опредѣленно — да или нѣтъ!

XII.

Увеличеніе содержанія судебнымъ чинамъ.

(Засѣданіе 27 іюня 1908 г.).

Позвольте просить васъ, господа, выслушать нѣсколько словъ объ увеличеніи содержанія судебнымъ чинамъ, такъ какъ докладъ Комиссіи состоялся не единогласно и противъ проекта закона, повидимому, явятся одностороннія возраженія. Когда на смѣну стараго суда явились, при введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, новыя учрежденія, когда Императоръ Александръ II удовлетворилъ насущную потребность и осуществилъ горячія желанія своего народа, надежды котораго могли быть выражены словами Требника «да суды Его немздоимны и нелицепріятны сохранитъ»—судебное сословіе было поставлено высоко. Судьи были,— сравнительно съ ихъ прежнимъ нищенскимъ жалованьемъ, — хорошо обезпечены, — поставлены, въ силу своей несмѣняемости, въ самостоятельное и независимое положеніе и выдѣлены изъ рядовъ обычнаго чиновничества, получивъ свойственныя своему званію и труднымъ обязанностямъ особыя служебныя права, внѣ общихъ заурядныхъ правилъ. Но медовый мѣсяцъ судебнаго преобразованія продолжался недолго. Въ своемъ отвѣтственномъ трудѣ новымъ судамъ пришлось первое время часто итти въ разрѣзъ со старыми привычками личнаго усмотрѣнія и нестѣсняемости об-

щими, равными для всѣхъ, правилами — и мало-по-малу судебные дѣятели изъ возлюбленныхъ дѣтей, подававшихъ блестящія надежды, совершеннно незаслуженно и близоруко были обращены почти что въ пасынковъ. Отсутствіе своевременной заботы о матеріальной сторонѣ ихъ быта, въ виду все увеличивающагося вздорожанія предметовъ первой необходимости, привело ихъ въ состояніе нужды, которую даже и скрыть нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ медленно стала вырастать на ихъ горизонтѣ туча, называемая пересмотромъ Судебныхъ Уставовъ въ Комиссіи при Министерствѣ Юстиціи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева, съ 1894 по 1899 годъ—грозившая—замѣною догмата о независимости судьи понятіемъ о ней, какъ о терпимомъ злѣ,—обратить, рядомъ служебныхъ комбинацій, *судебнаго дѣятеля* въ обыкновеннаго *чиновника по судебной части*. Нынѣ обстоятельства, повидимому, измѣнились и будемъ надѣяться, что туча эта, уже теперь весьма растаявшая, пройдетъ мимо судебнаго вѣдомства, окончившись не вреднымъ ливнемъ, а рядомъ благотворныхъ мѣръ по необходимому *ремонту*, но не по *искаженію* Судебныхъ Уставъ. Г. министръ юстиціи уже отозвался на властныя требованія жизни и раскрылъ передъ вами вопіющую нужду судебнаго сословія. Онъ внялъ голосу мудраго старика Бентама, сказавшаго: «дешевый судъ дорого обходится народу».

Въ высшей степени неправильно было бы сравнивать работу судьи съ работой должностныхъ лицъ другихъ присутственныхъ мѣстъ. Какъ бы ни былъ преданъ своему дѣлу и усерденъ управляющій контрольной или казенной Палатой, онъ имѣетъ право быть занятъ лишь въ присутственные часы; кончились они—и онъ можетъ всецѣло отдаться семьѣ, знакомымъ, развлеченіямъ, книгамъ или какому-нибудь любимому занятію. А судья, понимающій и выполняющій свой долгъ,—когда свободенъ онъ отъ умственной работы, отъ изученія дѣлъ, отъ раздумья о завтрашнемъ рѣшеніи, отъ тревожныхъ воспоминаній и провѣрки себя по поводу вчерашняго приговора? И сколько у него личной, хотя и важной, но черной работы по писанію опредѣленій и всѣхъ этихъ рѣшеній и приговоровъ! Посмотрите затѣмъ на матеріальныя условія и обстановку его службы, на эти частые и продолжительные разъ-

ѣзды, — на отсутствіе опредѣленныхъ часовъ для окончанія занятій, размѣръ и длительность которыхъ зависитъ не отъ него, а отъ хода дѣла, — на эти бдѣнія въ судѣ за полночь, и сидѣнье съ присяжными иногда по цѣлымъ недѣлямъ, — на пребываніе въ случайныхъ, неудобныхъ помѣщеніяхъ, съ ночевкою по избамъ и уѣзднымъ постоялымъ дворамъ, — на случайную, нездоровую пищу, на прикованность къ письменному столу и т. д. Вспомните тяжесть нравственную, одинаковую и для судьи, и для прокурора, если только онъ хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ создали его Судебные Уставы, т.-е. *говорящимъ судьею*, а не обвинителемъ во что бы то ни стало. Быть-можетъ, ни одна служба не даетъ такъ мало не отравленныхъ чѣмъ-нибудь радостей и не сопровождается такими внутренними скорбями и тяжелыми испытаніями, лежащими внѣ ея и въ ней самой. Ни въ одной дѣятельности не приходится такъ часто тревожить свою совѣсть, то призывая ее въ судьи, то требуя отъ нея указаній, то отыскивая въ ней, въ ней одной, поддержки и утѣшенія среди негодованія слѣпой толпы или осязательнаго недовольства представителей власти. При томъ общіе результаты дѣятельности судьи для него неуловимы. Судья не имѣетъ, по большей части, счастья сказать себѣ: «вотъ это—результатъ того, что я сдѣлалъ» или «вотъ этому явленію въ культурной жизни родины и я содѣйствовалъ». Онъ, конечно, вкладывается своимъ трудомъ въ это дѣло, но какъ кусочекъ мозаики, незамѣтно и невѣдомо для себя самого. А какое душевное и физическое утомленіе сопровождаетъ его работу! Покойный извѣстный психіатръ и глубокій психологъ И. П. Мержеевскій, предъ глазами котораго прошелъ легіонъ нервнобольныхъ, переутомленныхъ, неврастениковъ и близящихся къ роковой чертѣ, за которую погасаетъ умъ, иногда очень свѣтлый, но не вынесшій постояннаго напряженія, — говорилъ мнѣ, что къ нему обращается такъ много судебныхъ дѣятелей, что онъ пришелъ къ убѣжденію, что если бы связанные непосредственнымъ нисходящимъ родствомъ три человѣка преемственныхъ поколѣній занимались судебною дѣятельностью, то четвертый въ родѣ несомнѣнно страдалъ бы вырожденіемъ. Вотъ почему намъ нельзя мечтать о той «noblesse de robe», которою такъ гордились

французы и среди которой одна фамилія Мопу дала въ теченіе 250 лѣтъ пятьдесятъ судей разныхъ наименованій.

Какое же обезпеченіе получаютъ судебные дѣятели за эту свою трудную дѣятельность? Министръ юстиціи представилъ Государственной Думѣ свѣдѣнія объ этомъ. Общій выводъ изъ нихъ тотъ, что обычный типъ русскаго судьи и лица окружной прокуратуры изображаетъ намъ человѣка, который долженъ сводить свои потребности до крайнихъ низшихъ предѣловъ возможнаго и приличнаго,—который жмется при каждомъ неизбѣжномъ расходѣ,—котораго властно тѣснятъ мелочи жизни и грошовые расчеты, не позволяя никакихъ развлеченій, никакого личнаго отдыха,—человѣка, который не можетъ разрѣшить себѣ купить хорошую книгу, выписывать большой журналъ,—который не можетъ позволить себѣ роскошь семьи, а если позволилъ, то радость имѣть дѣтей отравлена для него тревогою о томъ, какъ ихъ прокормить, одѣть, воспитать... Я зналъ такихъ судей, я съ горестью и умиленіемъ вспоминаю старѣйшаго судью столичнаго суда, гдѣ я былъ предсѣдателемъ, бѣгавшаго, чтобы поддержать семью, на старости лѣтъ, по урокамъ, всегда въ одномъ и томъ же пальто—слишкомъ тепломъ для лѣта, слишкомъ легкомъ для зимы. А прибавьте къ этому неожиданныя бѣдствія, семейныя потери, болѣзни! Позвать извѣстнаго въ своей спеціальности врача—не по средствамъ, пойти на амбулаторный пріемъ—некогда! Знаменитый юристъ-романистъ Виндшейдъ сказалъ, что юстиція служанка закона, но служанка въ терновомъ вѣнцѣ. Что сказалъ бы онъ, приглядѣвшись къ житью-бытью бѣднаго русскаго судебнаго слуги закона?! А между тѣмъ, этотъ слуга закона пронесъ незапятнаннымъ ввѣренное ему въ 1866 г. знамя и несетъ его такъ до сихъ поръ, рѣдко спотыкаясь, порою изнемогая, но никогда, никогда не замаравъ корыстью или лихоимствомъ тѣхъ рукъ, которыя держатъ это знамя... Онъ доказалъ, что старая, вызванная бездушіемъ и продажностью стараго суда, печальная поговорка «не суда бойся,—бойся судьи...», съ тѣхъ поръ какъ дѣйствуютъ Судебные Уставы—потеряла свою силу.

Но ему вѣдь помогаетъ Министерство,—скажутъ мнѣ,—вѣдь и теперь въ смѣтѣ послѣдняго есть сумма на пособія въ раз-

мѣрѣ 92.000 р. въ годъ. Но, господа, это капля въ морѣ нужды. Этого хватаетъ только на самые экстренные случаи и при томъ въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ. Я помню моего товарища по званію оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента — М. Ф. Губскаго, благороднѣйшаго человѣка, даровитаго и заслуженнаго труженника и тонкаго юриста, пользовавшагося общимъ уваженіемъ. На предсмертную его поѣздку въ Карлсбадъ ему возможно было ассигновать только 150 р., а когда онъ умеръ, оставивъ большую семью и нѣсколько рублей, сумма, выданная на похороны, была столь незначительна, что его отпѣвали вмѣстѣ съ другими покойниками за общей литургіей въ кладбищенской церкви,—и пришли его проводить лишь немногіе, ибо по *шестому разряду* товарищества похоронныхъ процессій полагается лишь одно объявленіе о смерти, да и то на задней страницѣ газеты. Для тѣхъ, кто зналъ его — онъ лежитъ по *первому разряду* на кладбищѣ ихъ сердца,—но предоставляю вамъ судить, какъ ободрительно должны были дѣйствовать на другихъ, подобныхъ ему беззавѣтныхъ работниковъ судебнаго дѣла, такія условія жизни и обстановка отданія послѣдняго долга!

Скудость средствъ на пособія вызвала учрежденіе благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства. Я имѣю честь состоять уже 4½ года предсѣдателемъ этого общества. За это время мы выдали лицамъ, не ниже судебнаго слѣдователя, и ихъ семьямъ около 106.000 р. Распредѣленіе этой суммы дополнитъ намъ уже имѣющіяся свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи чиновъ судебнаго вѣдомства. Нуждающихся въ нашей помощи семействъ усопшихъ судебныхъ дѣятелей оказалось 1.040 человѣкъ на сумму пособій въ 63.000 р.; состоящихъ на службѣ 142 — на сумму пособій въ 14.000 р. Но кто эти *состоящіе*, подходящіе подъ уставъ общества только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ? Это люди, которымъ уже заглядываетъ въ лицо смерть, властно указывая на необходимость лѣчиться или лѣчить самыхъ близкихъ и дорогихъ, и которымъ не въ силахъ помочь ни бѣдняки товарищи, ни содержимое въ *оскудѣніи* Министерство Юстиціи. И можно себѣ представить душевное состояніе и все переживаемое иной вдовой члена Палаты или дочерью сенатора, когда онѣ вынуждены не-

отвратимой нуждою обратиться къ официальной благотворительности... А затѣмъ на окончаніе курса въ университетѣ, на высшихъ женскихъ и медицинскихъ курсахъ и въ гимназіи, а также на воспитаніе дѣтей выдано — на первую потребность 83 молодымъ людямъ 4.915 р., а на вторую—263 лицамъ сумма въ 24.000 р. Всѣ первыя выдачи вызваны опасностью исключенія изъ учебныхъ заведеній за невзносъ платы за ученіе, иногда предъ самымъ окончаніемъ курса. Здѣсь приходилось спѣшить на помощь судебнымъ дѣятелямъ, которые иначе были бы поставлены въ горестную необходимость сказать своему сыну или дочери: «проработавъ всю жизнь на службѣ русскому правосудію, я, давшій тебѣ жизнь, не имѣю средствъ дать тебѣ то образованіе, которое получилъ самъ. Прости ты меня, старика!»

Я далекъ отъ мысли, что проектъ, намъ предлагаемый, безупреченъ. Въ немъ много недодѣланнаго... Достаточно указать хотя бы на то, что старшій нотаріусъ, равный по закону судьѣ и считающійся членомъ суда, занимающій важную и отвѣтственную должность, не сравненъ въ окладѣ съ членомъ Окружного Суда, тогда какъ очень желательно, чтобы именно члены суда переходили въ старшіе нотаріусы. Затѣмъ, почему-то лишены пятилѣтней прибавки члены Судебныхъ Палатъ, такъ что, по прослуженіи въ своемъ званіи десяти лѣтъ, ни одинъ членъ Суда не будетъ видѣть ничего привлекательнаго въ званіи члена Палаты и не захочетъ сдвинуться съ насиженнаго мѣста. А между тѣмъ, по мысли составителей Судебныхъ Уставовъ, членами Палаты должны назначаться опытнѣйшіе юристы, и ихъ среду необходимо освѣжать житейскимъ опытомъ и большею близостью къ живому матеріалу дѣла, свойственными членамъ Суда. При этомъ нельзя не замѣтить, что нынѣ есть такіе заслуженные члены Палатъ, лишать которыхъ прибавки, ассигнуемой членамъ Суда, несправедливо. Въ Виленской Палатѣ есть членъ, занимающій эту должность 26 лѣтъ, въ Одессѣ одинъ— занимающій 32 года, въ Варшавѣ — трое по 21 году и одинъ 23 года и, наконецъ, въ Тифлисской Судебной Салатѣ есть членъ, носящій это званіе уже 30 лѣтъ. Затѣмъ представляется непослѣдовательнымъ давать старшему предсѣдателю Палаты въ Петер-

бургѣ квартирную прибавку, въ виду дороговизны жизни въ столицѣ и не давать ее кассаціоннымъ сенаторамъ, тѣмъ болѣе, что даже и при назначеніи 9.000 р. въ годъ сенаторы будутъ получать всего 7.360 р. за вычетами % на пенсію и эмеритуру. Составители Судебныхъ Уставовъ, назначая 44 года назадъ сенатору 7.000 р., вовсе не имѣли въ виду такого огромнаго процента вычета на пенсію, и нынѣшняя прибавка въ 360 р. является своего рода насмѣшкою. Но я не предлагаю ничего мѣнять въ проектѣ. Эти измѣненія могутъ быть произведены отдѣльно, въ будущую сессію, теперь же надо поспѣшить его утвержденіемъ и тѣмъ сказать труженикамъ судебнаго дѣла, что законодательная власть признаетъ и цѣнитъ заслуги представителей власти судебной и участливо относится къ ихъ нуждамъ.

XIII.

Мѣстный судъ.

(17 февраля 1912 г.).

Нахожу необходимымъ добавить нѣсколько словъ къ тому, что уже было здѣсь сказано по отношенію къ институту земскихъ начальниковъ. Признавая, что въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ этотъ институтъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, могъ иногда оказывать услуги общественному порядку, я, тѣмъ не менѣе, думаю, что въ общемъ, это учрежденіе, какъ судебное, по свойстамъ своимъ представляется случайнымъ, не могущимъ войти въ качествѣ составной части въ органическое устройство для отправленія правосудія въ Россіи. Къ этимъ его свойствамъ относится прежде всего совершенно недопустимое и по идеѣ, и по осуществленію *сліяніе воедино административной и судебной власти въ рукахъ одного лица*. Намъ говорилось здѣсь, что понятіе о невозможности этого сліянія есть отвлеченность, а дѣйствительность и практика его допускаютъ. Да! практика, къ сожалѣнію, часто терпитъ многія вещи, которыя недопустимы теоретически, но, въ данномъ случаѣ, требованіе раздѣленія властей не одно отвлеченное, метафизическое начало, а такое, которое коренится и въ мышленіи и въ опытѣ всѣхъ лицъ, которыя приглядывались къ жизни и ея проявленіямъ. Этотъ опытъ говоритъ о необходимости строго разграничивать административный взглядъ, политическія соображенія и начальственныя распоряженія отъ стремленія къ правосудію и къ работѣ судейской совѣсти, которая предписываетъ сообразоваться не съ тѣмъ, что надо предупреждать *вообще*, а съ тѣмъ, что надо обсудить по

конкретнымъ, наличнымъ обстоятельствамъ. Необходимость этого разграниченія подсказываетъ намъ не только житейскій опытъ, не только пониманіе коренныхъ основъ общежитія, но и этическое правило, преподанное намъ давно и преподанное съ такой высоты, которая стоитъ внѣ спора. Давно уже — и навѣки неоспоримо было сказано: «никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо или одного возненавидитъ, а другого возлюбитъ, или одному станетъ усердствовать, а другому нерадѣть». И эти слова Спасителя, мнѣ кажется, лучше всего указываютъ на невозможность успѣшнаго и равноцѣннаго служенія двумъ совершенно разнымъ сферамъ дѣятельности. Въ нашей Комиссіи указывалось, что хотя Западъ и выработалъ строгое различіе между административной и судебной областями, но что для славянской природы это различіе не существенно и не приложимо. Сомнѣваюсь, чтобы это было такъ. Вы уже слышали отъ Министра Юстиціи о томъ, какъ въ нашей правовой исторіи сложился раздѣлъ этихъ властей; въ дополненіе я могу сослаться на мнѣніе недавно насъ оставившаго нашего сочлена, покойнаго профессора Н. П. Загоскина, который въ спеціальномъ изслѣдованіи весьма подробно разработалъ, какъ съ 1556 г. въ Россіи раздѣлялась мѣстная судебная власть отъ административной и какая разница существовала между губнымъ производствомъ и губными старостами съ одной стороны, и земскими головами, которые были представителями мѣстнаго самоуправленія, съ другой. Поэтому, мнѣ кажется, что указаніе на славянскую природу, побуждающую судью и администратора, соединенныхъ въ одномъ лицѣ, постоянно заступать за постромки — лишено прочнаго основанія. Мы имѣемъ указанія на то, что вредъ сліянія сказывался не только на правовыхъ интересахъ населенія, но и на дѣятельности самихъ земскихъ начальниковъ. Когда была образована Комиссія статсъ-секретаря Муравьева для пересмотра Судебныхъ Уставовъ, то въ томѣ X матеріаловъ для ея сужденій были собраны весьма интересныя данныя, служащія для оцѣнки дѣятельности земскихъ начальниковъ. Между прочимъ, на страницѣ 34 этихъ матеріаловъ приводятся данныя, что даже при всей добросовѣстности и желаніи исполнять свои обязанности, у земскихъ начальниковъ все-таки судебная дѣ-

ятельность стоитъ на второмъ планѣ, отходитъ назадъ, и это выражается, между прочимъ, въ ихъ поведеніи на уѣздныхъ съѣздахъ, гдѣ они весьма серьезно и внимательно относятся къ засѣданіямъ по административнымъ вопросамъ и гораздо менѣе усердно или даже поверхностно къ засѣданіямъ по вопросамъ судебнымъ.

Во-вторыхъ, крупнымъ недостаткомъ учрежденія земскихъ начальниковъ является отсутствіе единства дѣйствій и надлежащаго надзора за этимъ. Въ то время, когда судебные дѣятели руководятся точными, опредѣленными законами и затѣмъ разъясненіями Сената, какъ по общимъ собраніямъ, такъ и по кассаціоннымъ департаментамъ, — земскіе начальники получаютъ рядъ бюрократическихъ инструкцій и циркуляровъ, многіе изъ которыхъ касаются даже и чисто техническихъ судебныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, порядка направленія частныхъ жалобъ и ихъ оцѣнки въ смыслѣ дальнѣйшаго ихъ движенія. Достаточно далѣе сослаться на циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1893 г. за № 2799, которымъ устанавливается такой важный и спеціальный судебный вопросъ, какъ вопросъ о подсудности. Такимъ образомъ, въ лицѣ земскаго начальника, мы имѣемъ должностное лицо, которое получаетъ указанія для своей судебной дѣятельности отъ вѣдомства, не призваннаго, однако, представлять судебную власть и регулировать судебную дѣятельность, но имѣющаго совсѣмъ другія задачи. Даже и тѣ судебныя должности, которая связаны съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, поставлены ненормально. Достаточно указать на должность *городского судьи*, котораго избираетъ и назначаетъ Министерство Юстиціи, но приговоры и рѣшенія котораго по тѣмъ же дѣламъ, которыя подсудны въ уѣздѣ земскому начальнику, оцѣниваются и разсматриваются уѣзднымъ съѣздомъ земскихъ начальниковъ. Въ апелляціонномъ порядкѣ дѣятельность земскаго начальника подлежитъ обсужденію уѣзднаго съѣзда, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства.

При всѣхъ возможныхъ на практикѣ бытовыхъ, сословныхъ и, такъ сказать, традиціонныхъ достоинствахъ отдѣльныхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, они такъ обременены множествомъ всякихъ Присутствій, гдѣ имъ надлежитъ предсѣдательствовать,

что имъ себя очень часто приходится замѣнять. Циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1890 г. за № 47 разрѣшено имъ замѣнять себя депутатомъ дворянства и, въ порядкѣ постепенности, даже членомъ дворянской опеки. Я думаю, что всякій, кому знакома бѣдность наша въ людяхъ и невозможность избрать на всѣ должности одинаково способныхъ людей, легко себѣ представить уѣздный съѣздъ подъ предсѣдательствомъ члена дворянской опеки.

Наконецъ, есть и третій недостатокъ—*многочисленность кассаціонныхъ судовъ*. Основное начало отправленія правосудія состоитъ въ томъ, что долженъ быть единый судъ, который даетъ одинаковыя, руководящія начала, имѣющія въ нѣкоторыхъ случаяхъ императивный характеръ, для всѣхъ судебныхъ учрежденій. Мы имѣемъ, однако, въ связи съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ многочисленность такихъ руководящихъ судовъ. Единственная страна, гдѣ существуетъ нѣсколько кассаціонныхъ судовъ,—Италія, но и тамъ ихъ 5—6, да и вызываютъ они постоянное возраженія, несмотря на то, что составъ этихъ судовъ однороденъ и состоитъ изъ опытныхъ и заслуженныхъ людей, равносильныхъ по своей подготовкѣ къ судебной дѣятельности. У насъ существуетъ огромный рядъ кассаціонныхъ судовъ,— столько же, сколько и губерній, управляемыхъ въ общемъ порядкѣ. Всѣ губернскія присутствія составляютъ въ то же время и кассаціонные суды, и, такимъ образомъ, въ каждомъ изъ нихъ можетъ быть своеобразная и разнообразная практика. А если принять во вниманіе то, что по отзывамъ лицъ, представившихъ свои заключенія въ Комиссію статсъ-секретаря Муравьева, очень часто разрѣшеніе *кассаціонныхъ* вопросовъ въ этихъ присутствіяхъ дѣлается на почвѣ разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла *по существу*, то можно заключить, каковы эти общія руководящія начала. При этой пестротѣ, этомъ quod capita tot sensus, никогда нельзя надѣяться на то, что будетъ одинъ цѣльный по источнику и твердый взглядъ на законъ и единое его толкованіе.

Не достигаетъ, въ сущности, и своей главной цѣли должность земскаго начальника. Она была учреждена для, того, чтобы водворять на мѣстѣ порядокъ и отправлять близкую къ народу

юстицію. Но если вглядѣться въ статьи 48 и 49 Положенія о земскихъ начальникахъ и въ статьи 15, 16 и 17 Положенія о волостномъ судѣ, то мы увидимъ, что по подсудности, въ сущности, очень мало крестьянскихъ дѣлъ подлежатъ самому земскому начальнику, а большинство этихъ дѣлъ подлежитъ или волостному суду или городскому судьѣ. И, такимъ образомъ, земскій начальникъ, который учрежденъ для того, чтобы водворять правосудіе именно въ крестьянскомъ быту, не является непосредственнымъ и ближайшимъ судебнымъ органомъ для крестьянъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на условія дѣятельности, въ которыя поставлены земскіе начальники. Я далекъ отъ того, чтобы огуломъ возводить обвиненія на представителей этого учрежденія и думаю, что иные земскіе начальники перваго призыва, въ число которыхъ вошли многіе изъ бывшихъ мировыхъ судей, исполняли весьма усердно, и, по мѣрѣ силъ даже успѣшно, свои обязанности. Но уже въ нашей Комиссіи нашъ сочленъ А. Б. Нейдгардъ указывалъ на то, что современный земскій начальникъ совсѣмъ не тотъ, который былъ учрежденъ въ началѣ, что цѣлый рядъ условій, лежащихъ и въ самой должности, и, главнымъ образомъ, въ выборѣ людей и въ отсутствіи надлежащаго руководительства со стороны правительства, сдѣлали эту должность совсѣмъ не такой привлекательной, какою она казалась прежде. Въ нее идутъ преимущественно тѣ лица, которыя за неимѣніемъ лучшаго *вынуждены* ее занять, а не лица, избравшія ее по убѣжденію въ ея полезности или по призванію.—Въ Положеніи о земскихъ начальникахъ содержится нѣсколько условій, которыя даютъ возможность разыгрываться или проявляться наиболѣе низменнымъ сторонамъ духовной человѣческой природы — властолюбію, произволу, раздраженію. Достаточно указать на статью 58, по которой земскій начальникъ можетъ сажать подъ арестъ волостного судью, безъ формальнаго производства и безъ объясненія основанія своихъ распоряженій. Онъ можетъ, очевидно, взыскивать въ нѣкоторыхъ случаяхъ и за дѣйствія, которыя относятся къ отправленію волостнымъ судьею судебныхъ обязанностей. И здѣсь важно то, что волостной судья долженъ сознавать, что въ случаѣ неугодности земскому начальнику того или другого рѣшенія, онъ мо-

жетъ быть, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, подвергнуть личному взысканію. Въ статьѣ 57 говорится, что земскій начальникъ имѣетъ право безъ всякаго формальнаго производства наказывать за неисполненіе его законныхъ требованій. Но такъ какъ нѣтъ надъ этимъ земскимъ правосудіемъ единаго кассаціоннаго суда, то понятіе о законности распоряженій чрезвычайно неуловимо и не поддается ни безпристрастной критикѣ, ни установленію точно опредѣленнаго взгляда, подобно статьѣ 29 Мирового Устава,—о законности требованій власти которая постоянно толкуется Сенатомъ во множествѣ рѣшеній въ извѣстномъ смыслѣ. Здѣсь же, даже въ случаѣ жалобы, каждое губернское присутствіе можетъ по-своему толковать понятіе о *законности,* при чемъ въ большинствѣ случаевъ обжалованіе будетъ не цѣлесообразно, такъ какъ рѣшеніе по статьѣ 57 приводится немедленно въ исполненіе.

Такимъ образомъ у земскаго начальника въ рукахъ, независимо отъ его административной власти, есть еще другая, почти безконтрольная власть судебная и очень при томъ сильная и непререкаемая. Кому же такая власть дается? Дается ли она людямъ, умудреннымъ опытомъ житейскимъ,—людямъ, которые относятся со спасительнымъ страхомъ къ врученной имъ власти, и осторожны въ ея примѣненіи? Увы! это не такъ... Это не такъ, во-первыхъ, потому, что по статьямъ 6 и 15 Положенія о земскихъ начальникахъ образовательный цензъ отошелъ на задній планъ, и оказалось, что послѣдующими узаконеніями требованіе образованія сведено къ минимуму. А возрастъ? Возрастъ былъ сначала въ 25 лѣтъ, а потомъ онъ былъ тоже сведенъ до 21 года для лицъ, которыя пробыли одинъ годъ кандидатами на должность земскаго начальника. Что же это значитъ—кандидатами? Имѣетъ ли кандидатъ право исполнять обязанности земскаго начальника? Нѣтъ, не имѣетъ. Значитъ это просто лицо, числящееся въ спискахъ или присутствующее въ качествѣ диллетанта при дѣйствіяхъ земскаго начальника. А между тѣмъ, такое лицо уже въ 21 годъ получаетъ въ свое полное распоряженіе статьи 57 и 58. Человѣкъ почти со школьной скамьи и очень, при томъ, не высокой, если она не замѣняется еще «до-

машиннмъ воспитаніемъ», получаетъ почти безграничную власть. Вино власти ему бросается въ голову, и въ этомъ хмелѣ онъ можетъ совершать самыя разнообразныя нарушенія закона и оскорбленія лицъ, надъ которыми онъ поставленъ начальникомъ. Мы имѣемъ примѣры этому въ извѣстномъ процессѣ харьковскаго земскаго начальника Протопопова, разбиравшемся въ Сенатѣ въ 1893 г. Это было послѣднее дѣло, которому было дозволено дойти до суда. Послѣ этого процесса дѣла по обвиненіямъ земскихъ начальниковъ до суда уже больше не допускались, и не было ни одного случая, когда бы земскій начальникъ былъ преданъ суду въ общеустановленномъ порядкѣ. Этотъ Протопоповъ былъ, быть можетъ, человѣкъ недурной, но горячій, молодой, котораго именно опьянило вино власти. Онъ указывалъ, что его карьера будетъ испорчена, если, будучи осужденъ, онъ будетъ высаженъ со служебнаго корабля на берегъ, — онъ — *кандидатъ правъ*! Но это былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *кандидатъ безправія*, по всему тому, что онъ дѣлалъ, за что былъ осужденъ. Когда намъ говорятъ, что, къ сожалѣнію, нареканіямъ на земскихъ начальниковъ не было дано достаточнаго отпора, я имѣю основаніе думать, что этотъ отпоръ былъ данъ, но это былъ отпоръ особаго рода — отпоръ вынужденнаго молчанія, потому что ни въ печати, ни въ судахъ мы послѣ процесса Протопопова больше ничего не слышали о неправильныхъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ, которые, вопреки дѣйствительности, будто бы представляли «семью *безъ* урода». Надо припомнить статью 140 Устава о цензурѣ, которая предоставляетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ видахъ Правительства и въ цѣляхъ высшаго государственнаго порядка, воспрещать печатаніе извѣстныхъ свѣдѣній, и имѣть въ виду то, что нѣкоторые министры пользовались этимъ правомъ такъ широко, что воспрещали печатать о тотализаторѣ, о доппингѣ, о пріѣздѣ Харьковскаго губернатора въ С.-Петербургъ и тому подобныхъ предметахъ высшаго государственнаго порядка. Конечно редакціи газетъ чувствовали, что онѣ не имѣютъ права печатать ничего о земскихъ начальникахъ, не рискуя испытать на себѣ административныя мѣропріятія. Слѣдовательно, отпоръ былъ данъ: отпоръ молчанія.

Намъ торжественно и настойчиво указывается на заслуги земскихъ начальниковъ. Не отрицаю возможности этихъ заслугъ, готовъ вѣрить на слово, но спрашиваю себя—въ чемъ же заслуги эти выразились, — и слышу въ отвѣтъ, что со введеніемъ земскихъ начальниковъ сократились растраты, прекратился произволъ сельскихъ сходовъ, стали образовываться ссудо-сберегательныя товарищества, начало упорядочиваться продовольственное дѣло и т. д. Позволю себѣ, однако, спросить — что же все это имѣетъ общаго съ *судебною* дѣятельностью, о которой только и идетъ рѣчь? Два слова еще. Когда Комиссія Статсъ-Секретаря Муравьева приступила къ обсужденію вопроса о мѣстномъ судѣ, то возникли вопросы о разграниченіи административной и судебной властей и о лишеніи земскихъ начальниковъ судебной власти. Богато одаренный опытомъ и знаніемъ представитель Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Комиссіи, покойный Н. А. Неклюдовъ, заявилъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы судебная власть была взята у земскихъ начальниковъ. Это, господа, было въ 1894 г., т.-е. при тѣхъ правительственныхъ и общественныхъ условіяхъ, когда критика Положенія о земскихъ начальникахъ представлялась весьма трудной и связанной съ нѣкоторыми опасеніями. Однако, и тогда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ лицѣ Товарища Министра, считало возможнымъ отказываться отъ введенныхъ въ его составъ неожиданныхъ и своеобразныхъ судей, и лишь Министръ Юстиціи, съ услужливой поспѣшностью, устранилъ этотъ вопросъ изъ обсужденія... Насъ пугаютъ недостаткомъ финансовыхъ средствъ, но это вопросъ спеціальный, который едва ли мы компетентны рѣшить. Разъ правительство не возражаетъ противъ того, чтобы мировыми судьями въ извѣстномъ отношеніи замѣнить земскихъ начальниковъ, значитъ оно считаетъ, что имѣетъ на такую реформу и надлежащія средства. Опять напомню слова Бентама: «дешевый судъ всегда дорого обходится народу». Поэтому, не будемъ хлопотать о такомъ судѣ, о дешевизнѣ въ отправленіи правосудія. Цѣна такому правосудію будетъ и цѣною дешевою. Одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта заявилъ здѣсь, что возраженія противъ земскихъ начальниковъ есть не что иное,

какъ вѣдомственная самозащита лицъ, которая слишкомъ слѣпо возлюбила судебное вѣдомство и т. д. Но это не вѣрно! Я лично упорный противникъ привычныхъ распрей различныхъ вѣдомствъ, дѣлящихъ между собою ризы власти, а теперь даже и не принадлежу къ судебному вѣдомству, хотя съ благодарностью и глубокимъ сочувствіемъ отношусь къ тому времени, которое я въ немъ провелъ. А. Б. Нейдгардтомъ здѣсь было сдѣлано напоминаніе о сказанныхъ мною въ другомъ засѣданіи словахъ, что у насъ *нѣтъ вчерашняго дня*. Да, господа, въ большинствѣ случаевъ, его нѣтъ, но у насъ нѣтъ не только вчерашняго, но и «третьяго дня». Вотъ что особенно печально! Но мы, которые стоимъ за устройство *судебной* организаціи по отношенію къ мѣстному суду, мы помнимъ то, что было *третьяго дня*, когда на туманномъ горизонтѣ дореформенной и безсудной Россіи взошло солнце Судебныхъ Уставовъ. О томъ, что было «третьяго дня» мы не можемъ забыть и всѣ конечно желаемъ возвращенія къ тому времени, когда Судебные Уставы сказали авторитетно и рѣшительно: да будетъ судъ—судомъ, а исполнительное начальство — начальствомъ!

Въ нашей Комиссіи я возражалъ противъ Волостного суда въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ существуетъ. Я заявлялъ, что не будучи сельскимъ жителемъ, я съ практикою Волостныхъ судовъ близко не знакомъ, но знакомъ съ литературою по этому вопросу и имѣю 45-лѣтній судебный опытъ, дающій мнѣ основаніе привѣтствовать предположенія Министерства Юстиціи объ упраздненіи Волостного суда. Работа Комиссіи сенатора Любощинскаго собрала громадный матеріалъ по настоящему вопросу. Оказалось, что уже 12 лѣтъ спустя послѣ учрежденія Волостного суда, онъ не удовлетворялъ интересовъ правосудія; врядъ ли онъ много улучшился со времени его преобразованія; есть основанія полагать, что онъ даже ухудшился. Волостной судъ въ своемъ настоящемъ видѣ нарушаетъ основныя начала правосудія при разсмотрѣніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ. Изъ практики Волостныхъ судовъ можетъ быть приведенъ длинный рядъ вопіющихъ примѣровъ самыхъ нелѣпыхъ, несправедливыхъ и противныхъ законамъ рѣшеній. Съ формальной стороны рѣшенія этихъ судовъ

еще менѣе удовлетворительны. Они малограмотны, неясны, даже иногда лукаво искажены рукою волостного писаря, который во многихъ мѣстахъ замѣнилъ собою судъ. Дѣла разрѣшаются и не по закону, и не по примѣненію обычнаго права, а, такъ сказать, глядя по человѣку — съ полнѣйшимъ произволомъ. Сами крестьяне высказываются противъ Волостного суда (напримѣръ, въ Харьковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ) и заявляютъ, что примѣняющійся въ немъ обычай мѣняется подъ вліяніемъ на судей водки; они желали бы имѣть апелляціонную инстанцію съ мировымъ судьею. Сохраненіе Волостного суда въ его современномъ видѣ будетъ искусственнымъ поддержаніемъ крестьянской обособленности и станетъ въ противорѣчіе не только съ жизнью, но и съ общимъ направленіемъ законодательства, уничтожающаго сословныя перегородки. Указаніе на недостатокъ людей, могущихъ занять должности мировыхъ судей, не можетъ служить препятствіемъ къ введенію Мирового института, что подтверждается опытомъ судебной реформы 1864 года. Необходимо лишь вводить этотъ институтъ постепенно, по судебнымъ округамъ.

Но, возражая противъ современнаго Волостного суда, я не скрываю отъ себя, что въ виду неожиданнаго отказа правительства поддерживать свое ходатайство предъ Государственной Думой и громаднаго большинства въ нашей Комиссіи, безплодно было-бы ограничиться однимъ отрицаніемъ этого суда, не обсудивъ возможности его улучшенія, предлагаемаго большинствомъ Комиссіи. Волостной судъ можетъ быть улучшенъ, *во-первыхъ*, въ отношеніи къ личному составу, если этотъ составъ будетъ болѣе обезпеченный, а на необезпеченность его и вызываемые ею недостатки постоянно указывали тѣ лица, которыя сообщали свои свѣдѣнія Комиссіи Н. В. Муравьева. *Во-вторыхъ*, если этотъ судъ войдетъ въ общую схему судебныхъ учрежденій, съ ними соединится и сомкнется посредствомъ учрежденія аппеляціонной инстанціи. *Въ третьихъ*—если у этого суда крайне уменьшится подсудность и онъ дѣйствительно обратится къ мелкимъ дѣламъ самой обыденной жизни, которыя ближе всего касаются мѣстнаго населенія. Поэтому, можетъ быть, въ ожиданіи назрѣвшей реформы волости, нашей будущей всесословной волости, можно лишь на время допу-

стить Волостной судъ въ томъ улучшенномъ видѣ, въ которомъ его проектируетъ наша Комиссія. Въ области мѣстныхъ нравовъ и мѣстныхъ обычаевъ, мѣстные жители, избранные для исполненія судебныхъ обязанностей, своимъ знаніемъ сложившихся сторонъ быта и окружающаго правопониманія — могутъ опредѣлить, по собственному опыту, правильность дѣйствій людей изъ окружающаго ихъ сельскаго населенія и ихъ нравственныя побужденія. Я вспоминаю слова Монтескье: «le peuple est honnête dans ses goûts sans l'être dans ses moeurs». Эти goûts и должны отражаться въ отправленіи правосудія для того, чтобы оно, заслуживая свое назначеніе, было въ тоже время жизненно. Правда, противъ второй инстанціи, состоящей изъ предсѣдателей Волостныхъ судовъ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи, возражаютъ, говоря, что это лишь повтореніе германскаго суда шеффеновъ, а судъ шеффеновъ не выдерживаетъ критики. Да, судъ шеффеновъ серьезной критики не выдерживаетъ и по адресу саксонскаго министра Шварца, который, приписывая себѣ созданіе этого суда, называетъ себя его *отцомъ* извѣстный парламентскій боецъ въ Рейхстагѣ, Евгеній Рихтеръ правильно привелъ слова Гейне: «никогда нельзя быть достаточно осторожнымъ въ выборѣ своихъ родителей». Этотъ судъ дѣйствительно неудаченъ и, вѣроятно недаромъ нѣмцы уже окрестили своихъ шеффеновъ словами: «Jasager und Beisshäfer», но аппеляціонный верхній крестьянскій судъ, намъ предлагаемый, будетъ иной. Это не будутъ случайно взятые изъ массы городского и сельскаго населенія люди, чуждые судебному дѣлу, — это будутъ люди болѣе или менѣе уже опытные въ немъ и привычные къ работѣ не въ одной, но въ другихъ инстанціяхъ. Поэтому съ шеффенами ихъ сравнивать нельзя. Вотъ почему, категорически возражая противъ *нынѣшняго* Волостного суда и сожалѣя, что онъ не упраздняется совершенно, я все-таки утѣшаю себя мыслью, что возстановленіе Мирового института, вышвырнутаго изъ общей схемы нашихъ судовъ, искупитъ оставленіе *на время* укороченнаго и улучшеннаго, связаннаго съ нимъ органически Волостного суда.

XIV.

Уравненіе наслѣдственныхъ правъ женщинъ.

(8 и 11 февраля 1911 г.).

Подавая свой голосъ всецѣло за принятіе проекта Государственной Думы, я нахожу, что основныя возраженія противъ его принятія сводятся въ сущности къ тремъ слѣдующимъ положеніямъ: уравненіе женщинъ въ правахъ наслѣдованія будетъ противорѣчить правосознанію народной массы и сложившимся въ ней бытовымъ воззрѣніямъ; это уравненіе, вопреки законамъ природы и историческимъ устоямъ, поставитъ женщину на непринадлежащее ей мѣсто и затѣмъ, подорвавъ вѣковое начало родовыхъ имуществъ, оно повергнетъ, въ концѣ-концовъ, нашу родину въ пучину сельско-хозяйственнаго и всякаго иного нестроенія. Обращаясь къ первому изъ этихъ возраженій, я долженъ замѣтить, что у насъ въ обществѣ и печати слишкомъ часто злоупотребляютъ такими громкими словами, какъ «народное правосознаніе», «глубина народнаго духа», «незыблемыя начала быта» и т. п., при чемъ нерѣдко бываетъ, что этими пышными словами прикрываются мѣры, чуждыя и праву, и духу и обрекающія народъ, во имя и отъ имени котораго это говорится, на насильственный застой. Поэтому, отъ этихъ общихъ пышныхъ и пустотѣлыхъ выраженій желательно обратиться, въ интересахъ истины, къ положительнымъ и фактическимъ источникамъ, а таковыми явля-

ются труды комиссіи Сенатора Любощинскаго по изслѣдованію о волостныхъ судахъ, въ 6 томахъ; «Обычное гражданское право» Пахмана; сочиненія Оршанскаго о наслѣдованіи у крестьянъ и обширные, драгоцѣнные въ научномъ отношеніи, труды Александры Ефименко, той Ефименко, которую Харьковскій университетъ, въ грубомъ забвеніи законовъ природы и историческихъ устоевъ русской жизни, осмѣлился сравнять съ мужчинами и возвести въ степень доктора гражданскаго права. Изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій оказывается, что устраненіе дочерей отъ равнаго съ сыновьями наслѣдованія вовсе не является общимъ правиломъ въ крестьянскомъ быту, и что, наряду съ нимъ, въ основаніе обычнаго наслѣдованія кладется *трудовое начало*. Поэтому о единомъ народномъ правосознаніи не можетъ быть и рѣчи, и наслѣдованіе у народа представляетъ самую пеструю картину. Въ однихъ мѣстахъ солдатъ совершенно устраняется отъ наслѣдованія послѣ отца, въ другихъ онъ наслѣдуетъ бо́льшую долю противъ братьевъ. Такую же долю наслѣдуетъ сынъ, похоронившій отца на свой счетъ. Есть мѣстности, гдѣ наравнѣ съ сыновьями наслѣдуетъ внѣбрачная сожительница вдоваго отца, даже не имѣющая дѣтей. Наконецъ, въ однѣхъ мѣстностяхъ про дочерей говорится, что «онѣ, какъ женскаго пола, — не имѣютъ правъ, а могутъ надѣяться только на милость», въ другихъ онѣ наслѣдуютъ отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ части всего имущества; а въ третьихъ получаютъ равныя части съ братьями. Таковы, по указаніямъ Пахмана, почерпнутымъ въ матеріалахъ Любощинскаго, нѣкоторые уѣзды Харьковской, Витебской, Нижегородской и Тамбовской губерній. Можно ли поэтому выводить изъ этой пестроты возраженія противъ измѣненія статей части I тома X Законовъ Гражданскихъ о наслѣдованіи, особенно принимая во вниманіе, что эти статьи не распространяются на крестьянъ, которымъ предоставлено руководиться своими мѣстными обычаями?

Перехожу ко второму возраженію и, оставляя въ сторонѣ законы природы, которые давно уже разъяснены законами науки, признавшей, что въ духовной сферѣ нѣтъ существенной разницы между мужчиной и женщиной, напомню лишь взглядъ такого глубокаго знатока человѣческой природы и консервативнаго мы-

слителя, какъ Достоевскій. Указывая на ошибочность разсмотрѣнія мужчины и женщины, какъ противоположныхъ другъ другу существъ, ни въ чемъ не равныхъ между собою, тогда какъ въ дѣйствительности они составляютъ единый «цѣлокупный» организмъ, онъ приводилъ слова книги Бытія: «и сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему: мужчиною и женщиною сотворилъ его». И въ этомъ отношеніи намъ даже не зачѣмъ ссылаться на примѣръ культуры Западной Европы. Наша исторія съ этой стороны опередила европейскую, и въ то время, когда въ западной Европѣ еще пережевывали праздный вопросъ о доступности для женщины высшаго образованія, тактичнымъ и разумнымъ президентомъ Академіи Наукъ въ Россіи была княгиня Дашкова. Если намъ говорятъ, что неоднократныя попытки уравненія женщинъ въ наслѣдственныхъ правахъ въ теченіе прошлаго столѣтія не увѣнчивались успѣхомъ, то во-первыхъ, успѣхъ далеко не всегда и не сразу увѣнчиваетъ справедливость и дѣйствительныя общественныя нужды, а, во-вторыхъ, самое неоднократное возникновеніе вопроса объ этомъ уже показываетъ, что въ обществѣ жила незаглушаемая неудачами потребность освободиться отъ того искусственнаго, обветшалаго и потерявшаго основы въ современной жизни наслѣдства, которое завѣщано нашему гражданскому праву помѣстными порядками старинныхъ служилыхъ людей. При томъ не надо забывать, что послѣднее ходатайство о такомъ уравненіи со стороны смоленскаго дворянства было передано для разработки во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ и застряло навѣкъ, несмотря на сочувственный отзывъ Министра Юстиціи, раздѣливъ участь цѣлаго ряда насущныхъ проектовъ о назрѣвшихъ потребностяхъ страны, погребенныхъ при содѣйствіи или, вѣрнѣе, при бездѣйствіи этого бюрократическаго учрежденія, забывшаго завѣты Сперанскаго. Вотъ почему ссылки на историческіе устои мнѣ кажутся неубѣдительными. Нашъ общественный строй давно уже перестраивается на началахъ личнаго труда, не только доступнаго, но и экономически неизбѣжнаго и для женщинъ. Коснусь лишь одной стороны этого вопроса. Для женскаго труда нужна подготовка въ видѣ общаго образованія и пріобрѣтенія спеціальныхъ знаній, а для подго-

товки нужны матеріальныя средства, и простая логика требуетъ уравненія въ отношеніи этихъ средствъ братьевъ и сестеръ. Отрицая это, надо послѣдовательно придти къ сокращенію области образованія для женщинъ, какъ предмета роскоши, а не необходимости. Но вотъ что сказалъ одинъ выдающійся публицистъ: «Наука и искусство должны быть открыты для женщинъ въ такой же мѣрѣ, какъ и для мужчинъ, ибо женщинѣ не отказано ни въ какихъ дарахъ человѣческой природы и нѣтъ высоты, которая должна остаться для нея недоступной. Черезъ нее свѣтъ науки можетъ проникать въ сферы, менѣе доступныя для мужчинъ, и давать ей возможность способствовать общему народному развитію и человѣческому прогрессу. Но, предоставляя женщинѣ равный съ мужчинами удѣлъ, мы должны поставить ее въ равныя съ нимъ условія». Угодно вамъ знать, кто это сказалъ? Смѣю увѣрить тѣхъ, кто возстаетъ противъ проекта уравненія, что они не откажутся признать автора *своимъ*. Это слова М. Н. Каткова...

Обращаясь наконецъ, къ вопросу о родовыхъ имуществахъ, я нахожу, что то же начало справедливости и по приведеннымъ мною соображеніямъ вызываетъ равномѣрное съ сыновьями наслѣдованіе дочери въ этихъ имуществахъ. На указаніе о разрушеніи этимъ понятія о цѣлости родового имущества нельзя не сказать, что этотъ институтъ не сохранился въ своей стародавней неприкосновенности. Разъ закономъ допущено отчужденіе родового имущества возмездными способами, — установлена выдача женѣ указной части или оставленіе ее пожизненною владѣлицею и опредѣлено, что и дочери допускаются къ наслѣдованію въ соотвѣтствующихъ доляхъ — всегда возможенъ переходъ родового имущества въ чужой родъ. Осталось въ прежней силѣ лишь запрещеніе завѣщать имущество родичамъ по выбору завѣщателя. Но именно это то запрещеніе ведетъ за собою распыленіе, раздробленіе, сведеніе «на нѣтъ» родового имущества, дробя его на мелкія части, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ попадать въ недостойныя, неумѣлыя и безвольныя руки. У насъ, къ сожалѣнію, мало уваженія къ созидательному труду прошлаго, къ работѣ и къ занятіямъ предковъ. Стоитъ просмотрѣть хотя бы замѣчательные томы журнала «Старые годы», чтобы ви-

дѣть какъ небрежно, легкомысленно и чуть не враждебно относятся у насъ къ матеріальному наслѣдству прошлаго. Не даромъ описатели и изслѣдователи нашего землевладѣльческаго оскудѣнія восклицаютъ: «у насъ нѣтъ вчерашняго дня» и указываютъ, что очень часто дѣти родового владѣльца стремятся совсѣмъ къ другой, чѣмъ онъ, дѣятельности, отворачиваясь, какъ въ помѣстной, такъ и въ торгово-промышленной сферѣ, отъ занятія отцовъ. У насъ не существуетъ такого, напримѣръ, явленія, какъ французская noblesse de robe, въ силу которой одна фамилія Мопу дала, въ теченіе трехъ столѣтій, свыше 50 членовъ судебнаго сословія. И вотъ, нерѣдко, родовой собственникъ сознаетъ, что его ближайшіе нисходящіе наслѣдники не сберегутъ оставляемаго имъ достоянія, — что одинъ ввѣритъ его чужимъ, своекорыстнымъ или недобросовѣстнымъ рукамъ, — другой увлечется рискованными предпріятіями, — третій посвятитъ себя моторному спорту и поддержкѣ высоконравственнаго учрежденія, называемаго тотализаторомъ, — четвертый, въ неудержимомъ стремленіи въ Монте-Карло, поспѣшитъ отчудить свою долю возмезднымъ способомъ — и лишь пятый родичъ, даже менѣе близкій, будетъ способенъ сберечь родное имущество и вложенные въ него трудъ, мысль и заботу. И такимъ лицомъ можетъ оказаться именно женщина, хозяйка. Вотъ почему я привѣтствую предложеніе о предоставленіи собственнику родового имущества завѣщать его по своему усмотрѣнію, въ предѣлахъ рода. Наше законодательство шло всегда, въ отношеніи имущественныхъ правъ женщинъ, впереди западнаго. Не слѣдуетъ его останавливать на этомъ пути, которымъ мы можемъ гордиться.

Я думаю, что безполезно предполагать, что какая-либо рѣчь можетъ измѣнить въ настоящее время уже сложившееся убѣжденіе присутствующихъ въ ту или другую сторону или заставить ихъ отказаться отъ полученныхъ ими директивъ. Но вопросъ слишкомъ важный: онъ касается очень большихъ интересовъ общества и глубоко затрагиваетъ правовыя нормы. Наша нравственная обязанность такъ велика въ этомъ отношеніи, что я не

считаю себя въ правѣ не представить вамъ еще нѣкоторыя объясненія. Намъ предлагается здѣсь совсѣмъ отклонить этотъ законопректъ, прежде всего, потому, что онъ, помимо своего существа, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не заслуживаетъ уваженія, является какой-то ракетой, которая вылетѣла изъ приготовленнаго заранѣе, но еще не поставленнаго, фейерверка и портитъ весь спектакль. Намъ нужно подождать, когда пройдетъ у насъ Гражданское Уложеніе. Когда предстанетъ предъ нами этотъ органическій законъ, содержащій и правила о наслѣдованіи лицъ женскаго пола, тогда, обсуждая его, мы можемъ рѣшить и тотъ вопросъ, который подлежитъ теперь преждевременно нашему разсмотрѣнію. Но дѣло въ томъ, что Гражданское Уложеніе составлялось 23 года—съ 1881 г., и до сихъ поръ я, по крайней мѣрѣ, не знаю, находится ли оно въ разсмотрѣніи Государственной Думы. Это трудъ огромный и сложный, который составлялся годами, и несомнѣнно, что и на его разсмотрѣніе потребуется много лѣтъ. Если вы припомните, что проектъ о мѣстномъ судѣ уже нѣсколько лѣтъ какъ разсматривается, и мы все еще не видимъ этому конца, а только лишь приступаемъ къ его началу на будущей недѣлѣ, то можно себѣ представить, сколько времени займетъ разсмотрѣніе Гражданскаго Уложенія. Поэтому, отказъ въ разрѣшеніи настоящаго вопроса, впредь до внесенія Гражданскаго Уложенія, есть въ сущности похороны этого вопроса, есть умываніе рукъ въ такомъ дѣлѣ, которое одинаково важно и для противниковъ и для защитниковъ этого законопроекта. При томъ, намъ говорятъ, что это часть цѣлаго, слѣдовательно, безъ цѣлаго нельзя разсматривать и этой части. Но позвольте вамъ сказать, что тогда мы не можемъ разсматривать и проекта о мѣстномъ судѣ, потому что онъ, въ сущности, есть лишь часть большой органической работы по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, произведенной подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Муравьева съ 1894 по 1901 гг. Слѣдовательно, подождемъ, когда эти Уставы къ намъ придутъ цѣликомъ и тогда будемъ разсматривать и вопросъ о мѣстномъ судѣ. Но вѣдь этотъ пріемъ можно примѣнить къ цѣлой массѣ другихъ вопросовъ, которые будутъ у насъ разсматриваться. Такимъ образомъ

мы обрекли бы наше законодательство на совершенный застой и отстали бы въ нашей практикѣ значительно отъ нашего покойнаго предшественника, Государственнаго Совѣта стараго устройства, который признавалъ возможнымъ изъ сложныхъ проектовъ вынимать отдѣльныя части, обработанныя цѣликомъ, и имъ давать направленіе. Въ нашемъ составѣ есть инженеры путей сообщенія и они, вѣроятно, знаютъ, что комиссія подъ предсѣдательствомъ гр. Баранова, составившая Общій Уставъ Россійскихъ Желѣзныхъ дорогъ, внеся его въ Государственный Совѣтъ, встрѣтила тамъ большія возраженія. Государственный Совѣтъ сказалъ: у васъ въ проектѣ Устава есть пораіонные комитеты, есть совѣты по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, есть особые съѣзды, это все можетъ быть и нужно, все это на мѣстѣ въ общей системѣ проекта, но это очень сложно и спорно и съ этимъ можно подождать; дайте намъ отдѣльные вопросы о желѣзнодорожной полиціи, о давности, о страхованіи грузовъ, о предъявленіи исковъ и т. д. Каждый изъ этихъ вопросовъ былъ разрѣшенъ отдѣльно, и это рѣшеніе, войдя въ законъ, въ настоящее время примѣняется. Насъ спрашиваютъ, что же содержитъ этотъ проектъ и есть ли въ немъ то, что будетъ въ Гражданскомъ Уложеніи? То, что будетъ въ этомъ Уложеніи, раздѣляется на догматическую и историческую части. Историческая часть здѣсь достаточно выяснена подробнымъ докладомъ нашего сочлена профессора Д. И. Багалѣя и вчерашними объясненіями Товарища Министра Юстиціи. Едва ли большаго можно желать и ждать. Едва ли кто-нибудь изъ насъ могъ бы пойти болѣе глубоко въ изслѣдованіи этого вопроса. А что касается догматической части, то догматическая часть по этому вопросу совершенно такая же, какова она въ проектѣ большинства нашей Комиссіи, ибо въ докладѣ ея прямо говорится, что комиссія по Гражданскому Уложенію пришла къ совершенно такимъ же выводамъ относительно наслѣдственнаго права дочерей. Если мы, такимъ образомъ, откажемся отъ разсмотрѣнія этого проекта, то мы только затормозимъ этотъ вопросъ на неопредѣленное время, и заслужимъ тотъ упрекъ, который нашъ извѣстный цивилистъ Кавелинъ дѣлалъ нашему гражданскому законодательству, указывая на то, что оно страдаетъ *лѣнью ума*.

Затѣмъ, обращаясь къ существу вопроса, который подлежитъ нашему разсмотрѣнію, я вспоминаю, что здѣсь было указано однимъ изъ ораторовъ, что вопросъ этотъ разрѣшается большинствомъ Комиссіи на основаніи чувства или даже на основаніи чутья, тогда какъ надо этотъ вопросъ разрѣшать логическимъ путемъ, на основаніи бытовыхъ фактическихъ данныхъ. Да, дѣйствительно, большинство Комиссіи и тѣ, кто сочувствуетъ ему, рѣшаютъ этотъ вопросъ на основаніи чувства, чутья, но вѣдь чувство, которое направлено къ уравненію правъ, есть въ сущности чутье о томъ, что испытываютъ тѣ, у кого этихъ правъ нѣтъ. Это чутье ихъ страданій! Вамъ вчера подробно было выяснено Членами Государственнаго Совѣта В. Ф. Дейтрихомъ и А. С. Ермоловымъ то, въ какомъ положеніи находятся обездоленныя дочери. Поэтому чувство, которое подсказываетъ заботу о нихъ, которое здѣсь угодно называть чутьемъ, мы называемъ иначе, называемъ совѣстью, которая заставляетъ насъ быть справедливыми. Гр. Д. А. Олсуфьевъ заявилъ здѣсь, что равенство есть въ сущности такого рода понятіе или такого рода стремленіе, которое подсказывается *чувствомъ зависти*. Признаюсь, я никакъ не могу раздѣлить такого взгляда. Я—старый судебный дѣятель—вспоминаю одинъ изъ величайшихъ памятниковъ царствованія императора Александра II — Судебные Уставы. Когда они издавались, въ Манифестѣ было сказано, что Государь желаетъ дать Россіи «судъ скорый, правый и равный для всѣхъ». Я желалъ бы знать, какою и къ чему завистью подсказывалось здѣсь стремленіе къ такому равенству? Намъ сдѣланъ былъ упрекъ въ томъ, что мы заботимся объ уравненіи правъ дѣвушекъ, оставшихся сиротами лишь для того, чтобы предоставить имъ высшее образованіе. Очень жаль, что мои слова были такъ поняты; хотѣлось бы думать, что я, вѣроятно, неясно выразился, хотя мысль моя была ясна. Я находилъ, что при теперешнемъ измѣненіи нашего общественнаго строя, женщина вынуждена экономическимъ своимъ положеніемъ добывать себѣ средства къ жизни собственнымъ трудомъ, и если это не будетъ трудъ чернорабочей, трудъ прислуги, или компаньонки, если этотъ трудъ долженъ обезпечивать нѣкоторую самостоятельность, то для этого надо имѣть техническія или спе-

ціальныя свѣдѣнія, для нихъ же необходимо получить соотвѣтствующее образованіе, и если дѣвушка осиротѣетъ, то ей надо обезпечить средства для полученія этого образованія. Вотъ въ какомъ смыслѣ связывается образованіе съ наслѣдственною долею дѣвушки. Затѣмъ указывалось на то, что я, неизвѣстно по какимъ основаніямъ, сталъ говорить, что въ Комиссіи было меньшинствомъ заявлено о противорѣчіи съ законами природы того, что предполагалось сдѣлать для женщинъ. Каюсь: я вѣроятно страдалъ галюцинаціями, когда читалъ на страницѣ 12 доклада, что «различіе между мужчиною и женщиною, закрѣпленное природой, признано и освящено вѣковыми устоями общественнаго строя». Но различіе, на которое ссылается меньшинство, есть различіе только физической природы, а природа духовная обоихъ половъ, какъ показываютъ научныя изслѣдованія, въ главныхъ своихъ свойствахъ сходна между собою, и тѣмъ и другимъ одинаково доступенъ путь для проявленія своихъ духовныхъ силъ. Я думаю, такія же возраженія дѣлались Петру Великому, когда онъ открывалъ терема; тогда по его адресу тоже говорилось, что женщина настолько отлична отъ мужчины, что ни въ какихъ отношеніяхъ и ни въ какомъ смыслѣ съ мужчиной ее сравнить нельзя. Быть можетъ, и тогда говорили то, что мы слышали здѣсь отъ одного изъ ораторовъ: «какъ можно равнять мужчину съ женщиной, когда одному слѣдуетъ ходить въ походъ, а другой няньчить дѣтей?» Но я говорилъ о духовныхъ свойствахъ женщины и въ первый разъ слышу, что къ духовнымъ свойствамъ человѣка вообще относится участіе въ учебномъ сборѣ или въ качаніи люльки. Я имѣлъ въ виду тѣ духовныя свойства женщины, которыя даютъ возможность, несмотря на разныя стѣснительныя правовыя и бытовыя условія, несмотря на медлительную уступчивость общественной жизни, выступать женщинѣ въ тѣхъ же дѣловыхъ и научныхъ сферахъ, какъ и мужчинѣ, — имѣлъ въ виду тѣ свойства, благодаря которымъ явились — въ антропологіи труды Тарновской, въ бактеріологіи труды Зиберъ-Шумовой, въ математикѣ труды Ковалевской, — явились почтенныя имена женщинъ—врачей и педагоговъ и возможность суду постановлять о вызовѣ женщины врача въ качествѣ эксперта въ засѣданія по уголовному дѣлу.

Вотъ, собственно, все, что я хотѣлъ бы сказать по существу нашихъ преній, но я долженъ, однако, вернуться къ одному вопросу: членъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскій сдѣлалъ мнѣ упрекъ въ томъ, что я дѣлаю невѣрные или неправильные выводы изъ сочиненій тѣхъ авторовъ, на которыхъ я ссылался. Позвольте возстановить то, что я сказалъ, въ двухъ словахъ. Перечисливъ главнѣйшихъ авторовъ, писавшихъ въ Россіи объ обычномъ правѣ и мною изученныхъ довольно внимательно, я указалъ, что эти авторы не сходятся между собою и что при всемъ обиліи того матеріала, которымъ они располагали, они расходятся въ существенномъ вопросѣ, а именно, одни, какъ Пахманъ, утверждаютъ, что родовое начало безусловно существуетъ въ русскомъ наслѣдованіи крестьянскомъ, а другіе утверждаютъ, что нѣтъ, что рядомъ съ этимъ существуетъ и начало трудовое. Я подтверждалъ это рядомъ примѣровъ, которые указываютъ, что трудовое начало, дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ крестьянскомъ быту, и затѣмъ указывалъ на выводы того же Пахмана, признанные и членомъ Государственнаго Совѣта, А. С. Стишинскимъ, о томъ что женщина наслѣдуетъ у насъ отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ доли и даже наравнѣ съ братомъ. Вслѣдствіе этого, я находилъ, что наше наслѣдственное право представляетъ большую пестроту, а разъ есть пестрота, то нѣтъ единства, а разъ нѣтъ единства, то авторитетно указывать на народное правосознаніе невозможно, ибо правосознаній нѣсколькихъ быть не можетъ. Мнѣ на это было указано, что профессоръ Пахманъ ничего подобнаго не говоритъ, или, лучше сказать, говоритъ совершенно противоположное. Однако на страницѣ 210 его книги напечатано: «выводу о томъ, что родовое начало существуетъ, противорѣчитъ то явленіе, что имущество въ крестьянской семьѣ накопляется трудомъ ея членовъ и потому, какъ видно изъ нѣкоторыхъ заявленій крестьянъ, право наслѣдованія признается только за тѣми членами семьи, которые участвовали въ пріобрѣтеніи имущества. Согласно съ этимъ, и по мнѣнію многихъ изслѣдователей нашаго народнаго обычнаго права, личный трудъ признается въ быту крестьянъ единственнымъ основаніемъ права наслѣдованія». При этомъ Пахманъ ссылается на труды: — Оршанскаго, который говоритъ: «все зданіе наслѣдствен-

наго права построено у крестьянъ изъ одного элемента и этотъ элементъ есть личный трудъ» — и на Ефименко, которая говоритъ: «крестьяне выработали систему наслѣдованія главнымъ образомъ на трудовомъ началѣ». При этомъ Пахманъ даже приводитъ ссылку Ефименко на обычай въ Архангельской губерніи, по которому въ крестьянскомъ быту наслѣдуетъ послѣ умершаго внѣбрачная его сожительница, даже когда нѣтъ у нея дѣтей, если только она нѣсколько лѣтъ участвовала въ хозяйствѣ. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ, членъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскій скажетъ, что и Пахманъ невѣрно цитируетъ. Думаю однако, что ученое имя извѣстнаго цивилиста служитъ гарантіей того, что онъ эти цитаты дѣлаетъ правильно. Тотъ же Пахманъ, на страницѣ 214 говоритъ: «въ смыслѣ общаго начала слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ линіяхъ и степеняхъ лица мужского пола пользуются преимуществомъ передъ лицами женскаго пола, хотя это правило далеко не безусловно» — а что оно не безусловно, онъ подтверждаетъ далѣе ссылкой на то, что во многихъ мѣстностяхъ изъ этого правила существуютъ изъятія, и приводитъ такихъ изъятій девять. На три изъ нихъ я указывалъ въ прошлый разъ, напримѣръ, указывалъ на то, что тотъ, который не посылаетъ своего заработка въ семью, устраняется отъ наслѣдованія, — на то, что солдаты наслѣдуютъ совершенно различно: въ однихъ мѣстностяхъ солдаты вовсе не наслѣдуютъ, въ другихъ мѣстностяхъ они наслѣдуютъ въ неравной долѣ, а въ третьихъ мѣстностяхъ они наслѣдуютъ гораздо больше, чѣмъ остальные, а въ четвертыхъ, по заявленію Пахмана, крестьяне рѣшаютъ вопросъ о наслѣдованіи смотря по тому, *каковъ человѣкъ* и стоитъ ли онъ того, чтобы дать ему часть имущества отца. Я приводилъ ссылку Пахмана на то, что сынъ, который похоронилъ своего отца, получаетъ вдвое большую долю противъ остальныхъ за участіе въ заботахъ о покойникѣ. Если мнѣ послѣ этого скажутъ, что въ наслѣдованіи въ крестьянскомъ быту не существуетъ пестроты, то я, въ справедливомъ недоумѣніи, спрошу, въ чемъ же состоитъ понятіе о его единствѣ при такихъ исключеніяхъ? Что касается до дочерей, то Пахманъ говоритъ на страницѣ 228: «какъ общее

правило, въ имуществѣ отца дочери при сыновьяхъ не наслѣдницы». Я не только на это указывалъ, но приводилъ даже отмѣтку изъ Пахмана о томъ, что крестьяне говорятъ: «дочь, такъ какъ она есть женщина, то никакихъ правъ имѣть не можетъ и должна ждать милости». Но рядомъ съ этимъ, тотъ же Пахманъ, на страницѣ 230 говоритъ: «правило объ устраненіи дочерей не всегда имѣетъ безусловную силу. Уклоненія отъ этого правила встрѣчаются и въ смыслѣ права, такъ что часть оставшагося имущества выдѣляется сестрѣ, независимо отъ желанія или нежеланія ея братьевъ. Крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей прямо заявляли, что дочери при сыновьяхъ также наслѣдницы послѣ отца» — и наконецъ, на страницѣ 232 Пахманъ говоритъ: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дочери наслѣдуютъ даже равную съ братьями часть», — и при этомъ дѣлаетъ ссылку на 10 губерній съ различными уѣздами, въ которыхъ это существуетъ, при чемъ эта ссылка основана именно на матеріалахъ, полученныхъ изъ комиссіи Любощинскаго. При этомъ онъ прибавляетъ, что у магометанъ дочери всегда получаютъ опредѣленную часть послѣ отца,—доля ихъ вдвое меньше сыновей. Времени у насъ мало и я не буду входить въ надлежащую оцѣнку той смѣлой поспѣшности, съ которой было предъявлено заявленіе члена Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскаго. Позволяю себѣ лишь коснуться еще двухъ вопросовъ: одинъ изъ нихъ касается мнѣнія, что этотъ проектъ есть улавливаніе къ составленію завѣщаній, есть средство, которымъ хотятъ заставить составлять завѣщанія. Можетъ быть— по непонятнымъ мнѣ соображеніямъ — побужденіе къ составленію завѣщаній очень дурное дѣло, но я лично думаю, что это было бы полезно. Чѣмъ больше начало завѣщанія распространяется въ обществѣ, тѣмъ больше послѣднее представляется развитымъ въ гражданскомъ отношеніи и свободнымъ отъ суевѣрныхъ предразсудковъ. Я вспоминаю по этому поводу слова нашего извѣстнаго юриста Спасовича, который сказалъ по поводу одного гражданскаго процесса: «я понимаю, что можно *умереть* безъ завѣщанія, но я не понимаю, какъ можно *жить* безъ завѣщанія». Второй вопросъ касается мнѣнія меньшинства, что, увеличивъ долю дочери съ $^1/_{14}$ на $^1/_7$ часть, оно уже дѣлаетъ большой

шагъ впередъ и облегчаетъ тѣмъ возможность принятія своего предложенія. Я думаю, что это не такъ: мы знаемъ изъ практики нашего законодательства, къ чему обыкновенно приводятъ полумѣры, къ чему приводятъ тѣ мѣры, которыя ни рыба, ни мясо,— ни два, ни полтора, которыя не удовлетворяютъ однихъ и раздражаютъ другихъ. Господа, по моему мнѣнію, гомеопатія въ дѣлахъ законодательныхъ есть плохое лекарство!

XV.

О допущеніи женщинъ въ адвокатуру.

(Засѣданія 23 и 24 января 1913 г.).

Прежде, чѣмъ говорить въ пользу проекта о допущеніи женщинъ въ адвокатуру, одобреннаго Комиссіей законодательныхъ предположеній, я долженъ обратиться къ одному заявленію, которое было здѣсь сдѣлано г. Министромъ Юстиціи. Это необходимо, чтобы устранить нѣкоторое недоразумѣніе, могущее возникать въ умахъ слушателей отъ того, что, лицами, подписавшими журналъ Комиссіи законодательныхъ предположеній, содержащій въ себѣ *одобреніе* Думскаго законопроекта, оказались тѣ же самые, которые участвовали въ комиссіи Статсъ-Секретаря Муравьева по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, и *въ ней* высказались *противъ* предоставленія женщинамъ права ходатайства по чужимъ дѣламъ. Рѣчь г. Министра Юстиціи такъ богата разнообразными фактами, такъ переплетена личными воспоминаніями и ссылками на письма, постановленія и законодательныя мѣры, что она, мнѣ кажется, страдаетъ тѣмъ, что французы называютъ les défauts de ses qualités. Именно недостатки этихъ качествъ рѣчи состоятъ въ томъ, что не всѣ указанія ея являются согласными съ точнымъ смысломъ тѣхъ обстоятельствъ, на которыхъ они основываются. Такимъ, напримѣръ, оказывается ука-

заніе на участіе этихъ лицъ — Н. С. Таганцева, С. С. Манухина и мое — высказавшихся въ комиссіи Статсъ-Секретаря Муравьева противъ включенія женщинъ въ составъ адвокатуры. Оно едва ли можетъ быть признано правильнымъ, несмотря на свою категоричность. Дѣло въ томъ, что комиссія Статсъ-Секретаря Муравьева, закрытая въ 1899 г., обсуждала этотъ вопросъ въ 1897 — 98 гг., когда у женщинъ не было никакого права получать высшее юридическое образованіе или держать экзамены по предметамъ юридическаго факультета. Кромѣ того, предъ комиссіей былъ поставленъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ частные повѣренные, въ частные ходатаи, и притомъ въ частные ходатаи безъ требованія отъ нихъ какого-либо образовательнаго ценза. Большинство комиссіи, къ которому принадлежали упомянутыя лица и я въ томъ числѣ, нашло слѣдующее, что и выражено въ журналѣ комиссіи. «Нужно замѣтить — сказали они, — что въ настоящее время женщина, не будучи допускаема ни въ высшія учебныя заведенія для изученія юридическихъ наукъ, ни въ канцеляріи правительственныхъ и общественныхъ установленій, не имѣетъ даже возможности пріобрѣсти необходимыя знанія и опытность для полученія званія частнаго повѣреннаго». Вотъ почему мы и были противъ допущенія женщинъ въ частные повѣренные. Мы боялись, — и лично я въ особенности, — мы боялись допущенія въ число частныхъ повѣренныхъ юридически необразованныхъ, практически неподготовленныхъ и неразвитыхъ женщинъ. Боялись этого именно потому, что желали, чтобы въ будущемъ женщина пріобрѣла достойное положеніе въ адвокатурѣ. А это положеніе разрушилось бы или стало очень спорнымъ, если бы ему предшествовало допущеніе въ адвокатуру такихъ женщинъ, которыя внесли бы невоспитанность и невѣжество въ веденіе дѣла и вызвали бы не только нареканія со стороны людей, довѣрившихся имъ, но и рядъ непріятныхъ столкновеній съ судьями, которыхъ поражали бы ихъ грубые пріемы и проявленія незнанія. Мы высказались противъ допущенія женщинъ въ *частные ходатаи*, потому что мы хотѣли, чтобы женщины достойно и по разумному признанію, чуждому предубѣжденія, вошли въ число *присяжныхъ повѣренныхъ*, и не подъ флагомъ невѣжества.

Затѣмъ, г. Министромъ Юстиціи намъ предлагается настоящій проектъ отклонить, потому что онъ представляется совершенно неразработаннымъ. Я согласенъ относительно нѣкоторыхъ техническихъ его недостатковъ, на которые указывалъ Министръ Юстиціи. Но что же изъ того, что законопроектъ во второстепенныхъ частяхъ своихъ не разработанъ? Намъ предстоитъ обсужденіе его постатейно и, слѣдовательно, по каждой отдѣльной статьѣ мы можемъ давать объясненія, дѣлать добавленія и исправленія, которыя и придадутъ законопроекту разработанность. Намъ говорятъ, что присяжные повѣренные могутъ быть судьями, значитъ, и женщины тоже могутъ быть судьями, а это противорѣчитъ и буквѣ закона и духу законодательства, но что же мѣшаетъ сказать при постатейномъ обсужденіи, что право быть судьями на женщинъ не распространяется. Намъ говорятъ, что, значитъ, женщины попадутъ въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ и будутъ имѣть дисциплинарную власть надъ своими товарищами. Но, какъ было сказано самимъ г. Министромъ Юстиціи, женщины раздѣляются на такихъ, которыя заставляютъ себя слушаться, и которыя не умѣютъ слушаться, такъ почему же женщинамъ первой категоріи и не участвовать въ принятіи дисциплинарныхъ мѣръ? Если же это представляется почему либо опаснымъ, скажемъ при всестороннемъ обсужденіи статей, что женщины въ составъ совѣта не входятъ, какъ онѣ не входятъ въ него и во Франціи. Женщины, какъ присяжные повѣренные, будутъ участвовать въ ипотечныхъ отдѣленіяхъ уѣздныхъ присутствій въ Царствѣ Польскомъ по 551 — 552 статьямъ Учрежд. Судебныхъ Установленій, а въ Прибалтійскомъ краѣ женщины не могутъ дѣйствовать безъ довѣренности или безъ разрѣшенія мужа. Какъ же быть? говорятъ намъ. Сдѣлать исключеніе по отношенію къ статьѣ 551 при обсужденіи постатейномъ — отвѣчаемъ мы. А что касается до того, что въ Прибалтійскомъ краѣ женщины не могутъ дѣйствовать иначе, какъ съ разрѣшенія мужа даже по своимъ имущественнымъ дѣламъ, то не надо смѣшивать, что въ проектѣ Госуд. Думы идетъ дѣло о довѣренности на веденіе чужихъ дѣлъ и, кромѣ того, нельзя смѣшивать бытовыя условія съ условіями юридическими. Но даже,

если женщина будетъ имѣть право выступать лишь съ разрѣшенія мужа въ качествѣ адвоката, а мужъ ей не дастъ согласно мѣстнымъ законамъ этого разрѣшенія, то бытовыя условія и желаніе сохранить семейный миръ, вѣроятно, разрѣшатъ этотъ вопросъ въ пользу мужа. Но, во всякомъ случаѣ, даже если бы это и представляло какое-либо затрудненіе, то почему же не отмѣнить архаическій законъ, хотя бы только въ узкихъ предѣлахъ адвокатуры? Обыкновенно, когда идетъ разговоръ о какихъ-либо правахъ окраинъ, намъ говорятъ: «нечего объ этомъ долго разсуждать! для насъ важно то, что дѣлается въ центрѣ государства, надо преклониться предъ законами, которые дѣйствуютъ въ центрѣ и подъ ихъ иго надо подвести окраины», а когда намъ представляется выгоднымъ, въ смыслѣ извѣстнаго рѣшенія, то мы говоримъ: «посмотрите на окраины, тамъ, однако, этого нѣтъ» и, такимъ образомъ, руководящее начало идетъ уже не изъ центра къ окраинамъ, а уже изъ окраинъ. Дальше былъ указанъ законъ 11 Ноября 1911 г. Но и эта ссылка, мнѣ кажется, сдѣлана не совершенно правильно. Въ законъ 11 Ноября 1911 г. о разрѣшеніи женщинамъ высшаго юридическаго образованія не внесено разрѣшенія имъ заниматься адвокатурой, и это понятно, потому что существуетъ не отмѣненная статья 406 Учрежденій Судебныхъ Установленій, которая имъ воспрещаетъ это и говорить объ этомъ мимоходомъ не слѣдовало, ибо отмѣна такого ограниченія должна-быть предметомъ особаго, новаго закона. Вотъ, этотъ особый законъ мы въ настоящее время и обсуждаемъ именно какъ новый шагъ въ судоустройствѣ. Обращаюсь къ общимъ возраженіямъ противъ допущенія женщинъ въ адвокатуру. Первое общее возраженіе и весьма, повидимому, серьезное сводится къ вопросу: какая существуетъ неотложная надобность въ такомъ законѣ? и къ отвѣту, что неотложной надобности въ немъ нѣтъ, потому что недостатка въ адвокатахъ въ большинствѣ городскихъ мѣстностей не существуетъ. Я полагаю, что тутъ насъ ставятъ на совершенно невѣрный путь. Мнѣ думается, что при законодательной работѣ говорить о неотложной надобности, т.-е. о необходимости, едва ли слѣдуетъ. Законъ долженъ основываться

не на такой *необходимости*, которая, прижавъ медлительнаго законодателя къ стѣнѣ, вызываетъ поспѣшную необдуманность издаваемыхъ имъ законовъ и торопливую недоговоренность этихъ законовъ, которая потомъ заставляетъ самого законодателя сомнѣваться въ цѣлесообразности и прочности того, что онъ далъ. Законъ долженъ быть результатомъ спокойно сознанной *потребности* общества. И наша исторія представляетъ тому массу примѣровъ. Развѣ была неотложная необходимость учреждать Академію Наукъ? Однако Петръ Великій ее учредилъ въ свои предсмертные дни и отвѣтомъ русской земли на это былъ Ломоносовъ. Развѣ была необходимость строить желѣзныя дороги, тогда, когда въ самой Европѣ были только двѣ желѣзныя дороги и когда такой государственный человѣкъ, какъ Тьеръ, признавалъ ихъ совершенно безполезными и ненужными. Однако, Императоръ Николай I не остановился передъ этимъ, весьма распространеннымъ, взглядомъ и построилъ (въ Европѣ третью) Царскосельскую желѣзную дорогу въ Россіи, и осуществилъ постройку желѣзнаго пути между Петербургомъ и Москвою. Онъ имѣлъ въ виду тогда не неотложную необходимость, а потребность страны. Наконецъ, припомните освобожденіе крестьянъ. Развѣ тогда не говорилось многими сановниками, что гдѣ же неотложная надобность освобождать крѣпостныхъ съ землею, когда вполнѣ достаточно дать имъ то устройство государственныхъ крестьянъ, которое свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ остроумно назвалъ «укороченнымъ бытомъ въ уменьшенномъ размѣрѣ» — и этимъ все обойдется? Императоръ Александръ II понялъ, что это назрѣвшая общественная и историческая потребность и вмѣстѣ со своими сподвижниками удовлетворилъ ее въ великій, святой день 19 февраля.

Говорятъ, нѣтъ недостатка въ ходатаяхъ по дѣламъ. Да такъ ли это? Вѣдь мы имѣемъ въ виду не только ходатаевъ, но и присяжныхъ повѣренныхъ. Относительно присяжныхъ повѣренныхъ существуетъ законъ о комплектѣ. И что же, — этотъ законъ о комплектѣ осуществленъ? Сорокъ шесть лѣтъ, какъ дѣйствуютъ новые суды, 46 лѣтъ дѣйствуетъ законъ, по которому Министръ Юстиціи можетъ доложить Его Величеству

о необходимости установить табель и количество присяжныхъ повѣренныхъ. Однако, этотъ законъ не осуществленъ до сихъ поръ. Не значитъ ли это, что присяжныхъ повѣренныхъ не вездѣ достаточное количество. Итакъ, не о неотложной необходимости, а о потребности надо говорить. Существуетъ ли эта потребность въ настоящее время въ русскомъ обществѣ? Здѣсь указываютъ, что настоящій законопроектъ есть продуктъ раціонализма, который стремится къ тому, чтобы увеличить права и уменьшить обязанности. Господа, я не берусь защищать раціонализмъ, столь своеобразно понимаемый, но думаю, что, кромѣ подобныхъ теоретическихъ соображеній, есть одно, которое должно руководить законодателемъ, а именно соображеніе о томъ, что нужно, по возможности, увеличивать не только права, но и нравственныя обязанности, а нравственныя обязанности самого законодателя состоятъ въ томъ, чтобы каждой части населенія, каждому его слою дышалось по возможности легче и жилось сноснѣе. Для кого же секретъ, что жизнь удорожилась чрезвычайно? Кто же не чувствуетъ, что бытовыя и житейскія условія чрезвычайно измѣнились за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ? Кому не извѣстно, что старыя дворянскія гнѣзда, въ которыхъ жили не трудясь молодыя дѣвушки и спокойно ждали того времени, когда онѣ выйдутъ замужъ и быть можетъ лишь одна останется хозяйкой стараго гнѣзда для слѣдующихъ поколѣній, уничтожились, что въ настоящее время оскудѣнія этого ничего нѣтъ, какъ нѣтъ жизни цѣлаго сословія людей, на счетъ труда подвластнаго большинства? Необходимо многимъ, беззаботно жившимъ, самимъ итти заработывать себѣ хлѣбъ. Необходимо лично вступать въ борьбу за существованіе, т.-е. за кусокъ хлѣба. И вслѣдствіе этого является потребность возможнаго расширенія областей честной и непостыдной дѣятельности. Конечно, лучшее призваніе женщины и наиболѣе нормальное ея положеніе — семья и лежащій въ основаніи ея бракъ. Но надо же быть откровеннымъ съ самимъ собой. Мы вѣдь знаемъ, что въ томъ среднемъ сословіи, которое образовалось въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи, которое отошло отъ земли и въ то же время не поднялось въ матеріальномъ смыслѣ такъ, чтобы

не нуждаться, — бракъ становится все больше, — что очень печально, — предметомъ роскоши, часто недоступнымъ по экономическимъ условіямъ жизни, часто рискованнымъ по отношенію къ исполненію обязанностей относительно будущихъ дѣтей. Посмотрите на реверсы, которые требуются отъ офицера, безъ которыхъ онъ не можетъ жениться, пока не достигнетъ извѣстнаго возраста; вспомните о трагикомическихъ распоряженіяхъ почтоваго вѣдомства, ограничивающихъ кругъ лицъ, за которыхъ могутъ выходить почтовыя и телеграфныя дѣвицы замужъ; взгляните на распоряженія по городскимъ училищамъ Петербурга, въ силу коихъ учительницамъ вовсе запрещается выходить замужъ. Развѣ все это не доказываетъ, что бракъ становится для многихъ трудно достижимымъ устройствомъ своего быта и что возникаетъ вопросъ, куда же дѣваться тѣмъ, которыхъ нерѣдко загадочное счастіе брака обойдетъ и у которыхъ нѣтъ ни наслѣдственнаго, ни другого имущества? Имъ остается лично заработывать себѣ хлѣбъ, чтобы существовать, и достаточно взглянуть вокругъ себя, чтобы увидѣть многочисленные примѣры этому. А если это такъ, то какъ же государство можетъ не придти на помощь этому положенію и не открыть новую сферу дѣятельности, не открыть женщинѣ новый способъ заработка? При этомъ посмотрите на самую дѣятельность государства относительно высшей школы. У насъ пять заведеній, которыя даютъ женщинамъ высшее юридическое образованіе и они всѣ существуютъ съ разрѣшенія правительства и по утвержденной правительствомъ программѣ. У насъ, наконецъ, явилось разрѣшеніе женщинамъ держать экзамены по предметамъ юридическаго курса,— затѣмъ получать степень магистра и доктора и занимать мѣста на университетской каѳедрѣ, какъ это показываетъ только что состоявшееся постановленіе Кіевскаго университета, который рекомендуетъ 2 женщинъ по каѳедрамъ филологической и математической. Поэтому если такъ смотритъ правительство, то правильно ли, справедливо ли, достойно ли сказать женщинамъ, которыя получаютъ это, покровительствуемое имъ, высшее юридическое образованіе, что оно для нихъ безплодно, что оно практическаго примѣненія не получитъ? Можно ли сказать этимъ жен-

щинамъ, что онѣ жили въ Петербургѣ или въ Москвѣ, переносили и голодъ, и холодъ, и нужду, и тяжелыя условія и обстановку жизни, можетъ быть изъ послѣднихъ силъ давая уроки и занимаясь, за грошовое вознагражденіе, переводами, иногда находясь на краю отчаянія и самоубійства, и платили изъ послѣднихъ крохъ, чтобы получить юридическія знанія, лишь для того, чтобы вернуться безплодно домой, такъ какъ эти знанія имъ не нужны практически, если только онѣ не хотятъ или не умѣютъ стать докторомъ или магистромъ!? Можно ли сказать имъ: отправляйтесь туда, откуда пріѣхали, съ расширеннымъ горизонтомъ знаній, но съ крайне суженнымъ приложеніемъ ихъ къ дѣлу! Есть извѣстная нѣмецкая формула, что призванію женщины отвѣчаютъ четыре «К»: Kinder, Küche, Kleider, Kirche. Какъ же, однако, эта формула будетъ примѣняться женщиной-юристкой, если у нея нѣтъ Kinder!? Или она будетъ исполнять свое назначеніе, примѣняя у плиты основанія римскаго права или покупать себѣ шляпу съ пѣтушиными перьями, руководясь началами государственнаго права? Да вѣдь это звучитъ злой насмѣшкой, бездушной иронією! Ограничить доступъ женщинъ-юристокъ къ практическому примѣненію своихъ знаній значило бы сказать имъ: все-таки ищите себѣ устройства *только въ бракѣ*, и если вы не такъ счастливы, чтобы видѣть въ предстоящемъ вамъ бракѣ осуществленія взаимной любви и уваженія, то остаются конечно другія средства: если нѣтъ приданнаго, пустите въ ходъ всю стратегію и тактику кокетства, можетъ быть, вы и изловите мужа, который будетъ содержать васъ въ теченіе жизни. Наконецъ, соотвѣтствуетъ ли это послѣдовательности въ дѣятельности государства? Наше правительство допускаетъ женщинъ къ занятіямъ медицинскимъ, строительнымъ и педагогическимъ, а въ послѣднее время и къ учено-агрономическимъ. Почему же только одни юридическія занятія изъ этого будутъ исключены? Уже тогда лучше прямо и откровенно сказать: всѣ юридическія заведенія надо для женщинъ закрыть, потому что для огромнаго большинства они окажутся учрежденіями, предназначенными только для удовлетворенія празднаго любопытства или для препровожденія времени «отъ нечего дѣлать». Но законодатель 11 октября 1911 г.

сказалъ другое. Онъ говоритъ: я не только эти заведенія открываю, но допускаю женщинъ держать экзамены при университетахъ. Слѣдовательно, законъ смотритъ иначе и шире, и нельзя съ нимъ не согласиться.

Затѣмъ намъ говорятъ, что допущеніе женщинъ къ юридической дѣятельности будетъ предрѣшеніемъ общаго вопроса о занятіяхъ женщинъ по государственной службѣ. Но здѣсь очевидно недоразумѣніе, потому что подъ государственной службою разумѣется дѣятельность совершенно опредѣленная, которая русской женщинѣ не доступна въ настоящее время въ силу закона, подтверждаемаго особыми изъ него исключеніями. Эта дѣятельность притомъ сопряжена съ такими элементами, которыхъ не можетъ быть въ адвокатурѣ, а именно: она сопряжена съ властью, съ правомъ дѣлать общія распоряженія, съ понятіемъ о начальствѣ и съ понятіемъ о подчиненности. Ни одного изъ этихъ элементовъ въ дѣятельности адвоката не существуетъ, ибо то, что говорится о тѣсной связи адвокатуры съ судомъ, въ сущности, сводится къ исполненію адвокатомъ своихъ профессіональныхъ обязанностей и къ надзору за законномѣрнымъ исполненіемъ этихъ обязанностей со стороны Совѣта или Суда, — и больше ничего. Поэтому, тутъ элементы государственнаго служенія совершенно отсутствуютъ. Нужно ли напоминать, что въ запискѣ Комиссіи указанъ рядъ правительственныхъ мѣропріятій, которыми расширена дѣятельность женщины и притомъ по самымъ разнообразнымъ сферамъ дѣятельности? Нельзя не замѣтить одну особенность, а именно, что есть много трудовыхъ областей, къ которымъ допускается женщина, связанныхъ съ хозяйственными и денежными интересами, и попутно указать, что, къ несчастію, ежедневно приходится читать въ газетахъ, а намъ, судьямъ, знать по собственному опыту, сколько соблазна представляютъ для служащаго мужчины, для слабаго русскаго человѣка, съ поддающимся искушенію слишкомъ мягкимъ характеромъ, во-первыхъ, алкоголь, во-вторыхъ,—такое прекрасное учрежденіе, какъ развращающій населеніе тотализаторъ и, наконецъ, въ-третьихъ проститутки высшаго полета, и какая масса растратъ совершается кассирами, казначеями и вообще людьми, прикосно-

венными къ деньгамъ или допускаемыми къ общественному, казенному или частному сундуку—подъ вліяніемъ этихъ соблазновъ. А много ли приходится слышать о растратахъ и присвоеніяхъ, совершенныхъ женщинами, у которыхъ на рукахъ были деньги? Я такихъ случаевъ въ моей долгой судебной практикѣ не имѣлъ. Ссылаются на иностранныя государства... но позвольте сдѣлать одно общее замѣчаніе: когда мы хотимъ стѣснить какія-либо права, то мы ищемъ доказательствъ и основаній для этого за границей; почему же мы, однако, и для расширенія правъ не обращаемся туда же, а если объ этомъ приходится говорить, ссылаясь на заграницу, то намъ отвѣчаютъ обыкновенно: «да, но мы — слава Богу — своеобразны, своебытны; это совсѣмъ до насъ не касается и къ намъ непримѣнимо». Поэтому можно было бы сказать, что и ссылки на заграницу до насъ не касаются. Но, однако, и безъ этого безпочвеннаго высокомѣрія, что же мы видимъ за границей? Германія не допускаетъ женской адвокатуры, потому что не допускаетъ женщинъ и къ юридическому экзамену. И это совершенно основательно: нельзя не-юриста допускать къ адвокатской дѣятельности. Это именно то, что мы признали въ комиссіи Статсъ-Секретаря Муравьева къ преждевременной радости нашихъ противниковъ. Говорятъ объ Австріи. Но, вѣдь, Австрія требуетъ отъ присяжнаго повѣреннаго общей политической правоспособности, а ни тамъ, ни у насъ этой правоспособности женщина не имѣетъ и, слѣдовательно, ссылка на Австрію для насъ не имѣетъ значенія, ибо у насъ право быть адвокатомъ не есть политическое право. А Франція? Я уже не говорю о томъ, что съ 1900 г. во Франціи женщины допущены къ адвокатурѣ и меня не убѣждаетъ то письмо неизвѣстнаго сенатора, который недоволенъ этимъ закономъ. Кто знаетъ, можетъ быть, при голосованіи этого закона, онъ былъ противъ него и сохранилъ свое право быть недовольнымъ имъ всю свою жизнь. Послѣ опыта 1900 года, когда за 8 лѣтъ стали функціонировать 21 женщина-адвокатъ, женщины были допущены и въ другія учрежденія, которыя довольно близко стоятъ по характеру дѣятельности къ суду, а именно съ 15 ноября 1908 г. онѣ допущены въ Conseil des prud-hommes, который разрѣшаетъ цѣлый рядъ вопросовъ о наймѣ и

вообще всякихъ выходящихъ изъ договоровъ споровъ, при чемъ онъ раздѣляется на бюро de conciliation и бюро de jugement. И въ томъ и въ другомъ — женщины допущены на равныхъ правахъ съ мужчинами. Слѣдовательно, во Франціи опытъ адвокатуры оказался не очень печальнымъ, если можно было черезъ 8 лѣтъ издать такой законъ. Въ Швейцаріи, въ главныхъ, такъ сказать коренныхъ кантонахъ, въ Цюрихѣ и Женевѣ, женщины къ адвокатурѣ допущены, несмотря на то, что эти кантоны строго протестантскіе и въ нихъ вѣетъ до сихъ поръ духъ Цвингли и Кальвина. Что касается до того, что говорятъ въ своихъ собраніяхъ адвокаты, то при всемъ моемъ уваженіи къ заграничнымъ адвокатамъ, я думаю, что на ихъ взгляды вліяетъ боязнь конкуренціи. Наконецъ — что касается мнѣнія кассаціонной палаты въ Туринѣ, то на ея боязнь перепроизводства ученаго пролетаріата, лучшимъ отвѣтомъ служитъ нашъ законъ 1911 г. Онъ именно предоставляетъ возможность женщинамъ оставаться учеными пролетаріями, мы же предлагаемъ этимъ пролетаріямъ не быть пролетаріями, а имѣть профессіональный заработокъ.

Обращаюсь къ спеціальнымъ возраженіямъ, которыя дѣлаются противъ законопроекта съ этой каѳедры. Въ Комиссіи представителемъ Министерства Юстиціи говорилось, что вообще этотъ законъ *нежелателенъ* и *несвоевременен*ъ вслѣдствіе особыхъ свойствъ женской природы. Я не буду разбирать довода о несвоевременности. Если законъ несвоевременен вслѣдствіе особыхъ свойствъ женской природы, то такъ какъ эти свойства едва ли когда-нибудь измѣнятся, то онъ не будетъ и когда-либо своевременен. Что же касается того, что говорится о нежелательности по особымъ свойствамъ женской природы, то подъ этими особыми свойствами, надо разумѣть, прежде всего, физическія свойства. Но относительно физическихъ свойствъ мы знаемъ, что статья 389 Устава Гражданскаго Судопроизводства даетъ цѣлому ряду женщинъ — родителямъ, супругамъ, имѣющимъ общую тяжбу, завѣдывающимъ имѣніями или дѣлами и т. д. — право выступать въ качествѣ ходатаевъ на судѣ, не боясь ихъ физическихъ свойствъ. Вѣдь это — станемъ выражаться откровенно — будутъ беременность, роды и послѣродовое состояніе. Но, господа, пере-

станьте быть опекунами взрослыхъ дѣтей, — не заботьтесь о кліентѣ, дайте и кліенту о чемъ-нибудь подумать! Если кліентъ обратится къ адвокатессѣ, которая находится въ такомъ положеніи, то онъ не лишенъ права спросить — можетъ ли она вести его дѣло? Развѣ мужчина не бываетъ тоже въ состояніи неспособности къ исполненію своихъ обязанностей? Присяжный повѣренный внезапно заболѣлъ, его постигла семейная утрата или другое несчастіе, а между тѣмъ у него назначены дѣла въ разныхъ городахъ Россійской Имперіи. Что же онъ дѣлаетъ въ такомъ случаѣ? Онъ даетъ довѣренность товарищу или помощнику съ правомъ передовѣрять дѣло. То же самое будетъ дѣлать и женщина— адвокатъ, зная, что скоро настанетъ время, когда она почувствуетъ себя нездоровой, и въ теченіе нѣкотораго времени не будетъ въ состояніи исполнять свои обязанности: она передовѣритъ дѣло по согласію съ кліентомъ, который ей выдастъ такую довѣренность, — слѣдовательно, тутъ никакой опасности нѣтъ. Какъ можно взваливать на женщину, говорятъ намъ, адвокатскія обязанности? Взваливая ихъ на женщину, вы хотите заставить ее рыскать по дѣламъ, прибѣгать къ уловкамъ, обходить законъ, нанимать подставныхъ свидѣтелей и вообще заниматься всякою скверностью. Но, господа, если бы адвокатура и представляла иногда нѣкоторыя нежелательныя стороны, такъ какъ это слишкомъ обширное собраніе людей, съ пестрымъ нравственнымъ развитіемъ, то нельзя же говорить, что *вся адвокатура* только этимъ занимается. Мы имѣемъ, въ адвокатурѣ слишкомъ громкія и почтенныя имена, одно перечисленіе которыхъ протестуетъ противъ огульныхъ обвиненій, — наконецъ, въ нашей средѣ есть лица, которыя были прежде адвокатами и затѣмъ достигнувъ высокихъ степеней, стали законодателями. Потому нельзя такъ размашисто характеризовать адвокатуру. А потомъ что значитъ этотъ доводъ? Если согласиться съ нимъ, то нельзя женщинъ пускать и во врачебную дѣятельность, — тамъ вѣдь орудовалъ докторъ Панченко и были разныя исторіи съ прививкой сифилиса и т. п.? Какъ же вы, господа, женщинъ пускаете въ такую дѣятельность? Но развѣ это дѣятельность? спрошу я. Вѣдь это не дѣятельность, а злоупотребленіе дѣятельностью. Женщины

нынѣ получаютъ право быть архитекторами. Какъ же это можно— когда въ Петербургѣ есть домъ Залемана, который два раза обрушился? Вотъ какіе бываютъ строители! а вы допускаете ихъ строить дома, которые будутъ обрушиваться... Но вѣдь это, господа, игра слоевъ, а не серьезное возраженіе.

Есть, затѣмъ, другое свойство женской природы — это ея духовное свойство, но опять таки, мнѣ кажется, что въ виду послѣднихъ выводовъ науки, послѣднихъ словъ физіологіи и психологіи, пора бы признать глубокое значеніе и высокую правду словъ Библіи, говорящей: «и сотворилъ Богъ человѣка по образу своему: мужчину и женщину сотворилъ ихъ» т. е. создалъ ихъ равными. Кромѣ того, наша практическая жизнь показываетъ, что въ самый короткій промежутокъ времени, несмотря на всякія препоны, сдѣлала женщина въ духовномъ отношеніи. Я уже называлъ разныя имена и не буду ихъ повторять, но позволю себѣ указать самыя свѣжія данныя: мы имѣемъ прекрасное изслѣдованіе о «Русской Правдѣ» Левашевой — и въ высшей степени интересный, богатый и огромный сборникъ изслѣдованій о расколѣ, сектанствѣ и старообрядчествѣ, составленный по личнымъ наблюденіямъ Ясевичъ-Бородаевской; Кіевскій университетъ оставилъ двухъ женщинъ для занятій каѳедръ; Московская городская управа пригласила г-жу Измайловскую завѣдывать юридическимъ отдѣленіемъ. Развѣ все это не доказываетъ, что женщина можетъ заниматься, по своимъ духовнымъ качествамъ, юридическою дѣятельностью? Наконецъ, не забудемъ, что по свѣдѣніямъ, которыя обнародованы недавно въ газетѣ «Новое Время», во Франціи, работаютъ въ разныхъ свободныхъ профессіяхъ и въ числѣ чиновниковъ 155.000 женщинъ. На населеніе Франціи это процентъ очень большой.

Обращаясь затѣмъ къ спеціальнымъ возраженіямъ, я долженъ повторить то, что не разъ позволялъ себѣ говорить съ этой каѳедры. Законъ долженъ быть прямодушенъ, а мотивы закона ясны, нелицемѣрны и искренни. Въ мотивы закона не надо одновременно вводить противорѣчивыя основанія и этимъ составителю давать поводъ опровергать самого себя. Намъ говорятъ: женщины будутъ имѣть опасное и незримое вліяніе на

судей. Господа, предполагать это можно только, потерявъ всякое уваженіе къ судебному вѣдомству. Я думаю, что самъ глава судебнаго вѣдомства, который это говорилъ, откажется согласиться съ тѣмъ, что можно огульно заподозрить судей въ томъ, что достаточно для нихъ кокетства женщинъ, женскихъ чаръ и нашептыванія, чтобы рѣшить дѣло неправильно. Такого рода возраженія дѣлались всегда; это своего рода esprit mal tournè, въ болѣзненномъ движеніи котораго почерпается основаніе для возраженій противъ допущенія женщинъ къ дѣятельности. Когда Великая Княгиня Елена Павловна, по мысли Пирогова, предложила послать сестеръ милосердія въ Севастополь, тогда самыя грязныя инсинуаціи, самыя нечистыя картины, самыя постыдныя предположенія окружали ее, несмотря на ея высокое положеніе. Военное вѣдомство находило, что это вызоветъ отсутствіе дисциплины въ госпиталяхъ, врачебное вѣдомство находило, что традиціонный «фершалъ» гораздо лучше, чѣмъ сестра милосердія. Но Императоръ Николай I не внялъ этому, и мы знаемъ какъ оправдалось его довѣріе. Въ настоящее время, кромѣ одной Крестовоздвиженской Общины, основанной Еленой Павловной, мы имѣемъ 57 Общинъ съ 2.200 сестеръ милосердія. При этомъ я долженъ сказать, что возраженія противъ допущенія женщинъ въ судъ, которыя касаются опаснаго и даже незримаго вліянія женщины — я не хочу думать, что тутъ имѣется въ виду вліяніе съ задняго крыльца, которое если и можетъ быть, то одинаково для мужчинъ и для женщинъ, — основаны на картинѣ, рисуемой воображеніемъ, но несогласной съ дѣйствительностью. Вѣдь въ сущности, когда въ обществѣ, а можетъ быть не просто въ обществѣ, а даже въ какой нибудь иногда очень высокой коллегіи, говорится о женской адвокатурѣ, то слушатели рисуютъ себѣ залъ суда, скамью подсудимыхъ, красивую даму съ розой въ петлицѣ, которая пылаетъ негодованіемъ, говоритъ красивыя слова, то захлебывается отъ слезъ, то мечетъ громы и молніи и вліяетъ всѣмъ этимъ на судей. На самомъ дѣлѣ этого не будетъ. На даму эту надѣнутъ обыкновенный костюмъ, одинаковый для всѣхъ, въ родѣ формы для почтово-телеграфныхъ служащихъ, или въ родѣ фрака — а что касается до крайностей

ея и личныхъ какихъ нибудь выходокъ, то вѣдь на это есть власть предсѣдателя, который всегда можетъ поставить адвоката на надлежащее мѣсто. Наши предсѣдатели въ этомъ отношеніи довольно энергичны. Женщина чаще всего будетъ совсѣмъ не здѣсь выступать, женщина будетъ выступать по гражданскимъ дѣламъ. Старый гражданскій судья, — болѣе 41/2 лѣтъ будучи предсѣдателемъ Судебной Палаты по гражданскому ея департаменту и вмѣстѣ съ тѣмъ почетнымъ мировымъ судьей столичнаго Мирового Съѣзда, — я наблюдалъ за веденіемъ дѣлъ присяжными повѣренными и замѣчалъ, что когда отыскивается убытокъ или ущербъ— доказать *право* на этотъ убытокъ или ущербъ присяжные повѣренные отлично умѣютъ, но когда спросишь, а какой же его *размѣръ*, то оказывается, что эта мелкая работа, подсчетъ, вычетъ, сопоставленіе убытковъ, все это хозяйственное подведеніе итога имъ кажется мелочнымъ и, вслѣдствіи своей невыясненности, обыкновенно должно быть предоставлено доказывать особо, въ порядкѣ исполнительнаго производства. Вотъ именно устраненіемъ этого недостатка будетъ заниматься женщина. Какъ адвокатъ, она пойдетъ преимущественно на гражданскія дѣла и въ нихъ будетъ вносить женскую внимательность, женскую способность различать мелочи и считаться съ ними, чѣмъ брезгуютъ мужчины. Затѣмъ говорится, что надо пощадить женскую стыдливость. Вотъ тутъ и есть то лицемѣріе, о которомъ я позволилъ себѣ говорить. Женщина будетъ имѣть опасное, незримое вліяніе на судей, это сирена, соблазнительница Ева, которая ничѣмъ не будетъ брезгать, чтобы повліять на судью. И тутъ же, рядомъ, говорятъ, что необходимо охранить ея стыдливость, поберечь ея нервы. Но надо же быть послѣдовательнымъ: если она соблазнительница, никакими пріемами не брезгающая, то у нея стыдливости искать напрасно. При томъ женщина, какъ адвокатъ, можетъ являться защитницей по уголовному дѣлу, — гдѣ только и могутъ быть эти грязныя подробности, — или по назначенію Суда, или по выбору кліента. Относительно кліента она всегда имѣетъ возможность не принять на себя его защиты и, слѣдовательно, вопросъ о вынужденномъ оскорбленіи ея стыдливости падаетъ. А относительно назначенія Судомъ, то я думаю, что предсѣдатель

Суда, который назначилъ бы женщину-адвоката защитницей по дѣлу о мужеложствѣ или о скотоложствѣ или вообще о чемъ-либо подобномъ, былъ бы достоинъ дисциплинарнаго взысканія. Онъ не долженъ позволять себѣ назначать женщину на такія дѣла. *Онъ* обязанъ заботиться объ ея стыдливости, а не законъ. Вспомнимъ, наконецъ, врачей. Развѣ имъ не приходится присутствовать при самыхъ тяжкихъ зрѣлищахъ, при операціяхъ и т. д., при послѣднихъ мигутахъ злополучныхъ самоубійцъ, при невыносимыхъ физическихъ мученіяхъ больного, при терзаніяхъ его близкихъ, при ихъ отчаяніи, при ихъ тщетной надеждѣ? Однако же, мы женщинъ отъ этого не ограждаемъ. Наконецъ, дѣлается указаніе на то, что англійскіе судьи находятъ, что присутствіе женщинъ въ ихъ средѣ ихъ стѣсняетъ. Удивляюсь на англійскихъ судей, я о нихъ держусь болѣе высокаго мнѣнія. Какимъ образомъ отправленіе правосудія можетъ-быть стѣсняемо присутствіемъ женщинъ? Развѣ это происходитъ въ компаніи кутящихъ мужчинъ, гдѣ говорятъ непечатныя слова и разсказываютъ неприличные анекдоты, при чемъ присутствіе женщины, конечно, стѣсняетъ? Наконецъ, если публичность засѣданій, гдѣ сидятъ женщины въ публикѣ, судей не стѣсняетъ, то почему же ихъ стѣсняетъ то, что женщина является, какъ адвокатъ. А затѣмъ, подымается вопросъ о необходимости вообще охраненія женской стыдливости. Я тоже стоялъ бы за это, но это не имѣетъ ничего общаго съ женщинами-адвокатами. Охраняя женскую стыдливость въ Судѣ и не допуская для этого женщинъ въ адвокатуру, вы, однако, ничего не можете, господа, предпринять противъ того яда порнографіи, который каждый день, еще въ очень недавнее время наша извращенная беллетристика разливала среди русскихъ читателей и нашей женской молодежи. Вы ничего не въ силахъ предпринять противъ кинематографовъ, которые показываютъ народу методологію и систематику убійствъ и другихъ преступленій, показывая, напримѣръ, какъ совершается ограбленіе почтовыхъ отдѣленій или бросаніе людей подъ поѣздъ. Вы ничего не можете сдѣлать противъ кинематографа, о которомъ еще сегодня напечатано, что тамъ представляется картина, какъ женщина, возревновавъ сестру,

желающую выйти замужъ за любимаго ею человѣка, подходитъ къ ней и обливаетъ ей лицо сѣрной кислотой. Противъ этой и другихъ подобныхъ ей, развивающихъ кровожадныя чувства или разжигающихъ похоть картинъ, свободно допускаемыхъ съ постыднымъ попустительствомъ — вы ничего не предпринимаете, а будете путемъ исключенія женщинъ изъ адвокатуры ограждать ихъ достоинство и стыдливость?! Мы читаемъ наряду съ этимъ,— и это до сихъ поръ не было опровергнуто, — что въ г. Чистополѣ учебное начальство требуетъ, чтобы учительница, при поступленіи въ школу, представляла кромѣ свидѣтельства о благонадежности, свидѣтельство врача о томъ, что она физически невинна! Послѣ этого едва ли возможно говорить о необходимости защищать стыдливость въ Судѣ. Стоитъ представить себѣ — въ уѣздномъ обществѣ положеніе свидѣтельствуемой и репутацію той, которая въ справедливомъ негодованіи откажется отъ осмотра, рискуя потерять кусокъ хлѣба... Вотъ гдѣ нужно защищать стыдливость!

Затѣмъ скажу нѣсколько словъ о томъ, что мнѣ невольно напоминаетъ митрополита Филарета. Въ журналѣ комиссіи сказано: «едва ли доступъ женщинъ въ адвокатуру будетъ плодотворенъ, едва ли частные ходатаи будутъ жить по селамъ, едва ли народъ будетъ къ нимъ относиться съ довѣріемъ, и вообще едва ли женщины будутъ достаточно годны для этой дѣятельности». Митрополиту Филарету разъ представила консисторія проектъ какого то распоряженія, при чемъ основанія, по которымъ какую то мѣру предлагали отмѣнить, были редактированы такъ: «едва ли будетъ хорошо», «едва ли будетъ цѣлесообразно». Мудрый московскій Владыка написалъ на поляхъ слова: «едва ли, едва ли и трижды едва ли, *едва ли* составляетъ какое нибудь доказательство». Поэтому эти «едва ли» журнала нашей Комиссіи ничего не доказываютъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Говорятъ, что народъ не будетъ довѣрять женщинамъ-адвокатамъ. Но почему же мы это знаемъ? Развѣ мы испытали это на практикѣ? Говорятъ, что народъ къ женщинамъ за юридическими совѣтами не обращается. Но позвольте, какъ же обращаться къ женщинамъ за юридическими совѣтами, когда онѣ сами ничего не знаютъ, ничему упорно не были обучены въ юридическомъ дѣлѣ? Вѣдь, народъ обращается, напримѣръ, къ

помѣщицѣ, которой онъ довѣряетъ, за всевозможными совѣтами: и какъ ребенка пеленать, и какъ его лечить, и что сдѣлать противъ того или другого, а за юридическими совѣтами обращаться онъ не можетъ. Почему женщинъ не зовутъ свидѣтельствовать на завѣщаніяхъ? Но это вина закона, законъ не ясенъ, вѣдь до сихъ поръ, я думаю, многіе изъ насъ не знаютъ, могутъ ли женщины свидѣтельствовать на завѣщаніи или нѣтъ. Въ законѣ объ этомъ ничего не сказано, и ихъ не зовутъ, потому что думаютъ: а вдругъ окажется, что какой-нибудь нотаріусъ не захочетъ составить такого завѣщанія или судъ откажетъ въ утвержденіи потому, что этого въ законѣ не сказано. И дѣйствительно, въ законѣ не сказано. Вспомните выраженіе Щедрина: «по естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентѣ этого не написано — ну и попался!» Могутъ сказать: въ регламентѣ этого не написано, и завѣщаніе окажется недѣйствительнымъ. Вотъ почему женщинъ не зовутъ свидѣтельствовать на завѣщаніи. Господа, я васъ очень утомилъ, прошу извиненія, я кончаю. Я думаю, что женщина-адвокатъ внесетъ дѣйствительно нѣкоторое повышеніе нравовъ въ адвокатуру, не въ томъ смыслѣ, чтобы она внесла высоконравственные принципы въ адвокатскую среду: если, какъ настойчиво утверждаютъ здѣсь, въ адвокатской средѣ ихъ нѣтъ, тогда и внести ихъ женщина не сможетъ, но я думаю, что тамъ, гдѣ они есть, она ихъ своимъ присутствіемъ поддержитъ и упрочитъ. ибо очень часто женщина укрѣпляетъ человѣка въ хорошихъ намѣреніяхъ, а присутствіе женщины связываетъ блудливый языкъ и сдерживаетъ размахъ руки мужчинамъ. А кромѣ того, она внесетъ облагороженіе и совсѣмъ въ другія мѣста. Мы знаемъ этихъ частныхъ ходатаевъ, которые ютятся въ низшаго сорта трактирахъ, этихъ заугольныхъ адвокатовъ, тѣхъ, что нѣмцы называютъ Winkeladvocaten. Женщина не будетъ сидѣть въ трактирахъ, не будетъ въ закоулкахъ писать полуграмотныхъ прошеній. Она явится съ юридическимъ образованіемъ, котораго частные ходатаи не имѣютъ, и эту ближайшую къ народу адвокатуру подыметъ технически и морально. Вотъ почему я высказываюсь за проектъ Государственной Думы и подамъ голосъ согласно съ нимъ.

Примѣчаніе. По поводу моей ссылки на книгу Бытія, членъ Государственнаго Совѣта протоіерей Буткевичъ, почтилъ меня заявленіемъ, что ссылка эта напоминаетъ ему Ляпкина-Тяпкина, про котораго городничій утверждалъ, что, когда онъ начнетъ говорить о сотвореніи міра, то просто волосы дыбомъ становятся — и выразилъ желаніе знать въ какой Библіи я могъ отыскать свѣдѣнія о сотвореніи мужчины и женщины равными, когда даже въ самомъ способѣ творенія Богъ показалъ различіе мужской и женской природы. Не могу не пожалѣть о той поспѣшности, съ которой, — въ своемъ развязномъ сравненіи, — почтенный ораторъ раздѣлилъ взглядъ Сквозника-Дмухановскаго. Конечно, полезно помнить образы, созданные Гоголемъ, но слѣдуетъ быть знакомымъ и съ другими великими русскими писателями, напр., съ Достоевскимъ, котораго едва ли кто рѣшится, по отношенію къ Священному Писанію, упрекнуть въ солидарности съ судьей изъ «Ревизора». Вотъ что говоритъ Достоевскій въ своей «Записной книжкѣ» какъ я однажды здѣсь уже указывалъ по другому вопросу: «вся ошибка *женскаго вопроса* въ томъ, что дѣлятъ недѣлимое. Берутъ мужчину и женщину раздѣльно, тогда какъ это единый цѣлостный организмъ: «*мужа и жену — создалъ ихъ*». Человѣкъ есть единый организмъ, съ дѣтьми, съ предками, съ потомками, со всѣмъ человѣчествомъ. А законы пишутся все раздѣляя и дѣля на составные элементы. *Церковь не дѣлитъ*».

XVI.

Личныя права замужнихъ женщинъ.

(Засѣданіе 20 марта 1913 г.).

Считая, что вопросъ о личныхъ правахъ состоящихъ въ супружествѣ женщинъ всесторонне разъясненъ трудами образованной для обсужденія законопроекта Госуд. Думы Комиссіей, я нахожу необходимымъ коснуться лишь существенной разницы между предположеніями нашей Комиссіи и тою поправкою, которая представлена 3 Членами Государственнаго Совѣта и касается главнымъ образомъ толкованія примѣненія статьи 103, ч. 1 тома X. Комиссія говоритъ въ сущности слѣдующее; «когда женщина замужняя находится въ невыносимомъ положеніи, въ тискахъ семейныхъ непріятностей и въ полной невозможности продолжать совмѣстное жительство съ мужемъ, то она можетъ получить, уйдя отъ своего мужа или не проживая съ нимъ вмѣстѣ отдѣльный видъ на жительство, а если затѣмъ мужъ станетъ ее къ себѣ требовать на основаніи статьи 103[1], то это его требованіе подлежитъ осуществленію только тогда, когда судомъ будетъ признано, что она не имѣла достаточнаго основанія оставить супружеское сожительство». Поправка же говоритъ слѣдующее: «женщина, положеніе которой невыносимо въ супружествѣ, можетъ только тогда получить отдѣльный видъ на жительство и, слѣдовательно, въ дѣйствительности оставить семью, — потому

что фактически безъ паспорта у насъ нигдѣ проживать нельзя,— когда судомъ будетъ признано, что положеніе ея въ семьѣ дѣйствительно нестерпимо». Такимъ образомъ, на поверхностный взглядъ, казалось бы, что и Комиссія, и поправка сходятся въ одномъ. И, дѣйствительно, онѣ сходятся въ томъ, что допускаютъ существованіе случаевъ, когда положеніе жены въ семьѣ можетъ оказаться невыносимымъ, но одна ставитъ опредѣленіе Суда въ единственное основаніе освобожденія находящейся въ тяжкомъ положеніи женщины, другая же дѣлаетъ рѣшеніе Суда уже результатомъ ея фактическаго освобожденія. Конечно, нельзя не признать, что оба мнѣнія одинаково отмѣчаютъ цѣлый рядъ печальныхъ положеній, возникающихъ иногда въ семейной жизни. Сюда относится угроза тѣлесной безопасности женщины въ видѣ прилипчивой и отвратительной болѣзни мужа; сюда относятся нарушенія домашняго мира посредствомъ цѣлаго ряда оскорбленій, и нравственнаго единства супруговъ, путемъ порочнаго и безчестнаго поведенія мужа. Есть случаи, которые мнѣ лично извѣстны изъ судебной практики, гдѣ, напримѣръ, мужъ, продолжая жить съ женой, занимался тѣмъ, что называется альфонсизмомъ, разсматривая это почтенное занятіе, какъ своего рода отхожій промыселъ. Очевидно, что такое порочное поведеніе не могло не заставить жену уйти отъ мужа и искать отдѣльнаго содержанія по статьѣ 106 ч. 1 тома X. Сюда же относится искаженіе смысла брака чрезмѣрной чувственностью. Криминалисты и врачи въ своей практикѣ знаютъ и слышали не разъ признанія потерпѣвшей, съ просьбой о защитѣ отъ такого рода проявленій чувственности и половой извращенности, о которыхъ знаменитый судебный врачъ Тардье говоритъ: «c'est ici qu'on désespère de l'humanité». Наконецъ и спокойствіе дѣтей можетъ быть тоже отравлено тамъ, гдѣ одинъ изъ супруговъ — отецъ, въ данномъ случаѣ, — страдаетъ душевной болѣзнью. Эта болѣзнь можетъ нерѣдко проявляться въ видѣ эротоманіи и дѣтямъ въ этомъ случаѣ предстоитъ постоянно быть свидѣтелями такихъ зрѣлищъ и слушателями такихъ выраженій, которыя могутъ повергнуть ихъ въ крайнюю тревогу и, открывая предъ ними одно изъ печальнѣйшихъ проявленій больной человѣческой при-

роды, разрушить ихъ нравственность въ самомъ корнѣ. Такимъ образомъ, оба мнѣнія какъ бы сходятся, но, однако, результаты ихъ совершенно разные. Поправка 3 Членовъ Государственнаго Совѣта говоритъ женѣ: «когда существуетъ невыносимость, предъяви искъ въ судѣ и если судъ признаетъ, что ты дѣйствительно не можешь жить съ мужемъ, то тогда уходи, тогда тебѣ дадутъ паспортъ, а до тѣхъ поръ оставайся». Но, господа, вѣдь это значитъ обречь женщину на такое положеніе въ большинствѣ случаевъ, а въ крестьянскомъ быту въ особенности, въ которомъ нестерпимость положенія становится длящеюся и безсрочною, подвергая ее всему тому, что я сейчасъ перечислилъ, безъ всякой надежды на освобожденіе отъ своего горя, несчастія, позора и униженія. Вѣдь покуда предъявится искъ и послѣдуетъ рѣшеніе согласно статьѣ 1345[1] въ общемъ порядкѣ судопроизводства, т.-е. съ соблюденіемъ извѣстныхъ сроковъ — апелляціоннаго, а затѣмъ даже и кассаціоннаго, и, что весьма возможно, повторенія этихъ сроковъ вслѣдствіе кассаціи рѣшенія и передачи дѣла на вторичное разсмотрѣніе, пройдетъ масса времени. Съ грустью приходится сознаться, что нашъ судъ, которому было повелѣно быть милостивымъ и скорымъ, милостивымъ, можетъ-быть, и остался, но что онъ не скорый, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Дѣла производятся чрезвычайно медленно, накопленіе въ судахъ разныхъ видовъ и степеней чрезмѣрное, въ кассаціонномъ департаментѣ еще болѣе. Такимъ образомъ женщину, которая находится въ невыносимомъ семейномъ состояніи, обрекаютъ на неопредѣленное время, иногда на нѣсколько лѣтъ оставаться въ этомъ состояніи, покуда будетъ разсмотрѣно и пройдетъ по всѣмъ инстанціямъ ея исковое прошеніе, вопіющее объ освобожденіи отъ гнета и униженія. Въ данномъ случаѣ это значитъ свести статью 103[1] со всѣмъ ея содержаніемъ на нѣтъ, потому что женщинѣ будетъ предоставлено совершенно пустое право — nudum jus, — которымъ воспользоваться будетъ, въ большинствѣ случаевъ, невозможно. Если припомнить, что статья 107 ч. 1 т. X. говоритъ, что жена обязана пребывать въ любви, въ почтеніи и непрерывномъ послушаніи мужу, оказывая ему всякое угожденіе, и представить себѣ мужа развратнаго, мужа без-

честнаго, мужа пьянаго, мужа буйнаго, жестокаго, то что же выйдетъ на практикѣ? Она должна будетъ при всемъ этомъ угождать супругу, подчиняться всему творимому имъ безобразію и подчиняться, можетъ быть доходя до удовлетворенія крайнихъ предѣловъ его развратныхъ требованій. Вотъ почему я думаю, что проектъ нашей Комиссіи гораздо ближе къ жизни. Она говоритъ страдающей женщинѣ: «когда ты уйдешь отъ мужа, вслѣдствіе невыносимаго, въ виду его поведенія положенія, ты можешь получить отдѣльный паспортъ, а когда мужъ станетъ требовать тебя назадъ, ты имѣешь право обратиться за защитой въ судъ, и судъ разсмотритъ, дѣйствительно ли твое положеніе было невыносимо». Вѣдь надо признать, что и при отсутствіи такого положенія жены могутъ быть совершенно другіе случаи, когда женщина все-таки вынуждена будетъ искать отдѣльнаго паспорта или испытывать необходимость поступить на службу, или продолжать ученье безъ согласія мужа. Во-первыхъ, это можетъ происходить даже по соглашенію супруговъ тамъ, гдѣ общее хозяйство требуетъ экономической помощи внѣ того мѣста, гдѣ оно находится. Достаточно вспомнить о кормилицахъ, когда онѣ уходятъ изъ деревни на своего рода заработки въ городъ. Могутъ быть и другія причины: необходимость получить паспортъ, напримѣръ, при долговременной отлучкѣ мужа въ отхожемъ промыслѣ. Кромѣ того, есть мѣстности, гдѣ сами женщины занимаются отхожими промыслами, напримѣръ, на рыбныхъ ловляхъ, въ солеварняхъ. Наконецъ, наиболѣе бьющій въ глаза случай — это безвѣстное отсутствіе мужа. Если встать на ту точку зрѣнія, что жена не можетъ получить паспорта безъ согласія мужа и не можетъ поступить ни на службу, ни куда бы то ни было, пока онъ не разрѣшитъ, то какъ же дѣйствовать въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія мужа? Законъ въ статьѣ 54 ч. 1 т. X. говоритъ: жди 5 лѣтъ, а послѣ 5 лѣтъ ты можешь предъявить искъ о признаніи мужа безвѣстно отсутствующимъ, и когда состоится въ этомъ смыслѣ рѣшеніе суда, ты можешь считаться свободной. Но неужели, въ эти-то 5 лѣтъ она не можетъ получить отдѣльнаго паспорта, не живя фактически и не имѣя никакой возможности, несмотря на все свое желаніе, жить съ

мужемъ. Мужа вѣдь нѣтъ; онъ пропалъ, онъ неизвѣстно гдѣ. Притомъ въ военной средѣ, тамъ срокъ еще болѣе удлиняется, если мужъ солдатъ: онъ можетъ быть въ плѣну и т. д. Вотъ почему предначертанія нашей Комиссіи совершенно правильны и соотвѣтствуютъ житейской правдѣ и справедливости.

Я долженъ прибавить еще одно: даже при согласіи мужа на выдачу паспорта, мы постоянно присутствуемъ при эксплоатаціи женъ (извиняюсь за это иностранное слово) и при вымогательствѣ со стороны мужей. Кто же не знаетъ какъ часто къ горничной, или къ кухаркѣ, или къ нянькѣ, которая много лѣтъ уже служитъ въ извѣстной семьѣ, разъ или два въ годъ приходитъ мужъ, пьяный, буйный, производитъ шумъ и требуетъ жену назадъ, или откупа, за то, что онъ снова возобновитъ ея паспортъ. Я позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ изъ своей старой судебной практики, по цѣлому ряду дѣлъ, въ которыхъ женщины, чтобы имѣть заработокъ и избавиться отъ побоевъ или ласкъ прогнившаго въ сифилисѣ мужа были вынуждены совершать преступленіе, т.-е. проживать по чужому паспорту. Я помню дѣло крестьянки Мигриной, которая прожила 8 лѣтъ въ нянькахъ и была любимицей цѣлой семьи. Это былъ исчезнувшій нынѣ типъ старой няни, которая срослась всѣми нервами своего сердца съ тою семьею, въ которой она воспитывала дѣтей. Она жила по паспорту крестьянки Манухиной и когда ее потомъ стали судить и старуха Манухина была вызвана, въ качествѣ свидѣтельницы, то эта послѣдняя сказала: «Да, я отдала ей свой паспортъ, мужъ ее билъ, тиранилъ, былъ лиходѣемъ, я ей и говорю: ты бы, голубка, взяла мой паспортъ, да и ушла отъ мужа въ услуженіе: дѣтей у тебя нѣтъ, а мнѣ паспортъ не нуженъ, его никто здѣсь не спрашиваетъ, — авось его и Господь Богъ у меня не спроситъ». Я помню дѣла, когда въ воспитательномъ домѣ кормилицы служили по 2 года и все время дѣлались предметомъ самой безчестной эксплоатаціи мужей. Одно дѣло у меня осталось особенно въ памяти. Это было дѣло крестьянки Чебериной, которая 5 лѣтъ прослужила сидѣлкой въ госпиталѣ, была всѣми любима и уважаема и которую пришлось судить за проживаніе по чужому паспорту потому, что развратный мужъ, «снохачъ»

ей такового не давалъ, заставляя ее переживать самую унизительную, удручающую роль въ семьѣ. Вотъ почему, я съ своей стороны, думаю, что если мы примемъ заключеніе нашей Комиссіи, то мы поступимъ не только справедливо, но и правосудно въ высшемъ смыслѣ этого слова. Скажутъ, что и нынѣ паспортъ, однако, выдается, когда это неизбѣжно нужно. Но вѣдь это путь обхода закона, обходъ же закона всегда вреденъ по развиваемымъ имъ привычкамъ и въ обходящихъ, и во власть имущихъ. Намъ говорили здѣсь, что есть извѣстный императивъ долга, который долженъ заставлять жить съ мужемъ жену, несмотря на то, что она подвергается постояннымъ издѣвательствамъ и истязаніямъ, иногда доводящихъ ее до самоубійства. При этомъ насъ успокаиваютъ утвержденіемъ, то эти случаи очень рѣдки и что надо во что бы то ни стало охранять цѣлость семьи. Но то, что называется «бабьими стонами» вовсе не рѣдкость, да и можно ли охранять цѣлость семьи, насильственно удерживая въ ней, когда она перестала быть семьей, а стала мерзостью запустѣнія и разложенія? Нисколько не умаляя многихъ цѣнныхъ семейныхъ идеаловъ въ русскомъ народѣ и въ особенности въ его низшемъ слоѣ, все-таки приходится признать, что часто пьяница и истязатель жены хотя и сознаетъ, что это все грѣшно, и даже кается въ этомъ грѣхѣ, но тѣмъ не менѣе при первомъ удобномъ случаѣ снова ему поддается. Тутъ умѣстно вспомнить то, что сказалъ Монтескьё, а именно: «le peuple est honnête dans ses goûts, sans l'être dans ses moeurs». Оставьте за нимъ его *вкусы*, поощряйте и укрѣпляйте ихъ законодательнымъ путемъ, но дайте исходъ жертвамъ его *нравовъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда эти нравы жестоки или постыдны...

XVII.

Общеимперское законодательство для Финляндіи.

Засѣданіе 10 іюня 1910 г.).

Соглашаясь съ мнѣніемъ тѣхъ, кто признаетъ, что Финляндія не есть самостоятельное государство, находящееся въ реальной уніи или въ союзѣ съ Россіей, я нахожу вмѣстѣ съ тѣмъ, что она—вошедшая въ составъ Россійской Имперіи область, вѣковое населеніе которой, названное Императоромъ Александромъ I *націей*, надѣлено широкимъ политическимъ самоуправленіемъ, имѣетъ старое историческое прошлое, создало свой замѣчательный по силѣ эпосъ и выработало самобытныя условія частной и общественной жизни. Поэтому, какъ часть Россійской Имперіи, находящаяся въ ея верховномъ обладаніи, Финляндія должна представлять съ нею единое цѣлое въ смыслѣ обороны въ широкомъ значеніи слова, въ организаціи и накопленіи морскихъ и сухопутныхъ силъ, въ международномъ представительствѣ и въ тѣхъ проявленіяхъ дѣятельности Имперіи, въ единствѣ которыхъ выражается ея державное значеніе и достоинство. Въ этомъ именно смыслѣ, и въ виду неразрѣшимыхъ иначе разногласій высшихъ финляндскихъ и русскихъ законодательныхъ учрежденій, что вреднымъ образомъ затягивало бы разрѣшеніе каждаго общеимперскаго вопроса, — изданіе общегосударственныхъ законовъ должно принадлежать представительнымъ учрежденіямъ Имперіи, при чемъ, однако, должны быть точно и широко опредѣлены способы и порядокъ, коими эти учрежденія должны удостовѣряться въ мѣстныхъ условіяхъ для примѣненія закона. Но это

законодательство не должно касаться тѣхъ областныхъ и мѣстныхъ постановленій, которыя вытекаютъ изъ принадлежащаго Финляндіи широкаго *самоуправленія*, названнаго А. С. Стишинкимъ «областною конституціей». Между тѣмъ, законопроектъ Государственной Думы, подъ флагомъ законовъ общегосударственнаго значенія, установляетъ вторженіе нашего русскаго закона и примѣняющей его власти въ сферу отношеній, которыя или создались еще ранѣе присоединенія Финляндіи къ Россійской державѣ, или же были подтверждены русскою Верховною властью, которая не только признавала ихъ законное бытіе, но и дала возможность воспитываться въ нихъ, въ теченіе почти столѣтія, финляндскому обществу. Въ виду такой своей всеобъемлемости, могущей стереть разницу между законодательствомъ всеобщимъ и мѣстнымъ, со вредомъ для обоихъ, — проектируемый законъ, во всякомъ случаѣ, обязанъ быть точнымъ и опредѣленнымъ, покоиться на твердыхъ, непререкаемыхъ, основаніяхъ и насущныхъ потребностяхъ и, наконецъ, регулировать *настоящія* отношенія между Россіей и Финляндіей, отнюдь не давая поводовъ смотрѣть на себя, какъ на прикровенную угрозу въ *будущемъ*.

Ни одному изъ этихъ требованій законопроектъ въ томъ *перечнѣ дѣлъ*, которыя подлежатъ общеимперскому законодательству, не удовлетворяетъ. Радикальныя мѣры, предлагаемыя имъ, покоются на *чувствахъ*, опираются на *необходимость*. Но чувства съ чьей бы стороны ни было, не должны играть роли при опредѣленіи правового положенія своеобразной части общаго государства и правомѣрнаго къ ней отношенія. Не симпатіи или антипатіи, не возмущеніе или негодованіе, не народный темпераментъ или оскорбленное самолюбіе должны диктовать мѣры, опредѣляющія это отношеніе и имѣющія въ виду далекое и прочное будущее, а справедливость quand même и malgré tout. Здѣсь говорилось объ относительномъ характерѣ справедливости, которая поэтому будто бы не поддается опредѣленію. Но юристъ такъ смотрѣть не можетъ. Для него справедливость опредѣлена вполнѣ точно: neminem laedere, suum cuique tribuere... Недаромъ римляне называли ее fundamentum regnorum! Здѣсь было рѣшительно сказано, что въ отношеніяхъ между отдѣльными частями государ-

ства немыслимо требовать другъ къ другу любви, а есть право требовать уваженіе. Но это уваженіе достигается исключительно осуществленіемъ справедливости, ибо иначе законодательство будетъ постоянно находиться въ состояніи колебанія подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ, временныхъ и мѣстныхъ настроеній. Посмотримъ, однако, соблюдено ли это по отношенію къ программѣ тѣхъ дѣйствій, которыя должны быть предприняты въ случаѣ принятія предлагаемаго намъ законопроекта... Напримѣръ, въ проектѣ, принятомъ Г. Думой, говорится объ обезпеченіи въ общемъ законодательномъ порядкѣ государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія и надзора за нимъ, т.-е., иными словами, объ установленіи вмѣшательства имперскихъ властей не только въ объемъ школьнаго преподаванія, но и въ способы его, не только въ то, *что* преподается, но и *какъ* преподается. Этимъ, по мнѣнію комиссіи Государственнаго Совѣта, будетъ достигнуто то, что финляндская школа будетъ поставлена въ возможность вселять юношеству вмѣсто вражды — уваженіе къ Имперіи и расположеніе къ русскому народу, такъ какъ будутъ выработаны мѣры, придающія программамъ надлежащую полноту и включающія въ нихъ истинное понятіе о русской исторіи, культурѣ и географіи. Въ преніяхъ, предшествовавшихъ разсмотрѣнію Государственнымъ Совѣтомъ настоящаго законопроекта, было между обвиненіями противъ финляндской школы указано и на то, что преподаваніе русской исторіи слѣдуетъ тамъ по извращенному и вредоносному пути, такъ какъ изъ монарховъ упоминаются только Петръ Великій, Екатерина Великая, Александръ Первый и Царь-Освободитель. Если судить по этому упреку о справедливости другихъ, то цѣна имъ невелика! Для послѣдняго тридцатилѣтія исторія еще не наступила, и даже въ Россіи еще нѣтъ серьезнаго труда по этой части, а относительно болѣе далекихъ временъ дозволительно усомниться — составляетъ ли ущербъ для знакомства съ истинными судьбами русскаго народа умолчаніе, напримѣръ, о господствѣ Бирона при Аннѣ Іоанновнѣ или о Петрѣ III и обстоятельствахъ его кончины. Да и какъ установить желательный проекту надзоръ за оцѣнкой учителями историческихъ личностей и событій, безъ грубаго вторженія въ преподаваніе канце-

лярской указки и пріемовъ негласнаго дознанія, притомъ фактически безплодныхъ, ибо сжатая въ тискахъ мысль сумѣетъ дать себя понять со всею прелестью запрещеннаго плода. Кромѣ того, упоминаніе въ законопроектѣ о *преподаваніи вообще*, безъ всякихъ ограниченій, даетъ поводъ думать, что «обезпеченіе» предположено распространить и на университетъ въ Гельсингфорсѣ. Но еще при обсужденіи вопроса объ открытіи университета Шанявскаго въ Москвѣ Государственный Совѣтъ нашелъ обязательныя программы преподаванія, составляемыя въ учебномъ округѣ, недостигающими своеіі цѣли. Наконецъ, не надо забывать, что, какъ видно изъ петиціи финляндскаго сейма 1907 года, всѣ законы, касающіеся устройства учебныхъ заведеній въ Финляндіи, входятъ въ область административнаго законодательства, находящагося всецѣло и единолично въ рукахъ Государя Императора. Зачѣмъ же вносить элементъ раздвоенія и раздраженія въ область финляндской школы, о которой всякій, кто ее видѣлъ въ дѣйствіи и ознакомился съ ея организаціей, не можетъ думать безъ уваженія и даже безъ зависти, какъ о культурномъ показателѣ страны...

Намъ указываютъ на *необходимость*. Но необходимость неразрывно связана съ цѣлесообразностью принимаемыхъ въ силу ея мѣръ. Однако, достигаютъ-ли предлагаемыя мѣры цѣли объединенія на почвѣ взаимнаго пониманія положенія?—О школѣ я уже говорилъ. Печать, союзы и собранія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ политическимъ навыкомъ страны. Степень свободнаго ихъ существованія неразрывна со степенью политическаго развитія населенія. Для огражденія общихъ государственныхъ интересовъ по отношенію къ нимъ достаточно уголовнаго закона и суда—и всякое вмѣшательство внѣ этого въ эти проявленія духовной жизни народа должно быть крайне осторожно и строго обдумано, считаясь съ общимъ строемъ страны и народной психологіей. Можно ли, думая о центральной регламентаціи печати, союзовъ и собраній въ Финляндіи, забывать, что въ ней существуетъ общее избирательное право, распространенное и на женщинъ, и что самый демократическій характеръ даннаго странѣ представительства дѣлаетъ неизбѣжнымъ и широкій просторъ въ пользованіи политическими правами, выражающимися въ свободѣ

печати и собраній? Относиться къ этимъ правамъ съ точки зрѣнія общихъ мѣропріятій, облекаемыхъ въ форму закона, значило бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ брать мѣриломъ такія соображенія, которыя не свойственны ни психологіи мѣстнаго населенія, ни его политическому навыку и житейскому укладу. Не слѣдуетъ ли намъ прежде всего подумать о себѣ и вспомнить, что у насъ до сихъ поръ существуютъ лишь *временныя* правила объ обществахъ и собраніяхъ и нѣтъ закона о печати, а только лишь весьма сомнительныя временныя правила, замѣняемыя въ мѣстностяхъ, состоящихъ въ исключительномъ положеніи, усмотрѣніемъ мѣстнаго начальства? Вспомните, что мы, желающіе обуздать финляндскую печать, безсильны у себя увидѣть прекращеніе описаній ужасающаго ряда самоубійствъ, — описаній, дѣйствующихъ заразительно и преподающихъ желающимъ разнообразные простые и сложные способы лишенія себя жизни! Сколь долгое время должны мы еще съ безсильной горечью смотрѣть на отравленіе нашего юношества и простого народа порнографическими книжками и изображеніями, въ ожиданіи пока бдительное начальство обратитъ, наконецъ, на это вниманіе!

Точно такъ же нарушеніемъ автономіи Финляндіи представляется проектируемое безъ всякихъ границъ установленіе въ государственныхъ интересахъ изъятій изъ финляндскихъ уголовныхъ и судопроизводственныхъ законовъ. И здѣсь подведеніе мѣстныхъ законовъ подъ общій уровень — идетъ въ разрѣзъ съ бытовыми условіями и нравами народа и способно возбудить въ немъ недовѣріе къ суду. И почему тогда уже не распространить этихъ изъятій и на область гражданскаго права? Финляндскіе законы объ экспропріаціи, о порядкахъ и поставкахъ — совсѣмъ иные, чѣмъ у насъ, и иногда для насъ стѣснительны. Въ Комиссіи Бунге сами финляндскіе члены предлагали общеимперское законодательство о наслѣдствахъ и опекахъ. Но на пути этихъ исключеній можно зайти весьма далеко и тѣмъ не менѣе, цѣль не будетъ достигнута. Если имѣется въ виду усиленіе репрессіи по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, то, вѣдь, Судъ останется свободнымъ въ оцѣнкѣ доказательствъ и всегда будетъ имѣть возможность на чуждыя народному правосознанію карательныя

постановленія отвѣчать непризнаніемъ виновности. Зачѣмъ же вводить его въ такой соблазнъ? Ссылка на германское правовое и процессуальное объединеніе для меня не убѣдительна, ибо для него было выговорено соглашеніе всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ Имперіи. Когда, еще въ 1880 году, Н. С. Таганцевымъ былъ возбужденъ вопросъ о непріемлемости проекта финлянскаго Уложенія, и оно было передѣлано, то и тогда рѣчь шла лишь объ уголовныхъ законахъ, имѣющихъ международное значеніе или относящихся къ преступленіямъ противъ государства, какова, напримѣръ, измѣна. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что правительство въ Финляндіи не лишено права и даже обязано заботиться о законодательномъ улучшеніи нормъ права и правилъ процесса, и что для этого у него есть правомѣрный путь, указанный въ сеймовомъ уставѣ 1906 г.

Но если проектируемыя мѣры не цѣлесообразны и чреваты многими прискорбными осложненіями, то можно-ли говорить о *необходимости*, при чемъ результатомъ ея будетъ превращеніе политическаго самоуправленія, дарованнаго русскими Государями, въ узко-земское, т.-е. чисто хозяйственное и мѣстное?

Вотъ что, однако, говорилъ по такому поводу знаменитый основатель германской имперіи, при обсужденіи проектовъ Бенигсена и Твестена, требовавшихъ учрежденія органовъ для единаго имперскаго законодательства: «Такой унитаризмъ былъ бы дѣломъ насилія; даже прикрытый и формально оправданный, онъ образовалъ бы раны, продолжительность заживленія которыхъ никому неизвѣстна и никѣмъ не можетъ быть контролируема. Слѣдуетъ спрашивать себя не о томъ, что для Германіи *можетъ* быть общимъ, а о томъ, — что абсолютно *должно* быть таковымъ, остальное же предоставить мѣстному развитію; этимъ мы послужимъ свободѣ и общественному благосостоянію. Во всякомъ случаѣ — не спѣшите!» — Не спѣшите! позволительно повторить и здѣсь въ настоящее время...

Финскій народъ прожилъ долгіе, долгіе годы при господствѣ политическаго самоуправленія. Это хотятъ сдѣлать его безвозвратнымъ прошлымъ. Но политическое *прошлое* народа, переставшее быть *настоящимъ*, пріобрѣтаетъ особую обаятельную

силу надъ умами и сердцами, ослѣпляя первые своими свѣтлыми сторонами, накопляя въ послѣднихъ горечь скорби и ядъ негодованія.

Если законопроектъ, съ одной стороны, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики по своимъ основаніямъ, — то съ другой стороны, онъ страдаетъ большой неясностью и неопредѣленностью. Таково, напримѣръ, указаніе на участіе Финляндіи въ государственныхъ расходахъ и установленіе для сего взносовъ, сборовъ и налоговъ — даже безъ обозначенія, какихъ именно расходовъ и на какія потребности.

Между тѣмъ, сеймовый уставъ 1906 года дѣйствуетъ и нынѣ, и Сеймъ имѣетъ бюджетную комиссію, въ которую, на основаніи §§ 26 и 43 устава, передаются предложенія о доставленіи средствъ на расходы, не покрываемые ординарными смѣтными доходами, предложенія о чрезвычайныхъ налогахъ и вообще предложенія по финансовымъ вопросамъ; тотъ же Сеймъ, на основаніи § 74, гарантируетъ и вѣдаетъ фонды финляндскаго банка. Поэтому, въ неопредѣленной редакціи п. 1 перечня нельзя не видѣть крайняго умаленія правъ Сейма и сведенія всей его финансовой дѣятельности «на нѣтъ». Эта утрата имъ принадлежащихъ ему по сеймовому уставу 1906 г. правъ уже никакихъ не можетъ быть заполнена, какъ думаетъ Комиссія Государственнаго Совѣта, участіемъ трехъ финляндскихъ членовъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ, гдѣ они утонутъ въ подавляющемъ числѣ русскихъ членовъ, какъ капля въ морѣ.

Здѣсь была сдѣлана экскурсія по всѣмъ томамъ свода законовъ, чтобы показать, въ шутливой формѣ, что и послѣ принятія законопроекта финляндцамъ еще многое останется: какъ, напримѣръ, горное дѣло, тюрьмы и т. п. Спеціально относительно финансовъ было указано, что у нихъ, между прочимъ, не отнимается право помѣщенія денегъ въ иностранные банки и остается законодательство о кассовомъ устройствѣ. Но, господа, устройство кассы безъ распоряженія тѣмъ, что изъ нея вынимается—звучитъ ироніей. Представимъ себѣ, что случайно изданъ законъ, по которому въ общеимперскомъ порядкѣ устанавливается порядокъ владѣнія недвижимою собственностью въ Финляндіи. Защитники этого закона говорили бы, что за то наемъ

квартиръ въ домахъ, меблировка ихъ, заказываніе и выборъ обоевъ — все это производится совершенно свободно, и въ этомъ отношеніи предоставляется полное самоуправленіе. Это показалось бы намъ самимъ насмѣшкой...

Не меньшею неясностью страдаетъ и указаніе на опредѣленіе въ общеимперскомъ порядкѣ, употребленія въ Финляндіи государственнаго языка. Я вполнѣ понимаю и одобряю опредѣленіе обязанности и условій употребленія государственнаго языка должностными лицами и правительственными учрежденіями въ Финляндіи во всѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ дѣло съ русскими учрежденіями или русскими людьми, которымъ должно принадлежать право понимать и быть понимаемыми во всѣхъ случаяхъ соприкосновенія съ мѣстными учрежденіями — будетъ ли то судъ, общественное управленіе, или казна и администрація въ ихъ различныхъ функціяхъ. Здѣсь, дѣйствительно, мѣсто для имперскаго законодательства по причинамъ, самимъ по себѣ яснымъ. Но употребленіе общаго, ничего не говорящаго и разрѣшающаго всевозможныя мѣры, выраженія о государственномъ языкѣ открываетъ широкій просторъ для случаевъ проявленія усердія не по разуму, близорукая прозорливость котораго о намѣреніяхъ высшаго начальства можетъ идти въ разрѣзъ съ требованіями политическаго благоразумія и придать законному проявленію правъ государственнаго языка характеръ принудительной руссификаціи. Мы знаемъ по собственному опыту, стоившему большихъ жертвъ и не приведшему ни къ какому сліянію, — и по опыту нашего западнаго сосѣда, какія обостренныя отношенія вызываются и какая почва для раздраженія создается неточнымъ опредѣленіемъ границъ примѣненія государственнаго языка и какъ это приводитъ совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, которые ожидались. Съ другой стороны, мы знаемъ, что ничто такъ больно не трогаетъ людей, какъ — прикосновеніе къ ихъ языку, или обязаніе ихъ употреблять не свой родный языкъ. Это чувствуется всегда, какъ извѣстнаго рода обида родному языку, т.-е. самому цѣнному достоянію каждой народности.

Позвольте призвать предъ вами свидѣтельство человѣка, котораго, конечно, никто не рѣшится упрекнуть въ недостаточ-

ной любви къ родинѣ или нежеланіи охранять ея интересы. Вотъ что говоритъ незабвенный учитель моей молодости, другъ моей старости—Борисъ Николаевичъ Чичеринъ въ своей «Политикѣ»: «послѣ вѣры — самое дорогое для человѣка — родной языкъ; въ немъ выражается душа народа, имъ опредѣляется весь складъ его ума, всѣ оттѣнки его понятій: для массы народа родной языкъ есть духовное состояніе, охватывающее все существо человѣка, — иного способа для выраженія своихъ понятій, чувствъ и желаній она не имѣетъ. Стремленіе непремѣнно всюду ввести употребленіе оффиціальнаго языка есть чистый плодъ бюрократическаго формализма, подводящаго все къ однообразному уровню, безъ всякаго вниманія къ мѣстнымъ особенностямъ. Когда владычествующая народность навязываетъ свой языкъ, какъ знакъ своего преобладанія — это безполезно и глубоко—оскорбительно, какъ униженіе и стѣсненіе того, что особенно дорого»... Къ этимъ словамъ я добавлю, что языкъ великаго народа, разработанный и представляемый такими людьми какъ Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и Гончаровъ всегда завоюетъ къ себѣ вниманіе всякаго культурнаго народа, но обязательнымъ его дѣлать можно только въ безусловно нужныхъ границахъ, которыя должны быть твердо и ясно опредѣлены въ законѣ.

Наконецъ, не пошелъ ли въ этомъ вопросѣ законопроектъ дальше того, что признавало нужнымъ само правительство? Въ представленіи предсѣдателя Совѣта министровъ въ Гос. Думу ничего не говорится о государственномъ языкѣ. Этотъ пунктъ вставленъ самой Думой и принятъ затѣмъ нашей особой комиссіей, безъ ходатайства о томъ внесшихъ проектъ. Уже это одно заставляетъ отнестись къ этому вопросу съ особой осмотрительностью.

Такая же неясность является и относительно путей сообщенія, воздухоплаванія и телефоновъ, изъ которыхъ первые и послѣдніе доведены въ Финляндіи до высокой степени совершенства. Они отнесены къ имперскому законодательству, даже и безъ той оговорки, которая сдѣлана относительно желѣзныхъ дорогъ, подчиняемыхъ общегосударственному законодательству «въ отношеніи къ оборонѣ государства», что совершенно безспорно.

Эта неясность, обременяя и безъ того обремененный Государственный Совѣтъ мелкими дѣлами, можетъ парализовать культурно-техническій ростъ Финляндіи, достигающій такихъ поразительныхъ и завидныхъ успѣховъ въ послѣднее время. Здѣсь не мѣсто и не время говорить о какихъ-либо редакціонныхъ измѣненіяхъ перечня, но нельзя не замѣтить, что почта уже и такъ на основаніи административнаго законодательства объединена въ Россіи и Финляндіи въ одно вѣдомство, а все остальное, въ исключительномъ значеніи для обороны государства, должно бы быть помѣщено въ одинъ отдѣлъ съ желѣзными дорогами. Затѣмъ обще-имперское законодательство, направленное къ объединенію денежной системы, конечно, представлялось бы рѣзкимъ нарушеніемъ всего экономическаго строя Финляндіи, если бы на послѣднюю была распространена наша монетная единица, представляющая, какъ было вѣрно замѣчено, ненормальное явленіе крупной монетной единицы въ бѣдной странѣ. Быть-можетъ, наоборотъ, желательно, чтобы мы ввели у себя монетную единицу, подобную той, какая существуетъ въ Финляндіи, и тѣмъ примкнули къ типу большинства западно-европейскихъ континентальныхъ державъ.

Наконецъ, можно-ли сказать, что статья перечня, говорящая объ измѣненіи въ общемъ порядкѣ *основныхъ* началъ управленія Финляндіей *особыми* установленіями на основаніи *особаго* законодательства — путемъ общеимперскаго закона — не нарушаетъ нашедшихъ одобреніе Монарха благихъ пожеланій и указаній, сдѣланныхъ Комитетомъ Министровъ 12 декабря 1904 г. относительно незыблемой силы закона? Эта статья, а также постановленіе о томъ, что и дополненіе перечня совершается въ томъ же порядкѣ, обрекаютъ правовую жизнь Финляндіи на крайнюю неустойчивость, пагубную для нормальнаго развитія страны. Я уже не буду говорить о порядкѣ, въ которомъ перечень дополняется. Нѣкоторыя печальныя воспоминанія изъ прежняго финляндскаго законодательства заставляютъ въ интересахъ Россіи не желать этого порядка, а желать, чтобы Монарху Русскому предстояло утверждать или не утверждать постановленія законодательныхъ учрежденій, а не высказывать предварительно своего

одобренія тому или другому проекту. Но это вопросъ, о которомъ еще придется говорить. Во всякомъ случаѣ возможность всегдашняго дополненія устанавливаетъ такую неустойчивость мѣстнаго законодательства, которая въ дѣйствительности связана съ полной неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Сущность этихъ статей слѣдующая: вотъ перечень, неопредѣленный, неясный, чрезвычайно растяжимый, — этотъ перечень можетъ-быть во всякое время дополняемъ и, кромѣ того, онъ будетъ касаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тѣхъ мѣстныхъ установленій, роль которыхъ уже закономъ опредѣлена, т.-е. это такой порядокъ, при которомъ устанавляется законъ *примѣрно*, на время, — пусть молъ, покуда дѣйствуетъ, а тамъ будетъ видно, тамъ посмотримъ... Сегодня это можно признать полезнымъ, а завтра сказать — нѣтъ, это не годится, и надо это измѣнить опять на время, а тамъ снова — будетъ видно... Такого рода неустойчивость законодательства лишаетъ его всякаго достоинства и нравственной силы. При отдѣленіи законовъ общеимперскаго значенія отъ законовъ, относящихся къ внутреннимъ дѣламъ Финляндіи, должно поставить между тѣми и другими «повелительныя грани», но поставить ихъ надолго и твердо, а не временно и шатко. Фарватеръ для того и другого законодательства долженъ давать плывущимъ увѣренность, что ихъ не встрѣтятъ подводные камни и мели въ видѣ разныхъ неожиданныхъ вѣяній и настроеній, новыхъ констелляцій политическихъ партій или измѣненія состава Совѣта министровъ. Нельзя создавать законы, открывающіе неопредѣленныя перспективы и излагать ихъ въ такихъ выраженіяхъ, что на недоумѣвающій вопросъ: — «какъ же это выразится на практикѣ?» — можно отвѣтить: — «да тамъ ужъ будетъ видно!»

Таковъ коренной недостатокъ перечня, по которому онъ является въ настоящемъ своемъ видѣ непріемлемымъ. Наша Комиссія, очевидно, сама чувствуетъ, какую почву для принятія мѣръ поспѣшныхъ, основанныхъ на односторонней или невѣрной освѣдомленности, или на преднамѣренномъ обобщеніи единичныхъ явленій грубости, невниманія или недостаточной благодарности мѣстныхъ жителей создаетъ перечень. Комиссія постоянно

колеблется между малообоснованнымъ оптимизмомъ и весьма опрометчивымъ пессимизмомъ. Она говоритъ, что, безъ сомнѣнія и конечно, мѣстныя особенности Финляндіи при дѣйствіи перечня будутъ приняты во вниманіе. Но гдѣ ручательство въ осуществленіи этихъ надеждъ? Въ чемъ гарантія, что выводы изъ перечня будутъ разработаны въ томъ же духѣ, въ которомъ, по мнѣнію Комиссіи, ею начертанъ самый перечень? Не зачѣмъ отъ себя скрывать, что, по крайней мѣрѣ на первое время, глубокія умаленія политическаго самоуправленія Финляндіи повлекутъ за собою рядъ треній, замѣшательствъ и неудовольствій. Это признаетъ и наша Комиссія, когда говоритъ, по поводу новыхъ налоговъ, что ихъ, быть-можетъ, придется взимать посредствомъ органовъ русской власти. Однако, въ этомъ «можетъ-быть, придется» содержится своего рода угроза, не обѣщающая въ будущемъ мира. А такъ какъ блаженныхъ миротворцевъ и людей, внимающихъ совѣту митрополита Филарета: «будете имѣть миръ, растворяя дѣйствіе власти терпѣніемъ и любовью» — въ человѣческомъ обиходѣ вообще мало, то не придется ли относительно практическаго соглашенія между бытовой и вновь создаваемой жизнью Финляндіи повторить замѣчаніе Тацита: «ubi solitudinem faciunt — pacem appellant!» Вотъ почему я высказываюсь противъ перечня въ его настоящемъ видѣ. Принимая во вниманіе коренное значеніе этого перечня, я нахожу, что необходимо обратить дѣло въ ту же Комиссію или иную, избранную нами вновь для новаго подробнаго тщательнаго пересмотра законопроекта,— если же это не будетъ признано возможнымъ, то я долженъ буду подать голосъ за отклоненіе послѣдняго цѣликомъ.

Позвольте мнѣ, господа, прежде, чѣмъ окончить, сказать нѣсколько словъ по поводу сдѣланнаго здѣсь заявленія. Ссылаясь на мнѣніе меньшинства Комиссіи о томъ, что принятіе нѣкоторыхъ изъ частей перечня не принесетъ добра Россіи и послужитъ лишь на пользу ея врагамъ, — намъ здѣсь сказали, что врагами Россіи являются тѣ, кто не приметъ настоящаго законопректа. Съ грустнымъ чувствомъ встрѣтилъ я такой полемическій пріемъ въ дѣлѣ огромнаго значенія и исторической важности. Когда Державный Вождь нашего отечества рѣшилъ передать вопросъ

объ общеимперскомъ законодательствѣ для Финляндіи на рѣшеніе созданныхъ имъ представительныхъ учрежденій, онъ, конечно, не имѣлъ въ виду вручать его разрѣшеніе собранію *друзей* и *враговъ* Россіи, а призвалъ къ этому людей, которымъ житейскій и государственный опытъ, голосъ внутренняго убѣжденія и сознаніе принятой присяги, помогутъ, по мѣрѣ разумѣнія и силъ, сказать свое слово... Поэтому, указаніе на несогласныхъ съ законопроектомъ, какъ на враговъ родины, совершенно, неумѣстно. Этого рода пріемы надо предоставить тѣмъ областямъ нашей общественной жизни, гдѣ искусственно раздуваютъ злобу дня, гдѣ ею существуютъ и въ ней же черпаютъ свое оружіе. Такіе пріемы должны быть осуждены парламентской практикой, какъ осуждены и исторіей, повѣдавшей намъ на своихъ святѣйшихъ страницахъ о томъ, какъ была совершена величайшая въ мірѣ несправедливость въ угоду ожесточенныхъ людямъ, кричавшимъ рѣшителю дѣла: «если не сдѣлаешь по нашему — не другъ еси Кесаря»!

XVIII.

Запросъ предсѣдателю Совѣта Министровъ о примѣненіи 87 ст. Законовъ Основныхъ.

(24 марта 1912 года).

Подписывая предложеніе о запросѣ предсѣдателю Совѣта Министровъ и обсуждая его основанія, я, прежде всего, остановился на вопросѣ о томъ, что такое закономѣрность, о которой говорится въ ст. 57 учр. Гос. Совѣта. Думаю, что подъ закономѣрностью надо разумѣть полное соотвѣтствіе дѣйствій власти съ точнымъ смысломъ закона, дѣйствій, не возбуждающихъ, по характеру своему, опасеній въ смыслѣ возможности своего повторенія и принятія ихъ въ государственный обиходъ. Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ точному смыслу 87 ст. Законовъ Основныхъ, я нахожу, что ею установляется двоякій порядокъ принятія законодательныхъ мѣропріятій, сводящійся, въ концѣ-концовъ, къ Высочайшему утвержденію одобреннаго Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою законопроекта. Мѣриломъ для примѣненія того или другого служитъ наличность засѣданій законодательныхъ учрежденій. Есть эти засѣданія — дѣйствуетъ общій порядокъ, въ силу котораго каждый проектъ восходитъ изъ Государственной Думы въ Совѣтъ или, въ случаѣ принятія послѣднимъ почина на себя, направляется изъ Совѣта въ Думу. Нѣтъ этихъ засѣданій, вслѣдствіе перерыва ихъ согласно Высо-

чайшему указу, и наступаютъ чрезвычайныя обстоятельства, настоятельно вызывающія необходимость мѣры, требующей обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, — дѣйствуетъ особый порядокъ, предусмотрѣнный ст. 87 Законовъ Основныхъ, и принимается мѣра, которая должна черезъ два мѣсяца или пасть, или получить возможность обратиться установленнымъ для общаго порядка путемъ — въ законъ. Третьяго порядка нѣтъ и быть не можетъ, ибо онъ поражалъ бы въ самое существо законопроекты или находящіеся уже въ движеніи въ той или другой Палатѣ и подлежащіе ея законному разсмотрѣнію, или же прошедшіе уже всѣ стадіи такого разсмотрѣнія съ положительнымъ или отрицательнымъ исходомъ. Такой порядокъ, если бы онъ былъ начертанъ въ законѣ, расшатывалъ бы въ корнѣ устойчивость законодательной дѣятельности. Напрасно указывали намъ сейчасъ на 208 и 210 статьи общаго наказа министерствамъ, предоставляющія министрамъ, при наступленіи общей и видимой опасности, принимать рѣшительныя мѣры, не влекущія, по силѣ 340 ст. Уложенія, отвѣтственности за превышеніе власти. Статьи эти никакого отношенія къ законодательной работѣ не имѣютъ. Это — мѣры, принимаемыя въ порядкѣ управленія, мѣры не органическія, не длительныя и не находящія себѣ мѣста на страницахъ Свода. Такъ смотритъ, очевидно, и Совѣтъ Министровъ, принявшій недавно мѣры по поводу разстройства спокойнаго теченія университетской жизни — не путемъ приспособленія къ 87 ст. Законовъ Основныхъ, а въ порядкѣ управленія. Наконецъ, и наша практика показываетъ, что до сихъ поръ 87 ст. примѣнялась лишь по наступленіи продолжительныхъ перерывовъ въ занятіяхъ представительныхъ учрежденій и при томъ не съ лихорадочной поспѣшностью тотчасъ послѣ перерыва, а въ спокойномъ теченіи возникающихъ потребностей долженствующихъ, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, облечься въ доспѣхи закона. Такъ послѣ роспуска первой Государственной Думы, первое по времени примѣненіе 87 статьи послѣдовало лишь 3 августа 1906 года, а послѣ роспуска второй — лишь 26 іюня 1907 г. Вотъ почему смыслъ статьи 87 мнѣ представляется яснымъ, а всякое иное его объясненіе — относящимся къ области того, отъ чего ст. 65

нашихъ старыхъ Основныхъ Законовъ предостерегала, какъ отъ «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій».

Переходя ко второму условію закономѣрности, надо признать, что возможность примѣненія ст. 87, какъ было въ настоящемъ случаѣ, и внѣдренія такой практики въ нашу законодательную жизнь не можетъ не возбуждать справедливой тревоги. Эта тревога основывается на послѣдствіяхъ такого порядка вещей, — практическихъ и нравственныхъ. Практическія состоятъ вотъ въ чемъ: если Дума будетъ согласна съ правительственнымъ законопроектомъ, но послѣдній встрѣтитъ несогласіе Государственнаго Совѣта, то, по новой практикѣ, можетъ вступить въ силу 87 статья, и рѣшеніе Совѣта обратится въ ничто. То же можетъ случиться съ рѣшеніемъ Думы, когда она не согласится съ рѣшеніемъ Совѣта по возбужденному имъ, въ порядкѣ почина, вопросу, съ которымъ, однако, согласно правительство. Какъ бы слѣдуя французской шутливой поговоркѣ: «c'est mon opinion et je le partage», правительство скажетъ въ обоихъ случаяхъ: «раздѣляйте и вы мое мнѣніе, или я прибѣгну къ 87 ст., усмотрѣвъ въ вашемъ отказѣ чрезвычайныя обстоятельства». Но въ чемъ же будутъ, при этомъ, состоять задачи Государственнаго Совѣта? Придется руководящимъ началомъ его дѣятельности признать поддержаніе взглядовъ правительства, т.-е. того, что въ прежнее время именовалось туманными и произвольно толкуемыми словами, какъ «виды правительства», ибо и въ случаяхъ согласія Совѣта съ Думой, но несогласія съ этимъ Совѣта Министровъ заманчивое примѣненіе ст. 87 въ ея новомъ пониманіи вовсе не исключается. Такимъ образомъ, неприкосновенною останется лишь область частичныхъ поправокъ и видоизмѣненій со стороны Верхней Палаты въ законопроектахъ Нижней. Но, господа, эти частичныя поправки и видоизмѣненія по большей части, пройдя чрезъ согласительныя Комиссіи, сводятся къ редакціоннымъ измѣненіямъ — и не обратится ли предоставленная Государственному Совѣту свобода законодательной работы въ свободу грамматическихъ упражненій? Въ дѣйствіе законодательнаго механизма входятъ три фактора работы — Государственная Дума, Государственный Совѣтъ и правительство. Первая, при

всемъ ея важномъ и глубокомъ значеніи въ государственномъ организмѣ, выражая разнообразіе взглядовъ значительной части населенія, является ареною борьбы организованныхъ партій. Можетъ случиться, что, несмотря на уважительность мотивовъ голосованія каждой изъ нихъ, рѣшеніе будетъ постановлено въ разгарѣ добросовѣстнаго увлеченія и явится результатомъ работы, продиктованной страстью. Возможно и другое. Возможно, что правительство, при искреннемъ желаніи послужить родинѣ и государству, все-таки ошибается въ непогрѣшимости своихъ взглядовъ и въ непререкаемости своей критики. Ему приходится тоже спускаться на арену борьбы и имѣть, вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственное соприкосновеніе съ пестрыми явленіями злободневной дѣйствительности. При этомъ можетъ страдать правильная перспектива, благодаря чему утрачиваются истинные контуры вещей и событій, и далекое кажется близкимъ, а близкое, наоборотъ — и подчасъ къ великому сожалѣнію — далекимъ. Правительство силою вещей можетъ быть поставлено въ положеніе человѣка, слишкомъ близко, почти вплотную, подошедшаго къ картинѣ и видящаго одни рѣжущіе глаза блики и краски... Лишь отойдя на нѣкоторое разстояніе, можно во всей полнотѣ увидѣть то, что эти блики и краски изображаютъ, и оцѣнить настоящее значеніе и содержаніе картины. Вотъ почему создается третій факторъ — Верхняя Палата, состоящая изъ умудренныхъ опытомъ жизни и по большей части прошедшихъ школу управленія людей, — не только выборныхъ, но и призванныхъ съ министерскихъ креселъ, съ постовъ генералъ-губернаторовъ и т. п., изъ людей, стоящихъ внѣ острой борьбы партій и въ нѣкоторомъ отдаленіи, помогающемъ обнять взоромъ вопросъ въ его совокупности и соотношеніяхъ. Позвольте мнѣ сослаться въ этомъ случаѣ на государственнаго человѣка, преданность котораго своему монарху и горячая любовь къ родинѣ, которую онъ умѣлъ возвеличить и поставить на недосягаемую дотолѣ высоту, стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, — на Бисмарка. Вотъ что сказалъ Бисмаркъ въ своей рѣчи въ Рейхстагѣ 28 марта 1867 года: «Берегите Верхнюю Палату, она есть балластъ и регуляторъ корабля, способный задержать и направлять на крутыхъ спускахъ слишкомъ

быстрое движеніе государственной машины». Поэтому, если этотъ регуляторъ на крутомъ спускѣ законодательнаго разсмотрѣнія мѣры, имѣющей огромное значеніе для цѣлаго края, оказываетъ дѣйствіе задерживающее или успокаивающее, можно съ нимъ не соглашаться, но нельзя нарушать правъ этого регулятора, ибо иначе онъ обратится въ ненужное маховое колесо, которое вертится, не производя никакой полезной работы, — обратившись въ простую декорацію.

Посмотримъ, затѣмъ, на сторону нравственную, этическую, разумѣя подъ этикой не проповѣдуемую въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ кружкахъ словоохотливую услужливость, а уваженіе къ своему и чужому человѣческому достоинству и дѣйствія по убѣжденію совѣсти. Членамъ Думы обезпечена свобода мнѣній, и они не обязаны отчетомъ предъ своими избирателями. То же самое указано въ законѣ и относительно выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Статья 5 учрежденія Государственнаго Совѣта говоритъ о томъ, что Верхняя Палата въ дѣлахъ, ей предлагаемыхъ, пользуется всею свободою мнѣній. Можно-ли, однако, думать, что эта «вся свобода мнѣній» существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ, и что Государственный Совѣтъ состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ одна, пришедшая по волѣ избирателей, ничѣмъ не стѣснена въ высказываніи своихъ взглядовъ и въ подачѣ голосовъ, а другая, изъ лицъ по назначенію, поставлена предъ альтернативой: или присоединиться къ тѣмъ выборнымъ голосамъ, которые поддерживаютъ предложеніе правительства, или же, составивъ съ остальными большинство, рисковать вызвать примѣненіе 87 статьи? Не будетъ-ли это раздѣленіемъ членовъ Верхней Палаты на обладающихъ полнотою законодательныхъ правъ и на имѣющихъ ихъ въ уменьшенномъ размѣрѣ? Взгляните, господа, на висящую предъ вами великолѣпную картину Рѣпина, изображавшую старый Государственный Совѣтъ, котораго мы состоимъ наслѣдниками и правопреемниками. Онъ былъ законосовѣщательнымъ собраніемъ; его члены такъ же, какъ и мы, приносили присягу въ томъ, что будутъ исполнять свои обязанности по крайнему разумѣнію, соблюдая вѣрность своему Монарху и памятуя лишь о благѣ и пользѣ

Россіи. Составленный изъ нихъ Совѣтъ пользовался, по 96 статьѣ своего учрежденія, тою же «всею свободою мнѣній», какъ и нынѣшній. Никому не приходило на мысль, что ихъ сужденія могутъ быть стѣснены соображеніями о томъ, что изъ этого выйдетъ; имъ даже рекомендовалось, въ той же 96 статьѣ, «не предаваться влеченію мыслей постороннихъ и неопредѣлительныхъ». Они могли свободно, какъ вѣрноподданные и какъ граждане «не токмо за страхъ, но и за совѣсть», какъ работники и слуги своей родины подавать Верховной Власти свои совѣты о томъ, какъ надлежитъ поступить въ каждомъ переданномъ на ихъ разсужденіе случаѣ. Они раздѣлялись, какъ и мы, на большинство и меньшинство; принималось мнѣніе той или другой группы, но относительно нестѣсняемости свободы этихъ мнѣній не существовало сомнѣнія, и исторія стараго Совѣта богата рядомъ поучительныхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ. Въ 1905 году установленъ обновленный строй. Обновленіе коснулось и Государственнаго Совѣта. Несомнѣнно, что, преобразованный, онъ не можетъ-быть по правамъ и кругу своей дѣятельности ниже своего предшественника, тѣмъ болѣе, что прежняя совѣщательная дѣятельность его замѣнена законодательною, и голосъ рѣшительный занялъ мѣсто голоса совѣщательнаго. Можно-ли допустить, чтобы въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ свободно подавались совѣты, нынѣ можно было цѣлесообразно подавать свой голосъ только подчиняясь взглядамъ тѣхъ, кто располагаетъ докладами о примѣненіи 87 ст? Такой взглядъ былъ бы унизителенъ по отношенію къ Государственному Совѣту и уронилъ бы его нравственное достоинство въ глазахъ страны, убѣжденіе которой въ незаспимости членовъ ея представительныхъ учрежденій составляетъ залогъ прочности и успѣшности дѣйствій послѣднихъ.

Къ чему тогда и установленіе равнаго числа выборныхъ и назначенныхъ членовъ? Можно бы ограничится, вообще, гораздо меньшимъ числомъ, оставивъ назначенныхъ въ качествѣ украшенія или орнамента или для техническихъ совѣтовъ, и, при несогласіи большинства съ законодательными предположеніями Совѣта Министровъ по наиболѣе серьезнымъ дѣламъ, прибѣгать къ 87 ст. въ ея новомъ освѣщеніи. Недавно праздновался двух-

сотлѣтній юбилей великаго учрежденія Великаго Петра. Между нами есть немало лицъ, душевно присоединившихся къ этому празднованію, какъ имѣющихъ честь носить званіе сенаторовъ. Вотъ что говорится въ ст. 92, первой части II тома, опредѣляющей права Правительствующаго Сената по обнародованію законовъ, прежде котораго они въ дѣйствіе не приводятся: «законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ Основныхъ Законовъ». Это значитъ, что сенаторы, входящіе въ составъ перваго департамента, имѣютъ право — и даже обязаны — отказать въ своемъ согласіи на обнародованіе постановленій, не прошедшихъ законнаго, точно указаннаго пути. Это огромное право имъ предоставлено, а когда они призываются къ активному законодательству, оставаясь сенаторами, отъ нихъ нѣкоторые ожидаютъ всегдашняго и безусловнаго согласія съ обычными иниціаторами законопроектовъ. Таковы соображенія, побудившія меня подписать предложеніе о запросѣ. Я считалъ это своимъ долгомъ, въ упованіи, что Государственный Совѣтъ обязанъ заботиться о поддержаніи своего значенія въ духѣ закона и въ смыслѣ своей предшествующей дѣятельности. Но подписалъ я предложеніе не безъ грустнаго чувства: и безъ того въ нашей государственной и общественной жизни много осложненій и треній — и было бы отраднѣе, если бы не было повода и основанія для подобнаго запроса. Я говорилъ себѣ: большинство изъ насъ — люди старые, принесшіе сюда усталую отъ жизни душу и пришедшіе съ усталой отъ многолѣтняго труда головою; частое чествованіе вставаніемъ нашихъ ушедшихъ навѣки товарищей напоминаетъ многимъ изъ насъ о томъ, что «отсчитанныхъ судьбою дней» осталось немного. Призванные къ законодательной дѣятельности, мы употребляемъ эти дни на изученіе разнообразныхъ, сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, напрягаю всю силу своего разумѣнія и прислушиваясь къ голосу совѣсти, чтобы притти къ опредѣленному выводу. Больно было бы думать, что вся эта работа производится втунѣ не потому, что съ ея выводомъ не согласилось большинство, а потому, что именно большинство съ этимъ согласилось, но не согласились тѣ, кто

можетъ употребить въ дѣло, для торжества своего взгляда, 87 статью. Въ ожиданіи такого исхода, въ залъ нашихъ засѣданій приходилось бы входить, не вопрошая себя о томъ, какой голосъ надлежитъ подать «памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи», а о томъ, какой голосъ будетъ содѣйствовать избѣжанію такого исхода по его ненужности. И не прозвучитъ-ли въ душѣ такого входящаго, считающаго себя обязаннымъ быть дѣйствительнымъ законодателемъ, извѣстный стихъ великаго итальянскаго поэта: «Оставь надежду всякъ, сюда вошедшій». Мы должны желать, чтобы, подъ вѣяніемъ обновленія, родина наша сложилась въ прочныя формы государственнаго устройства, а основа этого устройства указана много вѣковъ назадъ величавыми словами «Justitia regnorum fundamentum». Но то, что въ дѣлѣ суда называется справедливостью, то въ упроченіи правильнаго управленія называется законностью, а потому можно сказать, что «legalitas regnorum fundamentum». Этотъ фундаментъ, эти основы мы нравственно должно поддерживать и охранять, и если онѣ начинаютъ подвергаться колебаніямъ, наша обязанность прямодушно и рѣшительно сказать по этому поводу свое слово...

XIX.

Порядокъ преслѣдованія по преступленіямъ должности.

(Засѣданіе 29 марта 1913 г.).

Предначертанія Комиссіи законодательныхъ предположеній, которыя касаются расширенія правъ прокуратуры по возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ можно только привѣтствовать, такъ какъ они устраняютъ неясность и неопредѣленность въ отношеніяхъ прокуратуры къ тѣмъ случаямъ, когда ей представляется необходимымъ возбудить уголовное преслѣдованіе путемъ назначенія предварительнаго слѣдствія. Дѣло въ томъ, что въ нашей практикѣ въ этомъ отношеніи не было единства. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Правительствующій Сенатъ, по Первому Департаменту, по дѣлу Пересыпкина призналъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда по статьѣ 1089 Устава Уголовнаго Судопроизводства необходимо производство предварительнаго слѣдствія, въ виду строгости наказанія, гражданскаго иска или соучастія частныхъ лицъ, прокуроръ можетъ о такомъ слѣдствіи предложить, независимо отъ начальства, непосредственно своимъ распоряженіемъ. Эта практика существовала до половины семидесятыхъ годовъ, когда по другому дѣлу Правительствующій Сенатъ ее круто измѣнилъ. Оно возникло въ петербургской прокуратурѣ и вызвано было тѣмъ, что предсѣдатель одной изъ уѣздныхъ земскихъ управъ во время ревизіи дѣлъ этой

управы по постановленію земскаго собранія, скрылся, при чемъ оказалось, что нѣсколько десятковъ тысячъ имъ присвоено и частью растрачено. Ревизіонная комиссія увѣдомила объ этомъ телеграммой прокурора окружнаго суда, прося его безотлагательнаго содѣйствія. Прокуроръ, основываясь на рѣшеніи по дѣлу Пересыпкина и, исходя изъ того соображенія, что возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ этого лица зависѣло по закону отъ губернскаго земскаго собранія, которое имѣло собраться лишь черезъ 4 мѣсяца послѣ этой телеграммы ревизіонной комиссіи, и, слѣдовательно, за это время могло не только скрыть слѣды преступленія и похищенную сумму, но и само удалиться за предѣлы родины, приступилъ къ дознанію. Оказалось, по свѣдѣніямъ сыскной полиціи, что это лицо жило безъ прописки, выходило лишь по вечерамъ изъ дому, когда смеркло, и мѣняло кредитные билеты на звонкую монету, т.-е., очевидно, собиралось бѣжать за границу. Тогда прокуроръ окружнаго суда, находя, что бездѣйствіе представляется болѣе невозможнымъ, такъ какъ это бездѣйствіе и умываніе рукъ въ данномъ случаѣ повлекли бы за собой существенный ущербъ для земства и безнаказанность человѣка, не оправдавшаго оказаннаго ему общественнаго довѣрія, — предложилъ произвести предварительное слѣдствіе. Когда слѣдствіе было начато, обвиняемый былъ розысканъ и вынужденъ возмѣстить часть захваченной суммы, такъ какъ другая часть имъ была употреблена на уплату личныхъ долговъ. Затѣмъ слѣдствіе было передано въ губернское земское собраніе, которое, въ виду неопровержимыхъ данныхъ, постановило ходатайствовать передъ Сенатомъ о преданіи предсѣдателя уѣздной земской управы суду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшило обжаловать неправильныя дѣйствія прокурора. Такимъ образомъ, Сенату пришлось опредѣлить правильно ли примѣнено и понято его рѣшеніе по дѣлу Пересыпкина. Сенатъ рѣшительно отступилъ отъ своего прежняго взгляда, найдя, что въ подобномъ случаѣ прокуроръ не имѣетъ права возбужденія преслѣдованія. Такая практика и существуетъ съ тѣхъ поръ. Комиссія законодательныхъ предположеній думаетъ, однако, что есть случаи, когда существуетъ опасеніе побѣга, или скрытія слѣдовъ преступленія, или скрытія

плодовъ преступленія, и что въ этихъ случаяхъ, въ четырехъ видахъ указанныхъ ею преступленій слѣдуетъ допускать непосредственное участіе прокурора въ назначеніи слѣдствія, съ тѣмъ чтобы онъ лишь своевременно увѣдомлялъ объ этомъ соотвѣтствующее начальство.

Я повторяю, что привѣтствую такое мнѣніе Комиссіи законодательныхъ предположеній, но мнѣ думается, что оно не совсѣмъ полно, и что слѣдуетъ идти далѣе. Къ этому приводитъ соображеніе о томъ, что собственно преступленія по должности разбиваются на 2 категоріи, рѣзко отграниченныя одна отъ другой. Первая категорія та, по которой для преслѣдованія требуется предварительное изслѣдованіе обстоятельствъ мѣста и времени, каковы, напримѣръ, всѣ тѣ превышенія власти, которыя предпринимаются въ необычное время, въ видѣ чрезвычайныхъ мѣръ, на собственную отвѣтственность должностного лица. Очевидно, что здѣсь даже при явныхъ признакахъ превышенія власти, невозможно немедленное возбужденіе слѣдствія, ибо высшая власть должна выяснить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли принятыя мѣры были неизбѣжны, и дѣйствительно ли обстоятельства сложились такъ, что нужно было прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ. Другой видъ дѣлъ этой категоріи тотъ, когда нужно точное опредѣленіе объема и предѣловъ власти, которая принадлежитъ должностному лицу. Таковы, въ сущности, всѣ почти превышенія и бездѣйствія власти, предусмотрѣнныя въ статьяхъ 338, 339 и 341 Уложенія о Наказаніяхъ. Несомнѣнно, что здѣсь прежде, чѣмъ возбуждать преслѣдованіе и начинать слѣдствіе, необходимо разъяснить, насколько власть была превышена и дѣйствительно ли она оставалась въ бездѣйствіи. Затѣмъ, сюда относится также случай, когда начальству необходимо также опредѣлить въ точности размѣръ и пространство дѣйствія власти двухъ своихъ агентовъ, т.-е., случай, предусмотрѣнный въ статьѣ 344 Уложенія о Наказаніяхъ, которая говоритъ о чиновникахъ, изъ которыхъ одинъ воспрепятствовалъ другому въ отправленіи обязанностей его службы самовольно. Очевидно, здѣсь надо установить, въ чемъ состояла, въ своемъ практическомъ осуществленіи, обязанность службы одного и въ чемъ состояла обязанность

службы другого, и кто изъ нихъ въ этомъ столкновеніи не правъ. Наконецъ, къ этой категоріи должны быть отнесены преступленія, указанныя въ статьѣ 342 Уложенія о Наказаніяхъ, т.-е. той, которая говоритъ о превышеніи власти или бездѣйствіи власти, предпринятомъ съ цѣлью скрыть другое преступленіе. Понятно, что здѣсь выясненіе этой цѣли, а, слѣдовательно, и преступнаго намѣренія должностного лица не можетъ быть предметомъ нетерпящаго отлагательства рѣшенія, а должно быть предметомъ точнаго изслѣдованія. Очевидно, во всѣхъ этихъ дѣлахъ немедленное начатіе прокуроромъ предварительнаго слѣдствія представляется едва ли желательнымъ, и наша Комиссія совершенно правильно, по моему мнѣнію, эти дѣла выдѣляетъ изъ области непосредственнаго вѣдѣнія послѣдняго. Но есть вторая категорія преступленій по должности, — это именно категорія преступленій ясныхъ и очевидныхъ, въ которыхъ преступный элементъ самъ по себѣ совершенно законченъ и гдѣ существуетъ, такъ сказать, абсолютная, а не относительная преступность. Это какъ разъ тѣ преступленія, на которыя указываетъ проектъ нашей Комиссіи, т.-е. присвоеніе имущества, вымогательство, совершеніе при исполненіи служебныхъ обязанностей подлога или причиненіе истязаній. Это такого рода дѣйствія, которыя не требуютъ предварительнаго разслѣдованія о томъ, имѣлъ ли или не имѣлъ чиновникъ права вымогать взятку, имѣлъ ли право дѣлать подлоги и т. д. Никакія служебныя правила ему этого права дать не могутъ. Очевидно, что здѣсь возможно и немедленное назначеніе предварительнаго слѣдствія, конечно, при тѣхъ условіяхъ, которыя указаны въ проектѣ Комиссіи, т.-е. когда есть опасность, что будутъ скрыты слѣды преступленія, что плодами преступленія виновный воспользуется или что онъ скроется. Чиновникъ совершивъ подлогъ, можетъ уничтожить его слѣды. Должностное лицо совершило присвоеніе казенной или общественной суммы и можетъ затѣмъ съ этими деньгами скрыться, иногда безслѣдно. И это далеко не всѣ случаи. При этомъ нужно замѣтить что, во всѣхъ этихъ случаяхъ, необходимымъ условіемъ возбужденія преслѣдованія является грозящее за преступленіе строгое наказаніе, потому что виновный едва ли убѣжитъ, если ему грозитъ лишь

арестъ или кратковременное заключеніе въ тюрьму. Но когда ему грозятъ лишеніе особыхъ правъ и преимуществъ и арестантскія отдѣленія, или каторжныя работы, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, тогда опасность или соблазнъ побѣга представляются въ значительной степени сильнѣе. Однако въ предположеніи Комиссіи есть неполнота, относящаяся къ двумъ преступленіямъ, а именно къ причиненію должностнымъ лицомъ съ намѣреніемъ и безъ явной необходимости ранъ или увѣчья, что наказывается высшей мѣрой наказанія, положеннаго для частныхъ лицъ, т.-е. каторжными работами, и затѣмъ — взятіе кого либо подъ стражу безъ права на то или разрѣшенія. Въ такихъ случаяхъ, очевидно, существуютъ точно также тѣ условія, при которыхъ необходимо немедленное производство слѣдствія. Возможность во-первыхъ, отрицанія самаго факта, вызываетъ необходимость немедленно по горячимъ слѣдамъ этотъ фактъ закрѣпить; иначе, если это изслѣдованіе будетъ тянуться долго, то въ концѣ концовъ мы можемъ получить подобіе Гоголевской унтеръ-офицерской вдовы, которая, по словамъ городничаго, сама себя высѣкла. Во вторыхъ, возможно «пока судъ да дѣло» такъ подготовить свидѣтельскія показанія, такъ что когда будетъ рѣшенъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли возбудить уголовное преслѣдованіе — отъ того, что было не останется никакого правдиваго удостовѣренія. Наконецъ, возможно на среднихъ, конечно, агентовъ воздѣйствіе начальства; а по отношенію къ еще болѣе мелкимъ агентамъ требованіе, чтобы они не показывали правды съ указаніемъ на то, что ихъ обвинительныя показанія могутъ имѣть вредное вліяніе на ихъ собственную службу. Примѣровъ этому въ судебной практикѣ болѣе, чѣмъ достаточно. Между домогательствомъ частнаго лица о защитѣ его правъ и вмѣшательствомъ прокурора съ тою же цѣлою—огромная разница. Для судебной власти, приводимой въ движеніе прокуратурой, разоблаченіе такого рода пріемовъ не представляетъ особаго рода затрудненій. Но относительно частнаго лица, которое покуда еще соберется или сумѣетъ принести жалобу, покуда его научатъ, къ кому и къ какой власти ее принести, можетъ пройти много времени, что повлечетъ за собою то, что всѣ тѣ элементы, на которые я только что указывалъ, окажутся налицо, противо-

дѣйствуя правосудію. Кромѣ того, можетъ скрыться самъ обвиняемый. Въ случаѣ, если онъ нанесъ рану или увѣчье, въ его, можетъ быть, интересахъ бѣжать потому, что наказаніе за нанесеніе ранъ или увѣчья назначается въ высшей мѣрѣ, опредѣленной для частнаго лица, т.-е. назначаются каторжныя работы до 6 лѣтъ. Вотъ тутъ и должна выступить дѣятельность прокурора. Это именно тѣ дѣла, гдѣ онъ, такъ же и по тѣмъ дѣламъ, которыя указаны нашей Комиссіей, долженъ имѣть право немедленно назначить предварительное слѣдствіе, увѣдомивъ, конечно, о томъ начальство. Вѣдь иначе мы будемъ имѣть передъ собою такой случай, что прокуроръ, ясно видя совершенное преступленіе, ясно видя нанесеніе ущерба не только хозяйству городскому или земскому, но даже государственному, будетъ лицемѣрно умывать руки и говорить: «я подожду, пока мнѣ начальство сообщитъ свое постановленіе и тогда составлю обвинительный актъ, а до тѣхъ поръ я вмѣшиваться не буду», а между тѣмъ тотъ же самый прокуроръ въ защиту частнаго лица выступаетъ во всеоружіи. Какого нибудь похитителя неважной суммы, если она выше 300 р., онъ будетъ преслѣдовать въ общемъ порядкѣ, посадитъ подъ стражу, произведетъ слѣдствіе и т. д. Но когда на гораздо большую сумму произведено преступленіе должностнымъ лицомъ, прокуроръ долженъ молчать. Не будетъ ли это тѣмъ, что Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній называлъ «караньемъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ»?

Относительно незаконнаго лишенія свободы должностнымъ лицомъ, которое не имѣло на это права, надо замѣтить, что статья 348 Уложенія указываетъ на наказаніе, назначаемое за лишеніе свободы частнаго лица другимъ частнымъ лицомъ, т.-е. наказаніе весьма суровое. Но для прокурора по отношенію къ этому лишенію свободы существуетъ еще одна важная особенность. Дѣло въ томъ, что по статьѣ 10 Устава Уголовнаго Судопроизводства каждому прокурору вмѣняется въ обязанность немедленно освободить арестанта, взятаго подъ стражу лицомъ, на то не уполномоченнымъ. Въ судебной практикѣ было установлено нѣкоторое смягчительное правило, т. е. Министерствомъ Юстиціи разъяснено, что прокуроръ долженъ освободить, но сначала

справиться объ основаніяхъ къ лишенію свободы у того должностнаго лица, которое посадило подъ стражу, потому что оно еще въ теченіе сутокъ можетъ составить законное постановленіе,— и только если этого постановленія нѣтъ или если это постановленіе незаконно, то прокуроръ можетъ освободить. Одновременно съ этимъ Сенатъ расширилъ понятіе о мѣстахъ, въ которыхъ могутъ содержаться взятые подъ стражу, и призналъ, что всякое помѣщеніе, въ которомъ человѣкъ лишенъ свободы, подходитъ подъ статью 10, обязывающую прокурора освободить заключеннаго неправильно. Сюда были отнесены станція желѣзной дороги, становая квартира и тому подобныя мѣста. Такимъ образомъ, по нынѣ дѣйствующему порядку оказывается, что прокуроръ, обязанный освободить неправильно арестованнаго, въ то же время не имѣетъ права возбудить уголовнаго преслѣдованія противъ незаконно арестовавшаго, т.-е. начать предварительное слѣдствіе. Такимъ образомъ, съ одной стороны, онъ призванъ проявить то, что здѣсь, къ удивленію моему, было названо юридической назойливостью по отношенію къ освобожденію заключеннаго подъ стражу, а съ другой стороны, по вопросу о передачѣ слѣдователю дѣла, долженъ терпѣливо и безучастно ждать, пока кончится вся междувѣдомственная канитель. Вотъ, почему я полагаю, что слѣдуетъ проектируемую статью дополнить указаніемъ на нанесеніе ранъ или увѣчья безъ явной необходимости и съ намѣреніемъ, и на незаконное лишеніе свободы.

Есть еще одинъ видъ превышенія власти, который у насъ въ дѣйствующемъ Уложеніи не предусмотрѣнъ, но такъ какъ наше Уголовное Уложеніе вѣроятно, рано или поздно, выйдетъ же изъ своего уединеннаго сиротства, то въ немъ окажется статья, по которой надо будетъ предоставить прокурору право непосредственнаго начатія слѣдствія. Это именно статья 651, говорящая о назначеніи освидѣтельствованія женщинъ, сопряженнаго съ нарушеніемъ ихъ чувства стыдливости, безъ законныхъ основаній, или подъ вымышленнымъ предлогомъ. Такіе случаи въ жизни бываютъ, къ сожалѣнію и стыду, часто. Я помню, въ моей судебной практикѣ, судебнаго слѣдователя, присланнаго изъ Москвы производить дослѣдованіе по скопческому дѣлу. Онъ требовалъ

отъ меня предложенія объ освидѣтельствованіи всѣхъ женщинъ, жившихъ въ трехъэтажномъ каменномъ домѣ по Ямской улицѣ, заподозрѣнныхъ имъ въ принадлежности къ «бѣлымъ голубямъ» и получилъ, конечно, отказъ. Точно также гакенрихтеръ одной изъ Прибалтійскихъ губерній, отыскивая виновную въ сокрытіи трупа новорожденнаго ребенка, освидѣтельствовалъ въ одной деревнѣ четырнадцать дѣвицъ. Наконецъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ въ Правительствующемъ Сенатѣ разсматривалось дѣло о полиціймейстерѣ одного изъ приволжскихъ городовъ, который, грозя дать двумъ купеческимъ дочерямъ, на которыхъ ему доносилъ неудачный ухаживатедь, желтый билетъ, потребовалъ въ подтвержденіе ихъ указаній на свою невиновность въ промыслѣ развратомъ, чтобы онѣ допустили подвергнуть себя освидѣтельствованію. Несчастныя дѣвушки, освидѣтельствованныя въ компаніи съ проститутками, оказались совершенно невинными. Несомнѣнно, и въ этомъ случаѣ наглаго злоупотребленія властью прокуроръ долженъ немедленно начать преслѣдованіе, потому что есть случаи, когда, несмотря на оскорбленіе чувства чести и человѣческаго достоинства и т. п., положеніе создается такое, что отъ потерпѣвшаго трудно ожидать, что онъ самъ пойдетъ жаловаться, а между тѣмъ, терпѣть въ благоустроенномъ государствѣ подобныя нарушенія представляется немыслимымъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я поддерживаю свою поправку и думаю, что отъ принятія ея достоинство административной власти нисколько не пострадаетъ, но съ другой стороны, интересы и правосудія, и общества будутъ защищены сильнѣе.

По отношенію къ предварительному изслѣдованію виновности должностного лица слѣдуетъ замѣтить, что двѣ статьи въ проектѣ Комиссіи требуютъ тщательнаго согласованія между собою. По статьѣ 1102[16] начальству предоставляется, возбудивъ противъ служащаго уголовное преслѣдованіе, командировать къ слѣдствію своего чиновника для указанія на тѣ обстоятельства дѣла, которыя, по мнѣнію его, имѣютъ особую важность и значеніе, какъ предметъ изслѣдованія, т.-е., иными словами, начальство имѣетъ право командировать своего представителя, который будетъ указывать слѣдователю на тѣ обстоятельства, которыя

служатъ къ разъясненію виновности подсудимаго или же указываютъ на то, что виновности этой не существуетъ или она существуетъ въ меньшемъ размѣрѣ, такъ что возбужденіе дѣла явилось результатомъ недоразумѣнія или поспѣшности. Но если начальство можетъ черезъ своего представителя, такъ сказать, руководить слѣдователемъ, указывая ему на то, что ему слѣдуетъ выяснить по дѣлу въ положительномъ и въ отрицательномъ смыслѣ, то такую же возможность надо предоставить прокурору относительно предварительнаго изслѣдованія, производимаго должностными лицами вѣдомства о лицѣ, которое обвиняется въ совершеніи преступнаго дѣянія по службѣ. Государственная Дума вполнѣ основательно прибавила къ статьѣ 1100 указаніе на то, что прокурору принадлежитъ право участія въ производствѣ дознанія о должностномъ лицѣ и ознакомленія съ его результатами, но наша Комиссія это указаніе исключаетъ. Мнѣ думается, что это исключеніе совершенно неправильно, какъ умаленіе роли прокурора, идущее наряду съ расширеніемъ роли административнаго начальства, которое иногда можетъ быть лично заинтересовано исходомъ дознанія, могущаго открыть слѣды преступленія именуемаго «слабымъ за подчиненными надзоромъ».— Въ виду этого слѣдовало бы возстановить редакцію Государственной Думы и сказать, что тамъ, гдѣ производится дознаніе начальствомъ для того, чтрбы выяснить вопросъ о виновности, прокуроръ имѣетъ право знакомиться съ условіями этого дознанія и указывать на то, на что таковое должно быть направлено, и наоборотъ, когда производится предварительное слѣдствіе, тогда начальство имѣетъ право прислать своего представителя, который будетъ указывать слѣдователю на то, на что нужно обратить особое вниманіе. Иными словами, я думаю, что редакція статьи, о которой я говорю, т. е. 1100, въ изложеніи Государственной Думы болѣе соотвѣтствуетъ и интересамъ правосудія, и интересамъ всесторонняго разсмотрѣнія дѣлъ.

XX.

О допущеніи воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ университетъ.

(1914 г.).

— Выступая поддерживать постановленіе нашей Особой Комиссіи, предлагающей открыть, при соблюденіи опредѣленныхъ условій, двери университета реалистамъ, семинаристамъ, воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ и коммерческихъ училищъ, я останавливаюсь на соображеніи, что важность и значительность закона, въ чемъ онъ касается правъ и бытовыхъ условій населенія, зависить отъ того, распространяется ли онъ на отдѣльную группу послѣдняго, или на цѣлый его слой, или, наконецъ, на все населеніе, безъ различія вертикальныхъ и горизонтальныхъ перегородокъ. Проектированный Государственною Думою и нашею Особой Комиссіей законъ относится, по важности своей, къ послѣднему виду. Онъ обнимаетъ жизненные интересы массы родителей и ихъ учащихся дѣтей. Онъ даетъ имъ возможность притти къ опредѣленному рѣшенію и выбору въ настоящемъ, — стремиться къ опредѣленнымъ и яснымъ горизонтамъ въ будущемъ. Въ сущности, этотъ законъ желаетъ сказать родителямъ: «Вотъ какой, если вы того хотите и къ тому въ силахъ, путь предстоитъ вашимъ дѣтямъ въ смыслѣ полученія высшаго образованія, — путь, ясно намѣченный и заранѣе опредѣленный». Онъ хочетъ сказать дѣтямъ: «Вотъ тотъ путь, который при вашемъ трудѣ вы можете, безъ всякихъ его неожиданныхъ для васъ

уклоненій и перерывовъ, пройти, чтобы завершить свое высшее образованіе». Для этого комиссія предлагаетъ перевести нынѣ существующее соотношеніе между средней школой и университетомъ изъ области усмотрѣнія, личныхъ взглядовъ и произвола, могущихъ несомнѣнно создавать очаги неудовольствія, въ точное и стойкое состояніе. Иными словами, она предлагаетъ обратить настоящую фактическую связь средней школы съ университетомъ въ правовую.

Противъ этого выдвигается цѣлый рядъ возраженій. Прежде всего говорятъ, что въ данное время закрѣплять въ законѣ создавшееся нынѣ положеніе, составляющее отступленіе отъ выраженнаго въ дѣйствующемъ законѣ основного начала, и неосновательно, и несовоевременно. Посмотримъ сначала на несвоевременность. Когда говорятъ объ основномъ началѣ дѣйствующаго закона и ему противополагаютъ создавшееся положеніе, то, повидимому, считаютъ, что это положеніе основано не на законѣ. Нѣтъ ли тутъ заблужденія? Высочайшія повелѣнія 10-го апрѣля и 10-го декабря 1905 г. и 18-го марта 1906 г. воспослѣдовали до осуществленія новаго порядка изданія законовъ чрезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ, по докладамъ министровъ народнаго просвѣщенія, и считаться случайными мѣрами не могутъ. Покуда предоставленное ими министру народнаго просвѣщенія право относительно пріема реалистовъ и семинаристовъ не будетъ отмѣнено въ законодательномъ порядкѣ, право это никоимъ образомъ не можетъ быть признано не основаннымъ на законѣ. Иное дѣло условія, размѣры и способы примѣненія этого права. Здѣсь коренной недостатокъ закона, и его-то и предлагаетъ устранить наша Особая Комиссія. Затѣмъ спрашивается: почему дѣйствующій законъ представляется чѣмъ-то неколебимымъ, вросшимъ въ землю, почему онъ является какою-то res sacrosancta, объ отмѣнѣ котораго и думать-то негоже. Законъ долженъ примѣняться и развиваться сообразно съ голосомъ и потребностями жизни. Эти потребности должны находить себѣ удовлетвореніе въ спокойномъ теченіи законодательства, которому не пристало походить на минералогическій кабинетъ окаменѣлостей или на стоячее болото. Пора,

давно пора отрѣшиться отъ тѣхъ взглядовъ на новый законъ, въ силу которыхъ при обсужденіи его, прежде всего, возбуждались вопросы: ловко ли? удобно ли? своевременно ли? вмѣсто единаго вопроса на потребу: нужно ли? Вслѣдствіе этого взгляда, у насъ нѣтъ до сихъ поръ закона о печати, достойнаго такого названія, нѣтъ закона объ отмѣнѣ паспортныхъ стѣсненій, проектированнаго еще сорокъ лѣтъ назадъ, согласно мнѣніямъ цѣлаго обширнаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря Сольскаго, — нѣтъ закона о неприкосновенности личности. Со всѣхъ сторонъ вопіютъ о растущемъ съ каждымъ днемъ хулиганствѣ, а гдѣ же осуществленіе предположеній о весьма разумномъ средствѣ борьбы съ этимъ зломъ — о работныхъ домахъ — предположеній, возбужденныхъ впервые въ Министерствѣ Юстиціи еще въ восьмидесятыхъ годахъ и затѣмъ внесенныхъ въ законодательныя учрежденія? Идя такимъ путемъ, медлительно и съ постоянной оглядкой назадъ, безъ заглядываній впередъ, мы обрекаемъ нерѣдко неудовлетворенную жизненную потребность на принесеніе множества безплодныхъ жертвъ и обращаемъ ее подъ конецъ въ вопіющую нужду, удовлетворять которую приходится скороспѣлыми мѣрами въ состояніи растерянности, или, какъ довольно оригинально выражается меньшинство Особой Комиссіи, «достигать общественнаго успокоенія проявленіемъ временной уступчивости». Вслѣдствіе этого къ нашему законодательству своеобразно примѣняется поговорка: «Per aspera ad astra». Astra достигаются очень рѣдко и съ тягостными усиліями, но aspera растутъ и множатся. Интереснѣйшія и поучительныя свѣдѣнія, представленныя П. П. Извольскимъ въ его запискѣ о классической и реальной школѣ въ Германіи, показываютъ, какъ измѣнился тамъ взглядъ закона на значеніе классицизма. По отношенію къ системѣ общаго образованія намъ говорятъ: «Пусть такъ въ Германіи, но надо *считаться* съ тѣмъ, что въ Россіи твердо поставлена одна система — классическая»; т.-е. надо считаться не съ богатымъ опытомъ той страны, которая всегда была яркимъ свѣточемъ высшихъ знаній, и которой мы именно въ пересадкѣ классицизма на нашу почву слѣпо и рабски подражали, а надо

считаться съ тѣмъ законодательнымъ тупикомъ, изъ котораго приходится выбираться окольными путями, прибѣгая къ такимъ, по мнѣнію меньшинства Комиссіи, ненормальностямъ, какъ «временная уступка общественному успокоенію». Но, вѣдь, такая рекомендація считаться примѣнима къ цѣлому ряду законопроектовъ, проходящихъ чрезъ законодательныя учрежденія обновленнаго строя. При добромъ желаніи позади каждаго изъ нихъ есть что-нибудь, съ чѣмъ можно рекомендовать считаться и благодаря чему обречь себя на плодотворное занятіе «вермишелью»! Вотъ почему я отрицаю въ настоящемъ предложеніи особой комиссіи преждевременность.

Но есть еще одинъ въ немъ порокъ — неосновательность. Тщательно ищу я этого порока и все-таки его не вижу. Его можно бы усмотрѣть, если бы твердая, неуклонная — semper linea recta — дѣятельность и направленіе министерства народнаго просвѣщенія вдругъ, такъ-сказать, «здорово живешь», подвергалась ломкѣ и извращенію подъ вліяніемъ какихъ-то теоретическихъ соображеній. Но этого нѣтъ и, прежде всего, потому, что за послѣднее десятилѣтіе эта дѣятельность представляла «трость, колеблемую вѣтромъ». Стоитъ вспомнить, сколько разъ мѣнялась программа этой дѣятельности, сколько было въ ней переходовъ отъ формальной черствости къ «сердечному попеченію» и наоборотъ; сколько разъ въ нѣдрахъ этого министерства собирались комиссіи и совѣщанія для выработки новыхъ и коренной переработки предшествующихъ положеній о средней школѣ, — сколько лѣтъ во чревѣ своемъ носитъ это министерство университетскій уставъ и все не можетъ разрѣшиться отъ бремени, благодаря частымъ личнымъ перемѣнамъ, при чемъ то cedant arma togae, то происходитъ обратное. Въ этомъ отношеніи мы побили рекордъ частой перемѣны министровъ надъ самыми архипарламентскими странами съ ихъ министерскими кризисами. Достаточно вспомнить, что со смерти И. Д. Делянова въ теченіе двѣнадцати лѣтъ у насъ смѣнилось восемь министровъ народнаго просвѣщенія, не считая временно исправлявшихъ ихъ должность. При такой неустойчивости лицъ и направленій есть ли какое-либо основаніе говорить о неосновательности опасеній

того, что каждый министръ подъ вліяніемъ переходящихъ настроеній и даже, быть-можетъ, своего личнаго темперамента будетъ совершенно разно относиться къ предоставленному ему праву допускать или недопускать семинаристовъ или реалистовъ въ университетъ, видоизмѣняя по своему усмотрѣнію условія, при которыхъ о послѣднихъ говорится: dignus est intrare! Не думаю, чтобы, въ виду всего сказаннаго, можно было признавать цѣлесообразнымъ совѣтъ отклонить законопроектъ и начать «годить» поступленія проекта положенія о средней школѣ. Не напомнитъ ли это извѣстное стихотвореніе Некрасова: «Вотъ пріѣдетъ баринъ, — баринъ насъ разсудитъ», и не явится ли опасеніе, что придется сказать: «Барина все нѣту, баринъ все не ѣдетъ?»

Этого ждать необходимо,—говорятъ намъ,—потому что прямое назначеніе университета заключается въ предоставленіи гуманитарнаго, на основахъ классицизма, образованія, направленнаго къ выработкѣ научнаго міросозерцанія и не преслѣдующаго никакихъ утилитарныхъ цѣлей, а университетъ тѣсно связанъ съ гимназіей, которая должна давать первичныя основы знаній, необходимыхъ для занятій чистой наукой.

Съ этими положеніями невозможно согласиться. Никогда сѣятели просвѣщенія на Руси не придавали университетамъ такого узкаго значенія. Они понимали, что какъ ни соблазнительно для родины Ломоносова имѣть въ своей средѣ побольше служителей чистой науки, но что Россія, прежде всего, нуждается въ образованныхъ людяхъ, которые внесли бы въ разныя отрасли государственной дѣятельности облагораживающее соединеніе широкаго умственнаго развитія со спеціальными свѣдѣніями, потребными для пониманія пріемовъ педагогіи, финансовыхъ операцій и податнаго дѣла, задачъ исполнительной власти и условій правильнаго отправленія правосудія. Въ университетскомъ уставѣ 1804 года прямо выражено, что университеты предназначаются «къ пріуготовленію юношества для вступленія въ различныя званія государственной службы». То же самое выражено было и при учрежденіи царкосельскаго лицея. Поэтому сводить все назначеніе университетовъ къ исключительному

занятію чистой наукой невозможно. Немногіе избранники, достигшіе холодныхъ, безстрастныхъ, альпійскихъ вершинъ чистаго знанія, заслуживаютъ глубокаго уваженія, но жизнь — внизу, въ долинѣ, куда лучи знанія должны проникать, преломляясь въ призмѣ практическихъ потребностей страны на спектръ различныхъ спеціальностей. Истинное значеніе университета въ томъ, что онъ даетъ знаніе двоякаго значенія. Для однихъ, идущихъ по ученой стезѣ, оно служитъ этапомъ и даетъ методъ для дальнѣйшаго занятія наукой — для другихъ, является необходимымъ средствомъ для успѣшной отдачи своихъ умственныхъ силъ на служеніе различнымъ отраслямъ общественной и государственной дѣятельности. Университетъ поднимаетъ мысль отъ временныхъ явленій и отъ «злобы дня» въ область высшихъ началъ, указывая на связь этихъ явленій между собою и на ихъ зависимость отъ общихъ причинъ и источниковъ, называемыхъ научными законами. Поэтому въ настоящее время всѣ вѣдомства, почти безъ всякихъ исключеній, предпочитаютъ для поступленія въ нихъ на службу молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ, ставя въ нѣкоторыхъ случаяхъ это какъ conditio sine qua non. Таково, напримѣръ, судебное вѣдомство, которое даже требуетъ окончанія курса именно юридическихъ наукъ. Отсюда понятно, что сдѣлать одну классическую гимназію разсадникомъ студентовъ, отвергнувъ всякія дополнительныя испытанія для реалистовъ и семинаристовъ, значитъ сузить, вопреки цѣлямъ, съ которыми учрежденъ университетъ въ Россіи, искуственнымъ образомъ число молодыхъ людей, участіе которыхъ можетъ быть не только полезно, но и необходимо на служебномъ поприщѣ.

Дополнительныя испытанія по латинскому языку и математикѣ не могутъ, — говоритъ меньшинство Комиссіи, — замѣнить долголѣтняго изученія этихъ предметовъ, ибо не могутъ дать того общаго развитія, для полученія котораго это изученіе предназначено. Но это — идеализація гимназическаго обученія. Можно подумать, что гимназистъ по цѣлымъ днямъ сидитъ, погруженный въ изученіе духа латинскаго языка или вникая въ глубокій смыслъ теоремъ, логариѳмъ и тригонометріи, почему и нельзя измѣнять

впитываніе въ себя этихъ предметовъ набиваніемъ ихъ въ голову съ цѣлью экзамена. Но въ дѣйствительности при многихъ недѣльныхъ часахъ, отданныхъ подъ другіе предметы, вдумчиваго изученія здѣсь не существуетъ, а есть лишь приготовленіе уроковъ и механическое дѣйствіе памяти. Наконецъ, что же мѣшаетъ министерству установить строгія испытанія, при которыхъ можно будетъ отличить фейерверкъ поверхностныхъ знаній отъ спокойнаго свѣта знаній настоящихъ? И затѣмъ, взгляните какая получается непослѣдовательность. Число классическихъ гимназій во много разъ превышаетъ число реальныхъ училищъ,— въ одномъ Петербургѣ на 4 реальныхъ училища имѣется 16 классическихъ гимназій, не считая нѣмецкихъ. И эта пропорція соблюдается повсюду. Такимъ образомъ, министерство народнаго просвѣщенія усиленно привлекаетъ въ классическую среднюю школу, по меньшей мѣрѣ, $^3/_4$ учащейся молодежи, а затѣмъ, согласно съ нашимъ меньшинствомъ, говоритъ о переполненіи университета лицами, не способными посвятить себя «движенію чистой науки впередъ», предлагая тѣмъ изъ нихъ, которые желаютъ примѣнять на дѣлѣ законы, выработанные наукой, поступать въ различныя спеціальныя высшія учебныя заведенія, которыя, какъ извѣстно, переполнены и куда можно попадать лишь по конкурсу. Притомъ вѣдь — та нынѣшняя «неподготовленная молодежь, наполняющая университеты» въ $^3/_4$ своего состава явилась не изъ реальныхъ училищъ и семинарій, а именно изъ современной классической гимназіи. Достигла ли своей цѣли, по крайней мѣрѣ, эта гимназія относительно этой молодежи, которая, за недостаткомъ реальныхъ училищъ, volens nolens должна въ нее поступать?

Разрушивъ уваровскую гимназію по уставу 1828 г. съ однимъ классическимъ языкомъ и естественными науками, она не достигла и своей скрытой цѣли—отвлечь молодежь отъ политической смуты. Замѣнивъ знаніе исторіи, родного языка и природы,—этотъ настоящій *хлѣбъ* для воспріимчивой молодой головы,—*камнемъ* мертвыхъ языковъ, она не достигла и этой своей затаенной цѣли. Печальныя событія послѣдняго тридцатилѣтія это доказали. Отсутствіе систематическаго знакомства съ природой и исторіей

открыло двери вліянію поверхностныхъ и тенденціозныхъ брошюръ, а русскій языкъ,—великій русскій языкъ — какимъ жалкимъ и бѣднымъ оказывался онъ у питомцевъ этой школы, — про то знаютъ профессора и тѣ, кому пришлось имѣть дѣло съ первыми шагами этихъ классиковъ по службѣ. Я далекъ отъ мысли отрицать значеніе математики и латинскаго языка. Воспитанникъ гимназіи, гдѣ было особенно развито изученіе математики, и студентъ математическаго факультета петербургскаго университета, я признаю, что математика даетъ наилучшій способъ мыслить, тогда какъ латинскій языкъ даетъ умѣнье выражать свою мысль. Но откуда же почерпнуть *содержаніе* своей мысли, какъ не изъ примѣровъ исторіи, картинъ природы и изъ завѣтовъ родного языка? Позвольте, по этому поводу привести слова непререкаемаго авторитета. Вотъ что говоритъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ въ своей «Политикѣ»: «Одинъ классицизмъ не даетъ всесторонняго познанія: восполнить его можетъ только исторія, которая представляя послѣдовательное развитіе человѣчества, указываетъ настоящее мѣсто и значеніе классицизма въ этомъ движеніи. Поэтому исторія должна составлять одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія въ средней школѣ, подготовляющей къ высшему знанію. Другимъ, хотя и второстепеннымъ пособіемъ служитъ изученіе первоклассныхъ произведеній литературы новаго времени. Наконецъ, необходимо и знаніе основныхъ законовъ природы. Здѣсь главное мѣсто занимаютъ тѣ отрасли естественныхъ наукъ, которыя представляютъ строго логическую послѣдовательность мысли, пріучающую юношество къ научному мышленію. Понятно, что такой объемъ преподаванія требуетъ весьма высокихъ условій, но именно въ этомъ отношеніи встрѣчаются значительныя затрудненія какъ со стороны учащихъ, такъ и со стороны учащихся. Недостаточно твердо знать грамматику и вѣрно переводить классиковъ, — надобно проникнуться ихъ духомъ. Иначе классическое преподаваніе обращается въ мертвую рутину, возбуждающую только отвращеніе въ учащихся. Таковъ именно былъ результатъ препринятой у насъ въ семидесятыхъ годахъ классической реформы, гдѣ благородное знамя классицизма служило только прикрытіемъ мер-

твой ругины и бюрократическаго формализма. Зубреніе греческой и латинской грамматикъ выдавалось за самое надежное лѣкарство противъ либеральныхъ идей, которыя думали искоренить отупѣніемъ учениковъ. Въ результатѣ получилось не только не поднятіе классическихъ знаній, но, напротивъ, ихъ упадокъ, а вмѣстѣ и упадокъ всякаго литературнаго образованія, доходящій до неумѣнія выражаться даже на родномъ языкѣ. Какъ учащіеся, такъ и общество равно получили отвращеніе отъ классицизма».

Едва ли послѣ этихъ вѣскихъ словъ служителя «чистой науки» нужны еще какіе-либо доводы о томъ, во что обратилось наше «гуманитарное» среднее образованіе. Но, все-таки, сильно краснорѣчіе цифръ. Вотъ оно: на русскій языкъ уваровская гимназія, по уставу 1824 — 1834 годовъ дѣйствовавшему до 1849 года, удѣляла 34 недѣльныхъ урока, толстовская 1871 года—только 24, современная 1890 года—29; по исторіи уваровская давала 19 недѣльныхъ уроковъ, толстовская — 12, позднѣйшая — 13; по математикѣ, на которую такъ налегаетъ меньшинство, уваровская давала 69 недѣльныхъ уроковъ, толстовская — 37, позднѣйшая — только 29! Вотъ основаніе, по которому я поддерживаю заключеніе большинства нашей Особой Комиссіи безъ всякихъ оговорокъ и исключеній. Предвижу походъ противъ допущенія въ университетъ семинаристовъ. Не говорю уже о томъ, что въ духовныхъ училищахъ, составляющихъ переходъ къ семинаріямъ, на русскій языкъ вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ имѣется 19 недѣльныхъ уроковъ, за которыми слѣдуетъ 12 уроковъ въ семинаріи, — по 20-ти часовъ въ недѣлю посвящается въ тѣхъ и другихъ на латинскій и греческій языки, что такъ соотвѣтствуетъ типу классической гимназіи. Я съ трудомъ могу себѣ представить, чтобы по отношенію къ воспитанникамъ учебнаго заведенія, откуда вышелъ Сперанскій и, на нашихъ глазахъ, Ключевскій, на воротахъ университета могло быть написано: «Входъ воспрещается!».

Наконецъ, намъ говорятъ о желательности не пускать въ университетъ изъ кадетскихъ корпусовъ и коммерческихъ училищъ, какъ бы широка ни была ихъ программа. Я не понимаю взгляда, въ силу котораго можно говорить: побольше офицеровъ,

поменьше людей съ высшимъ образованіемъ! Корпуса, конечно, имѣютъ достаточно способовъ, чтобы пріохотить къ военному дѣлу и удержать въ нѣдрахъ арміи чувствующихъ свое призваніе офицеровъ. Но удерживать воспитанниковъ въ нихъ насильно, путемъ созданія безвыходнаго положенія, — значитъ пополнять армію людьми другого призванія, значитъ, пріобрѣтать горсть неважныхъ офицеровъ и лишать, быть-можетъ, и науку достойныхъ представителей.

Университеты желаютъ оградить отъ наплыва лишнихъ людей, идущихъ не за знаніемъ, а за дипломомъ, съ утилитарными, какъ выражается меньшинство, цѣлями. Да! Положеніе нашихъ университетовъ, особливо въ столицахъ, во многомъ, если вѣрить установившемуся мнѣнію, ненормально. Тысячныя толпы студентовъ не могутъ помѣститься въ аудиторіяхъ, а тѣ, которые помѣстились, задыхаются въ духотѣ и спертомъ воздухѣ; многіе и не заглядываютъ въ университетъ, готовясь къ экзамену по книжкамъ или по предупредительно издаваемымъ конспектамъ изъ книжекъ; нравственная связь студенчества между собою и съ профессорами, составляющая радостное и незабвенное воспоминаніе у студентовъ старыхъ временъ, почти отсутствуетъ, и мысли многихъ, въ чемъ онѣ касаются университета, зачастую витаютъ около представленій объ экзаменаціонной отмѣткѣ, за которою открывается заманчивая перспектива службы и связаннаго съ нею питанія отъ казеннаго пирога. Но не преграждениемъ доступа въ университетъ, не устройствомъ загородокъ, плотинъ и шлюзовъ на пути людей, жаждущихъ высшаго просвѣщенія можно этого достигнуть, а рядомъ разумныхъ мѣръ, о подробностяхъ коихъ здѣсь не время говорить. Противъ искусственной скученности въ немногихъ центрахъ противодѣйствіемъ должно служить открытіе новыхъ университетовъ, о которыхъ многія мѣстности давно уже молятъ правительство. Это разгрузитъ нынѣшніе немногіе университеты, если они дѣйствительно перегружены. Надо уничтожить приманки, не имѣющія ничего общаго съ знаніемъ, устарѣлыя и часто идущія въ разрѣзъ съ условіями современной служебной и общественной жизни. Надо упразднить даваемые университетомъ разныя льготы, чины и т. п. и сказать рѣшительно

и твердо, что университетъ не даетъ никакихъ п р а в ъ, а даетъ лишь возможность считаться человѣкомъ съ высшимъ образованіемъ.

Примѣчаніе.

Взгляды и предложенія, высказанные въ приведенныхъ выше рѣчахъ, были *раздѣлены* Государственнымъ Совѣтомъ по вопросамъ о попечительствахъ о народной трезвости (IV), о снятіи духовнаго сана (III), о народномъ университетѣ Шанявскаго (VII), объ отмѣнѣ обряда преданія суду (XI), объ объясненіи присяжнымъ засѣдателямъ угрожающаго подсудимому наказанія (XIII), объ увеличеніи содержанія судебнымъ чинамъ (XIV), о толкованіи 87 ст. Законовъ Основныхъ (XVII) и о личныхъ правахъ замужнихъ женщинъ (XVI).

Раздѣлены отчасти—по вопросамъ объ уравненіи женщинъ и мужчинъ въ наслѣдственныхъ правахъ (VIII), объ авторскомъ правѣ (IX), и о порядкѣ преслѣдованіи по преступленіямъ должности (XIX).

Не раздѣлены—по вопросамъ о старообрядческихъ общинахъ (I), о переходѣ въ другія исповѣданія (II), о тотализаторѣ (V), объ условномъ досрочномъ освобожденіи (X), о прокурорскихъ заключеніяхъ по гражданскимъ дѣламъ (XII), объ общегосударственныхъ законахъ для Финляндіи (XVI), о допущеніи женщинъ въ адвокатуру (XV) и о допущеніи воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ университетъ (XX).

Главнѣйшія цитаты на латинскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Стр.

21. Bibelots et petits-riens. — бездѣлушки.
26. Madame, mon métier est d'être royaliste. — мое ремесло быть роялистомъ.
— mon métier d'être juge. — мое ремесло быть судьею.
31. pour le gros du public. — для большой публики.
42. la vérité sans phrases. — правда безъ фразъ.
49. l'élimination du superflu. — исключеніе излишняго.
54. L'empereur Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort. — Императоръ Александръ II. Подробности о его личной жизни и смерти.
— M. Laferté—писалъ «un russe du grand monde» — en cherchant à faire sortir la princesse du rôle de silence et d'obscurité qui incombe à sa position actuelle et qui lui aurait valu la faveur de l'oubli, et faisant ainsi l'apologie d'une existence en dehors des voies régulières, n'a-t-il jamais pensé qu'il pourrait évoquer une ombre sainte qui vit et rayonne encore dans tous les coeurs, entourée d'une auréole de pureté et de vertu lumi- — Г-нъ Лаферте—писалъ «русскій, принадлежащій къ большому свѣту»—стараясь побудить княгиню выйти изъ роли молчанія и неизвѣстности, которая соотвѣтствуетъ ея настоящему положенію и которая дала бы ей милость забвенія—и совершая такимъ образомъ апологію существованія внѣ принятыхъ рамокъ, не подумалъ развѣ о томъ, что онъ можетъ вызвать святую тѣнь той, которая еще живетъ и свѣтитъ во всѣхъ сердцахъ, окруженная сіяніемъчистоты и лучезарной добродѣтели, передъ которой

neuse, devant laquelle la princesse devrait se prosterner, en implorant son pardon, le front courbé dans la poussière» (Quelques mots sur la brochure de M. Laferté. Paris 1882).

княгиня должна была бы, поникнувъ челомъ, преклониться до земли, умоляя о прощеніи». (Нѣсколько словъ по поводу брошюры г. Лаферте. Парижъ, 1882).

55. Croyez-vous, comtesse, qu'il est facile de gouverner avec un vieux comme ça?

Думаете ли вы, графиня, что легко управлять со старикомъ такого рода?

— amitié amoureuse.

влюбленная дружба.

61. Noblesse (des sentiments) oblige.

благородство (чувствъ) обязываетъ.

— remuez ciel et terre.

подвигните небо и землю.

70. Miser res sacra!

несчастный—вещь священная!

73. es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu.

это старая исторія, остающаяся, однако, постоянно новой.

82. Wahrheit; Dichtung.

правда; сочиненіе.

— «Auferstehung» въ Deutsches Theater.

«Воскресеніе» въ Нѣмецкомъ Театрѣ.

90. Votre jugement sur «les Eeaux du Printemps» est parfaitement juste; quant à la seconde partie qui n'est ni bien motivée, ni bien nécessaire, je me suis laissé entraîner par des souvenirs.

Ваше сужденіе о «Вешнихъ Водахъ» совершенно правильно; что же касается второй части, которая недостаточно обоснована и не необходима,—я далъ себя увлечь воспоминаніямъ.

92. man soll nicht traurig sein.

не нужно грустить.

— vous êtes admis.

вы приняты.

— concierge.

привратникъ, швейцаръ.

94. «Contes à Ninon»; «Histoire du grand Médéric».

«Сказки для Нины»; «Исторія большого Медерика».

— Caen? pourquoi Caen? direz-vous, mon cher vieux. Que diable veut dire Caen? Ah, voilà! Les dames de la famille Viardot doivent passer quinze jours au bord de la mer soit à Luc, soit à St-Aubin, et l'on m'a envoyé en avant pour tronver quelque chose.

Канъ? почему Канъ? скажете вы, старый другъ. Къ какому чорту Канъ? Ну, вотъ! Дамы семейства Віардо должны провести двѣ недѣли на берегу моря или въ Люкъ или въ С. Обенѣ, и меня послали впередъ, чтобы найти что-нибудь.

95. on traverse une position équivoque, on ne reste pas dédans.

черезъ двусмысленное(фальшивое) положеніе проходятъ, въ немъ не остаются.

96. ad hoc. — нарочно, спеціально, съ опредѣленной цѣлью.

104. il tempo e un galantuomo. — время—порядочный человѣкъ.

112. nolite flere, non est mortuus, sed dormit. — не плачьте: онъ не умеръ, а спитъ.

116. profession de foi. — исповѣданіе вѣры.

123. L'état—c'est moi! — Государство—это я!

124. Calomniez, calomniez—il en restera toujours quelque chose! — Клевещите, клевещите,—отъ этого всегда что-нибудь останется.

146. ohne Hast, ohne Rast. — безъ торопливости, безъ отдыха.

148. für die Träume seiner Jugend achtung zu haben. — имѣть уваженіе къ мечтамъ своей юности.

151. la tristesse fausse d'un prêtre pour qui le cadavre est bienfaisant. — притворная грусть священника, для котораго мертвое тѣло—источникъ дохода.

162. spes est incerta et dubia. — надежда невѣрна и сомнительна.

166. Wer ängstlich abwägt sagt gar nichts. — стоящій боязливо на распутіи ничего не говоритъ.

171. N'est-ce rien pour un noble coeur, pour un esprit élevé, de se sentir haï, tandis qu'il a le droit d'etre aimé comme il sent qu'il le mérite, d'entendre autour de lui les sifflements aigus de la calomnie qui rampe dans l'ombre comme un serpent, sant qu'on puisse la saisir?! — Развѣ ничто для благороднаго сердца, для возвышеннаго ума—чувствовать себя ненавидимымъ, тогда, какъ имѣешь право быть любимымъ и сознавая, что заслуживаешь этого,—слышать вокругъ себя острое шипѣнье клеветы, которая ползаетъ во тьмѣ, какъ змѣя, и ускользаетъ отъ поимки?!

172. man soll Wunden heilen ohne die Narben zu lassen. — надо исцѣлять раны, не оставляя рубцовъ.

180. vires unite agunt. — силы дѣйствуютъ совмѣстно.

187. vita memoriae et testis temporum. — жизнь памяти и свидѣтель временъ.

— lux veritatis. — свѣтъ правды.

196. index librorum prohibitorum. — списокъ запрещенныхъ книгъ.

198. rien ne manque à sa gloire, il manque à la nôtre. — все есть для его славы, его самого не хватаетъ для нашей.

203. «L'homme qui rit». — «Человѣкъ, который смѣется».

203. Il y a quelque chose de plus cruel que la cruauté personnelle—c'est la cruauté froide d'un systéme faux. — Есть нѣчто болѣе жестокое, чѣмъ личная жестокость—это холодная жестокость ложной системы.

211. dont on fait les ministres. изъ которой дѣлаются министры.
214. nicht verloren nur vorangegangen. не потерянъ, а только предшествуетъ.
218. mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre. мой стаканъ не великъ, но я пью изъ моего стакана.
— mon verre est grand et je bois dans mon verre. мой стаканъ великъ, и я пью изъ моего стакана.
223. qu'il y a des juges à Berlin. что есть судьи въ Берлинѣ.
226. sursum corda! имѣть сердце горѣ!
— quand celui qui écoute ne comprend pas et celui qui parle ne se comprend plus— c'est de la métaphysique. когда тотъ, кто слушаетъ, не понимаетъ, и тотъ, кто говоритъ, перестаетъ себя понимать—это называется метафизикой.
234. Inde irae! оттуда гнѣвъ!
239. Tackeray als Photograph. Теккерей какъ фотографъ.
240. ambiente. среда, обстановка, условія.
246. entretenez en vous le noble sentiment du respect—sachez admirer! поддерживайте въ себѣ благородное чувство уваженія—умѣйте восхищаться!
254. Wer für die Besten seiner Zeit gelebt, der hat gelebt für alle Zeiten. Кто жилъ для лучшаго въ свое время, тотъ жилъ для всѣхъ временъ.
260. ein Trinkgeld von Gottesgnaden. «На чай» отъ Божьей милости.
262. in magnis voluisse sat est. достаточно хотѣть.
265. Habent sua fatalibelli. Книги имѣютъ свою судьбу.
278. Mirabile dictu! Удивительно!
278. Dura lex—sed lex! Суровый законъ,—но законъ!
279. ab initio vitiosum. Проченъ съ самаго начала!
285. l'accusation crulait malgré l'habituel appoit du président. Обвиненіе рушилось несмотря на обычную поддержку предсѣдателя.
295. Hurlent de se trouver ensemble. Рычатъ, очутившись рядомъ.
305. Per questa cosa tante ragazze?! Зачѣмъ столько дѣвушекъ?!
306. Frutti di mare. Плоды моря.
— Lacrima Christi spumante. Шипучее мѣстное вино.
— Danse macabre. Пляска смерти.
318. Signore Bella—buffone. Синьоръ Белля—забавникъ.
320. Lanterne. Фонарь (названіе журнала).
321. Apres vous, s'il vous plaît. Пожалуйста—послѣ васъ.
— Vous êtez bien complaisant, M-r vous n'êtes pas francais; Вы очень любезны. Вы не французъ. А,—вы русскій! Ваша ро-

ah! vous êtes russe! votre patrie a un bel avenir!

дина имѣетъ великое будущее!

— Où est-il donc ce fameux Rochefort? C'est moi, monsieur...

Гдѣ же онъ, этотъ знаменитый Рофшоръ? Это я...

325. Great attraction.

Великая приманка.

— blanchisseuse en linge fin.

Прачка для тонкаго бѣлья.

326. Et vous, mon vieux, pourquoi ne chantez vous pas? Je ne connais pas vos chansons. —Vous êtes allemand? Non, je suis russe? Ah! nous avons parmi nous un russe! Salut à la Russie. Ah! votre pays a un grand avenir. Je ne vous dis que ça. Seulement la Pologne, la pauvre Pologne. Enfin-basta—cosichantons!

А вы, старичекъ, отчего не поете?— Я не знаю вашихъ пѣсенъ. Вы нѣмецъ? нѣтъ—русскій. А! въ средѣ насъ есть русскій. Да здравствуетъ Россія! У вашей родины великое будущее, говорю вамъ! Но только Польша, бѣдная Польша! Однако довольно болтать—будемъ пѣть!..

— Avez-vous quelque chose à déclarer?

Имѣете ли, что либо объявить (о вещахъ).

327. Arrêtez, arrêtez! Nous avons nos mirlitons et notre gaîté!

Остановитесь, остановитесь! Съ нами есть наши дудки и наша веселость!

Ah! sacre nom...

Бранное слово.

331. Es ist die höchste Zeit zum einsteigen.

Самая пора садиться!

332. Nous allons à Bruxelles.

Мы ѣдемъ въ Брюссель.

— J'ai manqué le train, revenons demain matin, bien portants.

Я опоздалъ на поѣздъ, пріѣдемъ завтра, здоровы...

343. Les origines de la France contemporaine.

происхожденіе современной Франціи.

346. Je vais vous régaler de bon vieux vin.

Я угощу васъ хорошимъ старымъ виномъ.

— Bonne pour tout faire.

Экономка.

349. Gaudeamus igitur — juvenes Pueri dum sumus.

Радуемся, ибо мы юноши, мальчики.

419. es macht böses Blut.

это портитъ кровь.

— böses Blut machen.

портить кровь, раздражать.

444. etiam si omnes, ego non!

если бы и всѣ, я нѣтъ!

473. qui trop embrasse mal étreint.

кто за многимъ гонится, малаго достигаетъ.

4[illegible]4. «Les évasions célèbres».

«Знаменитые побѣги» (изъ тюремъ).

513. errare humanum est. — человѣку свойственно заблуждаться.
— la décadence latine. — латинскій (т. е. романскихъ народовъ) упадокъ.
520. propter vitam vivendi perdere causas. — потерять смыслъ жизни ради существованія.
531. Was soll ish werden? — чѣмъ мнѣ быть?
541. Palais de Justices. — Дворецъ правосудія.
542. Association artistique et littériare internationale. — Международно артистическое и литературное общество.
— klingt etwas spanisch. — звучить какъ-будто по-испански (въ сущности: кажется неправдоподобнымъ).
543. res sacrosancta. — вещь священная.
545. le littérateur est un délégué intellectuel du peuple. — литераторъ—умственный представитель народа.
— geistliches Eigentum. — собственность человѣческаго духа, т.-е. авторское право.
547. Die Welt als Wille und Vorstellung. — Міръ какъ воля и представленіе.
575. custodia honesta. — не постыдное заключеніе.
576. nemo me impune lacessit. — никто меня не оскорбитъ безнаказанно.
577. le peuple est honnête dans ses goûts sans l'être dans ses moeurs. — народъ честенъ въ своихъ вкусахъ, не будучи таковымъ въ своихъ нравахъ.
580. privilegium odiosum. — ненавистное преимущество.
617. sous bénéfice d'inventaire. — съ правомъ ознакомленія съ инвентаремъ (т. е. съ состояніемъ имущества).
618. roulement. — періодическое перемѣщеніе.
624. Code d'instruction criminelle. — Уставъ уголовнаго судопроизводства.
— culpabilité. — виновность.
— ist der Angeklagte schuldig? — виновенъ ли подсудимый?
650. Jasager und Beischläfer. — поддакиватель и спящій подлѣ.
655. Noblesse de robe. — судебное сословіе.
671. Kinder, Küche, Kleider, Kirche. — Дѣти, кухня платья, церковь.
673. Conseil ces prudhommes. — Совѣтъ свѣдующихъ людей.
674. bureau de consiliation. — отдѣлъ примиренія.
— bureau de jugement. — отдѣлъ разбирательства.

677. esprit mal tourné.	умъ, направленный въ дурную сторону.
681. Winkeladvocaten.	Заугольные адвокаты.
684. C'est ici qu'on désespère de l'humanité.	Здѣсь теряешь вѣру въ людей,— отчаиваешься въ людяхъ.
700. quand même et malgré tout!	хотя бы и не смотря ни на что!
— legalitas regnorum fundamentum.	законность—основа царствъ.
— neminem laedere, suum cuique tribuere.	никого не обижать и каждому воздавать должное.
710. ubi solitudinem faciunt pacem apellant.	обращеніе въ пустыню—называютъ умиротвореніемъ.
714. C'est mon opinion et je le partage.	Это мое мнѣніе и я его раздѣляю.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

Вмѣсто предисловія 7

Изъ записокъ судебнаго дѣятеля.

I. Дѣло Овсяникова 17
II. Изъ казанскихъ воспоминаній 27
III. Изъ харьковскихъ воспоминаній 32
IV. Игуменья Митрофанія 48
V. Дѣло о поддѣлкѣ серій 50
VI. Игорный домъ Колемина 70
VII. Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ 79
VIII. Изъ прокурорской практики 87
IX. Темное дѣло 95
X. Пріемы и задачи обвиненія 100
XI. Изъ прошлаго петроградской прокуратуры 155
XII. Прокуратура и администрація 189
XIII. Судебные слѣдователи 224
XIV. Дѣло Гулакъ-Артемовской 256
XV. Ландсбергъ 266
XVI. Маргарита Жюжанъ 285
XVII. Обвиняемые и свидѣтели 312
XVIII. Свѣдущіе люди и экспертиза 357
XIX. Душевно-больные 493
XX. Гражданскія дѣла 435
XXI. Мировые судьи 490
XXII. Александръ Ивановичъ Урусовъ 536

Стр.
XXIII. А. Л. Боровиковскій и Н. Н. Мясоѣдовъ 560
XXIV. Уніатскія дѣла 572
XXV. Штундисты 600
XXVI. Пасторскія дѣла 632

15p

Duke University Libraries
D04559609